АКАДЕМИК

В. В. БАРТОЛЬД

СОЧИНЕНИЯ

I

Академик

В. В. БАРТОЛЬД

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1963

Академик

В. В. БАРТОЛЬД

I

ТУРКЕСТАН В ЭПОХУ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1963

Сканирование и обработка
Bewerr

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. М. Беленицкий, А. Н. Болдырев, Ю. Э. Брегель, И. Н. Винников, Б. Г. Гафуров (председатель), *А. Н. Кононов* (зам. председателя), *М. Е. Массон, И. П. Петрушевский, А. С. Тверитинова, И. И. Умняков*

Том I подготовил к изданию
И. П. Петрушевский

Редактор издательства
Ю. Э. Брегель

Василий Владимирович Бартольд

СОЧИНЕНИЯ

Том I

ТУРКЕСТАН В ЭПОХУ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ

Утверждено к печати Институтом народов Азии Академии наук СССР

Художник *Б. В. Шварц* Технический редактор *С. В. Цветкова*
Художественный редактор *И. Р. Бескин* Корректоры *Д. Я. Броун* и *Н. Н. Скибневский*

Сдано в набор 22/V 1962 г. Подписано к печати 2/IV 1963 г. А-05016. Формат 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 47,5. Усл. п. л. 65,07. Уч-изд. л. 57,97. Тираж 5400 экз. Зак. 867. Цена 3 р. 50 к.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография Издательства восточной литературы. Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ИЗДАНИЮ «СОЧИНЕНИЙ» АКАДЕМИКА В. В. БАРТОЛЬДА

Сочинения академика Василия Владимировича Бартольда публикуются по постановлению Бюро Отделения исторических наук Академии наук СССР от 21 июня 1960 г.

В. В. Бартольд (1869—1930) — крупнейший историк Востока, создатель русской востоковедной исторической школы. Блестящий талант и необыкновенная эрудиция В. В. Бартольда наряду с исключительной энергией и трудоспособностью позволили ему создать огромное количество научных работ в самых разных областях востоковедения.

Во второй половине XIX века изучение истории так называемого мусульманского мира благодаря трудам В. В. Григорьева, Д. А. Хвольсона, П. И. Лерха, Н. И. Березина, В. Г. Тизенгаузена, Н. И. Веселовского, В. В. Радлова и В. Р. Розена достигло в России серьезных успехов. На основе изучения ряда важных арабских, персидских и тюркских письменных источников и нумизматических материалов появились исследования, знаменовавшие возникновение самостоятельной русской историко-востоковедной школы, которая заняла почетное место в мировом востоковедении. Эти исследования создали также традицию, определившую главное направление творчества В. В. Бартольда: преимущественный интерес к истории Средней Азии.

После включения Средней Азии в состав России интерес к истории ее народов значительно возрос, однако к концу XIX в. исследования в этой области все еще находились в начальной стадии; сравнительно небольшое количество работ, посвященных лишь отдельным вопросам,— вот и все, чем располагала тогда наука. Поэтому в 1891 г. двадцатидвухлетний В. В. Бартольд с полным правом мог писать В. Р. Розену: «Едва ли кто-нибудь сделал попытку рассмотреть хоть часть истории Средней Азии при помощи сравнительного метода, с приложением тех законов исторического развития, которые выработали для

истории Европы. Строго научный курс истории Средней Азии, подобный курсу истории Рима... теперь еще не мыслим...»[1].

В течение двенадцати лет, прошедших с того времени, когда В. В. Бартольд, еще будучи студентом, представил свое первое сочинение по истории Средней Азии (1888 г.), до окончания публикации его классического труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1900 г.), В. В. Бартольдом был заложен фундамент научного изучения истории Средней Азии в раннем средневековье. В дальнейшем он исследовал историю Средней Азии эпохи Тимура и Тимуридов, историческую географию Средней Азии, историю ее экономики и культуры, а также историю отдельных населявших ее народов. В мировой науке трудно найти другого такого ученого, который сделал бы так много для изучения одной страны, по существу создав ее историю, для чего обычно требовалась работа ряда поколений исследователей.

В. В. Бартольд до конца своей жизни, по его собственным словам, оставался «преимущественно историком Средней Азии»[2]. Однако круг его научных интересов был намного шире, охватывая историю всего Ближнего и Среднего Востока и Центральной Азии. В различных областях исследования, с которыми соприкасался В. В. Бартольд, он оставил труды, поражающие мастерством критического анализа источников и зачастую превосходящие все, что было создано его современниками—специалистами в более узких областях востоковедения. История ислама, ранняя история арабского халифата, социальная и культурная история Ирана и его историческая география, история Кавказа и Закавказья, история и этнография тюркских и монгольских народов, мусульманская эпиграфика и нумизматика — вот общий и далеко не полный перечень тем, нашедших глубокую и оригинальную разработку в трудах В. В. Бартольда. Прекрасный знаток арабского, персидского и тюркских языков, В. В. Бартольд использовал в своих работах множество новых письменных источников, которые он, как никто другой, умел находить и анализировать. Два сводных труда и ряд отдельных статей В. В. Бартольд посвятил истории русского и мирового востоковедения.

Научное наследие В. В. Бартольда изучено далеко не достаточно; его вклад в историографию Востока еще не получил всестороннего освещения. Лучшая характеристика В. В. Бартольда как ученого принадлежит его ученику, известному советскому востоковеду А. Ю. Якубовскому:

«Наследие В. В. Бартольда, его многочисленные работы, проникнуто прогрессивными идеями. Он сумел преодолеть отсталые теории

[1] И. Ю. Крачковский, *Русские письма академику В. Р. Розену в Азиатском музее АН СССР*, — ДАН-В, 1929, стр. 231—232.

[2] *Автобиография*, — «Огонек», 1927, № 40.

буржуазной исторической мысли, и в первую очередь расовую теорию, столь широко распространенную среди буржуазных ученых конца XIX и начала XX вв., а также пренебрежительное отношение к народам Востока и их истории...

«В последние годы своей жизни (1917—1930) В. В. Бартольд испытал на себе благотворное влияние марксизма, что и сказалось на прояснении той классовой точки зрения на историю, которую он проводил в ряде своих... работ, и зачатки чего имели место уже в его ранних статьях...

«Однако было бы ненужной и вредной модернизацией утверждать, что В. В. Бартольд в конце жизни стал марксистом. Он не преодолел в себе идеалистической методологии, и это прежде всего сказалось в том, что до конца жизни он так и остался во власти преувеличенного представления о роли культурных влияний.

«Не проходя при истолковании истории мимо внутренних процессов, В. В. Бартольд не имел, однако, четких представлений о роли производительных сил и производственных отношений, в силу чего и не переносил на них главного внимания при объяснении исторических фактов и явлений, а старался понять их как результат влияния более культурного народа на менее культурный. Это безусловно наиболее существенный недостаток его работ... И все же среди историков-востоковедов, бóльшая часть трудов которых была написана до Великой Октябрьской социалистической революции, трудно найти ученого, который, еще не будучи марксистом, так глубоко подходил к изучаемой теме и так приближался в ряде вопросов по своим выводам к марксистским работам, как В. В. Бартольд» [1].

Труды В. В. Бартольда сразу же получили международное признание. Многие ученые за рубежом неоднократно отмечали, что и в настоящее время нет таких историков-востоковедов, которых можно было бы поставить в один ряд с Бартольдом. Выдающийся французский востоковед П. Пельо в некрологе писал: «Как благодаря обширности его познаний, так и благодаря проницательности и тонкости критического ума труды Бартольда исключительны по своей фундаментальности и разнообразию. Никто не может сейчас занять место, оставленное этим великим ученым. И, быть может, стоит напомнить, что по честности, беспристрастию и мужеству человек в нем был на той же высоте, что и ученый» [2].

Работы В. В. Бартольда переводились на английский, немецкий, французский, турецкий, персидский, арабский, узбекский, киргизский и

[1] А. Ю. Якубовский, *Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда*, — ВЛУ, 1947, № 12, стр. 78—79.

[2] P. Pelliot. *W. Barthold*, — «T'oung Pao», t. XXVII, 1930, p. 459.

татарский языки. Многие из этих переводов были опубликованы еще при его жизни: за последние годы переизданы некоторые старые переводы и вышел ряд новых [1].

Подавляющее большинство работ В. В. Бартольда и в наше время столь же необходимо науке, как и в год их выхода в свет. Его сочинения стали незаменимыми пособиями для исследователей, настольными книгами, к которым должен обращаться всякий, кто изучает историю средневекового — да и не только средневекового — Ближнего Востока, и в особенности Средней Азии. Потребность в переиздании основных трудов В. В. Бартольда в нашей стране тем более настоятельна, что его работы, выходившие незначительными тиражами, а также рассеянные по различным малодоступным периодическим изданиям, по большей части еще при его жизни стали библиографической редкостью; некоторые из них опубликованы были только на иностранных языках. Многих изданий нельзя найти даже в крупнейших библиотеках, что делает работы В. В. Бартольда практически недоступными для более или менее широкого круга читателей.

Уже в середине 30-х годов Институтом востоковедения был поставлен вопрос о переиздании трудов В. В. Бартольда, и в первую очередь об издании работ, не опубликованных при его жизни [2]. Этим проектам не было суждено осуществиться из-за начавшейся войны. В 1943 г. А. Н. Бернштам переиздал во Фрунзе две монографии Бартольда, посвященные истории Киргизии: «Очерк истории Семиречья» и «Киргизы. Исторический очерк». Эти издания были положительно оценены акад. И. Ю. Крачковским, который вновь выдвинул проект постепенного переиздания всех основных работ В. В. Бартольда [3]. В дальнейшем на проходивших в СССР конференциях востоковедов, а также историков, археологов и этнографов Средней Азии неоднократно высказывалось пожелание о скорейшей публикации трудов В. В. Бартольда. Предпринимаемое сейчас издание сочинений В. В. Бартольда должно решить эту важную и актуальную задачу.

---

[1] Только за последние несколько лет в Англии вышло пять крупных работ Бартольда (в переводе В. Ф. Минорского и Т. А. Минорской) и переиздан английский перевод «Туркестана в эпоху монгольского нашествия»; во Франции изданы переводы «12 лекций по истории тюрок Средней Азии» и «Истории изучения Востока в Европе и в России»; после 1945 г. ряд статей опубликован в переводе на турецкий, персидский и немецкий языки.

[2] Проект издания был подан в 1938 г. арабистом С. Л. Волиным от имени Среднеазиатского кабинета Института востоковедения АН СССР.

[3] И. Ю. Крачковский, *К переизданию трудов В. В. Бартольда,*— «Исторический журнал», 1944, № 1, стр. 95—98 (см. также И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М—Л., 1958, стр. 428—434).

* *
*

В. В. Бартольд за 42 года своей научной деятельности опубликовал свыше 400 научных работ — монографий, статей, рецензий и заметок; кроме того, им написано 246 статей в «Энциклопедии ислама», в совокупности составляющих своего рода энциклопедию истории и исторической географии Средней Азии, а отчасти и сопредельных стран. В настоящее издание войдут все труды В. В. Бартольда, сохранившие свое научное значение[1],— около 300 монографий, статей и рецензий, а также статьи из «Энциклопедии ислама». Работы сгруппированы в тома по тематическому признаку.

Том I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.

Том II, часть 1 (выходит отдельной книгой). Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы.

Том II, часть 2 (выходит отдельной книгой). Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии.

Том III. Работы по исторической географии.

Том IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии Средней Азии и сопредельных стран.

Том V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. Работы по истории Центральной Азии и Дальнего Востока.

Том VI. Работы по истории ислама и арабского халифата.

Том VII. Работы по истории и филологии Ирана и Афганистана.

Том VIII. Работы по источниковедению.

Том IX. Работы по истории востоковедения.

Внутри каждого раздела (или каждого тома, если он состоит из одного раздела) материал располагается в хронологическом порядке; в особый раздел в каждом томе (кроме первого и девятого) выделяются соответствующие по тематике статьи из «Энциклопедии ислама».

Некоторые работы помещены в тот или иной том в значительной степени условно; это объясняется главным образом тем, что многие работы В. В. Бартольда охватывают ряд вопросов или касаются разных областей востоковедения и не могут быть целиком и полностью отнесены к одному из тематических разделов, установленных для данного издания. Так, например, известная статья «К истории Мерва»,

---

[1] Исключение составляют: выполненный В. В. Бартольдом перевод эпоса «Деде Коркут», который издан в 1962 г. в серии «Литературные памятники» в Издательстве АН СССР, а также подготовленные В. В. Бартольдом и хранящиеся в его архиве тексты сочинения Махмуда Чураса по истории Кашгарии и сочинения Мунииса по истории Хивинского ханства (*Фирдаус ал-икбал*); последние два труда также предполагается издать особо.

в которой анализируются важные термины, употреблявшиеся в арабской географической литературе, а также уточняется топография средневекового Мерва, может быть с равным правом включена и в том IV (археология), и в том II, часть 2 (отдельные проблемы истории Средней Азии), а пожалуй, и в том III (историческая география). Статью «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче» можно поместить как в том IV (эпиграфика), так и в том VII (история и филология Ирана и Афганистана) и т. п. Некоторые работы могли быть включены как в том II (история Средней Азии), так и в том V (история тюркских и монгольских народов); в особенности это касается ряда статей из «Энциклопедии ислама». Две большие работы — «Мусульманский мир» и «Культура мусульманства» — являются в сущности введением в изучение истории всего мусульманского мира и гораздо шире основной тематики тома VI (история ислама и арабского халифата), в котором они будут помещены.

Во всех этих случаях редакционная коллегия, помещая работу в тот или иной том, обычно принимала во внимание, что́ именно в содержании этой работы в настоящее время наиболее существенно. Читатель всегда должен иметь в виду эту условность в распределении материала между томами; наиболее важные случаи будут оговорены особо в предисловиях к соответствующим томам.

Все изданные работы В. В. Бартольда печатаются по последнему прижизненному изданию; те из них, которые были опубликованы на иностранных языках, печатаются только в русском переводе, сделанном специально для издания «Сочинений». В тексте В. В. Бартольда не делается никаких изменений или сокращений; были исправлены лишь явные опечатки и проведена унификация транскрипции имен, терминов и географических названий (об этом см. ниже), а также унификация библиографического аппарата. При издании работ, переводы которых на другие языки были опубликованы при жизни В. В. Бартольда и с его участием, принимаются во внимание изменения, внесенные в перевод по сравнению с русским изданием.

Почти все работы В. В. Бартольда были изданы при его жизни; несколько статей, извлеченных из его архива[1], были в разное время опубликованы уже после его смерти. В настоящее издание войдут также все те из неизданных работ (число их невелико), которые были закончены и подготовлены к печати самим автором и сохраняют свое научное значение.

Публикуемые работы В. В. Бартольда снабжены примечаниями составителей и редакторов; основная цель этих примечаний — указать

[1] Архив В. В. Бартольда хранится в Архиве АН СССР (в Ленинграде) — фонд 68.

более поздние исследования или материалы по рассматриваемой проблеме, причем лишь те работы, которые внесли что-либо существенно новое в освещение вопроса. В некоторых случаях в примечаниях содержатся также наиболее важные фактические поправки к материалам или выводам В. В. Бартольда.

Важнейшей частью подготовки издания «Сочинений» была унификация библиографического аппарата. В большинстве работ В. В. Бартольда не было единства в оформлении ссылок. Для издания «Сочинений» принята, насколько возможно, единая система ссылок и условных сокращений; при этом многие библиографические сноски заново проверены, а «глухие» ссылки заменены точными (если только источник мог быть установлен). Библиографический аппарат расширен за счет дополнительных ссылок на новые издания источников. Все дополнения и новые примечания составителей и редакторов заключены в угловые скобки. Так же выделяются замечания и дополнения, заимствованные из опубликованных переводов работ В. В. Бартольда на другие языки и принадлежащие переводчикам (что всегда особо оговаривается).

Каждый том «Сочинений» снабжен пятью указателями: имен, географических названий, этнических названий, терминов, названий сочинений. Кроме того, в последнем, девятом томе предполагается поместить сводные указатели ко всем томам. В отдельном конверте будут приложены карты, которые в настоящее время готовятся к изданию.

При решении вопроса о транскрипции редакционная коллегия исходила из общих принципов, положенных в основу издания: сохранить текст В. В. Бартольда по возможности неприкосновенным. Как известно, В. В. Бартольд в своих работах, выходивших на русском языке, до конца жизни придерживался упрощенной транскрипции, не употребляя дополнительных транскрипционных значков для обозначения звуков или букв, не имеющих соответствия в русском языке. В этом несомненно видна определенная принципиальная позиция ученого, достаточно хорошо знакомого и с иными системами транскрипции, принятыми уже в то время в востоковедной литературе (в частности, с той, которая была проведена в «Энциклопедии ислама» и разработана применительно к русской графике И. Ю. Крачковским). Ввиду этого редакционной коллегией было решено при издании «Сочинений» В. В. Бартольда сохранить ту транскрипцию, которой пользовался он сам в работах, опубликованных на русском языке.

Необходимо было, однако, унифицировать написание одних и тех же имен и терминов в пределах всего издания, так как сам В. В. Бартольд иногда одинаковые имена передавал по-разному в различных работах (что, впрочем, наблюдается не часто). Редакционная коллегия обычно принимала ту транскрипцию, которая применена в более позд-

них работах, но это делалось лишь тогда, когда в измененной транскрипции можно было усмотреть исправление принципиального характера, а не случайный разнобой. Отдельные поправки, внесенные редакционной коллегией с целью унификации транскрипции, как правило, специально не будут оговариваться. Помимо общей унификации транскрипции, редакционной коллегией были также произведены некоторые несущественные изменения в написании мусульманских имен, касающиеся главным образом употребления дефисов и прописных букв.

В транскрибировании древних и средневековых географических названий редакционная коллегия исходила из тех же принципов, что и при передаче личных имен и терминов, сохраняя написания В. В. Бартольда и изменяя их только в тех случаях, когда они были изменены самим В. В. Бартольдом в более поздних работах. Географические названия, существующие и в настоящее время, передаются, как правило, в соответствии с транскрипцией, принятой на современных советских картах.

Редакционной коллегии пришлось отступить от принципа сохранения транскрипции В. В. Бартольда при передаче арабских и персидских названий сочинений, а также некоторых арабских и персидских слов, терминов и средневековых географических названий, приводимых В. В. Бартольдом в русской транскрипции. Читателю в подобных случаях зачастую необходимо дать представление о том, как эти термины и названия пишутся арабским алфавитом, что можно сделать, только применяя общепринятую систему транслитерации. Редакционная коллегия сочла себя вправе использовать эту систему для терминов и названий сочинений еще и потому, что сам В. В. Бартольд в некоторых из своих поздних работ применял ее тогда, когда он хотел указать точное написание того или иного слова в источнике [1]. В указателях во всех случаях дается (в скобках) точная транскрипция всех арабских и персидских терминов, а также некоторых географических названий.

Некоторые уточнения внесены в транскрипцию китайских имен и названий, в соответствии с принятой в русском китаеведении так назы-

---

[1] Знаки арабского алфавита передаются следующим образом:

ء '	چ ч	ز	ط ṭ	ک к	ه х	ی‖ای й	ـِـی ий	
ب б	ح ḥ	ژ ж	ظ ẓ	گ г	ی й	و‖او ū	ج джж	
پ п	خ ḫ	س с	ع ʿ	ل л	ـَـ а	ـَـْی ай		
ت т	د д	ش ш	غ ġ	م м	ـِـ и	ـَـُو ау		
ث ç	ذ з	ص ç	ف ф	ن н	ـُـ у	ـَـّو авв		
ج дж	ر р	ض д‖ẓ	ق ḳ	و в	آ‖ا´	ـُـّو увв		

В арабских и персидских именах и других словах, в которых сохраняется упро-

ваемой «палладиевской» транскрипцией, которой в общем следовал и В. В. Бартольд. Однако, не будучи синологом, В. В. Бартольд не всегда точно переводил на русскую транскрипцию китайские имена и названия, упоминаемые в работах западноевропейских авторов; кроме того, во многих случаях В. В. Бартольд пользовался работами старых русских китаеведов, дававших свою транскрипцию, отличную от палладиевской.

Транскрипция имен, терминов и географических названий в работах, которые публикуются в переводе с других языков (немецкого и английского), приведена в соответствие с транскрипцией этих слов в остальных работах [1].

* *
*

При подготовке издания «Сочинений» В. В. Бартольда редакционная коллегия широко использовала «Аннотированную библиографию работ академика В. В. Бартольда», составленную его учеником проф. И. И. Умняковым. Библиография охватывает все опубликованные работы В. В. Бартольда, в том числе переводы на другие языки, а также содержит исчерпывающие сведения о появившихся в печати рецензиях на эти работы и включает список статей о Бартольде и его трудах. Эта ценнейшая библиография была подготовлена к печати в Ленинграде в начале 1941 г., однако издание было прервано войной, и с тех пор, к сожалению, книга не могла увидеть свет [2].

Проф. И. И. Умняков предоставил редакционной коллегии корректурный экземпляр библиографии, что значительно облегчило разработку проспекта настоящего издания. «Аннотированная библиография» И. И. Умнякова оказала также неоценимую помощь при составлении примечаний к отдельным работам.

щенная транскрипция В. В. Бартольда; буква *'айн* (ع) передается только в середине и конце слова. Конечное *ā* (ا) в словах иранского происхождения передается везде как *е* (напр., *бенде, заде, наме*); у В. В. Бартольда обычно было *намэ, задэ* и т. п.

[1] В работах В. В. Бартольда, публиковавшихся на иностранных языках (напр., в серии памяти Э. Дж. В. Гибба и в «Энциклопедии ислама»), проведена транскрипция, которая была обязательна для этих изданий; она, конечно, не отражает точки зрения самого автора, достаточно последовательно выявляющейся в работах, написанных на русском языке.

[2] В настоящее время эта библиография готовится к изданию.

АКАДЕМИК В. В. БАРТОЛЬД

(биографическая справка) [1]

Василий Владимирович Бартольд родился в С.-Петербурге 3(15) ноября 1869 г. в семье обрусевших немцев; предки отца происходили из Прибалтики; прадед матери, лютеранский пастор, переселился в Россию из Гамбурга; отец В. В. Бартольда был биржевым маклером. В. В. Бартольд отметил в своей «Автобиографии» [2], что состояние отца впоследствии не сохранилось у его сыновей и что после Великой Октябрьской революции 1917 г. «никто из детей отца не сделался эмигрантом». Но в детские и юношеские годы материальный достаток семьи дал возможность В. В. Бартольду получить разностороннее гуманитарное образование, в частности хорошо изучить древние классические и основные западноевропейские языки, а затем избрать для себя специальность, к которой его влекло со школьной скамьи,— историю. В 1887 г. В. В. Бартольд окончил 8-ю С.-Петербургскую гимназию с золотой медалью. После некоторых колебаний в выборе между историей античной древности и историей стран Ближнего и Среднего Востока В. В. Бартольд решил посвятить себя последней и осенью того же 1887 г. поступил на факультет восточных языков С.-Петербургского университета по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду.

В студенческие годы В. В. Бартольд глубоко изучил языки арабский, персидский и турецкий, но больше всего его увлекала средне-

---

[1] См.: В. В. Бартольд, *Автобиография,* — журн. «Огонек», 1927, № 40; *Бартольд В. В.,* — «Материалы для биографического словаря действительных членов Академии Наук», ч. I, Пг., 1915, стр. 19—24; И. Крачковский, *Памяти В. В. Бартольда,* — «Красная газета», Л., № 197 (2555), 21.VIII.1930 (вечерний выпуск); Н. Я. Марр, *Василий Владимирович Бартольд,* — «Сообщения ГАИМК», 1931, № 1, стр. 8—12; И. И. Умняков, *В. В. Бартольд. По поводу 30-летия профессорской деятельности,* — «Бюлл. САГУ», № 14, Ташкент, 1926, стр. 175—206; M. Dostojevskij, *W. Barthold zum Gedächtnis. Versuch einer Charakteristik,* — WI, Bd XII, H. 3, 1931, S. 89—136; P. Pelliot, *W. Barthold,* — «T'oung Pao», t. XXVII, 1930, pp. 458—459. Другие работы о В. В. Бартольде см. в печатающейся «Аннотированной библиографии трудов академика В. В. Бартольда» И. И. Умнякова (разд. VII).

[2] «Огонек», 1927, № 40 (далее: Бартольд, *Автобиография).*

вековая история стран Ближнего и Среднего Востока. Этой отрасли востоковедения в то время было отведено на факультете по сравнению с филологией третьестепенное место. Как заметил позднее В. В. Бартольд, на факультете «история Востока была представлена только одним преподавателем, проф. Веселовским, читавшим в качестве общего курса историю европейских путешествий по Востоку и, кроме того, несколько курсов по истории Средней Азии»[1]. Занимавший кафедру истории Востока проф. Н. И. Веселовский (1848—1918) предоставил В. В. Бартольду полную свободу в выборе круга занятий. Настоящим научным руководителем В. В. Бартольда был Виктор Романович Розен (1849—1908), выдающийся многогранный ученый[2]. Будучи горячим русским патриотом (несмотря на французское происхождение своих предков), В. Р. Розен верил в большое будущее русской востоковедной науки[3] и страстно отдавался делу воспитания молодых востоковедов[4]. В. В. Бартольд, по его собственным словам, «в своих университетских занятиях, подобно другим молодым востоковедам того времени, находился больше под руководством профессора-арабиста барона Розена. Талантливый и энергичный, он привлекал к себе начинающих востоковедов»[5]. В университете В. В. Бартольд сблизился также с тюркологом П. М. Мелиоранским (1868—1906) и, насколько было возможно при различии возраста и положения, с тюркологом акад. В. В. Радловым (1837—1918)[6].

Уже в университете В. В. Бартольд занимался научно-исследовательской работой. В 1889 г. В. В. Бартольд был удостоен факультетом серебряной медали за сочинение «О христианстве в Средней Азии»[7]. Окончив университет в 1891 г., В. В. Бартольд по совету В. Р. Розена для повышения квалификации совершил в 1891—1892 гг. за свой счет поездку за границу, посетив Финляндию, Германию, Швейцарию, Северную Италию, Австрию, Венгрию и Краков[8]. В университете в Галле

[1] *Автобиография.*

[2] См. сб. «Памяти академика В. Р. Розена», под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1947 (особенно статью А. Ю. Якубовского «В. Р. Розен как историк»).

[3] В. Р. Розен, в частности, был одним из инициаторов созыва III Международного конгресса востоковедов в С.-Петербурге в 1876 г.

[4] Желая поднять международное значение русского востоковедения, В. Р. Розен требовал от своих учеников, чтобы они издавали свои труды на русском языке, вопреки господствовавшему тогда в Западной Европе предвзятому мнению, что «книги, написанные по-русски, не читаются» («Rossica non leguntur»).

[5] *Автобиография.*

[6] Там же.

[7] Издано в 1893 г. (ЗВОРАО, т. VIII) под заглавием «О христианстве в Туркестане в до-монгольский период». Однако первой печатной работой В. В. Бартольда была статья «Низанец Иссл» (ЗВОРАО, т. VI, 1892).

[8] Краков в то время находился на территории Австро-Венгрии.

он слушал лекции исламоведа Августа Мюллера (1848—1892), о котором впоследствии вспоминал тепло, как об одном из своих учителей, а в Страсбургском университете — лекции знаменитого арабиста Теодора Нёльдеке (1836—1930) [1]. Вернувшись на родину, В. В. Бартольд был оставлен при С.-Петербургском университете «для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории Востока» (1892 г.). В 1893 г. он выдержал испытание на ученую степень магистра [2]. В 1896 г., получив звание приват-доцента, он приступил к чтению лекций в С.-Петербургском университете [3]; некоторые из читанных им курсов лекций потом были изданы. В 1897—1901 гг. В. В. Бартольд был также хранителем минц-кабинета при С.-Петербургском университете.

Девяностые годы XIX в. для В. В. Бартольда явились годами поистине гигантской работы над множеством первоисточников, в большинстве неизданных, на базе изучения которых он в те же годы создал свой основной капитальный труд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [4]. Труд этот осенью 1900 г. он представил факультету восточных языков как диссертацию на соискание ученой степени магистра; однако после защиты диссертации В. В. Бартольд был удостоен университетом высшей степени — доктора истории Востока [5].

С 1901 г. В. В. Бартольд — экстраординарный профессор, с 1906 г.— ординарный профессор С.-Петербургского университета. С 1906 по 1910 г. он был секретарем факультета восточных языков. В 1910 г. его избрали членом-корреспондентом Академии наук, а в 1913 г. (12 октября) — академиком. С 1905 по 1912 г. он был секретарем Восточного отделения Русского археологического общества, с 1908 по 1912 г.— редактором «Записок Восточного отделения Русского археологического общества» (ЗВОРАО) [6]. В. В. Бартольд сотрудничал также в Русском географическом обществе, в частности был редактором изданного Обществом перевода И. П. Минаева «Путешествия» Марко Поло [7]. В 1912 г.

[1] Т. Нёльдеке был, между прочим, членом нашей Академии наук (с 1885 г.— членом-корреспондентом, с 1927 г.— почетным академиком).

[2] Тогдашний институт «оставленных при университете для подготовки к профессорскому званию» приблизительно соответствовал нынешней аспирантуре, а магистерский экзамен — кандидатским экзаменам (по специальности).

[3] Пробная лекция была прочитана на тему «Образование империи Чингиз-хана» (издана в 1896 г., ЗВОРАО, т. X).

[4] Издан в С.-Петербурге в 1898—1900 гг. (ч. I — Тексты, ч. II — Исследование).

[5] См. об этом подробнее в предисловии к настоящему тому.

[6] Непериодическое издание, выходило в 1886—1921 гг.; главный научный орган русских востоковедов; создателем и руководителем его был В. Р. Розен (до кончины в 1908 г.).

[7] Вышло в С.-Петербурге в 1902 г. (см. Библиографию в конце настоящего тома, разд. 1, Б).

он стал одним из инициаторов создания и редактором научного журнала по исламоведению «Мир ислама»[1]. После выхода первого тома В. В. Бартольд резко отклонил требование министра внутренних дел Макарова — превратить журнал из чисто научного, объективного органа в рупор национально-колониальной политики царизма — и был отстранен от редактирования. В. В. Бартольд был одним из двух секретарей созданного в 1903 г. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии; все протоколы комитета за все время его существования, по словам В. В. Бартольда, составлялись им одним[2].

Научные поездки в Среднюю Азию для занятий в рукописных хранилищах или для проведения археологических работ совершались В. В. Бартольдом неоднократно; так, В. В. Бартольд ездил в Среднюю Азию от С.-Петербургского университета и Академии наук в 1893—1894 гг., от С.-Петербургского университета в 1902 г., от Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, с целью раскопок в Самарканде, в 1904 г.[3], а также в 1916 г. «Из всех моих поездок в Среднюю Азию,— писал В. В. Бартольд,— самой успешной была поездка 1902 г., когда передо мною не было других задач, кроме ознакомления с рукописными памятниками. В области истории Востока, вследствие обилия никем еще не использованного материала, при чтении рукописей часто испытываешь такое же наслаждение пионера, открывающего новый мир, как при производстве раскопок на месте старых городов»[4]. В. В. Бартольд бывал также в научных командировках на Кавказе — в 1900 и 1908 гг. (Ани). В. В. Бартольд часто ездил за границу: в 1895 г. (Париж, Лондон, Оксфорд, Голландия), 1898 г. (Германия), 1905 г. (Германия, Австрия, Тироль, Швейцария), 1906 г. (Австрия, Сербия, Болгария, Турция, Египет), 1908—1909 гг. (Италия до Неаполя, Будапешт), 1909 г. (Финляндия), 1911 г. (Ирландия, Сев. Америка, Германия, Франция), 1912 г. (Вена, Тюбинген, Гамбург, Любек), 1913 г. (Швеция и Норвегия), 1914 г. (Швеция, Дания, Англия, Гибралтар, Тулон, Италия, Греция, Болгария, Румыния).

В. В. Бартольд отличался громадной работоспособностью. Занятый преподаванием, сотрудничая в научных обществах и журналах, он, однако, главным считал исследовательскую работу[5]. Бартольд занимался историей Ирана, стран Закавказья, арабских стран, тюркских

[1] Из создание Общества востоковедения.

[2] См. В. В. Бартольд, *Воспоминания о С. М. Дудине,*— «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. IX, 1930, стр. 350, прим. 1.

[3] По словам В. В. Бартольда, он принял участие в раскопках «не без влияния Радлова» (*Автобиография*).

[4] *Автобиография.*

[5] Там же.

народов, монголов, исламоведением, но больше всего им сделано в области истории Средней Азии. В. В. Бартольд продолжал традицию изучения истории Средней Азии, начатую его предшественниками — В. В. Григорьевым и Н. И. Веселовским. В Средней Азии В. В. Бартольд проводил обширную научно-общественную деятельность, поддерживая связь с краеведами, участвуя в работе Туркестанского кружка любителей археологии (1895—1917 гг.)[1], сотрудничая в «Туркестанских ведомостях», «Окраине», «Русском Туркестане» и других местных органах. Научно-исследовательская деятельность В. В. Бартольда развивалась очень интенсивно[2]. Ведущее положение В. В. Бартольда в востоковедной медиевистике получило признание у нас и за рубежом уже во втором десятилетии XX в.

После Великой Октябрьской социалистической революции научно-общественная и научно-организационная деятельность В. В. Бартольда очень расширилась. Он был постоянным председателем Коллегии востоковедов Академии наук, принимал участие в подготовительных работах по учреждению Среднеазиатского гос. университета (САГУ) в Ташкенте, был руководителем кружка им. В. В. Радлова, объединявшего всех востоковедов (с 1918 г.), а затем руководителем Тюркологического кабинета (1928—1930 гг.), товарищем председателя Гос. Академии истории материальной культуры (ГАИМК), редактором научного журнала «Иран»[3] и других изданий Академии наук. В. В. Бартольд выполнял многие поручения Советского правительства по созданию кафедр истории Востока, научных библиотек, рукописных хранилищ и музеев в республиках Советского Востока. В 20-х годах В. В. Бартольд продолжал также преподавательскую деятельность во вновь созданном Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ) и в других высших учебных заведениях Ленинграда. В. В. Бартольд предпринимал научные поездки в Среднюю Азию в 1920, 1927 и 1928 гг. Он выезжал по приглашению местных организаций для чтения лекций в университетах Москвы, Баку (1924 г.)[4], Ташкента (1925 и 1927 гг.); в 1925 г. В. В. Бартольд посетил Ташкент, Самарканд, Бухару и Шахрисябз, в 1927 г.— Ташкент, Бухару и Хиву. В марте 1926 г. В. В. Бартольд участвовал в работе I Всесоюзного тюркологического съезда в Баку. В 1926 г. в Ташкенте было отмечено

[1] См. Б. В. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.)*, Ташкент, 1958.

[2] До 1913 г. было опубликовано свыше 150 работ В. В. Бартольда, не считая статей в энциклопедиях.

[3] Вышло из печати три тома (Л., 1927—1929).

[4] Курс лекций «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира», прочитанный в Азербайджанском гос. университете (Баку) в 1924 г., издан в Баку в 1925 г.

25-летие защиты им докторской диссертации [1] и 30-летие его преподавательской деятельности (1896—1926) и была сделана попытка подвести итоги научного творчества В. В. Бартольда за это время [2].

После революции В. В. Бартольд бывал также за границей: в 1917 г. (Финляндия), в 1922—1923 гг. (Финляндия, Оксфорд, Лондон, Бельгия, Голландия, Германия). В 1923 г. В. В. Бартольд участвовал как делегат Российской Академии наук в работе Международного конгресса историков в Брюсселе. В Лондоне он читал в King's College лекции по истории тюрок и монголов; тогда же В. В. Бартольд совместно с Х. А. Р. Гиббом подготовлял английское издание своего капитального труда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [3]. В 1926 г. он выезжал в Турцию по приглашению турецкого правительства для чтения лекций в Стамбуле [4], в 1929 г. — в Германию (Берлин, Гамбург, Геттинген).

После Великой Октябрьской социалистической революции В. В. Бартольд не менее интенсивно занимался исследовательской работой. Помимо капитальных научных трудов [5], В. В. Бартольд опубликовал также ряд научно-популярных: «Ислам», «Культура мусульманства» (оба — 1918), «История Туркестана» (1922) [6], «История культурной жизни Туркестана» (1927), а также очерки по истории таджиков (1925), киргизов (1927) [7], туркмен (1929), открывшие новый этап в изучении истории этих народов, тогда еще почти не разработанной. О научно-популярных работах В. В. Бартольда акад. И. Ю. Крачковский писал: «Являясь популярными по установке, они много давали и для специалиста, так как не только суммировали достигнутые наукой выводы, но знакомили и с важными результатами, добытыми в... исследованиях самого автора» [8]. Всего за период 1892—1930 гг. вышло из

[1] В связи с 25-летием защиты В. В. Бартольдом докторской диссертации был издан сборник статей под арабским заглавием «'Икд ал-джуман» («Жемчужное ожерелье») с подзаголовком «В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели» (Ташкент, 1927).

[2] Имеем в виду упомянутую статью И. И. Умнякова в «Бюллетене САГУ», 1926, № 14 (см. Библиографию), опубликованную в связи с 30-летием профессорской деятельности В. В. Бартольда.

[3] Вышло из печати в 1928 г.

[4] Лекции В. В. Бартольда по истории тюркских народов Средней Азии, читанные в Стамбульском университете, изданы на турецком языке в 1927 г., а затем на немецком языке в 1935 г.; в 1945 г. вышел французский перевод («adaptation»).

[5] Среди них особо отметим «Улугбек и его время» (Пг., 1918) и «Мир-Али-Шир и политическая жизнь» (в сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928).

[6] Курс лекций, читанный в САГУ (в Ташкенте) в 1920 г.

[7] Второе издание вышло в 1943 г.

[8] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950, стр. 224—225.

печати свыше 400 научных работ В. В. Бартольда; несколько работ его было издано посмертно[1]. Многие из его трудов были переведены на иностранные языки (в частности, на турецкий, персидский и арабский) и изданы за границей. В. В. Бартольд был также плодовитым сотрудником «Энциклопедии ислама», поместив в ней 246 статей.

Последние годы жизни В. В. Бартольда омрачились внезапной кончиной его любимой жены Марии Алексеевны[2] в мае 1928 г. Личная жизнь В. В. Бартольда была неразрывно связана с нею (детей у них не было). Он ненадолго пережил жену. В. В. Бартольд скончался (от болезни почек) в санатории близ Ленинграда 19 августа 1930 г., на шестьдесят первом году жизни; он погребен на Смоленском кладбище Ленинграда, в одной могиле с женой.

Акад. Н. Я. Марр, выступая на заседании Академии наук СССР, посвященном памяти В. В. Бартольда, говорил о нем: «Человек стойких, прочных привязанностей в отвлеченной науке, так же как в повседневной жизни и семейной. Добродушнейшего Василия Владимировича боялись как огня: искренность поддержит без лишнего слова и в противнике; фальши никому не спустит, будь он родной брат... В лицемерных условностях общежития в старом быту Василий Владимирович был труден, отнюдь не приятен, общественно одинок, без круга друзей. К нему тянулись, наоборот, с далекой периферии»[3]. К В. В. Бартольду постоянно тянулась молодежь, ученики, местные краеведы и научные работники, строители молодых научных учреждений в республиках Советского Востока. К ним всем Василий Владимирович всегда был внимателен и отзывчив и неизменно готов щедро поделиться своими обширнейшими знаниями и научным опытом. Внешне суровый и в то же время обаятельный, строго принципиальный и требовательный и вместе с тем благожелательный и заботливый по отношению к ученикам, всегда глубоко искренний, независимый и прямой, он не выносил никакой несправедливости, как и лести, карьеризма и лицемерия, столь распространенных в дореволюционной академической среде. В своих университетских лекциях Василий Владимирович совсем не заботился о приемах ораторского искусства. Он говорил предельно просто, словно беседовал с аудиторией. Зато его оригинальные курсы лекций отличались тщательной методической подготовкой, тонким ана-

[1] См. Библиографию в конце настоящего тома.

[2] Мария Алексеевна, урожденная Жуковская, была младшей сестрой известного русского иранист проф. Валентина Алексеевича Жуковского (1858—1918). Другая сестра В. А. Жуковского, Александра Алексеевна, была женой акад. Николая Яковлевича Марра (1864—1934) и матерью советского иранист проф. Юрия Николаевича Марра (1892—1935); А. А. Марр скончалась в 1939 г.

[3] «Сообщения ГАИМК», 1931, № 1, стр. 8.

лизом, обилием извлеченного из источников материала и резкой критикой устаревших мнений. Таков был облик этого замечательного человека и ученого, принесшего в дар своей стране и советской науке столь богатое творческое наследие [1].

[1] Для данной биографической справки составитель ее, помимо цитированной выше литературы о В. В. Бартольде, использовал также написанный рукой В. В. Бартольда полный перечень его научных командировок и поездок (до 1925 г.), любезно указанный нам проф. А. Л. Троицкой. Некоторые детали биографии В. В. Бартольда сообщены проф. В. А. Крачковской, членом-корр. АН СССР проф. А. Н. Кононовым, проф. И. И. Зарубиным, проф. В. Ф. Минорским, проф. И. И. Умняковым и Г. В. Шитовым (последним аспирантом В. В. Бартольда). Всем названным лицам составитель приносит глубокую благодарность.

И. Петрушевский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Классический труд великого русского и советского историка-медиевиста В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»[1] бесспорно является ценнейшим вкладом в историографию восточного средневековья. Часть I этого труда — «Тексты», изданная в 1898 г. в С.-Петербурге, содержит избранные отрывки (в ряде случаев обширные) из персидских и арабских первоисточников, в то время известных только в рукописях[2]. Часть II «Туркестана», или собственно исследование, вышла из печати в С.-Петербурге в 1900 г. В том же году «Туркестан» был представлен факультету восточных языков С.-Петербургского университета как диссертация на соискание ученой степени магистра истории Востока. Защита диссертации состоялась в заседании факультета 19 ноября (2 декабря н. ст.) 1900 г. Первый официальный оппонент, и. о. ординарного профессора Н. И. Веселовский[3], дал самую лестную характеристику труда В. В. Бартольда, отметив, что этот труд пока «не может быть оценен по достоинству, так как исследуемый в нем предмет еще только входит в научный оборот», и что впредь «ни один новый

---

[1] В дальнейшем сокращенно «Туркестан».

[2] В часть I вошли тексты из следующих сочинений: Гардизи, *Зайн ал-ахбар* (стр. 1—18); *Муджмал ат-таварих ва-л-кисас* (19—20); ал-Гарнати, *Китаб тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб* (21—22); *Инша'* (23—47); Несефи, *Китаб ал-канд фи та'рих Самарканд* (48—51); Сам'ани, *Китаб ал-ансаб* (52—69); Имад ад-дин Исфахани, *Харидат ал-каср ва джаридат ал-'аср* (70); ал-Катиб ас-Самарканди, *А'рад ас-сийасат фи аград ар-рийасат* (71—72); Мухаммед Багдади, *Китаб ат-тавассул ила-т-тарассул* (73—80); Мухаммед ибн Неджиб Бекран, *Джахан-наме* (81—82) Ауфи, *Джами' ал-хикайат ва лами' ар-ривайат* (83—101); *Бутхане* (102); Джувейни, *Та'рих-и джахангушай* (103—119); Рашид ад-дин, *Джами' ат-таварих* (120—127) Джемаль Карши, *Мулхакат ас-сурах* (128—152); Хамдаллах Казвини, *Та'рих-и гузиде* (153); ал-Яфи'и, *Мир'ат ал-джаннан* (154—155); анонимное сочинение Cod. Bodl. Th. Hyde 31 (156); Хафиз-и Абру (157—158); *Китаб му'изз ал-ансаб фи шаджарат салатин мугул* (159); Фасих ал-Хавафи, *Муджмал-и Фасихи* (160—161); *Шаджарат ал-атрак* (162—164); Исфизари, *Китаб раузат ал-джаннат фи аусаф мадинат Харат* (165); Му'ин ал-фукара, *Китаб-и Мулла-заде* (166—172).

[3] Занимавший в то время кафедру истории Востока факультета восточных языков С.-Петербургского университета.

исследователь истории Туркестана не пройдет мимо книги Бартольда». Второй официальный оппонент, ординарный профессор В. А. Жуковский, присоединился к высокой оценке, данной Н. И. Веселовским. Факультет, признав В. В. Бартольда достойным искомой ученой степени, вместе с тем, ввиду исключительной значимости представленной диссертации, постановил ходатайствовать перед Советом С.-Петербургского университета о присвоении В. В. Бартольду высшей ученой степени доктора [1]. Совет университета в декабре того же года, согласившись с мнением факультета, на основании § 88 «Устава российских университетов 1884 г.» утвердил В. В. Бартольда в степени доктора истории Востока [2].

В 1928 г. в «Серии памяти Э. Дж. В. Гибба» («E. J. W. Gibb Memorial» Series, New Series, V) вышло английское издание «Туркестана» (ч. II, «Исследование»), переработанное и дополненное автором на основании новых материалов, с предисловием Э. Денисона Росса [3]. Английский перевод был проверен самим В. В. Бартольдом при содействии Х. А. Р. Гибба. В 1931 г. был издан узбекский перевод «Туркестана» (ч. II, «Исследование») [4]. В 1958 г. вышло второе английское издание [5], которое отличается от первого лишь тем, что в него включены «Тезисы» В. В. Бартольда к защите диссертации, а также «Дополнения и исправления» (Addenda et corrigenda) проф. В. Ф. Минорского.

«Туркестан» В. В. Бартольда, как справедливо отметил в предисловии к английскому изданию 1928 г. Э. Денисон Росс, — труд, создавший новую эпоху в изучении истории Средней Азии [6]. Правда, и до В. В. Бартольда историей Средней Азии — почти исключительно политической — занимались известные востоковеды: Н. В. Ханыков, В. В. Григорьев, П. И. Лерх, Н. И. Веселовский, но их работы были посвящены отдельным частным вопросам. В. В. Бартольд впервые поставил изучение истории Средней Азии на уровень современной ему

---

[1] Описание защиты диссертации приведено в газ. «Туркестанские ведомости», издававшейся в Ташкенте (№ 97, от 3 (16) декабря 1900 г., редакционная статья «Диспут В. В. Бартольда»). В статье редакция газеты «с искренней радостью приветствовала блестящий успех уважаемого ученого, посвятившего свои силы и свой талант на изучение именно нашего края».

[2] См. «Отчет о состоянии и деятельности С.-Петербургского университета за 1900 год», составленный проф. Н. Я. Марром, СПб., 1901, стр. 53.

[3] W. Barthold, *Turkestan down to the Mongol invasion*, 2d ed., transl. from the original Russian and revised by the author with the assistance of H. A. R. Gibb, London, 1928 (GMS NS, V), (в дальнейшем: англ. изд. 1928 г.).— Часть I («Тексты») не была переиздана.

[4] *Manqullar dəvridə Turkistan*, перевод Фатиха Каримова, Москва — Самарканд, 1931. Издание это стало теперь библиографической редкостью.

[5] Под тем же заглавием и с тем же серийным номером.

[6] См. англ. изд. 1928 г., стр. XIII (Preface): «Barthold's epoch-making work...».

исторической науки. Нелегко в немногих словах охарактеризовать огромное значение этой замечательной работы [1]. Отметим прежде всего введение в научный обиход и очень полное изучение широкого круга источников, в то время в подавляющем большинстве еще не изданных. В. В. Бартольд еще в молодые годы проделал колоссальный труд по выявлению рукописных источников, выяснению их первоисточников и сравнительному текстологическому изучению списков, по научной обработке им же впервые добытого из источников фактического материала. За 60 лет, истекших со времени первого русского издания «Туркестана», лишь очень немногие новые источники по истории Средней Азии были введены в научный обиход. Поэтому содержащийся в этой книге обзор источников до настоящего времени сохраняет свое значение, равно как и историко-географический обзор Средней Азии, и намеченная в книге общая схема периодизации политической истории Средней Азии VII—XII вв. Да и периодизация социально-экономической истории, которую разработали советские ученые — А. Ю. Якубовский, С. П. Толстов и др.,— в общем довольно близко подходит к схеме В. В. Бартольда. Конечно, поскольку в исследовании процесса исторического развития Средней Азии В. В. Бартольд выступал как пионер, предложенная им периодизация, точнее ее схема, носит еще очень общий характер, но в основном она до сих пор не поколеблена. В наши дни исследователи нередко дают лишь более точные формулировки и терминологию для тех исторических явлений, какие были отмечены автором «Туркестана».

Приступая к работе над «Туркестаном», В. В. Бартольд первоначально думал ограничиться исследованием истории Средней Азии непосредственно в период монгольского завоевания и после него (до 1269 г.), затрагивая историю предшествующих периодов лишь настолько, насколько это оказалось бы необходимым для понимания избранной автором темы. Однако неизученность основных проблем истории Средней Азии в раннем средневековье заставила В. В. Бартольда существенно изменить план работы и обратиться к исследованию исторического развития этой страны, начиная со времени арабского завоевания, дабы выяснить корни социальных явлений и институтов, характерных для периода монгольского нашествия. В процессе работы структура и

---

[1] Значение это до сих пор выяснено и охарактеризовано еще далеко не полностью. См. Н. Я. Марр, *Василий Владимирович Бартольд*, — «Сообщения ГАИМК», 1931, № 1; А. Ю. Якубовский, *Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда*, — ВЛУ, 1947, № 12; И. И. Умняков, *Значение трудов акад. В. В. Бартольда по истории Средней Азии*, — МПВНКВ; И. Ю. Крачковский, *В. В. Бартольд в истории исламоведения*, — ИАН СССР, серия VII, ООН, 1934; В. А. Крачковская, *В. В. Бартольд — нумизмат и эпиграфист*, — ЭВ, VIII, 1953.

хронологические рамки исследования были сильно изменены. После завершения труда оказалось, что период монгольского завоевания занимает в нем менее одной пятой части. Таким образом, содержание труда шире его заглавия; по существу это именно обобщающий труд по истории Средней Азии VII — начала XIII в.[1].

В «Туркестане» В. В. Бартольд убедительно показал, что завоевание арабами Мавераннахра в начале VIII в. не было только внешним фактором. Оно принесло с собой новые общественные отношения, новые формы сравнительно централизованной государственности, в частности новую налоговую систему, вместе с новой религией — исламом — и арабской письменностью. Автор отметил, что местная иранская землевладельческая знать — дихканы — довольно скоро и легко примирилась с арабскими завоевателями и слилась с их верхушкой в один господствующий землевладельческий класс.

Далее В. В. Бартольд выяснил специфику государственных образований Тахиридов, Саффаридов и Саманидов (IX—X вв.), очень четко показав (хотя и не применяя терминологии нашей исторической литературы) происходившую в X в. борьбу разных групп класса землевладельцев — местной провинциальной землевладельческой знати (дихканов), базировавшейся на мульковом (т. е. аллодиальном) землевладении и представлявшей центробежную тенденцию (т. е. феодальную раздробленность), и служилой чиновной знати, связанной с государственным землевладением и бюрократическим аппаратом и поддерживавшей централистскую политику Саманидов.

Автор «Туркестана» выявил обширный конкретный материал, позволяющий судить о большом экономическом подъеме в Мавераннахре и Хорасане в IX—X вв. Выдающимся фактором экономического развития этого времени было сложение города нового типа (мы бы теперь назвали его городом периода развитого феодализма). На основе исследования топографии Самарканда, Бухары и других среднеазиатских городов В. В. Бартольд установил, что в IX—XI вв. происходил процесс перемещения центра городской жизни из старых аристократических шахристанов в торгово-ремесленные предместья (араб. *рабад*, перс. *бӣрӯн*). Это было одним из важнейших открытий В. В. Бартольда, хотя он и не сделал из него тех выводов, какие были потом сделаны продолжателями его исследований, в частности М. Е. Массоном и А. Ю. Якубовским.

Столь же блестящей является данная В. В. Бартольдом характеристика миграционного и завоевательного движения объединений тюрк-

[1] Поэтому-то в английских изданиях было принято несколько измененное заглавие (см. выше). Мы, однако, сохранили заглавие, какое дал книге сам автор, впервые выпуская ее в свет.

ских кочевых племен в конце X и в первой половине XI в. Созданные тюрками[1] государства — Караханидское и Сельджукское — В. В. Бартольд рассматривал как новый этап в развитии средневекового общества Мавераннахра, Хорезма и Хорасана, выразившийся в утверждении политического господства тюркской военно-кочевой знати, в установлении удельной системы, в ослаблении значения центрального государственного аппарата. Большим научным открытием В. В. Бартольда было установление факта исчезновения в течение XI в. дихканов — старинной иранской землевладельческой знати. Дихканы должны были уступить место тюркской военно-кочевой знати, социальной базой которой стало условное военно-ленное землевладение — институт *иḳṭāʿ*, существовавший и при Саманидах, но получивший гораздо более широкое распространение при Караханидах и Сельджукидах в XI в.; с этим процессом было связано усиление власти владетелей уделов и земель *иḳṭāʿ* за счет ослабления центральной государственной власти.

Излагая (в главе III) историю Средней Азии в XII — начале XIII в., В. В. Бартольд дал очень яркую характеристику государства хорезмшахов: показал иллюзорность его политической мощи, его внутренние противоречия и предпосылки его распада, объясняющие ту легкость и быстроту, с какой владения хорезмшахов были завоеваны монголами. К этой характеристике и сейчас можно добавить лишь очень немногое. Следует отметить и приведенные в той же главе два ценных экскурса: о духовном княжестве бухарских садров — Бурханидов[2] — и о восстании ремесленников в Бухаре под предводительством Синджар-мелика.

Характеризуя новый период в истории Средней Азии, наступивший после монгольского завоевания (в главе IV), В. В. Бартольд дал так много нового о монгольском кочевом обществе начала XIII в., о монгольской степной государственности и монгольской военной организации, как никто из монголистов предшествующего времени. Выступив с новой точкой зрения на историческую роль империи Чингиз-хана, В. В. Бартольд выдвинул ряд вопросов, ставших впоследствии предметом дискуссии в советской и зарубежной исторической литературе.

---

[1] В более поздних работах В. В. Бартольд пользовался термином «турки» (соответственно «турецкий»), взятым как родовое понятие, в смысле всей совокупности тюркоязычных народов. Эта терминология, принятая в то время некоторыми русскими востоковедами, не соответствует современной терминологии советских востоковедов, условно употребляющих термин «тюрки», «тюркоязычные народы» как родовое понятие, а термин «турки» как видовое — название одного из тюркских народов (анатолийские турки, турки-османы).

[2] Этот экскурс впоследствии был расширен и дополнен В. В. Бартольдом в его статье «Burhān» (EI, I, S. 816—817).

Достойно внимания, что не только в «Туркестане», но и в последующих своих работах В. В. Бартольд не пользовался термином «феодализм», хотя употреблял термины «военные лены» и «ленная система»[1], как известно, связанные с феодализмом. По-видимому, здесь сказывалась осторожность исследователя-пионера, который, учитывая своеобразие социально-экономического развития средневековых обществ Передней и Средней Азии и неизученность этого вопроса, не торопился дать для всей эпохи столь обязывающее определение. Лишь к концу своего жизненного пути В. В. Бартольд счел возможным характеризовать общественный строй Передней и Средней Азии в средние века как феодализм[2]. И тем не менее именно исследования В. В. Бартольда поставили на твердое научное основание проблему существования феодализма в странах Передней и Средней Азии, ибо он по данным источников убедительно показал существование на средневековом Востоке категорий землевладения, общественных отношений и институтов, свойственных феодальным обществам. «Туркестан» и другие работы В. В. Бартольда подготовили тот вывод, который теперь разделяется всеми советскими историками Передней и Средней Азии, что в государствах Сельджукидов и Караханидов, начиная с XI в., институт *икṭā'* стал специфической формой господства кочевого феодала-тюрка (с XIII в.— монгола или тюрка) над зависимыми оседлыми крестьянами из иранских или других покоренных народностей. Черты специфики сложения феодализма в кочевой среде — тюркской и монгольской — и форм феодальной кочевой государственности также были четко намечены исследованиями В. В. Бартольда; эту проблему продолжал разрабатывать акад. Б. Я. Владимирцов[3], а после него ряд других советских историков[4].

Историческое мировоззрение В. В. Бартольда и его отношение к историографическим школам его времени до сих пор недостаточно изучено. Без сомнения, он не был марксистом. Однако в теоретических построениях В. В. Бартольда были важные моменты, сближавшие его с историками-марксистами. Исключительное значение в истории он придавал социальным антагонизмам, иначе говоря классовой борьбе. Проблематике социальной борьбы и народных восстаний против господствующего класса уделено внимание уже в «Туркестане» — где рассмотрены крестьянское восстание «одетых в белое» (Муканна', 776—

[1] В англ. изд. «military fiefs», «system of fiefs».

[2] В. В. Бартольд, *К вопросу о феодализме в Иране,* — «Новый Восток», № 28, 1930.

[3] Имеем в виду его классический труд *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм,* Л., 1934.

[4] См. новые работы (после 1930 г.) в Библиографии.

783 гг.), движение карматов в X в., восстание Синджар-мелика в Бухаре в 1206—1207 гг., восстание крестьян и ремесленников под предводительством Махмуда Тараби в Бухарском оазисе в 1238 г.[1], — и, в особенности, в ряде других работ В. В. Бартольда[2]. Сближение с марксизмом выразилось не только в признании первостепенного значения фактора борьбы классов, но и в признании того, что создание государства является необходимым следствием сложения классов и что государство рождается как орган господствующего класса в борьбе с социальными низами собственного народа. Эта мысль была высказана В. В. Бартольдом еще до выхода в свет «Туркестана», в 1896 г.[3]. Более четко тот же тезис сформулирован им 33 года спустя: «Без момента обострения классовой борьбы даже в условиях кочевого быта нет почвы для возникновения сильной правительственной власти. Кочевой народ может жить дольше всех без хана, а когда является хан, то его борьба за власть с собственным народом сопровождается иногда бо́льшим кровопролитием, чем последующие завоевания кочевников в культурных странах»[4].

Останавливаясь на истории некоторых крестьянских движений в Средней Азии и Иране, В. В. Бартольд показал, что и при арабском, и при монгольском завоевании представители высших сословий ради сохранения своего привилегированного положения и земель сравнительно легко мирились с иноземным владычеством, вследствие чего движения народных масс — крестьян и горожан, направленные против иноземных завоевателей, превращались в борьбу также и против своей аристократии. В связи с вопросом об исторической роли шиитского и других религиозных движений в Средней Азии и Иране в средние века В. В. Бартольд неоднократно подчеркивал, что шиитство распространялось преимущественно в деревенской среде и что религиозная идеология служила формой для народных движений[5]. Так, говоря о народных восстаниях 864 и 913 гг. в Табаристане (Мазандеране), происходивших

---

[1] В публикуемой ныне впервые главе V «Туркестана».

[2] *Народное движение в Самарканде в 1365 г.*, — ЗВОРАО, т. XVII, 1906; *К истории крестьянских движений в Персии*, — «Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь... Н. И. Кареева», Пг. — М., 1923; *Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира*, Баку, 1925, стр. 82—84 (о народном движении в Мазандеране в 1360 г.); *Новый источник по истории Тимуридов*, — ЗИВАН, т. V, Л., 1935 (о народном восстании в Хузистане в 40-х годах XV в. — статья, перс. текст из Джа'фари и русск. пер.).

[3] *Образование империи Чингиз-хана*, — ЗВОРАО, т. X, 1897.

[4] *Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов*, — ИОАИЭК, т. XXXIV, вып. 3—4, 1929, стр. 3.

[5] См. его работы: *К истории крестьянских движений в Персии*, стр. 58—60; *Иран. Исторический обзор*, стр. 33.

под идеологической оболочкой шиизма, В. В. Бартольд отметил, что исходной точкой этих восстаний была экспроприация общинных земель власть имущими и «в этом случае шиитское движение было вызвано нарушением интересов крестьян»[1]. Говоря о восстании народных масс в Хузистане под предводительством Муша'ша' в 1441 г. (восстанию были свойственны антифеодальные и уравнительные тенденции), он сделал вывод: «Восстание Муша'ша', очевидно, носило тот же характер, как и многие другие шиитские движения в Персии. Под знаменем религии произошло восстание неимущих против имущих»[2]. Также и борьбу последователей суннитских мазхабов — ханифитов и шафиитов — друг с другом и тех и других вместе с шиитами в Рее, Исфахане, Нишапуре, Мерве и других городах в XII — начале XIII в. В. В. Бартольд определял как классовую борьбу: «Под знаменем религии, по-видимому, происходила экономическая борьба между различными элементами городского населения и в особенности между городом и деревней»[3]. В. В. Бартольд высказал предположение, что в этой борьбе шафииты представляли городскую верхушку (т. е. местную землевладельческую знать и крупное купечество), ханифиты — ремесленников и средние слои горожан, а шииты — крестьян пригородных сельских районов. Гипотеза В. В. Бартольда полностью подтверждается изучением источников; эта проблема ожидает еще будущего детального исследования.

Следует, однако, заметить, что интерес к социальной истории и к истории классовой борьбы и народных движений стран Передней и Средней Азии у В. В. Бартольда проявился главным образом в других его исследованиях; в «Туркестане» же этим проблемам уделено сравнительно мало места. Здесь В. В. Бартольд осветил преимущественно международные отношения и политическую историю государств Средней Азии VIII — начала XIII в., а также историческую и экономическую географию Средней Азии этого периода.

В. В. Бартольд был неизменным противником лженаучных, но очень живучих тенденций в западноевропейской историографии — расизма и европоцентризма; он выступал против мнения, будто «народы Востока не имеют и никогда не имели истории в европейском смысле этого слова и что поэтому методы изучения истории, выработанные европейскими историками, к истории Востока не применимы»[4]. В речи

[1] *Туркестан*, ч. II, стр. 220—221 (см. в настоящем томе стр. 272—273); *К истории крестьянских движений в Персии*, стр. 58—60; *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 156.

[2] *Новый источник по истории Тимуридов*, стр. 22.

[3] *К истории крестьянских движений в Персии*, стр. 61—62.

[4] Бартольд, *История изучения Востока в Европе и в России*, изд. 2-е, стр. 22.

перед защитой диссертации в С.-Петербургском университете осенью 1900 г. В. В. Бартольд сказал: «Мы видим, что люди везде одинаковы, что различие между культурой Востока и культурой Запада вполне объясняется тем, что умственная работа восточных народов была направлена обстоятельствами на другие пути; прибегать к априорным предположениям об основных различиях между натурой восточного и натурой западного человека, о неизгладимых расовых особенностях нет никакой надобности. Научное объяснение истории Востока необходимо уже потому, что иначе законы, выработанные только на основании истории Европы, неизбежно будут страдать односторонностью и не будет достигнута конечная цель исторической науки — выяснить законы, которым подчиняется жизнь всего человечества»[1].

Из этих и из ряда других высказываний В. В. Бартольда видно, что он был противником исторической школы Риккерта — Виндельбанда, у нас в России представленной трудами Р. Ю. Виппера и Д. М. Петрушевского,— школы, утверждавшей, что, в отличие от так называемых «номографических» (генерализирующих, или обобщающих) наук, история может быть наукой только «идиографической», т. е. изучающей абсолютно индивидуальные и неповторимые факты исторической действительности. В. В. Бартольд был убежден, что «в Европе и в Азии действуют одни и те же законы исторической эволюции»[2]. И если его теоретические взгляды относительно мало отразились в его раннем труде — в «Туркестане», то это объясняется той же осторожностью исследователя-пионера, избегавшего преждевременных выводов и обобщений. Ибо В. В. Бартольд считал, что никакие теоретические обобщения и концепции не могут иметь научного значения, если они не основаны на твердой базе анализа фактов, добытых в результате тщательного сравнительного изучения источников. Эта ценная черта научного метода В. В. Бартольда была воспринята и продолжателями его исследований — советскими историками, и не только его прямыми учениками, но и теми, кто находился под влиянием его трудов[3].

Здесь мы не будем подробно говорить об историческом мировоззрении В. В. Бартольда, которое, как сказано выше, полностью далеко

---

[1] См. Приложение 2 к настоящему тому, стр. 607.

[2] В. В. Бартольд, [рец. на кн.:] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей,— ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 355.

[3] Об этом см., в частности, статьи в УЗИВАН, т. XXV, М., 1960: В. В. Струве, *Советское востоковедение за сорок лет* (стр. 3—29); В. А. Ромодин, *Вклад ленинградских востоковедов в изучение истории Средней Азии* (стр. 30—41); Н. В. Пигулевская, *Учение о докапиталистических формациях на Ближнем и Среднем Востоке в трудах ленинградских востоковедов* (стр. 192—203); И. П. Петрушевский, *Деревня и крестьяне средневекового Ближнего Востока в трудах ленинградских востоковедов* (стр. 204—217).

еще не изучено. Однако не можем не отметить, что автор «Туркестана», являясь противником расизма и европоцентризма, был чужд и идеологии империализма — в отличие от некоторых, даже крупных, западноевропейских ориенталистов — и, конечно, никогда не унижал своего пера какой-либо апологетикой завоеваний царизма или его колониальной и национальной политики в Средней Азии и на Кавказе. В этом отношении В. В. Бартольд разделял передовые взгляды и традиции лучших представителей русского востоковедения — В. Р. Розена, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, И. Ю. Крачковского. Как русский патриот, Василий Владимирович считал, что именно русские ученые могут и должны взять на себя научную разработку истории стран Передней и Средней Азии [1].

Конечно, в настоящее время мы уже не можем согласиться со всеми выводами автора «Туркестана». В частности, мы теперь не принимаем той общей оценки, которую В. В. Бартольд — и в «Туркестане» [2] и в других своих работах [3] — дал монгольскому завоеванию, и не принимаем его выводов, связанных с этой оценкой. В наши дни в советской историографии общепризнано, что В. В. Бартольд преуменьшал значение тех грандиозных опустошений и того экономического и культурного упадка, какие были следствием монгольского нашествия и затем владычества кочевых завоевателей в странах, подвергшихся их вторжению. В. В. Бартольд явно переоценивал значение создания империи Чингизидов для роста транзитной караванной торговли и для укрепления культурных связей между странами Азии. Результаты того и другого были слишком скромными и не возмещали тех разрушений, от которых страны Ближнего и Среднего Востока уже не могли вполне оправиться, как не могли они достигнуть и прежнего уровня развития экономики и культуры. Однако надо заметить, что причины некоторой идеализации исторической роли империи Чингиз-хана у В. В. Бартольда не имели ничего общего с теми мотивами, из которых исходили авторы пантюркистского лагеря. В. В. Бартольд критиковал и пересматривал одностороннюю трактовку истории монгольских завоеваний у старых историков XIX в., видевших в монголах только варваров-разрушителей, и стремился показать новые черты монгольской государственности. Расистско-националистическая идеализация тюркских и монгольских кочевых завоевателей средневековья у пантюркистов, как справедливо отметил Э. Броун, восходит к историческим построениям

[1] См. Приложение 2 к настоящему тому, стр. 608—610.

[2] *Туркестан*, ч. II, стр. 424—425, 451, 496—500 (см. в настоящем томе, стр. 461—462, 486, 526—529).

[3] См., напр., *Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира*, стр. 71, 75.

Л. Каёна (L. Cahun) и Г. Ховорса (H. Howorth), приписывавших особую одаренность и военно-административные и организаторские способности народам «тюрко-монгольской расы» [1].

Общая отрицательная оценка исторического значения империи Чингиз-хана в настоящее время является господствующей в советской исторической литературе [2]. Эта оценка в основном совпадает с той, какая в свое время была дана монгольскому завоеванию Карлом Марксом [3]. Но таких моментов расхождения в выводах между автором «Туркестана» и современными советскими историками очень немного.

* *
*

Советские историки высоко ценят труды акад. В. В. Бартольда, крупнейшего историка стран Востока, столь много потрудившегося для утверждения приоритета нашей науки в исследовании исторического прошлого народов Среднего Востока. Имя В. В. Бартольда — одно из тех имен, которые, как справедливо заметил акад. И. Ю. Крачковский, «никогда не будут забыты в истории нашей культуры, в истории мировой науки» [4]. Необходимость переиздания трудов В. В. Бартольда, а среди них в первую очередь важнейшего — «Туркестана»,—давно назрела. В настоящем издании «Сочинений» В. В. Бартольда «Туркестан» составляет первый том.

При этом переиздается только «Исследование» (составлявшее часть II первого русского издания). Переиздание «Текстов» (часть I первого русского издания) признано нецелесообразным, поскольку подавляющее большинство использованных в «Текстах» источников уже опубликовано.

В основу настоящего издания «Туркестана» положен текст первого русского издания. Однако оно не могло быть перепечатано без изменений, в первоначальном своем виде, ибо после выхода первого русского издания некоторые мнения В. В. Бартольда изменились, особенно в вопросах исторической географии, хронологии и источниковедения. Эти изменения отражены в исправленном и дополненном автором английском издании 1928 г., в которое введены также ссылки на новые

---

[1] См. E. G. Browne, *A history of Persian literature under Tartar dominion*, Cambridge, 1920, pp. 14—15.

[2] Литературу см. в ред. прим. к стр. 530 (в гл. IV), также в Библиографии.

[3] См. К. Маркс, *Хронологические выписки*, — «Архив Маркса и Энгельса», т. V, Госполитиздат, 1938, стр. 221: «Между тем орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других цветущих городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к чорту».

[4] И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 143.

рукописи, новые публикации источников, новые исследования и материалы археологических экспедиций. И хотя изменения и дополнения коснулись большей частью второстепенных деталей исследования, количественно они весьма значительны. Все они включены в настоящее издание[1], которое благодаря этому сильно отличается от русского издания 1900 г. Эти изменения и дополнения, поскольку они были сделаны или одобрены автором, в настоящем издании не оговорены.

Ученик В. В. Бартольда проф. И. И. Умняков впервые сообщил о существовании неизданной главы «Туркестана», трактующей о первом периоде монгольского владычества в Средней Азии, от смерти Чингиз-хана до курултая на реке Таласе и создания особого монгольского государства в Средней Азии, условно называемого Чагатаидским[2] (1269 г.). Рукопись-автограф этой главы[3] начал подготовлять к изданию научный сотрудник ИВАН арабист С. Л. Волин, но это начинание было прервано Отечественной войной и смертью С. Л. Волина в 1943 г.

Относительно времени написания пятой главы «Туркестана» мы не располагаем какими-либо точными данными. То обстоятельство, что в рукописи данной главы в отличие от предыдущих глав не было ссылок на «Тексты»[4], давало возможность предполагать, что она была написана В. В. Бартольдом ранее остальных глав исследования и «Текстов», быть может в 1895—1896 гг. Однако ученик В. В. Бартольда, близко знавший его проф. И. И. Умняков, полагает, что такое предположение было бы неоправданным. Как думает И. И. Умняков, В. В. Бартольд не сделал в главе V ссылок на «Тексты» (хотя в них материал был подобран до 1269 г.) потому, что, как сказано в предисловии к изданию «Туркестана» 1900 г., он в процессе работы над книгой изменил первоначальный план и решил закончить ее датой смерти Чингиз-хана (1227 г.), а следовательно, решил не включать главу V в намеченный к изданию труд. Вероятно, именно в связи с этим глава сохранилась в незаконченном виде: в ссылках на рукописи указывались нерасшифрованные сиглы; на некоторые источники (например, на Мирхонда) даны были глухие ссылки; в двух-трех

[1] Изменения и дополнения, содержащиеся в англ. изд. 1928 г., введены нами в настоящее издание не механически, а лишь после необходимой проверки. В некоторых (немногих) случаях изменения в датировках, сделанные в англ. изд. 1928 г., оказались неверными: ср., напр., русск. изд. 1900 г. стр. 146, строки 28—29, и англ. изд. 1928, стр. 147, строка 21.

[2] Хотя фактический основатель его Хайду-хан был из потомков Угэдэя.

[3] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, № 12 (на 25 двойных листах).

[4] В настоящем издании в этой главе ссылки на «Тексты» даны в угловых скобках.

местах были оставлены лакуны, которые автор, очевидно, хотел потом заполнить специальными экскурсами. В. В. Бартольд, по его собственным словам[1], не был вполне удовлетворен этой главой: отсутствие местных нарративных источников XIII в. и скудость сведений о Средней Азии в других источниках того времени не позволяли осветить многие стороны истории (особенно внутренней истории) Средней Азии данного периода. Это обстоятельство побудило автора отложить опубликование главы V в ожидании возможного открытия и введения в научный оборот новых источников и появления полного перевода *Юаньши*. Однако некоторые частные вопросы, затронутые в данной главе, В. В. Бартольд разрабатывал в других своих трудах: «Очерк истории Семиречья», «Улугбек и его время» и др.

Упомянутая глава включена нами в настоящий том как глава V «Туркестана». В наше издание входят также «Тезисы» В. В. Бартольда к защите диссертации[2] (Приложение 1) и его «Речь перед защитой диссертации»[3] (Приложение 2). Эта речь представляет выдающийся интерес, поскольку в ней отражены взгляды В. В. Бартольда на теорию исторического процесса, на задачи исторической науки и на задачи русских историков-востоковедов.

В первом русском издании и в обоих английских изданиях «Туркестана» приведена лишь сокращенная библиография, далеко не охватывающая всей литературы, которой пользовался В. В. Бартольд. Нам представлялось необходимым приложить к настоящему изданию подробную библиографию источников и пособий, использованных В. В. Бартольдом, включив в нее новые (опубликованные после выхода авторизованного английского перевода 1928 г.) источники и исследования.

В прежних изданиях «Туркестана» (в первом русском и обоих английских) не было проведено единства в системе ссылок. Так, при ссылках на изданную И. Н. Березиным часть труда Рашид ад-дина, в примечаниях указывалось то просто «Березин», то «Рашид-ад-дин, Труды Вост. Отд.», то «Труды Вост. Отд.»; в одних случаях приведенные страницы означали ссылки и на персидский текст, и на русский

[1] См. ниже, Предисловие автора к первому русскому изданию.

[2] Напечатаны в виде приложения к первому изданию «Туркестана» (они были только в части тиража), а также в газ. «Русский Туркестан» за 1900 г., № 28 (в статье А. Липовского «Письма из Петербурга (III)» — с небольшими пропусками; самим В. В. Бартольдом они были в несколько сокращенном виде опубликованы в MSOS (Bd IV, Abt. 2, 1901, S. 176—179). В английском переводе тезисы опубликованы В. Ф. Минорским в англ. изд. «Туркестана» 1958 г.

[3] По рукописи-автографу (Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, № 13 на 16 листах). О существовании этой рукописи сообщил И. И. Умняков (*Значение трудов акад. В. В. Бартольда по истории Средней Азии,*— МПВНКВ, стр. 678).

перевод, в других — только на перевод, иногда — только на текст, и это обстоятельство не оговаривалось. Мы постарались, насколько возможно, унифицировать систему ссылок и условных сокращений [1]. Ссылаясь на издания трудов арабских географов в известной серии Bibliotheca Geographorum Arabicorum, В. В. Бартольд в примечаниях везде указывал только том серии, не называя автора (хотя тт. VI и VII серии содержат сочинения двух авторов [2]), причем ссылки на т. VI (т. е. на Ибн Хордадбеха и Кудаму) в отличие от ссылок на остальные тома означали не арабский текст, а французский перевод. Для унификации системы ссылок нами были приведены в примечаниях имена географов, а при ссылках на Ибн Хордадбеха и Кудаму ссылки на французский перевод мы заменили ссылками на арабский текст.

В английском издании 1928 г. ссылки В. В. Бартольда на рукописи и частично на «Тексты» были заменены ссылками на новые печатные издания (например, на издания трудов Сам'ани, Джувейни и др.). Сохранив эти новые ссылки, в настоящем издании мы также восстановили ссылки на рукописи и на «Тексты», поскольку они показывают процесс работы автора. Нами даны в угловых скобках и ссылки на новые издания источников, вышедшие после 1928 г., а также и на отдельные старые известные издания источников, на которые не ссылался В. В. Бартольд [3]. Наши замечания и пояснения, а также примечания Х. А. Р. Гибба (в англ. изд. 1928 г.) и В. Ф. Минорского (в англ. изд. 1958 г.) [4] приведены также в угловых скобках с обозначениями соответственно *«Ред.»*, *«Гибб»* и *«В. М.»*.

Когда рукопись этого тома уже находилась в издательстве, в Москве, в библиотеке Института народов Азии АН СССР, были обнаружены экземпляры русского и английского изданий «Туркестана»,

---

[1] В подстрочных примечаниях названия всех работ, цитируемых В. В. Бартольдом, даны нами в сокращенном виде; полные названия приведены в Библиографии в конце тома.

[2] Том VI — сочинения Ибн Хордадбеха (стр. 1—184) и Кудамы (стр. 185—266), арабский текст; т. VII — сочинения Ибн Русте (стр. 3—229) и географический труд Я'куби (стр. 232—360), арабский текст.

[3] Напр., на бомбейское полное литографированное издание труда Вассафа 1269/1852-53 г. (В. В Бартольд ссылался на неполное издание Хаммера), также на изданный Нассау-Лисом персидский текст *Ṭабақāт-и Нāṣирӣ* (Калькутта, 1863—1864) (В. В. Бартольд ссылался на английский перевод Раверти). Если при ссылках на одного и того же автора иногда даются параллельные ссылки на два издания, а иногда — только на одно, это означает, что другое издание неполное; таковы издание персидского текста труда Гардизи (Мухаммеда Назима) и упомянутое уже издание Джузджани *Ṭабақāт-и Нāṣирӣ* Нассау-Лиса (перевод Раверти также неполон).

[4] В англ. изд. 1958 г. «Дополнения и исправления» («Addenda et corrigenda») В. Ф. Минорского даны в особом списке (стр. XIII—XIV). В нашем издании мы привели их в примечаниях к соответствующим страницам.

ранее принадлежавшие В. В. Бартольду. На полях экземпляра русского издания имеется множество пометок (карандашом и чернилами), сделанных рукой В. В. Бартольда; в большинстве случаев они соответствуют тем исправлениям и дополнениям, которые были внесены в английское издание 1928 г. По-видимому, этим экземпляром В. В. Бартольд пользовался при подготовке английского издания. В принадлежавшем В. В. Бартольду экземпляре английского издания 1928 г. имеется около двух десятков пометок, из которых несколько представляют собой исправления случайных опечаток, а остальные сделаны на основании рецензии П. Пельо, опубликованной в 1930 г.[1], незадолго до смерти В. В. Бартольда. Все эти пометки воспроизводятся нами в подстрочных примечаниях к соответствующим местам текста.

Как сказано выше, глава V «Туркестана» оставалась незаконченной, и ссылочный аппарат в ней не был завершен, поэтому для его оформления потребовалась бóльшая работа: расшифровка условных сиглов в ссылках на рукописи[2], расшифровка глухих ссылок на источники (например, на Мирхонда)[3], параллельные ссылки на новые публикации источников[4], разного рода редакторские дополнения и замечания. Мы поместили также немногие сохранившиеся замечания покойного С. Л. Волина (под инициалами *«С. В.»*).

Текст настоящего издания, на основе первого русского издания 1900 г. и английского издания 1928 г. «Туркестана»[5], первоначально подготовлен Н. А. Петровой в сотрудничестве с Л. Н. Карской; указатели составлены Т. А. Стецкевич, Н. А. Петровой, Т. М. Сипенковой и Л. И. Николаевой.

Общая редакция всего издания выполнена пишущим эти строки. Им же составлены редакторские примечания, дополнительный ссылочный аппарат, продолжение хронологической таблицы (соответствующее главе V), предваряющая настоящее издание «Биографическая

---

[1] P. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan» de M. W. Barthold*, — «T'oung Pao», vol. XXVII, 1930, pp. 12—56.

[2] В рукописи главы V В. В. Бартольд, ссылаясь на Рашид ад-дина и на Джувейни, указывал в разных случаях то одни, то другие рукописи. Мы сохранили эти ссылки, дав вместе с тем параллельные ссылки на новые издания сочинений названных авторов.

[3] Из-за отсутствия в Ленинграде бомбейских изданий пришлось дать ссылки на худшее, лакнауское, издание Мирхонда. Несравненно лучше тегеранское издание 1270—1274/1853—1857 гг., но оно не имеет пагинации и не может быть использовано для ссылок.

[4] Мы ввели также ссылки на «Тексты», которых не было в рукописи В. В. Бартольда.

[5] Английское издание 1958 г., как сказано выше, стереотипное.

справка» о В. В. Бартольде, а также Библиография к этому тому. Библиография была значительно дополнена и уточнена Ю. Э. Брегелем.

В первичной обработке неизданной главы V принимала участие Н. Н. Туманович. Вся последующая работа по подготовке к изданию данной главы (а также Приложений 1 и 2) выполнена пишущим эти строки.

Мы считаем своим приятным долгом принести благодарность за консультации, советы, отдельные справки, критические замечания и технические указания О. Г. Большакову, Ю. Э. Брегелю, Л. Т. Гюзальяну, А. И. Доватуру, С. Г. Кляшторному, А. Н. Кононову, Н. Д. Миклухо-Маклаю, В. Ф. Минорскому и Т. А. Минорской, Н. В. Пигулевской, Б. Л. Рифтину, М. Н. Салахетдиновой, О. И. Смирновой, И. И. Умнякову и К. Н. Юзбашяну.

И. Петрушевский

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ 1900 г.

Как заметит читатель, заглавие настоящей книги не вполне соответствует ее содержанию, что произошло по следующим причинам. Автор избрал предметом своего специального изучения наиболее важный период в истории Средней Азии, период монгольского владычества, причем хотел коснуться истории прежних веков лишь настолько, насколько это будет необходимо для его цели и насколько ему пришлось бы исправлять и дополнять выводы прежних исследователей. Ближайшее ознакомление с литературой предмета показало ему, что подобных выводов, основанных на изучении первоисточников, до сих пор нет совсем и что без самостоятельного исследования первоисточников невозможно дать даже приблизительный ответ на вопрос, в каком положении застали монголы Среднюю Азию и как образовалось это положение. Оттого, вопреки первоначальному плану, пришлось посвятить бóльшую часть книги изложению истории домонгольского периода. В своем настоящем виде книга представляет попытку дать ответ на вопросы, чем определился ход истории страны до монголов, с чем последние явились в Туркестан и как произошло завоевание страны. Первоначально автор предполагал, в связи с ответом на эти вопросы, рассмотреть в последней главе, какие порядки были введены в Средней Азии монголами, и довести свой труд до 1269 г., т. е. до образования в Туркестане самостоятельного монгольского государства. Соответственно с таким планом был распределен материал в «Текстах», составляющих первую часть книги, и во Введении к «Исследованию»; но впоследствии автор решил, что для цельности его труда лучше закончить его смертью Чингиз-хана и что события следующих десятилетий лучше рассмотреть в связи с историей Чагатайского государства. Исполнения этой последней работы автор пока не берет на себя, так как, при крайней скудости мусульманских известий, понимание истории Средней Азии в XIII и XIV вв. едва ли возможно, пока мы не имеем полного перевода *Юань-ши*.

При печатании восточных текстов имелись в виду только исторические цели, не филологические. Автор поэтому делал только выписки

из исторических сочинений, относящиеся к предмету его работы, пропуская не имеющее значения для историка; почти все подобные пропуски отмечены в тексте чертами. Краткость некоторых из этих выписок объясняется тем, что значительною частью рукописей автор мог пользоваться очень короткое время и потому выписал только самое существенное. Отрывки из рукописей лондонских, оксфордских, парижских и лейденских были переписаны еще в 1895 г.; тогда же началось печатание текстов. Автор охотно признается, что в настоящее время смотрит на подобную работу несколько иначе, чем пять лет тому назад, и теперь, вероятно, произвел бы ее с бо́льшей полнотой и точностью. В то время ему еще не была вполне ясна трудность такого, по-видимому, простого дела, как списывание текстов и проверка копий в рукописи и корректурных листах; вследствие этого пришлось приложить длинный список поправок. Из последнего видно, что наиболее значительное число ошибок было сделано при списывании отрывков из словаря Сам'ани, по рукописи Азиатского музея, чему, впрочем, едва ли удивятся те, кто пользовался этой рукописью. Возможно, что некоторые промахи и теперь остались неисправленными, но едва ли между ними найдутся такие, которые имели бы какое-нибудь значение для историков.

Автор нисколько не обольщает себя надеждой, что его книга, являющаяся первым опытом изложения истории Туркестана по первоисточникам, с обращением внимания на социальные и бытовые условия, будет свободна от недостатков, неизбежных там, где историк не имеет возможности опираться на труды предшественников. В этом отношении особенные трудности представляло составление историко-географического очерка Мавераннахра. Автор старался воспользоваться как всеми источниками, так и сведениями о сохранившихся памятниках древности; но очень многие вопросы могут быть разрешены только лицами, имеющими возможность производить исследования на месте. При составлении этого очерка автор еще в большей степени, чем в других частях своего труда, испытал на себе, насколько для работ столичных специалистов необходимы предварительные работы туркестанских деятелей. По этому вопросу автор ничего не может прибавить к тому, что было высказано в туркестанской печати («Туркестанские ведомости», 1899, № 87) [1]: с одной стороны, «на обязанности местных сил лежит собирание сырых материалов, и чем собрано больше сырья, тем

[1] <В. В. Бартольд цитирует «Ответ г-ну В. Бартольду» В. В. (В. Л. Вяткина) на письмо В. В. Бартольда «Ответ г-ну В. В.», помещенное в № 42 «Туркестанских ведомостей» за тот же год (это письмо Бартольд опубликовал в ответ на рецензию В. Л. Вяткина на вышедший под редакцией В. В. Бартольда русский перевод книги Лэн-Пуля «Мусульманские династии», СПб., 1899). — *Ред.*>

задача научной его обработки становится легче и тем правильнее и обстоятельнее получаются выводы»; но, в то же время, «для успешности работ любителей необходимо, чтобы они имели возможность шире пользоваться результатами ученых изысканий и во всяком случае при своих работах располагали бы такими трудами, которые давали бы им возможность ориентироваться в деле и спасали бы от непроизводительного занятия отыскивать уже найденное и открывать Америку». Таким образом, создается своего рода заколдованный круг: работы местных деятелей не могут быть успешными, пока они не располагают «результатами ученых изысканий»; выводы ученых исследователей не могут быть «правильными и обстоятельными», пока местные силы не дали им достаточного количества «сырых материалов». Выход из этого круга будет возможен только в том случае, если как ученые исследователи, так и местные деятели постараются дать, что́ могут, и примирятся с теми недостатками своих трудов, которые вытекают из такого временного положения. Автор надеется, что его книга до некоторой степени даст местным деятелям возможность «ориентироваться» в истории Средней Азии до смерти Чингиз-хана и что с своей стороны местные деятели доставят материал как для исправления погрешностей книги, так и для дальнейших изысканий [1]. Рассчитывая на туркестанских читателей, автор старался избегать выражений, понятных только для специалистов, и включил в свою книгу много сведений, не представляющих для специалистов ничего нового. По той же причине автор отказался от приложения карты к своему географическому очерку, так как туркестанскими деятелями, знакомыми с техникой исполнения картографических работ, подобная работа может быть сделана гораздо лучше, на основании изучения собранного в книге материала и непосредственного знакомства с краем. При этом придется обратить особенное внимание на течение больших рек; направление главных рукавов Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи и Зеравшана, как видно из книги, в домонгольский период существенно отличалось от нынешнего [2].

В заключение автор считает долгом выразить свою глубокую признательность как лицам, оказавшим ему содействие при его занятиях в библиотеках С.-Петербурга, Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Парижа

---

[1] Печатание книги, вместе с поправками и дополнениями, было уже закончено, когда автор познакомился со статьей Н. Ф. Ситняковского о долине Зеравшана (ИТОРГО, т. I, вып. III, 1900) и со статьей В. А. Каллаура о развалинах Перовского уезда (ПТКЛА, год V). <Поправки и дополнения по этим статьям были введены в англ. изд. 1928 г. — *Ред.*>

[2] <Карта к «Туркестану», как и к другим томам «Сочинений», в настоящее время готовится к изданию и будет приложена в отдельном конверте к одному из очередных томов. — *Ред.*>

и Лейдена, так и учителям, руководившим его занятиями в С.-Петербурге и за границей. Мысль заняться исследованием арабских известий о Туркестане впервые была внушена автору, еще на студенческой скамье, проф. Д. А. Хвольсоном. С искренней благодарностью автор вспоминает о своем покойном учителе А. Мюллере, уроками которого он имел счастье пользоваться в последний год его жизни. Просмотр корректурных листов любезно взяли на себя К. Г. Залеман (персидские тексты), бар. В. Р. Розен (арабские тексты и Введение) и Н. Я. Марр; указатель цитованных книг и рукописей составил К. А. Иностранцев. Отношение бар. В. Р. Розена к своим ученикам давно известно и не нуждается в изъявлениях благодарности; автор только считает долгом упомянуть о том, что в такой же степени, как его старшие товарищи, пользовался наставлениями бар. Розена и находил в нем нравственную опору в трудные минуты, которых так много в жизни начинающего ученого.

В. Бартольд

Июнь 1900 года

ТУРКЕСТАН
В ЭПОХУ
МОНГОЛЬСКОГО
НАШЕСТВИЯ

Введение

ИСТОЧНИКИ

I. ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Существовали ли в Средней Азии до мусульманского завоевания какие-нибудь исторические сочинения, в точности неизвестно. На существование подобной литературы указывают слова китайского путешественника Сюань Цзана[1] (VII в.); но до нас не дошли даже названия подобных трудов. Если верить писателю XI в. Бируни[2], то арабские завоеватели, особенно Кутейба б. Муслим (в начале VIII в.), истребили в Персии, Согдиане и Хорезме жрецов (носителей местной культуры) и их книги; но более ранние источники ничего не говорят о подобном истреблении, которое и само по себе кажется маловероятным[3]. В дошедших до нас известиях об арабском завоевании не говорится ни о каких фактах, которые бы указывали на существование влиятельного местного духовенства, возбуждавшего народ к сопротивлению арабам. Более вероятно, что в Средней Азии, как и в Персии до эпохи Сасанидов, не было исторических трудов в настоящем смысле слова, а были только народные предания, которые после принятия населением ислама потеряли значение и были забыты без всяких насильственных мер со стороны завоевателей.

Как бы там ни было, мы о ходе и последствиях арабского завоевания можем судить только по рассказам самих арабов. В первые три столетия мусульманской эры арабский язык оставался языком почти всей прозаической литературы на всем протяжении мусульманских владений; с IV в. х. персидский язык постепенно становится литератур-

---

[1] Пер. Жюльена, I, 13.

[2] *Āṯār ал-бāḳийа,* изд. Захау, 36, 48; пер. Захау, 42, 58.

[3] Издатель сочинений Бируни проф. Захау полагает, что Бируни, говоря о завоевании Кутейбы, вероятно, вспоминал при этом рассказ о завоевании Персеполя Александром (Sachau, *Zur Geschichte,* I, S. 29).

ным языком восточной части мусульманского мира и сохранил это значение до нашего времени; число прозаических сочинений на тюркском языке и теперь крайне незначительно.

Как из персидских, так и из арабских сочинений в Европу прежде всего проникли позднейшие компиляции, вытеснившие на Востоке оригинальные сочинения. Из арабских компиляций еще в XVII в. были переведены на латинский язык труды ал-Макина[1] (ум. в 672/1273-74 г.) и Абу-л-Фараджа[2] (ум. в 685/1286 г.). Более значения долгое время имел труд компилятора XIV в. Абу-л-Фида[3], изданный в конце прошлого века в тексте и латинском переводе. Теперь доказано, что при изложении истории первых шести веков хиджры Абу-л-Фида почти буквально переписывал сочинение более раннего компилятора, Ибн ал-Асира (Изз ад-дин Абу-л-Хусейн Али б. Мухаммед), труд которого доведен до 628 г. х. (автор умер в 630 г. х.). Только после издания замечательного труда Ибн ал-Асира[4] исследователи истории мусульманского Востока могли почувствовать под собой твердую почву. С величайшей добросовестностью и редким для того времени критическим тактом автор отовсюду собрал материал для своего труда; в тех случаях, когда он затрудняется, которому из двух противоречивых источников отдать предпочтение, он приводит оба рассказа. Его труд отнюдь не представляет одной летописи внешних событий; насколько это допускают рамки сочинения, Ибн ал-Асир дает нам достаточное понятие о господствовавших в разные эпохи идеях и стремлениях, об истинном характере исторических деятелей и т. п.; литературным деятелям отведено подобающее место.

Для истории первых трех веков ислама главным источником Ибн ал-Асира был компилятивный труд Абу Джа'фара Мухаммеда б. Джерира ат-Табари, доведенный до 302 г. х. (автор умер в 310/923 г.). Издание этого труда, предпринятое группой ориенталистов в 1901 г.[5],

---

[1] *Historia Saracenica, qua Res Gestae Muslimorum* ...Arabicè olim exarata à Georgio Elmacino... Et latinè reddita operâ ac studio Th. Erpenii, Lugduni Batavorum, 1625; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 348.

[2] *Historia compendiosa dynastiarum,* authore Gregorio Abul-Pharajio...Arabice edita & Latine versa, ab E. Pocockio, Oxoniae, 1663; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 349 sq.

[3] Abulfedae *Annales moslemici* arabice et latine. Opera et studiis J. J. Reiskii..., ed. J. G. Chr. Adler, t. I—V, Hafniae, 1789—1794; Brockelmann, GAL, Bd II, S. 44 sq.

[4] Ibn-el-Athiri *Chronicon quod perfectissimum inscribitur,* ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876. Кроме того, издано в Каире в 1301/1883 г.; см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 345 sq.

[5] *Annales* quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, series I, 1879—1890; series II, 1881—1889; series III, 1879—1890; Introductio, glossarium, addenda et emendanda, 1901; Indices, 1901; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 142 sq.

представляет большой шаг вперед в востоковедении. Вопросу об отношении Ибн ал-Асира к Табари посвящено исследование немецкого ученого К. Брокельмана [1]. Он приходит к заключению, что и после издания труда Табари сочинение Ибн ал-Асира сохраняет выдающееся место среди первоисточников, даже для истории древнейших времен ислама. Табари, по замечанию Брокельмана, задался целью дать в своем труде свод всех исторических сведений арабов. Большею частью он ограничивается пересказом своих источников, иногда соединяет в одном рассказе данные, заимствованные из различных сочинений, но почти не касается вопроса о сравнительной достоверности того или другого предания [2]. Полное отсутствие критики в его труде удивительно даже для того времени. Кроме того, в отличие от большей части других сочинений, рассказ Табари, по мере приближения ко времени жизни автора, становится все более и более кратким, и при изложении современных автору событий эта краткость достигает высшей степени, что, как замечает Брокельман, может быть, объясняется преклонным возрастом Табари (он родился в 224/839 г.). Ибн ал-Асир с большим умением обработал имевшийся в его распоряжении материал и в значительной степени дополнил труд своего предшественника. Во многих случаях его источники пока остаются для нас недоступными, в других мы имеем возможность проверить его показания; результаты этой проверки настолько благоприятны для автора, что мы можем полагаться на него даже в тех случаях, когда его источники нам совершенно неизвестны. Насколько справедливо это мнение Брокельмана, можно видеть из следующего примера: только у Ибн ал-Асира мы находим подробный рассказ о столкновении арабов с китайцами (751 г.), решившем судьбу западной части Средней Азии; ни Табари, ни вообще дошедшие до нас ранние исторические труды арабов не говорят об этом; между тем, слова Ибн ал-Асира вполне подтверждаются китайской «Историей династии Тан» [3].

Из других позднейших арабских компиляций, имеющих значение для нас, можно указать на биографический словарь Ибн Халликана (Шемс ад-дин Ахмед б. Мухаммед, ум. в 681/1282 г.), издававшийся несколько раз и переведенный на английский язык [4]. Автор большею

---

[1] Brockelmann, *Das Verhältnis.*

[2] <В труде К. Брокельмана, впрочем, критика приемов Табари дана с оговоркой: «gelegentlich» («иногда»). — *В. М.*>

[3] Ср. Бартольд, *О христианстве в Туркестане,* стр. 7; также Chavannes, *Documents,* pp. 142 sq., 297 sq. Та же битва упоминается у Са'алиби (*Лата'иф*, 126).

[4] Ibn Challikani *Vitae illustrium virorum...* ed. ...F. Wüstenfeld, fasc. I—XIII, Gottingae, 1835—1837; *Kitab wafayat al-aiyan. Vies des hommes illustres de l'Islamisme* en arabe, par Ibn Khallikan, publiées... par le Bon Mac Guckin de Slane, t. I, Paris,

частью называет свои источники [1] и иногда дает обширные выписки из утраченных для нас сочинений. Менее важна для нас «Всемирная история» Ибн Халдуна (Вели ад-дин Абу Зейд Абд ар-Рахман, ум. в 808/1406 г.), изданная на Востоке [2], хотя на этот труд, наряду с Ибн ал-Асиром, чаще всего ссылаются авторы статей о той или другой восточной династии. Для истории Средней Азии Ибн Халдун, живший в Испании и Африке, дает мало нового сравнительно с Ибн ал-Асиром, которым он, очевидно, пользовался; те немногие из сообщаемых им данных, которых мы не находим у Ибн ал-Асира, не всегда выдерживают критику. Замечательные историко-философские взгляды, выраженные в его знаменитом «Введении» [3], также имеют мало отношения к Средней Азии.

Удовлетворить требованиям исторической критики мы, конечно, будем в состоянии только тогда, когда от позднейших компиляций будем восходить к первоисточникам. Благодаря трудам нескольких арабистов значительная часть сохранившихся арабских первоисточников теперь издана; к сожалению, число их очень незначительно сравнительно с числом исторических сочинений первых веков хиджры, известных нам только по названию. О ходе развития исторической литературы у арабов писали уже много раз [4]; здесь достаточно отметить, что исторические сочинения писались еще в эпоху Омейядов. Распространение образования при Аббасидах привело к такому развитию литературы по всем отраслям знания, что в конце X в. н. э. мог появиться обширный библиографический труд Абу-л-Фараджа Мухаммеда б. Исхака ан-Недима *Фихрист ал-'улӯм* (букв. «Оглавление наук»). Труд ан-Недима, изданный Флюгелем и Редигером [5], всегда останется настольной книгой для каждого, изучающего какую-нибудь отрасль арабской литературы; кроме того, мы находим в нем некоторые драгоценные обще-

1842. Кроме того, восточное (булакское) издание 1275/1859 г.; см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 326 sq.

Ibn Khallikan's *Biographical Dictionary*, transl. from the Arabic by B^n^Mac Guckin de Slane, vol. I—IV, Paris, 1842—1871.

[1] О них см. Wüstenfeld, *Über die Quellen*.

[2] В Булаке в 1284/1867 г. <см. Библиографию>.

[3] Издано в тексте и французском переводе в Notices et extraits, t. XVI—XXI <см. Библиографию>.

[4] Ср. Kremer, *Culturgeschichte*, Bd II, S. 414—425; см. также о ранних арабских историках Ибн Са'д, III, предисл. Э. Захау, а также его статья в MSOS, Bd VII, 1904 <Sachau, *Studien*>. <См. еще новые работы Ф. Розенталя и Х. А. Р. Гибба в Библиографии. — *Ред.*>

[5] *Kitâb al-Fihrist*. Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel, nach dessen Tode besorgt von J. Roediger und A. Müller. Bd I: den Text enthaltend, von J. Roediger, Leipzig, 1871; Bd II: die Anmerkungen und Indices enthaltend, von A. Müller, Leipzig, 1872; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 147 sq. Краткая заметка об авторе у Якута (*Иршад*, VI, 408).

исторические сведения, которых нет в других источниках. Перечень арабских историков мы находим также в знаменитой энциклопедии Мас'уди (Абу-л-Хасан Али б. Хусейн, ум. в 345/956 г.) «Золотые луга» (*Мурӯдж аз-захаб*), изданной, в тексте и французском переводе, Барбье де Менаром [1]. Мас'уди, дает нам несколько таких имен, которых нет в *Фихристе*. Некоторые сведения о ранних арабских историках дает в своей краткой энциклопедии Ибн Кутейба (Абу Мухаммед Абдаллах б. Муслим, ум. в 276/839 г.), сочинение которого издано Вюстенфельдом [2].

Из названных в *Фихристе* сочинений особенное значение для нас имели бы труды ал-Мадаини [3] (Абу-л-Хасан Али б. Мухаммед, ум. в 215/830 или 225/840 г.), который, по словам самих арабов [4], подробнее других писал об истории Хорасана, Индии и Фарса; и действительно, Табари, говоря о происходивших на восточной окраине событиях, чаще всего ссылается на Мадаини, через посредство Абу Зейда Омара б. Шеббы ан-Нумейри, умершего в 262/875 г., 90 лет от роду [5]. Среди сочинений Мадаини, названных в *Фихристе*, есть биографии халифов до Му'тасима (833—842) включительно; из других книг его для нас имели бы первостепенное значение: 1) Книга о завоеваниях в Хорасане; 2) Книга о правлении Асада б. Абдаллаха ал-Касри; 3) Книга о правлении Насра б. Сейяра; 4) Книга анекдотов о Кутейбе б. Муслиме. Мадаини, конечно, пользовался более ранними трудами, между прочим трудами известного биографа пророка Ибн Исхака (Мухаммед б. Исхак б. Ясар, ум. в 150 или 151/767-68 г.), написавшего также «Историю халифов» [6]. Трудом Ибн Исхака пользовался другой историк, на которого непосредственно ссылается Мадаини, именно Али б. Муджахид, не упомянутый в *Фихристе*, но названный у Мас'уди [7] как автор «Книги известий об Омейядах».

Для истории Ирака наиболее авторитетным писателем считался

---

[1] Мас'уди, *Мурӯдж*, I, 10 и сл.; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 143 sq. Ср. резкий критицизм Маркварта по отношению к Мас'уди в предисловии к его «Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge», S. XXXV («предшественник репортеров и путешественников наших дней»).

[2] Ибн Кутейба, *Китāб ал-ма'āриф*, 265 и сл. Тот же ученый сделал попытку собрать сведения об арабских историках в статье «Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke».

[3] *Фихрист*, I, 100—103; биография у Якута (*Иршāд*, V, 309—318). Согласно Табари (III, 1330), ал-Мадаини умер в 228 г. х.

[4] *Фихрист*, I, 93. Отзыв принадлежит лицу, умершему в 258/872 г. (там же, 105).

[5] О нем см. *Фихрист*, I, 111—113; Мас'уди, *Мурӯдж*, I, 11; также Якут, *Иршāд*, VI, 48.

[6] *Фихрист*, I, 92.

[7] *Мурӯдж*, I, 2.

Абу Михнаф[1] (Лут б. Яхья ал-Амири ал-Азди). Хорасан, как известно, долгое время входил в состав иракского наместничества; этим объясняется, что Табари и при изложении событий, происходивших в Хорасане, очень часто ссылается на Абу Михнафа.

Эти источники Табари не дошли до нас; в немногих сохранившихся, частью уже изданных сочинениях III в. х. о событиях, происходивших в восточной части мусульманского государства, говорится еще более кратко, чем у Табари, хотя иногда мы находим у этих авторов отдельные известия, которых у Табари нет. Из таких сочинений прежде всего следует назвать «Историю завоеваний» Балазури[2] (Абу-л-Хасан Ахмед б. Яхья; по другим известиям, Абу Джа'фар, ум. в 279/892 г.); этот труд, который, по мнению Мас'уди, является лучшей книгой по истории арабских завоеваний, издан голландским ориенталистом проф. де Гуе[3]. Из источников Балазури, которыми Табари, по-видимому, не пользовался, для нас имели бы наибольшее значение сочинения Абу Убейды[4] (Ма'мар б. Мусанна, ум. между 207 и 211/822 и 826 гг.). У Абу Убейды, считавшегося одним из лучших знатоков арабской истории, Балазури заимствовал некоторые сведения, которых в других источниках нет. Так, Абу Убейда, в противоположность другим источникам, уверяет, что первый поход арабов за Аму-Дарью был совершен еще при халифе Османе и хорасанском наместнике Абдаллахе б. Амире[5]; и действительно, мы находим в китайских источниках[6] известие, что арабы между 650 и 655 гг. опустошили область Маймург (к юго-востоку от Самарканда).

Большого внимания заслуживает также всемирная история Я'куби (Ахмед б. Аби Я'куб б. Джа'фар б. Вахб б. Вадих), изданная проф. Хаутсма[7]. Это сочинение написано во второй половине III в. х. и

[1] О нем см. *Фихрист,* I, 93; Мас'уди, *Мурӯдж,* I, 10; Ибн Кутейба, *Китāб ал-ма'āриф,* 267; Якут, *Иршāд,* VI, 48; Wüstenfeld, *Der Tod des Husein,* S. 3—4; ср. мою статью <*Абу-Михнаф*> в ЗВОРАО (т. XVIII, стр. 0147—0149).

[2] *Фихрист,* I, 113; Мас'уди, *Мурӯдж,* I, 14; Kremer, *Culturgeschichte,* Bd II, S. 420.

[3] *Liber expugnationis regionum* auctore... al-Beládsori..., ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 141.

[4] *Фихрист,* I, 53—54; Ибн Кутейба, *Китāб ал-ма'āриф,* 269; Ибн Халликан, № 741 (пер. де Слэна, III, 388 и сл.). Подробная характеристика Абу Убейды в книге Гольдциера (Goldziher, *Muhammedanische Studien,* Bd I, S. 194—206).

[5] Балазури, 408.

[6] Бичурин, *Собрание сведений,* изд. 1-е, т. III, стр. 245; Chavannes, *Documents,* p. 144. Однако возможно, что *Ми* стоит здесь в китайском тексте по ошибке вместо *Мерв.*

[7] Ibn Wādhih qui dicitur al-Ja'qubī, *Historiae.* Ed. M. Th. Houtsma, pars I, historiam ante-islamicam continens; pars 2, historiam islamicam continens, Lugduni Batavorum, 1883; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 226; Якут, *Иршāд,* II, 156 и сл.

доведено до 258/872 г. По словам издателя[1], Я'куби не имеет ничего общего с Табари и его источниками и принадлежит к другой группе, к которой можно отнести также Мас'уди, ал-Макина, Евтихия[2] и других. При изложении истории Хорасана Я'куби, однако, пользовался главным источником Табари — сочинениями Мадаини[3]; тем не менее мы иногда находим у него интересные подробности, которых нет у Табари.

Наконец, можно упомянуть еще труд Абу Ханифы (Ахмед б. Давуд ад-Динавери, ум. в 288/901 г.), изданный Гиргасом[4]. Несмотря на всю свою краткость, и этот труд, доведенный только до 227/842 г., для нас не бесполезен.

Рядом с исторической литературой уже в III в. х. существовала и географическая, к которой относятся как сочинения путешественников, желавших удовлетворить любознательность публики рассказами о малоизвестных землях, так и написанные ради государственных потребностей официальные дорожники и статистические сочинения о доходности различных областей. Подобные сочинения и в восточной половине государства писались еще во II в. х.; так, упоминается «Книга о хорасанской подати» Хафса б. Мансура Мервези, секретаря хорасанского наместника Али б. Исы[5] (180—191/796—807 гг.). Дошедшие до нас географические сочинения, написанные в III и IV вв. х., изданы де Гуе под общим названием «Bibliotheca Geographorum Arabicorum». Самый древний из этих трудов принадлежит Ибн Хордадбеху[6] (Убейдаллах б. Абдаллах б. Хордадбех); первое издание его написано, как полагают, около 232/847 г., второе, более полное, около 272/885-86 г. Следующий по времени труд написан уже упомянутым историком Я'куби[7] в 278/891 г.; к первым годам X в. н. э. относят труды Ибн Русте[8] (Абу Али Ахмед б. Омар) и Ибн ал-Факиха[9] Хамадани.

---

[1] Я'куби, *Ta'pūẋ*, I, стр. VIII.

[2] Александрийский <мелкитский (православный)> патриарх, умерший в 328/940 г.; его труд, не имеющий значения для нас, был издан и переведен на латинский язык еще в XVII в. и позднее переиздан в собрании «Corpus scriptorum christianorum orientalium».

[3] Я'куби, *Ta'pūẋ*, II, 4.

[4] Abû Ḥanîfa ad-Dînaweri, *Kitâb al-aḫbâr aṭ-ṭiwâl*. Publié par V. Guirgass, Leide, 1888; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 123; Kratchkowsky, *Préface etc. à Abū Ḥanīfa*, Leide, 1912 (рец.: Seybold, ZDMG, Bd LXVII, 1913).

[5] *Тексты*, стр. 2 (из Гардизи).

[6] BGA, VI; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 225. О времени сочинения этого географического трактата см. Ибн Хордадбех, предисл., стр. XVIII—XX. Ср., однако, точку зрения Маркварта (*Streifzüge*, S. 390) о том, что было лишь одно издание, законченное около 272 г. х.

[7] BGA, VII.

[8] Ibid.; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 227.

[9] BGA, V; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 227. Очень краткая заметка у Якута (*Иршад*, II, 63).

Распадение халифата, начавшееся в IX в. н. э., в X в. уже было совершившимся фактом; в различных областях возникли самостоятельные династии, между которыми часто происходили войны. Каждый государь старался придать возможно больше блеска своей столице и своему двору; с этой целью оказывалось покровительство поэтам и ученым, так что распадение мусульманской империи должно было содействовать развитию науки и литературы, по крайней мере количественному. Из династий X в. для нас особенно важны Буиды, господствовавшие в Ираке и Западной Персии, и Саманиды, владевшие Мавераннахром и Восточной Персией.

При тесных сношениях (дружественных и враждебных) между Буидами и Саманидами исторические сочинения, написанные при дворе Буидов, наверное имели бы значение и для изучения истории Средней Азии; к сожалению, эти труды пока должны считаться утраченными. Среди них первое место принадлежит труду Абу-л-Хасана Сабита б. Синана ас-Саби[1] (сабейца), придворного врача Буида Му'изз ад-дауля. Сочинение Сабита (ум. в 365/976 г.) обнимает время с 295 г. х. (со вступления на престол халифа Муктадира) по 363 г. х.

Продолжением этой книги является сочинение его племянника Абу-л-Хусейна Хилаля б. ал-Мухассана[2] (ум. в 448/1065 г.), доведенное до 447 г. х. Небольшой отрывок из этой летописи, обнимающий только три года (390—392 гг. х.), сохранился в одной рукописи Британского музея (Cod. Add. 19360); здесь мы находим интересный рассказ о занятии Бухары Караханидами, изданный в тексте и в переводе бар. В. Р. Розеном[3]. Сын Хилаля, Гарс ан-Ни'ма Мухаммед б. Хилаль, продолжил книгу своего отца до 476 г. х.[4].

Рядом с этими сочинениями упоминаются и другие; так, в словаре Сам'ани (о нем см. ниже) говорится о летописи Хутаби (Абу Мухаммед Исма'ил б. Али, ум. в 350/961 г.); Сам'ани называет эту книгу достоверным источником[5].

К той же семье, как Сабит и Хилаль, принадлежал Абу Исхак Ибрахим б. Хилаль[6] (ум. в 384/994 г.), написавший около 371 г. х. для

[1] О нем см. Chwolsohn, *Die Ssabier*, Bd I, S. 578 sq; *Фихрист*, I, 302; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 476, 491; Якут, *Иршад*, II, 397.

[2] О нем см. Chwolsohn, *Die Ssabier*, Bd I, S. 606 sq.

[3] Розен, *Рассказ Хилаля ас-Сабби*, стр. 272 и сл.; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 323. Выдержка из Хилаля опубликована отдельно Амедрозом и затем снова в *Eclipse*, vol. III; пер. проф. Марголиуса в т. VI.

[4] Впоследствии книга была продолжена различными авторами до 616 г. х.; ср. Хаджи Халифа, II, 123. Примечания в этом сочинении взяты из Ибн ал-Кифти, 110 и сл.

[5] *Тексты*, стр. 57 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الخطبي); Якут, *Иршад*, II, 349.

[6] Chwolsohn, *Die Ssabier*, Bd I, S. 588 sq.; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 397;

Буида Адуд ад-дауля историю Буидов под заглавием *Китāб ат-тāдж фī даулат ад-Дайлам*. Эта книга часто цитуется позднейшими авторами и в стилистическом отношении считалась образцовой, но едва ли отличалась исторической достоверностью, так как прямой целью ее было прославление Буидов и сам автор признавался, что для достижения этой цели он наполнил свою книгу тенденциозными вымыслами [1].

Наконец, историк Джувейни [2], писавший в XIII в., при взятии монголами Аламута, столицы исмаилитов (1256 г.), нашел в библиотеке начальников этой секты «Историю Гиляна и Дейлема» (*Та'рīх-и Джīл ва Дайлам*) неизвестного автора, написанную для Буида Фахр ад-дауля (ум. в 387/997 г.) [3].

Правители востока, Саманиды, не меньше Буидов покровительствовали писателям и ученым. Сами Саманиды были персами и покровительствовали преимущественно персидской поэзии; но вместе с тем при их дворе было также много поэтов, писавших на арабском языке. Подробные сведения о них мы находим в антологии Са'алиби (Абу Мансур Абд ал-Мелик б. Мухаммед, ум. в 429 или 430/1037—1039 гг.). Последняя (четвертая) часть антологии посвящена поэтам Хорасана и Мавераннахра; с некоторыми из них автор, посетивший Бухару в 382/992 г., был знаком лично. Среди биографических сведений о поэтах того времени есть интересные данные, рисующие бытовые условия в государстве Саманидов. Книга Са'алиби (полное заглавие ее: «Жемчужина времени относительно достоинств современников») издана на Востоке (в Бейруте в 1873 г.) [4]; выдержки из последней части, во

IX, 11, 74; Brockelmann, GAL, Bd I, S. 96; биография у Якута (*Иршāд*, I, 324—358) с выдержками из труда сына его дочери, Хилаля.

[1] Ср. Goldziher, *Muhammedanische Studien*, Bd I, S. 159.

[2] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 275. Чтение جيل вм. جنگ заимствовано из рук. ГПБ Хаников 71.

[3] О труде (Ибн) Мискавейха и его продолжателей пойдет речь ниже (стр. 78, прим. 3). Много выдержек из утраченных работ по истории Буидов имеется у Якута (*Иршāд*); к сожалению, этот текст (изданный Д. С. Марголиусом для GMS, VI) все еще неполон и лишен указателей. Ср. упоминание о *Та'рīх* везира Абу Са'да Мансура б. ал-Хусейна ал-Аби, умершего в 421 г. х. (Якут, *Иршāд*, II, 304 и V, 355), упомянутого также несколько раз в *Му'джам* (Index, VI, 730), а также биографию Абу Хайяна ат-Таухиди (Якут, *Иршāд*, V, 380—407), где несколько раз упоминается его диатриба против двух везиров — Абу-л-Фазла б. ал-Амида и Исма'ила б. Аббада. Цитаты из этого труда введены также в биографию последнего (Якут, *Иршāд*, I, 273—343). Наиболее ценные сведения относительно управления и административных терминов в персидских государствах X столетия даны в *Мафāтīх ал-'улūм* Абу Абдаллаха Мухаммеда б. Юсуфа ал-Хорезми; ср. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 244.

[4] <По Брокельману, в Дамаске в 1304/1886-87 г.; имеется в виду то же издание, которым пользовался В. В. Бартольд. — *Ред.*> Некоторый интерес представляет также

французском переводе, помещены Барбье де Менаром в «Journal asiatique» [1].

По словам Са'алиби [2], Бухара при Саманидах была «обителью славы, Ка'бой владычества, местом собрания выдающихся людей эпохи». Библиотеку Саманидов знаменитый Авиценна (Ибн Сина), пользовавшийся ею при Нухе б. Мансуре (ум. в 387/997 г.), описывает в своей автобиографии [3] в следующих словах: «Я вошел в дом со многими комнатами; в каждой комнате были сундуки с книгами, положенными одна на другую; в одной комнате были книги арабские и поэтические, в другой — книги по фикху и т. д., в каждой комнате книги по одной из наук. Я прочитал список книг древних [авторов] и спросил то, что мне было нужно. Я видел такие книги, которые многим людям неизвестны даже по названию; я никогда не видел подобного [собрания книг] ни раньше, ни после. Я прочитал эти книги, извлек из них пользу и понял значение каждого человека в его науке».

Тем не менее, историческая литература в государстве Саманидов, по-видимому, не достигла такого развития, как в государстве Буидов. Абу Али Мухаммед б. Мухаммед Бал'ами (ум. в 363/974 г.) [4], везир Абд ал-Мелика и Мансура, в 352/963 г. перевел на персидский язык

сочинение того же автора, посвященное изречениям известных государей, министров и писателей. Это сочинение издано в тексте и латинском переводе Валетоном (*Specimen e litteris orientalibus, exhibens Ta:ālibii Syntagma dictorum brevium et auctorum,* quod... ed., latine reddidit, et annotatione illustravit J. J. Ph. Valeton, Lugduni Batavorum, 1884). <О Са'алиби см. стр. 64, прим. 2 и 3. — *Ред*>

[1] JA, sér. 5, t. I, III. Выдержки из других частей труда Са'алиби можно найти в книгах: F. Dieterici, *Mutanabbi und Seifuddaula; aus der Edelperle des Tsaalibi,* Leipzig, 1847; R. Dvořák, *Abû Firâs...,* Leiden, 1895. Первый приводит список всех поэтов, упомянутых у Са'алиби. Антологии Са'алиби посвящена также докторская диссертация Дитерици (F. Dieterici, *De anthologia Arabica Tsaalebii Unio aetatis appellata,* Berolini, 1846). Тот же Са'алиби является также автором *Лата'иф ал-ма'ариф (Latáifo 'l-ma'árif,* auctore... at-Tha'álibi,... ed. P. de Jong, Lugduni Batavorum, 1867), где имеются некоторые ценные сведения о бумаге из Самарканда, а также о других предметах торговли. См. также Brockelmann, GAL, Bd I, S. 284 sq.

[2] Са'алиби, *Йатима,* бейрут. изд., IV, 33; извлеч. в пер. Барбье де Менара, III, 291.

[3] Ибн Аби Усейби'а, II, 4; также Ибн ал-Кифти, 416. Ср. Ибн Халликан, изд. Вюстенфельда, № 308 (пер. де Слэна, I, 441), где прибавлено еще, что библиотека скоро после того сгорела и что был слух, будто ее сжег сам Авиценна, желавший быть единственным обладателем приобретенных им знаний.

[4] Такая дата приводится у Гардизи (оксфорд. рук., л. 129). Д-р Рьё ошибочно приводит 386 г. х. (*Pers. MSS,* vol. I, p. 70), причем ссылается на Notices et extraits, t. IV, <de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*>, p. 363, где, однако, говорится не о Бал'ами, а об Абу Али Симджури. Абу Али Бал'ами, однако, упоминается у историка Утби еще под 382 г. х.; см. Утби — Манини, 170; Утби, рук. Аз. муз., л. 32; Нершахи, изд. Шефера, 159.

компиляцию Табари, но не продолжил текста до своего времени. Книга Бал'ами переведена на французский язык г-ном Зотенбергом[1]. Кроме этого труда (не имеющего теперь, после издания арабского подлинника Табари, почти никакого исторического значения)[2], можно назвать только «Историю правителей Хорасана» Абу-л-Хусейна Али[3] б. Ахмеда ас-Селлами, написанную на арабском языке. Автор упоминается в книге Са'алиби[4], который, однако, не дает о нем почти никаких сведений; мы узнаем только, что он был приближенным Абу Бекра б. Мухтаджа Чагани (Саганианского) и его сына Абу Али и разделил их судьбу (как известно, Абу Али несколько раз восставал против Нуха б. Насра, а незадолго перед своей смертью, последовавшей в 344/955 г., также против Абд ал-Мелика). Как мы увидим дальше, книга Селлами несомненно служила главным источником для тех авторов, у которых мы находим самые подробные известия об истории Хорасана и Мавераннахра, именно для Гардизи и Ибн ал-Асира. Кроме Ибн ал-Асира, в XIII в. сочинением Селлами пользовались Джувейни[5] и в особенности Ибн Халликан[6]. Подробно излагая историю Хорасана, автор, повидимому, старался скрыть «темные деяния» правителей области; так, у него не было рассказа об измене Тахира б. Хусейна, вероятно, также рассказа о ереси Насра б. Ахмеда. О последнем событии мы в обще-

---

[1] *Chronique de Abou-Djafar-Mo'hammed-ben-Djarir-ben-Jezid Tabari,* traduite sur la version persane d'Abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami,... par H. Zotenberg, t. I—IV, Paris, 1867—1874. <Персидский оригинал издавался несколько раз на Востоке литографским способом. О Бал'ами см. Barthold, *Bal'ami;* Storey, *Persian literature,* vol. I, pt I, sect. II, fasc. 1, pp. 61—65. — *Ред.*>

[2] <В наши дни это слишком категорическое заключение не разделяется специалистами. Сейчас установлено, что Бал'ами пользовался, видимо, не дошедшей до нас полной версией труда Табари (а также и некоторыми другими источниками); поэтому книга Бал'ами передает некоторые сведения, которых нет в лейденском издании, основанном на дошедшей до нас сокращенной версии труда Табари. — *Ред.*>

[3] Так по Ибн Халликану, но должно быть: Абу Али Хусейн; см. Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden,* S. 174 sq.

[4] *Йатима,* бейрут. изд., IV, 29; извлеч. в пер. Барбье де Менара, I, 212.

[5] Ссылка на Селлами у Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 275; <изд. Казвини, III, 271. — *В. М.*>.

[6] В рассказах о: 1) Тахире б. Хусейне (№ 308), 2) Абдаллахе б. Тахире (№ 350), 3) Фазле б. Сахле (№ 540), 4) Кутейбе б. Муслиме (№ 553), 5) Мухаллабе б. Абу Суфре (№ 764), 6) Саффаридах (№ 838). Труд Селлами цитуется несколько раз в *Иршад* Якута, например в биографии Джейхани (VI, 293). Он использован также Ибн Макулой (Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом السيفتلى), т. е. Абу Наором Али б. ал-вазиром Абу-л-Касимом Хейбеталлахом (ум. в 473/1080-81 г.), автором «Книги совершенствования» (*Китаб ал-икмал*); ср. Мирхонд, *История Буидов,* изд. Вилькена, 108; Wüstenfeld, *Die Geschichtschreiber,* S. 72. Биография Ибн Макулы у Якута (*Иршад,* V, 435—440), где упоминается и другой его исторический труд — *Китаб ал-вузара'* («Книга о везирах»).

исторических сочинениях, находившихся (конечно, не всегда непосредственно) под влиянием Селлами, не находим никаких известий, хотя самый факт, как мы постараемся показать при обзоре истории Саманидов, не подлежит никакому сомнению[1].

Из предшественников Селлами можно упомянуть Абу-л-Касима Абдаллаха б. Ахмеда ал-Балхи ал-Ка'би (ум. в 319/931 г.), автора книг «Добрые дела Тахиридов» и «Предметы гордости Хорасана»[2].

Бóльшего развития, чем историческая литература, в государстве Саманидов, по-видимому, достигла географическая[3]. В их владениях, именно в городе Балхе, жил географ Абу Зейд Ахмед б. Сахль ал-Балхи[4] (ум. в 934 г.). По отзыву позднейшего географа Макдиси, труд Балхи представлял главным образом комментарий к составленным им географическим картам; оттого его сочинение было слишком кратко и многие подробности не были упомянуты, особенно в описаниях городов[5]. Труд Балхи дошел до нас только в дополненной редакции, принадлежащей Абу Исхаку Ибрахиму б. Мухаммеду ал-Фарси ал-Истахри[6] (ок. 951 г.); труд Истахри впоследствии был дополнен Абу-л-Касимом Ибн Хаукалем[7] (ок 976 г.). Как Истахри, так и Ибн Хаукаль происходили из западных стран, но посетили Мавераннахр и подробно описывают его. Таким же путешественником был Макдиси[8] (Шемс

---

[1] В *Иршад* (II, 60) упоминается сочинение (возможно, в некоторой части более позднее) Абу-л-Хусейна Мухаммеда б. Сулеймана по истории Хорасана فريد التاريخ في اخبار خراسان <Вместо *Фарид ат-та'рих* следует читать *Мазид ат-та'рих* (см. стр. 312, прим. 7). — *В. М.*>

[2] Хаджи Халифа, V, 412; VI, 7; Wüstenfeld, *Die Geschichtschreiber*, S. 83.

[3] Много фактов, относящихся к этой литературе и знаниям арабов о Китае и Индо-Китае, собрано Г. Ферраном (*Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du VIIIe au XVIIIe...siècles*, traduits, revus et annotés par G. Ferrand, t. I—II, Paris, 1913—1914, с единой пагинацией для обоих томов). Во второй том (стр. 627 и сл.) включены также «тексты китайские, японские, тамильские, кави и малайские».

[4] О нем и о редакциях его труда см. монографию де Гуе (de Goeje, *Die Istakhrī — Balkhī Frage*, S. 42—58). Вопреки этой работе Брокельман (GAL, Bd I, S. 229) повторяет еще раз ошибочное утверждение, что труд, находящийся в Берлинской библиотеке, есть сочинение Балхи. Относительно новой рукописи см. Kratchkowsky, *Préface etc. à Abū Ḥanīfa*, p. 24, и рец.: Seybold, ZDMG, Bd LXVII, S. 541. <См. также: Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 195—196. — *Ред.*>

[5] Макдиси, 4; перевод этого отзыва у де Гуе (*Die Istakhrī — Balkhī Frage*, S. 56).

[6] BGA, I.

[7] BGA, II.

[8] BGA, III; второе издание — 1906 г., почти без всяких исправлений. По вопросу о чтении имени — Макдисī или Мукаддасī — см. de Goeje, JA, sér. 9, t. XIV, p. 367, и в предисловии к изданию 1906 г., с ответом А. Фишера <Fischer, *Al-Maqdisi*> в ZDMG, Bd LX, S. 404 sq, а также Schwarz, *Iran im Mittelalter*, Bd II, предисл. В словаре Сам'ани (изд. Марголиуса, л. 539 б) имя дается только в форме Макдисī.

ад-дин Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед, ок. 985 г.), один из величайших географов всех времен; по отзыву Кремера [1] (со слов Шпренгера), «его известия о климате, произведениях, торговле, монетах, мерах и весах, нравах, податях и повинностях каждой страны принадлежат к важнейшим данным по истории восточной культуры» [2].

Покровителем Абу Зейда Балхи был саманидский везир Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед Джейхани [3], управлявший государством во время малолетства Насра б. Ахмеда (с 914 г.). По словам Гардизи [4], Джейхани был «автором многих трудов по всем отраслям науки»; между прочим, ему принадлежало географическое сочинение, озаглавленное (как и другие труды этого рода) «Книга путей и государств». Об этом труде Макдиси [5] дает следующий отзыв: «Автор собрал иностранцев, расспросил их о царствах, как к ним проникнуть, каковы дороги к ним, также о высоте звезд и о длине тени в их стране, чтобы таким образом облегчить дело завоевания областей, знать пути к ним, также чтобы твердо знать звезды и круговращение небесного свода. Известно, как он разделил мир на семь климатов (поясов) и для каждого климата определил звезду. То он говорит о звездах и геометрии, то приводит вещи, от которых массе народа нет пользы, то описывает индийских идолов, то рассказывает о чудесах Синда, то перечисляет подати и доходы. Как я убедился, он упоминает даже о малоизвестных станциях и отдаленных местах остановки. Он не перечисляет областей, не указывает распределения военных отрядов, не описывает городов и не говорит о них подробно; но он упоминает о дорогах на восток, на запад, на север и на юг, подробно говорит о находящихся на этих путях низменностях, горах, долинах, холмах, деревьях и реках; вследствие этого его книга стала длинной и ему пришлось оставить без внимания бо́льшую часть военных дорог и описать только главные города». В одной редакции своей географии Макдиси еще прибавляет: «Я видел его книгу, в семи томах, в библиотеке Адуд ад-дауля [975—983], без имени автора; другие говорили, что эта книга принадлежит Ибн Хордадбеху. В Нишапуре я видел две сокращенных редакции, из которых одна была приписана Джейхани, другая — Ибн Хордадбеху; содержание обеих тожественно, только у Джейхани кое-что прибавлено».

---

[1] Kremer, *Culturgeschichte*, Bd II, S. 433.

[2] <Подробности см. Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 210—218. И. Ю. Крачковский принимает форму имени Мукаддасй. — *Ред.*>

[3] *Фихрист*, I, 138, где по ошибке назван сын Абу Абдаллаха, Абу Али, живший позже.

[4] *Тексты*, стр. 6.

[5] Макдиси, 3—4.

Из этого мы можем заключить, что Джейхани писал свой труд на основании собранных им лично справок, но пользовался также, притом в обширных размерах, трудом Ибн Хордадбеха. Ссылки на Ибн Хордадбеха, встречающиеся у Гардизи и в извлечениях из Джейхани, не соответствуют изданному тексту; так как, по исследованию де Гуе[1], полный экземпляр географии Ибн Хордадбеха до сих пор не найден, то трудно сказать, имеется ли в виду это сочинение или другой, более обширный труд того же автора, носивший заглавие: «Книга собрания генеалогий персов и их колоний»[2]. Есть полное основание надеяться, что в Средней Азии или в Индии со временем будут найдены рукописи как труда Джейхани, так и служившего ему источником труда Ибн Хордадбеха, по крайней мере в персидском переводе[3].

Гардизи называет сочинения Ибн Хордадбеха и Джейхани в числе главных источников, которыми он пользовался при составлении главы о тюрках[4]. Теми же источниками, без сомнения, пользовался и неизвестный автор географического сочинения «Границы мира», написанного в 372/982-83 г. на персидском языке для одного из саманидских вассалов, гузганского владетеля Абу-л-Хариса Мухаммеда б. Ахмеда б. Феригуна. Единственная до сих пор известная рукопись этого крайне интересного труда найдена в Бухаре в 1892 г. и принадлежит А. Г. Туманскому[5]. Главное значение его заключается в том, что в ней гораздо подробнее, чем в дошедших до нас арабских географических сочинениях, говорится о владениях тюрков и вообще о немусульманской части Средней Азии.

В эпоху Саманидов появились также сочинения, посвященные истории отдельных городов. Ни один из таких трудов, относящихся к Сред-

---

[1] BGA, VI, pp. XV—XVII.

[2] *Фихрист*, I, 149; BGA, VI, p. X.

[3] Утверждение, сделанное в русском издании 1900 г., основанное на цитатах из <Джузджани, пер.> Раверти, II, 961—962, прим., что рукопись персидского перевода, по-видимому, попала в руки покойного майора Раверти, не подтвердилось. Со времени его смерти в 1907 г. только немногие из его рукописей поступили в продажу, и среди них не было ни одной из упомянутых книг (сообщено проф. Э. Г. Броуном в письме от 2 января 1923 г.). <О Джейхани см. также: Крачковский, *Арабская географическая литература*, стр. 219—224. — *Ред.*>

[4] См. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 126.

[5] Статья А. Г. Туманского об этой рукописи <*Новооткрытый персидский географ*> напечатана в ЗВОРАО, т. X, стр. 121—137. Туманский хотел предпринять публикацию этой рукописи, но до своей кончины (1 декабря 1920 г.) так и не выполнил этого. <Рукопись Туманского — *Худуд ал-'алам* — издана в факсимиле, с введением и указателем В. В. Бартольда, в Ленинграде в 1930 г. (изд. АН СССР); англ. перевод с комментарием В. Ф. Минорского: *Ḥudūd al-'Ālam*... transl. and explained by V Minorsky. With the preface by V. V. Barthold..., London, 1937 (GMS NS, XI); V. Minorsky, *Addenda to the Ḥudūd al-'Ālam*, — BSOAS, vol. XVII, pt 2, 1955. — *Ред.*>

ней Азии, не дошел до нас в подлиннике. Судя по описаниям этих трудов и цитатам из них, встречающимся в различных сочинениях (особенно в словаре Сам'ани), они, за немногими исключениями, скорее должны быть названы богословскими, чем историческими. Автор приводит ряд изречений о достоинствах своего города, приписанных Мухаммеду или его сподвижникам; после этого перечисляются происходившие из города шейхи и другие святые мужи; для истории других событий из жизни города остается мало места.

Историю столицы Саманидов, Бухары, написал еще Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед б. Сулейман ал-Бухари[1] (ум. в 312/924 г.). Несколько позже, в 332/943-44 г., Абу Бекр Мухаммед б. Джа'фар ан-Нершахи[2] (ум. в 348/959 г.) поднес Нуху б. Насру «Историю Бухары», написанную на арабском языке «очень красноречивым слогом». В этой книге говорилось «о состоянии Бухары, ее достоинствах, прелестях, обо всем, что есть в Бухаре и ее окрестностях из удобств жизни и что вообще до нее относится»; приводились также хадисы о превосходстве города со слов пророка и его учеников. В XII в.[3], когда люди «большею частью не питали склонности к чтению арабских книг», Абу Наср Ахмед б. Мухаммед ал-Кубави по просьбе своих друзей (по-видимому, без поднесения царствующему лицу) перевел книгу на персидский язык, несколько сократив ее, так как в арабском подлиннике были рассказы, «чтение которых возбуждало скуку». Труд Кубави был окончен в 522/1128-29 г.; в 574/1178-79 г. Мухаммед б. Зуфер подверг его новому сокращению и в таком виде поднес его тогдашнему правителю Бухары, садру (главе духовенства) Абд ал-Азизу. Другой, неизвестный автор продолжил книгу до времени монгольского нашествия; в таком виде она дошла до нас и в 1892 г. была издана покойным Шефером[4]; французский перевод с подробными примечаниями, обещанный тем же уче-

---

[1] Хаджи Халифа, II, 117; VII, 654; Wüstenfeld, *Die Geschichtschreiber*, S. 33. Возможно, это то же лицо, что ал-Гунджар. Вполне вероятно, что раздельное упоминание об ал-Бухари и ал-Гунджаре у Хаджи Халифы можно объяснить тем, что он пользовался какой-либо рукописью, в которой в рассказе о последнем авторе <ал-Гунджаре. — *Ред.*> было опущено его другое прозвище, а его смерть ошибочно отнесена к 312 вместо 412 г. х. На это указывает сходство имен и дат; согласно Хаджи Халифе, имя ал-Бухари было Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед б. Сулейман, а имя ал-Гунджара было Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед б. Мухаммед б. Сулейман (см. *Тексты*, стр. 63; Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 411б).

[2] О нем см. Lerch, *Sur les monnaies*, p. 424 (=отд. отт., стр. 8).

[3] <В англ. изд. 1928 г. ошибочно: «в XIII в.» («in the thirteenth century»). В русск. изд. 1900 г. было: «в XII в.». — *Ред.*>

[4] *Description topographique et historique de Boukhara* par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892 (PÉLOV, IIIe sér., vol. XIII). Книга также издана литографским способом в Бухаре.

ным[1], не вышел в свет; в 1897 г. книга была переведена на русский язык в Ташкенте Н. С. Лыкошиным под моей редакцией[2].

Труд Нершахи, написанный для светского правителя, притом в такое время, когда пиетистическое направление еще не достигло полного господства, уже в подлиннике заключал в себе больше общеисторических сведений, чем другие летописи городов. О походах арабов у Нершахи иногда говорится подробнее, чем у Табари; очевидно, автор пользовался не дошедшими до нас трудами арабских историков; в одном месте он, по-видимому, даже ссылается на Мадаини[3]. Персидский переводчик, исключив из книги казавшееся ему скучным и бесполезным, в то же время внес в нее некоторые прибавления из других источников; из таких прибавлений наибольшее значение для нас имеют рассказы из древней истории Бухары, заимствованные из книги «Сокровищницы наук» Абу-л-Хасана Абд ар-Рахмана б. Мухаммеда ан-Нишапури, и рассказ о Муканна', заимствованный из книги некоего Ибрахима. Вероятно, имеется в виду Абу Исхак Ибрахим б. ал-Аббас ас-Сули, знаменитый поэт[4] (ум. в 243/857-58 г.), писавший также исторические сочинения; автор *Фихриста*[5] ссылается на книгу этого Сули в рассказе о другой религиозной секте.

Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед ал-Бухари ал-Гунджар[6] (ум. в 412/1021 г.), бумажный фабрикант (*ал-варрāқ*), написал «Историю Бухары», из которой Сам'ани (через посредство труда Мустагфири) заимствовал хронологический обзор династии Саманидов. Сам'ани[7] называет еще «Историю Бухары» Абу Бекра Мансура Берсахи[8].

Абу Са'ид Абд ар-Рахман б. Мухаммед ал-Идриси (ум. в 405/1015 г.), происходивший из Астрабада и живший в Самарканде,

---

[1] Нершахи, изд. Шефера, стр. IV.

[2] Мухаммад Наршахи, *История Бухары*. Перевел с персидского Н. Лыкошин, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897. <Новый английский перевод Нершахи издан Р. Фраем (*The History of Bukhara*. Transl. from a Persian abridgement of the Arabic original by Narshakhī R. N. Frye, Cambridge, Mass., 1954). — *Ред.*>

[3] Нершахи, изд. Шефера, 58, где вм. ميداني, вероятно, следует читать مدائني.

[4] О нем см. *Фихрист*, I, 122; II, 157; Goldziher, *Muhammedanische Studien*, Bd I, S. 114. Его биография — в *Иршāд* (I, 260—277). Его не следует смешивать с историком Абу Бекром Мухаммедом ибн Яхьей ас-Сули (о нем см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 143; Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*, стр. 0148 и сл.; Крачковский, *Поэтическое творчество Абул-л'Атāхии*, стр. 77 и сл.; Крачковский, *К описанию рукописей Ибн-Ṭайфӯра*, стр. 98 и сл.).

[5] *Фихрист*, I, 344.

[6] Биография — в *Иршāд* (VI, 329), где названы две различные даты (410 и 422 гг. х.).

[7] *Тексты*, стр. 53, где после ابو по недосмотру пропущено слово بكر.

[8] Сам'ани, изд. Марголиуса, л. 74б, под словом البرسخي, но возможно, что это тот же Абу Бекр Мухаммед Нершахи.

написал историю обоих городов[1]. Его «История Самарканда» была продолжена в XII в. известным богословом Абу Хафсом Омаром б. Мухаммедом ан-Несефи (ум. в 537/1142-43 г.); этот труд был известен под названием *Қанд*[2] или *Қандийа*. Извлечение из него сделал ученик Несефи, Мухаммед б. Абд ал-Джелиль ас-Самарканди[3]. До нас, по-видимому, дошла только эта сокращенная редакция в персидском переводе; несколько рукописей этого сочинения имеются в библиотеке С.-Петербургского университета и в Азиатском музее Академии наук[4]. Мы находим здесь некоторые известия о домусульманской эпохе, предания об арабском завоевании, рассказы о некоторых постройках и об устройстве орошения; но гораздо больше места занимают хадисы, биографии святых и перечисление их могил с подробными указаниями, когда и как совершать обряд поклонения им. Хаджи Халифа называет еще «Историю Самарканда» Мустагфири, автора истории Несефа.

Долине Кашка-Дарьи была посвящена «Книга о соперничестве (*муфāхарат*) людей Кеша и Несефа» Абу-л-Хариса Асада б. Хамдуи ал-Версини[5] (ум. в 315/927 г.); селение Версин находилось в окрестностях Несефа. Другое сочинение об истории Кеша и Несефа принадлежало Абу-л-Аббасу Джа'фару б. Мухаммеду ал-Мустагфири (ум. в 432/1041 г.), собравшему в двух толстых томах известия о замечательных людях города Несефа и насчитавшему до 80 категорий таких людей.

Хаким Абу Абдаллах Мухаммед б. Абдаллах ал-Бейи' (البيّع) ан-Нисабури (ум. в 405/1014 г.) в восьми толстых томах написал историю улемов города Нишапура[6]. Экземпляр этой книги, по-видимому, еще имел в руках турецкий библиограф Хаджи Халифа (ум. в 1658 г.), который приводит начало и конец книги и затем прибавляет[7]: «Мои

---

[1] *Тексты*, стр. 52 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الادريسى). Заглавие его сочинения по истории Самарканда также упомянуто у Сам'ани (под словом الخيذشترى, л. 215а) — كتاب الاكمال لمعرفة الرجال.

[2] Более полное заглавие: *Китāб ал-қанд фй та'рūх Самарқанд*, букв. «Сахарная книга об истории Самарканда». Ее первоначальное заглавие, согласно Сам'ани (изд. Марголиуса, под словом الشكانى), было كتاب القند فى معرفة علماء سمرقند.

[3] Хаджи Халифа, II, 133.

[4] *Тексты*, стр. 48. Эта книга переведена на русский язык В. Вяткиным; см. СКСО, вып. VIII и рец. В. В. Бартольда в ЗВОРАО, т. XVIII, стр. 0182—0190. Последний автор, чьи высказывания мы находим в дошедшей до нас книге, был Сейид Ахмед б. Эмир Вели, который писал не ранее конца XV в.

[5] *Тексты*, стр. 69 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الورثينى).

[6] *Тексты*, стр. 54, 68 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словами البيع и النيسابورى). Согласно Абу-л-Хасану Бейхаки, труд ал-Бейи' составлял 12 томов (Rieu, *Suppl. Pers.*, p. 61). <Об этом авторе см. Hamdani, *Some Rare Manuscripts*, p. 561. Он неоднократно цитируется в *Лисāн ал-мīзāн* Ибн Хаджара (F. Krenkow). — *В. М.*>

[7] Хаджи Халифа, II, 155—156.

глаза никогда не видели более славной летописи; я ставлю ее на первом месте среди книг, относящихся к отдельным областям. Бóльшая часть упомянутых им лиц — его шейхи (учителя) или шейхи его шейхов. Он упоминает также о спутниках и последователях [пророка], прибывших в Хорасан и поселившихся там; вкратце говорится о их происхождении и их истории. Затем [перечисляются] последователи последователей, затем третье и четвертое поколения. Он разделил всех их на шесть категорий; люди каждого поколения перечислены в алфавитном порядке; к последней, шестой категории отнесены лица, передававшие хадисы между 320 и 380 гг.». Абд ал-Гафир б. Исма'ил ал-Фариси [1] продолжил это сочинение до 518 г. х.; сокращенная редакция книги ал-Бейи' принадлежит компилятору Зехеби (ум. в 748/1348 г.).

Несмотря на такое специальное содержание, книга Бейи' представляла бы для нас значительный интерес, судя по его рассказу об истории Симджуридов, помещенному в словаре Сам'ани [2]. Из этого рассказа мы узнаем, что Симджуриды, находившиеся в явной борьбе с династией Саманидов, пользовались открытым сочувствием духовенства, которое вообще в борьбе между бюрократическим правительством и военной аристократией большею частью принимало сторону последней. Возможно, что труд Бейи' был источником Гардизи [3], Ауфи [4] и Хамдаллаха Казвини [5], изображающих борьбу между везиром Абу-л-Хусейном Утби и Симджуридами в ином свете (менее лестном для везира), чем историк Абу Наср Утби (источник Ибн ал-Асира, Рашид ад-дина, Мирхонда и др.) [6].

Истории Хорезма был посвящен труд Абу Ахмеда б. Са'ида ал-Кади (ум. в 346/957 г.) под заглавием *Ал-Кāфӣ* [7].

Эпоха владычества тюркской династии Караханидов для Мавераннахра несомненно была эпохой культурного регресса. Несмотря на благие намерения отдельных правителей, взгляд на государство как

---

[1] Труд Абд ал-Гафира цитуется Якутом (*Иршāд*, II, 107) для биографии одного ученого, умершего в рамазане 518 г. х. Ахмед Зеки Валиди видел копию этого труда в Константинополе.

[2] *Тексты*, стр. 60 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом السيمجورى).

[3] *Тексты*, стр. 11—12.

[4] Там же, стр. 91—93.

[5] *Та'рӣх-и гузӣде*, изд. Броуна, 385 и сл.; Нершахи, изд. Шефера, 105.

[6] См. также выдержку из ал-Бейи', опубликованную мной в ЗВОРАО, т. XVIII стр. 0147 <*О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*>, по *Китāб ал-мунтазам* Ибн ал-Джаузи (каирск. рук. تاريخ 306; об Ибн ал-Джаузи см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 502).

[7] Хаджи Халифа, II, 129. О летописях Мерва см. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 2; о летописях Балха см. Schefer, *Chrestomathie persane*, t. I, pp. 62—63 (Notes).

на собственность ханского рода и вытекающая из такого взгляда удельная система с неизбежными смутами должны были иметь последствием упадок как земледелия, промышленности и торговли, так и умственной культуры. Даже по заглавию мы знаем только очень немного сочинений, посвященных Караханидам. Сюда относятся «История Туркестана» и «История Хитая» Меджд ад-дина Мухаммеда б. Аднана, написанные для Тамгач-хана Ибрахима б. ал-Хусейна (ум. в 597/1201 г.) [1]. В первой книге говорилось о «тюркских народах и чудесах Туркестана», по словам Ауфи, также об «умерших царях» тюрков; во второй — о «царях Хитая». Под последним термином автор, писавший в VI в. х.[2], должен был понимать не весь Китай в нынешнем значении этого слова, но только страну китаев («киданей»), владевших в то время северной частью Срединного государства, или, скорее, империю кара-китаев, или Западных Ляо. «Историей Туркестана» пользовался Ауфи, который приводит из нее фантастическую легенду, по-видимому книжного происхождения, о предке династии, получившем прозвание Кара-хан[3]. «История Хитая» упоминается еще в «Красе летописей» (*Бахджат ат-тавāрӣх*) Шукраллаха Зеки[4] (ок. 861/1457 г.); кроме того, Мухаммед б. Али ал-Куши перевел книгу Мухаммеда б. Аднана на турецкий язык.

До нас, по-видимому, дошло только одно историческое сочинение, написанное в Мавераннахре при Караханидах, именно: «Примеры строгости при случайностях управления» Мухаммеда б. Али ал-Катиба ас-Самарканди[5]; книга написана для Кылыч-Тамгач-хана Мас'уда б. Али, царствовавшего во второй половине XII в. Автор более известен как составитель персидской прозаической версии «Большой книги Синдбада»[6]. Его исторический труд, сохранившийся, насколько известно, только в одной рукописи[7], состоит из биографий различных государей до султана Синджара включительно; рассказы большею частью имеют анекдотический характер и вообще мало интересны, за исключением помещенного в конце книги рассказа о современных автору событиях царствования Кылыч-Тамгач-хана[8].

---

[1] Хаджи Халифа, II, 122, 127, 143. — Автор упомянут у Ауфи (*Лубāб ал-албāб*, I, 179 и сл.; II, 378) как его дядя по материнской линии. <В русск. изд. 1900 г. было: «для Тамгач-хана Ибрагима б. Насра (ум. в 460=1068 г.)». — *Ред.*>

[2] <В русск. изд. 1900 г. была опечатка: «в V в.». — *Ред.*>

[3] *Тексты*, стр. 100—101 (Ауфи).

[4] Sachau—Ethé, *Catalogue*, p. 25.

[5] Хаджи Халифа, I, 368. Книга цитуется несколько раз у Ауфи, в его *Джавāми' ал-хикāйāт* (устное сообщение Х. М. Низамуддина).

[6] Ср. Ольденбург, *О персидской версии*, стр. 255 и сл.

[7] Cod. Lugd. 904 (*Catalogus LB*, vol. III, p. 14).

[8] *Тексты*, стр. 71—72.

Из современных Караханидам ученых, живших в Восточном Туркестане, мы знаем только одного историка, именно Абу-л-Футуха Абд ал-Гафира (или Абд ал-Гаффара) б. Хусейна ал-Алма'и, жившего в V в. х. (его отец, переживший сына, умер в 486/1093 г.) в Кашгаре и написавшего историю этого города; судя по отрывку из нее, приведенному в сочинении Джемаля Карши (о нем см. ниже), в этой книге было много легендарных известий и ошибок против хронологии. Другое сочинение того же автора, «Словарь шейхов» (*Му'джам аш-шуйӯх*), упомянуто у Сам'ани[1].

Только упадком культуры в государстве Караханидов объясняется факт, что даже мусульманские компиляторы, не говоря уже о европейских исследователях, заимствуют свои сведения о событиях, происходивших в эту эпоху в Мавераннахре, исключительно из сочинений, написанных в Персии. Прежде всего мы, конечно, должны упомянуть о трудах историков, писавших при дворе газневидских султанов, непосредственных преемников Саманидов в областях к югу от Аму-Дарьи.

Историческая литература при Газневидах была довольно обширна. Самый ранний исторический труд принадлежит Абу Мансуру Хусейну б. Мухаммеду Са'алиби (современнику названного на стр. 53—54 Абд ал-Мелика б. Мухаммеда)[2] и был написан для брата Махмуда, Абу-л-Музаффара Насра (ум. в 412/1021 г.). Сочинение было разделено на четыре тома и доведено до времени царствования Махмуда; до нас дошли только два первых тома, заключающие в себе историю домусульманского периода и историю Мухаммеда. Заглавие книги: «Книга молний (*ал-ғурӑр*) о жизни царей и их истории»[3].

Короткое время спустя после смерти Насра написан доведенный до этого события труд *Та'рӣх ал-Йамӣнӣ* Абу Насра Мухаммеда б. Абд ал-Джаббара Утби, на арабском языке. В этом сочинении мы находим наиболее полный обзор событий 365—412 гг. х.; для истории этого пе-

---

[1] Там же, стр. 64 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словами الاسعى и الكاجغرى); стр. 129, 130 (Джемаль Карши).

[2] Хондемир, однако, приписывает составление этого труда Абд ал-Мелику (Хондемир, тегеран. изд. 1271/1854-55, II, 140). Так как в рукописи Парижской библиотеки имени автора нет, то возможно, что оно у Хаджи Халифы приведено неверно и что автор исторического труда и автор антологии — одно и то же лицо. Против этого говорит, однако, то, что автор истории, по Хаджи Халифе, происходил из города Мар'аша (в Западной Азии), тогда как автор антологии был уроженцем Нишапура. В книге Ибн Му'ина (*Фирдаус ат-таварӣх*, л. 422 а) историк Са'алиби именуется Абд ал-Мутталиб б. Мухаммед б. Исма'ил. <См. след. прим. — *Ред.*>

[3] De Slane, *Catalogue BN*, p. 284 (Suppl. 742 A). <«Тождество „двух" Са'алиби представляется несомненно установленным» (Rosenthal, *From Arabic books*, p. 182). — *В. М.*>.

риода труд Утби был главным источником Ибн ал-Асира и других компиляторов. Несмотря на обилие риторических фигур, значительно затрудняющих изучение труда Утби в подлиннике, автор, по словам А. Мюллера[1], высказывает свои мнения о событиях с большей свободой, чем можно было бы ожидать от придворного историка. В своей автобиографии автор сам признает, что писал свое сочинение с целью «прославить» Махмуда и за это приобрел расположение везира; тем не менее, он не скрывает темных сторон этого блестящего царствования и бедствий народа, разоренного непосильными налогами. Принадлежа к семье, из которой вышли два везира эпохи Саманидов, состоя на государственной службе при Махмуде, Утби, конечно, был проникнут идеей бюрократического абсолютизма и относится безусловно отрицательно к оппозиции духовенства и вообще к элементам, враждебным господству бюрократии. Арабский подлинник был издан Шпренгером в Дели в 1847 г. (в Петербурге, по-видимому, нет ни одного экземпляра этого издания); другое издание было напечатано в Каире в 1286/1869 г. вместе с филологическими комментариями шейха Манини; наконец, в 1301/1883 г. сочинение Утби было издано в Каире, вместе с текстом Ибн ал-Асира (на полях). В Азиатском музее Академии наук есть превосходная рукопись *Та'рӣх ал-Йамӣнӣ,* написанная в 663/1265 г.[2].

Сочинение Утби в 602/1205-06 г. было переведено на персидский язык Абу-ш-Шерефом Насихом б. Джа'фаром ал-Джербадекани; этим переводом пользовались персидские компиляторы, большею частью буквально переписывая текст Джербадекани. Литографированное издание этого перевода вышло в Тегеране в 1274/1857-58 г.; те главы, которые относятся к истории Саманидов, были изданы Шефером в качестве приложения к его изданию *Та'рӣх-и Нершахӣ* (см. выше, стр. 59—60). Сочинение Джербадекани было переведено на английский язык Рейнольдсом в 1858 г.[3]; перевод, по справедливому замечанию Шефера и д-ра Рьё[4], не отличается большой точностью. Персидский автор переводил арабский текст вообще довольно точно, с немногими пропусками; но он не перевел автобиографии Утби, приложенной последним к своему сочинению.

Современником Утби был Абу Рейхан Мухаммед б. Ахмед ал-Биру-

[1] Müller, *Der Islam,* Bd II, S. 62.

[2] Рук. № 510 <С 342>, ср. Rosen, *Notices sommaires,* p. 94. Персидский перевод подробно рассмотрен в Notices et extraits, IV <de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*>. Об арабских и персидских вариантах см. Browne, *A Literary History,* vol. II, p. 471.

[3] *The Kitab-i-Yamini, Historical Memoirs of the Amir Sabaktagin and the Sultan Mahmúd of Ghazna...* Transl. from the Persian version of the contemporary Arabic Chronicle of al Utbi by J. Reynolds, London, 1858 (OTF).

[4] Rieu, *Pers. MSS,* vol. I, p. 157.

ни (ум. ок. 1048 г.), едва ли не величайший из мусульманских ученых[1]. По специальности он был математиком и астрономом, но писал и исторические сочинения. Его «История Хорезма» не дошла до нас; из нее Бейхаки заимствовал рассказ о завоевании страны Махмудом. Драгоценные исторические сведения, между прочим и по истории Хорезма, мы находим в хронологическом труде Бируни, изданном, в тексте и английском переводе, проф. Захау. Тот же ученый обработал эти сведения в своей брошюре «Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm»[2].

Около 1050 г. был написан на персидском языке труд Абу Са'ида Абд-л-Хайя б. Заххака Гардизи «Украшение известий» (*Зайн ал ахбар*). Кроме главы о тюрках (о ней см. выше, стр. 58) и главы об Индии[3], этот труд заключает в себе историю халифов до 423/1032 г. и историю Хорасана до битвы при Динавере между Маудудом и Мухаммедом (432/1041 г.). Вследствие утраты сочинения Селлами сочинение Гардизи, к сожалению известное пока только в двух, притом очень поздних рукописях[4], должно быть признано главным источником для изучения истории Хорасана до эпохи Саманидов включительно. Текст

[1] О нем см. статью бар. В. Р. Розена в ЗВОРАО, т. III, стр. 147 и сл. <рец. на изд. Захау>.

[2] См. выше, стр 45, прим. 3. О новой (и более полной) рукописи труда Бируни см. Salemann, *Zur handschriftenkunde*, S. 861 sq. <См. также Халидов, *Дополнения*, стр. 147 и сл. — *Ред.*> Биография Бируни — в *Иршад* (VI, 308—314).

[3] Ссылки на нее см. Бируни, *Индия*, пер. Захау, II, 360, 397. Этим указанием я обязан С. Ф. Ольденбургу.

[4] В первом издании автор повторил ошибку Эте (Sachau—Ethé, *Catalogue*, p. 11), считая оксфордскую рукопись (Ouseley, 240) единственным известным экземпляром сочинения Гардизи, тогда как есть еще другая рукопись этого труда, в Кембридже (King's College Library, 213), см. описание рукописей King's College (Пальмера, а не Морлея, как я ошибочно заметил в «Festschrift Nöldeke» <*Zur Geschichte der Ṣaffāriden*>, S. 173, Anm. 5): труд Гардизи упомянут на стр. 120 <Palmer, *Catalogue*, p. 120 (№ 213)>. Дата не совсем ясна, но, по-видимому, устанавливается как 930 г. х. (1524 г.), чему полностью соответствуют каллиграфические данные и внешний вид рукописи. Есть основание думать, что оксфордская рукопись была списана с кембриджской. Довольно часто в точности одни и те же ошибки встречаются в обеих рукописях (напр., последовательность слов عمرو دختر, ср. *Тексты*, стр. 6, прим. 11); однако в некоторых случаях чтение оксфордской рукописи может быть исправлено по кембриджской. Об оксфордской рукописи говорит как о «единственно известной» даже Э. Г. Броун (*A Literary History*, vol. II. p. 283) в 1906 г. Неизвестно, какой рукописью Гардизи пользовался Раверти, цитующий это сочинение в своих примечаниях к *Ṭабакāт-и Нāṣирӣ* Джузджани (II, 901). <Труд Гардизи издан (перс. текст) по кембриджской рукописи (не полностью, только лл. 81б—143а) проф. Мухаммедом Назимом (см. Библиографию). С точки зрения издателя (см. предисл., стр. 1—2), дату кембриджской рукописи следует читать не 930 г. х., как думал В. В. Бартольд, а [10]93 г. х. (1682 г.). В защиту этого мнения издатель приводит ряд доводов. Существует также новое полное издание персидского текста *Зайн ал-ахбар* Гардизи, подготовленное проф. Нафиси [Тегеран, 1333 г. х. солн. (1954 г.)]. — *Ред.*>

Гардизи иногда очень близок к тексту Ибн ал-Асира и в некоторых местах представляет почти буквальный перевод его[1], что, конечно, объясняется только тем, что оба автора пользовались одним и тем же источником. Этим источником несомненно был труд Селлами. Мы находим у Ибн ал-Асира подробные известия об истории Саманидов до смерти Абу Али Чагани; до этого события, по всей вероятности (см. выше, стр. 55), было доведено сочинение Селлами. О событиях 344—365 гг. х., о которых мы не находим у Ибн ал-Асира почти никаких известий, Гардизи говорит довольно подробно, на основании какого-то другого источника, оставшегося неизвестным Ибн ал-Асиру. Зависимость Гардизи от Селлами подтверждается тем, что рассказы Гардизи об Амре б. Лейсе буквально повторяются в выдержках из Селлами, помещенных в книге Ибн Халликана[2].

В 450/1058 г. был окончен труд Махмуда Варрака, обнимавший историю «нескольких тысячелетий» до 409 г. х. Известие об этой книге мы находим только у историка Бейхаки[3], который приводит из нее рассказ о восстановлении города Газны Амром б. Лейсом. Бейхаки хотел сообщить нам более подробные сведения о Махмуде, которого он называет достоверным историком, но по не зависевшим от него обстоятельствам не мог сделать этого: «У меня приготовлено длинное похвальное слово ему; я видел от десяти до пятнадцати замечательных сочинений его по различным отраслям. Когда известие об этом дошло до его сыновей, они закричали на меня и сказали: мы, его сыновья, не согласны, чтобы ты произвольно обращался со словами нашего отца (букв.: «поднимал и опускал слова» и т. д.), прежде чем он говорил их (т. е. до обнародования его сочинений). Поневоле я оставил свое намерение». Махмуд Варрак остановился на 409 г. х. именно потому, что с этого года начал свое повествование Бейхаки.

Труд Абу-л-Фазла Мухаммеда б. Хусейна Бейхаки (ум. в 470/1077-78 г.) занимает совершенно особое место в мусульманской исторической литературе, по крайней мере среди дошедших до нас произведений. Автор вполне сознательно[4] противополагает свою книгу таким «летописям, где можно только прочесть, что такой-то царь послал такого-то полководца на такую-то войну; в такой-то день они сразились или заключили мир; этот побил того, или тот этого; там они прошли». В противоположность таким историкам, автор подробно рассказывает обо всех событиях, свидетелем которых он был. Мы видели,

[1] Особенно в отрывках об Ахмеде б. Сахле (ср. *Тексты*, стр. 6 и Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 86).

[2] Изд. Вюстенфельда, № 838; пер. де Слэна, IV, 322, 326; ср. *Тексты*, стр. 5.

[3] Изд. Морлея, 317; <изд. Гани — Фейяза, 261—262>.

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 438; <изд. Гани — Фейяза, 354>.

что Бейхаки начал свое повествование с 409 г. х.[1]; до нас дошла только небольшая часть его огромного труда, посвященная царствованию султана Мас'уда (1030—1041 гг.), именно вторая половина 6-го тома, тома 7-й, 8-й, 9-й и часть 10-го. Сохранившаяся часть труда Бейхаки издана в Калькутте Морлеем; она была написана в 450 и 451/1058—1059 гг. До какого года было доведено сочинение Бейхаки, неизвестно; мы знаем только, что в нем было до 30 томов[2]. Небольшие отрывки из первых томов приводятся историком XIII в. Джузджани[3] и компилятором XV в. Хафиз-и Абру[4]; отрывков из последних 20 томов нам не приходилось встречать.

А. Мюллер[5] не совсем правильно назвал труд Бейхаки «дневником персидского чиновника»; с бо́льшим основанием можно вместе с проф. Захау[6] назвать его «записками». Автор писал свой труд уже в старости, после оставления государственной службы. Он родился около

---

[1] Вследствие чего мы должны признать ошибочным замечание д-ра Рьё (*Pers. MSS*, vol. I, p. 159), по которому сочинение Бейхаки начиналось с возникновения династии Газневидов. В выдержках из Бейхаки, приведенных историком Джузджани (см. ниже), говорится и о Себук-тегине, но это место, очевидно, взято из истории Махмуда и представляет один из частых экскурсов автора. Экскурсы, посвященные Себук-тегину, встречаются и в истории Мас'уда (ср. Бейхаки, изд. Морлея, 557; <изд. Гани — Фейяза, 450>). Кроме издания Морлея, существует также тегеранское издание 1307 г. х. с рукописи 1305 г. н. э. Несколько экземпляров этого издания были приобретены проф. В. А. Жуковским в 1899 г. для библиотеки Петербургского университета. Издание включает ту же часть труда Бейхаки, что и издание Морлея, но начинается несколькими страницами раньше. Интересные биографические данные об Абу-л-Фазле Бейхаки дает Абу-л-Хасан Бейхаки в своей «Истории Бейхака» (*Та'рӣх-и Бейхак*, рук. Брит. муз., лл. 101б—103б), который сообщает также некоторые сведения о его труде. Здесь утверждается, что труд Абу-л-Фазла Бейхаки включал более 30 томов и охватывал период от начала царствования Себук-тегина до начала царствования Ибрахима (ясно, что труд Махмуда Вайрака был им использован). Автор умер в сафаре 470 г. х. (август — сентябрь 1077 г.). Абу-л-Хасан Бейхаки видел отдельные части этого труда в различных библиотеках, но не видел полного экземпляра. Ср. Barthold, *Baihaḳī*. <Несравненно лучше критическое издание персидского текста *Та'рӣх-и Бейхакӣ* Гани и Фейяза 1324 г. х. солн. (1945 г.). Есть также издание *Та'рӣх-и Бейхакӣ*, подготовленное известным иранистом-филологом проф. Са'идом Нафиси (т. I—II — перс. текст, т. III — обширный комментарий, содержащий, в частности, обильный материал о Караханидах, со ссылками на источники). Русский перевод *Та'рӣх-и Бейхакӣ*, с комментарием, издан в 1962 г. в Ташкенте А. К. Арендсом. (Здесь и далее полное библиографическое описание указываемых нами новых работ см. в Библиографии в конце книги). — *Ред.*>

[2] Так по словам компилятора XV в. Фасиха (л. 263) и по Мирхонду.

[3] Пер. Раверти, I, 67 и сл.; <изд. Нассау-Лиса, 6 и сл.>.

[4] *Тексты*, стр. 157.

[5] Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 194.

[6] Sachau, *Zur Geschichte*, II, S. 5.

386/996 г.[1], поступил на службу около 412/1021 г. и 19 лет прослужил в канцелярии для составления дипломатических документов (*дйвāн ар-расā'ил*) под начальством Абу Насра Мишкана, умершего в 431/1039 г.[2]. После смерти Абу Насра султан Мас'уд продолжал покровительствовать нашему автору, но после смерти Мас'уда его положение изменилось; некоторое время он находился в немилости, причем признает и за собой некоторую вину[3]. Впоследствии он снова был принят на службу и при султане Абд ар-Рашиде (1049—1058) стоял во главе канцелярии[4].

Как чиновник, имевший доступ ко двору, автор, естественно, останавливается больше на событиях из жизни двора и чиновничества, на придворных и бюрократических интригах и на соперничестве разных лиц, желавших влиять на государя в том или другом направлении. Кроме того, мы находим у него довольно подробные известия о внешних сношениях; официальные письма разным государям большею частью писались им самим, но это обстоятельство, к сожалению, не дало ему возможности сообщить нам подлинный текст этих документов, так как бумаги были насильно отняты у него, вероятно при его отставке: «Переписка с правительством халифа, с туркестанскими ханами и с мелкими владетелями вся велась мною; все документы были в моих руках; но их намеренно уничтожили. О горе, великое горе, что этих райских садов нет на месте! Они сделали бы эту историю действительно ценною. Я не теряю надежду, что по милости божией бумаги будут снова найдены мною; тогда все будет написано»[5]. Отсутствие подлинных документов, однако, не помешало автору дать нам «действительно ценное» сочинение. Картина придворной жизни, по справедливому замечанию проф. Захау, рисуется им с большой откровенностью; несмотря на все свое благоговение к престолу, он не считает себя вправе скрывать дурных поступков своего государя[6]. Автор сам заявляет[7], что после своей отставки покончил все счеты со своими бывшими противниками и старается излагать события без всякого пристрастия; и действительно, его рассказы о придворных интригах написаны с точки зрения беспристрастного наблюдателя.

Сочинением Бейхаки до сих пор пользовались гораздо меньше, чем оно того заслуживает; особенно характерно, что ни один из ученых,

---

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 246; <изд. Гани — Фейяза, 209>.
[2] Бейхаки, изд. Морлея, 749; <изд. Гани — Фейяза, 596—597>.
[3] Бейхаки, изд. Морлея, 754; <изд. Гани — Фейяза, 601>.
[4] Бейхаки, изд. Морлея, 122; <изд. Гани — Фейяза, 110>.
[5] Бейхаки, изд. Морлея, 362; <изд. Гани — Фейяза, 294>.
[6] Бейхаки, изд. Морлея, 573; <изд. Гани — Фейяза, 462>.
[7] Бейхаки, изд. Морлея, 207; <изд. Гани — Фейяза, 178—179>.

писавших о Караханидах[1], не пользовался им в сколько-нибудь значительной степени[2], хотя именно у него мы находим самые подробные и точные сведения об этой династии за значительный промежуток времени. Отчасти это объясняется недостатками издания Морлея (неясный шрифт, отсутствие оглавления и указателя и т. п.). Подробный конспект содержания *Та'рӣх-и Бейхакӣ* (на французском языке) помещен А. Биберштейном-Казимирским в введении к его изданию дивана поэта Менучехри[3], но автор конспекта не всегда правильно понимает текст персидского историка; так, приведенные выше слова об официальных документах отнесены к «историческим сочинениям» Бейхаки[4].

Историк XIII в. Джузджани[5] цитует еще одно, неизвестно когда написанное сочинение по истории Газневидов, именно «Правильно распределенную историю» (*Та'рӣх-и муджадвал*) Абу-л-Касима Мухаммеда б. Али Имади. Книга заключала в себе изложение истории пророков, омейядских и аббасидских халифов, древнеперсидских царей и Газневидов до Махмуда, т. е. по содержанию приблизительно соответствовала книге Са'алиби (см. стр. 64). Автор «Свода летописей», написанного в 520/1126 г. (о нем см. ниже), при изложении истории Газневидов ссылается на своего современника, эмира Махмуда Имади, сына имама ас-Синджари ал-Газневи[6]; может быть, это одно и то же лицо с Мухаммедом б. Али Имади.

После битвы при Денданкане (в мае 1040 г.) обладание Восточной Персией перешло от Газневидов к сельджукам. При Алп-Арслане (1063—1072) начались нашествия сельджуков на Мавераннахр, а при его сыне Меликшахе (1072—1092) Караханиды сделались вассалами сельджукских султанов. Естественно, что исторические сочинения, написанные в государстве сельджуков, имеют большое значение и для изучения истории Мавераннахра.

Собственно исторических сочинений, посвященных сельджукским государям, в XI в., насколько известно, не было; но о государственном строе и условиях общественной жизни в эту эпоху мы получаем поня-

---

[1] Григорьев, *Караханиды;* Sachau, *Zur Geschichte,* II, S. 35—46; Dorn, *Über die Münzen;* Dorn, *Nachträge;* Джузджани, пер. Раверти, I, 900—901 (прим. Раверти); *Кутадгу билик,* изд. Радлова, I, стр. LXXVIII—LXXX (введение) (=Радлов, *К вопросу об уйгурах,* стр. 122—125).

[2] Отдельные ссылки встречаются у Захау и Раверти.

[3] Менучехри, 17—131.

[4] Там же, предисл., стр. V.

[5] Пер. Раверти, I, стр. XXXII—XXXIII, 69.

[6] *Муджмал ат-таварӣх,* рук. Нац. б-ки, л. 263: ومرا این تواریخ از املاء امیر عمادی محمود بن الامام السنجری الغزنوی حفظه الله معلوم شد وآنرا بمحل اعتماد توان نوشت.

тие из «Книги об управлении государством» (*Сийасат-нāме*) знаменитого везира Низам ал-мулька[1] (Абу Али Хасан б. Али Туси, ум. в 1092 г.). В 1091 г. султан Меликшах поручил нескольким сановникам составить отчет о состоянии государства с указанием всех недостатков и возможных улучшений. Из представленных трудов султан одобрил только сочинение Низам ал-мулька, состоявшее из 39 глав, и решил принять его в руководство[2]. В нем говорится об обязанностях разных должностных лиц и даются советы по всем отраслям управления. В 1092 г., перед своим последним путешествием в Багдад, везир передал переписчику собственных книг султана Мухаммеду Магриби[3] еще 11 дополнительных глав, которые тот должен был передать султану только после смерти автора. По справедливому замечанию переписчика, эти главы написаны автором «по причине огорчения, причиненного ему врагами государства»; оттого тон автора здесь гораздо резче и откровеннее, чем в остальной части книги. Как бы мы ни относились к идеалам главы персидской бюрократии, нельзя не признать, что в его словах слышится голос глубоко убежденного человека, идущего на смерть за свои убеждения. Он знает, что его вражда к исмаилитам будет стоить ему жизни, но верит, что после его смерти его взгляды восторжествуют[4]: «Мои слова вспомнят тогда, когда они (исмаилиты) начнут ввергать в яму знатных и великих, когда ушей коснется звук их барабанов и когда их тайна обнаружится. Во время этого бедствия он (султан) поймет[5], что во всем, что я сказал, я был прав».

Сочинение Низам ал-мулька, бесспорно, является главным источником для изучения политического строя восточно-мусульманских государств. Последние главы, посвященные исмаилитам, дают, кроме того, богатый исторический материал. Проф. Нёльдеке в своей рецензии на издание Шефера[6] сомневается в достоверности этого материала, особенно рассказа о том, как исмаилиты совратили в свою ересь Саманида Насра б. Ахмеда; но подтверждение этого события, о котором

[1] Книга издана Шефером в подлиннике и французском переводе: *Siasset Namèh. Traité de Gouvernement... Texte persan* édité par Ch. Schefer, Paris, 1891 (PÉLOV, III e sér., vol. VII, 1 e partie); *Supplement,* Paris, 1897 (PÉLOV, III e sér., vol. VII, 2 e partie); *Traduit* par Ch. Schefer, Paris, 1893 (PÉLOV, III e sér., vol. VIII). Книга носит также заглавие «Нравы государей» *(Сийар ал-мулӯк).* <Есть также типографское издание персидского текста *Сийасат-нāме* сейида Абд ар-Рахима Хальхали 1310 г. х. солн. (1931 г.); оно уступает изданию Шефера. См. также русский перевод: *Сиасет-намэ. Книга о правлении везира XI столетия Низам ал-мулька.* Перевод, введение в изучение памятника и примечания Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949. — *Ред.*>

[2] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 2; пер., 3—4.

[3] Там же, текст, 210; имя пропущено в переводе Шефера (стр. 307).

[4] Там же, текст, 205; пер., 299.

[5] В переводе «que le prince sache», что едва ли оправдывается текстом.

[6] ZDMG, Bd XLVI, S. 767.

историки действительно ничего не говорят (см. выше, стр. 55—56), мы находим в *Фихристе*[1]. Перевод Шефера, как видно уже из примечаний к приведенным выпискам, не всегда вполне точен, но существенных искажений смысла подлинника мы не заметили[2].

В XI в. появились также специальные сочинения по истории религий, которой отведено значительное место уже в *Фихристе* ан-Недима. «Историю религиозных и философских учений» (*Китāб ал-милал ва-н-ниḥал*) написал испанец Ибн Хазм[3] (ум. в 456/1064 г.); этим сочинением, сохранившимся в нескольких рукописях, пользовались Дози, Кремер и Гольдциер; пространные выписки из него напечатаны недавно г-ном Шрейнером[4]. Несколько позже, в 485/1092 г., в Газне было написано сочинение Абу Ма'али Мухаммеда б. Убейдаллаха «Объяснение религий» (*Байāн ал-адйāн*); отрывки из него помещены в хрестоматию Шефера[5], которому принадлежала, по-видимому единственная, рукопись этого сочинения; в 1915 г. датский перевод издан А. Кристенсеном[6].

Из сочинений XII в. мы прежде всего должны упомянуть «Свод летописей и рассказов» (*Муджмал ат-тавāрйх ва-л-ḳиṣаṣ*) неизвестного автора; сочинение написано в 520/1126 г. и сохранилось только в одной рукописи, находящейся в Парижской Национальной библиотеке[7]. История мусульманских династий, не исключая сельджуков, излагается в этом труде очень кратко; более значения имеют главы о древнеперсидских царях[8], об Индии[9] и о тюркских народах. Особенно важен список титулов восточных правителей; мы находим здесь целый ряд титулов, которых нет ни в каких других источниках. Предания о происхождении тюркских племен и о их героях-эпонимах изложены несколько

---

[1] *Фихрист*, I, 188.

[2] Другие примеры отмечены ниже. См. также замечания проф. Э. Г. Броуна (Browne, *A Literary History*, vol. II) о труде и издании: «нуждается во многих исправлениях» (p. 212), «превосходный французский перевод» (p. 214).

[3] О нем см. Розен, ЗВОРАО, т. VIII, стр. 179—180; о его сочинении см. Flügel, *Handschriften*, Bd II, S. 197—198.

[4] Schreiner, *Beiträge*, S. 465—486. Ныне труд издан в Каире в пяти частях, 1317—1321/1899—1903 гг.

[5] Schefer, *Chrestomathie persane*, t. I, pp. 132—171; notes, pp. 132—133. Рукопись теперь находится в Париже (Suppl. pers. 1356, № 7, fol. 195v—224); ср. Blochet, *Catalogue de la collection Schefer*, p. 76.

[6] Abû-l-Maâlî, *Fremstilling af Religionerne*, oversat af A. Christensen, København, 1915 (Studier fra Sprog- og oldtidsforskning udgivne af Det philologisk-historiske Samfund, № 101). <Был также французский перевод А. Масса (1926). — *Ред.*>

[7] Ancien fond persan, № 62. <*Муджмал ат-тавāрйх* издан (перс. текст) Мелик ашшу'ара-и Бахаром в Тегеране, 1318 г. х. солн. (1939 г.). — *В. М.*>

[8] См. *Муджмал ат-тавāрйх*, извлеч. в изд. Моля.

[9] *Муджмал ат-тавāрйх*, извлеч. в изд. Рейно.

иначе, чем у Гардизи. Между прочим, мы находим здесь древнейшую редакцию предания, по которому родиной Тюрка, сына Яфета, была местность около Иссык-Куля [1]. Рукопись оканчивается рассказом о разрушении огузами Нишапура после взятия в плен султана Синджара (1153 г.); очевидно, рассказ прибавлен впоследствии или самим автором, или другим лицом.

Около того же времени была написана на арабском языке не дошедшая до нас книга Абу-л-Футуха Береката б. Мубарека б. Исма'ила ум. в 525/1131 г. в Нишапуре) «Блеск летописей» [2] (*Лам'ат-тавāрūх*). Автор родился в Газне после 460/1068 г.; его летопись была доведена до 500/1106-07 г. К этому же веку принадлежит также «История Сельджукидов» (*Та'рūх-и Āл-и Сельджūқ*), автор которой, Абу Тахир Хатуни, упоминается в антологии Даулетшаха. Проф. Э. Г. Броун называет его только как автора антологии поэтов (*Манāқиб аш-шу'арā'*) и отмечает, что «История Сельджукидов» так неопределенно названа у Даулетшаха, что мы не знаем, какой трактат имеется в виду [3]. Из цитат Даулетшаха из этой книги в биографии поэта Ам'ака Бухари [4] совершенно очевидно, что ее автором был Абу Тахир Хатуни, современник султана Синджара [5].

Шереф ад-дин Абу Наср Ануширван б. Халид Кашани [6] (ум. в 533/1138-39 г.), везир халифа Мустаршида и потом сельджукского султана Мас'уда, в конце своей жизни написал на персидском языке свои записки под характерным заглавием: «Упадок времени министров и министры времени упадка». Записки были посвящены событиям 1072—1134 гг. и дошли до нас только в арабской переделке, принадлежащей Имад ад-дину Исфахани. Арабский переводчик обвиняет автора в пристрастных суждениях и в желании отомстить своим врагам. Проф. Хаутсма несогласен с таким взглядом и видит в сочинении Кашани только такое проявление личности автора, которое неизбежно в произведениях этого рода литературы и даже составляет всю их прелесть.

---

[1] *Тексты,* стр. 19—20; ср. Абулгази, *Родословная тюрок,* изд. Демезона, <текст, 9>; пер., 9.

[2] *Тексты,* стр. 70 (из *Харūдат ал-қаср* Имад ад-дина Исфахани).

[3] Browne, *The Sources,* p. 42.

[4] Даулетшах, изд. Броуна, 64—65.

[5] Тот же Абу Тахир упомянут в «Recueil» Хаутсма (см. ниже), <RTHS>, II, 89 (другой его труд — диатриба против везира) и 105 и сл. Ср. Browne, *A Literary History,* vol. II, pp. 183 sq., 326 sq.; ср. также сведения об Абу Тахире, собранные редактором *Лубāб ал-албāб* Ауфи (I, 6 и сл.). Он был назван Хатуни потому, что был финансовым чиновником (мустауфи) у Джаухар-хатун, жены султана Мухаммеда б. Меликшаха. Ср. Равенди, изд. Икбаля, 131, 136.

[6] О нем и двух следующих авторах см. Бундари, изд. Хаутсма, предисл.; также Розен, *Арабские сказания.* II, стр. 190—191.

Имад ад-дин Исфахани (Абу Абдаллах Мухаммед б. Мухаммед), писавший в 579/1183 г., перевел и дополнил (в некоторых местах, по мнению проф. Хаутсма, сократил) сочинение Кашани, присоединил к нему обзор истории сельджуков до 1072 г. и продолжил историю до шавваля 575/февраля — марта 1180 г. Его сочинение (*Нусрат ал-фатра ва 'усрат ал-фитра* — «Помощь в усталости и убежище созданий») сохранилось, насколько известно, только в одной рукописи, находящейся в Парижской Национальной библиотеке и относящейся к прошлому столетию [1]. Сокращенная редакция того же сочинения принадлежит Бундари (Фатх б. Али б. Мухаммед, писал в 623/1226 г.) и носит заглавие «Сливки книги „Помощь" и выбор из книги „Убежище"» [2]; это сочинение издано проф. Хаутсма. Автор старался сохранить «все факты, все исторические черты и даже лучшие перлы красноречия» Имад ад-дина. Иногда Бундари присоединяет к тексту Имад ад-дина несколько слов о событиях конца VI и начала VII в. х. Даже в переделке Бундари книга читается очень трудно вследствие множества риторических фигур, редких слов и оборотов, но имеет большое значение как самый полный (для истории событий после 520 г. х. также самый древний) источник по истории сельджуков. Мы находим в нем много фактов, которых нет в других источниках, даже из истории восточной части сельджукской империи и соседних с нею областей Мавераннахра, хотя внимание автора, естественно, более сосредоточивается на тех областях, где он провел свою жизнь, т. е. на Западной Персии, Ираке и Сирии.

Упомянутому Имад ад-дину принадлежит также написанная на арабском языке антология, в которой мы находим краткие биографические сведения о многих писателях и образцы их произведений; между прочим, здесь упоминаются и исторические сочинения [3]. Книга носит заглавие: *Харидат ал-қаср ва джаридат ал-'аср* (по переводу Шефера: «Прекраснейшая дева замка и памятная записка эпохи»); отрывок из нее, заключающий в себе историю одного из сельджукских везиров, издан Шефером [4].

В самом конце XII в., после 590/1194 г., была написана книга эмира Садр ад-дина Абу-л-Хасана Али б. Насира ал-Хусейни, находившегося на службе у хорезмшаха Текеша; книга носит заглавие «Сливки летописей» и заключает в себе историю сельджуков. Единственный извест-

---

[1] Suppl. arabe, № 772; см. de Slane, *Catalogue BN*, № 2145. Об авторе и его работах см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 314 sq.; о Бундари и Хусейни — ibid., S. 321 sq.

[2] *<Зубдат ан-нусра ва нухбат ал-'усра. — Ред.>*

[3] *Catalogus LB*, vol. II, pp. 208—288. Ср. *Тексты*, стр. 70.

[4] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 115—122.

ный экземпляр хранится в Британском музее[1]. По словам проф. Хаутсма, труд Хусейни в своей главной части есть сокращение труда Имад ад-дина; только при изложении истории первых Сельджукидов автор пользовался другими хрониками; он крайне редко цитует свои источники и, вероятно, буквально переписывал их. Более важен рассказ автора о современных ему событиях; здесь он сообщает «множество подробностей, почти совсем неизвестных из других источников».

В начале XIII в., в 599/1202-03 г., было написано в Малой Азии сочинение Абу Бекра Мухаммеда б. Али ар-Равенди «Успокоение сердец и знамение радостей». Изложение Равенди отличается краткостью и дает мало новых фактов. Известна только одна рукопись персидского подлинника[2], принадлежавшая покойному Шеферу, который из нее издал в тексте и французском переводе[3] историю царствования Синджара, впоследствии также историю первых сельджукских султанов до Меликшаха включительно[4] (только текст). Теперь книга целиком отредактирована Мухаммедом Икбалем и издана в Англии[5]. При султане Мураде II (1421—1451) книга Равенди была переведена на турецкий язык; экземпляр этого перевода имеется и в библиотеке Азиатского музея[6]. Часть турецкого текста, относящаяся к малоазиатским сельджукам (история которых продолжена переводчиком до 1225 г.), издана проф. Хаутсма[7].

---

[1] MS Stowe, Orient. 7. Об этой рукописи см. Rieu, *Suppl. Arab.*, pp. 342—344; RTHS, I, p. X; II, p. XXXVI; Розен, *Арабские сказания*, III, стр. 243 и сл., где приведен, в тексте и русском переводе, отрывок, относящийся к войне Алп-Арслана с Романом Диогеном. Рукопись тотчас после ее приобретения Британским музеем списал проф. Райт (Wright) с намерением впоследствии издать ее; издание до сих пор не появлялось. Такое же обещание позже дал К. Зюссхейм (Süssheim, *Prolegomena)*, но издание доныне (1925) не появилось. Согласно Зюссхейму, *Зубдат ат-тавāрūх* — единственный источник анонимной хроники, сохранившейся в MS Stowe, Orient. 7. <Труд Садр ад-дина (?) издан Мухаммедом Икбалем в Лахоре, 1933. — *В. М.*>

[2] Теперь в Нац. б-ке, Suppl. pers. 1814, ср. Blochet, *Catalogue de la collection Schefer*, p. 65.

[3] *Tableau du règne de Moïzz eddin Aboul Harith, Sultan Sindjar,* par Mohammed ibn Aly Ravendy. Texte persan publié... avec la traduction française, par Ch. Schefer, — «Nouveaux mélanges orientaux», pp. 1—47. Перевод, к сожалению, изобилует ошибками, совершенно искажающими смысл; достаточно сказать, что фраза در سرّ کس فرستادند («тайно отправили человека») переведена «députa à Serkes», причем в примечании сказано, что Серкес — город в области Кеш (стр. 19, 35).

[4] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., стр. 70—104.

[5] *The Rāḥat-uṣ-Ṣudūr wa Āyat-us Surūr being a history of the Saljūqs* by Muḥammad ibn ʿAlī ibn Sulaymān ar-Rāwandi. Ed... by Muḥammad Iqbāl, Leyden—London, 1921 (GMS NS, II).

[6] Рук. 590 ba (D 116).

[7] *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bībī.* Texte turc publié... par

История сельджуков (*Та'рӣх-и Āл-и Сельджӯқ*) Джемаль ад-дина Али б. Юсуфа ал-Кифти[1] (ум. в 646/1248 г.) не дошла до нас, как и некоторые другие сочинения, время составления которых неизвестно. Сюда относятся «Царская книга» (*Малик-нāме* или *Мулӯк-нāме*) неизвестного автора, источник Мирхонда и Абу-л-Фараджа[2], вероятно также Ибн ал-Асира, и «Книга о сельджуках» (*Сельджӯқ-нāме*)[3], которая была единственным источником Равенди для изложения событий, предшествовавших его времени, и была написана его родственником Захир ад-дином ан-Нишапури, который был наставником (*устāд*) султанов Арслана (1161—1177) и Мас'уда (1133—1152) и писал во время правления Тогрула (1177—1194), последнего сельджукидского султана Ирака[4]. Из последнего сочинения в историко-географическом труде Хафиз-и Абру[5] (XV в.) приводится рассказ о похищении слона из лагеря султана Мас'уда; это также взято из Захир ад-дина. Рассказ этот мы находим у Бейхаки[6]. Компилятор XIV в. Хамдаллах Казвини называет еще историю сельджуков некоего Абу-л-Ала Ахвала[7].

M. Th. Houtsma, Leide, 1902 (RTHS, vol. III). В предисловии персидский подлинник приписан некоему Ибн Биби со ссылкой на статью Шефера в «Recueil de textes et de traductions...» <Ибн Биби, извлеч. в изд. Шефера>, 1 и сл. В указанной статье говорится, что Насир ад-дин Яхья б. Мухаммед, известный под прозванием Ибн ал-Биби, написал историю малоазиатских сельджуков с 588 по 679 г. х. и что существует турецкий перевод этой книги, сделанный в XV в., рукопись которого находится в дрезденской библиотеке; эту рукопись намеревался, но не успел издать Бернауэр. В каталоге Флейшера об этом сочинении нет сведений. В тексте рукописи Азиатского музея 590 ba (D 116) (представляющей, насколько известно, список с лейденской) прямо указывается на книгу Равенди, как на оригинал сочинения; сравнение турецкой версии с изданным персидским текстом не оставляет в этом никакого сомнения. Вторая часть книги, содержащая историю малоазиатских сельджуков, по-видимому, действительно есть перевод сочинения Ибн ал-Биби.

[1] Хаджи Халифа, II, 109.

[2] Barhebraei *Chronicon Syriacum,* изд. Брунса — Кирша, 229; RTHS, p. IX.

[3] Хаджи Халифа, III, 606.

[4] Возможно, то же сочинение (посвященное Тогрулу) упоминается у Морлея (Morley, *A descriptive catalogue)* под № CXXXVIII (p. 133). К сожалению, эта рукопись, как мне сказали в библиотеке, утеряна.

[5] Рук. ГПБ Дорн 290, л. 196a.

[6] Изд. Морлея, 708—709; <изд. Гани — Фейяза, 566>.

[7] Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде,* извлеч. в пер. Дефремери, 421; рук. ЛГУ 153, стр. 256; изд. Броуна, 434; пер. Броуна, 93. О более поздних трудах по истории Сельджукидов см. *'Арāда фӣ-л-ҳикāйат ас-салджӯқӣйа* Мухаммеда б. Мухаммеда ал-Хусейни (XIV в.); Rieu, *Pers. MSS,* vol. II, p. 848 sq; Süssheim, *Prolegomena;* имеется два издания — Каир, 1326 г. х. (1908) и Лейден, 1909; см. Равенди, изд. Икбаля, предисл., стр. XXXIV. Труд Абу Хамида Мухаммеда б. Ибрахима, упоминаемый Рашид ад-дином, идентичен с *Рāҳат ас-судӯр* Мухаммеда б. Али ар-Равенди; ср. там же, стр. XXXV. <Абу Хамид написал только дополнение к историческому труду Захир ад-дина ан-Нишапури, использованное Мухаммедом Равенди. — *В. М.*>

Вторая половина XII и начало XIII в. вообще принадлежат к самым темным страницам мусульманской истории. Показания дошедших до нас источников крайне противоречивы; установление хронологии даже важнейших событий представляет большие трудности. Между тем, события этой эпохи имели важное значение в истории мусульманских народов; к этому времени относятся падение господства сельджуков, подчинение Мавераннахра языческой державе, усиление двух новых мусульманских династий, хорезмшахов и Гуридов, победа хорезмшахов в борьбе со своими мусульманскими соперниками и с языческими кара-китаями, объединение под их властью всей восточной части мусульманского мира и образование могущественной по виду империи, внутреннее бессилие которой, однако, не замедлило обнаружиться при первом серьезном столкновении с внешним врагом.

Исторические сочинения, написанные для Гуридов и хорезмшахов, не дошли до нас; история обеих династий известна нам только по компиляциям XIII в., о которых будет речь в следующей главе. Для истории Гуридов главным источником является Джузджани, автор *Ṭабақāт-и Нāṣирӣ*; он пользовался книгой Абу-л-Хасана Хейсама б. Мухаммеда Наби[1] *Қиṣаṣ-и ṣāнӣ;* в других местах автор называется Ибн Хейсамом. Книга Ибн Хейсама заключала в себе также историю Тахиридов, Саффаридов, Саманидов и Сельджукидов[2]. При изложении истории гурских султанов Джузджани пользовался также сочинением по генеалогии Фахр ад-дина Мубарекшаха Мерверруди[3], которое было написано в начале XIII в. и содержит много интересных сообщений о языке и племенах тюрков[4].

Истории хорезмшахов посвящена значительная часть «Истории завоевателя мира» Джувейни, который в этом отношении является единственным источником Мирхонда и более ранних персидских компиляторов. Как Джувейни[5], так и Ибн ал-Асир[6] при изложении исто-

[1] Или, возможно, ал-Баки; в других выдержках автор назван Ибн Хейсам.

[2] Джузджани, пер. Раверти, I, 11, 19, 26, 56, 1116, 320.

[3] Там же, стр. 300. Ср. о рукописи, купленной Эллисом (A. G. Ellis): Ross — Gauthiot, *L'Alphabet sogdien;* Ross, *The genealogies.* Автор умер, по Ибн ал-Асиру (XII, 160), в шаввале 602 г. х. (май—июнь 1206 г.) (ср. Ross, *The genealogies,* p. 403), однако в его труде упоминается месяц зу-л-ка'да того же года (ibid., p. 401).

[4] Наименования племен (см. ibid., p. 407 sq.) частью те же, какие упомянуты у Махмуда Кашгарского в XI в. (قَيِق вместо قيى и يَزغِر вместо يَزِر или يازير). За возможность использования самой рукописи (в лондонской Oriental School) я признателен сэру Э. Д. Россу. <Труд Мерверруди издан Э. Д. Россом в 1927 г. — *Ред.*>

[5] Изд. Казвини, II, 1: كتاب مشارب التجارب كه تتمّهٔ ذيل تجارب الأمم است از تصنيف ابن فندق البيهقى. Ср. рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 99.

[6] Изд. Торнберга, XI, 249. В этом отрывке книга цитуется в связи с событиями

рии хорезмшахов пользовались сочинением Абу-л-Хасана Али б. Зейда[1] Бейхаки *Машāриб ат-таджāриб ва ғавāриб ал-ғарā'иб*[2] (букв.: «Места освежения „Испытаний" и верх „Удивительных вещей"»). По словам Джувейни, хроника Бейхаки была продолжением другого сочинения — «Испытания народов», под которым подразумевается, конечно, книга, под тем же заглавием, Мискавейха[3] (Абу Али Ахмеда б. Мухаммеда, ум. в 421/1030 г.). Джувейни, кроме того, ссылается на энциклопедию «Собрание знаний» (*Джāми' ал-'улūм*) знаменитого богослова Фахр ад-дина Абу Абдаллаха Мухаммеда б. Омара ар-Рази (ум. в 606/1210 г.); энциклопедия была написана для хорезмшаха Текеша[4]. Для более ранней истории Хорезма, несомненно, имел бы большое значение огромный труд (80 томов) Абу Мухаммеда Махмуда б. Мухаммеда б. Арслана ал-Аббаси ал-Хорезми (ум. в 568/1172-73 г.), посвя-

---

568 г. х., однако она, очевидно, была написана до 563 г. х., так как цитуется в «Истории Бейхака», которая была закончена в том же году и автор которой умер в 565 г. х. Возможно, Ибн ал-Асир имел в своем распоряжении продолжение этого сочинения.

[1] Джувейни называет его Ибн Фундуком.

[2] Хаджи Халифа, V, 544. Тому же автору принадлежит дошедшая до нас история его родного города Бейхака; ср. Pertsch, *Verzeichniss*, S. 516, № 535; Rieu, *Suppl. Pers.*, p. 60 sq.; Каль, *Персидские, арабские и тюркские рукописи*, стр. 8—9 (№ 9а), где приведена (неверно) ссылка автора на «Историю Бейхака» Али б. Абу Салиха ал-Хавари и на «Историю Нишапура» Абу Абдаллаха ал-Бейи'; ср. Rieu, *Suppl. Pers.*, p. 61. <*Та'рūх-и Бейхақ* Абу-л-Хасана Али ибн Фундука издана Ахмедом Бахманйаром в 1317 г. х. солн. (1938 г.). — *Ред.*>

[3] Тома I, V и VI были опубликованы Каэтани в факсимиле для GMS, VII; тома V и VI напечатаны и переведены, с продолжением Абу Шуджа' и с выдержками (в примечаниях) из других сочинений, Амедрозом и Марголиусом под заглавием «The Eclipse of the Abbasid Caliphate» (Oxford, 1920—1921). Отрывок, относящийся к 198—251 гг. х., был издан де Гуе (*Fragmenta*, II). Проф. Д. С. Марголиус в предисловии к своему изданию (*Eclipse*, vol. VII, p. 11) пытается доказать, что «Ибн», стоящий обычно перед именем Мискавейх, — ошибка. Противоположное мнение высказывалось анонимным автором статьи «Ibn Miskawaih» в EI, II, где говорится, что Мискавейх, или Мушкое, было имя деда нашего автора. Из продолжателей его труда Хаджи Халифа (II, 191) называет только Абу Шуджа' Мухаммеда б. Хусейна (ум. в 488/1095 г.), везира халифа Мустазхира, и Мухаммеда б. Абд ал-Мелика ал-Хамадани. Сам <Абу-л-Хасан> Бейхаки, хотя заглавие его книги содержит очевидный намек на название книги Мискавейха, говорит о своем труде как о продолжении *Та'рūх ал-Йамūнū* (*Та'рūх-и Бейхақ*, рук. Брит. муз., л. 12а). Другое сочинение Бейхаки, история ученых мужей, сохранилось в рукописи в Берлине, см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 324 и выдержки из этого сочинения: Jacob — Wiedemann, *Zu 'Omer-i-Chajjâm*, S. 43 sq. См. также мою статью об авторе в EI <Barthold, *Baihaḳī*> и его биографию в *Иршāд* Якута (V, 208—218); он родился в субботу 27 ша'бана 499/5 мая 1103 г., умер в 565/1169-70 г.

[4] Ср. Rieu, *Suppl. Pers.*, p. 102 b; Pertsch, *Verzeichniss*, S. 162—163 (№ 92); краткое историческое сочинение, приписанное еще Вюстенфельдом (Wüstenfeld, *Die Geschichtschreiber*, S. 106) тому же автору, написано в начале XIV в. (см. *Ал-Фахрū*, изд. Альвардта).

щенный Хорезму и его жителям; сокращенная редакция этого труда принадлежала упомянутому компилятору XIV в. аз-Зехеби[1] (см. стр. 62). Из книги Хорезми Якут[2] заимствовал интересный рассказ о философе Шахристани, авторе знаменитой книги о религиозных и философских учениях[3]. По истории хорезмшахов Хаджи Халифа упоминает также труд сейида Садр ад-дина *Та'рӣх-и хорезмшāхӣ*[4].

Важным источником по истории эпохи хорезмшахов являются два сборника официальных документов. Первый, не имеющий заглавия[5], сохранился в одной рукописи Учебного отделения восточных языков при Министерстве иностранных дел и подробно описан бар. В. Р. Розеном[6]. Бóльшая часть документов принадлежит перу Мунтаджаб ад-дина Беди', секретаря султана Синджара; Беди' упоминается у Джувейни[7], в рассказе о походе Синджара на Хорезм в 542/1147 г. Интересное письмо к правительству халифа от имени хорезмшаха Иль-Арслана[8] принадлежит, как мы знаем из антологии Имад ад-дина[9], поэту Ватвату (ум. в 578/1182 г.); его же, вероятно, следует считать автором не-

---

[1] Хаджи Халифа, II, 129; VII, 655; Wüstenfeld, *Die Geschichtschreiber,* S. 90, где в ссылке на Якута вместо 341 следует читать 343.

[2] *Му'джам,* III, 343.

[3] Якут также упоминает это же сочинение (в автографе) по истории Хорезма Абу Мухаммеда б. Арслана [которого называет в другом месте (*Иршāд,* III, 212) Абу Ахмед Махмуд б. Арслан] в *Иршāд* (V, 412), в биографии Абу-л-Хасана Али б. Мухаммеда ал-Умрани (ум. в 560 г. х.), ученика Замахшари (см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 289 sq.) и автора географического труда, упомянутого несколько раз в *Му'джам* (см. Index, VI, 586).

[4] Хаджи Халифа, II, 129. Это, конечно, тот же историк сельджуков, который упомянут выше (стр. 74). В подаренном сэру Аузли (Gore Ouseley) рукописном перечне (на арабском языке) утерянных исторических трудов, которые следует искать на Востоке (теперь этот перечень находится в лондонской Oriental School), названа (на стр. 148) история Гурганджа (كتاب بلاد جرجانية) Хамзы Исфахани, однако я не нашел упоминания об этом сочинении в других местах.

[5] <В *Текстах* В. В. Бартольда (стр. 23—47) опубликованы избранные документы из этого сборника под заглавием انشاء, по рук. Ин-та вост. языков МИД № 282, без заглавия (см. о ней след. прим.). — *Ред.*> — <Сборник издан Аббасом Икбалем в Тегеране, 1329 г. х. солн. (1950 г.). — *В. М.*>

[6] Rosen, *Les manuscrits persans,* p. 146 sq. Здесь перечислены заглавия отдельных документов, причем по ошибке опущено последнее заглавие; ср. *Тексты,* стр. 44 (*Иншā'*). Эта рукопись, как и все рукописи института, передана теперь в Азиатский музей Академии наук <ныне Институт народов Азии АН СССР. — *Ред.*>.

[7] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 102; изд. Казвини, II, 9; рисаля Беди' упомянуто у Джувейни (изд. Казвини, I, 8).

[8] *Тексты,* стр. 30—32 (*Иншā'*).

[9] Там же, стр. 70 (*Харӣдат ал-қаср*). О Ватвате (Рашид ад-дин Мухаммед б. Али ал-Джелиль) см. Browne, *A Literary History,* vol. II, p. 330 sq.; Ethé, *Neupersische Litteratur,* S. 259 sq.

которых других документов, написанных от имени хорезмшаха. Особенно любопытны письма Атсыза — как те, в которых он называет себя верноподданным Синджара, так и документ, содержащий ряд обвинений против сельджукского султана и оправдание мятежа Атсыза[1]. Кроме того, для нас представляют большой интерес документы, рисующие отношения султана Синджара к туркестанским ханам[2].

Другой сборник, носящий заглавие «Искание доступа к деловым сношениям»[3] (*ат-Тавассул илā-т-тарассул*), принадлежит Беха ад-дину Мухаммеду б. Муайяду ал-Багдади, находившемуся на службе у хорезмшаха Текеша. По словам Хамдаллаха Казвини[4], он был братом известного шейха Меджд ад-дина Багдади, казненного при хорезмшахе Мухаммеде. Сам автор говорит о себе в предисловии, что раньше жил в хорасанском городе Неса, до тех пор пока государь не приблизил его к себе и не назначил его главой канцелярии (*дīвāн ал-иншā'*). Неохотно, уступая просьбам друзей и приказанию царя, он издает сборник документов, написанных им в течение последних одного-двух лет. Книга была поднесена везиру[5]. Из текста[6] видно, что документы относятся к 578 и 579/1182 и 1184 гг., хотя упомянутые в них события иногда относятся историками к гораздо более позднему времени.

Скудные исторические известия, к сожалению, мало дополняются рассказами путешественников. После X в. н. э. арабская географическая литература имела преимущественно компилятивный характер; к тому же и эти сочинения писались в западной части мусульманского мира. Из немногих путешественников XII в. можно отметить Шихаб ад-дина Абу Абдаллаха (или Абу Хамида) Ахмеда ал-Гарнати, уроженца Испании, который, однако, посетил и восточные страны и был даже на отдаленном севере, в стране камских болгар. Мы находим у него очень характерный рассказ об открытии мнимой могилы халифа Али в окрестностях Балха[7].

---

[1] *Тексты*, стр. 43—44 (*Иншā'*).

[2] Там же, стр. 23—26 (*Иншā'*).

[3] О нем см. Хаджи Халифа, II, 463; *Catalogus LB*, vol. I, pp. 169—172. <Отрывки из *Китāб ат-тавассул* опубликованы В. В. Бартольдом в *Текстах* (стр. 73—82). Сочинение издано полностью (перс. текст, по лейденской и парижской рукописям) Ахмедом Бахманйаром, с предисл. проф. Мирзы Мухаммед-хана Казвини, в 1315 г. х. солн. (1936 г.). — *Ред.*>

[4] *Тексты*, стр. 153 (*Та'рīх-и гузīде*). В издании Э. Г. Броуна *Та'рīх-и гузīде* здесь имеется лакуна (не указана ни в тексте, стр. 788, ни в переводе, стр. 215).

[5] *Тексты*, стр. 73; <изд. Бахманйара, 4 и сл.>.

[6] *Тексты*, стр. 79; <изд. Бахманйара, 155>.

[7] *Тексты*, стр. 21—22. Об авторе и его труде см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 477 sq. <Теперь сочинение издано Ферраном в JA, t. CCVII. — *Гибб.*> <Новое издание — Ц. Дублера, 1953 г. — *Ред.*>

Около половины VI в. х. был написан словарь Сам'ани (Абу Са'д[1] Абд ал-Керим б. Мухаммед, ум. в 562/1166 г.) «Книга родословий»[2] (*Китāб ал-ансāб*). Автор происходил из Мерва и, между прочим, написал историю этого города; две библиотеки семейства Сам'ани видел в Мерве Якут[3]. В своем словаре Сам'ани хотел дать алфавитный список прозваний, под которыми получили известность различные шейхи и другие лица, принесшие пользу делу ислама; при этом сообщаются краткие биографические сведения о каждом лице. Так как прозвания большею частью были заимствованы от названий городов и селений, то труд Сам'ани имеет большое значение для средневековой географии и был одним из главных источников Якута. Чтобы собрать материал для своей книги, автор совершил обширные путешествия и в 550—551/1155—1156 гг.[4] был в Мавераннахре и Хорезме; он слушал лекции по различным богословским предметам в Бухаре[5] и Самарканде[6], провел около двух месяцев в Несефе[7], 12 дней в Термезе[8]; нередко, упоминая о каком-нибудь виденном им городе или селении, он в то же время сообщает о нем некоторые подробности.

Для истории литературы труд Сам'ани, конечно, имеет большое значение, хотя, к сожалению, автор принял во внимание почти исключительно богословскую литературу (одно из редких исключений — поэт Рудеки[9]); имя Джейхани у него совсем не названо; под словом Бал'ами говорится только о старшем везире этого имени, Абу-л-Фазле Мухаммеде[10]; о его сыне, переводчике Табари, нет ни слова[11]. Труд Сам'ани, по словам Ибн Халликана[12], состоял из 8 томов и уже в XIII в. был библиографической редкостью; более распространена была сокращенная редакция, принадлежащая историку Ибн ал-Асиру, в трех

---

[1] В некоторых рукописях и печатных изданиях вместо Абу Са'д стоит Абу Са'ид (напр., Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 152).

[2] Так по переводу проф. В. А. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, стр. 35). Судя по содержанию книги, слово *ансāб* здесь скорее значит «родовые прозвания» (ед. ч. *нисба*).

[3] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 2, 34. Ср. Якут, *Му'джам*, IV, 509,21.

[4] *Тексты*, стр. 66 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الكندى).

[5] *Тексты*, стр. 62, 65 (изд. Марголиуса, под словами الصفّار и الكاشانى).

[6] *Тексты*, стр. 56 (изд. Марголиуса, под словом الخديمنكنى).

[7] *Тексты*, стр. 68 (изд. Марголиуса, под словом النسفى).

[8] *Тексты*, стр. 55 (изд. Марголиуса, под словом الترمذى).

[9] *Тексты* стр. 54, 58 (изд. Марголиуса, под словами البنجى и الرودكى).

[10] *Тексты*, стр. 54 (изд. Марголиуса, под словом البلعمى).

[11] Проф. В. А. Жуковский (*Развалины Старого Мерва*, стр. 18) по ошибке смешивает отца с сыном.

[12] Изд. Вюстенфельда, № 406; пер. де Слэна, II, 157.

томах[1]. Оригинальный текст труда издан проф. Марголиусом факсимиле с рукописи в Британском музее[2]. Почти полный экземпляр труда Сам'ани имеется в библиотеке Азиатского музея[3].

Географический словарь Якута[4] (Шихаб ад-дин Абу Абдаллах ал-Хамави, ум. в 626/1229 г.) настолько известен, что мы не будем распространяться о нем. Якут собрал обильный материал, главным образом в мервских библиотеках, и перечисляет почти все города и более важные селения мусульманских стран. Он старался установить истинное произношение названий городов, которые, благодаря свойствам арабской азбуки, так легко искажаются до неузнаваемости. Не везде это ему удалось, особенно в тех случаях, когда название города было известно ему только из книг; Якут совершил обширные путешествия, но, конечно, не посетил всех мусульманских стран; между прочим, он никогда не был в Мавераннахре, хотя и был в Хорезме. Слепо полагаться на указанные им чтения, по справедливому замечанию де Гуе[5], нельзя. Якут составил также биографический словарь ученых, содержащий отрывки из многих трактатов, ныне утраченных. Это сочинение в той части, в какой оно нам доступно, теперь издано проф. Марголиусом[6]. Следует упомянуть и о космографическом и географическом труде Закарии б. Мухаммеда ал-Казвини (ум. в 682/1283 г.), также изданном (Вюстенфельдом)[7]. Автор использует труд Якута, но в некоторых местах дает сведения, которых нельзя найти в *Му'джам.*

В 610/1214 г. Сафи ад-дин Абу Бекр Абдаллах б. Омар составил на арабском языке описание города Балха и обзор его истории. В этом труде говорилось «о преимуществах города, о его основании, о каналах, деревьях, плодах, садах и цветах; о мечетях и медресе; о процветании города; об улемах, шейхах и знаменитых царях; о многочисленности

---

[1] Начало этой сокращенной редакции издал Вюстенфельд (*Specimen el-Lobabi sive Genealogiarum Arabum...*, nunc primum arabice ed. et praefatus est F. Wüstenfeld, Gottingae, 1835).

[2] GMS, XX.

[3] Ср. Rosen, *Notices sommaires,* p. 146. Об авторе и его труде см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 329 sq.

[4] Издан Вюстенфельдом. Биографические сведения о Якуте можно найти у Кремера (*Culturgeschichte,* Bd II, S. 433—436).

[5] BGA, I, pp. VII—VIII.

[6] *The Irshád al-arib ilá ma'rifat al-adîb or Dictionary of learned men* of Yáqút. Ed. by D. S. Margoliouth, vol. I—VII, Leyden—London, 1907—1927 (GMS, VI, 1—7). Теперь сообщено, что пропавшие тома найдены; см. статью издателя: Margoliouth, *A hitherto undiscovered volume.*

[7] Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's *Kosmographie.* I. Theil, *Die Wunder der Schöpfung...* hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1849; II. Theil, *Die Denkmäler der Länder...* hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1848; ср. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 481; Browne, *A Literary History,* vol. II, p. 482 sq.

жителей и об уважении их к благочестивым людям; о безопасности дорог; об обилии средств к жизни, о спокойствии жителей и о наказаниях, которым подвергались нарушители этого спокойствия». В 676/1277 г. это сочинение было переведено на персидский язык неизвестным лицом с автографа автора. Рукопись этого перевода находится в Парижской Национальной библиотеке (Ancien fond persan 115); отрывок из нее помещен в «Персидской хрестоматии» Шефера [1].

Около 625/1228 г. в Индии была написана антология Мухаммеда ал-Ауфи «Сборник анекдотов и блестящих рассказов» [2]. Автор в молодости много путешествовал, был в Бухаре [3] и в Хорезме [4]. Из приведенных в его книге анекдотов для нас имеют наибольшее значение довольно многочисленные рассказы о Караханидах, особенно о Тамгач-хане Ибрахиме б. Насре [5]. Кроме анекдотов, книга заключает в себе историческую (отд. I, гл. 5) и географическую (отд. IV, гл. 16) главы; в последней особенно интересны сведения о восточноазиатских и тюркских племенах; между прочим, автор первый из мусульманских писателей говорит об уйгурах [6].

Для хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220) было написано на персидском языке «Описание мира» (*Джахан-нāме*) Мухаммеда б. Неджиба Бекрана; насколько известно, это сочинение сохранилось только в двух рукописях [7]. Мы находим здесь некоторые интересные сведения по географии Мавераннахра и по истории кара-китаев [8].

Обзор истории кара-китаев, покорителей Мавераннахра, мы находим у упомянутого историка Джувейни, повествование которого в этом случае заключает в себе много ошибок, неясностей и противоречий; тем не менее он был почти единственным источником позднейших ком-

---

[1] Schefer. *Chrestomathie persane*, t. I, pp. 66—103; notes, pp. 63—68.

[2] См. Бартольд, *Новое мусульманское известие о русских*, стр. 263 и сл. Об авторе и его труде см. Browne, *A Literary History*, vol. II, p. 447 sq. (другие цитаты в индексе); GIPh, Bd II, S. 213, 330, 332, выдержки и экскурсы у Маркварта (*Komanen*), ср. индекс под словом Muhammad-i ʿAwfī. <Критическое исследование Х. М. Низамуддина *Джавāми' ал-хикāйāт* в кратком изложении опубликовано в GMS, NS, VIII. — *Гибб.*>

[3] *Тексты*, стр. 93.

[4] Там же, стр. 88.

[5] Там же, стр. 84—87.

[6] Там же, стр. 99. Насколько в настоящее время известно, название ايغور или اويغور упоминается в первый раз в арабской литературе в *Дīвāн лугāт ат-турк* Махмуда Кашгарского (конец XI в.).

[7] **Ср. Туманский**, ЗВОРАО, т. IX, стр. 302—303, а также Туманский, *Новооткрытый персидский географ*, стр. 124.

[8] *Тексты*, стр. 81—82. <В настоящее время текст *Джахан-нāме* издан факсимиле по ленинградской рукописи Ю. Е. Борщевским. — *Ред.*>

пиляторов. Самый факт утверждения господства кара-китаев подробнее всего рассказан Ибн ал-Асиром[1]. Шефер в приложении к *Та'рӣх-и Нершахӣ*[2] напечатал главу о Караханидах и главу о кара-китаях, заимствованные из «компиляции неизвестного автора, составленной в конце XVI в.». Эта компиляция тожественна с *Та'рӣх-и Ҳайдарӣ*, сочинением Хайдера б. Али Хусейни Рази, написанным в начале XVII в. Изданный Шефером текст буквально совпадает с текстом соответствующих глав берлинской рукописи[3] *Та'рӣх-и Ҳайдарӣ*, как я убедился во время своего пребывания в Берлине летом 1898 г. Рассказ Хайдера Рази заключает в себе некоторые подробности и некоторые собственные имена, которых нет у Джувейни.

II МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

О монгольском нашествии писали, конечно, историки всех стран, завоеванных или опустошенных монголами; нам придется ссылаться преимущественно на мусульманские и китайские источники, в редких случаях на армянские[4]. Из китайских независимых источников можно указать на донесение Мэн Хуна, посланного в 1221 г. правительством Сунской (южнокитайской) династии для заключения союза с монголами против чжурчжэней[5]. Рассказы некоторых других путешественников

[1] Изд. Торнберга, XI, 55 и сл.

[2] Нершахи, изд. Шефера, стр. II, 230—243.

[3] Pertsch, *Verzeichniss*, S. 410, № 418. Ср. Rieu, *Suppl. Pers.*, pp. 20—21 (в описанной здесь рук. Брит. муз. Or. 4508 сочинение Хайдера носит то же самое заглавие *Маджма' ат-таварӣх*, как в рук. Шефера). Ср. также мою статью *Ḥaidar b. 'Ali* (EI, II).

[4] По переводам К. П. Патканова (*История монголов* инока Магакии, XIII века... СПБ., 1871; *История монголов по армянским источникам...*, вып. 1—2, СПб., 1873—1874). <Переводы К. П. Патканова в настоящее время нельзя признать вполне удовлетворительными. Значительно лучше французские переводы М. Броссе (*Deux historiens Arméniens...*, St.-Pbg., 1870, pp. 1—205—Киракос Гандзакский; *Histoire de la Siounie* par Stéphanos Orbélian..., St.-Pbg., 1866), а также русский перевод «Истории Армении» Киракоса Гандзакского Тер-Григорьяна (Баку, 1954). «История народа стрелков (монголов)», приписывавшаяся раньше иноку Магакии, принадлежит, как теперь установлено, перу Григора из Аканца (Акнерци), ум. в 1335 г.; новое издание его труда: *History of the Nation of the Archers (The Mongols)...*, ed. R. P. Blake and R. N. Frye, Cambridge, Mass., 1954 (арм. текст, англ. пер. и примечания). См. теперь также: Галстян, *Армянские источники. — Ред.*>

[5] Васильев, *История и древности.* Китайское название этого сочинения — *Мэн-да бэй-лу;* русский перевод, сделанный Васильевым, по мнению проф. Пельо (Pelliot, *A propos des Comans*, p. 130), не выше посредственного. <Как теперь установлено, Мэн Хун ошибочно — начиная с XIV в. — считался автором этого сочинения. Китайский ученый Ван Го-вэй доказал, что скорее всего автором *Мэн-да бэй-лу* был некий Чжао Хун;

собраны в книге д-ра Бретшнейдера [1]; интереснее всего путевые записки даосского отшельника Чан-чуня, переведенные и на русский язык [2]. Подобно мусульманам, китайцы в ярких красках рисуют картину жестоких опустошений, произведенных монголами; но тогда как мусульманам религиозный фанатизм, за немногими исключениями, мешал видеть те черты, которыми кочевники выгодно отличаются от оседлого населения Средней Азии, мы в отзывах китайцев о монголах находим больше беспристрастия. Несмотря на все свое уважение к собственной вековой культуре, китайцы нередко увлекались простотой кочевых нравов, и их отзывы о монголах в таких случаях напоминают отзывы классических писателей о скифах и германцах: «У них остались следы нравов глубокой древности... Святые мудрецы не могли завещать им письменного образования, и они целые века живут беспечно, довольствуясь сами собой» [3]. Мэн Хун не только видит в нравах монгольских дикарей «неиспорченность древности», но и жалеет об уничтожении этой первобытной простоты внешним лоском китайской культуры: «Как жаль, что у них наставниками перебежавшие цзиньские чиновники! Ныне они уже выходят из хаоса [простоты], разрушают естественное (букв.: настоящее) небесное учение и прибегают к низким хитростям. О, это гадко!» [4].

Из мусульманских историков о монгольском нашествии писали три современника события: Ибн ал-Асир в своей знаменитой хронике [5], Минхадж ад-дин Абу Омар Осман б. Сирадж ад-дин Мухаммед ал-Джуз-

---

это мнение поддержано П. Пельо (Pelliot, *L'édition collective*, pp. 165—166; Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 13; см. также Мункуев, *О «Мэн-да бэй-лу»*, стр. 81). На полях экз. Бартольда (англ. изд.) в этом месте пометка: «Pelliot 37, прим. к Мукули. Автор Tchao Hong, T'oung Pao, 1928-29, p. 165 сл.». О Мукули (Мухули) см. ниже, стр. 451. — *Ред.*>

[1] E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources...*, vol. I, London, 1888 (новое изд.: 1910).

[2] *Си ю цзи, или описание путешествия на Запад.* [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий], — ТЧРДМ, т. IV, СПб., 1866.

[3] Чан-чунь, пер. Кафарова, 289.

[4] Там же, 232. О других китайских работах, относящихся к истории монголов, см. Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 180 sq.; Pelliot, *A propos des Comans*, p. 130 sq. Согласно Пельо, старейшим сочинением, кроме *Мэн-да бэй-лу*, является *Хэй-да ши-люе*, с комментариями, датированными 1237 г. (это сочинение не упоминается у Бретшнейдера); *Шэн-у цинь-чжэн лу*, переведенная Палладием <Кафаровым>, датируется XIV в. (Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 194; Pelliot, *A propos des Comans*, p. 130). Согласно Пельо, это сочинение имеет тесную связь с Рашид ад-дином, но текст находится «dans un état déplorable» (ibid., p. 176). <Об этом сочинении см. Мункуев, *О «Мэн-да бэй-лу»*, стр. 86—92. — *Ред.*>

[5] Рассказ Ибн ал-Асира о монгольском нашествии переведен на русский язык бар. В. Г. Тизенгаузеном (СМИЗО, I, 1—45).

джани в «Насировых таблицах»[1] и Шихаб ад-дин Мухаммед б. Ахмед ан-Несеви в «Жизнеописании султана Джелаль ад-дина Мангуберти»[2] (или, быть может, Манкубирни). Ни один из трех авторов не дал нам полной истории походов Чингиз-хана и его полководцев; все они были поставлены в такие условия, что могли узнать только часть событий этого тревожного времени. Ибн ал-Асир жил в Месопотамии и не мог собрать подробных сведений о происходившем в Туркестане; только о некоторых событиях, именно о взятии Бухары и Самарканда, он говорит со слов очевидца.

Несеви во время нашествия жил в своем родовом замке в Хорасане и поступил на службу к хорезмшаху Джелаль ад-дину только после его возвращения из Индии (1223 г.). Еще прежде он имел сношения с некоторыми хорезмийскими сановниками и, большею частью с их слов, сообщает нам много любопытных данных о внутренних и внешних делах хорезмийского государства; у него же мы находим самые подробные сведения о состоянии его родины (Хорасана) в эту эпоху; но военные события изложены в его книге более кратко, чем в других источниках.

Джузджани, родившийся в 589/1193 г., находился на службе у гурских князей; оттого события, происходившие в Афганистане, рассказаны у него особенно подробно; в защите одной крепости он принимал личное участие. В 1227 г. автор переселился в Индию, где потом занимал должность главного казия и где в 658/1260 г. написал свою книгу.

[1] Часть книги, касающаяся истории Гуридов, кара-китаев и монголов, издана в Калькутте в 1864 г. (*The Tabaqát-i Násiri* of Aboo 'Omar Minháj al-dín 'Othmán, ibn Siráj al-dín al-Jawzjani. Ed. by W. Nassau Lees and Mawlawis Khadim Hosain and 'Abd al-Hai). Книга переведена на английский язык майором Раверти (*Ṭabaḳāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muḥammadan Dynasties of Asia, including Hindūstān...* By the Maulānā, Minhāj-ud-Dīn, Abū-'Umar-i-'Uṣmān. Transl... by H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881), с подробными примечаниями; указатель к книге издан отдельно в 1897 г.

[2] Книгу Несеви издал и перевел на французский язык О. Удá [Mohammed en-Nesawi, *Histoire du sultan Djelal ed-Din Mankobirti prince du Kharezm.* Texte arabe publié d'après le manuscrit de la Bibliothèque Nationale par O. Houdas, Paris, 1891; traduit de l'arabe par O. Houdas, Paris, 1895 (PÉLOV, IIIe sér., vol. IX—X)]. Об авторе см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 319. Сочинение упомянуто у Ибн Шихны (текст на полях египетского издания Ибн ал-Асира <1301/1883-84 г.>, стр. 86; об авторе и его труде см. Brockelmann, GAL, Bd II, S. 141 sq.) под заглавием تاريخ التتر, автора محمد المنشى; оно также упоминается у Исма'ила ибн ал-Асира (см. о нем Brockelmann, GAL, Bd I, S. 464 sq.), где автор именуется Ибн ал-Мунши (рук. Брит. муз. Or. 7914, л. 46б). <В 1308 г. х. солн. (1929 г.) в Тегеране вышло сочинение *Нафҫат ал-маҫдӯр* (на перс. яз.), по утерянной теперь рукописи, подготовленное к публикации еще Риза-Кули-ханом Хидаятом (ум. в 1871 г.) и ошибочно приписанное им предполагаемому Мухаммеду Зейдери. Мирза Мухаммед-хан Казвини доказал, что это сочинение — мемуары того же Несеви (в статье مقالهٔ تاريخى... در باب نسخهٔ نفثة المصدور). См. также Петрушевский, *Новый источник.* — *Ред.*>

О некоторых походах, например о походе Джучи из Отрара вниз по Сыр-Дарье, не говорит ни один из трех историков. Очень краткое изложение истории монголов от Чингиз-хана до Хулагу дано Насир ад-дином Туси (ум. в 1274 г.) в начале его *Зāдж-и ильхāнī*[1].

Полный обзор монгольских походов дает в своей книге «История завоевателя мира» (*Та'рīх-и джахāнгушāй*) Ала ад-дин Ата-Мелик б. Мухаммед Джувейни (ум. в 681/1283 г.). Книга Джувейни была написана в том же году, как книга Джузджани[2], но по возрасту автор был гораздо моложе и не может быть причислен к современникам монгольского нашествия; он мог, однако, еще пользоваться рассказами старших современников. Труд Джувейни заключает в себе историю монголов до похода Хулагу на исмаилитов; в некоторых рукописях[3] прибавлена еще в качестве «продолжения книги» (*зāйл-и китāб*) глава о завоевании Багдада. Кроме того, Джувейни включил в свой труд историю династии хорезмшахов (см. выше, стр. 77). Часть книги, относящаяся к завоеванию монголами Мавераннахра и Хорасана, напечатана в хрестоматии Шефера[4].

Труд Джувейни до сих пор не был оценен по достоинству. Еще д'Оссон обвинял автора в чрезмерной лести монголам, разорившим его отечество, и в чрезмерно разукрашенном стиле; тот же ученый, не останавливаясь на достоинствах труда, высказывает сожаление, что автор «не внес больше правдивости в освещение событий, больше порядка в свое повествование»[5]. Несправедливость упрека в чрезмерной лести была указана еще первым критиком истории монголов, Абель-Ремюза[6]; по его справедливому замечанию, об «отечестве» в нашем смысле в то время не могло быть речи и, кроме неизбежных бедствий военного времени, население Персии при монгольском владычестве едва ли было несчастнее, чем в эпоху хорезмшахов. Что касается панегирического тона и обилия риторических фигур, то в этом отношении

[1] Список этого труда, принадлежащий Британскому музею (Add. 7698), описан Рьё (Rieu, *Pers. MSS*, vol. II, p. 454). Среди более поздних приобретений Британского музея имеется другой список этого труда (Or. 7464), более старый и более точный, содержащий значительно более подробное историческое введение. Об авторе см. Browne, *A Literary History*, vol. II, p. 484 sq.; Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 344—348.

[2] Это не мешает Раверти (Джузджани, пер. Раверти, II, 987, прим.) причислить автора *Та'рīх-и джахāнгушāй* к писателям, жившим «от одного до трех столетий» после Джузджани.

[3] Напр., рук. ГПБ IV, 2, 34. Согласно Мухаммеду Казвини (во введении к его изданию Джувейни, т. I, стр. LXIII), это продолжение было сочинением Насир ад-дина Туси; однако проф. Броун (*A Literary History*, vol. III, p. 66) говорит лишь, что это, «возможно, добавление, написанное более поздним автором».

[4] Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 110—160.

[5] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. XX—XXVII.

[6] Abel-Rémusat, *Sur l'histoire des Mongols*, p. 437.

язык Джувейни не отличается от языка огромного большинства персидских историков. В системе изложения автора мы также не заметили особенных недостатков. Он не вполне справляется со своим материалом; в его рассказе иногда встречаются крупные противоречия, но в этом отношении труды последующих компиляторов, не исключая Рашид ад-дина, отнюдь не стоят выше. В общем нельзя не признать, что автор добросовестно старался дать нам полное и правдивое изложение событий. Огромное преимущество Джувейни перед Рашид ад-дином и Вассафом заключается в том, что он жил еще в эпоху единства монгольской империи и лично посетил Туркестан, Уйгурию и Монголию. В своем рассказе он старался, насколько это позволяли его источники, изложить историю всей империи; Рашид ад-дин и Вассаф обращали внимание преимущественно на историю монгольского государства в Персии и отчасти на союзный с ним Китай; что касается чагатайского государства, то эти историки не только сами имели крайне смутное понятие о происходивших там событиях, но не пользовались даже рассказом Джувейни о первых преемниках Чагатая[1].

Джувейни уже пользовался устными рассказами монголов[2], может быть также какими-нибудь записями; некоторые из его выражений прямо указывают на монгольский источник[3]. В более обширном раз-

---

[1] Этот рассказ издал в тексте и французском переводе Дефремери (*Histoire des khans Mongols du Turkistan et de la Transoxiane, extraite du Habib essiier de Khondénir,* traduite du persan et accompagnée de notes, par M. C. Defrémery, — JA, sér. 4, t. XX, 1852, pp. 381—388, 399—406). Как справедливо замечает проф. Броун, «это просто скандально», что до сих пор не существует полного издания труда Джувейни (Browne, *A Literary History,* vol. II, p. 473). В настоящее время два первых тома опубликованы Мирза Мухаммед-ханом Казвини для GMS (XVI) с очень подробным введением, переведенным проф. Э. Г. Броуном, в I томе. Остается только издать историю исмаилитов. Ср. мою статью *Djuwaini* (EI, I); Browne, *A Literary History,* vol. III, p. 63 sq. <Том III сочинения Джувейни, содержащий историю исмаилитов Ирана, вышел в изд. Казвини в 1937 г. Полный английский перевод труда Джувейни, сделанный Дж. А. Бойлем, издан в 1958 г. — *Ред.*>

[2] Ср., напр., его утверждение (изд. Казвини, I, 28): از جملهٔ مغولان معتبر شنیده‌ام.

[3] Говоря о событиях, предшествовавших вступлению на престол Гуюка, Джувейни (изд. Казвини, I, 197) заставляет Кутана дать своей матери, требовавшей от него выдачи бежавших к нему вельмож, такой ответ: بغاث الطیور که از مخالب باز بخارینی پناهد از صولت او امان یابد ایشان نیز چون بما استیمان کرده‌اند وبدامن دولت ما تمسّک نموده بار فرستادن ایشان در آذین همّت ومروّت محظور است واز شیوهٔ مکرّمت وفتوت دور (ср. рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 86). Такое же сравнение употребляют в монгольском сказании (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 43; <изд. Козина, 93>) спасители Чингиз-хана: «Когда пташка, преследуемая лундором, прячется в густую траву, густая трава спасает ей жизнь; если так бывает от травы, то мы будем хуже ее, коли не поможем человеку, прибегшему к нам».

мере воспользовался письменными монгольскими источниками Рашид ад-дин.

До Чингиз-хана монголы, как известно, не имели письменности. Приняв алфавит от уйгуров, монголы прежде всего воспользовались им для кодификации так называемых «постановлений Чингиз-хана» (т. е. санкционированных им народных воззрений и обычаев), соблюдение которых было обязательно не только для всех жителей империи, но и для самих ханов. Так образовалась «Великая Яса»[1] Чингиз-хана. О письменных экземплярах Ясы говорят многие историки, между прочим уже Джувейни, по словам которого законы были написаны на листах, хранившихся в казне главных царевичей; при вступлении на престол нового хана, при отправлении большого войска, при созыве собрания царевичей для обсуждения государственных дел эти листы приносились и на основании их вершились дела[2]. Видел ли кто-нибудь из историков такой экземпляр Ясы, неизвестно. Наиболее подробные сведения о постановлениях Ясы мы находим у египетского писателя Макризи[3] (Таки ад-дин Ахмед, ум. в 845/1441-42 г.).

Сверх того, монголы заимствовали у китайцев обычай, по которому записывались изречения ханов и после их смерти издавались; разумеется, такие записи делались только тогда, когда хан сам желал этого, стараясь в таких случаях облечь свои слова в стихотворную форму или по крайней мере в рифмованную прозу[4]. Эти изречения назывались тюркским словом *билик* ('знание'); билики Чингиз-хана были предметом преподавания; в Китае один раз вопрос о престолонаследии был решен в пользу того претендента, который обнаружил более основательное знание этих биликов[5]. Некоторые из биликов Чингиз-хана приведены Рашид ад-дином в приложении к его книге[6].

---

[1] *Яса* — 'постановление', 'закон'; более полная форма *ясак* — اليساق (монг. *дзасак)* употреблена Ибн Баттутой (III, 40). Другой термин у Вассафа (рук. ГПБ V, 3, 24, л. 390: تونچن; Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde*, S. 183: *Tundschin)*; в сокращенной редакции *Та'рӣх-и арба' улӯс* Улугбека употреблен совершенно непонятный термин آشوب شب (рук. Брит. муз. Add. 26190, л. 56). Ср. также мою статью *Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче* (стр. 31), где приводится другой термин تنكغال يرايغ — из Вассафа.

[2] *Тексты*, стр. 103; Джувейни, изд. Казвини, I, 17 и сл. Ср. Рашид ад-дин, изд. Катрмера, стр. CLXI.

[3] Текст и французский перевод в хрестоматии Сильвестра де Саси (de Sacy, *Chrestomathie arabe*, t. II, texte, p. 58 sq., traduction, p. 160 sq); русский перевод в книге проф. Березина, *Очерк внутреннего устройства*, стр. 25—31.

[4] *Тексты*, стр. 24; Рашид ад-дин, изд. Блоше, стр. 195.

[5] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 506—507.

[6] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, 120 и сл. Проф. Березин (там же, 173) и проф. Васильев (*Вопросы и сомнения*, стр. 381) по ошибке смешивают билики с Ясой.

Блестящие победы способствовали развитию монгольского национального чувства[1], под влиянием которого у монголов и их ханов явилось стремление знать историю своего народа и спасти от забвения великие подвиги отцов. Различие между историей и легендой было так же мало понятно монголам, как прочим первобытным народам. По всей вероятности, даже учителя монголов, уйгуры, не имели настоящих исторических сочинений; по крайней мере, Джувейни и Рашид ад-дин приводят из их книг только фантастические сказания о происхождении их народа[2]. Под влиянием среды, сословных тенденций и т. п. должны были возникнуть различные версии преданий о Чингиз-хане, о его предках, о его сподвижниках и об образовании его империи. Трудно решить, когда впервые стали записывать эти сказания; по одному рассказу Рашид ад-дина, уже китайский везир Чагатая, притом еще до своего возвышения, имел в руках подобный список, содержавший историю походов Чингиз-хана[3]. До нас дошло, в подлиннике и китайском переводе, сказание, составленное в 1240 г. в Монголии[4]. Покойный проф. Березин не совсем удачно назвал это сказание «монголо-китайской летописью»; оно отличается от всякой летописи уже тем, что повествование не ведется по годам; хронология событий крайне неопре-

[1] Volentes nomen suum, hoc est Moal, exaltare super omne nomen (Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 259).

[2] *Кутадгу билик,* изд. Радлова, I, стр. XXV и сл., XLI и сл.=Радлов, *К вопросу об уйгурах,* стр. 40 и сл., 56 и сл.

[3] *Тексты,* стр. 124; Рашид ад-дин, изд. Блоше, 195.

[4] О монгольском подлиннике см. брошюру проф. А. М. Позднеева (*О древнем китайско-монгольском памятнике*). О монгольском заглавии (*Mongolun niguča tobčiyan* — «Сокровенное сказание о монголах») см. Pelliot, *Le titre mongol,* p. 131 sq. Русский перевод архимандрита Палладия <Кафарова>, сделанный с китайского (монгольский подлинник тогда еще не был найден), помещен в ТЧРДМ, т. IV. Монгольский подлинник должен был быть опубликован Позднеевым в России и ныне будет опубликован проф. Пельо (см. его обещание: Pelliot, *À propos des Comans,* p. 132).

<Советским монголистом акад. С. А. Козиным в 1941 г. издан новый русский перевод «Сокровенного сказания», вместе с монгольским текстом в транскрипции и глоссариями. В Западной Европе вышли издания того же памятника, подготовленные крупнейшими специалистами по Дальнему Востоку: изд. Э. Хениша (ч. I — текст, ч. II — глоссарий, ч. III — нем. пер., 1937—1941) и изд. П. Пельо (монгольский текст полностью и франц. пер. шести глав, 1949). В Китае опубликованы два научных издания китайской транскрипции текста «Сокровенного сказания»: изд. Е Де-хой (Пекин, 1908) и изд. общества «Commercial Press» (Шанхай, б. г.). «Сокровенное сказание» переведено на ряд языков. Важное значение для научной критики разных изданий текста и переводов (в частности, перевода С. А. Козина) имеет работа: A. Mostaert, *Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols,* — HJAS, vol. 13—15, 1950—1952. Новое издание «Сокровенного сказания» подготавливается Б. А. Панкратовым; в 1962 г. вышла в свет первая часть — факсимиле рукописи *Юань-чао би-ши,* разделенной на 15 глав (известный ранее текст делился на 12 глав). — *Ред.*>

деленна и запутана. На наш взгляд, этот любопытный памятник должен быть отнесен к произведениям богатырского эпоса. Выдающиеся богатыри прославляются автором гораздо больше, чем Чингиз-хан и его род. Чингиз-хан, по словам автора, еще в детстве совершил братоубийство, что заставило его мать жаловаться на жестокий нрав своих старших сыновей и сравнивать их с хищными зверями[1]; впоследствии он вероломно погубил одного из своих верных слуг[2]. Таким же образом Угэдэй обвиняется в том, что он «из личной мести тайно умертвил верного и преданного» сподвижника[3]. С другой стороны, автор безусловно одобряет притязания богатырей, из которых один прямо требовал, чтобы Чингиз-хан во всем слушался его советов[4]. Самому Чингиз-хану влагается в уста завет относиться с уважением к ханской гвардии, т. е. к военной аристократии[5]. Идеал степного богатыря с его неукротимой храбростью, непоколебимой верностью главе народа и безграничным гостеприимством[6] рельефно очерчен в поэме. Что касается внешних событий, то автор останавливается преимущественно на войнах, происходивших в Восточной Азии, и только в нескольких словах касается монгольских походов на запад.

Тот же материал — конечно, в ином освещении — мы находим в официальной редакции монгольского предания, дошедшей до нас в персидской и в китайской обработке. Мы знаем, что монгольские императоры в Китае заботились о разработке монгольской истории; так, при императоре Хайсане (1308—1311) была составлена подобная официальная история монголов[7]. После падения монгольского владычества, по китайскому обычаю, была составлена подробная история низвергнутой династии (*Юань-ши* — «История династии Юань»). К сожалению, до сих пор переведены на европейские языки только сокращенные редак-

[1] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 39—40; <изд. Козина, 90—91>.

[2] Там же, пер. Кафарова, 69; <изд. Козина, 1116>.

[3] Там же, пер. Кафарова, 159; <изд. Козина, 199>.

[4] Там же, пер. Кафарова, 61; <изд. Козина, 107>.

[5] Там же, пер. Кафарова, 129; <изд. Козина, 170>.

[6] Так, очевидно, следует понимать описание жилища Сорханьширы, благородного спасителя Темучина: «Жилище его можно было издали узнать по стуку от битья кобыльего молока, который продолжался с вечера и до утра» (там же, пер. Кафарова, 43; <изд. Козина, 93>). Едва ли справедливо прозаичное толкование о. Палладия (стр. 180): «Приготовление кумыса или вина было, может быть, повинностью дома Сорханьширы».

[7] Abel-Rémusat, *Khaisang*, p. 8. <Имя императора, как указал П. Пельо, в соответствии с его китайской транскрипцией следует читать Хай-шань (Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 14). Это имя, как пишет П. Пелью, по своему происхождению — не китайское и является, по-видимому, транскрипцией монгольского имени *Qaïšan (ibid.). — На полях экз. Бартольда (англ. изд). в этом месте есть пометка: «Hai shan». — *Ред.*>

ции этой истории[1]. В сочинениях европейских синологов иногда приводятся изречения и цитаты из полного текста *Юань-ши,* показывающие, что полный перевод книги дал бы нам много новых сведений.

В Персии составление истории монголов было поручено Газан-ханом (1295—1304) везиру Рашид ад-дину. Врач по профессии, автор многих богословских сочинений, Фазлаллах Рашид ад-дин б. Имад ад-дауля Абу-л-Хайр[2] поступил на государственную службу еще при хане Абаке (1265—1282) и в 697/1298 г. был назначен везиром. Газан поручил ему составить доступную для народа историю монгольского государства[3]. В сокровищнице ильхана хранилась официальная хроника монголов; по описанию Рашид ад-дина, эта хроника, написанная на монгольском языке и монгольскими письменами, состояла из отдельных отрывков, которые никогда не были приведены в порядок; книга считалась священной, и никто не имел доступа к ней, так что историки не могли ею пользоваться и черпали свои сведения «из уст простых людей»[4]. Ту же хронику, вероятно, имеет в виду наш автор, когда в рассказе о племени тайджиют[5] цитует «Золотую книгу»[6] (*Алтан-дэптэр*), которая «постоянно хранилась в ханской сокровищнице в руках старших эмиров». Неизвестный автор генеалогической истории монголов, написанной в XV в., замечает об одном из чиновников (*бӣтӣкчӣ*) Угэдэя: «Он происходил из племени...[7]; они хранили „Золотую книгу" Чингиз-хана; кроме его рода и царского рода, никто этой книги не видел»[8]. Едва ли таджик Рашид ад-дин мог непосредственно поль-

---

[1] *История первых четырех ханов из дома Чингисова,* переведено с китайского монахом Иакинфом, СПб., 1829; Douglas, *The life of Jenghiz Khan,* London, 1877. О составе и содержании *Юань-ши* см. Bretschneider, *Researches,* vol. I, pp 180—191; о других китайских сочинениях см. Pelliot, *A propos des Comans,* p. 131 sq. <Бичурин перевел не «сокращенную редакцию» *Юань-ши,* а раздел *бэнь-цзи* («главные анналы») первых четырех ханов; см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* p. 14. — *Ред.*>

[2] Подробные сведения о жизни и сочинениях Рашид ад-дина помещены Катрмером в предисловии к изданной и переведенной им части «Сборника летописей» [*Histoire des Mongols de la Perse* écrite en persan par Raschid-eldin. Publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère, t. I, Paris, 1836 (Coll. orient.)]. Ср. Blochet, *Introduction*; см. также мою рецензию в «Мире ислама», I, 1912, стр. 56—107.

[3] По д'Оссону (*Histoire des Mongols,* t. I, p. XXXV), автор получил это поручение в 702/1302-03 г.; у Катрмера этой даты нет.

[4] Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 74—75.

[5] Рашид ад-дин, изд. Березина, введение к пер., ч. V, 183; текст, ч. VII, 244.

[6] В рукописях мы находим чтения: دور التان دوتر и دور التان دوتر; Катрмер (Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 74) предлагает читать التان دور دوتر.

[7] Неизвестное название.

[8] *Тексты,* стр. 159 *(Мучизз ал-ансаб).*

зоваться священной хроникой монголов; предания о монголах он черпал главным образом из уст лучшего знатока монгольской истории Пулад-чэнсяна, представителя великого хана при персидском дворе, и из уст самого Газана, уступавшего в знании истории только одному Пуладу (или Фуладу) [1]. Повествование Рашид ад-дина часто дословно совпадает с *Юань-ши,* так как общим источником для обоих, конечно, является монгольская официальная хроника [2]. В тех случаях, когда монгольское предание не давало достаточных сведений о каком-нибудь походе, автор брал эти сведения из книг народов, подвергавшихся монгольским нашествиям; из них он называет китайцев, индийцев, уйгуров и кипчаков. История завоевания мусульманских стран излагается исключительно по Джувейни.

Труд еще не был окончен, когда Газан-хан умер. Его брат и преемник Улджэйту поручил Рашид ад-дину еще более обширную работу, именно составление истории всех народов, находившихся в сношениях с монголами. Автор пользовался содействием находившихся при персидском дворе ученых людей разных народов; так, история Индии была составлена при содействии кашмирского отшельника (*бхикшу*) Камалашри, история Китая — при содействии двух ученых китайцев, Ли Дачжи и Максуна [3] (?), на основании книги, сочиненной тремя буддийскими священниками. Неизвестно, какие европейцы доставили Рашид ад-дину материал для истории франков; сведения, изложенные в этой части его труда, также отличаются большой точностью; в рассказе об отношениях между папой и императором значение первого несколько преувеличивается, из чего можно заключить, что европейские сотрудники Рашид ад-дина, как и следовало ожидать, принадлежали к духовенству. Весь труд был окончен в 710/1310-11 г. [4] и первоначально был разделен на три тома; первый заключал в себе историю монголов, второй — всеобщую историю и историю царствования Улджэйту (по плану Рашид ад-дина эта часть книги должна была быть продолжена другими историками), третий — географическое прибавление [5]. Впослед-

---

[1] D'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. IV, pp. 359—360.

[2] Согласно П. Пельо, повествование Рашид ад-дина совпадает не столько с *Юань-ши* (составленной в 1369 г.), сколько с *Шэн-у цинь-чжэн лу;* именно это последнее сочинение представляет собой китайскую версию монгольской хроники, которой пользовались Рашид ад-дин или его информаторы; «Сокровенное сказание» представляет другую традицию, совершенно отличную. См. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* p. 14. — *Ред.*>

[3] Так у Катрмера (Рашид ад-дин, изд. Катрмера, стр. LXXVIII); Rosen, *Les manuscrits persans,* p. 106 كسون; Blochet, *Introduction,* p. 98 يكسون.

[4] История Улджэйту, по Вассафу, была продолжена до 712/1312-13 г. (Рашид ад-дин, изд. Катрмера, стр. LXXI).

[5] Там же, L—LXI.

ствии автор заменил это деление другим, причем, по-видимому, выделил в отдельный, третий том краткий обзор всеобщей истории, первоначально входивший в состав второго тома в качестве первой главы (*фаṣл*) первого отдела (*ḳисм*) второй части (*бāб*); географическое прибавление составило четвертый том [1]. Весь труд получил название «Сборника летописей» (*Джāми' ат-тавāрūх*); первый том, написанный по поручению Газана, по желанию Улджэйту сохранил название *Та'рūх-и Ḡāзāнū* [2].

Таким образом, сочинение Рашид ад-дина представляло собой огромную историческую энциклопедию, какой в средние века не было ни у одного народа ни в Азии, ни в Европе. Самая возможность создания подобного труда при участии ученых людей всех народов показывает, каковы могли бы быть, при более благоприятных условиях, последствия монгольского завоевания, сблизившего между собой самые отдаленные культурные народы. Сам Рашид ад-дин верил, что потомство воспользуется его трудами; он перевел все свои персидские сочинения на арабский [3], все арабские — на персидский язык и позаботился о том, чтобы ежегодно составлялись копии всех его трудов на обоих языках [4]. Тем не менее, «Сборник летописей» не сохранился полностью даже на родине историка. Из слов самого Рашид ад-дина [5] видно, что еще при его жизни против него существовала сильная партия среди мусульманских книжников. В 1318 г., при ильхане Абу Са'иде, он был обвинен в измене и казнен; естественно, что после этого перестали заботиться о распространении копий его трудов. Историк XIV в. Мухаммед б. Али аш-Шебангараи, автор сочинения *Маджма' ал-ансāб* [6] («Собрание генеалогий»), хотя и признает ученость Рашид ад-дина, обвиняет его в интригах [7], совсем не пользуется его трудом и даже не упоминает о последнем. Другой современник нашего автора, Абу-л-Касим Абдаллах б. Али ал-Кашани, автор «Истории Улджэйту» [8], обвиняет Рашид

[1] Там же, стр. LXXII—LXXIV, CLIX—CLX.

[2] <История написания *Джāми' ат-тавāрūх* Рашид ад-дина более подробно трактуется В. В. Бартольдом в его рецензии на книгу Blochet, *Introduction à l'histoire des Mongols*, — «Мир ислама», т. I, 1912, стр. 56—107. — *Ред.*>

[3] В одной из рукописей оксфордской Бодлеянской библиотеки сохранился арабский перевод части «Сборника летописей», посвященной истории Китая (MS Arab. b. 1). О более важных выдержках из арабского перевода «Сборника летописей» см. Morley, *A descriptive catalogue*, pp. 5, 8—11.

[4] Рашид ад-дин, изд. Катрмера, стр. CXXXIV—CXXXIX, CLXVII.

[5] Там же, стр. V, CXXVI.

[6] Рукопись этого сочинения, написанная самим автором, имеется в Азиатском музее, d 566 (ИНА, 372); ср. также Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, pp. 83—84.

[7] Рук. Аз. муз. d 566 (372), лл. 222, 225 б.

[8] Экземпляр этого трактата, который принадлежал покойному Ш. Шеферу, теперь

ад-дина в плагиате; настоящим автором «Сборника летописей» будто бы был он, Кашани; Рашид ад-дин «руками проклятых евреев» представил этот труд на воззрение султана от своего имени, получил за это обширное имение ценностью в 50 томанов, дававшее 20 томанов ежегодного дохода (?); из этой награды он, вопреки данному заранее обещанию, не уделил настоящему автору ни одного дирхема[1]. Трудно сказать, на чем могла основываться такая претензия; очень возможно, что Кашани принимал некоторое участие в собирании материалов для Рашид ад-дина. Были в XIV в. другие историки, как Вассаф, которые и после казни Рашид ад-дина продолжали относиться с полным уважением к его личности и к его труду; но об отыскании и распространении копий этого труда, по-видимому, не позаботились даже сыновья историка, хотя один из них с 1328 по 1336 г. занимал должность везира. Разграбление квартала, принадлежавшего семье Рашид ад-дина в Тебризе[2] (1336 г.), вероятно, также способствовало исчезновению копий его трудов. Когда в начале XV в. по приказанию султана Шахруха приступили к собиранию сохранившихся частей «Сборника летописей», то уже не могли найти полный экземпляр этого труда. В начале XIX в. считались утраченными даже копии, написанные при Шахрухе и его сыновьях; еще Катрмер, приступая в 1836 г. к изданию сочинения Рашид ад-дина, знал только ту часть книги, которая касалась истории монголов[3].

В настоящее время известно довольно значительное число рукописей «Сборника летописей»; не найдены пока только история Улджэйту[4] и географическое прибавление. Судя по каталогам европейских библиотек, существует только одна рукопись XIV в., именно рукопись

хранится в Париже (ср. Blochet, *Catalogue de la collection Schefer*, № 1419, pp. 95—96), а другой — в Константинополе, библ. Ая-София, № 3019, см. мою статью в ЗВОРАО, т. XVIII <*О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*>, стр. 0119; см. также Мухаммед Хусейни, стр. XI, <предисл. Зюссхейма>. Согласно Зюссхейму, рукопись Шефера является копией с константинопольской рукописи. Тому же автору принадлежит труд по всеобщей истории (до падения Багдада), первая часть которого сохраняется в рукописи в Берлинской библиотеке [(№ 368 в каталоге Перча (Pertsch, *Verzeichniss*)]. Тот же труд упомянут Мирхондом (где следует читать الكاشانى вместо الكاشى) под заглавием «Сливки летописей» (زبدة التواريخ).

[1] Schefer, *Notice*, p. 12. Лучше текст (из константинопольской рукописи) в ЗВОРАО, т. XVIII <Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*>, стр. 0122 и сл.

[2] Рашид ад-дин, изд. Катрмера, стр. LII.

[3] Ср. Morlty, *A descriptive catalogue*, p. 3 — об открытии других частей *Джами' ат-таварих* впервые в 1838 г.

[4] Список *Джами' ат-таварих*, содержащий историю Улджэйту, был найден в 1923 г. Ахмедом Зеки Валиди <Тоганом> в библиотеке в Мешхеде (Валидов, *Мешхедская рукопись*, стр. 247 и сл.).

Британского музея Add. 16688[1]. В самой рукописи мы находим более позднюю дату (3 зу-л-хиджжа 930/2 октября 1524 г.), но, по словам д-ра Рьё, эта дата относится только к нескольким листам (2, 3, 291—293), написанным более позднею рукой, причем переписчик старался подделаться под руку своего предшественника. Мы находим здесь, в качестве приложения к книге, главу о вступлении на престол Улджэйту, написанную не самим Рашид ад-дином, а его переписчиком, который говорит о везире как о своем современнике. Тем не менее, рукопись отнюдь не отличается такой исправностью, как можно бы было предполагать по ее древности. Достаточно отметить, что, по этой рукописи (л. 8), у Чагатая было всего шесть сыновей; между тем, дальше (л. 17), как и в других рукописях, говорится о седьмом сыне этого хана[2].

Остальные рукописи все относятся или к XV в., или к еще более позднему времени; по-видимому, мы обязаны сохранением если не всего «Сборника летописей», то значительной части его исключительно просвещенным заботам Шахруха и его сотрудников. Установление текста представляет большие трудности: даже если сравнивать между собой только хорошие и старые списки, мы находим здесь целый ряд очень существенных противоречий, особенно в генеалогии Чингизидов. Один из старейших и лучших списков находился в Публичной библиотеке в Петрограде (рук. V, 3, 1, написанная в 810/1407-08 г.), но сейчас, к сожалению, утерян[3].

Еще до появления труда Рашид ад-дина, в ша'бане 699/весной 1300 г. начал писать свою историю монголов Абдаллах б. Фазлаллах, впоследствии получивший прозвание Вассаф ал-хазрет ('Панегирист

[1] Rieu, *Pers. MSS*, vol. 1, pp. 78—79. Рукопись в библиотеке RAS (Morley, *A descriptive catalogue*, p. 11; арабский перевод части сочинения) датирована 714/1314-15 г.

[2] <О рукописях *Джами' ат-таварих* Рашид ад-дина см. подробнее: Storey, *Persian literature*, vol. I, pt I, sect. II, fasc. 1, p. 70 sq; Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН, т. III, предисл. А. К. Арендса, стр. 8—13. — *Ред.*>

[3] Ср. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 232, о прекрасном списке *Та'рих-и Газани* в Ташкенте, с собственными именами (в генеалогиях), транскрибированными уйгурскими буквами. Введение (о тюркских и монгольских племенах) и история Чингиз-хана изданы и переведены И. Н. Березиным (ТВОРАО, ч. V, VII, XIII, XV). История Хулагу издана Катрмером (ср. выше, стр. 92, прим. 2). Часть *Та'рих-и Газани* от Угэдэя до Тимура, внука Хубилая, издана Блоше в GMS (XVIII). О Рашид ад-дине и его трудах см. Browne, *A Literary History*, vol. III, pp. 68—87, с интересным перечнем (p. 80 sq.) писем Рашид ад-дина, содержащихся в рукописи и ранее неизвестных.

<Части *Та'рих-и Газани* (история преемников Хулагу-хана и история Газан-хана, перс. текст) изданы К. Яном в 1940—1941 гг. Часть *Та'рих-и Газани* (подготовленной полностью к изданию коллективом ИВАН, 3 тома, еще в 1940 г.) издана в Баку (т. III) в 1957 г.; т. II критич. текста также печатается в Баку; русский перевод (в трех томах) вышел в свет в 1946—1961 гг. Переписка Рашид ад-дина (*Мукатибат-и Рашиди*) издана в 1947 г. проф. Хан-Бахадуром Мухаммедом Шафи'. — *Ред.*>

его величества'). Как известно, сочинение Вассафа написано крайне пышным слогом и считается лучшим образцом персидского красноречия[1]. Автор является непосредственным продолжателем Джувейни, о труде которого был очень высокого мнения, и потому начинает свой рассказ со смерти Мункэ. Рассказ о событиях царствования Хубилая во многом и очень существенном отличается от рассказа Рашид ад-дина, и в некоторых случаях трудно решить, на чьей стороне истина. Первые четыре части труда были поднесены султану Улджэйту и везиру Рашид ад-дину в четверг 24 мухаррема 712[2]/1 июня 1312 г. Дошедши в своем повествовании до 710/1310-11 г., автор присоединяет к нему рассказ о происхождении монгольской империи, о династии хорезмшахов и о походе Хулагу (по Джувейни).

Пятая книга написана позже[3]; мы находим здесь окончание истории монголов и главу о Джучидах и Чагатаидах, причем автор придерживается изложения Рашид ад-дина даже в тех случаях, когда сам в первой книге рассказал те же события иначе. После этого автор продолжает историю Хулагидов до усмирения восстания эмира Курмиши (719/1319 г.). Первая книга издана и переведена на немецкий язык Хаммер-Пургшталем[4]; все сочинение литографировано в Бомбее в 1269/1852-53 г.[5].

В конце 717 г. — в предисловии указана дата 25 шавваля[6] /31 декабря 1317 г.— было написано сочинение Бенакети (Абу Сулейман Давуд б. Абу-л-Фазл Мухаммед, придворный поэт Газан-хана) под заглавием «Сад для одаренных умом людей относительно летописей вельмож и генеалогий» (*Раузат улӣ-л-албāб фӣ-тавāрӣх ал-акāбир за-л-ансāб*). Это сочинение, в сущности, представляет только список

---

[1] Книга вообще известна под названием *Та'рӣх-и Вассāф;* сам автор дал ей заглавие *Китāб таджзӣйат ал-амсāр ва тазджӣйат ал-а'сāр* («Книга разделения областей и прохождения времен»).

[2] Первая часть книги была поднесена еще Газан-хану в воскресенье 13 раджаба 702/3 марта 1303 г. (см. Рашид ад-дин, изд. Катрмера, стр. XIII).

[3] По д'Оссону (*Histoire des Mongols,* t. I, p. XXXIII) и Рьё (*Pers. MSS,* vol. I, p. 161), в 729 г. х.; в рук. ГПБ V, 3, 24 указывается 717 г. х. (л. 424) и 718 г. х. (л. 425) как год составления этой части, но эта дата ошибочна, так как тут же говорится, что в то время уже правил чагатайский хан Ильчигидай. Литографированное (индийское) издание <Бомбей, 1269 г. х. (1852-53 г.)> имеет даты 727 г. х. (стр. 607) и 718 г. х. (стр. 608: ثمان وعشر وسبعمائه).

[4] *Geschichte Wassaf's* Persisch hrsg. und Deutsch übers. von Hammer-Purgstall, Bd I, Wien, 1856. Об авторе и его труде см. Browne, *A Literary History,* vol. III, p. 67 sq.

[5] В Британском музее, кажется, нет экземпляра этого издания. Печатный каталог (Edwards, *Catalogue,* p. 45) называет только другое персидское издание (только I том), Тебриз, 1272 г. х. (1865-66 г.).

[6] <В англ. изд. 1928 г. неправильно: 15 шавваля.— *Ред.*>

«Сборника летописей» Рашид ад-дина, причем автор делает только очень незначительные дополнения для своего времени[1].

В том же XIV в. появились сочинения Хамдаллаха б. Абу Бекра Мустауфи Казвини[2], историческое и географическое.

Историческая компиляция Казвини, носящая заглавие «Избранная история» (*Та'рӣх-и гузӣде*), написана в 735/1334-35 г. и доведена до 730/1330 г.[3]. Мы находим здесь краткое изложение всеобщей истории, не лишенное, однако, значения. Тогда как Рашид ад-дин, излагая историю Саманидов и первых Газневидов, буквально переписывает персидский перевод книги Утби, Казвини сообщает нам некоторые данные, которых нет у Утби, но в пользу которых говорят другие источники. Так, история столкновения саманидского правительства с Симджуридами рассказана у него не как у Утби, а как у Гардизи и Ауфи[4]. Рассказ Казвини о Чагатаидах[5] очень краток и, по-видимому, не заслуживает большого доверия. В конце книги приложены сведения о многих шейхах, расположенные в хронологическом порядке; наконец, историк в конце своей жизни присоединил к своей книге рассказ о дальнейших событиях XIV в. и довел его до 744/1343-44 г.; его сын Зейн ад-дин продолжил рассказ отца до завоевания Персии Тимуром. Глава о Саманидах издана Шефером в качестве приложения к изданию труда Нершахи[6], глава о Сельджукидах — в «Journal asiatique»[7]. Издание всего сочинения было напечатано Мельгуновым в 1873 г., но не вышло в свет[8]. Это сочинение ныне опубликовано в факсимиле со старинной (XV в.), но не очень исправной рукописи проф. Э. Г. Броуном в «Gibb Memorial» Series (XIV), с сокращенным переводом и указателями.

---

[1] Ср. Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, pp. 79—80. Рукопись этого сочинения имеется также в библиотеке Петроградского ун-та, № 285. То, что пишет Броун (*A Literary History*, vol. III, p. 100 sq.) относительно этого труда, не вполне точно. Все, что Бенакети говорит о Европе (о римских императорах и папах) и о Китае (рассказ о книгопечатании), заимствовано у Рашид ад-дина (см. текст из Рашид ад-дина о книгопечатании в Китае, опубликованный бар. В. Р. Розеном: *Les manuscrits persans*, p. 107 sq.).

[2] Об авторе и его сочинениях см. очень подробные сведения у Э. Г. Броуна (*A Literary History*, vol. III, pp. 87—100).

[3] Ср. Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, pp. 80—82.

[4] *Тексты*, стр. 11—12, 91—92.

[5] Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, рук. ЛГУ № 153, стр. 319—320; изд. Броуна, текст, 576 и сл.

[6] Нершахи, изд. Шефера, 99—111.

[7] *Histoire des Seldjoukides et des Ismaéliens ou Assassins de l'Iran. Extraite du Tarikhi Guzideh ou Histoire Choisie d'Hamd-Allah Mustaufi.* Traduite du persan... par M. Defrémery, Paris, 1849 (Extrait du JA, sér. 4, t. XI, 1848, pp. 417—462; t. XII, 1848, pp. 259—279, 334—370; t. XIII, 1849, pp. 15—55).

[8] В библиотеке Петроградского университета имеется рукопись *Та'рӣх-и гузӣде* (№ 1153), написанная в месяце зу-л-ка'да 813/марте 1411 г.

Географическое сочинение Хамдаллаха Казвини «Услада сердец» (*Нузхат ал-қулӯб*) было написано в 740/1339 г. Автор не ограничивается, подобно своим современникам (Абу-л-Фида и Димашки), повторением слов географов X в., но отмечает происшедшие с того времени перемены; кроме того, он дает нам подробные сведения об административном делении Персии в эпоху монгольского владычества и о взимавшихся с каждой области податях. Его труд имеет значение и для лингвистов как один из немногих средневековых памятников монгольского языка: в космографической части книги параллельно приводятся персидские, тюркские и монгольские названия различных животных. Сочинение Казвини полностью литографировано в Бомбее в 1311/1894 г., а затем было опубликовано и переведено Г. Ле Стрэнджем в «Gibb Memorial» Series (XXIII, 1915—1918) [1]. Несколько глав издал Шефер в приложении к своему изданию *Сийāсат-нāме* [2].

Мы не будем останавливаться на других исторических и географических сочинениях, написанных в XIII и XIV вв. в Персии и в Передней Азии и имеющих мало отношения к Туркестану, по крайней мере к эпохе, составляющей предмет настоящего исследования [3]. Приведенные нами данные показывают, что историческая литература в эту эпоху достигла в Персии значительного развития и что для изучения истории монгольского владычества в Персии мы имеем достаточное число источников. К сожалению, нельзя сказать того же самого об истории Средней Азии. Политические смуты среди потомков Чагатая не благоприятствовали развитию науки и литературы; кроме того, персидская культура здесь не имела полного господства; рядом с арабским алфавитом был распространен также уйгурский [4]; мы находим уйгурских писцов даже при дворе Тимуридов, до последних представителей этой династии включительно [5]. К уйгурским писцам и к буддийским отшельникам одинаково прилагался термин *бахши* (от санскр. *бхикшу*); объясняя это слово, автор чагатайского словаря говорит, что так назывались «писцы туркестанских царей, совсем не знавшие по-персидски» [6]. По-

---

[1] О стихотворной хронике того же автора <*Зафар-нāме*> см. Ethé, *Neupersische Litteratur*, S. 236; Blochet, *Introduction*, p. 106 sq; Browne, *A Literary History*, vol. III, p. 95.

[2] Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., 141—235.

[3] Можно указать еще на сочинение Абу Са'адата Абдаллаха б. Али ал-Йемени ал-Яфи'и «Зеркала райских садов относительно познания человеческих событий», написанное в XIV в. События здесь расположены в хронологическом порядке, причем главное внимание обращено на биографии шейхов и ученых. Из этой книги мы заимствовали рассказ о знаменитом шейхе Неджм ад-дине Кубра (*Тексты*, стр. 154—155). Об авторе и его сочинениях см. Brockelmann, GAL, Bd II, S. 176 sq.

[4] Abel-Rémusat, *Recherches*, t. I, p. 40; Langlès, *Notice*, pp. 586—587.

[5] Ср. Бартольд, ЗВОРАО, т. X, стр. 219.

[6] Ср. словарь Будагова при слове بحشى (sic, вместо بخشى).

видимому, эти писцы при чагатайских ханах стояли ближе к престолу, чем представители мусульманской культуры, и ведение хроники исторических событий всецело находилось в их руках. На существование уйгурских записей сохранились, как мы увидим дальше, вполне определенные указания; между тем мы не знаем ни одного мусульманского литературного сочинения, написанного по поручению какого-нибудь чагатайского хана.

До нас дошло только одно историческое сочинение, написанное в Средней Азии в эту эпоху, именно «Прибавление к словарю *Сурах*», сочинение Абу-л-Фазла б. Мухаммеда, известного под прозванием Джемаля Карши. Автор в 681/1282 г. перевел на персидский язык арабский словарь ал-Джаухари[1] и в самом начале XIV в. написал к нему (на арабском языке) «Прибавления», где мы находим сведения о некоторых среднеазиатских династиях, и в особенности о пользовавшихся известностью в Средней Азии шейхах и ученых. Его рассказы часто имеют легендарный характер, но иногда он сообщает нам ценные исторические и хронологические данные; кроме того, его рассказ о современных ему шейхах дает понятие об умственной жизни этой эпохи. Сочинение было написано в Кашгаре по желанию главы местного духовенства, совершенно независимо от монгольского двора. Рукопись «Прибавлений» только в самое последнее время была найдена в Средней Азии М. С. Андреевым и через В. П. Наливкина прислана в Азиатский музей[2].

Автор сокращения истории Улугбека ссылается на «Сокращенный сборник» (*Мухтасар*) «великого эмира» Ходженди; но это сочинение, вероятно, было написано не раньше эпохи Тимура, так как в нем придается некоторое значение предку Тимура Харачар-нойону[3]. Упоминаемая у Хаджи Халифы[4] «История рода Чингиза», сочинение Мухаммеда Ташкенди, написана не ранее второй половины XV в., как показывает цитата из этого сочинения, которую мы находим в книге историка конца XVI в. Дженнаби[5].

Уйгурские записи не могли заменить персидских исторических сочинений. До понимания различия между историей и легендой из всех тюркских народов дошли только османы; уйгуры, по-видимому, не

[1] Об этом арабском сочинении и о персидском переводе см. Brockelmann, GAL. Bd I, S. 128, 296.

[2] Петровский, *Башня «Бурана»*, стр. 353; Бартольд, *Мулхакат-ас-Сурах*, стр. 283—287; *Тексты*, стр. 128—152. О другой (лучшей) рукописи, купленной мной в 1902 г., см. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 271 и сл. О чтении слова القرشى см. Бартольд, *Мулхакат-ас-Сурах*, стр. 286 и *Тексты*, стр. 140 (وعرفى بالقرشى لذ لك).

[3] *Тексты*, стр. 162.

[4] Хаджи Халифа, III, 109.

[5] Рук. Аз. муз. 528 (353), стр. 441; СМИЗО, I, 535—538.

имели исторических сочинений в настоящем смысле слова[1]. Естественно, что сведения об истории монголов, заимствованные историками из монгольских и уйгурских источников, имеют чисто легендарный характер; таков, например, рассказ о смерти Тулуя, предложившего себя духам в качестве искупительной жертвы за своего брата Угэдэя; этот рассказ мы находим в китайской истории[2], у Рашид ад-дина[3] и у восточномонгольского певца[4], тоже, как мы видели, сочувствовавшего Тулую и его сыновьям. Подобные тенденциозные сказания были распространены также в государствах Джучидов и Чагатаидов. Автор сокращения истории Улугбека, говоря об обвинениях, возведенных на Джучи Чагатаем и Угэдэем, прибавляет, что эти обвинения подробно изложены в летописях чагатайских ученых, но что неосновательность их доказывается свидетельством всех беспристрастных историков. Так как сокращение истории Улугбека было написано уже в эпоху узбекского владычества, то автор пользовался и джучидскими легендами[5].

Сомнительная достоверность уйгурских записей видна уже из той легкости, с которой в угоду Тимуру была произведена фальсификация истории чагатайского улуса. Тимур, поручивший описание своих походов персидскому историку Низам ад-дину Шами, в то же время пользовался услугами уйгурских писцов, составивших на тюркском языке стихотворную хронику его походов[6]. Тем же уйгурам, вероятно, обязана своим происхождением фантастическая легенда о договоре, будто бы заключенном между братьями Хабулом, предком Чингиз-хана, и Хачули, предком Тимура; по этому договору потомки первого должны были занимать престол, потомки второго — должность везиров. Тогда же будто бы был написан документ[7], снабженный «красной печатью» (*āл ṭамға*); договор был возобновлен между Чингиз-ханом и Харачаром, или Карачаром (потомком Хачули), впоследствии между Дува-ханом и Иленгизом (внуком Харачара); документ исчез во время смутного царствования Али-султана. В силу этого договора Харачар и некоторые из его потомков были полновластными правителями чагатайского государства. Известия о таком могуществе Харачара и его по-

---

[1] См. выше, стр. 90.

[2] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 254, прим.

[3] Рук. ГПБ V, 3, 1, л. 199; изд. Блоше, 220 и сл.; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. II, pp. 52—59.

[4] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 154; <изд. Козина, 193>.

[5] *Тексты,* стр. 162—164.

[6] Об этой хронике и ее заглавии تاريخ خانى см. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.),* стр. 188.

[7] Об этом документе подробнее всего говорится в сокращении истории Улугбека. Ср. *Шаджарат ал-атрāк,* пер. Майлса, 373.

томков, как указал еще д'Оссон[1], нет ни у одного историка XIII и XIV вв.; тем не менее, легенда об этих полновластных везирах, очевидно придуманная для обоснования прав самого Тимура, еще продолжает вводить в заблуждение некоторых европейских ученых. Впервые мы находим ее у нескольких историков XV в., находившихся в зависимости от уйгурских источников.

Из этих исторических сочинений наибольшей известностью пользуется «Книга о победе» (*Ẓафар-нāме*) Шереф ад-дина Али Йезди[2], писавшего в 828/1425 г. Такое заглавие, придуманное самим Тимуром, дал своей книге еще предшественник Шереф ад-дина, Низам ад-дин Шами, написавший историю Тимура еще при жизни великого завоевателя, в 806/1403-04 г.[3]. Шереф ад-дин принял почти без изменения план своего предшественника, но пользовался также уйгурской стихотворной хроникой походов Тимура. Введение (*Муқаддама*) к книге посвящено обзору истории монгольских государств; история чагатайского государства излагается здесь очень кратко; автор, очевидно, пользовался Джувейни и Вассафом, отчасти Рашид ад-дином; для истории XIV в. он не дает почти ничего, кроме имен ханов[4]. В Фарсе около 815/1412 г.

---

[1] D'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. II, pp. 108—109. Замечание д'Оссона, что Харачар у Рашид ад-дина совсем не упоминается, неверно: как в богатырском сказании (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 134; <изд. Козина, 158>), так и у Рашид ад-дина (изд. Блоше, 178; изд. Березина, ч. XV, 144) Харачар назван в числе эмиров Чагатая; но о его значении в чагатайском государстве в этих источниках нет ни слова

[2] Rieu, *Pers. MSS,* vol. I, pp. 173—177; Browne, *A Literary History,* vol. III, pp. 362—365.

[3] Rieu, *Pers. MSS,* vol. I, pp. 170—172. Рукопись Ташкентской библиотеки № 146 [Каль, *Персидские, арабские и тюркские рукописи,* стр. 13—14 <см. также *Собрание восточных рукописей АН УзССР,* т. I, № 116, стр. 55 (новый шифр 1520/II).— *Ред.*>] представляет список более ранней работы Гияс ад-дина Али Йезди; этот труд, теперь изданный (Зиминым и Бартольдом) в «Текстах по истории Средней Азии», I, 1915, был одним из источников Низам ад-дина и Шереф ад-дина. Содержание очень полно рассмотрено во Введении, в котором приведены выдержки из труда Низам ад-дина (о нем см. там же, стр. XXVI и сл.) по рукописи Британского музея. Труд Низам ад-дина целиком был включен Хафиз-и Абру в первую версию его компиляции и хранится в Константинополе в библиотеке Дамад Ибрахим-паша, № 919 (см. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира,* стр. 0138 и сл.). <Текст *Ẓафар-нāме* Низам ад-дина Шами издан Ф. Тауэром в 1937 г.; русский перевод сочинения Гияс ад-дина Али, выполненный проф. А. А. Семеновым, издан в 1958 г.— *Ред.*>

[4] Как известно, сочинение Шереф ад-дина было переведено на французский язык еще в прошлом столетии Пети де ля Круа (*Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan...* Traduite en François par feu M. Petis de la Croix..., t. I—IV, Delf, 1723); подлинник был издан в Калькутте в 1887—1888 гг. (*The Ẓafarnāmah* by Maulánā Sharfuddín [sic]'Alí of Yazd. Ed... by Maulawí Muḥammad Ilahdád, vol. I—II). Введение не вошло ни во французский перевод, ни в калькуттское издание; я пользовался руко-

неизвестный автор, живший при дворе внука Тимура, Искендера, написал сочинение (рукопись не имеет заглавия). Эта книга[1] заключает в себе всеобщую историю, написанную преимущественно на основании Хамдаллаха Казвини и Рашид ад-дина. Автор, однако, воспользовался в большей степени, чем другие историки, легендарными сказаниями об истории чагатайских ханов. Характер этих известий показывает, что они заимствованы из монгольских или уйгурских, не из мусульманских источников; так, о хане Тармаширине, возбудившем против себя неудовольствие монголов своим пристрастием к исламу и мусульманской культуре, говорится только, что он «не соблюдал *Ясака* и потому из каждого угла поднял голову какой-нибудь мятежник»[2].

Из Фарса происходил также Хусрау б. Абид Абаркухи[3], известный под прозванием Ибн Му'ина, автор еще более редкого сочинения «Сад летописей»[4] (*Фирдаус ат-тавāрӣх*), написанного в 808/1405-06 г. Автор дает только очень краткие сведения по истории нескольких династий; указывается продолжительность царствования каждого государя, год его смерти или низложения, также имена современных ему везиров, полководцев и ученых. Не совсем полный экземпляр летописи, находящийся в Публичной библиотеке (рук. Дорн 267), по-видимому, написан самим автором.

Тюркскими сказаниями пользовался также неизвестный автор генеалогической истории монголов, написанной в 829/1426 г. под за-

---

писью Азиатского музея № 568. Есть другие рукописи в Британском музее, в Ташкентской библиотеке и в других хранилищах.

[1] Rieu, *Pers. MSS,* vol. III, p. 1062 sq. Есть другой список этого же сочинения в Азиатском музее (№ 566 bc) <ИНА, С 381>. Я назвал этот труд (в нескольких работах) «Аноним Искендера», тогда как труд, хранящийся в Британском музее Or. 159 (Rieu, *Pers. MSS,* vol. I, p. 180), в котором также отсутствуют заглавие и имя автора, назван «Аноним Шахруха» (ср. Гияс ад-дин Али, изд. Зимина, введ., стр. XXXIII и сл.; Бартольд, *О погребении Тимура,* стр. 20 и сл.). Труд, описанный Эте [Sachau—Ethé, *Catalogue,* pp. 21—22 (Elliot 2) под заглавием — неправильным — اصح التواريخ], идентичен не с этим сочинением (как утверждалось в русском издании этой книги <1900 г.> и в моей статье <*Народное движение в Самарканде*> в ЗВОРАО, т. XVII, стр. 06, а с *Та'рӣх-и хайрāт* (см. ниже). Ср. также мою статью *Историк Мусеви.*

<Впоследствии, на основании сообщения Даулетшаха (изд. Броуна, 37f), В. В. Бартольдом было установлено, что так называемый «Аноним Искендера» написан Му'ин ад-дином Натанзи в 816/1413-14 г. См. Бартольд, *Еще об «анониме» Искендера;* Бартольд, *Определение «анонима Искендера.» — Ред.*>

[2] <Персидский текст «Анонима Искендера» в большей своей части издан проф. Ж. Обеном (Jean Aubin) под заглавием منتخب التواريخ معينى в 1957 г. (см. Библиографию). Эта публикация содержит, между прочим, главы по истории Тимура, имеющиеся только в лондонской рукописи этого сочинения. — *Ред.*>

[3] О городе Абаркухе см. Якут, *Му'джам,* I, 85—87.

[4] Об этом сочинении см. Dorn, *Catalogue,* pp. 265—267; Асади, *Луғат-и фурс,* 30; Жуковский, *Омар Хайам,* стр. 335 и сл.

главием: «Книга, прославляющая генеалогии в родословном древе монгольских султанов»[1]. Автор ссылается на тюркских историков, монгольских историков и историков ханского рода (*урӯқ*). Об истории и генеалогии предков Тимура автор заимствует из этих источников те же легендарные сведения, как Шереф ад-дин, но иногда мы находим у него интересные известия, которых нет в других источниках. Генеалогия Тимуридов была продолжена каким-то другим автором до конца династии[2].

В эпоху Шахруха, но совершенно независимо от двора был написан «Фасихов свод» (*Муджмал-и Фасӣхӣ*), сочинение Ахмеда б. Мухаммеда Фасиха ал-Хавафи[3], представляющее краткий хронологический перечень событий от начала мусульманской эры до времени жизни автора, писавшего в 845/1441 г. Несмотря на свою краткость, компиляция Фасиха не лишена значения и дает нам некоторые новые сведения, особенно о шейхах и писателях в Средней Азии и Персии.

О придворном историке Шахруха, Хафиз-и Абру (Шихаб ад-дин Абдаллах б. Лутфаллах ал-Хавафи, ум. в 833/1430 г.)[4], и о его компилятивных трудах, историческом и географическом, мне пришлось подробно говорить в другом месте[5]. Историческая компиляция Хафиз-и

---

[1] См. d'Ohsson. *Histoire des Mongols*, t. I, p. XLV; Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, p. 183; *Тексты*, стр. 159 (*Му'изз ал-ансаб*).

[2] На «бахши, знающих по-тюркски, и уйгуров, говорящих по-монгольски» (л. 8: بخشیان ترکی‌دان وایغوران مغول‌زبان) ссылается неизвестный автор оксфордской рукописи Th. Hyde 31 (Sachau—Ethé, *Catalogue*, p. 83). Это сочинение написано не раньше XIV в., так как автор ссылается на Яфи'и (л. 116).

[3] Dorn, *Ueber Mudschmel Faszihy*, Sp. 1 sq.; Rosen, *Les manuscrits persans*, pp. 111—113; Берже, *Краткий каталог*, стр. 1033; <Browne, *The Mujmal*. Сочинение Фасиха в 1961 г. издано в Мешхеде. — *Ред.*>

[4] В европейских каталогах, следующих ошибочному утверждению Абд ар-Раззака Самарканди, <и в первом русском издании «Туркестана», стр. 56> было неправильно указано: Нур ад-дин Лутфаллах б. Абдаллах ал-Херави.

[5] Бартольд, *Хафизи-Абру*, и в более поздних работах: *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира*, стр. 0138—0144; *Отчет о командировке в Лондон*, стр. 881, где упомянута рук. № 171 в «Catalogue of India Office» (Ethé, *Catalogue Ind. Off.*, p. 76); см. также Barthold, *Ḥāfiẓ-i Abrū*. К сожалению, ничего из упомянутого здесь не использовал проф. Э. Г. Броун в своей *A Literary History* (vol. III, p. 424 sq.), вследствие чего утверждения, сделанные там относительно отдельных сохранившихся частей сочинений Хафиз-и Абру, совершенно ошибочны. С 1900 г. я видел два списка географической компиляции Хафиз-и Абру, которые не внесены в каталоги и которые содержат, подобно рукописи Британского музея Or. 1577, часть сочинения, кончающегося историей Хорасана; один принадлежит В. Вяткину в Самарканде, а другой находится в School of Oriental Studies в Лондоне.

<Из исторических сочинений Хафиз-и Абру изданы отдельные части: *Зайл-и Джами' ат-таварих* («Продолжение *Джами' ат-таварих* (Рашид ад-дина)» — из *Маджму'а* Хафиз-и Абру), изд. Ханбаба Баяни [т. II, франц. пер., Париж, 1936; т. I, перс.

Абру («Сливки летописей») была главным источником Абд ар-Раззака Самарканди, автора сочинения «Место восхода двух счастливых созвездий и место соединения двух морей»[1]. В этом труде, написанном между 872 и 875/1467 и 1471 гг., излагается история событий 704—875/1304—1471 гг. Изложение истории Тимура у Абд ар-Раззака во многом отличается от рассказа Шереф ад-дина; по-видимому, Абд ар-Раззак (может быть, также Хафиз-и Абру) пользовался «Анонимом Искендера». На Востоке труд Абд ар-Раззака совершенно вытеснил труд его предшественника; так, очень популярный на Востоке рассказ о посольстве Шахруха в Китай был заимствован всеми позднейшими историками у Абд ар-Раззака, хотя у Хафиз-и Абру он изложен подробнее[2]. Тот же рассказ мы находим у другого современника Шахруха, именно у Мухаммеда б. Фазлаллаха Мусеви, автора «Летописи добрых дел» (*Та'рӣх-и хайрӣт*), начатой в раджабе 831 г. х. (апрель — май 1428 г.), но оконченной после 850/1446-47 г., так как в ней уже говорится о смерти Шахруха[3]. Автор пользовался также сочинением Хафиз-и Абру, как ясно видно из описания рукописи у Рьё[4].

Сын и преемник Шахруха Улугбек (ум. в 1449 г.) написал «Историю четырех улусов» (*Та'рӣх-и арба' улӯс*), обнимавшую, как показывает заглавие, историю всей монгольской империи. Сочинение Улугбека не дошло до нас, но у некоторых авторов мы находим цитаты из него, особенно в *Хабӣб ас-сийар* Хондемира. По этим цитатам видно, что история монгольских государств была доведена автором до своего времени, но что автор часто ограничивался приведением имен ханов без сообщения каких-либо подробностей о их царствовании[5]. Поэтому едва ли есть основание особенно жалеть об утрате этой книги. В Британском музее[6] сохранилось уже упомянутое нами (стр. 101) сокращение

текст (не полностью), Тегеран, 1938]; *Зайл-и Зафар-нӣме* («Продолжение *Зафар-нӣме* (Низам да-дина Шами)» — также из *Маджму'а*), изд. Ф. Тауэра, Прага, 1934; отрывки из *Маджма' ат-тавӣрӣх: Cinq opuscules de Hāfiẓ-i Abrū...*, éd. par F. Tauer, Prague, 1959. — *Ред.*>

[1] Notices et extraits, t. XIV, partie 1; Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, pp. 181—183. <*Матла' ас-са'дайн* Абд ар-Раззака издан в Лахоре проф. Мухаммедом Шафи', т. I—II, 1360—1368 г. х. (1941—1949 гг.). — *В. М.*>

[2] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 27.

[3] Rieu, *Suppl. Pers.*, pp. 270—271.

[4] Ibid., p. 270.

[5] Хондемир, тегеран. изд. 1271/1854-55 г., III, 25—26.

[6] Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, pp. 163—164; Sachau—Ethé, *Catalogue*, p. 77 sq., где ошибочно утверждается, как и в каталоге Рьё, что заглавие شجرة الاتراک дано сочинению «без какого-либо подтверждения в самом тексте». Однако есть третий экземпляр в Британском музее (Or. 8106, лл. 340—513), с которого сделал перевод Майлс; рук. Add. 26190, по-видимому, переписана с Or. 8106. Заглавие شجرة الاتراک есть в рук. Or. 8106 на л. 348б. Есть еще один экземпляр в библиотеке India Office. О труде Улугбека

книги Улугбека; неизвестный автор ссылается[1] также на другое сочинение, носившее заглавие «Родословное древо тюрков» (*Шаджарат ал-атрāк*). Старый английский перевод этой книги, сделанный полковником Майлсом, далеко не может быть признан удовлетворительным.

В самом конце XV в., в 897/1492 г., Му'ин ад-дин Мухаммед ал-Исфизари написал историю Герата под заглавием: «Книга райских садов относительно достоинств города Герата»[2]. Из этой книги, до сих пор не изданной, мы заимствовали характерный рассказ о гератских ремесленниках, уведенных в плен в Монголию[3].

В последние годы владычества Тимуридов была написана та историческая компиляция, которая долгое время была почти единственным источником для европейских исследователей истории Персии и Средней Азии, именно сочинение Мирхонда[4] (Мухаммед б. Эмир-Хонд-шах, ум. в 903/1498 г.) «Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов» (*Раузат ас-сафā' фī сīрат ал-анбийā' ва-л-мулūк ва-л-хулафā'*). Как известно, труд Мирхонда был разделен на семь книг, из которых последняя заключала в себе историю современника Мирхонда, султана Хусейна, и была окончена внуком историка Хондемиром; Хондемиру принадлежит также окончательная обработка географического приложения, которое не вошло в восточные литографированные издания и рукописи которого встречаются реже, чем рукописи остальных частей труда.

см. мою книгу *Улугбек*, стр. 113, где говорится, что труд не был написан Улугбеком, а был поднесен Шахруху от имени Улугбека «ученым человеком».

[1] Л. 13а: ودرین مسوّده که موسوم بشجرة الاتراک است.

[2] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. XLIV—XLV; Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, pp. 206—207; Browne, *A Literary History*, vol. III, p. 430 sq., где цитуется «подробный рассказ», приведенный Барбье де Менаром в JA, sér. 5, t. XVI, pp. 461—520. Исфизари упоминает среди использованных им первоисточников «сочинение, относящееся к одному из куртских меликов», написанное Сейфи Хереви. Экземпляр последнего сочинения имеется в Калькутте, где он был скопирован сэром Денисоном Россом. <Этот первоисточник части труда Исфизари, охватывающей период 617—721/1220—1321 гг. — труд Сейфи ал-Хереви *Та'рūх-нāме-йи Харāт* — издан проф. Мухаммед-Зубейром ас-Сиддики в Калькутте, в 1944 г. Подробнее об этом сочинении см. Петрушевский, *Труд Сейфи*. Сочинение Исфизари также издано, в 1959—1960 гг., в Тегеране. — *Ред.*>

[3] *Тексты*, стр. 165 <рассказ об этом см. у Сейфи ал-Хереви, 107—108. — *Ред.*>.

[4] Rieu, *Pers. MSS*, vol. I, pp. 87—96; Elliot, *History of India*, vol. IV, pp. 131—133, где перечислены европейские издания и переводы отдельных частей сочинения Мирхонда. Полностью компиляция была издана только на Востоке, в Тегеране и Бомбее. В тегеранском издании 1270 г. х. (1854 г.), которым я пользовался, к сожалению, нет пагинации. Ср. также Browne, *A Literary History*, vol. III, p. 431 sq. Позднейшие европейские и восточные издания и переводы отмечены Э. Эдвардсом (Edwards, *Catalogue*, col. 416 sq.). <Подробный перечень полных и частичных публикаций труда Мирхонда см. Крымский, *История Персии*, т. III, стр. 66—68; Storey, *Persian Literature*, vol. I, pt I, sect. II, fasc. 1, pp. 95—100; см. также Библиографию — *Ред.*>

В первой книге автор перечисляет известные ему исторические сочинения, арабские и персидские, не придерживаясь при этом ни хронологического, ни какого-либо иного порядка; трудно сказать, имел ли он в руках все те книги, о которых говорит. Здесь названо множество сочинений, от Мухаммеда б. Исхака, биографа пророка, до историков эпохи Тимуридов. В дальнейшем своем изложении автор очень редко цитует свои источники; но встречаются ссылки на книги, не дошедшие до нас.

Для нас наибольшее значение имеют книга 4-я (история персидских династий) и 5-я (история монголов). При изложении истории хорезмшахов, кара-китаев и монголов[1] автор, конечно, пользовался сочинениями Джувейни, Рашид ад-дина, Вассафа и Шереф ад-дина. Эта часть его труда вообще не возбуждает доверия к его компиляции; так, Мирхонд не делает попытки разобраться в противоречиях, которые мы находим в рассказе Джувейни о хорезмшахах и кара-китаях, но выбирает одну версию и произвольно опускает все то, что противоречит ей. Слепое доверие к этой части сочинения Мирхонда составляет, может быть, главный недостаток исследования Опперта о священнике Иоанне[2]. В рассказе о потомках Чингиз-хана Мирхонд большею частью повторяет Рашид ад-дина, но иногда дает и новые сведения; так, история внука Угэдэя, Хайду, основателя независимого монгольского государства в Средней Азии, рассказана у него подробнее, чем в других источниках; впрочем, соответствующая часть труда Рашид ад-дина в рукописях подверглась особенным искажениям и пропускам, так что восстановление первоначального текста почти невозможно.

Мы не будем останавливаться на более поздних персидских компиляциях и скажем несколько слов только об истории бухарских шейхов, выписки из которой приведены в текстах, приложенных к настоящему исследованию[3]. Это сочинение, носящее заглавие *Китāб-и Муллā-зāде* («Книга сына муллы»), принадлежит некоему Ахмеду б. Мухаммеду, получившему прозвание «Благодетеля бедняков» (Му'ин ал-фукара), и, судя по многочисленности рукописей, пользуется в Средней Азии большой популярностью. Автор перечисляет могилы похороненных в Бухаре мусульманских святых и дает о них некоторые биографические сведения. Время жизни автора неизвестно; из хронологических

---

[1] История хорезмшахов и история Чингиз-хана изданы также в Европе: *Histoire des sultans du Kharezm,* par Mirkhond; texte persan [publ. par M. Defrémery]..., Paris, 1842 (Chrestomathies orientales, [II]); *Vie de Djenghiz-Khan,* par Mirkhond; (Texte persan [publ. par A. Jaubert])..., Paris, 1841 (Chrestomathies orientales, [I]).

[2] Oppert, *Presbyter Johannes.*

[3] *Тексты,* стр. 166—172. Об этом сочинении см. также Barthold, *Burhān.* <Сочинение в 1960 г. издано в Иране Гольчином. — *Ред.*>

данных, приведенных в его книге, видно, что он жил не раньше XV в.[1]; точность этих данных показывает, что он пользовался своими источниками с величайшей добросовестностью.

III. ПОСОБИЯ

Первая попытка общего обзора истории тюркских и монгольских племен, как известно, принадлежит Дегиню[2]. Труд его имеет большее значение для истории восточной, чем для истории западной части Средней Азии; воспользовавшись в значительной степени китайскими источниками, Дегинь относительно мусульманской литературы должен был довольствоваться немногими компилятивными трудами.

Мусульманские первоисточники для истории монголов впервые были подвергнуты подробному исследованию бароном д'Оссоном; первое издание его «Истории монголов» появилось уже в 1824 г., второе, значительно дополненное, в 1834—1835 гг.[3]. Автор отнесся к своей задаче с замечательной добросовестностью и почти исчерпал доступные ему источники, особенно для истории монголов в Китае и в Персии. Недостатком труда можно признать прежде всего несколько односторонний взгляд автора на «отвратительные картины» монгольской истории. Автор признает за монгольской историей некоторое значение лишь настолько, насколько знание ее необходимо для понимания «великих событий XIII и XIV веков»; поэтому он, довольно подробно излагая историю находившихся под властью монголов культурных государств, посвящает только несколько слов истории монгольского владычества в Средней Азии и в России. Кроме того, автор почти всеми неизданными сочинениями пользовался только в одной рукописи, притом не всегда лучшей; в настоящее время, когда мы часть этих текстов уже имеем в критических изданиях, мы можем исправить некоторые из сделанных им ошибок. Несмотря на все это, труд д'Оссона до сих пор не утратил своего значения; по эрудиции автора и по осторожности выводов он

---

[1] <Согласно подготовленной к изданию кандидатской диссертации Р. Гафуровой, посвященной *Китāб-и Муллā-зāде*, это сочинение написано вскоре после 814/1411-12 г. (это последняя дата, упомянутая в нем). — *Ред.*>

[2] J. Deguignes, *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux*, t. I—IV, Paris, 1756—1758.

[3] C. d'Ohsson, *Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan*, t. I—IV, La Haye et Amsterdam, 1834—1835. Третье издание (Amsterdam, 1892) представляет только перепечатку второго; <новая перепечатка: Tientsin (Тяньцзин), 1940. — *Ред.*>.

стоит несравненно выше последующих трудов Хаммер-Пургшталя[1], Вольфа[2], Эрдмана[3] и даже многотомной истории монголов сэра Генри Ховорса[4]. Не зная восточных языков, г-н Ховорс находился в полной зависимости от своих предшественников. По его собственным словам, он приступал к своей задаче «как этнолог и историк, а не как лингвист». Мы не можем, однако, указать ни одного места, где бы автор обнаружил большее знакомство с методами и законами истории и этнографии, чем д'Оссон. Его теории о происхождении различных народов основаны исключительно на личных именах и титулах, хотя, как известно, в тех и других более всего проявляется влияние более культурных, хотя бы чуждых по происхождению народов. Признавая тюрками почти все народы, населявшие Монголию до Чингиз-хана, автор, по-видимому, не задает себе вопроса, каким образом немногочисленный монгольский народ после покорения нескольких сильных тюркских племен мог не только сохранить свой язык, но и омонголить побежденных. Как этнологу, автору следовало бы знать быт кочевников и их политическое устройство[5], при котором не может быть речи о правильном порядке престолонаследия или о закономерных выборах; между тем, автор серьезно обсуждает вопрос[6], который из Чингизидов в том или другом случае имел больше права на престол и было ли избрание того или другого хана законным[7].

Некоторого внимания заслуживают обширные примечания г-на Раверти к изданному им переводу сочинения Джузджани (см. выше,

[1] J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak...*, Pesth, 1840; J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane, das ist der Mongolen in Persien,* Bd I—II, Darmstadt, 1842—1843.

[2] [O. Wolff], *Geschichte der Mongolen oder Tataren, besonders ihres Vordringens nach Europa, so wie ihrer Eroberungen und Einfälle in diesem Welttheile,* kritisch bearbeitet von O. Wolff, Breslau, 1872.

[3] F. Erdmann, *Temudschin der Unerschütterliche,* Leipzig, 1862.

[4] H. Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th century,* pt I—III, London, 1876—1888; <pt IV (Supplement), London, 1927>.

[5] <Для труда Ховорса и в еще большей степени для труда Л. Каёна (L. Cahun, *Introduction à l'Histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405,* Paris, 1896) характерна крайняя идеализация исторической роли тюркских кочевников и кочевых завоевателей. Как правильно отметил Э. Г. Броун (*A Literary History,* vol. III, pp. 13—15), эти авторы, особенно Каён, оказали сильное влияние на «шовинистические круги в Турции» и на пантюркистское движение. — *Ред.*>

[6] Howorth, *History of the Mongols,* vol. I, pp. 171, 180, 218.

[7] Столь же мало научного значения имеют статьи того же автора о различных среднеазиатских народах, помещенные в JRAS в 1875—1898 гг. под общим заглавием «The Northern Frontagers of China». Последняя из этих статей (<*The Muhammedan Turks of Turkestan from the Tenth to the Thirteenth Century*>,— JRAS, 1898, July) посвящена Караханидам; степень ее научного значения достаточно определяется словами г-на Ховорса (стр. 468): «Самые ранние авторы, говорящие о нашествии Богра-хана на Мавераннахр, писали более чем через два века после его смерти».

стр. 86). В этих примечаниях приведены выдержки из множества других, частью неизданных и очень мало известных источников; иногда делаются попытки составить свод известий о том или другом народе или о какой-нибудь династии. Сам автор в предисловии[1] называет свой труд «настоящей сокровищницей (thesaurus) самого разнообразного исторического материала, часто бывшего до сих пор совсем неизвестным»; им исправлено «много освященных временем исторических заблуждений». Рецензенты, «из страха, что другие не заметят этого недостатка», вероятно, укажут на отсутствие указателя; но для такой работы время автора «слишком драгоценно» (too valuable), и он надеется, что за нее возьмется «Index Society». Желание автора было исполнено; и теперь мы имеем указатель к его книге, так что последняя, если полагаться на отзыв о ней самого автора, теперь свободна от всяких недостатков. Мнение автора о достоинстве своего труда и очень резкий, иногда язвительный тон его по отношению к предшественникам лишает его книгу всякого права на снисходительность критиков, в которой она, однако, очень нуждается. Промахи самого автора, отчасти отмеченные нами в дальнейшем изложении (ср. также выше, стр. 87, прим. 2), далеко оставляют за собой указанные им «заблуждения». Исторические известия сообщаются им без всякой, даже самой элементарной исторической критики; не делается никакого различия между историей и легендой, между первоисточниками и позднейшими компиляциями. Резко нападая на своих предшественников за ошибочную транскрипцию собственных имен, г-н Раверти сам искажает даже наиболее известные имена и пишет Khurz вместо Khazar, Aghuz вместо Oghuz, 'Umro вместо 'Amr. Время автора оказалось слишком драгоценным не только для составления указателя, но даже для беглого просмотра собственной книги; только этим можно объяснить, что он на стр. 33 уверяет, будто Абу-л-Фазл Бал'ами, переводчик Табари, получил должность везира при Исма'иле и продолжал занимать ее до царствования Нуха б. Мансура (т. е. в течение более 70 лет!), а на стр. 38 — что Абу-л-Фазл Бал'ами (здесь автор основательно делает различие между этим лицом и переводчиком Табари) был убит (sic) в 330 г. х. Среди внешних недостатков книги есть такие, с которыми гораздо труднее мириться, чем с отсутствием указателя. Автор нигде не ссылается на какие-нибудь определенные рукописи, большею частью не говорит, какими рукописями он пользовался и когда и кем было написано то или другое сочинение, так что проверить его показания нет никакой возможности. При том огромном фактическом материале, которым располагал автор (между прочим, он первый, насколько нам известно, цитует

[1] Джузджани, пер. Раверти, I, стр. XV.

Гардизи), он, несомненно, мог бы рассеять установившиеся заблуждения и заменить их новыми, более прочными теориями; но для достижения такого результата требуется некоторая добросовестность и некоторое знакомство с элементарными научными приемами. Труд г-на Раверти в том и другом отношении не удовлетворяет даже тем требованиям, какие мы привыкли предъявлять к ученическим работам; за ним поэтому остается только значение собрания богатого, хотя и очень беспорядочно расположенного, фактического материала [1].

Новую попытку дать общий обзор истории тюркских и монгольских народов представляет труд г-на Каёна [2], о котором мы подробно говорили в другом месте [3], где постарались показать, что этот труд, блестящий в литературном отношении, не имеет серьезного научного значения.

Краткий обзор истории Туркестана был опубликован в 1899 г. Э. Д. Россом (теперь сэр Э. Д. Росс) в I части книги «The Heart of Asia» [4]. Его главной заслугой является сравнительно детальное изложение истории первых веков ислама, основанное на сочинении Табари в обеих версиях — арабской и персидской [5]; из более поздних источников использовано мало, и единственный цитуемый рукописный источник — *Зафар-нāме* Низам ад-дина Шами. Конечно, сам автор вряд ли стал бы утверждать, что из его книги мы узнаем «все существенное» об истории Средней Азии [6].

Никакой научной ценности также не имеют два тома сочинения <Кэртина> (Jeremiah Curtin), опубликованные в 1908 г. (после смерти автора): «The Mongols: A history» и «The Mongols in Russia», первый с предисловием Т. Рузвельта. Хотя в этом предисловии об авторе и говорится, что «в этой специальной области ни один американский или европейский ученый даже не приближается к автору», он значительно уступает сэру Генри Ховорсу в знаниях и точности. Он никогда не упоминает своих источников, не говоря уже о каких-либо критических замечаниях об их относительной важности. Только лишь в заметке, предшествующей его «The Mongols in Russia», нам сообщается, что, «собирая материал для „The Mongols“ и „The Mongols in Russia“, г-н Кэртин

[1] После трудов д'Оссона и Раверти наибольшее количество цитат из неизданных мусульманских источников мы находим в примечаниях Катрмера к изданной им части Рашид ад-дина (см. выше, стр. 45).

[2] L. Cahun, *Introduction à l'Histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405*, Paris, 1896.

[3] ЖМНП, 1896, июнь. Ср. также рецензию Хаутсма (Houtsma, GGA, 1896, № 9); приговор голландского рецензента по существу совершенно сходен с моим.

[4] См. мою рецензию в ЗВОРАО, т. XIII, стр. 0130 и сл.

[5] Skrine and Ross, *The Heart of Asia*, pp. 34—108.

[6] Ср. Rickmers, *The Duab*, p. 543.

использовал ранние хроники Китая, Персии и России. Чтобы получить эти хроники, он ездил несколько раз в Россию и один раз на Восток». Книги же сами по себе не свидетельствуют о каком-либо знании оригинальных источников. Второй том скорее представляет собой очень некритическую историю России, нежели историю Золотой Орды.

Удовлетворяющих современным научным требованиям монографий по истории мусульманской части Средней Азии в домонгольский период, как и исследований отдельных источников (за исключением указанных в своем месте предисловий некоторых издателей к изданным ими текстам), до сих пор нет совсем, что не могло не отразиться и на общих сочинениях по истории ислама, даже на новейшем из них, принадлежащем покойному проф. А. Мюллеру[1]. Автор добросовестно воспользовался арабскими источниками (большею частью уже изданными), но персидские известны ему гораздо меньше; характеристики главных деятелей истории Средней Азии (например, Махмуда Газневида) у него часто неполны и односторонни. При изложении истории монголов шаткость выводов, сделанных без изучения персидских первоисточников, настолько сознавалась самим автором, что он отклонил от себя полную ответственность за эту часть своей книги[2].

На русском языке история монголов[3], кроме истории Золотой Орды[4], и история среднеазиатских династий в домонгольский период еще не подвергались подробному научному исследованию. Из частных монографий только одна, именно труд проф. В. А. Жуковского о Мерве[5], удовлетворяет современным научным требованиям; было бы очень

---

[1] A. Müller, *Der Islam im Morgen- und Abendland*, Bd I—II, Berlin, 1885—1887 (в коллекции Онкена). Русский перевод этой книги (А. Мюллер, *История ислама с основания до новейших времен*, т. I—IV, СПб., 1895—1896), изданный под редакцией Н. А. Медникова, к сожалению, совершенно неудовлетворителен. Ср. мои замечания в работе *Мусульманский мир*, стр. 82 и сл.

[2] Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 211.

[3] Книга М. И. Иванина «О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане» (СПб., 1875) может иметь значение только для военной истории.

[4] Особенного внимания заслуживают «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева» проф. И. Н. Березина (ТВОРАО, ч. VIII, СПб., 1863) и «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», т. I, Извлечения из сочинений арабских, собранные бар. В. Г. Тизенгаузеном (СПб., 1884); <т. II, Извлечения из персидских сочинений, издан ИВАН в 1941 г. Из новых исследований советских ученых важное значение имеют: Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950; [К. В. Тревер и А. Ю. Якубовский], *История народов Узбекистана*, т. I, Ташкент, 1950; *История Узбекской ССР*, т. 1, кн. 1, Ташкент, 1955. — *Ред.*>

[5] Жуковский, *Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва*, СПб., 1894 (МАР, вып. 16). Отзывы об этом труде см. в ЗВОРАО, т. IX, стр. 300—303

желательно, чтобы по образцу этого труда были исследованы история и древности других больших городов Средней Азии, в особенности Бухары, Самарканда и Балха[1].

<А. Туманский>; т. XI, стр. 327—333 <В. Г. Тизенгаузен>. Ср. также мою статью *К истории Мерва* (ЗВОРАО, т. XIX, стр. 115—138).

[1] Прекрасное исследование по исторической географии Самаркандской области опубликовано В. Вяткиным в Самарканде; ср. мою рецензию в ЗВОРАО (т. XV, стр. 0150—0156). О хорошо известной книге Ле Стрэнджа (G. Le Strange, *The Lands of the Eastern Caliphate*) и об ее части, посвященной Мавераннахру, см. замечания в моей рецензии в ЗВОРАО (т. XVII, стр. 0102—0107) и в EI(I) под словом *Bukhārā*.

Много интересных фактов и мнений, но в очень беспорядочном изложении можно найти в трудах И. Маркварта (J. Marquart), главным образом в следующих: *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften* (Leipzig, 1898) вместе со статьей *Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften* (WZKM, Bd XII, S. 157—200); *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*, Berlin, 1901; *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge...*, Leipzig, 1903; *Osttürkische Dialektstudien*, Berlin, 1914 (это заглавие дано ошибочно <вместо: *Über das Volkstum der Komanen.* — *Ред.*>). О последнем см. рецензию П. Пельо <*A propos des Comans*> в JA, sér. 11, t. XV, pp. 125—185, и мою рецензию <*Новый труд о половцах*> в «Русском историческом журнале», VII (1921), стр. 138—156. Одним из источников Маркварта, написанным на парси в начале мусульманского периода, является «Список городов Ирана», см. Blochet, *Liste*. Ср. West, *Pahlavi Literature*, p. 118 (§ 98).

О географах эпохи ислама (статьи на эту тему нет в EI) см. Carra de Vaux, *Les penseurs de l'Islam*, t. II (Les géographes etc.), Paris, 1921. Об исторической географии Мавераннахра см. также некоторые из моих статей в EI (главным образом *Āmū-Darya*, *Bukhārā* и *Farghāna*) и мои книги: *Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVIII века*, Ташкент, 1902 (нем. пер., 1910: *Nachrichten über den Aral-See und den unteren Lauf des Amu-Darja...*); *К истории орошения Туркестана*, СПб., 1914.

<Новые работы по исторической географии Средней Азии (после 1928 г.) см. в Библиографии. — *Ред.*>

Глава I

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК МАВЕРАННАХРА

Мавераннахр (культурная область в бассейне Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи), по терминологии средневековых мусульманских географов, не входил в состав Туркестана (страны тюрков, т. е. областей, расположенных между мусульманскими владениями и Китаем и населенных тюркскими и монгольскими кочевниками); но в политическом отношении эта страна, не защищенная от нападений кочевников никакими естественными преградами, большею частью была подчинена тюркским народам. Политическая граница между Ираном и Тураном менялась несколько раз; иногда, как в эпоху Ахеменидов и в эпоху арабского владычества, весь Мавераннахр в политическом отношении составлял одно целое с Передней Азией; но, начиная с X в., область всегда оставалась под властью среднеазиатских народов, и в мирных договорах между иранскими и туранскими владетелями границей между «сферами влияния» тех и других большею частью провозглашалась Аму-Дарья. В этнографическом отношении страна, первоначально населенная арийцами, также подверглась отуречению, и в настоящее время по-тюркски говорят не только кочевые обитатели страны, но и значительная часть оседлого населения. По своему плодородию и своей населенности Мавераннахр обыкновенно занимал первое место среди подчиненных тюркам областей; кроме того, мы только для этой области имеем подробные исторические и историко-географические известия. Все это побуждает нас посвятить предлагаемый географический очерк исключительно Мавераннахру, тем более что данные по исторической географии других областей Западного Туркестана, т. е. Семиречья и восточной части Сыр-Дарьинской области, уже были рассмотрены нами в нескольких статьях[1]. Ввиду значения Аму-Дарьи как обыкновенной официальной границы между Ираном и Тураном мы начнем наш обзор с берегов этой реки; так как граница часто нарушалась с той и другой

---

[1] См. *О христианстве в Туркестане* (нем. пер.: *Zur Geschichte des Christentums*); *Отчет о поездке в Среднюю Азию; Очерк истории Семиречья.*

стороны, нам придется упомянуть и об областях к югу от Аму-Дарьи, с которыми некоторые области Мавераннахра иногда были связаны более тесными узами, чем с Самаркандом и Бухарой[1].

Древнеарийское название Аму-Дарьи, Vakhschu или Wakschu[2], сохранилось в названии реки Вахш[3] (Сурхаб), из чего можно заключить, что эта река в древности считалась главным истоком Аму-Дарьи. Мусульманские географы признавали таковым Джерьяб, ныне Пяндж, называвшийся в верхнем течении Вахабом[4] и протекавший через области Вахан, Шикинан (Шугнан) и Керран (вероятно, Рошан и Дарваз)[5]. В X в. эти области еще были населены язычниками[6], хотя в политическом отношении, по-видимому, были подчинены мусульманам; по Ибн Хордадбеху[7], Вахан платил дань в 20 000 дирхемов (по другой рукописи — 10 000), Шугнан — 40 000 (по другой рукописи — 4000), Керран — 4000. У Я'куби[8] упоминается «Хумар-бек, царь Шугнана и Бадахшана». Марко Поло[9] уже называет жителей Вахана мусульманами. В Вахане упоминаются золотые[10] и серебряные[11] рудники; через Вахан и Шугнан проходил торговый путь в Тибет, т. е. в населенные тибетцами верховья

---

[1] Прекрасный, но, конечно, слишком краткий обзор Мавераннахра дал П. И. Лерх (*Мавераннагр*). Кроме того, историческая география бассейнов Зеравшана и верховьев Аму-Дарьи рассмотрена Томашеком (Tomaschek, *Sogdiana*). В книге И. П. Минаева *Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи* (СПб., 1879) мы не находим почти никаких историко-географических данных для периода от мусулыманского завоевания до монгольского нашествия. Очень ценным пособием для изучения исторической географии Хорезма является монография M. J. de Goeje, *Das alte Bett des Oxus* (Leiden, 1875). Ср. также последние четыре главы книги G. Le Strange, *The Lands of the Eastern Caliphate* (Cambridge, 1905) и мою рецензию в ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0102 и сл. Подробные описания Мавераннахра все относятся к эпохе Саманидов; о географических условиях до и после этого периода мы имеем только отрывочные сведения. <Очень ценным пособием является также историко-географический комментарий В. Ф. Минорского к его англ. переводу *Худуд ал-'алам.* — *Ред.*>

[2] Tomaschek, *Sogdiana*, S. 37; Geiger, *Die Pamir-Gebiete*, S. 136.

[3] По словам Бируни (*Āṣār ал-бāқийа*, изд. Захау, 237; пер. Захау, 225), местные жители еще в XI в. называли Вахшем духа-покровителя вод вообще и Аму-Дарьи в особенности. И теперь термин Вахш, по словам Регеля (Pet. Mitt., Bd 30, 333; ссылка у Гейгера <Geiger, *Die Pamir-Gebiete*>, S. 136), применяется не только к Сурхабу, но и к Пянджу и некоторым другим притокам Аму-Дарьи. Ср. также Marquart, *Untersuchungen*, II, S. 26, Anm. 2.

[4] Ибн Русте, 91.

[5] Ср. написание Kurān у Маркварта (*Ērānšahr*, S. 222), где место его определено в южной части Бадахшана.

[6] Истахри, 296—297.

[7] Ибн Хордадбех, 37. По Макдиси (340), Вахан платил 40 000 дирхемов.

[8] *Китāб ал-булдāн*, 292; ср. Marquart, *Ērānšahr*, S. 225.

[9] Минаев, *Сведения*, стр. 75; Марко Поло, пер. Юла, I, 171; <пер. Минаева, 67>.

[10] Ибн Русте, 93.

[11] Истахри, 297.

системы Инда, откуда привозился мускус; через те же области проехал в Кашгар Марко Поло. Но вообще эти области по своей недоступности и совершенной непригодности для кочевой жизни были мало затронуты иноземными нашествиями и до сих пор сохранили чисто арийское население.

Следующей областью на торговом пути из Тибета был Бадахшан, едва ли не лучшая из всех областей, расположенных по верхнему течению Аму-Дарьи. Бадахшан славился великолепными пастбищами, широкими и хорошо обработанными долинами, рубиновыми и лапис-лазуревыми копями, наконец своим прекрасным климатом[1]. Для иноземного нашествия область доступна только с юго-западной стороны, именно со стороны Аму-Дарьинской долины; только здесь мы наряду с арийским населением встречаем тюркское. Вообще Бадахшан редко подвергался завоеванию и обыкновенно пользовался политической автономией[2]. Столица области, по-видимому, всегда находилась на месте нынешнего Файзабада; расположенный несколько южнее Джерм, сохранивший свое название до сих пор, в IX в. был крайним пунктом мусульманских владений по дороге в Тибет[3].

Между Балхом и Бадахшаном находилась область Тохаристан, получившая, как известно, свое название от тохаров, которые упоминаются в числе народов, разрушивших греко-бактрийское царство[4]. В эпоху арабского господства и при Саманидах область простиралась от берега Аму-Дарьи до гиндукушских перевалов. Берег Аму-Дарьи здесь имеет преимущественно песчаный характер и совершенно неудобен для искусственного орошения; наиболее крупные пункты оседлости всегда были расположены на значительном расстоянии от реки, около выхода из гор ручьев и речек, направляющихся к Аму-Дарье, но, за немногими исключениями, не доходящих до нее. Главная дорога из Балха в Бадахшан[5]

---

[1] Там же, 278; Ибн Хаукаль, 327; Макдиси, 303; Минаев, *Сведения*, стр. 73—74.

[2] Мухаммед-Хайдер (107) с некоторым преувеличением уверяет, будто страна никем не была завоевана со времени Александра Македонского. Ср. мою статью *Badakhshān* (EI, I), где указано, что предание о происхождении правящей фамилии от Александра Македонского не упоминается раньше XIII в.; оно впервые встречается у Марко Поло (пер. Юла, I, 157; <пер. Минаева, 63>).

[3] Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 288. Сам'ани (изд. Марголиуса, под словом البدخشي) и Якут (*Му'джам*, I, 528) упоминают рабат, построенный в Бадахшане Зубейдой, супругой Харуна ар-Рашида.

[4] Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs*, pp. 25—26; Tomaschek, *Sogdiana*, S. 33. Ср. Грум-Гржимайло, *Историческое прошлое*, стр. 5—6, где автор старается доказать, что тохары искони жили в Афганистане и во II и I вв. до н. э. были «не победителями а побежденным народом». Марквартом Ta-hia также отожествляется с Tukhāra (см. *Ērānšahr*, S. 204).

[5] Истахри, 286.

проходила через следующие пункты: Хульм (2 дня пути от Балха), Варвализ, или Вальвализ (2 дня от Хульма), и Тайкан, или Талькан (2 дня от Варвализа и 7 дней от столицы Бадахшана). Город Кундуз, бывший в первой половине XIX в. столицей значительного государства, возвысился только в новейшее время, хотя упоминается еще в XIII в. Самым большим городом в Тохаристане считался Талькан, сохранивший свое название до сих пор (Тальхан); он был в три раза меньше Балха[1]. В торговом и военном отношениях наибольшее значение имел Хульм, расположенный на берегу речки того же имени, недалеко от выхода ее из узкой долины; нынешний Хульм, или Таш-курган, возникший только в XIX в., находится несколько южнее развалин старого города. Через долину Хульма всегда проходил наиболее оживленный путь к Гиндукушу[2]. В 2 днях пути от Хульма находился Семенджан, вероятно соответствовавший нынешнему Хейбаку; долина реки здесь значительно суживается, и еще теперь здесь находится крепость, господствующая над окрестностями. Из Семенджана в 2 дня достигали Баглана — селения, существующего и теперь под тем же названием, недалеко от впадения речки Баглан в речку Кундуз; итак, эта часть пути соединяла долины Хульма и Кундуза. В местности между Хульмом, Семенджаном и Багланом в начале VIII в. происходили военные действия между арабами и туземцами, довольно подробно описанные у Табари[3].

Из Семенджана в 5 дней, вероятно через Баглан, приходили в Андераб, лежащий у подошвы главного хребта Гиндукуша. Андераб (или Андераба) в X в. считался третьим городом в Тохаристане (после Талькана и Варвализа); как известно, монетные данные показывают, что в Андерабе и Балхе в это время правила особая династия, находившаяся в вассальной зависимости от Саманидов. Из Андераба через Гиндукуш (наиболее удобен перевал Хавак, 13 000 футов высоты) приходили в долину реки Бенджхир, ныне Пянджшир. Долина еще 1000 лет тому назад славилась своими серебряными рудниками, существующими и теперь; рудники считались самыми обильными в восточной части мусульманских владений[4]. На реке упоминаются города Гарьяба, Бенджхир[5] и Ферван, или Перван; последний и теперь сохраняет то же название. Из Первана одна дорога через Чарикар и Иста-

[1] Там же, 279.

[2] Там же, 279, 286; Макдиси, 346; Burnes, *Travels*, vol. II, pp. 147—200; Костенко, *Туркестанский край*, т. II, стр. 175—190.

[3] Табари, II, 1219.

[4] Истахри, 288. Ср. образный рассказ у Якута (*Му'джам*, I, 743).

[5] Истахри, 280 الجباريابه; Макдиси, 346 كاريابه; Я'куби, *Китаб ал-булдан*, 288. بنجهار, в других местах بنجهير.

лиф спускается в Кабульскую долину, другая идет вверх по реке Гурбенд к селению того же имени и к Бамиану. Гурбенд был завоеван арабами в конце VIII в.[1]. Бамиан отделен от Кабула гораздо более высокими горами и перевалами, чем от Хульма и Балха; тем не менее, политическую границу чаще составляли перевалы по дороге в Хульм; и в нынешнем столетии границей между владениями узбеков и афганцев, до подчинения первых афганским эмирам, был перевал Ак-рабат, к северу от Бамиана. В X в. Бамиан считался главным городом области, в состав которой входили Кабул и Газна и которая находилась под управлением туземного князя[2]. В настоящее время из Балха в Бамиан обыкновенно идут через Хульм; арабские географы, по-видимому, имели в виду другой путь, именно путь вверх по реке Балх и оттуда на запад до соединения с дорогой из Хульма. На этом пути упоминается только город Мадер, в 6 днях пути от Балха и в 4 днях от Бамиана. Селение этого имени существует и теперь, уже на дороге из Хульма, в 106 верстах от Бамиана; несколько севернее нынешнего селения, влево от дороги (если идти с севера), видны развалины древнего города Мадера.

Термин «Тохаристан» употреблялся также в более обширном значении и обнимал все области по обоим берегам Аму-Дарьи, тяготевшие к Балху[3]. Между Пянджем и Вахшем Истахри[4] называет четыре реки, которые соединялись между собой выше переправы Архен; ближе всего к Джерьябу была река Ахшу (Аксу?), протекающая мимо Хульбука, потом Бербан[5], Паргар[6] и Андиджараг[7]. По-видимому, под названием Ахшу и Бербан (или Берсан, см. ниже) понимали Куляб-Дарью[8], под названием Паргар — Кчи-Сурхаб, под названием Анди-

---

[1] Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 288—290.

[2] Истахри, 280.

[3] Там же, 289—292; Ибн Русте, 93; Табари, II, 1180. Тохаристан в собственном смысле назывался Первым или Нижним; горные области по верхнему течению Аму-Дарьи входили в состав Верхнего Тохаристана.

[4] Истахри, 296.

[5] Вариант Балбан (بلبان, ср. Ибн Хаукаль, 348) встречается так же, как и Барбан (بربان). Возможно, что правильные чтения تلبار и تربار и что это название сохранилось в названии одного из истоков Куляб-Дарьи (на новых картах Тальвар и Тальбар). Вместо Ахшу Маркварт (*Ērānšahr*, S. 233) читает Bākhshū, но текст дает ويسمى بأخْشوا, у Якута (*Му'джам*, II, 171,16) بأخْش.

[6] У Истахри فارغر; в *Худūд ал-'ālам* (л. 9а) پارغر и بارغر, у Ибн Русте (93) بارغر.

[7] У Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 290,1) اندیشاراغ.

[8] Куляб-Дарья и теперь носит также название Аксу (Geiger, *Die Pamir-Gebiete*, S 155).

джараг — Таир-су. В рукописи Туманского[1] говорится, что река, протекавшая мимо Мунка и Хульбука, впадала в Аму-Дарью около Паргара. И теперь в этой местности есть селение Пархар. Область между Пянджем и Вахшем носила название Хутталь или Хуттальян[2]. Самой важной частью этой области всегда была узкая, но плодородная долина Кчи-Сурхаба и его притока Куляб-Дарьи. На берегу Кчи-Сурхаба находились города Мунк, самый большой город области, на месте нынешнего Бальджуана, и Хульбук, столица хуттальского эмира, около нынешнего Хульбага, несколько южнее Куляба[3]. С Хуттальем в политическом отношении соединена была область Вахш, занимавшая Курган-Тюбинскую равнину. Главный город области, Халаверд, по величине уступал только Мунку и превосходил Хульбук. Одним днем пути выше Халаверда, также по берегу Вахша, находился город Левкенд[4]. От Мунка до Хульбука считали 2 дня пути и столько же от Хульбука до переправы Архен на Аму-Дарье, которая находилась также в 2 днях пути от Халаверда. Кроме того, упоминается еще «Бадахшанская переправа» на реке Джерьяб, в 6 днях пути от Мунка. От бадахшанской переправы до волости[5] Бик[6] считали 2 дня пути, оттуда 1 день до Андиджарага (по дороге переправлялись через реку этого имени), дальше 1 день до Паргара (также после переправы через реку Паргар); после этого переправлялись через реку Берсан (см. выше) и приходили в Хульбук. На расстоянии 2 дней пути выше Левкенда находился каменный мост на Вахше, существующий и теперь. От этого моста до Мунка считали 2 дня пути; в 4 фарсахах от моста, по дороге в Мунк, находился город Темлият. Из этих данных можно заключить, что Хульбук находился на левом берегу Куляб-Дарьи, недалеко от ее соединения с Кчи-Сурхабом, Халаверд — на месте Курган-Тюбе[7], Левкенд — около селения Санг-туда, Андиджараг — недалеко от устья Таир-су (по Макдиси[8], этот город находился недалеко от Аму-Дарьи).

---

[1] <*Худуд ал-'алам*, л. 9а.>

[2] <См. Беленицкий, *Историко-географический очерк Хутталя. — Ред.*>

[3] Эти отожествления сделаны еще Томашеком (*Sogdiana*, S. 36, 46), который сближает Хульбук также с Χόλβισίνα или Χόλβυσσα Птолемея. Как сообщают, много греко-бактрийских монет было найдено близ Куляба; см. Логофет, *На границах Средней Азии*, кн. III, стр. 190.

[4] Пишется لاوكند и ليوكند (Истахри, 297, 339).

[5] Этим словом я перевожу термин رستاق, означавший целую группу селений; иногда целый рустак принадлежал одному владетелю (Истахри, 323; Ибн ал-Факих, 323).

[6] Я'куби, *Китаб ал-булдан*, 290. Этот рустак также составлял собственность одного владельца.

[7] Та же точка зрения выражена у Маркварта (*Ērānšahr*, S. 25).

[8] Макдиси, 291.

Труднее определить точное местоположение Архена[1] и бадахшанской переправы, так как мы не знаем расстояния этих мест от городов, расположенных к югу от Аму-Дарьи. На Джерьябе, одним фарсахом выше Архена, был еще город Карбенг[2].

Река Вахш вытекала из владений тюрков-карлуков и проходила через области Памир[3], Рашт и Кумед[4]. Из этого известия мы должны заключить, что под Памиром в то время понимали также Алай. Рашт, в X в. уже причислявшийся к мусульманским областям, соответствовал Каратегину[5]. Область Кумед отожествил еще Томашек[6] с упоминаемой у Птолемея Κομηδῶν ὀρεινή и с упоминаемым у Сюань Цзана царством Цзюймито (Kiu-mi-tho)[7]. В этой же области, по рукописи Туманского, находились верховья Кафирнигана; один из истоков Сур-

---

[1] В истории Тимура (Шереф ад-дин Йезди, пер. Петн де ля Круа, I, 19, 172; калькут. изд., I, 38, 184) ارهنک, на южном берегу Аму-Дарьи. Маркварт (*Ērānšahr*, S. 233) отожествляет Архенг и Хазрет-Имам, но это не может быть правильным, так как каждая из этих двух местностей упоминается отдельно в *'Абдулла-нāме* XVI в. (ср. Rieu, *Suppl. Pers.*, № 73, p. 49), рук. Аз. муз. 574 age (D 88), лл. 413б и 437а. Хазрет-Имам, который не упоминается в средневековых источниках, связывали с легендой о голове имама Хусейна. Сообщают, что тимуридский царевич Мухаммед-Джуки (внук Тимура, см. Бартольд, *Улугбек*, стр. 141 и сл.) подарил в это святилище большой котел, достаточный для того, чтобы сварить в нем триста баранов. У Хазрет-Имама было начало большого канала, выведенного из Аму-Дарьи в царствование Абдулла-хана (XVI в.); см. Бартольд, *Орошение*, стр. 76. Другая легенда связывает Хазрет-Имам с имамом Алкамой, современником Мухаммеда (ср. ниже об окрестностях Самарканда); см. историю Надир-шаха, написанную Мухаммед-Казимом, т. III, л. 203а (единственный список в Ленинграде; см. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях*, стр. 927 и сл.). <ИНА готовит факсимильное издание уникальной рукописи *'Ālamārāyi Nādirī* Мухаммед-Казима; т. I издан в 1960 г. — *Ред.*>

[2] Пишется كاربنج и كاربنک (Истахри, 276, 297, 339; Макдиси, 290). В связи с Хутталем упоминается область Басар, Басара или Басаран (Ибн Хордадбех, 37; Ибн Русте, 92; Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 289). О той же области, по-видимому, говорится у Табари, II, 1180 (باسار اسحصن) и 1597 (بسان). Конъектуры издателей (в первом случае كاسان, во втором — نسا), безусловно, неудачны. Может быть, та же область упоминается у Гардизи (*Тексты*, стр. 7) под названием باشنداره. Упоминание у Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 92) сомнительно, принимая во внимание исправление текста у Маркварта (*Ērānšahr*, S. 234, Anm. 1: ذات اليسار противопоставляется ذات اليمين), но у Ибн Хордадбеха (37) и Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 289) мы имеем, конечно, название области. نعخر у Балазури (420) должен был находиться, судя по контексту, в Фергане.

[3] Обыкновенно فامر; у Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 290) بامر.

[4] Ибн Русте, 92; здесь الكميذ; у Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 290) كماد.

[5] В истории Тимура (Шереф ад-дин Йезди, пер. Петн де ля Круа, I, 174) область носит название قايرتكين, в калькут. изд. (I, 189) تيرتكين.

[6] Tomaschek, *Sogdiana*, S. 47—48.

[7] Ср. Chavannes, *Documents*, p. 164, и мои замечания: *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.)*, стр. 0177; ср. также мою статью *Karategin* (EI, II).

хана, именно Каратаг-Дарья, носил название Кум. Область была населена народом кумиджиев[1], которых Макдиси причисляет к тюркам. Река Кафирниган называлась Рамид[2]; еще теперь это название (Рамит или Роумит) сохраняет один из истоков реки. Между Кафирниганом и Вахшем находились области Вашгирд и Кувадиан (Кабадиан). Столицей первой области был город того же имени, который в IX в. входил в состав хуттальского владения и даже был столицей владетеля[3]; по величине он приблизительно соответствовал Термезу[4]. Город находился на расстоянии 1 дня пути от каменного моста на Вахше[5], т. е. на месте нынешнего Файзабада. Область в IX в. имела большое значение; здесь, в 4 фарсахах от главного города, проходила граница с владениями тюрков, вследствие чего здесь было до 700 укреплений. По Сам'ани, здесь в начале мусульманского периода был особый алфавит, который сохранился в книгах[6]; по всей вероятности, этот алфавит — санскритского происхождения и относится ко времени господства буддизма в стране. В X в. область славилась главным образом производством шафрана[7]. Между Вашгирдом и Раштом (т. е. столицей этой области) считали[8] 4 и 5 дней пути, из чего видно, что столица или «крепость» Рашта находилась приблизительно на месте нынешнего главного города Каратегина, Гарма. На этом пути[9] упоминаются города Иляк (1 день пути от Вашгирда, вероятно Кала-и Дашт)[10], Дербенд (1 день пути дальше, вероятно Оби-Гарм) и Гаркан (2 дня от крепости Рашта). Для защиты области от тюркских набегов арабы в конце VIII в. построили здесь стену[11].

В области Кувадиан, кроме главного города, носившего то же имя, упоминается Нудиз ('Новая крепость') и еще несколько городов на

---

[1] Имя этого народа в разных видах встречается у Гардизи и Бейхаки (*Тексты,* стр. 9).

[2] Ибн Русте, 93 زامل; правильнее رامید, как у Лерха (*Ein Blick,* S. 186, № 8). Ср. Tomaschek, *Sogdiana,* S. 43; *Тексты,* стр. 63 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом القباذیانی, где дается написание زامیل).

[3] Я'куби, *Китāб ал-булдāн,* 292.

[4] Истахри, 298.

[5] Там же, 341.

[6] *Тексты,* стр. 68 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الواشجردی).

[7] Истахри, 288, 298.

[8] Ибн Хордадбех, 34.

[9] Истахри, 340.

[10] До сегодняшнего дня название Илак носит река, у которой расположен центр города Файзабада.

[11] Неизвестно, откуда Томашек (*Sogdiana,* S. 49) заимствует те подробности об этой стене, которые он приписывает Ибн Хордадбеху и Ибн Са'иду. В известных мне текстах обоих авторов ничего не сказано о том, что эта стена защищалась двумя крепостями и что к востоку от нее был город Кашпар.

Кафирнигане; произношение их названий трудно определить[1]; местоположение их также не указывается. Из области в большом количестве вывозилась марена[2]. При устье Кафирнигана находилась переправа Аузадж, или Узадж, ныне Айвадж[3], при устье Вахша — знаменитое место переправы Мела[4], в 3 днях пути от Балха[5] и в 2 фарсахах от Термеза[6]. В XIII в. это место называлось Пенджабом[7]. Кувадиан в IX в. входил в состав Хутталя[8]; но географы X в.[9] указывают для него только расстояния от Сагании (3 дня, вероятно, через перевал Хазрет-бови) и от Термеза (2 дня), из чего видно, что он был более тесно связан с этими городами, чем с хуттальскими.

Северная часть Кафирнигана сливается с долиной следующего притока Аму-Дарьи, Сурхана (в рукописи Туманского[10] и в истории Тимура[11] Чаган-руд). Ибн Русте[12] называет притоками Кафирнигана реки Кум-руд, Нихам-руд и Хавер-руд, вытекавшие из гор Буттем (об этом названии см. ниже), Синам, Нихам[13] (Дара-и Нихам в Гиссарском хребте) и Хавер; на самом деле эти реки (ныне Каратаг-Дарья, Тупаланг и Сангардак-Дарья) составляют верховья Сурхана[14]. Долина Сурхана в средние века составляла область Сагании, или Чагании[15]; владетель области в домусульманское время носил титул саган-худат[16]. По Макдиси[17], в Сагании было до 16 000 селений, но по пространству, по богатству и по величине городов область уступала Хутталю.

---

[1] Макдиси, 290.

[2] Истахри, 298; Ибн Хаукаль, 350.

[3] Макдиси, 290, 292; в истории Тимура (Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 184) اوباج (в калькут. изд., I, 196 اوياج).

[4] Обычное правописание ميلة; у Мас'уди (*Танбих*, 64) ماله.

[5] Истахри, 283.

[6] Мас'уди, *Танбих*, 64.

[7] Бекран, *Джахан-наме*, рук. Нац. б-ки, л. 191: بحدود ختلان ووخش پنج آب بدو [يعنى بجيحون] پيوندد وآن موضع را پنج آب خوانند. <рук. ИНА доб.: ديكر > بزرك

[8] Ибн Русте, 93.

[9] Истахри, 341.

[10] <*Худуд ал-'алам*, л. 9а خغانرود.>

[11] Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 183; калькут. изд., I, 196.

[12] Ибн Русте, 93.

[13] У Ибн Хордадбеха (37) названа область Нихам, у Макдиси (344) بهام, в 3 днях пути от Сагании. Вместе с Нихамом Ибн Хордадбех называет области Бинкан, Мандаджан и Каст (произношение этих названий сомнительно), вероятно также находившиеся в бассейне притоков Сурхана.

[14] Tomaschek, *Sogdiana*, S. 43.

[15] Арабское ص часто употребляется вместо персидского چ.

[16] Табари, II, 1596.

[17] Макдиси, 283, 290.

Главный город области, носивший то же имя, находился в 4 днях пути или 24 фарсахах от Термеза[1] и в 3 днях пути от Кувадиана, вероятно на месте нынешнего города Денау, который и теперь по своему коммерческому и стратегическому значению является центром края[2]. Нынешнее название города (собств. Дих-и нау — 'Новое селение') упоминается еще в истории Тимура[3]. Город Саганиан[4] имел цитадель и по пространству превосходил Термез, хотя уступал ему по количеству населения и по богатству. В городе были красивые крытые базары; хлеб был дешев, мясо продавалось в большом количестве; среди базара была красивая мечеть, укрепленная колоннами из жженого кирпича, без арок; саганианская мечеть славилась еще в XII в.[5]. В каждый дом была проведена вода; окрестности города вследствие обильного орошения были покрыты густой растительностью; зимой здесь производилась птичья охота; трава была так высока, что покрывала лошадей. Жители отличались правоверием и гостеприимством, но улемов среди них было мало, а факихов не было совсем.

В южной части долины, между Термезом и Саганианом, упоминаются несколько городов, прежде всего Сарманган, или Чарманган[6], на расстоянии 1 дня или 6 фарсахов от Термеза; остатками этого города, может быть, являются развалины в 5 верстах к югу от селения Джар-курган, где видна башня из жженого кирпича, высотою около 40 аршин и в диаметре около 2 саженей[7]. Сарманган вместе с другим городом, Хашимгирдом[8] (последний находился на расстоянии 1 перехода от Термеза, на пути к Железным воротам), входил в состав отдельной области[9], столицей которой был Термез и которая в дому-

[1] Истахри, 339—340; Ибн Хордадбех, 34; Кудама, 201.

[2] Костенко, *Туркестанский край*, т. II, стр. 146. <См. Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда*, стр. 180 (о локализации города Чаганиана — Саганиана). — *Ред.*>

[3] Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 109. Ср. также мою статью *Čaghāniyān* (EI, I), где слова چغانیان که امروز بدیه نو مشهور است цитованы из Махмуда б. Вели (XVII в.). Позднейшее мнение Маркварта [Marquart, *Komanen*, S. 71, Anm. 2 («das erste mit *Sicherheit* belegte *mongolische* Wort im Westen»)] о том, что Чаганиан произошел из монгольского *чаган* 'белый', конечно, ошибочно.

[4] Истахри, 298; Макдиси, 283.

[5] *Тексты*, стр. 62 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الصغاني).

[6] Истахри, 339—340; Якут, *Му'джам*, III, 383. Вместо صرمنكان у Сам'ани (рук Аз. муз., л. 351 б) جرمنكان как перс. форма (بالعجمية).

[7] Караульщиков, *Маршрут*, стр. 396. О других развалинах в южной части долины Сурхана см. Geiger, *Die Pamir-Gebiete*, S. 160.

[8] Город, может быть, получил свое название от имени Хашима б. Баничура (Байчура?), владетеля Вахша и Халаверда (Я'куби, *Китаб ал-булдан*, 291). Об этом князе и его династии см. Marquart, *Ērānšahr*, S. 301 sq.

[9] Истахри, 298. Названный у Ибн Хаукаля (349, 401) город Сарманджи, несомненно, тожествен с Сарманганом.

сульманский период находилась под властью особого дихкана или царя[1], при Саманидах, по крайней мере иногда, управлялась саганианским эмиром[2]. У Сам'ани и Якута[3] упоминается селение Буг, в 6 фарсахах от Термеза[4]. На расстоянии одного дневного перехода или 6 фарсахов от Сармангана находилось многолюдное и богатое промышленное селение Дарзенги[5], все жители которого были ткачами; соборная мечеть находилась среди базаров; мимо города протекала еще другая река, кроме Сурхана[6]. По-видимому, имеется в виду овраг Бенд-и хан, или Кок-джар (в 6 верстах к западу от Кум-кургана), который теперь наполняется водой только весной; еще теперь здесь есть старинный, но прочный мост из жженого кирпича[7]. Между Дарзенги и Саганианом (в 7 фарсахах от первого и в 5 от второго) находилось еще селение Баранги[8]. В Саганиане упоминаются еще некоторые другие селения[9], как Басенд, большое селение в 2 днях пути от Саганиана (по Макдиси, 1 день), со многими садами; Зинвер, 1 день пути от Саганиана (по Макдиси, 3 дня); Бураб (1 переход или 4 фарсаха от Саганиана); Санг-гардак[10], на расстоянии 1 дня пути от столицы, вероятно около устья реки Санг-гардак; Рикдешт (6 фарсахов от столицы); Кумганан[11] (2 фарсаха от столицы) и еще несколько названий, произношение которых невозможно определить.

Относительно дороги между Саганианом и Вашгирдом, т. е. между Денау и Файзабадом, мы находим у арабских географов противоречивые описания[12]. В равнине, соединяющей долины Сурхана и

[1] Балазури, 418; Табари, II, 1147, где этот царь носит титул *термез-шах*.

[2] *Тексты*, стр. 10 (Гардизи).

[3] *Му'джам*, I, 761.

[4] Другие селения, упоминаемые в окрестностях Термеза, были Бусандж (там же, 758; у Сам'ани нет) и Рухшабуд (так у Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом الرخشبوذى), или Рухшайуд (так у Якута, *Му'джам*, II, 771).

[5] У географов X века دارزنجى; у Я'куби (*Китаб ал-булдан*, 289) دارزنكا; у Бейхаки (изд. Морлея, 576; <изд. Гани — Фейяза, 465>) دارزنكى.

[6] Макдиси, 283—284. Расстояние между Дарзенги и столицей у Макдиси (344) указано неверно.

[7] Костенко, *Туркестанский край*, т. II, стр. 144; Галкин, *Маршрутное описание*, стр. 391; Караульщиков, *Маршрут*, стр. 395.

[8] برنجى у Ибн Хордадбеха (33) и у Кудамы (211).

[9] Истахри, 340—341; Макдиси, 283—284, 344.

[10] У Макдиси سنكردة.

[11] *Тексты*, стр. 9 (Гардизи).

[12] Истахри, 340; Ибн Хордадбех, 34; Кудама, 211. По Гардизи (*Тексты*, стр. 9), расстояние между Саганианом и Шуманом — 12 фарсахов. Безусловно неверно мнение де Гуе (Ибн Хордадбех, 34, прим. *c*; пер., 24), по которому путешественники на этом пути переправлялись через Вахш. Под упомянутой здесь рекой можно понимать только Кафирниган, хотя ширина реки значительно преувеличена.

Кафирнигана, в средние века находились области Ахарун, или Харун, и Шуман (у Сюань Цзана Холумо и Сумань, или Шумань), причем вторая находилась к востоку от первой[1]. В начале VIII в. обе области находились под властью одного государя[2], впоследствии они, по-видимому, вошли в состав Саганиана[3]. Упоминаемая в рассказе о походах Кутейбы область Гуфтан, вероятно, находилась в южной части долины Сурхана или несколько к западу от нее, в нынешнем Ширабадском бекстве[4].

Недалеко от устья Сурхана находилась сильная крепость Термез[5], о которой мы находим у арабских географов довольно подробные сведения эти сведения уже были сообщены мною в другом месте, в виде примечания к статье г-на Пославского[6], которому мы обязаны подробным описанием сохранившихся остатков города. Описанные г-ном Пославским развалины несомненно являются остатками средневекового Термеза[7], хотя этому, по-видимому, противоречит показание Ибн Хаукаля[8], будто река (Сурхан) впадала в Аму-Дарью ниже города. Остров, на котором арабский полководец Осман б. Мас'уд при осаде Термеза в 85/704 г. поместил 15 000 человек и который от него стал называться «островом Османа»[9], несомненно, есть Арал-Пейгамбер; об острове против Термеза говорят также Бейхаки[10] и Шереф ад-дин Йезди[11]. Из показаний арабских географов видно, что старый город, разрушенный Чингиз-ханом, находился на самом берегу реки; здесь сохра-

---

[1] Tomaschek, *Sogdiana*, S. 39—40, 42; Chavannes, *Documents*, p. 195 sq.

[2] Балазури, 419; Табари, II, 1180.

[3] *Тексты*, стр. 9 (Гардизи).

[4] Балазури, 420; Табари, II, 1150, 1180.

[5] <В. В. Бартольд считал правильной форму Тармиз (см. ниже, прим. 7) и придерживался такой формы в первом русском издании 1900 г. Однако в более поздних работах Бартольд писал «Термез» и в англ. изд. 1928 г. — Tirmidh; поэтому нами принята форма Термез, утвердившаяся также в русской литературе. Об археологическом и топографическом исследовании городища Термеза см. Массон, *Городища Старого Термеза;* Массон, *Работы Термезской экспедиции;* Шишкин, *К исторической топографии;* Лунин, *К истории города Термеза. — Ред.*>

[6] *О развалинах Термеза*, стр. 87—88. Ср. доклад А. А. Семенова <*Происхождение Термезских сейидов*> в ПТКЛА, год XIX, стр. 3—20.

[7] Чтение Тармиз, установленное Томашеком (*Sogdiana*, S. 37), вполне подтверждается местным произношением, указанным у Сам'ани, который пробыл здесь 12 дней (*Тексты*, стр. 55; изд. Марголиуса, под словом الترمذى). По-видимому, туземцы и теперь произносят название древнего города таким же образом, так как русские офицеры, осмотревшие край в 1889 г., пишут «Термиз» или «Тармыз» (Галкин, *Маршрутное описание*, стр. 393; Караульщиков, *Маршрут*, стр. 399).

[8] Ибн Хаукаль, 349.

[9] Балазури, 419; Табари, II, 1162.

[10] Изд. Морлея, 704; <изд. Гани — Фейяза, 563>.

[11] Пер. Пети де ля Круа, I, 62; калькут. изд. I, 81.

нились наиболее древние развалины, тогда как группы развалин, более отдаленные от берега реки, представляют остаток нового города, построенного после Чингиз-хана и существовавшего еще при узбеках. В истории Тимура рядом с существовавшим в то время Термезом упоминается и «старый Термез»[1]. В развалинах древнего города, между прочим, находится мавзолей святого ҳакима Абу Абдаллаха Мухаммеда б. Али Термези[2], умершего в 255/869 г. Мавзолей построен, по словам г-на Пославского, из белого мрамора, по словам проф. Мушкетова[3] — из мраморовидного известняка; г-н Пославский считает этот памятник, «по качеству работы и материала», едва ли не лучшим из виденных им во всем крае остатков старины. Гробница несомненно воздвигнута не современниками святого, даже не раньше XIV в., как показывает арабская надпись, написанная почерком *насхӣ*[4], характерным для этого периода. Гробница упоминается в истории Тимура[5].

Существование большого острова, облегчавшее устройство плавучего моста, и близость к Балху (2 перехода), центру всей страны, делали Термез едва ли не самой важной переправой через Аму-Дарью после Амуля (Чарджуя); за обладание Термезом часто происходили войны между владетелями Мавераннахра и владетелями Афганистана. По словам проф. Мушкетова, среди развалин старой крепости часто попадаются «монеты, между которыми преобладают греческие»; если так, то город имел значение задолго до начала арабского господства.

На полпути между Термезом и Балхом упоминается селение Сиях-гирд, существующее и теперь; развалины древнего Сиях-гирда находятся в 15 верстах от нынешнего селения[6]. Город Балх можно при-

---

[1] Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 41; калькут. изд., I, 57. Канал, которым орошался Термез, был выведен из Сурхана, в 82 верстах вверх по течению, быть может близ Бенд-и Хана (ср. выше); канал для водоснабжения современной русской крепости (построена в 1894 г.) отведен с расстояния всего 16 верст (П. Т., *Термезский арык*). Крепость, разрушенная Чингиз-ханом, вновь отстраивалась несколько раз: Халилаллахом (в начале XV в.) и Мухаммед-Рахим-ханом (XVIII в.); см. Бартольд, *Орошение*, стр. 73 и сл.

[2] Сказания о нем можно найти в *Тазкират ал-аулийа* Ферид ад-дина Аттара (II, 91 и сл.; <см. также> Джами, *Нафаҳат ал-унс*, калькут. изд., 77); см. также ПТКЛА, год II, прилож. к проток. от 29 августа 1897 г., стр. 17—20 <*Надпись на памятнике в Термезе*, стр. 17; *К биографии*, стр. 18—20>. Этот святой, во всяком случае, не имеет ничего общего с автором известного канонического сборника преданий: имя последнего было Абу Иса Мухаммед б. Иса.

[3] *Туркестан*, стр. 578.

[4] Ныне покойный художник Н. Н. Щербина-Крамаренко любезно показал мне сделанный им превосходный фотографический снимок памятника. Ср. статью Рожевица <*Поездка*> (с фотографиями и сделанным мной переводом надписи), стр. 647 и 652.

[5] Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, III, 202; калькут. изд., II, 209.

[6] Костенко, *Туркестанский край*, т. II, стр. 168.

знать древнейшим крупным городом в бассейне Аму-Дарьи; мусульманские писатели справедливо называют его «матерью городов» (*умм ал-билад*). Здесь была столица полумифического бактрийского государства, впоследствии бактрийской сатрапии Ахеменидов, в состав которой, по крайней мере при Дарии, входила и Маргиана[1] (область Мерва). После Александра Македонского Балх был центром греко-бактрийского государства; известия о последнем не настолько ясны, чтобы мы могли точно определить его границы; но во всяком случае известия классических географов показывают, что в состав его некоторое время входили едва ли не все культурные земли к северу от Аму-Дарьи[2]. Такое значение Балха объясняется его центральным положением (в одинаковом расстоянии от западных, восточных, северных и южных границ восточноиранского культурного мира), на которое указывает еще Я'куби[3]. Вследствие этого Балх был столицей страны в то время, когда вся арийская Средняя Азия еще была объединена под властью одного царя или наместника, тогда как Мерв возвысился вследствие подчинения областей к северу от Аму-Дарьи среднеазиатским народам, когда для правителей страны стояла на первом плане защита Аму-Дарьинской линии (при Сасанидах) или стремление утвердить свою власть в Мавераннахре (при арабах и сельджуках). При Сасанидах Балх, по мусульманским известиям, был местопребыванием одного из четырех хорасанских марзбанов[4]; в начале VIII в. туземный правитель носил более высокий титул испехбеда[5]. Но власть Сасанидов, по крайней мере в VII в., едва ли имела здесь какое-нибудь значение; на это указывают рассказы Сюань Цзана о буддийских монастырях в Балхе и в зависевших от него областях по обоим берегам Аму-Дарьи[6].

В окрестностях Балха находился буддийский храм Наубехар ('Новый монастырь'), пользовавшийся у мусульман большой известностью и подробно описанный Ибн ал-Факихом[7]. По Ибн ал-Факиху, храм принадлежал идолопоклонникам, придерживавшимся той же веры, как китайские императоры и кабул-шах (владетель Кабула). Сюда приходило много паломников, совершавших поклонение перед самым большим из идолов. Наубехаром заведовала семья Бармакидов,

[1] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 3.

[2] Страбон, кн. XI, гл. XI, § 2. Ср. мою статью *Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток*, стр. 823—828.

[3] *Китаб ал-булдан*, 287—288.

[4] Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 9 (на основании Ибн Хордадбеха, VI, 18).

[5] Табари, II, 1206, 1218.

[6] Сюань Цзан, пер. Жюльена, I, 23—24. Ср. также Hartmann, *Balkh* (EI, I).

[7] Ибн ал-Факих, 322—324; ср. также Якут, *Му'джам*, IV, 817—820.

владевшая недвижимой собственностью, обнимавшей пространство длиной в 8 и шириной в 4 фарсаха. Балх и Наубехар были разрушены арабами при халифе Османе, по другим известиям — при Му'авии [1]. Арабы построили новый город в месте Барукан, в 2 фарсахах от Балха; только в 107/725 г. наместник Асад б. Абдаллах восстановил город на прежнем месте, поручив это дело представителям того же дома Бармакидов [2]. В IX в. (по словам автора истории Балха [3], с июня 848 г.) в Балхе правил Давуд б. Аббас, внук Хашима б. Махичура (последний, может быть, тожествен с упомянутым выше Хашимом б. Баничуром) [4], строитель селения и замка Нусар в окрестностях Балха и нескольких зданий в самом городе. Все эти постройки в 256/870 г. были разрушены Я'кубом, основателем династии Саффаридов; после ухода Я'куба Давуд вернулся в свой разрушенный замок, но через 17 дней умер [5]. В эпоху Тахиридов и Саманидов Балх был одним из крупных городов Хорасана, наравне с Мервом и Гератом [6]; по словам Макдиси, он по величине равнялся Бухаре.

В окрестностях Балха, как в окрестностях Бухары и Самарканда, некогда проходила стена [7] длиной в 12 фарсахов с 12 воротами, окружавшая город вместе с соседними селениями; в IX в. эта стена уже не существовала. Как все большие города, Балх разделялся на собственно город (у арабов *медина*, у персов *шахристан* [8]) и предместье, *рабад* (персидский термин, *бирун* [9], у историков и географов не встречается). Число ворот балхского рабада, по словам Я'куби, было четыре, по словам географов X в.— семь; первое известие, вероятно, должно быть отнесено не к рабаду, а к шахристану; шахристан с 4 воротами мы находим и в других больших городах, что, вероятно, объясняется влиянием архитектуры персидских городов сасанидской эпохи [10]. По Я'куби, между стеной рабада и стеной шахристана был 1 фарсах; длина и ширина шахристана также равнялась фарсаху (3 милям), по

---

[1] Балазури, 408—409.

[2] Табари, II, 1490. Балхский историк относит восстановление города к 118/736 г. (Schefer, *Chrestomathie persane*, t. I, p. 71). По Табари (II, 1591), Асад в 118 г. х. перенес в Балх свою столицу. Ср. также мою статью *Barmakiden* (EI, I) и мои замечания в статье *Šu'ūbīja*, S. 261.

[3] Schefer, *Chrestomathie persane*, t. I, p. 72.

[4] См. стр. 123, прим. 8. Ср. также Marquart, *Ērānšahr*, S. 301 sq.

[5] *Тексты*, стр. 4, 68 (Гардизи); Сам'ани, изд. Маргулиуса, под словом السوسارى.

[6] Истахри, 254, 278; Макдиси, 301—302; Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 287—288.

[7] См. тексты, цитованные мною в ЗВОРАО, т. XIX, <*К истории Мерва*>, стр. 119.

[8] Часто встречается у Нершахи. См. также тексты, цитованные мною в ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0107.

[9] Бируни, *Āṯār ал-бāḳийа*, изд. Захау, стр. XVIII.

[10] Justi, *Geschichte*, S. 455.

Истахри — только $^1/_2$ фарсаха; стены и все здания были построены из глины. В середине шахристана находилась соборная мечеть, постройку которой балхский историк относит к 124/742 г.[1]; вокруг нее были расположены базары. Макдиси хвалит благосостояние города, которое давало возможность Балху вместе с окрестностями вносить в казну правительства огромную сумму. При Чингиз-хане Балх после восстания жителей был разрушен и еще в первой половине XIV в., во время путешествия Ибн Баттуты[2], лежал в развалинах; скоро после этого он был восстановлен, но уже не достиг прежнего значения. Сохранившиеся развалины старого города тянутся на пространстве около 25 верст и никогда не подвергались сколько-нибудь подробному исследованию; по-видимому, все развалины, видные на поверхности земли, относятся, как и следовало ожидать, к мусульманскому периоду[3]. Нынешний главный город области, Мазари-Шериф, верстах в 22 к востоку от Балха, возник около мнимой могилы халифа Али, открытой в XII в. около селения Хайр. По сказанию, переданному путешественником ал-Гарнати[4], наместник области, его воины и улемы собственными глазами видели нетленное тело халифа; подлинность могилы по обыкновению была доказана чудесами, в которых тогда, по-видимому, существовала потребность, так как к тому же времени относится открытие нетленных мощей патриархов Авраама, Исаака и Иакова[5] (в окрестностях Балха при Ибн Баттуте показывали также могилу пророка Иезекииля). Над могилой Али было выстроено великолепное здание, которое тотчас сделалось местом паломничества. Нынешний мазар, конечно, гораздо более позднего происхождения, чем старый, разрушенный Чингиз-ханом[6].

Дорога, соединявшая Балх с другим опорным пунктом арабов в Хорасане, Мервом, шла, как и дорога из Балха в Бадахшан, кружным путем, вдоль подошвы гор[7]; достигнув реки Мургаб, поворачивали на северо-запад и шли вдоль берега реки до Мерва. Между Балхом и Мерверрудом (ныне Меручак или, быть может, скорее Бала-Мургаб)[8]

---

[1] Schefer, *Chrestomathie persane*, t. I, p. 71. Эта дата, однако, сомнительна, так как строителем назван Асад б. Абдаллах, умерший, по всем известиям, в 120 или 121/738 или 739 г.

[2] Ибн Баттута, III, 58—62.

[3] Burnes, *Travels*, vol. II, p. 204. Ср. также описание (с планом) у Йета (Yate, *Northern Afghanistan*, pp. 256, 280) и взятое из этой книги описание в моем *Историко-географическом обзоре Ирана*, стр. 19.

[4] *Тексты*, стр. 21—22.

[5] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 394.

[6] Могила была обнаружена вторично в XV в. Ср. мой *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 21 (из Исфизари).

[7] Истахри, 286; Макдиси, 346.

[8] Ср. по этому вопросу мой доклад *Мерверруд*, стр. 028—032.

упоминаются города Шапуркан (или Ушпуркан), Фарьяб и Талькан; из них только Шапуркан сохранил свое название до сих пор[1]. Все эти города находились на расстоянии 3 дней пути один от другого. Шапуркан и Фарьяб входили в состав области Гузган, или Гузганан[2], где в IX и X вв. правила династия Феригунидов, уничтоженная Газневидом Махмудом[3]. Столицей области, по Истахри, был город Анбар, на расстоянии 1 перехода к югу от Шапуркана, по Макдиси — город Йехудийя; чтобы идти из Анбара в Йехудийю, надо было пройти 2 дня по дороге в Фарьяб и еще 1 день до Йехудийи. От Шапуркана до Йехудийи считали 3 дня пути и оттуда еще 1 день до города Кунддирем[4]. По Макдиси, от Йехудийи до Фарьяба шли 2 дня и столько же до Шапуркана, от Йехудийи до Анбара — 1 день, так что город, вероятно, также находился к югу от главной дороги[5]. Упоминается также отдельный путь из Мерва в Йехудийю, пересекавший балхскую дорогу около замка Ахнафа б. Кайса, на расстоянии 1 дня пути от Мерверруда, на берегу Мургаба[6].

Арабские географы не указывают расстояния между этими городами и следующим городом на Аму-Дарье, Келифом; говорится только, что от Термеза до Келифа 2 дня пути[7]; только автор XII в. Сам'ани[8] определяет также расстояние между Балхом и Келифом (18 фарсахов). В X в. Келиф был расположен на обоих берегах реки и этим отличался от всех городов вдоль берегов Аму-Дарьи. Главная часть города, с мечетью, помещавшейся в рабате Зу-л-карнейн, находилась на левом берегу; против этого рабата, на правом берегу, был рабат Зу-л-кифль[9]. К Келифу, как и теперь, шла дорога из Бухары через

---

[1] О расположении других городов см. там же, стр. 028 и сл.

[2] Истахри, 270—271; Макдиси, 298, 347.

[3] О династии Феригунидов см. Туманский, *Новооткрытый персидский географ*, стр. 128—130.

[4] Маркварт (*Ērānšahr*, S. 85 sq.) читает *Кунддарм* и помещает этот город на месте Гурзивана (или Гузарвана).

[5] Йехудийя, по-видимому, идентична с Меймене (или, как его называли в средние века, Мейменд). Ср. мой *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 23; Marquart, *Ērānšahr*, S. 78.

[6] Истахри, 270; Макдиси, 314. О замке Ахнафа ср. также Балазури, 406.

[7] Макдиси, 343.

[8] Рук. Аз. муз., л. 359; изд. Марголиуса, под словом الكا لفى; так же у Якута (*Му'джам*, IV, 229).

[9] Макдиси, 291. Между Келифом и Термезом, по Макдиси (292), были три переправы. Зу-л-кифль — пророк, упоминаемый в Коране (XXI, 85 и XXXVIII, 48); ср. статью И. Гольдциера <Goldziher, *Dhu'l-Kifl*> в EI, I. Богослужение позднее было перенесено на остров Арал-Пейгамбер (откуда и наименование) близ Термеза; см. Бартольд, *Орошение*, стр. 75. Келиф упоминается как город, лежавший на южном берегу реки, даже в XVIII в. Новый город на северном берегу основан в очень недавнее время.

долину Кашка-Дарьи, которая, впрочем, была теснее связана с бассейном Зеравшана, чем с берегами Аму-Дарьи.

Ниже Келифа на Аму-Дарье были города Земм и Ахсисек, первый на левом, второй — на правом берегу реки, в пяти днях пути от Термеза и в четырех от Амуля (Чарджуя), т. е., очевидно, на месте нынешней крепости Керки. Земм и Ахсисек составляли одну административную единицу; кафедра имама, т. е. соборная мечеть, находилась в Земме, по Макдиси, среди крытых базаров. По Истахри, Земм был небольшим, по Макдиси — значительным городом; в окрестностях его паслось много верблюдов и баранов [1]. При перечислении переправ через Аму-Дарью Макдиси не называет ни Земма, ни Ахсисека; переправа Керки носит у него название Керкух; против Керкуха на правом берегу реки была переправа Банкер [2] (или Байкер). Макдиси приводит дорогу в Керкух из области Гузган, именно из Фарьяба через Андхуд (ныне Андхой); от Андхуда до Керкуха считали 3 дня пути [3]. По Истахри, название Андхуд, или Анхуд, носила целая волость (рустак), столицей которой был небольшой город Уштурдж [4]. Впоследствии Андхуд, по-видимому, приобрел большое значение; по рассказам путешественников, около Андхоя, теперь ничтожного селения, есть развалины обширного старого города [5].

От Земма на левом берегу начинали пользоваться водой Аму-Дарьи для искусственного орошения [6]; сплошная культурная полоса левого берега начиналась от Амуля [7] (Чарджуя). Амуль находился на расстоянии 1 фарсаха от берега реки и по величине приблизительно соответствовал Земму [8]; но вследствие своего положения на главной дороге из Хорасана в Мавераннахр этот небольшой город приобрел такое значение, что его именем была названа вся река [9]. На правом берегу

[1] Истахри, 283, 298; Макдиси, 291.

[2] Макдиси, 292.

[3] Там же, 347.

[4] Истахри, 270—271.

[5] Вамбери, *Путешествие*, стр. 120; М. Р. Х., *Сведения*, стр. 109. Ср. Бартольд. *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 24; Le Strange, *The Lands*, p. 426 (цит. в очень краткой статье *Andkhuy*, EI, I).

[6] Истахри, 297.

[7] Там же, 338.

[8] Там же, 281.

[9] Ср. также мнение Штрека (Streck, *Āmul*), что Аму, может быть, — древнее местное название Окса (Oxus), от которого, возможно, произошло название города. Вполне возможно, что название города Амуля на Оксе, как и одноименного города в Мазандеране, связано с именем доарийского народа амардов, которые в древности, вероятно, жили на востоке вплоть до Окса; ср. мнение Маркварта (*Ērānšahr*, S. 136). Если так, то имя Аму древнее арийского имени Вахш (Окс). Название Чарджуй появляется впервые в XV в.; ср. мою статью *Amū-Daryā* (EI, I).

реки, тоже на расстоянии 1 фарсаха от нее, находился Феребр, или Фараб. В городе была большая соборная мечеть, выстроенная вся из жженого кирпича, без всякого употребления дерева; фарабский эмир некогда правил настолько самостоятельно, что ему «ни для какого дела не было надобности идти в Бухару»; существовала также легенда о каком-то местном судье, «постановлявшем решения с несправедливостью Шеддада»[1]. У Кудамы[2] Феребр назван «селением Али»; по Якуту[3], он носил также название «рабата Тахира б. Али». Макдиси называет несколько мест переправы между Керкухом и большой хорасанской дорогой; из них можно упомянуть Невиду, небольшой город на правом берегу с соборной мечетью, место переправы самаркандцев, и арабское селение Бурмадуй[4]. Недалеко от Фараба находилось существующее и теперь селение Бетик, упомянутое уже у Нершахи[5].

Через Амуль и Фараб всегда, как и теперь, проходила главная дорога из Хорасана в Мавераннахр, так как здесь к Аму-Дарье подходит Зеравшан, не только в X в., но даже во времена Александра Македонского[6] терявшийся в песках до достижения русла Аму-Дарьи. Долина Зеравшана, к описанию которой мы теперь перейдем, всегда была самой плодородной и населенной частью Мавераннахра.

Название Зеравшан не встречается в исторических сочинениях. На основании китайской транскрипции *На-ми* Томашек приходит к заключению, что древнеарийское название реки было Намик[7]. По словам

---

[1] Нершахи, изд. Шефера, 17; пер. Лыкошина, 29. О Фарабе и развалинах этого города см. Зимин, *Старый Фараб,* стр. 1 и сл.

[2] Кудама, 203.

[3] *Му'джам,* III, 867.

[4] Макдиси, 291—292.

[5] Изд. Шефера, 5.

[6] Ср. Арриан, *Анабасис,* IV, 6, 6, и мои заметки в ЗВОРАО, т. XXI, стр. 0147. Только Хафиз-и Абру говорит, что в его время Зеравшан при паводке достигал Окса (см. Бартольд, *Хафизи-Абру,* стр. 18). Напротив, по словам Бабура (*Бабур-наме,* изд. Бевериджа, л. 45 б; пер. Бевериджа, I, 77), в его время воды <Зеравшана> «в течение трех или четырех месяцев в году» не достигали и Бухары.

[7] Tomaschek, *Sogdiana,* S. 19—20. Очень возможно, что у Я'куби (*Китаб ал-булдан,* 293) вместо ناسف и у Нершахи (изд. Шефера, 5) вместо ماصف следует читать نامق. У более поздних писателей, вплоть до новейшего времени, река обыкновенно носит название Кухек 'Горка', по имени небольшой возвышенности около Самарканда (ныне Чопан-Ата). <По мнению П. Пельо, китайское На-ми (*Nâ-miĕt) не может естественным образом восходить к «Намик». П. Пельо высказывает предположение, что вероятная арабская форма была نامذ; см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* p. 15. — *Ред.*>

арабов, река вытекала из гор Буттем, или Бутман[1]; под этим именем понимали всю горную страну между верховьями Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, причем различали Первый, Средний и Внешний Буттем (очевидно, Гиссарский, Зеравшанский и Туркестанский кряжи); Зеравшан вытекал из Среднего[2], в местности Бургар, около границ Саганиана; здесь находился водоем Джен, похожий на озеро, вокруг которого были расположены селения[3]. От истоков реки до Самарканда считали от 20 до 30 фарсахов[4]. Очевидно, за главный исток принималась или Фан-Дарья, или даже один из менее значительных левых притоков. В селении Бургар в реку впадала речка, вытекавшая из области Месхи в Осрушане[5] (у Бабура[6] — река Месиха, или Месча, ныне Матча, главный исток Зеравшана). Несколько ниже находился город Бунджикет, т. е. Пянджикет; расстояние между этим городом и Самаркандом, по словам географов[7], было 9 фарсахов, по Сам'ани и Якуту[8] — всего 6; первое определение вернее[9]. Несколько ниже, в месте Варагсер (букв. 'Голова плотины'), в 4 фарсахах от Самарканда[10] была выстроена плотина и река разветвлялась на несколько рукавов. Самый длинный из них, Барш, протекал мимо Самарканда и, вероятно, тожествен с нынешним арыком Даргамом; из него вытекали городские арыки[11]; к югу от него находились арыки Бармиш (около 1 дня пути) и Башмин (самый короткий). Жители Варагсера должны были заботиться об исправности плотины и за это были освобождены от хараджа. Варагсер соответствует новому Рабат-и Ходжа; три канала впоследствии именовались Даргам, Аббас и Караунас (теперь Даргам, Янги-

[1] Последнее название употреблено в рукописи Туманского. <*Худуд ал-'алам*, лл. 23 б—25 а بتمان >.

[2] Истахри, 328.

[3] Там же, 319.

[4] Ибн Хаукаль, 370, 383.

[5] Там же, 383.

[6] *Бабур-наме*, изд. Ильминского, 118; изд. Бевериджа, л. 97; пер. Бевериджа, I, 149 и указатель под словом Macha; ср. изд. Бевериджа, л. 99, пер. Бевериджа, I, 152, где упоминается селение Аб-Бурдан с гробницей у источника. В этом селении была найдена очень старая деревянная колонна [см. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.)*, стр. 215].

[7] Истахри, 342.

[8] *Му'джам*, I, 744.

[9] Близ Пянджикета позднее упоминается селение Мугкеде-и Пянджикет — 'Здание огнепоклонников Пянджикета' (Вяткин, *Материалы*, стр. 25 <здесь: «Муткадаи-Панджкент». — *Ред.*>).

[10] Истахри, 342; так же у Сам'ани (рук. Аз. муз., л. 455; изд. Марголиуса, под словом الورغسرى).

[11] Термин *арык* ارغ и اريق) применяется специально к ирригационным каналам в Средней Азии.

арык и Казан-арык)[1]. Напротив Варагсера, в месте Губар, вытекали три арыка, именно Бузмаджен, Синаваб и Иштихан, орошавшие северные волости Самарканда. По самым большим протокам, именно по Баршу и Бармишу, было судоходство[2], вероятно только сплав, так как, по словам Макдиси, и тогда, как теперь, настоящее судоходство было возможно только по Аму-Дарье и Сыр-Дарье[3]. В общих чертах эта система орошения, несомненно, существовала еще до ислама, как видно из попытки наместника Асада б. Абдаллаха (в 735 или 736 г.) посредством устройства плотины в Варагсере лишить самаркандцев воды[4]. Рассказ Истахри показывает, однако, что арыки, протекавшие к югу от Самарканда, не отличались особенной длиной и что арык Монас, который, по словам Арандаренко[5], «нес огромное количество воды за Карши», в то время еще не существовал.

Самарканд по пространству и количеству населения всегда был первым городом Мавераннахра[6], даже в те века, когда, как при Саманидах, столицей государства была Бухара. Такое значение города объясняется прежде всего его географическим положением, в месте соединения главных торговых путей из Индии (через Балх), из Персии (через Мерв) и из владений тюрков; необыкновенное плодородие окрестностей города также делало возможным соединение в одном месте огромного количества людей. В древности Самарканд, впрочем, не отличался такой обширностью, как при Саманидах; по Курцию, внешняя стена города имела в окружности 70 стадиев (ок. 15 верст), по Сюань Цзану — даже только 20 ли[7] (ок. 7 верст). Некоторые местные предания о происхождении города сообщает Несефи[8]; по его словам, город во время нашествия Кутейбы (т. е. в начале VIII в.) существо-

[1] См., в частности, Бартольд, *Орошение,* стр. 104 и сл.; о Рабат-и Ходжа см. там же, стр. 116; *Бабур-наме,* изд. Бевериджа, л. 59; пер. Бевериджа, I, 97.

[2] Истахри, 319—321.

[3] Макдиси, 323.

[4] Табари, II, 1586.

[5] *Досуги,* стр. 270. Кроме этой книги, интересные сведения о запрудах на Зеравшане сообщает также г-н Н. Петровский (*Заметка,* стр. 490—493). Однако содержащиеся в этой статье сведения также весьма сомнительны; ср. Бартольд, *Орошение,* стр. 103.

[6] <Помимо литературы о Самарканде, цитируемой В. В. Бартольдом ниже, см. также следующие работы, изданные после выхода в свет первого русского издания «Туркестана»: Бартольд, *Отчет о поездке в Самарканд;* Вяткин, *Афрасиаб;* Вяткин, *Памятники;* Бартольд, сб. «Иран», т. II, стр. 181—185; Умняков, *Архитектурные памятники;* Якубовский, *Из истории археологического изучения Самарканда;* Шишкин, *Города Узбекистана;* Тереножкин, *Вопросы;* Тереножкин, *Раскопки на городище Афрасиабе;* Полупанов, *Архитектурные памятники;* Массон, *К периодизации. — Ред.*>

[7] Tomaschek, *Sogdiana,* S. 65. — *Ли* в то время равнялось только трети версты, тогда как теперь — половине версты.

[8] *Тексты,* стр. 48—49 (*Кандийа*).

вал уже 2250 лет, но были известны только 13 царей, правивших городом один за другим; вероятно, имеется в виду та династия, при которой произошло арабское завоевание. По одной легенде, основателем города или по крайней мере части его был Александр Македонский[1].

Древнейшее описание мусульманского Самарканда принадлежит Ибн ал-Факиху[2]. По его словам, Самарканд вместе с окрестностями, подобно Балху и Бухаре, был окружен стеной в 12 фарсахов с 12 воротами; ворота были выстроены из дерева и состояли из двух половинок; за каждыми воротами были еще другие, также двойные ворота; между первыми и вторыми воротами были жилища привратников. Арабский текст не вполне ясен (мы принимаем толкование де Гуе), но, по-видимому, указывает на существование двух рядов стен. Предместье (вероятно, город с предместьем) занимало пространство в 6000 джерибов[3], собственно город — 5000 джерибов, внутренний город[4] (шахристан) — 2500 джерибов; внутри последнего находились соборная мечеть и цитадель с дворцом правителя; цитадель имела двое железных ворот. Таким образом, в Самарканде, в отличие от Бухары, цитадель, как в некоторых других городах (например, в столице Осрушаны), входила в состав шахристана.

Историки дают нам очень скудные сведения о топографии Самарканда и о постепенном изменении ее. Табари[5] приписывает Абу Муслиму постройку стен города; по словам того же историка[6], мятежник Рафи' б. Лейс, осажденный полководцем Харсамой, занявшим уже

[1] Также см. у Истахри, 318; Ибн ал-Факих, 325.

[2] Ибн ал-Факих, 325—326; ср. также Якут, *Му'джам*, III, 134, где говорится только об одном внешнем (10 000 джерибов) и одном внутреннем (2500 джерибов) городе.

[3] В словаре *Тадж ал-'арус* (I, 179) сказано, что джериб заключал в себе 10 кафизов, по другому счету — всего 4 кафиза; подобно мерам длины и веса, эта мера в разных странах имела различную величину. О кафизе говорится (там же, IV, 70), что он заключал в себе 144 зира' (аршина), т. е., вероятно, равнялся квадрату этой меры (ср. аналогичное определение танапа: Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 113), или 2304 кв. саженям (несколько меньше десятины). В EI, I в статье *Djarib* говорится только, что величина джериба «варьировала в зависимости от местности и времени». Обычно джериб принимался на 3600 квадратных зира' (ср. Хорезми, *Мафатих*, 66). Согласно измерениям Херцфельда, зира'=51,8 *см* (DI, Bd IV, S. 199), т. е. немного более полуметра и несколько меньше русского аршина. Поэтому джериб должен быть несколько больше 900 *кв. м.* <По данным В. Хинца (Hinz, *Masse und Gewichte*, S. 65—66), в раннем средневековье канонический джериб равнялся 1952 *кв. м.*, а в позднем средневековье в Иране и сопредельных областях (не позднее чем с XV в.) — 958 *кв. м.*— *Ред.*>

[4] Вероятно, к этому городу, а не к городу в 5000 джерибов, как в тексте, должно быть отнесено известие, что город имел четверо ворот.

[5] Табари, III, 80.

[6] Там же, 775.

внешнюю стену, удалился во внутреннюю часть города (809 г.) и там держался еще целый год. По Я'куби[1], Самарканд был окружен большой стеной, которая пришла в разрушение и была восстановлена по приказанию Харуна ар-Рашида. Несефи[2] называет строителем внешних стен города Абу Ну'мана; вероятно, имеется в виду один из полумифических йеменских царей, которых авторы исторических сказаний привели в Самарканд, по-видимому, только благодаря имени одного из них, Шаммара. Абу Муслим, по словам Несефи, в 135/752-53 г. выстроил ворота, зубцы и сторожевые башни; длина всей стены была $7\frac{1}{2}$ фарсахов; Абу Муслим разделил ее на 360 участков. На каждые 200 гязов (аршин) была одна башня; так как Несефи считает в фарсахе 12 000 гязов, то всех башен, по этому счету, было 450. Высота стены была 4 гяза.

Географы X в.[3] описывают главным образом шахристан, который, как и в других городах, имел четверо ворот: на востоке — Китайские, на возвышенности, с которой по многим ступеням спускались к Зеравшану; на западе — Наубехарские, или Железные; на севере — Бухарские, или ворота Осрушаны; на юге — Кешские, или Большие. Стена шахристана, по-видимому, была выстроена еще в домусульманское время; для постройки ее пришлось употребить много глины, так что образовался большой ров; чтобы провести по этому рву воду в город, построили каменную плотину в месте «Медники» (ас-Саффарун). Вода входила в шахристан через Кешские ворота, в месте «Голова свода» (Рас ат-Так), где находились главные базары и где преимущественно сосредоточивалось население города. Еще в XII в. местность около Кешских ворот была одним из выдающихся самаркандских кварталов[4]. Арык был вырыт еще в домусульманское время и проходил над рвом стены; весь берег его был покрыт свинцом. Доход с участков земли, расположенных по берегам арыка, предназначался на поддержание его; работы по исправлению плотины составляли натуральную повинность самаркандских огнепоклонников, которые за это были освобождены от подушной подати.

По этим данным, конечно, очень трудно составить себе точное понятие о местоположении средневекового самаркандского шахристана, но теперь вполне установлено, что шахристан соответствует городищу, в настоящее время называемому Афрасиаб, к северу от нынешнего го-

---

[1] *Китāб ал-булдāн,* 293.

[2] *Тексты,* стр. 48—49 (Несефи, *Кандийа;* то же, пер. Вяткина, 242, 250).

[3] Истахри, 316—317; Ибн Хаукаль, 365—366; Макдиси, 278—279; Ибн ал-Факих, 322.

[4] Якут, *Му'джам,* I, 446 (из Сам'ани, см. рук. Аз. муз., л. 35; изд. Марголиуса, под словом البابكسى).

рода[1]. Вне шахристана находилась возвышенность, называемая Кухек ('Горка', ныне Чопан-Ата), которая, по Истахри[2], имела $^1/_2$ мили в длину и непосредственно подходила к городским стенам; оттуда брали камни для городских построек и глину для выделки сосудов и других предметов. От Китайских ворот дорога спускалась к реке, очевидно для того, чтобы перейти через существовавший в то время мост, который у Ибн Хаукаля[3] носит название Джирд. Остатки более позднего моста видны до сих пор (однако они находятся на некотором расстоянии от Афрасиаба); народное предание приписывает постройку моста, как и все прочие постройки в стране, Тимуру или Абдулле бухарскому, но в действительности он был построен Шейбани-ханом в начале XVI в.[4]. Глубина реки под мостом равнялась 2 камам (мера, соответствующая человеческому росту); во время таяния снега в горах вода по временам поднималась выше моста и жители Самарканда не могли остановить наводнения. Другой, меньший мост упоминается у историка Утби[5]. Из слов Сам'ани мы знаем, что мост примыкал к кварталу Гатфер, находившемуся «в самом городе», который в XII в. почти соответствовал нынешнему городу[6].

Наубехарские ворота находились на западной стороне Афрасиаба: нынешнее кладбище Сенгресан находится вблизи этих ворот[7]. Цитадель, как показывают развалины, находилась в северной части Афрасиаба. «Цитадель», о которой говорит Хафиз-и Абру как о разрушенной Чингиз-ханом[8], означает не только цитадель X в., но всю площадь Афрасиаба (ср. ниже рассказ Джувейни о монгольском завоевании). Бухарские ворота были на северной стороне, Кешские ворота на южной стороне Афрасиаба. Очень населенный городской квартал, называемый Рас ат-Так (географами X в.) или Дервазе-и Кеш (у Сам'ани), был расположен на территории нынешнего города, в северной части его. Что местность около Кешских ворот входила в состав города еще до ислама, подтверждается рассказом Истахри о железной

---

[1] См. Бартольд, *Орошение*, стр. 106 и сл.

[2] Истахри, 318.

[3] Ибн Хаукаль, 371.

[4] См. отчет о моем путешествии в Туркестан в 1916 г. <*Отчет о командировке в Туркестанский край*>, стр. 1239 и сл.

[5] Нершахи, изд. Шефера, 217; Утби — Манини, I, 323 (قنطرة كوهك).

[6] Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом الغاتفرى (относительно вокализации см. там же, под словом الرستغفرى). Этот квартал был расположен близ нынешнего города; см. Вяткин, *Материалы*, стр. 19.

[7] Близ этих же ворот, в самом городе, были обнаружены остатки (еще не раскопанные) старинного сооружения; ср. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестанский край*, стр. 1241.

[8] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 14, 16.

плите с непонятными письменами, которую он видел на этих воротах. Жители утверждали, что надпись была на химьяритском языке и что содержание ее передавалось из поколения в поколение; в ней было определено расстояние между Сан'а, столицей Йемена, и Самаркандом, также между некоторыми другими пунктами[1]. Такое объяснение надписи, очевидно, находится в связи с упомянутыми фантастическими легендами о походах йеменских царей на Самарканд; но остается факт, что в X в. на Кешских воротах была плита с надписью, непонятной для самих жителей. Во время пребывания Истахри в Самарканде ворота были разрушены мятежниками; впоследствии их вновь выстроил из железа наместник города Абу-л-Музаффар Мухаммед б. Локман б. Наср б. Ахмед б. Асад (троюродный брат эмира Насра), причем надпись, конечно, не была восстановлена.

Внешняя стена города описывается у Истахри[2] в следующих словах: «Согдийская река протекает между рабадом и городом (шахристаном); стена тянется за рекой, от места, известного под названием Афшина, мимо ворот Кухек, потом последовательно обходит Варснин, ворота Фенек, ворота Ривдад, ворота Фаррухшид и ворота Гадавад; потом тянется до реки, которая служит для рабада как бы рвом с северной стороны. Длина каждой стороны стен, окружающих самаркандский рабад,— 2 фарсаха». Здесь, конечно, налицо противоречие. Если бы река протекала между шахристаном и рабадом, она не могла бы служить «как бы рвом для рабада с северной стороны». В другом месте у Истахри[3] и у Макдиси[4] говорится, что ворот всего было восемь: Гадавад, Исбиск, Сухашин, Афшина, Варснин, Кухек, Ривдад и Фаррухшид. Ворота Фенек здесь не упоминаются, так что они тожественны или с воротами Исбиск, или с воротами Сухашин. Фенек упоминается у Сам'ани и Якута[5] в качестве селения в окрестностях Самарканда, на расстоянии $^1/_2$ фарсаха от города. Гадавад был кварталом в окрестностях Самарканда, на расстоянии 1 фарсаха[6]; Исбискет (у Якута Исбаскет) — селением в 2 фарсахах от Самарканда[7]; Варснин,

[1] Надпись полнее, чем у Истахри, приводится у Ибн ал-Факиха (326) и у Якута (*Му'джам*, III, 136) со слов известного филолога Асма'и (о нем см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 104). Было высказано предположение (Э. Блоше), что надпись была сделана орхонским шрифтом, который имеет некоторое сходство с химьяритским, однако арабы называли *химйарй* или *муснад* почти все неизвестные им шрифты; ср. ЗВОРАО, XII, стр. XXIV и сл.

[2] Истахри, 317.

[3] Там же, 318.

[4] Макдиси, 278.

[5] *Му'джам*, III, 920.

[6] Там же, 776. Сам'ани пишет غُذَاوَذ — Гузаваз.

[7] Якут, *Му'джам*, I, 238.

или Варснан, — одним из самаркандских кварталов[1]. Селение Ривдад, как мы увидим дальше, находилось к югу от города, на расстоянии 1 фарсаха. В X в. все ворота рабада были разрушены по приказанию саманидского правительства, вследствие мятежного настроения жителей[2]. На краю селения Фаррухшид, вне стены, была гробница Ходжи Абди Бирун ('внешний Ходжа Абди'), которую показывают еще и теперь; другая гробница, внутри стены, называется Ходжа Абди Дарун ('внутренний Ходжа Абди')[3]. При Ханыкове[4] еще существовали развалины западной стороны старых стен Самарканда, в 4 верстах к западу от нынешнего города. У Дженнаби[5] упоминаются развалины стен старого города, расположенные еще дальше на запад, на расстоянии полдня пути от Самарканда; Тимур построил здесь город Димешк (теперь селение Ангарской волости). Это известие относится к стене рабада, остатки которой видны даже в настоящее время и исследовались Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в 1903 г. Стена называется Дивар-и Киямат или Кундаланг, имеет около 40 верст в длину и охватывает площадь около 10 000 десятин[6].

Количество населения, конечно, не соответствовало нашим понятиям о таком городе; значительная часть пространства была занята садами; сад был почти при каждом доме; когда смотрели на город с вершины цитадели, то за деревьями садов не было видно зданий[7]. Статистических данных о числе жителей Самарканда мы, конечно, не имеем; по словам Чан-чуня[8], в городе перед нашествием Чингиз-хана считалось до 100 000 семейств. Если принять во внимание, что город за несколько лет перед тем подвергся погрому со стороны хорезмшаха и что эпоха Караханидов вообще была эпохой упадка культуры, следовательно и городской жизни, то можно без преувеличения предположить, что в саманидском Самарканде было более 500 000 жителей.

Широкое развитие садоводства, о котором говорит Истахри, требовало значительного развития искусственного орошения. Географы X в., к сожалению, не дают нам подробных сведений о самаркандских арыках; некоторые сведения, впрочем очень неясные, мы находим у

---

[1] Там же, IV, 921.

[2] Ибн Хаукаль, 367.

[3] Ср. Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина, 279.

[4] Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 100 и 106; здесь стена названа «Дивуали-Киомят» (т. е. Дивал-и — или Дивар-и — Киямат).

[5] *Та'рӣх*, стр. 452. Источником для Дженнаби служил Ибн Арабшах (*'Аджа'иб алмақдӯр*, каирск. изд., 17).

[6] Вяткин, *Материалы*, стр. 21; Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина, 277 и сл. <Размеры стены — по В. Вяткину; в англ. изд. соответственно: 27 миль и 44 кв. мили. — *Ред.*>

[7] Истахри, 317.

[8] Пер. Кафарова, 311; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 78.

Несефи[1]. По его словам, река входила в город через западные (?) ворота и разделялась на четыре протока, каждый проток потом еще на две ветви, так что всех арыков было восемь. Четыре протока были: Джакердиза, Музахин, Искендергам, Асенгин и Сенгресан; последние два названия, по-видимому, означают две ветви одного и того же протока. Пространство орошенных ими участков земли определено в *хаблях;* каждый хабль составляет 60 зира'[2]; всего в Самарканде вместе с окрестностями считалось 14 600 хаблей (по другой рукописи — только 4600) и 670 (или 680) плотин. Из них арык Джакердиза, которым орошался шахристан и который тожествен с упомянутым у Истахри и Макдиси арыком домусульманского происхождения, орошал 1067 хаблей; его длина была 17 240 гязов; на нем было 59 плотин. Арык Музахин, или Маздахин, разделялся на 45 ветвей и орошал 2900 хаблей или 2750 (по другой рукописи — 2785) *джифтов* (джифт — пространство земли, которое можно обработать в один день[3] парой быков, как лат. jugum); арык Искендергам — 1486 джифтов; арыки Асенгин и Сенгресан — 275 джифтов. По этому счету, общее число хаблей земли должно быть значительно выше 4600 и в то же время далеко не достигает 14 600. Все эти каналы снабжали водой только самый город и его окрестности с запада и с юга; окрестности с севера и востока, по-видимому, орошались, как и теперь, только каналами, отведенными из ручьев, таких, как Сияб (Сиях-аб, или по-тюркски Кара-су 'Черная вода') или Аб-и Рахмат, упоминаемый Бабуром[4]. Под Вади-с-Сугд Истахри, видимо, понимал не только Зеравшан, но также и Сияб, ибо только так можно объяснить упомянутое противоречие. В XIII в. Чанчунь[5] говорит только о двух протоках, проведенных в город; но и тогда, как в X в., вода была проведена почти в каждый дом.

Название Джакердиза в XII в. носил один из самаркандских кварталов, где было кладбище, служившее местом погребения улемов и вельмож[6]. Кроме уже упомянутых, мы знаем еще следующие названия

---

[1] *Тексты,* стр. 49—50 *(Кандийа);* ср. перевод и комментарии Вяткина: Несефи, *Кандийа,* пер. Вяткина, 252 и сл., 287 и сл., также Бартольд, *Орошение,* стр. 108.

[2] Le Strange, *Baghdad,* p. 326.

[3] <Правильно: в один сезон. — *Ред.*>

[4] *Бабур-наме,* изд. Бевериджа, л. 48; пер. Бевериджа, I, 81.

[5] Пер. Кафарова, 311; Bretschneider, *Researches,* vol. I, p. 77 sq.

[6] Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом الجاكرديزى, где следующие слова (приведенные в моих *Текстах,* стр. 55, по рук. Аз. муз.) опущены بها مقبرة كبيرة مشهورة للعلما والكبار. Кладбище существует и теперь и расположено к юго-востоку от нынешнего туземного города (*Бабур-наме,* извлеч. в пер. Вяткина, 31, 32). Сам'ани (изд. Марголиуса, под словом السويخى) помещает кладбище рядом с «Воротами мазара», подразумевая, по-видимому, мазар Кусама б. Аббаса.

самаркандских кварталов (махалля): 1) Асфизар в шахристане, с дворцом Саманидов [1]; 2) Баб-Дестан [2], с которым был соединен обширный квартал Уштабдиза; 3) Пянджхин [3] (большой квартал); 4) Загримаш [4] (большой квартал); 5) Сенгдиза [5] (по-персидски), или Радрада (по-арабски, букв. 'Мелкие камни'); 6) Ферзамитан [6] (в рабаде); 7) Фагидиза [7]; 8) Канван [8]; 9) Матурид (или Матурит) в рабаде [9] — ныне селение Матрид к северо-западу от города, дачное место для зажиточных горожан [10]; 10) Гурджмин (или Керджумин?), с дворцом Тамгач-хана Ибрахима б. ал-Хусейна [11]; 11) Кибаб [12]. Квартал Варснин носил также название Яркет [13]. Сам'ани [14], кроме того, приводит названия трех улиц, именно улицы Абдек и улицы Салиха (в квартале Гатфер) и улицы стены Хайяна.

Из отдельных зданий города упоминаются: 1) старый дворец арабских эмиров в цитадели; при Истахри [15] дворец еще был в целости, но уже Ибн Хаукаль [16] нашел его в разрушенном состоянии; 2) тюрьма,

---

[1] Ибн Хаукаль, 366.

[2] Якут, *Му'джам*, I, 275, 444; Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом الاشتابديزكى

[3] Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом البنجخينى; Якут, *Му'джам*, I, 743.

[4] Якут, *Му'джам*, II, 931; *Тексты*, стр. 58 (Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом الزغريماشى).

[5] Якут, *Му'джам*, II, 789; III, 162, 168.

[6] Там же, III, 872; Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом الفرزاميثنى.

[7] Якут, *Му'джам*, III, 904 (где дается чтение فَغَنْدَرَة); Сам'али, изд. Марголиуса, под словом الفغيدزى.

[8] Якут, *Му'джам*, IV, 313 <в русск. изд. 1909 г., стр. 93: Кенун. — *Ред.*>

[9] *Тексты*, стр. 66 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الماترپتى); упомянут Якутом (*Му'джам*, IV, 378) под неправильным написанием ماتيرب.

[10] Арандаренко, *Досуги*, стр. 653. Матурид был родиной знаменитого богослова Абу Мансура ал-Матуриди, умершего около 333/944 г. (Brockelmann, GAL, Bd I, S. 195). Его могилу до сих пор показывают в Джакердизе. Ср. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.)*, стр. 215 и сл.

[11] *Тексты*, стр. 87 (Ауфи) <в русск. изд. 1900 г.: «Ибрагима б. Насра». — *Ред.*>

[12] Якут, *Му'джам*, IV, 25 (араб. قباب — мн. ч. от قبّة 'купол' или 'шатер').

[13] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 466: ياركث محلة من سمرقند يقال لها ورسنين; то же, изд. Марголиуса, под словом الياركثى.

[14] *Тексты*, стр. 58 [Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 209; изд. Марголиуса, под словами الزغريماشى и الساغرجى (чтение عاهر в изд. Марголиуса ошибка, вместо غاتفر)]; Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом المربّعى упоминает также четырехугольную площадь (المربّعة) в Самарканде.

[15] Истахри, 316.

[16] Ибн Хаукаль, 365.

также в цитадели; она упоминается уже у Истахри, хотя Ибн Хаукаль говорит, что она была выстроена только в его время; 3) соборная мечеть, в шахристане, около цитадели; между ней и цитаделью проходила большая дорога[1]; местоположение этой мечети, к западу от цитадели в Афрасиабе, было установлено Вяткиным и мною в 1904—1905 гг.[2]; 4) замок Рафи' б. Лейса[3]. Улицы города, за немногими исключениями, имели каменную мостовую; постройки, как и теперь, большею частью были возведены из глины и дерева. Базары большею частью находились в рабаде, преимущественно около Кешских ворот[4]. В городе и в рабаде было до 2000 мест, где можно было получить даром воду со льдом; средства для этого были пожертвованы благотворителями; вода содержалась в фонтанах или подавалась в медных кувшинах и глиняных сосудах[5]. Замечательны еще слова Ибн Хаукаля[6] о каких-то изображениях животных, стоявших на самаркандских площадях (вопреки основным постановлениям ислама): «Из кипариса вырезаны удивительные изображения лошадей, быков, верблюдов и диких коз; они стоят одно против другого, будто осматривают друг друга и хотят вступить в бой или в состязание».

Среди святынь города первое место всегда занимала гробница Кусама б. Аббаса. Об этом двоюродном брате пророка, который будто бы пришел в Самарканд в 56/676 г. вместе с Са'идом б. Османом[7], мы у самих арабов находим противоречивые известия; по одним, он был убит, по другим — умер естественной смертью[8]; по некоторым известиям, он даже умер не в Самарканде, а в Мерве[9]. Мнимая или действительная могила Кусама при его родственниках Аббасидах, вероятно не без их участия, сделалась предметом культа мусульман; в народе Кусам теперь известен под прозванием Шах-зинде ('Живой царь'); существует легенда, по которой он не был убит, но, спасаясь от неверных, вошел в скалу, которая перед ним чудесным образом открылась

[1] Истахри, 317.

[2] См. Бартольд, *Поездка в Самарканд*, стр. XXXIV и сл.; Бартольд, *Отчет о поездке в Самарканд*, стр. 21 и сл.; Вяткин, *Отчет о раскопках на Афрасиабе*, стр. 22 и сл. Глубокими раскопками должны быть найдены остатки языческого храма, находившегося на этой площади; ср. *Тексты*, стр. 49 (Несефи); Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина, 250.

[3] *Тексты*, стр. 64 (Сам'ани; изд. Марголиуса, л. 456 а, под словом القصرى).

[4] Истахри, 317—319.

[5] Там же, 290; Ибн Хаукаль, 339.

[6] Ибн Хаукаль, 365.

[7] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, III, 425. Табари в рассказе о походе Са'ида (II, 179) не упоминает о Кусаме, но говорит о нем в своем другом сочинении (приложенном к изданию его хроники; см. Табари, III, 2352, внизу).

[8] Балазури, 412.

[9] Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 298; Нершахи, изд. Шефера, 39.

и потом снова закрылась[1]. Уже при Бабуре[2] могила носила название Мазар-и Шах ('Могила царя'); очень возможно, что здесь еще до ислама была какая-нибудь могила, почитавшаяся туземцами, и что культ этой могилы был перенесен на мусульманского святого. Уже в XII в., как теперь, около могилы Кусама хоронили лиц, пользовавшихся особенным уважением; упоминается также медресе имени Кусама[3]. Подробное описание гробницы впервые дает Ибн Баттута[4]; из этого описания видно, что в дотимуровское время здесь было здание, по своему великолепию значительно превосходившее нынешний мавзолей. Постройку здания Ибн Баттута относит к домонгольскому времени; по его словам, татары, когда еще были язычниками, не только не причинили вреда святыне, но даже стали оказывать ей уважение, когда увидели совершавшиеся там чудеса. Гробница описывается в следующих словах: «Вне Самарканда находится могила Кусама б. Аббаса б. Абд ал-Мутталиба; жители Самарканда выходят сюда в ночь на каждый понедельник и пятницу для посещения могилы. Татары [также] приходят для посещения ее, дают ей великие обеты и подносят ей коров, баранов, дирхемы и динары; все это идет в пользу посетителей и служителей гостиницы[5] и благословенной гробницы; над ней возведено четырехугольное здание с куполом; у каждого угла стоят две мраморных колонны; мрамор зеленого, черного, белого и красного цвета. Стены здания [также] выстроены из разноцветного мрамора с золотыми орнаментами (или надписями); крыша сделана из свинца. Гробница покрыта черным деревом, украшенным драгоценными камнями; углы ее обиты серебром; над ней горят три серебряных светильника. Покрывало купола сделано из шерсти и хлопчатой бумаги. Вне здания течет большой арык, прорезывающий находящуюся там гостиницу; по обоим

---

[1] Эта легенда рассказана в книге *Кандийа* (см. выше, стр. 61) в части, не переведенной В. Вяткиным. Ту же легенду из другого источника, в переводе, приводит В. Вяткин в СКСО <*Самаркандские легенды*>, стр. 230 и сл. Другие легенды приведены г-ном Лапиным в СКСО на 1896 г. <Лапин, *Шахи-зинда*>, стр. 40—41.

[2] *Бабур-наме*, изд. Ильминского, 55; изд. Бевериджа, л. 44 б; пер. Бевериджа, I, 75 (где упомянут уже Шах-и зинде); извлеч. в пер. Вяткина, 31.

[3] *Тексты*, стр. 65 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الكشانى). Г-н Лапин, ссылаясь на «Историю Нишапура» Абу Абдаллаха, приводит известие, по которому строителем медресе был султан Синджар. В действительности это сообщение взято из нового источника — *Самарии* Абу Тахира-ходжи, изданного Веселовским в 1904 г. (см. стр. 22) и переведенного Вяткиным в СКСО, вып. VI (стр. 175 и сл.); ср. мою рецензию <на СКСО, вып. VI> в ЗВОРАО, т. XII, стр. 0122 и сл.

[4] Ибн Баттута, III, 52—54. О чтении имени Ибн Баттута см. Fischer, *Baṭṭūṭa*, S. 289.

[5] Слово الزاوية означает келью и странноприимный дом; здесь оно, очевидно, употреблено в последнем значении или, может быть, в значении 'медресе'.

берегам его растут деревья, виноградные лозы и жасмин; в гостинице устроены жилища для посетителей».

В Самаркандской области считалось двенадцать волостей[1] (рустаков), шесть к югу от Зеравшана (Бунджикет, или Пянджикет, Варагсер, Маймург, Санджарфеган, Даргам и Абгар) и шесть к северу (Яркет, Бурнемед, Бузмаджен, Кебуданджакет, Ведар и Марзбан). Волости перечисляются в порядке от востока к западу; некоторые из них, как Маймург (в состав которого прежде входили также Варагсер и Санджарфеган), Кебуданджакет[2] и Абгар[3], в домусульманское время составляли особые владения. Волости Варагсер, Маймург, Санджарфеган[4] и Даргам орошались арыками, вытекавшими из Варагсера; волость Даргам считалась особенно плодородной и славилась своими виноградниками[5]. Все орошенное пространство от Варагсера до западных границ Даргама занимало 10 фарсахов в длину и 4 фарсаха в ширину. В Абгаре (ныне Чашмаобская волость) искусственного орошения не было; преобладали пастбища и богарные пашни, дававшие, однако, большие урожаи (сам-сто и больше); селений было больше, чем в других волостях. Ибн Хаукаля уверяли, что в урожайный год произведения абгарских полей могут прокормить все население Согда[6]. Волость простиралась на 2 дня пути; иногда отдельное селение занимало пространство в 2 фарсаха. В 2 днях пути ниже Самарканда на южном берегу от реки отделялся арык Пай, или Фай[7], тянувшийся на 2 дня пути; орошенная им местность считалась самой плодородной и населенной частью Согда. Фай также некогда составлял особое владение[8]. Крупных городов, кроме Самарканда, в волостях к югу от Зеравшана не было; соборная мечеть была только в Пянджикете;

---

[1] Истахри, 320—323; Ибн Хаукаль, 369—373.

[2] Tomaschek, *Sogdiana,* S. 79—87; см. также: Marquart, *Die Chronologie,* S. 56 sq.; Chavannes, *Documents,* p. 134 sq.

[3] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, V, 68.

[4] Название Санджарфеган сохранилось в нынешнем Занджирбаг, селении на правом берегу Янги-арыка; ср. *Вакф-наме* (XVI в.), рук. Аз. муз., лл. 38а и 67б; см. также Вяткин, *Материалы,* стр. 38. <В англ. изд. 1928 г., стр. 93, это примечание ошибочно помещено ниже, после слов «4 фарсаха в ширину». — *Ред.*>

[5] Даргам уже упоминается как река *(вади)* в стихах, цитованных у Якута (*Му'джам,* II, 568).

[6] По Макдиси (279), все население Согда и Бухары в течение двух лет.

[7] Следует читать فنّى не, قنّى, как то удостоверяется новым наименованием Нарпай = Нахр-и Пай; ср. Бартольд, *Орошение,* стр. 117. <В русск. изд. 1900 г., стр. 96: «Кий или Кай». — *Ред.*> Объяснение, предложенное Марквартом (*Die Chronologie,* S. 60; *Komanen,* S. 197), следовательно, ошибочно.

[8] Marquart, *Die Chronologie,* S. 60 (из Табари, II, 1422), где упоминается князь (мелик) Файя.

в окрестностях города было много плодовых деревьев; по количеству плодов, особенно миндаля и орехов, Пянджикетская волость занимала первое место. В Маймурге было особенно много замков; здесь же, в Ривдаде, главном селении этой волости, находились замки самих ихшидов, т. е. домусульманских владетелей Согда [1]. По Сам'ани [2], Ривдад находился всего на расстоянии 1 фарсаха от Самарканда; в XII в. здесь в известное время года был военный лагерь. Самаркандская область простиралась на юг до гор Шавдар, составлявших особую волость, в которой, между прочим, было несторианское селение Вазкерд, упомянутое уже у Истахри и подробно описанное Ибн Хаукалем; может быть, оно тожественно с упомянутым у Сам'ани [3] селением Вазд, или Визд, в Шавдаре, в 4 фарсахах от Самарканда. Волость простиралась более чем на 10 фарсахов и считалась одной из самых здоровых и красивых местностей; несториане имели здесь церковь и кельи; Ибн Хаукаль видел там много месопотамских христиан, приехавших сюда для того, чтобы пользоваться уединением и здоровым воздухом. Вяткин отожествляет это христианское селение с нынешним селением Кингир в районе Ургута [4].

Что касается северных волостей, то две из них, именно Яркет и Бурнемед, находились на границе со следующей областью, Осрушаной; вода Зеравшана сюда не проникала; пашни орошались водой источников и атмосферной водой. У Сам'ани [5] Яркет уже причисляется к Осрушане; Якут [6] причисляет к Осрушане также Бурнемед. Бурнемед находился в 4 фарсахах от Замина, на главной дороге из Самарканда [7]. Волость Бузмаджен орошалась арыком того же имени; главный город ее, Баркет, или Абаркет [8], находился на главной дороге из Самарканда к Сыр-Дарье, в 4 фарсахах от первого [9]; по Сам'ани и Якуту, город также входил некоторое время в состав Осрушаны [10]. Через во-

---

[1] Макдиси, 279

[2] *Тексты,* стр. 58 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الريوددى).

[3] *Тексты,* стр. 68 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الوازدى).

[4] *К исторической географии,* стр. 159 и сл.; *Материалы,* стр. 37. Северо-западнее Ургута, близ селения Суфиян, были найдены христианские граффити с изображением креста и сирийскими письменами. Ср. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.),* стр. 215.

[5] Якут, *Му'джам,* IV, 1001; Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом الباركثى.

[6] *Му'джам,* I, 755.

[7] Ибн Хордадбех, 27; Кудама, 203.

[8] Макдиси, 279.

[9] Истахри, 334, 342.

[10] Якут, *Му'джам,* I, 464; Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 38; изд. Марголиуса, под словом الباركثى (в факсимиле по ошибке الاباركثى и ниже اباركث). Баркет был на том месте, где Тимур построил селение Шираз; см. Бартольд, *Орошение,* стр. 111.

лость Ведар проходил арык Синаваб, доходивший до Иштихана; волости Кебуданджакет и Марзбан орошались особым арыком, вытекавшим из реки напротив Самарканда. Города Кебуданджакет и Ведар находились каждый на расстоянии 2 фарсахов от Самарканда[1]. Томашек[2] сближает Кебуданджакет с нынешним селением Губдан, или Губдун[3]. Город Ведар, как и некоторые селения этой волости, был средоточием арабского населения области; эти арабы принадлежали к племени Бекр б. Ваиль, но называли себя суба'ийцами, очевидно, по имени Абу Музахима Суба' б. ан-Надра ас-Суккари, строителя местной соборной мечети, умершего в джумада I 269/ в конце 882 г.[4]. При Ибн Хаукале был уже заметен упадок арабского поселения, но существовали еще остатки прежнего величия. Гробницу Суба' б. ан-Надра посетил еще Сам'ани. В Ведаре выделывались хлопчатобумажные ткани, пользовавшиеся большой известностью и высоко ценившиеся даже в Ираке; о них с большой похвалой говорит Ибн Хаукаль[5]. Волость Марзбан получила свое название от Марзбана б. Тюргеша[6], владетеля этой волости, который вместе с другими согдийскими дихканами был призван ко двору халифа.

К северо-западу от Самарканда находились волости Иштихан и Кушания[7], составлявшие особую административную единицу и потому не причислявшиеся к самаркандским волостям. От Самарканда до Иштихана считали 7 фарсахов, от Иштихана до Кушании — 1 переход или 5 фарсахов[8]; Сам'ани и Якут[9] также считают от Самарканда до Кушании 12 фарсахов. Иштиханский арык, как мы видели, вытекал из Зеравшана еще в Губаре. Селение Иштихан, как известно, существует и теперь; в X в. Иштихан был значительным городом, состоявшим из шахристана, цитадели и рабада. В VIII в., после занятия Самарканда

---

[1] Истахри, 342. По Сам'ани (*Тексты*, стр. 68; изд. Марголиуса, под словом الوذارى) и Якуту (*Му'джам*, IV, 916), от Самарканда до Ведара было 4 фарсаха. По Сам'ани, там была крепость (حصن), соборная мечеть и минарет.

[2] Tomaschek, *Sogdiana*, S. 85.

[3] Селение Кебуд, ныне Беш-арык (Вяткин, *Материалы*, стр. 70), упоминается у Бабура (*Бабур-наме*, изд. Бевериджа, л. 59 б; пер. Бевериджа, I, 98) вместе с Ширазом.

[4] *Тексты*, стр. 69 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الـــوذارى). Цифра 209 у Якута (*Му'джам*, IV, 917) ошибочна, так как, по Сам'ани, Абу Музахим только в 233 г. х. возвратился на родину из Ирака.

[5] Ибн Хаукаль, 403.

[6] Он упоминается среди обвинителей знаменитого Афшина во время процесса последнего (225/840 г.). Ср. Табари, III, 1310, 1312; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VI, 365—366.

[7] Истахри, 323; Ибн Хаукаль, 374—375; Макдиси, 279—280.

[8] Истахри, 342; Ибн Хаукаль, 403.

[9] *Му'джам*, IV, 276; *Тексты*, стр. 65 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الكشانى).

арабами, согдийские ихшиды перенесли сюда свою столицу[1]. Доходы с иштиханских базаров и некоторых селений принадлежали упоминаемому в истории халифов полководцу Уджейфу б. Анбасе[2]; халиф Му'тасим конфисковал их; халиф Му'тамид (870—892) предоставил эти доходы владетелю Хорасана Мухаммеду б. Тахиру (862—873). Иштиханская волость простиралась на 5 дней пути в длину и 1 день в ширину; северо-восточную границу ее составляли горы Сагардж; по Сам'ани и Якуту[3], так называлось также селение в окрестностях Иштихана, в 5 фарсахах от Самарканда. В той же местности был расположен город Афаринкет, или Фаранкет, современный Фринкент, или Принкент, построенный в VII в. Афаруном, братом Гурека, государя Самарканда[4]. Кушанийская волость по ширине равнялась Иштиханской (Макдиси определяет ширину ее даже в 2 дня пути), по длине значительно уступала ей (только 2 перехода). Город Кушания считался самым цветущим в Согде (конечно, после Самарканда); Истахри называет его «сердцем согдийских городов». Кушания в домусульманскую эпоху составляла особое владение[5]; титул *кушан-шах* упоминается еще у Табари[6]. По Ибн Хордадбеху[7], кушан-шахом некогда назывался владетель всего Мавераннахра; вероятно, это известие относится ко времени господства юечжийцев, или кушанов; название кушанов перешло также к следующим владетелям страны, хайталам, или эфталитам[8]. Истахри[9] указывает расстояние от Иштихана и Кушании до городов, расположенных на главной дороге из Самарканда в Бухару: от Иштихана до Зермана был 1 фарсах и от Кушании до Ребинджана, или Арбинджана, — 2 фарсаха.

[1] См. мою статью *Die alttürkischen Inschriften*, S. 21—22.

[2] Полководец халифов Мамуна и Му'тасима, в 192/808 г. изменивший Рафи' б. Лейсу и перешедший на службу к халифу (Табари, III, 732; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VI, 142); был убит по приказанию Му'тасима в 223/838 г. (Табари, III, 1265—1266; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VI, 349).

[3] *Му'джам*, III, 11.

[4] Ср. *Фихрист*, 1, 18; *Тексты*, стр. 48 (Несефи, *Кандийа;* пер. Вяткина, 241); Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 9. Даже в XVII в. Афаринкент был резиденцией хакима или бека, и только впоследствии резиденция была перенесена в Дахбид. Жители обоих селений — иранцы (таджики); в Афаринкенте есть также некоторое количество арабов (Вяткин, *Материалы*, 57 и сл.).

[5] Tomaschek, *Sogdiana*, S. 89—99. [6] Marquart, *Die Chronologie*, S. 59.

[7] Ибн Хордадбех, 40. — Итак, Томашек, по-видимому, основательно считает Кушанию столицей кушанов.

[8] Согласно китайским историкам, в Кушании было здание с живописными изображениями государей Китая, тюрков, Персии, Рима и индийских брахманов (Chavannes, *Documents*, p. 145). Теперь эта местность называется Кашан-Ата (Вяткин, *Материалы*, стр. 49).

[9] Истахри, 343; Хафиз-и Абру (Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 21) приводит также расстояние от Кушании до Дабусии (5 фарсахов).

Дорога между Самаркандом и Бухарой, или «царская дорога» (*шāх-рāх*) [1], соединявшая между собой главные города Мавераннахра, всегда имела большое значение. От Самарканда до Бухары считали 37 или 39 фарсахов и 6 или 7 дней пути [2]. Первым селением на этом пути был Зерман, на расстоянии 7 фарсахов от Самарканда; селение упоминается еще в VIII в. [3]; по-видимому, оно находилось на месте нынешнего Чимбая [4]. Между Самаркандом и Зерманом, в 2 фарсахах от первого, находился замок Алкамы [5]. Следующий город, Ребинджан, или Арбинджан, в 5 или 6 фарсахах от Зермана, также упоминается еще в VIII в. [6]; по-видимому, он находился несколько западнее нынешнего Катта-Кургана, недалеко от Зирабулакских высот. В XII в. город был разрушен во время нашествия хорезмшаха Иль-Арслана [7] (1158 г.). С Арбинджаном и его окрестностями [8], судя по расстояниям, тожественна упомянутая выше (стр. 144) местность Пай, или Фай, орошенная арыком того же имени. Такой же древностью отличались следующие главные станции на этом пути, именно Дабусия, Керминия и Тававис. Название Дабусии (5 фарсахов от Ребинджана) сохранилось в названии развалин Кала-и Дабус, несколько восточнее селения Зия ад-дин; в состав древней Дабусии, вероятно, входил и примыкающий к развалинам курган Кала-и Зия ад-дин, резиденция местного правителя. По словам осмотревшего развалины Н. Ф. Ситняковского [9], «огромное кладбище может подтвердить, что тут был действительно город». Постройку крепости в XV в. (вероятно, ошибочно) приписывали Джелаль

[1] Этот термин употреблен у Нершахи (изд. Шефера, 11).

[2] Истахри, 334; Ибн ал-Факих, 325; Ибн Хордадбех, 26; Кудама, 203.

[3] Табари, II, 1529.

[4] Ныне Зерман — очень маленькое селение (Вяткин, *Материалы,* стр. 76).

[5] Кёшк-и Алкама ('Замок Алкамы') или Имам Ата-и Алкама — до сих пор название селения в 16 верстах от Самарканда, на большой дороге в Бухару (Вяткин, *Материалы,* стр. 55; Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 254).

[6] Табари, II, 1249.

[7] *Тексты,* стр. 58 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الربنجني).

[8] Канал Нарпай даже в наши дни — единственный источник орошения для района Катта-Кургана. Ханыков (*Описание Бухарского ханства,* стр. 35) думает, что это не искусственно прорытый канал, а природный рукав реки. Если бы это был искусственный канал, то он мог бы быть проведен в эпоху после Александра Македонского, когда Мараканда (Самарканд) была разрушена и политический центр бассейна Зеравшана, как нам сообщают китайцы, со II в. до н. э. был в районе нынешнего Катта-Кургана. Самарканд не упоминается китайскими авторами ранее V в. н. э. Близ Зирабулака теперь находится холм Рамджан, или Рамиджан-тепе, как раз на прежней (до 1914 г.) границе между Россией и Бухарой; ср. Вяткин, *Материалы,* стр. 55; Поспелов, *Материалы,* стр. 108.

[9] *Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.,* стр. 92. Развалины вновь посетил и описал очень подробно покойный Л. Зимин в 1915 г. (напечатано в 1917 г.: см. Зимин, *Кала-и-Дабус).*

ад-дину, последнему хорезмшаху[1]. В 5 фарсахах от Дабусии находилась Керминия, ныне Кермине; от Бухары до Керминии Нершахи считает 14, Сам'ани и Якут[2] — 18 фарсахов. По местному преданию, приведенному у Нершахи, город первоначально назывался Бадия-и хурдек (букв. 'Кувшинчик'); по неудачной этимологии одного из местных грамотеев XII в., приведенной у Сам'ани, он получил свое новое название от арабов, которые нашли окрестности города по плодородию почвы и количеству воды «похожими на Армению» (*ка-Армӣнӣйа*). Сам'ани нашел город в разрушенном состоянии, что, вероятно, было делом хорезмшаха Иль-Арслана; в XV в. на этом месте уже опять был крупный город[3]. На расстоянии 1 фарсаха (по Сам'ани — 2 фарсахов) к востоку от Керминии, приблизительно в 150 саженях[4] к северу от большой дороги, находилось селение Худименкен, которое в XII в. принадлежало «последователям хадиса», т. е. шафиитам, и имело соборную мечеть[5]. К северу от реки, на расстоянии фарсаха от Керминии, было селение Харганкет и рядом с ним селение Медьямаджкет. Томашек[6] сближает Харганкет (ныне Калкан-Ата) с названием владения Хо-хань, которое, по китайским известиям, находилось между Кушанией и Бухарой.

Следующее крупное селение, Тававис, в 7 или 8[7] фарсахах от Бухары, находилось уже внутри стены, окружавшей Бухару с ее пригородами[8]. Свое арабское название (букв. 'Павлины') селение получило в 91/710 г.[9]; арабы впервые увидели здесь павлинов, содержавшихся, по словам Нершахи[10], в домах местных богачей, по словам Табари — в селении; древнее название селения было Арфуд[11]. Кроме капища идо-

[1] Бартольд, *Хафизи-Абру,* стр. 19 (перс. текст), стр. 21 (пер.).

[2] Нершахи, изд. Шефера, 10; *Тексты,* стр. 65 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الكرميني); Якут, *Му'джам,* IV, 268.

[3] Бартольд, *Хафизи-Абру,* стр. 21.

[4] У Истахри (316, 343) غلوة ; по словам Ибн Русте (22), эта мера равнялась $^1/_{24}$ фарсаха, или немного больше $^1/_4$ *км.*

[5] *Тексты,* стр. 56 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الخديمنكني).

[6] Tomaschek, *Sogdiana,* S. 99—100; Chavannes, *Documents,* pp. 137, 273. У туземцев еще сохранились предания о местном владетеле Хар-хане (Ситняковский, *Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.,* стр. 94).

[7] Последняя цифра у Сам'ани (рук. Аз. муз., л. 277; изд. Марголиуса, под словом الطواويسى).

[8] Истахри, 313; Макдиси, 281.

[9] Табари, II, 1230.

[10] Изд. Шефера, 11.

[11] В печатном издании Нершахи ارقـــود; но Арфуд упоминается у Сам'ани (изд. Марголиуса, под словом الارفودى) и Якута (*Муд'жам,* I, 209) как селение вблизи Керминии, по дороге в Бухару. С древним названием Тавависа, впрочем, можно сблизить также Варкуд (Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 455; изд. Марголиуса, под словом الورقودى), у Якута (*Муд'жам,* IV, 922) Варакуд, селение в окрестностях Керминии.

лов, в Арфуде был также храм огнепоклонников. В древности здесь ежегодно поздней осенью устраивался базар, продолжавшийся 10 дней (по Бируни[1] — 7 дней); проданное на этом базаре ни в каком случае не принималось обратно, хотя бы потом обнаружился обман со стороны продавца. На этот базар съезжались торговцы из разных местностей Мавераннахра, даже из Ферганы и Шаша; эти ярмарки были источником богатства жителей, мало занимавшихся земледелием. Тававис имел соборную мечеть, хотя по размерам уступал Керминии; крепость его уже в конце X в. лежала в развалинах[2]; в XV в. и селения уже не было[3]. К востоку от Тавависа, по одним известиям[4] — в 6 фарсахах, по другим[5] — в 3 фарсахах от него, было селение Кук, или Кукшибаган, где некогда собирались тюрки при своих набегах на Бухарскую область.

Путь из Бухары в Тававис совершали иногда в один день, иногда в два; во втором случае промежуточным пунктом было селение Шарг, или Джарг[6], в 4 фарсахах от Бухары, на берегу арыка Самджен, впоследствии получившего известность под названием Харамкам; в XII в. Арслан-хан Мухаммед построил здесь крепкий мост из жженого кирпича. Против Шарга, на другом берегу арыка, было селение Искиджкет, или Сикиджкет[7]. Оба селения были важными торгово-промышленными пунктами; на этом основывалось благосостояние жителей; поля не могли прокормить их, так как земли Искиджкета, обработанные и необработанные, занимали всего 1000 джифтов. В Искиджкете базар был каждый четверг, в Шарге — каждую пятницу; некогда в Шарге была ярмарка среди зимы, о которой упоминает также Бируни[8]. Искиджкет, подобно Иштихану, принадлежал халифу и был отдан в качестве лена[9] Мухаммеду б. Тахиру, который продал свое право Сахлю б. Ахмеду ад-Дагуни. Последний выстроил на берегу арыка большой дворец, впоследствии разрушенный водой Зеравшана. В XI в. при Шемс ал-мульке Насре, Хан-Салар, один из жителей селения, построил здесь соборную мечеть на свои собственные средства, но вследствие протеста бухарских имамов в ней только один раз могло быть

---

[1] *Āṯār ал-бāқийа,* пер. Захау, 221.

[2] Макдиси, 281.

[3] Бартольд, *Хафизи-Абру,* стр. 19 (перс. текст), стр. 21 (пер.). С Тавависом, по-видимому, следует отожествить развалины Шахр-и Вейран («Разрушенный город») около стены, описанной Л. Зиминым (*Отчет о двух поездках по Бухаре,* стр. 135 и сл.).

[4] Ибн Хордадбех, 26. <У Ибн Хордадбеха — Кукшибаган. — *Ред.*>

[5] Кудама, 203.

[6] Якут, *Му'джам,* III, 276. Правильное написание должно быть Чарг.

[7] Там же, 106.

[8] *Āṯār ал-бāқийа,* пер. Захау, 222.

[9] <В англ. изд. 1928 г., стр. 99 — «fief». — *Ред.*>

совершено богослужение. В XII в. Арслан-хан Мухаммед выстроил в Искиджкете рабат, а в Шарге — соборную мечеть[1]. Вблизи Шарга и Искиджкета находились селения Бемиджкет[2] (в 4 фарсахах от Бухары, на расстоянии $^1/_2$ фарсаха к северу от дороги), Секбиян[3] (около Бемиджкета) и Димес (по Макдиси[4] — на дороге между Тавависом и Бухарой, по Сам'ани[5] — в 3 фарсахах от Бухары).

Бухара[6], в отличие от Самарканда, всегда находилась на том же месте, как теперь; даже план города, несмотря на частые и опустошительные нашествия кочевников, за тысячу лет почти не изменился. В саманидскую эпоху город, конечно, разделялся на цитадель, шахристан и рабад; шахристан был расположен рядом с цитаделью, на возвышенном месте, куда вода не могла быть проведена[7]. Из этого видно, что шахристан занимал среднюю, возвышенную часть нынешнего города, и теперь лишенную всякого орошения. Устройство цитадели[8] было несколько иное, чем теперь; она имела двое ворот, ворота Ригистана (западные) и ворота соборной мечети (восточные); последние у Нершахи носят название Гуриян; первые в XII в. назывались «воротами продавцов сена»[9] (Алаф-Фурушан или Ках-Фурушан). Западные и восточные ворота были соединены между собой улицей[10]. Внутри крепости, по словам Истахри, была другая, служившая местопребыванием для саманидских правителей. Очевидно, имеется в виду упомянутый у Нершахи замок (*кāх*), построенный в VII в. бухар-худатом Бидуном[11], строителем или восстановителем цитадели; имя Бидуна

[1] Нершахи, изд. Шефера, 11—13.

[2] Истахри, 315, 342; Якут, *Му'джам*, I, 737.

[3] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 219; изд. Марголиуса, под словом السكبيانى; у Якута (*Му'джам*, III, 106) положение селения не указывается.

[4] Макдиси, 342.

[5] Рук. Аз. муз., л. 175; изд. Марголиуса, под словом الديمسى; выше (под словом الديماسى) указано, что ديماس (*дāмāс*) значит *хаммāм* ('баня'); у Якута (*Му'джам*, II, 713) расстояние не указано.

[6] <По топографии и истории города Бухары VIII—XIII вв. см. также следующие основные работы, вышедшие в свет после первого русского издания «Туркестана»: Barthold, *Bukhārā* (EI, I); Умняков, *К вопросу об исторической топографии;* Шишкин, *Архитектурные памятники;* Шишкин, *Города Узбекистана;* Пугаченкова — Ремпель, *Бухара;* Сухарева, *К истории. — Ред.*>

[7] Истахри, 305, 307. [8] Там же, 305—306; Нершахи, изд. Шефера, 21—23.

[9] Так у Нершахи (изд. Шефера, 7, 22); из текста Нершахи в другом месте (21) можно было бы заключить, что это название носили восточные ворота.

[10] И те, и другие ворота (в настоящее время здесь только одни, западные) упоминаются также в XV в.; ср. Бартольд, *Улугбек*, стр. 51.

[11] По-видимому, это — то же самое лицо, что и царь Бидун, пришедший на помощь из Туркестана бухарской царице (Нершахи, изд. Шефера, 40). Балазури (413) называет Бидуна царем всего Согда. У Юсти (Justi, *Iranisches Namenbuch*, S. 62 b, 219 b) приводятся чтения Бандӯн, Байдӯн и Найдӯн.

долго сохранялось на железной плите, прикрепленной к воротам замка. Существовало предание, что замок несколько раз разрушался до окончания постройки; наконец, по совету мудрецов, дворец укрепили семью каменными столбами, по числу звезд Большой Медведицы, и тогда удалось окончить постройку. Впоследствии цитадель и замок были разрушены; их восстановил в XII в. Арслан-хан Мухаммед. В 534/1139-40 г. цитадель разрушил хорезмшах Атсыз; в 536/1141-42 г. ее восстановил кара-китайский правитель города Алп-тегин; в 538/1143-44 г. ее снова разрушили гузы. Материал в 560/1165 г. был употреблен на постройку стены бухарского рабада. В 604/1207-08 г. хорезмшах Мухаммед восстановил цитадель, которая после этого простояла до разрушения ее Чингиз-ханом в 1220 г.

Шахристан, в противоположность Самарканду, Балху и Мерву, имел семь ворот; может быть, тут действовали те же религиозные соображения, как при постройке замка в цитадели. Ворота шахристана перечисляются у Истахри[1] и у Нершахи[2], у второго в следующем порядке[3]: 1) ворота базара (у Истахри — «Железные»), впоследствии называвшиеся «воротами продавцов пряностей» (Аттаран); 2) ворота шахристана (у Истахри — Баб ал-Медина); 3) ворота Бену Са'д; 4) ворота Бену Асад, в доисламский период — ворота Мюхре; 5) ворота цитадели[4]; 6) ворота Хакк-рах; 7) Новые ворота, выстроенные позже других[5]. О местоположении этих ворот, кроме, конечно, ворот цитадели, расположенных против последней, мы из текста Нершахи не получаем точного понятия; ясно только то, что ворота базара, ворота Бену Са'д и ворота Бену Асад были расположены рядом. Ворота цитадели считались самыми крепкими из ворот шахристана; около них было укрепление, выстроенное каким-то тюркским правителем Сюбаши-тегином (т. е. 'князем-военачальником')[6]. Здесь преимущественно находились дома арабов; в X в. этот квартал, носивший название Фагсадере, уже был в разрушенном состоянии. Ворота Хакк-рах (букв. 'Дорога к истине') получили свое название оттого, что здесь жил знаменитый ученый Абу Хафс, умерший в 217/832 г.[7], к которому обра-

[1] Истахри, 306. [2] Изд. Шефера, 52—56.

[3] <Локализация ворот Бухары у В. В. Бартольда в ряде случаев неверна. Она исправлена у О. А. Сухаревой (*К истории,* стр. 36—44). — *Ред.*>

[4] В изд. Шефера, 54, вместо كبريه надо читать كنديز, ср. Нершахи, пер. Лыкошина, 72.

[5] Так по объяснению Нершахи; в изд. Шефера мы находим вместо نو также чтение نون (стр. 52); де Гуе на основании арабских рукописей принял чтение نور.

[6] В изд. Шефера سوناس.

[7] Эта дата сомнительна; сын Абу Хафса упоминается как градоначальник в 874 г. х. (ср. ниже).

щались за разрешением сомнительных вопросов. Курган, в котором был похоронен ученый, находился около Новых ворот. В другом месте Нершахи[1] помещает рядом с курганом Абу Хафса большой курган, считавшийся могилой мифического Афрасиаба; последний находился вблизи «ворот Ма'бида», или «ворот дворца Ма'бида»; по Нершахи[2], эти ворота получили свое название от арабского начальника города Ма'бид ал-Хайль (букв. 'Предмет поклонения конницы')[3]. От западных ворот цитадели до ворот Ма'бида простирался Ригистан[4]. По-видимому, ворота Ма'бида тожественны с Фегаскунскими, или нынешними Имамскими[5], где и теперь есть «большой и высокий бугор с двумя меньшими, узкими и длинными»; бугры и курганы и теперь заняты кладбищами[6]. Итак, Новые ворота находились в северной части шахристана. Ворота Хакк-рах были несколько западнее; мечеть корейшитов находилась по правую руку от входившего через Новые ворота, недалеко от жилища Абу Хафса.

Стена рабада[7] была выстроена уже в мусульманский период, именно в 235/849-50 г., и, подобно нынешней городской стене, имела 11 ворот. Истахри[8] перечисляет их в последовательном порядке, причем начинает с юго-западного угла города; эти ворота были следующие: 1) ворота площади (*ал-майдан*), выходившие на хорасанскую дорогу; 2) ворота Ибрахима, к востоку от первых; 3) Рив; 4) Мердкушан (историч. Мердкуша); 5) Келлябад; 6) Наубехарские[9]; 7) Самаркандские, откуда шла дорога в Самарканд и остальную часть Мавераннахра; 8) Фегаскунские; 9) Рамитанские; 10) Хадширунские, откуда шла до-

---

[1] Изд. Шефера, 15.

[2] Там же, 51

[3] <Следует читать Ма'бад ал-Джалйль (имя *амиля* в Бухаре в 148—157 гг. х.).—*Ред.*>

[4] Нершахи, изд. Шефера, 24.

[5] Эти ворота получили свое название от «великого имама» Абу Хафса и носят его имя в литературных произведениях; ср. рук. ГПБ, ф. Ханыкова, 81 (история <эмира> Насруллы), л. 117а. Гробницу имама здесь показывают даже теперь. Имя произносится сейчас в Бухаре (разумеется, ошибочно) Абу Хифс. В новой надписи на гробнице имам называется «учителем ученых людей Мавераннахра» (استاد علماء ماوراء النهر), см. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.)*, стр. 215.

[6] Пославский, *Бухара*, стр. 56.

[7] Нершахи, изд. Шефера, 33—34.

[8] Истахри, 306 и сл.

[9] По Томашеку (*Sogdiana*, S. 103), санскритское слово vihâra в государстве эфталитов, как впоследствии у уйгуров и монголов, получило форму Buchâr, тогда как у иранцев вообще мы встречаем форму Behâr; в доказательство приводятся названия храма Наубехар (ibid., S. 79) и некоторых других мест в окрестностях Балха. Существование Наубехарских ворот в Самарканде и Бухаре показывает, что и здесь, по крайней мере в известный период, употреблялась иранская форма.

рога в Хорезм; 11) Гушедж. Ворота Мердкушан и Келлябад выходили на дорогу в Несеф (Карши) и Балх. Эти данные показывают что:

ворота	площади	соответствовали	нынешним	воротам	Каракульским
„	Ибрахима	„	„	„	Шейх Джелаль
„	Рив	„	„	„	Намазгах
„	Мердкушан	„	„	„	Салляхане
„	Келлябад	„	„	„	Каваля (Каршинским)
„	Наубехарские	„	„	„	Мазарским
„	Самаркандские	„	„	„	Самаркандским
„	Фегаскунские	„	„	„	Имамским
„	Рамитанские	„	„	„	Угланским
„	Хадширунские	„	„	„	Талипач
„	Гушедж	„	„	„	Ширгиран

Нершахи в одном месте[1] говорит, что в эпоху арабского завоевания весь город состоял только из шахристана; но из его собственных слов в других местах[2] видно, что уже в домусульманскую эпоху имели значение и другие части города, хотя, возможно, они не были включены в город. Границы старого города (т. е. досаманидского города, восходящего, возможно, ко времени Абу Муслима)[3] были обозначены другой стеной, также с 11 воротами[4]; названия этих ворот были следующие: 1) Железные; 2) ворота моста Хассана; 3) и 4) ворота около мечети Маха; 5) Рухна[5]; 6) ворота около замка Абу Хишама ал-Кинани; 7) ворота около моста малого базара (Сувейка); 8) Фарджек: 9) Дерваздже; 10) ворота улицы магов; 11) Самаркандские (внутренние). Из рассказа Нершахи[6] о большом пожаре 325/937 г. видно, что медресе Фарджека, следовательно и ворота этого имени находились к северу от главного городского арыка (протекавшего, как мы увидим дальше, приблизительно в том же месте, как теперь), мечеть Маха — к югу от него. Итак, в этом случае перечисление ворот начинается с северо-восточной части города, и местоположение их можно определить следующим образом:

---

[1] Изд. Шефера, 29.

[2] Там же, 19—24.

[3] Ср. там же, 63.

[4] Истахри, 307; Ибн Хаукаль, 356; Макдиси, 280.

[5] Очень вероятно, однако, что и здесь, как и у Истахри (278), вместо رخنة следует читать رحبة 'двор', 'площадь'.

[6] Изд. Шефера, 93—94.

ворота Железные против Наубехарских (Мазарских)
„ моста Хассана против Келлябадских (Каршинских)
„ мечети Маха против Мердкушана и Рива (Салляхане и Намазгах)
„ Рухна против ворот Ибрахима (Шейх Джелаль)
„ замка Абу Хишама против ворот площади (Каракульских)
„ моста малого базара (Сувейка) против Гушеджа (Ширгиран)
„ Фарджека против Хадширунских (Талипач)
„ Дерваздже против Рамитанских (Угланских)
„ улицы магов против Фегаскунских (Имамских)
„ Самаркандские против Самаркандских

Стена в два ряда, окружавшая город, была отстроена в XII в. сначала Арслан-ханом Мухаммедом, потом — Кылыч-Тамгач-ханом Мас'удом в 560/1165 г., в начале XIII в.— хорезмшахом Мухаммедом.

Прежде чем перейти к перечислению сохранившихся названий кварталов и улиц, мы должны сказать несколько слов об устройстве орошения[1]. Главный городской арык, по Нершахи, носил название Руд-и Зер (букв. 'Золотая' или 'Золотоносная река'). По словам Макдиси, «река входит в город со стороны Келлябада; здесь устроены плотины, сделаны широкие шлюзы и поставлены бревна. Летом, во время полноводия, удаляют одно бревно за другим, по мере поднятия воды, так что бо́льшая часть воды уходит в шлюзы и потом течет к Пейкенду; без этой хитрости вода обратилась бы на город. Это место называется Фашун; ниже города есть другие шлюзы, называемые Рас ал-Вараг ('Голова плотины'), устроенные таким же образом. Река прорезывает город, проходит через базары и разделяется (на каналы) по улицам. В городе есть широкие, открытые хаузы (бассейны); на берегу их устроены из досок помещения с воротами для совершения омовения. Иногда вода, которую отводят в Пейкенд, одерживает верх, и участки земли среди лета покрываются водой. В тот год, когда я прибыл туда, вода затопила много участков и разорила население; шейхи вышли строить плотину; шейх Абу-л-Аббас ал-Йездади пожертвовал на это, по моему расчету, большие деньги. Вода мутна; в нее кидают в городе много отбросов».

Из слов Макдиси видно, что арык входил в город около нынешних Каршинских ворот, т. е. приблизительно там же, где теперь. Очевидно, в восточной части города через арык был построен упомянутый «мост Хассана». Местоположение «ворот моста малого базара (Сувейка)»

[1] Там же, 31; Истахри, 307—309; Макдиси, 331—332.

заставляет полагать, что арык вытекал из города около нынешних ворот Ширгиран.

Истахри перечисляет следующие мелкие городские арыки, выведенные, по его словам [1], из большого арыка Зер, прорезывавшего город:

1. Арык Фашидизе; вытекал в месте Вараг (так как арык входил в город с восточной стороны, то это место, вероятно, соответствует Фашуну, а не Рас ал-Варагу Макдиси), проходил через Мердкушанские ворота (ныне Салляхане), мимо места Джубар (букв. 'Проток') Абу Ибрахима, доходил до ворот «славного шейха Абу-л-Фазла» и впадал в арык Наукенде. На этом арыке было до 2000 замков и садов, не считая земельных участков; длина его течения — около $^1/_2$ фарсаха. Шейх Абу-л-Фазл — известный саманидский везир Абу-л-Фазл Мухаммед б. Убейдаллах Бал'ами (ум. в 329/940 г.); под воротами его имени, вероятно, следует понимать ворота Ибрахима, которые от него получили свое нынешнее название (Шейх Джелаль). Около его могилы и теперь есть медресе и кладбище Джубар.

2. Арык Джуйбар-Бекар (букв. 'Полезный проток'); вытекал из местности в середине города, около мечети Ахьяда, и также впадал в арык Наукенде. На нем было до 1000 садов и замков.

3. Джуйбар ал-Каваририйин ('Проток стекольщиков'); вытекал из реки в городе, в месте «Мечеть казначея войска» (*'ариз*) [2], и орошал часть рабада. Этот арык был многоводнее предыдущего и орошал большее число садов.

4. Джу-Гушедж, или Джуйбар ал-Ариз; вытекал из города около «мечети казначея войска», орошал часть рабада и впадал в арык Наукенде. Первое название этого арыка показывает, что он протекал в западной части города, где, следовательно, находилась «мечеть казначея войска».

5. Пейкендский арык, вытекавший около начала «улицы путеводителя» (*хута'*), орошавший часть рабада и впадавший в арык Наукенде. Из дальнейшего видно, что этот бухарский арык получил свое название от города Пейкенда (если произношение этого названия правильно установлено де Гуе), но, по-видимому, не имел к нему никакого отношения.

6. Арык Наукенде, вытекавший из реки около «дома Хамдуны»; сюда стекались воды других арыков; он орошал часть рабада и потом терялся в степи, не служа для орошения земельных участков. Название этого арыка (букв. 'Вновь вырытый') заставляет предположить.

[1] Истахри, 307 и сл.

[2] <В русск. изд. 1900 г.— «мечеть заведывающего войском»; в англ. изд. более точно: «Mosque of Army Paymaster». — *Ред.*>

что он был вырыт позже других арыков, вероятно для стока лишней воды. По-видимому, он протекал в западной, преимущественно в юго-западной, части города.

7. Арык мельницы (Тахуна), вытекавший в городе, в месте Наубехар, и орошавший часть рабада; на нем было много мельниц; вода этого арыка текла к Пейкенду, и ею пользовались жители последнего. Итак, шлюзы, о которых рассказывает Макдиси, по всей вероятности, находились около Мазарских ворот.

8. Арык Кушна; вытекал из города также около местности Наубехар, которая пользовалась его водой; на нем было много зáмков, земельных участков и садов; он проходил через Кушну и доходил до Маймурга, селения, которое находилось всего на расстоянии одного перехода от Несефа[1] (Карши).

9. Арык Рабах (букв. 'Доход'); вытекал из реки около Ригистана и доходил до зáмка Рабах; на нем было до 1000 садов и зáмков.

10. Ригистанский арык; вытекал около Ригистана; водой его пользовались Ригистан, цитадель и дворец; он доходил до зáмка Джелальдизе.

11. Арык, название которого не приводится; вытекал около моста Хамдуны (т. е., вероятно, приблизительно там же, где был исток арыка Наукенде); протекал под землей до хаузов, расположенных около ворот Бену Асад (т. е. около юго-западной стороны шахристана); лишняя вода его стекала в ров цитадели.

12. Арык Зугаркенде; вытекал в месте Вараг (здесь, вероятно, имеется в виду Рас ал-Вараг Макдиси), проходил мимо ворот Дервазадже через базар того же имени, потом мимо Самаркандских ворот и доходил до местности Сепид-Маша; длина его течения равнялась фарсаху; на нем было много зáмков, садов и земельных участков. Очевидно, этот арык протекал в северо-западной части города.

Сравнение этих данных с нынешними условиями орошения в Бухаре предоставляем лицам, имеющим возможность производить топографические исследования на месте[2]. Что касается данных о средневековых кварталах, улицах и зданиях, то в этом отношении прежде всего следует остановиться на тех сведениях о шахристане, которые мы находим у Нершахи[3]. Кутейба разделил шахристан между арабами и отвел пространство от ворот базара до Новых ворот племенам мудар и раби'а, остальную часть — йеменцам. Если войти в город через ворота базара, то по левую сторону была «улица развратников» (Ку-и Риндан); за ней находилась христианская церковь, впоследствии обращен-

[1] Истахри, 337.

[2] См. Умняков, *К вопросу об исторической топографии*, стр. 148 и сл.

[3] Изд. Шефера, 52—57.

ная в мечеть племени бену-ханзала. Если войти через Шахристанские ворота, то по правую сторону была улица Везира б. Эйюба б. Хассана; ее называли также «улицей за́мка» (Ку-и Ках). Эйюб б. Хассан, современник Кутейбы, был первым арабским эмиром Бухары; здесь жили и последующие эмиры. Улица и за́мок принадлежали дихкану Хине, который потом принял мусульманское имя Ахмеда. Около стен шахристана находились «деревянные бакалейные лавки» (Чуба-и Баккалян) и «базар щелкающих фисташки». Около ворот Бену Са'д в шахристане был за́мок Хасана б. Ала Са'ди; улица и ворота носили имя его отца Ала. Подобного замка не было даже у царей; принадлежавшие ему земли приносили 1200 динаров ежемесячного дохода. Около выхода из ворот Бену Асад был дворец хорасанского эмира. Около ворот Хаккрах, т. е. около северо-западного угла шахристана, еще сохранялась и почиталась келья имама Абу Хафса; рядом с ней было много мечетей и келий. Недалеко от этого, по правую сторону от входа через Новые ворота, находилась мечеть корейшитов; строителем ее был корейшит Мукатиль б. Сулейман, патрон[1] (?) известного набатейца Хайяна, сподвижника Кутейбы.

К домусульманскому времени в эпоху Саманидов относили, во-первых, упомянутый выше (стр. 153) большой курган, считавшийся могилой Афрасиаба; могилу убитого Афрасиабом Сиявуша помещали около восточных ворот цитадели; огнепоклонники здесь в день науруза, перед восходом солнца, приносили в жертву петуха. Существовали песни в честь Сиявуша, известные под названием «плача магов»[2]. Царские дворцы, кроме известного за́мка в цитадели, еще до ислама были также на Ригистане[3]. Кроме того, до ислама имела большое значение местность в юго-восточной части города, впоследствии получившая название «ворот мечети Маха». Здесь был базар Мах-руз; два раза в год здесь устраивалась ярмарка, на которой продавали идолов (вероятно, буддийские изображения); этот языческий обычай существовал еще при Саманидах[4]; спрос на идолов был еще настолько значителен, что их продавали на сумму 50 000 дирхемов. Основателем этого обычая считался легендарный царь Мах; по преданию, здесь некогда была роща

---

[1] Слово مولى, как известно, имеет различные значения; оно может означать как клиента, так и патрона; в этом случае более вероятно второе, так как Хайян был набатейцем, а Мукатиль — корейшитом.

[2] Наршахи, изд. Шефера, 21.

[3] Там же, 24.

[4] Наршахи говорит, что этот обычай «существовал даже в его время». Из этого мы можем заключить, что он был упразднен в период после рождения автора (286/899 г. — Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом النرشخى) и до составления его книги (332/943-44 г.).

и ярмарка происходила в тени деревьев; царь садился на престол в том месте, где впоследствии возникла мечеть, и поощрял народ к покупке идолов. Впоследствии на этом месте был выстроен храм огнепоклонников, куда в дни ярмарки стекался народ для совершения богослужения; в мусульманское время здесь выстроили одну из главных мечетей[1]. В XII в. Сам'ани[2] слышал это предание уже в другом виде и рассказывает, что Мах был огнепоклонником, принявшим ислам и обратившим свой дом в мечеть. При Сам'ани в квартале «Ворота мечети Маха» был постоянный базар.

Наконец, в VIII в. получила большое значение еще другая местность, куда после занятия города Кутейбой удалились богатые купцы иноземного происхождения, которых называли Кеш-Кушанами[3]; Томашек[4] считает их потомками кушанов или эфталитов. Они уступили арабам свои дома, находившиеся в шахристане, а для себя выстроили в другом месте 700 зáмков, развели около них сады и поселили здесь своих слуг и клиентов, так что новый город по числу населения скоро превзошел старый. Местность получила название «Зáмок магов» (Кёшк-и Муган); здесь по преимуществу находились храмы огнепоклонников. Когда в Бухаре поселились Саманиды, то представители гвардии стали скупать земли в Кёшк-и Муган и довели цену каждого джифта до 4000 дирхемов; Нершахи, впрочем, приводит слова Нуха б. Насра, по которым цена земли некогда была еще выше и доходила до 12 000 дирхемов за джифт. По преданию, однажды произошло столкновение между обитателями зáмков и мусульманским населением; зáмки были взяты приступом, ворота выломаны и впоследствии употреблены в дело при расширении соборной мечети. На воротах каждого зáмка было изображение идола владельца (вероятно, духа-покровителя его рода); эти изображения сохранились и на воротах соборной мечети; только лица были стерты. В эпоху Саманидов еще оставались 2—3 зáмка; в XII в. сохранялась еще только одна дверь с изображением идола[5]. Местоположение Кешк-и Муган, к сожалению, не указывается; так как «ворота улицы магов» находились против нынешних Имамских ворот, то и Кешк-и Муган, вероятно, следует искать в северо-западной

[1] Нершахи, изд. Шефера, 18—19. В настоящее время мечеть Маха отожествляется с «мечетью рва» (Маг̄āк), ср. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях,* стр. 926; Умняков, *К вопросу об исторической топографии,* стр. 151. Современное название «Мечеть Магак» вместо «Мечеть Мах» упоминается уже у Нершахи (изд. Шефера, 63).

[2] *Тексты,* стр. 66 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الماخى); Якут, *Му'джам,* IV, 380.

[3] У Нершахи: Ал-и Каскаса или Каскасан.

[4] Tomaschek, *Sogdiana,* S. 106. Мнение Томашека, что Кеш-Кушаны были буддистами, опровергается приведенными дальше словами Нершахи.

[5] Нершахи, изд. Шефера, 29, 47—48, 62.

части города. «Улица магов» упоминается также у Нершахи[1]; между ней и «улицей дихканов» был базар Харкан.

Что касается мусульманских зданий, то прежде всего, конечно, следует остановиться на соборной мечети[2]. Первая мечеть была выстроена Кутейбой в 94/713 г. в цитадели, в том месте, где прежде был храм идолопоклонников, вероятно буддистов. Для праздничной молитвы, т. е. для совершения богослужения в дни двух главных праздников (*'ид*), было отведено место в северной части Ригистана, около ворот Ма'бид. Новую соборную мечеть, между цитаделью и шахристаном, выстроил наместник Фазл б. Яхья Бармаки (794—795). Здание в 290/902 г. было перестроено и значительно увеличено Саманидом Исма'илом, который для этого скупил соседние дома. Мечеть два раза обрушилась в начале царствования Насра (914—943), в первый раз во время пятничного богослужения, вследствие чего погибло много народа; правительство велело вновь отстроить здание, причем минарет был построен в 306/918-19 г. на счет везира Абу Абдаллаха Джейхани. Это здание имеют в виду арабские географы; по словам Макдиси[3], мечеть имела несколько дворов, отличавшихся чистотой. Рядом с этой мечетью находилась главная ткацкая мастерская в городе[4]. Кроме того, существовало еще здание, построенное в 340/951-52 г. эмиром Нухом б. Насром около «дворца хорасанского эмира», вероятно в юго-западной части шахристана. Об этом здании мы знаем только, что оно существовало еще в XII в.; вероятно, к нему относится приведенный выше рассказ переводчика Нершахи о единственной остававшейся в это время двери с изображением идола, так как мимо этой двери проходили по дороге ко дворцу хорасанского эмира. Для праздничного богослужения эмир Мансур в 360/971 г. велел отвести новое место на расстоянии $^1/_2$ фарсаха от ворот цитадели, на дороге в деревню Самтин. Местоположение последней неизвестно; по-видимому, новое место праздничного богослужения находилось рядом со старым[5].

Саманидская соборная мечеть сгорела в 460/1068 г., во время борьбы за престол между сыновьями Тамгач-хана Ибрахима; от горючих веществ, брошенных из цитадели, загорелся деревянный верх минарета, который обрушился на мечеть. В следующем году мечеть была восстановлена; верх минарета сделали из жженого кирпича; кроме того, подальше от цитадели было выстроено новое здание, где была

[1] Там же, 56.

[2] Там же, 47—51.

[3] Макдиси, 280.

[4] Нершахи, изд. Шефера, 18.

[5] Селение упоминается в *'Абдулла-наме* <Хафиз-и Таныша>, рук. Аз. муз., л. 116 б.

помещена максура. Максура, минбар и михраб были вытесаны в Самарканде. Арслан-хан Мухаммед велел построить новую соборную мечеть в шахристане; здание было выстроено с большим великолепием и окончено в 515/1121 г.; по-видимому, оно простояло до нашествия Чингиз-хана. Минарет, воздвигнутый в 521 г. х.[1], существует еще в настоящее время и, по всей вероятности, не подвергался разрушениям до сентябрьского восстания 1920 г., когда он был поврежден огнем осаждающей армии. Несколько раньше, в 513/1119 г., Арслан-хан устроил новое место праздничного богослужения около ворот Ибрахима, т. е. в том же месте, где оно находится теперь. В XI в. здесь был дворец Шемс ал-мулька (1068—1080) с садами, пастбищами и зверинцем; место считалось запретным (*ғӯруқ*, вместо *қурӯқ*) и по имени строителя получило название Шемсабад. Шемсабад поддерживался при преемнике Шемс ал-мулька, Хизре, но потом пришел в упадок и был окончательно разрушен при нашествии сельджукского султана Меликшаха[2] (1089 г.). В Бухаре была также «Сирийская мечеть» (Месджид аш-Шам), которая упоминается у Сам'ани и Якута[3].

Число царских дворцов, в разное время выстроенных в Бухаре, было довольно значительно. Эмир Исма'ил выстроил себе дворец в месте Джу-и Мулиян, которое находилось недалеко от цитадели и Ригистана и считалось лучшим местом в Бухаре[4]. На всем пространстве от ворот Ригистана до прилегавшей к цитадели поляны Дештек, покрытой камышом, были дворцы, гостиницы, сады и бассейны. Под названием Джу-и Мулиян, вероятно, имеется в виду один из двух упомянутых у Истахри арыков, вытекавших около Ригистана, т. е. или арык Ригистанский, или Рабах, вероятно второй, на котором, по Истахри, было до 1000 садов и зáмков. Теперь название Джу-и Мулиян носит деревня в 2 верстах от Бухары[5]. По словам Нершахи, это название было переделано туземцами из Джу-и Мавалиян[6] ('Проток клиентов'), так как Исма'ил построил здесь жилища для представителей своей гвардии[7] и завещал в их пользу часть доходов от этих земель. Земли некогда составляли собственность бухар-худатов; Исма'ил купил Джу-и Мулиян и Дештек у Хасана б. Мухаммеда б. Талута; доходы с Дештека были пожертво-

[1] *Тексты*, стр. 172 (*Китāб-и Муллā-зāде*).

[2] Нершахи, изд. Шефера, 27—28. О слове *қурӯғ* см. *Бāбур-нāме*, пер. Бевериджа, I, 81 и сл.; см. также Бартольд, *Орошение*, стр. 31.

[3] Сам'ани, изд. Маргулиуса, под словом الشاسى; Якут, *Му'джам*, III, 244.

[4] Нершахи, изд. Шефера, 25—27.

[5] Нершахи, пер. Лыкошина, 38.

[6] Двойная форма ломаного множеств. числа от слова مولى.

[7] Слово مولى здесь употреблено в том же значении, как у Нершахи (изд. Шефера, 83) слово غلام.

ваны в пользу соборной мечети. Дворец в Джу-и Мулияне поддерживался до конца династии Саманидов.

Другой дворец, выстроенный Насром на Ригистане[1], простоял до 961 г.; рядом с ним находились присутственные места. При Абд ал-Мелике (954—961) везир Абу Джа'фар Утби[2] (до 348/959 г.) построил здесь великолепную мечеть. Во время беспорядков, вызванных скоропостижной смертью Абд ал-Мелика, дворец был разграблен и сожжен мятежниками; эмир Мансур велел его восстановить, но не прошло и года, как произошел новый пожар, на этот раз от случайной причины, именно вследствие сохранившегося со времен язычества обычая зажигать костры в известные праздники[3]. Здание сгорело до основания; имущество эмира было перевезено в Джу-и Мулиян, после чего Ригистан оставался в запустении. Однако еще Макдиси[4], писавший в самом конце X в., помещает дворец на Ригистане, против крепости, по направлению к западу.

Мансур через несколько лет после этого пожара, в 356/967 г., выстроил дворец около Новых ворот, в месте Карек-и Алевиян[5]. Дворец, подобно дворцу Исма'ила, поддерживался до конца династии Саманидов; земля считалась собственностью государя до царствования Шемс ал-мулька, который подарил ее бухарским улемам. При Караханидах[6], кроме уже названного Шемсабада, упоминается еще дворец Ахмед-хана (ум. в 1095 г.) в Джуйбаре, т. е. около ворот Ибрахима. Арслан-хан велел разобрать этот дворец и перенести его в цитадель; через несколько лет он выстроил новый дворец в квартале Дерваздже (т. е. в северо-западной части города), в улице Бу-Лейса; там же были построены две бани. Впоследствии Арслан-хан обратил этот дворец в медресе, а для себя выстроил новый около ворот Са'дабад (Бену Са'д), т. е. около юго-западной стороны шахристана.

Кроме упомянутых названий кварталов и улиц, у Сам'ани приводятся еще следующие: улица Джедид[7], улица скамьи[8] («против ханкаха»), квартал Рив[9] и замок Фарзих около ворот площади, т. е. ны-

[1] Нершахи, изд. Шефера, 24—25.

[2] Переводчик Нершахи, ошибочно смешивая его с автором *Та'рйх-и Йамини* (см. выше, стр. 64), называет его Ахмедом б. Хасаном; Гардизи в одном месте (*Тексты*, стр. 8) — Ахмедом б. Хусейном, в другом (там же, стр. 10) — Хусейном б. Мухаммедом.

[3] Об этом обычае см. Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 208.

[4] Макдиси, 280—281.

[5] Нершахи, изд. Шефера, 27. [6] Там же, 28.

[7] *Тексты*, стр. 55 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الجديدى).

[8] *Тексты*, стр. 57 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الذيمونى).

[9] Якут, *Му'джам*, II, 892; Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 194; изд. Марголиуса, под словом الربوى.

нешних Каракульских[1]. Нершахи при описании пожара 937 г.[2] упоминает еще улицу Бекар (вероятно, около арыка того же имени) в западной части города, между Самаркандскими воротами и воротами Фарджека[3].

Улицы Бухары отличались шириной[4] и были вымощены камнем; камень брался с горы Варка, около селения того же имени, где начинается горная цепь, тянущаяся на восток и отделяющая Самаркандскую область от Кешской[5]. Сам'ани[6] помещает Варку в 2 фарсахах от Бухары, по дороге в Несеф (Карши). Несмотря на широкие улицы, в городе, вследствие густоты населения, уже в то время ощущалась теснота; этот недостаток в Бухаре был заметнее, чем во всех прочих городах государства Саманидов. По этой причине часто происходили пожары[7]; в книге Нершахи[8] мы находим описание двух таких пожаров, происшедших в царствование Насра, в 317/929 и 325/937 гг. Особенно опустошителен был второй пожар; замечательно, что, хотя огонь охватил значительную часть города и уничтожил несколько базаров, убыток был определен всего в 100 000 дирхемов с небольшим. Скученностью построек объясняются и другие отрицательные качества города (зловоние, дурная вода и т. п.), о которых Макдиси[9] и некоторые поэты[10] говорят в самых резких выражениях.

Что касается окрестностей города, то Истахри[11] разделяет их на 22 волости, из которых 15 находились внутри длинных стен, и здесь, как в Самарканде и Балхе, защищавших ближайшие окрестности города. Постройка этих стен[12] в книге Абу-л-Хасана Нишапури (см. выше, стр. 60) приписывалась наместнику Абу-л-Аббасу Фазлу б. Сулейману ат-Туси (783—787); они должны были защищать город и его

---

[1] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 314; изд. Марголиуса, под словом الفارزى. У Якута (*Му'джам*, III, 835) — без слова «замок» и без указания местоположения.

[2] Нершахи, изд. Шефера, 93.

[3] Якут (*Му'джам*, III, 881) упоминает также место (موضع) в Бухаре, именуемое Фаркад.

[4] Макдиси, 284.

[5] Истахри, 312.

[6] Рук. Аз. муз., л. 455 (изд. Марголиуса, под словом الوركى). У Якута (*Му'джам*, IV, 924) — без определения расстояния. На предыдущей странице (там же, 923) то же селение упоминается Якутом под названиями وَرْكَى и وَرْكَنْ.

[7] Макдиси, 281.

[8] Изд. Шефера, 93—94.

[9] Макдиси, 281.

[10] Са'алиби, *Йатима*, извлеч. в пер. Барбье де Менара, I, 184—185; бейрут. изд., IV, 8—9.

[11] Истахри, 309—310.

[12] Нершахи, изд. Шефера, 32—33.

окрестности от набегов тюркских кочевников; такую меру предложил самаркандский царь Йезид б. Гурек, сославшийся на пример Согда, где благодаря постройке таких стен была достигнута полная безопасность. Были выстроены ворота и башни на расстоянии $^1/_2$ мили (т. е. около версты) одна от другой. Вся постройка была окончена только в в 215/830 г. Мас'уди[1] со ссылкой на книгу некоего Сельмуи (или Сельмавейха) «О династии Аббасидов и о хорасанских эмирах» говорит, что при Фазле б. Сулеймане были только возобновлены пришедшие в упадок старые стены, построенные каким-то древним согдийским царем. По Истахри[2], площадь, ограниченная стеной Бухары, измерялась 12 фарсахами в длину и столькими же в ширину. Стена пересекала самаркандскую дорогу к востоку от Тавависа, т. е. на расстоянии более 7 фарсахов от города[3], хорасанскую — на расстоянии 3 фарсахов от города[4]. Кроме того, внутри стен находились селения Мугкан (5 фарсахов от Бухары и 3 фарсаха к северу от хорасанской дороги) и Зендана[5] (4 фарсаха к северу от Бухары). Ежегодный ремонт стен требовал больших денег и ложился тяжелым бременем на жителей; только при Исма'иле внешняя безопасность была настолько обеспечена, что жители могли быть освобождены от этой повинности. После этого стена пришла в разрушение; в XII в. ее называли Кемпирек ('Старушка'). Остатки этих стен сохранились до настоящего времени в виде вала, который известен у туземцев под названием Кемпир-дувал и был осмотрен Н. Ф. Ситняковским и позднее Л. Зиминым[6]. На северо-востоке вал находится «на рубеже культурной полосы с голой степью, простирающейся на восток от вала до Кермине»; северная сторона его отчасти тянется вдоль левого высокого берега Зеравшана[7].

Произношение названий бухарских волостей и местоположение их иногда сомнительно; отчасти по ним получили название орошавшие

---

[1] *Танбйх*, 65; пер., 96.

[2] Истахри, 305. Ошибочное утверждение, сделанное в русском издании 1900 г., о том, что длина стены не указана, было исправлено мною в ЗВОРАО, т. XIX <*К истории Мерва*>, стр. 119.

[3] См. выше, стр. 149.

[4] Ибн Хордадбех, 25; Мас'уди, *Танбйх*, 65.

[5] Истахри, 315.

[6] Ситняковский, *Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.*, стр. 89—92; Зимин, *Отчет о двух поездках по Бухаре*, стр. 119 и сл. Л. Зимин утверждает, что развалины стены сохранились не только в северо-восточной части, где их видел Ситняковский, но также и на юго-западе, на дороге в Хорасан.

[7] <Ценные данные о стене вокруг Бухарского оазиса см. в работах: Якубовский, *Археологическая экспедиция*; Шишкин, *Археологические работы 1937 г.*; Муҳамедов, *Мудофаа иншоотлари. — Ред.*>

их арыки, перечисленные у Истахри[1] и у Нершахи[2]. Эти арыки следующие[3]:

1. Арык Керминия; волость этого города у Истахри носит название Йесир(?).

2. Шапуркам[4], получивший название от персидского царевича Шапура, который переселился в Бухару, получил от бухар-худата землю и построил здесь замок и деревню Вардану; к этой деревне и был проведен арык. Владетели Варданы, носившие титул вардан-худатов, до начала VIII в. были соперниками бухар-худатов; Вардана считалась даже древнее Бухары. Селение имело важное стратегическое (как пограничный пункт с кочевьями тюрков), промышленное и торговое значение[5]. В новейшее время эта местность составляла тюмень Варданзи, значительная часть которого была засыпана песком в 1868 г.[6].

3. Верхняя Харкана. Волость с этим названием находилась вне великой стены, вероятно около упомянутого выше (стр. 149) селения Харганкет, к северу от Зеравшана, против Керминии.

4. Харкан-руд; вероятно, этот арык орошал Нижнюю Харкану, волость, находившуюся внутри великой стены. Харкан-руд, по Истахри, доходил до селения Зуш; последнее, по словам Сам'ани и Якута[7], находилось около Нура, т. е. приблизительно в 20 фарсахах от Бухары.

5. Гав-хитфер; по-видимому, тот же арык у Истахри носит название Неджжар-хитфер (может быть, Бухар-хитфер). Он орошал волость этого имени и доходил до селения Хармейтан[8] (у Якута), или Хурмитан (у Сам'ани); местоположение этого селения нигде не указывается. По Нершахи, Гав-хитфер не был искусственным арыком; вода сама про-

[1] Истахри, 310—311.

[2] Изд. Шефера, 30—31.

[3] Ситняковский (*Заметки*, стр. 121 и сл.) считает, что многие из этих арыков сохранили свои названия до сегодняшнего дня. Ср. мою рецензию в ЗВОРАО, т. XIII, стр. 0115 и сл., и Бартольд, *Орошение*, стр. 119 и сл.

[4] *Кām* — местный термин в Бухаре вместо *арык* (ср. Бартольд, *Орошение*, стр. 29). Ситняковский перевел слова Кām-и Зар и Джӯ-и Зар как «Большой и Малый Зар», из чего можно заключить, что местное название обозначает каналы бо́льшие, чем обозначаемые по-персидски *джӯ*, или *джӯй* (Бартольд, *Орошение*, стр. 120).

[5] Нершахи, изд. Шефера, 14.

[6] Tomaschek, *Sogdiana*, S. 108. Тюмень был назван также по имени канала (теперь Шафиркам); см. Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, рук. Аз. муз., л. 385. Около селения Араб-хана канал теперь делится на два, старый и новый Шафиркам. И. Маркварт (*Die Chronologie*, S. 62, где он дает ошибочный перевод Shāhpūr kām ('Желание Шахпура')) отожествляет Вардану с китайским Fa-ti; ср. также Chavannes, *Documents*, Index.

[7] *Му'джам*, II, 959; Сам'ани (рук. Аз. муз., л. 205) прибавляет слова فيما اظن 'по моему мнению' (изд. Марголиуса, под словом الزوشى).

[8] Якут, *Му'джам*, II, 427; Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 145; изд. Марголиуса, под словом الخرميثنى.

ложила себе здесь ложе. Его можно отожествить с современным каналом Гудфар, или Вабкенд-Дарья (названным так по селению Вафкенд на пути в Хорезм) [1]. Ханыков тоже говорит об этом канале как о естественном ложе реки [2]. Ответвления этого канала орошают также Зендану и Рамитану.

6. Самджен; этот арык, как мы видели, носил также названия Руд-и Джарг (так у Истахри) и Харамкам и пересекал самаркандскую дорогу в 4 фарсахах от Бухары. В этой местности, вероятно, находились упомянутые у Истахри волости Передний Самджен и Задний Самджен. Самдженом назывался также водоем, куда стекала излишняя вода Зеравшана [3].

7. Пейкан [4] ('Острие стрелы'); протекал до упомянутого выше селения Варки (стр. 163), откуда брали камень для бухарских улиц.

8. Верхний Феравиз (или Фераваз); волость этого имени, подобно двум следующим, находилась внутри великой стены; арык доходил до селения Убукар [5] (?). По словам Нершахи [6], этот арык был вырыт уже в мусульманский период.

9. Нижний Феравиз, с волостью того же имени; арык носил также название Деймун; так называлось древнее селение в $2^1/_2$ фарсахах от Бухары, по дороге в Пейкенд [7].

10. Арван, с волостью того же имени; доходил до селения Банеб; местоположение последнего у Якута [8] и Сам'ани не указывается.

11. Гифер; трудно сказать, с каким из упомянутых у Истахри арыков его следует отожествить. Вероятно, тот же арык упоминается у Сам'ани [9] и Якута под названием Джифер, в рассказе о селении Удане.

12. Зер (у Истахри аз-Зар); так назывался главный городской арык

---

[1] Ср. Ибн Баттута, III, 21.

[2] Ханыков, *Описание Бухарского ханства*, стр. 32.

[3] Нершахи, изд. Шефера, 17.

[4] В изд. <Истахри> де Гуе تنكان.

[5] По Ибн Хаукалю (380) — до селения Ривкан.

[6] Изд. Шефера, 53.

[7] *Тексты*, стр. 57 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الذيموني). Название селения, до которого доходил арык (в изд. <Истахри> де Гуе — Фāрāб, что невозможно), вероятно, следует читать Ṭāрāб — селение около Хунбуна, расположенного на расстоянии 4 фарсахов от Бухары по хорасанской дороге. Ср. Якут, *Му'джам*, II, 474; III, 487; Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 269; изд. Марголиуса, под словом الطارابى. Оба Феравиза до сих пор носят то же название.

[8] *Му'джам*, I, 482.

[9] Рук. Аз. муз., л. 32 (بناحية جيفر وهو نهر بتلك الناحية); изд. Марголиуса, под словом الاودنى; вероятно, следует читать خُتَّفَر. У Якута (*Му'джам*, I, 399) этих слов нет.

Бухары (ныне Шахруд); то же название носила одна из бухарских волостей.

13. Наукенде; по Истахри, это название носили два арыка, из которых один доходил до Фераны (?), другой — до Нубаг ал-амир ('Новый сад эмира'). Последний, может быть, тождествен с селением Вануфаг, в окрестностях Тавависа[1]; в таком случае второй арык Наукенде орошал волость этого города.

14. Фарахша; доходил до селения этого имени (встречаются также формы Барахша[2], Варахша[3], Афрахша и Фарахшан[4]). Селение находилось на расстоянии 1 дня пути, или 4 фарсахов, от Бухары, по дороге в Хорезм, и носило также название Дахфендун[5]; по Нершахи, здесь было 12 арыков. Фарахша была расположена внутри великой стены, издревле составляла собственность бухар-худатов и считалась древнее города Бухары. Здесь был старый дворец бухар-худатов, простоявший, по преданию, более 1000 лет. В VIII в. его восстановили бухар-худаты Хунук-худат и Бунйат. Имение бухар-худатов, приносившее в год 20 000 дирхемов дохода, было конфисковано Саманидом Исма'илом, который предложил жителям переделать дворец в соборную мечеть, но не мог добиться своей цели. Дворец был разобран по приказанию Ахмеда, сына Нуха б. Насра, который употребил материал на постройку дворца около ворот бухарской цитадели. В Варахше праздновался «новый год земледельцев», на 5 дней раньше, чем новый год магов. Название этого древнего селения, по-видимому, сохранилось в имени большого холма вблизи селения Рамитан[6].

15. Кушна; этот арык уже был упомянут при перечислении городских арыков (см. стр. 157).

16. Рамитан (Рамитана), доходивший до селения того же имени. Укрепленное селение Рамитан[7], сохранившее свое название до сих пор, было одним из самых замечательных в окрестностях Бухары. Оно считалось «древней Бухарой»[8], т. е. древней резиденцией правителей

---

[1] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 459; изд. Марголиуса, под словом الونوفاغى; у Якута (*Му'джам*, IV, 942) местоположение не указано.

[2] Ибн Хаукаль, 360; Макдиси, 282.

[3] Нершахи, изд. Шефера, 15—16, откуда заимствованы дальнейшие подробности о селении.

[4] *Тексты*, стр. 53 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الافرخشى); Якут, *Му'джам*, III, 869.

[5] Произношение этого названия указано у Сам'ани и Якута (*Му'джам*, II, 568).

[6] Зимин, *Отчет о двух поездках по Бухаре*, стр. 131. <О раскопках в Варахше см. Шишкин, *Исследование городища Варахша;* Шишкин, *Археологические работы 1947 г.;* см. также другие работы того же автора в Библиографии.— *Ред.*>

[7] Нершахи, изд. Шефера, 14—15.

[8] Макдиси, 282.

Бухарской области; и после основания Бухары местные правители нередко проводили зиму в Рамитане. Основание его приписывали мифическому Афрасиабу; соперник Афрасиаба, Кайхусрау, против Рамитана, т. е. на другом берегу арыка, основал селение Рамуш, где выстроил храм огнепоклонников, почитавшийся еще в эпоху Саманидов. О храме огнепоклонников в Рамуше говорит также Бируни[1]; здесь маги справляли один из своих главных годовых праздников. В Рамитане был храм идолопоклонников[2]. При Макдиси окрестности Рамитана находились в запустении[3].

17. Хама; доходил до селения того же имени. О местоположении этого селения мы ничего не знаем.

Таким образом, из пятнадцати волостей, расположенных внутри великой стены (Зер, Фаргидад (?), Сахар, Тававис, Бурк или Бурук (?), Нижняя Харкана, Бума (?), Неджжар-хитфер или Бухар-хитфер, Гахуштуван, Андияр-Кендман (?), Передний Самджен, Задний Самджен, Нижний Феравиз, Арван и Верхний Феравиз), шесть не могут быть приурочены к определенным арыкам; для определения их местоположения мы тоже не имеем никаких данных; из шести названий у Сам'ани и Якута[4] упоминается только Гахуштуван (по-арабски Қахуштуван), и то без указания местоположения. Названия селений приводятся арабскими географами отдельно от названий волостей, и потому мы не знаем, в каких волостях находились, например, Рамитан и Фарахша.

Что касается семи волостей, расположенных вне великой стены: Джезза (?), Шах-бахш ('Подарок царя'), Йесир (волость Кермине), Верхняя Харкана, Раменд или Гарканд[5], Пейкенд и Феребр (Фараб),— то мы можем определить положение Йесира, Верхней Харканы (см. выше, стр. 165) и двух последних, расположенных на хорасанской дороге. Пространство от Бухары до берега Аму-Дарьи описывается довольно подробно[6]. На расстоянии $1^1/_2$ фарсахов[7] от города была деревня

---

[1] *Āc̄ār ал-бāқийа,* пер. Захау, 221.

[2] Наршахи, изд. Шефера, 6.

[3] Это все, что сообщает нам Макдиси; он ничего не говорит об «обширном городище древнего города» (Le Strange, *The Lands,* p. 462). Ошибка Ле Стрэнджа исправлена мною в ЗВОРАО, т. XVII, стр. 0106. О Рамитане в настоящее время см. Зимин, *Отчет о двух поездках по Бухаре,* стр. 146 и сл.

[4] *Му'джам,* IV, 222.

[5] Может быть, вместо غرقند следует читать قزغند; селение Кузгунд, по предположению Сам'ани (*Тексты,* стр. 64; изд. Маргулиуса, под словом القزغندى), находилось в окрестностях Самарканда.

[6] Ибн Хордадбех, 25.

[7] По Кудаме (203) — 5 фарсахов, вследствие чего расстояние от Бухары до Амуля у этого автора выходит на $3^1/_2$ фарсаха больше ($22^1/_2$ фарсаха), чем у Ибн Хордадбеха; но это не подтверждается другими данными.

Мастин, или Масти, считавшаяся одним из древнейших бухарских селений[1]; в XII в. деревня находилась в запустении и была лишена воды[2]. В $2^1/_2$ фарсахах от Бухары находилась упомянутая деревня Деймун; дальше, в 3 фарсахах от города, дорогу пересекала стена. По правую сторону дороги, еще внутри стен, находились селения Худжада (3 фарсаха от Бухары и 1 фарсах от дороги) и Мугкан[3] (5 фарсахов от Бухары и 3 фарсаха от дороги). За стеной, в 4 фарсахах от Бухары, помещается селение Хунбун и рядом с ним селение Тараб[4]. На пространстве между Хунбуном, Тарабом и Рамитаном некогда был окружен согдийцами и тюрками Кутейба[5].

Наконец, в 5 фарсахах от Бухары был город Пейкенд[6], считавшийся еще в домусульманскую эпоху крупным торговым центром. Подобно Рамитану и Фарахше, Пейкенд был древнее Бухары; его называли «медным городом» или «городом купцов»[7]. Местные купцы вели торговлю с Китаем и даже морскую торговлю (вероятно, с прикаспийскими городами). Каждая бухарская деревня имела около ворот Пейкенда рабат (подворье)[8]; таких рабатов было более 1000; в них содержались отряды для противодействия набегам тюрков. Начало упадка рабатов (очевидно, они после усиления внешней безопасности уже не были нужны) Нершахи относит к 240/854-55 г.; при Макдиси часть рабатов лежала в развалинах, хотя город в эпоху Саманидов находился в цветущем состоянии. Он был окружен крепкой стеной, и город в пределах внутренней стены[9] имел только один вход; было два базара: один — в цитадели, другой — в предместии. Соборная мечеть славилась своим михрабом, который был позолочен и украшен драго-

---

[1] Нершахи, изд. Шефера, 6.

[2] *Тексты*, стр. 66 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الماستينى).

[3] Истахри, 315.

[4] Сам'ани, рук. Аз. муз., лл. 154, 269; изд. Марголиуса, под словами الخنبسونى и الطارابى; Якут, *Му'джам*, II, 474; III, 487 (где пропущены слова عند خنبون). Худжада также упоминается у Сам'ани (изд. Марголиуса, под словом الخجادى) как большое селение с мечетью.

[5] Нершахи, изд. Шефера, 44.

[6] Там же, 16—17; Истахри, 314; Макдиси, 282.

[7] Табари, II, 1185. О «медном городе» или «медном замке» как о термине «мифической географии» см. Marquart, *Beiträge*, S. 639; также Marquart, *Erānšahr*, S. 83, 93. <См. также Зимин, *Развалины старого Пейкенда;* Кесати, *Раскопки на Пайкенде.* — *Ред.*>

[8] <В англ. изд. 1928 г., стр. 117: «a rabāṭ (military station or kārawan-sarāy)». Судя по контексту, здесь имеется в виду первое значение — 'военная станция'.—*Ред.*>

[9] Это, очевидно, и есть значение слова حصن в этом месте, как часто у Макдиси (ср. на той же странице: قهندز وحصن и حصن وقهندز; на стр. 291, 8: الجامع فى الحصن والقهندز خارج منه).

ценными камнями; по своей позолоте он превосходил все прочие михрабы Мавераннахра. Город находился на краю степи, и потому в окрестностях его не было деревень; только к западу от него, на самом краю степи, находилось укрепленное селение Амдиза. Около Пейкенда протекал арык Харамкам, не всегда доходивший до города; вода впадала в озеро Самджен. Названия Харамкам и Самджен показывают, что имеется в виду тот же арык, который пересекал хорасанскую дорогу в 4 фарсахах от Бухары (см. выше, стр. 150 и 166); лишняя вода его, по словам Истахри[1], возвращалась в реку. Водоем Самджен в XII в. упоминается также под названием Баргин-и ферах ('Обширный водоем'), наконец, и под своим нынешним тюркским названием Кара-куль ('Черное озеро'); здесь было огромное количество птиц и рыб. Между Пейкендом и Фарабом, уже описанным выше, простиралась песчаная степь, занимавшая пространство в 12 фарсахов[2].

Город Пейкенд, подобно многим другим, после падения государства Саманидов пришел в упадок; в начале XII в. Арслан-хан сделал попытку восстановить его, даже построил для себя здесь дворец и хотел прорыть для города новый арык. Город был расположен на горе, но гора не была высока; хан велел прорыть ее, чтобы провести воду; оказалось, что гора состояла из крепкой каменистой породы, и после тщетной попытки, поглотившей много денег и стоившей жизни множеству людей, предприятие было оставлено. Невозможность провести воду, вероятно, была одной из причин недолговечности построек Арслан-хана; уже Сам'ани[3] нашел здесь только развалины, в которых жило

---

[1] Истахри, 311. Из этих данных, кажется, можно вывести заключение, что арык Зер и арык мельницы (см. выше, стр. 156—157) были ветвями арыка Харамкам.

[2] Сам'ани (изд. Марголиуса, под словом الكبيرى) и Якут (*Му'джам,* IV, 234) упоминают также «большое селение» (араб. *ал-қарйат ал-кабйра,* перс. *дих-и бузург)* близ Джейхуна, в окрестностях Бухары (так у Сам'ани).

[3] *Тексты,* стр. 55 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом البيكندى; здесь буква ى после числительного, вероятно, вставлена ошибочно). Очень краткие известия о нынешнем состоянии развалин сообщил Н. Ф. Ситняковский (*Сообщение в заседании ТКЛА 11 декабря 1896 г.,* стр. 20), по словам которого на арыке Пейкенд есть 9 небольших селений, а в 3 верстах от них, «на приподнятой местности, сохранились развалины укрепления, в виде прямоугольного четыреугольника, и развалины жилых построек». Зарисовки и описание у Пампелли (Pumpelly, *Explorations,* p. 10) дают в целом совершенно неверный вид городища. Подробное описание с рассказом о раскопках, произведенных им, опубликовано Л. Зиминым (*Развалины старого Пейкенда; Отчет о весенних раскопках; Отчет о летних раскопках*). Развалины древнего города называются Старым Пейкендом (Пейкенд-и кухне); существует также и современный Пейкенд, который в истории XIX в. известен как крепость. Древний город имел окружность не более 678 саженей (немного более $^7/_8$ мили) и одни ворота (как в описании Макдиси); предметы, найденные археологами (особенно медные монеты), относятся, кажется, к саманидскому периоду.

несколько туркменских семейств. Сам'ани видел также следы рабатов, число которых, по его словам, некогда доходило до 3000.

Нершахи описывает еще следующие бухарские деревни:

1. Нур[1], ныне Нур-Ата, к северо-востоку от Бухары, около гор. Селение имело соборную мечеть и много рабатов; оно славилось своими священными могилами, куда стекались паломники. Находясь на границе между культурной областью и степью, селение должно было иметь также важное стратегическое значение; как укрепление оно упоминается в истории борьбы последнего Саманида, Мунтасира, со своими врагами[2]. На расстоянии 1 фарсаха от Нура, в 20 фарсахах от Бухары, было селение Сичар, или Чичар[3].

2. Афшина, укрепленное селение[4]; Макдиси[5] помещает его к западу от Бухары. Здесь еще Кутейба выстроил мечеть; поэтому Афшина может быть тожественна с упоминаемым у Табари[6] местечком Месджид, на расстоянии фарсаха от Бухары.

3. Баркад[7], древнее селение с древней крепостью. Эмир Исма'ил купил это селение и доходы с него разделил между потомками Али ($^5/_7$), бухарскими бедняками ($^1/_7$) и своими собственными наследниками ($^1/_7$).

В разных местах своего сочинения Нершахи называет еще селения Исвану[8], Сакматин, Самтин[9] (см. стр. 160), Самдун[10] (может быть, тожественно с предыдущим), Суфну, Сиванч[11], Гиджду ван, или Гуджду ван[12] (Сам'ани — он пишет Гуджда ван[13] — помещает его на расстоянии 6 фарсахов от Бухары и приписывает ему важное торговое значение).

---

[1] Нершахи, изд. Шефера, 10—11; Якут, *Му'джам,* IV, 822.

[2] Нершахи, изд. Шефера, 225.

[3] Якут, *Му'джам,* III, 40.

[4] Нершахи, изд. Шефера, 14. У Сам'ани и Якута (*Му'джам,* III, 902) فشنة; у Якута также (*Му'джам,* I, 330). أفشنة.

[5] Макдиси, 282.

[6] Табари, II, 1516.

[7] Нершахи, изд. Шефера, 14. Селение упоминается у Сам'ани (*Тексты,* стр. 54; изд. Марголиуса, под словом البركدى) и у Якута (*Му'джам,* I, 589) без указания местоположения.

[8] Нершахи, изд. Шефера, 5.

[9] Там же, 6.

[10] Там же, 32.

[11] Там же, 5—10. Сиванч, может быть, тожествен с Исваной.

[12] Там же, 66.

[13] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 306; изд. Марголиуса, под словом الغجدوانى: قرية من قرى بخارا على ستة فراسخ منها وبها سوق فى كل اسبوع يوما يجتمع فيها اهل القرى للبيع والشرا.

Селение сохранило свое название Гидждуван до сих пор, оно орошается арыком Харкан-руд, или Калкан-руд; это — «Нижняя Харкана» средневековых географов. В современной литературе район (тюмень) называют иногда по селению (тюмень Гидждуван), а иногда по арыку (тюмень Харкан-руд) [1]. Нершахи упоминает также селение и крепость Нершах, или Нерджак [2] (о его местоположении см. ниже, <стр. 180>). У Макдиси [3] мы также встречаем несколько названий, не упомянутых другими географами, именно Аушар (большое селение, со многими садами, на границе с владениями тюрков), Зермитан (укрепленное селение с соборной мечетью) и Вахсун (большое укрепленное селение). По словам Макдиси, в окрестностях Бухары было несколько больших селений, вполне соответствовавших городам, но не имевших соборной мечети; согласно учению ханифитов, позволение строить соборную мечеть вне крупных городов давалось очень неохотно; даже жители Пейкенда добились этого права только с большим трудом [4].

В заключение нашего обзора бассейна Зеравшана нам остается еще перечислить в алфавитном порядке названные в словарях Сам'ани и Якута [5] селения, не упомянутые географами. Эти названия следующие [6]:

---

[1] См. Бартольд, *Орошение,* стр 120.

[2] Нершахи, изд. Шефера, 67.

[3] Макдиси, 282.

[4] Ср. у Сам'ани, под словом الشامسى, в связи с постройкой пятничной мечети в Керминии (Кермине).

[5] Как известно, словарь Сам'ани был главным источником Якута; однако некоторые селения, названные у Сам'ани, у Якута совсем не упоминаются; иногда Якут опускает слова Сам'ани, определяющие местоположение селения. При составлении нашего списка нам служил образцом список мервских селений, составленный проф. В. А. Жуковским (*Развалины Старого Мерва,* стр. 35—48).

[6] Установление истинного произношения названий затрудняется тем, что арабские авторы старались подчинить эти названия законам арабского произношения, не допускающего двух согласных после долгого гласного и трех также после краткого гласного. Следы этого стремления видны как у Сам'ани, так и у Якута — в тех словах, о которых они знали только из письменных источников; так, Сам'ани дает совершенно невероятные чтения: Сентебат вместо Сенгбат и Сурхакет вместо Сурхкет; в таких случаях мы нашли возможным оставить без внимания его вокализацию. Зависимость от арабской фонетики у Сам'ани несколько меньше, чем у Якута; Сам'ани пишет Сутхан, Якут — Сутахан (*Му'джам,* III, 183). В тех названиях, произношение которых им самим приходилось слышать, как Сам'ани, так и Якут оставляют арабскую фонетику в стороне; в этом отношении особенно характерно приведенное у Якута название Гаушфиндж (*Му'джам,* III, 825). Особенно важно определить произношение окончаний, повторяющихся во множестве названий и без сомнения имевших нарицательное значение. В этом отношении Сам'ани дает нам возможность исправить некоторые неточности Якута, например восстановить чтение *фагн* вместо *фаган.*

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Агдун	الاغدونى	I, 319	Селение в окрестностях Бухары
Агзун	الاغزونى	I, 319	Вероятно, тожественно с предыдущим, по справедливому замечанию Якута
Анбердуван	الانبردوانى	I, 369	Селение в окрестностях Бухары
Андак	الانداقى	I, 371	В 3 фарсахах от Самарканда; вероятно, тожественно с современным Ургутом (западную часть селения до сих пор называют Андак), хотя расстояние несколько больше
Андек	الاندقى	I, 374	В 10 фарсахах от Бухары
Анджаферин, или Анджуфарин	الانجافرينى	I, 371	В окрестностях Бухары
Аникфардар (?)	—	I, 393	Без указания на написание. В окрестностях Бухары
Анисун	الانيسونى	I, 393	В окрестностях Бухары (*Тексты*, стр. 93<из Ауфи>)
Асменд — см. Усменд			
Афшаван	الافشوانى	I, 330	В 4 фарсахах от Бухары
Баб	—	I, 437	В окрестностях Бухары
Баба	البابى	I, 452	В окрестностях Бухары
Бабиш	البابشى	I, 445	В окрестностях Бухары
Баден	البادنى	I, 460	В окрестностях Бухары
Бардиза	الباردیزى	I, 463	В бухарской культурной полосе (*савад*)
Барсхан (у Якута Барсухан)	البرسخى (изд. Марголиуса, л. 74б)	I, 565	В 2 фарсахах от Бухары (*Тексты*, стр. 53). Сам'ани останавливался здесь на обратном пути из Беррании (возможно, из Беррана, см. ниже)
Бедакед, или Бедакеда	البداكدى	I, 523	В окрестностях Бухары
Бедихун	البذيخونى	I, 531	В 4 фарсахах от Бухары, вблизи Мугкана (в рук. مغطان, см. выше, стр. 169); Сам'ани проехал здесь на обратном пути из Сурмары (см. ниже). Селение некогда было населено шафиитами, но в XII в.

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
			было населено ханифитами (*Тексты*, стр. 53)
Бендимеш	البنديمشى	I, 745	Селение, находившееся, как полагал Сам'ани, в окрестностях Самарканда
Беракед, или Беракедан	البراكدى	I, 538	В окрестностях Бухары (вероятно, тожественно с Бедакедом может быть также с Баркадом; см. стр. 171)
Бердад	البردادى	I, 551	В 3 фарсахах от Самарканда, по дороге в Иштихан
Берран, Бурана, или Фауран	البورانى (изд. Марголиуса, л. 70б)	I, 540	В 5 фарсахах от Бухары
Берфашх	البرفشخى (изд. Марголиуса, л. 74б)	I, 568	В окрестностях Бухары
Бесба	البسبى (изд. Марголиуса البسبنى)	I, 611	В окрестностях Бухары
Бесикаир	البسكايرى	I, 624	В окрестностях Бухары
Бинкет	البنكنى	I, 746	В окрестностях Иштихана
Бирмес	(рук. Аз. муз., л. 69; в изд. Марголиуса нет)	I, 785	В окрестностях Бухары; названия Бирмес и Димес (см. стр. 151) можно принять за тюркские слова (букв. 'не даст' и 'не скажет'); мы не решаемся, однако, предложить такое толкование, так как не имеем основания предполагать, что в Мавераннахре уже в XII в. были тюркские селения
Бурам	—	I, 594	Название района, называемого ابغر у Истахри (322) и упомянутого под этим же названием самим Якутом (*Му'джам*, I, 93)
Бурсан	—	I, 565	В окрестностях Самарканда
Бутайин, или Бутанин	البتيينى и البتنينى	I, 490	1/2 фарсаха от Дабусии, между этим городом и Арбинджаном (ср. *Тексты*, стр. 53)

Название	Ссылки		Примечания
	Сам'ани, под словом	Якут, *Му'джам*	
Вабкена (у Якута Вабекна)	الوابكنى	IV, 872	3 фарсаха от Бухары; упоминается также у Ибн Баттуты (III, 21) на пути из Хорезма в Бухару; ныне Вафкенд
Вазагар	الوزاغرى	IV, 926	В окрестностях Самарканда
Вазвин	الوزوينى	IV, 926	В окрестностях Бухары
Ванендун	الونندونى	IV, 942	В окрестностях Бухары на арыке Харамкам (*Тексты*, стр. 69). Сам'ани останавливался здесь на обратном пути из Беррании (см. стр. 174)
Вануфаг	الونوفاغى	IV, 942	Около Тавависа
Вануфах	الونوفخى (в изд. Марголиуса ошибочно الونوفجى)	IV, 942	В окрестностях Бухары; вероятно, тожественно с предыдущим
Вибауд (у Якута Вейбауда)	الويبودى	IV, 944	В окрестностях Бухары
Гаген, или Джаджен	الجاجنى	II, 4	В окрестностях Бухары (*Тексты*, стр. 65)
Гадан, или Гадана	الغذانى	III, 776	В окрестностях Бухары
Гашид, Гашида, Гашти или Гашита	الغشيدى	III, 803	В окрестностях Бухары (*Тексты*, стр. 63)
Гишти, возможно Гишта (у Якута Гишати)	الغيشتى	III, 828	В окрестностях Бухары (вероятно, тожественно с предыдущим)
Гудашфердер (у Якута Гудашферд)	الغذشفردرى	III, 776	В окрестностях Бухары
Гудждаван (у Якута Гудждуван)	الغجدوانى	III, 775	В 6 фарсахах от Бухары
Гунджир	الغنجيرى	—	В окрестностях Самарканда (*Тексты*, стр. 63)
Гуреджк	الغورجكى	III, 821	В окрестностях Иштихана
Гурешк	الغورشكى	III, 823	В окрестностях Самарканда (вероятно, тожественно с предыдущим)
Гурминева	الغرمينوى	—	В волости Маймург, 2 или 3 фарсаха от Самарканда (*Тексты*, стр. 63)

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Гушдан	الغشدانى	III, 803	В окрестностях Самарканда, около гор Шавдар
Дахфендун	الدخفندونى	II, 558	В окрестностях Бухары (см. выше, стр. 167)
Демма	الذمّى	II, 721	2 фарсаха от Самарканда (*Тексты*, стр. 57)
Дер'айна	الذرعينى	II, 719	В окрестностях Бухары
Дерзив	الدرزيوى	II, 567	3 фарсаха от Самарканда, по пути в Катван (см. ниже)
Дехинева	الذخينوى	II, 717	3 фарсаха от Самарканда
Джахзен, или Джахзена	الجخزنى	II, 36	3 фарсаха от Самарканда
Джирахашт	الجيراخشتى	II, 173	В окрестностях Бухары
Джуйбар	الجويبارى	II, 163	По мнению Сам'ани, в окрестностях Самарканда
Дибадван	الذيبدوانى	II, 727	В окрестностях Бухары
Дизак	الديزكى	II, 710	В окрестностях Самарканда
Завир	الزاورى	II, 910	В окрестностях Иштихана
Загарсерс (у Якута Загарсаусен)	الزاغرسرسى	II, 907	В окрестностях Самарканда или Несефа
Заз (у Якута Зар)	الزازى	II, 906	В окрестностях Иштихана
Замитан, или Замитана	—	II, 909	В окрестностях Бухары; сам Якут в другом месте (II, 739) называет форму Замитан ошибочным правописанием (со стороны Умрани) названия селения Рамитан (см. выше, стр. 167)
Зебагдуван, или Себагдуван	الزبغدوانى	II, 914	В окрестностях Бухары
Зекан	الزكانى	II, 938	В окрестностях Самарканда, между Зерманом и Кемерджой (см. ниже)
Зенд	الزندى	II, 951	В окрестностях Бухары (*Тексты*, стр. 58)
Зендермитан	الزندرميثنى	II, 951	В окрестностях Бухары
Зерахш	الزرخشى	II, 923	В окрестностях Бухары

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Зергеран	الزركراني	II, 925	В самаркандской волости Бузмаджен
Зеренгера, или Зеренджера	الزرنجرى	II, 926	5 фарсахов от Бухары
Зерудиза	الزروديزكى	II, 928—929	4 фарсаха от Самарканда, около Кешского перевала
Зимлик (у Якута Зимлика)	الزملقى	II, 944	В окрестностях Бухары
Идадж, Идудж, или Идух	الايذ .ى и الايذوخى	I, 417	3 фарсаха от Самарканда, около гор Шавдар
Исбискет	الاسبسكثى (изд. Марголиуса, л. 29 б)	I, 238	2 фарсаха от Самарканда
Искарен	الاسكارنى	I, 252	1 или 2 фарсаха от Дабусии; причислялось к окрестностям Кушании (т. е. находилось к северу от Зеравшана)
Исмитан	الاسميثنى	I, 265	В окрестностях Кушании, недалеко от Самарканда
Истан (у Якута Иста)	الاستانى	I, 240	3 фарсаха от Самарканда
Исфаранджа	الاسفرنجى	I, 248	В Согде
Йесиркет	اليسيركثى	IV, 1021	1 фарсах от Самарканда
Каишкен (у Якута Кашкен)	الكايشكنى	IV, 228	В окрестностях Бухары (*Тексты*, стр. 65)
Камдед, или Камдиз	الكامددى	IV, 230	В окрестностях Бухары
Карзен (у Якута Каразн)	الكارزنى	IV, 224	В окрестностях Арбинджана
Катван	القطوانى	IV, 139	5 фарсахов от Самарканда; во времена Сам'ани здесь была соборная мечеть и гробницы правоверных, павших в знаменитой битве 1141 г.[1]

[1] О местоположении Катванской равнины см. ниже описание бассейна Сыр-Дарьи.

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Кебуд	الكبوذى	IV, 234	4 фарсаха от Самарканда, около Фарана (?)
Кемерд	الكمردى	IV, 304	В окрестностях Самарканда или вообще в Согде; в местоположении его сомневался еще Идриси (см. выше, стр. 60)
Кемерджа	الكمرجى	IV, 304	7 фарсахов от Самарканда. В этой крепости в 110/728-29 г. было осаждено арабское войско [1]
Кемере, или Кемера	الكمرى	IV, 304	В окрестностях Бухары
Кендасерван	الكندسروانى	IV, 309	В окрестностях Бухары
Кендукин	الكندكينى	IV, 310	1/2 фарсаха от Дабусии
Кесадун	الكسادنى	IV, 273	В окрестностях Самарканда
Кетта	الكثوى	IV, 239	4 фарсаха от Бухары, по дороге из Сурмары в Мугкан (*Тексты*, стр. 65)
Кефсисиван, или Кефшишиван	الكفسيسوانى	IV, 292	В окрестностях Бухары. В изд. Марголиуса у Сам'ани написано, вероятно по ошибке, Кафисйсива̄н
Кузгунд	القزغندى	IV, 87	По мнению Сам'ани, в окрестностях Самарканда (см. выше, стр. 168, прим. 5; см. также *Тексты*, стр. 64)
Кунда, или Кунд	الكندى	IV, 309	В окрестностях Самарканда
Кундикет	الكنديكثى	—	В волости Даргам (*Тексты*, стр. 65—66)
Куфин	الكفينى	IV, 293	Селение в окрестностях Бухары или местность в самой Бухаре [2]
Маджендан	الماجندانى	IV, 379	5 фарсахов от Самарканда
Маджерм	الماجرمى	IV, 379	В окрестностях Самарканда
Маргбун	المرغبونى	IV, 500	В окрестностях Бухары

[1] Табари, II, 1516—1523.

[2] <Куфин — в окрестностях Кермине. — *В. М.*>

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Меджбес, или Меджбест (у Сам'ани Меджубс, или Меджубсат)	المجبسى и المجبستى	IV, 418	В окрестностях Бухары (*Тексты*, стр. 66)
Мезренкн, или Мезренджен (т. е. Мезренген)	المزرنكنى (или المزرنكى)	IV, 521	В окрестностях Бухары
Мепкет	—	IV, 671	В окрестностях Бухары
Миг	الميغى	IV, 717	В окрестностях Бухары (*Тексты*, стр. 67)
Миган	الميغنى	IV, 717	В окрестностях Самарканда (по мнению Сам'ани)
Миджду н	المجدونى	IV, 419	В окрестностях Бухары, название этого селения бухарцы произносили Биздун
Мидьямаджкет (у Якута Медьямаджкет)	المذيامجكثى	IV, 472	В окрестностях Керминии
Миз	—	IV, 822 (из Умрани)	Селение в 3 днях пути от Бухары и Самарканда
Мудьянкен (у Якута Медьянкен)	المذيانكنى	IV, 472	В окрестностях Бухары
Мудьянкет (у Якута Медьянкет)	المذيانكثى	IV, 450	В окрестностях Бухары (очевидно, тождествен с предыдущим)
Музн	المزنى	IV, 521	3 или 4 фарсаха от Самарканда
Музнува (у Якута Мезнева)	المزنوى	IV, 521	4 фарсаха от Самарканда (*Тексты*, стр. 67)
Мурзин (у Якута Мезрин)	المرزينى	IV, 521	В окрестностях Бухары (*Тексты*, стр. 67)
Науджабад (у Якута Нуджабад)	النوجاباذى	IV, 821	В окрестностях Бухары
Наузабад (у Якута Нузабад)	النوزابادى	IV, 822	В окрестностях Бухары
Наукедек (у Якута Нукедек)	النوكدكى	IV, 826	В окрестностях Иштихана
Наукенд[1] (у Якута Нукенд)	النوكندى	IV, 826	В окрестностях Самарканда, по мнению Сам'ани

[1] <В англ. изд. (стр. 128) — Нукенд (Nūkand). — *Ред.*>

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Науфар	—	IV, 824	В окрестностях Бухары
Наухас (у Якута Нухас)	النوخسى	IV, 821	В окрестностях Бухары
Нафахс (у Якута Нафахш)	النافخسى	IV, 732	2 фарсаха от Самарканда
Нахль	النحلى	IV, 765	В окрестностях Бухары
Нева	النوى	IV, 815	2 (у Якута — 3) фарсаха от Самарканда, недалеко от Ведара (см. выше, стр. 146); Сам'ани проехал здесь на обратном пути из Ведара в Самарканд
Некабун (у Якута Накбун, или Некбун)	النقبونى и النكبونى	IV, 803, 811	В окрестностях Бухары
Нершах	النرشخى	—	В окрестностях Бухары, недалеко от Вабкены (см. выше; см. также *Тексты*, стр. 68)
Нуджаникет	النجانيكثى	IV, 744	Небольшой город в окрестностях Самарканда; по мнению Сам'ани, недалеко от Осрушаны
Пяндж, или Пяндж-рудек	البنجى	I, 742	В окрестностях Самарканда (родина поэта Рудеки; см. *Тексты*, стр. 54)
Рагин (у Якута Раган)	الراغنى	II, 734	В окрестностях Дабусии
Рамен (у Якута Рамани)	الرامنى	II, 738	2 фарсаха от Бухары, недалеко от Хунбуна; при Сам'ани это селение лежало в развалинах
Резмаз, или Резман	الرزمازى	II, 776	6 или 7 фарсахов от Самарканда, между Иштиханом и Кушанией
Резманах	الرزماناخى	—	1 фарсах от Бухары
Рекунд	الركندى	—	В окрестностях Самарканда (*Тексты*, стр. 58)
Рестагфер (у Якута Рестагфир)	الرستغفرى	II, 778	В окрестностях Иштихана; возможно, то же самое, что и Рустуфагн или Рустагфагн (см. ниже)

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Рехинева (у Якута Рехинун)	الرخينوى	II, 772	3 фарсаха от Самарканда
Ривартун	الريورتونى	II, 891	В окрестностях Бухары; упоминается в XIV в. как резиденция Беха ад-дина Накшбенда
Ривда (или Ривд)	الريودى	II, 890	В окрестностях Бухары
Ригдамун (у Якута Ригадмун)	الريغدمونى	II, 888	4 фарсаха от Бухары
Рихшен (у Якута Рихашн)	الريخشنى	II, 885	В окрестностях Самарканда, по мнению Сам'ани
Рудфагкед (так у Якута)	الروذفغكدى (sic, очевидно ошибочно, вместо روذفغكدى)	II, 833	В окрестностях Самарканда
Рустуфагн (у Якута Рустагфан, может быть ошибочно, вместо Рустагфагн)	الرستفغنى	II, 778	В окрестностях Самарканда, ныне поселок Бейли-Ата, там показывают гробницу Абу-л-Хасана Растафигани (sic), который именуется у Сам'ани Абу-л-Хасан Али б. Са'ид ар-Рустуфагни [1]
Руфун	الرفونى	II, 796	В окрестностях Самарканда
Сагардж	الساغرجى	III, 11	5 фарсахов от Самарканда, в окрестностях Иштихана [2]
Саркун	الساركونى	III, 9	На обработанных землях оазиса Бухары
Себедмун, Субедмун, или Себедун	السبذمونى	III, 31	1/2 фарсаха от Бухары
Себира, или Сибара	السبيرى	III, 36	На обработанных землях оазиса Бухары

[1] Вяткин, *Материалы*, 49.

[2] Ср. описание, данное Вяткиным (Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина, 252): «Согардж... лежал на с.-з. от Самарканда, в долине Зарафшана, верстах в четырех от селения Янги-кургана, где в настоящее время видны на большом пространстве развалины и намогильные камни». Период наибольшего расцвета в истории Сагарджа относится ко времени правления узбеков (особенно при Джанидах), когда он был столицей отдельного княжества.

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Секан, или Аскан	السكانى	III, 106	В окрестностях Арбинджана
Секбиян	السكبيانى	III, 106	В окрестностях Бухары, около Бемиджкета (см. выше, стр. 151)
Семиджен	السميجنى	III, 147	В окрестностях Самарканда, близ Мерва (?; так у Сам'ани)
Сенгбат, или Сангабат	السنكباثى	III, 168	В окрестностях Арбинджана
Сенджуфин (у Якута Сенджефин)	السنجفينى	III, 162	В Осрушане, близ Самарканда (т. е., вероятно, в волости Бурнемед, см. выше, стр. 145)
Сердер (у Сам'ани سردرى)	السردرى	III, 74	В окрестностях Бухары
Сияра, или Сияза	السيازى	III, 207	В окрестностях Бухары (вероятно, тожественна с Себирой)
Субидгук	السبيذغكى	III, 36	В окрестностях Бухары
Сугдан	—	III, 94 (из *Умрани*)	В окрестностях Бухары
Сурмара	السرمارى	III, 82	3 фарсаха от Бухары
Сурхкет	السرخكتى	III, 72	В самаркандском Гарджистане (т. е., вероятно, в горной области верхнего Зеравшана). Сурхкет упоминается у Ауфи (*Лубāб ал-албāб*, I, 179) как родина Меджд ад-дина Аднана
Сутикен	الستيكنى	III, 39	В окрестностях Бухары
Сутифагн, или Сутифагна	الستيفغنى	III, 39	В окрестностях Бухары
Сутхан	السوتخنى	III, 183	В окрестностях Бухары
Суфредан (у Якута Суфрадан)	السفردانى	III, 97	В окрестностях Бухары
Суяндж	—	III, 202	В окрестностях Бухары
Тагама	—	III, 832	На обработанных землях (*сувāд*) Бухары
Таден	التاذنى	I, 810	В окрестностях Бухары (вероятно, тожественно с Баденом)

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Тадиза	التاديزى	I, 810	В окрестностях Бухары
Тараб	الطارابى	III, 487	В окрестностях Бухары, около Хунбуна
Тарвах, или Тирвах, или Тараха, или Тазаха (у Якута Тарāχа и Турвāχā, местное произн. Тарāχā, или Тирāχā)	التراخى и الطرواخى	I, 833, 847; III, 534	4 фарсаха от Бухары
Тахсанджкет	التخسانجكثى	I, 828	В окрестностях Самарканда
Тахси	التخسيجى	I, 828	5 фарсахов от Самарканда, в волости Абгар
Тим	—	I, 908 (на основании Ибн ал-Факиха. но в изд. де Гуе нет)	Селение в Согде
Туд	التوذى	I, 891	3 фарсаха от Самарканда, около Ведара
Тумтар	—	I, 873	В окрестностях Бухары
Тумушкет	—	I, 874	В окрестностях Бухары
Турбан	التربانى	I, 833	5 фарсахов от Самарканда, около Ференкета
Турнавед	التراناوذى	I, 844	В окрестностях Бухары
Тусен	الطوسنى	III, 562	В окрестностях Бухары
Тускас (у Якута Тусакас)	التوسكاسى	I, 894	1 фарсах от Самарканда
Тушк да за	—	I, 852	В окрестностях Самарканда
Удана	الاودنى	I, 399	В окрестностях Бухары, в местности Джифер (Гифер), на арыке того же имени (см. выше, стр. 166)
Урухс	الارخسى	I, 197	4 фарсаха от Самарканда, около гор Шавдар
Усменд (у Якута Асменд, или Семенд	الاسمندى	I, 265	В окрестностях Самарканда

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Фаг	الفاغى	III, 845	В окрестностях Самарканда, по мнению Сам'ани
Фагандиза (у Якута Фагандиз)	الفغانديزى	III, 904	В окрестностях Бухары
Фагдин, или Фагдиз (у Якута Фигдин, или Фигдиз)	الفغديرى (sic) и الفغدينى	III, 904	В окрестностях Бухары
Фагитусин, или Фагитисин	الفغيطوسينى	III, 904	В окрестностях Бухары
Фагифед	—	III, 904	В Согде
Фай	الفيى	III, 936	Между Иштиханом и Кушанией; это, конечно, название арыка, упомянутого выше
Фамин	الفامينى	III, 848	В окрестностях Бухары
Фараб	الفرابى	III, 860	8 фарсахов от Самарканда, у подножия горы, около плотины; и теперь такое название носит селение на границе между русскими и бухарскими владениями
Фауран — см. Берран			
Фашук	الفاشوقى	III, 844	В окрестностях Бухары
Фердед	الفرددى	III, 870	В окрестностях Самарканда, около Йезна (Сам'ани, изд. Марголиуса يزن — может быть, Музн?)
Ферджая	الفرجائى	III, 869	В окрестностях Самарканда
Фурфара	الفورفارى	III, 923	$1^1/_2$ фарсаха от Самарканда, в окрестностях Арбинджана (?)
Фуядсун (у Якута Фиядесун)	الفياذسونى	III, 926	В окрестностях Бухары
Хавус	الخاوصى	—	Город выше Самарканда
Хазван, или Хажван	الخزوانى	II, 440	В окрестностях Бухары
Хайдештер, или Хандештер (так у Якута; Сам'ани не обозна-	الخيذشترى	II, 506	В окрестностях Иштихана

Название	Ссылки		Примечания
	Сам'ани, под словом	Якут, *Му'джам*	
чает гласной при первой букве)			
Хаканджа	—	II, 457	В окрестностях Бухары
Хараджер, или Хараджера	الخراجرى	II, 408	1 фарсах от Бухары, в волости Верхний Фераѳиз; возможно, то же самое, что и селение, называвшееся Хайрахара или Хайзахаза (Сам'ани, под словом الخيراخرى, с лакуной в изд. Марголиуса; Якут, II, 506), в 5 фарсахах от Бухары около Зенданы
Харадин	الخرادينى	II, 408	В окрестностях Бухары
Харгун	الخرعونى (ع ошибочно вместо غ)	II, 423	В окрестностях Самарканда, в волости Абгар (см. *Тексты*, стр. 56)
Харкан	الخرقانى	II, 424	8 фарсахов от Самарканда, с рабатом, именуемым قرحرقان (?)
Хартенг	الخرتنكى	II, 418	3 фарсаха от Самарканда. Здесь умер и был похоронен (в 256/870 г.) знаменитый ученый Мухаммед б. Исма'ил ал-Бухари, автор сборника хадисов
Хахсар (у Якута Хахаср)	الخاخسرى	II, 385	2 фарсаха от Самарканда, в волости Даргам
Худабад	الخدابادى	II, 405	5 фарсахов от Бухары, на краю дороги (по Якуту) или (по Сам'ани) на краю степи; одно из главных селений
Худанд	الخذاندى	II, 407	$1^1/_2$ фарсаха от Самарканда
Худисер	الخديسرى	II, 406	Один из пограничных пунктов (ثغور) на границе Самаркандской области и Осрушаны
Худфиран (у Якута Худфаран)	الخذفرانى	II, 406	В окрестностях Самарканда

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Хузанд	الخزائدى	II, 436	2 фарсаха или меньше от Самарканда, может быть, тожественно с Худандом
Хумитан	الخميثنى	III, 472	В окрестностях Самарканда
Хумхисера (у Якута Хумхайсера)	الخمخيسرى	II, 470	В окрестностях Бухары
Хунамета	الخنامتى	III, 474	В окрестностях Бухары
Хурмитан (у Якута Хармейтан)	الخرميثنى	II, 427	В окрестностях Бухары
Хушагар (?)	—	II, 444 (без гласных)	В окрестностях Бухары
Хушурта	—	II, 445	В окрестностях Бухары
Хушуфагн (у Якута Хушуфаган)	الخشوفغنى	II, 447	Большое и богатое селение между Иштиханом и Кушанией [1]; в XII в. называлось «Головой моста» (Рас ал-Кантара) и считалось лучшим местом (اطيب موضع) в Согде. Крепость с этим названием (по-персидски Сер-и пуль) упоминается, как мы увидим дальше, в рассказе о походе Чингиз-хана; селение Сер-и пуль в Миянкале упоминается еще в XVI в.[2]. В 1885 г. проф. Н. И. Веселовский осмотрел развалины этой крепости, «очень интересной по своему устройству», находящиеся верстах в шести от Катта-Кургана [3]

[1] Судя по этому определению, Хушуфагн Сам'ани и Якута не тожествен с Хушуфагном Ибн Хордадбеха (26) и Кудамы (203), которые помещают его в 8 фарсахах от Самарканда, по дороге в Замин; между Баркетом (см. стр. 145) и Хушуфагном находилась степь Катван. Возможно, что мы имеем здесь ошибку Сам'ани, которую в таком случае пришлось бы объяснить тем, что Хушуфагн, так же как и селение между Иштиханом и Кушанией, носил название Сер-и пуль (на существование моста в этой местности указывает название станции Каменный мост).

[2] Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-нāме,* рук. Аз. муз., л. 275а.

[3] Веселовский, *Заметка о курганах,* стр. 255. Проф. Веселовский неправильно пишет Сары-пуль ('Желтый мост').

Название	Ссылки		Примечания
	Сам'ани, под словом	Якут, *Му'джам*	
Шабджен (у Якута Шабеджн)	الشابجنى	III, 225	В окрестностях Самарканда
Шаукан	—	III, 245	В окрестностях Бухары
Шемидиза	الشميديزكى	III, 324	В окрестностях Бухары
Шерефдан (местное произношение Ширефдан)	الشرفدنى	III, 227	В окрестностях Бухары
Шикан	الشكانى	III, 310	В окрестностях Бухары, по мнению Сам'ани. В экземпляре книги *Канд* (см. выше, стр. 61), который был в руках Сам'ани, было сказано, что это селение принадлежит к кешским, но на полях было отмечено, что оно на самом деле находится в окрестностях Бухары (см. *Тексты*, стр. 61)
Шикистан	الشكستانى	III, 311	Между Иштиханом и Кушанией
Ширван	الشيروانى	III, 352	В окрестностях Бухары, около Бемиджкета
Ширгавшун	الشيرغاوشونى	III, 352	В окрестностях Бухары
Шия, или Шиян	الشيائى	III, 345	4 фарсаха от Бухары
Шухнак (у Якута Шуханан)	الشوخناكى	III, 333	В окрестностях Самарканда
Юганк	اليوغنكى	IV, 1044	В окрестностях Самарканда
Юхасун (у Якута Юхашун)	اليوخسونى	IV, 1043	В окрестностях Бухары

Дороги, соединявшие Бухару и Самарканд с Балхом, проходили через долину Кашка-Дарьи, уступавшую по своему значению долине Зеравшана, но все-таки отличавшуюся плодородием. Теперь, после присоединения лучшей части Зеравшанской долины к русским владениям, долина Кашка-Дарьи является житницей Бухарского ханства; город Карши считается вторым городом в бухарских владениях.

Название Кешк-руд, очевидно находящееся в связи с нынешним

названием реки, по Ибн Хаукалю[1], носила волость, где находились истоки реки, протекавшей мимо северных ворот Кеша[2]. Мимо южных ворот протекал другой рукав, Асруд, вытекавший из гор Сиям, или Синам; как мы видели, такое же название носили горы, из которых вытекает Каратаг-Дарья, так что это название, вероятно, прилагалось ко всей северной части Гиссарского кряжа. В горах Сиям находилась крепость, где в 70-х годах VIII в.[3] заперся со своими приверженцами пророк Муканна', в течение нескольких лет успешно отражавший нападения арабов. Кроме названных, упоминаются еще следующие протоки: Джадж-руд, 1 фарсах к северу от Кеша, ныне Уйзель, на котором теперь стоит город Китаб; Хушк-руд, 1 фарсах к югу от Кеша, ныне Кызыл-су, или Яккабаг-Дарья; Хузар-руд, 8 фарсахов к югу от Кеша, ныне Хузар-Дарья, или Катты-уру-Дарья[4].

Город Кеш[5], ныне Шахрисябз (по местному произношению Шаарсабиз); некогда, по словам Я'куби[6], считался главным городом Согда; в эпоху Саманидов он находился в упадке, что, вероятно, следует объяснить возвышением Самарканда и Бухары. И здесь мы, по обыкновению, находим шахристан с четырьмя воротами: 1) Железные ворота, 2) ворота Убейдаллаха, 3) ворота мясников, 4) ворота внутреннего города. Для определения местоположения этих ворот мы не имеем данных; только название реки заставляет предполагать, что «ворота мясников» находились на южной стороне. Шахристан и цитадель в

[1] Ибн Хаукаль, 376.

[2] У де Гуе (Истахри, 324; Макдиси 282) — Нахр ал-Кассарин <'Канал белильщиков'>. Рукописи также дают название Нахр ал-Кассабин <'Канал мясников'> каналу и прилегающим к нему воротам; в персидских переводах мы находим также названия Руд-и Казуран (соответствующее арабскому Нахр ал-Кассарин) и Руд-и Кассабан.

[3] Год начала и год конца восстания в различных источниках приводятся различно. В пользу рассказа Нершахи (изд. Шефера, 72), по которому Муканна' защищался в своей крепости 14 лет, можно привести только свидетельство Бируни (*Āṯār ал-бāқийа*, изд. Захау, 211; пер. Захау, 194).

[4] Главная река называется китайцами Та-мо (Chavannes, *Documents*, p. 145) и упоминается под тем же названием (تـــوم) даже в истории Тимура (Шереф ад-дин Йезди, калькут. изд., I, 158). <Как указал П. Пелью, вместо Та-мо следует читать Думо (Tu-mo, древнее чтение — * D'uk-mâk); см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 15. На полях экз. Бартольда (англ. изд.) в этом месте имеется пометка, сделанная рукой автора: «По Pelliot 15 توم из توقماق (?)». — *Ред.*>

[5] Истахри, 324; Ибн Хаукаль, 375—377; Макдиси, 282. Это название должно правильно произноситься Кишш; местное произношение, по приведенным у Якута (*Му'джам*, IV, 274) словам Ибн Макулы (о нем см. выше, стр. 55, прим. 6), было Кисс. Современное произношение Кеш подтверждается эпитетом *дилькеш* (Кеш-и дилькеш). Современное название (Шахрисябз — 'Зеленый город') появляется впервые на монетах XIV в.

[6] *Китāб ал-булдāн*, 299; ср. Marquart, *Die Chronologie*, S. 57. На основании китайских источников Марквart утверждает, что город был построен только в VII в.

эпоху Саманидов лежали в развалинах; населен был только рабад с двумя воротами, именно воротами внешнего города и Беркенанскими; селение Беркенан непосредственно прилегало к городу. Рядом с рабадом возникал новый город. Пространство каждой стороны города равнялось $^1/_3$ фарсаха (2—3 версты). Дома были выстроены из глины и дерева. В шахристане находились тюрьма и соборная мечеть, в рабаде — базары; дворец правителя находился вне шахристана и рабада, в месте Мусалля, т. е. около праздничной молельни. Климат Кеша считался очень нездоровым.

Ибн Хаукаль причисляет к Кешской области 16 волостей: 1) Миян-Кеш, 2) Руд, 3) Баландеран, 4) Расмаин, 5) Кешк, 6) Ару, 7) Бузмаджен, 8) Сиям (или Синам), 9) Арган, 10) Джадж-руд, 11) Хузар-руд, 12) Хузар, 13) Суруда, 14) Санг-гардак внутренний, 15) Санг-гардак внешний, 16) Маймург. Порядок, в котором перечисляются эти волости, очевидно, не находится в связи с их местоположением. Названия волостей показывают, что в состав Кешской области входило также нынешнее Гузарское бекство и даже долина реки Сангардак, хотя город этого имени, как мы видели (стр. 124), упоминается среди городов Саганиана. Волости Кешк-руд и Сиям, вероятно, находились в верховьях Кашка-Дарьи; название Миян-Кеш, вероятно, носила волость города Кеша, название Суруда — пространство по течению реки Асруд, или Суруд[1]. Наибольшее значение имела волость Хузар, где находились города Субах[2], Наукад-Курейш и Искифагн (или Искифаган). Субах находился, по Истахри[3], на главной дороге из Несефа в Балх, на расстоянии 1 перехода от первого, а по Ибн Хаукалю[4] — на расстоянии 2 фарсахов от Кеша. Вопреки мнению де Гуе, второе определение несомненно ошибочно, и вместо «2 фарсаха» следует читать «2 перехода» как у Истахри[5]. На основании этого можно поместить Субах на месте нынешнего Гузара (правильнее была бы транскрипция Хузар). По Сам'ани, от Несефа до Субаха было 6 фарсахов. Наукад-Курейш находился на дороге из Кеша в Несеф, по Истахри[6], на расстоянии 5 фарсахов от Кеша, по Сам'ани[7] — на расстоянии 6 фарсахов от Несефа,

[1] Последняя форма встречается в одной рукописи Макдиси (282).

[2] Так по Сам'ани (*Тексты,* стр. 59; изд. Марголиуса, под словом السوبخى) и Якуту (*Му'джам,* III, 182).

[3] Истахри, 337.

[4] Ибн Хаукаль, 403.

[5] Истахри, 343.

[6] Там же.

[7] Рук. Аз. муз., л. 445; изд. Марголиуса, под словом السنوقدى; Якут, *Му'джам,* IV, 825. Сам'ани говорит, что в Мавераннахре был еще один Наукад, и сам же он немного дальше упоминает два селения с этим же названием: Наукад-Хурдахур (также в области Несеф) и Наукад-Саваф(?), у Якута — Хурдахун и Саза.

может быть на месте нынешнего селения Кара-баг[1]. Искифагн находился на расстоянии фарсаха от Субаха, дальше от Несефа; может быть, это название сохранилось в названии селения Эски-баг. Наукад-Курейш еще при Сам'ани был большим селением.

Слово Несеф[2], по-видимому, было образовано арабами из туземного Нахшеб; нынешнее название, Карши, город получил только в XIV в., когда чагатайский хан Кебек на расстоянии $2^1/_2$ фарсахов от города построил дворец[3] (*карши* по-монгольски — 'дворец'). В X в. город, по-видимому, не имел уже шахристана, так как географы говорят только о рабаде и цитадели; однако шахристан (медина) Несефа упоминается у Сам'ани и Якута[4]. Город имел четверо ворот: Неджарийские (может быть, Бухарские), Самаркандские, Кешские и Губдинские; Губдином называлось селение на расстоянии 2 фарсахов от Несефа[5]. Река протекала по середине города; на берегу ее, около «головы моста», находился дворец правителя. Соборная мечеть находилась около Губдинских ворот, место праздничной молитвы — около Неджарийских (Бухарских?), базары — между дворцом и соборной мечетью[6]. В области города было два больших селения, Кесба и Безда, имевшие соборные мечети; Кесба была даже больше Несефа. Кесба находилась в 4 фарсахах от Несефа, на одной из дорог в Бухару, Безда — в 6 фарсахах от Несефа[7], в 4 днях пути от Бухары по дороге в Келиф[8]. Оба селения упоминаются и в XII в.; в Кесбе и тогда была соборная ме-

---

[1] Селение Наукад упоминается даже в XVIII в. в *Туḥфат ал-ḫāнӣ* Мухаммеда-Вефа Керминеги; см. Бартольд, *Орошение*, стр. 126.

[2] Истахри, 325; Ибн Хаукаль, 377—379; Макдиси, 282—283.

[3] Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 95; калькут. изд., I, 111.

[4] Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом السمديني; Якут, *Му'джам*, IV, 458.

[5] Так по Сам'ани (рук. Аз. муз., л. 311, изд. Марголиуса, под словом الغويديني); по Якуту (*Му'джам*, III, 820) — на расстоянии 1 фарсаха. Губдин упоминается в *Вақфнāме* XVI в. (рук. Аз. муз., л. 78б) как одно из верхних селений (*ḳурā-и 'улиā*) Несефа, вероятно к востоку от города.

[6] Развалины Нахшеба домонгольского периода теперь называются Шуллук (или, в киргизском произношении, Шулдук); см. Зимин, *Краткий отчет о поездке по Бухаре*, стр. 103 и сл.; Логофет, *В горах и на равнинах Бухары*, стр. 583. Развалины расположены в 16 верстах к северо-западу от современного города (согласно поправке, сделанной Зиминым к рукописи; в печатном издании — к северо-востоку) и упоминаются Махди-ханом (*Та'рӣḫ-и Нāдирӣ*, тегеран. изд. 1262/1846 г., стр. 324) и Мухаммедом-Вефа Керминеги (*Туḥфат ал-ḫāнӣ*, л. 17б). Развалины Карши, относящиеся к XIV в., находятся к югу от современного города, вблизи железнодорожной станции, и носят название Заххак-и Маран; ср. Зимин, *Краткий отчет о поездке по Бухаре;* Кастанье, *Археологические разведки*, стр. 27.

[7] Истахри, 343.

[8] Макдиси, 343.

четь[1]; Безда была сильной крепостью[2]. Число селений в окрестностях Несефа вообще было довольно значительно, несмотря на недостаток текущей воды; вода Кашка-Дарьи не всегда доходила до Несефа, а другой реки в области не было. Поля орошались водой колодцев, чаще всего только атмосферной влагой.

Путь из Бухары в Несеф[3] (ок. 140 верст, по Макдиси — 30 фарсахов) проезжали в 4 дня; промежуточные станции были Карачун[4], Миянкаль и Маймург[5]. Маймург еще при Сам'ани (проехавшем здесь на обратном пути из Бухары) был большим и цветущим селением. Упоминается также другой путь через Кесбу; наконец, Макдиси приводит путь из Бухары через Безду в Келиф (9 дней); промежуточными станциями были: 1) Джикем, 2) древний рабат (*рабāṭ 'атӣḳ*), 3) колодец Са'ида, 4) Безда, 5) рабат Хоран, 6) селение бухарцев, 7) селение хорезмийцев, 8) Балхан. Селение бухарцев и селение хорезмийцев, вероятно, тожественны с упомянутыми у Макдиси в другом месте[6] переправами Бухариян и Хорезмиян на Аму-Дарье. Все эти дороги проходили, как и теперь, по пустынной местности; пустынным характером отличалась также местность между Несефом и Аму-Дарьей[7].

Из Несефа шли дороги в Кеш[8] (3 дня) и в Субах (1 день); миновав Субах (Гузар), вступали в горы; из Субаха считали 1 день до селения Дидеги[9], дальше 1 день до Кендека, где с дорогой из Несефа соединялась дорога из Самарканда через Кеш. От Самарканда до Кеша считали 2 дня пути; Макдиси[10] помещает между этими городами станцию Дириздех, очевидно находившуюся уже к югу от гор, так как Сам'ани и Якут[11] причисляют это селение к области города Несефа.

---

[1] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 368; изд. Марголиуса, под словом الكسبوى; Якут, *Му'джам*, IV, 273.

[2] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 53; изд. Марголиуса, под словом البزدوى; Якут, *Му'джам*, IV, 604.

[3] Истахри, 337.

[4] Это название, вероятно, следут читать Фарачун или Фараджун; в биографии Беха ад-дина Накшбенда упоминается «лес Фараджуна» (*бӣше-йи Фарāджӯн*). См. *Анӣс ат-ṭāлибӣн*, л. 174а.

[5] В одной из рукописей Макдиси (345) между Миянкалем и Маймургом помещена еще станция («рабат Астана»), так что переход от Бухары до Несефа по этому счету совершался в 5 дней.

[6] Макдиси, 292.

[7] *Тексты*, стр. 82 (Бекран, *Джахāн-нāме*).

[8] Истахри, 343.

[9] У Истахри (337) пишется داد كى и ديدجى.

[10] Макдиси, 342.

[11] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 165; изд. Марголиуса, под словом الدرزدهى; Якут, *Му'джам*, II, 566.

Перевал между Кешем и Самаркандом известен в истории арабского завоевания как место одной из главных битв между арабами и тюрками[1]. Существовала еще другая дорога, через селение Мухтарика (букв. 'Сожженная'), получившее свое название оттого, что было сожжено арабским полководцем Хабибом, который после победы над бухарским войском шел на соединение со своим отцом Мухаллабом, осаждавшим Кеш[2] (80/699 г.). Однако в другом месте[3] Табари приписывает сожжение селения Кутейбе и относит это событие к 91/710 г.; раньше селение носило название Фарьяб (или Карьят). В 730 г. арабы не хотели идти через Мухтарику, так как вся местность была покрыта густым лесом и можно было опасаться, что тюрки зажгут его; смерть от огня казалась арабам хуже, чем смерть от меча[4]. Мухтарика, по-видимому, находилась к северу от гор, так как Хафиз-и Абру причисляет ее к Самаркандской области[5]. Трудно сказать, можно ли сблизить название Фарьяб с названием упомянутого выше селения Фараб[6].

Кендек находился в 3 днях пути от Кеша[7], вероятно в долине Кичи-уру-Дарьи, может быть на месте селения Караховал. У Сам'ани и Якута Кендек не упоминается; вообще Сам'ани, по-видимому, не был в этой горной местности, а проехал из Несефа в Термез через Келиф. Это, вероятно, объясняет, почему Сам'ани (за которым следует Якут) размещает в районе Несефа даже селения, которые находились, конечно, много ближе к Кешу. В истории походов Тимура[8] мы встречаем уже совершенно другие названия; чаще всего упоминаются урочище Тенг-и Харам, река Чекдалик, или Шекдалик (ныне Кичи-уру-Дарья), рукава которой соединялись в месте Катлиш, и местность Чекчек к северу от Железных ворот, ныне долина Чакча, по дну которой течет ручей того же имени.

От Кендека был 1 день пути до знаменитых Железных ворот, по-персидски Дер-и Ахенин[9], ныне ущелье Бузгала; миновав ущелье, через 3 дня достигали Термеза; промежуточными станциями были рабат Разика и Хашимгирд (см. выше, стр. 123). У Макдиси названия рабата

---

[1] Marquart, *Die Chronologie*, S. 35.

[2] Табари, II, 1041.

[3] Там же, 1229.

[4] Там же, 1533.

[5] Бартольд, *Хафизи-Абру*, стр. 115, 18; вместо متفرقه, очевидно, следует читать محترقه.

[6] См. выше (стр. 173 и сл.) алфавитный список селений долины реки Зеравшана.

[7] По Макдиси (342) — только 1 переход, что невозможно.

[8] Шереф ад-дин Йезди, пер Пети де ля Круа, I, 108—111, 123, 125, 128; калькут. изд., I, 123—125, 138, 140, 142.

[9] У Я'куби (*Китаб ал-булдан*, 290) دريا هنين.

Разика и Хашимгирда опущены и вместо того названо селение Карна. Существовал еще путь от Железных ворот к Саганиану (Денау), через нынешний Байсун; по этому пути осенью 948 г. прошли бухарские войска[1]. Наконец, был путь из Кеша в Саганиан через долину реки Санггардак; этот путь проходили в 6 дней.

В словарях Сам'ани и Якута мы находим названия нескольких селений в долине Кашка-Дарьи, особенно в окрестностях Несефа, где Сам'ани прожил около двух месяцев (см. выше, стр. 81); приводятся также названия некоторых кварталов и улиц этого города. Эти названия следующие:

Название	Ссылки		Примечания
	Сам'ани, под словом	Якут, *Му'джам*	
Андеди	الانددى	I, 372	В окрестностях Несефа
Аншамитан	الانشميثنى	I, 380	В окрестностях Несефа
Афуран	الآفرانى	I, 64	1 фарсах (у Якута — 2 фарсаха) от Несефа
Баян	البايانى	I, 488	Улица и квартал в Несефе
Бетхудан (у Якута Бутхадан)	البتخدانى	I, 488	В окрестностях Несефа
Бештан	البشتانى	I, 628	В окрестностях Несефа
Биран	—	I, 782	1 фарсах от Несефа
Бузгам	البزغامى	I, 605	В окрестностях Несефа
Вазгаджн	الوزغجنى	—	В окрестностях Несефа, по мнению Сам'ани (*Тексты*, стр 69) (см. Варагчен)
Варагчен (у Якута Варгаджен, или Вазагджен)	الورغجنى	IV, 921	По мнению Сам'ани, в окрестностях Несефа; возможно, тожественно с Вазгаджном
Вассаф, или Дерб-и Вассаф	الوصافى	IV, 931	Улица в Несефе
Вена, или Венадж	الونجى	IV, 941, 942	В окрестностях Несефа; здесь был рабат
Версин	الورثينى	IV, 920	В окрестностях Несефа
Газнаян	الغزنيانى	III, 798	В окрестностях Кеша
Гардиян (у Сам'ани Гардйан — ?)	الغرديانى	III, 784	В окрестностях Кеша

[1] *Тексты*, стр. 8 (Гардизи).

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Джубак	الجوبقى	II, 142	Местность в Несефе; такое же название употреблялось в Мерве и Нишапуре для обозначения небольших фруктовых базаров и *ханов* (караван-сараев)
Джувик	—	II, 164	Квартал в Несефе; Сам'ани упоминает Джувик только как название улицы в Баальбеке
Джуйбар	الجويبارى	II, 163	Улица (*сикка*) и квартал в Несефе, где Сам'ани побывал сам
Дуджакен	الدجاكنى	II, 551	В окрестностях Несефа
Задек	الزاذكى	II, 906	В окрестностях Кеша
Зендийя (?)[1] (у Якута Зендина)	الزنديانى	II, 952	В окрестностях Несефа
Зикун (у Якута Зейкун)	الزيكونى	II, 966	В окрестностях Несефа
Ибесен (у Якута Ибесн)	الايبسنى	I, 415	1 фарсах от Несефа (см. *Тексты*, стр. 53, где вместо ايسن и الايسنى следует читать الايبسن и الايبسنى)
Каджер	الكاجرى	IV, 222	2 фарсаха от Несефа
Каласи	القلاسى	—	Знаменитый род (или семья) в Несефе (*Тексты*, стр. 64)
Касен	الكاسنى	IV, 227	В окрестностях Несефа
Кермучин (у Якута Кермечин)	الكرمجينى	IV, 267	В окрестностях Несефа
Кубинда-Ма'каль	الكبندوى	IV, 234	В окрестностях Несефа (упоминаются также формы Кебинда и Кебенда)
Маргибан	المرغبانى	IV, 499	В окрестностях Кеша
Миснан	المسنانى	IV, 533	В окрестностях Несефа
Муван	الموانى	—	В окрестностях Несефа

[1] У Сам'ани: الزاى والدال المهملة بين النون والالف بين اليايين اخر الحروف (sic).

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Муда	المودوى	IV, 678	В окрестностях Кеша; так полагал Сам'ани, но не был уверен, что Муда находилась здесь
Мудждуван (у Якута Меджджуван)	المجدوانى	IV, 419	В окрестностях Несефа; при Сам'ани лежал в развалинах.
Нияза	النيازى	IV, 854	Большое селение между Кешем и Несефом; Сам'ани провел там одну ночь «в снегу и холоде»
Педьяна (у Якута Бедьяна)	البديانوى (рук. Аз. муз., л. 69а)	I, 527	В окрестностях Несефа
Рагсирисна (?), или Рагсирсана	الراغسرسنى	II, 734	½ фарсаха от Несефа (у Якута без огласовки; у Сам'ани только: الراء الساكنة)
Сакбадьязу (?) (у Якута Сакебдияз)	الساكبديازوى	III, 13	В окрестностях Несефа (*Тексты*, стр. 58)
Санджен	السانجنى	III, 23	В окрестностях Несефа
Саркас	—	III, 82	В окрестностях Кеша
Сунедж	—	III, 197	В окрестностях Несефа; это селение, вероятно, тожественно с Субахом
Тедьяна	التديانى	I, 832	В окрестностях Несефа; вероятно, тожественно с Педьяной
Тубен	التوبنى	I, 888	Около Субаха
Устугдадиза	الاستغداديزى	I, 243	4 фарсаха от Несефа; Сам'ани проезжал через это селение по пути из Несефа в Бухару
Утшунд (у Якута Утшенд)	الاتشندى	I, 112	В окрестностях Несефа
Фенкед	الفنكدى	III, 920	В окрестностях Несефа; Сам'ани полагал (но не был уверен), что проезжал эту местность

Название	Ссылки: Сам'ани, под словом	Ссылки: Якут, *Му'джам*	Примечания
Ферхурдиза	الفرخوردیزجی	III, 870	2 фарсаха (у Якута 1 фарсах) от Несефа в верхнем районе (الدوالی), Сам'ани ночевал здесь
Фиджкет, или Фиджакет	الفیجکثی	III, 926	В окрестностях Несефа
Фувайдин	—	III, 924	В окрестностях Несефа; возможно, это ошибка вместо Гувайдин
Хашьяндиза (у Якута Хашиндиза)	الخشیندیزی	II, 447	В окрестностях Несефа
Хузьян, или Хузиян	الخوزیانی	II, 497	Замок в окрестностях Несефа, в волости Губдин
Хушминджакет	الخشمنجکثی	II, 446	В окрестностях Кеша
Хушуненджакет	الخشوننجکثی	II, 447	В окрестностях Кеша, по соседству с самаркандскими селениями; некогда это селение причислялось к Самаркандской области
Шавхаран (у Якута Шавахран)	الشاوخرانی	III, 245	В окрестностях Несефа; в XII в. от него оставались только следы (*Тексты*, стр. 61)
Шаргиян, или Джаргиян	الشرغیانی	III, 277	Улица в Несефе, получившая свое название от поселившихся здесь выходцев из бухарского селения Шарг или Джарг (см. выше, стр. 150)
Ширкет	الشیرکثی	III, 352	В окрестностях Несефа
Шузьян, или Шузиян	الشوزیانی	—	В окрестностях Кеша (*Тексты*, стр. 61)
Ягна	الیغنوی	IV, 1022	В окрестностях Несефа; Сам'ани полагал, что проехал здесь по дороге в Бухару

Кроме того, в биографии шейха Абу Абд ар-Рахмана Му'аза б. Я'куба (ум. в 219/834 г.), происходившего из селения Касен, говорится

о построенных им древней соборной мечети (*ал-джами' ал-'атик*) и рабате в Несефе, в «улице отшельников» (*сиккат аз-зуххад*), которая некогда называлась, по имени шейха, улицей Абу Абд ар-Рахмана[1]. Сам'ани посетил его могилу.

Вернемся теперь к областям, расположенным по течению Аму-Дарьи. Мы видели, что сплошная культурная полоса левого берега начиналась от Амуля; на расстоянии 5 дней пути ниже Амуля находился первый город Хорезма[2], Тахирия; промежуточными станциями были Виза, Мердус, Асбас и Сифая, или Сипая (не Сифана, как в печатном издании Истахри)[3]; последнее селение упоминается еще в истории Тимура[4]. Тахирия, вероятно, находилась на месте развалин Кетменчи. В последующие века, начиная с XI в.[5], самым южным городом Хорезма обыкновенно считали Дарган, в 2 днях пути ниже Тахирии; на полпути между ними находилось селение Джигербенд[6], где к Аму-Дарье подходила дорога из Бухары в столицу Хорезма[7]. У Абулгази[8] Дарган упоминается под названием Даруган или Даруган-Ата (ныне развалины Дарган-Ата). В X в. Дарган считался самым большим городом на левом берегу реки после Гургенджа; в нем была прекрасная соборная мечеть, лучшая в области, с предметами, украшенными драгоценными камнями и позолотой. Вдоль берега на пространстве 2 фарсахов тянулись виноградники города, которых было больше 500; отсюда вывозился изюм. Дарган описан также Якутом, который посетил его по пути из Мерва в Хорезм. Город был расположен на террасе в 2 милях от реки. Между террасой и рекой находились поля и сады

---

[1] *Тексты*, стр. 64 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الكاسني).

[2] <Из новых работ о Хорезме см.: Толстов, *Древний Хорезм;* Толстов, *По следам;* Гулямов, *История орошения Хорезма. — Ред.*>

[3] Истахри, 301, 338; de Goeje, ***Das alte Bett des Oxus***, S. 95.

[4] Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, I, 232, 260; калькут. изд., I, 236, 261.

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 859 (где вместо درخان надо читать درغان); <изд. Гани — Фейяза, 684>; *Тексты*, стр. 29, 42 (*Инша'*).

[6] В своей монографии (***Das alte Bett des Oxus***, S. 95) де Гуе склоняется в пользу того чтения рукописей, по которому Джигербенд находился между Дарганом и Садуром (правильное чтение — Садвар, см. Бартольд, *Орошение*, стр. 80). В пользу такого предположения говорит расстояние между Садваром и Дарган-Ата; но в таком случае неверно также, что от Джигербенда до «места, где река суживается», было 3 дня пути. Макдиси (292) также упоминает Джигербенд после Даргана в своем перечне переправ на Аму-Дарье. Ср. также приведенный ниже маршрут Хамдаллаха Казвини.

[7] Макдиси, 343; Джигербенд находился на левом берегу реки (там же, 287).

[8] *Родословная тюрок*, изд. Демезона, <текст, 259, 279, 326>; пер., 277, 300, 348.

местных жителей[1]. Соборная мечеть была также в Джигербенде, имевшем большое торговое значение[2].

На расстоянии 1 перехода ниже Даргана (следуя печатному изданию Истахри, хотя в действительности Джигербенд был расположен между Дарганом и Садваром) находился город Садвар с соборной мечетью[3], также упоминаемый еще в XVII в.[4] (ныне развалины Садывар), еще на 1 день пути дальше — знаменитый город Хазараспа, сохранивший свое название до сих пор. В 3 фарсахах от Хазараспа находился Кердеран-хас, в 5 фарсахах от последнего — Хива[5], нынешняя столица области; от Хазараспа до Хивы считали 1 день пути. Хива была расположена на краю степи и имела соборную мечеть; Кердеран-хас и Хазараспа были укрепленными городами, с деревянными воротами и рвом[6]. Арык Хазараспа начинался «в округе Амуля»[7], арык Кердеран-хас был в 2 фарсахах от Хазараспа, арык Хивы — ниже по течению. По Макдиси[8], между арыком Хазараспа и арыком Кердеран-хас было 2 фарсаха. Самым большим арыком был Хивинский, по которому шли суда до Хивы[9]. В начале XIII в. жители Хивы оставались шафиитами, тогда как остальные жители Хорезма придерживались ханифизма[10].

Ниже истока арыков, в месте Абукша, река проходила через горную теснину, где суживалась до $^1/_3$ своей прежней ширины; это место считалось опасным для судов[11]. По Макдиси[12], «место, где река суживается», находилось на расстоянии 3 дней пути от Джигербенда; промежуточными станциями были рабат Хасана и Набадгин. Очевидно, имеется в виду теснина Дульдуль-атлаган, между урочищами Уч-чучак (или Уч-учак) и Ичке-яр; ширина реки уменьшается здесь до 168 сажен. Тремя фарсахами (или, согласно Ибн Хаукалю[13], одним

[1] Якут, *Му'джам*, II, 567. Почти такое же описание современного Дарган-Ата дано А. Калмыковым (*Хива*, стр. 70).

[2] Макдиси, 289.

[3] Там же, 288. Макдиси (286) помещает этот город на правом берегу реки, что едва ли основательно.

[4] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, <текст, 326>; пер., 349.

[5] Истахри, 341.

[6] Макдиси, 289.

[7] سمّايای آمل; Истахри (301) употребляет такую же фразу при описании местоположения Тахирии, в 5 днях пути от Амуля; поэтому мы не имеем права заключить, что исток канала Хазараспа находился тогда поблизости от современного Чарджуя.

[8] Макдиси, 292.

[9] Истахри, 302.

[10] Якут, *Му'джам*, II, 512.

[11] Истахри, 304.

[12] Макдиси, 343. Это определение очень сомнительно; ср. выше, стр. 197, прим. 6.

[13] Ибн Хаукаль, 354.

переходом) ниже этой теснины от реки отделялся большой канал[1] Гавхорэ ('Пища коров'), который по величине вдвое превосходил Хазараспский; ширина его достигала 5 локтей (аршин), глубина равнялась 2 камам (см. выше, стр. 137). На расстоянии 5 фарсахов от истока этого канала от него отделялся арык Гирье. В 6 фарсахах ниже истока Гавхорэ, на правом берегу Аму-Дарьи, находился город Гарабхашна, или Гарамхашна; только отсюда начиналась культурная полоса правого берега. Между каналом Гавхорэ[2] и главным руслом реки находилась волость столицы Хорезма, Кята; от русла Гавхорэ Кят отстоял на 12 фарсахов. На левом берегу от реки отделялись арык Медра, доходивший до города того же имени и протекавший на расстоянии мили[3] (1/3 фарсаха) от Хивинского арыка, и арык Ведак, на расстоянии мили от арыка Медра, доходивший до Гургенджа; от русла Ведака до Кята было 2 фарсаха. Канал Медра по величине вдвое превосходил Гавхорэ. О местоположении города Медра мы не имеем известий; по Сам'ани и Якуту[4], в 2 фарсахах от него находилось селение Фернифтан.

Кят, древняя столица Хорезма, был расположен на правом берегу главного русла, на расстоянии 1 дня пути от Хивы[5]. По Якуту[6], слово Кят обозначало у хорезмийцев вал в степи, хотя бы внутри этого вала ничего не находилось, т. е. употреблялось в том же значении, как теперь в Средней Азии слово *турткуль*[7]. Во время арабского завоевания город состоял из трех частей, из которых самая укрепленная часть, т. е. цитадель, носила название Фил, или Фир[8]. По Бируни, Фир был окружен тремя параллельными стенами одинаковой высоты; над всем укреплением возвышался дворец хорезмшахов; его можно было видеть на расстоянии 10 миль (более 20 верст) и больше. Крепость была выстроена из глины и кирпича[9]. Эта цитадель постепенно была разрушена

[1] О каналах см. у Истахри, 301—303.

[2] По Якуту (*Му'джам*, IV, 230—231), но, конечно, ошибочно, канал Гавхорэ протекал мимо Даргана, который, по его словам, находился в 2 милях от реки (там же, II, 567; de Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 113).

[3] По Макдиси (292) — 1/2 фарсаха и столько же между ним и Ведаком.

[4] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 322; изд. Марголиуса, под словом الفر نيفشاني; Якут, *Му'джам*, III, 885. У Якута местоположение селения не указано. Сам'ани называет здесь город Медракетом; по мнению де Гуе (Макдиси, 287, прим. *f*), тот же город упоминается у Макдиси под именем Медрамитана.

[5] Истахри, 341.

[6] *Му'джам*, IV, 222.

[7] Ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 12. Даже городу, недавно выстроенному и названному русскими Петро-Александровском, после революции было дано имя Турткуль.

[8] Sachau, *Zur Geschichte*, I, S. 20, 24.

[9] Ibid., S. 10, 12.

волнами Аму-Дарьи; при Истахри[1] цитадель и весь старый город уже покидались жителями; ворота старого города уже были унесены рекой; опасались полного разрушения цитадели. Жители строили себе дома к востоку от развалин; рядом с цитаделью находились соборная мечеть, дворец хорезмшаха и тюрьма. По середине города протекал арык, на обоих берегах которого были расположены базары; длина и ширина города равнялась $^1/_3$ фарсаха, по другому чтению (Ибн Хаукаль и персидская версия Истахри) — 3 фарсахам. По Ибн Хаукалю[2], в его время уже не оставалось никаких следов ни от цитадели, ни от расположенных рядом с ней соборной мечети и тюрьмы; мы знаем, однако, из слов Бируни, что последние следы Фира исчезли только в 994 г.

Макдиси[3] дает следующее описание столицы Хорезма: «Кят называют [также] Шахристаном; он расположен на берегу реки и [по величине] соответствует Нишапуру[4] (по другой редакции — больше Бухары). Город находится к востоку от реки; в нем есть соборная мечеть, посреди базаров[5]; колонны сделаны из черного камня, до высоты 1 камы; над ними поставлены деревянные столбы[6]. Дворец эмира находится посреди города; цитадель уже разрушена рекой; в городе есть арыки, протекающие посреди города. Город великолепен; в нем много улемов, много знатоков изящной литературы, много богачей, много хороших вещей и товаров. Строители домов отличаются искусством; чтецы Корана не имеют себе равных в Ираке по красоте голоса, по благородной выразительности чтения, по наружности и по познаниям. С другой стороны, город во всякое время наводняется водой, и жители [все более и более] отступают от берега. Город грязнее Ардебиля; в нем много стоков нечистот, вода которых проникает во все места до большой дороги; жители большею частью совершают свои физические отправления прямо на улице. Грязь собирают в ямах, потом отвозят ее на поля в мешках. Вследствие огромного количества грязи иностранец может войти в город только при свете дня; жители сгребают грязь в кучи [просто] ногами»[7]. Развалины старого Кята теперь

---

[1] Истахри, 301.

[2] Ибн Хаукаль, 351.

[3] Макдиси, 287—288.

[4] По Истахри (254), длина и ширина Нишапура равнялась фарсаху.

[5] Судя по этому указанию, описание Макдиси относится к новому зданию, не упомянутому Истахри. Это подтверждает приведенное выше сообщение Ибн Хаукаля относительно разрушения прежней мечети.

[6] Т. е. нижняя часть колонн была сделана из камня, верхняя — из дерева.

[7] По переводу де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*, S. 102): «Они приносят грязь на ногах в мечети».

известны как Шейх-Аббас-вели[1]. Небольшой современный форт занимает только четверть старой цитадели, и есть еще остатки минарета и стен города.

Мы видели, что большой канал Ведак (по де Гуе[2] — ныне русло Куня-Дарьи) отделялся от реки несколько выше Кята; ниже города вытекал арык Бувве, соединявшийся с Ведаком около селения Андерастан, на расстоянии 1 дня пути от Гургандж; по размерам он уступал Ведаку. На расстоянии одной *гальва* (см. выше, стр. 149, прим. 4) от Гургандж на реке была выстроена деревянная плотина, отклонявшая течение ее на восток; прежде вода подходила к самому городу. Из этого видно, что в эпоху Саманидов русло Урун-Дарьи между Куня-Ургенчем и озером Сарыкамыш не было наполнено водой и рассказ Мас'уди[3] о «Джурджанийском озере» (Сарыкамыш) следует признать анахронизмом. Отведенный на восток рукав реки направлялся к селению Фератегин, или Бератегин. Это селение было расположено в 5 днях пути[4] от Кята, к востоку от реки, на довольно значительном расстоянии от нее (более 4 фарсахов)[5]; от Фератегина считали только 1 день пути до Аральского моря[6]. По Макдиси[7], Бератегин был большим селением, расположенным в степи, вблизи гор; отсюда вывозились камни; соборная мечеть находилась среди базаров; дома были выстроены из прекрасной глины. К востоку от главного русла протекал большой арык Курдер, исток которого находился в 4 фарсахах ниже Кята. Ибн Русте[8] говорит об этом месте, что «здесь река образует водоемы, камышовые болота и луга». Арык вытекал из четырех мест; по величине он соответствовал Бувве и Ведаку после их соединения; о его длине ничего не говорится, но что эта длина была довольно значительна, видно из того, что Курдер составлял восточную границу Миздахканской волости, расположенной против Гургандж, и что город Курдер, как мы увидим дальше, был расположен уже в дельте Аму-Дарьи.

Гургандж, у арабов — Джурджания, у монголов и тюрков впоследствии — Ургенч, был расположен на расстоянии одной гальва от упомянутой плотины и на расстоянии одного фарсаха от главного русла

---

[1] Они описаны А. Куном под названием Шах-Абад-Вали (*Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи*, стр. 251 и сл.).

[2] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 71. Но, конечно, Ведак был только каналом, и не может быть отожествлен с главным руслом реки в X в.

[3] *Танбйх*, 65; пер., 96.

[4] Так по Истахри (341); по Макдиси, расстояние было более значительно (см. ниже).

[5] Истахри, 341—342.

[6] Макдиси, 343.

[7] Там же, 288.

[8] Ибн Русте, 91.

реки[1]. Город считался самым значительным на левом берегу Аму-Дарьи; к тому же он, по словам Макдиси[2], увеличивался со дня на день. Он имел четверо ворот; к воротам подходила вода арыков, но не была проведена в город по недостатку места. Из отдельных зданий упоминается дворец Мамуна, около ворот Хаджжаджа; особенной красотой отличались ворота дворца, не имевшие себе равных во всем Хорасане. Сын Мамуна Али построил другой дворец перед дворцом отца и перед его воротами устроил площадь в подражание бухарскому Ригистану; на этой площади продавали баранов. По-видимому, имеется в виду Мамун б. Мухаммед, эмир Гургандж, впоследствии, в 995 г.[3], завоевавший также южную часть Хорезма и принявший титул хорезмшаха, который до тех пор принадлежал представителям древней династии, правившей в Кяте. Сын Мамуна Али наследовал отцу в 997 г.; дворец, очевидно, был построен им еще при жизни отца. В эпоху Саманидов Гургандж по значению еще уступал Кяту, хотя увеличивался с каждым днем[4]. Для XI и XII веков мы не имеем подробных данных ни о том, ни о другом городе. В XII в.[5] Гургандж получил новое значение как столица могущественной династии хорезмшахов; когда эта династия сделалась самой могущественной во всем мусульманском мире, ее столица должна была обогатиться сокровищами завоеванных стран. Якут[6], бывший здесь в конце 1219 г. и в начале 1220 г., считает Гургандж едва ли не самым обширным и богатым из всех виденных им городов[7].

Наиболее подробное перечисление городов и селений Хорезма, с указанием расстояний между ними, мы находим у Макдиси[8], причем приводятся отдельные дорожники для левого и для правого берега реки. На дороге из Хазараспа в Гургандж станции располагались в следующем порядке:

Хазарасп
Зердух[9] . . . . . 2 перегона[10]

[1] Истахри, 342. [2] Макдиси, 288—289.

[3] Об этой дате см. ниже, <стр. 324 и 325, прим. 1>.

[4] Минарет, сохранившийся среди развалин старого Гургандж, был построен хорезмшахом Мамуном б. Мамуном в 401/1010-11 г. Арабские надписи, найденные на железной таблице у основания минарета, были изданы Н. Катановым (*Хорезмийская свинцовая плита*, стр. 015 и сл.).

[5] <Так в русск. изд. 1900 г. В англ. изд. 1928 г., стр. 147 — «в XIII в.», но это явная ошибка: уже в 1221 г. Гургандж был разрушен монголами. — *Ред.*>

[6] *Му'джам*, II, 54, 486.

[7] <См. Якубовский, *Развалины Ургенча. — Ред.*> [8] Макдиси, 343—344.

[9] В общем перечислении городов Хорезма (там же, 286) Зердух, однако, помещен на правом берегу реки.

[10] Перегон (*барйд*) в восточных областях равнялся 2 фарсахам (BGA, IV, 187).

Кердеран-хас[1]	1 перегон
Хива	2 перегона
Рахушмитан, или Ардахушмитан[2]	1 переход
Дескахан-хас	1 переход
Узарменд, или Везарменд	2 перегона
Рузунд	1 перегон
Нузвар	1 переход
Замахшар	1 переход
Гургандж	1 переход

Более краткий дорожник приводится у Истахри[3], по словам которого от Кята до Гурганджа было только 3 дня пути, из них один день до Ардахушмитана и один оттуда до Нузвара. Истахри считает 1 день пути от Хазараспа до Хивы и столько же от Хивы до Кята, но тут же приводит, в фарсахах, более значительные расстояния:

Хазарасп	
Кердеран-хас	3 фарсаха
Хива	5 фарсахов
Сафердиз	5 фарсахов
Кят	3 фарсаха

Сафердиз не назван в дорожниках Макдиси, но, по мнению де Гуе, упомянут им среди городов левого берега, под именем Седфера[4]. Сам'ани и Якут[5] странным образом помещают Сафердиз «недалеко от Амуля, по дороге в Хорезм». Положение Замахшара, по-видимому, определяется развалинами Змукшир, хотя от этого пункта до Хивы всего около 80 верст, до Куня-Ургенча — около 125 верст, что мало соответствует данным, приведенным Макдиси[6], хотя общее расстояние от Хивы до Куня-Ургенча через Змукшир очень близко подходит к указанному у Макдиси расстоянию между Хивой и Гурганджем.

---

[1] Де Гуе (*Das alte Bett des Oxus*, S. 84) сближает Кердеран-хас с упоминаемым у Абулгази селением Герден-Хаст, между Хивой и Хазараспом (у де Гуе по ошибке — «unterhalb Khiwa»; ср. Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, <текст, 226>; пер., 243).

[2] По Якуту (*Му'джам*, I, 191; здесь Артахушмитан) — в 3 переходах от Гурганджа. Якут переправился через реку между Кятом и Артахушмитаном в шаввале 616 г. х. (между 10 декабря 1219 и 7 января 1220 г. н. э.), когда река была покрыта глыбами льда.

[3] Истахри, 341.

[4] Макдиси, 287.

[5] *Му'джам*, III, 12.

[6] По Ибн Баттуте (III, 6), от Хорезма (Гурганджа) до Замахшара было только 4 мили.

О некоторых из упомянутых пунктов Макдиси сообщает некоторые подробности[1]. Зердух был большим укрепленным селением, с рабадом; Рузунд — укрепленным селением средней величины, со рвом; через него проходила большая дорога; соборная мечеть находилась около базара; жители пили воду из особого источника. Нузвар был небольшим укрепленным селением со рвом и железными воротами; город прорезывался большой дорогой, имел двое ворот и мост, который поднимался каждую ночь; около западных ворот находились бани, подобных которым не было во всей области; соборная мечеть находилась среди базаров и, за исключением небольшой части, была крытая. Таким же небольшим укрепленным селением, со рвом, железными воротами, тюрьмой, подъемными мостами и красивой соборной мечетью, был Замахшар. При Сам'ани[2] Замахшар был большим селением, похожим на город. У Сам'ани и Якута[3] на левом берегу реки упоминается еще селение Савкан около Хазараспа, по Якуту — между Хазараспом и Хушмитаном, т. е. Ардахушмитаном[4]; Якут, бывший здесь в 1220 г., называет Савкан многолюдным селением, с большим базаром, красивой соборной мечетью и минаретом.

Что касается правого берега реки, то Макдиси приводит следующий дорожник от «места, где река суживается», до Миздахкана, расположенного против Гурганджа, в 2 фарсахах от берега реки[5] (т. е. около Ходжейли):

Рабат Маш	1 переход
Рабат Сенде	1 переход
Бакырган	1 переход
Шурахан	1 переход
Кят	1 переход
Хас	1 переход
Нузкат	2 перегона
Вайхан	1 переход

[1] Макдиси, 288—290.

[2] *Тексты*, стр. 58 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الزمخشري).

[3] *Му'джам*, III, 24.

[4] Впрочем, в некоторых источниках Хушмитан и Ардахушмитан названы отдельно; см. Истахри, 299.

[5] Истахри, 342. Миздахкан упоминается несколько раз не только у Абулгази, но даже в истории Хивы в XIX в. Плоскогорье (*кыр*) Миздахкан лежит в 1 фарсахе к западу от Ходжейли. Теперь здесь показывают могилу пророка (*набӣ*) Шамуна, который отожествляется с апостолом Петром. В том же месте находятся и руины крепости, называемой Гяур-кала ('Крепость неверных'). См. Кун, *Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи*, стр. 217; также Бартольд, *Орошение*, стр. 83. <См. также более новую работу: Якубовский, *Городище Миздахкан. — Ред.*>

Нубаг	1 переход
Миздахкан	2 перехода через степь

Кроме приведенной дороги, упоминаются еще две; первая вела от рабата Маш к следующим пунктам:

Эмир	1 переход
Бараб-Сар	2 перехода
Ардахива[1]	1 переход

Вторая дорога начиналась от Кята; на ней упоминаются следующие станции и расстояния:

Гардман	1 переход
Вайхан	2 перегона
Ардахива	1 перегон
Нукбаг	1 переход

От «места, где река суживается», до нынешнего Шурахана — около 90 верст, что приблизительно соответствует указанным у Макдиси 4 переходам; от Шурахана до древнего Кята (ныне селение Шейх-Аббас-вели) — около 30 верст. Бакырган Макдиси во всяком случае не тожествен с Бакырганом Абулгази, который составлял северную границу поселений хивинских узбеков[2]. От Шейх-Аббас-вели[3] до Ходжейли — около 140 верст, так что во второй части пути (особенно если взять ближайшую дорогу из Кята в Вайхан через Гардман) указанные у Макдиси расстояния также близки к истине. Гардман можно поместить около нынешнего Гурлена. Хас у Истахри[4] назван Дерхасом и помещен на расстоянии 2 дней пути от Кята; при Абулгази Хас, вследствие перемещения главного русла реки, находился уже на левом берегу[5]. Вайхан, вероятно, находился около Мангыта, Ардахива (на расстоянии 1 перегона от Вайхана и, как мы увидим дальше, у подошвы горы) — около станции Ходжакуль. Прямая дорога от рабата Маш в Ардахиву, очевидно, шла сначала по правую сторону канала Гавхорэ,

---

[1] <В русск. изд. 1900 г., стр. 149: Ардхива. — *Ред.*>

[2] Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, <текст, 276, 279, 280>; пер., 298, 300, 301. Так как здесь уже встречается термин Бакырган-Ата, то родина святого Хаким-Ата, вероятно, тожественна с Бакырганом Абулгази, а не с Бакырганом Макдиси, вопреки мнению К. Г. Залемана (*Легенда про Хаким-Ата*, стр. 106). Могилу Хаким-Ата показывают в настоящее время недалеко от современного Кунграда; ср. Бартольд, *Орошение*, стр. 88 и сл.

[3] <В англ. изд. 1928 г., стр. 146 и 150, ошибочно: Шāх-'Аббāс-Валй. — *Ред.*>

[4] Истахри, 341.

[5] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus*, S. 79.

потом по правую сторону Курдера, т. е. нынешнего главного русла[1]. Пройти это расстояние (ок. 170 верст) в 5 дней было вполне возможно.

Подробности сообщаются о следующих пунктах[2]. Гардман имел двое ворот; его окружал ров, наполненный водой, ширина которого равнялась полету стрелы. Около Вайхана также был ров; у ворот стояли метательные машины. Ардахива находилась на краю степи; стены ее, расположенные у подошвы горы, имели только одни ворота. Вокруг Нукфага (Нукбага) протекал канал, проведенный из Аму-Дарьи и направлявшийся в степь. Миздахкан был большим городом с обширной волостью; вокруг него было до 12 000 укреплений (?); по величине город был почти равен Гургенджу. Ибн Русте[3] помещает в Миздахканской волости, на самом берегу реки, селение Хераваз. Все упомянутые селения были укреплены.

Для местности ниже Миздахкана указываются следующие пункты и расстояния:

Миздахкан	
Дерсан	2 перегона
Курдер	1 переход
Джувикан	2 перегона
Бератегин	1 переход
Берег озера	1 переход

Между Миздахканом и Курдером приводится еще другая дорога одинаковой длины:

Вардраг (?)	1 переход
Курдер	1 переход

Истахри[4] считает только 1 день пути от Дерхаса до Курдера и 2 дня от Курдера до Бератегина; первое определение безусловно неверно. Расстояние от Ходжейли до берега Аральского моря, т. е. через Кунград до устья Талдыка (ок. 150 верст), соответствует 5 дням пути; если бы главный рукав реки в то время впадал в Айбугир, то было бы указано менее значительное расстояние. Так как географы не дают нам никаких сведений о дельте Аму-Дарьи, о числе и располо-

[1] Интересно, что в X в. предполагали, что Курдер в прежние времена был главным руслом реки; ср. Истахри, 303. Город Курдер (ср. ниже) упоминается у Табари (II, 1525) под 110 г. х. как резиденция князя (*мелик*). Поэтому совершенно невероятно, чтобы река протекала по руслу Узбоя к Каспию в последнем столетии перед арабским завоеванием. Ср. Бартольд, *Орошение*, стр. 82; противоположное мнение см. Herrmann, *Alte Geographie;* рецензировано мною в ЗВОРАО, т. XXII, стр. 357 и сл.

[2] Макдиси, 288.

[3] Ибн Русте, 92.

[4] Истахри, 341.

жении рукавов, то определить местоположение отдельных пунктов едва ли возможно. На основании приведенных выше (стр. 201) данных знаток местности, может быть, будет в состоянии определить местоположение Бератегина[1]; о Курдере мы узнаем только, что он был больше Нукфага и лучше укреплен[2].

Недалеко от Бератегина, несколько ближе к реке, но все еще на расстоянии 4 фарсахов от нее[3], была расположена Медминия, у Макдиси[4] — Медкаминия, самый северный пункт оседлости в стране. Против Медминии, на левой стороне реки, находилось селение Гит, или Джит, около горы, за которой начиналась степь; расстояние между Гитом и Гурганджем не определяется; говорится только, что Гит был в 5 фарсахах от Куджага[5] (?). Макдиси[6] помещает Гит в степи, на границе с владениями гузов, и называет его большим укрепленным селением с обширными волостями. Де Гуе[7] отожествляет Гит с Везиром, городом, приобревшим большое значение в XVI в., и считает остатками этого города или развалины Деу-Кескен на склоне Устюрта, непосредственно около Чинка, или развалины Шерван, в 36 верстах к юго-западу от Куня-Ургенча[8]. Гит находился дальше к востоку «против Медминии». По словам Истахри[9], Медминия входила в состав (области) Гургенджа; ее положение (на правом берегу реки) произошло только оттого, что река от Курдера изменяла свое направление и протекала между Гитом и Медминией. Из этих слов (повторенных Ибн Хаукалем) видно только, что Медминия была расположена западнее, чем другие города и селения правого берега. На самом берегу Аральского моря, около места впадения Аму-Дарьи, находилось уро-

[1] По расстояниям можно было бы поместить Бератегин около возвышенности Кашкана-тау; но геологическое строение этих гор, в которых «окаменелостей нет» (Мушкетов, *Туркестан,* т. I, стр. 637), едва ли допускает существование каменоломен. Кашкана-тау — самая высокая часть возвышенности (*кыр*) Кара-тау; есть там и другие холмы, называемые Кубе-тау, Пейгамбер-кыз и др. Ср. Кун, *Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи,* стр. 224 и сл.

[2] Макдиси, 288.

[3] Истахри, 341—342.

[4] Макдиси, 286.

[5] Истахри, 302. Место с таким названием нигде не упоминается. В своей монографии об Аму-Дарье (*Das alte Bett des Oxus,* S. 64) де Гуе предлагает читать Гургандж или Гурганджек (Малый Гургандж, см. ниже). Трудно, однако, было бы объяснить, зачем Истахри именно здесь употребил персидскую форму этого названия, не встречающуюся ни у него, ни у других арабских географов X в.

[6] Макдиси, 289.

[7] De Goeje, *Das alte Bett des Oxus,* S. 63—64.

[8] Развалины Везира были хорошо известны даже в XIX в. Поблизости находились развалины крепости Шемаха, на русских картах — Шимаки; см. Бартольд, *Орошение,* стр. 100. Везир был построен незадолго до 1464 г.; см. там же, стр. 92.

[9] Истахри, 303.

чище Халиджан; здесь не было селения, но жили только рыбаки. По Ибн Русте[1], название Халиджан носило не главное устье реки, а многочисленные водоемы на нижнем течении ее; рыба, которую ловили здесь, вывозилась из Хорезма во все страны. Весьма вероятно, что Ибн Русте описывает рукав реки, текущий к Сарыкамышу, и что его Халиджан должен быть отожествлен с этой впадиной, а не с Айбугиром, хотя Истахри говорит о Халиджане, как о месте, где Аму впадала в Аральское море[2]. Аральское море, по определению Ибн Русте, имело в окружности 80 фарсахов, по определению Истахри[3] — 100 фарсахов; высоты, расположенные вдоль западного берега моря, у Ибн Русте носят название Сиях-кух ('Черные горы'), у Истахри — название Чакыр-огуз; с последним названием, вероятно, можно сблизить название племени чагырак, или чаграт, которое несколько раз упоминается у Бейхаки[4] в качестве соседей Хорезма. Болота правого берега были покрыты густым лесом, через который вела только узкая тропа, проложенная кабанами. От устья Аму-Дарьи до устья Сыр-Дарьи считали 4 дня пути.

Кроме упомянутых городов и селений, Макдиси[5] называет еще: (без указания местоположения) на левом берегу Веджаз, или Джаз (большое укрепленное селение с широким рвом и мостами, в стороне от главной дороги; соборная мечеть помещалась на окраине города); Малый Гургандж[6](?); другой Джит; Месасан и Кардар; на правом берегу — Джеширу (большое укрепленное селение). Ибн Русте[7] помещает в 4 фарсахах ниже Гурганджа селение Варагдех и еще ниже, несколько выше Халиджана, селение Берабид[8](?); на правом берегу ниже Хераве за находились еще два селения, названия которых не приводятся[9]. Сам'ани и Якут упоминают еще следующие хорезмийские селения: 1) Баф[10]; 2) Беркан, или Биркан, на правом берегу реки, в окрестностях Кята, в 2 днях пути от Гурганджа; бо́льшая часть селения при Сам'ани уже была разрушена и обращена в пашни[11]; 3) Бугай-

[1] Ибн Русте, 92.

[2] Истахри, 303; ср. Barthold, *Āmū-Daryā*, и Бартольд, *Орошение*, стр. 84.

[3] Истахри, 304.

[4] Изд. Морлея, 91, 398; <изд. Гани — Фейяза, 86, 284>.

[5] Макдиси, 286—289.

[6] По Якуту (*Му'джам*, IV, 261), в 3 фарсахах от Большого.

[7] Ибн Русте, 92.

[8] В рукописи برابيض .

[9] Эти сообщения относятся к левому рукаву реки, текущему к Сарыкамышу, как объяснено выше.

[10] Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом البافى; Якут, *Му'джам*, I, 475.

[11] *Тексты*, стр. 53 (Сам'ани, изд. Марголиуса, под словом البرقانى); Якут, *Му'джам*, I, 570.

дид[1], в других источниках Багдад или Багдадек ('Малый Багдад'), между Джендом и Хорезмом, родина знаменитого шейха Меджд ад-дина и его брата, автора известного сборника официальных документов (см. стр. 80); 4) Гаушфиндж, около 20 фарсахов от Гургандж[2]; 5) Газиниз, в местности Берагуд (?)[3]; 6) Ишш[4]; 7) Джункан Ахашша[5]; 8) Харур, в окрестностях Савкана[6]; 9) Рудан[7]; 10) Саракуста[8]; 11) Сиб[9], местность или остров в нижнем Хорезме; 12) Субурна, или Субарна[10], согласно Якуту — местность на окраине Хорезма, в 20 фарсахах от Гургандж по дороге в Шахристан (т. е. в Хорасан); 13) Тумурташ[11]. В упомянутом сборнике документов[12] названы еще селения Нухас и Сенган-Ахсек.

Историческая обособленность Хорезма, как известно, объясняется его географическим положением. В настоящее время страна окружена степями со всех сторон; из сообщений Истахри[13] можно заключить, что в средние века узкая, но непрерывная культурная полоса, начинавшаяся от Амуля, соединяла ее с Хорасаном и Мавераннахром, хотя и это невероятно[14]; во всяком случае, эта полоса по отношению к иноземному нашествию не представляла опасности, так как легко могла быть затоплена, к чему несколько раз прибегали владетели Хорезма. Что касается дорог через степь, то, по Истахри[15], в 8 дней можно было пройти

---

[1] Якут, *Му'джам,* I, 698. Город должен был орошаться каналом из Аму-Дарьи, который упомянут как канал (*нахр*) Багдадек в описании похода Тимура 1388 г. (Шереф ад-дин Йезди, калькут. изд., I, 447). Нам неизвестно, был ли выведен этот канал из Курдера или из Гавхорэ; см. Бартольд, *Орошение,* стр. 87. Местонахождение этого города, может быть, отмечается развалинами Гульдурсун-кала, на пути из Петро-Александровска <ныне Турткуль> к колодцам Кукча (Масальский, *Туркестанский край,* стр. 749).

[2] Якут, *Му'джам,* III, 825; огласовка дана без учета правил арабской фонетики.

[3] *Тексты,* стр. 63 (Сам'анн; изд. Марголиуса, под словом الغزينزى).

[4] Якут, *Му'джам,* I, 279.

[5] Там же, II, 133.

[6] Там же, 429.

[7] Там же, 830 (из ал-Умрани).

[8] Там же, III, 80 (из ал-Умрани).

[9] Там же, 209 (из ал-Умрани).

[10] Там же, 32, 182. Шахристан был в 3 милях, или в 1 фарсахе, к северу от Несы, около современного Ашхабада. Из этого мы можем заключить, что в начале XIII в. обрабатываемые земли простирались значительно дальше на юг, нежели в X в. Макдиси (344, прим. *о*) упоминает на той же дороге только одно селение (Ардакува), в II переходе от Гургандж; другие переходы отмечались только рабатами.

[11] Якут, *Му'джам,* I, 873.

[12] *Тексты,* стр. 75, 76 (Багдади, *Китаб ат-тавассул*).

[13] Истахри, 338.

[14] См. Бартольд, *Орошение,* стр. 79.

[15] Истахри, 338.

от бухарского селения Фарахши до Хорезма; на всем этом пути не было даже рабатов, но были только пастбища. Макдиси[1] приводит еще следующий путь от Бухары к берегу Аму-Дарьи, именно к рабату Джигербенд, который, вероятно, был расположен против селения того же имени:

Бухара	
Амза[2]	2 перегона
Таш (рабат)	1 переход
Шурух	1 переход
Пески (*ар-рамл*)	1 переход
Рабат Туган[3]	1 переход
Рабат Джигербенд	1 переход

В одной из редакций труда Макдиси[4] приводится еще путь из Гурганджа, по которому в 9 дней достигали Хорасана; конечным пунктом на этом пути был рабат Афрава, или Ферава, состоявший из трех соединенных между собою крепостей, в 4 переходах от города Неса[5]; по Сам'ани[6], этот рабат был выстроен Абдаллахом б. Тахиром (ум. в 844 г.). Часть дороги, очевидно, шла вдоль старого русла Аму-Дарьи (Узбой); на этом пути упоминаются следующие пункты, каждый на расстоянии 1 дня пути от другого:

Ардакува
Рабат Бахан
Рабат Махди
Рабат Миян-шах
Колодец ал-Хакима
Рабат Абу Сахля
Рабат Дугадж
Рабат Джа'фара

[1] Макдиси, 345.

[2] По предположению де Гуе, это селение тожественно с Амдизой (см. выше, стр. 170).

[3] В одной редакции между рабатом Туган и Джигербендом вставлено «место, где река суживается», что, однако, едва ли возможно. В приведенном ниже маршруте «место, где река суживается», по-видимому основательно, помещено между Джигербендом и Садваром.

[4] Макдиси, 344, прим. *о*.

[5] Там же, 320; ср. также Истахри, 273.

[6] Рук. Аз. муз., л. 318; изд. Марголиуса, под словом الفراوى; ср. Якут, *Му'джам*, III, 866.

Хамдаллах Казвини и Хаджи Халифа приводят следующий дорожник для пути из Мерва в Гургандж [1]:

Сукри, или Сафари	5 фарсахов
Абадан-кендж	2 фарсаха
Рабат Суран	8 фарсахов
Колодец Бирун	8 фарсахов [2]
Рабат Нушакир, или Нушакирд	7 фарсахов [3]
Сенгабад	7 фарсахов
Тахирия [4]	6 фарсахов
Рабат Буд [5]	10 фарсахов
Дарган	10 фарсахов
Джигербенд [6]	7 фарсахов
Рабат Дехан-и Шир [7]	5 фарсахов
Садур, или Садвар	4 фарсаха
Хазарасп	10 фарсахов
Дих-и Азрак [8]	10 фарсахов
Ардахушмитан	7 фарсахов
Андерастан	6 фарсахов
Нузвар	2 фарсаха
Гургандж	6 фарсахов

Нам остается еще рассмотреть бассейн Сыр-Дарьи. За верховье этой реки (у арабов — Сихун, или Сейхун) [9] средневековыми геогра-

[1] Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб,* изд. Ле Стрэнджа, текст, 179 и сл., пер., 172; de Goeje, *Das alte Bett des Oxus,* S. 112; Жуковский, *Развалины Старого Мерва,* стр. 58—61, 81.

[2] В печатном тексте *Нузхат ал-кулӯб* <изд. Ле Стрэнджа> (вероятно, более правильно): «Земляной колодец» (Чāх-и хāк, в переводе «Сухой колодец» — «Dry Well»), 5 фарсахов; колодец Ҫāчӣ, 7 фарсахов; колодец Хāрӯн, 7 фарсахов.

[3] На этом переходе были сыпучие пески на расстоянии 2000 шагов.

[4] В печатном издании <*Нузхат ал-кулӯб,* изд. Ле Стрэнджа>: Тахири-рабат.

[5] В печатном издании <там же>: Будина.

[6] В изд. Ле Стрэнджа Джигербенд помещен раньше Даргана; расстояния приводятся: 9 фарсахов от Будина-рабата до Джигербенда и 5 фарсахов далее до Даргана.

[7] Здесь река суживалась.

[8] Собств. 'Синяя деревня'; в печатном издании *Нузхат ал-кулӯб* Ле Стрэнджа— 9 фарсахов.

[9] О древних названиях реки см. Marquart, *Die Chronologie,* S. 5; Бартольд, *Орошение,* стр. 130. Древнее название, передававшееся греками как «Яксарт», сохранено в китайской транскрипции Яоша (Chavannes, *Documents,* p. 140 <Yo-cha>) и в خشرت рукописи Туманского <*Худӯд ал-'ālам*>, л. 24а. То же слово, быть может, надо читать в искаженном тексте Ибн Хордадбеха (178, 3).

фами принималась Кара-Дарья, которая и теперь «большинством населения считается за прямое начало Сыра»[1]. Более многоводный исток реки, Нарын, тогда носил название Хайлама; часть Ферганы, расположенная между обеими реками, составляла округ Миян-рудан[2], термин, которому вполне соответствует нынешнее тюркское название той же местности (Ики-су-арасы). Пограничными пунктами с владениями тюрков здесь были, кроме Узгенда, города Бискенд и Селат[3] и местность Хефтдех (т. е. 'Семь селений'), только в X в. завоеванная мусульманами; около этих пунктов был проход в страну тюрков, находившийся не на узгендской дороге, хотя и недалеко от нее; вероятно, имеется в виду перевал Кугарт. Главным городом округа был Хайлам (у Макдиси[4] — Хайрлам), очевидно, на реке того же имени. Относительно местоположения указанных пунктов мы находим у географов следующие данные[5]: от Ахсикета (тогдашней столицы Ферганы, верстах в 15 к юго-западу от Намангана, около места впадения Касансая в Сыр-Дарью) считали 9 фарсахов до Шикита, первого селения в Миян-рудане, и 5 переходов до Селата; от Хайлама до Селата было 7 фарсахов. К северо-западу от Ахсикета, в 7 фарсахах от него, на границе между Ферганой и Илаком (т. е. долиной Ангрена), находился город Ванкет; от Ванкета до Хайлама было 3 фарсаха; последнее определение, по-видимому, ошибочно или относится к другому Ванкету (см. ниже). Хайлам, по Макдиси, был большим городом, с красивой соборной мечетью; по Истахри, здесь родился Саманид Абу-л-Хасан Наср, старший брат Исма'ила. Шикит также был большим селением, с соборной мечетью среди базара; селение славилось своими орехами; иногда за один дирхем можно было получить 1000 штук[6].

Что касается обоих главных пограничных городов с владениями тюрков, Оша и Узгенда[7], то Ош по величине считался третьим городом в Фергане; он состоял из шахристана, цитадели и рабада; дворец и тюрьма находились в цитадели. Город имел трое ворот: 1) ворота Горные, 2) ворота Речные, 3) ворота Мугкеде (т. е. 'ворота храма огнепоклонников'). Соборная мечеть находилась среди базаров. В окрестностях города был большой рабат, куда отовсюду стекались борцы за веру; вероятно, этот рабат тожествен со сторожевым пунктом на

---

[1] Костенко, *Туркестанский край*, т. I, стр. 230.
[2] Истахри, 334; Ибн Хаукаль, 396.
[3] По Ибн Хаукалю (395), Бискенд и Селат были отдельными округами.
[4] Макдиси, 272.
[5] Истахри, 346—348.
[6] Макдиси, 271.
[7] Истахри, 333; Ибн Хаукаль, 394; Макдиси, 272.

вершине горы[1], возле которой расположен город и где впоследствии Бабур построил себе жилище[2].

Узгенд[3] по величине соответствовал $^2/_3$ Оша и тоже состоял из цитадели, шахристана и рабада. Цитадель входила в состав шахристана, чем Узгенд, по словам Макдиси, отличался от всех прочих городов в Фергане. Город имел четверо ворот; во все части его была проведена вода; через реку, протекавшую мимо ворот города (Кара-Дарью), приходилось переправляться вброд, так как моста не было. В Узгенде происходила торговля с тюрками; как известно, отсюда вел путь в Семиречье, именно через перевал Ясы в Атбаш[4]. Самый город Узгенд в IX в. принадлежал дихкану Чур-тегину, очевидно, тюркскому князю. Название «Дихкан Чур-тегин» носила также местность между Узгендом и перевалом[5]; теперь, по словам Н. Ф. Петровского[6], так называется местность по дороге из Узгенда к древнему Атбашу, за перевалом Ясы, у перевала Ураз-хан. Лучшей эпохой для Узгенда было время первых Караханидов, когда Узгенд был столицей Мавераннахра. Но древние памятники, которые сохранились там[7], должны быть отнесены не к этому периоду, а ко второй половине XII в., когда Узгенд был только столицей Ферганы. При кара-китаях и при первых чагатайских ханах в Узгенде хранилась государственная казна[8]. Между Ошем и Узгендом было 7 фарсахов[9]; около Узгенда не было других городов,

---

[1] Из текста Ибн Хаукаля можно заключить, что на горе был сторожевой пункт тюрков, откуда последние наблюдали за приготовлениями жителей к священному походу; но едва ли можно предположить, что в эпоху Саманидов гора, господствовавшая над городом и его окрестностями, была оставлена во власти тюрков.

[2] *Бабур-наме,* изд. Ильминского, 3; изд. Бевериджа, л. 2б; пер. Бевериджа, I, 5; пер. Лейдена — Эрскина, 2. У Бабура гора носит название براكوه, у Джемаля Карши (*Тексты,* стр. 148) — название براكة; на ней и на соседней горе Ханаф были священные могилы; по некоторым известиям, здесь находилась могила Асафа, везира Соломона; теперь здесь показывают могилу самого Соломона и самая гора носит название «Соломонов трон» (Тахт-и Сулейман). См. Щербина-Крамаренко, *По мусульманским святыням,* стр. 53, а также рисаля об Оше, перевод Л. Зимина с примечаниями, сделанными на основании собственных наблюдений (Зимин, *Мусульманское сказание,* стр. 3 и сл.).

[3] Пишется также Юзгенд.

[4] Ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию,* стр. 41—43.

[5] Ибн Хордадбех, 30; Кудама, 208; <у обоих авторов — Хур-тегин. — *Ред.*>; в переводе де Гуе (Ибн Хордадбех, 22; Кудама, 159) есть небольшой пропуск.

[6] *Еще заметка,* стр. 357.

[7] О них см. Щербина-Крамаренко, *По мусульманским святыням,* стр. 53; Домбровский, *Древняя башня,* стр. 1—2; *Надписи на древних могильных камнях,* стр. 5—7; Маллицкий, *Несколько слов,* стр. 8—9.

[8] Бартольд, *Очерк истории Семиречья,* стр. 109, 129 (отд. отт., стр. 36, 56).

[9] Ибн ал-Факих, 328.

около Оша был еще город Медва (ныне селение Мады), в 2 фарсахах от Оша [1].

Главная дорога из Ходженда в Ош [2], через южную часть Ферганы (6 дней пути), проходила через следующие города (каждый отстоял на 1 день пути от предыдущего): Кенд, Сох, Риштан, Зендерамш, Куба; особенно значителен был переход между Куба и Ошем. Город Кенд впоследствии упоминается под названием Кенд-и Бадам ('Город миндаля'), ныне Канибадам; в эпоху Саманидов он не причислялся к Фергане, но входил в состав области города Ходженда [3]. Расстояние от Ходженда до Канибадама (ок. 60 верст) очень значительно для 1 дня пути; может быть, город находился несколько западнее нынешнего селения, тем более, что и по Бабуру от Ходженда до Кенд-и Бадама было всего 5 или 6 агачей (фарсахов). По словам Макдиси [4], в Кенде посередине базаров протекала река (или канал). Сох и Риштан причислялись уже к Фергане, именно к округу Верхняя Несья. Сох [5] находился вблизи гор, очевидно на реке того же имени, вероятно на месте нынешнего селения Сары-курган или несколько западнее; около него было до 60 селений [6]. Риштан, сохранивший свое название до сих пор, был большим селением с двумя воротами: первые находились около базаров, возле соборной мечети, вторые — около площади. В том же округе упоминаются еще города Хоканд и Ванкет; первый находился на расстоянии одного большого перехода от Соха и в 5 фарсахах от Сыр-Дарьи (очевидно, на месте нынешнего Коканда), второй — в 3 фарсахах от Хайлама (?) и на расстоянии больше фарсаха от Сыра [7]. По словам Макдиси, Ванкет по величине соответствовал Риштану.

Более многочисленны были города в округе Нижняя Несья; кроме Зендерамша, здесь упоминаются Маргинан, Беренг, Уштикан и Андукан. Первые три названы также у Макдиси в качестве небольших городов (или селений); соборная мечеть в Уштикане находилась среди базаров, в Беренге — вне города, по направлению к Самарканду, в Маргинане — вдали от базаров; у ворот последней протекала река. Поло-

[1] Истахри, 347; Ибн Хаукаль, 396.

[2] Истахри, 335.

[3] Там же, 333.

[4] Макдиси, 272.

[5] О городах южной части Ферганы см. Ибн Хаукаль, 395—396; Макдиси, 272.

[6] На реке Сох в 25 верстах западнее Сары-кургана были найдены остатки древнего города, называемого Муг-тепе или Муг-курган ('Холм огнепоклонников' или 'Крепость огнепоклонников'), которые были описаны А. Петровым и Л. Зиминым (Зимин, *Краткая историческая справка,* стр. 21—23; Петров, *Развалины Муг-тепе,* стр. 24—25).

[7] Истахри, 335, 347.

жение Маргинана (Маргелана) и Андукана (Андижана) известно; Уштикан находился на дороге из Куба в Ахсикет, в 3 фарсахах от первого и в 7 фарсахах от берега Сыра[1]; о положении Беренга мы не имеем сведений. Расстояние между Маргинаном и Зендерамшем не указывается, так что мы не можем с точностью определить местоположение последнего. По-видимому, еще в эпоху Караханидов главным городом округа сделался Маргинан, который назван у Сам'ани[2] «одним из известных городов» Ферганы; Сам'ани[3] упоминает даже об одном из кварталов Маргинана, Гандабе. У Бабура Маргинан назван в числе 8 главных городов Ферганы; даже Риштан в то время был подчиненной Маргинану деревней. У Сам'ани[4] упоминается среди ферганских селений Ламиш, который у Джемаля Карши[5] носит название Иламиш и помещается в окрестностях Андижана. По Джувейни, в степи (*саҳрā'*) Иламиш произошла битва между хорезмшахом Мухаммедом и кара-китаями; тот же историк в другом месте говорит, что битва произошла около Тараза[6] (Таласа); из этого можно заключить, что Иламиш находился в северной части Андижанского уезда. Город Куба (ныне селение Кува) был столицей особого округа, в котором не было других городов; город считался вторым в Фергане; по количеству воды и садов он даже превосходил Ахсикет; по Макдиси, Куба превосходил Ахсикет даже по величине и богатству. О самом городе Макдиси говорит только, что в середине его была площадь и что соборная мечеть находилась среди базаров; по Ибн Хаукалю[7], город разделялся на цитадель, шахристан и рабад; первая была в разрушенном состоянии; в ней находилась соборная мечеть[8]; базары, дворец и тюрьма помещались в рабаде. Город стоял на берегу речки того же имени, которая в то время достигала Сыр-Дарьи; не вполне ясно, которая из трех небольших речек, называемых в настоящее время Араван, Абшура и Исфайрам, орошала Куба, когда — в прежние времена — это

---

[1] Там же, 347.

[2] Рук. Аз. муз., л. 402; изд. Марголиуса, под словом المرغيناني; Якут, *Му'джам*, IV, 500.

[3] Рук. Аз. муз., л. 311; изд. Марголиуса, под словом الغنداني; Якут, *Му'джам*, III, 820.

[4] *Тексты*, стр. 69 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الـــلامـــشى); ср. Якут, *Му'джам*, IV, 343.

[5] *Тексты*, стр. 149.

[6] Ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 17; Джувейни, изд. Казвини, II, 77, 91 (то же: *Тексты*, стр. 103).

[7] Ибн Хаукаль, 394.

[8] По-видимому, единственный пример такого явления в Фергане; факт указывает на то, что в Куба, как в Бухаре и Самарканде, цитадель некогда была занята арабским гарнизоном.

был город, а не селение, как сейчас и уже во времена Бабура[1]. Между Куба и Ошем было 7 фарсахов[2] (по другому, несколько преувеличенному счету[3], 10 фарсахов); на этом пространстве находился, по-видимому, еще город Урест со своим округом (вероятно, это название можно сблизить с именем народа Ἀριστεῖς, жившего, по Птолемею[4], у верховьев Сыр-Дарьи). Река Урест, один из притоков Сыр-Дарьи, по-видимому, тожественна с Ошской рекой (Ак-бура), которая, по рукописи Туманского, протекала «между Ошем и Урестом». К востоку от Оша, кроме Медва, находился еще город Хуршаб[5], на берегу речки того же имени, названной у Ибн Хаукаля[6] на первом месте среди притоков Сыр-Дарьи; в настоящее время, как известно, из левых притоков Кара-Дарьи до нее доходит только Куршаб (Хуршаб). Все другие притоки впадают в большой канал, называемый Шахрихан, который, подобно другим большим каналам, выведенным из Кара-Дарьи и Нарына в XIX в., не существовал ни в X в., ни во время Бабура.

Несмотря на то, что Фергана только в IX в. окончательно была завоёвана мусульманами, в окрестностях Андижана уже в средние века показывались мусульманские святыни. Могила пророка Эйюба (Иова) в Фергане (ныне целебные источники Хазрет-Аюб, в 2 верстах от селения Джелалябад[7]) была известна еще Макдиси[8]. Джемаль Карши[9] рассказывает о могиле 2700 спутников пророка и их последователей в месте Испид-Булан; они были посланы халифом Османом под начальством Мухаммеда б. Джерира и все пали в бою с неверными. Место существует и теперь под тем же названием (у Щербины-Крамаренко по ошибке — Сафид-буленд) в долине Касан-сая. Н. Н. Щербина-Крамаренко[10] слышал здесь от туземцев предание, очень похожее на

---

[1] *Бабур-наме,* изд. Бевериджа, л. 16б; пер. Бевериджа, I, 30 и сл., где приведено ошибочное написание Каба. Мы не знаем, почему город утерял свое значение после X в. Рассказ Даулетшаха (изд. Броуна, 1174 и сл., со ссылкой на Насир ад-дина Туси) о «пяти братьях» Куба и их войне с Махмудом Газневи едва ли может считаться историческим фактом, ибо Махмуд никогда не вступал в Фергану. См. Бартольд, *Орошение,* стр. 132 и сл. Во времена Бабура у Куба была «стоячая заболоченная вода, перейти которую можно было только по мосту».

[2] Кудама, 208. [3] Ибн Хордадбех, 30.

[4] Tomaschek, *Sogdiana,* S. 48.

[5] Город упоминается в рукописи Туманского <*Худуд ал-'алам,* л. 24а, в форме خرساب. — *Ред.*>.

[6] Ибн Хаукаль, 392.

[7] В статье г-на Щербины-Крамаренко (*По мусульманским святыням,* стр. 52) — Джаллабад.

[8] Макдиси, 46.

[9] *Тексты,* стр. 148.

[10] *По мусульманским святыням,* стр. 51; ср. также Масальский, *Туркестанский край,* стр. 702.

рассказанное у Джемаля Карши. Последний, кроме того, помещает в Хоканде могилу Абдаллаха, внука имама Хусейна и брата умершего в 113/731 г. имама Мухаммеда Бакира. Наконец, предметом культа была могила арабского завоевателя Мавераннахра Кутейбы, убитого в 96/715 г. Могила Кутейбы упоминается у Нершахи[1] (в местности Рабат-и Серхенг, в деревне Ках) и у Джемаля Карши[2]. И теперь туземцы показывают могилу «имама шейха Кутейбы» в Джелаль-Кудукской волости Андижанского уезда[3].

К югу от главной дороги находились горные округа Испара (Исфара), Авал и Некад[4]. Название Исфара как название города (последний упоминается уже у Бабура) в то время не существовало; города Исфаринского округа носили название Тамахуш и Бамкахуш. Бамкахуш находился на расстоянии 5 фарсахов от Соха, Тамахуш — в 1 миле (2—3 версты) от Бамкахуша[5]; оба города, вероятно, находились несколько севернее нынешнего селения Исфара. Часть Исфаринского округа находилась еще в равнине, часть — в горах. Ибн Хаукаль обращает особенное внимание на «разноцветные горы» в этой местности[6]; там же, по Истахри[7] и Ибн Хаукалю, находились каменноугольные копи, именно «гора из черных камней, которые горят, как [древесный] уголь; пепел служит для беления одежды». Три ослиные ноши (*викр*) угля стоили 1 дирхем (франк)[8]; вес ослиной ноши обыкновенно доходит до 5—6 пудов; даже если принять для нее низшую меру ($3^1/_2$ пуда), все-таки цену угля приходится признать крайне дешевой, особенно по сравнению с теми ценами, которые существовали в первое время нашего владычества в Туркестанском крае[9].

Город Авал, столица округа того же имени, находился в 10 фарсахах от Соха, по дороге в Уджну (или Уджену?); о последнем месте мы ничего не знаем[10]. Селение Авал существует и теперь, к югу от Маргелана. В горном округе Некад был только один город, Мискан[11]; от Куба до Некада (вероятно, до Мискана) было 7 фарсахов по на-

[1] Изд. Шефера, 57.

[2] Здесь написание — .

[3] ПТКЛА, год III, стр. 4 <протокол № 1 от 11 декабря 1897 г.>. Волость до 1898 г. входила в состав Ошского уезда.

[4] У Макдиси (262) — Наукад.

[5] Истахри, 347, там же говорится о расстояниях между другими ферганскими городами.

[6] Ибн Хаукаль, 397; ср. Мушкетов, *Туркестан*, т. II, стр. 509.

[7] Истахри, 334.

[8] <Так в русск. изд. 1900 г., стр. 161, и в англ. изд. 1928 г., стр. 161. — *Ред.*>

[9] Ср. Костенко, *Туркестанский край*, т. III, стр. 173—175.

[10] Де Гуе при издании текста Истахри (347) предлагал читать Узджанд, т. е. Узгенд.

[11] Ибн Хаукаль, 396.

правлению к востоку. Вероятно, Некад соответствовал местности, орошенной речками Чиле и Киргиз-Ата.

Переходя теперь к северной части Ферганы, мы прежде всего должны остановиться на столице всей области Ахсикете. Город, находившийся на правом берегу Сыр-Дарьи, описывается у Ибн Хаукаля и Макдиси[1], которые различают в нем цитадель, шахристан и рабад. Цитадель, по Ибн Хаукалю, находилась в шахристане, по Макдиси — в рабаде. В цитадели помещались дворец и тюрьма, соборная мечеть — в шахристане, рядом с цитаделью (как в Самарканде и Бухаре), место праздничной молитвы — на берегу Сыр-Дарьи, базары — в шахристане и в рабаде, причем базары шахристана отличались большей обширностью. Шахристан имел пять ворот; из них мы знаем названия четырех: Мердкушийские (как в Бухаре), Касанские, Ворота соборной мечети и Ворота залога (? *рихāна*). Шахристан был орошен множеством каналов, впадавших в красивые хаузы; берега последних были выложены кирпичом и известью. Здания были выстроены из глины; главные здания находились в шахристане. Город, по Ибн Хаукалю, простирался (вероятно, вдоль берега реки или в окружности) на 3 фарсаха; по Макдиси, Ахсикет был в полтора раза больше известного палестинского города Рамлы; о последнем говорится[2], что его ширина равнялась 1 миле, длина — несколько больше. В окрестностях города еще на 2 фарсаха тянулись сады; на другом берегу реки находились луга и пастбища, за ними — пески, на пространстве 1 перехода.

С южной частью Ферганы Ахсикет был соединен несколькими дорогами. Существовал прямой путь из Хоканда в Ахсикет, через степь и пески (7 фарсахов); по этой дороге приходили к «воротам Ахсикета», потом переправлялись через реку; из этого можно заключить, что часть ахсикетского рабада находилась на южном берегу Сыра. Можно было также идти из Хоканда в Баб, ныне Пап (5 фарсахов), и оттуда в Ахсикет[3] (4 фарсаха). От Куба до Ахсикета было 10 фарсахов, из них 3 фарсаха до Уштикана и 7 фарсахов от Уштикана до берега Сыра. Что касается пути из Ходженда в Ахсикет, то мы находим у географов следующий дорожник[4]:

[1] Ибн Хаукаль, 393—394; Макдиси, 271. О нынешнем состоянии развалин Ахсикета см. Лыкошин, *Очерк археологических изысканий*, стр. 30—31. См. также мою статью ***kAhsīkath*** (EI, I), где дано описание развалин старой цитадели (Иски-Ахси): 1000 шагов с запада на восток, 600 шагов с севера на юг, на 150 футов выше уровня Сыр-Дарьи. Г-жа А. С. Беверидж в первом приложении к ее переводу *Бāбур-нāме* относится к «исчезновению Старого Ахси» как к факту, нуждающемуся в объяснении, но в действительности здесь не было никакого исчезновения. Ахсикет упоминается в *Тан-шу* под именем Сицзянь (см. Chavannes, *Documents*, p. 148).

[2] Макдиси, 165. [3] Истахри, 335—336.

[4] Макдиси, 341; Ибн Хордадбех, 29—30; Кудама, 207—208.

Ходжент	
Самгар	.5 фарсахов (1 переход)
Хаджистан	.4 фарсаха (2 перегона)
Турмукан	.7 фарсахов (1 переход)
Баб	.3 фарсаха ($^1/_2$ перехода)
Ахсикет	.4 фарсаха (2 перегона)

Самгар, сохранивший свое название до сих пор, был большим селением, расположенным в равнине, Хаджистан — укрепленным пунктом около горной цепи, соединяющейся с горами Илака; вблизи находились большие соляные копи; добывавшаяся здесь соль удовлетворяла потребности Шаша, Ходженда и других областей; каменная соль, как известно, и теперь добывается в горах близ Самгара. Турмукан и Баб (большой и богатый город) находились на берегу Сыра; в IX в. путешественники часто проходили расстояние между Хаджистаном и Бабом в 1 день, не останавливаясь в Турмукане из страха перед тюрками.

В 5 фарсахах к северу от Ахсикета[1], на берегу той же реки, находился город Касан; городок существует и теперь, причем сохранились также развалины старого города[2]. В конце VIII и в начале IX в. Касан был столицей ферганских царей[3]; исследование развалин, в особенности древней крепости Муг, поэтому представляло бы большой интерес.

Наконец, в северной части Ферганы упоминаются еще округа Неджм и Керван с городами того же имени и округ Джидгиль с городом Ардланкет. От Касана до Неджма был 1 переход по направлению к северо-востоку, от Касана до Кервана — 4 фарсаха; от Ахсикета — 7 фарсахов до границы Керванского округа и 9 фарсахов до города Кервана[4]. Неджм, может быть, находился на месте нынешнего селения Нанай; округ Керван, вероятно, занимал северную часть ны-

---

[1] Истахри, 346.

[2] Щербина-Крамаренко, *По мусульманским святыням,* стр. 49. Более подробные сведения даны А. Бряновым (*О следах,* стр. 142 и сл.); крепость Муг состоит из трех небольших прямоугольников соответственно в 500, 2000 и 3200 кв. сажен (в общей сложности ок. 2,5 *га*). Касан упоминается китайцами под названием Кэсай (Chavannes, *Documents,* p. 148). Вероятно, именно к этому городу относится утверждение в более раннем сочинении *Бэй-ши* (русский перевод: Бичурин, *Собрание сведений,* изд. 1-е, III, 186) о том, что столица Ферганы была в окружности всего в 4 ли (ок. 1$^1/_3$ версты). Ср. также мою статью *Farghāna* (EI, II). <По мнению П. Пелью, трудно допустить фонетическое соответствие между «Kāsān» и китайским «Кэсай» (древнее чтение * K'ât-sək). Пелью предполагает, что здесь в китайском тексте какая-то ошибка. См. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* p. 15. — *Ред.*>

[3] Я'куби, *Та'рīх,* II, 478; Я'куби, *Китāб ал-булдāн,* 294.

[4] Истахри, 246—247; Ибн Хаукаль, 405.

нешнего Чустского уезда. Джидгиль упоминается в качестве одного из истоков речки Парак, т. е. Чирчика[1]; округ Джидгиль, очевидно, соответствует долине Чоткала, которая в то время причислялась к Фергане; название Ардланкет, как мы увидим дальше, носил также один из городов, расположенных между речками Парак и Илак, т. е. между Чирчиком и Ангреном[2]. От Касана до ферганского Ардланкета был 1 переход[3], или 2 станции[4].

Макдиси[5] насчитывает в Фергане 40 городов и селений с соборной мечетью; при перечислении городов он приводит 31 название, причем разделяет города, кроме столицы, на три категории, на Миян-рудийские (Насрабад, Минара, Ренджед, Шикит, Заркан, Хайрлам, Бешбешан, Уштикан, Зендерамш, или Зендерамиш, и Узгенд), Несаийские (Ош, Куба, Беренг, Маргинан, Риштан, Ванкет и Кенд) и Вагизийские (Букенд, Касан, Баб, Чарек, Ашт[6], Тубкар, Авал, Дигеркерд, Наукад-Мискан, Биган, Тисхан[7], Джидгиль, Шавдан). По-видимому, автор хотел причислить к первой категории города, расположенные между Нарыном и Кара-Дарьей, ко второй — города южной части Ферганы, к третьей — города области к северу от Сыр-Дарьи; некоторые из его определений несомненно ошибочны, как показывает отнесение Уштикана и Зендерамша к первой категории, Авала и Мискана — к третьей. Из городов, не упомянутых у более ранних географов, сообщаются некоторые данные о следующих[8]. Насрабад был большим городом с густыми садами; его построил какой-то царь (вероятно, Ахмед б. Асад) для своего сына Насра. Около Ренджеда было много пашен; красивая соборная мечеть находилась среди базара чеботарей. Тисхан был большим и многолюдным городом; соборная мечеть находилась среди базара торговцев хлопчатобумажными тканями. Заркан был городом средней величины, со многими рисовыми полями и обильным орошением; у ворот соборной мечети находился тенистый сад. Беш-

---

[1] Ибн Хаукаль, 388. Чтение Тюрк, принятое де Гуе, ошибочно, и название следует читать برك вместо فرك (Парак). Название Парак упоминается еще в XVI в. [Мухаммед-Хайдер, 116; Хафиз-и Таныш, *'Абдуллā-нāме,* рук. Аз. муз., л. 253а и в других местах; ср. мою рецензию на работу Вяткина (*Материалы*) — ЗВОРАО, т. XV, стр. 053; см. также Бартольд, *Орошение*, стр. 139]. Чирчик — уменьшительное от Чир; это название появляется впервые в истории Тимура; ср. Бартольд, *Орошение,* стр. 139.

[2] Истахри, 345; Ибн Хаукаль, 385, 404.

[3] Ибн Хаукаль, 405.

[4] Истахри, 346.

[5] Макдиси, 262, 272.

[6] Существует и теперь.

[7] Макдиси, 262 اشححان, 271 تسحان; может быть, следует читать آتشخان (Атешхан, т. е. 'Храм огнепоклонников').

[8] Макдиси, 271—272.

бешан был большим городом; ворота соборной мечети выходили на площадь. У Истахри и Ибн Хаукаля[1] упоминается еще город Бараб, или Фараб, на берегу Сыр-Дарьи, у Сам'ани и Якута[2] — еще селение Йедухкет (у Якута Йедахкет), без указания местоположения. Ни в какой области Мавераннахра отдельные селения не занимали такого значительного пространства, как в Фергане; иногда одно селение тянулось на целый день пути[3]. Область славилась своими минеральными богатствами; около Ахсикета, в Некаде и в других местах были золотые и серебряные рудники; около Соха добывалась ртуть, в Верхней Несье — смола, асбест, золото, серебро, бирюза, железо, медь и свинец; наконец, Фергана была одна из тех немногих областей в мусульманских владениях, где добывался нашатырь[4] (по словам автора *Джахан-наме*[5] — около Узгенда).

Город Ходженд (Худжанда)[6], впоследствии иногда причислявшийся к Фергане, в X в. составлял особую административную единицу; в домусульманское время также упоминается «царь (*мелик*) Ходженда»[7], хотя последний, по-видимому, находился в зависимости от ферганского царя. Ходженд был одним из больших городов Мавераннахра, с цитаделью, шахристаном и рабадом; в цитадели находилась тюрьма, в шахристане — соборная мечеть, в рабаде, среди площади,— дворец. Город славился своими виноградниками и садами; население было так многочисленно, что произведения окрестных полей не могли удовлетворить его, и хлеб для города должен был привозиться из Ферганы и Осрушаны. Посередине города протекал арык, проведенный, вероятно, не из Сыр-Дарьи, а из Ходжа-Бакыргана[8]. Как мы видели, в состав Ходжендской области входил также город Кенд.

Почти все пространство между Самаркандом и Ходжендом (по нынешнему тракту 275 верст) входило в состав области Осрушана, или

---

[1] Истахри, 347; Ибн Хаукаль, 406.

[2] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 465; изд. Марголиуса, под словом اليذخكثى; Якут, *Му'джам,* IV, 1014. Название это, вероятно, — просто неправильное написание вместо بذخكث, упомянутого обоими авторами в других местах (Сам'ани, под словом البذخكثى; Якут, *Му'джам,* I, 524; Сам'ани говорит, что это было селение «в Исфиджабе или Шаше»). Мы знаем от Ибн Хордадбеха, что оно было расположено в 9 фарсахах северо-восточнее Исфиджаба на дороге в Тараз. Другие подробности см. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию,* стр. 9.

[3] Истахри, 333—334; Ибн Хаукаль, 394—395.

[4] Ибн Хаукаль, 397—398; ср. Истахри, 334.

[5] *Тексты,* стр. 81 (Бекран, *Джахан-наме*). Ср. также выше (стр. 217) сообщения о каменном угле и его добыче в Фергане.

[6] Истахри, 333; Ибн Хаукаль, 391—392; Макдиси, 272.

[7] Табари, II, 1439.

[8] См. Бартольд, *Орошение,* стр. 136.

Сутрушана[1]. Арабские географы дают нам для этого пути несколько дорожников. По Истахри[2], путь от Самарканда до Ходженда совершали в 8 дней, причем промежуточными станциями были: Баркет[3] (Абаркет), рабат Са'да, Бурнемед, Замин, Сабат, Аркенд и Шавкет[4]. Путь между Баркетом (последний, как мы видели, находился в 4 фарсахах от Самарканда) и Бурнемедом у Ибн Хордадбеха и Кудамы[5] описывается несколько иначе; по их словам, дорога вела из Баркета через степь Катван в Хушуфагн (4 фарсаха), оттуда по гористой местности в Бурнемед (5 фарсахов), оттуда через степь в Замин (4 фарсаха). Из этого видно, что Хушуфагн находился несколько южнее нынешней станции Яны-Курган и что от этого пункта, а не от Джизака в то время отделялась дорога на восток, через горы и степь, в Замин. Дорога через рабат Са'да, о которой говорит Истахри, вероятно, проходила еще южнее. По Истахри, между Баркетом и рабатом Са'да, около рабата Абу Ахмеда, от ферганской дороги отделялась дорога в Шаш через Дизак (Джизак); на этом пути упоминается[6] пункт Катван-дизе, на расстоянии 1 дня пути от Баркета, вероятно тожественный с Хушуфагном. Вместо Катван-дизе на пути между Баркетом и Дизаком можно было также останавливаться в Харкане; от Харканы считали 9 фарсахов до Самарканда, 2 фарсаха до Дизака и 9 фарсахов до Замина[7].

Между Замином и Ходжендом также было несколько дорог. Из Сабата[8] можно было проехать в Ходженд через Аркенд, или Рукунд[9]

[1] Старое написание Сутрушана, известное из китайских источников, можно найти во многих рукописях сочинений X в.; см. Ибн Хаукаль, 379, прим. *b;* рукопись Туманского дает то же написание; ср. Бартольд, *Орошение,* стр. 104. <Об Осрушане см. новые работы Негматова: *Историко-географический очерк Усрушаны; Усрушана. — Ред.*>

[2] Истахри, 334—335.

[3] См. выше, стр. 145.

[4] Макдиси (342) считает только 1 день пути от Сабата до Шавкета. Я'куби (*Китаб ал-булдан,* 294) также говорит, что путь из Самарканда в Ходженд проходили в 7 дней.

[5] Ибн Хордадбех, 26; Кудама, 203.

[6] Истахри, 336.

[7] Там же, 343; Ибн Хаукаль, 382, 403.

[8] От Замина до Сабата Макдиси (342) считает 2 перегона, Истахри (343) — 3 фарсаха, Ибн ал-Факих (328), Ибн Хордадбех (27) и Кудама (207) — 2 фарсаха. По мнению г-на Скиарского (*Несколько слов,* стр. 50), этот Сабат, может быть, тожествен не с нынешней станцией того же имени, а с селением Иски-Сават, верст на двенадцать севернее.

[9] Ибн ал-Факих, 328; Кудама, 207; <в русск. изд. 1900 г., стр. 166: Куркет. — *Ред.*>. Куркет — только конъектура издателя (Кудама, 207, прим. *d*); в рукописи же ركد, т. е. ركند, то же, что اركند у Истахри (335), где де Гуе сам (прим. *e*) правильно отожествляет этот город с ركند (чтение дано ركيد) у Кудамы. Ругунт (sic) как селение к северу от Ура-Тюбе упомянут А. Кушакевичем (*Сведения,* стр. 215 и кар-

(3 фарсаха от Сабата), и Галук-Андаз (3 фарсаха от Рукунда и 4 фарсаха от Ходженда); существовала также дорога[1] из Замина в Куркет через Хавас (7 фарсахов от Замина и 6 фарсахов от Куркета). Селения Замин, Сабат (Сават), Хавас (Хаваст), Рукунд, Куркет[2] и Галук-Андаз сохранили свои названия до настоящего времени.

Главный город Осрушаны Бунджикет (вероятно, Пянджикет) находился в стороне от этих путей. По словам Ибн Хордадбеха и Кудамы[3], от Сабата надо было ехать 2 фарсаха по равнине и потом еще 5 фарсахов вдоль реки, текущей от города; по обе стороны дороги находились горы, покрытые селениями. Как я уже имел случай говорить в другом месте[4], эти данные позволяют нам признать остатками столицы Осрушаны развалины Шахристан (верстах в 25 к юго-западу от Ура-Тюбе)[5]. Эти развалины были осмотрены мною в 1894 г.[6] и потом подробнее описаны П. С. Скварским[7]. В X в.[8] в городе было до 10 000 человек мужского пола; город состоял из цитадели, шахристана, через который протекала река, и рабада. Цитадель, по Макдиси, находилась вне шахристана (текст Ибн Хаукаля здесь несколько запутан). Тюрьма помещалась в цитадели, соборная мечеть — в шахристане, базары — частью в шахристане, частью в рабаде, дворец — в рабаде, в казенном имении. Шахристан имел двое ворот: Верхние и Городские, рабад — четверо: Заминские, Мерсмендийские, Нуджкетские и Кехлябадские. Диаметр[9] стен рабада приблизительно равнялся фарсаху; здания были выстроены из глины и дерева. Город орошался

та). То же селение, в форме Рутун (روكـــون), упомянуто у Мухаммеда-Вефа Керминеги (*Туҳфат ал-ҳāнӣ*, л. 150б). Расстояние между Сабатом и Куркетом гораздо больше.

[1] Истахри, 343; Ибн Хаукаль, 382; Ибн Хордадбех, 27.

[2] У Макдиси (265) — Курдкет.

[3] Ибн Хордадбех, 29; Кудама, 208. По Истахри (343), от Сабата до Бунджикета было всего 3 фарсаха.

[4] Бартольд, *Несколько слов об арийской культуре*, стр. 62.

[5] Более распространенное мнение, высказанное уже Бабуром (*Бāбур-нāме*, изд. Бевериджа, л. 86; пер. Бевериджа, I, 17), отожествляет его с Ура-Тюбе; эта же точка зрения решительно поддерживается современным исследователем И. Кастанье и его коллегами, членами Туркестанского кружка любителей археологии; см. ПТКЛА, год XX (Кастанье, *Древности*, стр. 32 и сл.; Протокол № 2 от 14 февраля 1915 г., стр. 159 и сл.). Нынешний Ура-Тюбе, подобно древней столице Осрушаны, имеет ворота, называемые Нуджкетскими воротами (Кастанье, *Древности*, стр. 32). Однако трудно согласовать эту точку зрения с приведенным выше сообщением о том, что дорога шла на протяжении 5 фарсахов вдоль реки между горами.

[6] Ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 75—76.

[7] *Несколько слов*, стр. 47—51.

[8] Истахри, 326—327; Ибн Хаукаль, 379—380; Макдиси, 277.

[9] Или окружность (так у Ибн Хаукаля, 380, 2).

шестью протоками[1], имевшими один общий исток, на расстоянии $^1/_2$ фарсаха от города; названия этих протоков были: Сарин (протекавший через шахристан), Бурджен, Маджен, Сенгджен, Руйджен и Сенбукджен; на них было много мельниц.

Вторым по величине городом Осрушаны был Замин[2], расположенный на обоих берегах реки, около выхода ее из гор. Рядом с ним был расположен старый город, который в X в. уже был покинут жителями; новый город, носивший также название Серсенды, не имел стен. Базары были расположены по обоим берегам реки, соединенным между собой небольшими мостами; соборная мечеть находилась по правую руку от направлявшихся к Самарканду, т. е. к северу от большой дороги.

Третий город, Дизак, или Джизак[3], находился в равнине, в волости Фекнан, и был замечателен как один из сборных пунктов «воинов за веру», для которых было построено много гостиниц и рабатов; из последних отдельно упоминается рабат Худайсер, построенный Афшином на расстоянии фарсаха от города.

Остальные города Осрушаны мало отличались по величине один от другого; из них указывается местоположение следующих[4]: Нуджкет находился в 2 фарсахах к юго-востоку от Харканы, т. е. в западной части области; Фагкет — в 3 фарсахах[5] от Бунджикета, на дороге в Ходженд; Газак — в 2 фарсахах от Фагкета и в 6 фарсахах от Ходженда; Арсьяникет, или Арсубаникет[6], — в 9 фарсахах от Бунджикета, на границе с Ферганой; Хишт — в горах, вблизи серебряных рудников[7], т. е. в северо-западной части области. Вообще городская жизнь в Осрушане была мало развита; область менее других подверглась влиянию арабской культуры[8] и потому должна была дольше сохранить особенности древнеарийского аристократического строя. По Я'куби[9], в

---

[1] По Макдиси, «шестью протоками, кроме большой реки».

[2] Ибн Хаукаль, 380—381; Макдиси, 277.

[3] Истахри, 327; Ибн Хаукаль, 381.

[4] Истахри, 343—344.

[5] По Ибн Хаукалю (404) — 9 фарсахов, что маловероятно. Фагкет и Газак сближают с упоминаемыми в истории Александра Македонского городами Газа и Бага (ср. Лерх, *Мавераннагр*, стр. 578). На месте Фагкета (у Истахри в одном месте, стр. 326, — Вагкет), вероятно, находится нынешнее селение Вагат, жителей которого считают потомками царя Каштасиба (Гуштаспа); ср. Скварский, *Несколько слов*, стр. 50. Якут (*Му'джам*, III, 797) помещает Газак в Фергане, основываясь на Сам'ани (изд. Маргулиуса, под словом الغزقي).

[6] Макдиси, 265; ср. ниже, стр. 233.

[7] Макдиси, 278.

[8] Бартольд, *Несколько слов об арийской культуре*, стр. 32.

[9] *Китаб ал-булдан*, 294.

Осрушане было до 400 укреплений, т. е., вероятно, зáмков дихканов; с другой стороны, Ибн Хаукаль и Макдиси[1] называют целый ряд волостей, в которых не было ни одного города. Много крепостей и селений было в горах Буттем, т. е. в области верхнего Зеравшана, также причислявшейся к Осрушане, хотя некоторое время Буттем, по-видимому, составлял отдельную область; Ибн Хордадбех[2] говорит о нем как о самостоятельной податной единице; в одном месте[3] упоминается даже «царь Буттема». Из городов здесь, может быть, находилась Мерсменда (у Я'куби[4] — Арсменда), точное местоположение которой не указывается. По Ибн Хаукалю[5], город был построен на берегу широкой реки, покрывавшейся зимой крепким льдом; вследствие холодного климата виноделие и садоводство здесь было невозможно, но жители с полным успехом занимались возделыванием хлебных растений и устройством цветников; кроме того, здесь каждый месяц была многолюдная ярмарка; соборная мечеть находилась около базара. Из волостей, в которых не было ни одного города, несомненно находились в области верхнего Зеравшана Месха (возможно, Месча, у Бабура—Мача) и Бургар (ср. выше, стр. 133). Арабский термин Бургар, вероятно, представляет искажение местного Паргар, или Фаргар (ср. Бунджикет и Пянджикет, Кувадиан и Кабадиан и т. п.). По-видимому, мы имеем здесь то же самое слово, как в древнем названии Кчи-Сурхаба (ср. стр. 118); это же слово сохранилось в нынешнем названии Фальгарской волости. По Бабуру[6], граница между Мачой и Пальгаром проходила несколько ниже селения Оббурдан, существующего и теперь. К той же местности, вероятно, можно причислить волость Минк (у Я'куби — Манк), где, по словам Ибн Хаукаля[7], находилась крепость Афшина и где Кутейба сражался с «носящими черную одежду»[8]; о последнем событии мы у историков не находим никаких известий. Из селений Дженкакет и Суйдак, по-видимому находившихся в той же волости, происходила семья Абу-с-Саджа Дивдада, основателя азербайджанской династии Саджидов[9]. Около Минка и Мерсменды добывался материал для железного оружия, которое выделывалось в Фергане и вывозилось

[1] Ибн Хаукаль, 382; Макдиси, 265—266.

[2] Ибн Хордадбех, 38.

[3] Там же, 40. <Царек Буттема носил титул *зу-н-на'на'а. — Ред.*>

[4] *Китāб ал-булдāн,* 294.

[5] Ибн Хаукаль, 381—382; ср. также Макдиси, 278.

[6] *Бāбур-нāме,* изд. Ильминского, 121; пер. Лейдена — Эрскина, 101; изд. Бевериджа, л. 99; пер. Бевериджа, I, 152.

[7] Ибн Хаукаль, 383—384.

[8] У Истахри (328) сказано только, что Кутейба здесь «сражался и осаждал Афшина».

[9] Лэн-Пуль, *Мусульманские династии,* стр. 103.

во все области до Багдада. Кроме того, в горах Буттем добывалось золото, серебро, купорос и нашатырь; Истахри и Ибн Хаукаль[1] довольно подробно описывают способ добывания последнего, причем это описание вполне сходится с рассказами новейших путешественников[2].

К северо-востоку от Осрушаны, на правой стороне Сыр-Дарьи, находились области Илак и Шаш[3], составлявшие в географическом отношении одно неразрывное целое[4]. Под Илаком понимали долину реки Ангрен (собственно, Ахенгеран)[5], под Шашем — долину реки Парак (Чирчик), имевшей два истока: один вытекал из гор Бискам, другой — из области Джидгиль[6] (Пскем и Чоткал). Около устья Ангрена находился город Бенакет, около устья Чирчика — город Неджакет; расстояние между ними равнялось 3 фарсахам[7]. Бенакет, по словам Макдиси[8], не имел стен; соборная мечеть находилась около базара; население города отличалось беспокойным духом. Как известно, Бенакет был разрушен монголами и восстановлен при Тимуре, который в честь своего сына назвал город Шахрухией. Развалины Шахрухии находятся на правом берегу Сыр-Дарьи, в устье долины Гижигена, по которой шел левый проток Ангрена[9]; около них, как мне рассказывали, сохранились также развалины старого Бенакета.

Из Осрушаны в долину Чирчика вели две дороги, одна — из Хаваса, другая — из Дизака. На пути из Хаваса достигали Сыр-Дарьи в 4 фарсахах выше Бенакета[10]; на пути от Бенакета к Чирчику упоминаются города Харашкет (1 фарсах от Бенакета, по величине второй город Шаша) и Худейнкет ('Город госпожи', 1 фарсах дальше); левого берега Чирчика достигали у города Джинанджкета (4 фарсаха от Бенакета и 2 фарсаха от берега Сыр-Дарьи)[11]. Джинанджкет, подобно

---

[1] Истахри, 327—328; Ибн Хаукаль, 382—383.

[2] Tomaschek, *Sogdiana*, S. 24.

[3] Местное чтение было несомненно Чāч, как часто назывались персидскими авторами область и главный город. Арабское ش часто передает звук *ч*; см. Бартольд, *Орошение*, стр. 139.

[4] Истахри, 332—333. Название Илак не встречается ни в китайских источниках, ни в рассказах об арабском завоевании. В домусульманское время область, очевидно, должна была быть политически объединена с Чачем. См. Бартольд, *Орошение*, стр. 142.

[5] <См. Массон, *Ахенгеран. — Ред.*>

[6] Ибн Хаукаль, 388.

[7] Истахри, 345.

[8] Макдиси, 277.

[9] Смирнов, *Древности в окрестностях г. Ташкента*, стр. 134. Ср. также описание развалин, данное И. Кастанье (*Отчет*, стр. 112 и сл.), с картами и иллюстрациями.

[10] Кудама, 204. У Макдиси (342) — 2 перегона.

[11] Истахри, 344—345; Кудама, 204.

Бенакету, не имел стен[1]. Здесь с дорогой из Хаваса соединялась дорога из Дизака.

Пространство от Дизака до устья Чирчика[2] проходили в три дня (промежуточными станциями в степи были колодец Хусейна и колодец Хумейда); дальше приходили в Винкерд, христианское (вероятно, несторианское) селение[3]. Из слов Истахри[4], что Джинанджкет находился на дороге из Винкерда в Бинкет, можно заключить, что Винкерд также находился на левом берегу Чирчика или южнее, перед переправой через Сыр-Дарью. Позволяю себе привести по этому поводу следующие слова Н. С. Лыкошина из частного письма его ко мне (от 13—14 апреля 1896 г.): «Относительно древнего христианского селения на левом берегу реки Чирчика, близ устья ее, я слышал рассказы наших туземцев, которые развалины этого селения называют Ульджакенд и ссылаются на книжные свидетельства о когда-то живших там христианах (терсā)». Однако с тех пор Вяткин показал, что Ульджакент, или Унджакет, — это то же, что Неджакет[5]. Более вероятно, что Винкерд, который Ибн Хаукаль удаляет от Шашской реки (т. е. Сыр-Дарьи) как одну из границ обрабатываемой площади Шаша и упоминает далее[6] как о месте, куда приходили путешественники, перейдя степь (причем ничего не говорится о переправе через реку), был расположен к югу от Сыр-Дарьи, где найдены остатки древних ирригационных каналов; полоса обрабатываемой земли южнее Сыр-Дарьи и севернее степи, возможно, была включена в Шаш[7].

Около Джинанджкета переправлялись через Чирчик и приходили в Шутуркет, или Уштуркет[8] ('Город верблюда'), занимавший по величине третье место в области[9]. Из слов Кудамы[10] («если переправиться через реку, то город Шутуркет находится влево») можно бы заключить, что Шутуркет был расположен ниже Джинанджкета, что, однако, едва ли вероятно. По Истахри[11], от Худейнкета до Шутуркета было 3 фар-

---

[1] Макдиси, 277.

[2] Истахри, 336.

[3] Ибн Хаукаль, 384.

[4] Истахри, 345.

[5] Вяткин, *К исторической географии*, стр. 156 и сл.

[6] Ибн Хаукаль, 399.

[7] Покойный Караваев, по-видимому, был прав, отожествляя Винкерд с Урумбай-мирза (ср. его книгу «Голодная степь» и мою рецензию на нее в ЗВОРАО, т. XXIII, стр. 414).

[8] Ибн Хордадбех, 27.

[9] Ибн Хаукаль, 389.

[10] Кудама, 204; впрочем, слово اليسار вставлено в текст только по конъектуре издателя. В рукописи — السل (?).

[11] Истахри, 344.

саха. Шутуркет, по всей вероятности, находился недалеко от нынешнего Иски-Ташкента, может быть, на месте того городища, которое, по словам г-на Эварницкого[1], находится «против кишлака Киршаула, к востоку от Иски-Ташкента, и тянется верст на восемь вдоль берега реки и версты на две или на три на запад, в степь». По Макдиси[2], город был укреплен; в нем были красивые крытые базары (*тӣм*). Пространство из Шутуркета в Бинкет, столицу Шаша, проходили в 1 день[3]. На этом пути упоминаются города Денфеганкет (2 фарсаха от Шутуркета), Залтикет[4] (1 фарсах дальше) и Банункет[5] (3 фарсаха от Шутуркета). От Банункета до Бинкета было 2 фарсаха. Залтикет также был на расстоянии 2 фарсахов от Бинкета и, следовательно, должен быть отожествлен с Банункетом или расположен поблизости от него. Итак, вполне возможно, что Бинкет находился на месте нынешнего Ташкента.

Город Бинкет[6] был окружен двумя рядами стен, из которых внешняя имела семь ворот (произношение названий их сомнительно), внутренняя — десять[7] (из названий замечательны Ворота эмира, Ворота улицы хакана и Ворота замка дихкана). Шахристан имел трое ворот (ворота Абу-л-Аббаса, Кешские и ворота Джунейда), цитадель — двое, из которых одни выходили на шахристан, другие — на рабад. Дворец и тюрьма помещались в цитадели, соборная мечеть — вне цитадели, но рядом с ней, базары — частью в шахристане, но преимущественно в рабаде. Длина и ширина города, от одной стороны внешней стены до другой, равнялась приблизительно фарсаху. В городе и его окрестностях было много садов и виноградников.

Что касается дороги из Ходженда в Бинкет (Ташкент), то здесь до новейшего времени имели больше значения горные пути, чем нынешняя дорога через степь. Макдиси[8] считает 1 день пути от Бинкета до «серебряного рудника» и столько же от рудника до Хаджистана, находившегося, как мы видели, на дороге из Ходженда в Ахсикет. Во всяком случае, эти переходы были очень велики[9], так как Ибн Хордадбех и Кудама[10] считают от Бинкета до рудника 7 фарсахов, от рудника

---

[1] *Путеводитель*, стр. 149.

[2] Макдиси, 276—277.

[3] Там же, 342.

[4] Истахри, 344.

[5] Ибн Хордадбех, 27.

[6] Ибн Хаукаль, 386—387; Макдиси, 276. Часто встречающееся у историков название древней столицы Шаша, Тарбенд (ср. Балазури, 421), у географов не упоминается.

[7] По Макдиси, только восемь.

[8] Макдиси, 342.

[9] Я'куби (*Китāб ал-булдāн*, 294) считает 5 дней пути из Ферганы в Шаш и 4 дня из Ходженда в Шаш.

[10] Ибн Хордадбех, 27; Кудама, 207.

до Хаджистана — 8 фарсахов. У Кудамы мы находим описание другого пути в долину Ангрена; по его словам, от Ходженда шли вдоль по реке (Сыр-Дарье) до каких-то развалин, известных под названием «места обсерватории» (Мауди' ал-Марṣад), оттуда 2 фарсаха до замка Мухинан, находившегося «около устья реки серебряного рудника», т. е. Ангрена или одного из его южных протоков. В первом случае (путь от Хаджистана) несомненно имеется в виду дорога через перевал Кендир-даван. «Рудник Шаша» часто упоминается на монетах еще в эпоху Аббасидов; персидское название этого места, как заметил еще де Гуе [1], было Кух-и сим (букв. 'Серебряная гора'); селение Кух-и сим упоминается у Истахри [2] и, по-видимому, находилось к югу от Ангрена, вероятно против нынешнего селения Аблык.

Определить местоположение главного города Илака, Тункета, очень трудно; описание пути между Бинкетом и Тункетом дошло до нас в искаженном виде [3]; расстояние от Тункета до Ходженда или до серебряного рудника не указывается ни в каких источниках. Мы знаем только, что Тункет находился на берегу Ангрена; ввиду этого можно принять толкование де Гуе, по которому от Бинкета до Тункета было 8 фарсахов. Тункет [4] был вдвое меньше Бинкета, но все-таки состоял из цитадели, шахристана и рабада; дворец находился в цитадели, соборная мечеть и тюрьма — около нее, базары — частью в шахристане, частью в рабаде.

С северной стороны культурная полоса Чирчика была ограничена стеной, простиравшейся от гор Саблык, или Сайлык [5], до берега Сыр-Дарьи и построенной для защиты от набегов тюрков, очевидно, еще в эпоху арабского господства, до завоевания Саманидами Исфиджаба, т. е. 840 г. Ибн Хаукаль [6] приписывает постройку стены Абдаллаху б. Хумейду б. Сауру; может быть, имеется в виду Абдаллах б. Хумейд б. Кахтаба, управлявший Хорасаном в 776 г. в течение пяти месяцев после смерти своего отца [7]. За стеной начиналась степь Калас; пройдя 1 фарсах в степи, достигали рва, также простиравшегося от гор до Сыр-Дарьи. Остатки стены сохранились до настоящего времени в виде вала, который у туземцев, подобно бухарскому валу, носит название Кемпир-дувал [8] ('Стена старухи'). Пока осмотрена только за-

[1] Ибн Хордадбех, 27. [2] Истахри, 332, 345.

[3] Там же, 344; Ибн Хаукаль, 404.

[4] Ибн Хаукаль, 388—389; Макдиси, 277.

[5] Бартольд, *Несколько слов об арийской культуре*, стр. 27.

[6] Ибн Хаукаль, 388.

[7] Хамза Исфахани, текст, 221; пер., 172. Гардизи (оксфорд. рук., л. 94; кембридж. рук., л. 75б) также говорит, что Абдаллах правил областью после смерти своего отца до конца 159 г. х. <октябрь 776 г. н. э.>.

[8] Смирнов, *Древности в окрестностях г. Ташкента*, стр. 132—133.

падная часть вала, длиною в 35 верст, от обрывов арыка Боссу до селения Джалдамы; туземцы даже говорили, что «вал переходит на левый берег Сыр-Дарьи и тянется Голодной степью к городу Джизаку», но эти рассказы не могли быть проверены. Сохранились ли какие-нибудь остатки восточной части вала, неизвестно. Упомянутый у Ибн Хаукаля ров несомненно тожествен с «крутоберегим и глубоким» оврагом арыка Боссу; за оврагом «начинается бугристая степь, пересеченная двумя протоками реки Келеса». Очень возможно, что, несмотря на разницу в правописании, арабское название степи Калас тожественно с названием реки.

Из слов мусульманских географов видно, что стена достигала берега Чирчика около города Джабгукета[1] (собств., 'Город джабгу'; *джабгу,* или *ябгу,*— известный тюркский титул), в 2 фарсахах выше Бинкета; здесь некогда сосредоточивались военные силы области. По местоположению Джабгукет, вероятно, соответствовал бывшей крепости Ниязбек.

Число городов в Шаше и Илаке, в противоположность Осрушане, было чрезвычайно велико; Истахри[2] насчитывает в Шаше 27 городов (Макдиси — 34[3]), в Илаке — 14 (Макдиси — 17). Не всегда мы можем точно определить произношение названий этих городов; относительно их местоположения[4] мы также не имеем точных данных. К северу от Чирчика, между ним и стеной, находились, кроме упомянутых, еще города Хатункет (2 фарсаха от Бинкета), Беркуш (3 фарсаха от Хатункета) и Харганкет[5] (4 фарсаха к востоку от Хатункета). В общем списке городов Харганкет почему-то причисляется к Илаку. На левом берегу Чирчика находился еще город Кенкрак, на расстоянии фарсаха от Худейнкета. Описание главного пути между Бинкетом и Тункетом дошло до нас в нескольких противоречивых и искаженных редакциях; следующий дорожник представляется мне наиболее вероятным:

Бинкет
Нуджкет[6] . . . . . 1 фарсах

---

[1] По Кудаме (204), от Бинкета было 2 фарсаха до «военного стана, по сю сторону стены»; в рукописи Туманского (*Худуд ал-'алам,* л. 24б) упоминается «Джабгукет, красивый городок, где в древности был военный лагерь Чача» (Шаша); по Истахри (345), от Бинкета до Джабгукета, расположенного на берегу Чирчика, было 2 фарсаха.

[2] Истахри, 328—332.

[3] Макдиси, 264—265.

[4] Истахри, 344—345; Ибн Хаукаль, 404—405.

[5] Пишется خركانكت и خرجانكت.

[6] Так, вероятно, следует читать вместо نوغكت; последнего названия в общем списке городов нет. По рукописи Туманского (*Худуд ал-'алам,* л. 24б), из Нуджкета

Балаян[1]	2 фарсаха
Нукет	1 фарсах
Банджхаш	2 фарсаха
Секакет	1 фарсах
Тункет	1 фарсах

Из этих городов только Нуджкет причислялся к Шашу, остальные — к Илаку. К востоку от главной дороги помещаются города Ференкет, или Ферескед (2 фарсаха от Джабгукета), Багункет (1 фарсах от Ференкета) и Анудкет (2 фарсаха от Багункета); в той же местности, на расстоянии 1 дня пути, упоминаются еще Кедак, Гадранк, Кеберна, Газак (название писалось с твердым и с мягким *к*), Вердук и Джебузен; все названные города входили в состав Шаша. К западу от главной дороги (к северу от Ангрена), на таком же пространстве, находились Ашбингу, Келешджик, Ардланкет, Бискет, Самсирек, Хумрек и Ганнадж; из них Бискет (может быть, нынешний Бискент, или Пскент), Самсирек и Хумрек причислялись к Илаку, остальные — к Шашу; замечательно, что к Шашу, а не к Илаку причислялся даже Бенакет. К югу от Ангрена на пространстве к востоку от Тункета находились Гарджендж, Хаш, Дахкет, или Адахкет[2], Туккет, или Нуккет[3], и Кух-и сим; из них только Гарджендж причислялся к Шашу, остальные — к Илаку; Макдиси причисляет к Илаку также Гарджендж; названные города занимали пространство в 2 перехода в длину и меньше 1 перехода в ширину. К западу от Тункета, на пространстве 5 фарсахов, помещаются илакские города Арбилах и Немудлик. Из городов Шаша, перечисленных у Истахри, мы только для одного, именно для Некалика, не имеем никаких указаний местоположения. Макдиси приводит еще несколько названий, но произношение их очень сомнительно; очень вероятно, что иногда одни и те же названия повторяются два раза, в разных видах. Из этих названий Барскет (в Шаше) и Шавкет (в Илаке) приводятся также в словарях Сам'ани и Якута[4]; воз-

---

происходили лодочники (*киштибанан*), работавшие на берегах Парака (Чирчика) и Хашарта (Яксарта, т. е. Сыр-Дарьи). Вероятно, Нуджкет находился на месте нынешней Чирчикской станции.

[1] Ср. порядок перечисления городов Илака у Истахри.

[2] Сам'ани (рук. Аз. муз., лл. 176 и 191; изд. Марголиуса, под словами الذخكتى и الروذبارى; ср. Якут, *Му'джам*, II, 717, 831) помещает Дахкет «в области Шаш, в местности Рудбар» (букв. 'Река'). При перечислении городов Сам'ани не делает различия между Шашем и Илаком и причисляет к Шашу даже Тункет (рук. Аз. муз., л. 80; изд. Марголиуса, под словом التونكتى); ср. Якут, *Му'джам*, I, 900.

[3] Де Гуе (Истахри, 332) неосновательно сомневается в тожестве этих названий.

[4] *Му'джам*, I, 463; III, 245.

можно, что первый находился на месте нынешнего селения Паркент[1]. Зеранкету Макдиси (в Шаше), может быть, соответствует Заркент; относительно других названий мы не решаемся высказать никаких предположений. Сам'ани и Якут[2] называют еще селение Шехах, без указания местоположения.

К Мавераннахру в эпоху Саманидов причислялась еще область Исфиджаб, т. е. культурная полоса Арыса и его притоков. Самый город Исфиджаб, по туземному преданию, находился на месте нынешнего селения Сайрам[3]. Путь из Шаша в Исфиджаб описывается различно; по Истахри[4], это пространство проходили в 4 дня, по Я'куби[5], — в 2 дня; Макдиси[6] также считает только 1 день пути от Бинкета до Гаркерда (или Гузкерда). Кудама[7] считает от Джабгукета до Гаркерда 5 фарсахов, от Гаркерда до Исфиджаба — 4 фарсаха; последнее расстояние соответствует также приведенному у Макдиси (2 перегона). Ибн Хордадбех[8] считает 2 мили от серебряного рудника до Железных ворот, оттуда 2 фарсаха до Кетака, или Кедака, дальше еще 6 фарсахов до Гаркерда. Незначительность указанных расстояний, особенно первого, кажется совершенно непонятной; во всяком случае, Железные ворота Ибн Хордадбеха, даже если предполагать с его стороны некоторую ошибку, едва ли могут быть тожественны с Железными воротами Ибн Хаукаля[9], которые находились в степи Калас, у северной границы Шаша. По Истахри[10], станцией в степи Калас, между Бинкетом и Гаркердом, служил рабат Анфуран. Между Гаркердом и Исфиджабом также простиралась степь. Возможно, что Гаркерд находился на месте развалин Дувана; во всяком случае его следует искать в местности, орошенной верхним Келесом и его притоками.

Город Исфиджаб[11] был втрое меньше Бинкета; его цитадель в X в. уже лежала в развалинах; оставались только шахристан и рабад. Длина стен рабада равнялась фарсаху (в окружности). Шахристан имел четверо ворот: Нуджкетские, Ферханские, Шакранские и Бухарские; в нем помещались дворец, тюрьма, соборная мечеть и базары,

---

[1] Ср. Барс-куль и Баркуль (Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 134).

[2] *Му'джам*, III, 265.

[3] Предлагаемая местными книжниками форма Серьям несомненно искусственна. <См. также: Иванов, *К вопросу об исторической топографии;* Массон, *Старый Сайрам.* — *Ред.*>

[4] Истахри, 345—346.

[5] *Китаб ал-булдан*, 295.

[6] Макдиси, 342.

[7] Кудама, 204.

[8] Ибн Хордадбех, 27.

[9] Ибн Хаукаль, 384.

[10] Истахри, 336—337.

[11] Истахри, 333; Ибн Хаукаль, 389—390; Макдиси, 272—273.

среди которых Макдиси отдельно упоминает базар хлопчатобумажных тканей. Исфиджаб еще в большей степени, чем Бинкет, был сборным пунктом «воинов за веру», для которых было построено множество рабатов (караван-сараев), по Макдиси — до 1700. Как везде, рабаты частью были предназначены жителями больших городов для их сограждан (упоминаются рабат нахшебийцев, рабат бухарцев и рабат самаркандцев), частью были выстроены на деньги, пожертвованные каким-нибудь вельможей; таков был рабат Кара-тегина, управлявшего Исфиджабом [1] при Насре б. Ахмеде: здесь была его могила и рядом с ней могила его сына Мансура, умершего в 340/951 г. [2]; там же находился основанный Кара-тегином базар, доход с которого (7000 дирхемов в месяц) был предназначен на покупку хлеба и другой пищи для бедняков. Здания города были выстроены из глины.

К области Исфиджаба причислялась вся местность на восток до долины Таласа включительно, на северо-запад до Сабрана (Саурана). О долине Таласа и о дорогах между ней и Исфиджабом мне пришлось подробно говорить в другом месте [3]; что касается северо-западных округов [4], то к западу от Исфиджаба находился округ Кенджида, главный город которого, Субаникет, или Усбаникет (у Макдиси — Арсубаникет), отстоял от города Исфиджаба на 2 дня пути [5]. Город был укреплен и имел соборную мечеть; главная часть зданий находилась в рабаде. Ниже Кенджиды находился округ Бараб, или Фараб, занимавший пространство по обоим берегам Сыр-Дарьи, меньше чем на 1 день пути в длину и в ширину. Истахри и Ибн Хаукаль называют главным городом округа Кедер и помещают его на расстоянии $^1/_2$ фарсаха от берега Сыр-Дарьи. По Макдиси, главный город носил имя округа; он мог выставить до 70 000 воинов (?); соборная мечеть находилась в шахристане [6]; главная часть базаров — в рабаде; в шахристане были также

---

[1] <В русск. изд. 1900 г. и в англ. изд. было: «Балхом»; это — явная описка автора; ср. ниже, стр. 287. — *Ред.*>

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 157, 370.

[3] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 9—10, 15—16. К этому можно добавить, что современное селение Манкент, к северо-востоку от Чимкента, упоминается еще у Якута (*Му'джам*, IV, 671) под названием Манкет.

[4] Истахри, 346; Ибн Хаукаль, 390—391, 405; Макдиси, 273—274.

[5] В том же округе, вероятно, находились города Хурлуг и Джумушлагу, названные у Макдиси между Исфиджабом и Субаникетом, без более точного указания местоположения. Однако следует помнить, что Макдиси не всегда перечислял города в порядке их географического расположения, например Весидж упомянут раньше Кедера, хотя он был расположен ниже его. О Джумушлагу см. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 10.

[6] Так, по-видимому, следует понимать здесь слово جوسن, так как о цитадели и рабаде говорится отдельно.

лавки[1]. Кедер, по словам того же географа, был новым городом; устройство в нем минбара (т. е. соборной мечети) вызвало междоусобные войны, т. е., очевидно, столкновения между его обитателями и жителями главного города округа. Ввиду таких противоречивых известий, трудно решить, соответствовал ли Кедер позднейшему Фарабу или Отрару[2]. Название Отрар, по-видимому, встречается уже у Табари[3], который называет среди врагов Мамуна царя города Отрар-бенде. Из городов Фараба на левом берегу Сыр-Дарьи находились Сюткенд[4], где были поселены принявшие ислам тюрки из гузов и карлуков, и Весидж, небольшое укрепленное селение с соборной мечетью, где жил «сильный эмир», на расстоянии 2 фарсахов ниже Кедера. Весидж был родиной знаменитого философа Абу Насра ал-Фараби; крепость существовала еще в XII в.[5]. По словам Мас'уди[6], Сыр-Дарья в Фарабе иногда заливала пространство в 30 фарсахов (что, конечно, преувеличено); селения, расположенные, подобно крепостям, на вершинах холмов, в такое время могли сноситься между собой только посредством лодок.

От Кедера был один переход до Шавгара[7], большого укрепленного города с обширной волостью, с соборной мечетью около базара, и еще один небольшой переход до Саурана, или Саврана. Сауран как пограничный город с владениями гузов и кимаков был сильно укреплен и окружен семью рядами стен; соборная мечеть находилась во внутреннем городе (в шахристане); сюда приходили гузы для торговых сношений или для заключения мирного договора. За Саураном Макдиси помещает еще небольшой укрепленный город Турар и в его волости селение Зерах, вследствие чего город иногда носил название Турар-

---

[1] <В русск. изд. 1900 г., стр. 178: «несколько винных лавок». — *Ред.*> Слово حوانيت, часто переводимое как 'винные лавки', означает всякого рода лавки (ср. описание Багдада у Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 242,9; 246,7; 250,20).

[2] Указанные ниже расстояния, по-видимому, заставляют поместить Кедер несколько севернее Отрара.

[3] Табари, III, 815—816.

[4] Такое чтение (ستكند, букв. 'Молочный город') принято нами на основании рукописи Туманского <*Худūд ал-'āлам*>, л. 24б (у Ибн Хаукаля в изд. де Гуе بيسكند). Развалины Сюткенда хорошо известны до сих пор (в 12 верстах выше озера Кара-куль) и описаны Н. Рудневым (*Заброшенный уголок*). В *Зафар-нāме* Шереф ад-дина Йезди (калькут. изд., II, 646) следует также читать سوتكنت вместо سونكنت.

[5] *Тексты*, стр. 69 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الوسيجى).

[6] *Танбūх*, 65; пер., 97.

[7] Его не следует смешивать с городом того же имени, находившимся на дороге в Талас, около нынешней станции Куюк (Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 9). Западный Шавгар нужно отождествить с городом Туркестаном, как предложил Ле Стрэндж (Le Strange, *The Lands*, p. 485). Город тогда находился близ главной дороги (Макдиси, 274). Ср. Бартольд, *Орошение*, стр. 147.

Зераха. Несмотря на сходство названий, указанное местоположение не позволяет отождествить его с Отраром. Макдиси называет еще несколько пограничных пунктов с владениями тюрков; из них большой, богатый и укрепленный город Шагльджан находился на границе с владениями кимаков; небольшой город Баладж и большой город Берукет были заняты принявшими ислам туркменами; в том и другом укрепления уже лежали в развалинах. Вообще пограничная стража в этой местности была поручена выходцам из степи, которые, если верить Ибн Хаукалю, усердно сражались со своими языческими соплеменниками. «Богатые пастбища» между Фарабом, Кенджидой и Шашем (т. е. к западу и к юго-западу от Исфиджаба) также были заняты принявшими ислам кочевыми тюрками, в числе около тысячи семейств.

Ниже Саурана река протекала по степи, во владениях гузов. В 2 днях пути от устья, на расстоянии фарсаха от берега, находился город Яныкент[1] ('Новый город', у арабов — ал-Карьят ал-хадиса, у персов — Дих-и нау[2]; в литературе[3] часто встречается название Шехркент), зимняя резиденция царя гузов, ныне развалины Джанкент к югу от Сыр-Дарьи, верстах в пяти от бывшего хивинского укрепления Джан-кала[4], в 15 милях от Казалинска. Недалеко от Яныкента находились еще два города меньшей величины — Дженд и Хувара, или Джувара; все три города были населены мусульманами (вероятно, торговцами из Хорезма и Мавераннахра), хотя находились во владениях неверных. От Яныкента до Хорезма считали 10 дней пути, до Фараба — 20 дней[5]; кроме того, Гардизи[6] описывает торговый путь из Яныкента в страну кимаков, к берегам Иртыша. В мирное время в Яныкент по Сыр-Дарье привозили хлеб из Мавераннахра. Согласно В. Каллауру, остатками Дженда являются развалины Хишт-кала в местности Тумар-уткуль, верстах в 25—30 от Перовска[7].

---

[1] О нем и других городах см. у Ибн Хаукаля (393).

[2] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 83, 106.

[3] *Тексты*, стр. 79—80 (*Китаб ат-тавассул*); Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 114 (Джувейни, текст); Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 36; пер., 62; Омари, извлеч. в пер. Катрмера, 234.

[4] Лерх, *Археологическая поездка*, стр. 11.

[5] Предположение Марквардта (Marquart, *Komanen*, S. 202), что вместо «дни» следует читать «фарсахи», совершенно ошибочно. Расстояние здесь гораздо больше и не слишком мало для 20 дней пути.

[6] Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 106—107.

[7] *Древние города Саганак, Ашнас и другие*, стр. 16; *О следах древнего города «Дженд»*, стр. 81, <84>; см. также Бартольд, *Орошение*, стр. 151. — Некоторые другие идентификации, сделанные тем же исследователем, весьма сомнительны. <С. П. Толстов отождествляет Дженд с развалинами Джан-кала (*По следам*, стр. 60—61). — *Ред.*>

Обитатели местности по нижнему течению реки благодаря географическому положению своей страны долго сохраняли свою независимость. Устье реки перешло во власть мусульман еще в конце X в. благодаря Сельджуку[1]; в первой половине XI в. здесь правил Шах-Мелик, враг потомков Сельджука[2]; но его имя заставляет видеть в нем мусульманина. Несмотря на это, пространство между Джендом и Фарабом до конца XII в. считалось областью неверных. Центром владения немусульманских кипчаков, как мы увидим в третьей главе, был город Сыгнак[3], имевший большое значение еще в период монгольского владычества; он находился на расстоянии 24 фарсахов от Отрара, по мнению Лерха, — на месте нынешних развалин Сунак-курган, или Сунак-Ата, верстах в 8—10 на север от почтовой станции Тюмень-арык[4]. Между Сыгнаком и Джендом в рассказе о походе Джучи упоминаются еще крепости Узгенд, Барчынлыгкент[5] и Ашнас[6]. Узгенд, по приведенному Лерхом свидетельству одного автора XVI в., находился еще в горах Каратау, но это толкование текста, цитованного Лерхом, весьма сомнительно[7]. Барчынлыгкент, вероятно, был ближе к Дженду, чем к Сыгнаку, так как хорезмшах Текеш распоряжался им еще до окон-

---

[1] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 322.

[2] Бейхаки, изд. Морлея, 856; <изд. Гани — Фейяза, 683 и сл.>.

[3] Так следует читать, судя по правописанию рукописей, причем часто отмечается гласная первой буквы; по звуковому составу эта форма подходит гораздо ближе к форме Сунак, чем предполагавшееся прежде чтение Саганак, хотя местным жителям эти развалины известны именно под названием Саганак. Рукописи дают также чтение Суғнақ. Город упоминается под этим названием уже в XI в., см. Махмуд Кашгарский, I, 392. <См. также Якубовский, *Развалины Сыгнака. — Ред.*>

[4] Лерх, *Археологическая поездка,* стр. 11—12; Смирнов, *Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи,* стр. 7—8.

[5] У Плано Карпини (изд. Бизли, 76, 110, 152; <пер. Малеина, 24, 51>) — Barchin, у Кираксоса — Парчин, на джучидских монетах بارجين (Лерх, *Археологическая поездка,* стр. 10—11). Ср. китайские транскрипции: Ба-эр-чи-ли-хань, Ба-эр-чжэнь (Schefer, *Chrestomathie persane,* t. II, p. 167); у Бретшнейдера (Bretschneider, *Researches,* vol. II, p. 95, также на карте) — Ba-rh-chi-li-han. В мусульманских источниках встречается также сокращенная форма بارجكند (*Тексты,* стр. 135, 151, Джемаль Карши). Название Барчин, вероятно, сохранилось до сих пор в названии Баршин-Дарьи, одного из рукавов Сыр-Дарьи (*ш* — как всегда в киргизском диалекте — вместо *ч*), упомянутого Каллауром (*О следах древнего города «Дженд»,* стр. 83; *Древние города, крепости и курганы,* стр. 77 и сл.); к сожалению, его сообщение об этом рукаве, где он сам не был, недостаточно ясно.

[6] Ошибочное сближение этого Узгенда с ферганским Узгендом и Ашнаса (اشناس) с Шашем (الشاش) ввело в заблуждение даже новейшего историка ислама А. Мюллера (Müller, *Der Islam,* Bd II, S. 209). Ашнас следует отожествить с развалинами Асанас на левом берегу Сыр-Дарьи, в 25 верстах от реки и в 30 верстах от почтовой станции Бер-Казан (Каллаур, *Древние города Саганак, Ашнас и другие,* стр. 14 и сл.).

[7] См. Бартольд, *Орошение,* стр. 151.

чательного покорения последнего[1]. Из менее значительных пунктов упоминаются еще: Саг-дере, в 20 фарсахах от Дженда, на берегу Сыр-Дарьи, по-видимому ниже города, так как этого пункта достигали на пути из Хорезма[2]; Хайрабад, в окрестностях Дженда[3]; Рабат-Туганин, одно из главных селений в окрестностях Барчынлыгкента; с этим селением, по всей вероятности, тожественно селение Рабатат[4] (букв. 'Рабаты').

[1] *Тексты*, стр. 74 (*Китāб ат-тавассул*).
[2] Там же, стр. 41 (*Инша'*).
[3] Там же, стр. 152 (Джемаль Карши).
[4] Там же, стр. 74—75, 79—80 (*Китāб ат-тавассул*)

Глава II

СРЕДНЯЯ АЗИЯ ДО XII ВЕКА

В одной из своих статей[1] я постарался дать общую картину быта населения Мавераннахра непосредственно перед арабским завоеванием. Главной чертой этого быта следует признать господство земельной аристократии (так называемых дихканов), не сдержанной, как в Персии[2], союзом трона и алтаря, т. е. сильной монархической властью и влиятельным духовенством. Местные владетели были только первыми дворянами; даже самые сильные из них, подобно своим подданным, назывались дихканами. В арабских источниках несколько раз говорится о личной гвардии владетелей, о так называемых шакирах, или чакирах[3] (букв. 'слугах'); но из рассказа Нершахи[4] о дворе бухарской царицы видно, что эта гвардия имела только характер почетной стражи и состояла из молодых представителей аристократии, которые поочередно отправляли эту повинность при дворе своих государей, как сыновья европейских рыцарей при дворе своих королей и герцогов. При таком политическом устройстве не могло быть речи о государственной религии в строгом смысле слова; несмотря на то, что и здесь, как в Персии, религией господствующего сословия был зороастризм, приверженцы гонимых в Персии дуалистических сект находили себе в Мавераннахре безопасный приют; такой же свободой, по-видимому, пользовались буддисты и несториане. На борьбу между зороастризмом и буддизмом указывает только рассказ Сюань Цзана о Самарканде; слова того же отшельника об успехе его собственной деятельности показывают, однако, что эта борьба не имела острого характера[5]. В борьбе с арабскими

[1] *Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии.*

[2] Но даже в Персии дихканы занимали более высокое положение, нежели остальное сельское население. Табари говорит в своем повествовании о легендарном царе Менучехре: «он назначил дихкана в каждое селение; он сделал жителей своими слугами и рабами, одел их в одежды повиновения и повелел повиноваться ему» (Табари, I, 434).

[3] Например, Табари, II, 1059.

[4] Изд. Шефера, 7—8.

[5] Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 5 (из Сюань Цзана, пер. Жюльена, 59 и сл).

завоевателями духовенство, насколько известно, не играло никакой роли[1]; в рассказе о взятии Пейкенда Кутейбой в 87/706 г. упоминается какой-то слепец, который возбуждал тюрков против мусульман и, по-видимому, был для последних более опасным врагом, чем представители военной силы; когда он был взят в плен и предложил за себя выкуп ценностью в миллион (дирхемов), даже такая сумма не могла соблазнить мусульман, которые предпочли избавиться от козней непримиримого врага[2]. Из рассказа историка мы, однако, не видим, имело ли влияние этого слепца на свой народ религиозный характер.

Мы не имеем данных для решения вопроса, существовали ли среди самой аристократии различные степени и классы, как в Персии[3]. В отдельных местах Табари[4] применяет и к среднеазиатским вельможам термины, служившие для обозначения высших классов персидской аристократии; но в то же время, как мы видели, слово дихкан обозначало одинаково простых землевладельцев и владетельных князей[5]. Особое место, по-видимому, занимала денежная аристократия, т. е. купцы, разбогатевшие благодаря караванной торговле с Китаем и другими странами. В рассказе о выселении согдийцев эти купцы названы у Табари[6] рядом с «царями»; рассказ Нершахи о бухарских купцах[7] показывает, что они владели обширной недвижимой собственностью, жили в замках и по своему положению мало отличались от дихканов. Итак, мы имеем здесь дело с отдельными богачами, интересы которых были тожественны с интересами аристократии, а не с многочисленным торгово-промышленным сословием, как в мусульманский период. Об антагонизме между дихканами и купцами мы не имеем никаких известий. К сожалению, историки не дают нам материала для выяснения устройства бухарского «города купцов», Пейкенда, и его отношений к бухар-худату и бухарским дихканам; но рассказанный у Нершахи поступок обиженного отца[8] и огромное количество оружия, найденное в Пейкенде арабами[9], заставляют полагать, что в этом городе жил такой же воинственный дух, как

---

[1] Только в рассказе о завоевании Хорезма наряду с дихканами упоминаются также жрецы (*ахбар*, возможно — писцы, т. е. «ученые люди» в библейском понимании,— Табари, II, 1237).

[2] Там же, 1188.

[3] Мас'уди, *Мурудж*, II, 240 и сл.

[4] Табари, II, 1237, 1243.

[5] Из специально среднеазиатских титулов можно привести титул бухарских аристократов — *джамук* (Нершахи, изд. Шефера, 5); тот же самый титул мы встречаем у тюрков (Табари, II, 1613).

[6] Там же, 1444.

[7] Ср. выше, стр. 159.

[8] Нершахи, изд. Шефера, 43.

[9] Табари, II, 1189.

в других местностях Мавераннахра. Для нравов страны особенно характерен согдийский обычай, о котором рассказывает Табари [1]; ежегодно в Самарканде выставлялся стол и на нем яства и кувшин вина для храбрейшего витязя Согда; если кто другой прикасался к яствам, он этим вызывал на бой витязя; кто из них убивал своего противника, тот признавался храбрейшим героем страны до появления следующего претендента.

Таким образом, арабам приходилось иметь дело с множеством мелких владений, между которыми происходили постоянные войны, и с воинственным и храбрым, но совершенно неорганизованным рыцарским сословием. При таких условиях исход борьбы не мог быть сомнителен. В сравнении с местными раздорами междоусобия среди самих арабов, даже вражда между североарабскими и южноарабскими племенами, не могли иметь значения; даже в эпоху междоусобной войны господство арабов в хорасанском наместничестве не было поколеблено. Отчасти победа арабов была одержана при помощи самих туземцев. Известный закон Омара, по которому только правоверные имели право носить оружие, в Средней Азии не был применен [2]; Кутейба и другие арабские завоеватели при своих походах пользовались услугами жителей одних местностей против других. Медленность завоевания объясняется отчасти тем, что сами арабы долгое время, довольствуясь военной добычей и данью, не имели в виду прочного завоевания страны, отчасти борьбой с природными препятствиями. Несмотря на блестящие военные качества арабов, на них не могли не отразиться природные условия их родины; если для них почти не существовали трудности степных походов, то к горной войне они привыкли с большим трудом и очень неудачно действовали даже на таких перевалах, которые для современных войск не представляют никаких затруднений [3].

Известия о ходе арабских завоеваний при Омейядах дошли до нас только в виде полулегендарных сказаний [4], долгое время передававшихся устно и записанных только представителями последующих поколений. Этим объясняется противоречивость и хронологическая неточность многих рассказов; даже о том, когда арабы впервые переправились через Аму-Дарью, до нас дошли противоречивые известия [5]. Несмотря на сомнительность некоторых фактических данных, рассказы историков

[1] Там же, 1146.

[2] Ср. там же, 1693.

[3] Ср. описание борьбы арабов с тюрками в горах между Кешем и Самаркандом (там же, 1533—1544).

[4] Об эпическом характере этих сказаний ср. Wellhausen, *Das Arabische Reich*, S. 257, и мою более подробную статью *К истории арабских завоеваний* стр. 0140 и сл.

[5] Балазури, 408; Табари, II, 1156; Я'куби, *Та'рих*, II, 281; Са'алиби, *Лата'иф*, 11.

дают нам довольно ясное понятие о духе эпохи и не оставляют сомнения в том, что завоеватели руководились только стремлением к добыче и к славе и что для них религия в сущности имела так же мало значения, как для защитников страны. Были случаи личной дружбы между арабскими и туземными витязями[1]. Идеалы рыцарства не остались без влияния на завоевателей; желая воодушевить своих воинов, Кутейба назвал их «дихканами арабов»[2]. Арабский витязь Сабит б. Кутба, один из сподвижников Мусы б. Абдаллаха в Термезе, пользовался таким уважением туземцев, что они давали друг другу клятвы «жизнью Сабита»[3]; подобно местным владетелям, Сабит окружил себя шакирами (телохранителями), очевидно из туземцев, так как шакирам противополагаются арабы[4].

Не останавливаясь на первых арабских набегах на Мавераннахр, предпринимавшихся только с целью грабежа, мы постараемся отметить главные моменты в истории арабского завоевания. После падения государства кушанов (см. стр. 147) в стране не было единоличного правителя или наместника иноземного государя; вопреки некоторым известиям[5], сасанидские наместники едва ли когда-нибудь управляли Мавераннахром. Вначале арабские наместники только совершали набеги на Мавераннахр и ежегодно возвращались на зимние квартиры в Хорасан; наместник Сельм б. Зияд (681—683) первый провел зиму за рекою[6]. По рассказу Табари[7], местные князья в это время ежегодно собирались

---

[1] Табари, II, 1522.

[2] Там же, 1247.

[3] Там же, 1152.

[4] Там же, 1155.

[5] Кроме рассказов Табари и Абу Ханифы (Табари, пер. Нёльдеке, 159, 167), сюда относится известие Балазури (195), по которому царь Кубад (или Кавад) (488—531) поселил выходцев из Согда на Кавказе, где он основал город سغديل. Очень вероятно, что эта легенда (которая отвергнута также Марквартом — *Ērānšahr*, S. 108, Anm. 2), подобно многим другим, была придумана для объяснения географического названия. О владычестве Сасанидов в Мавераннахре говорит также Ибн Хордадбех (14; ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 9). По его утверждению, один из четырех хорасанских марзбанов правил в Мавераннахре, однако более вероятно, что деление Хорасана на четыре марзбанства соответствует другому делению страны, которое мы находим еще в арабский период (Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 10) и где Нишапур занимал место Мавераннахра. Ср. также Marquart, *Ērānšahr*, S. 70.

[6] Ср. письмо, написанное в 718 г. Гуреком, князем Самарканда, к императору Китая, которое переведено Э. Шаванном из китайской энциклопедии *Цэ фу юань гуй*; там утверждается, что с начала борьбы с арабами прошло тридцать пять лет (Chavannes, *Documents*, p. 204 sq.). Очевидно, князь намекает на действия Сельма и не принимает во внимание прежние набеги. Ср. также мою статью *К истории арабских завоеваний*, стр. 0142.

[7] Табари, II, 394.

в одном из городов по соседству с Хорезмом[1] и давали друг другу обещание решать все свои споры мирным соглашением, не прибегая к военным действиям, и общими силами вести борьбу с арабами. Насколько эти обещания исполнялись, видно уже из того, что их приходилось возобновлять ежегодно, и из истории завоеваний Кутейбы.

Междоусобная война, происшедшая после смерти халифа Йезида I (683 г.), отразилась и на Хорасане. Наместник Сельм б. Зияд, которому вначале присягнули все хорасанцы до избрания нового халифа[2], скоро должен был удалиться; произошли кровопролитные битвы между представителями различных арабских племен; наконец, страной овладел глава кайситов, Абдаллах б. Хазим, который оставался полновластным правителем Хорасана до 72/691-92 г. и чеканил от своего имени монеты, даже золотые[3]. В 72 г. х. он был убит по приказанию халифа Абд ал-Мелика, которому отказался подчиниться. За несколько лет перед этим он послал своего сына Мусу в Мавераннахр; Муса с горстью людей овладел Термезом, заставив местного правителя очистить город, и держался здесь пятнадцать лет[4] (689—704). Во время наместничества Йезида б. Мухаллаба (701—704) к Мусе присоединился популярный среди туземцев Сабит б. Кутба ал-Хуза'и и привлек на его сторону местных князей, благодаря чему Мусе удалось вытеснить из Мавераннахра всех сборщиков Йезида, и вся дань Мавераннахра стала стекаться к нему[5]. Таким образом, туземные князья перестали быть подданными законного арабского правительства только для того, чтобы платить дань мятежному полководцу. Вскоре после этого Муса разбил многочисленное войско тюрков, персов и эфталитов[6]. Поссорившись с Сабитом, а вследствие этого и с его туземными союзниками, Муса вышел победителем и из этой опасности; Сабит был убит; глава туземных князей, согдийский ихшид Тархун, был принужден отступить после смелой вылазки Мусы[7]. Наконец, полководец Осман б. Мас'уд по поручению наместника Муфаддаля б. Мухаллаба, в 704 г. овладел городом, причем ему помогали согдийский ихшид и хуттальский царь[8]. Таким образом, мы

[1] Город назван, кажется, только у Я'куби (299 كندا كين); у позднейших географов мы этого названия не находим. Конечно, это не то же самое, что селение в Согде, упомянутое выше (стр. 178).

[2] Табари, II, 489.

[3] Тизенгаузен, *Нумизматические новинки*, стр. 229 (монета из коллекции генерала Комарова).

[4] Табари, II, 1150.

[5] Там же, 1153.

[6] Упоминание последних (там же, ср. также Балазури, 418) в такой период является единичным известием, которое трудно объяснить.

[7] Табари, II, 1155—1160.

[8] Там же, 1162. О титуле или имени السبل см. там же, 1040—1041; ср. также Marquart, *Ērānšahr*, S. 302.

здесь видим туземных князей в союзе с законным арабским правительством.

В следующем, 705 г. (по другим известиям[1] — еще в 704 г.) в Хорасан прибыл в качестве наместника Кутейба б. Муслим, достойный сподвижник знаменитого Хаджжаджа. Подобно своему начальнику и руководителю, Кутейба не останавливался ни перед какими средствами; действуя хитростью и вероломством там, где смелость оказывалась недостаточной, он первый прочно утвердил владычество арабов в Мавераннахре. В значительной степени он воспользовался раздорами среди самих туземцев; саганианский царь в 705 г. сам призвал Кутейбу против своего врага, царя Шумана и Ахаруна[2]; в Хорезме Кутейба в 712 г. выступил защитником хорезмшаха против его младшего брата Хурразада и непокорных дихканов[3]; в том же году, во время похода на Самарканд, бухарцы и хорезмийцы усердно сражались за Кутейбу, так что согдийский ихшид Гурек упрекал арабского полководца в том, что он одерживает победу только благодаря «братьям и родственникам» своего врага[4]. Во время похода 713 г. жители Бухары, Кеша, Несефа и Хорезма должны были по приказанию Кутейбы выставить 20 000 человек[5].

Громкие победы Кутейбы возбудили в арабских правителях самые широкие надежды. Так как в то же самое время (в 711 г.) Мухаммед б. Касим морским путем достиг устья Инда и завоевал Синд, Хаджжадж обещал наместничество над Китаем тому из обоих полководцев, кто первый достигнет этой страны[6]. Арабам пришлось довольствоваться гораздо более скромными результатами, причем только в южной части страны эти результаты имели прочный характер. Кутейба построил мечети в Бухаре, Самарканде и некоторых других пунктах[7] и заставил жителей Бухары уступить арабам половину домов шахристана[8] (такая же система[9] при первых наместниках Хорасана была применена в Мерве); самаркандцы, по одному известию[10], должны были совершенно

[1] Табари, II, 1180. [2] Там же.

[3] Там же, 1237—1239. [4] Там же, 1244.

[5] Там же, 1256. Согласно Балазури (423), Кутейба имел под своим начальством в Хорасане 40 000 арабов из Басры, 7000 из Куфы и 7000 клиентов (*мавали*). Те же цифры, с бо́льшими подробностями, у Табари, II, 1290 и сл.

[6] Я'куби, *Та'рих*, II, 346; тот же историк (там же, 192) рассказывает, что при халифе Османе то же самое было объявлено Абдаллаху б. Амиру, наместнику Басры, и Са'иду б. Асу, наместнику Куфы, относительно Хорасана.

[7] Ср. стр. 160 и 171. <См. также статьи О. И. Смирновой: *Из истории арабских завоеваний; К истории самаркандского договора.— Ред.*>

[8] Нершахи, изд. Шефера, 51.

[9] Балазури, 410; *Тексты*, стр. 1 (Гардизи).

[10] Табари, II, 1250. Ввиду разногласия источников возможно, что такая мера, вопреки свидетельству Табари, была принята только в 713 г., после измены жителей и вторичного завоевания Согда (ср. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 111—121).

очистить свой город, который был занят арабами, причем Кутейба произнес стих Корана о гибели племен Ад и Самуд. Войска Кутейбы доходили на севере до Шаша, на юго-востоке до Кашгара, входившего в то время в состав Китайской империи [1]; во многих областях, между прочим даже в Фергане (см. ниже), были оставлены арабские наместники. Из последующих событий видно, что эти наместники были только военными начальниками и сборщиками податей (причем эти две должности иногда поручались разным лицам) и что рядом с ними продолжали существовать туземные династии, в руках которых, по всей вероятности, было оставлено гражданское управление.

Несмотря на все свои победы и на огромную добычу, которая благодаря ему досталась арабам, Кутейба не пользовался безусловной преданностью своего войска; когда он в 715 г. хотел поднять восстание против нового халифа Сулеймана, он был оставлен всеми и убит. Его ближайшие преемники не оказались на высоте своей задачи. Области бассейна Сыр-Дарьи были утрачены арабами уже в следующие годы, после смерти Кутейбы; в 103/721-22 г. ферганский царь мог предложить согдийским переселенцам местность в Исфаринском округе, носившую название «перевала Исама б. Абдаллаха ал-Бахили»; Исам б. Абдаллах был оставлен здесь Кутейбой в качестве наместника [2]; очевидно, что после смерти Кутейбы арабы были вытеснены или перебиты и что занятая ими местность снова перешла в собственность ферганского владетеля. В связи с этим, может быть, находятся приведенные выше (стр. 216) предания о гибели арабского отряда в борьбе с неверными.

В юго-западной части Мавераннахра, где Бухара, Самарканд и некоторые другие укрепленные пункты оставались во власти арабских гарнизонов, арабам приходилось вести упорную борьбу с непокорными туземцами, осложнявшуюся вмешательством тюрков. Как известно, еще в VI в. тюркские ханы объединили под своей властью всю Среднюю Азию и даже надеялись в союзе с византийцами разгромить государство Сасанидов; слабость византийцев помешала осуществлению этого плана. Империя тюрков вскоре распалась на два государства, западное и восточное; в истории каждого из них периоды могущества и славы сменялись периодами слабости, которыми пользовались китайцы, чтобы расширить свои владения и подчинить себе самих кочевников. Возрождение восточно-тюркского государства в конце VII в. [3] чуть не повело к вос-

[1] Табари, II, 1276. Х. А. Р. Гибб (Gibb, *The Arab Invasion of Kashgar*, p. 467 sq.), вероятно, прав в своем утверждении, что в действительности Кутейба не пересек китайской границы.

[2] Табари, II, 1440. Выше (II, 1276) Табари помещает этот перевал на дороге из Ферганы в Кашгар.

[3] <В русск. изд. 1900 г. и англ. изд. 1928 г.: «в конце VIII века»; это явная описка автора. — *Ред.*>

становлению единства тюркской империи. Уже в 689 г. отряд восточных тюрков, разбив западно-тюркское войско, вторгся в Согдиану и дошел до Железных ворот, т. е. до прохода Бузгала; такое же вторжение было повторено в 701 г.[1]; наконец, в 711 г. восточно-тюркский хан Мочжо взял в плен хана западных тюрков и подчинил себе все его государство. В конце 712 г. тюркский отряд, под начальством племянников Мочжо, занял Согдиану, куда их призвали жители страны, восставшие против арабов после возвращения Кутейбы в Мерв. Во власти арабов остался только город Самарканд; но уже весной 713 г. Кутейба, пользуясь затруднительным положением тюрков, принудил их очистить страну; тюрки даже не были в состоянии помешать движению арабов на Шаш и Фергану[2]. После смерти Мочжо (716 г.) западные тюрки снова отделились от восточных; Сулу, начальник племени тюргешей, основал могущественное государство, просуществовавшее, по арабским источникам, до 737 г., по китайским — до 738 г.[3]. Владея всей западной частью Средней Азии, Сулу не мог без борьбы уступить арабам Мавераннахр; если арабы смотрели на Согд, как на «сад повелителя правоверных»[4], то и для тюрков обладание богатой областью имело большое значение. Во все время своего царствования Сулу оказывал поддержку мятежным дихканам против арабов и причинил последним столько вреда, что они дали ему прозвание Абу Музахим[5] (букв. 'ударяющий', 'бодающийся', т. е. слон или бык).

Что касается частых восстаний жителей, то они вполне объясняются характером арабского господства в эпоху Омейядов, которые, в отличие от Аббасидов, еще не задавались широкими государственными целями, но были прежде всего вождями арабского народа на пути «войны за веру», заботились только о поддержании своей власти среди арабов, о собирании податей с покоренного населения и дани с вассальных владетелей. О том же должны были заботиться их наместники; на окраине, куда надежда на быстрое обогащение влекла самые беспокойные элементы[6], положение наместников было особенно трудно; после убиения Абдаллаха б. Хазима хорасанские вельможи просили халифа Абд ал-Мелика дать им в наместники какого-нибудь Омейяда, так как

---

[1] Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 14—16.

[2] Ibid., S. 11—12. Сближение рассказа надписей с рассказом Я'куби и теперь кажется мне основательным, несмотря на возражения проф. Хаутсма (Houtsma, GGA, 1899, № 5, S. 386). Противоположная точка зрения поддерживается Х. А. Р. Гиббом (Gibb, *The Arab Conquests*, p. 46).

[3] Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 27.

[4] Табари, II, 1428.

[5] Там же, 1593.

[6] Там же, 178.

«установить порядок в Хорасане после смут мог только корейшит»[1]. Большею частью наместники не могли справиться со своей задачей и потому сменялись очень часто; ввиду этого они старались извлечь из своего кратковременного господства как можно больше выгод и по возможности приобрести недвижимую собственность, которая иногда и после их низложения оставалась за ними и их потомками[2]. От своеволия арабов и лихоимства их наместников, конечно, прежде всего страдало покоренное население. Иногда интересы казны и власть имеющих приходили в столкновение с интересами религии, во имя которой предпринимались завоевания. Как во всем арабском государстве, так и здесь представлял большие затруднения вопрос, следует ли взимать харадж с принявших ислам туземцев[3]. Вопрос этот в различные эпохи решался различно, в зависимости от преобладания того или другого течения; туземцы к таким колебаниям, конечно, не могли относиться равнодушно.

Самый благочестивый из омейядских халифов, Омар II (717—720), не допускал не только взимания податей с принявших ислам, но и испытания новообращенных требованием обрезания[4]. Его наместники должны были заботиться прежде всего о распространении ислама, о постройке гостиниц (*ханов*)[5] и других общеполезных сооружений. Первый наместник Омара, Джаррах б. Абдаллах, еще умел поддержать господство арабов; его полководец Абдаллах б. Ма'мар ал-Йешкури успешно действовал в северо-восточной части Мавераннахра и готовился уже к вторжению в китайские владения, но был окружен тюрками и с трудом спасся от них посредством уплаты выкупа[6].

Мнение Джарраха, что Хорасаном можно управлять только посредством «меча и кнута»[7], не понравилось благочестивому халифу, который назначил на его место Абд ар-Рахмана б. Ну'айма ал-Гамиди. При нем произошло восстание согдийцев[8], поддержанное тюрками, которое продолжалось и при следующем наместнике Са'иде б. Абд

---

[1] Балазури, 416.

[2] Там же, 406; *Тексты*, стр. 2; Гардизи, оксфорд. рук., л. 84, кембридж. рук., л. 76б: ديه اسدآباد از روستای نیشابور اسد بن عبد الله بنا کرد وتا روزکار عبد الله بن طاهر فرزندان او داشتند.

[3] Хорошо известно, что в то время не было еще ясного различия между хараджем (в более позднее время 'поземельная подать') и джизьей (в более позднее время 'подушная подать'). См. главным образом: Wellhausen, *Das Arabische Reich*, passim; Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 361 sq.; Becker, *Djizya* (EI, I); Becker, *Egypt* (EI, II). Даже автор *Мафатих ал-'улум* (<Хорезми>, 59) отожествляет харадж с джизьей.

[4] Табари, II, 1354.

[5] Там же, 1364.

[6] Балазури, 426.

[7] Табари, II, 1355.

[8] Там же, 1418.

ал-Азизе, явившемся в Хорасан в 102/720-21 г., уже при халифе Йезиде II. Са'ид старался мягкостью привлечь на свою сторону хорасанских дихканов, чем возбудил неудовольствие арабов и получил прозвание Худейна[1] (букв. 'Госпожа'). Его действия против врагов также не отличались решительностью; в 103/721-22 г. его сменил Са'ид б. Амр ал-Хараши, при котором мятежные согдийцы, именно дихканы и богатые купцы, решили покинуть свою родину (согдийский царь Гурек не принимал участия в этом движении); ферганский царь обещал уступить им местность в Исфаринском округе, но вероломно предал их арабам. Осажденные арабами в Ходженде, беглецы должны были сдаться, причем обязались уплатить оставшиеся за ними недоимки по хараджу. После передачи города арабы нашли предлог нарушить договор, и согдийцы были вероломно перебиты; посредством такого же вероломства арабы овладели всеми укрепленными пунктами в долинах Зеравшана и Кашка-Дарьи и вполне восстановили свою власть в этой местности[2]. В 106/724 г. около Баруканa произошло кровавое столкновение между североарабскими и южноарабскими племенами; несмотря на это, наместник Муслим б. Са'ид в том же году совершил поход на Мавераннахр и дошел до Ферганы; на обратном пути он был разбит тюрками и вернулся с большим уроном[3]. Следующий наместник, Асад б. Абдаллах ал-Кушейри[4], в 725 г. восстановил Балх и старался подчинить себе жителей горных областей, находившихся к западу и к северо-востоку от этого города, но без большого успеха[5].

Преемник Асада Ашрас б. Абдаллах ас-Сулами (727—729), по словам Табари[6], лично входил во все дела, большие и малые; он первый учредил рабаты (точнее *рибāṭы*), т. е. станции для конных отрядов, которые должны были охранять границу от нападений врагов[7] (нечто вроде нашего казачества). Но он же был виновником движения против арабского господства, охватившего весь Мавераннахр и причинившего арабам огромные потери[8]. Ашрас в 728 г. задался целью обратить в мусульманство жителей Мавераннахра; в Самарканд были отправле-

[1] Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 22—23.

[2] Табари, II, 1439—1449; Балазури, 427.

[3] Табари, II, 1472—1481. О значении этой катастрофы см. Gibb, *The Arab Conquests*, p. 66.

[4] Такое чтение у Нершахи и в истории Балха; в печатных изданиях Табари и Балазури — سرى, хотя в обоих сочинениях относительно других лиц встречается нисба القشيرى (напр., Табари, II, 1997; Балазури, 427).

[5] Табари, II, 1490—1494.

[6] Там же, 1504.

[7] *Тексты*, стр. 57 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الرباطى).

[8] Табари, II, 1507 и сл.; Marquart, *Die Chronologie*, S. 33—36; Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 23—26.

ны два миссионера, араб и перс, причем Ашрас дал им обещание, что с новообращенных не будут взиматься подати. Успех проповеди превзошел все ожидания и вызвал одинаковое неудовольствие среди представителей казны и среди дихканов: последние были заинтересованы в сохранении аристократического строя и потому не могли относиться равнодушно к распространению новой религии, еще не утратившей в то время своего демократического характера. Сам Ашрас убедился, что «в харадже заключается сила мусульман», и велел освободить от подати только тех из новообращенных, над кем будет совершено обрезание, кто будет исполнять предписания ислама и прочтет суру из Корана. Ему ответили, что туземцы действительно приняли ислам и стали строить мечети, так что «все люди стали арабами» и подати взимать не с кого. Тогда последовало решение: «Берите подать с тех, с которых брали ее прежде». Произошло общее восстание; арабский миссионер, который не мог одобрить вероломство наместника, обратился в мятежника и был арестован; весь Согд поднялся на арабов и призвал на помощь тюрков. В 728 г. в руках арабов оставались только Самарканд и Дабусия; в 729 г. арабы восстановили свою власть в Бухаре; в 730 г., по другим известиям в 731 г., они должны были выдержать трудную борьбу с войском тюркского хакана, в котором находился также туземный владетель страны, согдийский ихшид Гурек, еще в 728 г. остававшийся союзником арабов. Наместник Джунейд б. Абд ар-Рахман с большим трудом спас свое войско и отразил тюрков, но последние оставались хозяевами области, кроме городов Самарканда и Бухары. Занятие долины Зеравшана тюрками, вероятно, было причиной голода, постигшего Хорасан в 115/733 г.; из слов самого Джунейда можно заключить, что голод был вызван переходом во власть неверных тех областей, из которых Мерв до тех пор получал продовольствие [1].

При таких обстоятельствах среди самих арабов должно было иметь успех движение, направленное против омейядского правительства. Табари [2] относит начало шиитского движения в Хорасане еще ко времени царствования Омара II; но только в 734 г. Харис б. Сурейдж поднял черное знамя во имя «книги божией и предписаний (сунны) пророка его» [3]; он обещал «соблюдать договоры, заключенные с иноверцами (*ахл аз-зимма*), не брать податей с мусульман и никого не обижать» [4]. Такая программа должна была привлечь на его сторону как мусульман, в особенности новообращенных, так и иноверцев. Вначале дви-

[1] Табари, II, 1563.
[2] Там же, 1358.
[3] Там же, 1567, 1570.
[4] *Тексты*, стр. 1—2 (Гардизи).

жение не имело антидинастического характера; Харис даже принял предложение хорасанского наместника Асима б. Абдаллаха ал-Хилали вместе отправить послов к халифу Хишаму, потребовать от него исполнения предписаний пророка и в случае его согласия довольствоваться этим [1]. Халиф ответил на это низложением Асима; наместником Хорасана вновь был назначен Асад б. Абдаллах (735—738). Немедленно после своего прибытия Асад велел умертвить аббасидских эмиссаров [2] и возобновил войну с Харисом. Военные действия происходили главным образом около Термеза и в Хуттале; поэтому Асад и на этот раз жил преимущественно в Балхе и в 736 г. перенес туда свою столицу [3]. Смутами среди арабов воспользовались «неверные», чтобы овладеть Самаркандом; Асад в 735 или 736 г. совершил поход к Варагсеру, чтобы посредством плотины отвести воду от Самарканда, причем лично принимал участие в работах, которые, однако, едва ли могли иметь успех [4].

В 737 г. Асаду пришлось выдержать в Тохаристане (в обширном смысле) трудную борьбу с тюркским хаканом и его союзниками, среди которых находились Харис и хуттальский владетель; владетель Саганиана (саган-худат), может быть из вражды к своему соседу, оставался союзником арабов [5]. Война для последних вначале была очень неудачна; в первый раз после долгого времени тюркское войско перешло на левый берег Аму-Дарьи [6]; но потом успех перешел на сторону арабов; тюрки были вынуждены отступить до Осрушаны, где приготовились к новому походу и к осаде Самарканда [7] (вероятно, занятого арабами во время отступления тюрков). Вскоре после этого хакан был убит тюргешским князем Курсулем, что имело следствием распадение западно-тюркской империи. Харис должен был удалиться к тюркам; Хутталь, где в то время правил выходец из Бамиана, был завоеван арабами, за исключением одной небольшой крепости [8]. Несмотря на все военные действия, Асад находил еще время для более мирной деятельности; Табари [9] приводит речь гератского дихкана, который назвал Асада превосходным «хозяином» (кетхуда), воздвигавшим гостиницы

---

[1] Табари, II, 1577.

[2] Гардизи, оксфорд. рук., л. 84; кембридж. рук., л. 67б: اسد کروهی مردمانرا که داعیان آل عباس بودند بگرفت وبکشت.

[3] Ср. выше, стр. 128, прим. 2.

[4] Табари, II, 1585—1586.

[5] Там же, 1596.

[6] Там же, 1604.

[7] Там же, 1613.

[8] Там же, 1632.

[9] Там же, 1636—1637.

в степях: «Приходит туда странник с востока, приходит другой с запада, и не находят они там недостатка».

Деятельность Асада еще с большим успехом продолжал его преемник Наср б. Сейяр (738—748), принимавший участие еще в походах Кутейбы и тогда же, в 705 г., получивший в подарок от своего непосредственного начальника одну деревню[1]. Ко времени своего назначения наместником Наср уже достиг преклонного возраста и считался шейхом (старейшиной) хорасанских мударитов[2] (северных арабов). Победы Насра должны были напомнить арабам время Кутейбы; пользуясь распадением западно-тюркской монархии, Наср восстановил арабское владычество в бассейне Сыр-Дарьи, в 739 г. заключил договоры с владетелями Осрушаны[3], Шаша и Ферганы; возвысившийся в стране тюрков князь Курсуль, убийца хакана, был взят в плен на берегу Сыр-Дарьи и казнен, чем была устранена всякая опасность со стороны кочевников; в Шаш и Фергану могли быть посланы арабские наместники[4]. Такой же успех сначала имел Наср в борьбе с внутренними затруднениями. Для решения вопроса о харадже Наср старался переложить подать с мусульман на иноверцев, неправильно освобожденных от податей; по словам Табари[5], на 30 000 мусульман, с которых неправильно взималась подать, пришлось 80 000 освобожденных от податей иноверцев, так что подать без всякого труда могла быть переложена с первых на вторых. Согдийцы, бежавшие к тюркам и со времени смерти хакана мечтавшие о возвращении на родину, в 741 г. заключили договор с Насром, который принял все их условия; было постановлено, чтобы те из них, кто раньше принял ислам, а потом вернулся к вере отцов, не подвергались преследованию; чтобы с вернувшихся были сложены как частные долги, сделанные до выселения, так и недоимки по отношению к казне; наконец, отнятых ими у мусульман пленников могли требовать от них обратно только по приговору казия и на основании показаний законного числа свидетелей. За заключение такого договора, неохотно утвержденного халифом, Наср подвергся большим упрекам; он уверял, однако, что, если бы его противники лично испытали храбрость согдийцев, они также не отвергли бы их требований[6].

---

[1] Там же, 1180.

[2] Там же, 1661.

[3] По словам Абу Убейды, приведенным у Балазури (429), Наср в Осрушане не имел успеха; но, по Табари (II, 1694), дихкан Осрушаны заплатил дань Насру и в походе против тюрков принимали участие также жители Осрушаны (там же, 1690).

[4] Там же, 1694—1695, 1767.

[5] Там же, 1689

[6] Там же, 1717—1718.

По словам Табари[1], Хорасан при Насре достиг такого процветания, какого прежде никогда не достигал; тем не менее восстановление порядка в области оказалось невозможным; не удалось достигнуть даже примирения обеих враждовавших между собой арабских партий. Как мударит, Наср имел частые столкновения с прежним наместником Асадом, главой йеменской партии[2]; в первые четыре года своего наместничества он назначал начальниками только мударитов, потом, желая примирить партии, стал назначать также йеменцев[3]. Этим ему, однако, не удалось предупредить вооруженное восстание йеменской партии, которое произошло в 744 г. и во главе которого стал Джудей[4] б. Али Кермани, короткое время управлявший Хорасаном после смерти Асада. Но этот вооруженный враг казался наместнику менее опасным, чем удалившийся к тюркам Харис. Наср в 744 г. испросил у халифа полное помилование для Хариса и его приверженцев и уговорил его вернуться в Хорасан[4]. Весной 745 г. Харис прибыл в Мерв и тотчас выступил посредником между Насром и Кермани, объявив, что заботится только о торжестве справедливости; это не помешало ему собрать вокруг себя несколько тысяч приверженцев и снова поднять черное знамя[5]. Обстоятельства заставили Хариса обратиться прежде всего на Кермани, в войне с которым он был убит весной 745 г.[6]. Таким образом, наместник избавился от своего главного врага среди арабов; несомненно, что ему бы удалось восторжествовать и над другими мятежниками, если бы ему не явился достойный противник в лице Абу Муслима, главного виновника перехода власти от Омейядов к Аббасидам.

Как известно, шиитское движение вначале было поднято только во имя предписаний пророка и в пользу его семьи, причем не было произнесено имя какого-нибудь определенного претендента. Естественными преемниками пророка считались Алиды; в Хорасане выступил один из них, Яхья б. Зейд, но в 743 г. был убит; его труп был распят на воротах Гузгана (т. е. Йехудийи или Анбара, см. стр. 130) и висел там до победы Абу Муслима[7]. Последний (имя, принятое им и чеканившееся на монетах, было, собственно, Абд ар-Рахман б. Муслим) происходил из Исфахана, был один из самых деятельных эмиссаров Аббасидов, постепенно занявших место Алидов, и в 747 г. по поручению Аббасида Ибрахима б. Мухаммеда прибыл в Хорасан. Посредством компромисса

---

[1] Там же, 1664—1665.
[2] Там же, 1493—1494, 1498, 1584—1585.
[3] Там же, 1664, 1847.
[4] Там же, 1867—1868.
[5] Там же, 1889, 1919.
[6] Там же, 1932—1933.
[7] Там же, 1770—1774; Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 302.

между исламом и верованиями туземцев[1] (особенно учением о переселении душ) Абу Муслим привлек на свою сторону дихканов и сельское население; в течение одного дня к нему присоединились жители шестидесяти деревень[2]. Тщетно Наср убеждал йеменцев, что истинная цель движения — избиение арабов и что ввиду такой опасности всем арабам необходимо соединиться против общего врага[3]; Абу Муслиму удалось привлечь на свою сторону все враждебные Омейядам элементы, между прочим часть седжестанских хариджитов[4] и йеменцев под начальством Кермани. Посланный Насром отряд, под начальством сына Хариса, устроил йеменцам засаду; Кермани был убит[5], но его сыновья Али и Осман остались союзниками Абу Муслима. В начале 748 г. Наср был вынужден очистить Хорасан и осенью того же года умер в Персии. К концу 749 г. переход власти от Омейядов к Аббасидам и в Западной Азии уже был совершившимся фактом.

Итак, Абу Муслим одержал победу над омейядским наместником только посредством объединения самых разнородных элементов; естественно, что после победы над общим врагом требовались еще новые усилия для того, чтобы удержать в повиновении всю эту массу и отделаться от опасных соперников. Главными сподвижниками Абу Муслима были Абу Давуд Халид б. Ибрахим и Зияд б. Салих ал-Хуза'и. Прежде всего были устранены предводители йеменцев; Осман был убит в Хуттале Абу Давудом; в тот же день Абу Муслим убил Али[6]. Результаты воцарения Аббасидов не могли удовлетворить ни их арабских, ни их персидских приверженцев. После своей победы над омейядским правительством Абу Муслиму пришлось вступить в борьбу как с арабскими, так и с персидскими народными движениями. В Нишапуре из среды огнепоклонников выступил религиозный реформатор Бих-Аферид (у Ауфи — Мах-Аферид), желавший восстановить в чистом виде учение Зороастра и резко нападавший на официальное парсийское духовенство. Маги пожаловались Абу Муслиму, что явился человек, который подрывает как их, так и его веру, и Абу Муслим оказал им поддержку при подавлении движения[7]. Более опасности

---

[1] Розен, ЗВОРАО, т. III, стр. 155—156. Ср. Табари, III, 129; Шахристани, пер. Хаарбрюкера, I, 173. <Об Абу Муслиме см. также: *Арабский аноним XI в.*, текст, л. 257б и сл.; пер., 95 и сл.— *Ред.*>

[2] Табари, II, 1952.

[3] Динавери, 360.

[4] Шахристани, пер. Хаарбрюкера, I, 149.

[5] Табари, II, 1975.

[6] Там же, 1999—2000.

[7] *Тексты*, стр. 93—94 (Ауфи); Шахристани, пер. Хаарбрюкера, I, 283—284; Бируни, *Āṯār ал-бāḳия*, изд. Захау, 210—211; пер. Захау, 193—194; *Фихрист*, I, 344; *Bih'Āfrid b. Farwardin* (EI, I).

представляло восстание, поднятое в Бухаре арабами в 133/750-51 г. Глава движения, Шерик б. Шейх ал-Мехри, объявил: «Не для того мы последовали за домом пророка, чтобы проливать кровь и совершать неправедные дела».

Итак, уже в то время начало проявляться то разочарование в Аббасидах, которое впоследствии нашло себе такое красноречивое выражение в письме, приписанном Абу Муслиму [1]. Шерик поднял восстание в пользу Алидов; вокруг него собралось более 30 000 приверженцев; его сторону приняли представители арабской власти в Бухаре и Хорезме; за него, судя по рассказу Нершахи, стояло городское население Бухары. Абу Муслим послал против него Зияда б. Салиха; последнему оказал поддержку бухар-худат Кутейба с жителями 700 замков (см. стр. 159). Восстание было подавлено с большой жестокостью; город был сожжен и горел трое суток; пленные были повешены на воротах города; после этого Зияд пошел на Самарканд, где победил остальных мятежников [2]. Бухар-худат Кутейба, несмотря на оказанную им в этом случае услугу, впоследствии был убит по приказанию Абу Муслима за отпадение от ислама [3].

Одновременно с внутренними смутами Мавераннахр подвергся большой опасности со стороны внешнего врага. После падения западнотюркской империи в туркестанских степях еще не успело образоваться новое могущественное кочевое государство; зато падением тюрков старались воспользоваться китайцы, чтобы утвердить свою власть в стране, владетели которой издавна отправляли посольства в Китай и получали от китайского правительства почетные титулы. В 748 г. китайцы взяли и разрушили Суяб [4]; в следующем году ими «за нарушение долга вассала» был казнен владетель Шаша; по арабским известиям [5], китайцев против этого владетеля призвал ферганский ихшид; с другой стороны, сын казненного обратился за помощью к арабам. Зияд б. Салих, только что подавивший восстание Шерика, в июле 751 г. разбил китайское войско под начальством Гао Сянь-чжи; по рассказу арабского историка, вероятно несколько преувеличенному, до 50 000 китайцев было убито, до 20 000 взято в плен, но в китайских летописях численность всего войска Гао Сянь-чжи указана в 30 000 человек [6]. Более ранние арабские историки, занятые описанием событий, происходивших

[1] Dozy, *Essai*, pp. 240—241.

[2] Табари, III, 74; Я'куби, *Ta'rīx*, II, 425; Нершахи, изд. Шефера, 60—63.

[3] Нершахи, изд. Шефера, 8.

[4] Бичурин, *Собрание сведений*, изд. 1-е, III, 244—245; Hirth, *Nachworte*, S. 71; Chavannes, *Documents*, p. 143.

[5] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, V, 344.

[6] Chavannes, *Documents*, p. 143, note.

в это время в Западной Азии, не упоминают об этой битве[1] (см. стр. 47); но в истории Туркестана она несомненно имеет важное значение, так как ею был решен вопрос, которой из двух культур, китайской или мусульманской, должно было принадлежать господство в стране. И в других местностях китайцы оказывали поддержку туземным владетелям в их борьбе с арабами, но на открытую войну с последними они более не решались. В китайских летописях говорится о важных успехах, одержанных китайцами на крайнем юго-востоке Мавераннахра, на границе с Индией[2]; но это известие не находит себе подтверждения в арабских источниках. Абу Давуд Халид б. Ибрахим, которого Абу Муслим назначил наместником Балха, с успехом действовал в Хуттале и Кеше; хуттальский владетель бежал в Китай; дихкан Кеша был убит и вместо него возведен на престол его брат[3]. В 752 г. владетель Осрушаны просил у китайцев помощи против арабов, но получил отказ[4].

Таким образом, Абу Муслим одержал победу над внешними и внутренними врагами; но его огромная популярность среди туземцев Хорасана, для которых он был не только представителем государственной власти, но и вероучителем, возбудила опасение в Аббасидах, и Абу Муслиму пришлось вести борьбу с теми, которые были обязаны ему престолом. В 135/752-53 г. Сиба' б. ан-Ну'ман и Зияд б. Салих, которых Абу Муслим поставил правителями Мавераннахра, произвели восстание по тайному наущению халифа Саффаха, но не имели успеха; Сиба' б. ан-Ну'ман был казнен в Амуле, Зияд был покинут своими воинами и бежал к дихкану Баркета (см. стр. 145), который велел его убить и послал его голову Абу Муслиму[5]. Во время этой войны Абу Давуд оказывал поддержку Абу Муслиму; впоследствии и на него оказали действие интриги Аббасидов; самого Абу Муслима удалось привлечь ко двору халифа и изменнически умертвить (755 г.). После этого сторонники Абу Муслима, конечно, сделались врагами Аббасидов. Тотчас после его смерти произошло восстание персов в Хорасане, которое было подавлено через два месяца[6]; но партия Абу Муслима

[1] Намек на нее мы находим у Са'алиби (*Лата'иф*, 126), по словам которого китайцы, взятые в плен Зиядом б. Салихом, научили самаркандцев приготовлению бумаги. Са'алиби ссылается на «Книгу путей и государств», причем, вероятно, имеется в виду труд Джейхани (см. стр. 57). Более ранний намек на экспедицию Зияда у Ибн Тейфура (изд. Келлера, 8); цитовано у Гибба (Gibb, *The Arab Conquests*, p. 96). Ср. Chavannes, *Documents*, p. 297 sq.

[2] Бичурин, *Собрание сведений*, изд. 1-е, III, 254; Chavannes, *Documents*, p. 151.

[3] Табари, III, 74, 79—80.

[4] Бичурин, *Собрание сведений*, изд. 1-е, III, 242—243; Chavannes, *Documents*, p. 140.

[5] Табари, III, 81—82.

[6] Там же, 119—120.

продолжала существовать; руководители целого ряда шиитских движений в Персии и Мавераннахре так или иначе связывали свое дело с именем Абу Муслима[1]. Отличительным признаком партии (конечно, только во время открытых движений) сделался белый цвет одежды и знамен; таким образом, партия, действовавшая во имя того, кому некогда черное знамя было обязано своим торжеством, получила название *сапӣд-джӑмегӑн* ('носящие белую одежду', по-арабски *ал-мубаййида*).

Характер политики Аббасидов известен; первые представители династии были такими же светскими правителями, как Омейяды, и открыто поддерживали греческую науку и, главным образом при Мамуне, рационалистическое учение му'тазилитов. От Омейядов их отличали главным образом государственные стремления; тогда как Омейяды были прежде всего предводителями арабского народа, Аббасиды хотели создать государство, в которое могли бы войти на равных правах области с персидским и области с арабским населением. Образцом для них служила стройная государственная система Сасанидов, казавшаяся арабам высшим образцом государственной мудрости[2]; их везиры (эта должность, в ее бюрократическом смысле[3], также была создана Аббасидами), со времени халифа Мансура принадлежавшие к знатному персидскому роду Бармакидов (см. стр. 127—128), считали себя прямыми преемниками Бузурджмихра и других полумифических государственных людей сасанидской эпохи[4].

Этим определялась также задача областных наместников, в частности наместника Хорасана, которому по-прежнему был подчинен Мавераннахр. Два раза во главе области, как при Сасанидах, был поставлен сын главы государства, что объясняется важностью хорасанского

---

[1] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 199, 204; пер., 291, 298.

[2] Знаменитый полигистор Джахиз (ум. в 255/869 г.) в своем сочинении о превосходных качествах тюрков (*Манӑкиб ал-атрӑк;* пользуюсь списком, любезно сообщенным мне бар. В. Р. Розеном) говорит, что сасанидские персы превосходили все народы в искусстве управлять государством, как китайцы — в ремеслах, греки — в науке и тюрки — в военном деле (اهل الصين في الصناعات واليونانيون في الحكم وآل ساسان في الملك والاتراك في الحروب). Этот трактат был опубликован в 1903 г. Ван Флотеном под заглавием رسالة في فضائل الاتراك <см. Библиографию> и был переведен на английский язык Х. Уокером (<см. Библиографию>; цитованная выдержка приводится на стр. 682).

[3] Об употреблении слова *везир* до и после аббасидского периода см. Barthold, *Su'ūbīja* (особенно стр. 258).

[4] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 150—151; пер., 223—224. <На полях экз. Бартольда (англ. изд.) в этом месте пометка: «Ссылка Pelliot 15 на T'oung Pao 1923, 97—125 La théorie des quatre fils du Ciel» (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 15).— *Ред.*>

наместничества, где борьба с внешними и внутренними врагами представляла особенные трудности. Задача наместников сводилась к укреплению государственного строя в духе сасанидских традиций, к объединению всех сторонников порядка и спокойствия, к усмирению беспокойных элементов и к войне с непокорными вассалами и их степными союзниками. Полное подчинение страны мусульманскому владычеству и полное установление внешней и внутренней безопасности было достигнуто только тогда, когда во главе страны, вместо часто сменявшихся наместников, были поставлены наследственные правители из туземных аристократов, хорошо знакомые с местными условиями и пользовавшиеся доверием населения. Само собою разумеется, что эти правители действовали более в своих интересах, чем в интересах халифов, и что их зависимость от последних скоро сделалась чисто номинальной.

Аббасидские наместники, правившие в Хорасане до начала династии Тахиридов, должны были подавить целый ряд восстаний, как со стороны арабов, так и со стороны персов. После усмирения восстания Шерика мы видим еще целый ряд восстаний арабских шиитов в Бухаре. Уже второй преемник Абу Муслима, Абд ал-Джаббар б. Абд ар-Рахман, в 140/757-58 г. велел казнить арабского правителя Бухары, Муджаши' б. Хурейса ал-Ансари, за симпатии к Алидам [1]. При халифе Махди (775—785), около 160/777 г., произвел восстание в Бухаре хариджит Юсуф ал-Берм, клиент племени сакифитов; восстание было поднято во имя предписаний ислама [2]; военные действия, судя по рассказу Гардизи [3], происходили главным образом в северо-западной части Афганистана, так как Юсуф овладел Мерверрудом, Тальканом и Гузганом. Впоследствии, уже при халифе Мамуне, пришлось усмирить еще восстание внука Юсуфа, Мансура б. Абдаллаха [4]. Целый ряд хариджитских движений мы видим в Седжестане и Бадгисе; Седжестан оставался очагом восстаний даже при Тахиридах и Саманидах. В Бадгисе около 150/767 г. произошло также персидское религиозное движение, глава которого, пророк Ашнас, хотел продолжать дело казненного Абу Муслимом Бих-Аферида [5].

Что касается «людей в белых одеждах», т. е. партии Абу Муслима, то их деятельность в сущности никогда не прекращалась (секта существовала еще в XII в.), хотя сравнительно редко проявлялась в открытых возмущениях. После убиения Абу Муслима в Мавераннахре про-

[1] Табари, III, 128.

[2] Я'куби, *Та'рӣх*, II, 478—479; Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 303—304.

[3] Оксфорд. рук., л. 94; кембридж. рук., л. 75б.

[4] Я'куби, *Та'рӣх*, II, 546.

[5] Гардизи, оксфорд. рук., л. 92; кембридж. рук., л. 74а.

извел восстание его последователь Исхак, неграмотный человек, которого называли «тюрком» за то, что он некогда ездил к тюркам в качестве посла по поручению Абу Муслима. Исхак также называл себя преемником Зороастра, который, по его словам, был жив и скоро должен был явиться для утверждения своей веры[1]. Восстание было подавлено, но уже первый преемник Абу Муслима в качестве наместника Хорасана, Абу Давуд, в 757 г. пал от руки убийц, принадлежавших к этой секте[2]. Преемник Абу Давуда, Абд ал-Джаббар, будучи недоволен правительством халифа, сам в 759 г. вступил в союз с мятежниками, во главе которых стоял Бераз, и поднял белое знамя[3]; он был разбит и во время бегства схвачен сколо Мерверруда своими арабскими подчиненными, которые выдали его правительству[4]. Более опасности представляло восстание Хашима б. Хакима[5], происходившего из окрестностей Мерва; он раньше находился на службе у Абу Муслима, потом у Абд ал-Джаббара; восстание было поднято им, судя по словам Гардизи и Нершахи, еще при наместнике Хумейде б. Кахтабе, т. е. до начала 776 г. Хашим объявил своим приверженцам, что в нем воплотилось божество, как до него в Адаме, Ное, Аврааме, Моисее, Иисусе, Мухаммеде и Абу Муслиме; он постоянно закрывал лицо зеленым покрывалом и уверял, что простые смертные не могли бы выдержать исходившего от его лица света; оттого арабы дали ему прозвание Муканна' (букв. 'Закрытый покрывалом')[6]. Трудно сказать, насколько достоверно известие, что покрывало также должно было скрыть от его приверженцев физическое безобразие их пророка. Наибольший успех имел Муканна' в окрестностях Кеша и Несефа, причем раньше других приняло его сторону селение Субах; кроме того, «люди в белых одеждах» утвердились в Бухаре, где им помогал сам бухар-худат Бунйат[7], и в Согде. Главной квартирой бухарских приверженцев Муканна' долгое время было селение Нершах; Муканна' призвал на помощь также тюрков. Последним убежищем вероучителя

[1] *Фихрист*, I, 345.

[2] Так по Гардизи, оксфорд. рук., л. 90; кембридж. рук., л. 73а; по Табари (III, 128), его убили «люди из войска».

[3] Гардизи, оксфорд. рук., л. 91; кембридж. рук., л. 73а: علم سپید کرد. Ср. также van Vloten, *Zur Abbasidengeschichte*, S. 216—217.

[4] Табари, III, 135. По Гардизи, эти люди происходили из племени аздийцев.

[5] О нем подробнее всего говорится у Нершахи (изд. Шефера, 63—74). <О восстании 776—783 гг. см. также: Айни, *Исъёни Муқанна'ъ;* Якубовский, *Восстание Муканны.—Ред.*>

[6] Он «пророк под покрывалом» в романе Томаса Мура <«Лалла Рук» (Lalla Rookh)>. Ср. сведения арабских источников, переведенные Э. Броуном (Browne, *A Literary History*, vol. I, p. 438 sq.).

[7] Нершахи, изд. Шефера, 9.

была одна горная крепость в окрестностях Кеша; восстание было усмирено при наместнике Мусейябе б. Зухейре[1] (780—783); после этого сочувствовавший мятежникам бухар-худат Бунйат был убит в Фарахше всадниками халифа. Секта, однако, продолжала существовать в окрестностях Кеша и Несефа и в некоторых бухарских деревнях; последние названы у переводчика Нершахи[2], но среди них нет названий, известных из других источников, если не читать Зерман (см. стр. 147) или Резмаз (см. стр. 180) вместо Зермаз. Замок Омара назван у Сам'ани[3] замком Омейра; местоположение его неизвестно. О существовании в деревнях Мавераннахра религии «людей в белых одеждах, обряды которых походят на обряды зиндиков» (дуалистов), говорит также Макдиси[4]; по рукописи Туманского, больше всего «людей в белых одеждах» было среди сельского населения Илака[5].

Менее ясны мотивы восстания, поднятого в 806 г. Рафи' б. Лейсом, внуком Насра б. Сейяра, и причины успеха, который вначале имел этот мятежник. Семья Насра, по-видимому, примирилась с владычеством Аббасидов; отец Рафи', Лейс (Табари[6] называет его клиентом халифа Махди), и двоюродный брат его Хасан б. Темим принимали участие в войне с Муканна'[7]. Табари[8] объясняет восстание Рафи' чисто личными мотивами, именно наказанием, которому он был подвергнут по приказанию халифа за прелюбодеяние. Неизвестно, какими средствами Рафи' удалось привлечь на свою сторону туземцев, убить самаркандского наместника и овладеть Самаркандом. Жители Несефа сами просили у Рафи' помощи против правительства; Рафи' послал им «владетеля Шаша с его тюрками»[9]; следовательно, этот владетель находился в союзе с мятежниками; кроме того, Я'куби[10] называет сторонниками Рафи' жителей Ферганы, Ходженда, Осрушаны, Саганиана, Бухары, Хорезма и Хутталя. Даже токуз-огузы, карлуки и тибет-

---

[1] Мусейяб прибыл, согласно Нершахи (изд. Шефера, 70), в джумада I, согласно Хамзе Исфаханскому (текст, 222; пер., 172—173, где по ошибке: Зухейр б. Мусейяб), в джумада II 163 г. х.; по Гардизи (оксфорд. рук., л. 95; кембридж. рук., л. 76б), Мусейяб прибыл в Хорасан в джумада I 166 г. х. и правил только восемь месяцев.

[2] Нершахи, изд. Шефера, 73. Замок Хуштуван, может быть, тождествен с рабатом Гахуштуван, по имени которого получили название селение и волость; ср. выше, стр. 168, и *Тексты*, стр. 64 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الكاخشتوانى).

[3] *Тексты*, стр. 66 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом البيضى).

[4] Макдиси, 323.

[5] Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 22.

[6] Табари, III, 484.

[7] Гардизи, оксфорд. рук., л. 93; кембридж. рук., л. 75а.

[8] Табари, III, 707—708.

[9] Там же, 712.

[10] *Та'рйх*, II, 528.

цы прислали Рафи' вспомогательные отряды [1]. Восстание было подавлено только в 810 г.; покинутый в 809 г. тюрками [2], Рафи' сдался Мамуну, «когда до него дошла весть о его справедливом правлении» [3], и получил полное помилование.

Таким образом, тюрки вмешивались в происходившие в Мавераннахре беспорядки, причем мятежники иногда сами призывали их на помощь; но с такими значительными тюркскими силами, как в эпоху Омейядов, арабам уже не приходилось иметь дело. После падения государства тюргешей и поражения китайцев на границе Мавераннахра образовались два государства: Семиречьем и восточной частью Сыр-Дарьинской области овладели карлуки, занявшие в 766 г. Суяб, бывшую столицу тюргешей; на низовьях Сыр-Дарьи образовалось государство огузов, которые, очевидно, подобно токуз-огузам в Восточном Туркестане, составляли часть рассеявшихся после смерти Сулу западных тюрков [4]. Тех токуз-огузов, которые, как мы видели, принимали участие в событиях, происходивших в начале IX в. в Мавераннахре, очевидно, следует отожествить с сыр-дарьинскими огузами (гуззами), а не с восточно-туркестанскими токуз-огузами [5]. Эти кочевники, повидимому, не предпринимали завоевательных походов на Мавераннахр и ограничивались набегами и помощью туземным владетелям и арабским мятежникам. Для защиты страны от набегов были выстроены стены в Раште, в окрестностях Бухары и в Шаше [6]; из этого видно, что арабы, несмотря на победу Зияда б. Салиха, отказались от областей, расположенных к северу от долины Чирчика. Вообще мы имеем мало известий о походах против непокорных местных владетелей и против тюркских ханов. При Мансуре (754—775) на Фергану был послан Лейс, «клиент повелителя правоверных» (вероятно, сын Насра б. Сейяра, см. стр. 258); ферганский царь в то время жил в Кашгаре; арабы заставили его просить мира и заплатить большую дань. Царь отправил послом к арабам вельможу Батиджура (Байчура?); арабы потребовали от него, чтобы он принял ислам; он решительно отказался и оставался в заключении до воцарения халифа Махди (775 г.). На все настояния он отвечал: «Я не изменю царю, пославшему меня» [7]. В царствование Махди (775—785), около времени восстания Юсуфа ал-Берма (см. выше, стр. 256), был совершен поход на Фергану Ахмедом

[1] Там же.

[2] Табари, III, 775.

[3] Там же, 777.

[4] Marquart, *Die Chronologie*, S. 24—25; Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 28.

[5] См. Barthold, *Ghuzz*.

[6] См. выше, стр. 121, 163—164, 229—230.

[7] Я'куби, *Ta'rīḫ*, II, 465—466.

б. Асадом; здесь столицей ферганского царя назван Касан[1], из чего можно заключить, что царь вернул свое государство. Вскоре после этого Махди через послов потребовал изъявления покорности от целого ряда государей, большинство которых исполнило требование; среди них названы согдийский ихшид, афшин Осрушаны, ферганский царь, карлукский джабгу, хакан токуз-огузов, «Тархан, царь тюрков» (может быть, владетель Шаша), тибетский царь и даже китайский император[2]. При Харуне ар-Рашиде (786—809) наместник Гитриф б. Ата (792—793) послал Амра б. Джемиля в Фергану, чтобы вытеснить оттуда войско карлукского джабгу[3]; наместник Фазл б. Яхья ал-Бармаки (794—795) удачно действовал в Мавераннахре; к нему явился с покорностью царь Осрушаны, который раньше «ни к кому не являлся и никому не изъявлял покорности»[4]. Мамун во время своего пребывания в Хорасане (809—818) должен был отправлять войска на Согд, Осрушану и Фергану; в то же время он призывал владетелей к покорности посредством посольств[5]. Ибн ал-Асир приводит рассказ об экспедиции, предпринятой арабами в 194/810 г. против города Кулан (ныне Тарты в районе Аулие-Ата), в которой был убит суфий Шекик б. Ибрахим Балхи[6]. Перед началом войны с халифом Амином (811 г.) Мамун жаловался своему везиру Фазлу б. Сахлю, что ему приходится начать войну в самый неблагоприятный момент: (карлукский) джабгу вышел из повиновения; такую же непокорность обнаруживает «хакан, владетель Тибета»; царь Кабула готовится совершить набег на прилегающие к его владениям местности Хорасана; царь Отрара[7] отказывается платить дань, которую платил прежде. Фазл посоветовал ему написать письма джабгу и хакану, пожаловать им те области, которыми они уже владели, и обещать им помощь в борьбе с (другими) царями; послать подарки кабульскому царю и предложить ему заключение договора, на который он охотно согласится; подарить отрарскому царю, в виде милости, дань за один год[8]. Этими и подобными мерами, веро-

---

[1] Там же, 478; см. также Barthold, *Farghāna* (EI, II).

[2] Я'куби, *Ta'pāx*, II, 479.

[3] Гардизи, оксфорд. рук., л. 96; кембридж. рук., л. 77б: عمرو (в рук. عمر) بن جميل را از فرغانه بيرون كرد (в рук. جنوبه را) تا جبغويه را بفرستاد. Об Амре б. Джемиле см. *Тексты*, стр. 2 (Гардизи).

[4] Гардизи, оксфорд. рук., л. 97; кембридж. рук., л. 78а: وچنان خره كه ملك سرشنه بود پيش او باز آمد كه پيش هيچ كس نيامده بود وهيچ كس را فرمان نبرده بود

[5] Балазури, 430.

[6] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IV, 164. Кулан упомянут в моем *Отчете о поездке в Среднюю Азию*, стр. 21, 31. Ср. также Grenard, *La légende*, p. 27.

[7] В тексте اترابنده; в рук. ايرازبنده.

[8] Табари, III, 815—816.

ятно, удалось достигнуть, по крайней мере, внешнего умиротворения страны.

Что касается внутреннего управления, то для благосостояния страны, судя по словам историков, больше всего сделали Абу-л-Аббас Фазл б. Сулейман ат-Туси[1] (783—787)[2] и Фазл б. Яхья ал-Бармаки[3] (794—795). Другие наместники большею частью заботились только о своем личном обогащении; некоторые из них, как Абд ал-Джаббар б. Абд ар-Рахман[4] и Мусейяб б. Зухейр[5], немедленно после своего назначения произвольно увеличивали подати. Не всегда произвол наместников быстро карался центральным правительством: Али б. Иса б. Махан, один из самых корыстолюбивых наместников, мог сохранить свою должность в течение более десяти лет[6] (с 796 г.), так как делился своей добычей с халифом Харуном[7]. Население покоренных областей по-прежнему призывалось к отправлению военной службы: Фазл б. Яхья образовал в Хорасане многочисленный персидский корпус; по рассказу Табари[8], было набрано до 500 000 человек (что, очевидно, преувеличено), из которых 20 000 отправили в Багдад, а остальных оставили в Хорасане. Корпус получил название «аббасидского», очевидно потому, что должен был служить опорой династии.

В рассказе о войне Али б. Исы с мятежником Хамзой упоминается отряд «согдийцев и нахшебийцев»[9]; в войске Тахира б. Хусейна при походе на Ирак (811 г.) было 700 человек хорезмийцев[10].

[1] *Тексты.* стр. 2 (Гардизи).

[2] Гардизи (оксфорд. рук., л. 95; кембридж. рук., л. 77а) относит прибытие посла от Фазла в Мерв к месяцу мухаррему 167 г. х. (августу 783 г.), а самого Фазла — к месяцу раби‘ I (октябрю) того же года. У Хамзы Исфаханского приведены те же месяцы, но указан г. х. 166 (текст, 222; пер., 173; здесь ошибка в переводе). Табари (III, 517) и Нершахи (изд. Шефера, 32) относят назначение Фазла к 166 г. х., но ничего не говорят о времени его прибытия.

[3] Табари, III, 631. За короткий период своего правления Фазл не мог выполнить всего того, что ему приписывалось; см. Barthold, *Barmakiden*.

[4] Гардизи, оксфорд. рук., л. 91; кембридж. рук., л. 73а: خراج مرو وبلخ وبسیار از شهرهای خراسان زیادت کرد. Абд ал-Джаббара обвиняли также в том, что он убил начальников хорезмийцев (Табари, III, 134).

[5] Гардизи, оксфорд. рук., л. 95; кембридж. рук., л. 76б: بر وظیفهٔ خراج زیادت کرد ورعایا از وی گله کردند تا مهدی اورا معزول کرد.

[6] По Табари (III, 713) и Гардизи (оксфорд. рук., л. 98; кембридж. рук., л. 79б), он был сменен в 191 г. х. (806-07 г.), по Хамзе Исфаханскому (текст, 225; пер., 175) — в раби‘ II 193 г. х. (апреле 808 г.).

[7] Табари, III, 703—704.

[8] Там же, 631.

[9] Гардизи, оксфорд. рук., л. 98; кембридж. рук., л. 79а: سغدیان ونخشبیان صبر کردند تا حمزه ستوه شد پس حمله آوردند و یارانش را بکشتند وبر روی حمزه جراحت کردند.

[10] Табари, III, 800.

Мы должны остановиться еще на одной мере аббасидских наместников, несомненно имевшей большое значение в экономической жизни страны, именно на введении низкопробной разменной монеты. По рассказу Нершахи[1], в Бухаре первый стал чеканить серебряные монеты (дирхемы) бухар-худат Кана, правивший 30 лет; монеты были введены им в царствование халифа Абу Бекра (632—634). Дирхемы чеканились из чистого серебра; на них был изображен бухар-худат с венцом на голове. К концу VIII в. эти монеты уже исчезли из обращения и были вытеснены хорезмийскими. Недовольные этим бухарцы обратились к наместнику Гитрифу б. Ата с просьбой чеканить для них серебряную монету того же вида, как дирхемы бухар-худатов, но такую, которая бы служила исключительно для местных потребностей и не могла быть вывезена за пределы области. Так как серебро в то время было дорого, то Гитриф, по соглашению с представителями города, стал чеканить монету из сплава шести металлов: золота, серебра, свинца, олова, железа и меди. Монеты были чеканены с прежними изображениями, но с именем Гитрифа; оттого монеты получили название *гитрифи*. Жители Бухары сначала отказывались принимать эти черные дирхемы; поэтому был введен принудительный курс, по которому шесть дирхемов гитрифи равнялись одному дирхему из чистого серебра; по тому же курсу принимались гитрифи при уплате податей. Подать Бухары и ее окрестностей до тех пор была несколько меньше[2] 200 000 дирхемов; теперь она была определена в 1 168 567[3] дирхемов гитрифи. Скоро после этого курс гитрифи поднялся, так что они по цене сравнялись с белыми дирхемами, но цифра подати не была уменьшена, так что бухарцам теперь пришлось платить в шесть раз больше, чем прежде. Впоследствии цена гитрифи поднялась еще выше; в 220/835 г. за 100[4] белых дирхемов давали только 85 дирхемов гитрифи, в 522/1128 г. — только 70.

Рассказ Нершахи вызывает некоторые сомнения. Низкопробную монету стали чеканить в Бухаре, как прежде в Хорезме, именно для того, чтобы эти деньги не вывозились за пределы области. Макдиси[5]

---

[1] Изд. Шефера, 34—36.

[2] Проф. Н. И. Веселовский (ЖМНП, 1897, декабрь, стр. 467—468) считает более правильным следующий перевод слов Нершахи (как у Лерха): «В старину харадж Бухары составлял 200 000 диргемов, что было немного». Мы, однако, не имеем основания так насиловать персидский текст; приведенные нами дальше цифры показывают, что подать в самом деле была несколько менее 200 000 белых дирхемов или 1 200 000 дирхемов гитрифи.

[3] В тексте здесь пропущены слова و صد (ср. Нершахи, изд. Шефера, 31). У Макдиси (340) приводится несколько иная цифра (1 166 897, ниже 1 166 877); у Ибн Хордадбеха (27) — 1 189 200.

[4] В тексте пропущено слово صد.

[5] Макдиси, 286 (de Goeje *Das alte Bett des Oxus*, S. 100).

говорит о хорезмийцах: «Они определили цену дирхема в четыре данека[1], чтобы купцы не увозили дирхемов от них; и до настоящего дня серебро привозится к нам (очевидно, автор здесь говорит от имени хорезмийцев), и от нас не увозится». Итак, замена чистого серебра сплавом шести металлов произошла не вследствие дороговизны серебра, а в виду того назначения новой монеты, о котором говорит и Нершахи; поэтому бухарцы не имели никакого основания не принимать гитрифи. Никем не объяснено также быстрое поднятие курса разменной монеты; более вероятно, что мы имеем здесь обесценение старых, потертых белых дирхемов; поэтому если цифра податей была определена в дирхемах гитрифи, то нельзя было требовать от правительства, чтобы эта цифра после увеличения ценности гитрифи, т. е. после упадка ценности белых дирхемов, была уменьшена. Макдиси[2] также говорит, что черные дирхемы, ходившие только в Мавераннахре, имели там преимущество перед белыми. К сожалению, мы не имеем известий о том, по какому курсу гитрифи обменивались на куфические дирхемы и фельсы (медные монеты). Об обмене гитрифи на фельсы говорится у Ибн Хаукаля[3], об обмене на серебро — у Нершахи[4] в рассказе о событиях 260/874 г.; но ни в том, ни в другом случае не указан курс[5].

Гитрифийские дирхемы не были ни единственными, ни первыми монетами этого рода. Кроме дирхемов Хорезма, историки и географы различают три вида низкопробных дирхемов, которыми уплачивалась подать в Мавераннахре, именно дирхемы мухаммеди, мусейяби и гитрифи. Первые были введены, по словам Гардизи[6], при Мухаммеде б. Дехде, который, однако, не упоминается среди наместников Хорасана; вероятно, это был один из подчиненных хорасанскому наместнику арабских правителей Мавераннахра. Дирхемы мусейяби были чеканены при Мусейябе б. Зухейре (780—783). По Ибн Хордадбеху[7] (сведения относятся к 211 и 212/826—828 гг.), подати уплачивались: в Хорезме — хорезмийскими дирхемами; в тюркских городах, входивших в состав владений Нуха б. Асада, — хорезмийскими и мусейябий-

---

[1] В другом месте $4^1/_2$ (Макдиси, 340; de Goeje. *Das alte Bett des Oxus*, S. 109). Обыкновенный дирхем весил 6 данеков.

[2] Макдиси, 340.

[3] Ибн Хаукаль, 363.

[4] Изд. Шефера, 76.

[5] <О курсе гитрифи см. Массон, *К вопросу о «черных дирхемах»*; Давидович, *Термезский клад. — Ред.*>

[6] Оксфорд. рук., л. 95; кембридж. рук., л. 76б: بدو باز (в рук. مسمی) ودرم مسیبی خوانند چنانکه غطریفی بغطریف بن عطا الکندی و محمدی بمحمد بن دهده واین درمها با روی وارزیز آمیخته باشد.

[7] Ибн Хордадбех, 27—28.

скими; в Шаше, Илаке и Ходженде — мусейябийскими; в Осрушане — частью мусейябийскими, но преимущественно мухаммедийскими; в Фергане, Согде, Кеше и Несефе — мухаммедийскими; в Бухаре — гитрифийскими. Из этого видно, что каждый из трех родов низкопробных монет был распространен в определенном географическом районе. Что касается внешнего вида этих дирхемов, то существенного различия между отдельными видами их, судя по словам географов, не было. На всех были изображения, резко отличавшие их от обычного типа мусульманских монет[1], по Ибн Хаукалю[2] — также непонятные письмена. Происхождение этих монет скоро было забыто; уже в X в., как видно из слов Макдиси[3], существовала легенда, рассказанная также у Сам'ани[4], по которой три брата, Мухаммед, Мусейяб и Гитриф, овладели Мавераннахром и стали чеканить там дирхемы со своими именами.

Мы не имеем возможности входить здесь в рассмотрение нумизматического вопроса, к какому из трех видов должны быть отнесены различные типы найденных до сих пор в Средней Азии низкопробных дирхемов, чеканенных по образцу местных серебряных дирхемов домусульманского происхождения[5]. Нумизматы различают две главные категории домусульманских среднеазиатских монет, именно, хорезмийские и согдийские; на первых мы имеем на лицевой стороне бюст царя (лицо без бороды), на обратной стороне — изображение жертвенника со священным огнем; на одной монете изображен верблюд, идущий вправо; что касается надписи (на лицевой стороне), то А. К. Марков предполагал чтение mazda hodat ('владетель самодержец'), проф. О. Доннер — malka sadak ('царь справедливый', как на аршакидских монетах Βασιλεὺς δίκαιος). Согдийские монеты представляют, в свою очередь, несколько типов, но на всех них мы находим изображение сасанидского царя Варахрана V (420—438), монеты которого, очевидно, послужили образцом для согдийцев[6]. Надписи также представляют несколько вариантов: на монетах наиболее распространенного типа мы видим 11 знаков, которые, по определению Лерха[7], следует читать

[1] Истахри, 314.

[2] Ибн Хаукаль, 363.

[3] Макдиси, 340.

[4] *Тексты,* стр. 58 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الريوندى). Макдиси не говорит ничего о времени правления трех братьев; согласно Сам'ани, они правили в Мавераннахре непосредственно после Са'ида б. Османа.

[5] О них подробно (с указанием литературы предмета) говорится в статье проф. О. Доннера (Donner, *Sur l'origine,* pp. 33—38).

[6] По мнению Э. Томаса (Thomas, *Bilingual coins,* p. 118), тип монет Варахрана V был заимствован согдийцами через посредство монет мятежника Варахрана (Бехрама) Чубина (около 578 г.).

[7] См. Lerch, *Sur les monnaies,* pp. 419—429, и его же более подробную, но незаконченную статью *Монеты бухар-худатов.*

бухар худдат. Рядом с серебряными дирхемами очень высокой пробы (93 зол.) имеются также позднейшие, низкопробные монеты, иногда с арабской надписью, например с именем халифа ал-Махди (современника Мусейяба). Монет, на которых совершенно ясно читались бы имена Мухаммеда, Мусейяба и Гитрифа, до сих пор не найдено; только на некоторых монетах после символа веры повторено имя Мухаммеда, которое может относиться к Мухаммеду б. Дехде[1]. Слова Нершахи и Сам'ани, на мой взгляд (вопреки мнению проф. Н. И. Веселовского[2]), не допускают никакого сомнения в том, что имена трех наместников были чеканены на монетах, может быть не арабскими, а арамейскими буквами (как на арабско-пехлевийских монетах). Как все низкопробные монеты, эти дирхемы сильно пострадали от времени; не только арамейские, но и арабские надписи читаются с большим трудом; даже предложенное Лерхом чтение *бухар худдат*, казавшееся совершенно несомненным, оспаривается Э. Друэном, причем проф. О. Доннер признает его возражения основательными. Некоторое недоумение вызывает также факт, что, тогда как дирхемы гитрифи ходили только в Бухаре, так называемые дирхемы бухар-худатов были находимы также в Самарканде, Ходженде и Хиве[3]. Итак, нумизматические данные пока выяснили только факт, что в Согдиане в V или в VI в. начали чеканить дирхемы в подражание сасанидским; если хронологическое указание Нершахи относительно введения чеканки монет в Бухаре верно, то бухар-худаты, вероятно, заимствовали тип монет от своих согдийских соседей, а не непосредственно от Сасанидов (иначе они, как скоро после того арабы, приняли бы за образец дирхемы Хосроя II). Крайне любопытно, что еще в конце VIII в., когда в Мавераннахре уже давно чеканились дирхемы и фельсы куфического типа, потребность населения в разменной монете пришлось удовлетворить посредством дирхемов старого образца, с языческими изображениями.

Халиф Мамун, с помощью персов победивший своего брата Амина, естественно, сделался покровителем тех людей, которым он был обязан престолом, и с большей последовательностью, чем его предшественники, поручал персам управление восточными областями; эти правители положили основание династиям Тахиридов и Саманидов. Предок Тахиридов[4],

---

[1] Tiesenhausen, *Notice*, p. 11; Thomas, *Bilingual coins*, p. 128; здесь вместо لـ محمد, может быть, следует читать لـ محمدية. Хорошо известно, что имя халифа Махди было Мухаммед, и весьма возможно, что монеты получили свое обозначение от него.

[2] См. выше, стр. 262, прим. 2.

[3] Lerch, *Sur les monnaies*, p. 423.

[4] О происхождении династии подробно говорит Ибн Халликан (изд. Вюстенфельда, № 350; пер. де Слэна, I, 649 и сл.). По Мас'уди (*Танбйх*, 348), Тахириды происходили от богатыря Рустема.

Разик, был клиентом Абу Мухаммеда Тальхи б. Абдаллаха ал-Хуза'и [1], наместника Седжестана при Сельме б. Зияде (см. выше, стр. 241); Хафиз-и Абру [2] ошибочно смешивает этого Тальху с знаменитым деятелем первых времен ислама. Сын Разика, Мус'аб, владел городом Бушенгом в Гератской области; во время аббасидской пропаганды он был секретарем одного из сподвижников Абу Муслима; как владетель Бушенга, он упоминается еще в рассказе о восстании Юсуфа ал-Берма, который отнял у него этот город [3]; очевидно, Бушенг после усмирения восстания был возвращен Мус'абу, после которого владели городом его сын Хусейн (умерший в 199/814-15 г.) и его внук Тахир. Еще раньше Тахир принимал участие в войне с Рафи' б. Лейсом [4]; в 811 г., когда был предпринят поход против Амина, начальником военных сил Мамуна был назначен Тахир, причем везир Фазл б. Сахль собственноручно привязал к древку предназначенное для него знамя [5]. После воцарения Мамуна (813 г.) Тахир был назначен наместником ал-Джезиры (Месопотамии), военным начальником Багдада и заведующим натуральными повинностями в Саваде [6] (Ираке); друг Тахира Ахмед б. Абу Халид возбудил в Мамуне недоверие к тогдашнему наместнику Хорасана, Гассану б. Аббаду, и в 821 г. в Хорасан был послан наместником Тахир [7]. В ноябре 822 г. Тахир скоропостижно умер после того, как во время чтения хутбы выпустил имя Мамуна и этим объявил себя независимым от багдадского престола; естественно, явилось подозрение, что он был отравлен по приказанию халифа. Все-таки Мамун утвердил наместником Хорасана его сына Тальху (822—828). Преемник Тальхи, Абу-л-Аббас Абдаллах, прибывший в Хорасан в 830 г., был уже фактически вполне независимым правителем; даже халиф Му'тасим (833—842), ненавидевший его [8], мог только подсылать к нему тайных убийц [9], но не решался открыто принять против него какие-нибудь меры. В то же

---

[1] Это лицо упоминается также у Табари (II, 893).

[2] *Тексты,* стр. 158 (Хафиз-и Абру). Тот же автор называет имя отца Мус'аба — Фаррух.

[3] Гардизи, оксфорд. рук., л. 94; кембридж. рук., л. 75б: يوسف ثقفی حروری بیرون آمده بود اندر روزگار حمید وحکم طالقانی وبو معاذ فریابی یا وی بودند وبوشنگ از مصعب بن رزیق بستده بودند.

[4] Табари, III, 777

[5] *Тексты,* стр. 2 (Гардизи); также Ибн Халликан.

[6] Табари, III, 1039.

[7] Там же, 1042.

[8] О причинах этой ненависти см. *Тексты,* стр 3 (Гардизи).

[9] По рассказу Гардизи (оксфорд. рук., л. 102; кембридж. рук., л. 82б; <изд. Мухаммеда Назима, 7>), халиф подарил Абдаллаху рабыню и дал ей пропитанную ядом чалму (دستارچه) для Абдаллаха. Прибыв в Нишапур, рабыня полюбила Тахирида и открыла ему тайну.

время другие члены рода Тахиридов занимали важные должности на западе; между прочим в их руках было начальство над военными силами Багдада, что не могло не содействовать могуществу династии. Вообще, однако, главы рода чувствовали себя безопасно только в своем государстве. Когда Абдаллах сказал своему секретарю, что намерен совершить хадж, верный слуга ответил: «О эмир! Ты слишком благоразумен для того, чтобы совершить такое неразумное дело»[1]. Абдаллах вполне согласился со своим чиновником и заметил, что только хотел испытать его.

Саманиды были призваны к власти еще раньше Тахиридов, но только в качестве правителей Мавераннахра, подчиненных хорасанскому наместнику. Предок династии Саман-худат, основатель и владетель селения Саман в Балхской области[2], считался потомком сасанидского полководца Бехрама Чубина, бежавшего к тюркам в 591 г. Саман-худат пользовался покровительством наместника Асада б. Абдаллаха ал-Кушейри (ум. в 738 г.), принял ислам и в честь своего покровителя назвал своего сына Асадом. О жизни Асада мы ничего не знаем; его сыновья Нух, Ахмед, Яхья и Ильяс принимали участие в усмирении восстания Рафи' б. Лейса[3], впоследствии находились на службе у халифа Мамуна и сумели приобрести его расположение; по желанию халифа, хорасанский наместник Гассан б. Аббад (819—821) назначил Нуха правителем Самарканда, Ахмеда — правителем Ферганы, Яхью — правителем Шаша и Ильяса — правителем Герата[4]. В Герате Саманидам не удалось утвердить свою власть; Ильяс, умерший в Герате в 242/856-57 г.[5], по-ви-

---

[1] Гардизи (оксфорд. рук., л. 103; кембридж. рук., л. 83а; <изд. Мухаммеда Назима, 7>): یا امیر تو حازمتر ازانی که کاری کنی که از حزم دور بود.

[2] Так по большей части источников; Макдиси (338; Якут, *Му'джам*, III, 13) помещает Саман в окрестностях Самарканда.

[3] Нершахи, изд. Шефера, 74.

[4] Так у Мирхонда (*История Саманидов*, изд. Дефремери, 2, 113); по Хамдаллаху Казвини (Нершахи, изд. Шефера, прилож., 100), Ильяс получил Шаш, а Яхья — Герат; однако в изд. Броуна (Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, текст, 379): Ильяс получил Герат, а Яхья — Шаш (вместо «Шаш» в рукописях اشناس и اشفاس; так же и в переводе (73) — Ashnās). Но рассказ Мирхонда подтверждается приведенными ниже словами Сам'ани. Мы знаем из сочинения Кинди «Правители и судьи Египта» (184), что Ильяс б. Асад Самани в 212/827 г. был назначен правителем Александрии, но мы не знаем, как долго он оставался на западе; ср. также Guest, *Relations*, p. 169. Рассказ Нершахи (изд. Шефера, 75) в этом месте наполнен крупными историческими и хронологическими ошибками. У Гардизи (оксфорд. рук., л. 101; кембридж. рук., л. 81а) говорится только о назначении Нуха (غسّان مرلیث بن سعدرا از سمرقند معزول کرد و نوح بن اسدرا داد)

[5] *Тексты*, стр. 59 (Сам'ани; изд. Маргулиуса, под словом السامانی); там же даты смерти других Саманидов.

димому, не оставил преемника; в дошедших до нас известиях о возвышении Саффаридов в Седжестане и Гератской области о Саманидах не говорится. Зато в Мавераннахре Саманиды сделались наследственными правителями, и Ахмед б. Асад, переживший братьев, мог передать власть своим сыновьям. По-видимому, еще в 211 и 212/826—827 гг., судя по известиям Ибн Хордадбеха о податях Мавераннахра[1], Нух б. Асад, старший из братьев, считался только правителем части Согда с городом Самаркандом, Ферганы и некоторых «тюркских городов». После смерти Нуха (227/842 г.) его брат Ахмед, к которому перешло старшинство, остался в Фергане, а в Самарканд послал своего сына Насра[2]. О внутренней истории Мавераннахра при первых Саманидах мы знаем очень мало. Гардизи упоминает о землятрясении в Фергане в 224/839[3], а автор *Кандии* говорит об избиении нескольких тысяч людей в округе Шавдара в 245/859 г., не сообщая каких-либо подробностей относительно причин восстания[4]. В 855 г. умер Яхья; по-видимому, Шаш после этого перешел также к Ахмеду, так как впоследствии мы видим здесь в качестве правителя Абу Юсуфа Я'куба б. Ахмеда[5]. После смерти Ахмеда (864 г.) новый глава семьи, Наср, остался правителем Самарканда; в Фергане стал править другой сын Ахмеда, Абу-л-Аш'ас[6]. Бухара перешла во власть Саманидов только в 874 г.[7], после чего Наср б. Ахмед в 875 г. получил от халифа Му'тамида диплом на управление всем Мавераннахром[8].

К той же эпохе относится окончательное подчинение Мавераннахра мусульманскому владычеству, причем в этом деле Тахириды и Саманиды еще пользовались поддержкой багдадского правительства. Мы видели, что в первые годы правления Мамуна в Мавераннахре произошло общее восстание против арабского владычества; после отъезда Мамуна беспорядки возобновились, и порядок был восстановлен только при Гассане б. Аббаде[9] (819—821). Может быть, голод, постигший в

---

[1] Ибн Хордадбех, 27—28. Чтобы получить приводимую им цифру итога подати Мавераннахра, приходится сложить подать «области Нуха» с податью Согда, Буттема, Кеша, Несефа, Осрушаны, Шаша, серебряного рудника (в Илаке) и Ходженда. Выше Согд, однако, причислен к «области Нуха»; вероятно, в первом случае под Согдом следует понимать владения ихшида (с главным городом Иштиханом), во втором — область города Самарканда.

[2] Мирхонд, *История Саманидов*, изд. Дефремери, 2, 114.

[3] *Тексты*, стр. 3 (Гардизи).

[4] *Тексты*, стр. 49; Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина, 242.

[5] Нершахи, изд. Шефера, 81.

[6] Там же, 80.

[7] Там же, 77.

[8] Табари, III, 1889.

[9] Я'куби, *Китаб ал-булдан*, 307.

201/816-17 г. Хорасан[1] (как, впрочем, и всю Персию), отчасти был вызван прекращением подвоза хлеба из Мавераннахра, как голод 733 г. (см. выше, стр. 248). После смерти Тахира и назначения Тальхи в Мавераннахр был послан с войском Ахмед б. Абу Халид. Главную цель похода составляло покорение Осрушаны, владетель которой, Кавус (сын царя, покорившегося Фазлу б. Яхье), обязался платить дань Мамуну, но после прибытия халифа в Багдад нарушил договор. Вскоре после этого в Осрушане произошло междоусобие среди членов царского дома: Хайдер, сын Кавуса, убил знатного вельможу, стоявшего во главе партии его брата Фазла, за которого выдал свою дочь. После убийства Хайдер прибег сначала к местному представителю арабской власти, потом отправился в Багдад; с другой стороны, Фазл в 205/820-21 г. призвал в страну токуз-огузов. В 207/822 г. Ахмед б. Абу Халид с войском вступил в Осрушану, причем Хайдер указал ему более краткий путь в эту страну, которого арабы раньше не знали; вследствие этого Кавус был застигнут врасплох и принужден покориться. Фазл с тюрками удалился в степь, где вероломно покинул их и присоединился к арабам; тюрки погибли в степи от жажды. Кавус поехал в Багдад, принял ислам и был оставлен правителем области; ему наследовал Хайдер[2], впоследствии сделавшийся первым лицом при дворе халифа и получивший широкую известность под именем Афшина (*афшин* — титул царей Осрушаны). Афшин был казнен в 841 г.; его династия продолжала править в Осрушане до 280/893 г.; в Эрмитаже в Петрограде имеются монеты последнего афшина Осрушаны, Сейра б. Абдаллаха, чеканенные в 279 г. х., и одна монета Саманида Исма'ила, чеканенная в Осрушане в 280 г. х.[3].

Назначение Ахмеда б. Абу Халида, одного из главных виновников возвышения Тахиридов, несомненно было очень приятно Тальхе, который щедро одарил как самого арабского полководца, так и его секретаря. По рассказу Мирхонда[4], Ахмед б. Абу Халид явился также покровителем Саманидов и восстановил в Фергане власть Ахмеда б. Асада, изгнав оттуда «врагов веры». Окончательное покорение Ферганы, именно Касана и Уреста, Балазури[5] приписывает Нуху б. Асаду, причем, однако, относит это событие ко времени правления халифа Мунтасира (861—862), когда Нуха уже давно не было в живых. Более достоверным можно признать другой подвиг Нуха — покорение

---

[1] Табари, III, 1015.

[2] Там же, 1044, 1065—1066; Балазури, 430—431.

[3] Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 112, 114.

[4] *История Саманидов*, изд. Дефремери, 2, 114.

[5] Балазури, 420. В одной рукописи назван халиф Мансур.

Исфиджаба в 840 г.[1]. Нух велел построить в Исфиджабе стену «вокруг виноградников и пашен жителей»[2], т. е. воздвиг такую же постройку для защиты от тюркских набегов, какая раньше существовала в Шаше. Область Исфиджаб, однако, еще в X в. управлялась особой тюркской династией[3] и пользовалась важными привилегиями, даже свободой от податей[4]; в знак своей подчиненности владетель Исфиджаба ежегодно отправлял саманидскому правительству вместе с подарками четыре данека (менее 20 коп.) и метлу[5] вместо податей.

Халиф Мамун[6], поручив своим наместникам продолжать войну с непокорными, в то же время велел послам приглашать на службу к халифу знатных туземцев, которым после их прибытия в Багдад назначал щедрое вознаграждение. То же самое еще в больших размерах делалось при Му'тасиме, при котором тюркская гвардия, в состав которой входили также выходцы из Согда, Ферганы, Оорушаны и Шаша, сделалась одной из опор престола[7]. Это обстоятельство способствовало окончательному утверждению мусульманского владычества в стране; Абдаллах б. Тахир, вероятно при участии Саманидов, предпринял поход на страну гузов и завоевал такие места, куда до него никто не доходил[8]. Вообще при Му'тасиме жители Мавераннахра могли быть признаны добрыми мусульманами и сами начали сражаться «за веру» со своими соседями-тюрками. Присутствием знатных уроженцев Мавераннахра при дворе халифа, вероятно, следует объяснить, что халифы при Тахиридах еще принимали некоторое участие в делах

[1] *Тексты,* стр. 58 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом السامانى).

[2] Балазури, 422.

[3] О некоторых представителях династии см. выше, стр. 233.

[4] Истахри, 333.

[5] Макдиси, 340; BGA, IV, 343 (глоссарий).

[6] О нем и Му'тасиме см. Балазури, 431.

[7] Dozy, *Essai,* p. 247. Му'тасим был окружен тюркской гвардией еще во время правления Мамуна: в 214/829 г. он прибыл в Египет с 4000 своих тюрков (Кинди, 188).

[8] <Позднее (в работе «Очерк истории туркменского народа») В. В. Бартольд высказал предположение, что этот поход был направлен на северо-запад, в сторону побережья Каспийского моря. В примечании к переводу соответствующего отрывка из Балазури (который в данном случае имеет в виду В. В. Бартольд) С. Л. Волин писал: «В. В. Бартольд предполагал, что этот поход был направлен в западную часть страны гузов, так как именно здесь Абдаллах ибн Тахир строил пограничные укрепления (Дихистан, Ферава). Кроме территориальной неопределенности этого известия, оно вызывает сомнения со стороны филологической: в рукописях стоит العورية без диакритических точек, что может быть прочтено не только как „гузийя" — гузы, но и как „гурийя" — гурийцы, жители горной области Гур в современном Афганистане, куда в действительности совершались походы. Название народа гузов чаще пишется без буквы „вав" — غز» (МИТТ, I, 78, прим. 3). —*Ред.*>

страны. Халиф Му'тасим, хотя и неохотно, пожертвовал два миллиона дирхемов на прорытие большого арыка в области Шаш; арык, по словам Ауфи, существовал еще в XIII в.[1]. Мы видели (см. выше, стр. 147, 150), что до последних лет царствования Мухаммеда б. Тахира некоторые земли в Мавераннахре считались личной собственностью халифа.

По своему аристократическому происхождению и по своему положению официальных представителей арабской власти Тахириды и Саманиды не могли сделаться выразителями национальных и демократических стремлений, подобно Абу Муслиму и другим *дā'ӣ*, т. е. шиитским проповедникам. Эпоху господства обеих династий вернее всего признать эпохой просвещенного абсолютизма. Стараясь установить в стране твердую власть и спокойствие, Тахириды и Саманиды являлись защитниками низших классов против притеснения высших, покровительствовали просвещению, не предпринимали никаких резких социальных реформ и вели упорную борьбу с беспокойными элементами среди народных масс. Эти черты с достаточной ясностью выступают уже в царствование первого устроителя Хорасана, Абдаллаха б. Тахира, который, по выражению Я'куби, владел Хорасаном так, как еще не владел им никто[2]. Абдаллах заботился преимущественно об интересах земледельцев[3]. Между жителями часто возникали споры из-за пользования водой для искусственного орошения; в книгах мусульманских законоведов не было предписаний на этот счет; поэтому Абдаллах созвал хорасанских факихов и поручил им, при участии некоторых факихов из Ирака, выработать правила относительно пользования водой. Составленная ими «Книга об арыках» (*Китāб ал-қунāй*) еще два века спустя, при Гардизи, служила руководством при разборе подобных дел. В приказе, в котором Абдаллах предписывал чиновникам защищать интересы крестьян[4], в пользу этого сословия приводились соображения нравственного характера: «Бог их руками нас кормит, их устами нас приветствует и обижать их запрещает». Сочувствие к низшим классам привело Абдаллаха к идее всеобщего образования, высказанной им в самых определенных словах: «Науку следует предоставлять достойным и недостойным; наука сама сумеет позаботиться о себе, чтобы не остаться у недостойного». И действительно, уже в эту эпоху даже дети беднейших крестьян приходили в города учиться; такова судьба двух братьев Харгуни, уроженцев

---

[1] Табари, III, 1326; *Тексты*, стр. 83—84 (Ауфи).

[2] Я'куби, *Та'рӣх*, II, 586.

[3] О дальнейшем см. *Тексты*, стр. 3 (Гардизи).

[4] В *Текстах* по ошибке напечатано بزركان вместо برزكران.

деревни Харгун (см. стр. 185), присланных в Самарканд своим отцом в 233/847-48 г.; в течение трех лет они обучались наукам, причем их мать содержала их своим трудом — прядением шерсти[1]. Живя в эпоху господства рационализма, Абдаллах едва ли понимал под «наукой» только мусульманское богословие, которое в эту эпоху прочно утвердилось в Хорасане и Мавераннахре, особенно в Бухаре[2]. Сам Абдаллах, как и его отец, пользовался известностью как поэт; его племянник Мансур б. Тальха, правитель Мерва, Амуля и Хорезма, писал философские сочинения; Абдаллах называл его «мудростью Тахиридов» и очень гордился им[3].

Что касается народных движений, с которыми приходилось иметь дело Тахиридам, то среди них первое место занимают хариджитские движения в Седжестане и шиитские в Табаристане; те и другие продолжались еще при Саманидах. Влияние разлагающих элементов проявилось только при внуке Абдаллаха, Мухаммеде б. Тахире; его отец Тахир б. Абдаллах (844—862) был достойным преемником Абдаллаха, и историки говорят о его правлении и его личном характере с таким же уважением, как о его отце[4]. С другой стороны, Мухаммед б. Тахир наследовал своему отцу еще в молодых годах[5]; его изображают слабым властелином, предававшимся только наслаждениям[6]. Правителем Табаристана в то время был дядя Мухаммеда Сулейман б. Абдаллах; кроме того, участок земли на границе между двумя прикаспийскими областями, Табаристаном и Дейлемом, составлявший собственность халифа, был пожалован Мухаммеду б. Абдаллаху, который с 851 до 867 г. был начальником Багдада. Мухаммед послал туда, в качестве своего представителя, христианина Джабира б. Харуна, который захватил также прилегавшие к участку Мухаммеда «мертвые земли», т. е. пастбища, находившиеся в пользовании жителей соседних селений и не составлявшие частной собственности. Такое нарушение прав населения вызвало общее восстание, во главе которого стали Алиды[7]; в 864 г. Алид Хасан б. Зейд сделался владетелем области и управлял ею, с небольшими перерывами, до 884 г. Таким образом, шиитское движение в этом случае было вызвано нарушением интересов крестьян. Такой же демократический характер, по-видимому, носило восстание, которое

---

[1] *Тексты*, стр. 56 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الخرغولى).

[2] Нершахи, изд. Шефера, 54.

[3] *Фихрист*, I, 117.

[4] *Тексты*, стр. 3 (Гардизи); Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 307.

[5] Я'куби, *Та'рīх*, II, 605.

[6] Гардизи, оксфорд. рук., *л.* 104; <кембридж. рук., *л.* 84а; изд. Мухаммеда Назима, 10>.

[7] Табари, III, 1523—1526.

поднял в 301/913-14 г. против Саманидов Хасан б. Али ал-Утруш, также считавшийся потомком Али. Хасан с успехом распространял ислам в Дейлеме [1], привлек на свою сторону население и до конца жизни сохранил свою популярность; беспристрастные историки [2] прославляют его справедливое правление; с другой стороны, Бируни [3], проникнутый древнеперсидскими традициями, обвиняет Хасана в разрушении установленного мифическим Феридуном родового строя: «Феридун назначил людей правителями своих домов, своих семейств и потомков и дал им название *кетхуда*, что значит: господин этого дома. Ан-Насир ал-Утруш уничтожил этот обычай и вернул те времена, когда разбойники были такими же кетхуда, как [настоящие] люди». Из этого видно, что Хасан нарушил права владетелей родовых имений.

В Хорасане и Мавераннахре, конечно, не могло быть речи о таких резких мерах в пользу низших классов; лицам, недовольным своим положением, оставался один исход — присоединиться к «борцам за веру», отправиться в местность, где происходила война с неверными и еретиками. Сословие борцов за веру (кроме терминов *ғāзӣ* и *фатā*, часто встречается термин *ал-мутавви'а*, собственно *ал-мутатавви'а*, букв. 'добровольцы') имело, как все сословия на Востоке, корпоративное устройство; начальники подобных добровольческих дружин нередко достигали большого значения и пользовались официальным признанием [4]; не ограничиваясь пределами своей родины, добровольцы, особенно из Мавераннахра, предлагали свои услуги везде, где происходила война за веру и где можно было ожидать добычи [5]. Не всегда, конечно, правители могли пользоваться этими услугами без опасности для себя; к добровольцам [6], по всей вероятности, относится характерный отзыв Макдиси [7] о жителях Бинкета, составлявших одновременно «опору и предмет беспокойства» для саманидского правительства. Не без основания Гардизи [8] заменяет приведенные выше термины словом *'айӣār* ('мошенник'). Как везде, беспокойные элементы приобретали особенную силу в больших городах; население Самарканда доставляло затруднения еще Саманидам [9]; при

---

[1] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 61.

[2] Там же, 64; Табари, III, 2292.

[3] *Āсār ал-бāқийа*, изд. Захау, 224; пер. Захау, 210.

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 23; <изд. Гани — Фейяза, 23>: سالار غازيان.

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 347; <изд. Гани — Фейяза, 283>.

[6] О военных силах в Шаше и Фергане см. Истахри, 291.

[7] Макдиси, 276.

[8] *Тексты*, стр. 4 (о Я'кубе б. Лейсе), 13 ابن علمدارا, в арабском тексте Утби (рук. Аз. муз., л. 65; Утби — Манини, I, 341) назван رئيس الفتيان بسمرقند; в перс. переводе (Нершахи, изд. Шефера, 225): سپه سالار سمرقند].

[9] См. выше, стр. 138.

Тимуре самаркандские газии геройски отстояли город, не имевший в то время укреплений, против иноземного нашествия, но вслед за тем подверглись преследованию со стороны правительства[1]. По свидетельству новейших путешественников, Самарканд имел такую же репутацию еще при нынешней бухарской династии[2].

В Хорасане мы уже в 821 г. видим восстание, поднятое одним из добровольцев[3]; в конце того же столетия из среды этого сословия вышла могущественная династия Саффаридов, положившая конец владычеству Тахиридов и достигшая первенства в Персии; не довольствуясь этим, Саффариды хотели распространить свою власть на Мавераннахр, что было причиной гибели их династии. Основатель династии[4], Я'куб б. Лейс б. Му'аддаль, и его три брата, Амр, Тахир и Али, происходили из города Карнина в Седжестане, расположенного на расстоянии одного перехода от столицы области, Зеренджа, по левую руку от идущего в Буст. Я'куб пришел в город (вероятно, в Зеренж), где нанялся к одному меднику и получал за работу 15 дирхемов в месяц; его брат Амр был, по одним известиям, погонщиком мулов, по другим — плотником. Братья скоро выдвинулись среди своих товарищей, своей щедростью приобрели себе приверженцев и вместе со своим дядей Кесиром б. Раккаком образовали разбойничью шайку, с которой присоединились к отряду «борцов за веру», находившемуся под начальством Дирхема б. Насра б. Салиха[5] и сражавшемуся против седжестанских хариджитов, хотя, как я указывал в другом месте[6], Я'куб сам был хариджитом в начале своей карьеры. Во время схваток с хариджитами около города Буста был убит один из братьев, Тахир. Добровольцы скоро сделались для правительства такими неудобными

[1] Шереф ад-дин Йезди, пер. Петн де ля Круа, I, 91—96; калькут. изд., 109—112. Более подробное изложение этих событий см. Бартольд, *Народное движение в Самарканде*, стр. 01—014.

[2] Wolff, *Narrative*, pp. 202—203.

[3] Табари, III, 1044.

[4] О начале династии см. *Тексты*, стр. 3—4 (Гардизи); Истахри, 245—247; Ибн Халликан, изд. Вюстенфельда, № 838 (пер. де Слэна, IV, 601 и сл.). Талантливо составленный очерк истории династии Саффаридов принадлежит проф. Нёльдеке (Nöldeke, *Orientalische Skizzen*, S. 187—207). Ср. также Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden*.

[5] Дирхем б. Наср упомянут у Табари (III, 1892) в качестве лица, находившегося на службе у Я'куба. В тексте Гардизи перед словом نصر, вероятно, пропущено درهم بن . Появление Дирхема б. Хусейна у Ибн ал-Асира и Ибн Халликана, вероятно, следует объяснить смешением этой личности с Ибрахимом б. Хусейном. Хондемир (тегеран. изд. 1271/1854-55 г., II, 127) называет Дирхема внуком Рафи' б. Лейса (см. стр. 258—259).

[6] Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden*. Об отношениях Я'куба с Салихом б. Насром (или б. ан-Надром) и Дирхемом (вероятно, братом последнего) см. ibid., S. 178 sq.

союзниками, что Ибрахим б. Хусейн[1], правивший в Седжестане от имени Тахиридов, был вынужден уступить им место и очистить область. После этого настоящим владетелем Седжестана сделался Дирхем, который назначил Я'куба начальником Буста; скоро Я'куб своими подвигами затмил самого предводителя в глазах воинов; Дирхем счел нужным подчиниться общему голосу, уступил Я'кубу главное начальство и сделался одним из его подчиненных. В одном из источников Ибн Халликана приведена точная дата этого события — суббота 6 мухаррема 247/22 марта 861 г. Итак, Я'куб, вопреки свидетельству Я'куби[2], выдвинулся еще в царствование Тахира б. Абдаллаха.

Я'куб прежде всего позаботился об утверждении своей власти в Седжестане, убил туземного царя, носившего титул *рутбиль*[3], и подчинил себе хариджитов[4]. После этого он распространил свою власть на долину Кабула, также на Синд и Мекран; наконец в 867 г.[5] овладел Гератом и Бушенгом, родиной Тахиридов, где в то время правил Тахир б. Хусейн б. Тахир[6]. В 869 г. Я'куб овладел Керманом; халиф Му'тазз (866—869) пожаловал эту область одновременно двум лицам, Я'кубу и Али б. Хусейну, правителю Фарса, чтобы вызвать войну между ними и таким образом избавиться от одного из них[7]. Победителем из этой борьбы вышел Я'куб, который отнял у своего противника не только

[1] У Ибн Му'ина (*Фирдаус ат-тавāрūх*, л. 399 а) — Ибрахим б. Наср б. Рафи'; на службе у него, по Ибн Му'ину, находился еще отец Я'куба, Лейс.

[2] *Та'рūх*, II, 605.

[3] Или *зунбиль*. Последнее чтение поддерживается Марквартом (*Erānšahr*, S. 248) как «наиболее вероятное», но, по-видимому, без достаточных на то оснований. Ср. Nöldeke, ZDMG, Bd LVI, S. 432.

[4] По видимому, Я'куб не столько истребил этих еретиков, сколько привлек их на свою сторону. По крайней мере у Низам ал-мулька (изд. Шефера, текст, 194; пер., 283, где слова подлинника переданы не вполне верно) об одном мятежнике говорится, что он «был товарищем Я'куба б. Лейса и среди хариджитов считался его преемником». Хамдаллах Казвини (*Та'рūх-и гузīде*, извлеч. в пер. Дефремери, 419—420; изд. Броуна, текст. 375) обвиняет Саффаридов, подобно Буидам, в приверженности к учению шиитов. Низам ал-мульк, очевидно, тоже считал Я'куба шиитом, так как влагает в его уста слова, обращенные к халифу: «Я не успокоюсь, пока не отправлю твою голову в Махдию», т. е. к Фатимидам (изд. Шефера, текст, 14; пер., 20). Конечно, эти слова не могли быть сказаны, так как в то время еще не было ни династии Фатимидов, ни города Махдии (об основании последнего см. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 70); но приведенные известия все-таки заставляют полагать, что Я'куб, подобно Абу Муслиму, привлек на свою сторону все беспокойные элементы среди низших классов.

[5] По Гардизи (оксфорд. рук., л. 105; кембридж. рук., л. 85а; <изд. Мухаммеда Назима, 12>), только в 871 г., уже после завоевания Балха. По Табари (III, 1500), Я'куб еще в 862 г. совершил поход на Герат. Ср. Barthold, *Zur Geschichte der Saffāriden*, S. 189.

[6] Назван у Гардизи.

[7] Табари, III, 1698.

Керман, но и Фарс. В 871 г. Я'куб получил от халифа Му'тамида (870—892), при котором делами государства правил его брат Абу Ахмед Муваффак, еще новую милость, именно был назначен наместником Балха и Тохаристана[1]. По Гардизи[2], Я'куб овладел этими городами еще в 870 г. и в то же время завоевал Газну, Гардиз и Кабул. Наконец, в 873 г. Я'куб решился идти на самого Мухаммеда б. Тахира; предлогом для войны послужило то, что Мухаммед дал у себя убежище одному из врагов Я'куба. Мухаммед был взят в плен, и 1 августа 873 г.[3] Я'куб вступил в столицу Тахиридов. Любопытен переданный у Гардизи разговор между послами Мухаммеда и Я'кубом: Мухаммед велел передать своему сопернику: «Если ты пришел по приказанию повелителя правоверных, то покажи свой диплом, чтобы я уступил тебе наместничество; если нет, вернись»[4]. Я'куб в ответ на это вынул из-под молитвенного коврика своей меч и сказал: «Вот мой диплом и мое знамя»[5].

На этот раз багдадское правительство не могло одобрить действий Я'куба; уже вследствие влияния Тахиридов в Багдаде халиф должен был принять сторону Мухаммеда. В доме Тахирида Убейдаллаха б. Абдаллаха в 874 г. были собраны паломники из восточных областей; им была прочитана грамота халифа, направленная против Я'куба[6]. Угрожающие действия Я'куба скоро заставили правительство пойти на уступки; по требованию Я'куба, Муваффак собрал купцов и прочитал им новую грамоту, по которой Я'куб назначался наместником Хорасана, Табаристана, Джурджана, Рея и Фарса и военным начальником Багдада[7]. Но и это не могло заставить Я'куба отказаться от похода на Багдад. Поражение Я'куба при Дейр ал-Акуле (8 апреля 876 г.) спасло династию Аббасидов, но восстановило беспорядки в Хорасане. Освобожденный войском халифа Мухаммед б. Тахир снова был назначен наместником восточных областей, но большею частью оставался в Багдаде; от его имени действовали в городах Хорасана его брат Хусейн б. Тахир, который еще в 874 г. прибыл в Мерверруд с вспомога-

---

[1] Там же, 1841.

[2] *Тексты*, стр. 4 (Гардизи).

[3] Дата приведена у Гардизи (оксфорд. рук., л. 106; кембридж. рук., л. 85б; <изд. Мухаммеда Назима, 13>): 2 шавваля 259 г. х.; у Нёльдеке (*Orientalische Skizzen*, S. 195): воскресенье 2 августа; ср. также Табари, III, 1881.

[4] Гардизи, оксфорд. рук., л. 106; кембридж. рук., л. 85б; <изд. Мухаммеда Назима, 13>: اگر بفرمان امیر المومنین آمدی عهد ومنشور عرضه کن تا ولایت بتو سپارم واگر نه باز گرد.

[5] Там же: یعقوب شمشیر از زیر مصلی بیرون آورد وگفت عهد ولوای من اینست.

[6] Табари, III, 1887.

[7] Там же, 1892.

тельным войском от владетеля Хорезма, и некоторые другие лица. Я'куб умер во вторник 9 июня 879 г.[1], успев только восстановить свою власть в Южной Персии.

Таково было царствование «медника» (*саффар*, отсюда название династии), которого один из его врагов, табаристанский владетель Хасан б. Зейд, за железный характер прозвал «наковальней». Не придумывая для оправдания своих действий никаких юридических софизмов, Я'куб основывал свои права только на мече[2]; поэтому он должен был заботиться о том, чтобы создать себе преданное войско и приобрести необходимые для ведения войны денежные средства; последнее часто заставляло его прибегать к конфискации имущества состоятельных лиц. После его смерти, несмотря на военные неудачи последних лет, в его казне оказалось 4 миллиона динаров и 50 миллионов дирхемов. По словам автора *Та'рих-и хайрат*[3], у Я'куба было 5000 верблюдов и 10 000 ослов; его воины, кроме вельмож и начальников, получали лошадей и корм для них от казны. В своей личной жизни Я'куб всегда оставался неприхотливым воином, носил одежду из хлопчатобумажной ткани, сидел на земле без ковра; ложась спать, он клал голову на щит. Только в торжественных случаях, особенно при приеме послов, он был окружен гвардией, набранной из лучших воинов и разделенной на два отряда, по 1000 человек в каждом; в первом отряде воины держали в руках золотые палицы, во втором — серебряные. Я'куб решал все дела единолично и ни с кем не разделял забот управления.

Брат и преемник Я'куба Амр (879—900) уже должен был прибегать к другим средствам борьбы и обнаружить больше уступчивости, больше умения считаться с обстоятельствами. Провозглашенный преемником брата своими воинами, Амр поспешил выразить покорность халифу и был назначен наместником Хорасана, Фарса, Исфахана, Седжестана, Кермана и Синда[4]; вследствие этого духовенство и добровольцы могли признать его законным правителем этих областей, в противоположность его соперникам[5]. Амр пошел еще дальше и сделал

---

[1] Так по Ибн Халликану; у Нёльдеке (*Orientalische Skizzen*, S. 204) — среда 5 июня; но этот день был пятницей.

[2] Кроме приведенных выше слов Гардизи, см. также Низам ал-мулк, изд. Шефера, текст, 14; пер., 20.

[3] Мусеви, *Та'рих-и хайрат*, л. 133а (см. выше, стр. 105). С этой и некоторыми другими рукописями, например с «Историей Бейхака» (см. стр. 78, прим. 3), я познакомился уже после напечатания своих «Текстов» и 160 страниц исследования. О *Та'рих-и хайрат* и ее авторе Мусеви см. Бартольд, *Историк Мусеви*, стр. 1365 и сл. Сведения Мусеви о Я'кубе б. Лейсе взяты у Мас'уди (*Мурудж*, VIII, 46 и сл., о верблюдах и ослах там же, стр. 55).

[4] Табари, III, 1932.

[5] *Тексты*, стр. 4 (Гардизи).

попытку помириться с Тахиридами; своим представителем в Багдаде, в качестве военного начальника города, он назначил Убейдаллаха б. Абдаллаха б. Тахира и послал ему, как знак этого достоинства, золотой жезл[1]. Тем не менее мир с Тахиридами, из которых один, Хусейн б. Тахир, с 877 г. владел Мервом[2] (его предшественником здесь был «брат хорезмшаха»), не мог быть сохранен; в апреле 885 г. наместником Хорасана снова был объявлен Мухаммед б. Тахир, а его представителем — Рафи' б. Харсама, владевший Нишапуром уже с 882 г.[3]; Амра халиф проклял в присутствии хорасанских паломников и велел проклинать его в мечетях[4]. В 889 г. Амр снова был в милости и снова назначил своим представителем в Багдаде Убейдаллаха б. Абдаллаха; имя Амра было написано на знаменах, копьях и щитах; но в начале 890 г. он опять был низложен, а знамена, копья и щиты с его именем выброшены[5]. Только в 892 г., со вступлением на престол халифа Му'тадида, Амр окончательно был признан законным правителем Хорасана; присланное из Багдада знамя в течение трех дней было выставлено на дворе жилища Амра в Нишапуре как наглядное доказательство милости халифа[6].

Фактически власть Амра, как и власть Я'куба, основывалась, конечно, на мече, и для него также стояло на первом плане приобретение необходимых для войны денежных средств; только эта цель теперь достигалась, кроме грабежей и конфискаций, также упорядочением государственного хозяйства. Цифра доходов Амра нам неизвестна; мы можем судить о ней только по дошедшим до нас известиям о количестве податей при Тахиридах и Саманидах. По Табари[7], в год смерти Абдаллаха б. Тахира подати со всех областей, подчиненных ему, равнялись сумме в 48 миллионов дирхемов. По Ибн Хордадбеху[8], дань, которую Абдаллах уплачивал халифу, составляла 44 846 000 дирхемов, 13 породистых коней, 2000 баранов, 2000 рабов из гузов, ценностью в 600 000 дирхемов, 1187 кусков ткани и 1300 кусков железа. Эти данные относятся к 211 и 212/826 и 827 гг.; в 221/836 г., если верить Кудаме[9], Абдаллах обязался уплачивать всего 38 миллионов, причем в эту сум-

---

[1] Табари, III, 1936.
[2] Там же, 1915.
[3] Там же, 2039.
[4] Там же, 2106.
[5] Там же, 2115, 2117.
[6] Там же, 2133.
[7] Там же, 1338—1339. См. также рассказ Мас'уди (*Мурудж*, VIII, 125 и сл.) о подарках, посланных Амром халифу в 288/896 г. Среди них был медный идол, захваченный Амром у горцев на индийской границе.
[8] Ибн Хордадбех, 28.
[9] Кудама, 185.

му была включена также стоимость присылаемых рабов, баранов и кусков хлопчатобумажной ткани; очевидно, вся остальная часть дохода теперь шла в пользу Тахиридов. Я'куби[1] определяет подать Хорасана в 40 миллионов, кроме пятой части военной добычи (при «войнах за веру»), которая всецело шла в пользу Тахиридов. Кроме того, Тахириды получали из Ирака 13 миллионов, независимо от подарков. Относительно хорасанских податей Ибн Хаукаль[2] и Макдиси[3] дают нам приблизительно такую же цифру для эпохи Саманидов. Доходы Амра, не владевшего Мавераннахром, вероятно, были значительно меньше, но зато, в отличие от эпохи Тахиридов, всецело поступали в его распоряжение. Нет никаких известий о том, чтобы он посылал в Багдад какие-нибудь деньги, кроме случайных подарков. По Ибн Му'ину[4], Амр первый из мусульманских царей велел включить свое имя в хутбу, которая до сих пор читалась только на имя халифа. Если даже признать это известие ошибочным[5], то все-таки Амр еще в большей степени был независимым государем, чем Тахириды. По словам Ибн Халликана, Хорасан давно не видел такого благоразумного и искусного правителя, каким был Амр. О его финансовой политике Гардизи[6], по-видимому со слов Селлами, сообщает следующее. У Амра были три казнохранилища; первое заключало в себе доходы от поземельных и других податей; эти деньги шли на содержание войска; второе — доходы с собственных имений государя; на эти средства содержался двор; третье — доходы от случайных поступлений[7] и от конфискации имущества воинов, перешедших на службу к врагам; из этих денег выдавались награды верным слугам, вельможам и послам. Что касается конфискаций, то Амр, по

---

[1] Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, 308.

[2] Ибн Хаукаль, 341.

[3] Макдиси, 340.

[4] *Фирдаус ат-тавāрūх*, л. 400а: پیش از ان در خطبه جز خلیفه‌را دعا نمی‌کردند وبنیاد نام پادشاه در خطبه او نهاد.

[5] Ср. рассказ Нершахи (изд. Шефера, 77) о хутбе в честь Я'куба и потом в честь Насра б. Ахмеда в Бухаре. Однако эти рассказы, возможно, не совсем достоверны. Амр, по-видимому, был первым из правителей восточных областей, чеканившим свое имя и имя своего отца на серебряных монетах. Связь между *сикка* (чеканкой монеты) и хутбой в мусульманских государствах хорошо известна.

[6] *Тексты*, стр. 4 (Гардизи).

[7] Из текста видно значение термина احداث, которого не мог объяснить Кремер (Kremer, *Culturgeschichte*, Bd I, S. 200). Возможно также, что под этим словом следует разуметь доходы с вновь обработанных полей; ср. термин المستحدثة (Розен, ЗВОРАО, т. IV, стр. 135). Тот же термин употреблялся в совершенно ином значении ('юноши', как особое военное подразделение, может быть в том же смысле, как *ғāзūāн* или *мутавви'а*, см. выше).

словам Гардизи, производил их «вовремя» и всегда под благовидным предлогом [1].

Войско составляло предмет особенных забот Амра и получало жалованье каждые три месяца при торжественной обстановке; Ибн Халликан и Гардизи [2] сохранили нам описание такого смотра, заимствованное у Селлами. Выдачей жалованья войску заведовало особое должностное лицо, *ʿāriẓ;* он садился в назначенном для этого месте; услышав звук двух больших барабанов, все воины собирались туда. Перед аризом лежал мешок с деньгами; помощник ариза держал перед собой список воинов и читал имена. Первым вызывали самого Амра; ариз подвергал подробному осмотру его коня и вооружение, потом, выразив ему одобрение, выдавал ему 300 дирхемов; Амр клал деньги в голенище сапога и говорил: «Хвала богу, позволившему мне верно служить повелителю правоверных и сделавшему меня достойным его милостей». После этого Амр садился на высокое место и смотрел, как всадники и пехотинцы по очереди подходили к аризу, подвергались такому же подробному осмотру и получали свои деньги. Ибн Халликан основательно указывает на сходство между этим обычаем Амра и картиной смотра войск в сасанидской Персии, при Хосрое Ануширване [3]; едва ли это сходство было случайно.

О системе гражданского управления при Амре мы ничего не знаем; Гардизи говорит только, что Амр везде имел шпионов и знал все, что происходило в его владениях [4]. По словам автора *Taʾrīẋ-и ẋайрāт* [5], Амр покупал молодых рабов, воспитывал их у себя и потом дарил их вельможам; эти рабы доносили ему обо всех действиях своих господ. Страх перед последними их не удерживал, так как в царствование Амра ни один вельможа не смел ударить раба без позволения государя.

Не довольствуясь своим господствующим положением в Персии, Амр полагал, что и в Мавераннахре к нему должны перейти права Тахиридов. Это притязание было причиной его гибели; в Мавераннахре к тому времени прочно утвердилась власть династии Саманидов; к тому же во главе области стояло лицо, не уступавшее Амру по дарованиям и сумевшее создать в своих владениях такую же стройную государственную организацию, притом на более твердых юридических основах, чем создание бывшего «погонщика мулов».

[1] Вслед за тем Гардизи рассказывает, как Амр обвинил во всевозможных преступлениях одного из своих главных сподвижников, Мухаммеда б. Башара, но тотчас взял свои обвинения назад, когда Мухаммед, поняв цель своего государя, согласился уступить казне свое имущество.

[2] *Тексты,* стр. 4—5 (Гардизи).

[3] Табари, I, 963—965; Динавери, 74—75.

[4] *Тексты,* стр. 5 (Гардизи).

[5] Мусеви, *Taʾrīẋ-и ẋайрāт,* л. 136б.

Исма'ил б. Ахмед, родившийся в Фергане в 849 г., начал свою деятельность в Бухаре, куда в 874 г. был послан своим братом Насром. Бухара после падения Тахиридов[1] подверглась той же участи, как и другие города Хорасана, и не имела твердо установившегося правительства. В начале 874 г. в город прибыл из Хорезма Хусейн б. Тахир ат-Таи, вероятно тожественный с известным представителем династии Тахиридов; жители оказали ему сопротивление; после пятидневного боя он овладел городом; его хорезмийцы стали производить в Бухаре всякие бесчинства; значительная часть города сгорела. Хусейн обещал жителям полное прощение, но потом, когда они, поверив ему, разошлись, нарушил свое обещание; произошло новое восстание; Хусейн был заперт в своем замке и ночью должен был покинуть его, не успев даже взять с собой денег, собранных им с жителей. Деньги были разграблены восставшими, и много бухарских семейств были обязаны своим богатством этой ночи. После отъезда Хусейна смуты возобновились; сторонники спокойствия и порядка собрались вокруг факиха Абу Абдаллаха, сына знаменитого Абу Хафса, и по его совету обратились за помощью к Насру б. Ахмеду; Наср послал им своего брата Исма'ила. Исма'ил прибыл в Кермине, где был встречен самим Абу Абдаллахом, что, по словам историка, значительно успокоило его насчет будущего: «Он понял, что, что бы ни сделал Абу Абдаллах, жители города не в состоянии отменить это». Вероятно, при посредничестве Абу Абдаллаха Исма'ил заключил договор с овладевшим около того времени Бухарой эмиром Хусейном б. Мухаммедом ал-Хавариджи; судя по этому прозванию, он был одним из хариджитских предводителей, вероятно одним из сподвижников Я'куба. Согласились на том, что эмиром в Бухаре будет Исма'ил, а Хусейн — его помощником; на этом присягнуло все войско. В первую пятницу месяца рамазана (25 июня 874 г.) в Бухаре была прочитана хутба на имя Насра б. Ахмеда вместо Я'куба б. Лейса. Через несколько дней после этого[2] совершился въезд Исма'ила в Бухару; Исма'ил тотчас нарушил свое слово, велел заключить Хусейна в тюрьму и сделался единственным правителем города.

Положение Исма'ила было очень трудным; ему приходилось бороться против недоверия его брата Насра, против происков Хусейна б. Тахира, против разбойничьих шаек, состоявших из разоренных крестьян, и против непокорных бухарских вельмож. Исма'ил сумел выйти победителем из всех этих затруднений. В борьбе с разбойниками, производившими, в числе 4000 человек, грабежи в местности между Баркадом и Рамитаном, Исма'ил воспользовался содействием землевла-

[1] Дальнейшее по Нершахи (изд. Шефера, 76 и сл.).

[2] По Нершахи (изд. Шефера, 78) — в понедельник 12 рамазана; но этот день был четвергом.

дельцев и вельмож, интересы которых, конечно, более всего требовали восстановления спокойствия. Достигнув этой цели, Исма'ил удалил из города наиболее влиятельных представителей местной аристократии, во главе которых стояли бухар-худат Абу Мухаммед и богатый купец Абу Хатим Йесари; они были отправлены в качестве послов в Самарканд, причем Исма'ил тайно попросил Насра заключить их в тюрьму. Воспользовавшись их отсутствием и упрочив свою власть, Исма'ил попросил брата отпустить послов, после их возвращения в Бухару осыпал их милостями и старался во всем исполнять их желания. По-видимому, он хотел таким образом упрочить свою власть и в то же время восстановить аристократов не против себя, а против Насра. В последовавшей затем борьбе между братьями население, однако, не всегда было на стороне Исма'ила; в торговом городе Пейкенде Насру был оказан блестящий прием; в другой местности жители отказались продавать провиант войску Исма'ила, который в их глазах был мятежником против законного правительства. Борьба окончилась осенью 888 г.[1] взятием в плен Насра. Исма'ил и тут обнаружил свою всеглашнюю благоразумную умеренность; между братьями произошло свидание, причем Исма'ил говорил с братом не как победитель с пленным, а как подданный со своим государем. Такое великодушие должно было тронуть Насра и, конечно, содействовало увеличению славы самого Исма'ила. Наср вернулся в Самарканд и оставался номинальным главою династии до своей смерти, последовавшей 21 августа 892 г.[2]. Перед смертью он назначил своим преемником Исма'ила; власть последнего была признана во всей стране; весной 893 г. он получил инвеституру от халифа. В том же году Исма'ил совершил победоносный поход на Талас и обратил главную церковь этого города в мечеть[3]; кроме этого в этом году была низложена туземная династия в Осрушане, и эта область была присоединена к непосредственным владениям Саманидов[4].

В следующие годы Амр прочно утвердил свою власть в Персии; халиф также должен был исполнять все его желания и по его требова-

[1] По Нершахи (изд. Шефера, 83), битва произошла во вторник 15 джумада II 275 г. х.; но этот день был пятницей.

[2] Нершахи (изд. Шефера, 84) — в джумада I; по Сам'ани (*Тексты*, стр. 59; изд. Марголиуса, под словом السامانى) — в джумада II (число в обоих источниках одно и то же). Так как день, по Сам'ани, был понедельником, то первое определение, по-видимому, вернее.

[3] Ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 15 (на основании Нершахи и Табари); ср. также Мас'уди (*Мурӯдж*, VIII, 144 и сл.), где говорится, что имя царя было الطنكس (другие чтения — там же, 420), что число пленников, взятых вместе с его женой — *хатун*, было 15 000, а число убитых — 10 000. По мнению Мас'уди, эти тюрки принадлежали к племени карлуков (арабск. ḫарлуḫ).

[4] См. выше, стр. 269.

нию в феврале 898 г. созвал в своем дворце хорасанских паломников, чтобы прочитать им грамоту о низложении Исма'ила и назначении наместником Мавераннахра Амра[1]. Вслед за тем к Амру в Нишапур был отправлен посол с подарками и с дипломом на Мавераннахр. Не без иронии Амр принял вынужденный дар повелителя правоверных. Посол клал перед Амром присланные халифом халаты; Амр надевал их, один за другим, причем надевание каждого халата сопровождалось выражением благодарности. Наконец, посол положил перед Амром диплом на Мавераннахр; Амр сказал: «Что мне делать с этим? Эту область нельзя вырвать из рук Исма'ила иначе, как при помощи ста тысяч обнаженных мечей». Посол ответил: «Ты пожелал этого; теперь ты лучше знаешь [что́ делать]». Амр взял диплом, поцеловал его, положил его себе на голову, потом положил перед собой; после этого посол удалился; Амр велел дать ему и его спутникам 7000 дирхемов[2].

Ход войны между Исма'илом и Амром рассказывается различно. По Табари[3], Исма'ил сначала просил Амра отказаться от своего намерения и оставить его правителем Мавераннахра, но Амр решительно отверг все его предложения; только потом, когда войско Исма'ила около Балха окружило войско Амра, роли переменились, и мирные предложения Амра были отвергнуты Исма'илом. По Нершахи, Амр, получив диплом от халифа, потребовал повиновения от Ахмеда б. Ферigуна, правителя Гузгана, от Абу Давуда, правителя Балха[4], и от Исма'ила; Исма'ил, оскорбленный тем, что Амр приравнял его к этим мелким владетелям, объявил ему войну, и Амр после этого тщетно предлагал ему мир, соглашаясь оставить за ним Мавераннахр. Как бы там ни было, Исма'илу удалось предупредить своего врага, и военные действия как в 899, так и в 900 г. происходили не в Мавераннахре, а в местности к югу от Аму-Дарьи. Осенью 899 г.[5] был побежден и убит главный полководец Амра, Мухаммед б. Башар[6]; пленные все были отпущены без выкупа Исма'илом, который и в этом случае старался победить своих врагов великодушием. Амр вследствие своего корыстолюбия не пользовался расположением вельмож и воинов; часть их изменила своему государю еще до решительного столкновения, часть

[1] Табари, III, 2183.

[2] Ибн Халликан, изд. Вюстенфельда, № 838; ср. также *Тексты*, стр. 5.

[3] Табари, III, 2194.

[4] Сохранились монеты с именем этого правителя, полное имя которого было Абу Давуд Мухаммед б. Ахмед. Ср. Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 171.

[5] Битва, по Ибн Халликану, произошла в понедельник 17 шавваля 286 г. х.; но этот день был пятницей. У Нёльдеке (*Orientalische Skizzen*, S. 213) — понедельник 29 октября 898 г., что, вероятно, опечатка вместо 899 г.

[6] У Нершахи (изд. Шефера, 86) — Мухаммед б. Лейс.

перешла в лагерь Исма'ила во время самой битвы, происшедшей около Балха весной 900 г.[1] Амр был взят в плен и через некоторое время отправлен в Багдад. Известие о поражении Амра было встречено в Багдаде с большой радостью; несмотря на то, что действия Исма'ила находились в явном противоречии с торжественно заявленной волей халифа, последний теперь поспешил выразить победителю свое полное одобрение[2]. Очень вероятно, что багдадское правительство, исполнив желание Амра, в то же время посредством тайных посольств поощряло Исма'ила к сопротивлению[3]. До конца своей жизни Исма'ил оставался верным подданным халифа и постепенно подчинил своей власти все северные области Персии[4]. Его преемники должны были уступить прикаспийские области и западную часть Персии шиитским династиям Алидов, Зияридов и Буидов[5], которые, по-видимому, опирались на народные массы и в большей степени, чем Саманиды, старались удовлетворить персидским национальным стремлениям[6].

Симпатии историков, у которых мы находим известия о борьбе между Саманидами и Саффаридами, безусловно находятся на стороне первых. По своему происхождению Саманиды, в противоположность вышедшим из народа военным деспотам, явились естественными продолжателями дела Тахиридов, естественными защитниками спокойствия и порядка, в сохранении которого более всего были заинтересованы высшие классы общества. Из слов Табари[7] видно, что «богачи и дихканы», каковы бы ни были их отношения к Исма'илу, в борьбе с Амром были для него верными помощниками. Сложная государственная организация, введенная или восстановленная Исма'илом, во всяком случае более соответствовала интересам аристократии, чем равенство всех перед властью военного деспота, как было при Саффаридах. Отсутствие подробных данных об устройстве государства Тахиридов не позволяет

[1] Битва произошла, по Селлами, во вторник в половине раби' I 287 г. х., т. е. 18 марта; по другому источнику, Ибн Халликану, в среду 17 раби' II, но этот день (21 апреля) был понедельником; по Утби — Манини (I, 343) — в один из вторников в середине раби' II 287 г. х.; этот месяц начинался в субботу 5 апреля 900 г. н. э. Нершахи (изд. Шефера, 88) дает невозможную дату (среда 10 джумада I 288 г. х.). По Табари (III, 2194), известие о битве было получено в Багдаде в среду 25 джумада I 287 г. х., т. е. 28 мая 900 г.

[2] Табари, III, 2195.

[3] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 14; пер., 22.

[4] См. Barthold, *Ismā'īl b. Aḥmed* (EI, II).

[5] Ср. Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 104, 112—119.

[6] Основатель династии Зияридов, Мердавидж, мечтал о восстановлении престола Сасанидов (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 226 — из Мискавейха, ср. изд. Каэтани, V, 489); на монетах Буидов мы нередко находим древнеперсидский титул шаханшаха, т. е. царя царей.

[7] Табари, III, 2194.

нам решить вопрос, насколько создание этой организации действительно было делом Исма'ила и другого устроителя саманидского государства, везира Абу Абдаллаха Мухаммеда б. Ахмеда Джейхани [1]. Во всяком случае, мы только для эпохи Саманидов имеем подробные известия, благодаря которым мы получаем довольно полное представление о государственном устройстве Хорасана и Мавераннахра и об экономическом быте населения.

Во главе государства стоял, конечно, самодержавный правитель, ответственный только перед богом [2]. Если в глазах багдадского правительства Саманиды были только эмирами (наместниками), «клиентами повелителя правоверных» или даже только амилями [3] (сборщиками податей), то в своих владениях они, несомненно, были вполне самостоятельными государями. В спорах за престол иногда обе стороны обращались к халифу с просьбой об инвеституре [4]; бывали примеры, что халиф, находившийся в зависимости от враждебных Саманидам Буидов, давал инвеституру какому-нибудь мятежнику [5]; но нет никаких указаний, чтобы диплом, присланный халифом, сколько-нибудь увеличил число сторонников претендента и вообще играл какую-нибудь роль в споре, решавшемся силою оружия. После того как багдадским престолом стали распоряжаться Буиды, бывали случаи, что халиф, назначенный Буидами, не был признан в Хорасане [6], чем авторитет саманидского правительства нисколько не был поколеблен. Персидские историки иногда называют Саманидов «повелителями правоверных» [7], т. е. дают им тот же титул, как халифам. По персидскому идеалу, самодержец прежде всего должен быть хорошим «хозяином» [8] (кетхуда) своего государства и заботиться о его внешнем благоустройстве: о прорытии каналов и подземных арыков, о постройке мостов через большие реки, о благосостоянии деревень и поддержании земледелия, о возведении укреплений и основании новых городов, об украшении городов высокими и красивыми зданиями, об устройстве рабатов на больших дорогах и т. п. [9].

[1] *Тексты,* стр. 6 (Гардизи).

[2] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 9; пер., 11.

[3] Табари, III, 2279.

[4] Там же, 2290.

[5] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 380—381.

[6] Тизенгаузен, *О саманидских монетах,* стр. 188 и сл., 234; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 381; IX, 103.

[7] *Тексты,* стр. 90 (Ауфи).

[8] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 110; пер., 163.

[9] Там же, текст, 6; пер., 6—7.

Большею частью, конечно, роль монарха сводилась к выбору лиц, которым могли бы быть поручены отдельные отрасли управления. Через всю систему восточно-мусульманской политической организации красною нитью проходит деление всех органов управления на две большие категории, на *дергах* (дворец) и *диван* (канцелярию). До эпохи Саманидов мы не имеем никаких известий о существовании в восточно-мусульманских государствах, как при дворе Аббасидов, личной гвардии государя, состоявшей из купленных рабов, главным образом из тюрков. При дворе Исма'ила и его преемников мы уже находим подобную гвардию, хотя «люди дергаха» в эту эпоху еще не приобрели такого значения, как впоследствии. Главные военные должности поручались не только начальникам гвардии, но также представителям местных знатных родов; в состав войска, кроме тюрков, входили также дихканы [1]; вообще жители Мавераннахра в то время большею частью еще носили оружие [2].

Низам ал-мульк [3] в следующих словах описывает карьеру тюркского раба при дворе Саманидов. В течение первого года подобный раб (гулям) отправлял службу пешим, в качестве стремянного, и даже тайно, под страхом наказания, не смел садиться на лошадь; в это время он носил одежду из ткани зендани (получившей название от бухарского селения Зендана, см. стр. 164). Через год хаджиб, по соглашению с начальником палатки (*висāқ*), давал ему тюркскую лошадь с простой сбруей. На третий год он получал особый пояс (*қарāчӯр*), на пятый год — седло получше, уздечку, украшенную звездами, более дорогую одежду и палицу; на шестой год — парадную одежду, на седьмой год — чин *висак-баши*, т. е. начальника палатки, в которой кроме него находились еще три человека; знаком достоинства висак-баши были шапка из черного войлока, шитая серебром, и гянджийская одежда (Гянджа — ныне Елисаветполь). Постепенно он достигал следующих чинов — *хайль-баши* (начальник отряда) и *хаджиб*. Во главе всего придворного штата стоял главный хаджиб (*ҳāджиб-и бузург*), или «хаджиб хаджибов» (*ҳāджиб ал-ҳуджжāб*), один из первых сановников в государстве.

Второй по значению должностью в дергахе была должность «начальника стражи» [4] (*ṣāҳиб-ҳарас*, или *амӣр-и ҳарас*). Должность сахиб-хараса, как и другие придворные должности, была учреждена при Му'авии, первом из мусульманских правителей, который окружил себя

[1] Истахри, 292; Ибн Хаукаль, 343.

[2] Розен, *Рассказ Хилāля ас-Сāби*, стр. 275; ср. Хилаль ас-Саби, *Та'рӣх*, текст, 374; пер., 400.

[3] Изд. Шефера, текст, 95; пер., 139—140.

[4] Там же, текст, 121; пер., 178.

царскою пышностью[1]. Первоначально должность сахиб-хараса несомненно имела много общего с должностью «начальника гвардии» (*сāхиб аш-шурат*[2]), который в то же время был военным начальником города; в рассказе об одном омейядском наместнике Табари[3] употребляет слова *харас* и *шурат* в одинаковом значении, но при дворе халифа эти две должности занимались разными лицами[4]. По-видимому, должность «начальника гвардии» по своему значению стояла выше; в Багдаде, как мы видели, ее занимали наиболее выдающиеся представители династий Тахиридов и Саффаридов; в Самарканде сам Исма'ил, по крайней мере номинально, занимал ее при дворе своего брата Насра[5]. Сахиб-харас, по крайней мере при Аббасидах, был главным образом исполнителем приговоров халифа. Низам ал-мульк[6] влагает в уста халифа Мамуна следующие слова: «У меня два начальника стражи; дело обоих — с утра до вечера рубить головы, отсекать руки и ноги, бить палками и сажать в тюрьму». Внешние атрибуты этой должности соответствовали ее назначению; при Омейядах сахиб-шурат носил копье перед наместником[7]; Низам ал-мульк требует, чтобы в распоряжении сахиб-хараса во дворце всегда были 50 ликторов (*чūбдāр*): 20 с золотыми палками, 20 с серебряными и 10 с большими (деревянными).

Кроме этих крупных должностей был целый ряд более мелких[8] (привратники, стольники, кравчие и т. п.). Главные военные должности в государстве, особенно должности наместников, занимали иногда представители владетельных родов (Кара-тегин исфиджабский и его сын Мансур[9], Абу Али саганианский), иногда выслужившиеся тюркские рабы (Симджуриды, Алп-тегин, Таш, Фаик); последние могли получить такое назначение только после достижения 35-летнего возраста[10]. Для «хаджиба хаджибов» считалось постыдным перейти на должность простого наместника[11]. Первой военной должностью в государстве была

---

[1] Табари, II, 205; Я'куби, *Та'рūх*, II, 276.

[2] Слово *шурат*, ед. ч. *шурта* — это греческое χόρτις (устная консультация И. Ю. Крачковского).

[3] Табари, II, 1028—1029.

[4] Там же, II, 205; III, 1549—1550.

[5] Нершахи, изд. Шефера, 78. При последующих Саманидах мы, однако, видим сахиб-шурата в роли исполнителя приговоров государя (Са'алиби, *Йатūма*, извлеч. в пер. Барбье де Менара, III, 303; ср. Са'алиби, *Йатūма*, бейрут. изд., IV, 45).

[6] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 122; пер., 179.

[7] Табари, II, 862.

[8] Некоторые из них перечислены в *Сийāсат-нāме* (Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 111, 114; пер., 164, 167).

[9] См. выше, стр. 233.

[10] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 95; пер., 140.

[11] *Тексты*, стр. 11 (Гардизи).

должность хорасанского наместника, носившего титул сипехсалара[1] (военачальника) и управлявшего из Нишапура всеми владениями Саманидов к югу от Аму-Дарьи. Как впоследствии при монголах[2], так и в эпоху Саманидов считалось приличным, чтобы государь при назначении первого гражданского сановника, везира, спрашивал совета у военачальников[3].

Хозяйственной частью дворца заведовал *векиль*[4]; каково было значение этой должности при Саманидах, видно из того, что представитель ее назван у Гардизи рядом с эмиром и везиром[5].

Бюрократическая система в эпоху Саманидов также уже достигла полного развития. У Нершахи[6] мы находим названия десяти бухарских присутственных мест, расположенных вокруг Ригистана: 1) диван везира; 2) диван казначея (*мустауфӣ*); 3) диван «опоры государства» (*'амӣд ал-мулк*); 4) диван начальника гвардии (*ṣāḥиб-шураṭ*); 5) диван начальника почты[7] (*ṣāḥиб-барӣд*); 6) диван мушрифов; 7) диван собственных владений [государя]; 8) диван мухтасиба; 9) диван вакфов; 10) диван казия.

Везир, или «главный ходжа»[8] (*ходжа-йи бузург*), стоял во главе всех «людей пера», т. е. всей бюрократической системы; знаком его достоинства еще при сельджуках была чернильница[9]. Низам ал-мульк считал желательным, чтобы должность везира, подобно царскому сану, переходила по наследству от отца к сыну[10]. Уже в эпоху Саманидов мы видим несколько подобных династий везиров (Джейхани, Бал'ами, Утби), хотя едва ли найдется пример, по крайней мере при Саманидах, чтобы сын был непосредственным преемником отца в этой должности; после падения везира власть обыкновенно переходила в руки его противников и только спустя много лет возвращалась к его потомкам.

---

[1] В арабском переводе *ṣāḥиб ал-джайш* (Макдиси, 337).

[2] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, p. 666.

[3] *Тексты*, стр. 91 (Ауфи).

[4] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 81—82; пер., 121.

[5] Гардизи, оксфорд. рук., л. 127; кембридж. рук., л. 102a; <изд. Мухаммеда Назима, 43>: نامهای بخارا سوی سرهنگان البتکین رسید از امیر واز وزیر واز وکیل.

[6] Изд. Шефера, 24.

[7] Ср. Нершахи, пер. Лыкошина, стр. 36 (персидский текст в издании Шефера искажен).

[8] Персидский термин خواجهٔ بزرگ употреблен даже в арабском сочинении Бундари (изд. Хаутсма, 55). О слове خواجه и его хорасанском происхождении см. Мас'уди, *Мурӯдж*, IX, 24; объяснение, данное Мас'уди, доказывает, что это слово в его время было еще мало известно на Западе.

[9] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 138.

[10] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 151; пер., 223.

Термин *мустауфӣ* (казначей), вероятно, тожествен с терминами *ҳāзин*[1] и *ҳāзинедар*[2]. Казначею, по-видимому, были подчинены «счетчики»[3] (*ҳāсиб,* мн. ч. *ҳуссāб*). Присутственное место, во главе которого стоял этот сановник, вероятно, соответствует «дивану хараджа» Аббасидов[4]. Система разделения государственных финансов между тремя казнохранилищами, существовавшая при Амре, не была перенесена в государство Саманидов[5]. Низам ал-мульк[6] видит высший идеал в существовании двух казнохранилищ, причем в одном хранились бы деньги для расходов, а другое считалось бы неприкосновенным фондом, суммы которого могли быть израсходованы только в случае крайней необходимости, притом только заимообразно.

Диван «опоры государства», вероятно, тожествен с «диваном официальных документов» (*дӣвāн ар-расā'ил,* или *дӣвāн-и иншā'*); последний у историков упоминается очень часто, между прочим, еще в эпоху Саманидов[7]. Начальник «дивана документов» носит у Бейхаки[8] титул *ходжа-йи амид* и был одним из главных сановников государства.

О должности «начальника гвардии» мы уже говорили; диван его, вероятно, соответствовал «дивану тюркского войска» Аббасидов[9]. Из гражданских чиновников во главе этого ведомства, по всей вероятности, находился *'āриз,* который в таком случае был подчинен сахиб-шурату; на обязанности ариза лежала выдача жалованья войскам и наблюдение за исправным состоянием их[10]. При Саманидах, как при Амре, жалованье воинам и чиновникам уплачивалось в четыре срока[11] (каждые три месяца).

Почта на Востоке, как известно, существовала только для прави-

---

[1] *Тексты,* стр. 56 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الخازن).

[2] *Тексты,* стр. 10 (Гардизи).

[3] *Тексты,* стр. 55 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الحاسب).

[4] Табари, III, 1550.

[5] Макдиси (300, 340) только называет «казнохранилищами» Нишапура три богатейших города в его окрестностях — именно Тус, Неса и Абиверд; ср. BGA, IV, 225 <комментарии де Гуе>.

[6] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 205; пер., 300.

[7] Са'алиби, *Йатӣма,* извлеч. в пер. Барбье де Менара, I, 213—216; III, 319, 321, 327 (текст Са'алиби — *Йатӣма,* бейрут. изд., IV, 29—32, 69, 70, 75); *Тексты,* стр. 67 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الميكالى).

[8] Изд. Морлея, 163, 167; <изд. Гани — Фейяза, 144, 147>.

[9] Табари, III, 1550.

[10] *Тексты,* стр. 5 (Гардизи), 62 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом العارض); ср. выше, стр. 280.

[11] Ибн Хаукаль, 341—342. Общая сумма денег, распределяемых между войсками, равнялась 20 миллионам дирхемов. Вероятно, поэтому эти выдачи именовались بيستكانى (см. Vullers, *Lexicon*), по-арабски العشرينية (Хорезми, *Мафāтӣх,* 65).

тельственных целей[1]; почтовые чиновники (вместо термина *ṣāḥиб-барӣд* встречаются также термины *ṣāḥиб-ḫабар* и *мунхӣ*) должны были заботиться о быстрой передаче важных известий из столицы в провинцию и доносить обо всех действиях местных властей. В принципе почтовые чиновники, конечно, составляли особое ведомство и не находились в зависимости от областных наместников; в эпоху Саманидов авторитет центрального правительства еще был настолько силен, что в столицу могли присылаться правдивые, самостоятельно составленные донесения даже о действиях самого могущественного из областных правителей, хорасанского наместника[2]; но уже в эпоху Газневидов чиновникам иногда приходилось отправлять по почте донесения, составленные по желанию наместника, а для сообщения правдивых известий о действиях последнего прибегать к отправлению переодетых гонцов[3].

Термин *ишрāф* буквально значит 'наблюдение с высокого места'. *Мушриф* ('наблюдатель'), по словам Низам ал-мулька[4], должен был «знать все, что происходит в дергахе, и доносить об этом, когда найдет нужным»; в каждом городе и каждой местности у него должен был быть представитель. Из того, что у Бейхаки[5] мушрифы названы вместе с казначеями и составляют опись дворцового имущества, можно заключить, что их контроль главным образом касался сумм, предназначенных на содержание двора.

Диван собственных владений государя у Аббасидов носил название «дивана поместий»[6] (*дӣвāн аḍ-ḍӣйā'*); очень вероятно, что во главе его при Саманидах стоял векиль.

Обязанность мухтасиба состояла в наблюдении за порядком на улицах и базарах, в привлечении к ответственности виновных в открытом[7] нарушении правил религии, в попытке обмануть покупателя или в несоблюдении установленной таксы[8]. По Низам ал-мульку[9], цари

---

[1] Kremer, *Culturgeschichte,* Bd I, S. 192 sq. *Мафāтӣḥ ал-'улӯм* (63) для слова *барӣд* дает персидскую этимологию, но более вероятно, что это латинское *veredus* (ср. Hartmann, *Barīd).* Того, кто доставлял донесения, называли *ал-фурāниḳ* (перс. *парвāне* 'слуга'), ящик с донесениями и их описью — *аскудāр* (перс. *аз кӯ дāрӣ* 'откуда имеешь [весть]?') — Хорезми, *Мафāтӣḥ,* 64. Термин *аскудāр* очень часто встречается у Бейхаки, например, изд. Морлея, 393, 394; <изд. Гани — Фейяза, 319—321>. Секретные донесения писались шифром (معمى, там же).

[2] *Тексты,* стр. 12 (Гардизи), 92 (Ауфи).

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 395, 398; <изд. Гани — Фейяза, 320—322>.

[4] Изд. Шефера, текст, 56; пер., 86—87.

[5] Изд. Морлея, 181; <изд. Гани — Фейяза, 158>.

[6] Kremer, *Culturgeschichte,* Bd I, S. 199.

[7] До того, что происходило внутри дома, мухтасибу не было дела; ср. стихи Са'ди в *Гулистāне* (константиноп. изд. 1904 г., стр. 75; пер. Холмогорова, 88).

[8] Kremer, *Culturgeschichte,* Bd I, S. 423 sq.

[9] Изд. Шефера, текст, 41; пер., 62.

«всегда поручали эту должность кому-нибудь из людей своего двора, или евнуху, или какому-нибудь старику-тюрку, который ни к кому не обнаруживал пристрастия и которого боялись знатные и незнатные». Однако в эпоху Саманидов мы видим в этой должности даже представителей науки[1]; вероятно, расправа мухтасиба с провинившимися в то время еще не носила такого грубого характера.

Существовавшее при Саманидах отдельное ведомство для управления вакфами впоследствии, по-видимому, было уничтожено; в дипломах XII в. заведование вакфами причисляется к обязанностям казия[2].

Во главе судебного ведомства стоял «казий казиев»; персы сближают эту должность с должностью «мобеда мобедов» (т. е. первосвященника) сасанидского периода[3]. Кроме того, судебные дела, особенно жалобы на обиду со стороны должностных лиц, нередко разбирались самим государем[4] или особо назначенным для этого членом царского рода[5].

В провинциях мы находим те же должности и ведомства, как в столице, причем провинциальные везиры назывались хакимами[6], или кетхуда (хозяевами; последний термин очень часто встречается у Бейхаки). При Саманидах и Газневидах и провинциальные чиновники нередко назначались самим государем[7]; прошения об отставке также подавались даже низшими чиновниками на имя правителя[8]. Впоследствии, с усилением бюрократии, начальники отдельных ведомств сами назначали своих заместителей в провинциальных городах[9].

Духовенство пользовалось в государстве Саманидов большим почетом[10]. Мы видели, что уже основатель могущества династии утвердил свою власть в Бухаре с помощью главы местного духовенства. Ученые были освобождены от обязанности целовать землю перед государем;

---

[1] *Тексты,* стр. 66 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом المحتسب).

[2] *Тексты,* стр. 75 (Багдади, *Китāб ат-тавассул).*

[3] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 39; пер., 57; о судебных функциях главного мобеда (Мо-ху-тань= mogpetan-mogpet) говорится также в китайских источниках (Бичурин, *Собрание сведений,* изд. 1-е, III, 168; Laufer, *Sino-Iranica,* p. 581).

[4] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 17; пер., 26.

[5] Сам'ани, рук. Аз. муз., л. 209 (о брате Исма'ила Абу Я'кубе Исхаке: كان على مظالم بخارا); изд. Марголиуса, под словом السامانى.

[6] *Тексты,* стр. 52 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الاسبانيكثى).

[7] Бейхаки, изд. Морлея, 165—166; <изд. Гани — Фейяза, 146>.

[8] Бейхаки, изд. Морлея, 753—754; <изд. Гани — Фейяза, 601>.

[9] *Тексты,* стр. 42, 43 *(Иншā'),* 75 (Багдади, *Китāб ат-тавассул).*

[10] Ср. рассказы Сам'ани об отшельнике, над гробом которого совершил молитву один из Саманидов, и о шейхе, гроб которого нес везир Абу Али Бал'ами, — *Тексты,* стр. 53, 67 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словами البابكسى и المزنى).

из бухарских факихов ханифитского толка выбирали самого ученого и достойного, решали дела по его совету, исполняли его просьбы и замещали должности по его указанию [1]. Из слов Сам'ани [2] мы знаем, что это лицо, соответствующее позднейшему муфтию или шейх ал-исламу, в то время носило персидский титул *устад* ('учитель') и что должность устада существовала уже при Исма'иле. Ученые в Мавераннахре вообще обозначались персидским термином *данишменд* или диалектическим *данишуменд* [3].

К чисто духовным должностям принадлежала должность хатиба (проповедника). Как известно, проповеди в мечетях первоначально произносились самим халифом или его наместником; в эпоху Саманидов этот обычай на востоке <халифата> уже не мог соблюдаться, так как государи и их наместники были по происхождению персами или тюрками и едва ли владели арабским языком; но в тех случаях, когда наместник хорошо знал по-арабски, он по-прежнему соединял в своем лице должности валия (наместника) и хатиба [4].

Система бюрократического управления не могла быть одинаково проведена на всем пространстве государства, так как некоторые области еще находились под властью своих местных династий, иногда очень древних. Кроме династии Абу Давудидов в Балхе, мало проявлявшей свое существование, мы находим особые династии в Седжестане (Саффариды), в Гузгане (Феригуниды), в Газне (туземные правители, впоследствии устраненные Алп-тегином и другими представителями дергаха), в Гарджистане (местность по верхнему Мургабу), в Хорезме, в Исфиджабе и в горных областях восточной части нынешнего Бухарского ханства (Саганиан, Хутталь и Рашт). Все эти правители (саганианский эмир и владетель Исфиджаба в этом месте не названы, вероятно, по ошибке), по словам Макдиси [5], отправляли в столицу только подарки, а не подати. В одной местности, именно в Илаке, глава местных дихканов, живших в Тункете, уже не имел политической власти [6], но (вероятно, благодаря своей обширной земельной собственности)

---

[1] Макдиси, 339.

[2] *Тексты,* стр. 52—53 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الاستاذ).

[3] Макдиси, 43; Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 88. В той же форме (в китайской транскрипции *да-ши-ма, да-ши-мань* и *тэ-ши-мань*), по-видимому, слышали это слово Чан-чунь и другие китайские путешественники (Чан-чунь, пер. Кафарова, 326, 417; Bretschneider, *Researches,* vol. I, p. 90, n. 231).

[4] *Тексты,* стр. 57 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الخطيب).

[5] Макдиси, 337.

[6] Автор рукописи Туманского (*Худуд ал-'алам,* л. 24а) замечает об Илаке, что «начальников этой местности называют дихканами Илака; в древности илакский дихкан принадлежал к удельным правителям» (*мулюк-и атраф*).

продолжал оказывать влияние на народ, так как Макдиси [1] называет его «сильным дихканом». Наибольшим политическим могуществом обладали владетели Хорезма, Исфиджаба и Саганиана.

Начало династии хорезмшахов [2] относится еще к мифическим временам; арабские завоеватели, оставив за местными владетелями титул шаха, передали фактическую власть своему наместнику. Мы не имеем известий о дальнейших отношениях между хорезмшахами и арабскими эмирами и о ходе борьбы между ними, которая привела к распадению Хорезма на два владения; южная часть, с городом Кятом, осталась во власти хорезмшахов, северная, с городом Гургандже, — во власти эмиров. Между обоими владетелями происходили постоянные столкновения, окончившиеся в 995 г. завоеванием эмирами Гургандж владения хорезмшахов, титул которых перешел к победителям [3].

Владетель Исфиджаба выражал свою покорность Саманидам только ежегодной уплатой четырех денег и отправлением вместе с подарками метлы [4]. С своей стороны он оказывал влияние на подчиненных Саманидам тюрков восточной части Сыр-Дарьинской области и западной части Семиречья; о «туркменском царе», жившем в городе Орду, говорится, что он «не перестает отправлять подарки владетелю Исфиджаба» [5]. К сожалению, мы не знаем, оказал ли владетель Исфиджаба какое-нибудь сопротивление Караханидам при их нашествии на Мавераннахр.

Происхождение саганианских владетелей, или, как их называет Ибн Хаукаль [6], Мухтаджидов (*Āл Мухтāдж*), неизвестно; они носили арабский титул эмиров; титула домусульманских владетелей Саганиана (*саган-худат*) мы в эту эпоху уже не встречаем. Саганиан и после падения Саманидов оставался под властью особых эмиров [7]. И в Хуттале мы в эту эпоху уже не встречаем домусульманских титулов *хуттал-шах* и *шер-хуттал* [8]. Еще в XII в. хуттальские эмиры производили свой род от сасанидского царя Бехрама Гура [9] (Варахрана V, 420—438).

По наследству от отца к сыну нередко переходила также должность

---

[1] Макдиси, 277.

[2] О них см. Sachau, *Zur Geschichte*, I.

[3] *Тексты*, стр. 12—13 (Гардизи); Нершахи, изд. Шефера, 189 (из Утби); ср. ниже, стр. 324.

[4] Ср. стр. 270.

[5] Макдиси, 275.

[6] Ибн Хаукаль, 401. О Мухтадже см. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 196.

[7] *Тексты*, стр. 15 (Гардизи).

[8] Ибн Хордадбех, 29.

[9] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 155.

реиса[1] (начальника города и его округа), которая в домонгольский период еще не имела своего нынешнего полицейского характера[2]. Реис был первым лицом города и представителем его интересов; через него государь выражал свою волю жителям[3]. Очень вероятно, что реисы, по крайней мере в первое время, назначались из представителей знатнейших местных родов.

Что касается народных масс, то положение их в эпоху Саманидов было довольно благоприятно ввиду обеспечения внешнего мира и значительного развития промышленности и торговли. В другом месте[4] мы привели известие Нершахи о выкупе, при содействии правительства, жителями торгово-промышленного селения своей земли у собственников; кроме того, при Исма'иле перешли в собственность казны огромные имения бухар-худатов[5] и несколько других деревень[6]. Наиболее полное понятие о развитии обрабатывающей промышленности и торговли в Мавераннахре дает помещенный у Макдиси[7] перечень предметов, вывозившихся из различных городов:

«Что касается товаров, то вывозятся следующие: из Термеза — мыло и asa foetida, из Бухары — мягкие ткани, молитвенные коврики, ковры, ткани для настилки полов в гостиницах, медные фонари, табаристанские материи, лошадиные подпруги, выделываемые в местах заключения, ушмунские[8] ткани, жир, овечья шерсть, масло, которым мажут голову; из Керминии — салфетки; из Дабусии и Ведара — ведарийские ткани, сделанные как бы из одного куска; я слышал, как один из султанов в Багдаде называл их хорасанской парчой[9]; из Ребинджана — зимние плащи из красной шерсти[10], молитвенные коврики, оловянные сосуды, кожи, крепкая конопля и сера; из Хорезма — меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, бобров, зайцев и коз, также воск, стрелы, березовая кора, высокие шапки, рыбий клей, рыбьи

---

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 298, 352; <изд. Гани — Фейяза, 247, 286—287>; *Тексты*, стр. 77 (Багдади, *Китаб ат-тавассул*).

[2] В настоящее время титул реиса дается должностному лицу, которое в средние века именовалось мухтасибом.

[3] Кроме приведенных мест, см. *Тексты*, стр. 157 (Хафиз-и Абру).

[4] Бартольд, *Несколько слов об арийской культуре*, стр. 31.

[5] Нершахи, изд. Шефера, 10.

[6] Там же, 13—14, 26—27.

[7] Макдиси, 323—326. Мы взяли из этого перечня только то, что относится к городам Мавераннахра. Ср. также: Ибн Русте, изд. Хвольсона, 180—181; Jacob, *Handelsartikel*. По моему мнению, последний не доказал своего утверждения о том, что ابوز означает 'ястреб', а не 'сокол'.

[8] От египетского города Ушмунейна (Истахри, 53).

[9] Ср. отзыв Ибн Хаукаля о ведарийских тканях (403); см. также Becker, *Dibādj*.

[10] О ребинджанских шерстяных тканях упоминает еще Табари (II, 1249).

зубы[1], касторовое масло, амбра, выделанные лошадиные кожи, мед, лещинные орехи, соколы, мечи, панцири, [кора] дерева *ханаджа*[2], славянские рабы, бараны и коровы—все это [получалось] из Болгара, кроме того, виноград, много изюма, миндальное пирожное, сезам, ткани из полосатого сукна, ковры, большие куски сукна, парча для подношений, покрывала из ткани *мулхам*[3], замки, ткань *арандж*[4], луки, натянуть которые могут только самые сильные люди, *рахбин* (род сыра), сыворотка, рыба, лодки (последние вывозятся также из Термеза). Из Самарканда [вывозятся] ткани серебристые (*симгун*) и самаркандские, большие медные котлы, изящные кубки, палатки, стремена, удила, ремни; из Дизака — хорошие сорта шерсти и одежда из нее; из Бенакета — туркестанские ткани; из Шаша — высокие седла из лошадиной кожи, колчаны, палатки, кожи (привозимые от тюрков и подвергаемые дублению), плащи, молитвенные коврики, наплечники, хлебное зерно, прекрасные луки, иголки низшего качества, хлопчатая бумага, идущая к тюркам, ножницы. Из Самарканда еще парча, вывозимая к тюркам, и красные ткани, известные под названием *мумарджал*, ткань *синдзи*[5] (полотняная), много шелка и шелковых тканей, лещинные и простые орехи; из Ферганы и Исфиджаба — тюркские рабы, белые ткани, предметы вооружения, мечи, медь, железо; из Тараза (Таласа) — козья шерсть; из Шельджи — серебро; из Туркестана в эти места пригоняют лошадей и мулов и таким же образом из Хутталя. Не имеют себе равных бухарское мясо и род бухарских дынь, известных под названием *аш-шак* (или *аш-шаф*), хорезмийские луки, шашская посуда[6] и самаркандская бумага».

Как видно из приведенного перечня, Истахри[7] имел право утверждать, что жители Мавераннахра имели у себя все в изобилии и не нуждались ни в каких произведениях других стран. Промышлен-

[1] Может быть, моржовые клыки: в этом значении выражение «рыбий зуб» встречается в русских статейных списках (ср. ПДТС, III, 303—304); тюрк. *балык тиши*, см. Самойлович, *Тийишь*, стр. 1278.

[2] <Так в англ. изд. 1928 г.; в русск. изд. 1900 г. — «березовая кора». — *Ред.*>

[3] См. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 17.

[4] По Са'алиби (*Лата'иф*, 129), одна из хлопчатобумажных тканей.

[5] Эти ткани получили свое название от города Синиз в Фарсе; лен для этой ткани иногда вывозился из Египта, но в X в. большей частью выращивался на месте (Макдиси, 443). Это важно, так как показывает, что египетская промышленность оказала влияние на промышленность Мавераннахра через посредство промышленности Фарса. Ср. также о ткани *дабики* ниже, стр. 296, прим. 6.

[6] <В англ. изд. 1928 г. «porcelain» — «фарфор», которого, однако, в Шаше (Чаче) не производили; в русск. изд. 1900 г. «шашская посуда». На территории Шаша (Чача) не найдено ни одного фрагмента фарфора (ни местного, ни привозного), нет также находок фаянса. — *Ред.*>

[7] Истахри, 287.

ность, несомненно, развивалась под влиянием Китая, с которым Ибн ал-Факих[1] в этом отношении сравнивает Хорасан[2]. Арабские завоеватели нашли в Мавераннахре множество китайских произведений[3], сбыт которых, конечно, должен был уменьшиться с развитием местной промышленности[4]; впечатление, произведенное на мусульман искусством китайских ремесленников, видно уже из того, что и впоследствии арабы называли все искусно сделанные сосуды китайскими[5]. Из произведений Мавераннахра наибольшей известностью в мусульманском мире пользовались шелковые и хлопчатобумажные ткани долины Зеравшана и ферганские металлические изделия, особенно оружие, находившее себе сбыт даже в Багдаде (см. стр. 225—226). Развитию металлической промышленности в Фергане, несомненно, способствовали упомянутые выше (стр. 217) каменноугольные копи. На развитие искусства ткачей, кроме китайской промышленности, оказала некоторое влияние египетская; кроме упомянутых у Макдиси ушмунских тканей, в пользу этого говорит название распространенной в Хорезме ткани *дабӣқӣ*[6] (от города Дабика в Египте). Самаркандская бумага имеет большое значение в истории культуры. По мусульманским известиям, самаркандцев научили приготовлению бумаги китайские ремесленники, взятые в плен Зиядом б. Салихом в 751 г. (см. стр. 253—254). До недавнего времени считали, на основании исследований проф. Карабачека[7], что выделка бумаги из тряпья была изобретением самаркандцев, так как китайская тряпичная бумага была известна не ранее чем с 940 г. Однако теперь, благодаря исследованиям сэра М. А. Стейна в Центральной Азии[8], установлено, что тряпичная бумага без примесей изготовлялась в Китае уже во II в. н. э. и, следовательно, не была самостоятельным изобретением арабов; да и арабские источники не говорят о ней, как о новшестве. К концу X в. самаркандская бумага в мусульманских странах уже успела совершенно вытеснить папирус и пергамент[9].

[1] Ибн ал-Факих, 316.

[2] <В русск. изд. 1900 г. было «Мавераннахр». — *Ред.*>

[3] Табари, III, 79.

[4] Очень характерна сообщенная у Макдиси подробность, что в продажу поступали, между прочим, работы заключенных в тюрьмах.

[5] Са'алиби, *Лаṭā'иф*, 127.

[6] Там же, 129. О тканях *дабӣқӣ* см. Becker, *Dabīḳ:* «их ткали из льняных нитей, но иногда, или даже как правило, они были затканы также золотыми и шелковыми нитями». Ткань *дабӣқӣ* производилась также в Фарсе (Макдиси, 443).

[7] Karabacek, *Das arabische Papier*, S. 108—117.

[8] См. Stein, *Serindia*, vol. II, pp. 650, 673.

[9] Са'алиби, *Лаṭā'иф*, 126. В XI в. бумага изготовлялась также в Сирии. Насир-и Хусрау говорит о бумаге, изготовлявшейся в Триполи <Сирийском>, как о «хорошей бумаге, подобной самаркандской, но даже лучшего качества» (Насир-и Хусрау, *Сафарнāме*, текст, 12; пер., 41).

В параллель упоминанию «миндального пирожного» в числе предметов вывоза из Хорезма можно привести слова Са'алиби[1] о хорезмийских арбузах, привозившихся ко двору халифов Мамуна (813—833) и Васика (842—847) в свинцовых формах, обложенных снегом; цена арбуза, благополучно дошедшего до места назначения, достигала 700 дирхемов. Из предметов роскоши замечателен еще мускус, привозившийся из разных стран; лучшим считался тибетский[2].

Большое значение всегда имела торговля с кочевниками, от которых получали в большом количестве убойный[3] и вьючный скот, кожи, меха и рабов. Торговля с оседлыми народами столь же необходима для кочевников, получающих таким образом предметы одежды и хлеб[4]; и в Мавераннахре, как в Китае и в России, кочевники сами пригоняли свои стада к границам соседних поселений, не дожидаясь прибытия караванов в степь[5]. Наибольшую выгоду из торговли с кочевниками сумели извлечь хорезмийцы, благосостояние которых, по словам Истахри[6], основывалось исключительно на торговых сношениях с тюрками. Из Гургандж каравану ходили на юг в Хорасан и на запад к хазарам[7]; Гардизи[8] приводит еще путь вдоль западного берега Аральского моря и дальше через степь в страну печенегов. Хорезмийцы сделались главными представителями торгового класса в Хорасане; в каждом хорасанском городе можно было встретить значительное число хорезмийцев, отличавшихся от местных жителей, как и теперь, своими высокими шапками[9]; в городе Неса они захватили в свои руки всю земельную собственность[10]. Развитие материального благосостояния, как везде, сопровождалось развитием умственных интересов; Макдиси[11] говорит, что ему редко приходилось встречать какого-нибудь учителя по фикху, гуманистическим наукам и чтению Корана, который не имел бы в числе своих учеников хорезмийца. Наконец, потребность в товарах

---

[1] *Лата'иф*, 129.

[2] Я'куби, *Китаб ал-булдан*, 365.

[3] Относительно низких цен на мясо у северных границ Мавераннахра см. Макдиси, 274,12. О вывозе баранов из стран тюрков см. Истахри, 288; Ибн Хаукаль, 336.

[4] Об отправлении хлеба к кочевникам см. выше, стр. 235. И теперь, как мне приходилось наблюдать, кочевники с удовольствием принимают от сартов даже черствые лепешки и обменивают на них айран.

[5] Истахри, 303; Ибн Хаукаль, 391.

[6] Истахри, 305.

[7] Там же, 299.

[8] См. Бартольд. *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 119—120; *Тексты*, стр. 95 (Ауфи).

[9] Истахри, 304—305.

[10] Макдиси, 320.

[11] Там же, 284.

для обмена с кочевниками привела к значительному развитию производства шерстяных и хлопчатобумажных тканей[1].

Относительно заработной платы того времени мы можем привести только известие Гардизи[2], по которому Я'куб б. Лейс в качестве наемного рабочего у медника получал 15 дирхемов в месяц.

Наконец, развитию промышленности и торговли содействовало отсутствие обременительных податей и пошлин[3]. Доход Саманидов приблизительно равнялся 45 миллионам дирхемов[4] и всецело поступал в их распоряжение; из бюджета халифа подати восточных областей в это время уже были исключены[5]. Самой крупной расходной статьей была уплата жалованья воинам и должностным лицам — 20 миллионов дирхемов (по 5 миллионов в каждые три месяца, см. выше, стр. 289). Жалованье должностных лиц было определено для каждой провинции; все лица, служившие в одной и той же местности (и, конечно, занимавшие одинаковую ступень в служебной иерархии), получали одинаковую сумму[6]. По словам Низам ал-мулька[7], «прежние цари» (т. е. Саманиды и Газневиды) ограничивались уплатой жалованья (*пӣшегӣнӣ*[8], или *мавӣджиб*) и не раздавали воинам земельных наделов (*икṭӣ'*, мн. ч. *икṭӣ'ӣт*); исключения, однако, были, так как такая обширная область, как Кухистан, составляла ленное владение Симджуридов, потомков тюркского раба[9]. Наконец, гулямы, достигшие высших военных должностей, могли приобретать земли путем покупки; Алп-тегину принадлежало до 500 деревень в Хорасане и Мавераннахре; в каждом городе у него были дворец, сад, караван-сарай и баня[10]. Несомненно, что порядок, существовавший при Саманидах и Газневидах, представлял больше гарантий против незаконных поборов, чем установившаяся

[1] Истахри, 304.

[2] *Тексты,* стр. 3; ср. выше, стр. 274.

[3] Макдиси, 340—341.

[4] При попытках более точного определения указываются различные цифры (Макдиси, 340; Ибн ал-Факих, 328—329).

[5] Розен, ЗВОРАО, т. IV, стр. 136.

[6] Ибн Хаукаль, 341—342.

[7] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 91—92; пер., 134—135. В переводе Шефера выражение *икṭӣ'дӣр* ('имеющий надел'), вследствие ошибочного, грамматически совершенно невозможного понимания текста, отнесено к лицам, получавшим только денежное жалованье. Абу Абдаллах ал-Хорезми, который был современником Саманидов, уже упоминает термин اقطاع (*Мафӣтӣḥ,* 595 и сл.) и отмечает различие между *ḳaṭӣ'a* (наследственный лен) и *ṭу'ма* (пожизненный лен). Ср. текст Имад ад-дина Исфахани (Бундари, изд. Хаутсма, 58), переведенный и комментированный Бекером (Becker, *Steuerpacht,* S. 89).

[8] <Так в русск. изд. 1900 г.; в англ. изд. 1928 г. — *бӣстегӣнӣ.* — *Ред.*>

[9] *Тексты,* стр 60 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом السيمجورى).

[10] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 101—102; пер. 149—150.

впоследствии система военных ленов[1]; но вполне устранить поборы, конечно, было невозможно; сверх того, как мы увидим ниже, само правительство, когда находилось в затруднительных обстоятельствах, взимало чрезвычайные подати, вводило новые налоги и задерживало уплату жалованья служащим. Все это давало достаточно повода для проявления неудовольствия; не говоря уже о гвардии и организованных «защитниках веры», распространенный в то время в Мавераннахре обычай носить оружие легко мог придать этому неудовольствию опасный для правительства характер, особенно в крупных городских центрах. Жители самого крупного торгового города, Самарканда, считались мятежным элементом[2] и сохранили эту репутацию до новейшего времени[3]. Менее опасным, но все-таки неприятным для правительства явлением должно было быть образование интеллигентного пролетариата, т. е. представителей многочисленного чиновничьего класса, не находивших себе места на государственной службе. В доказательство опасности существования подобного класса Низам ал-мульк[4] приводит рассказ, относящийся к государству современных Саманидам Буидов; для предупреждения подобной опасности Низам ал-мульк особенно восстает против совмещения нескольких должностей в одних руках; примеры такого совмещения мы находим уже в эпоху Саманидов[5].

Что касается таможенных пошлин[6], то они взимались преимущественно в местах переправы через Аму-Дарью; взимали по 2 дирхема с верблюда и по дирхему за материи, провозимые всадником (вероятно, на лошади или осле); слитки серебра должны были свозиться исключительно в Бухару, и ради этого был устроен таможенный досмотр; в местах остановки (вероятно, в местах окончательного назначения товара) взимали от $^1/_2$ дирхема до дирхема. Тюркских рабов можно было перевозить только с особого каждый раз разрешения правительства, причем за выдачу такого свидетельства брали от 70 до 100 дирхемов[7];

---

[1] Интересно, что самому Низам ал-мульку, хотя он и не одобрял военных лечов, было суждено ввести эту систему в более широком масштабе, по крайней мере в Западной Азии.

[2] Макдиси, 278 (ср. выше, стр. 138, 139).

[3] Wolff, *Narrative*, p. 203.

[4] Изд. Шефера, текст, 145—148; пер., 215—219.

[5] *Тексты*, стр. 56 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الخازن).

[6] Макдиси, 340—341. *Дарība* — термин употребляется <у Хорезми> в *Мафāтūх ал-'улūм* (59) в том же смысле, как и *макс*. Ср. также персидское слово *бāдж* у Ибн Русте, 168,3. Хорошо известно, что таможенные пошлины в мусульманских странах всегда считались противоречащими законам религии.

[7] По Ибн Хордадбеху (28), стоимость 2000 рабов, ежегодно посылавшихся Тахиридами ко двору халифа, равнялась 600 000 дирхемов; таким образом, средняя цена тюркского раба в IX в. достигала 300 дирхемов.

столько же брали за провоз тюркских девиц-невольниц, но особого разрешения не требовалось; за провоз женщин брали только от 20 до 30 дирхемов.

Благодаря описанной выше организации государства династия Саманидов могла продержаться около ста лет, хотя среди ее представителей после Исма'ила не было ни одного, в котором мы, по историческим известиям, должны бы были признать выдающиеся дарования. Первый преемник Исма'ила, Ахмед (907—914), отличался большим благочестием; при нем арабский язык снова был сделан языком официальных бумаг[1] (вероятно, ненадолго). Покровительство знавшим арабский язык чиновникам, вероятно, было одной из причин неудовольствия гвардии; в ночь на 23 января 914 г.[2] эмир был убит в Феребре собственными гулямами; вслед за тем придворная партия, захватив в свои руки власть, обвинила катиба (чиновника) Абу-л-Хасана Насра б. Исхака[3] в том, что он действовал заодно с убийцами эмира; катиб был казнен. Шейхи и предводители гвардии[4] возвели на престол восьмилетнего Насра II б. Ахмеда (914—943); слова, приписанные мальчику[5], показывают, что предводителей гвардии считали истинными виновниками смерти Ахмеда. Управление государством, по соглашению с представителями дергаха[6], взял на себя везир Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед Джейхани, сумевший восстановить порядок в государстве[7]; деятельным помощником его был военачальник Хамуя б. Али. В Самарканде было усмирено восстание брата Исма'ила, Исхака б. Ахмеда, опиравшегося на население этого мятежного города: Исхак был разбит войсками Хамуи, принял предложенное ему помилование и вернулся в Бухару; его сын Ильяс бежал в Фергану; начальником Самарканда был назначен другой член династии, внук Насра I[8]. Другой сын Исха-

[1] Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде,* изд. Броуна, текст, 381; пер., 73. <В переводе> слово «proclamations» не вполне адекватно *манӣшӣр ва аḥкӣм* оригинала.

[2] Правильная дата у Сам'ани (*Тексты,* стр. 59; изд. Марголиуса, под словом السمانى); день действительно был воскресным, а не четвергом, как сказано во всех других источниках.

[3] Нершахи, изд. Шефера, 92. Полное имя его у Гардизи (оксфорд. рук., л. 114; кембридж. рук., л. 92б; <изд. Мухаммеда Назима, 25>: ابو الحسن نصر بن اسحاق الكاتب).

[4] Гардизи (оксфорд. рук., л. 115; кембридж. рук., л. 92б; <изд. Мухаммеда Назима, 25>): مشايخ وحشم.

[5] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 58; Мирхонд, *История Саманидов,* изд. Дефремери, 119, 134.

[6] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 59.

[7] *Тексты,* стр. 6 (Гардизи).

[8] Табари, III, 2289—2290; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 60; Мирхонд, *История Саманидов,* изд. Дефремери, 132. Может быть, Табари неверно называет имя ца-

ка, Абу Салих Мансур, тоже поднявший восстание, умер в Нишапуре[1]. После него во главе мятежников стал его союзник, полководец Хусейн б. Али Мервези (в некоторых источниках Мерверруди), который в царствование Ахмеда оказал большие услуги правительству и теперь находил, что эти услуги были недостаточно оценены. По-видимому, мятежный полководец опирался на народные элементы, так как Низам ал-мульк[2] и автор *Фихриста*[3] называют его в числе руководителей шиитского движения; борьба с ним была поручена представителю аристократии, знатному дихкану Ахмеду б. Сахлю[4]. Хусейн был взят в плен летом 918 г.[5]; вслед за тем произошло восстание самого Ахмеда, усмиренное в конце 919 г.[6] Хамуей б. Али. После этого в течение десяти лет спокойствие в стране почти не нарушалось[7]. Восстание, поднятое в 922 г. в Фергане Ильясом б. Исхаком, легко было подавлено, благодаря искусству посланного против мятежников Абу Амра Мухаммеда б. Асада[8], который с незначительным отрядом (2500 человек) устроил засаду войску Ильяса и рассеял его силы; число последних будто бы доходило до 30 000 человек. Главный сподвижник Ильяса Мухаммед б. Хусейн б. Мут[9] бежал в Тараз, где по желанию бухарского правительства был убит местным дихканом. Ильяс после неудачной попытки возобновить мятеж с помощью шашского наместника Абу-л-Фазла б. Абу Юсуфа бежал в Кашгар, где породнился с местным «дихканом» Туган-тегином. После неудачного вторжения в Фергану Ильяс наконец принял помилование от своего двоюродного племянника и вернулся из Кашгара в Бухару[10]. Около этого времени был призван к власти один

ревича, назначенного правителем Самарканда, и упомянутое им лицо тожественно с Абу Амром Мухаммедом б. Асадом, о котором см. ниже.

[1] Нершахи, изд. Шефера, 92, 93.

[2] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 187, пер., 274.

[3] *Фихрист*, I, 138, 188.

[4] О нем см. *Тексты*, стр. 6—7 (Гардизи).

[5] Дата у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, VIII, 65) и Гардизи (оксфорд. рук., л. 116; кембридж. рук., л. 94б; <изд. Мухаммеда Назима, 29>).

[6] Дата у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, VIII, 89).

[7] Среди выступивших в начале царствования Насра мятежников Ибн ал-Асир (там же, 59) называет еще какого-то Джа'фара, о действиях которого мы не имеем никаких известий; но, может быть, к этому движению должны быть отнесены монеты с именем Микаила б. Джа'фара, чеканенные в Самарканде и Шаше в 306/918-19 г. и 308/920-21 г. (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 141).

[8] О медной монете с именем этого правителя см. мою статью *Из минц-кабинета*, II, стр. 059.

[9] Как мы увидим дальше, это имя в конце X в. носил военачальник, происходивший из Исфиджаба; очень возможно, что сподвижник Ильяса также происходил из рода исфиджабских владетелей.

[10] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 97; Мирхонд, *История Саманидов*, изд. Дефремери, 237.

из наиболее известных государственных людей саманидской эпохи, везир Абу-л-Фазл Мухаммед б. Убейдаллах Бал'ами.

Новое движение произошло около 930 г.[1], во время путешествия Насра в Нишапур. В бухарской цитадели находились в заключении три брата эмира, Яхья, Ибрахим и Мансур. Через хлебопека Абу Бекра они вступили в сношения с мятежными элементами бухарского народа и войска[2], были освобождены из крепости и овладели Бухарой; эмиром был провозглашен Яхья. Мятежные элементы, по словам Ибн ал-Асира[3], состояли из дейлемитов, шиитов и «разбойников» (т. е. газиев); участие шиитских элементов в движении видно также из того, что во главе его, наряду с Абу Бекром, стоял сын Хусейна Мервези. Везир Бал'ами вступил в соглашение с сыном Хусейна, и тот выдал Абу Бекра воинам Насра. Абу Бекр был убит ударами кнута; каково было его влияние на народ, показывает легенда о том, как его труп был брошен в раскаленную печь, но на другое утро извлечен оттуда невредимым[4]. После некоторой борьбы с Яхьей порядок был восстановлен; хорасанское наместничество было отдано саганианскому эмиру Абу Бекру Мухаммеду б. ал-Музаффару и после него сыну, знаменитому Абу Али Ахмеду б. Мухаммеду[5].

Гораздо более крупное шиитское движение, увлекшее самого эмира, произошло в последний год царствования Насра[6]. Шиитская пропаганда в Хорасане, где находится одна из главных святынь шиитов, никогда не прекращалась, и потомки Али издавна пользовались большим влиянием на население. По словам Абу-л-Хасана Бейхаки[7], который ссылается на сочинение ал-Бейи'[8], еще при Абдаллахе б. Тахире в Нишапуре была прочитана хутба на имя одного из Алидов, Абу-л-Хусейна Мухаммеда б. Ахмеда; сам Абдаллах выдал за него свою племянницу. В царствование Насра нишапурцы присягнули, как своему халифу, Абу-л-Хусейну Мухаммеду б. Яхье, внуку упомянутого; Наср вызвал его в Бухару и некоторое время задержал его там, но потом отпустил его, наградил его почетной одеждой и даже назначил ему пенсию; это был первый из хорасанских Алидов, которому была назначена пенсия

[1] Точная дата события остается спорной (ср. Ибн ал-Асир, VIII, 154; Мирхонд, *История Саманидов*, изд. Дефремери, 138, 245).

[2] Гардизи, оксфорд. рук., л. 117; кембридж. рук., лл. 94б—95а; <изд. Мухаммеда Назима, 29>: این ابو بکر میان برادران سعید ومیان فضولیان بخارا ولشکر واسط بود.

[3] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 155.

[4] *Тексты*, стр. 7 (Гардизи).

[5] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 196; Гардизи, оксфорд. рук., л. 118; кембридж. рук., лл. 95а—95б; <изд. Мухаммеда Назима, 30>.

[6] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 187 и сл.; пер., 274 и сл.; *Фихрист*, I, 188.

[7] *Та'рӣх-и Бейхак*, рук. Брит. муз., стр. 149.

[8] См. выше, стр. 61—62.

из государственной казны. Средства шиитской пропаганды значительно усилились с образованием фатимидского халифата (в начале X в.); фатимидские эмиссары проникли в Хорасан и обратили в шиитство Хусейна б. Али Мервези, преемником которого был Мухаммед б. Ахмед Нахшеби (или Несефи). Исполняя завещание своего учителя, Нахшеби перенес свою деятельность в Мавераннахр, где имел успех сначала в своем родном городе Несефе, потом и в столице. Ему удалось обратить в свою веру нескольких вельмож, среди которых были главный хаджиб Айташ, приближенный секретарь (*дабир-и хасс*) Абу Бекр б. Абу Аш'ас, ариз Абу Мансур Чагани[1], бухарский реис, начальник финансового ведомства[2] и правитель Илака[3] Хусейн-мелик. Через них он получил доступ ко двору, и скоро сам эмир сделался «карматом»[4]. По желанию Нахшеби Наср согласился уплатить фатимидскому халифу Каиму (934—946) 119 000 динаров[5] в качестве пени за смерть погибшего в бухарской тюрьме Хусейна б. Али[6]. Увлечение эмира шиитской ересью не могло быть одобрено духовенством, которое обратилось к своим обычным союзникам, к представителям тюркской гвардии. Тюрки предложили престол «великому сипехсалару»[7]; был составлен план заговора, по которому сипехсалар с ведома Насра, под предлогом предстоявшего похода на Баласагун (незадолго перед тем завоеванный язычески-ми тюрками), должен был созвать на пир всех военачальников, привлечь их на свою сторону, принять от них присягу, с их помощью низложить эмира и перебить карматов. Заговор сделался известным сыну Насра, Нуху; по требованию сына Наср хитростью заманил к себе

---

[1] Может быть, сын Абу Али, впоследствии управлявший Саганианом и Термезом (*Тексты*, стр. 10 — Гардизи).

[2] *Сахиб-харадж;* вероятно, этот термин обозначает то же самое должностное лицо, как термин *мустауфи* (см. стр. 288—289).

[3] Об особенностях этой области см. выше, стр. 292 и Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 32.

[4] Сочинения Низам ал-мулька и Бейхаки показывают, что этот термин имел гораздо более обширное значение, чем то, в котором его обыкновенно употребляют.

[5] Текст *Фихриста* здесь не вполне ясен, ср. *Фихрист*, II, 79.

[6] По словам Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, VIII, 66), Хусейн б. Али после своего мятежа был освобожден из тюрьмы везиром Абу Абдаллахом Джейхани и снова принят на службу. Его смерть, вероятно, произошла после нового восстания, о котором мы, однако, не имеем известий. Са'алиби (*Йатима*, извлеч. в пер. Барбье де Менара, I, 204) приводит стихи Хусейна, обращенные к везиру Бал'ами, в которых поэт благодарит везира за освобождение его из тюрьмы.

[7] Трудно сказать, о каком должностном лице здесь идет речь; это не мог быть ни главный хаджиб, названный среди приверженцев ереси, ни наместник Хорасана, которым в это время был Абу Али Чагани. Возможно, что термин *хаджиб-и хасс*, употребленный относительно Айташа, означает не главу дергаха, а любимого хаджиба государя; в таком случае «сипехсаларом» Низам ал-мулька мог быть главный хаджиб.

руководителя заговорщиков и велел отрубить ему голову; после этого отец и сын явились на пир военачальников. Наср объявил, что знает о их заговоре, и велел бросить перед ними голову казненного; в то же время он отказался от престола в пользу Нуха, против которого не существовало обвинения в ереси. Застигнутые врасплох тюрки были вынуждены подчиниться; Нух велел заковать своего отца в цепи и отвести его в цитадель. Вслед за тем было объявлено, что до похода на неверных тюрков надо уничтожить неверных в собственной стране; их имущество, начиная с казны впавшего в ересь эмира, должно было перейти в руки правоверных. Было произведено избиение еретиков в Мавераннахре и Хорасане, начиная с Нахшеби и его знатных приверженцев; при этом были приняты меры к тому, чтобы вместе с еретиками не были убиты (из личной вражды) правоверные. С тех пор шииты продолжали существовать в Мавераннахре только в качестве тайной секты.

Так рассказывает Низам ал-мульк; несколько иначе рассказывается подавление шиитского движения в *Фихристе*; главной причиной «раскаяния» Насра выставляется болезнь, приковавшая его к постели и, по-видимому, принятая им за наказание свыше. Перед смертью он успел высказать это Нуху; вступив на престол, Нух велел призвать Нахшеби и устроил диспут между ним и факихами; последним удалось обличить и опровергнуть еретика; Нух открыл также, что Нахшеби присвоил себе 40 000 динаров из суммы, назначенной в уплату пени за смерть Хусейна. После этого произошла казнь Нахшеби и его приверженцев.

Историки не говорят ни слова о ереси Насра; смерть его произошла в четверг 6 апреля 943 г.[1] от туберкулеза легких. Болезнь продолжалась 13 месяцев; за некоторое время до смерти Наср построил себе келью около ворот дворца и проводил там все время в благочестивых упражнениях[2]. Только по некоторым известиям, Наср, подобно своему отцу Ахмеду, был убит гулямами; в этих источниках[3] указывается другая дата для его смерти — 31 мая 942 г. Очень вероятно, что мы в последнем числе имеем не дату смерти Насра, а дату его низложения и перехода фактической власти в руки Нуха;

---

[1] Точная дата у Сам'ани (*Тексты*, стр. 59; изд. Марголиуса, под словом السامانى) и в персидском переводе Утби (Нершахи, изд. Шефера, прилож., 228).

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 391; Мирхонд, *История Саманидов*, изд. Дефремери, 141.

[3] Древнейший из них Хамдаллах Казвини (*Та'рӣх-и гузӣде*, изд. Броуна, текст, 383; пер., 74), где дается та же дата (12 рамазана 330 г. х.), но ничего не говорится об убийстве эмира. Ср. также Нершахи, изд. Шефера, прилож., 111—112 и Джузджани, пер. Раверти, I, 37.

на это событие, вероятно, указывает также известие о построенной Насром келье. Вопреки словам Низам ал-мулька, формальное вступление Нуха на престол произошло только после смерти его отца; по рассказу его современника Нершахи [1], Нух вступил на престол 10 апреля 943 г., т. е. после обычного трехдневного траура по покойном государе. О казни Нахшеби упоминает также Ибн ал-Асир [2]; труп казненного вероучителя был похищен с виселицы, причем похититель остался неизвестным.

Ибн ал-Асир [3] и с его слов Мирхонд [4] приводят несколько анекдотов о необыкновенной кротости Насра; но до нас дошли также другие рассказы [5], из которых видно, что он отличался крайне раздражительным характером и в конце концов, по совету везира Бал'ами и амида Мус'аби [6], должен был постановить, чтобы исполнение его приказов относительно казней и суровых наказаний откладывалось на три дня; кроме того, трем избранным для этой цели старцам было поручено заступаться за постигнутых гневом государя. Что эта мера не достигала цели, видно из слов Ибн ал-Асира [7] и Гардизи [8], по которым ко времени смерти Насра уже не осталось никого из его главных сподвижников; «они постоянно интриговали друг против друга; некоторые из них погибли (т. е. были казнены), другие умерли (естественной смертью)». Едва ли слабый государь, погибший от чахотки в возрасте моложе сорока лет, мог оказать существенное влияние на ход государственных дел; хорошие стороны его царствования, вероятно, должны быть объяснены достоинствами его везиров, Абу Абдаллаха Джейхани и Абу-л-Фазла Бал'ами. В рассказе о ереси Насра и о перевороте 942 г., к сожалению, не говорится, кто в это время стоял во главе бюрократии и какова была роль везира в этих событиях. Нарушение правильного хода государственной жизни, по словам Гардизи, было связано с переходом власти из рук Бал'ами в руки Джейхани; по Ибн ал-Асиру [9], это

[1] Изд. Шефера, 94.

[2] Изд. Торнберга, VIII, 302.

[3] Там же, 300—301.

[4] *История Саманидов*, изд. Дефремери, 139—141. Здесь приводятся те же анекдоты, как у Ибн ал-Асира, даже в том же порядке. Ср. также *Тексты*, стр. 88—89 (о Насре и его учителе, из Ауфи).

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 117—1119; <изд. Гани — Фейяза, 106—108>.

[6] Абу-т-Тайиб Мухаммед б. Хатим. По словам Са'алиби (извлеч. в пер. Барбье де Менара, I, 196—197), он своим умом понравился Насру, который приблизил его к себе; Мус'аби достиг звания везира, но в конце концов был казнен. По Гардизи, он «оказал сопротивление» при назначении везиром Джейхани (*Тексты*, стр. 8; в рукописи по ошибке الصبعى).

[7] Изд. Торнберга, VIII, 300.

[8] *Тексты*, стр. 8.

[9] Изд. Торнберга, VIII, 283.

событие произошло в 326/938 г. Бал'ами прожил до ноября 940 г.[1]; Джейхани погиб в 330/941-42 г. «под развалинами»[2] — выражение, которое обыкновенно употребляется относительно погибших при землетрясении[3]. О землетрясении в 330 г. х. мы, впрочем, не имеем известий. Если смерть везира не находится в непосредственной связи с переворотом 330 г. х., то во всяком случае она должна была облегчить победу духовенства и военной партии. В *Фихристе*[4] Абу Али Джейхани обвиняется в склонности к дуалистической ереси.

В царствование Нуха б. Насра (943—954)[5] мы видим уже явные признаки упадка династии. Вследствие событий конца царствования Насра власть теперь перешла к представителю строгого благочестия, к факиху Абу-л-Фазлу Мухаммеду б. Мухаммеду ас-Сулами, впоследствии получившему прозвание *ал-ḥāким аш-шахīд* ('правитель-мученик'). Новый везир[6] (благочестивый факих долго отказывался от этого звания, но наконец уступил настояниям Нуха) постился по понедельникам и четвергам, совершал все установленные молитвы, даже ночные, и даже во время путешествия не пользовался обычными льготами в этом отношении. Приему разных лиц по делам государства он посвящал только самое малое количество времени и при первой возможности спешил вернуться к своим богословским сочинениям. Естественно, что такой правитель не мог вывести государство из затруднительного положения, созданного разграблением казны в 942 г. Войско было нужно для усмирения восстания в Хорезме в 944 г.[7], для войны с тюрками[8], наконец, для войны с наместником Хорасана Абу Али Чагани, на которого весной 945 г. пожаловались Нуху хорасанцы[9] и которого Нух решил заменить представителем тюркской партии, Ибрахимом б. Сим-

---

[1] *Тексты,* стр. 54 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом البلعمى).

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 294.

[3] Так у Ибн ал-Асира (там же, 302) в рассказе о землетрясении, которым в 331 г. х. был постигнут город Неса в Хорасане.

[4] *Фихрист,* I, 138. Упоминание в этом месте Хусейна б. Али Мервези и Абу Зейда Балхи показывает, что автор *Фихриста* неясно различал обоих Джейхани, отца и сына (ср. стр. 57); может быть, обвинение в ереси существовало против обоих. В *Иршāд* Якута (II, 59—60) Абу Абдаллах Джейхани отожествлен даже со своим внуком; первый Джейхани снова упоминается в том же труде (VI, 293—294).

[5] В *Иршāд* Якута (III, 99) он называется «одним из образованных царей династии Саманидов» (من أدباء ملوك آل سامان).

[6] О нем см. *Тексты,* стр. 61 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الشهيد).

[7] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 310—311; Мирхонд, *История Саманидов,* изд. Дефремери, 249.

[8] Сын тюркского царя находился в плену у Нуха (там же).

[9] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 334; Мирхонд, *История Саманидов,* изд. Дефремери, 143.

джуром, соединявшим в своем лице «престиж светской власти и авторитет религии»[1]. Абу Али вовсе не был расположен добровольно уступить место своему преемнику; правительство не могло употребить против него силу, так как войско, не получая в срок жалованья, открыто роптало против эмира и везира. Финансовые затруднения вызвали увеличение податей и налогов; Макдиси[2] рассказывает, что в царствование Нуха однажды была взята вперед подать за год, в виде займа, который никогда не был уплачен правительством. Поэты того времени[3] жаловались на «чиновников дивана подати», взимавших недоимки в такое время, когда и уплата обыкновенных податей была слишком тяжела для населения.

Нух осенью 946 г. принес в жертву везиру предводителя военной партии, Ахмеда б. Хамую[4] (вероятно, сына знаменитого Хамуи б. Али); но уже через два месяца он был вынужден допустить кровавую расправу воинов с везиром, на которого свалили вину за задержку уплаты жалованья и которого обвинили в сообщничестве с Абу Али. По рассказу историков[5], убиение везира произошло по приказанию Нуха; по приведенному у Сам'ани[6] рассказу ал-Бейи', правительство выслало отряд для защиты везира, но этот отряд был оттеснен мятежниками.

Между тем Абу Али[7] еще раньше призвал из Месопотамии дядю Нуха, Ибрахима б. Ахмеда. Войско Нуха, очевидно и после убиения везира не получавшее жалованья, перешло на сторону мятежников; уже через месяц после смерти «правителя-мученика», в январе 947 г., Абу Али и Ибрахим вступили в Бухару, и хутба была прочитана на имя последнего; Нух удалился в Самарканд. Господство Абу Али в Бухаре продолжалось не больше двух месяцев; вражда жителей заставила его удалиться, причем он поручил главные должности дивана своим приверженцам и, кроме Ибрахима, оставил в Бухаре еще другого члена

---

[1] *Тексты*, стр. 60 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом السيمجورى): يجمع الى هيبة الملك سياسة الدين.

[2] Макдиси, 340.

[3] Са'алиби, *Йатима*, извлеч. в пер. Барбье де Менара, I, 176. Перевод Барбье де Менара («l'excédant» и «le droit ordinaire») едва ли удачен. О значении термина البقايا см. также Хорезми, *Мафатих*, 60; видимо, это не то же самое, что الباقى (там же).

[4] *Тексты*, стр. 8 (Гардизи).

[5] Кроме Гардизи, также Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, VIII, 345).

[6] *Тексты*, стр. 61—62 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الشهيد).

[7] О нем и его действиях см. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 344—348; Гардизи, оксфорд. рук., лл. 120—122; кембридж. рук., лл. 97а—99б; <изд. Мухаммеда Назима, 33—39>; *Тексты*, стр. 8—9.

династии, Абу Джа'фара Мухаммеда, брата Нуха[1]. Сам Абу Али выступил из Бухары под видом похода на Самарканд, но, дойдя до Несефа, вернулся в свой родной Саганиан. Оба царевича тотчас вступили в переговоры с Нухом, который обещал им помилование и уже в апреле мог вернуться в свою столицу. В борьбе с мятежниками Нух не обнаружил такой умеренности, как его отец; вопреки данному им обещанию, он велел лишить зрения своего дядю и двух братьев (Абу Джа'фара Мухаммеда[2] и Абу Мухаммеда Ахмеда) и казнил одного из главных вельмож, хаджиба Тугана. Наместником Хорасана был назначен представитель исфиджабского дома, Мансур б. Кара-тегин; Ибрахим б. Симджур скончался весной 948 г.[3].

Главный мятежник, Абу Али, еще не был побежден; узнав, что Нух собирает против него войско, он удалился в Балх (события заставляют полагать, что владетель последнего был на его стороне) и оттуда вторично пошел на Бухару. При Хардженге[4] он, несмотря на отступление Нуха с главными силами, был разбит (в конце 947 г.); победа правительства ознаменовалась новыми жестокостями и казнями; в числе пострадавших был один из членов семейства Утби. Дальнейшие действия Абу Али (удаление в Балх и Гузганан, союз с эмиром Хутталя и соединение с его войсками при Семенгане[5], союз с кумиджиями[6] и эмиром Рашта) показывают, что ему удалось побудить к восстанию против центрального правительства всех вассальных владетелей в об-

---

[1] Рассказы Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, VIII, 345) и Мирхонда (*История Саманидов*, изд. Дефремери, 146—147) об удалении Абу Али в Туркестан и возвращении его в Бухару не подтверждаются словами Гардизи. По Ибн ал-Асиру, Ибрахим по соглашению с бухарцами решил заключить мир с Нухом, но еще до прибытия последнего Абу Али разбил бухарцев, хотел сжечь город и уступил только просьбам шейхов. По Мирхонду, Ибрахим уже успел соединиться с Нухом, и оба были разбиты Абу Али. Гардизи ничего не говорит о сражении между Ибрахимом и Абу Али; по его словам, Абу Али хотел сжечь Бухару за то, что жители враждебно относились к нему.

[2] <Считалось, что касида Рудаки, начинавшаяся словами مادر می بکرد باید قربان, была обращена к этому Абу Джа'фару Мухаммеду б. Ахмеду. Теперь это опровергнуто после открытия *Та'рӣх-и Сӣстӣн;* из этого сочинения видно, что *мамдӯх* этого стихотворения был Абу Джа'фар Ахмед б. Мухаммед б. Халаф б. ал-Лейс, правитель Седжестана. См. Ross, *A Qasida*, p. 213 sq. — *Пибб.*>

[3] *Тексты*, стр. 60 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом السيمجورى).

[4] По Джемалю Карши (*Тексты*, стр. 132), около Хардженга находился «царский рабат» (Рабат ал-Мелик или Рабат-и Мелик), построенный Шемс ал-мульком; о нем и других постройках этого хана см. ниже. Рабат, вероятно, находился в степи Мелик, к западу от Кермине; итак, я при издании *Текстов* (стр. 8), по-видимому, ошибочно отожествил Харджанг с Хартенгом (о последнем см. стр. 185).

[5] В тексте Гардизи вместо سمكان, очевидно, надо читать سمنكان, у арабов سمنجان (см. стр. 117).

[6] См. стр. 121.

ластях по верхнему течению Аму-Дарьи. Вследствие этого бухарские войска, разграбившие столицу Абу Али, Саганиан, очутились в затруднительном положении и были отрезаны от всякого сообщения с Бухарой. В самом конце 948 г. обе стороны согласились на мир, и Абу Али отправил своего сына в Бухару в качестве заложника. Мы не знаем, какие уступки сделало правительство Абу Али и его союзникам; что победа была на стороне мятежников, видно уже из тех почестей, которых удостоился сын Абу Али: в честь его приезда торжественно украсили столицу; его одарили почетной одеждой и пригласили к царскому столу. Абу Али остался в Саганиане и, согласно желанию правительства, подавил местное религиозное движение антимусульманского характера. В Хорасане Мансур б. Кара-тегин тщетно старался восстановить дисциплину среди войска и постоянно просил эмира освободить его от тяжкой должности; очевидно, жалованье войску по-прежнему уплачивалось неисправно. В 951 г. Мансур умер; преемником его был назначен Абу Али, который в 952 г. прибыл в Хорасан, оставив Саганиан и Термез своему сыну Абу Мансуру Насру б. Ахмеду. Абу Али восстановил порядок в Хорасане и Хорезме и начал войну с Буидами [1]. Война окончилась миром, который возбудил неудовольствие Нуха; Абу Али снова был низложен, и на его место назначен Абу Са'ид Бекр б. Мелик ал-Фергани. Еще до отъезда Бекра, в понедельник 28 августа 954 г. Нух умер [2].

После Нуха осталось пять сыновей: Абд ал-Мелик, Мансур, Наср, Ахмед [3] и Абд ал-Азиз; подобно некоторым из халифов, Нух при жизни заставил население присягнуть царевичам, которые должны были царствовать один за другим [4]. Каким значением в то время пользовалась военная аристократия, видно из того, что к каждому из трех старших сыновей был приставлен один из представителей гвардии [5]. На престол вступил Абд ал-Мелик. Высокое мнение Макдиси [6] о способностях этого эмира («среди династии Саманидов не было подобного ему») едва ли оправдывается фактами; мы увидим, что к концу его правления вся власть находилась в руках начальника гвардии. Вступив на престол, Абд ал-Мелик утвердил приказ своего предшественника о низложении

---

[1] *Тексты*, стр. 8—9 (Гардизи); Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 370—371, 378.

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 379—381; *Тексты*, стр. 59 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом السماني). Согласно Утби — Манини (I, 349) и <Джербадекани> (Нершахи, изд. Шефера, прилож., 229), во вторник, 22 августа.

[3] Он упоминается также у Нершахи (изд. Шефера, 16).

[4] Гардизи, оксфорд. рук., л. 124; кембридж. рук., л. 100а; <изд. Мухаммеда Назима, 39>; здесь названы только четыре царевича (пропущен Мансур).

[5] Макдиси, 337.

[6] Там же, 337—338.

Абу Али и назначении Бекра; везиром был назначен Абу Мансур Мухаммед б. Узейр[1]. Обстоятельства, по-видимому, не были благоприятны для Абу Али, так как он, по словам Ибн ал-Асира[2], понял, что он не будет в состоянии ни остаться в Хорасане, ни вернуться в Саганиан. И действительно, несмотря на помощь со стороны Буидов и на посланную халифом инвеституру, Абу Али не удалось утвердиться в Хорасане; в Саганиан вернулся только труп бывшего правителя, умершего в ноябре 955 г. Новое правительство недолго удержало власть в своих руках; Бекр б. Мелик «презрительно обращался с гвардией, небрежно относился к ее потребностям и возбудил ее ненависть»; в декабре 956 г. он был убит начальником гвардии, Алп-тегином, у ворот дворца Абд ал-Мелика, вероятно с согласия последнего. После этого был низложен также везир, должность которого перешла к Абу Джа'фару Утби; преемником Бекра в Хорасане был Абу-л-Хасан Мухаммед б. Ибрахим Симджури, один из прежних подчиненных Бекра; сын Алп-тегина отвез ему диплом и знамя в 957 г. Как Утби, так и Абу-л-Хасан Симджури своим правлением возбудили общее неудовольствие, вследствие чего на время лишились власти; везиром в 959 г. был назначен Абу Мансур Юсуф б. Исхак, наместником Хорасана — Абу Мансур Мухаммед б. Абд ар-Раззак (с 960 г.), которого Гардизи называет справедливым правителем. По-видимому, и Алп-тегин на время был низложен, так как диплом новому сипехсалару отвез Абу Наср Мансур б. Байкара[3], которого Макдиси называет первым хаджибом Мансура. На попытку Абд ал-Мелика и его везира избавиться от господства военной партии указывает также известие Ибн ал-Асира (под тем же 960 г.) о казни сильного военачальника, вызвавшей беспорядки в стране. Во всяком случае, попытка окончилась неудачно, так как Абд ал-Мелик, чтобы избавиться от присутствия неприятного ему Алп-тегина, должен был назначить его наместником Хорасана, куда тот прибыл в феврале 961 г. Хаджибом был назначен бывший раб Алп-тегина; еще прежде Алп-тегин добился смещения везира и назначения на его место Абу Али Мухаммеда б. Мухаммеда Бал'ами, который не наследовал способностей отца и был послушным орудием в руках всемогущего военачальника[4].

Таково было положение страны, когда скоропостижная смерть

---

[1] Так у Гардизи; Макдиси (там же) называет Абу Мансура б. Узейра везиром Нуха.

[2] Изд. Торнберга, VIII, 379.

[3] Как известно, имя этого хаджиба встречается на монетах Мансура; ср. Тизенгаузен, *О саманидских монетах*, стр. 218.

[4] *Тексты*, стр. 10—11 (Гардизи); Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 396; Макдиси, 338.

Абд ал-Мелика (в ноябре[1] 961 г.) вызвала новые беспорядки; как мы видели (стр. 162), даже дворец эмира был разграблен и сожжен мятежниками. По желанию Алп-тегина, Бал'ами возвел на престол малолетнего сына покойного, Насра[2], но его правление продолжалось только один день; члены династии Саманидов и представители гвардии стояли на стороне Абу Салиха Мансура б. Нуха, и с помощью Фаика, который с малолетства был приставлен к Мансуру, последний овладел престолом. По-видимому, Алп-тегин был оставлен всеми; Бал'ами, очевидно, принял сторону нового правительства, так как сохранил должность везира до своей смерти; в Хорасане Абу Мансур б. Абд ар-Раззак, которого Алп-тегин оставил наместником Туса, охотно выступил против своего старого врага, тем более, что правительство предложило ему занять место Алп-тегина. Алп-тегин удалился в Газну, где в 962 г. низложил местного владетеля и основал самостоятельное государство[3]. Абу Мансур, по словам Гардизи, знал, что и его при первом случае устранят от должности; поэтому он позволил своим воинам грабить страну и вступил в сношения с Буидами. В 962 г. против него был послан Абу-л-Хасан Мухаммед Симджури, вновь назначенный наместником Хорасана (в его войске, между прочим, находился Ахмед, сын Мансура б. Кара-тегина). Абу Мансур был убит; Абу-л-Хасан до конца царствования Мансура остался наместником Хорасана и успешно воевал с Буидами и Зияридами[4]; цель этих войн видна из ответа Мансура Абу-л-Хасану, просившему у него денег для войска: «Деньги для войска надо взять у Бисутуна»[5] (представителя дома Зияридов). Как Абу-л-Хасан, так и Абу Джа'фар Утби, разделявший с Бал'ами должность везира, теперь вели себя иначе, чем при Абд ал-Мелике, и заслу-

---

[1] Точная дата остается спорной; ср. *Тексты*, стр. 59 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом رز لسامانی); Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 398; Нершахи, изд. Шефера, 96, 103, 112, 229; Утби, рук. Аз. муз., л. 67; Утби — Манини, I, 349, где приведена дата: четверг 11 шаввала 350 г. х.; но этот день был субботой 23 ноября.

[2] Последний упоминается только у Макдиси (338); факт его вступления на престол подтверждается приведенным у Гардизи (оксфорд. рук., л. 126; кембридж. рук., л. 101б; <изд. Мухаммеда Назима, 41>) советом Алп-тегина: عم از فرزندان او یکی صواب‌تر بود نشاندن.. В противоположность этому Низам ал-мульк (изд. Шефера, текст, 97; пер., 144) уверяет, будто Алп-тегин считал Мансура слишком молодым для занятия престола; позднейшие компиляторы (Нершахи, изд. Шефера, 104; Мирхонд, *История Саманидов*, изд. Дефремери, 153) также утверждают, что Алп-тегин хотел возвести на престол дядю Мансура.

[3] Рассказ Низам ал-мулька (изд. Шефера, текст, 97; пер., 144) об Алп-тегине проникнут явной симпатией к последнему.

[4] См. выше, стр. 284, прим. 6.

[5] Гардизи (оксфорд. рук., л. 128; кембридж. рук., л. 103а; <изд. Мухаммеда Назима, 45>): مال حشم از بی‌ستون بن وشمگیر باید ستد.

жили славу благоразумных и справедливых правителей. В Газне власть Саманидов также была восстановлена, по крайней мере номинально; Исхак [1], сын и преемник умершего в 963 г. Алп-тегина, в 964 г. был побежден прежним туземным владетелем Газны и бежал в Бухару; только с помощью саманидского правительства ему в 965 г. удалось одолеть своего противника [2]. После этого на монетах, чеканившихся в Газне, кроме имени местного правителя, чеканилось также имя Саманидов [3]. Остальная часть царствования Мансура, насколько известно, прошла спокойно; должность везира после Бал'ами, умершего весной 974 г (см. стр. 54, прим. 4), перешла опять к Юсуфу б. Исхаку, который только на пять месяцев пережил своего предшественника; в последний год царствования Мансура везиром был назначен Абу Абдаллах Ахмед б. Мухаммед Джейхани, сын Абу Али Мухаммеда и внук знаменитого Абу Абдаллаха Мухаммеда б. Ахмеда. Мансур скончался в июне 976 г. [4].

Сыну и преемнику Мансура, Абу-л-Касиму Нуху, было всего 13 лет [5]; государством вместо него управляли его мать [6] и назначенный в конце 977 г. [7] везир Абу-л-Хусейн Абдаллах б. Ахмед Утби. В начале нового царствования правительство старалось расположить к себе главных представителей военной партии, особенно Абу-л-Хасана Симджури, который был осыпан милостями и почетными титулами [8]. Укрепив свою власть, честолюбивый везир принял решение восстановить первенство бюрократии и подчинить себе военачальников; в начале 982 г. [9] ему

[1] Его настоящее имя было, вероятно, Исхак б. Ибрахим, см. Ибн Хаукаль, 13—14.

[2] Об этих событиях см. *Тексты*, стр. 160 (Фасих); Джузджани, пер. Раверти, I, 70—73. Несомненно ошибочна приведенная у Фасиха дата перехода Газны во власть Алп-тегина (322 г. х.). Вообще, несмотря на достоинства компиляции Фасиха, нельзя видеть в ней, по примеру Раверти (Джузджани, пер. Раверти, I, 40), «excellent authority» даже для событий X в.

[3] Савельев, *Дополнения*, стр. 240.

[4] По словам Утби (Утби — Маннини, I, 349; рук. Аз. муз., л. 67), во вторник 12 шавваля (13 июня). О событиях этого царствования подробнее всего говорится у Гардизи (оксфорд. рук., лл. 126—130; кембридж. рук., лл. 101б—104б; <изд. Мухаммеда Назима, 42—47>). Из труда Утби упомянуты лишь события, относящиеся к Мавераннахру; более подробно см. de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*.

[5] Так у Ибн ал-Асира, изд. Торнберга, VIII, 495.

[6] О ней см. у Утби (рук. Аз. муз., л. 23; Утби — Маннини, I, 136; Нершахи, изд. Шефера, 140).

[7] Дата у Гардизи (оксфорд. рук., л. 130; кембридж. рук., л. 105а; <изд. Мухаммеда Назима, 48>): раби' II 367 г. х. Та же дата у Якута, *Иршад*, II, 60 — из составленного Абу-л-Хасаном Мухаммедом б. Сулейманом б. Мухаммедом продолжения сочинения Селлами, вероятно источника Гардизи. فريد التاريخ — ошибка, вместо يزيد التاريخ: ср. *Иршад*, III, 140.

[8] *Тексты*, стр. 11 (Гардизи).

[9] Дата у Утби (рук. Аз. муз., л. 16; Утби — Маннини, I, 105: слова في منتصف

удалось добиться низложения всемогущего Абу-л-Хасана Симджури и замены его хаджибом Ташем, который некогда был рабом отца Утби и был безусловно предан везиру. По некоторым известиям[1], им руководила также личная месть против Абу-л-Хасана, который считал Утби слишком молодым для занятия должности везира и советовал Нуху оставить в этой должности Джейхани. Абу-л-Хасан должен был удалиться в Кухистан, составлявший удел его семьи (см. стр. 298); другие представители гвардии, между ними влиятельный Фаик, были отправлены на войну против Буидов. Торжество везира продолжалось недолго; в марте 982 г. хорасанские войска были разбиты Буидами, и только смерть Адуд ад-дауля удержала Буидов от нашествия на Хорасан[2]. По приказанию Утби в Мерве были приготовлены новые войска; Утби готовился лично присоединиться к армии, но погиб от руки убийц, подкупленных Фаиком и Абу-л-Хасаном. Историк Утби[3] основательно называет своего родственника последним везиром, достойным этого имени; его преемники не имели никакой власти и даже не пытались вступать в борьбу с представителями дергаха. Для водворения порядка правительство призвало в Бухару Таша, который вступил в соглашение со своими соперниками и благодаря этому сохранил за собой должность сипехсалара; Абу-л-Хасан остался в Кухистане; его сын Абу Али был назначен наместником Герата, Фаик — наместником Балха. После отъезда Таша из Бухары враждебная партия одержала верх; везиром был назначен (в августе 986 г.)[4] Абдаллах б. Мухаммед б. Узейр[5], противник семейства Утби, и должность сипехсалара снова была передана Абу-л-Хасану. Таш пытался оказать вооруженное сопротивление Абу-л-Хасану и Фаику и получил помощь от Буида Фахр ад-

---

شعبان منها только в комментарии Манини) и у Гардизи (оксфорд. рук., л. 131; кембридж. рук., л. 105б; <изд. Мухаммеда Назима, 49>): середина ша'бана 371 г. х.

[1] *Тексты,* стр. 11—12 (Гардизи), 91—92 (Ауфи); Нершахи, изд. Шефера, 105; Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде,* изд. Броуна, текст, 385 и сл.; пер., 75; см. выше, стр. 62.

[2] Гардизи (оксфорд. рук., л. 131; кембридж. рук., л. 106а; <изд. Мухаммеда Назима, 50>): واکر نی خراسان وتاش را لاش کردندی. Макдиси (338) считает смерть Адуд ад-дауля и упадок его династии наказанием за нападение на Саманидов.

[3] Рук. Аз. муз., л. 19; Утби — Манини, I, 121 и сл. (о его превосходстве над другими везирами, фигурирующими в исторических сочинениях); Нершахи, изд. Шефера, 130. Замечательно, что в конце своей жизни он получил также военное назначение (Утби, там же; Нершахи, изд. Шефера, 129), так что он соединил в своих руках гражданскую и военную власть.

[4] Дата у Гардизи (оксфорд. рук., л. 132; кембридж. рук., л. 106б; <изд. Мухаммеда Назима, 51>: раби' I 376 г. х.; Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, IX, 19) относит это событие к 373/983-84 г.

[5] В «Истории Бейхака» (*Та'рӣх-и Бейхак,* рук. Брит. муз., л. 69а) мы находим жалобы на дурной характер этого везира.

дауля и 2000 всадников от другого представителя той же династии Шереф ад-дауля Абу-л-Фавариса, правителя Фарса, но 2 декабря 987 г.[1] был разбит и бежал в Гурган, где в следующем году умер от чумы[2]. Последние везиры, по словам Утби[3], уже не могли восстановить порядка: «области большею частью находились во власти мятежников, доходы правительства сократились, воины осмеливались притеснять население; господство перешло в руки тюрков, и решения везиров потеряли силу». Абу-л-Хасану, умершему весной 989 г.[4], наследовал его сын Абу Али, еще более даровитый и честолюбивый. Явное предпочтение, оказанное бухарским правительством Фаику, побудило Абу Али взяться за оружие. Фаик был разбит и бежал в Мервeррyд; Абу Али отправил посла в Бухару с объяснением своих действий и выражением покорности; правительство было вынуждено принять извинения победителя и утвердить его наместником всех областей, расположенных к югу от Аму-Дарьи. В этих областях Абу Али, получивший от Нуха титул «эмира эмиров, получающего помощь от неба»[5], скоро сделался полновластным правителем; ссылаясь на потребности своего войска, он присвоил себе все государственные доходы, даже доходы от казенных имений[6]. Между тем Фаик после неудачного похода на Бухару[7] овладел Балхом и отправился в Термез; по приказанию Нуха против него выступил гузганский эмир Абу-л-Харис Мухаммед б. Ахмед[8] б. Феригун, но был разбит и заключил союз с Фаиком против общего врага, саганианского владетеля Тахира б. Фазла (неизвестно, был ли он родственником Мухтаджидов); по словам Утби[9], Саганиан перед этим

---

[1] Дата у Гардизи (оксфорд. рук., л. 133; кембридж. рук., л. 107а; <изд. Мухаммеда Назима, 52>): 7 ша'бана 377 г. х.

[2] Согласно Утби (Утби — Маннни, I, 145), он оставался в Гургане в течение трех лет, но чума и смерть Таша датируется самим Утби (там же, I, 149) 377 г. х. (3 мая 987—20 апреля 988 г.). У де Саси (de Sacy, *Histoire de Yémineddoula,* p. 349) приведена дата 379 г. х., но это не совпадает с датами событий, упомянутых ниже.

[3] Нершахи, изд. Шефера, 152; Утби — Маннни, I, 152.

[4] По Гардизи (оксфорд. рук., л. 133; кембридж. рук., л. 107а; <изд. Мухаммеда Назима, 52>) — в месяце зу-л-хиджжа 378 г. х.

[5] Так у Утби (рук. Аз. муз., л. 29; Утби — Маннни, I, 155); ср. Мирхонд, *История Саманидов,* изд. Дефремери, 170.

[6] *Тексты,* стр. 12 (Гардизи). Здесь же перечислены категории доходов: поземельная подать, пошлины от товаров, подати натурой, случайные поступления и доходы с казенных имений.

[7] Он был разбит, согласно Утби (Утби — Маннни, I, 165), в воскресенье 11 раби' I 380/8 июня 990 г.

[8] Утби и позднейшие источники называют его Ахмедом б. Мухаммедом (Утби — Маннни, I, 166); ср. Туманский, *Новооткрытый персидский географ,* стр. 127—130.

[9] Рук. Аз. муз., л. 31; Утби — Маннни, I, 167 (здесь ابو المظفر محمد بن احمد); Нершахи, изд. Шефера, 157.

входил в состав владений гузганского эмира. Тахир был убит при осаде Балха, после чего его войско обратилось в бегство. Государство Саманидов пришло в полное расстройство и сделалось легкой добычей завоевателя, войско которого в это время подошло к северным границам Мавераннахра.

Мы не имеем известий о том, как образовалось государство тюркских ханов, положивших конец господству Саманидов; даже вопрос о том, к какому тюркскому племени принадлежали эти ханы, остается спорным. Приведенные нами в других местах[1] известия о победах токуз-огузов над карлуками, о занятии Кашгара народом ягма, ветвью токуз-огузов, и о завоевании Баласагуна языческими тюрками как бы указывают на то, что Караханиды стояли во главе токуз-огузов, разрушивших государство карлуков; но против этого говорит то положение, которое, как мы увидим дальше, карлуки занимали в государстве Караханидов и которое вполне соответствует положению огузов в сельджукской империи[2]. О принятии ислама Караханидами мы также имеем только легендарные известия; древнейшую редакцию этой легенды мы находим у Джемаля Карши[3], который ссылается на «Историю Кашгара», написанную еще в XI в. (см. стр. 64). По этой легенде, ислам впервые принял Сатук Богра-хан Абд ал-Керим, дед первого и прадед второго завоевателя Мавераннахра, умерший в 344/955 г. Несмотря на древность этого предания, в нем много анахронизмов, особенно по отношению к династии Саманидов; поэтому приведенная хронологическая дата едва ли может считаться достоверной и едва ли мешает нам отнести к Караханидам известие Ибн ал-Асира[4] о том, что в 349/960 г. ислам был принят многочисленным тюркским народом

[1] Бартольд, ЗВОРАО, т. XI, стр. 348—349; Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 94—95; Barthold, *Die alttürkischen Inschriften*, S. 28.

[2] Ср. также: Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 22; Barthold, *Zur Geschichte des Christentums*, S. 49. В конце XI в., как мы увидим, ядро войска Караханидов составляли джикили, однако, как мы знаем от современника, Махмуда Кашгарского (I, 330), туркмены сельджукской империи называли джикилями (или чикилями) всех восточных тюрков.

[3] *Тексты*, стр. 130 и сл. Другая легенда (о вещем сне тюркского хана) рассказана у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XI, 54); владетель назван здесь Кара-хаканом. Очень вероятно, что он носил оба титула; его внук, завоеватель Мавераннахра, назван у Са'алиби (*Йатима*, бейрут. изд., IV, 316) Богра-Кара-хаканом.

[4] Изд. Торнберга, VIII, 396. Тот же факт упомянут у Мискавейха (изд. Маргелиуса, текст, II, 181; пер., V, 196). Первоисточником, должно быть, был труд Сабита ас-Саби.

(200 000 шатров). При тесных торговых сношениях, всегда существовавших между Мавераннахром и степью[1], среди кочевников постепенно должны были распространиться религии, имевшие последователей в Мавераннахре. Из собранных мною в другом месте данных о распространении маздеизма, дуалистических учений, христианства и ислама, между прочим, видно[2], что мусульманская пропаганда действовала в степи еще в эпоху Омейядов, хотя и без большого успеха. На ислам в его официальной форме, т. е. на учение мусульманских законоведов, кочевники, не исключая арабов[3], всегда смотрели как на религию, совершенно не приноровленную к их потребностям; несравненно больше влияния имели шейхи и другие представители мусульманского мистицизма, которые и теперь еще находят себе в степи наибольшее число приверженцев. О пропаганде ислама среди тюрков в эпоху Саманидов мы не имеем почти никаких известий; мы знаем только со слов Сам'ани[4], что в стране тюрков в царствование Абд ал-Мелика жил нишапурец Абу-л-Хасан Мухаммед б. Суфьян ал-Келимати, покинувший Нишапур в 340/951-52 г.; несколько лет он провел в Бухаре, потом перешел на службу к «хану ханов» и умер при его дворе раньше 350/961 г. Ввиду такого хронологического совпадения возможно, что деятельность Келимати имеет некоторое отношение к событию 349/960 г. Если легенда о деятельности саманидского царевича имеет какую-нибудь историческую основу и если этого царевича звали Насром[5], то это мог быть только сын Нуха б. Насра; как мы видели (см. стр. 309), Наср б. Нух упоминается среди царевичей, которым население присягнуло при жизни их отца, но потом о нем нет никаких известий. Мы видели также (см. стр. 301), что еще в первой половине X в. был случай бегства саманидского царевича к тюркам, но у нас нет никаких

[1] О колониях, основанных переселенцами из Мавераннахра во владениях тюрков, см. выше, стр. 235, также Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 20—21; Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 83, 89; Barthold, *Zur Geschichte des Christentums*, S. 46—47. Ср. также рассказ Сам'ани (*Тексты*, стр. 52; изд. Марголиуса, под словом ازركيان) о бухарском зороастрийце Азракьяне, современнике халифа Али, который ездил с торговой целью в Китай и оттуда (морским путем) в Басру, где принял ислам. Сведения о «согдийских колониях в Восточном Туркестане и Китае» см. также Stein, *Serindia* (Index).

[2] Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 9; Якут, *Му'джам*, I, 839.

[3] Dozy, *Essai*, p. 526.

[4] *Тексты*, стр. 65 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الكلماتى). Название столицы хана, по-видимому, искажено в рукописи. Ср. текст в изд. Марголиуса, л. 486а (ثم وقع الى الخان حامان (sic) واتصل وليل بالسلاطين).

[5] *Тексты*, стр. 131 (Джемаль Карши). О позднейшей версии, в которой саманидский царевич обратился в ходжу Абу-н-Насра Самани, см. Smirnow, *Manuscrits turcs*, pp. 160—161; Grenard, *La légende*, p. 7 (Khodja Aboul-Naṣr Sāmānī).

данных для разрешения вопроса, имеет ли кашгарский «дихкан» Тугантегин какое-нибудь отношение к династии Караханидов. Из других представителей ислама, действовавших среди тюрков, мы знаем Абу-л-Хасана Са'ида б. Хатима ал-Усбаникети, который «ушел в страну тюрков» раньше 380/990 г.[1].

Что касается политических отношений между Саманидами и тюрками, то мы видели, что в IX в. и в первой половине X в. Саманиды сами отправляли войска в степь для подчинения тюрков; на это указывают известия о завоевании Исфиджаба Нухом б. Асадом (см. стр. 269—270), о походе Исма'ила на Тараз (см. стр. 282) и Насра на Шавгар[2], о занятии мусульманами селения Хефтдех в Фергане (см. стр. 212). Единственный случай, когда Мавераннахр подвергся вторжению большого тюркского войска, был в 904 г. в царствование Исма'ила б. Ахмеда[3], когда с помощью добровольцев нападающие были изгнаны из владений халифа. Мы не знаем, состоялся ли поход против языческих тюрков, взявших в 942 г. Баласагун; известно только, что в следующие годы в плену у Саманидов находился сын тюркского хакана[4]. Что и во второй половине X в. правительство Саманидов имело некоторое влияние на страну тюрков, показывает известие о рабате, выстроенном по приказанию Фаика около Мерке[5]. Нуждаясь в произведениях культурной страны и в то время, вследствие могущества саманидского правительства, не имея возможности добывать их путем набегов, кочевники, как всегда бывало в подобных случаях, в большом числе приходили в пограничные города для торговых сношений[6]; кроме того, некоторые орды огузов, по неизвестной причине покинувшие свою родину, с согласия правительства заняли в Мавераннахре часть земель, удобных только для кочевников, и за это обязались защищать границу от всяких нападений. Выше (стр. 235) мы говорили о туркменах (огузах), поселившихся в местности к западу и к юго-западу от Исфиджаба. Другая ветвь туркмен, под начальством Сельджука[7], отделилась от своих со-

[1] *Тексты*, стр. 52 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الاسبانيكثى).

[2] Ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 10, на основании Истахри (291). Вопреки сказанному там, несомненно имеется в виду западный Шавгар, а не восточный (см. выше, стр. 234), который у Истахри и Ибн Хаукаля вообще не упоминается.

[3] Согласно Табари, III, 2245.

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, VIII, 310; Мирхонд, *История Саманидов*, изд. Дефремери, 249 (из Ибн Халдуна).

[5] Макдиси, 275.

[6] См. выше, стр. 297.

[7] Правильным написанием является не Saljūq или Salčuq, вопреки орфографии, принятой современными учеными в Западной Европе (одинаково английскими, французскими и немецкими), а Seljük, как показывает написание سلجك в таком подлинном тюркском памятнике, как *Китāб-и Коркуд*, и материалы, собранные в *Дīвāн луġāт ат-турк* Махмуда Кашгарского (I, 397).

племенников у низовьев Сыр-Дарьи; Сельджук принял ислам и освободил мусульманское население Дженда от дани неверным[1]. Сельджук умер и был похоронен в Дженде; его преемники, по-видимому, поссорились с освобожденными ими мусульманами и ушли дальше на юг. В XI в. мы видим в Дженде мусульманского правителя, находившегося в самых враждебных отношениях к потомкам Сельджука[2]; последние были приняты Саманидами и поселились в окрестностях Нура (ср. стр. 171). Хамдаллах Казвини[3] относит этот факт к 375/985 г. Через несколько лет Исфиджаб был занят баласагунским ханом; в борьбе между ним и Саманидами, как мы увидим дальше, туркмены также приняли некоторое участие.

Богра-хан Харун б. Муса[4], внук Сатука, носивший титул «света державы и опоры призыва к вере»[5] (Шихаб ад-дауля ва захир ад-да'ва), не встретил в Мавераннахре почти никакого сопротивления. Абу Али заключил с ним тайный договор о разделении владений Саманидов, в котором Богра-хану предоставлялось занять Мавераннахр, а области к югу от Аму-Дарьи должны были остаться во власти Абу Али; кроме того, Богра-хана приглашали многие дихканы, которые, как мы видели, играли в государстве довольно значительную роль, но все-таки были недовольны правительством[6]. Как относилось духовенство к первому завоевателю Мавераннахра, мы не знаем; но исторические известия о благочестии Богра-хана[7] и его главных сторонников, Абу Али

[1] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 322.

[2] Бейхаки, изд. Морлея, 856; <изд. Гани — Фейяза, 681—682>.

[3] Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде,* извлеч. в пер. Дефремери, 421; изд. Броуна, текст, 434; пер., 93. См. также Джузджани, пер. Раверти, I, 117—118.

[4] Так по Джемалю Карши (*Текст,* стр. 132), у которого мы находим наиболее подробные, и, по-видимому, наиболее достоверные сведения по генеалогии Караханидов. Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XI, 54) и Ауфи (*Тексты,* стр. 84) производят от Мусы, сына Сатука, другую ветвь Караханидов, к которой принадлежал Наср; Богра-хана Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, IX, 68) называет Харуном б. Сулейманом. Древнейшие источники, Утби и Гардизи, называют Богра-хана только «сыном илека»; и по Джемалю Карши, отец Богра-хана был только илеком, тогда как другой сын Сатука, дед Насра носил титул хана. Ср. также у Хилаля (Хилаль ас-Саби, *Та'рӣх,* текст, 393): هرون بن ايلاك. <По мнению П. Пельо, вместо транскрипции Ilak, принятой в англ. изд. 1928 г., правильнее было бы транскрибировать Ilig ('царь' — ср. соврем. уйгурский) (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* p. 16). В этом месте на полях экз. Бартольда (англ. изд.) имеется пометка: «Pelliot 16 лучше Ilig». — *Ред.*>

[5] Те же титулы мы встречаем на монете Богра-хана, чеканенной в Илаке в 382/994 г.; см. Марков, *Инвентарный каталог,* стр. 198.

[6] Утби, рук. Аз. муз., л. 30; Утби — Манини, I, 163: طائفة من دهاقين ماوراء النهر; ср. Бартольд, *Несколько слов об арийской культуре,* стр. 33. В персидском переводе (Нершахи, изд. Шефера, 155) вместо дихканов говорится только о «знатных лицах Мавераннахра»; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula,* p. 352: «autres émirs».

[7] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 70.

и Фаика[1], заставляют полагать, что он был встречен духовенством с таким же удовольствием, как впоследствии Наср. Са'алиби[2] называет еще одного сторонника Богра-хана, именно Абу Мухаммеда Абдаллаха б. Османа ал-Васики, считавшегося потомком халифа Васика. Потомки халифов как в собственных владениях халифа, так и в государстве Саманидов получали определенную пенсию; Васики, однако, не удалось выхлопотать себе ни пенсии, ни доходного места; вследствие этого он ушел к тюркам и приобрел большое влияние на их хана, так что последний «руководился его мнением и на все смотрел его глазами». Васики уговорил своего повелителя предпринять поход на Мавераннахр, вследствие чего Са'алиби считает его главным виновником падения династии Саманидов. После завоевания Мавераннахра Васики окружил себя свитой из 300 гулямов и мечтал уже о том, что его провозгласят халифом и что Богра-хан будет владеть Мавераннахром и Хорасаном в качестве его вассала; болезнь и отступление Богра-хана заставили его бежать в Ирак. Этот последний факт и полное молчание историков о Васике заставляют думать, что Са'алиби сильно преувеличил его значение[3]. Более чем вероятно, что Васики был такой же ничтожной личностью, как другие действительные и мнимые потомки Аббасидов в Хорасане, и имел значение только в своих собственных глазах. В том же 992 г. Са'алиби видел в Бухаре другого потомка халифов, Мамуни, получавшего пенсию от Саманидов, и выслушал от него уверение, что он скоро во главе своих многочисленных хорасанских приверженцев пойдет на Багдад и займет престол халифа[4].

Меньше всего мы знаем об отношении народных масс к этой борьбе между старой династией и завоевателями. По словам Утби[5], бухарское население при отступлении тюрков приняло участие в преследовании их и с радостью приветствовало возвращение Нуха; но о каком-либо сопротивлении Богра-хану при его движении из Исфиджаба на Самарканд и Бухару и при занятии им столицы Самани-

---

[1] *Тексты*, стр. 56, 59—60 (Сам'ани; <изд. Марголиуса, под словами الخاصّة и السيمجورى>).

[2] *Йатӣма*, извлеч. в пер. Барбье де Менара, III, 339—341.

[3] Васики упоминается также историками. Из рассказа Хилаля (Хилаль ас-Саби, *Та'рӣх*, текст, 393—397; пер., 420—424), который сообщает наиболее подробные сведения о нем и его влиянии на Богра-хана, но не упоминает о Насре и смешивает его с Богра-ханом, казалось бы, следует, что Васики не покидал Мавераннахр до смерти Насра и восшествия на престол его брата Ахмеда (см. ниже). Впоследствии Васики снова отправился из Месопотамии в восточные провинции, но в конце концов был арестован по приказу Махмуда Газневида и содержался в «почетном заключении» до своей смерти.

[4] Са'алиби, *Йатӣма*, извлеч. в пер. Барбье де Менара, III, 333—339.

[5] Рук. Аз. муз., л. 33; Утби — Манини, I, 1176; Нершахи, изд. Шефера, 161.

дов не говорится. Очень вероятно, что народ, более всего страдавший от постоянных смут, отнесся к перемене династии довольно равнодушно. Нуждаясь в денежных средствах, Саманиды, еще со времени Нуха б. Насра, должны были увеличить налоги; в «Истории Бейхака» мы находим любопытное известие о налоге, который нам кажется совершенно справедливым, но который тогда возбудил большое неудовольствие, именно о налоге на наследство. В последнее время господства Саманидов было постановлено, что после смерти чиновника дивана часть его имущества переходила в казну; потом, по крайней мере в городе Бейхаке, было введено правило, чтобы после смерти каждого обывателя, не оставившего сыновей, даже при наличности других наследников, часть имущества удерживалась в пользу казны; наконец, это правило было распространено и на имущество лиц, оставивших прямых наследников[1].

Против Богра-хана был послан хаджиб Аяч, но потерпел полное поражение и был взят в плен. Спасти государство мог только Фаик, который получил помилование, с почетом был принят в Бухаре и отправлен в Самарканд для отражения врагов. При Хардженге (см. выше, стр. 308, прим. 4) Фаик был разбит, причем это поражение, вероятно не без основания, объяснялось изменой полководца. Нух должен был покинуть свою столицу, и в мае 992 г.[2] Богра-хан вступил в Бухару. Фаик вышел навстречу победителю, подчинился ему и был назначен наместником Термеза и Балха. Несмотря на упадок династии Саманидов, Богра-хан все-таки, если верить Бейхаки, нашел в бухарской казне обильную добычу. Хан остановился в известном дворце Джу-и Мулиян (см. стр. 161). Между тем Нух собрал войско в Амуле, вызвал из Хорезма Абдаллаха б. Мухаммеда б. Узейра[3] и назначил его своим везиром. Абу Али по-прежнему отказывался прийти на помощь своему государю, но в то же время произошло охлаждение между ним и Богра-ханом, который, утвердившись в Бухаре, нарушил договор о разделении владений Саманидов и стал писать Абу Али так, как владетели Хорасана писали своим сипехсаларам[4]. Ввиду этого Абу Али наконец согласился присоединиться со своим войском к Нуху, но потребовал за это, чтобы ему дали титул «приближенного (*валй*) повелителя пра-

[1] *Та'рйх-и Бейхак*, рук. Брит. муз., л. 75.

[2] Одинаковую дату (рабиʿ I 382 г. х.) мы находим у двух историков XI в. — Гардизи (*Тексты*, стр. 12) и Бейхаки (изд. Морлея, 234; <изд. Гани — Фейяза, 199>), вследствие чего приходится отвергнуть рассказ Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, IX, 67—68) о двух походах Богра-хана (382 и 383 гг. х.). В сочинении Утби даты не указаны.

[3] У Гардизи по ошибке عبد العزيز. Утби (Утби — Манини, I, 170; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, 353) называет также Абу Али Балʿами, который, однако, в это время едва ли был в живых; см. стр. 54, прим. 4.

[4] Утби, рук. Аз. муз., л. 83; Утби — Манини, I, 177; Нершахи, изд. Шефера, 162.

воверных», до тех пор принадлежавший только Саманидам[1]. И на это условие Нух выразил свое согласие; но еще до прибытия Абу Али обстоятельства приняли благоприятный для Саманидов оборот, и Нуху удалось вернуться в Бухару без помощи своего непокорного наместника. Болезнь (геморрой), вызванная бухарскими плодами и климатом[2], заставила хана покинуть Бухару и удалиться сначала в Самарканд, куда он увел с собою саманидского везира Абу Али Мухаммеда б. Ису Дамгани[3]. В Бухаре был оставлен Абд ал-Азиз б. Нух, сын Нуха б. Насра, причем Богра-хан объявил, что возвращает ему престол, принадлежащий ему по праву[4]; вероятно, при этом имелось в виду завещание Нуха б. Насра (см. стр. 309). Из одного места Ибн ал-Асира[5] можно заключить, что отступление хана было вызвано также нападениями туркмен, которых Нуху удалось привлечь на свою сторону; во всяком случае, туркмены теперь вместе с жителями Бухары преследовали отступавших, истребляли отставшие отряды и разграбляли обозы[6]. При таких условиях Богра-хан не мог выполнить своего обещания — оказать поддержку Абд ал-Азизу против его врагов. Уже 17 августа 992 г.[7] Нух вернулся в Бухару; Абд ал-Азиз по его приказанию был лишен зрения. Болезнь хана в Самарканде ухудшилась, и он скончался на пути в Туркестан, в местности Кочкар-баши[8]. Таким образом, власть Саманидов была восстановлена, по крайней мере в бассейне Зеравшана. Лишившись своего покровителя, Фаик все-таки из Балха сделал попытку овладеть Бухарой, но был разбит и удалился в Мерв, где предложил свою помощь своему прежнему врагу Абу Али. Силы Фаика, по-видимому, все-таки были довольно значительны, так как Абу Али с радостью принял его предложение, хотя прежде, в виду победы Саманидов, собрал богатые подарки с целью умилостивить Нуха; деньги для этого, по словам Утби, были собраны с богатых жителей Хорасана. Теперь подарки были отданы Фаику. Против союза двух могущественных вассалов правительство не нашло другого средства, как

[1] Утби, рук. Аз. муз., л. 33; Утби — Манини, I, 174; Нершахи, изд. Шефера, 160.

[2] Об этом у Са'алиби (*Йатима*, бейрут. изд., IV, 113, 316), со слов чиновника Абу-л-Фатха Ахмеда б. Мухаммеда б. Юсуфа, перешедшего от Саманидов на службу к Богра-хану и соперничавшего с везиром Дамгани. В переводе Барбье де Менара (III, 341) этот чиновник назван Абу-л-Фазлом.

[3] О нем см. Гардизи (оксфорд. рук., л. 133; кембридж. рук., л. 107а; <изд. Мухаммеда Назима, 52>). Везир умер в Самарканде 1 раджаба 382/2 сентября 992 г.

[4] У Гардизи ошибка; ср. *Тексты*, стр. 12, прим. 5.

[5] Изд. Торнберга, IX, 322.

[6] Утби, рук. Аз. муз., л. 333; Утби — Манини, I, 176; Нершахи, изд. Шефера, 161.

[7] Дата у Бейхаки (изд. Морлея, 234; <изд. Ганн — Фейяза, 200>).

[8] *Тексты*, стр. 12 (Гардизи); может быть, упоминаемая в *Шах-наме* крепость Качар (или Кучкар)-баши; ср. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 16; Barthold, *Zur Geschichte des Christentums*, S. 35; Marquart, *Komanen*, S. 110.

прибегнуть к третьему, который до тех пор не принимал участия в событиях, но воспользовался смутным временем, чтобы утвердить свою власть в южной части Афганистана.

Себук-тегин[1], которого впоследствии услужливые генеалоги объявили потомком древнеперсидских царей[2], принадлежал к числу неверных[3] тюрков, взятых в плен или собственными соплеменниками, или саманидскими «борцами за веру», был привезен в Хорасан торговцем рабами и куплен в Нишапуре сипехсаларом Алп-тегином[4]. Достоинства молодого гуляма с первых дней обратили на себя внимание его хозяина, вследствие чего возвышение Себук-тегина шло гораздо быстрее обыкновенного[5]. После воцарения Мансура Себук-тегин последовал за своим повелителем в Газну, где оказал существенные услуги ему и его преемникам; последний из них, Пири, должен был уступить место Себук-тегину, который 20 апреля 977 г.[6] был провозглашен эмиром Газны. Теперь Себук-тегин, уже прославившийся своими победами в Афганистане и в Индии, по приглашению Нуха явился в Мавераннахр; около Кеша произошло свидание между ними, причем Себук-тегин дал Нуху клятву в верности и обязался помочь ему против врагов. Во время пребывания Нуха в Амуле ему оказали содействие хорезмшах и эмир Гурганджа (см. стр. 293); чтобы вознаградить их, Нух первому дал в удел город Абиверд, второму — город Неса. Фактически эти хорасанские города находились во власти Абу Али; очевидно, Нух этим подарком хотел создать последнему новых врагов. Абу Али добровольно уступил Неса, но решительно отказался допустить уполномоченного хорезмшаха в Абиверд; таким образом, он усилил и без того существовавшую рознь между обоими хорезмийскими государствами и устранил для себя всякую опасность с этой стороны. Военные действия произошли в Хорасане; к войску Нуха и Себук-тегина присоединились эмиры Гузгана

[1] Сохраняем общепринятое правописание этого имени, хотя, как замечает проф. Нёльдеке в частном письме ко мне, такое сочетание персидского прилагательного *себук* ('легкий', 'легкомысленный') с тюркским титулом тегин ('князь') является очень неправдоподобным. Этимологически наиболее вероятно чтение Сю-бег-тегин; сочетание двух последних титулов встречается довольно часто (см., например, *Тексты*, стр. 20— из анонимного историка XII в.), но соединения их со словом *сю* ('войско') нам не приходилось встречать. *Себук*, возможно, — тюркск. *себик* вместо *севик* ('возлюбленный'). Маркварт (*Komanen*, S. 50) дает написание Sübük-tigin, не объясняя, на чем оно основано. <По мнению П. Пельо, предпочтительнее чтение Себек-тегин или Себюк-тегин (Säbäk, Säbük); см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 116. — *Ред.*>

[2] Тексты, стр. 158 (Хафиз-и Абру); Низам ал-мульк, изд. Шефера, пер., 141 <прим.>.

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 107; <изд. Гани — Фейяза, 99>.

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 237—238; <изд. Гани — Фейяза, 202—203>.

[5] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 96 и сл.; пер., 140 и сл.

[6] Дата у Джузджани, пер. Раверти, I, 73—74; <изд. Нассау-Лиса, 7>.

и Гарджистана; эмир Гургана Дара б. Кабус, союзник Абу Али, перешел на сторону Нуха во время самой битвы, кончившейся полной победой саманидских войск (994 г.) [1]. За эту победу Себук-тегин получил почетный титул «защитника веры и державы» (Насир ад-дин ва-д-дауля), его сын Абу-л-Касим Махмуд — титул «меча державы» (Сейф ад-дауля). Абу Али и Фаик удалились в Гурган; место Абу Али в Нишапуре занял Махмуд, который принял меры к восстановлению спокойствия и безопасности в Хорасане; Нух вернулся в Бухару [2].

Абу Али и Фаик нашли убежище во владениях Буидов; им была отдана часть доходов области Гурган, но в дальнейшей поддержке им было решительно отказано. Весной 995 г. [3], по желанию Фаика и вопреки совету Абу Али, было решено снова идти на Хорасан. Им удалось разбить Махмуда, занять Нишапур, Тус и некоторые другие города. На окончательный успех не надеялся никто из мятежников; каждый в отдельности старался войти в сношения с правительством и получить помилование для себя лично. Решительная битва, кончившаяся полной победой Себук-тегина и его союзников (самому Нуху на этот раз не пришлось выступать), произошла в окрестностях Туса. Оба главных мятежника бежали в Серахс и оттуда в Амуль, пользуясь тем, что Себук-тегин со своим многочисленным войском не мог так быстро совершить переход через пустыню. Из Амуля оба отправили послов в Бухару и прибегли к милосердию Нуха; правительство ответило решительным отказом на просьбу Фаика; Абу Али было обещано полное помилование; ему предписали идти в Гургандж и остаться там у эмира Абу-л-Аббаса Мамуна б. Мухаммеда. Цель правительства — разъединить силы мятежников — была вполне достигнута; Абу Али принял помилование и вдоль берега Аму-Дарьи отправился в Хорезм [4]. Оставшись

---

[1] Согласно Утби (Утби—Манини, I, 189), в среду в середине рамазана 383 г. х., может быть 13 рамазана (1 ноября 993 г.).

[2] Утби, рук. Аз. муз., лл. 34—37; Утби — Манини, I, 180—199; Нершахи, изд. Шефера, 164—173. Рассказ Гардизи о тех же событиях не содержит ничего нового, кроме известия о хитрости Себук-тегина (оксфорд. рук., л. 135; кембридж. рук., л. 108б; <изд. Мухаммеда Назима, 55>), который, зная о предполагавшейся измене Дара, сказал в присутствии шпиона Абу Али, что Дара, Фаик и брат Абу Али Абу-л-Касим обещались перейти во время битвы на сторону правительства и что один из них обязался доставить в руки Себук-тегина самого Абу Али. Поэтому, когда Дара перешел на сторону врагов, Абу Али потерял доверие также к своим двум другим союзникам.

[3] Согласно Утби (Утби—Манини, I, 205), в рабиʿ I 385 г. х. (5 апреля—4 мая 955 г.).

[4] Так по Утби (рук. Аз. муз., лл. 37—41; Утби — Манини, I, 199—219; Нершахи, изд. Шефера, 174—186). По Гардизи (оксфорд. рук., л. 136; кембридж. рук., л. 109б; <изд. Мухаммеда Назима, 57>), Абу Али после битвы бежал в Рей, где получил пенсию в 50 000 дирхемов в месяц от Буида Али (т. е. от знаменитого Фахр ад-дауля), но все-таки вернулся в Нишапур ради женской любви (زنی را), был схвачен Махмудом и бежал из плена в Хорезм.

один, Фаик решил идти в Мавераннахр без согласия Нуха; посланный против него отряд, под начальством хаджиба Бегтузуна, встретил его около Несефа, но не вступил с ним в битву, и Фаик благополучно достиг владений Караханидов, где был радушно принят. Между тем отряд Абу Али около Хазараспа подвергся нападению со стороны хорезмшаха Абу Абдаллаха; сам Абу Али был взят в плен (19 сентября 996 г.) [1]; из его спутников только хаджиб Ильменгу достиг Гургандж а. Эмир Мамун воспользовался этим случаем, чтобы выступить в защиту человека, находившегося под его покровительством, и в то же время покончить со своим старым врагом. Хорезмшах Абу Абдаллах был взят в плен; его владения и его титул перешли к Мамуну. При посредничестве Мамуна было устроено полное примирение между Абу Али и бухарским правительством. Абу Али вернулся в Бухару, был торжественно встречен везиром Абдаллахом б. Узейром, хаджибом Бегтузуном и другими вельможами и принят Нухом во дворце на Ригистане (см. стр. 161 и сл.), но вслед за тем его по приказанию Нуха заключили в бухарскую цитадель и с ним восемнадцать человек из его братьев и военачальников [2].

В том же году произошло новое нашествие Караханидов. Владея только частью Мавераннахра, Нух не мог противопоставить тюркам значительных сил и должен был прибегнуть к помощи Себук-тегина. Последний находился в это время в Балхе; получив приглашение Нуха, он вступил в Мавераннахр с многочисленным войском, к которому присоединились эмиры Гузгана, Саганиана и Хутталя. Себук-тегин расположился в местности между Кешем и Несефом и потребовал, чтобы и Нух присоединился к его войску. Везир Абдаллах б. Узейр убедил Нуха в том, что присоединение главы Саманидов с находившимся в его распоряжении жалким отрядом к многочисленному войску Себук-тегина будет унижением для престола; вследствие этого Нух уклонился от исполнения требования. Себук-тегин отправил на Бухару двадцатитысячный отряд, под начальством своего сына Махмуда и своего брата Бограчука; этого было достаточно, чтобы принудить саманидское правительство ко всем уступкам. Везир был низложен и выдан Себук-тегину; вместо него был назначен приверженец Себук-тегина Абу Наср Ахмед б. Мухаммед б. Абу Зейд. Вместе с везиром были выданы также, по

---

[1] Утби — Маниии, I, 224: в субботу 1 рамазана 386 г. х., но эта дата, вероятно, неправильна: рамазан 386 г. х. начался в четверг, 17 сентября. См. ниже, стр. 325, прим. 1.

[2] Утби, рук. Аз. муз., лл. 41—43; Утби — Маниии, I, 219—231; Наршахи, изд. Шефера, 186—191; *Тексты*, стр. 12—13 (Гардизи; оксфорд. рук., л. 137; кембридж. рук., л. 110а; <изд. Мухаммеда Назима, 57—58> — здесь приводится число арестованных вместе с Абу Али).

требованию Себук-тегина, Абу Али и его хаджиб Ильменгу[1]; все они были заключены в крепость Гардиз. С Караханидами Себук-тегин заключил мир, причем границей между владениями Саманидов и Караханидов была признана Катванская степь. Таким образом, весь бассейн Сыр-Дарьи остался во власти Караханидов; по желанию Караханидов наместником Самарканда был назначен Фаик[2].

Себук-тегин, конечно, остался полным хозяином всех областей, расположенных к югу от Аму-Дарьи, и Нух уже не вмешивался в события, происходившие в Хорасане. В Мавераннахре везир Абу Наср старался восстановить порядок строгостью и «смывал кровь кровью»[3], но через пять месяцев был убит гулямами. Опасаясь, что его покровитель Себук-тегин обвинит правительство в соглашении с убийцами, Нух подверг последних жестокой казни и отправил посла к Себук-тегину с просьбой указать преемника убитому[4]. Себук-тегин предоставил выбор самому государю; выбор пал на Абу-л-Музаффара Мухаммеда б. Ибрахима ал-Баргаши, который остался в должности до смерти Нуха, последовавшей в пятницу 14 раджаба 387/23 июля 997 г.[5].

Сын и преемник Нуха, Абу-л-Харис Мансур (по рассказу Сам'ани[6], присяга ему была принесена только в ноябре 997 г.), отличался, по словам Бейхаки[7], большими достоинствами ума и характера, и строгостью на время восстановил порядок в своих владениях, но уже не

---

[1] По Гардизи (кембридж. рук., л. 110а; <изд. Мухаммеда Назима, 57>; в оксфорд. рук. здесь пропуск), это произошло еще в ша'бане 386 г. х., т. е. в августе или сентябре 996 г., что противоречит приведенной выше (см. стр. 324) дате взятия в плен Абу Али в Хорезме. Очень возможно, что у Утби по ошибке указан 386 г. х. вместо 385 г. х. и что взятие в плен Абу Али в Хорезме произошло 28 сентября 995 г.; согласно таблицам Вюстенфельда, первым днем рамазана 385 г. х. было воскресенье 29 сентября 995 г. н. э.; иначе остается слишком незначительный промежуток времени для последующих событий, до смерти Нуха. Кроме того, еще в 386 г. х. в народе ходили слухи об убиении Абу Али; ср. *Тексты*, стр. 60 (Сам'ани; изд. Марголиуса, л. 323б, под словом السيمجورى).

[2] Утби, рук. Аз. муз., лл. 44—46; Утби — Манини, I, 231—241; Нершахи, изд. Шефера, 191—195.

[3] Выражение Утби (рук. Аз. муз., л. 46; Утби — Манини, I, 241 يغسل دما بدم; Нершахи, изд. Шефера, 196).

[4] Утби, рук. Аз. муз., л. 47; Утби — Манини, I, 250; Нершахи, изд. Шефера, 199—200.

[5] Правильная дата у Утби (рук. Аз. муз., л. 48; Утби — Манини, I, 255): لثلث عشرة ليلة خلت; у персидского переводчика Утби (Нершахи, изд. Шефера, 201) и в других персидских источниках سيزدهم رجب; однако более вероятно, что пятницей было 14-е.

[6] *Тексты*, стр. 59 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом السمانى, л. 286б, см. последние слова).

[7] Изд. Морлея, 803. Исторические факты едва ли оправдывают эту характеристику.

мог спасти династию. Власть оставалась в руках Фаика и везира Баргаши. Абу Али и его приверженцы погибли в плену у Себук-тегина[1], только везир Абдаллах б. Узейр, неизвестно по какой причине, получил свободу и мог вернуться в Мавераннахр. По его наущению Абу Мансур Мухаммед б. Хусейн б. Мут Исфиджаби (вероятно, происходивший из рода владетелей Исфиджаба, см. выше, стр. 301, прим. 9) поднял восстание и призвал на помощь караханидского правителя Мавераннахра, илека Насра. Илек обещал им помощь и подступил к Самарканду, но здесь велел схватить обоих главных мятежников; с другой стороны, Фаик, прибывший в лагерь илека по его требованию, был принят с большим почетом и во главе 3000 всадников отправлен на Бухару. Мансур оставил свою столицу и бежал в Амуль. Заняв Бухару, Фаик объявил себя верным слугой Саманидов и побудил Мансура вернуться[2]. Другой хаджиб, Бегтузун, был отправлен в качестве сипехсалара в Хорасан, откуда Махмуд должен был удалиться после смерти своего отца Себук-тегина, последовавшей в том же 907 г., и вступления на престол его младшего сына Исма'ила, который не хотел уступить власть старшему брату.

Чтобы предотвратить новую междоусобную войну, Мансур старался восстановить согласие между главными вельможами, особенно между Фаиком и Бегтузуном. Несмотря на это, Фаик тайно уговорил правителя Кухистана, Абу-л-Касима Симджури, напасть на Бегтузуна; к большому неудовольствию Фаика, эта борьба кончилась победой Бегтузуна (в марте 998 г.)[3], после чего между ним и Бегтузуном был заключен мир, и в июле 998 г. Бегтузун вернулся победителем в Бухару. После этого произошла ссора между Фаиком и везиром Баргаши, который искал убежища у самого эмира. И в этом случае Мансур неудачно выступил в роли примирителя; Фаик требовал выдачи своего врага и грубо упрекал эмира; наконец, при посредничестве бухарских шейхов было достигнуто соглашение; Баргаши был лишен должности везира и удален в Гузган[4]. Последними везирами Саманидов, по словам Гар-

---

[1] Ср. *Тексты*, стр. 60 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом السامانى, л. 286б). Сказание о том, что тело благочестивого Абу Али осталось нетленным, свидетельствует о расположении духовенства к Симджуридам.

[2] Утби, рук. Аз. муз., лл. 50—51; Утби — Манини, I, 268—271; Наршахи, изд. Шефера, 205—206; Гардизи, оксфорд. рук., л. 137; кембридж. рук., л. 110б; <изд. Мухаммеда Назима, 59>.

[3] У Утби в рук. Аз. муз. (л. 54; также Утби — Манини, I, 287) — раби' II (апрель), но в переводе Рейнольдса (221) — раби' I; так же и у Гардизи (оксфорд. рук., л. 138; кембридж. рук., л. 111а; <изд. Мухаммеда Назима, 59>) и у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, IX, 97).

[4] Утби, рук. Аз. муз., л. 54; Утби — Манини, I, 289; de Sacy, *Histoire de Yémined-doula*, p. 369. По рассказу Бейхаки (изд. Морлея, 442—445; <изд. Гани—Фейяза, 357—

дизи, были Абу-л-Касим Аббас б. Мухаммед Бармаки и Абу-л-Фазл Мухаммед б. Ахмед Джейхани[1] (вероятно, сын Абу Абдаллаха Ахмеда); Утби[2] называет еще Абу-л-Хасана Хамули, который был отправлен в Бухару в качестве посла Махмуда, но там принял от Саманидов должность везира. На ход событий эти везиры, по-видимому, уже не имели никакого влияния.

Труднее всего было примирить интересы Бегтузуна с интересами Махмуда, который к этому времени одержал победу над своим братом Исма'илом, овладел Газной и теперь не хотел отказаться в пользу Бегтузуна от хорасанского наместничества. Тщетно Мансур старался удовлетворить Махмуда тем, что назначил его наместником Балха, Термеза, Герата, Буста и других городов; Махмуд требовал себе всего хорасанского наместничества и силою заставил своего соперника очистить Нишапур[3]. Мансур вместе с Фаиком вступил с войском в Хорасан, но, по словам Бейхаки, все еще надеялся покончить дело миром. На этот раз нерешительность эмира оказалась для него роковой. В Серахсе к нему присоединился с войском Бегтузун, который объяснил эту нерешительность тайным намерением вступить в соглашение с Махмудом; Фаик вполне разделял эти опасения и не без основания боялся, что его и Бегтузуна может постигнуть судьба Абу Али[4]. Вследствие этого они решили предупредить Мансура; в среду 1 февраля 999 г.[5] эмир был низложен, неделю спустя лишен зрения и отправлен в Бухару. Его преемником был провозглашен его младший брат Абу-л-Фаварис Абд ал-Мелик.

Махмуд объявил себя мстителем за низложенного эмира; тем не менее он очень скоро вступил в соглашение с врагами, отказался в пользу Бегтузуна от Нишапура и оставил за собой Балх и Герат, т. е.

360>), везир предвидел падение династии и потому сам решил заблаговременно удалиться от дел, сохранив свое имущество. С этой целью он притворился, что сломал себе ногу, и с помощью подкупленного им врача добился того, что эмир уволил его от должности и отпустил в имение, которое он незадолго перед тем приобрел в Гузгане. Прибыв туда, везир поспешил продать это имение и с «веселым сердцем и здоровой ногой» поселился в Нишапуре, где потом еще много лет вел пышный образ жизни и пользовался большим почетом.

[1] В обеих рукописях (оксфорд. рук., л. 138; кембридж. рук., л. 111a) الحياني; <ср. изд. Мухаммеда Назима, 59 الجيهاني>.

[2] Рук. Аз. муз., л. 55; Утби — Манини, I, 292; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, p. 370.

[3] Утби, рук. Аз. муз., лл. 55—56; Утби — Манини, I, 291—294; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, p. 370.

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 803—804; <изд. Гани — Фейяза, 640—641>.

[5] Одинаковая дата у Бейхаки (изд. Морлея, 804; <изд. Гани — Фейяза, 641>) и у Гардизи (оксфорд. рук., л. 138; кембридж. рук., л. 111a; <изд. Мухаммеда Назима, 60>): среда 12 сафара 389 г. х.

принял те же условия, которые в свое время были предложены ему Мансуром. Очевидно, его побудило к этому численное превосходство врагов, с которыми соединился Абу-л-Касим Симджури. Несмотря на очевидную невыгодность договора, Махмуд был так доволен им, что в знак радости роздал в качестве милостыни бедным 2000 динаров[1] (в мае 999 г.). Договор, однако, скоро был нарушен; арьергард Махмуда подвергся вероломному нападению, после чего война возобновилась. Махмуду удалось одержать блестящую победу, которая отдала в его власть весь Хорасан. Сохранилось письмо, в котором Махмуд извещает халифа ал-Кадира о своей победе[2]. В нем Махмуд утверждает, что единственной причиной войны был отказ Саманидов признать халифа. Махмуд «наследовал державу Саманидов» (выражение Утби) в областях к югу от Аму-Дарьи. Насколько изменились обстоятельства, видно уже из того, что Махмуд теперь не принял титула сипехсалара, но от себя назначил сипехсаларом Хорасана своего брата Насра. Абд ал-Мелик и Фаик бежали в Бухару, куда после тщетной попытки возобновить борьбу с Махмудом прибыл также Бегтузун. Летом того же года умер Фаик, после чего илек Наср[3] решил покончить с последними остатками господства Саманидов в Мавераннахре. По рассказу современника и очевидца события[4], Саманиды решили оказать врагам отчаянное сопротивление; по приказанию правительства хатибы бухарских мечетей убеждали народ взяться за оружие для защиты своей династии. В то время бухарцы, как вообще жители Мавераннахра, еще носили оружие; если бы Саманидам удалось организовать народное движение в свою пользу, то это причинило бы Караханидам серьезные затруднения, хотя едва ли могло бы предотвратить падение династии. Проповеди хатибов, однако, не имели никакого действия. Саманиды, не исключая самого Исма'ила[5], никогда не старались приобрести доверие народных масс и сделать их опорой своего престола; о том же свидетельствует преследование шиитских движений, несомненно имевших демократический характер. Мы знаем, что учение шиитов и при последних Саманидах имело в Мавераннахре тайных последователей, к числу которых принадлежали, между прочим, отец и брат знаменитого Авиценны[6].

---

[1] Так по Гардизи; у Бейхаки (изд. Морлея, 805; <изд. Гани — Фейяза, 641—642>) говорится только о раздаче большой суммы.

[2] Хилаль ас-Саби, *Та'рӣх*, текст, 341—345; пер., 366—370. Битва произошла около Мерва, во вторник 3 джумада I 389/16 мая 999 г.

[3] Он назван у Гардизи (кембридж. рук., л. 111б; <изд. Мухаммеда Назима, 60>) «братом хана».

[4] Розен, *Рассказ Хилâля ас-Сâби*, стр. 275; Хилаль ас-Саби, *Та'рӣх*, текст, 372 и сл.; пер., 400 и сл.

[5] См. характерный рассказ о нем у Ауфи (*Тексты*, стр. 90—91).

[6] Ибн Аби Усейби'а, II, 2; Ибн ал-Кифти, 413.

Сочувствие суннитского духовенства, как мы видели, несмотря на все заботы Саманидов о религии и ее представителях[1], также находилось не на стороне династии, а на стороне ее врагов, таких как Абу Али и Фаик. Население, не убежденное проповедью хатибов, обратилось «к тем, которые у них считались факихами», т. е., по справедливой догадке бар. В. Р. Розена, к представителям неофициального духовенства, всегда имевшего на население гораздо больше влияния, чем назначенные правительством хатибы и имамы. Как всегда бывало в аналогичных случаях[2], суеверные кочевники, сравнительно недавно принявшие ислам, были гораздо более усердными почитателями религии и ее служителей, чем культурное правительство. Поэтому мы, вопреки мнению бар. В. Р. Розена, едва ли имеем основание утверждать, что факихи «несомненно» были подкуплены Караханидами. Как бы там ни было, население последовало совету своих учителей и решило, что, «когда борьба идет из-за благ сего мира», то мусульманам нет надобности «подставлять себя для убиения». Илек объявил, что идет в Бухару только в качестве друга и защитника Саманидов; население встретило завоевателей совершенно пассивно; предводители бухарских военных сил, Бегтузун и Янал-тегин, добровольно явились в лагерь завоевателей, где были задержаны. В понедельник[3] 23 октября 999 г. илек без сопротивления занял Бухару и овладел казной Саманидов. Абд ал-Мелик и все прочие члены династии были отправлены в Узгенд, куда вернулся и сам илек, оставив в Бухаре и Самарканде своих наместников. Так, при всеобщем равнодушии, совершилось падение знаменитой династии. Едва ли кто-нибудь в то время сознавал значение исторического события, навсегда положившего конец господству туземного арийского элемента[4].

Мы не имеем точных данных для решения вопроса, кто после смерти Богра-хана Харуна стоял во главе династии Караханидов[5]. Может

[1] Ср. сообщенный проф. В. А. Жуковским (*К истории персидской литературы*, стр. 05) интересный рассказ о составлении при Саманидах религиозного руководства на арабском и персидском языках. Упомянутого в этом рассказе Абу-л-Касима Самарканди называют также, вместе с Абу Мансуром Матуриди, главным защитником правоверия против му'тазилитов и керрамийцев (*Тексты*, стр. 50 — Несефи, *Кандийа*; ср. пер. Вяткина, 263).

[2] Ср. Dozy, *Essai*, p. 364.

[3] Так — верно — у Гардизи (оксфорд. рук., л. 139; кембридж. рук., л. 111б; <изд. Мухаммеда Назима, 61>); у Утби (рук. Аз. муз., л. 60; Утби — Манини, I, 319; Нершахи, изд. Шефера, 216) и в позднейших источниках (Мирхонд, *История Саманидов*, изд. Дефремери, 197) по ошибке вторник.

[4] Ср. замечание проф. Нёльдеке (Nöldeke, *Das iranische Nationalepos*, S. 152, Anm. 6): «одна из печальнейших катастроф в истории той страны».

[5] <См. новую работу: Pritsak, *Die Karachaniden. — Ред.*>

быть, это был отец Насра, Арслан-хан Али, который, по словам Джемаля Карши[1], погиб мученической смертью в январе 998 г.; о роде его смерти можно судить по прилагаемому к нему эпитету *харīқ* ('сгоревший'). Наср, носивший титул Арслан-илека, во всяком случае был только удельным правителем Мавераннахра, жившим в Узгенде. В государстве Караханидов, как во всех кочевых империях, понятие о родовой собственности было перенесено из области частноправовых отношений в область государственного права. Государство считалось собственностью всего ханского рода и разделялось на множество уделов; крупные уделы в свою очередь делились на множество мелких; власть главы империи иногда совсем не признавалась могущественными вассалами. Удельная система, как всегда, была причиной частых междоусобий и постоянной смены правителей; оттого мы не имеем никакой возможности точно установить хронологию царствования отдельных членов династии. Даже монеты Караханидов, дошедшие до нас в довольно большом числе, не помогают нам разрешить этот вопрос, так как, при отсутствии точных исторических данных, мы часто не знаем, принадлежат ли различные титулы, упомянутые на одной и той же монете, одному или нескольким лицам.

В первые годы XI в. Караханидам в Мавераннахре пришлось подавить движение, вызванное Саманидом Абу Ибрахимом Исма'илом, одним из братьев Мансура и Абд ал-Мелика, уведенных в плен в Узгенд, откуда ему удалось спастись бегством в женском платье[2]; Исма'ил, принявший титул Мунтасира, т. е. «победоносного», прибыл в Бухару и оттуда в Хорезм, где вокруг него собралось значительное число приверженцев, вероятно, не без согласия хорезмшаха Абу-л-Хасана Али, сына и преемника Мамуна, убитого в 997 г. своими воинами[3]. Во главе собранного Мунтасиром войска был поставлен хаджиб Арслан-Ялу, которому удалось вытеснить из Бухары караханидского правителя города, Джа'фар-тегина. Остатки разбитого войска соединились с войском самаркандского наместника Тегин-хана, но последний около моста через Зеравшан также был разбит саманидскими войсками и должен был бежать. Мунтасир вернулся в Бухару[4], где, если верить Утби[5], с

[1] *Тексты*, стр. 132—133.

[2] Утби, рук. Аз. муз., л. 61; Утби — Манини, I, 320; Нершахи, изд. Шефера, 217. В книге Лэн-Пуля и в моем переводе (*Мусульманские династии*, стр. 108, 109) он по ошибке назван Ибрахимом.

[3] Утби, рук. Аз. муз., л. 48; Утби — Манини, I, 254 и сл.; Нершахи, изд. Шефера, 201.

[4] Вероятно, это произошло еще в 1000 г.; к этому году (390 т. х.) относится одна из монет, чеканенных Мунтасиром в Бухаре. Ср. Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 169.

[5] Рук. Аз. муз., л. 61; Утби — Манини, I, 323; Нершахи, изд. Шефера, 218.

радостью был принят жителями. Несмотря на такие успехи, борьба с главными силами илека все-таки оказалась невозможной; при приближении его Мунтасир и Арслан-Ялу бежали через Амуль в Персию. Борьба их с Махмудом и его братом Насром, несмотря на некоторые временные успехи, была также неудачной; Мунтасир приписал вину своему главному сподвижнику, хаджибу Арслан-Ялу, которым он и прежде был недоволен за слишком самостоятельный образ действий, и велел его убить[1]. Когда последние силы Мунтасира были уничтожены Насром, претендент в 1003 г. вернулся в Мавераннахр и прибег к помощи гузов (туркмен). По рассказу Гардизи[2], предводитель гузов Пейгу (вероятно, следует читать Ябгу)[3] только по этому случаю принял ислам; вернее предположить, что это был сын Сельджука, еще прежде, как мы видели, оказавшего Саманидам помощь в борьбе с Караханидами. Рассчитывая на богатую добычу, гузы охотно присоединились к Мунтасиру и помогли ему разбить войско Сюбаши-тегина на берегу Зеравшана и потом войско самого илека около Самарканда (летом 1003 г.), причем взяли в плен 18 военачальников. Гузы решительно отказались выдать пленных Мунтасиру и оставили их у себя, очевидно в надежде получить за них выкуп; Мунтасир заподозрил их в желании вступить в сношения с илеком и решил покинуть их. Поздней осенью 1003 г. он у Даргана с небольшим отрядом (300 всадников и 400 пехотинцев) переправился по льду через Аму-Дарью и прибыл в Амуль. В 1004 г. он сделал попытку утвердиться в Неса и Абиверде, но был разбит отрядом хорезмшаха, посланным по просьбе жителей; среди его сподвижников, павших в этой битве, упоминается, между прочим, сын Таша[4]. В третий раз Мунтасир с остатками своего войска явился в Мавераннахр; разбитый бухарским наместником, он укрепился в Нуре и оттуда произвел нападение на своего врага, стоявшего у Дабусии; на этот раз битва кончилась победой Мунтасира, после чего, наконец, произошло народное движение в пользу Саманидов. Глава самаркандских газиев, Харис, носивший прозвание Ибн Алемдара (букв. 'Сын знаменщика'), присоединился к Мунтасиру с 3000 воинов; шейхи[5] города вооружили 300 гулямов; гузы

---

[1] Утби, рук. Аз. муз., л. 63; Утби — Манини, I, 329; Нершахи, изд. Шефера, 221.

[2] *Тексты*, стр. 13 (Гардизи). У Утби (рук. Аз. муз., л. 64; Утби — Манини, I, 335; Нершахи, изд. Шефера, 222) менее подробно.

[3] <По мнению П. Пелью, возможно и чтение Бэйку или Бэйгу, так как в монгольской ономастике встречается имя Бай-ху (Pai-hou, соотв. *Baïqu или *Baïγu); кроме того, известно тюркское название ловчей птицы بيغو (*бигу*), наподобие сокола. См. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 16. — *Ред.*>

[4] Утби, рук. Аз. муз., л. 65; Утби — Манини, I, 340; Нершахи, изд. Шефера, 225.

[5] В арабском подлиннике مشايخ (Утби — Манини, I, 341), в персидском переводе خواجكان.

также снова присоединились к войску Мунтасира. С этими силами ему в ша'бане 394 г. х. (май — июнь 1004 г.) удалось разбить при Бурнемеде главные силы илека или даже, если верить Гардизи[1], войско «великого хана». Но торжество его продолжалось недолго; хан вернулся с новыми силами и вступил с ним в битву в Голодной степи, между Дизаком и Хавасом. Гузы, довольствуясь добычей, доставшейся им при Бурнемеде, вернулись в свои кочевья и в этой битве уже не участвовали; во время самой битвы один из военачальников Мунтасира, Хасан б. Так, с 5000 человек перешел на сторону илека. Мунтасир снова бежал в Хорасан, откуда в четвертый раз вернулся в Мавераннахр, увлеченный обещаниями своего родственника, Саманида Ибн Сурхака, жившего в Бухаре; по тайному соглашению с илеком Ибн Сурхак старался привлечь Мунтасира в Мавераннахр, обещая ему свое содействие. По дороге в Бухару Мунтасир был покинут своими воинами, которые присоединились к Сулейману и Сафи, хаджибам илека; остатки войска Мунтасира были окружены врагами; последние заняли все переправы через Аму-Дарью. Мунтасиру удалось спастись только с восемью спутниками; его братья и приверженцы были взяты в плен и отправлены в Узгенд. Сам Мунтасир в начале 1005 г.[2] был убит предводителем одного из арабских племен, живших в окрестностях Мерва.

После смерти последнего представителя династии Саманидов оставался только вопрос о разделении наследства между Караханидами и Махмудом. Торжественное вступление на престол Махмуда, в качестве независимого правителя, произошло в том же месяце, как вступление войск илека в Бухару, т. е. в месяце зу-л-ка'да 389 г. х. (октябрь—ноябрь 999 г.). Новый «приближенный (*валй*) повелителя правоверных» получил от халифа Кадира диплом на Хорасан, венец и почетные титулы «десницы державы и доверенного лица религиозной общины»[3] (Йемин ад-дауля ва амин ал-милля); со своей стороны, Махмуд ввел в Хорасане хутбу на имя халифа Кадира, который был возведен на престол Буи-

---

[1] *Тексты,* стр. 13; численность отряда Ибн Алемдара здесь определена только в 1000 человек.

[2] По Гардизи (оксфорд. рук., л. 142; кембридж. рук., л. 114а; <изд. Мухаммеда Назима, 65>),—в раби' II 395 г. х.; согласно Утби (рук. Аз. муз., л. 66; Утби — Манини, I, 346; Нершахи, изд. Шефера, 228) — в раби' I.

[3] Утби, рук. Аз. муз., л. 60; Утби — Манини, I, 317; Гардизи, оксфорд. рук., л. 140; кембридж. рук., л. 112б; <изд. Мухаммеда Назима, 62>. Третий титул: «убежище державы и ислама» (Кехф ад-дауля ва-л-ислам), по словам Гардизи (оксфорд. рук., л. 158; кембридж. рук., л. 127а; <изд. Мухаммеда Назима, 87—88>), был получен Махмудом только в 1026 г. Рассказанный у Низам ал-мулька (изд. Шефера, текст, 131—136; пер., 193—200) анекдот, по-видимому, не имеет никакого исторического основания.

дами еще в 991 г., но не был признан Саманидами [1]. Махмуд окружил себя еще большей внешней пышностью, чем Саманиды; при нем, по крайней мере в придворной жизни, был введен титул *султан*. Вопреки рассказам историков [2], нельзя сказать, чтобы это слово, первоначально означавшее 'власть, правительство', преимущественно правительство законного халифа, до Махмуда совсем не прилагалось к единоличным правителям; в этом смысле оно встречается еще у Табари [3]. Титул султана носили также Фатимиды; астрономические таблицы Ибн Юнуса [4] посвящены «эмиру правоверных Абу Али ал-Мансуру, султану ислама, имаму ал-Хакиму би-амри-ллах» (996—1021). Макдиси [5] беседовал «с султанами и везирами» и об одном небольшом городе в Средней Азии говорит, что в нем «большая часть жителей — неверные, но султан его — мусульманин». Махмуда называли султаном придворные историки и поэты, вероятно также составители официальных документов; в общежитии как Махмуда, так и его преемников продолжали называть эмирами. У Бейхаки действующие лица в своих разговорах постоянно называют Мас'уда эмиром; Гардизи почти совсем не употребляет слово «султан», которое не встречается также на монетах первых Газневидов [6].

«Клиентами (*мавлā*) повелителя правоверных» [7] признали себя также Караханиды, по крайней мере в Мавераннахре, где с первых лет господства династии стали чеканить монеты с именем халифа Кадира [8]. Илек Наср носит на монетах титул «защитника истины» (Насир ал-хакк). Соглашение между ним и Махмудом произошло еще во время борьбы с Мунтасиром; Махмуд в 1001 г. отправил в качестве послов в Узгенд шафиитского имама Абу Тайиба Сахля б. Мухаммеда Са'луки и серахского наместника Туганчика; Наср дружелюбно принял послов и отправил с ними к султану драгоценные подарки: произведения рудников, мускус, коней и верблюдов, рабов и рабынь, белых соколов, черные меха, рог хуту [9], куски нефрита и китайские драгоценности.

---

[1] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 103; Хилаль ас-Саби, *Та'рйх*, текст, 341; пер., 366. Ср. Тизенгаузен, *О саманидских монетах*, стр. 234.

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 92; Джузджани, пер. Раверти, I, 75—76; Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 44; пер., 68.

[3] Табари, III, 1894, где говорится о присутствии султана в битве.

[4] Лейденск. рук. № 143 (о ней см. *Catalogus LB*, vol. III, p. 88).

[5] Макдиси, 44, 275.

[6] Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 243.

[7] Эти слова встречаются уже на бухарской монете 390/1000 г. (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 198).

[8] С 393/1003 г. (там же, стр. 200).

[9] BGA, IV, 222 <глоссарий> خُرُّوس. Теперь это выражение понимают как клыки моржей и нарвалов. См. Laufer, *Arabic and Chinese Trade*, pp. 315—364; Pelliot, *Adden-*

Махмуд взял себе в жены дочь Насра; был заключен договор на тех же условиях, как прежде договор между Богра-ханом и Абу Али, т. е. границей между обоими государствами была признана Аму-Дарья[1]. Договор скоро был нарушен Караханидами. Махмуд взял на себя обязательство ежегодно совершать газават в Индии[2]; во время одного из таких походов, в 1006 г., когда Махмуд находился в Мультане, Караханиды отправили на Хорасан два отряда; первый, под начальством Сюбаши-тегина, должен был занять Нишапур и Тус, второй — под начальством Джа'фар-тегина — Балх. Оба отряда выполнили свою задачу; жители Балха оказали врагам упорное сопротивление, за что их город был подвергнут разграблению[3]; в Нишапуре население встретило завоевателей совершенно пассивно, аристократия[4] и здесь, как в Мавераннахре, приняла их сторону. Махмуд, получив известие о нашествии, быстро вернулся в Газну и заставил Джа'фар-тегина отступить из Балха к Термезу; Сюбаши-тегин также не мог выдержать борьбу с Махмудом и его полководцами и только с ничтожной частью своего войска достиг Мавераннахра, отправив свой обоз к хорезмшаху Али[5]; брат Сюбаши и с ним 900 воинов были взяты в плен. Чтобы отвлечь Махмуда от Сюбаши, илек отправил в Балх вторично Джа'фар-тегина с 6000 войска; этот отряд был истреблен на берегу Аму-Дарьи братом Махмуда Насром[6]. Гардизи[7] сообщает некоторые подробности об одной из битв на берегу Аму-Дарьи, где было произведено нападение на остатки войска тюрков; воины Махмуда «запели тюркскую песнь по хотанской мелодии»; услышав эти звуки, тюрки от страха бросились в волны реки, где часть их утонула; Махмуд удержал своих воинов от

---

da, pp. 365—370) (ср. Laufer, *Sino-Iranica*, p. 565 sq.); Ruska, DI, Bd IV, S. 239 (тем же автором высказано другое мнение: *Noch einmal al-Chuluww*, S. 163 sq.); Ferrand, *Relations*, t. II, p. 679 sq.

[1] Утби, рук. Аз. муз., лл. 87—88; Утби — Манини, II, 28—32; Гардизи, оксфорд. рук., л. 140; кембридж. рук., л. 113а; <изд. Мухаммеда Назима, 63>.

[2] Утби, рук. Аз. муз., л. 60; Утби — Манини, I, 318.

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 688; <изд. Гани — Фейяза, 551>; *Тексты*, стр. 157 (Хафиз-и Абру).

[4] Утби, рук. Аз. муз., л. 97б; Утби — Манини, II, 77: ومايلهم كثير من اعيان خراسان.

[5] Вилькен в своем переводе Мирхонда (*История Газневидов*, 163) приписывает отправку обоза в Хорезм Арслан-Джазибу, но текст (там же, 31) не дает основания для такого перевода. Эта ошибка перешла в труды Захау (Sachau, *Zur Geschichte*, II, S. 8) и проф. Веселовского (*Очерк историко-географических сведений*, стр. 45). Несмотря на примечание Захау, Рейнольдс в этом случае вполне точен; ср. Утби, рук. Аз. муз., л. 98; также de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, p. 385.

[6] Утби, рук. Аз. муз., лл. 97—99; Утби — Манини, II, 77—82; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, pp. 384—387.

[7] *Тексты*, стр. 113—114. Текст, к сожалению, сильно искажен не только в оксфордской рукописи, но и в кембриджской, с которой я познакомился летом 1899 г.

преследования, боясь, что отчаяние придаст врагам храбрости и изменит исход сражения.

На упреки илека военачальники будто бы ответили, что «нет возможности бороться с этими слонами, этим вооружением и этими людьми»[1]. Илек решил отомстить Махмуду за поражение и в следующем году возобновил поход с более значительными силами; он прибег к помощи «дихканов Мавераннахра»[2] и заключил союз со своим родственником Кадыр-ханом[3] Юсуфом, владетелем Хотана. Утби подробно описывает наружность этих тюрков «с широкими лицами, маленькими глазами, плоскими носами, малым количеством волос [в бороде], с железными мечами, в черной одежде». Битва произошла около моста Шархиян, в 4 фарсахах[4] от Балха, по словам Гардизи, в воскресенье 22 раби' II 398/4 января 1008 г. В войске Махмуда было 500 слонов, с которыми тюрки не умели сражаться, и которые, судя по рассказу историков, главным образом решили исход битвы. Войско Караханидов было совершенно разбито; значительное число воинов утонуло в реке во время бегства[5].

Этой битвой прекратилось наступательное движение Караханидов на Хорасан. Дальнейшие совместные действия были невозможны уже вследствие раздоров среди самих Караханидов; старший[6] брат илека, Туган-хан кашгарский, заключил союз против своего брата с Махмудом Илек хотел совершить поход из Узгенда на Кашгар, но глубокие снега заставили его вернуться назад. После этого обе стороны отправили послов к Махмуду, который с успехом принял на себя роль посредника в их споре; при этом он старался произвести на послов впечатление блеском своего двора и принял их в торжественной аудиенции, окруженный своей гвардией в блестящих одеждах. Из слов Утби можно заключить, что это событие произошло в 402/1011-12 г.

---

[1] Гардизи, оксфорд. рук., л. 144; кембридж. рук., л. 116а; <изд. Мухаммеда Назима, 69>: بسیار سرهنگان گفتند که با آن فیلان وسلاح وآلت ومردان هیچکس مقاومت نتواند کرد.

[2] Утби, рук. Аз. муз., л. 99; Утби — Манини, II, 83: واستنفر دهاقين ماوراء النهر.

[3] Слово قدر в титуле قدر خان является, конечно, не арабским существительным, а тюркским прилагательным. Ср. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, II, 326. Написание قَدَر дано у Махмуда Кашгарского (I, 304), где титул объясняется: الجبّار الصعب من الملوک.

[4] У Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, IX, 135) — 2 фарсаха.

[5] Утби, рук. Аз. муз., лл. 99—100; Утби — Манини, II, 83—86; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, pp. 386—387; Гардизи, оксфорд. рук., лл. 144—145; кембридж. рук., лл. 116а — 116б; <изд. Мухаммеда Назима, 69>.

[6] Утби, рук. Аз. муз., л. 112; Утби — Манини, II, 128: الكبير.

По словам Утби[1], илек умер в 403/1012-13 г.; ему наследовал в Мавераннахре его брат Туган-хан. Выяснение истории Караханидов, как мы уже видели, представляет большие трудности; на основании монетных данных Дорн[2] пришел к выводу, что Мавераннахр завоевали два брата, Насир ал-хакк Наср и Кутб ад-дауля[3] Ахмед, из которых Наср был старший и потому занимал первое место, но Ахмед пережил брата. Монеты с именем Насра б. Али[4] доходят до 401/1010-11 г.; неизвестно, принял ли его преемник также титул Насир ал-хакк; в противном случае придется признать, что он царствовал до 406/1015-16 г.[5]. Монеты с именем Ахмеда б. Али доходят до 407/1016-17 г. Распространялась ли власть Туган-хана кашгарского фактически на Мавераннахр, трудно решить, так как на дошедших до нас монетах этого хана не видно ни года, ни места чеканки[6]. Номинально Туган-хан, как «старший» брат, вероятно, был главой династии еще при жизни илека Насра, которого Гардизи в рассказе о завоевании Мавераннахра называет «братом хана». Число различных титулов и имен на монетах, чеканенных в Мавераннахре в течение первых лет V в. х., так велико, что на основании их трудно прийти к каким-нибудь историческим выводам. Имя четвертого брата, Абу Мансура[7] Мухаммеда б. Али, впоследствии принявшего титул Арслан-хана, встречается уже на монете, чеканенной в Бухаре в 403/1012-13 г.[8]. Арслан-хан также враждовал с Туган-ханом, как показывает рассказ Бейхаки[9] о «ханах и илеке», сражавшихся между собой около Узгенда и помирившихся в 1016 г. благодаря посредничеству хорезмшаха Мамуна; последний искал союзников в предстоявшей ему борьбе с Махмудом. Возможно также, что военные действия

---

[1] Рук. Аз. муз., л. 131; Утби — Манини, II, 219; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, p. 397.

[2] Dorn, *Über die Münzen*, S. 706—707.

[3] На некоторых монетах еще Наср ал-милля (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 210, 221). Встречающийся на монетах титул Кара-хан или Кара-хакан, вероятно, относится не к одному из братьев и не к их сюзерену, а к их отцу Али; ср. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 210; *Тексты*, стр. 84 (Ауфи). Хилаль ас-Саби (*Ta'rīḫ*, текст, 396; пер., 424) называет только احمد بن علی قراخان как преемника بغرا خاقان.

[4] Имя Наср уйгурскими буквами на монетах, чеканенных в Осрушане в 409 и 410 гг. х. (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 235), вероятно, относится к другому лицу.

[5] Там же, стр. 217.

[6] Там же, стр. 224; Dorn, *Über die Münzen*, S. 707.

[7] Так у Утби (рук. Аз. муз., л. 132; Утби — Манини, III, 227): ارسلان خان ابو منصور الاصم; у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, IX, 210) и на многих монетах: Абу-л-Музаффар.

[8] Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 226.

[9] Изд. Морлея, 844; <изд. Гани — Фейяза, 673>.

около Узгенда происходили между Арслан-ханом, правителем Мавераннахра, и Кадыр-ханом, который, как мы увидим дальше, в это время уже владел Кашгаром.

О том, как Махмуд завладел Хорезмом, мы находим у Бейхаки очень подробный и очень характерный рассказ[1], извлеченный из «Истории Хорезма» Бируни. Хорезмшаху Мамуну наследовал, как мы видели, его сын Абу-л-Хасан Али; рассказ о походе Сюбаши-тегина (см. стр. 334) показывает, что Али некоторое время находился в зависимости от Караханидов; сближение его с Махмудом, вероятно, было вызвано поражением илека и его союзников. По словам Утби[2], Али женился на сестре Махмуда. Таким же союзником Махмуда был брат и преемник Али, Абу-л-Аббас Мамун б. Мамун, за которого также была выдана сестра султана; по Гардизи[3], этот брак был заключен в 406/1015-16 г. Когда халиф Кадир прислал Мамуну почетную одежду, диплом, знамя и титул «ока державы и украшения религиозной общины» (Айн ад-дауля ва зейн ал-милля), то Мамун боялся, что принятие им этих даров непосредственно от халифа вызовет неудовольствие Махмуда; поэтому он не решился принять посла в своей столице; Бируни должен был выехать навстречу послу в степь и там принять от него подарки. Когда Махмуд заключил мирный договор с Туган-ханом и илеком, хорезмшах, вопреки желанию своего могущественного союзника, решительно отказался присоединиться к этому договору, что вызвало некоторое охлаждение между обоими государями. По совету везира Абу-л-Касима Ахмеда б. Хасана Мейменди, Махмуд решил испытать верность Мамуна; везир как бы от своего имени, в разговоре с послом хорезмшаха, высказал желание, чтобы хорезмшах ввел в своих владениях хутбу на имя султана, причем прибавил, что действует без ведома последнего. Все это, по словам Бейхаки, произошло еще в 1014 г. Хорезмшах, конечно, понял, что везир не предъявил бы такого требования без разрешения государя, но все-таки медлил исполнить волю Махмуда; тогда требование было повторено везиром в более решительной форме. Мамун созвал военачальников и наиболее почетных представителей населения, передал им требование Махмуда и сказал, что намерен исполнить его, так как в противном случае погубит себя и страну. Вельможи решительно отказались одобрить такое решение, вышли из дворца, развернули зна-

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 838 и сл.; <изд. Гани — Фейяза, 668 и сл.>. Этим рассказом воспользовался также Захау в своей монографии о Хорезме (см. выше, стр. 45, 66).

[2] Рук. Аз. муз., лл. 134—135; Утби — Манини, II, 251 ابو الحسن على; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, p. 398, где хорезмшах по ошибке назван Абу Али.

[3] Оксфорд. рук., л. 147; кембридж. рук., л. 118 б; <изд. Мухаммеда Назима, 73>.

мена и обнажили оружие; произносились резкие выражения (вероятно, по адресу Мамуна и Махмуда). Чтобы успокоить недовольных, Мамун был принужден объявить, что никакого требования предъявлено не было и что он хотел только испытать их верность. После этого Бируни «языком золота и серебра» уговорил вельмож выразить раскаяние и извиниться перед государем за свою дерзость. В то же время хорезмшах, по совету Бируни, предложил свое посредничество воевавшим между собой Караханидам, устроил между ними примирение и заключил с ними союз. Узнав об этом, Махмуд из Балха отправил посольство к «хану и илеку», выражая им свое неудовольствие; они ответили, что считали хорезмшаха другом и зятем Махмуда и, согласно с прежним желанием самого Махмуда, смотрели на договор с ним только как на дополнение договора с султаном; если между султаном и хорезмшахом существуют какие-нибудь недоразумения, то они предлагают свое посредничество. На это предложение не последовало никакого ответа. О посольстве Махмуда Караханиды известили хорезмшаха, который предложил им отправить с разных сторон несколько отрядов в Хорасан для партизанской войны, но при этом не обижать мирных жителей и смотреть на поход только как на средство для восстановления мира. Караханиды решительно отказали хорезмшаху в вооруженной помощи, но возобновили свое предложение о посредничестве, которое было принято Мамуном. Зимой 1016/17 г. Махмуд в Балхе принял послов хана и илека и отпустил их с вежливым ответом, что серьезного разногласия между ним и хорезмшахом не было, а то, что было, вполне устранено заступничеством Караханидов.

Вслед за тем Мамун получил от имени султана следующее характерное письмо: «Известно, на каких условиях был заключен между нами договор и союз и насколько он, хорезмшах, обязан нам. В этом вопросе о хутбе он оказал повиновение нашей воле, зная, чем для него может кончиться это дело; но его люди ему не позволили. Я не употребляю выражения «гвардия и подданные», так как тех нельзя назвать гвардией и подданными, которые в состоянии говорить царю: делай это, не делай того. В этом видны слабость и бессилие власти; так оно и было. На этих людей я разгневался, долгое время пробыл здесь в Балхе и собрал 100 000 всадников и пехотинцев и 500 слонов для этого дела, чтобы наказать мятежников, оказывающих сопротивление воле своего государя, и наставить их на истинный путь. В то же время мы разбудим эмира, нашего брата и зятя, и покажем ему, как надо управлять государством; слабый эмир не годится для дела. Вернуться в Газну мы теперь могли бы только после получения вполне определенного извинения; при этом он должен исполнить одно из следующих трех требований: 1) или с полным повиновением и готовностью, как он обязал-

ся, ввести хутбу [на имя султана]; 2) или прислать нам деньги и достойные нас подарки, чтобы все это потом тайно было послано ему обратно, так как лишних денег нам не нужно; и без того у нас гнутся земля и крепости от тяжелого бремени золота и серебра; 3) или прислать к нам из своей области, с просьбой о милости, вельмож, имамов и факихов, чтобы мы могли вернуться обратно со столькими тысячами народа, которых привели».

Фактически требовалось исполнение всех трех условий; по крайней мере так был понят ультиматум Махмуда хорезмшахом, который ввел хутбу на имя султана сначала в своих хорасанских владениях, в Неса и Фераве [1], потом также в других городах, кроме обеих столиц (Кята и Гурганджа); были отправлены шейхи, казии и вельможи и с ними 80 000 динаров и 3000 коней. Войско хорезмшаха, под начальством главного хаджиба Алп-тегина [2] бухарского, стояло у Хазараспа, вероятно в виду военных приготовлений Махмуда; теперь оно обратилось против своего собственного государя. Везир и некоторые другие советники хорезмшаха были убиты, остальные спаслись бегством; сам хорезмшах заперся в своем замке, но мятежники подожгли его и во время пожара убили государя (в среду 20 марта 1017 г.). Мятежники возвели на престол семнадцатилетнего племянника убитого, Абу-л-Хариса Мухаммеда б. Али; фактически вся власть оставалась в руках Алп-тегина и назначенного им везира; мятежники делали все, что хотели, грабили и убивали богатых; каждый, кто мог, пользовался случаем, чтобы устранить своих личных врагов.

Опасаясь за судьбу своей сестры, вдовы Мамуна, Махмуд сначала, по совету везира, выказал притворную умеренность и потребовал только введения хутбы на имя султана и выдачи убийц. Посол как бы от себя должен был дать хорезмийцам совет, что лучшее средство умилостивить султана — с почетом отправить к нему его сестру. Как и ожидал везир, хорезмийцы немедленно отправили вдову хорезмшаха в Хорасан; в то же время главари мятежников велели схватить 5—6 человек, объявили их убийцами Мамуна, посадили в тюрьму, обязались выдать их немедленно после заключения договора и также прислать Махмуду 200 000 динаров и 4000 коней. Все это время Махмуд употребил для военных приготовлений; по приказанию везира были приготовлены корабли в Хуттале, Кувадиане и Термезе, а в Амуле — провиант для войска. Чтобы еще больше задержать хорезмийцев, Махмуд отправился в Газну, куда увез и послов, и только тут дал им решительный ответ, требуя выдачи Алп-тегина и других предводителей мятежников. Хорезмийцам

[1] См. выше, стр. 210.

[2] Он назван تيالتكين (т. е. ينالتكين) у Утби — Манини, II, 254.

не осталось ничего другого, как приготовиться к отчаянному сопротивлению; им удалось собрать до 50 000 всадников.

Отправляясь в поход, Махмуд предупредил «илека и хана туркестанского», что идет отомстить за смерть зятя и подчинить себе область, бывшую как для него, так и для них только предметом беспокойства. Караханиды, конечно, понимали, насколько невыгоден для них переход Хорезма во власть Махмуда; все-таки они и тут не решились нарушить договор и в своем ответе даже одобрили намерение Махмуда наказать мятежников, «чтобы и другим неповадно было проливать кровь царей». Предоставленные своим собственным силам, хорезмийцы недолго могли сопротивляться войску Махмуда, который выступил в поход из Амуля и, очевидно, шел вдоль левого берега Аму-Дарьи[1]. Из Джа'фарбенда[2], расположенного на границе Хорезма, Махмуд отправил вперед авангард, под начальством Мухаммеда б. Ибрахима ат-Таи[3]; отряд подвергся нападению со стороны хорезмийцев, которые, под начальством Хумар-Таша Шераби, неожиданно явились со стороны степи и причинили войску Махмуда большие потери. Махмуду удалось подоспеть вовремя для спасения своего авангарда; после этого хорезмийцы были разбиты и сам Хумар-Таш взят в плен. На другой день при Хазараспе произошло столкновение с главными силами хорезмийцев, которые также были обращены в бегство; при этом были взяты в плен два других предводителя мятежников, Алп-тегин Бухари и Сайяд-тегин Хани[4]. После этого войско Махмуда[5] пошло на столицу Хорезма (Кят), которая была взята 3 июля 1017 г.[6]. Три предводителя восстания были растоптаны ногами слонов; трупы их положили на клыки слонов и

---

[1] О военных действиях, кроме Бейхаки (изд. Морлея, 850—851; <изд. Гани — Фейяза, 677—678>) говорит также Гардизи (*Тексты*, стр. 14). Ниже приведены некоторые поправки к изданному мною тексту, заимствованные из кембриджской рукописи.

[2] Очень вероятно, что этот город тожествен с Джигербендом (см. стр. 197); о различных чтениях этого названия см. Макдиси, 287, прим. *g*; Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 60—61.

[3] У Бейхаки — Мухаммед А'раби; вероятно, это был предводитель отряда хорасанских бедуинов. Утби (Утби — Манини, II, 256) называет его Абу Абдаллах Мухаммед б. Ибрахим, который был طليعة السلطان فى كماة العرب.

[4] Некоторые подробности об этих событиях сообщает также Утби (рук. Аз. муз., л. 136; Утби — Манини, II, 258), по словам которого только Алп-тегин решился дать султану резкий ответ на его упреки; остальные ответили молчанием.

[5] В тексте после слов وسپاه يمين الدوله пропущено: روى بخوارزم نهادند وشهر خوارزم را بگرفتند اول كار آن كرد يمين الدوله.

[6] Приведенная у Гардизи дата (5 сафара) подтверждается словами Бейхаки (изд. Морлея, 848; <изд. Гани — Фейяза, 676>), что господство мятежников продолжалось четыре месяца.

несли по городу, провозглашая, что такова участь цареубийц; после этого трупы были повешены на три виселицы, поставленные на могиле Мамуна и построенные частью из жженого кирпича. Другие мятежники были подвергнуты разным наказаниям, смотря по степени их вины; по словам Утби, кроме убийц Мамуна, поплатились также лица, которых Махмуд заподозрил в ереси, другими словами те, от которых он желал избавиться из политического расчета. Молодой хорезмшах и все члены его династии должны были последовать за Махмудом в его владения, где были заключены в разные крепости; отряды хорезмийского войска были уведены в цепях в Газну, потом получили свободу, были приняты в войско Махмуда и употреблены в дело при индийских походах. Хорезмшахом был назначен главный хаджиб[1] Махмуда, Алтунташ; до окончательного умиротворения страны при нем должен был состоять отряд войска Махмуда, под начальством Арслан-Джазиба.

Обладание Хорезмом давало Махмуду перевес над Караханидами; к тому же междоусобия в стране последних лишали их возможности предпринимать завоевательные походы. Наши сведения об истории Мавераннахра в эту эпоху довольно смутны. По рассказу Утби[2] и Ибн ал-Асира[3], Туган-хан, верный союзник Махмуда, умер в том же 408/1017-18 г., скоро после большой победы, одержанной им над многочисленным войском неверных (более 100 000[4] шатров), пришедшим со стороны Китая. Его брат и преемник, Арслан-хан Абу Мансур Мухаммед б. Али «глухой»[5], отличался крайним благочестием; при нем продолжалась дружба с Махмудом. Махмуд обратился к нему и «к его брату илеку» с просьбой выдать их родственницу за старшего сына Махмуда, Мас'уда; царевна была принята в Балхе с большими почестями, однако Махмуд Кашгарский в *Дīв'н луғ't ат-турк*[6] рассказывает характерный анекдот о ссоре, окончившейся побоями, между Мас'удом и его тюркской женой в их первую брачную ночь. По словам Бейхаки[7], жена Арслан-хана ежегодно отправляла в подарок Махмуду раба и рабыню; с своей стороны Махмуд посылал ей драгоценные материи, жем-

---

[1] В тексте после слов وحاجب بزرگ خویش пропущено: التونتاش را بخوارزمشاهی نامزد کرد وخوارزم وکرکانج بدو داد واورا تا آخر عهد خویش.

[2] Рук. Аз. муз., лл. 131—132; Утби — Манини, II, 227, без дат.

[3] Изд. Торнберга, IX, 209—210.

[4] По Утби (Утби-Манини, II, 220) — 100 000; по Ибн ал-Асиру — 300 000. Здесь приводится также другое известие, по которому этот поход произошел еще в 403 г. х., при Ахмеде б. Али.

[5] الاصمّ (у Утби). Неизвестно, имеем ли мы здесь прозвание или указание на действительный физический недостаток.

[6] Махмуд Кашгарский, I, 394.

[7] Изд. Морлея, 305; <изд. Гани — Фейяза, 252>.

чуг и греческую парчу. Ибн ал-Асир[1] рассказывает, что в плену у Арслан-хана находился Али-тегин, брат илека-ильхана (завоевателя Мавераннахра); ему удалось бежать в Бухару, где он овладел городом и заключил союз с Арсланом, сыном Сельджука. Против них выступил «илек, брат Арслан-хана», но был разбит ими. Они остались в Бухаре; дурные поступки Али-тегина вызвали тот поход Махмуда, о котором будет речь ниже. Тот же историк в своем очерке истории Караханидов[2] рассказывает, что после смерти Туган-хана Кадыр-хан Юсуф, сын Богра-хана Харуна (первого завоевателя Бухары), правивший от имени Туган-хана в Самарканде, отказался подчиниться Арслан-хану и призвал на помощь Махмуда; Махмуд на кораблях переправился через Аму-Дарью (это был его первый поход на Мавераннахр), но потом отступил. Арслан-хан и Кадыр-хан заключили между собой мир и союз с целью завоевать владения Махмуда и вместе в 410/1019-20 г. произвели нашествие на Хорасан, но потерпели страшное поражение при Балхе. Вскоре после битвы Махмуд получил поздравление от хорезмшаха Алтунташа, который узнал о победе своего государя только по многочисленным шапкам убитых тюрков, принесенным в Хорезм течением Аму-Дарьи. После этого произошло свидание Кадыр-хана с Махмудом.

Несмотря на все эти подробности, мы можем сказать с уверенностью, что рассказанного здесь похода Махмуда на Мавераннахр и битвы 410 г. х. никогда не было; иначе нельзя бы было объяснить полное молчание Утби и Гардизи. Одной из причин похода 1025 г. Гардизи[3] называет желание Махмуда «переправиться через Аму-Дарью и посмотреть ту область», из чего также можно заключить, что поход 1025 г. был первым походом Махмуда на Мавераннахр. Махмуд действительно был союзником Кадыр-хана Юсуфа в его борьбе с другими представителями династии, только эта борьба произошла несколькими годами позже, и Кадыр-хан правил не в Самарканде, а в Восточном Туркестане.

Мы видели (см. стр. 335), что Утби в рассказе о войне 1007-08 г. называет Кадыр-хана владетелем Хотана; если верить Ибн ал-Асиру[4], то завоевание этого города и утверждение в нем ислама также было делом Кадыр-хана. Очень вероятно, что после смерти Богра-хана Харуна и перехода господства к другой ветви Караханидов сын Богра-хана Юсуф не получил удела, но сумел привлечь на свою сторону беспокой-

---

[1] Изд. Торнберга, IX, 323.

[2] Там же, 210—211. Ср. также Нершахи, изд. Шефера, 234 (изд *Та'рӣх-и Хайдарӣ*). У Ибн ал-Асира год не приводится.

[3] *Тексты*, стр. 14.

[4] Изд. Торнберга, IX, 211.

ные элементы народа и с их помощью сам создал себе владение[1]. После этого он постепенно вытеснил своих соперников из остальных городов Восточного Туркестана. Мы видели, что в начале XI в. в Кашгаре правил Туган-хан, старший брат илека Насра; но уже в 404/1013-14 г. в Яркенде, в 405 г. х. также в Кашгаре, чеканились монеты с именем халифа Кадира и Кадыр-хана Юсуфа, причем последний носит титул «защитника державы» (Насир ад-дауля) и «царя востока» (Мелик ал-машрик). Монеты с именем Кадыр-хана чеканились в Кашгаре и в следующие годы[2], из чего можно вывести заключение, что Туган-хан лишился Восточного Туркестана задолго до того времени, к которому историки относят его смерть, и оставался только правителем Семиречья, может быть также верховным владетелем Мавераннахра. Его брат Мухаммед б. Али при жизни брата, судя по монетным данным, был удельным князем Мавераннахра, до Тараза включительно; после смерти брата (вопреки словам историков, это, может быть, произошло еще в 406/<1016-17> г.) он принял титул Арслан-хана и правил до 415/1024-25 г.[3]. В это время, может быть еще в последние годы царствования Арслан-хана, произошли беспорядки, которыми воспользовался Али-тегин. Трудно сказать, был ли он в самом деле братом илека Насра (следовательно, также Туган-хана и самого Арслан-хана), как уверяет Ибн ал-Асир. Несмотря на продолжительность правления Али-тегина, мы не имеем никаких монет с этим именем. Очень вероятно, что Али-тегину должны быть приписаны многочисленные фельсы этого периода с титулами илек, Арслан-илек и Арслан-тегин. Имени Али б. Али на монетах совсем нет; на одной монете, чеканенной в Керминии в 424/<1033> г., есть имена Али б. Мухаммед (на одной стороне) и Али б. Хусейн[4] (на другой); имя Али б. Хусейн встречается на дабусийских монетах 425/<1033-34> г.[5]. Все это не говорит в пользу известия Ибн ал-Асира. Как мы увидим дальше, брат Али-тегина носил титул Туган-

[1] По-видимому, к завоеванию Хотана Кадыр-ханом относится рассказ, приведенный у Ибн ал-Каланиси (71), где говорится, что тюрк Дузбири, который впоследствии стал везиром фатимидского халифа, был взят в плен в ختل и отправлен в Кашгар, откуда он бежал в Бухару, но был там вторично обращен в рабство и отправлен в Багдад, а потом в Дамаск. Область Хутталь стала мусульманской задолго до этого; кроме того, это название всегда встречается в форме الختل и дано в этой форме самим Амедрозом в указателе. Вероятнее всего, что нужно читать ختن <Хотан>.

[2] Марков, *Инвентарный каталог,* стр. 192.

[3] Там же, стр. 226—245. Судя по некоторым монетам, имя илека, которого Утби и Ибн ал-Асир называют братом Арслан-хана (см. выше, стр. 336, 341), было Ахмед.

[4] Dorn, *Über die Münzen,* S. 727.

[5] Ibid., S. 728—729; Dorn, *Nachträge,* S. 63. На те же монеты (в одном случае он приводит чтение Хасан) обратил внимание еще Ховорс (Howorth, *The Northern Frontagers,* pt IX, pp. 485—486), который также приписывает их Али-тегину.

хана и правил в Семиречье; очень вероятно, что этот Туган-хан II и Али-тегин были сыновьями Туган-хана I, который мог носить мусульманское имя Хусейна. На некоторых монетах этого периода мы встречаем имя Юсуф или Юсуф б. Али[1]; так как монеты с этим именем встречаются еще много лет после смерти Али-тегина, то очень вероятно, что это имя носил сын и преемник последнего; на Востоке часто имя наследника престола чеканилось на монетах еще при жизни отца. Сам Али-тегин пришел в Мавераннахр еще в царствование Насра, так как, по Бейхаки[2], везир Мейменди в 1032 г. говорил султану Мас'уду, что Али-тегин уже тридцать лет находится в Мавераннахре.

Смутами в государстве Караханидов Махмуд воспользовался для того, чтобы вступить с войском в Мавераннахр. Война была начата под тем предлогом, что в Балх часто приходили жители Мавераннахра с жалобами на действия Али-тегина и что Али-тегин не пропускал послов Махмуда, отправлявшихся к «тюркским царям», т. е. к правителям Восточного Туркестана[3]. В 1025 г. Махмуд переправился через Аму-Дарью[4], устроив на реке мост из судов, связанных между собой цепями[5]. Из владетелей Мавераннахра первым присоединился к Махмуду саганианский эмир, потом хорезмшах Алтунташ. Махмуд устроил лагерь для своего многочисленного войска, а для самого себя велел приготовить шатер, в котором помещалось до 10 000 всадников. В то же время со стороны Кашгара вступил в Мавераннахр Кадыр-хан, которого Гардизи называет «главой всего Туркестана» и «великим ханом». Он дошел до Самарканда; у ворот этого города, если верить Бейхаки[6], произошло дружественное свидание между ним и Махмудом. Более подробный рассказ Гардизи заставляет полагать, что лагерь Махмуда, куда отправился хан, находился значительно южнее, так как хан, «прибыв в Самарканд, оттуда отправился дальше, с самыми мирными намерениями, дошел до расстояния одного фарсаха от войска эмира Махмуда и там остановился. Разбили шатры; [хан] отправил послов, известил эмира Махмуда о своем прибытии и выразил желание увидеться с ним»[7]. Рассказ Гардизи дает нам полное понятие о церемониале, соблюдавшемся в эту эпоху при свидании между независимыми и одинаково могущественными государями.

В ответ на посольство Кадыр-хана Махмуд назначил место для свидания; оба государя прибыли туда с несколькими всадниками. «Завидев

[1] Dorn, *Über die Münzen*, S. 724; Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 248.

[2] Изд. Морлея, 418; <изд. Гани — Фейяза, 338>.

[3] Последний мотив приведен у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, IX, 323).

[4] О дальнейшем см. *Тексты*, стр. 14—17 (Гардизи).

[5] Приведенные в тексте технические подробности для меня не вполне ясны.

[6] Изд. Морлея, 82, 255; <изд. Гани — Фейяза, 79, 216>.

[7] <Гардизи, кембридж. рук., л. 124 а; изд. Мухаммеда Назима, 82.>

друг друга, оба сошли с коней; эмир Махмуд еще прежде отдал казначею драгоценный камень, завернутый в платок; [теперь] он велел вручить его Кадыр-хану[1]. Кадыр-хан также принес с собой драгоценный камень, но вследствие овладевшего им страха и смущения забыл о нем. Расставшись с Махмудом, он вспомнил о камне, послал его через одного из своих приближенных, попросил извинения и вернулся [в свой лагерь]»[2]. «На другой день эмир Махмуд велел разбить большой шатер из вышитой парчи и приготовить все для угощения; [после этого] он через посла пригласил к себе в гости Кадыр-хана. Когда пришел Кадыр-хан, Махмуд велел[3] как можно более пышно украсить стол; эмир Махмуд и хан поели за одним столом. После окончания обеда они перешли в „зал веселия"; зал был великолепно разукрашен редкими цветами, нежными плодами, драгоценными камнями, вышитыми золотом тканями, хрусталем, прекрасными зеркалами [и разными] редкими вещами, так что Кадыр-хан не мог оправиться от смущения[4]. Некоторое время они сидели; Кадыр-хан не пил вино, так как у царей Мавераннахра нет обычая пить вино, особенно у царей тюрков. Некоторое время они слушали музыку; потом [Кадыр-хан] встал; тогда эмир Махмуд велел принести достойные его подарки, именно золотые и серебряные кубки[5], драгоценные камни, редкости из Багдада, хорошие ткани, драгоценное оружие, ценных коней с золотыми уздечками, усеянными драгоценными камнями, десять слонов-самок с золотыми уздечками и палками, осыпанными драгоценными камнями; мулов из Берда'а[6] с золоченой сбруей, носилки[7] для езды на верблюдах, с поясами, золотыми и серебряными палочками[8] и колокольчиками, также носилки из вышитой парчи; дорогие ковры армянского изделия, коврики увейсийские (?) и пестрые; вышитые платки[9]; табаристанские материи с клеймом, окрашенные в розовую краску; индийские мечи; камарийское[10] алоэ,

[1] Там же: تا در دست قدر خان داد.

[2] <Гардизи, кембридж. рук., лл. 124 а—124 б; изд. Мухаммеда Назима, 83.>

[3] Буквы و перед словом بفرمود в кембридж. рук. нет.

[4] В кембридж. рук. خیره ماند.

[5] В кембридж. рук. انیها.

[6] Город, находившийся, как известно, в Закавказье. О разрушении этого города русами см. Barthold, *Bardh'a*; Margoliouth, *The Russian seizure of Bardha'ah*, pp. 82—95. <См. также: Якубовский, *Ибн Мискавейх о походе русов в Берда'а.* — *Ред.*>

[7] После هرّادا в кембридж. рук.: بزر هودجهای استران (sic) باکمرها وباهمهای زرین وسیمین وجلاجل وهودجهایی از الخ.

[8] По аналогии с عصا надо думать, что имеется в виду слово باهو.

[9] دستها — возможно, куски тканей.

[10] Не от мыса Коморин (в Индии), как утверждалось в русском издании 1900 г., а от Кхмера (Камбоджа); ср. Ferrand, *Relations*, t. I, p. 284 (другие упоминания см. там же, Index).

макасирское сандаловое дерево[1], серую амбру; онагров-самок; шкуры берберских тигров; охотничьих собак, соколов и орлов, приученных к охоте на журавлей, антилоп и другую дичь. Он отпустил Кадыр-хана с полным почетом, оказал ему много милости и извинился перед ним [за недостаточность угощения и подарков]. Вернувшись в свой лагерь и осмотрев все эти редкости, драгоценности, оружие и богатство, Кадыр-хан пришел в изумление и не знал, чем ему отплатить за это. Потом он велел казначею открыть двери казны, вынул оттуда много денег и послал к эмиру Махмуду вместе с произведениями Туркестана, именно: хорошими конями с золотой сбруей, тюркскими рабами с золотыми поясами и колчанами, соколами и кречетами, мехами соболей, белок, горностаев, черных лисиц и ласок, сосудами (т. е. бурдюками) из шерсти двух баранов с рогами хуту, китайской парчой и т. п.[2]. Оба государя расстались вполне довольные, в мире и в дружбе»[3].

Что касается политических результатов свидания, то было решено общими силами отнять у Али-тегина Мавераннахр и отдать его Ягантегину[4], второму сыну Кадыр-хана, который должен был жениться на дочери Махмуда Зейнаб. Кадыр-хан обязался выдать свою дочь за эмира Мухаммеда, второго сына Махмуда, которого отец, недовольный своим старшим сыном Мас'удом, хотел объявить наследником престола[5]. Эти предположения, однако, не осуществились. Махмуд прежде всего обратился на союзных с Али-тегином туркмен, во главе которых стоял сын Сельджука Исраил[6]. Махмуду удалось взять в плен Исраила (по Ибн ал-Асиру, для этого пришлось прибегнуть к вероломству), который был отправлен в Индию и там заключен в крепость; его орды частью были истреблены, частью отложились от своих начальников[7]

[1] Чтение مصفرى в тексте — искаженное из مقاصيرى, ср. Ferrand, *Relations*, t. II, pp. 605, 617, n. 8. <«Макасирское (=макассарское? — *Ред.*) сандаловое дерево» — так в англ. изд. 1928 г.; в русск. изд. 1900 г. было: «масфарийский (?) сандал». — *Ред.*>

[2] Термин دار خاشالى (в кембридж. рук. خاشاك) мне непонятен.

[3] <Весь рассказ о свидании султана Махмуда с Кадыр-ханом см.: Гардизи, кембридж. рук., лл. 124 а — 125 б; изд. Мухаммеда Назима, 82—85. — *Ред.*>

[4] В рукописях يغا и يغان; конечного *н* нет и на монетах (Dorn, *Über die Münzen*, S. 706, 721; Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 243; в обоих случаях имеется в виду другое лицо, не сын Кадыр-хана). Все-таки нам кажется наиболее правдоподобным предполагать здесь слово *Ягāн* ('слон'), по аналогии со словами Арслан и Богра. Пропуск конечного *н* встречается на монетах и в других случаях (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 192). <В англ. изд. 1928 г. — Yaghān. — *Ред.*>

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 230, 655; <изд. Гани — Фейяза, 197, 526—527>.

[6] Так еще у Гардизи (*Тексты*, стр. 17); Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, IX, 266, 323) называет его Арсланом. Очень вероятно, что таково было тюркское имя Исраила.

[7] По Гардизи (оксфорд. рук., л. 156), они, в числе 4000 семейств, принесли Махмуду жалобу на своих начальников (امـــرا); ср. кембридж. рук., л. 125 б; <изд. Мухаммеда Назима, 85>.

(потомков Сельджука) и с позволения Махмуда переселились в Хорасан.

Али-тегин покинул Самарканд и Бухару и бежал в степь; его обоз был настигнут Бильгя-тегином, хаджибом Махмуда; при этом были взяты в плен жена и дочери Али-тегина. Несмотря на все эти успехи, Махмуд вернулся в Балх и оттуда в Газну, не приняв никаких мер к обеспечению интересов своих союзников. Очевидно, в его планы не входило уничтожение одной из двух главных ветвей Караханидов, которое сделало бы Кадыр-хана полновластным правителем всего Туркестана. Впоследствии мы видим во власти Газневидов только Термез, Кувадиан, Саганиан и Хутталь[1], т. е. области, тяготевшие к Балху и, вероятно, еще раньше находившиеся в зависимости от Махмуда (ср. выше, стр. 339). Царевич Яган-тегин прибыл в Балх с намерением идти оттуда в Газну, жениться на газневидской царевне и с помощью тестя овладеть Бухарой и Самаркандом. Махмуд попросил его вернуться обратно, причем объявил, что идет теперь на город Сомнат (в Индии), что за это время им, вероятно, удастся победить своих туркестанских соперников и что тогда можно будет общими силами завоевать Мавераннахр. Царевич, конечно, понял истинный характер такого ответа и покинул Балх с чувством обиды. Кадыр-хану и его сыновьям удалось победить Туган-хана, брата Али-тегина, и отнять у него Баласагун[2]. Махмуд после возвращения из Индии отправил в Мерв факиха Абу Бекра Хусейри. В Мавераннахре, судя по словам Бейхаки, произошли какие-то военные действия, о которых мы не знаем никаких подробностей и которые окончились миром[3]. Во всяком случае, Али-тегин остался правителем Бухары и Самарканда. Его брат Туган-хан, вытесненный из Баласагуна, по-видимому, владел некоторое время Ахсикетом, где в 417/1026 г. и 418/1027 г. чеканились монеты с его именем; в южной части Ферганы, именно в Узгенде, бывшей столице илека Насра, уже с 416/1025 г. чеканилось на монетах имя Кадыр-хана, которое с 420 г. х. встречается также на монетах, чеканенных в Ахсикете[4].

В 1026 г. в Газну прибыли послы от двух немусульманских владетелей, Кыя-хана и Богра-хана[5]; судя по титулам, это были тюркские ханы, может быть принадлежавшие также к династии Караханиды

---

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 98; <изд. Гани — Фейяза, 92>.

[2] Бейхаки, изд. Морлея, 98, 655; <изд. Гани — Фейяза, 91, 526>.

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 655—656; <изд. Гани — Фейяза, 526—527>. Очень жаль, что до нас не дошла та глава книги Бейхаки, где подробно говорилось об этих событиях.

[4] Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 246, 250.

[5] <В изд. Мухаммеда Назима (87) имена ханов: قتا خان واقغر خان.— *Ред.*>

дов. Они выразили Махмуду свою покорность и желание вступить в родство с Газневидами. Махмуд принял послов с почетом, но дал им такой ответ: «Мы — мусульмане, а вы — неверные; [оттого] мы не можем выдавать за вас своих сестер и дочерей; но если бы вы приняли ислам, то дело могло бы устроиться» [1].

В том же 1026 г. Махмуд принимал послов халифа Кадира, принесших ему диплом на завоеванные им области и новые титулы для него самого, его сыновей и его брата Юсуфа [2]. В своих сношениях с халифом Махмуд выставлял себя истинным преемником Саманидов, верховным властителем всего востока <халифата>; между ним и халифом был заключен договор, по которому халиф обязался не иметь сношений с Караханидами и не посылать им подарков иначе, как через посредство Махмуда [3]. По рассказу Низам ал-мулька [4] (впрочем, очень сомнительному), Махмуд в сношениях с халифом называл Караханидов своими подданными, хотя, как мы видели, на самом деле сносился с главою этой династии совершенно на равных правах.

Отношения между Караханидами и Газневидами несколько изменились после смерти Махмуда, последовавшей в четверг 30 апреля 1030 г. Как мы видели, власть Махмуда распространялась только на некоторые области Мавераннахра; но его царствование имеет большое значение в истории всего востока, так как при нем получили полное развитие осно-

[1] *Тексты,* стр. 17 (Гардизи); <изд. Мухаммеда Назима, 87>. Раверти называет этих владетелей братьями Кадыр-хана, причем ссылается на Гардизи; но в оксфордской и кембриджской рукописях этой подробности нет. Это тюркское посольство также упомянуто, на основании не дошедшего до нас источника, в анонимном филологическом трактате, изданном П. М. Мелиоранским (*Араб-филолог о турецком языке,* текст, стр. 80; пер., стр. 041). Автор трактата цитует طبائع الحيوان врача Шереф аз-замана ал-Мервези, труд которого мог бы быть очень интересен для нас. Сообщается, что в нем были названия областей (*навāхӣ*) китайцев и тюрков. Говорится о письмах, отправленных государем (صاحب) Китая и государем тюрков в 418/1027 г., однако автор добавляет, что письма были датированы пятым месяцем года мыши, что соответствует 1024 г. Из этих источников Шереф аз-заман заимствовал имена двенадцати животных цикла тюркского календаря. В этом перечне год рыбы (*балығ*) занимает место года дракона, а год тигра (*барс* или *қаплāн*) именуется также годом льва (*арслāн,* в рук. صلان, что Мелиоранский не смог объяснить). <Главы из трактата Шереф аз-замана Тахира Мервези, посвященные Китаю, тюркам и Индии, издал в 1942 г. В. Ф. Минорский (арабский текст, перевод и комментарии) (см. Библиографию). Автор филологического трактата (арабско-тюркского словаря), изданного П. М. Мелиоранским, сейчас известен — это Ибн Муханна. Как указал П. Пелью, صلان следует считать ошибочным написанием вместо قبلان 'тигр', а не رصلان (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* pp. 17—18). — *Ред.*>

[2] Гардизи, оксфорд. рук., л. 158; кембридж. рук., л. 127 а; <изд. Мухаммеда Назима, 87—88>.

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 359; <изд. Гани — Фейяза, 291>.

[4] Изд. Шефера, текст, 132; пер., 193.

вы восточно-мусульманской правительственной системы; сторонники этой системы, как Низам ал-мульк, чаще всего ссылаются на Махмуда. Мы поэтому считаем нужным несколько подробнее остановиться на главных чертах царствования Махмуда, тем более, что эта работа еще никем не была произведена. Даже новейший историк ислама, А. Мюллер [1], говоря о чертах характера Махмуда, останавливается почти исключительно на его неутомимой энергии; из отрицательных качеств Махмуда указывается только его «близорукий фанатизм», благодаря которому лились потоки крови неверных в Индии и беспощадно истреблялись еретики в собственных владениях султана.

Но царствование Махмуда представляет и другие, притом еще более темные стороны, и его подданные гибли тысячами не только по обвинению в ереси, но и от разорительных налогов. Индийские походы Махмуда доставляли огромную добычу ему самому, его гвардии и многочисленным «добровольцам», стекавшимся к нему отовсюду, между прочим и из Мавераннахра [2]; иногда Махмуд воздвигал на эти средства великолепные постройки, например, мечеть и медресе в Газне [3]; но для народных масс эти походы были только источником разорения. Махмуду для его походов нужны были деньги; перед одним из походов он велел в два дня собрать необходимую сумму, что и было исполнено, причем, по выражению придворного историка, жители были «ободраны, как бараны» [4]. Такие факты показывают, что едва ли только на везира Абу-л-Аббаса Фазла б. Ахмеда Исфераини, как уверяет тот же историк [5], падает ответственность за те разорительные налоги, вследствие которых «земельные участки большею частью были запущены, искусственное орошение в некоторых местах пришло в упадок, в других — прекратилось совсем». При таких обстоятельствах наступил голодный год (401/1010-11 г.). Вследствие ранних морозов хлеб не уродился [6], и жители терпели страшную нужду, хотя хлеб имелся в Нишапуре в достаточном количестве; по свидетельству Утби [7], на базаре одно время оставалось до 400 манов [8] непроданного хлеба. Приводя этот факт, историк только умиляется перед всемогуществом Того, «Кто осуждает

---

[1] Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 53, 60—61, 75.

[2] Утби, рук. Аз. муз., л. 136; Утби — Манини, II, 262 и сл. Здесь говорится о 20 000 газиев «из ближайших и отдаленнейших мест Мавераннахра».

[3] Утби, рук. Аз. муз., лл. 141—142; Утби — Манини, II, 290 и сл.; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, pp. 404—405.

[4] Утби, рук. Аз. муз., л. 122; Утби — Манини, III, 168: سلخوا سلخ الغنم.

[5] Утби, рук. Аз. муз., л. 120; Утби — Манини, III, 158 и сл.

[6] *Та'рӣх-и Бейхак*, рук. Брит. муз., л. 102 а (извлечение из утраченной части *Та'рӣх-и Бейхакӣ*).

[7] Рук. Аз. муз., л. 112; Утби — Манини, II, 127.

[8] Или *ал-минā*, ср. Хорезми, *Мафātӣх*, 14, 67 и сл.

на гибель, кого хочет, хотя бы пища была налицо в изобилии». В одном Нишапуре и его окрестностях будто бы погибло до 100 000 человек; об этой цифре еще с большим правом, чем о цифре погибших в Индии, как это делает А. Мюллер, можно сказать: «schon der vierte Theil wäre furchtbar». Собаки и кошки были почти истреблены; были случаи людоедства; виновные, конечно, подвергались строгой каре, которая, однако, не оказывала никакого действия. Султан ограничился тем, что велел своим наместникам раздавать деньги беднейшим жителям.

Более действительные меры пришлось принять, когда вследствие разорения жителей прекратилось поступление податей и везир ответил решительным отказом на денежные требования султана. Султан нашел нужным прибегнуть к содействию представителя аристократии, стоявшего вне бюрократических элементов, именно к содействию балхского реиса [1], дихкана Абу Исхака Мухаммеда б. Хусейна. Неизвестно, какими средствами реису удалось (в том же 401 г. х.) собрать в Герате значительную сумму. Везир все-таки отказался принять меры к пополнению недостающих средств и добровольно отправился в тюрьму, чем возбудил в султане сильный гнев. Имущество везира было конфисковано; его заставили дать клятву, что он нигде не скрыл денег; потом будто бы открылось, что он все-таки отдал некоторую сумму на хранение одному из балхских купцов. Процесс возобновился; несчастный каждый день подвергался пытке, от которой в конце концов умер (404/1013-14 г.). Султан воспользовался тем, что смерть везира произошла в его отсутствие, и объявил свое неудовольствие слишком усердным исполнителям его воли [2].

Великолепные постройки Махмуда воздвигались на средства, добытые в Индии, но содержание их также ложилось тяжелым бременем на население. Хафиз-и Абру [3] приводит из утраченной части сочинения Бейхаки характерный рассказ о великолепном саде, устроенном Махмудом в Балхе; содержание его было вменено в обязанность жителям города. Султан устраивал в саду пиры, но всегда пир скоро прекращался. Однажды султан спросил своих приближенных, не знают ли они, отчего, при всей прелести сада, никогда не удается устроить в нем веселый пир. Абу Наср Мишкан (амид, учитель Бейхаки) попросил позволения говорить откровенно и объявил, что «жители Балха все опечалены бесполезным содержанием этого сада и каждый год распределяют между собой уплату больших сумм ради этой печальной статьи расхода; по этой причине и в сердце султана не проникает веселье». Султан рассердился и несколько дней не говорил с Абу Насром. Вскоре после

[1] О значении этой должности см. выше, стр. 293—294.

[2] Утби, рук. Аз. муз., л. 121; Утби — Манини, II, 160 и сл. (дата на стр. 161).

[3] *Тексты*, стр. 157—158.

того султан на одной из балхских улиц был остановлен толпой народа, который принес ему жалобу на эту тяжелую повинность; султан тотчас решил, что жалобщики были подговорены Абу Насром, хотя последний ничего не знал об их намерении. После этого Махмуд призвал балхского реиса и спросил, сколько вреда причинили городу в 1006 г. Караханиды, которых он прогнал. Реис ответил, что этот убыток не может быть выражен никакими цифрами: «они подвергли город бессмысленному разрушению: нужно много времени для того, чтобы город снова пришел в прежнее состояние, да и то сомнительно». Тогда султан заметил: «Такие бедствия мы удаляем от жителей города, а они тяготятся содержанием одного сада для меня». Реис принес извинение и сказал: «Тот человек [принесший жалобу] с нами не виделся, и [вообще] эта жалоба была принесена без ведома хороших и знатных людей». Все-таки султан четыре месяца спустя, отправляясь в Газну, велел написать приказ, по которому жители Балха освобождались от обязанности содержать сад; эта обязанность была перенесена на евреев, причем было предписано не брать с них более 500 дирхемов.

Итак, в смысле забот о благе народа Махмуда никак нельзя причислить к просвещенным деспотам. Что касается покровительства, которым пользовались при его дворе поэты и ученые, то даже А. Мюллер [1], несмотря на свое пристрастие к Махмуду, признает, что в этом покровительстве видно только тщеславное желание сделать свой двор средоточием всего блестящего и выдающегося, а не искренняя любовь к просвещению. Забота Махмуда о делах веры также не может быть признана доказательством искреннего благочестия. Махмуд не мог не понять связи между политическим консерватизмом и религиозным; оттого он оказывал покровительство улемам и шейхам, но только до тех пор, пока они оставались послушным орудием его политики. В исключительных случаях, когда дело шло о небольшой денежной сумме, Махмуд мог уважить ходатайство отдельного представителя духовенства и отменить тот или другой налог [2]; но его взгляд на роль духовенства, как сословия, особенно ясно виден из его отношения к пиэтистическому движению, возникшему в это время в Нишапуре [3]. Виновником движения был отшельник Абу Бекр Мухаммед б. Исхак, глава керрамийской секты, основанной Абу Абдаллахом Мухаммедом б. Керрамом [4]. Еще отец Абу Бекра принадлежал к числу уважаемых отшельников; сам Абу

[1] Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 62.

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 247.

[3] О нем подробно у Утби (рук. Аз. муз., лл. 143—146; Утби — Манини, II, 309 и сл.; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, pp. 406—407).

[4] О секте керрамийцев говорит также Шахристани (пер. Хаарбрюкера, I, 29—30, 119 и сл.), который также упоминает об антропоморфизме этой секты и о ее значении в царствование Махмуда.

Бекр пользовался значением еще при Себук-тегине; Махмуд продолжал оказывать покровительство как ему, так и другим представителям секты. Утби приводит стихи одного поэта того времени, по которым настоящим вероучением (*дӣн*) было только вероучение Мухаммеда б. Керрама, как настоящей системой изложения права (*фиқх*) была только система Абу Ханифы. Другие улемы, однако, обвиняли керрамийцев в антропоморфизме. Секта отличалась крайней нетерпимостью, и в деле преследования еретиков Абу Бекр был правой рукой султана. Еще во время нашествия тюрков влияние Абу Бекра на жителей Нишапура было так велико, что казалось опасным для завоевателей и заставило их принять соответствующие меры. Когда отряды Махмуда принудили тюрков очистить город, они увели Абу Бекра с собой; ему удалось спастись бегством, после чего его значение в государстве Махмуда еще увеличилось. Абу Бекр, хотя носил шерстяную одежду (т. е. одежду суфия), был назначен реисом Нишапура, и все жители, знатные и незнатные, «взирали на него с надеждой и страхом». Беспощадное преследование еретиков и конфискация их имуществ, что давало повод ко многим злоупотреблениям, наконец возбудили общее неудовольствие, и султан после долгих колебаний решил пожертвовать Абу Бекром. Реисом Нишапура снова было назначено светское лицо, любимец султана Абу Али Хасан б. Мухаммед, происходивший из знатного рода; его дед принадлежал к числу «вельмож и богачей» эпохи Саманидов; его отец присоединился к Махмуду еще в то время, когда последний был сипехсаларом Хорасана. Новый реис немедленно принял меры строгости против керрамийцев; Абу Бекр был наказан лишением имущества [1], его главные приверженцы были заключены в различные крепости. Остальным представителям духовенства, особенно Алидам, реис объявил, что уважение, которым они пользуются, предполагает с их стороны безусловное повиновение светской власти [2].

Религиозные войны Махмуда, как уже было указано другими [3], вполне объясняются его стремлением овладеть богатствами Индии, и видеть в них проявление религиозного фанатизма нет никакого основания. Преследование еретиков также объясняется приведенными выше политическими мотивами; иногда обвинение в ереси было только предлогом

[1] Это не было, однако, концом его деятельности; после смерти Махмуда он вместе со своим другом, казием Са'идом, упоминается среди лиц, которым были оказаны почести новым султаном Мас'удом, когда тот прибыл в Нишапур (Бейхаки, изд. Морлея, 39; <изд. Гани — Фейяза, 39>). Оба они упоминаются как преследователи еретиков также в биографии шейха Абу Са'ида (Ибн ал-Мунаввар, изд. Жуковского, 84 и сл.). Ср. ниже, стр. 373—374.

[2] Утби, рук. Аз. муз., л. 146; Утби — Манини, II, 325: فاشعرهم ان حشمتهم بالطاعة موصولة.

[3] Менучехри, предисл., 133.

для захвата имущества обвиненного[1]. Столь же ошибочно было бы видеть в Махмуде покровителя персидских национальных стремлений, хотя ему было посвящено произведение Фирдауси. Военные силы Махмуда состояли исключительно из купленных рабов и наемников; требуя, чтобы войско состояло из представителей разных народов, Низам алмульк[2] ссылается именно на Махмуда, и его слова вполне подтверждаются историческими известиями[3]. Все остальные подданные в глазах Махмуда были только платежной силой, и проявление ими какого-нибудь патриотизма было совершенно неуместно. По рассказу Бейхаки[4], жители Балха за сопротивление, оказанное ими Караханидам (см. выше, стр. 334), подверглись со стороны Махмуда только суровым упрекам: «Какое дело подданным до ведения войны? Естественно, что ваш город был разрушен и что они сожгли принадлежавшее мне имущество, приносившее столько дохода[5]. Следовало бы взыскать с вас вознаграждение за убытки, но мы вас простили; [только] смотрите, впредь не делайте этого; если какой-нибудь царь [в данный момент] оказывается сильнее, требует от вас податей и охраняет вас, то вы должны уплатить подати и этим спасти себя». Что эпоха Махмуда не была эпохой торжества персидского языка и литературы, видно уже из попытки везира Мейменди снова сделать арабский язык языком официальных бумаг. Раньше все бумаги писались на персидском языке, вследствие чего, по выражению Утби[6], «потерпел ущерб базар красноречия», и «сравнялись степени способных и неспособных»; оттого везир Мейменди, снова «высоко поднявший знамя писцов», позволил употреблять персидский язык только в случае необходимости, «вследствие невежества того, к которому было обращено письмо». Несомненно, что в эту эпоху такие случаи были довольно часты.

По-видимому, с этого времени начинается деление народа на войско, которому царь платит жалованье и за это требует от него верной службы, и подданных, которых царь защищает от внешних и внутренних врагов и за это требует от них безусловного повиновения и беспрекословной уплаты податей. Ни воины, ни подданные не имеют пра-

[1] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 283.

[2] Изд. Шефера, текст, 92; пер., 135—136.

[3] По словам Утби (рук. Аз. муз., л. 99; Утби — Манини, II, 84; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, p. 386), войско Махмуда, одержавшее в 1008 г. победу при Балхе, состояло из тюрков, индусов, халаджей, афганцев и гузов (الغرنوية, вероятно ошибка вместо الغزية).

[4] Изд. Морлея, 688; <изд. Гани — Фейяза, 551>.

[5] Речь идет о главном базаре города, построенном по приказанию Махмуда и сгоревшем при взятии города.

[6] Рук. Аз. муз., л. 123; Утби — Манини, II, 88, 170 и сл.; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, p. 396.

ва противоставлять свои желания воле государя; мы видели (см. стр. 338), с какой определенностью этот взгляд был проведен в письме Махмуда к хорезмшаху. Развитие деспотизма, как всегда, было связано с широким развитием системы шпионства; Махмуд приставил шпионов даже к своему сыну Мас'уду[1].

Все эти данные заставляют нас прийти к заключению, что царствование Махмуда несомненно было очень тяжело для его подданных[2]; если самому Махмуду еще не пришлось испытать на себе печальные последствия своей системы и если авторитет престола при нем еще не был поколеблен, то это объясняется исключительно личными качествами Махмуда, резко отличавшими его от его преемников. Твердая воля и гениальный ум Махмуда делали невозможным слишком резкое проявление характерных черт деспота-самодура. Противоречие страшно раздражало Махмуда, что заставляло говорившего с ним переживать очень неприятные минуты, но не мешало государю в конце концов все-таки принимать правильное решение[3]. Положение везира при таких условиях было очень тяжело, и одна умная женщина заметила: «Если султан кого-нибудь назначит везиром, он его уже в первую неделю возненавидит, как бы ни любил его раньше»[4]. Выше мы говорили о судьбе одного из этих везиров (см. стр. 350); его преемник Мейменди также подвергся отставке и заключению в крепость. Зато случаи смертной казни (если исключить религиозные гонения) встречаются в царствование Махмуда сравнительно редко; по словам Утби[5], султан держался взгляда, что царь в минуту гнева может отнимать у подданного только то, что может возвратить ему в минуту милости, т. е. имущество и свободу, но не жизнь. Более тяжелая участь могла постигнуть везира Мейменди; Махмуд уже дал одному из своих приближенных, Абу-л-Касиму Кесиру, письменное приказание убить везира «в отмщение за кровь, пролитую по его приказанию»; только решительный отказ Абу-л-Касима брать на себя такого рода поручение спас везира[6]. Для самого Абу-л-Касима эта благородная смелость, по-видимому, не имела никаких печальных последствий, что, во всяком случае, яв-

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 135, 154; <изд. Гани — Фейяза, 121, 137>.

[2] Ср. суждение (конечно, резкое и несправедливое) Маркварта (Marquart, *Komanen*, S. 50, Anm. 1) о Газневидах: «Jene Dynastie, welche von den Mordbrennern Sübük-tigin und seinem widerlichen Sohne Mahmud in Gaznin gegründet wurde». <«Та династия, которая была основана в Газне убийцей-поджигателем Себук-тегином и его отвратительным сыном Махмудом».>

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 495; <изд. Гани — Фейяза, 400>.

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 421; <изд. Гани — Фейяза, 340>.

[5] Утби, рук. Аз. муз., лл. 59—60; Утби — Манини, I, 316 и сл.; de Sacy, *Histoire de Yémineddoula*, p. 396.

[6] Бейхаки, изд. Морлея, 450; <изд. Гани — Фейяза, 364>.

ляется доказательством самообладания Махмуда. Чувство законности в эпоху Газневидов было еще так сильно, что даже конфискации имущества опальных старались придать характер законной покупки. Махмуд низложил туземных владетелей Гарджистана и заключил их в тюрьму, где они остались до своей смерти, но все-таки выплатил им стоимость их личной земельной собственности, отошедшей в казну[1] (цену имения Махмуд при таких условиях, конечно, мог определить по своему усмотрению). Еще характернее описанная у Бейхаки сцена конфискации имущества опального везира (уже при Мас'уде), осужденного на смерть, которого заставили заявить, что он добровольно продает султану свое движимое и недвижимое имущество, и принять в уплату заранее определенную сумму денег. Присутствующие при этом чиновники подписались в качестве свидетелей; представители судебного ведомства приложили печать[2].

После кратковременного царствования младшего сына Махмуда, Мухаммеда, власть перешла к старшему, Мас'уду (1030—1041), который наследовал только недостатки отца. Мас'уд был такого же высокого мнения о своей власти, как Махмуд, и также желал решать все дела по своему усмотрению, но, не обладая способностями отца, приходил к пагубным решениям, за которые упорно держался, не обращая внимания на советы опытных людей. Рассказы о подвигах Мас'уда на охоте[3] и в битве[4] показывают, что он отличался физической храбростью; тем более поражает в нем полное отсутствие нравственного мужества; в несчастии он оказывался малодушнее женщин[5]. В корыстолюбии Мас'уд нисколько не уступал Махмуду, и обременение жителей поборами при нем достигло крайней степени. В царствование Мас'уда мы видим отдельные примеры наказания «маленьких воришек, для удовольствия больших»[6]; но грабители, делившиеся своей добычей с султаном, могли спокойно продолжать свою деятельность. Из них особенно выдавался гражданский правитель Хорасана, Абу-л-Фазл Сури; султан получал от него большие подарки, составлявшие, однако, только половину того, что ему удавалось собирать с жителей. Население было доведено до отчаяния, и вельможи стали отправлять письма и послов в Мавераннахр к «начальникам тюрков» с просьбою о помощи[7]. Этими

[1] Утби, рук. Аз. муз., л. 117; Утби — Манини, II, 146; de Sacy, *Histoire de Yéminеddoula*, p. 394.

[2] Бейхаки, изд. Морлея, 215; <изд. Гани — Фейяза, 184—185>.

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 288; <изд. Гани — Фейяза, 240>

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 783; <изд. Гани — Фейяза, 624>.

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 828; <изд. Гани — Фейяза, 660—661>.

[6] Бейхаки, изд. Морлея, 556—557; <изд. Гани — Фейяза, 449>.

[7] Бейхаки, изд. Морлея, 509—510; <изд. Гани — Фейяза, 411—412>.

обстоятельствами воспользовались, однако, не сами Караханиды, а предводители находившихся у них на службе туркмен.

По отношению к Караханидам Мас'уд продолжал политику своего отца. В конце 1031 г. был возобновлен договор с халифом, по которому последний обязался не иметь сношений с Караханидами иначе, как через посредство Газневидов[1]. В то же время Мас'уд продолжал сноситься с главой Караханидов, как равный с равным; посол Мас'уда должен был обратить внимание Кадыр-хана на то значение, какое имеет для всего мира согласие между «двумя такими государями», как они[2]. Истинный характер отношений между Газневидами и Караханидами лучше всего очерчен в письме хорезмшаха Алтунташа к султану, написанном еще в 1030 г.[3]: «Известно, что покойный эмир много потрудился и истратил много денег, прежде чем Кадыр-хан с его помощью достиг ханства и утвердился на престоле. Теперь необходимо поддержать его, чтобы дружба укрепилась; искренними друзьями они для нас не будут, но внешним образом будут сохранены хорошие отношения, и они не будут подстрекать [других против нас]. Али-тегин является для нас настоящим врагом и сохранил в сердце чувство обиды[4], так как его брата Туган-хана с помощью покойного эмира вытеснили из Баласагуна. Враг никогда не сделается другом; но и с ним необходимы договор и сближение; полагаться на это не следует, но сделать это необходимо. Затем надо будет наполнить воинами области Балх, Тохаристан, Саганиан, Термез, Кувадиан и Хутталь, так как он пользуется каждым случаем, чтобы совершить набег на беззащитную область и разграбить ее».

Мас'уд последовал совету Алтунташа и весной 1031 г.[5] отправил в Кашгар посольство, во главе которого стояли Абу-л-Касим Ибрахим б. Абдаллах Хусейри и казий Абу Тахир Абдаллах б. Ахмед Тебани[6]. Послы должны были известить Кадыр-хана о вступлении на престол Мас'уда, передать ему уверения дружбы и просить руки дочери Кадыр-хана для самого Мас'уда и руки дочери Богра-тегина, сына и наследника Кадыр-хана, для сына и наследника Мас'уда, Маудуда. В качестве вена Мас'уд предлагал от своего имени 50 000 гератских динаров,

---

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 359; <изд. Гани — Фейяза, 291>.

[2] Бейхаки, изд. Морлея, 251; <изд. Гани — Фейяза, 212—213>.

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 98. Часть текста, где упоминается Туган-хан, исправлена на основании другого места (там же, 655); <ср. изд. Гани — Фейяза, 91—92; 526>.

[4] Букв.: «и змеей с придавленным хвостом».

[5] Дата у Бейхаки (изд. Морлея, 261; <изд. Гани — Фейяза, 220>). По дню недели можно заключить, что в тексте по ошибке указан месяц раби' I вместо раби' II.

[6] Полные имена послов см. Бейхаки, изд. Морлея, 250; <изд. Гани — Фейяза, 212>. Абу Тахир в одном месте (изд. Морлея, 231; <изд. Гани — Фейяза, 199>) назван Абу Талибом.

от имени сына — 30 000[1]. Донесения послов из Кашгара, присылавшиеся в течение 1031 г., показывали, что им пришлось встретить некоторые затруднения[2]. В 1032 г.[3] ход переговоров был задержан смертью Кадыр-хана, которому наследовал его старший сын Богра-тегин Сулейман, принявший титул Арслан-хана. Второй сын, Яган-тегин Мухаммед, принял титул Богра-хана и стал править в Таласе и Исфиджабе. По обычаю Мас'уд отправил в Кашгар письмо с выражением своего соболезнования по поводу смерти хана и своего поздравления его преемнику. Только 6 сентября 1034 г. послы вернулись в Газну, успешно выполнив свое поручение. Невеста Маудуда, однако, умерла по дороге; невеста Мас'уда, Шах-хатун, благополучно прибыла в Газну, где была встречена с необыкновенной торжественностью; по словам Бейхаки, эмир хотел поразить тюрков невиданной пышностью[4].

Переговоры с Али-тегином не привели ни к какому результату. До своего вступления на престол Мас'уд обратился к Али-тегину с просьбой о помощи против Мухаммеда, причем обещал уступить ему за это Хутталь. Так как вопрос о престолонаследии, вследствие измены приверженцев Мухаммеда, был решен без кровопролития, то Мас'уду не пришлось исполнить свое обещание, чем Али-тегин, конечно, был недоволен[5]. Против совета Алтунташа, предлагавшего, как мы видели, только оборонительную политику[6], Мас'уд возобновил план своего отца — помочь второму сыну Кадыр-хана отнять Мавераннахр у Али-тегина; если бы это оказалось неудобным, предполагалось поручить завоевание Мавераннахра Алтунташу. Советники султана отдали предпочтение второму плану, который и был приведен в исполнение[7]. Весной 1032 г. Алтунташ, по приказанию султана, должен был вступить с войском в Мавераннахр; султан послал ему из Балха вспомогательный отряд в 15 000 человек[8]. Али-тегин отступил к Дабусии, предоставив защиту Бухары добровольцам (газиям) и оставив в цитадели 150 гулямов. При приближении врагов наместник Али-тегина покинул город; добровольцы и жители выразили покорность Мас'уду; цитадель была взята

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 253—254; <изд. Гани — Фейяза, 210>.

[2] Бейхаки, изд. Морлея, 348; <изд. Гани — Фейяза, 283>.

[3] Так по Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, IX, 211); Бейхаки не приводит даты и в одном месте (изд. Морлея, 656; <изд. Гани — Фейяза, 527>) говорит, что Кадыр-хан умер уже через год после вступления на престол Мас'уда, в другом (изд. Морлея, 89; <изд. Гани — Фейяза, 84>) — что через два года. Дата Джемаля Карши (1 мухаррема 424 г. х., см. *Тексты*, стр. 132), по-видимому, опровергается монетными данными (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 251).

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 526, 656; <изд. Гани — Фейяза, 425, 527>.

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 348; <изд. Гани — Фейяза, 283>.

[6] Ср. Бейхаки, изд. Морлея, 426; <изд. Гани — Фейяза, 344—345>.

[7] Бейхаки, изд. Морлея, 418—419; <изд. Гани — Фейяза, 338—339>.

[8] Бейхаки, изд. Морлея, 423; <изд. Гани — Фейяза, 342>.

приступом, причем 70 гулямов были взяты в плен[1]. Менее удачно было нападение на главные силы Али-тегина, около Дабусии; здесь к Али-тегину присоединились туркмены с Сельджукидами во главе[2]; на холме развевалось красное знамя Али-тегина и стоял его зонтик — знак царского достоинства[3]. Битва была нерешительна, но Алтунташ был смертельно ранен; только благодаря искусству его везира войско благополучно вернулось в Хорезм. Скрыв от врагов рану хорезмшаха, везир как бы от своего имени вступил в переговоры с везиром Али-тегина, который по его совету убедил своего повелителя принести извинение и обратиться к хорезмшаху с просьбой быть посредником между ним и газневидским правительством; при этом Али-тегин напомнил, что покойный султан называл его сыном и что во время спора за престолонаследие он готовился оказать вооруженную помощь Мас'уду[4]. Смертельно раненный хорезмшах сделал над собой усилие и принял посла Али-тегина, чем последний окончательно был обманут. После заключения договора Али-тегин отправился в Самарканд[5] и не препятствовал возвращению хорезмийцев в Амуль. Смерть хорезмшаха последовала еще до начала отступления, но хорезмийцы узнали об этом только тогда, когда расстояние между ними и войском врагов достигло 20 фарсахов[6]. 2 мая 1032 г.[7] султан был извещен об этих событиях.

Поход Мас'уда, вероятно, заставил Али-тегина теснее сблизиться со своими родственниками и признать над собой их главенство; в Бухаре и Самарканде стали чеканиться монеты с именами Арслан-хана и Богра-хана[8]. Кроме того, Али-тегин через два года нашел себе нового союзника в лице правителя Хорезма.

По своему географическому положению Хорезм всегда был фактически независимым государством, особенно когда во главе области стоял такой опытный военачальник и правитель, как Алтунташ. Назначенный наместником Хорезма, Алтунташ успешно отражал набеги соседних кочевников, среди которых в эту эпоху впервые упоминаются кипчаки[9]; в то же время он и его преемник, подобно хорезмшахам XII в., приняли к себе на службу несколько отрядов из представителей этих народов[10]; кроме того, Алтунташ, подобно своему государю, в большом

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 424; <изд. Гани — Фейяза, 343>.
[2] Бейхаки, изд. Морлея, 425; <изд. Гани — Фейяза, 343>.
[3] Бейхаки, изд. Морлея, 428; <изд. Гани — Фейяза, 346>.
[4] Бейхаки, изд. Морлея, 432; <изд. Гани — Фейяза, 349>.
[5] Бейхаки, изд. Морлея, 434; <изд. Гани — Фейяза, 351>.
[6] Бейхаки, изд. Морлея, 436; <изд. Гани — Фейяза, 352>.
[7] Дата у Бейхаки (изд. Морлея, 425; <изд. Гани — Фейяза, 342>).
[8] Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 251—252.
[9] Бейхаки, изд. Морлея, 91; <изд. Гани — Фейяза, 86>.
[10] Бейхаки, изд. Морлея, 398, 859; <изд. Гани — Фейяза, 323, 684>.

числе покупал гулямов для своей гвардии. Численность гвардии Алтунташа возбудила опасения еще в Махмуде[1]; хотя Алтунташ продолжал признавать себя подданным газневидского правительства, Махмуд отлично сознавал, что он может произвести восстание во всякое время и, опираясь на свое войско, может не обращать внимания на приказы, присланные из Газны или Балха. Попытки Махмуда привлечь хорезмшаха в Газну обманом не имели успеха; к подобным же козням, и также без результата, прибегал и Мас'уд[2]. Тем не менее Алтунташ не произвел открытого восстания, но, по совету своего везира, самым недвусмысленным образом показал, какая судьба ожидает тех из его подданных, на кого окажут действие интриги газневидского правительства[3]. И после смерти Алтунташа Мас'уд не решился отнять власть у его потомков, хотя и принял меры к уменьшению этой власти. Титул хорезмшаха получил сын Мас'уда, Са'ид, и Харун, сын Алтунташа, должен был править в Хорезме только в качестве представителя (*халифат ад-дар*) царевича. Почетные дары, полученные Харуном, составляли только половину того, что получил его отец[4]. Весной 1034 г. Харун стал обнаруживать непокорность; внешним поводом к восстанию была смерть его брата, который жил при дворе Мас'уда и по несчастной случайности упал с крыши (в конце 1033 или в начале 1034 г.); «злонамеренные люди» написали Харуну, что его брат был сброшен с крыши по приказанию султана[5]. Харун вступил в соглашение с Али-тегином и Сельджукидами и в августе 1034 г. открыто отложился от султана, отменив хутбу на его имя[6].

Существовал слух о договоре между Харуном и Али-тегином, по которому первый должен был предпринять поход на Мерв, второй в то же самое время — на Термез и Балх[7]. В связи с этими планами, может быть, находилось вторжение в Хутталь горцев-кумиджиев[8] (весной 1034 г.) и вторжение туркмен в Кувадиан (в конце того же года). Против туркмен выступил начальник Термеза Бег-тегин; туркмены обошли его войско и около Мелы переправились через Аму-Дарью.

---

[1] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 206; пер., 300—302; *Тексты*, стр. 89—90 (Ауфи).

[2] Бейхаки, изд. Морлея, 91, 389 и сл.; <изд. Гани — Фейяза, 86, 316 и сл.>.

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 410—411; <изд. Гани — Фейяза, 332—333>.

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 439; <изд. Гани — Фейяза, 355>.

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 499; <изд. Гани — Фейяза, 403>. Перед рассказом об этом событии есть пропуск во всех рукописях; в тегеранском издании 1307/1890 г. (стр. 410; <также в изд. Гани — Фейяза>) мы находим три строки, которых нет в издании Морлея.

[6] Бейхаки, изд. Морлея, 854—855; <изд. Гани — Фейяза, 680—681>.

[7] Бейхаки, изд. Морлея, 535; <изд. Гани — Фейяза, 433>.

[8] Бейхаки, изд. Морлея, 499; <изд. Гани — Фейяза, 403>.

Бег-тегин настиг их только у Шапуркана, где нанес им поражение, но при преследовании врага был убит. Посланный Мас'удом военачальник Али-тегин б. Абдаллах восстановил порядок[1].

В том же 1034 г. Харун приобрел себе союзников в лице Сельджукидов. По рассказу Ибн ал-Асира[2], еще в 1029 г. произошла ссора между Али-тегином и Сельджукидами; по приказанию Али-тегина, его военачальник Алп-Кара убил Юсуфа (внука Сельджука), которого раньше сам Али-тегин поставил во главе всех находившихся у него на службе тюрков, с титулом Инанч-Пейгу[3]. В следующем, 1030 г. двоюродные братья убитого, Тогрул и Давуд, произвели восстание, убили Алп-Кара и 1000 человек его воинов. Али-тегин выступил против них вместе со своими сыновьями; население также оказало ему помощь; туркмены потерпели полное поражение; их имущество было захвачено, часть их жен и детей были взяты в плен; «необходимость заставила их переселиться в Хорасан»; получив от Харуна приглашение присоединиться к нему, они поспешили им воспользоваться. Об этих событиях говорит только Ибн ал-Асир; Бейхаки[4], напротив, уверяет, что Али-тегин до конца своей жизни старался приобрести расположение туркмен «речами и серебром», видя в них опору своего престола; после него его два сына и их военачальник начали враждовать с туркменами и заставили их удалиться в Хорезм, куда они часто приходили на зиму еще при жизни Алтунташа[5]. Харун отвел им землю около Шурахана и рабата Маш[6]. Здесь туркмены в октябре того же года подверглись нападению со стороны джендского владетеля Шах-Мелика, с которым у них была старинная вражда; от семи до восьми тысяч туркмен были убиты; остальные спаслись бегством через реку, покрытую льдом. Харун вступил в переговоры с Шах-Меликом; последний решительно отказался принять посредничество Харуна в споре с Сельджукидами, но согласился заключить с ним договор и оставить ему вспомогательный отряд для похода на Хорасан. Было решено, что оба войска подойдут к реке и что свидание между государями произойдет в лодках, посредине реки. Свидание состоялось 12 ноября; но Шах-Мелик, испугавшись многочисленности войска Харуна (30 000 человек), не исполнил своего обещания и, не предупредив своего союзника, поспешно вернулся в Дженд. Вражда Шах-Мелика не могла помешать Харуну идти весной 1035 г. на Хора-

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 543—544; <изд. Гани — Фейяза, 439—440>.

[2] Изд. Торнберга, IX, 324—325.

[3] Пейгу, возможно, следует читать Ябгу; ср. Marquart, *Komanen*, S. 45.

[4] Изд. Морлея, 551, 856; <изд. Гани — Фейяза, 445, 681>.

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 583; <изд. Гани — Фейяза, 470>.

[6] Здесь — مـاشـه <Бейхаки, изд. Морлея, 856; изд. Гани — Фейяза, 682>; см. выше, стр. 204.

сан, так как поход из Дженда на Хорезм считается возможным только зимой [1].

Смерть Али-тегина, если ею было вызвано выселение туркмен, последовала еще летом или осенью 1034 г. Весной 1035 г. Мас'уд был извещен о вступлении на престол его старшего сына и отправил в Бухару письмо с выражением своего соболезнования и поздравления; в письме молодой илек был назван «славным эмиром, сыном» [2]. Но оба сына Али-тегина в это время уже выполняли договор с Харуном, по которому они обязались произвести нападение на Сагаииан и Термез, переправиться через Аму-Дарью и соединиться с Харуном около Андхуда. Правитель Сагаииана Абу-л-Касим не мог оказать им сопротивление и бежал на север в страну кумиджиев. Войско илека прошло через Дарзенги и осадило Термез, но не могло овладеть этой крепостью; в это время пришло известие, что Харун в самом начале похода был убит гулямами, подкупленными газневидским правительством [3]; после этого сыновья Али-тегина через Железные ворота вернулись в Самарканд [4]. Летом того же года весть об успехах Сельджукидов, которые после смерти Харуна пришли в Хорасан, побудила сыновей Али-тегина снова произвести набег на Сагаииан; выступив из Самарканда, они на этот раз прошли только две или три станции, так как узнали, что Абу-л-Касим и другие военачальники Мас'уда собрали значительные силы [5]. Мас'уд готовился отомстить сыновьям Али-тегина за набеги; но 8 декабря от них прибыл в Балх знатный посол, в сопровождении самаркандского данишменда, и принес извинение от имени своего государя. Извинение было принято, но, чтобы показать свое неудовольствие, Мас'уд не дал послу аудиенции, и переговоры происходили только между везиром и данишмендом [6].

Год спустя, в декабре 1036 г., Мас'уд снова принимал у себя послов сыновей Али-тегина, именно Алп-тегина и бухарского хатиба Абдаллаха Парси. На этот раз послы были приняты в торжественной аудиенции; султан справился о здоровье «своего брата илека»; этим сыну Али-тегина был оказан бо́льший почет, чем в первом письме Мас'уда, где он был назван «сыном». Не доверяя послам, Мас'уд велел позаботиться о том, чтобы они не могли получить никаких сведений о делах государства. Илек просил выдать за него одну из газневидских

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 856—858; <изд. Гани — Фейяза, 682—684>. Этот рассказ вызывает некоторые сомнения; странно, что уже в октябре целое войско могло переправиться через Аму-Дарью по льду.

[2] Бейхаки, изд. Морлея, 575; <изд. Гани — Фейяза, 465>: الامير الفاضل الولد.

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 860; <изд. Гани — Фейяза, 685>.

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 575—577; <изд. Гани — Фейяза, 465—466>.

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 611; <изд. Гани — Фейяза, 492>.

[6] Бейхаки, изд. Морлея, 615—616; <изд. Гани — Фейяза, 496>.

царевен и принять одну из караханидских царевен в жены для одного из сыновей султана; за это он обещал отказаться от всяких притязаний на Хутталь; кроме того, он хотел, чтобы Мас'уд выступил посредником между ним и главою династии Караханидов, Арслан-ханом; с своей стороны, илек обещал султану вооруженную помощь в его борьбе с Сельджукидами. Желания его были исполнены; было решено, чтобы сестра илека была выдана за Са'ида, сына Мас'уда, а племянница Махмуда, дочь Насра, — за илека; в качестве посла в Мавераннахр был отправлен балхский реис Абд ас-Селям [1], который еще в сентябре 1037 г. находился при дворе сыновей Али-тегина [2].

Отношения Мас'уда к туркестанским Караханидам также не остались безусловно дружественными. Осенью 1034 г., одновременно с возвращением газневидских послов, прибыли также послы Богра-хана, который просил отправить к нему его невесту, царевну Зейнаб. Султан уже хотел исполнить его просьбу, когда до него дошло, что Богра-хан хочет предъявить от имени Зейнаб притязание на часть оставленного Махмудом наследства. Посол Богра-хана был отпущен, после чего султан пожаловался Арслан-хану на притязание его брата. Упреки Арслан-хана только раздражили Богра-хана, так что он стал явным врагом как брату, так и Газневидам. При таких условиях его очень обрадовали успехи, одержанные в 1035 г. Сельджукидами, тем более, что с Тогрулом у него была давнишняя дружба [3]. В 1037 г. на берегу Аму-Дарьи поймали башмачника, который оказался шпионом Богра-хана и вез с собой его письма к туркменским предводителям; в них хан обещал последним свою помощь, в каких бы размерах они ни пожелали получить ее. По совету одного из своих приближенных, султан ничем не показал, что ему известен поступок хана; башмачник получил 100 динаров и был отправлен в Индию, чтобы никто не знал о существовании писем; в Туркестан был послан имам Абу Садик Тебани во главе блестящего посольства, стоившего более 10 000 динаров, чтобы при посредничестве Арслан-хана заключить мирный договор с его братом. Посол выехал из Газны 23 августа 1037 г., пробыл в Туркестане полтора года и выполнил свое поручение с полным успехом; Богра-хан говорил о нем, что он своим умением спорить затмил Абу Ханифу [4]. Из этого рассказа видно, что в то время натянутость отношений между братьями, вопреки приведенным выше словам Бейхаки, еще не доходила до от-

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 631—634; <изд. Гани — Фейяза, 508 и сл.>.

[2] Бейхаки, изд. Морлея, 661; <изд. Гани — Фейяза, 530>.

[3] По-видимому, не к этому Богра-хану относится рассказ Ибн ал-Асира о том, как Тогрул был взят в плен Богра-ханом и освобожден своим братом Давудом (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 323).

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 656—658; <изд. Гани — Фейяза, 527—529>.

крытой вражды. К тому же, 24 сентября того же года Мас'уд принимал у себя одновременно послов обоих братьев и еще третьего, неизвестного владетеля[1].

В 1038 г. в Мавераннахре выступил Абу Исхак Ибрахим[2], сын первого илека Насра, в то время носивший титул Бури-тегина[3]. Ему удалось избавиться от плена, в котором он находился у сыновей Али-тегина; по-видимому, он сначала искал убежище у своего брата Айн ад-дауля в Узгенде[4], но и там не мог долго остаться[5]. Летом 1038 г. газневидский везир получил от него письмо, о котором уведомил султана; «великое имя» царевича побудило газневидское правительство дать ему благоприятный ответ, хотя, по желанию султана, письмо было написано так, чтобы не могло произойти много вреда и в том случае, если бы оно попало в руки сыновей Али-тегина[6]. Царевич удалился в страну кумиджиев и там набрал себе трехтысячный отряд, с которым стал производить опустошения в Вахше[7] и Хуттале, в окрестностях Хульбука. Он уже дошел до берега Пянджа, когда получил известие о намерении султана лично совершить поход против него. Бури-тегин отступил и изъявил раскаяние; все-таки против него в конце октября был отправлен отряд из 10 000 всадников[8]. Вскоре пришло известие, что Бури-тегин очистил Хутталь и вернулся в страну кумиджиев. Военачальник Али по желанию Мас'уда вернулся в Балх; Мас'уд возобновил свой план совершить лично поход на Мавераннахр и в ту же зиму покончить с Бури-тегином, чтобы весной выступить против туркмен. Тщетно везир доказывал, что походы предпринимаются или весной, когда выросла свежая трава, или осенью, когда собрана жатва; что совершенно достаточно поручить правителю Саганиана и сыновьям Али-тегина войну с

---

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 660: لشكر فان والىٔ سكمان; <изд. Гани — Фейяза, 530: لشكر خان ووالى سكمان>. Ср. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 97.

[2] Текст Бейхаки (изд. Морлея, 682; <изд. Гани — Фейяза, 547>), по-видимому, несколько искажен; илека Ибрахима никогда не было; термин *йлек-и мазй* и впоследствии всегда применялся к Насру (ср. *Тексты*, стр. 133 <из Джемаля Карши>). По-видимому, мы имеем здесь известие о первом появлении знаменитого впоследствии Тамгач-хана Ибрахима, хотя последний, по Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, IX, 211), носил другую кунью (Абу-л-Музаффар), вероятно, принятую им позже.

[3] У Бейхаки, Гардизи и Менучехри везде стоит Пур-тегин, но несомненно, что следует читать Бурй ('волк'); такого же чтения требует размер в стихах Менучехри (текст, 47, стих 62).

[4] Так — правильно — в тегеранском издании Бейхаки <1307 г.> (558); в издании Морлея (682) راست اوركنج. Из Узгенда было написано его письмо к везиру.

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 697; <изд. Гани — Фейяза, 558>.

[6] Бейхаки, изд. Морлея, 684; <изд. Гани — Фейяза, 548>.

[7] Несомненно, что у Бейхаки надо читать وخش вместо رخش; <чтение وخش мы находим и в изд. Гани — Фейяза. — *Ред.*>.

Бейхаки, изд. Морлея, 696—699; <изд. Гани — Фейяза, 557—560>.

Бури-тегином, не подвергая войска султана трудностям зимнего похода[1]. Султан не внял никаким советам; по рассказу Гардизи[2], он думал воспользоваться наступившими в Мавераннахре беспорядками, чтобы присоединить эту страну к своим владениям.

По приказанию Мас'уда начальник Термеза Бег-тегин[3] должен был возобновить плавучий мост, по которому в 1025 г. переправился Махмуд; мост соединял оба берега реки с островом Арал-Пейгамбером и потому разделялся на две половины (см. стр. 125—126); восстановление моста не представляло больших трудностей, так как все употребленные для этого суда и другие предметы еще оставались на месте. Войско султана переправилось через реку в понедельник 18 декабря и в воскресенье 31-го прибыло в Саганиан, нигде не встретив врага; зато оно много терпело от холода и снега; по рассказу Бейхаки, принимавшего участие в походе, ни один поход не был соединен с такими трудностями для войска, как этот. Во вторник 9 января, когда войско дошло до ущелья Шунияан, пришло письмо от везира с известием о выступлении Сельджукидов из Серахса по направлению к Гузгану; предполагалось, что они хотят дойти до Термеза, разрушить мост и отрезать султана от его владений. Султан был принужден отступить, тем более что Бури-тегин выступил из Шунияна и занял ущелье; при таких условиях борьба с противником, хорошо знавшим местность, была невозможна. Отступление началось в пятницу 12 января; ровно через две недели, 26 января, Мас'уд прибыл в Термез. За все это время Бури-тегин преследовал отступавших и отнял у них часть обоза, верблюдов и коней[4]. Неудачный поход Мас'уда, конечно, поднял значение Бури-тегина; из писем, полученных газневидским правительством осенью 1039 г., было видно, что Бури-тегин с помощью туркмен одержал несколько побед над сыновьями Али-тегина и уже почти отнял у них Мавераннахр[5].

В нашу задачу не входит[6] изложение постепенных успехов Сельджукидов в Хорасане и борьбы между военными силами Мас'уда, гораз-

---

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 702—703; <изд. Гани — Фейяза, 563>.

[2] *Тексты*, стр. 17 (Гардизи).

[3] Из слов Бейхаки (изд. Морлея, 704; <изд. Гани — Фейяза, 563>) можно заключить, что этот Бег-тегин был назначен начальником Термеза еще при Себук-тегине, т. е. тожествен с тем Бег-тегином, который, как мы видели (см. стр. 360), по словам самого Бейхаки, был убит еще в 1034 г. Дальше <у Бейхаки> (изд. Морлея, 707) начальником Термеза назван Нуш-тегин; <в изд. Гани — Фейяза, 566, комендантом Термеза назван Бег-тегин (كوتوال بكتكين). — *Ред.*>.

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 707; <изд. Гани — Фейяза, 566; здесь в примечании предлагается чтение Шӯман вместо Шӯнийан; в русск. изд. «Туркестана» 1900 г. также было «Шуман». — *Ред.*>.

[5] Бейхаки, изд. Морлея, 745; <изд. Гани — Фейяза, 594>.

[6] Отчасти это уже сделал Биберштейн-Казимирский (см. выше, стр. 70).

до более многочисленными и лучше вооруженными, но двигавшимися вперед с огромным обозом, и легкими отрядами кочевников, для которых степь была «отцом и матерью»[1] и которые могли оставлять свой обоз на расстоянии 200 верст (30 фарсахов) от своих главных сил[2]. На помощь к Сельджукидам приходили, по их приглашению, отряды из Мавераннахра[3]; от опасности нападения с тыла они были совершенно обеспечены, так как в Хорезме после смерти Харуна (см. стр. 361) власть перешла к его брату Исма'илу Хандану, оставшемуся врагом Газневидов. Чтобы избавиться от этого врага, Мас'уд еще в 1038 г. послал диплом на Хорезм Шах-Мелику джендскому. Попытки Шах-Мелика убедить хорезмийцев подчиниться ему добровольно, как ставленнику законного государя, не увенчались успехом; поход на Хорезм был предпринят им только зимой 1040/41 г. В феврале 1041 г. произошла трехдневная битва в равнине Асиб, окончившаяся поражением хорезмийцев. По словам Бейхаки, дальнейшее сопротивление было возможно, но слухи о приближении газневидского войска вызвали раздоры среди хорезмийцев; опасаясь измены, Исма'ил покинул свою столицу (28 марта) и бежал к Сельджукидам. В апреле столица была занята Шах-Меликом, и хутба прочитана на имя Мас'уда, хотя последнего в то время уже не было в живых[4].

Решительная победа Сельджукидов над Мас'удом произошла еще до похода Шах-Мелика. Битва при Денданкане[5] (в мае 1040 г.) навсегда покончила с владычеством Газневидов в Хорасане; на самом месте битвы был поставлен престол[6], на который сел Тогрул, и все присягнули ему как эмиру Хорасана. После этого были отправлены письма с известием о победе к обоим туркестанским ханам, к сыновьям Алитегина, к Бури-тегину и к Айн ад-дауля. Беглецов преследовали до берега Аму-Дарьи, чтобы они бежали в Мавераннахр и там служили наглядным подтверждением известия о победе. С другой стороны, Мас'уд в письме к главе Караханидов, составленном Бейхаки, выражал уверенность, что Арслан-хан не откажет ему в помощи и даже согласится лично выступить в поход для этого[7]. Сам Мас'уд, однако, был уверен,

---

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 669; <изд. Гани — Фейяза, 537: بیابان ایشانرا پدر ومادر است. — *Ред.*>.

[2] Бейхаки, изд. Морлея, 712—713; <изд. Гани — Фейяза, 570>.

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 734; <изд. Гани — Фейяза, 586>.

[4] Бейхаки, изд. Морлея, 865—867; <изд. Гани — Фейяза, 687—690>.

[5] Крепость находилась верстах в 60 от Мерва; ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 38.

[6] Бейхаки, изд. Морлея, 788. Несмотря на это, Равертн (Джузджани, пер. Равертн, I, 132, прим.) категорически утверждает: «Baihaki does not say anything about a throne»; <ср. изд. Гани — Фейяза, 628: طفل بر تخت بنشست. — *Ред.*>.

[7] Бейхаки, изд. Морлея, 796; <изд. Гани — Фейяза, 633—634>.

что будет вынужден отказаться не только от Балха и зависевших от него областей, но и от Газны. Напрасно везир и другие вельможи доказывали, что для таких опасений нет никакого основания[1]; Мас'уд все-таки решил удалиться в Индию, послав Бури-тегину диплом на Балх и Тохаристан[2] (чтобы поссорить его с Сельджукидами) и дав оставшимся в Газне вельможам позволение поступить на службу к Сельджукидам в случае их прибытия[3].

Как показали события, отчаяние Мас'уда действительно было преждевременно. После низложения и смерти султана (в январе 1041 г.)[4] и кратковременного царствования его брата Мухаммеда, вновь возведенного на престол войском, престол в апреле 1041 г.[5] перешел к энергичному сыну Мас'уда, Маудуду, при котором обстоятельства снова приняли более благоприятный для Газневидов оборот. Балх и Термез остались в руках Маудуда; «царь тюрков в Мавераннахре» (вероятно Бури-тегин) выразил ему покорность[6]. В Термезе начальствовал Эмирек Бейхаки (его настоящее имя было Абу-л-Хасан Ахмед б. Мухаммед), который, по рассказу историка Абу-л-Хасана Бейхаки[7], в течение 15 лет защищал город от Сельджукидов и сдал его Давуду только тогда, когда всякая надежда на Газневидов была потеряна. Давуд предложил ему должность везира, но Эмирек решительно отказался и отправился в Газну, где его назначили начальником дивана официальных документов. Рассказу историка о продолжительности защиты Термеза противоречат, однако, его же слова, что Эмирек был назначен начальником дивана документов еще при Маудуде, т. е. до 1048 г. Еще раньше, в 1043 г., Сельджукиды овладели Хорезмом; Шах-Мелик бежал в Персию; некоторое время он владел городом Бейхаком[8]; наконец, он был взят в плен в Мекране и умер в плену[9].

Окончательный переход Балха во власть Сельджукидов и, следовательно, окончательное прекращение связи между Газневидами и Ма-

[1] Бейхаки, изд. Морлея, 829—830; <изд. Гани — Фейяза, 661—662>.

[2] Бейхаки, изд. Морлея, 826; <изд. Гани — Фейяза, 659>.

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 832; <изд. Гани — Фейяза, 663>.

[4] По Гардизи (оксфорд. рук., л. 174; кембридж. рук., л. 140а; <изд. Мухаммеда Назима, 110>): 11 джумада I 432 г. х. Ср. *Тексты*, стр. 18.

[5] Одинаковая дата (ша'бан 432 г. х.) у Бейхаки (изд. Морлея, 867; <изд. Гани—Фейяза, 690>) и у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, IX, 334); у Мюллера (Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 77) ошибочно указан 434 г. х.

[6] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 334.

[7] *Та'рйх-и Бейхак*, рук. Брит. муз., лл. 69б—70а.

[8] Там же, лл. 28б—29а; Шах-Мелик здесь носит имя Абу-л-Фаварис Шах-Мелик б. Али ал-Берранн и титул Хусам ад-дауля ва низам ал-милля («меч державы и порядок общины»).

[9] Бейхаки, изд. Морлея, 867—868; <изд. Гани — Фейяза, 691>; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 346.

вераннахром произошли только в 1059 г., по договору между Давудом и газневидским султаном Ибрахимом [1].

За это время Бури-тегин Ибрахим прочно утвердил свою власть в Мавераннахре и основал независимое государство. По монетным данным [2] можно заключить, что он владел Бухарой еще в 433/1041-42 г., может быть, в качестве вассала Богра-хана; на монете 438/1046-47 г., вероятно чеканенной в Самарканде [3], мы уже находим полный титул Ибрахима: «Опора державы, венец общины, меч наместника божьего [4] Тамгач-хан Ибрахим». Титул Тамгач-хана [5], принятый Ибрахимом и до него Богра-ханом, указывает на подражание китайским императорам; этим же, вероятно, следует объяснить, что Ибрахим впоследствии принял титул «царя востока и Китая» [6], его сын Наср — титул «султана востока и Китая» [7], хотя оба, по достоверным известиям, владели только Мавераннахром.

Успехи Ибрахима, по словам Ибн ал-Асира [8], были облегчены междоусобиями среди туркестанских Караханидов, о которых нам пришлось говорить в другом месте [9]. Кроме того, еще при Богра-хане, в 436/1044-45 г., в Мавераннахре произошло шиитское движение, едва ли не последнее из движений этого рода; к сожалению, мы имеем о нем только очень краткие сведения. И на этот раз шиитские эмиссары с успехом побуждали население присягнуть фатимидскому халифу Мустансиру (1036—1094); сам Богра-хан сделал вид, что принимает их учение, но этим только хотел возбудить в них ложную уверенность; когда они не ожидали никакой опасности, он произвел избиение шиитов в Бухаре и послал соответствующие приказания в другие города [10].

В истории Мавераннахра эпоха Караханидов, первой тюркской династии, непосредственно управлявшей всей страной, несомненно имеет важное значение; к сожалению, краткость дошедших до нас сведений об этой эпохе лишает нас возможности проследить, какие изменения были внесены в порядок, установленный Саманидами, и как образовалось то положение, в каком застали страну монголы. Несколько больше мы знаем о переменах, произведенных Сельджукидами в Персии. В зна-

[1] Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 77. Ср. также Джузджани, пер. Раверти, I, 103, 132; <изд. Нассау-Лиса, 20>.

[2] Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 256.

[3] Там же, стр. 262.

[4] Имад ад-дауля ва тадж ал-милля сейф халифат Аллах.

[5] Встречается также правописание Тафгач и Тангач; в орхонских надписях Табгач; о значении этого термина см. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Lief. III, S. 428; Hirth, *Nachworte*, S. 35.

[6] Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 263 и сл.

[7] Там же, стр. 268 и сл. [8] Изд. Торнберга, IX, 211.

[9] Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 98.

[10] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 358.

чительной степени одинаковые обстоятельства (завоевание тюркскими кочевниками страны, где действовала восточно-мусульманская политическая организация) должны были иметь одинаковые последствия; кроме того, устройство сельджукской империи имело значение и для Мавераннахра, так как в состав ее входил Хорезм и хорезмшахи, в XIII в. подчинившие себе Мавераннахр, первоначально были сельджукскими наместниками. Поэтому мы вкратце рассмотрим, какие черты отличали Сельджукидов от их предшественников.

Личные достоинства первых сельджукских государей, Тогрула, Алп-Арслана и Меликшаха, давно оценены по достоинству. Даже А. Мюллер, вообще относящийся к тюркам более чем пренебрежительно [1], отдает полную справедливость этим властителям, особенно двум последним [2]. На противоположность между характером тюркского народа и тюркских государей обратили внимание еще в средние века, как показывает любопытное замечание Идриси [3] о тюрках: «Их князья воинственны, предусмотрительны, тверды, справедливы и отличаются превосходными качествами; народ жесток, дик, груб и невежествен». Степень культуры, на которой находились тюрки, и черты их быта заставляют полагать, что здесь действовали те же психологические причины, которыми определяется резкая разница между психикой толпы и психикой индивидуума в отроческом возрасте. Кроме того, нравственные понятия кочевников в большей степени, чем нравственные понятия культурных народов, находились в зависимости от религии. Вполне естественно, что первые Сельджукиды и Караханиды были лучшими мусульманами, чем Махмуд и Мас'уд, как Владимир Святой был лучшим христианином, чем византийские императоры. В глазах Караханидов религия не была только орудием для поддержания их господства; правила религии признавались обязательными и для государей, которые, как мы видели (см. стр. 345), воздерживались от употребления вина. Очень вероятно, что под влиянием религии некоторые из этих властителей проникались искренним желанием осуществить идеал справедливого царя.

Предводитель кочевого народа, едва отличавшийся от своих воинов по одежде [4], деливший с ними все труды [5], не мог сразу обратиться

[1] Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 22.

[2] Ibid., S. 95.

[3] Пер. Жобера, I, 498.

[4] Одежда Тогрула при въезде в Нишапур (1038 г.) подробно описывается у Бейхаки (изд. Морлея, 691; <изд. Гани — Фейяза, 553>). На нем была одежда из ткани мульхам (см. выше, стр. 295), таввазийская чалма (таввазийские ткани, получившие название от небольшого города Таввaза в Фарсе, пользовались большой известностью; ср. Макдиси, 435) и войлочные сапоги; через локоть был перекинут лук с тремя стрелами.

[5] Во время отступления туркмен Тогрул несколько дней не снимал ни сапог, ни кольчуги (Бейхаки, изд. Морлея, 760; <изд. Гани — Фейяза, 606>).

в деспота того типа, как Махмуд и Мас'уд. Очень характерно, что отвратительная должность сахиб-хараса (см. выше, стр. 286) потеряла при Сельджукидах всякое значение[1]. Не замещалась также должность сахиб-хабара. Система шпионства возмущала нравственное чувство дикарей; сторонник этой системы Низам ал-мульк[2] приводит следующий ответ Алп-Арслана на вопрос, почему он не назначает сахиб-хабара: «Если я назначу сахиб-хабара, то люди, искренно ко мне расположенные и близкие мне, не станут обращать на него внимания и подкупать его, полагаясь на свою верность, дружбу и близость; с другой стороны, мои противники и враги заключат с ним дружбу и будут давать ему деньги; ясно, что сахиб-хабар постоянно будет доводить до меня дурные вести о друзьях и хорошие вести о врагах. Добрые и дурные слова подобны стрелам; если выпустить несколько стрел, то хоть одна попадет в цель; с каждым днем будет уменьшаться мое расположение к друзьям и увеличиваться мое расположение к врагам; через короткое время друг будет от меня дальше, враг — ближе; наконец враг займет место друга; вред, который произойдет от этого, никто не будет в состоянии исправить». Нельзя отрицать, что в этих словах видно не только благородное доверие к людям, но и здравый смысл человека, не испорченного цивилизацией. Система шпионства, кроме того, представляла тот недостаток, что могла служить орудием и против монарха; если Махмуд приставил шпионов к своему сыну Мас'уду (см. стр. 354), то и Мас'уд имел шпионов в канцелярии отца[3]. С другой стороны, прав и Низам ал-мульк, считавший должность сахиб-хабара одним из устоев (*ка̄'ида*, мн. ч. *кава̄'ид*) государственного порядка. Уничтожение системы шпионства, без замены ее более действительным контролем, могло только увеличить произвол отдельных князей и наместников.

Персидский взгляд на монарха как на единодержавного правителя государства также был чужд кочевникам, в глазах которых империя была собственностью всего ханского рода. Насколько Сельджукидам вначале было чуждо понятие о единоличном правителе, показывает факт, что хутба одновременно читалась в некоторых хорасанских городах на имя Тогрула, в других — на имя его брата Давуда[4]. Удельная система и неизбежные при ней междоусобия получили широкое развитие как в государстве Сельджукидов, так и в государстве Караханидов. Столь же вредно должна была отозваться на интересах населения система военных ленов, т. е. земельных наделов, раздававшихся войску взамен уплаты жалованья или части его[5]. В восточной части мусульман-

[1] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 122; пер., 179.

[2] Там же, текст, 65; пер., 99.

[3] Бейхаки, изд. Морлея, 164—165; <изд. Гани — Фейяза, 145—146>.

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 327—328.

[5] Kremer, *Culturgeschichte,* Bd I, S. 251 sq., 285.

ского мира эта система получила широкое развитие только после тюркского завоевания. Отдельные случаи награждения выслужившихся воинов землей были и раньше; но эти исключения были так редки, что Низам ал-мульк мог утверждать, будто прежние цари никому не раздавали наделов, а только платили жалованье деньгами; такой порядок еще в его время соблюдался в государстве Газневидов[1]. В сельджукской империи пожалование надела (*икṭā'*) было обычным фактом, но это явление не привело к установлению крепостного права; Низам ал-мульк[2] напоминает владельцам наделов, что им только разрешается взимать с жителей определенную сумму и что кроме этого они не имеют никаких прав на личность, имущество, жен и детей населения. Раздачей наделов, имевшей следствием уменьшение земельной собственности государя, вероятно, следует объяснить упадок значения должности векиля[3].

От беспорядков, вызванных удельной системой, вероятно также системой земельных наделов, преимущественно, конечно, страдал класс землевладельцев, притом, как показывают факты, в Мавераннахре еще больше, чем в Хорасане. Мы видели (см. стр. 318), что дихканы Мавераннахра отчасти были причиной падения династии Саманидов; очень естественно, что в первое время господства новой династии значение дихканов увеличилось, как показывает появление монет илакского дихкана[4]. В рассказе о походе 1007—1008 гг. также, как мы видели (см. стр. 335), отдельно упоминаются «дихканы Мавераннахра». Но в рассказах о монгольском завоевании мы уже не встречаем никаких известий о значении этого класса в Мавераннахре, тогда как в Хорасане по-прежнему упоминаются землевладельцы, жившие в родовых замках; собирая по своему всегдашнему обычаю сельских жителей для осадных работ, монголы посылали соответствующие приказания землевладельцам[5]. Звание дихканов, по крайней мере в Хорасане, переходило и к получавшим земельные наделы тюркам; когда в 1035 г. Сельджукидам (Тогрулу, Давуду и их дяде Пейгу, или Ябгу) были отведены города Дихистан, Неса и Ферава, то все трое получили звание дихканов и подарки, соответствующие должности наместника (валия): шапку с двумя острыми верхушками, знамя и сшитую одежду — по обычаю персов, коня, сбрую и золотой пояс — по обычаю тюрков, кроме того 30 кусков цельной ткани[6]. Упадок класса землевладельцев в Мавераннахре

[1] См. выше, стр. 298, прим. 7.

[2] Изд. Шефера, текст, 28; пер., 40.

[3] Там же, текст, 81; пер., 121.

[4] Dorn, *Über die Münzen*, S. 715; Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 218—219.

[5] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 53; пер., 90—91; более правильный перевод у д'Оссона (d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 278).

[6] Бейхаки, изд. Морлея, 611; <изд. Гани — Фейяза, 492>.

нахре, вероятно, был вызван крайним обесценением земельной собственности, о котором говорит переводчик Нершахи[1]; в его время землю, которая при Саманидах продавалась по 4000 дирхемов за джифт, никто не брал и даром; если находился покупатель, то земля все-таки оставалась необработанной, «вследствие жестокости [правителей] и немилосердного отношения к подданным».

Идеал самодержавного властителя, господствовавший в покоренных областях, не мог остаться без влияния на завоевателей. Деспотические стремления властителей должны были отдалить от них их соплеменников и, с другой стороны, сблизить их с представителями персидской бюрократии. Совершенно уподобиться Саманидам и Газневидам Сельджукиды не могли уже потому, что до конца остались чужды всякому образованию; до нас дошло вполне достоверное известие[2], что даже последний из могущественных сельджукских султанов, Синджар, не умел ни читать, ни писать; нет основания полагать, что его предшественники были образованнее, хотя его отец Меликшах представляется обладавшим более высоким культурным уровнем. Неграмотный государь, конечно, не мог следить за сложным бюрократическим управлением своих обширных владений, и эта обязанность лежала исключительно на везире; оттого мы в эпоху Сельджукидов видим таких могущественных везиров, каких раньше не было; Низам ал-мульк с полным правом мог называть себя соправителем своего государя[3]. В то же время при таких условиях вмешательство государя и двора в ход управления могло особенно гибельно отозваться на делах; Низам ал-мульк[4] поэтому старался, чтобы письменные приказания из дергаха посылались как можно реже, так как «все, что происходит слишком часто, перестают уважать». Еще более опасности представляли устные приказания государя; по мнению Низам ал-мулька[5], следовало установить правило, по которому такие приказания всегда передавались бы дивану или казначейству одним и тем же лицом, и это лицо не имело бы права передавать свою обязанность другому; после получения такого приказания диван должен был составлять о нем доклад; только тогда, когда государь выслушает доклад, приказание должно было исполняться. Нечего и говорить о том, что такой порядок, несовместимый с сущностью деспотического управления, никогда не был применен на деле, и

[1] Изд. Шефера, 29—30. Правда, автор говорит о стоимости земли в городе Бухаре, но весьма возможно, что такое положение было также и в селениях.

[2] *Тексты,* стр. 38 (из дипломатического документа, написанного от имени самого Синджара).

[3] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 138.

[4] Изд. Шефера, текст, 66; пер., 99—100.

[5] Там же, текст, 81; в переводе (120) сказано как раз обратное.

слишком большое усиление власти везира только приводило к столкновениям между ним и государем.

Самым сложным из вопросов, подлежащих разрешению бюрократии, была судьба тюркских завоевателей, пришедших в страну вместе с государем, нисколько не желавших перейти к оседлой жизни и подчиниться такому же управлению, как остальная масса населения. Представители персидской бюрократии, естественно, желали причислить отряды кочевников к «гвардии» (*хашам*) и подчинить их такому же устройству, какому при прежних государях была подчинена гвардия из купленных рабов и наемников. В этом отношении любопытно мнение Низам ал-мулька [1] о туркменах. Многочисленные отряды их были источником постоянных беспорядков, но принимать крутые меры против них было неудобно, вследствие их родства с династией и их заслуг перед ней. Следовало набрать отряд из 1000 молодых туркмен, причислить их к «гулямам дворца», обучить их наравне с последними, чтобы они «сблизились с людьми, привыкли к ним, отправляли службу, как гулямы, и перестали чувствовать то отвращение [к династии], которое вошло в их природу. В случае надобности можно будет набрать из них 5000 или 10 000 человек, которые будут отправлять службу наподобие гулямов. Таким образом, существование династии будет выгодно и для них; и царь будет прославлен, и они будут довольны». Конечно, не так легко было превратить сынов степи в «гулямов дворца». Еще труднее было примирить интересы оседлого населения с интересами завоевателей, не желавших отказаться от кочевой жизни. По мере превращения государей из тюркских ханов в персидских деспотов неизбежные столкновения между земледельцами и кочевниками все более и более должны были разрешаться в интересах первых, и кочевники должны были перейти к оседлой жизни или бедствовать в завоеванной ими стране.

При таких условиях легко понять, как трудно было достигнуть того идеала, к которому стремился Низам ал-мульк, и какие опасения должны были возбуждать малейшие признаки ослабления государственного порядка. Особенно опасным казалось Низам ал-мульку усиление еретиков-исмаилитов в царствование Меликшаха [2]; опасность представляло также влияние женщин [3], которые у кочевников занимали другое положение, чем у оседлых народов. Элементом беспорядка могли явиться также представители класса чиновников, оставшиеся без места; поэтому надо было следить за тем, чтобы не было соединения двух или

[1] Там же, текст, 94; пер., 138.

[2] Там же, текст, 164—165; пер., 242—244.

[3] Там же, текст, 156 и сл.; пер., 231 и сл.

нескольких должностей в одних руках, так как это уменьшало число людей, обеспеченных службой[1]. Еще опаснее в глазах Низам ал-мулька[2] был возникший в конце царствования Меликшаха проект сокращения военных расходов. Одному из приближенных удалось убедить государя, что вследствие установления всеобщего мира нет надобности содержать 400 000 человек постоянного войска и платить им жалованье и что можно уменьшить это число до 70 000[3]. Такой мерой династия приобрела бы себе 330 000 вооруженных врагов; в глазах Низам ал-мулька было бы гораздо целесообразнее увеличить число войска до 700 000 и покорить Восточную Азию, Африку и Грецию. Низам ал-мульк[4] жалеет также об экономии Меликшаха, который не устраивал, подобно своим предшественникам[5], больших пиров для войска; в глазах кочевников всех наций щедрость является первой добродетелью царей и героев. Везир вспоминает о пирах Тогрула, указывает на огромное значение подобных пиров в государстве Караханидов и на разочарование воинов и жителей Мавераннахра, когда Меликшах во время своего похода в эту страну ни разу не угостил их.

В государстве Караханидов мы находим еще одно явление, которое в государстве Сельджукидов, по-видимому, не имело такого значения, именно борьбу между светской властью и духовенством. Мы приведем ниже ряд фактов, показывающих, с каким ожесточением велась борьба; к сожалению, наши источники не дают нам возможности выяснить причины этих столкновений. Первые тюркские ханы, как мы видели, отличались искренним благочестием, причем, конечно, более почитали шейхов и других подвижников, чем представителей догматической стороны религии. В Персии таким влиятельным шейхом был знаменитый Абу Са'ид Мейхени, к которому, если верить его биографу[6], Сельджукиды пришли на поклон уже в самом начале своей борьбы с Газневидами. Из одного рассказа Ауфи[7] можно заключить, что шейх Абу Са'ид потом не вел жизни подвижника, но, напротив, жил «как султан»; в этом отношении он противополагается другому шейху, Абу-л-Хасану Харакани, который, впрочем, не обольщался своим подвижничеством и признавал, что «делать божье дело» можно и в рубище, и в богатой одежде. Шейх Абу Са'ид отличался такой же терпимостью по отношению к представи-

---

[1] Ср. выше, стр. 299.

[2] Изд. Шефера, текст, 144; пер., 213.

[3] Согласно Равенди (изд. Икбаля, 131—132), число всадников, принадлежавших к личной гвардии султана в царствование Меликшаха, равнялось только 46 000.

[4] Изд. Шефера, текст, 115; пер., 168—169.

[5] О пирах Алп-Арслана см. Бундари, изд. Хаутсма, 47.

[6] Ибн ал-Мунаввар, изд. Жуковского, 206.

[7] *Тексты*, стр. 97; ср. Ибн ал-Мунаввар, изд. Жуковского, 188.

телям положительного знания; по рассказу Хамдаллаха Казвини[1], он имел разговор с Авиценной, после чего шейх заметил: «То, что я вижу, он знает», а философ сказал о своем собеседнике: «То, что я знаю, он видит». Такое отношение шейха к философу, столь ненавистному представителям правоверия[2], нельзя не признать замечательным. Те шейхи, с которыми пришли в столкновение Караханиды, по-видимому, не отличались таким миролюбивым характером.

Тамгач-хан Ибрахим, по рассказу Ибн ал-Асира[3], отличался редким благочестием; уже его отец Наср был отшельником[4]; сам Тамгач-хан никогда не взимал денег (т. е. не вводил новых налогов) без того, чтобы спросить мнения факихов. Его уважение к духовенству было так велико, что, когда проповедник Абу Шуджа', потомок Али, однажды сказал ему: «Ты не достоин быть царем», хан запер двери своего дворца и решил отказаться от престола; жителям, однако, удалось убедить его, что проповедник ошибся и что его слова опровергаются заботами хана о подданных.

В рассказах Ауфи[5] «великий» Тамгач-хан Ибрахим выставлен идеалом справедливого царя; эти рассказы носят анекдотический характер, но по ним мы можем судить о том, как народ смотрел на царствование этого, во всяком случае, выдающегося правителя. Ауфи[6] приводит также письменные резолюции хана. Итак, Караханиды, по-видимому, были образованнее Сельджукидов, что и вполне естественно, так как в Восточном Туркестане они, несомненно, подверглись влиянию китайской цивилизации, по крайней мере через посредство уйгурской. В поэме *Кутадгу билик,* написанной в 1069 г. уроженцем города Баласагуна, мы уже встречаем некоторые тюркские культурные термины (например, слово *битикчи* 'писец', 'чиновник'), употреблявшиеся также в монгольский период и несомненно заимствованные как Караханидами, так и монголами у уйгуров.

Тамгач-хан Ибрахим прежде всего заботился об установлении в своих владениях полного порядка и безопасности; каждое нарушение собственности каралось без милосердия. Однажды разбойники написали на воротах самаркандской цитадели: «Мы подобны луку; чем больше нас срезают, тем больше мы вырастаем». Хан велел написать

---

[1] *Тексты,* стр. 153 (из *Та'рӣх-и гузӣде;* в изд. Броуна нет); ср. Ибн ал-Мунаввар, изд. Жуковского, 252.

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 310.

[3] Там же, 211—212.

[4] Ср. также анекдоты о Насре, рассказанные Джемалем Карши (*Тексты,* стр. 133—135).

[5] Там же, стр. 84—87.

[6] Там же, стр. 87.

под этими словами: «Я стою здесь подобно садовнику; сколько бы ни вырастало вас, я вас вырываю». Однажды он сказал одному из своих приближенных: «Уже давно я вынул меч строгости из ножен мести и убиваю добрых молодцев и красивых юношей; теперь я нуждаюсь в таких людях, так как мне стало известно, что жители двух городов[1] питают мятежные намерения и хотят открыто произвести восстание. Теперь мне нужны люди дела, и я научился ценить их. Итак, ты должен отыскать для меня одного из предводителей шаек, некогда занимавшихся разбоем, чтобы я оказал ему милость, и он собрал для меня людей дела». Был один предводитель воров и разбойников, который в дни строгого правления хана изъявил раскаяние и вместе со своими четырьмя сыновьями стал жить трудами своих рук; его привели к хану, который назначил его своим палачом[2] и пожаловал ему и сыновьям его почетные халаты. По приказанию царя он набрал отряд из 300 людей, занимавшихся воровством и разбоем; царь принял их к себе на службу и велел наградить и их халатами. Их поочередно вводили в комнату, где хранились почетные одежды, а оттуда в другую, где они все, один за другим, были схвачены; таким же образом поступили с атаманом и его сыновьями, после чего все подверглись казни. Такого примера строгости в Самарканде еще никогда не было; на воров и разбойников был наведен такой ужас, что в стране после этого не пропало ни одного дирхема. Подробности рассказа заставляют полагать, что здесь идет речь о мерах против того класса населения, из которого в другое время выходили так называемые «добровольцы».

Хан защищал интересы трудящегося населения не только против открытых нарушителей права собственности, но и против жадных торговцев. Однажды мясники подали ему прошение, в котором жаловались на чрезмерно низкую таксу на мясо, доставлявшую им мало дохода, и просили позволения повысить ее, предлагая за это внести в казну 1000 динаров. Хан согласился, мясники внесли деньги и повысили таксу; тогда хан велел объявить, что под страхом смертной казни запрещает жителям покупать мясо. Мясники стали терпеть огромный убыток; в каждом квартале пять или шесть человек вместе покупали одного барана и делили между собой мясо. Кончилось тем, что мясники должны были еще раз уплатить сумму денег, на этот раз для восстановления прежней таксы. По этому поводу хан сказал: «Нехорошо было бы, если бы я продал всех своих подданных за 1000 динаров».

Неизвестно, по каким причинам уже этот благочестивый хан пришел

---

[1] В подлиннике Кукер (?) и Батик; первое название совершенно неизвестно, второе, может быть, тожественно с названием селения Бетик (см. выше, стр. 132).

[2] Термин *джандар* встречается довольно часто и, по-видимому, употребляется в том же значении, как термин *сахиб-харас* (см. выше, стр. 286—287).

в столкновение с духовенством и казнил одного из шейхов, имама Абу-л-Касима Самарканди[1]. О жизни этого имама мы ничего не знаем, кроме анекдота, приведенного в *Китāб-и Мулла-заде* (см. выше, стр. 107); рассказ передается от лица самого Абу-л-Касима[2]. Во время своего хаджа имам совершил молитву в горе Хира, в пещере пророка, и между прочим просил бога даровать ему какое-нибудь счастие (*даулат*). Тут раздался голос: «Счастье, даруемое нами людям, проявляется в трех вещах: во-первых — в пророчестве, во-вторых — в мученичестве, в-третьих — в бедности. Дверь пророчества теперь закрыта; итак, выберешь ли ты мученичество или бедность?» Имам выбрал мученичество: «Я знал, что для перенесения бремени бедности нужно обладать таким характером, каков был характер Мухаммеда, посланника божия». Если верить Ауфи[3], то казнь имама возбудила в народе ненависть к хану; приведенный выше рассказ Ибн ал-Асира скорее указывает на то, что во время столкновений между ханом и духовенством народ был на стороне государя.

Уже при Тамгач-хане Ибрахиме начались нападения сельджукских султанов на Мавераннахр. Восточной частью сельджукской империи после смерти Давуда управлял его сын Алп-Арслан, который в 1064 г. совершил трудный поход на Хутталь и Саганиан. После потери Газневидами Балха и Термеза и эти области, конечно, должны были подчиниться Сельджукидам; владетели их произвели восстание, которое было усмирено Алп-Арсланом с большим трудом; при штурме почти неприступных горных крепостей Алп-Арслан должен был лично давать пример воинам[4]. В следующем, 1065 г. был совершен поход из Хорезма на Дженд и Сауран (по Мирхонду зимой, ср. выше, стр. 361); владетель этих городов покорился и был оставлен правителем своей области[5]. Еще прежде Алп-Арслан производил набеги на владения Тамгач-хана Ибрахима, вследствие чего хан в 1061 г. отправил посольство в Багдад, чтобы пожаловаться главе ислама на действия сельджукского султана. Халиф мог только наградить хана почетными одеждами и титулами[6];

[1] Его не следует смешивать с другим лицом, носившим то же имя и жившим в эпоху Саманидов (*Тексты*, стр. 50 <Несефи>; Жуковский, *К истории персидской литературы*, стр. 05). Был еще третий Абу-л-Касим Самарканди, именно имам Насир ад-дин, который прибыл из Самарканда в Балх в 536/1141 г.; о нем упоминает автор сочинения *Бахр ал-асрāр фī манāкиб ал-ахйāр*, написанного в Бухаре около 1640 г. (India Office Library, № 575 по новому каталогу, № 1496 по старому, лл. 329б — 330б; автор, между прочим, дает очень подробное описание Балха).

[2] *Тексты*, стр. 170.

[3] Там же, стр. 85.

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 22.

[5] Там же, 33; Sachau, *Zur Geschichte*, II, S. 29.

[6] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, IX, 212.

из монетных данных[1] мы знаем, что хан кроме уже помянутых (см. стр. 367) титулов носил еще следующие: «слава общины» (Изз ал-умма), «гордость мусульман» (Ка'б ал-муслимин), «защитник справедливости» (Муайид ал-адль).

Еще при жизни Ибрахим отказался от власти в пользу своего сына Шемс ал-мулька, против которого тотчас восстал его брат Шу'айб[2]; между братьями произошло столкновение в Самарканде, по Нершахи — также в Бухаре, в самый год смерти их отца (1068 г.); борьба кончилась в пользу Шемс ал-мулька. При нем продолжалась война с сельджукскими султанами. Осенью 1072 г. Алп-Арслан предпринял поход на Мавераннахр с многочисленным войском (200 000 человек); поход был прекращен в самом начале смертью Алп-Арслана, который погиб от кинжала взятого в плен начальника одной крепости, осужденного султаном на казнь. Зимой того же года Шемс ал-мульк взял Термез и вступил с войском в Балх; владетель его Аяз (сын Алп-Арслана) еще прежде покинул город. На обратном пути часть жителей Балха совершила нападение на отряд тюрков; за это Шемс ал-мульк хотел сжечь город, но потом уступил просьбам жителей и довольствовался контрибуцией с купцов. Аяз в январе 1073 г. вернулся в Балх и 6 марта предпринял оттуда нападение на Термез, но без успеха; большая часть его воинов погибла в волнах реки[3]. В конце того же или в начале следующего года Термез, где начальствовал брат Шемс ал-мулька, сдался Меликшаху, который оказал царевичу почетный прием и отпустил его с подарками. Из Термеза Меликшах двинулся на Самарканд; Шемс ал-мульк просил мира и прибег к посредничеству Низам ал-мулька; султан согласился и вернулся в Хорасан[4]. Ибн ал-Асир[5] говорит также о борьбе между Шемс ал-мульком и сыновьями Кадыр-хана Юсуфа, Тогрул-Кара-ханом Юсуфом и Богра-ханом Харуном; борьба окончилась миром, по которому границей между владениями Шемс ал-мулька и владениями туркестанских ханов должен был служить Ходженд; по-видимому, это означает, что Шемс ал-мульк должен был отказаться от Ферганы и от части Мавераннахра, расположенной за Сыр-Дарьей. Это подтверждается тем, что в Маргинане, Ахсикете и Тункете стали чеканиться монеты с именами Тогрул-Кара-хана и его сына Тогрул-тегина,

[1] Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 265.

[2] Судя по монетам (там же, стр. 267—268), надо читать شعيث вместо سيفس, как в печатном издании Нершахи (изд. Шефера, 49). Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, IX, 212) называет этого царевича Туган-ханом; по-видимому, титул Туган-тегин находится на одной из монет Шу'айса.

[3] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 49—53.

[4] Там же, X, 63—64.

[5] Там же, IX, 212.

тогда как прежде на ахсикетских и тункетских монетах чеканились имена Ибрахима и его сыновей [1].

Шемс ал-мульк, подобно своему отцу, пользовался славой справедливого государя. Он продолжал вести кочевую жизнь и только зиму проводил со своим войском в окрестностях Бухары, причем строго следил за тем, чтобы воины оставались в своих шатрах и не притесняли жителей; после захода солнца ни один воин не смел оставаться в черте города [2]. Несмотря на кочевой образ жизни, Караханиды исполняли и ту обязанность государей, которая выражалась в «украшении городов высокими и красивыми зданиями, устройстве рабатов на больших дорогах и т. п.» (ср. выше, стр. 285). Еще Тамгач-хан Ибрахим выстроил в Самарканде, в квартале Гурджмин, или Керджумин (см. стр. 141), великолепный дворец, который должен был напоминать потомству о славе хана, как Фаросский маяк — о славе Александра Македонского и дворец Так-Кесра — о славе Хосроя Ануширвана [3]. Из построек Шемс ал-мулька особенной известностью пользовался «царский рабат» (Рабат-и Мелик), построенный в 471/1078-79 г. около селения Хардженг (см. выше, стр. 308, прим 4). Другой рабат был выстроен Шемс ал-мульком в месте Ак-Кётель, на дороге из Самарканда в Ходженд; по некоторым известиям, здесь был похоронен сам хан [4]. Шемс ал-мульку принадлежит также постройка дворца Шемсабад (около Бухары) и нового здания бухарской соборной мечети (см. стр. 160—161). Борьба правительства с духовенством продолжалась и при Шемс ал-мульке; в самом начале его царствования, в 461/1069 г., был казнен в Бухаре имам Абу Ибрахим Исма'ил б. Абу Наср ас-Саффар, по словам Сам'ани, за то, что побуждал хана исполнять предписания религии и удерживал его от запрещенного [5].

Шемс ал-мульку в 1080 г. наследовал его брат Хизр, о царствовании которого мы почти ничего не знаем; даже год его смерти не приводится ни в одном источнике. По рассказу автора XII в. Низами Арузи

---

[1] Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 263—272.

[2] *Тексты*, стр. 85 (Ауфи).

[3] Там же, стр. 87. Такими же стремлениями руководился в своих постройках его современник Алп-Арслан (Бундари, изд. Хаутсма, 47).

[4] *Тексты*, стр. 132 (Джемаль Карши), 168 и 172 (*Китаб-и Мулла-заде*). Рабат-и Мелик упоминается также в *Абдулла-наме* <Хафиз-и Таныша> (рук. Аз. муз., лл. 220а—220б), в одном переходе к северу от Джизака.

[5] *Тексты*, стр. 62 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الصفّار, л. 353б, где чтение قبله — ошибка, вместо قتله). Из влиятельных представителей духовенства в это царствование упоминается балхский проповедник (*ва'из*) Зейн ас-салихин Абу Абдаллах Мухаммед б. Абдаллах аш-Шумани, учитель Шемс ал-мулька (*Тексты*, стр. 61, из Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الشومانى, л. 341а).

Самарканди[1], государство при нем находилось в самом цветущем состоянии; он владел Мавераннахром и Туркестаном (?); со стороны Хорасана он обеспечил себя прочными договорами. Сам государь отличался мудростью и справедливостью и покровительствовал поэтам. Автор приводит также обычай государя и вельмож в Мавераннахре ставить в залах для аудиенции подносы с золотом и серебром; в зале Хизр-хана было четыре таких подноса и на каждом из них 250 динаров; однажды все четыре подноса достались одному поэту. При торжественных выездах перед государем, кроме другого оружия, несли 700 золотых и серебряных жезлов.

В царствование сына и преемника Хизра, Ахмеда[2], вражда между ханом и духовенством привела к вмешательству Сельджукидов. В самом начале царствования Ахмеда был казнен везир Абу Наср б. Сулейман ал-Касани, который при Хизре был главным казием; по словам Сам'ани[3], он как правитель не отличался хорошим поведением. По словам Ибн ал-Асира[4], молодой хан притеснял население, и шафиитский факих Абу Тахир б. Илк от имени угнетенных призвал на помощь Меликшаха.

Меликшах в 1089 г. занял Бухару и осадил Самарканд, где встретил упорное сопротивление, хотя местные жители, если верить Ибн ал-Асиру, при осаде самаркандской крепости поставляли провиант сельджукскому войску. Хан поручил каждому из своих эмиров защиту одной из башен; сын одного из них, потомка Али (т. е. представителя интересов духовенства), был взят в плен в Бухаре, и Меликшах грозил убить его; оттого отец вяло защищал вверенную ему башню и дал сельджукским войскам овладеть ею. Самарканд был взят; Ахмед скрылся в одном частном доме, где его нашли и привели к султану с веревкой на шее; султан отправил его в Исфахан. Из Самарканда Меликшах двинулся дальше и дошел до Узгенда; кашгарский хан по его требованию явился к нему с выражением покорности и стал читать хутбу и чеканить монету с именем Меликшаха[5]. Султан вернулся в Хорасан, оставив в Самарканде своего наместника.

---

[1] *Чахар макала,* изд. Казвини, 46 и сл.; пер. Броуна, 52 и сл.

[2] Он назван Сулейманом в печатном издании <Мухаммеда Икбаля> *Рахат ас-судур* Равенди (130). Предположение издателя, что его настоящее имя было Сулейман б. Ахмед, не имеет никаких оснований.

[3] *Тексты,* стр. 64 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الكسانى, лл. 471а—471б).

[4] Изд. Торнберга, X, 112 и сл.

[5] О тех же событиях несколько иначе рассказывается у Бундари (изд. Хаутсма, 55), по словам которого поход на Узгенд был совершен через год после похода на Самарканд; как самаркандского хана, так и «тюркского царя» Меликшах увез в Исфахан и потом возвратил престол им обоим.

Тотчас после отъезда султана смуты возобновились. Племя джикилей [1], составлявшее ядро войска Караханидов, было недовольно скупостью султана, который за время своего пребывания в Мавераннахре ни разу не угостил их [2] (очевидно, джикили поступили на службу к Меликшаху); восстание их заставило наместника удалиться в Хорезм. Начальник джикилей Айн ад-дауля призвал из Семиречья Я'куб-тегина, правителя города Атбаша, брата кашгарского хана. Я'куб начал свое правление тем, что казнил Айн ад-дауля, чем, естественно, возбудил против себя джикилей. Как только Меликшах вступил в Бухару, Я'куб бежал через Фергану в Атбаш; его войско около Тавависа присоединилось к Меликшаху, который снова занял Самарканд, оставил там своего эмира и опять дошел до Узгенда. Междоусобия среди туркестанских ханов [3] уничтожили всякую опасность с этой стороны, и Меликшах мог спокойно вернуться в Хорасан.

Неизвестно, какие причины побудили Меликшаха через некоторое время возвратить престол Ахмеду, который, однако, правил недолго и погиб в начале 1095 г. в борьбе с духовенством. Во время своего пребывания в Персии хан имел сношения с еретиками-дейлемийцами; после возвращения в Мавераннахр его обвинили в ереси; самаркандские факихи и кази распространили среди войска фетву, требовавшую низложения и смерти хана. Ахмед пользовался в столице такой популярностью, что произвести восстание там было невозможно; военная партия подговорила начальника города Касана, Тогрул-Янал-бека, отложиться от правительства; когда Ахмед подошел к городу с войском, начальники последнего произвели возмущение, схватили хана и отвели его обратно в Самарканд. Здесь низложенный хан был подвергнут суду духовенства; Ахмед ни в чем не признал себя виновным, но судьи нашли улики достаточными; хан был осужден на смерть и задушен тетивой лука [4]. Рассказанное событие должно быть признано самой крупной из побед, одержанных духовенством в союзе с военным сословием против прави-

[1] Совершенно неосновательно Шефер (Низам ал-мульк, изд. Шефера, пер., 132) видит здесь слово جلكه 'область': притом это слово не тюркское, а персидское <как показал П. Пельо, слово جلكه — не персидского, а монгольского происхождения (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 18—21). — *Ред.*>; также неверно, что Ибн ал-Асир называет джикилями жителей Самарканда; слова المعروفين بالجكلية относятся только к слову عسكرهم. Несомненно, что надо читать جكلية и جكليان, не جلكية и جلكيان. О прежних местах расселения джикилей см. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 90. В Мавераннахр джикили, очевидно, пришли вместе с Караханидами. В *Дивáн лугáт ат-турк* Махмуда Кашгарского (I, 330) говорится, что туркмены называли джикилями (или чикилями) всех восточных тюрков.

[2] Низам ал-мульк, изд. Шефера, текст, 115; пер., 198—199.

[3] Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 99.

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 165—166; Нершахи, изд. Шефера, 236—237.

тельства и народа. Из других событий царствования Ахмеда мы знаем только, что при Ахмеде пришел в упадок Шемсабад, поддерживавшийся при Хизре, и что им, после возвращения из Персии, был выстроен новый великолепный дворец в Джуйбаре; вероятно, имеется в виду место, известное под названием «джубара (протока) Абу Ибрахима» (см. стр. 156). Этот дворец оставался местопребыванием ханов в течение 30 лет [1].

Мятежники возвели на престол двоюродного брата убитого, Мас'уд-хана. В 1097 г. страна подчинилась старшему сыну Меликшаха, султану Баркьяруку [2], по назначению которого, один за другим, правили Сулейман-тегин, Махмуд-тегин и Харун-тегин [3]. Из них точно известно только происхождение первого, который был сыном Давуда Кюч-тегина и внуком Тамгач-хана Ибрахима [4]. В самом начале XII в. произошло новое нашествие туркестанских Караханидов на Мавераннахр; Кадыр-хан [5] Джибраил, внук Богра-хана Мухаммеда (см. стр. 357), не только занял страну, но в 1102 г. двинулся оттуда на владения Сельджукидов. Ему удалось взять Термез, но 22 июня он недалеко от этого города был побежден и убит в сражении с султаном Синджаром [6]. Султан вызвал из Мерва Мухаммед-тегина, сына Сулейман-тегина; царевич бежал из Мавераннахра в Хорасан при нашествии Кадыр-хана [7]. Мухаммед-тегин принял титул Арслан-хана и оставался правителем области до 1130 г.

В начале своего царствования Арслан-хану пришлось вести борьбу

---

[1] Нершахи, изд. Шефера, 28.

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 181.

[3] Бундари, изд. Хаутсма, 258—259. Махмуд-тегин, вероятно, тождествен с Махмуд-ханом Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, IX, 213), по словам которого этот хан был глухим. Ибн ал-Асир здесь называет Махмуда непосредственным преемником Ахмеда и внуком одного из прежних владетелей; о Мас'уде он упоминает в другом месте (X, 166).

[4] Правильная генеалогия у Джемаля Карши (см. *Тексты*, стр. 132). Имя Давуда Кюч-тегина при жизни его отца чеканилось на некоторых монетах (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 266).

[5] В другом месте Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, IX, 213) называет его Туган-ханом; там же сказано, что в Самарканде от имени Туган-хана правил Абу-л-Ма'али Мухаммед б. Зейд ал-Багдади, потомок Али, но через три года возмутился; город был взят Туган-ханом, причем ал-Багдади был убит вместе с множеством народа. Из этого можно заключить, что туркестанцы заняли Мавераннахр при помощи духовенства, но что потом духовенство вступило в борьбу и с новыми владетелями области.

[6] Согласно Бундари (изд. Хаутсма, 262), он был захвачен в плен во время охоты.

[7] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 239—241; *Тексты*, стр. 84 (Ауфи). По *Китāб-и Мулла-зāде* (*Тексты*, стр. 172), Арслан-хан даже родился в мервской деревне Месус или Месвес (ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 43). По Ауфи и по автору *Китāб-и Мулла-зāде*, Арслан-хан носил также титул Тамгач-хана.

с непокорным эмиром Сагыр-беком, который, по Ибн ал-Асиру [1], также происходил из династии Караханидов. Первое восстание Сагыр-бека произошло еще в 1103 г.; Синджар пришел на помощь своему ставленнику; при посредстве султана между соперниками был заключен мир; в декабре того же года Синджар вернулся в Мерв. В 503/1109 г. Сагырбек снова произвел восстание; Арслан-хан с помощью Синджара разбил мятежников при Нахшебе [2].

Вслед за тем страна в течение двадцати лет наслаждалась спокойствием. Арслан-хан более всех прочих Караханидов известен своими постройками; о некоторых из них мы уже упоминали, именно о восстановлении бухарской цитадели (см. стр. 152) и городских стен Бухары (см. стр. 155), об устройстве в 1119 г. места праздничного богослужения на месте разрушенного дворца Шемсабад, о постройке в 1121 г. великолепной соборной мечети (см. стр. 161), о постройке двух дворцов — из которых первый впоследствии был обращен в медресе (стр. 162), о восстановлении города Пейкенда (стр. 170). Минарет соборной мечети, около цитадели, по приказанию хана был перенесен в шахристан и реставрирован с большим великолепием; незадолго до окончания работ постройка обрушилась, причем разрушила также треть соборной мечети; Арслан-хан велел возобновить постройку минарета исключительно на свои личные средства [3]. Автор *Китāб-и Муллā-зāде* [4] относит постройку минарета к 1127 г. Благочестие Арслан-хана, кроме его построек и его походов против неверных [5] (вероятно, против кипчаков), проявилось также в его отношении к подвижнику Хасану б. Юсуфу ал-

---

[1] Изд. Торнберга, X, 241, 252. В рукописях Ибн ал-Асира встречается также правописание ساغو и هاغو. Ср. Нершахи, изд. Шефера, 240.

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 335. В том же году (503 г. х.) распространился слух, что султан Синджар одержал победу над народом неверных (قوم كافر) вблизи от Аму-Дарьи (Ибн ал-Каланиси, 168).

[3] Нершахи, изд. Шефера, 49—50. Минарет сохранился до наших дней.

[4] *Тексты,* стр. 172.

[5] По Бундари (изд. Хаутсма, 264), у Арслан-хана (которого он называет Ахмедом, см. ниже) было 12 000 тюркских мамлюков, с которыми он постоянно совершал походы против неверных тюрков и проходил в их стране расстояния в два месяца пути. Ср. рассказ Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XI, 55 и сл.) о походах Арслан-хана, цитованный Марквартом (*Komanen,* S. 164 sq., где ссылка на т. XII и дата 522 г. х. приведены по ошибке). Рассказывается, что Арслан-хан имел под своим началом 16 000 шатров хитайских тюрков (الاتراك الخطا), служба которых заключалась в охране границы между его государством и Китаем (الصين). Маркварт делает из этого вывод, что город Эмиль (около нынешнего Чугучака) был построен именно этими наемниками, а не кара-китаями, которые пришли из Китая с гурханом (см. ниже). Это мнение, несомненно, ошибочно. Совершенно невероятно, чтобы власть самаркандского хана когда-либо простиралась так далеко на север.

Бухари ас-Самани, носившему прозвание Немед-пуш ('Одетый в войлочную одежду'). Шейх 30 лет жил в своем ханкахе в Бухаре, питаясь только овощами; кроме него в Бухаре был только один шейх, именно Абу Бекр Келлябади, безусловно воздерживавшийся от мясной пищи. Арслан-хан называл Немед-пуша отцом; благодаря поддержке хана отшельник мог охранять Бухару от «людей разврата и новшеств»; каждый суфий, который днем пил на базаре воду из водоема, изгонялся им из города; соблюдение правил приличия являлось в его глазах первой обязанностью суфия. В 509/1115-16 г. шейх погиб от стрелы одного из «развратников» [1].

Несмотря на все это, борьба с духовенством не прекратилась и в это царствование. Сын имама Саффара, казненного при Шемс ал-мульке (см. стр. 378), Абу Исхак Ибрахим б. Исма'ил, подобно своему отцу, «избегал притворства, обличал султанов и предъявлял требования к царям»; ради спокойствия страны Синджар должен был переселить его в Мерв [2]. В конце своей жизни Арслан-хан был разбит параличом и должен был взять себе соправителем своего сына Насра; против молодого правителя был составлен заговор, руководителями которого были глава духовенства, факих и мударрис, потомок Али, Ашраф б. Мухаммед ас-Самарканди и реис города Самарканда. Ночью, во время отсутствия Арслан-хана, Наср был убит [3]; его отец обратился с просьбой о помощи к Синджару и в то же время призвал своего другого сына, Ахмеда [4]. Факих и реис вышли к нему навстречу; молодой хан немедленно велел их схватить; факих тотчас был казнен. По одному рассказу Ибн ал-Асира [5], спокойствие этим было восстановлено, так что в помощи Синджара не было надобности, и Арслан-хан раскаялся в том, что обратился к султану; в другом месте тот же историк [6] говорит, что Синджар победил карлуков, также восставших против хана. Как бы там ни было, между султаном, войско которого уже вступило в Мавераннахр, и владетелем страны произошла ссора; во время охоты Синджар захватил 12 человек, которые при допросе сознались, что были подкуплены

---

[1] Тексты, стр. 170—171 (*Китаб-и Мулла-заде*).

[2] Там же, стр. 62 (Сам'ани; изд. Марголиуса, под словом الصفّار, л. 353б).

[3] В одном месте (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 54) сказано, что Наср сам принимал участие в заговоре и был убит по приказанию своего отца.

[4] Имя царевича у Ибн ал-Асира не названо, но ему, вероятно, принадлежат монеты с именем Кадыр-хана Ахмеда (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 275—276); это подтверждается тем, что Равенди (извлеч. в изд. Шефера, 32; <изд. Икбаля, 169>) и Бундари (изд. Хаутсма, 264) называют самаркандского хана Ахмедом и смешивают его с Арслан-ханом.

[5] Изд. Торнберга, X, 465—466.

[6] Там же, XI, 54—55.

ханом с целью убить султана. После этого Синджар осадил Самарканд. Духовенство, вероятно по требованию хана, обратилось к султану с письмом, в котором заступалось за своего государя; до нас дошел ответ, написанный от имени Синджара «имамам, казиям и знатным людям» Самарканда. Султан удивляется, что духовенство «оказывает повиновение человеку, низложенному самим богом, человеку, у которого отняты все орудия власти, который лишен поддержки всевышнего и которого низложил властитель мира, тень всевышнего, ставленник халифа». Далее султан напоминает, что он сам извлек хана из ничтожества, возвел его на престол, переселил его соперников в Хорасан и в течение 17 лет поддерживал его войском; между тем, хан правил дурно, оскорблял потомков пророка, уничтожал древние роды, казнил людей по одному подозрению и конфисковал их имущество. Высказывается предположение, что послание духовенства было отправлено под давлением светской власти. Наконец, султан объявляет, что 70 000 непобедимых воинов уже три дня стоят перед городом, готовые идти на приступ, и что султана удерживает только желание спасти от неизбежного разграбления город, жители которого известны своим благочестием, и заступничество его жены [1] (дочери Арслан-хана).

Самарканд был взят раннею весной 1130 г. [2]; больной хан был вынесен к султану на носилках [3] и отправлен к дочери; короткое время спустя [4] он умер в Балхе и был похоронен в Мерве, в построенном им самим медресе [5]. Преемником его сначала был объявлен его брат Абу-л-Музаффар Тамгач-Богра-хан Ибрахим, воспитанный при дворе Синджара [6], потом другой член династии, Кылыч-Тамгач-хан Абу-л-Ма'али Хасан б. Али б. Абд ал-Мумин, более известный под названием Хасан-тегина [7], наконец — сын Арслан-хана Рукн ад-дин (или Джелаль ад-дин) [8] Махмуд. Махмуд, племянник Синджара, оставался верным под-

[1] Тексты, стр. 25—26 (*Инша'*).

[2] Раби' I 524 г. х. (Ибн ал-Асир).

[3] Бундари, изд. Хаутсма, 264.

[4] По *Китаб-и Мулла-заде* (*Тексты*, стр. 172), в 524 или 525 г. х., по Джемалю Карши (*Тексты*, стр. 132), в раджабе 526 г. х. (май—июнь 1132 г.).

[5] Проф. В. А. Жуковский (*Развалины Старого Мерва*, стр. 27—28) ошибочно отнес это известие к Алп-Арслану сельджукскому. О судьбе Ахмеда мы ничего не знаем, кроме известия Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, X, 480), что летом 1132 г. Синджар, действовавший в то время на западе, должен был вернуться в Хорасан, «так как до него дошло известие о восстании владетеля Мавераннахра Ахмед-хана». Возможно, что Ахмед после взятия Самарканда Синджаром был оставлен правителем какой-нибудь части Мавераннахра.

[6] *Тексты*, стр. 24 (в дипломатическом документе); историки совсем не упоминают об этом хане.

[7] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 55.

[8] *Тексты*, стр. 27, 33 (*Инша'*).

данным своего дяди, который, кроме того, мог называть своим ставленником кашгарского хана [1]. Таким образом, опять, как при Меликшахе, вся мусульманская Азия подчинялась одному государю; но в это время к восточным границам мусульманского мира уже приближался народ, впервые заставивший мусульман Мавераннахра признать над собой власть неверных.

[1] Там же, стр. 37 (*Иншā'*).

Глава III

КАРА-КИТАИ И ХОРЕЗМШАХИ

О движении кара-китаев мне пришлось подробно говорить в другом месте[1]. После победы кашгарского хана Ахмеда б. Хасана[2] над кара-китаями в письме сельджукского правительства к багдадскому везиру была высказана уверенность, что всякая опасность со стороны неверных устранена[3]; кара-китаям, однако, удалось образовать обширное государство, подчинить себе Семиречье и Восточный Туркестан и в рамазане 531/мае — июне 1137 г. разбить при Ходженде войско Махмуд-хана. Поражение навело большой страх на жителей Мавераннахра[4], но кара-китаи, вероятно занятые в другом месте, на этот раз не воспользовались плодами своей победы.

Внимание Синджара в это время было поглощено борьбой с мятежным вассалом, хорезмшахом[5] Атсызом. Дед Атсыза, Ануш-тегин Гарджа[6], был рабом сельджукского эмира Бильгя-тегина (или Бильгя-бека) и получил свое прозвание оттого, что был куплен Бильгя-тегином у одного из жителей Гарджистана[7]. От Бильгя-тегина он был взят

---

[1] Бартольд, *Очерк истории Семиречья,* стр. 102 и сл.

[2] О его происхождении см. *Тексты,* стр. 133 (Джемаль Карши). Его отец Тамгач-хан Хасан, как видно из его монет, некоторое время владел Таразом (Марков, *Инвентарный каталог,* стр. 272). Это тот же хан, для которого был составлен *Кутадгу билик;* Barthold, *The Bughra Khan,* p. 152.

[3] *Тексты,* стр. 98.

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 56.

[5] Об источниках для истории династии хорезмшахов см. стр. 77 и сл. Мирхонд писал исключительно на основании Джувейни; об отношении Мирхонда к своему источнику см. выше, стр. 107. Мирхондом и Ибн ал-Асиром пользовался проф. Н. И. Веселовский в своем исследовании «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего» (СПб., 1877). В своем дальнейшем изложении я буду ссылаться на свои источники преимущественно в тех случаях, когда приводимые мною сведения не находятся в книге проф. Веселовского.

[6] Более правильно Гарча (современное Гальча), см. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана,* стр. 27, также Бартольд, *К истории Мерва,* стр. 134.

[7] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, X, 182.

ко двору Мелик-шаха, где дослужился до высших должностей и был назначен заведующим царскими умывальниками[1]. Для покрытия расходов этой части придворного хозяйства служили доходы, поступавшие из Хорезма[2]; вследствие этого Ануш-тегин носил также титул наместника Хорезма[3], хотя фактически, судя по рассказу обоих первоисточников[4], еще не управлял этой областью; своего сына Кутб ад-дина Мухаммеда он воспитывал в Мерве.

В 1097 г. хорезмшах Икинчи б. Кочкар[5] был убит мятежными эмирами; после усмирения восстания султан Баркьярук назначил наместником Хорасана эмира Дад-Хабаши б. Алтунтака[6], а тот поручил управление Хорезмом Кутб ад-дину Мухаммеду, сыну Ануш-тегина. Синджар утвердил Мухаммеда и помог ему усмирить восстание Тогрул-тегина, сына Икинчи, который призвал в страну тюрков. По Ибн ал-Асиру[7], Мухаммед правил справедливо и покровительствовал ученым; по Джувейни, он оставался верным вассалом Синджара; в течение всего своего царствования он один год сам ездил ко двору султана, на следующий год посылал туда своего сына Атсыза.

Атсыз, наследовавший своему отцу в 1127 или 1128 г., был истинным основателем могущества династии хорезмшахов. С редкой настойчивостью и редким умением он и его преемники, не останавливаясь ни перед какими средствами, стремились к своей цели — к основанию независимого и сильного государства. В первые годы своего царствования Атсыз оставался верным подданным Синджара и принимал участие в его походах, между прочим и в походе на Мавераннахр[8], но в то же время заботился об усилении своей власти посредством подчинения соседних кочевников. Для этой цели он занял местности, имеющие наибольшее значение в жизни кочевников, именно Дженд, т. е. низовья

---

[1] <*Ташт-дар* (Джувейни, изд. Казвини, III, 2). — *Ред.*>

[2] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 99; <изд. Казвини, II, 2>.

[3] Слова Джувейни (там же): اورا باسم شحنگی خوارزم موسوم کردند.

[4] Фактическим правителем Хорезма впервые, насколько нам известно, называет его Хамдаллах Казвини (*Та'рих-и гузиде,* рук. ЛГУ № 153, стр. 283; изд. Броуна, текст, 486 и сл., пер., 711 и сл.), однако ср. замечание переводчика относительно даты 491 г. х.

[5] Назван не только у Ибн ал-Асира, но и у Джувейни (изд. Казвини, II, 3, где дано чтение النجبى), хотя и пропущен всеми последующими компиляторами, начиная с Рашид ад-дина (рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 517а). Ср. точку зрения Маркварта (*Komanen,* S. 48 sq., 201 sq.), который отожествляет этого Икинчи с лицом, упомянутым у Ауфи (см. *Тексты,* стр. 99).

[6] У Джувейни — Дад-бек б. Хабаши Алтунтак; в изд. Казвини (II, 2) — Дад-бек Хабаши б. Алтунтак.

[7] Изд. Торнберга, X, 183.

[8] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 100; изд. Казвини, II, 4; Мирхонд, *История хорезмшахов,* изд. Дефремери, 2.

Сыр-Дарьи, и полуостров Мангышлак[1]. Из Дженда он совершил поход «в глубь Туркестана» и одержал победу над «царем и предводителем, который среди неверных пользовался самым большим уважением»[2]. Вскоре после этого он отложился от Синджара; по словам Джувейни[3], Атсыз, участвуя в походе Синджара на Газну, заметил, что султан под влиянием речей завистников охладел к нему. Осенью 1138 г. Синджар совершил поход на Хорезм. В дошедшем до нас официальном документе[4] говорится, что Синджар обратился к Атсызу с упреками за то, что последний без позволения своего сюзерена «пролил кровь мусульман» в Дженде и Мангышлаке, жители которых были верными стражами мусульманских областей и постоянно сражались с неверными; в ответ на эти упреки Атсыз произвел восстание, заключил в тюрьму чиновников султана, конфисковал их имущество и запер все пути из Хорасана. Султан в это время находился в Балхе; отсюда он (по Джувейни, в мухарреме, т. е. в сентябре) двинулся в поход с многочисленным войском. Укрепленный лагерь Атсыза находился около Хазараспа, сильной крепости; окружавшая лагерь местность, на пространстве нескольких фарсахов, была наводнена — средство, к которому хорезмшахи прибегали и при следующих нашествиях (см. стр. 209). Так как прибрежная полоса была залита, то сельджукскому войску приходилось идти по песчаной степи. Вследствие этого войско Синджара двигалось очень медленно; в официальном документе эта медленность объясняется желанием султана дать Атсызу время образумиться. Битва произошла только 15 ноября, причем Атсыз вывел свое войско из окопов; хорезмийское войско, состоявшее частью из неверных тюрков, потерпело полное поражение и потеряло до 10 000 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. В числе пленных находился и сын хорезмшаха[5], который тотчас был казнен; голова его была отправлена в Мавераннахр. Синджар пробыл одну неделю на месте битвы, где к нему присоединились остатки разбитого войска; все получили прощение. Атсыз бежал, и страна, по-видимому без дальнейшего сопротивления, была занята Синджаром, который поставил здесь правителем своего племянника Сулеймана б. Мухаммеда[6], оставил при нем везира, атабека и хаджиба

[1] О завоевании Мангышлака Атсызом говорит и Якут (*Му'джам*, IV, 670). По Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, X, 183), Атсыз завоевал Мангышлак еще при жизни своего отца.

[2] *Тексты*, стр. 37 (*Иншā'*). Документ написан в июле 1133 г. (там же, стр. 35).

[3] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 100; изд. Казвини, II, 4; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 3.

[4] *Тексты*, стр. 44—47 (*Иншā'*).

[5] Имя его у Джувейни (по обеим рукописям) ابلغ, в изд. Казвини, II, 5 آتلغ, у Мирхонда (*История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 4) Иль-Кутлуг.

[6] Так по Джувейни.

и в феврале 1139 г. вернулся в Мерв. Сулейман недолго оставался правителем; Атсыз вернулся в Хорезм; жители, недовольные поведением войска Синджара, присоединились к нему; Сулейман должен был бежать к своему дяде[1]. В 534/1139-40 г. Атсыз произвел нападение на Бухару, взял в плен и убил наместника города Зенги б. Али и разрушил цитадель[2]. Несмотря на это, Атсыз все-таки нашел нужным подчиниться своему сюзерену. До нас дошел текст присяги, принесенной Атсызом в конце мая 1141 г. и составленной в обычных выражениях[3]. Этот текст приложен к документу, в котором Атсыз выражает свою радость, что султан, проявив перед всем миром свое правосудие по отношению к хорезмшаху, теперь показал миру «свет своего милосердия»[4]. Клятва в верности, однако, была нарушена хорезмшахом уже через несколько месяцев.

В Мавераннахре в 1141 г. произошло обычное столкновение между престолом и военным сословием[5]. Махмуд-хан призвал Синджара на помощь против карлуков, и в июле в страну вступило сельджукское войско. Карлуки обратились за помощью к кара-китайскому гурхану; гурхан, который в Баласагуне выступил защитником хана против отрядов кочевников[6], здесь принял сторону карлуков и ходатайствовал за них перед Синджаром. Оскорбительный ответ сельджукского султана вызвал новый поход кара-китаев на Мавераннахр; 9 сентября в Катванской степи произошла кровопролитная битва, кончившаяся полным поражением сельджукского войска. Воины Синджара были оттеснены кара-китаями до Даргама[7]; волны этого потока унесли до 10 000 убитых и раненых; всего в битве пало до 30 000 мусульман[8]. Синджар бежал в Термез; вместе с ним покинул свои владения Махмуд-хан; вся страна подчинилась кара-китаям, которые в том же 536/1141-42 г. заняли Бухару.

В Бухаре в это время уже возвысилась династия наследственных реисов города, которая по имени своего основателя получила название «дома Бурхана». По замечанию автора *Китāб-и Мул-*

---

[1] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 44.

[2] Нершахи, изд. Шефера, 23.

[3] *Тексты,* стр. 40 (*Иншā'*). Ср. присягу султана Мас'уда халифу у Бейхаки (изд. Морлея, 370—374, 384—389; <изд. Гани — Фейяза, 301—304, 312—316>).

[4] Тексты, стр. 30 (*Иншā'*).

[5] Подробнее всего у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XI, 56—57).

[6] Бартольд, *Очерк истории Семиречья,* стр. 103.

[7] По-видимому, не имеется в виду проток этого имени, находящийся к югу от Самарканда (ср. стр. 133, 144).

[8] Равенди, извлеч. в изд. Шефера, 20, 35—36; изд. Икбаля, 172 и сл. <Об этой битве см. Ross, *Prester John,* p. 174. Кроме того, см. Zarncke, *Der Priester Johannes,* Abh. I, S. 850—860 (отд. отт., I, стр. 24—34). — *Гибб.*>

ла-заде[1], эти реисы, носившие титулы садров ('столпов') мира[2], происходили из «людей чалмы», т. е. из духовенства, но у их ворот искали убежища «владетели венцов». Основатель династии, «великий садр» Бурхан ал-миллят ва-д-дин ('аргумент общины и веры') Абд ал-Азиз б. Омар Маза, «второй Ну'ман (Абу Ханифа), море идей», считался потомком халифа Омара; он упоминается у историка Абу-л-Хасана Бейхаки, в рассказе об отце автора, умершем в августе 1123 г.[3]. При нашествии кара-китаев садром Бухары был сын Абд ал-Азиза Хусам ад-дин Омар; очевидно, Бухара оказала сопротивление неверным, так как садр был убит[4]. Правителем Бухары кара-китаи назначили некоего Алп-тегина[5].

Поражение Синджара было настолько выгодно для Атсыза, что должна была распространиться молва, будто хорезмшах сам призвал кара-китаев[6]. Однако, по Джувейни[7], владения самого Атсыза также были разграблены отрядом кара-китаев, причем было убито множество людей; Атсыз должен был заключить мир и обязался платить кара-китаям ежегодно, независимо от податей натурой, 30 000 динаров золотом. Едва ли нападение кара-китаев на Хорезм произошло тотчас после Катванской битвы, так как уже в октябре этого года мы видим Атсыза с войском в Хорасане, где он поспешил извлечь для себя выгоды из поражения Синджара. 19 ноября того же года был разграблен Мерв. К Нишапуру Атсыз подступил только в мае 1142 г.; может быть, такое замедление следует объяснить нашествием кара-китаев. В прокламации, обращенной к жителям Нишапура, Атсыз говорил, что несчастия Синджара являются наказанием за неблагодарность, которой он отплатил за верную службу хорезмшаха: «Не знаем, принесет ли пользу раскаяние, так как он теперь нигде не видит такой опоры и такого друга его державы, каким были мы»[8]. По требованию Атсыза 29 мая

---

[1] *Тексты*, стр. 169.

[2] *<Садр-и джахан. — Ред.>*

[3] *Та'рих-и Бейхак*, рук. Брит. муз., лл. 60б—61а. Дедом этого Абд ал-Азиза здесь назван Абд ал-Азиз ал-Маза, в *Китаб-и Мулла-заде* — Абдаллах.

[4] Бундари, изд. Хаутсма, 278. По словам Фасиха (*Тексты*, стр. 160), садр пал в битве и был похоронен в окрестностях Бухары, в Келлябаде.

[5] Нершахи, изд. Шефера, 23. Ср. Низами Арузи, *Чахар макала*, изд. Казвини, 24; пер. Броуна, 24, где имя дано в форме Атма-тегин.

[6] Этим объясняется приведенное у проф. Веселовского (*Очерк историко-географических сведений*, стр. 60) известие Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XI, 53).

[7] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 191; изд. Казвини, II, 88; Мирхонд, *История Чингиз-хана*, изд. Жобера, 91—92; Oppert, *Der Presbyter Johannes*, S. 146. Имя кара-китайского предводителя у Мирхонда اريز, у Джувейни, в рук. ГПБ Ханыкова اربوز (в рук. IV, 2, 34 искажено), в изд. Казвини اربوز.

[8] Тексты, стр. 43—44 (*Инша'*).

в Нишапуре была прочитана хутба на его имя; но уже летом того же года в Хорасане была восстановлена власть Синджара[1].

В 538/1143-44 г.[2] Синджаром был совершен поход на Хорезм, заставивший Атсыза покориться и возвратить сокровища, награбленные им в Мерве[3]. В связи с этим походом, по всей вероятности, находилось успешное нападение гузов на Бухару (в марте 1144 г.), причем была разрушена цитадель[4]. Узнав, что Атсыз все-таки питает мятежные намерения, Синджар отправил к нему послом поэта Адиб-Сабира. Последний узнал, что Атсыз отправил в Мерв двух подкупленных им исмаилитов, чтобы убить султана; благодаря Адибу султан был заблаговременно предупрежден, но за это посол его по приказанию Атсыза был брошен в Аму-Дарью[5]. В ноябре 1147 г.[6] Синджар в третий раз предпринял поход на Хорезм, осадил Хазарасп, взял его после двухмесячной осады и подступил к столице Атсыза. По просьбе хорезмшаха, посредником между воюющими сторонами выступил отшельник Аху-пуш, питавшийся только мясом ланей и одевавшийся в их шкуру[7] (отсюда он получил свое прозвание). Синджар согласился простить мятежников, но потребовал, чтобы Атсыз лично явился к нему на берег Аму-Дарьи с выражением покорности. Свидание произошло в начале июня 1148 г.[8]; Атсыз, однако, против обычая не поцеловал земли перед государем и даже не сошел с коня, а только наклонил голову и тотчас поехал обратно, еще прежде чем султан повернул поводья своей лошади. Синджар не счел нужным возобновить войну из-за такой непочтительности вассала и вернулся в Мерв.

Потерпев неудачу в своем стремлении основать независимое государство и овладеть Хорасаном, Атсыз снова обратил свои взоры к берегам Сыр-Дарьи. Неудачи хорезмшаха в борьбе с Синджаром между прочим имели следствием потерю Дженда, правителем которого сделался Кемаль ад-дин, сын Арслан-хана Махмуда, вероятно происхо-

---

[1] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 58.

[2] Замечательно, что к этому году относится динар Атсыза с именем иракского султана Мас'уда (1133—1152); ср. Марков, *Инвентарный каталог,* стр. 297.

[3] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 63; Бундари, изд. Хаутсма, 281.

[4] Нершахи, изд. Шефера, 23.

[5] Так у Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 101; изд. Казвини, II, 8) и Мирхонда (*История хорезмшахов,* изд. Дефремери, 5—6); неверно у проф. Веселовского (*Очерк историко-географических сведений,* стр. 61).

[6] Месяц указан у Джувейни (джумада II).

[7] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 102; изд. Казвини, II, 10: زاهد آهو پوش گفتندی طعام ولباس او از گوشت وپوست آهو بود.

[8] По Джувейни (там же) — в понедельник 12 мухаррема 543 г. х.; но этот день (2 июня 1148 г.) был средой.

дивший из династии Караханидов. По рассказу Джувейни[1], Атсыз теперь заключил союз с Кемаль ад-дином; было решено весной 1152 г. вместе совершить поход против владения неверных кипчаков, центром которого был город Сыгнак, или Сыкнак (ср. стр. 236). Когда Атсыз прибыл с войском в Дженд, то многочисленность этого войска навела такой страх на Кемаль ад-дина, что он покинул свои владения. Атсыз отправил к нему знатных послов и обещаниями убедил его вернуться; немедленно после своего прибытия Кемаль ад-дин был задержан и провел остальную часть своей жизни в тюрьме. В дошедшем до нас официальном документе[2] ничего не говорится о походе на Сыгнак; Атсыз говорит только, что во время затруднений, которыми его силы были отвлечены в другие места, Джендом овладели мятежники. В начале раби' I 540 г. х. (?)[3] он, наконец, получил возможность выступить с войском из Хорезма. Степь, простирающаяся между Хорезмом и Джендом, была пройдена в одну неделю; 8 числа войско подошло к берегам Сыр-Дарьи, в месте Саг-дере, на расстоянии 20 фарсахов от Дженда. Эти 20 фарсахов были пройдены в одну ночь; в пятницу 9-го, еще утром, войско, приготовившись к битве, прибыло к воротам города. Здесь было получено известие, что глава мятежников, носивший титул хана, бежал; за ним была отправлена погоня; остальные начальники мятежников выразили покорность и получили прощение. Таким образом, власть хорезмшаха была восстановлена в Дженде без пролития крови. По Джувейни, правителем Дженда был назначен Абу-л-Фатх Иль-Арслан, старший сын Атсыза; мы увидим, что и впоследствии Джендом управлял старший сын хорезмшаха, из чего видно, какое значение Атсыз и его преемники придавали обладанию этим городом.

Весной следующего, 1153 г.[4] в Хорасане снова произошли собы-

[1] Там же; ср. также Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 8—9.

[2] *Тексты*, стр. 41—42 (*Инша'*).

[3] Очень вероятно, что в тексте рукописи пропущено первое число даты. Из дальнейшего видно, что в этом году 9-е число раби' I было пятницей; из этого можно заключить, что речь идет о 542/1147 г.; но тогда поход Атсыза на Дженд произошел бы еще до третьего похода Синджара. Более вероятно, что, согласно рассказу Джувейни, имеется в виду 547/1152 г. По таблицам Вюстенфельда, день 9 раби' I 547/14 июня 1152 г. был субботой; но разница в одном дне между таблицами и историческими источниками встречается часто. Замечательно, что поход из Хорезма на Дженд против обыкновения был совершен в жаркое время года.

[4] Равенди относит восстание гузов к концу 548 г. х. (изд. Икбаля, 177), но, по словам современника события Юсуфа б. Абдаллаха Андхуди, приведенным автором *Та'рӣх ал-хайрӓт* (л. 162 а), и по словам Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XI, 116), оно произошло уже в самом начале этого года. В другом рассказе, который, судя по приведенным дальше документам, надо признать наиболее достоверным, Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XI, 118—119) говорит, что Синджар был дважды разбит гузами, после чего в сафаре (мае) бежал в Мерв. Все начальники и сам султан скоро покинули столицу,

тия, благоприятные для планов Атсыза. Стремление Синджара подчинить кочевников-гузов власти персидских чиновников и сборщиков податей имело гибельные последствия для самого султана; предводители гузов разбили его войско, взяли в плен самого государя и с тех пор в течение почти трех лет водили его с собой, окружив его внешним почетом [1]. Гузы подвергли страшному разграблению несколько городов Хорасана, между ними Мерв [2] и Нишапур. На этот раз Атсыз не воспользовался несчастьем султана для того, чтобы провозгласить свою независимость, но выступил в качестве защитника законной власти. Прежде всего он потребовал от начальника крепости Амуе (Амуль) передачи этого важного пункта [3]; очевидно, что Атсыз так же хорошо понял значение этого места, как прежде значение Дженда и Мангышлака. Попытка овладеть Амулем не удалась; хорезмшах вернулся в свое государство и возобновил свои походы против «неверных», т. е. против кипчаков. Из слов Абу-л-Хасана Бейхаки [4] мы знаем, что брат Атсыза Инал-тегин с конца декабря 1153 до начала осени 1154 г. опустошал окрестности Бейхака.

Часть войска Синджара, не пожелавшая присоединиться к гузам, избрала своим предводителем Махмуд-хана, прежнего владетеля Мавераннахра. Махмуд вступил в переговоры с Атсызом; Атсыз двинулся с войском на Хорасан, взяв с собой Иль-Арслана и оставив в Хорезме другого сына, Хитай-хана. По Джувейни, Атсыз еще в городе Шахристане, куда он, по официальным документам [5], прибыл в конце месяца сафара, т. е. в апреле 1156 г., узнал, что Синджару, с помощью одного из своих военачальников, удалось спастись из плена и благополучно прибыть в Термез; Ибн ал-Асир [6] ошибочно относит это событие к ра-

после чего Мерв в месяц джумада I (август или конец июля) был разграблен гузами. Вслед за тем гузы взяли в плен султана и в раджабе (октябрь или конец сентября) вторично разграбили Мерв. Относительно хронологии см. также Иностранцев, *Коркуд*, стр. 040 и сл.

[1] По словам неизвестного продолжателя *Муджмал ат-таварих* (см. выше, стр. 72), гузы оставили Синджару внешние знаки царского достоинства, но только приставили к нему служителей из своей среды (рук. Нац. б-ки, л. 348: همچنان با خویشتن می‌آوردند بر آیین سلطنت الّا آنک خدمتکاران از آن خویش نصب کردند). По Джувейни (изд. Казвини, II, 12) и по Мирхонду (*История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 9—10), гузы оказывали Синджару этот почет только днем, а на ночь запирали его в железную клетку.

[2] Ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 29.

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 103; изд. Казвини, II, 12; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 10.

[4] *Та'рих-и Бейхак*, рук. Брит. муз., л. 158б.

[5] *Тексты*, стр. 27—28 (*Инша'*).

[6] Изд. Торнберга, XI, 138.

мазану 551 г. х. (октябрь — ноябрь 1156 г.). После этого хорезмшах остановился в Неса, куда к нему прибыл Изз ад-дин Тограи, посол Махмуд-хана.

Хан и эмиры теперь раскаивались в том, что пригласили такого опасного союзника; но, против ожидания, Атсыз не предъявил никаких чрезмерных требований. Из Неса он отправил письмо к Синджару[1], в котором поздравлял султана с благополучным избавлением из плена и выражал свою полную готовность подчиниться распоряжениям государя, т. е. или идти к Термезу для соединения с войском султана, или вернуться в Хорезм, или остаться в Хорасане. В таком же предупредительном тоне составлены письма Атсыза к его союзникам, т. е. к Махмуд-хану, к седжестанскому владетелю и к владетелю горной области Гур. Посол седжестанского владетеля встретил Атсыза еще в Шахристане. В другом городе Хорасана, в Хабушане, произошло дружественное свидание между Атсызом и Махмудом. Туда же в конце месяца раби' I (в мае) прибыл офицер (висак-баши, ср. стр. 286) гвардии Синджара Неджм ал-мульк Лаухи, с письмом своего государя[2]. После прибытия Махмуда и в ожидании прибытия владетелей седжестанского и гурского Атсыз велел написать письмо предводителю гузов Тути-беку. Это письмо[3] является одним из лучших образцов стиля восточных дипломатов. О плене Синджара не сказано ни слова; напротив, говорится, что когда отряды гузов прибыли в Хорасан и слуги правительства удалились из Мерва, то султан также мог бы уйти, так как «все земли до крайних пределов Рума принадлежали и принадлежат ему»; но «государь мира» считал отряды гузов своей собственностью, по своему царскому достоинству и по своей милости к подданным положился на них и «добровольно» вступил в их среду. Гузы не оценили этой милости и не исполнили требования «уважения к священному двору»; оттого государь был вынужден уйти от них и «предоставить их самим себе». Возникает вопрос, что они теперь намерены делать. Переходить каждый день из одного города в другой им уже нельзя, так как им дали овладеть хорасанскими городами только «из уважения к пребыванию среди них государя»; соединить все свои силы в Балхской области (где им были отведены земли до восстания) с их стороны также было бы неблагоразумно и неприлично, так как теперь, когда государь вернул себе власть, никто не имеет права основаться в его владениях без его согласия. Им остается только выразить покорность сельджукскому правительству и принести извинение; тогда

[1] *Тексты*, стр. 26 (*Инша'*).
[2] Там же, стр. 27—28 (*Инша'*).
[3] Там же, стр. 28—29 (*Инша'*).

Махмуд-хан и владетели хорезмийский, седжестанский и гурский будут ходатайствовать за них перед государем, чтобы он отвел им *юрт* и указал им средства к жизни.

Каковы бы ни были истинные намерения хорезмшаха, они не могли осуществиться; еще в Хабушане он скончался от паралича, 30 июля 1156 г., прожив 59 лет[1]. Атсыз умер вассалом сельджукского султана; тем не менее его по справедливости следует признать основателем могущества хорезмийской династии. Присоединив к своим владениям Дженд и Мангышлак, он привел в зависимость от Хорезма соседних кочевников; увеличив свои военные силы тюркскими наемными отрядами, он положил начало сильному и фактически независимому государству. Преемники Атсыза работали в том же направлении и с такой же настойчивостью. С таким же искусством и с таким же правильным пониманием интересов своей династии они настойчиво стремились к своей цели; временно отказываясь от исполнения какой-нибудь задачи под влиянием непреодолимых препятствий, они всегда возвращались к ней при первой возможности.

Преемнику Атсыза, Иль-Арслану, пришлось вернуться в Хорезм, чтобы обеспечить за собой престол. По Ибн ал-Асиру[2], Иль-Арслан «убил несколько человек из своих дядей и ослепил своего брата, который умер три дня спустя; по другому известию, он кончил жизнь самоубийством». По Джувейни[3], этот царевич, Сулейман-шах, был подвергнут заключению, а его воспитатель (атабек) Огул-бек был казнен. 22 августа произошло торжественное вступление на престол Иль-Арслана, который начал свое царствование тем, что увеличил жалование и земельные наделы войска. В рамазане (октябрь — ноябрь) того же года Синджар, вернувшись в Мерв, послал Иль-Арслану инвеституру. Весной 1157 г.[4], на 71 году жизни, умер Синджар, чем фактически прекратилось верховное владычество сельджукских султанов в восточной части Персии. Преемником Синджара в Хорасане был Махмуд-хан; Иль-Арслан приветствовал его и сообщил, что и в Хорезме после смерти Синджара был установлен трехдневный траур[5]; но в этих письмах

[1] Дата смерти Атсыза — 9 джумада II 551 г. х. — одинаково приводится у Джувейни (изд. Казвини, II, 13) и у Ибн ал-Асира; ср. также Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 11.

[2] Изд. Торнберга, XI, 138.

[3] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 103; изд. Казвини, II, 14; ср. Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 12. Мирхонд ошибочно относит вступление на престол Иль-Арслана к 522 г. х.

[4] По Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 104; изд. Казвини, II, 14) — 26 раби‘ I 552 г. х. (8 мая 1157 г.), по Бундари (изд. Хаутсма, 255) — в понедельник 14 раби‘ I; но этот день (26 апреля) был пятницей.

[5] *Тексты*, стр. 33 (*Инша’*).

хорезмшах называет себя только «искренним другом» (*мухлис*), как и в письмах к мелким хорасанским владетелям[1], тогда как Атсыз в письмах к Синджару называл себя «рабом» (*банде*). Главой сельджукской династии после смерти Синджара был Гияс ад-дин Мухаммед б. Махмуд, правитель Ирака (1153—1159), правнук Меликшаха. Он также отправил посольство к Иль-Арслану и известил его о своем намерении идти с войском на восток. Осуществлению этого намерения помешали многие причины, прежде всего вражда между султаном и халифом, светская власть которого была восстановлена после смерти сельджукского султана Мас'уда (1152 г.). С своей стороны Иль-Арслан вполне одобрил намерение султана и даже выступил посредником между ним и багдадским правительством. В письме хорезмшаха, обращенном к везиру халифа Муктафи[2] (1136—1160), говорится, что только султан Мухаммед мог бы освободить Хорасан от разбойников и Мавераннахр от ига неверных, что жители этих областей с нетерпением ждут его прибытия и что в такое время правительство халифа должно забыть свою вражду к султану, к тому же не имевшую серьезных причин, и оказать ему поддержку. В инструкции лицу, назначенному представителем хорезмшаха при дворе Мухаммеда[3], последний назван «государем мира, величайшим султаном, повелителем всей земли»[4].

Так как намерение султана не осуществилось, то Иль-Арслан бесспорно был самым сильным государем восточной части мусульманского мира и потому решил взять на себя исполнение задачи, намеченной в его письме к багдадскому везиру. Прежде всего ему представился случай вмешаться в дела Мавераннахра, где и при верховном владычестве кара-китаев продолжалась борьба между ханами и отрядами карлуков. После битвы при Катване в Самарканде правил Тамгач-хан Ибрахим, сын Арслан-хана Мухаммеда; он был убит карлуками, которые бросили его тело в степи[5]; по Джемалю Карши[6], это событие

---

[1] Там же, стр. 27, 33 (*Инша'*). Очень вероятно, что первое письмо, в котором хорезмшах жалуется, что Махмуд после своего вступления на престол не написал ему первый, относится еще ко времени Атсыза, когда Синджар находился в плену, и что слова «после смерти султана» ошибочно вставлены переписчиком.

[2] Там же, стр. 30—32 (*Инша'*), 70 (из *Харидат ал-каср ва джаридат ал-'аср* Имад ад-дина Мухаммеда Исфахани).

[3] Таково содержание следующего документа (Rosen, *Les manuscrits persans*, p. 154, № 75).

[4] خدایکان عالم سلطان اعظم فرمانده روی زمین.

[5] Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XI, 133) относит это к месяцу зу-л-хиджжа 550 г. х. (концу января — началу февраля 1156 г.); здесь сказано также, что хан во все время своего царствования проявил себя слабым правителем. Ср. *Тексты*, стр. 72 (ал-Катиб ас-Самарканди).

[6] *Тексты*, стр. 132.

произошло в 551 г. х. (1156 г.) в окрестностях Бухары, в месте Келлябад. Ему наследовал Чагры-хан[1] Джелаль ад-дин Али, сын Хасантегина (см. выше, стр. 384). По Джувейни[2], он убил предводителя карлуков[3] Пейгу-хана[4] и преследовал его сыновей и других карлукских начальников, из которых главным был Лачин-бек. Опальные бежали к Иль-Арслану, который, хотя незадолго перед тем обменялся с самаркандским ханом дружественными посланиями[5], принял их сторону и в июле 1158 г. вступил с войском в Мавераннахр. Самаркандский хан призвал на помощь туркмен, кочевавших в степи между Каракулем и Джендом, и обратился с просьбой о помощи к кара-китаям, которые прислали ему десятитысячный отряд, под начальством Илек-туркмена[6]. Хорезмшах «успокоил жителей Бухары обещаниями», т. е. привлек на свою сторону население города; при дальнейшем своем движении он, как мы знаем из слов Сам'ани, разрушил город Ребинджан (ср. выше, стр. 148). Войска стали друг против друга по обоим берегам Зеравшана; убедившись в превосходстве сил хорезмшаха, Илек-туркмен уклонился от битвы и просил мира, прибегнув к посредничеству самаркандских имамов и улемов. Хорезмшах соглашался на мир с тем условием, чтобы карлукские эмиры были с почетом восстановлены в своих должностях; после этого он вернулся в Хорезм.

Другой рассказ о столкновении между ханом и карлуками мы находим у Ибн ал-Асира[7], который ошибочно относит это событие к 559 г. х. (1164 г.), когда, судя по монетным данным[8], царствовал уже сын Джелаль ад-дина, Кылыч-Тамгач-хан Мас'уд. Царь кара-китаев потребовал от хана, чтобы он заставил карлуков удалиться из областей бухарской и самаркандской в Кашгар, где бы они перестали носить оружие и занялись земледелием или каким-нибудь другим трудом. Хан передал это требование карлукам и настаивал на его исполнении; в

[1] Так у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XI, 205). Чтение другого прозвания этого хана сомнительно; у Джувейни (рук. Ханыкова и изд. Казвини) كوك ساغر; ср. *Тексты*, стр. 34 (*Иншā'*).

[2] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 104; изд. Казвини, II, 14; ср. Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 12—13.

[3] У Мирхонда вместо قراخان надо читать قرلغان (у Джувейни — в рук. Ханыкова قولغان и قرلغ, в изд. Казвини قرلغان).

[4] Возможно, следует читать Ябгу.

[5] *Тексты*, стр. 34—35 (*Иншā'*). Такое же дружественное послание было отправлено в 1157 г. к седжестанскому владетелю, см. там же, стр. 30 (*Иншā'*).

[6] Джувейни, изд. Казвини, II, 15. Илек-туркмен, может быть, — бывший владетель Баласагуна (Oppert, *Der Presbyter Johannes*, S. 132); он упоминается у Джувейни еще раз (II, 88), хотя в печатном тексте здесь تركان (ايلك).

[7] Изд. Торнберга, XI, 205.

[8] Dorn, *Über die Münzen*, S. 734; Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 278.

ответ на это карлуки произвели восстание, и соединенные отряды их двинулись на Бухару. Бухарский реис Мухаммед, сын убитого в 1141 г. Омара, известил об этом хана и просил его прийти с войском на карлуков, прежде чем они успеют опустошить область. В то же время он отправил послов к карлукам и велел передать им, что даже неверные кара-китаи, заняв область, воздержались от грабежей и убийств[1]; тем более такое воздержание обязательно для них, мусульман и газиев. Такими переговорами он усыпил бдительность карлуков и дал возможность хану произвести на них неожиданное нападение и совершенно уничтожить их. Очень вероятно, что здесь говорится о происшествии, вызвавшем поход Иль-Арслана, хотя возможно также, что после удаления Иль-Арслана произошло новое столкновение между карлуками и Джелаль ад-дином. Что это столкновение не кончилось полным уничтожением карлуков, видно из их восстания при преемнике Джелаль ад-дина, Кылыч-Тамгач-хане Мас'уде. Из слов Ибн ал-Асира[2] мы знаем также, что в августе 1158 г., т. е. одновременно с походом Иль-Арслана, хуттальский владетель Абу Шуджа' Фаррух-шах произвел неудачное нападение на Термез; вероятно, это нападение было предпринято по желанию кара-китаев.

В Хорасане хорезмийское правительство при Иль-Арслане не добилось существенных успехов. В главных городах Хорасана происходила борьба между Махмуд-ханом и главным начальником гузов, Муайид ад-дауля Ай-Аба[3]; только один из гузских предводителей, Ихтияр ад-дин Айтак, владетель Дихистана, признал своим покровителем Иль-Арслана. Несмотря на это и союз с мазандеранским владетелем, Айтак потерпел поражение в борьбе со своим соперником Ягмур-ханом; в начале 1161 г. Айтак бежал в Хорезм; Гурган и Дихистан были разграблены гузами, причем последние «рассеяли жителей Гургана по разным областям»[4]. После ухода гузов Айтак, однако, с помощью хорезмийцев восстановил свою власть в Дихистане и Гургане. В этих городах продолжали читать хутбу на имя Иль-Арслана и Айтака даже после исхода борьбы между Махмудом и Муайидом, который в 1162 г.[5] взял в плен Махмуд-хана и его сына Джелаль ад-дина Мухаммеда и обоих велел ослепить. Муайид владел только Нишапуром, Тусом

[1] Крайне любопытен такой отзыв в устах сына убитого кара-китаями садра.

[2] Изд. Торнберга, XI, 155—156.

[3] Полный титул его приводит Абу-л-Хасан Бейхаки (*Та'рӣх-и Бейхақ*, рук. Брит. муз., л. 166а), который называет его «властителем Хорасана, царем востока» (хусраз-и Хорасан мелик ал-машрик).

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 172—173.

[5] Время взятия в плен Махмуд-хана одинаково приводится у Джувейни и Ибн ал-Асира: рамазан 557 г. х. (август—сентябрь 1162 г.).

и некоторыми другими пунктами; в 1163 г. он присоединил к своим владениям Бистам и Дамган, после чего сельджукский султан Арслан (1161—1177) признал его своим наместником; Муайид принял назначение и ввел в своей области хутбу на имя Арслана. Мерв, Балх и Серахс находились в руках гузов, не признававших над собой никакой верховной власти, но поминавших в хутбе умершего Синджара. Гератом владел дружественный гузам эмир Ай-тегин[1]. В 1165 г. произошла война между Муайидом и Иль-Арсланом; хорезмшах успешно защитил от Муайида город Неса и подчинил его своей власти, но поход его на Нишапур кончился неудачно. Вслед за тем произошла ссора между Иль-Арсланом и Айтаком, который прибег к помощи Муайида; Муайиду удалось защитить от хорезмийцев южную часть владений Айтака, но город Дихистан был занят хорезмийцами, которые поставили здесь своего начальника[2].

Таким образом, в Хорасане при Иль-Арслане порядок не был восстановлен; при таких условиях нельзя было думать не только о вытеснении кара-китаев из Мавераннахра, но и о принятии мер для того, чтобы обезопасить от их вторжений области, расположенные к югу от Аму-Дарьи. Автор *Та'рӣх-и хайрӑт*[3], со слов упомянутого выше (стр. 392, прим. 4) Юсуфа б. Абдаллаха Андхуди, говорит о разграблении кара-китаями в 560 г. х. (1165 г.) Балха и Андхуда. Очень вероятно, что это нашествие находится в связи с зимним походом Кылыч-Тамгач-хана Мас'уда, о котором рассказывает ал-Катиб ас-Самарканди. Абу-л-Музаффар Кылыч-Тамгач-хан Мас'уд б. Али, носивший также титул Кутлуг-Бильга-бека[4] и прозвание «столпа земного мира и веры»[5] (Рукн ад-дунья ва-д-дин), вступил на престол, судя по его монетам, в 558/1163 г.; в 560/1165 г. он восстановил городские стены Бухары, причем фундамент был возведен из жженого кирпича; для этой цели был употреблен кирпич фундамента и башен бухарской цитадели, разрушенной гузами[6] (см. выше, стр. 391). О царствовании Кылыч-Тамгач-хана ал-Катиб ас-Самарканди[7] сообщает следующие подробности. При нем произвел восстание Айяр-бек, не происходивший из знатного рода, но возвысившийся благодаря своим личным достоинствам и заслугам: среди отрядов карлукской гвардии не было всадника, подобного ему.

---

[1] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 180, 192—193.

[2] Там же, 208. Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 104) относит поход Иль-Арслана на Нишапур к 562 г. х. (1166-67 г.); в изд. Казвини (III, 16) — 558 г. х. (1162-63 г.).

[3] Мусеви, *Та'рӣх-и хайрӑт*, л. 162а.

[4] Мухаммед Самарканди, *А'рӑд ас-сийӑсат*, л. 3 قلغ تيكابك.

[5] Так на монетах и у Нершахи.

[6] Нершахи, изд. Шефера, 23, 33—34.

[7] *Тексты*, стр. 71—72.

В продолжение года он был главным военачальником Мавераннахра, но потом, по неизвестной причине, произвел восстание. Битва между ним и ханом произошла в Голодной степи, между Замином и Сабатом. Айяр-бек пробился через ряды воинов хана и почти дошел до возвышения, где стоял зонтик хана и где находился государь со своими приближенными, когда был взят в плен, отведен к хану и казнен. Столь же успешны были действия хана «против двух скопищ людей, состоявших из худших созданий», именно против убийц Тамгач-хана Ибрахима и против разграбивших Хорасан гузов. В связи с войной против последних находится, очевидно, зимний переход хана со стотысячным войском через Аму-Дарью, по льду. Война с убившими Ибрахима карлукскими отрядами происходила в Нахшебе, Кеше, Чаганиане (Саганиане) и Термезе; в этих местностях благодаря хану было восстановлено спокойствие.

Наконец, произошел еще поход кара-китаев на Хорезм, по Джувейни[1], в 565 г. х. (1169-70 г.), по Ибн ал-Асиру[2], в 567 г. х. (1171-72 г.); судя по дальнейшему, последнее более вероятно. Поход был вызван тем, что хорезмшах не платил в установленные сроки дани. Предводитель хорезмийского авангарда Айяр-бек (который, очевидно, не тожествен с карлукским эмиром, упомянутым выше) был разбит и взят в плен; Иль-Арслан больным вернулся в свою столицу (против вторжения кара-китаев была принята обычная мера, т. е. разрушены плотины), где умер в марте 1172 г.[3].

В следующее царствование успехи династии были несколько замедлены междоусобиями среди ее членов. После смерти Иль-Арслана на престол, с помощью своей матери Туркан[4], вступил младший сын

[1] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 104; изд. Казвини, II, 16; в рук. Ханыкова — 560 г. х. Ср. Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 14.

[2] Изд. Торнберга, XI, 246.

[3] По Джувейни (изд. Казвини, III, 17) — 19 раджаба того же 656 г. х. (8 апреля 1170 г.); по Садр ад-дину Хусейни (*Зубдат ат-таварих*, рук. Брит. муз., л. 94а; этой справкой я обязан любезности проф. Хаутсма) — 9 раджаба 567 г. х. (7 марта 1172 г.); по Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, XI, 247) — в 568 г. х. (1172-73 г.). У Мирхонда по явной ошибке — 557 г. х. (1162 г.), и эта ошибка перешла в книгу проф. Веселовского (*Очерк историко-географических сведений*, стр. 62); у Ибн ал-Асира, вопреки ссылке проф. Веселовского, этой ошибки нет.

[4] Слово *туркан*, которое часто встречается как имя тюркских цариц, не является собственным именем, а означает 'царица', 'госпожа'; ср. *Тексты*, стр. 150 (Джемаль Карши) — تركانـه, с местоименным суффиксом. Правильное чтение, как нам известно из словаря Махмуда Кашгарского (I, 314, 368), — *теркен*.

Султан-шах; старший, Текеш, управлявший в то время Джендом, отказался подчиниться ему и бежал к кара-китаям, где правили дочь первого гурхана и ее муж Фума[1]. Текеш обратился к ним с просьбой о помощи и обещал платить ежегодную дань. Муж царицы с многочисленным войском привел Текеша обратно в Хорезм; Султан-шах и его мать без битвы очистили столицу, и в понедельник 11 декабря 1172 г.[2] Текеш торжественно вступил на престол. Султан-шах прибег к помощи Муайида. Текеш ждал врагов на краю степи, у небольшого города Сюберли (?), который впоследствии был залит водой[3]. Так как многочисленное войско не могло пройти через степь, то войско Муайида совершило этот переход небольшими отрядами; но уже первый отряд, в котором находился сам Муайид, подвергся нападению хорезмийцев и был уничтожен; Муайид был взят в плен и убит[4] 11 июля 1174 г.[5]. Султан-шах и его мать бежали в Дихистан; Текеш последовал за ними и взял город. Царица Туркан была убита; Султан-шах нашел убежище сначала у сына и преемника Муайида, Туган-шаха Абу Бекра, потом у гурского царя Гияс ад-дина.

Название Гур носила горная область, расположенная на восток и на юго-восток от Герата и на юг от Гарджистана и Гузгана; наречие этих горцев существенно отличалось от хорасанского. Еще в X в. гурцы большею частью оставались язычниками, хотя сама область со всех сторон была окружена мусульманскими владениями[6]. Автор рукописи

---

[1] Об этом слове, означающем по-китайски 'зять царя', см. примечание Дефремери к Мирхонду (*История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 124); в печатном издании Джувейни (изд. Казвини, II, 17) فرما.

[2] Так у Джувейни (изд. Казвини, II, 17 и сл. — 22 рабиʿ II 568 г. х.); у Мирхонда и здесь 558 г. х. (1162-63 г.).

[3] По Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 105; изд. Казвини, II, 18, а затоплении см. там же, II, 19). Название города пишется سورلی, سورلی и سورمی. В изд. Казвини принято чтение سویرلی. Согласно Ибн ал-Асиру, город находился на расстоянии 20 фарсахов от Хорезма (т. е. от Гургенджа). Это, несомненно, то же, что и город, упомянутый выше (стр. 209) как последний город Хорезма на пути в Шахристан, по Якуту, у которого даны написания سُرُنی и سَوْرُنِی. Вероятно, он находился в местности, в которой теперь вообще нет воды, но которая в то время орошалась водой из Аму-Дарьи. Затопление, упомянутое у Джувейни, очевидно, было следствием изменения главного русла реки после монгольского нашествия. См. Barthold, *Amū-Daryā*.

[4] Так по Джувейни и Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, XI, 247). Рассказ другого источника Ибн ал-Асира (XI, 249—253), по которому Муайид пережил Султан-шаха, во всяком случае недостоверен, так как в документах 578 и 579 гг. (ср. выше, стр. 80) уже назван Туган-шах.

[5] Дата у Джувейни (изд. Казвини, II, 19): день праздника Арафат 569 г. х.

[6] Истахри, 273; Ибн Хаукаль, 323, 329.

Туманского уверяет, что в его время владетель области (*гур-шах*) признал себя вассалом гузганских Феригунидов и что тогда гурцы большею частью приняли ислам. В глубь страны гурцев, по словам Бейхаки[1], впервые проникли войска газневидского султана Мас'уда, который в то время (1020 г.) был наместником Герата. Завоевав Гур, Газневиды оставили здесь туземную династию. В половине XII в. гурские султаны, подобно хорезмшахам, воспользовались упадком могущества Сельджукидов и Газневидов. Мы видели, что в событиях, происходивших в Хорасане после взятия в плен Синджара, приняли участие также владетели Гура; вскоре после того братья Гияс ад-дин и Шихаб ад-дин (впоследствии получивший прозвание Му'изз ад-дин) подняли свое государство на степень мировой державы. Во главе войска обыкновенно стоял второй брат, бывший при жизни Гияс ад-дина правителем Газны; последняя окончательно перешла во власть Гуридов в 569/1173-74 г. Дядя братьев, Фахр ад-дин Мас'уд, владел Бамианом, Тохаристаном, Шугнаном и другими областями до Болора; его сын Шемс ад-дин Мухаммед, если верить Джузджани, присоединил к своим владениям некоторые из областей, расположенных на север от Аму-Дарьи, именно Саганиан и Вахш[2]. Гуриды распространяли свои владения не только на восток; в 571/1175-76 г. они заняли Герат, после чего и в Хорасане сделались соперниками хорезмшахов, перед которыми бесспорно имели некоторые преимущества. Хорезмшахи могли вести свои войны только при помощи наемных сил; Гуриды, кроме своей тюркской гвардии, могли опираться также на воинственных горцев своей родной земли. Хорезмшахи, при всем своем могуществе, были вассалами неверных кара-китаев; Гуриды были единственными независимыми и сильными государями в восточной части мусульманской Азии; на них, естественно, должны были обратиться взоры мусульман Хорасана и Мавераннахра, после того как исчезла надежда на помощь со стороны запада. Если, тем не менее, борьба кончилась в пользу хорезмшахов, то это прежде всего объясняется искусной политикой хорезмийского правительства и личными дарованиями государей. Во всяком случае, едва ли можно объяснить случайностью, что после падения сельджукской империи возвысились именно владетели областей, представлявших самостоятельное географическое и этнографическое целое; и для Гуридов, и для хорезмшахов их коренные владения могли быть твердой точкой опоры при наступлении и надежным убежищем при неудачах.

Обязанный своим престолом кара-китаям, Текеш, однако, не мог ужиться с ними. Поводом к восстанию, как часто бывало в кочевых

[1] Изд. Морлея, 128—135; <изд. Гани — Фейяза, 113—121>.

[2] Джузджани, пер. Раверти, I, 423, 426; <изд. Нассау-Лиса, 103, 105>.

империях, послужили высокомерие и вымогательства кара-китайского посла, прибывшего в Хорезм для сбора условленной дани. «Из ревности к достоинству престола и веры»[1] Текеш убил посла, находившегося в родстве с гурханом; спутники посла по приказанию Текеша были перебиты хорезмийскими вельможами. Узнав об этом, Султан-шах тотчас отправился к кара-китаям; ему удалось убедить царицу, как прежде Муайида, что население и войско Хорезма охотно примет его сторону и покинет его брата. Тот же Фума, несколькими годами раньше низложивший Султан-шаха, теперь был отправлен в Хорезм для возвращения ему престола. Текеш затруднил действия кара-китайских войск наводнением страны; надежды на помощь со стороны населения также не оправдались. Фума должен был отступить, но, по просьбе Султан-шаха, дал ему отряд, с которым тот вступил в Хорасан, разбил при Серахсе местного гузского владетеля и занял Мерв. Столь же успешно он действовал против Туган-шаха, в среду 13 мая 1181 г.[2] нанес ему полное поражение и после этого присоединил к своим владениям Серахс и Тус.

Историки ничего не говорят о событиях следующих лет, к которым, судя по датам некоторых документов, относится дошедшая до нас дипломатическая переписка хорезмийского правительства с некоторыми владетелями того времени. Что в этих датах нет ошибки, можно заключить из того, что в некоторых документах упоминается Туган-шах, умерший, как мы увидим, через несколько лет после этого. Туган-шах владел в это время городом Неса, в качестве вассала Текеша[3]. Из документов видно, что в самом конце 1181 г.[4] в Хорезм прибыл в качестве посла от гурского султана эмир Хумам ад-дин для переговоров о хорасанских делах; хорезмшах обещал весной следующего года прибыть с войском в Хорасан для свидания с Гияс ад-дином. Хумам ад-дин был отпущен в январе 1182 г.[5], и Текеш отправил с ним своего посла Фахр ад-дина.

Вслед за тем хорезмшах стал готовиться к походу на Хорасан, но в это время в Хорезм прибыл посол Султан-шаха; Текеш предъявил брату требование жить в мире с Туган-шахом; посол от имени своего

---

[1] Выражение Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XI, 248). Ср. также Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 105; изд. Казвини, II, 19; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 17 и сл.

[2] Дата у Джувейни: в рук. Ханыкова и в изд. Казвини (II, 21) — 26 зу-л-хиджжа 576 г. х.; в рук. ГПБ IV, 2, 34, по ошибке — 23 зу-л-хиджжа.

[3] Тексты, стр. 74 (Багдади, *Китаб ат-тавассул;* <изд. Бахманйара, 30—38>).

[4] По Багдади (*Китаб ат-тавассул*, лейденская рук. № 285, л. 26), в месяце ша'бане; год не приводится, но из дальнейшего видно, что имеется в виду 577/1181-82 г.

[5] В месяце рамазане.

повелителя выразил покорность, вследствие чего поход стал излишним; но все-таки хорезмшах изъявлял готовность во всякое время исполнить обещание, данное гурскому султану, и прибавлял, что может сделать это без труда, так как кругом Хорезма все спокойно. Письмо было отправлено в апреле или в начале мая[1]; вслед за ним в сборнике помещены два документа, написанные в конце мая[2] в Хорасане, где хорезмшах в то время осаждал Серахс; таким образом, поход все-таки оказался необходимым. В первом письме выражается уверенность, что город через несколько дней будет взят и что тогда устроится свидание между хорезмшахом и гурским султаном; сообщается, что в войске хорезмшаха находятся отряды из всех подчиненных ему владений. Надежда на скорую победу не осуществилась, так как второе письмо тоже было написано «у ворот Серахса». В нем между прочим сообщалось, что зимой в Дженд явился с выражением покорности Алп-Кара-Уран, с многочисленным отрядом еще не принявших ислам кипчаков; он отправил к хорезмшаху, с предложением своих услуг, своего старшего сына Фирана (?) и многочисленную толпу «сыновей югуров» (?). Хорезмшах послал их к царевичу Мелик-шаху, управлявшему в то время Джендом, и поручил им вместе с царевичем действовать против неверных. В ту же зиму хорезмшах хотел прийти на помощь гурскому султану, но получил известие о его успехах в борьбе с врагами и потому отложил поход.

Следующее письмо, адресованное Гияс ад-дину, написано уже в январе 1183 г.[3]. Хорезмшах извиняется, что предположенное свидание опять не состоялось; неотложная необходимость заставила его совершить поход на Мавераннахр; после возвращения оттуда лошади были слишком изнурены для нового похода[4].

О кипчаках говорится также в письмах, посланных в течение 1182 г., в октябре[5] и в ноябре[6], атабеку «Пехлевану иракскому»[7]. В октябрь-

---

[1] В конце месяца зу-л-хиджжа.

[2] Первый относится к середине месяца мухаррема 578/<второй половине мая 1182 г.>

[3] В конце рамазана.

[4] *Тексты*, стр. 78—80 (Багдади, *Китаб ат-тавассул;* лейденская рук. № 285, лл. 26—28). <Точнее было бы сказать: «следующие письма», так как на указанных страницах *Текстов* приведены отрывки из пяти писем к Гуриду Гияс ад-дину; полностью текст этих пяти писем см. в изд. Бахманйара, стр. 145—165. — *Ред.*>

[5] В середине месяца джумада II.

[6] В середине раджаба.

[7] Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 144. <Имеется в виду Джехан-Пехлеван Мухаммед Ильдегизид, атабек Азербайджана и фактический правитель государства иракских Сельджукидов; правил, по Равенди, в 1174—1186 гг.; у Лэн-Пуля указано: 1172—1186 гг. — *Ред.*>

ском письме говорится, что Фиран, сын Алп-Кара, был почтен родством (по-видимому, посредством брака) с домом Текеша; делается ссылка на донесение самого Алп-Кара, который выражал готовность оказать в этом году такие же услуги, как в прошлом, когда ему удалось освободить от ига неверных обширные области, до самого Тараза[1] (Таласа). В ноябрьском письме говорится, что из Туркестана все еще продолжают приходить и поступать на службу к хорезмшаху новые отряды кипчаков[2].

Что касается похода на Мавераннахр, то о нем говорится в особом документе, именно в письме, написанном в Бухаре от имени Текеша и отправленном в Хорезм на имя везира. Переправившись через Аму-Дарью, хорезмшах послал отряд на Бухару. Воинам было приказано не обижать мирных жителей; но в укрепленном городе[3] собралась «толпа мятежных тиранов и дерзких вероотступников, оставшихся в той области и попавших в сети неверия». По свойственному ему милосердию, хорезмшах долго удерживал своих воинов и старался уговорить непослушных; но оказалось, что «уши их наполнены ватой заблуждения». Во вторник 12 числа месяца[4] воины пошли на приступ; в один миг стены были заняты, и победоносное войско уже хотело приступить к разграблению города, но государь сжалился над правоверным населением и отозвал войско, так как знал, что в случае взятия города приступом пострадают и мирные жители, против воли подчинившиеся власти неверных. Из этого, кажется, можно вывести заключение, что приступ был отбит. До утра следующего дня (среды) хорезмшах решил ждать предложения о сдаче; поздно вечером начальник города, пользуясь темнотой, сделал вылазку и хотел спастись бегством, но был настигнут войском хорезмшаха и взят в плен со всем своим отрядом (более 1000 человек); все были отведены к хорезмшаху и получили прощение[5]. Таким образом, город был взят. Сохранились также две грамоты Текеша на имя бухарских имамов (возможно, что

---

[1] *Тексты*, стр. 80 (Багдади, *Китāб ат-тавассул;* <изд. Бахманйара, 175>).

[2] Багдади, *Китāб ат-тавассул* (лейденская рук. № 285, л. 32; <изд. Бахманйара, 180>): مدد ایشان از اقصیٔ ترکستان منقطع نشود.

[3] Слово حصن здесь, вероятно, употреблено в значении 'городские стены'; ср. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию*, стр. 15, прим. 8. Цитадели в Бухаре в то время не было (Наршахи, изд. Шефера, 23).

[4] Название месяца пропущено в обеих рукописях (Багдади, *Китāб ат-тавассул*, лейденские рук. № 285 и 586); вторником был в 578 г. день 12 мухаррема (18 мая), но здесь, вероятно, имеется в виду вторник 12 октября (по таблицам Вюстенфельда, 11 джумада II, но подобная разница в один день, как известно, в мусульманском летосчислении встречается часто; ср. выше, стр. 392, прим. 3).

[5] *Тексты*, стр. 177—178 (Багдади, *Китāб ат-тавассул;* <изд. Бахманйара, 125—131>).

обе грамоты даны одному и тому же лицу). В первой грамоте, написанной после возвращения в Хорезм, Текеш благодарит имама, принадлежавшего к числу сейидов, за его преданность, проявленную много раз, особенно во время похода хорезмийцев на Бухару; во второй утверждается в качестве мударриса, имама, хатиба и муфтия Бедр ад-дин, назначенный на эти должности еще садром Бурхан ад-дином [1]; предписывается упоминать в хутбе после имени халифа имя султана [2].

Летом 1183 г. хорезмшах опять был с войском в Хорасане. События в это время приняли неблагоприятный оборот для Гияс ад-дина; мервские мятежники (вероятно, Султан-шах и его войско) сильно теснили его. В письме к гурскому султану, отправленном в начале раби' II (в конце июля), хорезмшах с самодовольством замечает, что у Гияс ад-дина не осталось никакой надежды, кроме надежды на помощь со стороны Текеша, и извещает его о своем выступлении с войском из 50 000 тюрков. Очевидно, Текеш думал воспользоваться затруднительным положением своего соперника, чтобы обеспечить за собой первенство в восточной части мусульманского мира; в противоположность всем остальным документам, Гияс ад-дин назван здесь не «братом», а «сыном» хорезмшаха, чем последний ясно показывал свое намерение сделать своими вассалами всех местных владетелей, в том числе и гурского султана [3].

О некоторых из этих событий, именно о прибытии кипчаков и о походе Текеша на Бухару, говорят также историки, но относят их к последним годам царствования Текеша, когда Султан-шаха уже не было в живых, а Мелик-шах уже более не находился в Дженде. О кипчаках мы находим у Джувейни [4] следующие известия. В 1195 г. [5] хорезмшах предпринял поход (*газва*, т. е. поход против неверных) на Сыгнак, против Каир-Туку-хана [6]; узнав о прибытии хорезмийского войска в

---

[1] *Тексты*, стр. 76—77 (Багдади, *Китāб ат-тавассул;* <изд. Бахманйара, 104—105>).

[2] Багдади, *Китāб ат-тавассул*, лейденская рук. № 285, л. 20; <изд. Бахманйара, 108>).

[3] Багдади, *Китāб ат-тавассул*, лейденская рук. № 285, лл. 35—36 <изд. Бахманйара, 200>; *Тексты*, стр. 80.

[4] Рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 111—113; изд. Казвини, II, 34—43; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 34—37.

[5] Зимою 591 г. х., который начался 16 декабря 1194 г. н. э.

[6] В изд. Казвини بوقو قاتر. Возможно, что это правитель, впоследствии названный Кадыр-ханом (см. ниже). <По мнению П. Пельо, правильной является форма, принятая Казвини, т. е. Катыр-Буку-хан (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 22). В этом месте на полях экз. Бартольда (англ. изд.) имеется пометка: «Pelliot 22 بوقو قاتر». — *Ред.*>

Дженд, хан бежал; хорезмийцы последовали за ним. В гвардии хорезмшаха был отряд уранийцев[1] (кипчакское племя, очевидно то же самое, к которому принадлежал хан); они известили хана, что во время битвы покинут хорезмшаха; это известие ободрило хана, и в пятницу 19 мая[2] он вступил в битву с хорезмийцами. Уранийцы покинули ряды войск и разграбили обоз; вследствие этого мусульмане потерпели поражение; многие пали в битве, еще большее число погибло в степи от зноя и жажды; хорезмшах через 18 дней[3] вернулся в Хорезм. Остальную часть года Текеш провел в Ираке. В самом конце года пришло известие о ссоре между Каир-Туку-ханом и его племянником[4] Алп-Дереком, который прибыл в Дженд и обратился к хорезмшаху с просьбой о помощи. Текеш согласился; из Нишапура прибыл в Хорезм сын хорезмшаха, Кутб ад-дин Мухаммед, и в раби' I 594/январе 1198 г. царевич вместе с Алп-Дереком совершил поход в степь. Хан был разбит и взят в плен со своими вельможами; всех их уже в раби' II (феврале) привели в цепях в Хорезм[5]. Народ Каир-Туку-хана подчинился Алп-Дереку, который не замедлил сделаться для Хорезма таким же беспокойным соседом, каким был его предшественник. Вспомнив арабскую пословицу — «Железо разбивают железом», Текеш освободил хана из плена, дал ему большое войско, заключил с ним договор и послал его против Алп-Дерека. В следующем году пришла «радостная весть», что Алп-Дерек одержал победу над Каир-Туку-ханом[6]. Так говорится в рукописи Джувейни, что, однако, вероятнее всего, является lapsus calami, и это место должно быть исправлено, как и сделано у Мирхонда и в печатном издании Джувейни[7], в том смысле, что пришло известие о победе хана над Алп-Дереком. Несомненно, что упомянутый здесь Алп-Дерек тожествен с Алп-Кара официальных документов, прибывшим в Хорезм, как мы видели, еще в 1181, а не в 1195 г.; но трудно сказать, следует ли отнести остальные рассказанные здесь события, о которых в документах ничего не говорится, также к более раннему времени.

---

[1] В изд. Казвини здесь اعجميان, а также اورانيان (II, 35). Последнее слово, вероятно, происходит от اوران, упомянутого в перечне названий тюркских племен у Фахр ад-дина Мерверруди, см. Ross, *The genealogies*, p. 407 (№ 17).

[2] По Джувейни <изд. Казвини, II, 35> — 6 джумада II.

[3] В рук. ГПБ IV, 2, 34 дано число 15, но в рук. Ханыкова — 18, и так же у Мирхонда.

[4] По Джувейни (изд. Казвини II, 40) — сыном брата, по Мирхонду — сыном сестры.

[5] Джувейни, изд. Казвини II, 41.

[6] خبر بشارت ظفر الب درک بر قایر توقو خان بر رسید.

[7] Изд. Казвини, II, 43: خبر بشارت ظفر قاتر بوقو بر سر کنار (sic) درک بر رسید.

Что касается похода на Бухару, то о нем и о его причинах говорит только Ибн ал-Асир[1]. В 594/1198 г. бамианский владетель Беха ад-дин Сам, сын Мухаммеда и внук Мас'уда (см. выше, стр. 402), овладел Балхом, до того принадлежавшим тюркскому князю, вассалу кара-китаев; Сам воспользовался смертью этого владетеля, чтобы занять город и ввести там хутбу на имя Гияс ад-дина. Последний в это время, по желанию халифа, предпринял поход на Хорасан, против Текеша. Хорезмшах обратился с просьбой о помощи к кара-китаям; в течение месяца джумада II, зимой[2] (?), кара-китайское войско под начальством вельможи Таянку[3] переправилось через Аму-Дарью, опустошило часть Гузгана и соседних областей. От Сама кара-китаи требовали, чтобы он или очистил Балх, или уплатил дань, но не получили никакого ответа. Гияс ад-дин не решался напасть на врагов, так как его брат Шихаб ад-дин, обыкновенно начальствовавший над военными силами гурцев, находился в Индии; сам Гияс ад-дин страдал ревматизмом, так что его везли в носилках. Текеш в это время готовился к походу из Туса на Герат. Все-таки три гурских военачальника соединились для ночного нападения на лагерь кара-китаев; нападение имело полный успех, так как кара-китаи, по своему обычаю, по ночам не оставляли своих палаток, т. е. не выставляли караула. На другой день, узнав, что Гияс ад-дина в войске нет, кара-китаи возобновили битву; к войску трех эмиров присоединились отряд, посланный Гияс ад-дином, и толпа «борцов за веру»; кара-китаи потерпели полное поражение, и значительная часть их потонула во время обратной переправы через Аму-Дарью. После этого кара-китайский царь стал упрекать хорезмшаха за то, что лишился стольких людей из-за него, и требовал уплаты огромной суммы — по 10 000 динаров за каждого убитого, которых всего было 12 000 (?)[4]. Хорезмшах тогда вступил в переговоры с Гияс ад-дином, который потребовал, чтобы Текеш выразил покорность халифу и вознаградил жителей, пострадавших при нашествии кара-китаев. Переговоры увенчались успехом, после чего хорезмшах ответил гурхану:

[1] Изд. Торнберга, XII, 88—91.

[2] Слова Ибн ал-Асира заставляют предполагать хронологическую ошибку: в 594 г. х. месяц джумада II начинался 10 апреля.

[3] Об этом слове, которое, должно быть, является не собственным именем, а титулом, см. Marquart, *Komanen*, S. 126. Марквart пишет Tājang Kōh (у Ибн ал-Асира طاينكوه) и видит в первых двух слогах китайское T'ai Wang. Чтение Таянгу, по-видимому, правильно, ср. вокализацию у Ауфи, *Лубāб ал-албāб*, I, 194, и стихи там же, 196, 16.

[4] Совершенно невероятно, чтобы кара-китаи потребовали огромной контрибуции в 120 000 000 динаров с области, платившей только 30 000 динаров ежегодной дани. Случаев уплаты такой огромной суммы в средние века, насколько нам известно, вообще не было.

«Твое войско старалось только овладеть Балхом и не пришло мне на помощь; я не присоединялся к ним и не приказывал им переправиться через реку; если бы я это сделал, то я заплатил бы деньги, которых от меня требуют. Но теперь, когда вы не оказались в состоянии справиться с гурцами, вы обратились ко мне с такой речью и таким требованием. Что касается меня, то я заключил мир с гурцами, сделался их подданным [1] и перестал быть вашим». Кара-китаи осадили столицу хорезмшаха, который каждую ночь делал вылазки; к нему присоединилось значительное число «борцов за веру»; наконец, враги отступили. Хорезмшах последовал за ними и осадил Бухару. Жители оказали ему сопротивление и сохранили верность кара-китаям; дошло до того, что бухарцы взяли одноглазую собаку, надели на нее кафтан и высокую шапку и провели ее вдоль стены, называя ее хорезмшахом (Текеш был одноглазым) [2]; после этого они бросили ее из метательного снаряда в лагерь врагов с криком: «Вот ваш султан!» Хорезмийцы с своей стороны называли бухарцев вероотступниками. Наконец, город был взят приступом; несмотря на поступки жителей, Текеш милостиво обошелся с ними, даже роздал им много денег и через некоторое время вернулся в Хорезм.

Как мы видели, рассказ Ибн ал-Асира вызывает большие сомнения; к сожалению, мы не имеем возможности проверить его по другим источникам; о походе Текеша на Бухару не говорят ни Джувейни, ни Джузджани, историк Гуридов, который не упоминает также о завоевании Балха Гияс ад-дином и о его войне с кара-китаями [3]. Ибн ал-Асир, как видно из его собственного признания [4], не имел ясного представления о событиях, происходивших в Хорасане во второй половине XII в., и не мог разобраться в противоречивых показаниях своих источников; этим отчасти объясняется, что подробности его рассказа вызывают такие сомнения и что указанная им дата находится в противоречии с приведенными выше датами официальных документов. Едва ли есть основание предполагать, что Текеш брал два раза Бухару.

Смуты в Хорасане возобновились после смерти Туган-шаха, после-

---

[1] Очень сомнительно, чтобы Текеш сделал такое заявление в конце своего царствования, в эпоху своего величайшего могущества.

[2] <Так в англ. изд.; в русск. изд. 1900 г. — «слепым» — *Ред.*>. Подтверждения этого факта мы не находим ни в каких других источниках.

[3] Джузджани (пер. Раверти, II, 924—930; <изд. Нассау-Лиса, 329—330>) говорит только, что кара-китаи два или три раза сражались с гурцами, предводителями которых были Харджем и Мухаммед б. Харнак, и что в одной из таких битв Харджем был убит (по Ибн ал-Асиру, имя военачальника, павшего в битве с кара-китаями, было Харруш).

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XI, 253.

довавшей, по словам Джувейни[1], в понедельник 15 апреля 1185 г. На престол был возведен его малолетний сын Синджар-шах, но большая часть владений умершего перешла к Султан-шаху, соперниками которого были его брат Текеш и Гияс ад-дин Гурский. Борьба кончилась в пользу Текеша, который в мае или июне 1187 г.[2] взял Нишапур и оставил там своего старшего сына Мелик-шаха (прежнего наместника Дженда); Синджар-шах был уведен в Хорезм и впоследствии, когда обнаружилось, что он продолжает сношения с нишапурцами, лишен зрения[3]. Мерв перешел во власть Текеша только после смерти Султан-шаха, последовавшей в среду 29 сентября 1193 г.[4]. В конце того же года Мелик-шах был переведен в Мерв, а наместником Нишапура был назначен его брат Мухаммед[5].

Еще прежде Текеш имел случай вмешаться в дела Западной Персии, именно в борьбу между султаном Тогрулом сельджукским и его соперником, атабеком Кутлуг-Инанчем[6]. В 1192 г. Текеш, получив от Кутлуг-Инанча просьбу о помощи, занял Рей, но потом отступил вследствие известия о походе Султан-шаха на Хорезм[7]. Новый поход произошел в 1194 г.; на этот раз к Текешу с просьбой о помощи обратился не только Кутлуг-Инанч, но и сам халиф Насир. Энергичные попытки этого халифа расширить свое небольшое владение привели к столкновению между ним и сельджукским правительством. Еще отец Кутлуг-Инанча, атабек Мухаммед Пехлеван-Джехан, уговаривал султана Тогрула отнять у халифа светскую власть. По словам современника этих событий Равенди[8], приверженцы султана и атабека говорили среди народа

[1] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 106; изд. Казвини, II, 22 (12 мухаррема 581 г. х.). Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XI, 249) относит это событие к мухаррему 582 г. х.

[2] По Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 107; изд. Казвини, II, 25) — во вторник 7 раби' I 583 г. х., но этот день (17 мая 1187 г.) был воскресным; с другой стороны, день 7 раби' II (16 июня) того же года действительно был вторником (по рук. ЛГУ № 172, л. 118б — 17 раби' I; возможно, это был вторник 26 мая). Нишапур был осажден Текешем с пятницы 14 мухаррема 583/27 марта 1187 г.

[3] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 249.

[4] Дата у Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 109; изд. Казвини, II, 30) и у Ибн ал-Асира: последнего числа рамазана 589 г. х. В плену у своего брата Султан-шах, насколько можно судить по достоверным известиям, никогда не находился и никогда не был лишен зрения. Поэтому рассказ Джемаля Карши (*Тексты*, стр. 135) о разговорах между братьями всецело имеет анекдотический характер.

[5] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 70.

[6] О нем см. Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 144. <Кутлуг-Инанч, сын Джехан-Пехлевана, был братом атабека Азербайджана Абу Бекра (правил в 1191—1210 гг.) из династии Ильдегизидов. — *Ред.*>

[7] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 69.

[8] Турецк. пер., лл. 116—117; изд. Икбаля, 334. Эта часть книги, несомненно, принадлежит самому Равенди, а не Ибн ал-Биби и не турецкому переводчику (ср. выше, стр. 76). Равенди (турецк. пер., л. 121; изд. Икбаля, 384) ссылается на своего

речи следующего содержания: «Если халиф — имам, то его постоянным занятием должно быть совершение намаза, так как намаз — основа веры и лучшее из дел; первенство в этом отношении и то, что он служит примером для народа, для него достаточно. Это истинное царствование; вмешательство халифа в дела временного царствования не имеет смысла; их надо поручить султанам»[1]. Вследствие таких стремлений султан Тогрул не пользовался расположением духовенства. 19 марта 1194 г.[2] Тогрул около Рея был разбит хорезмшахом и после храброго сопротивления пал в битве; Текеш подчинил себе Рей и Хамадан. Правительство халифа скоро убедилось, что хорезмшахи будут для него такими же опасными противниками, как прежде сельджукские султаны. Притязания халифа были предъявлены его везиром Муайид ад-дином в крайне высокомерной форме. Везир объявил, что хорезмшах обязан своим престолом «высокому дивану»[3], т. е. багдадскому правительству, и что потому он при свидании с везиром должен первый встретить его и сойти с коня; по Ибн ал-Асиру[4], везир требовал, чтобы Текеш лично явился в палатку везира для принятия предназначенной для него почетной одежды. Все эти притязания встретили со стороны Текеша решительный отпор, и только поспешное отступление везира на этот раз предупредило столкновение между войсками халифа и хорезмшаха. Столкновение произошло уже после смерти везира, в июле 1196 г.; хорезмийцы разбили багдадское войско, вырыли из могилы труп везира, отрубили ему голову и отправили ее в Хорезм[5]. Халиф и после этой битвы продолжал требовать, чтобы хорезмшах очистил Западную Персию и довольствовался Хорезмом. Текеш ответил, что его владения,

брата, который был в числе хамаданских депутатов, принятых Текешем, и, в некоторых случаях, говорит о себе самом (изд. Икбаля, 344, 357).

[1] Из турецкого перевода Равенди (лл. 116—117): خليفه چون كه امام در پس اكا كركدر كم دايم اشى نماز اولا كه دينك ركنىدر وجميع اشلرك يكركىدر وآنده تقدّمى وخلق اكا اقتدا قلدوغى يتر حقيقتده پاذشاهلغى اولدر بو مجازى پاذشاهلغه اول دخل اتمك بى معنىدر بونى سلاطينه اصرلمق كركدر. Персидский оригинал менее выразителен: امام‌را بخطبه وپيش نمازى كه شاهان مجازى در حمايت آنند وبهترين كارها ومعظمترين كردارهاست مشغول مى‌بايد بوذن وپاذشاهى با سلاطين مفوّض داشتن وجهانداری بذين سلطان بگذاشتن.

[2] Дата у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XII, 70): 24 рабиʻ I 590 г. х.

[3] Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 110; изд. Казвини, II, 33): تشريف وعهد سلطنت از ديوان عزيز مبذول گشته است.

[4] Изд. Торнберга, XII, 70.

[5] Там же, 73.

даже со включением Ирака, недостаточны для содержания его многочисленного войска и что потому он просит халифа уступить ему еще Хузистан[1]. По Ибн ал-Асиру[2], Текеш в конце своего царствования, как впоследствии его сын Мухаммед, требовал, чтобы в самом Багдаде была введена хутба на его имя. Таково было начало вражды между Аббасидами и хорезмшахами, оказавшейся потом одной из причин гибели обеих династий. Постоянные военные столкновения также гибельно отзывались на мирных жителях; хорезмийские отряды производили в области страшные опустошения; полководец Текеша Маячук, по рассказу Равенди[3], совершал такие жестокости, каких не делали даже гузы в Хорасане и впоследствии монголы в Ираке; в последний год своего царствования Текеш, наконец, внял жалобам жителей, устранил Маячука от должности и после прибытия в Хорезм велел его казнить. Не лучше действовали и багдадцы; по словам Равенди[4], халиф после отступления Текеша в 1194 г. послал в Ирак 5000 всадников, которые разграбили все, что осталось после хорезмийцев. Притязания везира Муайид ад-дина были направлены не только против владетельных князей, но и против частных землевладельцев; везир объявил, что вся земля мусульман принадлежит халифу и что милька (т. е. участка земли, свободного от податей) ни у кого не должно быть. Историк причисляет это притязание к «новшествам» везира[5]. В момент смерти Текеша преобладание в Ираке принадлежало хорезмийцам; но после получения известия об этом событии жители произвели восстание и перебили всех находившихся в их области хорезмийских воинов[6].

Текеш умер 3 июля 1200 г.[7]. Как мы видели, ему удалось значительно увеличить могущество своей династии; но уже при нем было по-

---

[1] Равенди, турецк. пер., л. 122; изд. Икбаля, 385.

[2] Изд. Торнберга, XII, 88.

[3] Турецк. пер., лл. 129—130; изд. Икбаля, 398. Автор сравнивает его дурные деяния с поступками «неверных Абхаза (христиан Кавказа и Грузии), тюрков Китая (Ḫitā) и франков Сирии».

[4] Турецк. пер., л. 118; изд. Икбаля, стр. 377.

[5] Равенди, турецк. пер., л. 121: جمله بدعتلرندن برسی بو ادی که مسلمانلرک النده ملکلرن طوتردی ایدردی که جمیع یرلر اراضی مملکتدر امیر المومنینک در کمسه‌نک ملکی یوقدر اثبات اتسونلر. В персидском оригинале (изд. Икбаля, 381) читаем: قبالها بمی خواست ومی گفت زمین از آن امیر المؤمنین است کسی کباشد که ملک دارد.

[6] Равенди, турецк. пер., л. 130; персидский оригинал, изд. Икбаля, 399.

[7] Так по Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 114; изд. Казвини, II, 46) — 19 рамазана; по Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, XII, 103) — 20 рамазана; этот день не соответствует 27 июня, как ошибочно сказано у проф. Веселовского (*Очерк историко-географических сведений*, стр. 65).

ложено начало тем сторонам государственной жизни Хорезма, которые оказались столь гибельными для его сына. Находясь в открытой вражде с халифом, хорезмшахи не могли опираться на авторитет духовенства; приняв к себе на службу кипчакских князей и вступив с ними в родство, Текеш создал сильное военное сословие, которое способствовало его военным успехам, но уже при его жизни, как мы видели (стр. 407), оказалось очень ненадежным в борьбе со степными врагами. Под главенством такой умной женщины, как Туркан-хатун[1] (жена Текеша и мать Мухаммеда), влияние этой военной аристократии скоро пошатнуло авторитет престола; кипчаки могли беспрепятственно опустошать занятые земли, хотя они и явились туда в качестве освободителей, и делать имя своего государя предметом ненависти населения.

Старший сын Текеша, Мелик-шах, умер еще при жизни отца, весной 1197 г.[2]; на престол вступил второй сын, Мухаммед, носивший при жизни отца прозвание Кутб ад-дина, после его смерти — прозвание Ала ад-дина. Провозглашение Мухаммеда хорезмшахом состоялось только в четверг 3 августа 1200 г.[3]; задержка была вызвана соперничеством между ним и Хинду-ханом, сыном Мелик-шаха. За права последнего вступились гурцы, которым удалось овладеть некоторыми городами Хорасана. Реквизиции, произведенные гурцами[4], вызвали в населении вражду к ним, чем хорезмшах поспешил воспользоваться, тем более, что в это время умер Гияс ад-дин. Уже в 1203 г. Мухаммед вернул себе свои хорасанские владения; весной 1204 г. он уже мог приступить к их расширению, разграбил Бадгис и взял большую контрибуцию с Герата, никогда не входившего в состав владений Текеша. В это время из Индии вернулся в Хорасан Шихаб ад-дин и пошел с войском прямо на Хорезм. Мухаммед поспешил вернуться из Мерва и, по примеру своих предшественников, попытался остановить врагов наводнением местности, но этим только задержал их на сорок дней. При Кара-су[5] хорезмийцы были разбиты, после чего Шихаб ад-дин осадил Гургандж. По рассказу

---

[1] Об этом имени см. выше, стр. 400, прим. 4.

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 85.

[3] Дата у Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 115; изд. Казвини, II, 47) и у Мирхонда (*История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 41): 20 шавваля.

[4] *Тексты*, стр. 111—112 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 51).

[5] По Джузджани, пер. Раверти, I, 474; <изд. Нассау-Лиса, 122> — один из каналов Аму-Дарьи к востоку от столицы. У Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XII, 122) — Су-Кара, причем приводится также значение этого названия: «Черная вода». Вследствие существования имени Алп-Кара (см. выше, стр. 360, 404) мы не решаемся признать такой странный порядок слов совершенно невозможным; но во всяком случае более вероятно, что следует читать Кара-су, как у Джузджани <قراسو>.

Джувейни[1], жители столицы восстали как один человек для защиты города; всем было роздано оружие; имам Шихаб ад-дин Хиваки, «столп веры и твердыня царства»[2], с высоты кафедры побуждал их храбро сражаться с врагами, опираясь на достоверный хадис: «Кто будет убит при защите своей жизни и своего имущества, тот — мученик». Совершенно в ином свете изображает то же самое событие Ауфи[3], находившийся в это время в Гургандже. Поголовное вооружение жителей было только военной хитростью со стороны царицы Туркан-хатун; она отправила гонца в Хорасан[4], чтобы известить своего сына о нашествии, и в то же время велела объявить по городу приказ, чтобы жители все надели оружие; были приготовлены шлемы, сделанные из бумаги. Вид такого многочисленного войска удержал гурцев от немедленного нападения на город, в сущности совершенно беззащитный, так как войска в нем не было совсем. Через неделю прибыл Мухаммед, но с ним была только сотня всадников; постепенно с разных сторон стали приходить более многочисленные отряды, и город был спасен[5].

По Джувейни, количество войска, собранного хорезмшахом, достигло 70 000 человек; кроме того он обратился с просьбой о помощи к кара-китаям. Лагерь гурцев находился на восточном берегу реки[6]. Шихаб ад-дин уже велел своим воинам отыскивать брод, чтобы на другой день произвести нападение на город; но в это время пришло многочисленное кара-китайское войско под начальством полководца

---

[1] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 117; изд. Казвини, II, 54 и сл.; ср. у Мирхонда (*История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 46—47).

[2] Джувейни, изд. Казвини, II, 55: دین را رکنی وملک را حصنی بود.

[3] *Тексты*, стр. 88.

[4] Из этого можно заключить, что при Кара-су сражалось с гурцами не войско Мухаммеда (Джувейни об этой битве совсем не упоминает). Возможно, что отряд, разбитый при Кара-су, был выслан царицей и что ею же были приняты меры для наводнения страны. По Джузджани, султан Мухаммед «разбитый, отступил» перед своими врагами и «удалился в Хорезм» (что опровергается у Ауфи); военные действия при Кара-су были предприняты «народом Хорезма», когда Шихаб ад-дин был уже у ворот столицы. Ибн ал-Асир говорит о сражении Су-Кара как о величайшей битве между двумя войсками.

[5] Совершенно иначе о доблести жителей Гургенджа рассказывает Закария Казвини (*'Аджа'иб ал-махлукат*, II, 349, под словом الجرجانية). Согласно его рассказу, все жители Гургенджа, даже ремесленники, были воинами. Однажды султан Мухаммед был побежден китаями и бежал в Гургендж вместе с немногими приверженцами; он вошел в город ночью, чтобы никто не мог заметить малочисленности его сил, а на следующее утро он смог выступить из города против своих врагов с войском в 30 000 всадников. Этот рассказ (конечно, с сильным преувеличением) может относиться только к войне с Шихаб ад-дином; «китаи» упомянуты здесь по ошибке.

[6] Джувейни, изд. Казвини, II, 55: بر جانب شرقی شط; возможно, имеется в виду не главное русло реки, а канал, протекавший близ Гургенджа.

Таянку-Тараза и самаркандского султана Османа. Гурцы поспешно отступили; Мухаммед преследовал их до Хазараспа, где нанес им поражение, после чего вернулся в Гургандж праздновать свою победу. Кара-китаи продолжали преследование и при Андхуде окружили войско гурцев. В последних числах сентября или в начале октября[1] здесь произошла двухдневная битва[2], кончившаяся поражением гурцев, после чего Шихаб ад-дин должен был запереться в Андхуде. Положение Шихаб ад-дина походило на положение Наполеона <III> при Седане; если он не подвергся той же участи, то был обязан этим Осману самаркандскому; последний как мусульманин не желал, чтобы «султан ислама» был взят в плен неверными, и потому предложил свое посредничество, которое и было принято. Кара-китаи позволили гурцам вернуться в свои владения и только взяли с них выкуп. Шихаб ад-дин во время своего поражения убил собственноручно четырех слонов, которых не мог увести в крепость; два слона были захвачены врагами; теперь он должен был отдать кара-китаям еще одного; по Джувейни, он даже отдал все, что имел[3].

Шихаб ад-дин вернулся в Газну, где уже успел распространиться и вызвать волнения слух о его смерти. Восстановив порядок, Шихаб ад-дин заключил мир и союз с Мухаммедом; по-видимому, во власти последнего остались все города Хорасана, кроме Герата, который в год смерти Шихаб ад-дина один только принадлежал гурцам. Весной 1205 г. наместник Балха Тадж ад-дин Зенги[4] совершил набег на владения хорезмшаха, но действовал без согласия своего султана, который не оказал ему никакой поддержки. Гурцы разграбили Мерверруд, но при Серахсе были разбиты; Зенги и с ним десять военачальников были взяты в плен, отведены в Хорезм и казнены[5]. Шихаб ад-дин в это время думал только о том, как отомстить кара-китаям; в то же время на нем,

---

[1] По Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, XII, 122), в начале сафара 601 г. х. (1 сафара=28 сентября 1204 г. н. э.).

[2] <Так в русск. изд. 1900 г. (стр. 376). В англ. изд. 1928 г. (стр. 351) — «двухнедельная битва» (*«a two weeks battle»*). — *Ред.*>

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 118; изд. Казвини, II, 57: تمامت آنچ داشت. Ср. Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 48. О поражении султана очень кратко упоминает Мерверруди, который сообщает о его возвращении в Баршур (Пешавер) из Хорезма и Андхоя в 601 г. х. «после того, как он потерпел некоторый ущерб» [л. 16 б: پس از چشم زخمی; перевод сэра Э. Д. Росса (Ross, *The genealogies*, p. 399) — «после того, как он получил ранение в глаз» — слишком буквальный].

[4] Гурид, сын Фахр ад-дина Мас'уда; ср. Джузджани, пер. Раверти, I, 425; <изд. Нассау-Лиса, 104>.

[5] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 119; изд. Казвини, II, 58. По Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, XII, 135), пленные были казнены в Мерве, и головы их висели там несколько дней.

как на «султане ислама», лежал долг освободить Мавераннахр от ига неверных. Тщетно халиф Насир в письмах, которые впоследствии, после занятия города хорезмийцами, были найдены в Газне, убеждал султана сначала покончить с хорезмшахом и даже заключить для этой цели союз с кара-китаями[1], т. е. предлагал ему тот план действия, который уже в следующем году был осуществлен Мухаммедом; турский султан, очевидно, уступал своему сопернику в политической дальновидности. Летом того же 1205 г. наместник Балха, Имад ад-дин Омар (очевидно, преемник Зенги), по поручению своего султана взял приступом Термез, принадлежавший кара-китаям и считавшийся одной из самых сильных крепостей; наместником Термеза был назначен сын Имад ад-дина[2], Бехрам-шах[3]. Дальнейшие действия против кара-китаев пришлось отложить вследствие волнений в Индии; по Джувейни, индийский поход Шихаб ад-дина был вызван желанием перед войной с кара-китаями поправить «дела казны и войска»[4]. Весной 1206 г. Шихаб ад-дин вернулся в Газну и стал решительно готовиться к походу на Мавераннахр; бамианский владетель Беха ад-дин[5] получил приказ позаботиться о постройке моста через Аму-Дарью[6]; на берегу Джейхуна был выстроен замок, половина которого находилась уже в волнах реки[7]. Во время этих приготовлений, 13 марта 1206 г., султан неожиданно погиб от руки убийц; по одним известиям, это было делом индусов, по другим — делом исмаилитов[8].

Шихаб ад-дин был последним из мусульманских владетелей, которые могли соперничать с хорезмшахом. Новый глава династии, Гияс ад-дин Махмуд, сын Гияс ад-дина Мухаммеда, не обладал способностями правителя; начальники многочисленной тюркской гвардии Шихаб ад-дина подняли восстание, захватили Газну и индийские владения гур-

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 144; изд. Казвини, II, 120.

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 135.

[3] Назван у Несеви (*Сират Джелаль ад-дин,* текст, 39; пер., 66).

[4] Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 119; изд. Казвини, II, 58): امور خزاين وجنود.

[5] Его владения, по словам Джузджани, простирались на восток до Кашмира, на запад до Балха и Термеза, на север до границ Кашгара, на юг до Гарджистана и Гура (Джузджани, пер. Раверти, I, 431; <изд. Нассау-Лиса, 108>). Он был внуком Фахр ад-дина Мас'уда.

[6] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 138.

[7] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 119; изд. Казвини, II, 59: بسر شط جيحون بارگاه بر آوردند چنانک يک نيمه از بارگاه در آب بود).

[8] Оба известия у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XII, 139—140); по Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 119; изд. Казвини, II, 59), убийцы были индусами; по словам современника события, Садр ад-дина Низами, автора книги *Тадж ал-ма'асир* (рук. ЛГУ, л. 204), — исмаилитами (ملاحده); так же у Джузджани (пер. Раверти, I, 485; <изд. Нассау-Лиса, 124: بدست فدائى ملاحده>).

цев. Хорезмшах по приглашению гератского правителя вступил с войском в его владения, под тем предлогом, что иначе кара-китаи овладеют Балхом и его областью[1]. Имад ад-дин Омар сорок дней защищался против хорезмийского войска, но, наконец, должен был сдаться (в последних числах ноября) и был отправлен в Хорезм. Термез был взят Мухаммедом в союзе с кара-китаями и отдан последним, к большому негодованию мусульман[2]. По рассказу Джувейни, правитель Термеза по совету своего отца Имад ад-дина сам сдал крепость Осману самаркандскому[3]. В декабре[4] совершился торжественный въезд Мухаммеда в Герат; Гияс ад-дин Махмуд остался правителем Гура, но и здесь должен был признать себя вассалом хорезмшаха, читать хутбу и чеканить монету с именем Мухаммеда. В январе 1207 г.[5] хорезмшах вернулся в свою столицу, достигнув, наконец, заветной цели своей династии.

Итак, в борьбе со своими последними мусульманскими соперниками Мухаммед пользовался помощью кара-китаев; но теперь, достигнув своей цели, т. е. первенства среди восточно-мусульманских владетелей, хорезмшах, конечно, не мог остаться вассалом неверных кара-китаев и уже для поддержания своего авторитета должен был, по примеру Шихаб ад-дина, принять на себя роль освободителя мусульман. Обстоятельства были благоприятны для него, так как именно в это время произошло одно из самых обширных движений в мусульманской истории, охватившее Восточный Туркестан, Семиречье, Кульджинский край и Мавераннахр.

О событиях, происходивших в Мавераннахре в конце XII в., мы ничего не знаем; только из монетных данных мы видим, что здесь не только в Самарканде, но, по крайней мере в начале XIII в., также в Бухаре правил хан Ибрахим б. Хусейн, принявший титул «великого султана султанов»; из историков о нем, насколько известно, упоминает только Ауфи[6], без сообщения каких-либо подробностей. По-видимому, он был непосредственным преемником Қылыч-Тамгач-хана Мас'уда, но о том, в каком родстве находился он со своим предшественником, нам

[1] Джувейни, изд. Казвини, II, 62: در آن وقت سلطان از جانب خان ختای مستشعر بود که نباید پیش دستی کند وباخ وآن حدودرا که در تصرّف سلاطین غور بود وبملک ختای نزدیک با حوز خود گیرد; ср. рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 120.

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 151—153.

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 121; изд. Казвини, II, 64. У Мирхонда (*История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 51—52) вместо Османа назван хорезмшах.

[4] В половине джумада I (по Джувейни; см. рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 121; изд. Казвини, II, 64).

[5] В месяце джумада II (по Джувейни; изд. Казвини, II, 65—66).

[6] *Тексты*, стр. 84.

ничего не известно. Монеты с его именем прежде всего чеканились в Узгенде, уже с 560/1165 г., т. е. еще при Кылыч-Тамгач-хане; в Самарканде его монеты начинаются с 574/1178-79 г. и доходят до 595/1199 г.; кроме того, есть бухарская монета Ибрахима, чеканенная в 597/1200-01 г.[1]. Ибрахиму наследовал его сын[2] Осман, правивший, как мы видели, уже в 1204 г.; Джувейни[3] называет и его «султаном султанов». На Бухару власть Османа, по-видимому, не простиралась. Мы видели, что еще в первой половине XII в. в Бухаре образовалась династия наследственных хатибов и реисов, носивших титул «столпов мира» (*садр-джахан*); сведения о генеалогии садров, к сожалению, несколько противоречивы. Влияние садров на светские дела неизбежно должно было привести к столкновениям между ними и самаркандскими ханами; должны были происходить также столкновения с народными элементами и с кара-китаями; этим объясняется, что ко всем садрам, начиная с убитого кара-китаями Омара (см. стр. 390), прилагается эпитет «мученик»[4] (*шахид*). Убив Омара, кара-китаи все-таки признали религиозный авторитет его преемника, которым, по словам Низами Арузи[5], был имам Ахмед б. Абд ал-Азиз (брат убитого?); кара-китайский наместник Алп-тегин (или Атма-тегин, см. стр. 390), если верить Низами Арузи, должен был во всем сообразоваться с указаниями имама. В рассказе об истреблении карлуков Ибн ал-Асир, как мы видели (стр. 398), называет реисом Бухары факиха Мухаммеда, сына убитого Омара, заставляет его действовать в союзе с самаркандским ханом и хвалить умеренность кара-китаев. В 560/1165 г., как видно из рассказа Нершахи[6], власть в Бухаре принадлежала Кылыч-Тамгач-хану Мас'уду, который в этом году восстановил стены города. Автор сокращенной редакции истории Нершахи Мухаммед б. Зуфер в 574/1178-79 г. посвятил свой труд садру Бурхан ад-дину Абд ал-Азизу[7]. О том же лице, по всей вероятности, говорится в упомянутом выше документе хорезмшаха Текеша (см. выше, стр. 406)[8]. Во время продолжительного царствования хана Ибрахима б. Хусейна власть самаркандских ханов в Бухаре была восстановле-

[1] Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 282—289. Нам известно из *Лубаб ал-албаб* Ауфи (I, 44), что Ибрахим был еще жив в раджабе 597 г. х. (7 апреля—6 мая 1201 г.), когда Ауфи прибыл в Бухару.

[2] Так по Ауфи и по монетам (Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 294). Согласно *Лубаб ал-албаб* (I, 44), в 597 г. х. (1201 г.) ему было 14 или 15 лет.

[3] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 145; изд. Казвини, II, 122: اورا در ماوراء النهر سلطان سلاطين گفتندى.

[4] *Тексты*, стр. 169 (*Китаб-и Мулла-заде*); ср. Barthold, *Burhān*.

[5] *Чахар макала*, изд. Казвини, 22 и сл.; пер. Броуна, 24 и сл.

[6] Изд. Шефера, 23, 33—34.

[7] Там же, 2—3.

[8] Он упомянут в *Лубаб ал-албаб* <Ауфи> (I, 211) как Абд ал-Азиз б. Омар.

на[1]; но после него мы опять видим садра в роли правителя. В 1207 г., по рассказу Ибн ал-Асира[2], в Багдад приехал для совершения хаджа реис бухарских ханифитов Бурхан ад-дин Мухаммед б. Ахмед б. Абд ал-Азиз, вероятно, сын упомянутого у Низами Арузи имама Ахмеда б. Абд ал-Азиза; он был истинным владетелем города, собирал дань для кара-китаев и правил от их имени. В Багдаде его сначала приняли с большим почетом, но своим поведением в Мекке он возбудил общее неудовольствие, так что его прозвание «столп мира» (*садр-джахан*) изменили в «столп геенны» (*садр-джаханнам*). К тому же паломничеству, вероятно, относится рассказанный у Ауфи анекдот о беседе бухарского садра с дервишем у горы Арафат[3]. Садр совершал хадж с величайшей пышностью, сидя в носилках; под вьюком у него было более ста верблюдов; с ним шли «великие улемы». Его встретил бедняк, голодный, дурно одетый и босой, и спросил, неужели бог даст одинаковую награду за хадж бедняка, совершаемый с таким трудом, и за хадж садра, совершаемый с такой пышностью. Садр ответил, что награда, конечно, не будет одинакова: «Я исполняю повеление бога, а ты поступаешь наперекор ему. Мне он сказал: „Если имеешь возможность, совершай хадж", а тебе он сказал: „Не губите себя собственными руками". Итак, меня он пригласил, а тебя освободил от посещения; я — гость, ты — паразит; паразит никогда не пользуется таким почетом, как гость». Рассказы Ауфи и Ибн ал-Асира показывают, что садры отнюдь не вели жизни отшельников и обладали огромными денежными средствами; это подтверждается словами Несеви[4] о том же самом садре, который кроме должности реиса занимал также должность хатиба, но по богатству его можно было сравнить только с владетельными князьями; на его средства жили до 6000 факихов. Демократическое движение, которое произошло в Бухаре незадолго до похода хорезмшаха, по всей вероятности, было направлено также против садров; глава движения, Синджар, сын продавца щитов, овладел городом и держал в полном пренебрежении «почетных лиц»[5]. Ауфи рассказывает нам[6], что

В издании <Нершахи> Шефера: Абд ал-Азиз б. Абд ал-Азиз; но между двумя именами пропущено по ошибке «б. Омар» (в бухар. литогр. издании Нершахи — правильное чтение).

[1] Стихи в честь его, написанные садром Омаром б. Мас'удом (внуком Ахмеда б. Абд ал-Азиза), цитуются у Ауфи (*Лубаб ал-албаб*, I, 169).

[2] Изд. Торнберга, XII, 170—171.

[3] *Тексты*, стр. 88 (Ауфи).

[4] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 23—24; пер., 41.

[5] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34,л. 125; изд. Казвини, II, 74 (اهانت واستذلال اصحاب حرمت‌را از لوازم كار مى دانسته); Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 54.

[6] *Лубаб ал-албаб*, III, 385. Автор цитует стихи Шемси Ал'раджа Бухари, написанные с целью осмеяния садров.

после смерти Абд ал-Азиза садры отправились в ставку (*ордӯ*) кара-китаев и пожаловались на Мелика Синджара. Они получили необходимые документы с соответствующими печатями, но они были для них бесполезны, потому что как раз в это время власть кара-китаев перестала существовать; их селения остались без воды, а их богатства были уничтожены.

О ходе борьбы между Мухаммедом и кара-китаями мы находим у Джувейни две версии. По одной из них[1] (главы «О завоевании Мавераннахра» и «О вторичном возвращении султана для войны с гурханом»), султан долго платил дань кара-китаям, наконец, в 607/1210 г. велел бросить в реку кара-китайского посла[2], прибывшего в Гургандж за данью и оскорбившего султана тем, что сел рядом с ним на престол. После этого султан занял Бухару и оттуда пошел на Самарканд, предварительно отправив послов к султану Осману. Осман перед этим посватался к дочери кара-китайского гурхана[3] и получил отказ; оскорбленный этим, он теперь заключил союз с Мухаммедом и ввел у себя хутбу и чеканку монет с его именем. Султан велел укрепить Самарканд и назначил своим представителем при дворе Османа эмира Буртану, родственника Туркан-хатун[4]. После этого он отправился дальше, переправился через Сыр-Дарью и в месяце раби' I 607 г. х.[5] (конец августа и сентябрь) встретил в равнине Иламиш[6] кара-китайское войско, под начальством Таянку. Враги были разбиты; сам Таянку был взят в плен и отправлен в Хорезм. На обратном пути султан взял Отрар, владетель которого оказал сопротивление[7], вернулся в Самарканд и оттуда в Хорезм; Таянку по его приказанию был убит и брошен в реку. Во время отсутствия султана «остатки людей Кадыр-хана»[8] опустошили окрестности Дженда; вследствие этого Мухаммед недолго оставался в Хорезме и отправился с войском в Дженд; Осман, приехавший в Гургандж вместе с Мухаммедом, остался там для заключения брака

---

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 125—129; изд. Казвини, II, 74—84; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 54—60.

[2] Имя его в рук. ГПБ IV, 2, 34 توشی; в рук. Ханыкова تولشی; в изд. Казвини (II, 75) دوسی.

[3] Мирхонд здесь пропускает эту подробность.

[4] О назначении Буртаны Мирхонд здесь не упоминает. У Джувейни в изд. Казвини (II, 76) ترتیه.

[5] Мирхонд (*История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 55) относит это событие к 606 г. х. (1209-10 г.).

[6] Место битвы у Мирхонда не названо.

[7] *Тексты*, стр. 112 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 80).

[8] Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 128; изд. Казвини, II, 82): جماعتی از بقایای اصحاب قادر خان.

между ним и дочерью хорезмшаха. Одержав победу над кипчаками, Мухаммед узнал, что кара-китайское войско снова осадило Самарканд, и поспешил туда. Ко времени его прибытия жители Самарканда уже успели выдержать семьдесят стычек с кара-китаями и во всех случаях, кроме одного, когда были прогнаны в свой город, остались победителями.

Известие о приближении войска султана и о восстании Кучлука найманского в восточной части государства побудило кара-китаев заключить перемирие с самаркандцами и отступить. Мухаммед, прибыв в Самарканд, последовал за ними. Владетель города Угнака (?) [1], хотя и был мусульманином, отказался подчиниться хорезмшаху; тот выслал отряд для взятия города; отряд с успехом выполнил свою задачу, и мятежный владетель в цепях был приведен к султану [2]. Вскоре после этого в лагерь Мухаммеда прибыли послы Кучлука; между Кучлуком и хорезмшахом был заключен договор на тех условиях, чтобы Туркестан перешел в собственность того, кто первый победит гурхана; если это удастся султану, то ему будут принадлежать все области до Кашгара и Хотана; если это удастся Кучлуку, то он будет признан владетелем всей страны к востоку от Сыр-Дарьи. Кучлуку действительно удалось достигнуть цели; что касается султана, то для него битва с войском гурхана была неудачна. Перед битвой Буртана, представитель хорезмшаха в Самарканде, и один из мазандеранских князей, испехбед области Кебуд-джаме, вступили в сношения с кара-китаями; они обязались изменить хорезмшаху, если гурхан обещает после победы отдать Буртане Хорезм, испехбеду — Хорасан. Гурхан обещал дать им еще более щедрую награду. В начале битвы Буртана и испехбед, согласно уговору, бежали; левое крыло кара-китаев одержало верх над правым крылом мусульман; левое крыло мусульман — над правым крылом кара-китаев; центры обоих войск смешались. Битва кончилась нерешительно; в обоих войсках были победители, грабившие лагерь врагов, и побежденные, искавшие спасения в бегстве. Султан имел обыкновение во время битвы надевать одежду врагов; во время смятения он со своими приближенными (носившими такую же одежду) очутился среди отрядов кара-китаев, провел там несколько дней, потом воспользовался случаем, чтобы незаметно покинуть врагов, и на берегу Сыр-Дарьи соединился со своим войском. Воины очень обрадовались его возвращению, так как уже успели распространиться слухи об исчезновении и даже о смерти султана.

Те же события совсем иначе рассказаны в главе «О кара-китайских

---

[1] Возможно, это то же самое, что Юганк, упомянутый выше на стр. 187.

[2] *Тексты*, стр. 112—113 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 83).

ханах, об обстоятельствах их появления и истребления»[1]. Султан, возгордившись своими победами, в течение двух-трех лет не платил кара-китаям условленной дани; наконец, гурхан отправил к нему послом своего везира Махмуд-бая, чтобы потребовать уплаты денег. Мухаммед в это время готовился идти на кипчаков и потому считал момент неудобным для ссоры с кара-китаями, но в то же время не хотел постыдно признать себя данником неверных; поэтому он совершенно уклонился от принятия посольства, отправился в поход и поручил ведение переговоров с кара-китаями своей матери. Туркан-хатун приняла послов с почетом, уплатила деньги полностью и, с своей стороны, отправила к кара-китаям послов, которым было поручено извиниться перед гурханом за происшедшую задержку и выразить ему (от имени Мухаммеда) полную покорность[2]. Все-таки Махмуд-бай донес своему государю, что хорезмшах гордится своим могуществом и не будет для него верным данником; поэтому хорезмийские послы не удостоились со стороны гурхана никаких знаков уважения. Одержав победу над кипчаками и вернувшись в Хорезм, Мухаммед решил завоевать Мавераннахр, повел войско на Бухару и тайно вступил в сношения как с Османом самаркандским, так и с другими владетелями. Все князья обещали ему помощь, так как были оскорблены поведением кара-китайских чиновников, которые, «в противоположность прежним дням»[3], всячески притесняли население. Султан, однако, вернулся из Бухары в Хорезм, с намерением возобновить поход в следующем году[4]. В это время произвели восстание также восточные вассалы гурхана; пользуясь этим, найманский царевич Кучлук получил от гурхана позволение собрать рассеянные орды своего народа. Так как мятежные намерения Кучлука скоро обнаружились, то гурхан раскаялся в том, что отпустил его, и для войны с ним потребовал помощи от своих вассалов, между прочим и от Османа самаркандского. Последний был оскорблен тем, что гурхан отказался выдать за него свою дочь; поэтому он не исполнил требования своего сюзерена, открыто перешел на сторону хорезмшаха, отправил к нему посла и ввел у себя хутбу и чеканку монеты с его именем. Гурхан отправил на Самарканд тридцатитысячный отряд, которому удалось взять город; от опустошения области кара-китаи воздержались по приказанию своего государя, который «считал Самарканд своей сокровищницей». Весть

---

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 130—133; изд. Казвини, II, 86—93. В сокращенном виде эта глава включена Мирхондом в историю Чингиз-хана (изд. Жобера, 90—95).

[2] *Тексты*, стр. 113 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 90).

[3] Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 132; изд. Казвини, II, 90): بر خلاف ایام ماضیه.

[4] Там же: وسلطان بر قرار آنک در سال آینده بر قصد او باز آید از بخارا باز گشت.

об успехах Кучлука заставила гурхана отозвать свое войско из Самарканда; тогда город был занят Мухаммедом[1]; Осман вышел ему навстречу, передал ему область и присоединился к его войску. Союзники отправились на Тараз и встретили многочисленное кара-китайское войско под начальством Таянку. Битва была нерешительная; с обеих сторон было разбито правое крыло; но Таянку был взят в плен мусульманами. Оба войска отступили[2]; кара-китаи на обратном пути грабили свои собственные владения. Жители Баласагуна, надеясь, что и Семиречье скоро будет завоевано Мухаммедом, заперли перед ними ворота. Тщетно Махмуд-бай и эмиры гурхана уговаривали их подчиниться; наконец, после шестнадцатидневной осады, город был взят и подвергнут трехдневному разграблению; при этом погибло до 47 000 жителей. Все эти военные действия истощили средства гурхана; боясь за свои собственные деньги, «которых у него было больше, чем у Каруна» (Корея)[3], Махмуд-бай дал своему государю пагубный совет — потребовать от воинов возвращения денег из государственной казны, разграбленной Кучлуком и при его поражении доставшейся войску. Применение этой меры вызвало военный бунт, которым поспешил воспользоваться Кучлук, чтобы привлечь мятежников на свою сторону. Покинутый всеми, гурхан явился к Кучлуку и хотел склониться перед ним; Кучлук не допустил этого, принял своего государя с почетом и обращался с ним, как с отцом. Вся власть, конечно, перешла в руки Кучлука, который женился на бывшей невесте гурхана; последний через год или два умер.

Мирхонд отдал предпочтение первой версии и исключил из второй все несогласное с ней (уплата дани кара-китаям по распоряжению царицы, отступление султана из Бухары, взятие кара-китаями Самарканда, взятие в плен Таянку и несколько других, менее существенных подробностей). С той же целью ему пришлось изменить текст Джувейни и в других местах. По Джувейни[4], восстание гератского правителя Изз ад-дина Хусейна б. Хармиля и восстание тюрка Кезли, родственника царицы, наместника Нишапура, были вызваны слухами об исчезновении султана во время войны с кара-китаями; восстание было усмирено после возвращения султана в Хорезм и прибытия его в Нишапур; последнее событие произошло 11 рамазана 604/30 марта 1208 г. Мирхонд[5], в противоположность Джувейни, помещает рассказ об этом

[1] <В русск. изд. 1900 г. было: «Махмудом»; ошибка исправлена В. В. Бартольдом в принадлежавшем ему экземпляре русского издания. — *Ред.*>

[2] *Тексты*, стр. 113—114 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 91—92).

[3] Коран, XXVIII, 76.

[4] Рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 122—124; изд. Казвини, II, 66—70.

[5] *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 60—64.

восстании после рассказа о двух походах султана на кара-китаев и опускает неудобную для него дату. Между тем, в пользу этой даты говорят известия других источников. Ибн ал-Асир[1] тоже относит первый поход Мухаммеда на кара-китаев к 604 г. х. и тоже рассказывает, что этот поход кончился неудачно для султана; и по Нершахи[2], занятие султаном Бухары произошло еще в 604 г. х. Вследствие этого мы, вопреки мнению одного из новейших исследователей[3], не имеем никакого основания удивляться, что д'Оссон[4] отдал предпочтение рассказу Ибн ал-Асира перед первой версией Джувейни, принятой Мирхондом. По-видимому, вторая версия ближе к истине, хотя и в ней есть некоторые известия, вызывающие большие сомнения.

Прежде всего, едва ли возможно, что султан перед войной несколько лет не платил дани кара-китаям. До окончательной победы над гурцами султан не мог не дорожить расположением гурхана; на это указывает отмеченный выше (стр. 417) факт уступки кара-китаям Термеза, в самом конце 1206 г. Поход на Бухару приходится отнести к осени 1207 г. По рассказу Джувейни (в первой версии), султан в Бухаре принял сторону аристократической партии: «сын продавца щитов получил воздаяние за свои поступки». Это известие не следует понимать в том смысле, что Синджар был казнен; из рассказа Несеви[5] видно, что он еще много лет спустя жил при дворе султана и наравне с прочими пленными владетелями должен был принимать участие в придворных церемониях[6]. Как продолжительно было правление Синджара в Бухаре, неизвестно; если с его воцарением находится в связи упомянутое (стр. 419) паломничество садра, то можно думать, что он правил несколько месяцев; на более продолжительное время указывает, однако, существование «дворца Синджар-мелика»; дворец упоминается еще в рассказе о восстании Тараби[7] (636/1238-39 г.), так что, очевидно, уцелел во время погрома и пожара 1220 г.

Из слов продолжателя Нершахи мы знаем, что султан в Бухаре восстановил цитадель и стены города. Занятием Бухары и заключением союза с Караханидами, особенно с султаном Османом, на этот раз ог-

[1] Изд. Торнберга, XII, 171—175.

[2] Изд. Шефера, 23, 34 (во втором случае текст испорчен).

[3] Oppert, *Der Presbyter Johannes*, S. 156.

[4] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 181—182.

[5] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 21; пер., 38.

[6] Мы знаем от Ауфи (*Лубаб ал-албаб*, II, 393), что Синджар был послан в Амуй (Чарджуй); Ауфи приводит несколько сатирических стихов о нем, принадлежащих Шихаби Газалю Ходженди.

[7] Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 128; Джувейни, извлеч. в изд. Дефремери, 393; изд. Казвини, I, 87,5.

раничились успехи Мухаммеда; из Бухары он вернулся в Хорезм. Слухи об исчезновении султана, вызвавшие восстание в Хорасане, показывают, что это отступление не было добровольным, и подтверждают рассказ Ибн ал-Асира о поражении хорезмшаха и его самаркандского союзника в битве с кара-китаями. С другой стороны, едва ли заслуживает доверия рассказанный тем же историком анекдот, как Мухаммед был взят в плен со своим приближенным и освободился благодаря хитрости последнего, который выдал султана за своего раба. Как известно, подобный же анекдот рассказывается о Меликшахе и Низам ал-мульке [1].

Как бы там ни было, Мухаммед вернулся в Хорезм и весной 1208 г. своим присутствием восстановил порядок в Хорасане. Восстание в Герате, по словам Ибн ал-Асира [2], было вызвано поведением хорезмийцев. Когда распространились слухи об исчезновении султана,ератский правитель возобновил союз с Гияс ад-дином гурским [3], но после прибытия хорезмшаха опять перешел на его сторону. Советники хорезмшаха убедили своего государя, что нельзя доверять человеку, столько раз изменившему присяге; правитель Герата был убит, город Герат, в котором укрепился везир бывшего правителя, был взят только после продолжительной осады. Что касается восстания нишапурского наместника Кезли (у Ибн ал-Асира [4] Кезлик), то после вступления султана в Нишапур (30 марта 1208 г.) сын Кезли бежал в Мавераннахр к кара-китаям, но на берегу Аму-Дарьи был настигнут хорезмийским отрядом и убит вместе со всеми своими спутниками. Сам Кезли бежал в Хорезм; царица Туркан-хатун посоветовала ему искать убежища у гробницы султана Текеша [5], но потом, когда он последовал этому совету, велела его убить и послала его голову своему сыну [6]. Из этого можно заключить, что в то время царица еще не решалась оказывать поддержку своим мятежным родственникам.

Что касается событий следующих годов, то мы имеем только известие о землетрясении, которым в 605/1208-09 г. был постигнут Хорезм. Размеры бедствия были несколько уменьшены тем, что оно произошло днем и жители могли бежать из города, оставив свое имущество; все-

[1] Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде,* извлеч. в пер. Дефремери, 448—449; изд. Броуна, текст, 445, пер., 97.

[2] Изд. Торнберга, XII, 172.

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 122; изд. Казвини, II, 66; Мирхонд, *История хорезмшахов,* изд. Дефремери, 63. У Ибн ал-Асира о смерти ератского правителя рассказывается несколько иначе; не говорится также, что он временно перешел на сторону Гияс ад-дина.

[4] Изд. Торнберга, XII, 172 и сл.

[5] По Ибн ал-Асиру (там же, 103), Текеш сам устроил себе гробницу в большом медресе, также построенном им.

[6] *Тексты,* стр. 112 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 72).

таки в столице погибло около 2000 человек. Число погибших в деревнях было гораздо значительнее; две деревни провалились со всеми своими жителями [1].

К осени 1209 г., вероятно, следует отнести посольство Махмуд-бая и поход на кипчаков, если султан действительно перед тем два года не платил дани кара-китаям. Поступок султана показывает, что в то время возобновление борьбы с кара-китаями казалось ему преждевременным; но уже в следующем году он получил возможность действовать более решительно. Восточные области кара-китайской империи подверглись в это время нашествию кочевников, изгнанных из Монголии Чингиз-ханом. В 1208 г. Чингиз-хан на берегу Иртыша нанес полное поражение остаткам найманов, под начальством Кучлука, и мергитов, под начальством Тухта-бики [2]. Кучлук бежал в страну кара-китаев, сыновья Тухта-бики, павшего в битве,— во владения уйгурского идикута, вассала гурхана. В связи с этим, вероятно, находится восстание идикута против гурхана и заключение союза с Чингиз-ханом. В 1209 г. Шаукем, представитель гурхана в Уйгурии, живший в селении Кара-ходжа, был убит; по Джувейни [3], «его окружили в одном доме и свалили дом на него», из чего можно заключить, что в восстании принимали участие народные элементы, раздраженные вымогательствами кара-китайских сборщиков. Идикуту удалось разбить мергитов [4]; остатки их бежали в непосредственные владения гурхана [5], где, по словам Джувейни [6], присоединились к Кучлуку. В начале XIII в. непо-

[1] *Тексты,* стр. 112 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 72—73). От землетрясения пострадали также хорасанские города, особенно Нишапур (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 187).

[2] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, текст, 114, 168; пер., 10, 113.

[3] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 16; изд. Казвини, I, 32: شاوكم‌را در خانهٔ پيچيدند وخانه برو انباشتند.

[4] Битва произошла у реки Ч'ам. Мнение де Гроота (принятое Марквартом — *Komanen,* S. 118) о том, что Ч'ам следует отожествить с Чу, совершенно ошибочно. Более вероятно, что это была река, от которой получил свое имя город Джамбалык, или Джанбалык, в западной части Уйгурии. Об этом городе см. Bretschneider, *Researches,* Index. Согласно Бретшнейдеру (см. там же), река эта находилась близ р. Иртыша. <См. также Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* p. 22. — *Ред.*>

[5] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, текст, 17; пер., 11.

[6] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 21; изд. Казвини, I, 47. Из некоторых слов Джувейни (*Тексты,* стр. 106; изд. Казвини, I, 46 и сл.) и из соответствующего места Рашид ад-дина (изд. Березина, ч. XV, текст, 17, 55; пер., 11, 34—35) можно бы заключить, что Кучлук участвовал в походе на Уйгурию и вместе с мергитами бежал оттуда на запад через Кучу; но на том же листе сам Джувейни говорит, что мергитские царевичи присоединились к Кучлуку в пределах Эмиля и Кобука (в изд. Казвини قيالغ 'Каялыг') уже после того, как Кучлук получил от гурхана позволение собрать войско. Слова Джувейни показывают, что он смешивал Кучлука с кераитским царевичем Сенгуном, также

средственно к западу от Уйгурии начинались области с преобладающим мусульманским населением[1]; появление в этих областях отрядов кочевников могло только усилить брожение, начавшееся там значительно раньше. Как нам пришлось говорить в другом месте[2], это брожение было вызвано не только религиозными причинами, но преимущественно упадком кара-китайской империи, ослаблением авторитета престола, увеличением власти отдельных вельмож и произвола сборщиков податей. Движение началось, по-видимому, в Восточном Туркестане; как показывает характерный рассказ Джувейни[3] о поступке гурхана с карлукским владетелем, гурхан уже тогда предвидел, что восстание охватит все мусульманские владения кара-китаев. До появления кочевых орд мусульмане не имели успеха. «Сын кашгарского хана» находился в плену у гурхана и был освобожден только Кучлуком[4]; из этого известия можно заключить, что восстание произошло еще в царствование этого хана, именно Арслан-хана Абу-л-Музаффара Юсуфа, скончавшегося, по словам Джемаля Карши[5], в раджабе 601 г. х. (февраль — март 1205 г.). И в Мавераннахре, как показывает поражение Мухаммеда и взятие кара-китаями Самарканда, восстание сначала было подавлено. Гурхан воспользовался плодами своей победы над Османом (одержанной, по всей вероятности, в первой половине 1210 г.) с большой умеренностью, довольствовался уплатой небольшой дани и оставил в Самарканде своего наместника. Очень вероятно, что тогда же был заключен брак между Османом и кара-китайской царевной, которого Осман раньше тщетно добивался. Джувейни[6] относит этот брак

бежавшим в Восточный Туркестан (ср. у Рашид ад-дина, изд. Березина, ч. XIII, текст, 237; пер., 148). Этот кераитский царевич известен, главным образом, под китайским титулом Сенгун, и я утверждал в рецензии (ЗВОРАО, т. XI, стр. 350), что его личное имя совершенно неизвестно. Однако оно упомянуто Насир ад-дином Туси в его *Зидж-и ильхани* (рук. Брит. муз., л. 1б) — Илāқā, а также в *Юань-ши* (гл. I, л. 5 б) — Ин-лаха (Pelliot, *A propos des Comans*, pp. 176, 180, где высказано предположение, что правильная форма — Нилха, что, однако, не подтверждается персидским написанием); у Рашид ад-дина — Илқах (изд. Березина, текст, ч. VII, 125; пер., ч. V, 98; ч. XIII, текст, 186 и сл.; пер., 115 и 282). <В своей рецензии на «Туркестан» П. Пельо высказал мнение, что существовали, быть может, обе формы — Илқа и Нилқа, но что первая была диалектальной (возможно — кераитской), а вторая — собственно монгольской; см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 22—24. — *Ред.*>

[1] *Чан-чунь*, пер. Кафарова, 303; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 68.

[2] Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 106 и сл.

[3] *Тексты*, стр. 106—107 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 56); ср. Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 107—108.

[4] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 22; изд. Казвини, I, 48; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 170.

[5] *Тексты*, стр. 132.

[6] *Тексты*, стр. 114 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 124).

ко времени вторичного сближения Османа с кара-китаями и восстания его против Мухаммеда, но едва ли можно верить рассказу историка, что Мухаммед, получив известие об этом сближении и браке, медлил выступить против непокорного зятя.

Успехи, одержанные Кучлуком в 1210 г. с помощью карлуков северной части Семиречья, и разграбление им казны гурхана, хранившейся в Узгенде, заставили гурхана очистить Самарканд и заняться обороной своих непосредственных владений. Вследствие этого восстание в Мавераннахре возобновилось; Мухаммед из Дженда, после победы над кипчаками, прибыл в Бухару [1], и Осман опять принял его сторону. К этому походу относится, по всей вероятности, рассказ об осаде и взятии Угнака. В Семиречье, недалеко от Баласагуна, гурхан одержал победу над Кучлуком, но его полководец Таянку недалеко от Таласа был взят в плен мусульманами. Победа последних не имела решительного характера, так что султан не решился преследовать врагов и оказать помощь своим семиреченским единоверцам; все-таки эта битва и отправление в Хорезм пленного кара-китайского полководца возбудили восторг подданных Мухаммеда и значительно увеличили уважение к государю. В официальных документах Мухаммеда стали называть «вторым Александром»; сам хорезмшах охотнее давал называть себя «султаном Синджаром» [2], ввиду продолжительности правления сельджукского султана; с того же времени на печати султана был вырезан титул: «Тень бога на земле». Таянку, по рассказу Джувейни [3], был по приказанию султана брошен в Аму-Дарью; по Джузджани [4], пленный полководец принял ислам и остался жить в Хорезме, где пользовался большим почетом. Возможно, что автор смешивает судьбу Таянку с судьбою двух других кара-китаев, Борака и его брата, также взятых в плен в этой битве, принятых на службу к хорезмшаху и дослужившихся до звания эмира и хаджиба [5].

Восторг мусульман продолжался недолго. Бывшие вассалы кара-

[1] К этому времени относится, по всей вероятности, рассказ Несеви (*Сират Джелаль ад-дин*, текст, 102—103; пер., 170) о пребывании султана в Дженде и о жалобах, принесенных населением на местного везира.

[2] См. оба титула у Ауфи (*Тексты*, стр. 84). Титул «султан Сикендер» и битва близ Тараза упомянуты также в *Лубаб ал-албаб* (I, 112, в интересной биографии везира Абу Бекра Ахмеда ал-Джамиджи, который еще раньше предпринял поездку в страну хитаев и в Баласагун — там же, I, 111). Ср. также там же, I, 202; II, 341 (سلطان سكندر).

[3] Рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 127—128; изд. Казвини, II, 81; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 56—57.

[4] Пер. Раверти, I, 261—262 <в изд. Нассау-Лиса нет>, 934 <изд. Нассау-Лиса, 329>.

[5] *Тексты*, стр. 115 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 211).

китаев скоро убедились, что переход власти от неверного гурхана к правоверному хорезмшаху не принесет им никакой выгоды. По Джувейни, Мухаммеду уже в 1210 г., еще до возвращения в Хорезм, пришлось усмирить восстание отрарского владетеля; наконец, мятежник изъявил покорность и был отправлен в Неса[1]. По Несеви[2], отрарский владетель Тадж ад-дин Бильгя-хан был двоюродным братом[3] Османа самаркандского; Бильгя-хан первый из кара-китаев (т. е. из вассалов гурхана) принял сторону хорезмшаха и явился к нему, надеясь, что тот вознаградит его за прежние заслуги (он принимал участие в битве при Андхуде). О его восстании Несеви не говорит ни слова и называет его изгнание только мерой предосторожности, принятой султаном перед походом на Ирак (1217 г.). Бильгя-хан прожил в Неса один год и за это время своей щедростью привлек на свою сторону население; тогда султан отправил в Неса своего палача, который убил Бильгя-хана и принес его голову в Хорезм. Несеви, конечно, лучше других историков знал то, что произошло в его родном городе Неса; но едва ли можно предположить, что Бильгя-хан оставался владетелем Отрара до 1217 г. и не был низложен одновременно с прочими представителями династии Караханидов.

Осман самаркандский[4] вместе с Мухаммедом приехал в Гургандж, где должен был жениться на дочери хорезмшаха. Празднества продолжались очень долго; когда Осман хотел вернуться в Самарканд, Туркан-хатун потребовала, чтобы он, по тюркскому обычаю, остался целый год в доме тестя; Осман был принужден подчиниться. Когда весной 1211 г. был возобновлен поход на кара-китаев, в Самарканд прибыл один Мухаммед и скоро заметил, что отсутствие хана уже успело встревожить население и вызвать в нем вражду к хорезмшаху. Подчиняясь обстоятельствам, Мухаммед велел отпустить Османа и его молодую жену в Самарканд; Осман получил все, на что он имел право по своему сану; его младший брат был оставлен в Хорезме; Мухаммед вернулся в свою столицу. По Ибн ал-Асиру, вместе с Османом был послан в Самарканд представитель хорезмшаха, который должен был пользоваться теми же правами, как прежде представитель гурхана. О военных действиях этого года Джувейни в этом месте ничего не говорит, так что трудно решить, заключается ли какая-нибудь доля истины в рассказе первой версии об измене самаркандского наместника Буртаны. Только по

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 127—128; изд. Казвини, II, 81; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 57.

[2] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 22—23; пер., 38—41.

[3] В переводе ошибка.

[4] О судьбе его см. рассказы Джувейни (*Тексты*, стр. 114—115; изд. Казвини, II, 122) и Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XII, 177—178).

Джузджани[1], Мухаммед в 1211 или 1212 г. с войском в 400 000 человек (?) снова одержал победу над кара-китаями.

Вернувшись в Самарканд, Осман был настолько раздражен поведением своих хорезмийских освободителей, что возобновил сношения с кара-китаями. Это тем более замечательно, что 1211 г. вообще не был благоприятным для гурхана; в северной части Семиречья появился монгольский отряд, под начальством Хубилай-нойона, вследствие чего владетель этой местности окончательно отложился от гурхана и убил каракитайского наместника[2]. Тем не менее Осман решил променять иго своих мусульманских освободителей на прежнее иго неверных, причем, как показывают события, действовал в полном согласии со своими подданными. Скоро до Мухаммеда дошла весть, что Осман дурно обращается с дочерью хорезмшаха и оказывает явное предпочтение каракитайской царевне; дочь Мухаммеда даже должна была прислуживать своей сопернице. Наконец, в 1212 г. стало известно, что жители Самарканда по приказанию Османа произвели восстание и убили всех находившихся в городе хорезмийцев. Дочь хорезмшаха заперлась в цитадели, и Осман с трудом согласился пощадить ее. По рассказу Ибн ал-Асира, хорезмийцев разрубали пополам и развешивали куски трупов на базарах, как мясники развешивают мясо; из этого видно, как сильна была ненависть населения к притеснителям. Весть о катастрофе, конечно, вызвала поход султана на Самарканд. По Ибн ал-Асиру, Мухаммед сначала хотел убить всех живших в Хорезме иностранцев, потом всех самаркандцев; но Туркан-хатун уговорила его не делать этого. Самарканд скоро должен был сдаться. По Джувейни, Осман явился к хорезмшаху с мечом и куском ткани (для савана), т. е. с выражением полной покорности; по Ибн ал-Асиру, он заперся в цитадели, которая была осаждена хорезмийцами уже после разграбления города; его просьба о помиловании была отвергнута, и после взятия крепости он был приведен к хорезмшаху. Город был подвергнут трехдневному грабежу, причем пощадили только квартал, населенный иностранцами; по Ибн ал-Асиру, число погибших при этом доходило до 200 000; по более правдоподобному рассказу Джувейни, убито было всего 10 000 человек, после чего Мухаммед внял заступничеству сейидов, имамов и улемов и велел прекратить резню. Хорезмшах хотел пощадить даже Османа, но его дочь Хан-Султан не согласилась простить своего мужа, и в следующую ночь хан был казнен. Мухаммед отправил послов к «эмирам

[1] Пер. Раверти, I, 262—264 <в изд. Нассау-Лиса нет>, 934, <изд. Нассау-Лиса, 329>.

[2] Рашид ад-дин, изд. Березина, <текст, ч. VII, 171>; пер., ч. V, 132; ч. XV, <текст, 169>; пер., 14, 113—114; *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 130—131; *Тексты,* стр. 107 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 57).

Ферганы и Туркестана» с требованием покорности; в Исфиджаб был послан отряд для того, чтобы наблюдать за действиями кара-китаев и не дать им оправиться. Самарканд сделался фактической столицей хорезмшаха, который построил там новую соборную мечеть и начал постройку «высокого здания», вероятно дворца.

Из слов Ибн ал-Асира[1] и Джузджани[2] видно, что Осман и его двоюродный брат не были единственными представителями династии Караханидов, убитыми по приказанию Мухаммеда; такой же участи подверглись и остальные члены династии. Из монетных данных[3] видно, что в Узгенде в это время правил Джелаль ад-дин Кадыр-хан, носивший, подобно отцу Османа, титул «великого султана» (*улуғ султан*); по всей вероятности, его постигла такая же участь[4]. Отправление отряда в Исфиджаб было вызвано известием об усилении Кучлука. Кучлук, взяв в плен гурхана, освободил находившегося в плену у кара-китаев сына кашгарского хана и отправил его в Кашгар, где он был убит мятежными эмирами еще прежде, чем успел вступить в город[5]. По Джемалю Карши[6], этот царевич (Арслан-хан Абу-л-Фатх Мухаммед) был убит в 607/1210-11 г., из чего можно заключить, что взятие в плен гурхана также произошло не позже первой половины 1211 г.; это согласно с рассказом Джувейни, который, как мы видели, говорит об этом событии непосредственно после рассказа об отступлении кара-китайского войска с берегов Таласа и взятии им Баласагуна. При жизни гурхана Кучлук довольствовался фактической властью и оставил своему государю все внешние знаки царского достоинства; во время торжественных приемов гурхан сидел на престоле, а Кучлук стоял среди его хаджибов[7]. Мы не имеем вполне достоверных известий о том, происходили ли до взятия в плен гурхана какие-нибудь переговоры между Мухаммедом и Кучлуком. Фантастического договора, о котором рассказывает Джувейни (см. выше, стр. 421), конечно, никогда не было; более правдоподобен рассказ Ибн ал-Асира[8], что во время борьбы между гурханом и Кучлуком обе стороны обратились с просьбой о помощи к хорезмшаху, что последний выступил с войском (вероятно, в 1211 г.), но до исхода борьбы не помогал ни тем, ни другим; обе стороны счи-

[1] Изд. Торнберга, XII, 178.

[2] Пер. Раверти, I, 265; <в изд. Нассау-Лиса нет>.

[3] Марков, *Инвентарный каталог*, стр. 292—293; <см. также Давидович, *Нумизматические материалы. — Ред.*>

[4] Он, может быть, тожествен с Куч-тегином, мужем сестры Османа, упоминаемым в *Лубаб ал-албаб*, I, 45. Титул Куч-тегин встречается также на монетах.

[5] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 22; изд. Казвини, I, 48; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 170.

[6] *Тексты*, стр. 132—133. [7] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 7; пер.; 13.

[8] Изд. Торнберга, XII, 178—179.

тали его своим союзником. Только после поражения и взятия в плен гурхана хорезмшах принял участие в истреблении кара-китаев; часть кара-китайских военных сил поступила на службу к Мухаммеду. Вследствие этого хорезмшах старался доказать Кучлуку, что тот своей победой обязан его помощи и теперь должен уступить ему часть владений гурхана; Кучлук ответил на это требование решительным отказом. Об этих дипломатических сношениях подробнее всего рассказывает Несеви [1], имевший случай говорить с Мухаммедом б. Кара-Касимом Несеви, последним из послов, отправленных хорезмшахом к Кучлуку. Мухаммед упрекал Кучлука за то, что тот отнял у него плоды его побед; разбитый хорезмшахом, гурхан будто бы уже предложил своему врагу мир, причем обещал выдать за него свою дочь Тафгач-хатун, дать ей в приданое все свои сокровища и оставить за собой только самые отдаленные из своих областей; но в это время Кучлук, пользуясь слабостью гурхана, завладел его царством. Поэтому султан требовал, чтобы Кучлук теперь отправил к нему самого гурхана, его дочь и его сокровища. На это грозное требование Кучлук сначала ответил в смиренных выражениях, послал Мухаммеду щедрые подарки, но выдать гурхана отказался. Сам гурхан не без основания опасался участи, ожидавшей его в Хорезме, и умолял Кучлука не исполнять требования хорезмшаха. По словам гурхана, дело обстояло не совсем так, как рассказывали послы Мухаммеда; желая спасти остатки своих владений, гурхан действительно хотел заключить мир с хорезмшахом и выдать за него свою дочь, но Мухаммед отверг все его предложения. Когда Кучлук медлил исполнить желание султана, последний возобновил свое требование в еще более решительной форме; его посол, действуя согласно с полученными им инструкциями, в самых резких словах передал Кучлуку гнев своего повелителя и за это был закован в цепи; ему удалось освободиться во время одной из стычек между Кучлуком и отрядами войска Мухаммеда, происходивших «в Кашгаре и в других местах».

По Ибн ал-Асиру, хорезмшах довольствовался отправлением небольших отрядов для партизанской войны, так что вызвал со стороны Кучлука упрек за такой образ действий, более достойный разбойника, чем царя. Едва ли Кучлук мог высказать такой упрек, так как сам придерживался такого же способа ведения войны, притом с полным успехом, и благодаря ему вышел победителем из борьбы с хорезмшахом, хотя владел сначала только Семиречьем и восточной частью Сыр-Дарьинской области. Но ему прежде всего предстояло подавить последние остатки мусульманского движения, т. е. победить Бузара, или Озара [2],

[1] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 7—9; пер., 13—16.

[2] О нем см. *Тексты*, стр. 107—108 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 57 и сл.), 135—136 (Джемаль Карши).

бывшего конокрада и разбойника, образовавшего во время этого движения независимое государство в Кульджинском крае, и предводителей кашгарских мятежников, убивших своего хана. Не предпринимая завоевательного похода на Восточный Туркестан, Кучлук три или четыре года кряду (т. е. с 1211 по 1213 или 1214 г.) вторгался в страну во время жатвы и опустошал ее. Как мы видели из слов Несеви, Мухаммед в это время отправлял отряды в ту же область; на это указывают также слова Джувейни[1], будто войска Мухаммеда доходили до Бишбалыка. Набеги Кучлука вполне достигли своей цели; в стране начался голод, заставивший жителей выразить покорность Кучлуку. Судя по поведению хорезмийцев в других местах, можно думать, что присутствие в стране, одновременно с войсками Кучлука, отрядов войск Мухаммеда только способствовало принятию жителями такого решения. Столь же мало хорезмшах мог остановить жестокое гонение, которому после победы Кучлука подвергся ислам в Восточном Туркестане[2]. Мухаммед не только не оказал помощи своим кашгарским и хотанским единоверцам, но даже не мог защитить от Кучлука северные области Мавераннахра. По Ибн ал-Асиру[3], султан по крайней мере до 1214 г. проводил лето в Самарканде, опасаясь нашествия Кучлука на Мавераннахр; наконец, жители Исфиджаба, Шаша, Ферганы и Касана получили приказ переселиться на юго-запад, после чего эти области были опустошены, чтобы они не достались Кучлуку[4]. Упоминание Касана рядом с Ферганой, кажется, следует истолковать в том смысле, что приказ относился только к части Ферганы, расположенной за Сыр-Дарьей. Относительно Исфиджаба и Шаша известие Ибн ал-Асира вполне подтверждается словами Якута[5], который приводит ту же самую причину этой меры: хорезмшах опустошил эти области потому, что не был в состоянии удержать их в своей власти. Таков был исход борьбы между самым могущественным из мусульманских царей и предводителем кочевников, с которым в 1218 г. без труда покончил монгольский полководец.

Более удачны были действия Мухаммеда против другого степного врага, против кипчаков. Сыгнакское владение было присоединено к государству хорезмшаха, так как два сына сыгнакского владетеля упоминаются среди пленных царевичей, находившихся в Хорезме[6]. Из Дженда Мухаммед предпринимал походы на север против кипчаков,

[1] *Тексты*, стр. 115 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 126).

[2] О нем см. Бартольд, *О христианстве в Туркестане*, стр. 29; Бартольд, *Очерк истории Семиречья*, стр. 111 (из Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 52 и сл).

[3] Изд. Торнберга, XII, 199.

[4] Там же, 179.

[5] *Му'джам*, I, 249—250; III, 234.

[6] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 39; пер., 67.

живших в киргизских степях; во время одного из таких походов произошло его первое, совершенно случайное столкновение с войсками Чингиз-хана. Об этом столкновении до нас дошли рассказы четырех независимых друг от друга историков — Ибн ал-Асира [1], Несеви [2], Джузджани [3] и Джувейни [4]; но все четыре автора имели очень смутное представление о походах хорезмшаха в Средней Азии. Ибн ал-Асир говорит, что поход был предпринят султаном против монголов уже после отрарской катастрофы (1218 г.); Несеви сознательно исправляет хронологическую ошибку своего предшественника и относит поход к 612 г. х. (1215-16 г.), но, подобно Ибн ал-Асиру, заставляет монголов сражаться с войсками султана после победы над Кучлуком, что, как известно, произошло только в 1218 г.; к тому же Кучлук находился в Восточном Туркестане, откуда бежал в Сарыкол; между тем, столкновение между монголами и хорезмийцами произошло, как мы увидим, в Тургайской области. Джузджани относит событие к 615 г. х. (1218 г.); по его словам, султан в это время преследовал Кадыр-хана, сына татарина (?) Юсуфа [5], и дошел на север до места Югур в Туркестане; о причине появления монголов здесь только говорится, что они преследовали татар. Что касается места Югур [6], то и в китайской истории есть известие, что место в стране кипчаков, где Субудай разбил мергитов, носило название Юй-гу; в другом месте имя Юй-гу прилагается к начальнику мергитов [7]. Что слово *югур* употреблялось в стране кипчаков и как титул, видно из приведенных выше (стр. 404) слов официального документа о «сыновьях югуров». По Джувейни, Мухаммед после отрарской катастрофы находился в Бухаре [8], где пробыл с 8 ша'бана до 10 шавваля (вероятно в 615 г. х.,

[1] Изд. Торнберга, XII, 238; СМИЗО, I, 7.

[2] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 9—11; пер., 16—19.

[3] Пер. Раверти, I, 267—270 <в изд. Нассау-Лиса нет>, 1096—1097 <изд. Нассау-Лиса, 378>.

[4] Рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 23, 136—137; изд. Казвини, I, 51 и сл.; II, 100 и сл.; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 74—77; Мирхонд, *История Чингиз-хана*, изд. Жобера, 99; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 208—210.

[5] В другом месте (Джузджани, пер. Раверти, II, 1097; <изд. Нассау-Лиса, 378 يمك تقفتان >) тот же автор называет его «сыном Тафактана Йимака» (йимак было одно из племен кимаков, родственное кипчакам). Мнение Маркварта (*Komanen*, S. 130) о том, что Джузджани спутал Кадыра с Куду, князем мергитов, может быть объяснено только если предположить, что Маркварт не был знаком с частью труда Джувейни, относящейся к династии хорезмшахов.

[6] Раверти дает написание Йигур (Джузджани, пер. Раверти, I, 267).

[7] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 233. С точки зрения Маркварта (*Komanen*, S. 130) китайское Юйгу — географическое название, относящееся к Иргизу. Это могло бы быть только в том случае, если бы китайцы были введены в заблуждение неправильной транскрипцией в арабском (يغر или ايغر вместо ارغز). Ср. замечание проф. Пельо (*A propos des Comans*, p. 154).

[8] В рук. ГПБ IV, 2, 34 здесь ошибка.

т. е. с 30 октября до 30 декабря 1218 г.). Так как была весна (?), султан весело проводил время, потом отправился в Самарканд, чтобы предпринять поход против Кучлука. В это время пришло известие, что в стране канглов (кипчаков) появились изгнанные Чингиз-ханом из Монголии мергиты, под начальством Туктугана (у Рашид ад-дина — Хултуган) [1]; султан отправился против них через Бухару в Дженд. Здесь он узнал, что кроме мергитов прибыли также преследовавшие их войска Чингиз-хана. В другом месте Джувейни замечает, что Туктуган перед этим поссорился с Кучлуком и ушел «в пределы Кем-Кемчик» (Кем-Кемджиют Рашид ад-дина), т. е. в страну киргизов, куда против него был послан Джучи. Хорезмшах из осторожности вернулся в Самарканд, взял оттуда остальные войска и пришел в Дженд с более значительными силами, надеясь «убить одним выстрелом двух зайцев» [2]. Мергиты, однако, еще перед тем были уничтожены монголами, и султан мог сразиться только с войсками Чингиз-хана, притом без решительного успеха, хотя и принудил врагов к отступлению. Несомненно, что монгольское войско, с которым имел дело хорезмшах, действительно преследовало мергитов; о бегстве последних в страну кипчаков, под начальством царевича Хултуган-Мергена, говорят также монгольские и китайские источники [3]. Рашид ад-дин [4] относит истребление мергитов к году быка (1217 г.); монгольское войско находилось под начальством полководцев Субудая и Тохучара, но в походе принимал участие также старший сын Чингиз-хана Джучи, которого Джувейни, Несеви и Джузджани (с их слов также Мирхонд) называют предводителем монголов. О Хултугане говорится, что он был приведен Джучи, а в другом месте [5], что он бежал к кипчакам: «Джучи-хан послал в погоню за ним войско,

[1] Маркварт (*Komanen*, S. 134, Anm. 1) решительно возражает против этого отожествления, но едва ли вероятна его собственная теория о том, что توق‌تغان — ошибочная транскрипция (falsche Umschreibung) монгольского Тухта-хан и что последнего (которого он отожествляет с Тухта-бики) смешивали с его сыном Худу-ханом. У Рашид ад-дина, как признает сам Маркварт (ibid., S. 131) упомянуты и Худу, и Хултуган, как сыновья Тухта-бики; оба бежали в страну кипчаков, где Худу был убит; Хултуган был взят в плен в битве с Джучи и убит по приказу Чингиз-хана. Мы видим, следовательно, что как раз не Худу, а один Хултуган боролся с монголами в стране кипчаков. Имя Хо-ду в китайской летописи (Ho(k)-tu — ibid., S. 120) может быть также транскрипцией имени Хултуган <قول‌تغان>. — <Как указал П. Пелью, китайское Хо-ду соответствует не имени Хултуган, а имени Ходу (Qodu) «Сокровенного сказания»; Пельо приводит некоторые аргументы в пользу того, что имя Тухта, действительно, может соответствовать имени Туктуган (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 24). — *Ред.* >

[2] Джувейни, изд. Казвини, II, 102; می‌پنداشت که بیک تیر دو نخچیر خواهد انداخت.

[3] Ср. отрывки из *Юань-ши*, приведенные Кафаровым: *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 233, 248.

[4] Изд. Березина, ч. XV, <текст, 50—51, 171>; пер., 31, 115.

[5] Там же, <текст, ч. VII, 93—94>; пер., ч. V, 73.

которое схватило его»; в двух рукописях вместо «послал» сказано «повел»[1]. Что касается даты, приведенной Рашид ад-дином, то хронологические определения этого историка для событий 1215—1225 гг. вообще крайне неточны. Рашид ад-дин в тексте истории пропускает год свиньи (1215), в хронологическом обзоре — год мыши (1216), вследствие чего в первом случае для годов мыши и быка, во втором для последнего неправильно приводятся года хиджры[2]; с 1218 г. даты по обеим эрам опять совпадают, для чего пришлось пропустить 613 г. х.; как в тексте истории, так и в хронологическом обзоре завоевание Мавераннахра отнесено к году змеи[3] (1221), тогда как оно, по всем достоверным источникам, произошло еще в 1220 г. Из рассказа Джувейни можно заключить, что он связывает истребление мергитов с походом Джучи на киргизов; об этом походе упоминает и Рашид ад-дин, относящий его к 1218 г.[4]; но никакими известиями не подтверждается рассказ о бегстве мергитов к киргизам. Нельзя отрицать, что Несеви был хорошо знаком с событиями последних лет царствования хорезмшаха и что он едва ли отнес бы к более раннему времени поход, происшедший в 1218 г. Пока у нас нет более точных данных, следует признать наиболее вероятным, что поход султана в Тургайскую область был начат зимой 1215/16 г. и что столкновение его с монголами произошло летом[5] 1216 г.

По рассказу Несеви, султан с 60-тысячным войском дошел до берега Иргиза, но не мог тотчас переправиться через реку, так как она была покрыта льдом; очевидно, дело происходило ранней весной, и лед уже не мог выдержать конницы. Когда река освободилась от льда, Мухаммед совершил переправу и дошел до поля битвы, где были истреблены мергиты; Джувейни помещает это поле между реками Кайлы[6] и Кимач (?). От одного из раненых мусульмане узнали, что битва произо-

[1] Так по словам переводчика; при издании персидского текста (там же, ч. VII, 94) проф. Березин не привел соответствующего варианта.

[2] Там же, ч. XV, <текст, 49—51, 171>; пер., 29—31, 115.

[3] Там же, ч. XV, <текст, 111, 173>; пер., 73—74, 116.

[4] Там же, текст, ч. VII, 169; пер., ч. V, 131; ч. XV, текст, 171—172; пер., 115.

[5] На это время года указывает рассказ Джузджани о заре, продолжавшейся всю ночь. Маркварт (*Komanen*, S. 133) относит эту битву к 1219 г., что едва ли можно согласовать с наиболее достоверными известиями. Его мнение основано на утверждении Ибн ал-Асира, что Чингиз-хан появился перед Бухарой (в феврале 1220 г.) через пять месяцев после возвращения Мухаммеда в этот город, но невозможно доказать, что Ибн ал-Асир был хорошо знаком с этими событиями. Сам Маркварт (ibid., S. 135) допускает разрыв в три года. По поводу «фантастической» хронологии рассказов китайских авторов см. Pelliot, *A propos des Comans*, p. 162 sq.

[6] Джувейни, изд. Казвини, II, 102. Маркварт (*Komanen, S.* 133) отожествляет эту реку с Хуйли китайской летописи (*Юань-ши*), где эта битва смешивается с бегством хорезмшаха в 1220 г. и датируется 1222 г. н. э.

шла в тот же самый день; султан тотчас решил преследовать победителей и настиг их на рассвете следующего дня. Джучи и другие монгольские военачальники не хотели вступать в битву с мусульманами и объявили, что Чингиз-хан послал их только против мергитов; султан ответил, что считает своими врагами всех неверных и заставил монголов принять битву, которая имела неопределенный исход; в обоих войсках правое крыло одержало верх над левым крылом врагов; правым крылом мусульман начальствовал старший сын хорезмшаха Джелаль ад-дин, храбрость которого спасла мусульман от поражения[1]. Предполагалось, что на следующий день битва будет возобновлена, но под прикрытием ночи монголы отступили; зажженные ими костры обманули мусульман, которые только с наступлением дня убедились, что враги покинули свой лагерь. Храбрость монголов произвела на султана сильное впечатление и была одной из причин, почему он впоследствии не решился встретить их в открытом поле.

Среди мусульманских правителей султан не имел соперников. К 1215 г. он окончательно присоединил к своему государству все бывшие владения Гуридов и поставил во главе их своего сына Джелаль ад-дина. Как известно, в состав владений бамианской ветви Гуридов входили также некоторые области, находившиеся к северу от Аму-Дарьи; среди владетелей, находившихся в плену в Хорезме, упоминается владетель Вахша Джемаль ад-дин Омар[2], вероятно преемник упоминаемого у Джузджани[3] Мелик-шаха. В то время как султан оставался в Мавераннахре, которому угрожало нашествие кочевников, его полководцы подчинили его власти почти всю Персию; даже в отдаленном Омане хутба читалась на имя Мухаммеда[4]. Первую и единственную крупную неудачу на западе Мухаммед потерпел тогда, когда потребовал от халифа, чтобы в самом Багдаде была введена хутба на его имя, т. е. чтобы халиф отказался от светской власти в пользу хорезмшаха, как некогда в пользу Буидов и Сельджукидов. Подобное желание, как мы видели, высказывал еще Текеш; Мухаммед предъявил его в более категорической форме и с этой целью отправил послом в Багдад хорезмийского казия Муджир ад-дина Омара б. Са'да (*от этого лица получил свои сведения историк Несеви*). Багдадское правительство ответило решительным отказом и с своей стороны отпра-

---

[1] Эта подробность, сообщенная у Джувейни (в обеих версиях — см. изд. Казвини, I, 52; II, 103), несколько сомнительна; странно, что Несеви, биограф Джелаль ад-дина, ничего не говорит о роли своего героя в этой битве.

[2] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 39; пер., 66—67.

[3] Пер. Раверти, I, 436, 490; <изд. Нассау-Лиса, 110, 125: ملک شاه وخش>.

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 198.

зило к хорезмшаху шейха Шихаб ад-дина Сухраверди. По Джувейни[1] и Несеви[2], шейх был принят при дворе султана с гораздо меньшим почетом, чем имел право по своему званию и по своим личным достоинствам, хотя Несеви влагает в уста султану несколько более почтительные выражения. Султан заставил шейха простоять некоторое время на дворе[3]; когда шейх вошел, султан, если верить Джувейни, даже не предложил ему сесть. Шейх попросил позволения привести хадис пророка; султан согласился и для слушания хадиса, как требовал обычай, опустился на колени. Смысл хадиса был тот, что пророк предостерегает верующих от причинения вреда семье Аббаса. Султан ответил: «Хотя я — тюрок и плохо знаю арабский язык, все-таки я понял смысл упомянутого тобой хадиса; но я не причинил вреда ни одному из потомков Аббаса и не старался сделать им дурное. Между тем до меня дошло, что в тюрьме повелителя правоверных постоянно пребывают некоторые из них, которые там же плодятся и множатся; если бы шейх повторил тот же хадис в присутствии повелителя правоверных, то это было бы лучше и полезнее». Шейх стал доказывать, что халиф в качестве муджтахида (толкователя предписаний религии) имеет право заключать в тюрьму отдельных лиц ради блага всей мусульманской общины. Посольство шейха не достигло цели, и вражда между обоими правителями только усилилась.

Ответ султана, при всем его остроумии, не мог, конечно, поколебать уважения общества того времени к главе ислама. Совершенно в духе хадиса, приведенного шейхом, Ибн ал-Асир[4] ссылается на «преимущество благородного дома Аббасидов», что всякий, кто хотел причинить ему зло, был наказан за свой поступок или за свое дурное намерение. По Джувейни, султан не желал, чтобы о нем говорили, будто он «ради своих властолюбивых стремлений совершил нападение на имама, присяга которому составляет одну из основ ислама, и бросил на

---

[1] Ср. Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 69—70; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 192—193. В печатном издании Джувейни есть два рассказа (изд. Казвини, II, 96 и сл., 120 и сл.) о вражде между султаном и халифом, но ни в одном из них не упоминается о посольстве шейха. О последнем см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 440.

[2] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 12—13; пер., 21—23. Более подробные сведения об этом посольстве приведены Исма'илом б. Ахмедом б. ал-Асиром (см. Brockelmann, GAL, Bd I, S. 341) в *Китаб 'ибрат улй-л-абсар* (л. 37а). Он утверждает, что войско насчитывало 400 000 человек (явное преувеличение) и что там было три шатра, в одном из которых помещались «князья Персии», во втором — «князья Хорасана» и в третьем — «князья Мавераннахра».

[3] По-видимому, так, вопреки французскому переводу, следует понимать арабский текст.

[4] Изд. Торнберга, XII, 207; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 194.

ветер свою веру[1]»; поэтому ему надо было придумать более благовидный предлог для войны, чем вопрос о хутбе. В таких предлогах не было недостатка; стремясь укрепить свой престол, халиф Насир был так же неразборчив в средствах, как сам Мухаммед. Халиф сблизился с главой исмаилитов, Джелаль ад-дином Хасаном, получил от него некоторых *фидаи*[2] и воспользовался ими для устранения враждебных ему лиц; такой участи подверглись Огулмыш, наместник хорезмшаха в Ираке, и эмир Мекки; последнее убийство произошло на священной территории, во время паломничества, в день праздника Арафат. Наконец, хорезмшах объявил, что в Газне во время взятия города (1215 г.) были найдены документы, из которых было видно, что халиф постоянно подстрекал Гуридов против Мухаммеда. Султану удалось получить от «имамов своих владений» фетву, что имам, совершающий такие поступки, недостоин своего сана, что султан, оказывающий поддержку исламу, проводящий все свое время в войнах за веру и за это подвергающийся интригам имама, имеет право низложить такого имама и назначить другого, наконец, что Аббасиды насильно захватили халифат, принадлежащий по праву Алидам, потомкам Хусейна[3]. На основании такого решения духовных авторитетов султан объявил Насира низложенным, отменил упоминание его имени в хутбе и на монетах и провозгласил халифом сейида Ала ал-мулька Термези[4]. Таким образом, походу хорезмшаха на Багдад был придан характер законности. Хорезмшах в 1217 г. восстановил свою власть в Персии, но зимой того же года отряд, посланный им из Хамадана на Багдад, был застигнут снежными буранами в горах Курдистана и понес огромные потери; остатки его были почти истреблены курдами; только небольшая часть отряда вернулась к Мухаммеду[5].

Престижу хорезмшаха был нанесен жестокий удар, тем более, что

---

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 144—145; изд. Казвини, II, 121: بر هوس ملک قصد امام که رکن اسلام ببیعت او تمام شود ایمان خودرا بر باد داد.

[2] О них см. Dozy, *Essai*, p. 303; Browne, *A Literary History*, vol. II, p. 121 sq.

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34; изд. Казвини, II, 121—122: هر امام که بر امثال این حرکات که ذکر رفت اقدام نماید امامت او حق نباشد وچون سلطانی‌را که مدد اسلام نماید وروزگار بر جهاد صرف کرده باشد قصد کند آن سلطان‌را رسد که دفع چنین امام کند وامامی دیگر نصب گرداند ووجه دیگر آنک خلافت‌را سادات حسینی مستحق اند ودر خاندان آل عباس غصب است.

[4] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 143—145; изд. Казвини, II, 120—122; об Ала ал-мульке см. также изд. Казвини, II, 97; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 66—68; в *Та'рйх-и гузйде* Хамдаллаха Казвини (изд. Броуна, текст, 496, пер., 114) сейид назван Имад ад-дином.

[5] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 207.

народ должен был видеть в этой катастрофе наказание свыше за святотатственный поход. Если верить Ибн ал-Асиру[1], то Мухаммед вернулся на восток потому, что опасался нашествия кочевников на Мавераннахр, но нисколько не отказался от своей вражды к халифу; напротив, прибыв в зу-л-ка'да 614/феврале 1218 г. в Нишапур, он тотчас велел исключить имя Насира из хутбы и объявил, что халиф умер. То же самое было сделано в других городах — в Мерве, Балхе, Бухаре и Серахсе; на Хорезм, Самарканд и Герат это не распространилось, так как эти города не находились в такой зависимости от правительства и пользовались правом вводить и отменять у себя хутбу по своему усмотрению (?). С другой стороны, Ауфи[2] и Несеви[3] уверяют, что сам Мухаммед после своей неудачи выразил раскаяние и постарался, по крайней мере внешним образом, примириться с Багдадом[4]; очень вероятно, что хорезмшах действительно счел нужным сделать эту уступку общественному мнению и что исключение имени Насира из хутбы произошло до похода на Багдад. Факт, что в некоторых городах, между прочим и в самом Хорезме, хутба не была отменена, вероятно, имеет связь с борьбой между султаном и его матерью, причем на стороне последней были военное сословие и духовенство.

Еще в 1216 г. хорезмшах велел умертвить шейха Меджд ад-дина Багдади и этим оскорбил как свою мать, так и духовенство. Молодой шейх был учеником шейха Неджм ад-дина Кубра, основателя суфийского ордена кубреви, существующего и до сих пор. Подобно другим влиятельным шейхам XII и XIII вв., шейх Неджм ад-дин принадлежал к школе, основанной в Мавераннахре переселенцем с запада, шейхом Абу Я'кубом Юсуфом ал-Бузенджирди ал-Хамадани[5] (ум. в 1140 г.). Как основатель школы, так и его последователи редко упоминаются в исторических сочинениях, но несомненно имели большое влияние на население; к числу деятелей этой школы принадлежат святые, высоко чтимые народом и до сих пор, как Хаким-Ата и Ахмед Ясеви[6]. Влияние

[1] Там же. В донесении современника событий, Якова де Витри, епископа Акки <в Палестине>, говорится, что халиф по соглашению с несторианским патриархом отправил послов к «царю Давиду», который победил «хана ханов» и которому Мухаммед перед этим уступил всю страну за Сыр-Дарьей, т. е. к Кучлуку. Под влиянием послов халифа «царь Давид» начал войну с хорезмшахом, вследствие чего последний вернулся в свои владения (Zarncke, *Der Priester Johannes,* II, S. 48, 50—52).

[2] *Тексты,* стр. 84.

[3] *Сират Джелаль ад-дин,* текст, 20—21; пер., 36.

[4] О судьбе халифа, созданного Мухаммедом, нет никаких известий.

[5] *Тексты,* стр. 154 (Яфи'и, *Мир'ат ал-джаннан*); ср. Brockelmann, GAL, Bd II, S. 176 sq. О шейхе ал-Хамадани см. Жуковский, *Развалины Старого Мерва,* стр. 169—172 (из *Кандии;* см. пер. Вяткина, <266—269>).

[6] Ср. статьи: Melioranskij, *Aḥmed Yesewi* (EI, I); Barthold, *Ḥakīm Aṭā* (EI. II).

шейхов на народ могло возбудить опасения в светских правителях, и потому шейхи с самого начала приняли меры к предупреждению подобных столкновений. Еще основатель школы завещал своим преемникам говорить своим мюридам и приверженцам то же самое, что было написано в записке, поданной султану Синджару[1], т. е. в разговорах с народом высказывать такие же верноподданные чувства, как в сношениях с правителями. Если верить Ауфи[2], то подобным тактом отличался и Меджд ад-дин Багдади. Часто упоминаемый у Джувейни и Несеви имам Шихаб ад-дин Хиваки, занимавший в то время должность векиля при хорезмийском дворе, написал шейху письмо, в котором выражал надежду с помощью него «из мрака мирских дел найти путь к свету повиновения и разбить отряды забот мечом раскаяния и усердия». Шейх дал понять векилю, что в царской службе нет греха, что он имеет возможность помогать обиженным, утешать опечаленных и таким путем достигнуть как земного счастия, так и небесного блаженства гораздо вернее, чем посредством поста и молитвы. Тем труднее объяснить причины столкновения между шейхом и хорезмийским правительством. Авторы XIII в. совершенно не упоминают об этом событии; более поздние источники, начиная с Хамдаллаха Казвини[3], все уверяют, что шейх был убит по подозрению в любовной связи с матерью султана[4]. Едва ли это возможно, так как царица в то время уже имела правнука[5]; известие о близости между царицей и шейхом, вероятно, должно быть понято в том смысле, что и здесь, как в других случаях, военное сословие в борьбе с престолом имело духовенство на своей стороне.

Убиение Меджд ад-дина, по рассказу историков, было только гневной вспышкой со стороны хорезмшаха, за которой тотчас последовало раскаяние. Нуждаясь в своей тюркской гвардии, Мухаммед поневоле должен был употребить все старания, чтобы жить с нею в мире. Наемные войска составляли единственную военную силу хорезмшахов; на народные массы в XII в. еще в большей степени, чем прежде, смотрели как на рабочую силу, которую следует держать в полном повиновении. Ал-Катиб ас-Самарканди[6] приводит характерный анекдот о султане

[1] *Тексты*, стр. 51 (*Кандийа*).

[2] *Тексты*, стр. 97.

[3] *Тексты*, стр. 153 (*Та'рӣх-и гузӣде*); Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, изд. Броуна, текст, 788 и сл.; пер., 215 (на стр. 496 текста نجم الدين بغدادى по ошибке, ср. пер., 114).

[4] Подробнее всего см. *Тексты*, стр. 156 <из аноним. рук. Бодлеянской б-ки, Th. Hyde 31, л. 115>.

[5] О возрасте сына Джелаль ад-дина см. Несеви, *Сӣрат Джелāль ад-дӣн*, текст, 84; пер., 140.

[6] *Тексты*, стр. 71.

Синджаре, который будто бы сказал, что ограждение сильных от обиды со стороны слабых еще более необходимо, чем защита слабых от произвола сильных; оскорбление слабых сильными — только несправедливость, тогда как оскорбление сильных слабыми — и несправедливость, и позор. Если народные массы выйдут из повиновения, то произойдет полный беспорядок: «малые будут исполнять дела великих, а великие не могут исполнять дела малых», т. е. простой народ захочет вести жизнь знатных людей, и некому будет исполнять работы, составляющие удел простолюдинов. Еще более характерный отзыв о классе «ремесленников и земледельцев»[1] мы находим в одном из официальных документов времени Синджара: «Они не знают языка царей, и для них недоступно понятие о согласии с правителями или о возмущении против них; все их дела имеют только одну цель — добыть средства к жизни и прокормить жен и детей; ясно, что их не за что упрекать и что они пользуются постоянным спокойствием»[2].

Таким образом, наемное войско составляло единственную опору престола, и государь в собственных интересах должен был отдать ему предпочтение перед гражданскими элементами. Насколько мы можем судить по дошедшим до нас официальным документам, в государстве хорезмшахов существовали те же главные должности, как в сельджукской империи, именно должности везира, казия и мустауфи. Употребление терминов *векиль* и *муширифф* в XII в., по-видимому, несколько изменилось. Кроме «векиля двора»[3], упоминается «векиль собственного дивана»[4], вероятно соответствующий «векилю податей» (*вакӣл-и ҳарджӣ*) монгольского периода[5]. Векиль контролировал поступление денежных сумм, кроме предназначенных для содержания войска; в провинциях ту же обязанность исполняли муширифы[6]. Глава ведомства по своему усмотрению замещал соответствующие должности в провинциях[7]; только провинциальные везиры назначались высочайшими приказами, особенно в тех областях, где наместником был царевич[8]. Из

[1] *Тексты*, стр. 30 (*Иншā'*).

[2] Там же <نه زبان ملوک دانند ونه حفایهٔ وفاق ولاة شناسند ونـه شـفـاق قصارای کار ایشان ترتیب معاش وتربّیت انتعاش زن وفرزندست لاجرم همیشه از ملامت رسته اند وبسلامت پیوسته>.

[3] *Тексты*, стр. 97 (Ауфи).

[4] Там же, стр. 23 (*Иншā'*).

[5] Там же, стр. 117 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 239).

[6] В том же значении термин *муширифф*, по-видимому, употребляется у Несеви (*Сӣрат Джелāль ад-дӣн*, текст, 195; пер., 325).

[7] См. выше, стр. 290.

[8] *Тексты*, стр. 75—76 (Багдади, *Китāб ат-тавассул;* <изд. Бахманйара, 78—90>); Несеви, *Сӣрат Джелāль ад-дӣн*, текст, 102; пер., 170.

военных должностей должность палача (*джандар*), в противоположность государству Сельджукидов, имела большое значение. В документе, написанном от имени Текеша[1], джандар причисляется к «знатным людям гвардии»; в царствование Мухаммеда Аяз, на обязанности которого лежало приводить в исполнение смертные приговоры султана, носил титул Джехан-Пехлеван ('богатырь мира') и стоял во главе отряда из 10 000 всадников[2]. Менее мы знаем о степени могущества главы бюрократии. По-видимому, везир Мухаммеда, Низам ал-мульк Мухаммед б. Мас'уд ал-Хереви[3], был сыном везира Текеша[4], так что мы и здесь, как при прежних династиях, встречаем наследственных везиров. Система военных ленов, получившая распространение при Сельджукидах, продолжала существовать. Военачальник, назначенный при Текеше наместником Барчынлыгкента, в то же время получил «в качестве пожалования, через *дивани-и 'арз*» (т. е. через военное ведомство), одну из главных деревень этой местности, Рабат-Туганин[5]. В то же царствование царевич Яган-Догду получил в качестве милька (владения, свободного от податей) селение Нухас, которое на законном основании было признано выморочным имуществом[6].

Несмотря на казнь любимца царицы, султан до похода на Багдад в общем исполнял все желания своей матери. После низложения Низам ал-мулька Мухаммеда Хереви султан по желанию Туркан-хатун назначил везиром Мухаммеда б. Салиха, бывшего гуляма царицы, который получил титулы Низам ал-мульк и Насир ад-дин[7]. Таким же образом султан назначил в угоду царице наследником престола своего младшего сына Кутб ад-дина Озлаг-шаха, мать которого происходила из того же племени, как Туркан-хатун. Старший сын, Джелаль ад-дин Мангуберти, получил бывшие владения Гуридов, кроме Герата, тогда как малолетний наследник престола был назначен правителем Хорезма, Хорасана и Мазандерана[8]; настоящей правительницей этих областей, конечно, оставалась Туркан-хатун. Против хорезмийского духовенства также не было принято новых мер; только из Бухары и Самарканда были удалены лица, казавшиеся опасными для престола. Бухарский садр Бурхан ад-дин был низложен и отправлен в Хорезм; на его место был назначен Меджд ад-дин Мас'уд б. Салих ал-Ферави,

---

[1] *Тексты*, стр. 78 (Багдади, *Китаб ат-тавассул;* <изд. Бахманйара, 130>).
[2] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 23; пер., 40.
[3] Там же, текст, 28; пер., 50.
[4] О нем см. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 33.
[5] *Тексты*, стр. 74—75 (Багдади, *Китаб ат-тавассул;* <изд. Бахманйара, 38—43>).
[6] Там же, стр. 75 (Багдади, *Китаб ат-тавассул;* <изд. Бахманйара, 43—46>).
[7] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 28; пер., 48—50.
[8] Там же, текст, 28; пер., 44—45.

брат везира (впрочем, между братьями были враждебные отношения); Меджд ад-дин продолжал занимать эту должность до нашествия монголов. Самаркандские «шейхи ислама», именно Джелаль ад-дин, его сын Шемс ад-дин и его брат Аухад ад-дин были отправлены в Неса[1]. Резкое столкновение между султаном и его матерью произошло только после возвращения султана из Ирака, во время его пребывания в Нишапуре (в феврале и марте[2] 1218 г.). Везира Низам ал-мулька султан обвинил в неспособности и лихоимстве, низложил его и отправил в Хорезм со словами: «Вернись к воротам своего учителя». В этих словах уже заключался враждебный намек по адресу царицы. Поведение последней придало столкновению еще более резкий характер; Туркан-хатун устроила низложенному везиру блестящий прием в столице Хорезма и назначила его везиром наследника престола. Султан узнал об этом в Мавераннахре и отправил в Хорезм одного из своих приближенных, Изз ад-дина Тогрула, с приказанием отрубить голову везиру. Туркан-хатун задержала Тогрула и не только не дала ему исполнить волю султана, но даже заставила его объявить публично, в присутствии всего дивана, что султан утверждает Низам ал-мулька[3]. И с этим султан должен был примириться, из чего видно, что в областях, находившихся под управлением Туркан-хатун, власть Мухаммеда фактически не признавалась.

В своих непосредственных владениях хорезмшах после низложения Низам ал-мулька не восстановил значения бюрократии, но передал исполнение обязанностей имперского везира коллегии из шести векилей двора, которые должны были приводить в исполнение только свои единогласные решения; один из них был в то же время начальником дивана документов[4]. Трудно сказать, чем руководился Мухаммед при этой смелой реформе, находившейся в полном противоречии с традициями бюрократии; во всяком случае, замена личного управления коллегиальным в таком виде не могла достигнуть цели. По словам Несеви, народ теперь жалел о времени Низам ал-мулька, несмотря на все произвольные действия этого везира, так как «удовлетворить одного все-таки легче, чем удовлетворить шестерых».

Таким образом, восточно-мусульманский политический строй, созданный Аббасидами и получивший дальнейшее развитие при Тахиридах и Саманидах, теперь дошел до полного разложения. У бюрокра-

[1] Там же, текст, 23—25; пер., 41—43.

[2] В апреле султан уже был в Мерве (Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 207).

[3] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 28—31; пер., 49—55. В переводе (55) Изз ад-дин в одном месте назван Керим ад-дином; в подлиннике этой ошибки нет.

[4] Там же, текст, 32; пер., 56.

тии было отнято всякое значение; военное сословие, во главе которого стояла мать государя, находилось в открытой вражде с носителем верховной власти; духовенство едва ли могло простить хорезмшаху убиение Меджд ад-дина и вынужденную фетву против халифа; народ, освобожденный Мухаммедом от ига неверных, восстал против своих освободителей и был усмирен потоками крови. Итак, Мухаммед не мог опираться ни на один элемент правительственной системы и ни на один класс населения. Понятен исход борьбы между таким государством и свежими силами кочевников, объединенными в это время одним из гениальнейших организаторов всех времен.

Глава IV

ЧИНГИЗ-ХАН И МОНГОЛЫ

В другом месте[1] мы постарались выяснить ход образования кочевой империи Чингиз-хана и основные черты ее устройства. До сих пор мы не имеем основания отказаться от высказанных там соображений, хотя признаем крайне желательным, чтобы монгольские народные предания, составляющие до сих пор почти единственный наш источник по истории Монголии в XII в., в большей степени, чем это возможно теперь для не-синологов, были проверены письменными свидетельствами современников. Если исключить некоторые фантастические подробности, неизбежно возникающие при устной передаче исторических рассказов, то монгольское предание не заключает в себе ничего неправдоподобного. Особенно правдоподобно изображаются отношения кочевников к китайскому правительству, которое вооружало одних кочевников против других, казавшихся ему опасными, но тотчас после окончания такой борьбы должно было принимать такие же меры против своих прежних союзников. В половине XII в. маньчжурская династия Цзинь, господствовавшая в Северном Китае, вела войну с племенем Мынгу (или Мэнгу)-дада, т. е. с монголами. В 1147 г. цзиньский император заключил мир с монгольским государем Аоло-боцзиле[2]. Проф. В. П. Васильев[3] и проф. И. Н. Березин[4] хотели видеть в этом имени тюрко-персидский титул *улуғ вазйр* (великий везир), но мы не знаем примеров принятия подобного титула кочевыми владетелями. Очень вероятно, что в первой части имени мы имеем китайское искажение имени Хутула-кагана, о котором говорят монгольские предания[5]. Господство этой

---

[1] Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, стр. 105 и сл. Английское резюме см. Skrine and Ross, *The Heart of Asia*, p. 151 sq., немецкое — Stübe, *Tschingiz-Chan*, S. 532 sq. М. Хартманн (Hartmann, *Der islamische Orient*, Bd II, S. 598) приписывает точку зрения, изложенную в названной выше статье, самому Штюбе, хотя последний ясно заявляет, что его целью было лишь изложить в общих чертах результаты моих исследований.

[2] Васильев, *История и древности*, стр. 79; Pelliot, *A propos des Comans*, p. 146.

[3] Васильев, *История и древности*, стр. 52, 79.

[4] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XIII, пер., 185, прим.

[5] <Как указал П. Пелью, в слове *боцзиле* (древнее чтение *bögilä), скорее всего,

монгольской династии продолжалось по крайней мере до 1161 г., когда цзиньский император издал манифест, что идет на Мэнгу-дада[1]. Вскоре после этого, по всей вероятности, последовал разгром монголов буирнорскими татарами; в конце того же столетия китайское правительство уже должно было вооружить против этих татар кераитов и монголов. Во время этих войн впервые выдвинулся Темучин с набранной им дружиной из степных аристократов. После победы над татарами, когда первым лицом в Восточной Монголии сделался кераитский хан, эта дружина провозгласила своего предводителя каганом; с согласия Ван-хана кераитского Темучин принял этот титул и восстановил название рода *монгол*, исчезнувшее в самой Монголии после Хутула-кагана. По свидетельству Мэн Хуна[2], слово *монгол* при Чингиз-хане было только официальным термином, совершенно неизвестным самому народу. Еще в официальных документах династии Юань монголы и слившиеся с ними народы в Китае называются монголами, в Монголии — дада[3] (татарами). Приняв для своего народа название монголов, Темучин этим самым объявил себя преемником Хутула-кагана и предъявил также притязание, по всей вероятности неосновательное, на родство с этим лицом. По монгольскому богатырскому сказанию (известному под китайским названием *Юань-чао би-ши*, т. е. «Секретная история династии Юань»), Темучин тогда же учредил десять придворных должностей; при этом в монгольском тексте названия должностей, за исключением должности чэрби, не приводятся, а указываются только обязанности должностных лиц. Эти лица были следующие[4].

(1) Четыре человека, которые должны были «носить лук и стрелы»; впоследствии должности *хорчи* (стрелки).

(2) Трое «заведующих пищей и питьем»; монгольский текст различает заведующих утренним и заведующих вечерним питьем; впоследствии должность *букаул*[5] или *баурчи*.

следует видеть титул, который в конце концов принял у маньчжуров форму *бейле*. П. Пельо считает невозможным усматривать в «Аоло» китайское искажение имени Хутула-кагана (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 24—25). — *Ред.*>

[1] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 114, 1173, примечания.

[2] Васильев, *История и древности*, стр. 219—220.

[3] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 172, примечания.

[4] Там же, 62; ср. объяснения проф. Березина (Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XIII, пер., 255—257, <прим.>). Сведениями о монгольском подлиннике я обязан любезности проф. А. О. Ивановского.

[5] У найманов и у некоторых других народов вместо термина *букаул* был термин *кунсāт*, по восточномонгольскому произношению *кунджāт* (Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 234; пер., ч. V, 176; ч. XIII, текст, 210; пер., 130). <Как указал П. Пельо (который дополнительно ссылается также на ч. XV, текст, 210; пер., 140), правильнее читать *кыт* или *кычат*; см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 25—27. — *Ред.*>

(3) Один «заведующий паствою овец»; у Рашид ад-дина[1] то же самое лицо называется конюшим (*ахтачи*) придворных табунов.

(4) Один «заведующий изготовлением кибиток», собственно телег (*тэргэн*); впоследствии должность *юртчи*; и по Рашид ад-дину, этот человек был назначен тысячником и заведовал кобылицами[2]; в конце своей жизни он был *букаулом* и *баурчи*[3].

(5) Один *чэрби*[4] — «управляющий домашними людьми».

(6) Четыре человека, которые должны были «в одном месте носить мечи»; во главе их был брат Темучина Джучи-Хасар[5].

(7) Двое «заведующих выправкой коней» (*ахта,* впоследствии должность *ахтачи*); одним из них был брат Темучина Билгутэй.

(8) Трое «заведующих паствою табунов».

(9) Четверо «дальних и ближних стрел» (по-китайски *юань-цзянь* и *цзинь-цзянь,* по-монгольски *хола* и *ойра*); по всей вероятности, имеются в виду люди, исполнявшие личные поручения ханов, преимущественно в качестве послов. Обычай посылать «вестовые стрелы» существовал в цзиньской империи[6]; и в монгольской империи впоследствии существовал особый термин для обозначения стрел, в которые вкладывались тайные записки[7].

(10) О двух вельможах говорится, что они были сделаны старейшинами, или, по монгольскому тексту, «охранителями» собрания, без более точного определения их обязанностей. По всей вероятности, им, как главным советникам хана, было поручено наблюдать за порядком в собраниях. Оба лица, о которых здесь идет речь, всегда занимали при дворе Чингиз-хана одно из самых почетных мест; Бугурджи-нойон сидел по правую сторону, выше военачальников[8]; другой, Чжэлме, был одним из начальников гвардии (*кэшик*), причем «не более двух-трех военачальников были старше его»[9].

---

[1] Изд. Березина, текст, ч. VII, 283; пер., ч. V, 213.

[2] Там же.

[3] Там же, текст, ч. VII, 234; пер., ч. V, 175.

[4] Джузджани (пер. Раверти, II, 979) переводит слово *чэрби* (у Раверти по ошибке jazbi) словом *хаджиб;* <в изд. Нассау-Лиса, 340: جزبی . — *Ред.*>.

[5] <Как указал П. Пельо, эти люди на самом деле были носителями сабли, подобно тому как *хорчи* (см. ниже) — носителями колчанов; позднее в источниках они называются *ӱлдӱчи* (üldüči), в классическом монгольском ildüči (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* p. 27). — *Ред.*>

[6] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 191, прим.

[7] D'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. III, p. 434.

[8] Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 271; пер., ч. V, 161.

[9] Там же, текст, ч. VII, 190; пер., ч. V, 143. <По мнению П. Пельо, форма *кэшик* утвердилась лишь в XIV в., а ранее существовали две параллельные формы — *кэзик*//*кэзэк* (käzik//käzäk). Первая из них сохранилась в чагатайском и у некоторых персидских авторов, а в монгольском превратилась позднее в *кэсик* (käsik), а отсюда —

Гвардия Темучина получила более определенное устройство[1] в 1203 г., после победы над кераитами, когда Темучин сделался первым лицом в Восточной Монголии; здесь мы уже встречаемся с монгольскими терминами. Были набраны 70 человек для дневной стражи и 80 для ночной; первые назывались *тургэутами,* вторые — *кэбтэутами* (ед. ч. *кэбтэур*) [2]; те и другие вместе составляли охранную стражу (*кэшиктэн,* в ед. ч. *кэшик*[3] — 'очередь', 'смена'). В состав этой гвардии входили также стрельцы (*хорчи*), стольники (*баурчи*), дверники (в тексте неясно; по-видимому — *эгудэньчи,* от монгольского *эгудэнь,* или *удэнь* 'дверь') и конюшие (*ахтачи*) [4]; хозяйственной частью заведовали *чэрби,* число которых было увеличено до шести. Кроме того, была образована, в качестве личной дружины хана, «тысяча храбрых» (*бахадуров*), которая в военное время составляла авангард, в мирное — часть придворной стражи. Гвардейский караул сменялся каждые три дня.

Новое преобразование гвардии[5] было произведено в 1206 г., когда Темучин разбил найманов, казнил Чжамуху, объединил под своей властью все народы Монголии, «водрузил знамя с девятью белыми хвостами[6] и воссел царем»; тогда же он, согласно официальным источникам, принял титул Чингиз-хана. Отряд кэбтэутов был усилен сначала

в *кэшик.* Форма käzäk дала *käsäk, представленную в китайских транскрипциях эпохи монгольской династии. См. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* pp. 27—29. — *Ред.*>

[1] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 102—103; <изд. Козина, 144 и сл.>.

[2] Несомненно, что мы имеем то же самое слово у Рашид ад-дина в форме كبتاول (изд. Березина, текст, ч. VII, 48; пер., ч. V, 38). Проф. Березин ошибочно читал كيتاول и произвел это слово от глагола كيتمك ('уходить'); см. там же, ч. V, 230. В другом месте (там же, ч. XV, текст, 204; пер., 137) то же самое слово появляется в форме كايتاول (*кайтаул*) вместо كابتاول (*кэбтэул*). <Как указал П. Пельо, следует читать *тургa'ут,* что является множественным числом от *туркак* (=*тургак*), слова тюркского происхождения; от *кэбтэут* единств. число не *кэбтэур,* а *кэбтэул* (käbtäül), в перс. транскрипции كبتاول (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* pp. 29—31). — *Ред.*>

[3] У Рашид ад-дина обыкновенно كزيك. Проф. Березин приписывает слову *кэшиктэн* значение 'благословенные' (там же, ч. XIII, пер., 185, прим.). Примеры употребления термина كشيك собраны Катрмером (Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 309—311, прим.).

[4] Термин *ахтачи* встречается в *Юань-чао би-ши* даже в истории Сенгуна, см. текст: Pelliot, *A propos des Comans,* p. 180, note.

[5] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 125—130; <изд. Козина, 169 и сл.>.

[6] По Мэн Хуну (Васильев, *История и древности,* стр. 231), в середине этого знамени была изображена черная луна. <Согласно поправке П. Пельо — «белое знамя с девятью хвостами»; о значении этого выражения см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* p. 32. Что касается описания Мэн Хуна (=Чжао Хуна), то оно относится к знамени Мухули (Muqali, см. ниже); П. Пельо полагает, что черная луна была отличительным знаком только на знамени Мухули и не помещалась на знамени Чингиз-хана (см. там же). — *Ред.*>.

до 800 человек, потом до 1000; число хорчи было доведено сначала до 400, потом до 1000 человек; таким же образом была сформирована тысяча тургэутов; по образцу «тысячи бахадуров» были сформированы и вошли в состав гвардии еще шесть тысяч; таким образом, последняя заключала в себе теперь до 10 000 человек. Караул был разделен на четыре очереди, из которых каждая по-прежнему продолжалась трое суток. О способе пополнения гвардии говорится, что каждый сын тысячника (очевидно, из прежнего состава) должен привести с собой одного родича и десять товарищей, сын десятника и вообще каждый свободный человек — одного родича и трех товарищей. Было объявлено, что «кто желает вступить в гвардию, тому никто не должен препятствовать». Особенно строгие правила были установлены относительно ночной охраны ханской ставки; после наступления сумерек стража задерживала всякого, кто ходил около ставки взад и вперед; входить в ханский шатер можно было только в сопровождении стражи; против того, кто входил в ставку неожиданно, стража употребляла в дело оружие. Никто не смел наводить справки о числе стражи в какой-нибудь день; с виновного в этом брали в качестве штрафа оседланную лошадь и одежду.

Гвардия была подчинена строгой дисциплине; кто не являлся в день своей очереди, в первый раз получал 30 палок, во второй раз — 70 палок, в третий раз, после получения 37 палок, подвергался изгнанию. Таким же наказаниям подвергались начальники, забывшие напомнить подчиненным о дне очереди. С другой стороны, гвардейцы пользовались большими привилегиями; гвардейский рядовой стоял выше армейских тысячников, нестроевые чины гвардии — выше армейских сотников. Начальники гвардии не имели права самовольно наказывать своих подчиненных и должны были доносить обо всех их проступках хану; существовало правило: «Кто будет самовольно наказывать своих подчиненных прутьями, того самого наказать прутьями; кто будет бить кулаками, того тоже кулаками». Эту привилегию гвардейцы, как люди, близкие хану, сохраняли и при отдаленных походах. Отправляя в поход Субудай-бахадура, Чингиз-хан дал ему такую инструкцию: «Кто ослушается приказов, того, если он известен мне, приведи сюда, если же нет, то казни на месте»[1]. Гвардия принимала участие в войне только в том случае, когда в поход выступал сам хан; в лагере первоначальная «тысяча бахадуров» располагалась впереди ханской ставки, хорчи и тургэуты — по правую сторону, остальные 7000 — по левую. Тысяча бахадуров и воины, входившие в состав первоначальной гвардии, пользовались бóльшим почетом, чем остальные.

[1] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 111; <изд. Козина, 153—154>.

Из гвардии Чингиз-хана вышло большинство его военачальников; таким образом, благодаря этому учреждению начальство над военными силами на всем пространстве империи находилось в руках людей, лично испытанных ханом; результат деятельности этих полководцев показывает, с каким искусством и с каким знанием людей Чингиз-хан выбирал своих помощников. Народные массы должны были быть только орудием в руках избранников Чингиз-хана, который даже в приписанных ему изречениях нигде не обращается ко всему народу и не говорит о своих заслугах перед ним, а перечисляет только сделанное ханом для своих потомков и своих аристократических приверженцев. Высшую аристократию в империи составляли князья, нойоны. Титул «великого нойона» носил младший сын Чингиз-хана, Тулуй [1], который был главным помощником своего отца в военных делах [2]; нойонами назывались также младшие братья Темучина, Тэмуга и Билгутэй [3]. Вообще из потомства братьев Чингиз-хана только потомки Джучи-Хасара получили права царевичей; остальные вошли в состав аристократии [4]. Военная аристократия носила, как у тюрков, название тарханов; привилегии тарханов, по словам Джувейни [5], заключались в следующем: они были освобождены от всяких податей; вся добыча, захваченная ими на войне или на охоте, составляла их полную собственность [6]; во всякое время они могли входить во дворец без особого разрешения; они привлекались к ответственности только за девятое совершенное ими преступление [7] (при этом, однако, имелись в виду только те преступления, которые влекли за собой смертную казнь) [8]. Во время пира тарханы занимали почетные места и получали по чарке вина [9].

Во главе войска, как у всех кочевых народов задолго до Чингиз-хана, стояли десятники, сотники, тысячники и темники (начальники десятитысячных отрядов). При Чингиз-хане было три главных темника: один, Мухули, стоял во главе левой, восточной стороны (у монголов самой почетной стороной считалась южная [10]); другой, Бугурджи — во

---

[1] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XIII, <текст, 126 الغ نويان>; пер., 77.

[2] *Тексты*, стр. 105 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 29).

[3] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XIII, <текст, 97, 100>; пер., 60, 62.

[4] Там же, <текст, 87>; пер., 55.

[5] *Тексты*, стр. 104 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 27).

[6] Ср. *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 98, 124; <изд. Козина, 140, 167>.

[7] Ср. там же, пер. Кафарова, 115, 116, 120, 122, 124; <изд. Козина, 159, 161, 164, 166, 167>.

[8] Там же, пер. Кафарова, 223, прим.

[9] Там же, пер. Кафарова, 98, 123; <изд. Козина, 141, 167>.

[10] Там же, пер. Кафарова, 83 <в изд. Козина, 127, перевод иной>, 203, прим. Ср. также рассказ Плано Карпини о поклонении духу Чингиз-хана на юг (изд. Языкова, 84); ср. латинское издание (изд. д'Авезака, 621); <пер. Малеина, 8>; нет в переводе Рокхилла.

главе правой, западной; третий, Ная — во главе «средней рати»[1] У Рашид ад-дина Ная назван только помощником Мухули; такого же помощника имел Бугурджи-нойон; соответствующий титул, насколько известно, не встречается в монгольских источниках, и произношение его сомнительно[2]. За самовольный переход от одного начальника к другому виновный подвергался смертной казни в присутствии войска, а принявший его начальник — строгому наказанию[3]. Точные правила были установлены также для царской охоты, которая в монгольских государствах была не только забавой, но прежде всего источником продовольствия; кроме того, она имела значение маневров для войска[4]. Нарушение правил охоты иногда влекло за собою даже смертную казнь[5]. Впоследствии Чингиз-хан поручил заведование охотой своему старшему сыну Джучи[6].

С бо́льшими трудностями было соединено устройство гражданского управления. Несомненно, что монголы Чингиз-хана находились на очень низкой степени культуры даже по сравнению со своими соплеменниками, кераитами и найманами; оттого тотчас после объединения Монголии, еще до покорения культурных областей, явилась необходимость сделать заимствования у покоренных народов. Первыми представителями культуры при дворе Чингиз-хана (еще до 1203 г.), о которых до нас дошли сведения, были мусульманские купцы[7]; о степени их влияния на Чингиз-хана мы ничего не знаем; возможно, что они принимали некоторое участие в выработке устройства гвардии. Письменное делопроизводство возникло в государстве Чингиз-хана после покорения найманов (1206 г.); уйгур Ташатун, хранитель печати найманского хана, занял ту же должность при дворе Чингиз-хана; кроме того, ему было поручено обучить уйгурской грамоте сыновей хана[8]. По Джувейни[9],

[1] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 116—117, 124; <изд. Козина, 161, 168>.

[2] Проф. Березин в одном случае принял чтение سوتوكرسون и толкует его как монгольские *сутукэрсэн* 'отборный', 'умный' (Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 260; пер., ч. V, 195, 297, прим.); в других местах (ч. XV, текст, стр. 198, 199, 205, 209) он читает سونكوسون и производит это слово от тюркского سونك 'после' (там же, 177).

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 12; изд. Казвини, I, 24: آنكس‌را كه تحويل كرده شد در حضور خلايق بكشند وآنكس كه اورا راه داده باشد نكال وعقاب كنند.

[4] D'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. I, pp. 404—406.

[5] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 10; изд. Казвини, I, 20 وبسيار باشد نيز كه بكشند.

[6] *Тексты,* стр. 104 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 29).

[7] *Тексты,* стр. 159 (*Му'изз ал-ансаб*); Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана,* стр. 112.

[8] Abel-Rémusat, *Tha-tha-toung-'o,* p. 61. <Как указал П. Пельо, «Ташатун» — ошибочное чтение, вместо Та-та-тун-а (T'a-t'a-t'ong-o) (по *Юань-ши*); исходная уйгурская форма этого имени пока не установлена, но вторая часть его, очевидно, — тюркское *тонга* 'герой' (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* pp. 33—35). — *Ред.*>

[9] *Тексты,* стр. 103 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 17).

татары не имели своего алфавита; поэтому монгольские юноши должны были научиться грамоте у уйгуров, чтобы потом составить свод Ясы, т. е. монгольского обычного права. Что касается ханской печати, то исторические известия показывают, что она была двух родов, для обозначения которых употреблялись тюркские термины *āl ṭamġa* ('алая печать') и *kök ṭamġa* ('синяя печать'). Первый термин встречается очень часто[1]; синяя печать, по-видимому, употреблялась только в самых торжественных случаях, преимущественно в документах, адресованных на имя особ царского рода[2].

Таким образом, первыми учителями монголов и первыми чиновниками монгольской империи были уйгуры; впоследствии уйгурские чиновники вместе с монгольскими завоевателями пришли в культурные страны и как в Китае, так и в мусульманских странах успешно выдерживали конкуренцию с туземцами, гораздо более образованными. Несомненно, что цивилизация начала проникать в Притяньшанье очень рано, притом с разных сторон: из Китая, Индии (буддизм) и Туркестана (манихеи[3] и несториане); но отсутствие внешней безопасности не позволило уйгурам воспользоваться уроками своих учителей для образования прочной национальной культуры. Ход внешней истории Уйгурии и в особенности ход развития уйгурской образованности до сих пор еще мало выяснены; некоторый свет внесли археологические открытия последнего времени[4], но окончательно выяснить их значение можно будет только после основательного исследования письменных источников, преимущественно китайских. Ограничимся поэтому изложе-

[1] Между прочим, еще у Джузджани (пер. Раверти, II, 1158); <изд. Нассау-Лиса, 402 الطمغاج>.

[2] Пример употребления синей тамги см. Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 51; пер., ч. V, 40. По-видимому, лицо, о котором здесь говорится, принесло от великого хана документ на имя ильхана Абаги и по этому документу получило придворное назначение. <По мнению П. Пелью, предположение В. В. Бартольда о значении *ал тамга* и *кök тамга* необоснованно; единственный известный нам непосредственно вид печати монгольских государей — *ал тамга*. Гипотезу П. Пелью о значении выражения *кök тамга* см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 35—42. — *Ред.*>

[3] Хорошо известно, что уйгуры на Орхоне встретили манихейских учителей в Лоянe в Китае в 762 г. н. э. См. Chavannes—Pelliot, *Un traité*, JA, I, p. 177 sq. (=отд. отт., II, p. 201).

[4] *Nachrichten*, H. I. О более поздних открытиях см. Barthold, *Stand und Aufgaben*, S. 1075—1080, где указываются некоторые справочные работы. Более полный список литературы по этому предмету см. Stein, *Serindia*, Introduction, p. XXV sq., где, однако, пропущены работы Ле Кока. Насколько мне известно, разрозненные сведения об уйгурах, которые могут быть собраны на основании новейших открытий, не стали еще предметом исчерпывающего монографического исследования. <См. новые исследования об уйгурах: Gabain, *Das uigurische Königreich*; Hamilton, *Les Ouïghours*. — *Ред.*>.

нием того, что мы знаем о состоянии страны в XIII в. По словам Ауфи[1], кара-китаи и уйгуры частью поклонялись солнцу, частью были христианами; вообще среди них встречались все религии, кроме еврейской, но уйгуры большею частью были христианами. Государственное устройство Уйгурии современникам Ауфи было так хорошо известно, что говорить о нем подробно казалось излишним. Тот же автор[2] в одном из приводимых им анекдотов говорит об уйгурах, как о мирном народе, не обладавшем никакими военными доблестями. О преобладании христианства среди уйгуров, кроме Ауфи, говорит также Плано Карпини[3]; едва ли, однако, в Уйгурии христиане были многочисленнее буддистов. Слово *бахши* (санскр. *бхикшу*), первоначально обозначавшее только буддийских отшельников, в монгольских государствах приняло также значение «писец, чиновник»[4], из чего можно заключить, что представители уйгурской интеллигенции, находившиеся на службе у монголов, большею частью принадлежали к буддийскому духовенству. Некоторые подробности об уйгурских буддистах сообщает Рубрук[5], по словам которого они среди идолопоклонников составляли «как бы особую секту» (quasi secta divisa ab aliis). При молитве уйгуры обращались лицом к северу, складывали руки, становились на колени и прикасались лбом к рукам; в храмах ставили изображения умерших людей; при богослужении употребляли колокола. Рубрук приводит буддийскую молитву *Ом мани падмэ хум*. По Чан-чуню[6], буддийские монахи в Уйгурии носили красную одежду; тот же путешественник видел в Уйгурии и даосцев, что архимандриту Палладию кажется очень невероятным[7]. Манихеев, которые в IX и X вв. упоминаются в Уйгурии рядом с буддистами как в мусульманских[8], так и в китайских источниках[9], в XIII в., по-видимому, уже не было; но следы их учения сохранялись

[1] *Тексты,* стр. 99.

[2] Там же, стр. 95.

[3] Изд. Языкова, 128; изд. Бизли, 69, 103, 144; <пер. Малеина, 18>.

[4] Ср. словарь Будагова под словом بخشى.

[5] Изд. Мишеля—Райта, 283—287; <пер. Малеина, 107—109>.

[6] Чан-чунь, пер. Кафарова, 300. У Бретшнейдера (Bretschneider, *Researches,* vol. I) нет. Ср. Chavannes—Pelliot, *Un traité,* JA, I, p. 317 (=отд. отт., II, p. 279), где текст переведен: «habit brun».

[7] Чан-чунь, пер. Кафарова, 406, прим. — Шаванн и Пелью (Chavannes — Pelliot, *Un traité,* JA, I, p. 317=отд. отт., II, p. 279) допускают, что предполагаемые даосисты в действительности были манихеями.

[8] Бартольд, *О христианстве в Туркестане,* стр. 18; особенно текст у Якута (*Му'джам,* I, 840); о буддистах еще см. Бируни (*Āṯār ал-бāқийа,* пер. Захау, 189).

[9] Особенно в путешествии Ван Янь-дэ (*Кутадгу билик,* изд. Радлова, ч. I, стр. LXIX; Радлов, *К вопросу об уйгурах,* стр. 100. В. В. Радлов ошибочно отнес это известие к христианам). Тот же текст см. Chavannes—Pelliot, *Un traité,* JA, I, p. 308 (=отд. отт., II, p. 270).

как в буддийских, так и в христианских верованиях. Рубрук имел диспут с представителем буддизма, пришедшим из Китая, причем этот буддист особенно настаивал на учении о двух началах, добром и злом, и о переселении душ; по этому случаю Рубрук замечает, что все они придерживаются манихейской ереси о двух началах и о переселении душ животных; даже один из более образованных несторианских священников спросил Рубрука, существует ли для животных другой мир, где они свободны от принудительного труда [1]. Последняя идея, конечно, могла быть заимствована несторианами от буддистов, независимо от манихеев; более определенные признаки манихейского влияния мы находим в космогонической теории армянина Сергия (выдававшего себя при монгольском дворе за отшельника), который обратился к Рубруку с вопросом: «Разве диавол не принес в первый день земли с четырех стран света и не вылепил из глины тела человека, а бог вдохнул ему душу?» [2]. Сергий, не имевший никакого книжного образования, несомненно слышал это учение в Средней Азии. Уйгурские буддисты, как теперь монгольские, называли свои священные книги номами [3]; несом-

[1] Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 356—358; <пер. Малеина, 153>.

[2] Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 332; <пер. Малеина, 137>.

[3] *Кутадгу билик,* изд. Радлова, ч. I, стр. XLVII; Радлов, *К вопросу об уйгурах,* стр. 60; Джувейни, изд. Казвини, I, 44. Термина «номисты» (نومیان) никогда не было; чтение рукописей показывает, что имеется в виду слово تویناں — *тойны,* которым, как известно, и теперь обозначается буддийское духовенство в Монголии; в XIII в. этот термин имел широкое распространение (Джузджани, пер. Раверти, II, 1157). Чтение تویناں принято также в печатном издании Джувейни (изд. Казвини, I, 44). У Ауфи (*Тексты,* стр. 83), со слов Шекика б. Ибрахима Балхи, жившего в конце VIII и начале IX в., передается рассказ о встрече Шекика в Туркестане с буддийским жрецом, носившим красную одежду; при этом говорится, что эти жрецы на китайском языке (вероятно, на языке кара-китаев) назывались тойнами, а в Индии носили название sthavira (объяснением этого слова я обязан С. Ф. Ольденбургу).

<Термин *тойн* встречается как у персидских (в форме توین), так и армянских *(тоин)* авторов XIII в. в значении 'буддийский монах'. Джузджани (пер. Раверти, II, 1157; изд. Нассау-Лиса, 401) говорит о них: زّهاد کفّار چین وبت‌پرستان تنکوت وطمغاج که ایشانرا توینان میکویند بر کیک استیلا یافتند 'Оборище неверных аскетов *(зухкад)* из Китая и идолопоклонников *(бутпарастан,* т. е. буддистов) из Тангута и Тамгача, которых называют тойнами, приобрело влияние на Гуюка'. В изд. Нассау-Лиса, по ошибке издателей, всюду вместо توین дано чтение نوین; в переводе Раверти — Tuni. Киракос Гандзакский (*История монголов по армянским источникам* II, 107) пишет: «Между татарами живет народ тоины, который весь состоит из волхвов и колдунов, которые при помощи какой-то дьявольской силы заставляют говорить лошадей, верблюдов, войлочных идолов. Все они жрецы, бреют себе головы и бороды, а на груди носят желтые филоны. Они поклоняются всякой всячине, в особенности Шакмони и Мадрину» (т. е. будде Шакьямуни и Майтрейе). — *Ред.*>

ненно, что это греческое слово (заимствованное сирийцами) было принесено в Уйгурию манихеями.

Религиозного антагонизма между уйгурскими буддистами и христианами, насколько известно, не было, хотя несториане принимали меры к тому, чтобы их не смешивали с буддистами; с этой целью они не употребляли колоколов и не складывали рук при молитве, но протягивали их перед собой в уровень с грудью [1]. Во всяком случае, национальное чувство было сильнее религиозного; уйгур-христианин Чингай покровительствовал буддисту Куркузу за то, что тот был уйгуром [2]. Степень веротерпимости уйгурских христиан видна также из того, что глава их выехал навстречу даосскому отшельнику Чан-чуню [3]. С другой стороны, как буддисты [4], так и христиане [5] были ожесточенными врагами мусульман, хотя, если верить Рубруку [6], несториане переняли некоторые мусульманские обряды: праздновали пятницу и совершали омовение при входе в церковь. Очень вероятно, что эту вражду следует объяснить не столько религиозными мотивами, сколько соперничеством сначала из-за коммерческих выгод, потом из-за выгод государственной службы.

Вообще религия едва ли имела большое влияние на уйгуров и едва ли много способствовала поднятию нравственного и умственного уровня. Среди уйгуров еще сохранялся обычай жениться на вдове отца [7], исчезнувший, под влиянием буддизма, теперь у монголов [8]. Обычай умерщвления стариков слишком жирной пищей соблюдался не только язычниками, но и «нечестивыми христианами» [9]. Христианин Чингай,

[1] Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 283—284; <пер. Малеина, 106—107>.

[2] Джувейни рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 185; изд. Казвини, II, 228: بواسطه آنک ایغور بود. Проф. Пельо (Pelliot, *Chrétiens,* p. 634) думает, что Куркуз, возможно, был христианином, так как его имя представляется искажением имени Георгий; но мы располагаем свидетельством Джувейни (изд. Казвини, II, 242), отец которого был лично знаком с Куркузом, что он был идолопоклонником (بت‌پرست) и стал мусульманином в конце своей жизни.

[3] Чан-чунь, пер. Кафарова, 301, 407, прим.; Bretschneider, *Researches,* vol. I, p. 66.

[4] *Кутадгу билик,* изд. Радлова, ч. I, стр. XLVIII; Радлов, *К вопросу об уйгурах,* стр. 61; Джувейни, изд. Казвини, I, 44.

[5] *Тексты,* стр. 111 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 214).

[6] Изд. Мишеля—Райта, 293; <пер. Малеина, 111>; Oppert, *Der Presbyter Johannes,* S. 142.

[7] *Тексты,* стр. 116 (Джувейни; то же — изд. Казвини, III, 226).

[8] Васильев, *История и древности,* стр. 246.

[9] Плано Карпини, изд. Языкова, 98—100; <в пер. Малеина нет; это известие, вызывающее большое сомнение, не принадлежит Плано Карпини, а является добавлением, сделанным Винцентом из Бове, на основании устного рассказа брата Симона, спутника монаха Асцелина во время путешествия последнего в Иран в 1247 г.; Асцелин не был ни в Уйгурии, ни в Монголии. — *Ред.*>. Ср. Васильев, *История и древности* стр. 254.

впоследствии стоявший во главе гражданского управления империи, в разговоре с Чан-чунем обнаружил грубое суеверие, которое со стороны даосского отшельника вызвало только презрительное молчание[1]. Что касается упадка воинского духа, то он вполне объясняется обращением уйгуров в торговый народ, хотя, конечно, тут могло оказать влияние также развитие буддийского и христианского аскетизма, везде и всегда имевшего больший успех среди народных масс, чем догматическая сторона религии.

О характере преподавания уйгурских педагогов мы мало знаем. Несторианские педагоги знакомили своих воспитанников с основами христианства, с Евангелием и с символом веры[2]; очень вероятно, что педагоги-буддисты также излагали основы своей религии. Однако Чингиз-хан и его ближайшие преемники не подчинялись всецело влиянию своих культурных советников, но видели в них только орудие для достижения своей цели. Первым последствием принятия уйгурской письменности была кодификация монгольского обычного права (Яса), которое вместе с изречениями Чингиз-хана (*билик*), долго оставалось для монгольских государей высшим авторитетом (ср. выше, стр. 89). Из близких к Чингиз-хану лиц, по-видимому, раньше других усвоил себе уйгурскую образованность Шики-Хутуху-нойон, татарин по происхождению, еще в младенчестве усыновленный женой Чингиз-хана[3]. Чингиз-хан поручил ему решение судебных дел, причем, по богатырскому сказанию, дал ему следующее наставление: «Тебе поручаю судить и карать по делам воровства и обмана; кто заслужит смерти, того казни смертью; кто заслужит наказания, с того взыскивай; дела по разделу имения у народа ты решай. Решенные дела записывай на черные дщицы, дабы после другие не изменяли»[4]. Термин для обозначения судьи

[1] Чан-чунь, пер. Кафарова, 296; Bretschneider, *Researches,* vol. I, p. 61. Вскоре после этого Чан-чунь выразил свое мнение о страхе перед «горными оборотнями» в следующих словах: «Нечистые оборотни и демоны, встретив прямого человека, бегут от него далеко; об этом писано и в книгах, и кто этого не знает? Зачем даосам заботиться о подобных вещах?» (Чан-чунь, пер. Кафарова, 298—299; Bretschneider, *Researches,* vol. I, p. 64).

[2] Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 293; <пер. Малеина, 112>; *История монголов по армянским источникам,* I, 11.

[3] Рашид ад-дин, изд. Березина, <текст, ч. VII, 73>; пер., ч. V, 58; ч. XV, <текст, 201—202>; пер., 136.

[4] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 115. По Рашид ад-дину (изд. Березина, текст, ч. VII, 75; пер., ч. V, 59), он верно исполнял эту обязанность, отличался беспристрастием в допросах и не придавал значения признанию, сделанному под влиянием страха; его судебные решения остались образцом для последующего времени. <Как указал П. Пельо, перевод Кафарова («черные дщицы»), которому следуют В. Бартольд и В. Владимирцов, неверен. На самом деле, *цин-цэ* (ts'ing-ts'ö) в китайском переводе *Юань-чао би-ши* является буквальным переводом термина *көкэ дэбтэр* 'синяя тетрадь',

(*яргучи*) в богатырском сказании (т. е. в *Юань-чао би-ши*) еще не встречается. Впоследствии хранителем Ясы был второй сын Чингиз-хана Чагатай [1].

Звание «великого бахши», т. е. главы гражданского управления в какой-нибудь местности, обозначалось китайским термином *тайши* [2]. При жизни Чингиз-хана титул тайши носил представитель монгольской гражданской власти в Китае, по происхождению чжурчжэнь [3]. Начальники вспомогательных войск кара-китайского и чжурчжэньского носили титул *дайши*, что, по словам Рашид ад-дина [4], значило «начальник тюменя» (десятитысячного отряда); однако несомненно, что мы имеем здесь то же самое слово тайши [5].

Несмотря на свое сближение с представителями культуры, Чингиз-хан остался верным шаманистом; устроив военное и гражданское управление, он заместил также должность *бики*. Звание *бики* существовало задолго до Чингиз-хана и, по-видимому, обозначало первосвященника, высший религиозный авторитет. Назначенный на эту должность старейший представитель племени барин получил такую инструкцию: «Езди на белой лошади, одевайся в белое платье и в обществе садись на высшее место; выбирай добрый год и луну, и по рассуждении да чтут и уважают», т. е., по толкованию архимандрита Палладия: «как ты решишь, пусть это решение чтут и уважают» [6]. То же самое слово

В *кökö дэбтэр* записывалось распределение между монгольской знатью подвластного населения, а также судебные решения; см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 38—40. На полях экз. Бартольда (англ. изд.) в этом месте пометка: «по Pelliot 39 ts'ing-ts'ö перевод kökö däbtär». — *Ред.*>

[1] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 100; *Тексты*, стр. 104—105 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 29).

[2] Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 190; пер., ч. V, 143; ч. XV, текст, 207; пер., 138.

[3] Васильев, *История и древности*, стр. 223. <Иное объяснение этого места из *Мэн-да бэй-лу* дает П. Пельо; см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 46—49. — *Ред.*>

[4] Изд. Березина, ч. XV, текст, 214; пер., 143.

[5] <Как указал П. Пельо, Н. И. Березин принял неверное чтение *дайши* вместо *ваншай* (ونشى — ср. Рашид ад-дин, изд Березина, ч. XV, текст, 214), что соответствует китайскому *юань-шуай* 'генералиссимус' (ом. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 42—43). На полях экз. Бартольда (англ. изд.) в этом месте пометка: «Неверн. чтение, Pelliot 43 надо ونشى кит. yuan-chouai „généralissime"». П. Пельо указал также, что звания «великого бахши» (*бахши-йи бузург*, как поясняет Рашид ад-дин титул *тайши*) у монголов на самом деле не существовало, а сам термин *тайши* обозначал вообще всякого высшего сановника (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 44—45). — *Ред.*>

[6] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 122—123, 228—229, прим.; <изд. Козина, 166>. По-видимому, то же самое лицо упоминается у Рашид ад-дина, который ошибочно принял слово *бики* за собственное имя (изд. Березина, пер., ч. V, 198).

бики встречается в титулах некоторых государей, например мергитского[1] и ойратского[2].

Рядом с такой личностью, какой был Чингиз-хан, его родственники, конечно, не пользовались никаким авторитетом и могли быть только исполнителями воли гениального главы империи; все-таки Чингиз-хан подчинился народному обычаю и еще при жизни назначил уделы своим сыновьям и другим родичам. Первым был выделен старший сын Чингиз-хана Джучи, когда в 1207[3] и 1208[4] гг. были покорены «лесные народы», занимавшие страну между Селенгой и Енисеем и бассейн последнего. Джучи овладел «всеми народами, обитающими в лесах, от рода Шибир на юг», и отец подарил все эти народы ему[5]. Рашид ад-дин[6] помещает страну Ибир-Шибир к северо-востоку от страны киргизов, от которой ее отделяла Ангара. По-видимому, монгольский обычай не только требовал, чтобы коренные владения отца перешли к младшему сыну, но также чтобы степень отдаленности удела каждого сына соответствовала его возрасту. Джучи, как старший сын, получил самый отдаленный удел; после расширения пределов империи к нему и его потомкам перешли все монгольские завоевания на крайнем северо-западе, «до тех мест, куда доходили копыта татарских коней»[7]. Рашид ад-дин[8] помещает орду (*юрт*) Джучи в «пределах Иртыша». По свидетельству Плано Карпини[9], именно эта часть владений Джучи, против обычая, перешла к его старшему сыну Орду. Позднейшее предание, по которому гробница Джучи находилась в бассейне Сары-су, близ

---

[1] Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 92; пер., ч. V, 72.

[2] Там же, текст, ч. VII, 101; пер., ч. V, 79; *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 131. По-видимому, слово *бики* не тожественно с титулом *биге* или *биги,* прилагавшимся к царевнам (Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 127 и сл.; пер., ч. V, 100—101; *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 228). <Об этом титуле см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* pp. 49—51; более правильное чтение — *беки* (или *беги*) — *Ред.*>

[3] К этому году богатырское сказание (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 141—142) и Рашид ад-дин (изд. Березина, ч. XV, <текст, 13, 168>; пер., 9, 112—113) относят покорение киргизов.

[4] В этом году покорились ойраты (Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, <текст, 14>; пер., 10).

[5] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 132; <изд. Козина, 174—175>.

[6] Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 168; пер., ч. V, 130. Термин Ибир-Шибир (отсюда название Сибири) встречается и в китайской истории (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 235, прим.; Bretschneider, *Researches,* vol. II, p. 37).

[7] *Тексты,* стр. 105 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 31).

[8] Рук. ГПБ V, 3, 1, л. 187: در حدود اردیش. В рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 202б прибавлено: وکوههای التان; в изд. Блоше, стр. 131 التای.

[9] Плано Карпини, изд. Языкова, 28; изд. Бизли, 123, 167; <пер. Малеина, 51>,

речки Сарайли, несколько севернее речки Терс-Кендерлик[1], едва ли заслуживает доверия.

О том, когда были выделены два других сына Чингиз-хана, Чагатай и Угэдэй, мы не имеем сведений. Древнейшие известия об их уделах мы находим у Чан-чуня, проезжавшего в этой местности в 1221 г. и на обратном пути в 1223 г. Орда Чагатая в это время уже находилась к югу от Или[2]; об орде Угэдэя не говорится, но известие о дороге, проложенной им через Южный Алтай[3], показывает, что и он фактически осуществлял свою власть в местности, составлявшей его удел. По Джувейни[4], юрт Угэдэя при жизни его отца находился в пределах Эмиля и Кобука; из той же местности[5] Угэдэй прибыл на курултай 1229 г. Слова Рашид ад-дина[6] о месте погребения Угэдэя показывают, что в состав его юрта входил также бассейн верхнего Иртыша.

Мы видели (стр. 430), что уже в 1211 г. монгольские отряды доходили на запад до Семиречья и присоединили к монгольской империи северную часть этой области; но в том же году началась война с Китаем, заставившая Чингиз-хана направить все свои силы в эту сторону и на время оставить в покое бежавших на запад найманов и мергитов. Победы, одержанные Чингиз-ханом в Китае и увенчавшиеся в 1215 г.[7] взятием Пекина, прославили его имя гораздо более, чем объединение монгольских племен. Богатства Китая всегда привлекали мусульман; естественно, что после победы над гурханом хорезмшах, как некогда Хаджжадж и его наместники (см. выше, стр. 243), стал мечтать о завоевании Китая (конечно, после окончания

---

[1] Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях,* ч. 2, стр. 307—308 (текст из *'Абдулла-наме* Хафиз-и Таныша).

[2] Чан-чунь, пер. Кафарова, 337; Bretschneider, *Researches,* vol. I, p. 99.

[3] Чан-чунь, пер. Кафарова, 296; Bretschneider, *Researches,* vol. I, p. 62.

[4] *Тексты,* стр. 105 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 31, где чтение قونـاق принято вместо قوناق).

[5] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 63; از ايميل وقوناق (в изд. Казвини, I, 145 — снова قوناق). В китайской истории — Хобого (*Юань-ши,* пер. Бичурина, 148) и Хо-бо (Bretschneider, *Researches,* vol. I, p. 161, из *Юань-ши*). Слова проф. Н. И. Веселовского (ЗВОРАО, т. VIII, стр. 162), что Угэдэй получил Уйгурию, не находят себе подтверждения в источниках.

[6] *Тексты,* стр. 122 (Рашид ад-дин; в изд. Блоше нет) <ср. русский перевод в изд ИВАН, II, 43. — *Ред.*>.

[7] Так по китайским источникам (Васильев, *История и древности,* стр. 153); по Рашид ад-дину (изд. Березина, ч. XV, <текст 43—44, 170>; пер., 27, 114), — еще в год курицы (1213 г.).

борьбы с Кучлуком); в это время до него дошли слухи, что его предупредил монгольский завоеватель. Желание проверить этот слух и получить подробные сведения о действительных силах завоевателя было, по словам Джузджани [1], причиной отправления хорезмийского посольства к Чингиз-хану. Во главе посольства стоял Беха ад-дин Рази; от него получил свои сведения историк. Послы прибыли к Чингиз-хану уже после завоевания Пекина, но застали его еще в Китае (Чингиз-хан вернулся в Монголию в 1216 г.) [2]. Сын Алтан-хана, т. е. императора династии Цзинь, находился в это время в плену у монголов; везде были видны следы страшного опустошения; кости убитых составляли целые горы; почва стала рыхлой от человеческого жира, гниение трупов вызвало болезни, от которых погибли некоторые из спутников Беха ад-дина. У ворот Пекина лежала огромная куча костей; послам рассказали, что при взятии города 60 000 (?) девиц бросились со стен, чтобы не попасть в руки монголов.

Чингиз-хан милостиво принял послов и велел передать хорезмшаху, что считает его владыкою Запада, как себя — владыкою Востока, и желает, чтобы между ними были мир и дружба и чтобы купцы свободно переезжали из одной страны в другую. Нет основания сомневаться в искренности этих слов; едва ли Чингиз-хан в то время мечтал о всемирном владычестве. Объединение кочевых народов, населявших Монголию, всегда имело следствием нападение их на Китай; но в домонгольский период только две кочевые империи, империя хуннов и империя тюрков VI в., обнимали и восточную и западную часть Средней Азии; во всех остальных случаях кочевники появились в западных странах только после того, как были вытеснены из Монголии. С другой стороны, торговля с оседлыми народами всегда имела большое значение для кочевников, преимущественно ради предметов одежды; при Чингиз-хане, вероятно вследствие военных действий в Северном Китае и опустошения этой страны, даже хлеб привозился в Монголию «из-за северных гор», может быть с берегов Енисея, где, по Чан-чуню, сеяли пшеницу [3] и где, по Рашид ад-дину, было «много городов и селений» [4]. Посредниками в этой торговле были «торгующие варвары западных стран» [5]; как известно, в руках уйгурских и мусульманских купцов находилась даже торговля между Китаем и Монголи-

---

[1] Пер. Раверти, I, 270—272, <в изд. Нассау-Лиса нет>; II, 963—966; <изд. Нассау-Лиса, 335—336>.

[2] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, <текст, 49>; пер., 30; *Юань-ши*, пер. Бичурина, 83—84.

[3] Чан-чунь, пер. Кафарова, 339; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 101.

[4] Изд. Березина, текст, ч. VII; пер., ч. V, 130.

[5] Чан-чунь, пер. Кафарова, 291—292; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 58.

ей[1]. Интересы Чингиз-хана в этом случае вполне совпадали с интересами мусульманских капиталистов.

Подобной гармонии не было между политическими стремлениями Мухаммеда и интересами купцов его государства. Отправляя посольство к Чингиз-хану, хорезмшах хотел только получить достоверные сведения об этом завоевателе, в котором видел опасного соперника, и не имел в виду коммерческих интересов своих подданных, хотя эти интересы были очень значительны. Торговля с отдельными странами, с Россией и Китаем, доставляла купцам огромные выгоды, но была связана со значительным риском, так как товары на Востоке всегда забирались в кредит; оттого временная приостановка торговли причиняла купцам огромный ущерб. Во время похода одного из сельджукских султанов на Трапезунд приостановка торговли с Грецией и Россией причинила большой убыток мусульманским купцам[2]. Когда в год битвы при Калке «пресекся путь сообщения» с Южной Россией и на короткое время прекратился привоз «мехов лисиц[3], волков[4], бобров и других товаров», то этот факт имел для мусульман такое значение, что Ибн ал-Асир[5] особо отмечает его. Перемирие между хорезмшахом и кара-китаями (вероятно, в 1209 г.[6], см. выше, стр. 426) тотчас вызвало отправление торгового каравана в Восточный Туркестан; с этим караваном посетил Кашгар поэт Са'ди[7]. В начале XIII в. сухопутная торговля с Китаем получила еще большее значение, чем прежде, так как морская торговля была затруднена случайным обстоятельством, именно ссорой между владетелями двух гаваней в Персидском заливе, Ормуза и Киша; каждый из них всячески препятствовал купцам отправляться из гавани, принадлежавшей другому[8]. С другой стороны, после походов Мухаммеда на кипчаков и присоединения северной части Семиречья к монгольской империи государство хорезмшаха стало непосредственно граничить с государством Чингиз-хана, причем оба завоевателя, особенно последний, заботились об установлении безопасности в своих владениях. При таких условиях купцы владений Мухаммеда, естественно, должны были сделать попытку проникнуть в Монголию северным путем, минуя принадлежавший Кучлуку Восточный Туркестан:

---

[1] Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана*, стр. 108 (из Мэн Хуна).

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 160.

[3] О слове *буртāсй* см. Jacob, *Handelsartikel*, S. 24—25.

[4] <Так в англ. изд. («wolves»); в русск. изд. 1900 г. было «белок». — *Ред.*>

[5] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 254; СМИЗО, I, 28.

[6] Согласно Э. Г. Броуну, около 1210 г. (Browne, *A Literary History*, vol. II, p. 527).

[7] Гулистан, V, 16; пер. Холмогорова, 222—224. Текст см. в изд. Семеле, 127—128; <ср. изд. Алиева, текст, 323 и сл.; пер., 160—161>.

[8] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 199.

Подробные сведения об этом караване сообщает Джувейни[1]. Во главе его стояли трое купцов: Ахмед Ходженди, «сын эмира Хусейна» (или Хасана)[2] и Ахмед Балчич (?); они везли с собой ткани, шитые золотом (вероятно шелковые), хлопчатобумажные и куски ткани *зендани* (ср. выше, стр. 286). Неизвестно, нашли ли они Чингиз-хана в Монголии или в Китае; очень вероятно, что купцы воспользовались посольством Беха ад-дина, чтобы сопровождать его. Чингиз-хан сначала был возмущен бесстыдством Балчича, который запросил три золотых балыша[3] за ткани, стоившие ему самому от десяти до двадцати динаров. Чингиз-хан велел показать Балчичу ткани, хранившиеся в его орде, чтобы он понял, что для монголов эти предметы уже не составляют новости; после этого товары Балчича были преданы разграблению. Наученные этим опытом, спутники Балчича отказались назначить цену за свой товар и объявили, что принесли его в подарок хану. Такие речи умилостивили Чингиз-хана; он велел заплатить купцам по золотому балышу за каждый кусок шитой золотом ткани, по серебряному за два куска хлопчатобумажной и зендани; такую же цену получил Балчич за свой товар. По замечанию Джувейни, монголы в то время оказывали почет мусульманам и с этой целью ставили для них шатры из белого войлока; только впоследствии мусульмане, по собственной вине, лишились этого уважения.

В ответ на посольство хорезмшаха Чингиз-хан также отправил на запад посольство и торговый караван. Во главе посольства стояли, по рассказу Несеви[4], хорезмиец Махмуд, бухарец Али-ходжа и отрарец Юсуф Кенка[5]. Среди подарков, предназначенных для султана, был кусок золота[6] из китайских гор, величиной с верблюжий горб, который везли в телеге, также другие слитки драгоценных металлов,

[1] Рассказ об этих событиях помещен в хрестоматии Шефера (Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 106 sq.). Ср. также d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 204 sq.

[2] Ибн Арабшах (*Фа̄кихат ал-хулафа̄'*, 186) говорит: «Абдаллах, сын эмира Хасана ал-Дженди».

[3] О ценности балыша существуют противоречивые указания; ср. Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 320—321; Джузджани, пер. Раверти, II, 1110, прим. 6. По Джувейни (цитуется у Катрмера), балыш заключал в себе до 75 динаров того времени.

[4] *Сира̄т Джела̄ль ад-дин*, текст, 33—34; пер., 57—59.

[5] Те же лица названы у Абулгази (*Родословная тюрок*, изд. Демезона, <текст, 95>; пер., 105), который, однако, отдельно говорит о посольстве Махмуда Ялавача (там же, <текст, 94—95>; пер., 102—104), приписывая последнему ночной разговор с султаном и заключение договора. Так как слово *ялавач* значит по-тюркски 'посол', то очень возможно, что Махмуд Ялавач тожествен с Махмудом хорезмийским Несеви (так у Мирхонда — *История Чингиз-хана*, изд. Жобера, 99) и что в *Юань-чао би-ши* (*Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 149; <изд. Козина, 189>) ошибочно сказано, что Ялавач поступил на службу к Чингиз-хану только после падения Гургандж,

[6] О нем у Джузджани (пер. Раверти, II, 966; <изд. Нассау-Лиса, 336).

куски нефрита и рога хуту[1], мускус, наконец ткани, которые, по Несеви, назывались *тарғӯ*[2] и приготовлялись из шерсти белых верблюдов (?); каждый кусок такой ткани стоил 50 динаров и больше. Весной 1218 г. хорезмшах принял это посольство в Мавераннахре[3]. Послы передали ему, что Чингиз-хан слышал о его победах и его могуществе, предлагает ему мирный договор и ставит его «наравне с самым дорогим из своих сыновей»; он уверен, что и до хорезмшаха дошли слухи о монгольских победах, особенно о завоевании Китая, и о богатствах подчиненных им областей; поэтому установление мира и безопасных торговых сношений между обоими государствами будет выгодно для обеих сторон. Историк не говорит о том, как ответил Мухаммед послам в публичной аудиенции. В следующую ночь хорезмшах велел призвать отдельно от других послов Махмуда хорезмийского и имел с ним разговор; неизвестно, присутствовали ли при этом и другие лица и от кого узнал Несеви содержание разговора. Хорезмшах прежде всего объявил Махмуду, что он, как хорезмиец, должен служить интересам своей родины, сообщить ему всю правду о Чингиз-хане и впоследствии оставаться шпионом хорезмшаха при дворе хана; за это ему была обещана награда, и в залог исполнения обещания султан тут же передал ему драгоценный камень. Из страха перед султаном Махмуд выразил согласие. После этого хорезмшах спросил, правда ли, что Чингиз-хан завоевал Китай и «город Тамгач»; посол ответил утвердительно. Хорезмшах заметил, что даже эти завоевания не дают права неверному называть его, хорезмшаха, обладателя огромной империи, своим сыном, т. е. вассалом. Опасаясь гнева султана, посол и на это поспешил ответить, что войска Чингиз-хана по численности не могут равняться с военными силами хорезмшаха. Этим Мухаммед был удовлетворен и выразил свое согласие на мирный договор с Чингиз-ханом. О торговых сношениях здесь не говорится. Из дальнейших слов Несеви[4] можно заключить, что послы вернулись к Чингиз-хану, который был очень обрадован договором, и что только после этого был отправлен торговый караван, причем последнему был дан документ с подписью султана (очевидно, привезенный послами). Едва ли для этого было время,

[1] <Об этом термине см. стр. 333, прим. 9. — *Ред.*>

[2] У историков, особенно у Рашид ад-дина, словом *тарғӯ* обозначаются вообще куски тканей, особенно подносимые государю. <Как указал П. Пельо, ترغو или ترقو следует читать только *торгу;* этот термин обозначает легкую шелковую ткань (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 52). В экз. Бартольда (англ. изд.) в этом месте пометка: «Pelliot 52 torgu». — *Ред.*>

[3] По д'Оссону (*Histoire des Mongols,* t. I, p. 201) — в Бухаре, что очень вероятно; но вполне определенного указания на этот город в наших источниках нет.

[4] *Сӣрат Джелāль ад-дӣн*, текст, 34; пер., 59—60.

так как отрарская катастрофа, по всем известиям, также произошла еще в 1218 г.; более вероятно, что, согласно с рассказом Джузджани, караван отправился из Монголии одновременно с посольством и прибыл в пограничный город владений Мухаммеда, Отрар, вскоре после отъезда послов из страны. Несеви приводит имена четырех купцов, стоявших во главе каравана: Омар-ходжа Отрари, Хаммаль Мераги, Фахр ад-дин Дизеки Бухари и Амин ад-дин Хереви. Всего в караване, по словам Джувейни, было 450 человек, которые все были мусульманами; с ними, как рассказывает Джузджани, было до 500 верблюдов, нагруженных товарами, именно золотом, серебром, китайским шелком, тканью таргу, мехами бобров и соболей и другими предметами. Все эти купцы были задержаны в Отраре в качестве шпионов, по приказанию наместника Иналчика, носившего титул Каир-хана [1] (Несеви называет его Инал-ханом), родственника Туркан-хатун (по Несеви, двоюродного брата султана). О степени ответственности, которая падает при этом на Мухаммеда, существуют противоречивые известия. По Несеви, наместник действовал исключительно из жадности, желая овладеть товарами купцов; когда он известил султана, что купцы ведут себя как шпионы, Мухаммед только послал ему приказ задержать их; на убийство наместник решился по собственному почину, и все сокровища убитых перешли к нему; только потом султан был вынужден прикрыть поступок наместника своим авторитетом, так как не мог вступить в борьбу с военной партией. По Ибн ал-Асиру [2], наместник только известил султана о прибытии купцов и о количестве их имущества; султан тотчас велел перебить купцов, а имущество отослать к нему; товары были проданы бухарским и самаркандским купцам; вырученные деньги султан взял себе. По Джувейни, Иналчик был оскорблен поведением одного из купцов, индуса по происхождению, который знал наместника в прежнее время и теперь стал фамильярно называть его по имени, не давая ему ханского титула. Личное раздражение и желание овладеть имуществом купцов побудили наместника задержать их и в письме к султану, отправленном в Ирак (?) [3], назвать их

[1] У Джузджани (пер. Раверти, I, 272; II, 966; <изд. Нассау-Лиса, 337>) Кадыр-хан (قدر خان). <Как отметил П. Пелью, титул Каир-хан, скорее всего, — монголизованный вариант тюркского титула Кадыр-хан (*кадыр* — 'могущественный, грозный') и не имеет ничего общего с арабским قدر, которое дает Джузджани; Иналчик также могло быть как именем, так и титулом ('князь') (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 52—54). — *Ред.*>

[2] Изд. Торнберга, XII, 239; СМИЗО, I, 6.

[3] Джувейни, изд. Казвини, I, 61. В своей истории хорезмшахов (изд. Казвини, II, 99) Джувейни также говорит, что Мухаммед получил послание Каир-хана при возвращении из Ирака; по Хамдаллаху Казвини (*Та'рӣх-и гузӣде*, изд. Броуна, текст, 496), — в Хамадане. Но это несовместимо с другими рассказами, особенно с подробным рассказом, данным у Несеви.

шпионами; султан велел перебить их и разграбить их имущество. Джузджани[1] говорит об отрарском избиении в двух местах и в обоих случаях объясняет его жадностью наместника, но замечает, что последний получил разрешение от султана; в одном случае он прибавляет, что сокровища были отправлены к Мухаммеду. Как видно, ни один из наших источников не говорит, что купцы своим поведением дали какой-нибудь основательный повод к жалобам. Рассказанный у Джувейни поступок индуса, конечно, не играет никакой роли; по всей вероятности, купцы погибли жертвой жадности наместника и подозрительности султана. Как мы видели, Мухаммед отправил посольство к Чингиз-хану только с разведочной целью, нисколько не имея в виду вступить в торговые сношения с Монголией; естественно, что он и со стороны многочисленного каравана, посланного монголами, предполагал ту же цель. Прав ли Несеви в том, что Мухаммед не отдавал категорического приказания убить послов, трудно сказать; во всяком случае, несомненно, что он поделился добычей со своим наместником и что в руках бухарских купцов действительно находились товары, проданные султаном. События, происходившие в Бухаре, были хорошо известны Ибн ал-Асиру, получившему свои сведения от одного факиха, взятого в плен монголами в Бухаре и бежавшего от них из Самарканда[2]. Очень вероятно, что продажа товаров купцам (с выгодой для них) отчасти была вызвана желанием вознаградить их за прекращение торговли с кочевниками. Что касается числа погибших, то, по Джувейни, погиб весь караван (т. е. 450 человек), кроме одного человека (по Джузджани, он был погонщиком верблюдов), которому удалось спастись бегством и принести страшную весть Чингиз-хану[3].

Чингиз-хан и тут обнаружил свою всегдашнюю сдержанность и самообладание. К хорезмшаху прибыл еще посол Чингиз-хана, Ибн Кефредж Богра[4] (отец которого некогда находился на службе у Текеша), в сопровождении двух татар; посол должен был от имени своего государя упрекнуть хорезмшаха за его вероломный поступок и потребовать выдачи Иналчика. Хорезмшах не только не исполнил этого требования, но велел убить посла; его спутники были отпущены после

---

[1] Пер. Раверти, I, 272 <в изд. Нассау-Лиса нет>; II, 967, <изд. Нассау-Лиса, 337>.

[2] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 242; СМИЗО, I, 13.

[3] По монгольскому сказанию (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 143; <изд. Козина, 182>), мусульмане убили монгольского посла Ухуна и других, всего 100 человек. <Согласно поправке П. Пельо, имя монгольского посла — не Ухун, а Ухуна (см Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 54). — *Ред.*>

[4] О нем см. Несеви, *Сират Джелаль ад-дин,* текст, 34—35; пер., 60—61.

того, как им отрезали бороды[1]. Таким образом, поход Чингиз-хана на владения хорезмшаха сделался неизбежным. Вопреки мнению А. Мюллера[2], мы не видим никакого основания предполагать, что столкновение между обоими государствами было ускорено каким-нибудь внешним влиянием. Стремление Чингиз-хана вступить в сношения с империей хорезмшаха вполне объясняется торговыми интересами его влиятельных мусульманских советников; если его послы, по приказанию своего государя, назвали хорезмшаха сыном Чингиз-хана, то это едва ли было сделано с целью раздражить Мухаммеда; к тому же последний и не выставлял этого обстоятельства как предлог для войны. Едва ли поэтому следует придавать значение известию, будто монголов призвал против хорезмшаха халиф Насир. Подробный рассказ о посольстве халифа мы находим только у Мирхонда[3]; в XIII в. это известие существовало только в виде неопределенных слухов[4], которые при враждебных отношениях между халифом и хорезмшахом не могли не возникнуть. Таким же образом в Европе приверженцы папы утверждали, что монголов призвал Фридрих II, а приверженцы императора обвиняли в том же самом папу[5]. Халиф действительно искал себе союзников среди восточных соседей хорезмшаха и с этой целью отправлял послов сначала к Гуридам, потом к Кучлуку; но нет основания полагать, что он обращался к содействию восточноазиатских государей. Поступок хорезмшаха даже с точки зрения современного международного права дал Чингиз-хану более чем достаточный повод для войны, и ни в каком подстрекательстве не было надобности. Конечно, нашествие монголов на владения хорезмшаха совершилось бы, может быть несколько позже, и без этого повода. Когда монголы окончательно утвердили свою власть в степях, граничивших с государством хорезмшаха, они не могли не заметить внутренней слабости этого государства; при таких условиях нашествие кочевников на более богатые земли культурных народов было неизбежно. Однако Чингиз-хан в эти годы еще не знал этой слабости и, как показывают его приготовления к войне, был очень высокого мнения о военном могуществе хорезмшаха; при таких условиях монголы, вероятно, некоторое время довольствовались бы мирными торговыми сношениями, если бы Мухаммед

[1] Так по Ибн ал-Асиру (изд. Торнберга, XII, 237; СМИЗО, I, 7). По Несеви, все три посла были убиты.

[2] Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 205.

[3] *История Чингиз-хана*, изд. Жобера, 102—104.

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 287; ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 211.

[5] Cahun, *Introduction*, pp. 356—357. Относительно обвинения, выдвинутого против императора, см. также Purchas, XI, p. 181.

дал на это свое согласие. Хорезмшах закрыл торговые пути из Туркестана, по словам Ибн ал-Асира[1], еще во время войны с Кучлуком.

Готовясь отомстить хорезмшаху, Чингиз-хан прежде всего должен был покончить с Кучлуком; против него был отправлен Чжэбэ-нойон[2] со значительным отрядом[3]. Монгольский полководец с большим искусством воспользовался религиозными гонениями Кучлука, чтобы овладеть его государством почти без сопротивления. Прежде всего он утвердил власть монголов в Алмалыке, который в то время был осажден войсками Кучлука. Кучлук, неожиданно напав, захватил в плен Бузара, который перед этим заключил союз с Чингиз-ханом и женился на дочери Джучи. Взять Алмалык, ему, однако, не удалось; жители храбро защищали город; весть о приближении монголов заставила его отступить; по дороге он велел убить Бузара. Монголы вступили в Алмалык и передали область сыну Бузара, Сукнак-тегину, за которого также была выдана дочь Джучи. Так рассказывает Джувейни[4]; по Джемалю Карши[5], Бузар, принявший титул Тогрул-хана, послал к Чингиз-хану своего сына Сукнак-тегина и свою дочь Улук-хатун и заключил союз с монголами. Кучлуку, однако, удалось захватить на охоте и убить Бузара, что произошло еще до походов Кучлука на Кашгар, т. е. около 1211 г. После этого Кучлук осадил Алмалык, но вдове Бузара Сельбек-Туркан удалось отстоять город. Когда до Чингиз-хана дошла весть о гибели Бузара, он отправил в Алмалык Чжэбэ-нойона с войском; последний уже не нашел Кучлука в Кульджинском крае. Дочь Джучи, Булган-биге, до царствования Угэдэя не была выдана за Сукнак-тегина.

Из рассказа Чан-чуня[6] мы знаем, что в Алмалыке в 1221 г. рядом с туземным владетелем был монгольский дарухачи, т. е. представитель главы империи. По китайской истории[7], на дарухачи впоследствии лежали следующие обязанности: 1) перепись жителей; 2) набор войска из туземцев; 3) устройство почтовых сообщений; 4) собирание податей; 5) доставление ко двору дани. Таким образом, дарухачи был военным начальником и сборщиком податей; он же доставлял сведения цент-

[1] Изд. Торнберга, XII, 236; СМИЗО, I, 5. Речь идет о прекращении продажи тканей и других товаров кочевникам, не наоборот, как ошибочно сказано в переводе.

[2] О написании этого имени ср. Pelliot, *À propos des Comans*, p. 172 sq.

[3] Цифра 20 000, вероятно, заимствована д'Оссоном (*Histoire des Mongols*, t. I, p. 172) у Несеви, рассказ которого, как мы видели (стр. 434), не относится к войне с Кучлуком. У Рашид ад-дина (изд. Березина, текст, ч. VII, 164; пер., ч. V, 127) есть известие, что в походе принимал участие уйгурский идикут с небольшим отрядом (300 человек); так же у Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 16; изд. Казвини, I, 33).

[4] *Тексты*, стр. 107—108 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 57 и сл.).

[5] *Тексты*, стр. 135—136, 140.

[6] Пер. Кафарова, 304; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 70.

[7] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 256, прим.

ральному правительству. Сколько известно, алмалыкский дарухачи был первым представителем монгольской власти в культурных областях Средней Азии; в Уйгурии такого представителя, насколько можно судить по рассказу Чан-чуня, в то время не было.

Мы не имеем известий о том, по какой дороге монголы проникли из Кульджинского края в Кашгарию и был ли отправлен отряд в Семиречье. Только в китайской истории[1] есть рассказ о Хэсымайли (вероятно, мусульманин Исма'ил), который был некогда приближенным гурхана и управлял городами Кэсань и Басыха (Касан и Ахсикет?[2]), находившимися в зависимости от Гуцзэ-ордо, т. е. от Баласагуна[3]. Он вышел навстречу монгольскому войску вместе со старейшинами городов и выразил покорность; Джэбэ донес об этом Чингиз-хану; тот приказал, чтобы Хэсымайли присоединился к авангарду Чжэбэ, т. е. служил ему проводником.

О столкновении между войсками Кучлука и Чжэбэ говорит только Абулгази[4]; Опперт[5] думал найти подтверждение этого единственного, к тому же очень позднего, известия в рассказе Плано Карпини[6] о битве в «узкой долине между двух гор», где монголы разбили найманов и кара-китаев; сам Плано Карпини проехал через эту долину на пути в орду Гуюка. К сожалению, наш путешественник сообщает это известие не при изложении своего маршрута, а в главе о монгольских завоеваниях, заключающей в себе, как известно, много неточностей. Ввиду этого мы не можем знать, где находилось поле битвы, о котором он говорит, и действительно ли в битве принимали участие названные

---

[1] Там же, 233, прим.; Bretschneider, *Researches,* vol. I, p. 233.

[2] Возможно, что эта часть Ферганы после опустошения ее Мухаммедом была занята мусульманскими подданными Кучлука. <П. Пельо высказывает предположение, что в слове *басыха* китайского текста (*Юань-ши*), может быть, следует видеть не географическое название, а транскрипцию тюркского термина *баскак* (соответствующего монгольскому *даругачи*); тогда текст *Юань-ши* означает, что Хэсымайли был баскаком города Кэсань. П. Пельо оговаривается, что неизвестно, были ли баскаки в стране кара-китаев до завоевания ее монголами. См. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 54—55. — *Ред.*>

[3] Bretschneider, *Researches,* vol. I, p. 18. <П. Пельо дает такой перевод начала соответствующего места в *Юань-ши:* «Ho-sseu-mai-li était un homme de Kou-tsö-wo-eul-to (Ghuzz-ordo?) des pays d'Occident» (*Notes sur le «Turkestan»*, p. 54). Это толкование названия (غز اوردو, т. е. Баласагун) отмечено В. В. Бартольдом на полях его экземпляра англ. издания (его пометку полностью разобрать не удалось). — *Ред.*>

[4] *Родословная тюрок,* изд. Демезона, <текст, 94>; пер., 102. По-видимому, Абулгази понял в этом смысле глагол دوانـــدن у Рашид ад-дина (изд. Березина, текст, ч. VII, 278). В другом месте (ч. XV, текст, 62; пер., 40) сам Рашид ад-дин говорит, что Кучлук бежал еще прежде, чем монголы успели начать битву.

[5] Oppert, *Der Presbyter Johannes,* S. 160.

[6] Изд. Языкова, 126; изд. Бизли, 69, 102, 143; <пер. Малеина, 17>.

им народы. По остальным известиям, Кучлук бежал от монголов без битвы. Приведенный выше рассказ о Хэсымайли заставляет предположить, что монголы из Кульджинского края вступили в Семиречье и уже оттуда вторглись в Кашгарию. Столица Семиречья, Баласагун, была занята ими без сопротивления, так как получила от них название Гобалыка, т. е. хорошего города [1]. В Кашгарии, может быть еще в Семиречье, Чжэбэ издал приказ, по которому мусульманам было возвращено право публичного богослужения, отнятое у них Кучлуком. Жители приветствовали монголов как освободителей от жестокого гонения и в короткое время перебили воинов Кучлука, размещенных по их домам. В противоположность Мухаммеду, Чжэбэ, благодаря установленной Чингиз-ханом дисциплине, мог выдержать роль освободителя; монгольские отряды требовали у жителей только сведений о Кучлуке и не трогали их имущества, так что кашгарцы, от которых Джувейни [2] получил эти сведения, называли прибытие монголов милостью божией. Кучлук был настигнут в Сарыколе [3] и убит; по рассказу китайской истории, Чжэбэ поручил Хэсымайли «обойти с головой Кучлука владения найманов», после чего все города выразили покорность монголам. Не трогая имущества мирных жителей, монголы, однако, получили значительную добычу, и Чжэбэ мог представить Чингиз-хану в подарок тысячу коней с белой мордой [4], очевидно, отнятых у разбитых или бежавших кочевников. В глазах современников завоевание государства Кучлука было таким важным событием, что Чингиз-хан уже стал опасаться, что его полководец возгордился своей победой и выйдет из повиновения [5]. Несомненно, что известие о завоевании Восточного Туркестана монголами дошло до подданных султана и произвело на них сильное впечатление. Монгольский полководец без труда уничтожил военную силу, незадолго перед этим заставившую султана очистить и

---

[1] Бартольд, *О христианстве в Туркестане,* стр. 30, также Бартольд, ЗВОРАО, т. X, стр. 226, где цитуется Мирхонд (История *Чингиз-хана,* изд. Жобера, 91).

[2] *Тексты,* стр. 106 (Джувейни; то же — изд. Казвини, I, 50).

[3] Так по Рашид ад-дину (изд. Березина, ч. XV, <текст, 63>; пер., 40), по монгольскому сказанию (Салихкунь — см. *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 131; <изд. Козина, 174>) и по Джемалю Карши (*Тексты,* стр. 133). По Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 23), Кучлук был убит в бадахшанской долине Везари (в изд. Казвини, I, 50— وارنسی). <В англ. изд. «Туркестана» — Sārykūl. По этому поводу П. Пелью замечает, что в тексте Рашид ад-дина ساریق قول, что следует читать только Сарык-кол ('Желтая река'), а не «Сарык-кул», как у Березина; в *Сокровенном сказании* не Салихкунь, а Сарык-кун, что является искажением, внесенным в XIV в.; в первоначальном тексте сказания было также Сарык-кол (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»,* p. 55). — *Ред.*>

[4] Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 278; пер., ч. V, 209.

[5] Там же; ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. I, p. 172.

предать опустошению плодородные и густо населенные области; в то же время он с гораздо большим успехом, чем «султан ислама», выступил в роли освободителя мусульман от притеснений. Мухаммед не мог уже придать своему столкновению с Чингиз-ханом характер религиозной войны, тем более, что жертвами отрарской катастрофы, сделавшей войну неизбежной, были исключительно мусульмане.

Чингиз-хан, очевидно со слов своих мусульманских советников, составил себе очень высокое представление о «владыке Запада» и к войне с ним готовился так же, как некогда к войне с чжурчжэнями. Тогда как против Кучлука он отправил только своего полководца, он теперь выступил в поход лично со всеми своими сыновьями и со своими главными силами. Лето 1219 г. он провел на Иртыше [1]; осенью двинулся оттуда в поход; в Каялыке, вероятно в той местности, которую Рубрук [2] называет «прекраснейшей равниной», к нему присоединились со своими отрядами, кроме местного владетеля Арслан-хана карлукского, еще Сукнак-тегин алмалыкский и уйгурский идикут Баурчик [3]. Таким образом, здесь были собраны все войска, назначенные для военных действий в государстве хорезмшаха. О том, каково могло быть количество этих войск, мы не имеем никаких достоверных данных. Фантастические цифры, приводимые мусульманскими авторами (по Джузджани [4], 600 000 или даже 700 000), не заслуживают никакого доверия; с другой стороны, нельзя руководствоваться также данными о монгольском регулярном войске, численность которого, по Рашид ад-дину [5], в год смерти Чингиз-хана достигала только 129 000. В это число полностью вошли только отряды, составлявшие военную силу собственно Монголии и перешедшие потом по наследству к Тулую; из войск трех других братьев упоминаются только уступленные им собственно монгольские отряды (каждому по 4000), несомненно составлявшие только небольшую часть той силы, на которую они опирались в своих уделах. Между тем столь же несомненно, что в походе на запад главную роль играли именно отряды этих царевичей; так как завоевание Китая и Тангута еще не было закончено, то Чингиз-хан едва ли мог лишить

[1] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, пер., 42, 116 (в первом случае ошибка в переводе, ср. текст, 66, <172>). О хронологических определениях Рашид ад-дина см. выше, стр. 436.

[2] Изд. Мишеля—Райта, 281; <пер. Малеина, 105>.

[3] Так по Джувейни, изд. Казвини, I, 63 (Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 110); относительно названия см. изд. Казвини, I, 32. <На полях экз. Бартольда (англ. изд.) в этом месте пометка: «Испр. بارچوق, Pelliot 55»; имя в форме بارجوق — *Барчук*, как указал П. Пельо, имеется в тексте Джувейни (изд. Казвини, I) только на стр. 32, а на стр. 63 его нет (см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, pp. 55—56).—*Ред.*>

[4] Пер. Раверти, I, 273; II, 968; <изд. Нассау-Лиса, 338: 800 000. — Ред.>

[5] Изд. Березина, ч. XV, <текст, 195 и сл.>; пер., 132 и сл.

войск своего начальника левого крыла, Мухули, под начальством которого находилась почти половина регулярной армии (62 000). С другой стороны, главный начальник правого крыла Бугурджи-нойон, как мы знаем из рассказа Чан-чуня[1], принимал участие в походе. Отряд Арслан-хана, по рассказу Джузджани[2], состоял из 6000 человек; о численности отрядов идикута и Сукнак-тегина данных нет. Известия о распределении монгольских отрядов заставляют предположить, что всего в войске Чингиз-хана было едва ли менее 150 000 и едва ли многим более 200 000 человек.

По справедливому мнению д'Оссона[3], силы хорезмшаха были гораздо многочисленнее; но при своих враждебных отношениях к военачальникам хорезмшах не мог воспользоваться этим преимуществом. Еще до прибытия последнего монгольского посольства он созвал военный совет, на котором Шихаб ад-дин Хиваки высказал мнение, что султан должен соединить свои войска на берегу Сыр-Дарьи, здесь встретить монголов и напасть на них со свежими силами, прежде чем они успеют оправиться от продолжительного перехода. Другие, напротив, говорили, что необходимо дать монголам вступить в Мавераннахр и там, пользуясь знанием местности, уничтожить их[4]. Некоторые советовали предоставить Мавераннахр своей судьбе и защищать переправы через Аму-Дарью; наиболее малодушные предлагали собрать войско в Газне (т. е. отступить за Гиндукуш), а оттуда, если окажется необходимым, удалиться в Индию[5]. Султан не решился принять первый совет, но оставил в городах Мавераннахра значительные гарнизоны; вслед за тем он покинул область, обещая вернуться туда с войском, и стал собирать армию около Балха. Перед своим отъездом из Самарканда султан отдал приказ выстроить вокруг города стену; по Несеви[6], стена должна была простираться на 12 фарсахов, т. е. защищать не только город, но и его окрестности, как в домусульманский период (см. выше, стр. 136). Чтобы покрыть расходы, связанные с этим грандиозным сооружением, хорезмшах в течение одного года трижды собрал полностью ежегодные подати. По рассказу Несеви, постройка до нашествия монголов не только не была кончена, но и не была начата, так что из собранных денег ничего не было употреблено для этой цели. Джувейни говорит только об укреплении самаркандской цитадели; султан

[1] Чан-чунь, пер. Кафарова, 318, 414 (прим.); Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 81.

[2] Пер. Раверти, II, 1004; <изд. Нассау-Лиса, 343>.

[3] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 212.

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 237; СМИЗО, I, 6.

[5] Джувейни, рук. ГПБ, IV, 2, 34, л. 138; изд. Казвини, II, 106; ср. Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 78.

[6] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 35; пер., 61.

присутствовал при работах и, когда рыли ров, будто бы заметил, что монгольским всадникам будет досточно бросить в ров свои плети, чтобы наполнить его; эти слова произвели удручающее впечатление на присутствовавших. По всей вероятности, этот рассказ возник уже после нашествия; едва ли Мухаммед стал бы накануне прибытия монголов отнимать бодрость у населения. Несеви[1] жалеет, что султан пришел к пагубному решению распределить свои войска по городам Мавераннахра, и убежден, что если бы он встретил монголов на границе (т. е. принял совет Шихаб ад-дина Хиваки), то враги были бы легко уничтожены. Европейские ученые, до А. Мюллера[2] включительно, также обвиняют султана в преступном малодушии или даже в «глупости». Однако, если взвесить события последних лет царствования Мухаммеда, то нельзя не прийти к заключению, что другого исхода для него не было. Собрать свои силы в одном месте он мог бы только в том случае, если бы они были таким же послушным орудием в его руках, как монгольские войска в руках Чингиз-хана. При враждебных отношениях между султаном и его военачальниками это, конечно, было невозможно. Очень вероятно, что военачальникам султана, если бы между ними сохранилось согласие и если бы во главе их стал способный, пользовавшийся общим доверием предводитель, удалось бы отразить монголов; но после победы эта внушительная сила немедленно направилась бы против своего султана и его династии. Каковы были отношения султана к военачальникам после его ссоры с матерью, показывает рассказанный у Джувейни[3] анекдот, что еще в то время, когда султан находился на берегу Аму-Дарьи, в его войске был открыт заговор против его жизни; Мухаммед вечером незаметно для воинов покинул шатер, в котором должен был провести ночь; утром этот шатер нашли проколотым множеством стрел. Едва ли султан пользовался большей популярностью среди гурцев, отряд которых стоял в Самарканде[4], и среди населения, из которого решил набрать ополчение стрелков. Число ополченцев каждой местности должно было соответствовать количеству вносимой ею подати; каждый стрелок должен был взять с собой верблюда, оружие и провиант. Несеви[5] жалеет, что султан покинул берег Аму-Дарьи прежде, чем ополчение успело собраться; люди стекались со всех сторон, и, «если бы он подождал, он очутился бы во главе самого многочисленного войска, о котором когда-либо слыхали». Однако уже тот

[1] Там же, текст, 36—37; пер., 63.

[2] Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 209.

[3] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 130; изд. Казвини, II, 109; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 80; ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 243.

[4] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 36; пер., 62.

[5] Там же.

факт, что в конце весны 1220 г. ополчение еще не было собрано, показывает, что набор происходил не так успешно, как уверяет историк, и что с этой стороны султан встретил так же мало сочувствия, как со стороны своих тюркских воинов [1].

Несмотря на важность этого факта в истории ислама, мусульманские историки не дают нам точного определения времени, когда монгольские войска появились перед стенами Отрара. По Джувейни [2], Отрар защищался пять месяцев, цитадель — еще один месяц; после взятия города войско, оставленное для его осады, присоединилось к Чингиз-хану в то время, когда тот приступал к осаде Самарканда, т. е., как мы увидим, в марте 1220 г. Из этого можно заключить, что начало осады относится к сентябрю 1219 г. Однако очень вероятно, что Джувейни несколько преувеличил продолжительность осады. По Несеви [3] Чингиз-хан двинулся на Бухару только после падения Отрара, что, впрочем, мало вероятно.

Под Отраром Чингиз-хан разделил свои силы; часть войска (по Рашид ад-дину [4], несколько тюменей, т. е. десятков тысяч), в состав которой вошел, между прочим, уйгурский отряд [5], была оставлена для осады города; другая часть, под начальством Джучи, была отправлена вниз по Сыр-Дарье; небольшой отряд (5000 человек) — вверх по реке, на Бенакет и Ходженд; сам Чингиз-хан и Тулуй с главными силами пошли на Бухару, по Несеви, для того, чтобы отрезать султана от его войск. В Отраре, вероятно еще до падения города, местный представитель гражданской власти Бедр ад-дин Амид, наместник Сафи Акра' (последнего Несеви называет «везиром султана в области тюрков»), перешел на сторону Чингиз-хана; его отец и дядя были казиями в Отраре и вместе с другими родственниками были казнены при взятии Отрара султаном [6]; вероятно, они принадлежали к партии враждебного

[1] У нас нет достоверных сведений о настроении народных масс в Мавераннахре непосредственно перед монгольским нашествием. Стихи Хуррамабади, приведенные у Ауфи (*Лубāб ал-албāб,* I, 202), в которых упоминается борьба с татарами, возможно, относятся не к битве с Чингиз-ханом, а к битве с Кучлуком. <Автор труда о персидской просодии Шемс ад-дин Мухаммед ибн Кайс ар-Рази сообщает, что по Средней Азии распространялись темные слухи о готовящемся страшном нашествии татар и много людей, охваченных паникой, бежало на запад. Так же поступил сам автор, бежавший в Фарс (Рази, *Му'джам,* изд. Казвини — Броуна, 3 * и сл.). — *Ред.*>

[2] Изд. Казвини, I, 64, 92; Schefer, *Chrestomathie persane,* t. II, pp. 110—112, 132.

[3] *Сīрат Джелāль ад-дīн,* текст, 43; пер., 73—74.

[4] Изд. Березина, ч. XV, <текст, 67>; пер., 43. У Джувейни (изд. Казвини, I, 64) те же слова (چند تومان) отнесены к отряду Джучи.

[5] Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 164; пер., ч. V, 127. По Джувейни, царевичи Чагатай и Угэдэй также находились в этой части войска.

[6] Несеви, *Сīрат Джелāль ад-дīн,* текст, 37; пер., 64; ср. Хамдаллах Казвини, *Та'рīх-и гузīде,* изд. Броуна, текст, 497.

султану духовенства и проявили эту вражду более резко, чем бухарский садр и самаркандские шейхи. От Бедр ад-дина Чингиз-хан получил подробные сведения о политическом состоянии страны, о вражде Туркан-хатун и военной партии к султану, чем потом воспользовался для своих целей. Кроме того, как самого Чингиз-хана, так и его сыновей сопровождали мусульманские купцы, служившие посредниками между монголами и населением и, без сомнения, знакомившие монголов с местными условиями. Таким образом, мусульманам не удалось извлечь выгоду из знания местности; стратегические планы Чингиз-хана и блестящее выполнение их показывают, что географические условия были ему хорошо известны.

Чингиз-хан подошел к крепости Зернук, которая упоминается при описании последнего похода Тимура, из Самарканда через Джиланутинское ущелье в Отрар, в качестве последней станции до берега Сыр-Дарьи[1]. При переправе через реку монголы, очевидно, не встретили затруднения; по времени года возможно, что река была покрыта льдом. К жителям Зернука был послан Данишменд-хаджиб, которому удалось уговорить их сдаться добровольно, причем Данишменд поручился им за сохранение их жизни и имущества. Обещание было исполнено; монголы только разрушили укрепления и набрали из местной молодежи отряд для осадных работ. Город получил от монголов (вероятно, от участвовавших в походе тюрков) прозвание Кутлуг-балык, т. е. «счастливый город»[2].

В Зернуке нашлось несколько туркмен, которые провели монголов по неизвестной прежде дороге в Нур; с тех пор дорога получила название «ханской»[3]. Джувейни проехал по ней в 1251 г. По мнению лиц, знакомых с краем, походы Чингиз-хана и Тимура заставляют предполагать, что характер местности с того времени значительно изменился, так как «в настоящее время между Нурата и устьями р. Арыса никакой дороги нет, даже караванной; между этими двумя пунктами раскинулась безводная Кизылкумская пустыня»[4]. Это мнение было впоследствии отвергнуто, так как караванные дороги существуют также и в настоящее время между Отраром и Нуром[5]. Кроме того, надо помнить, что монгольское войско пересекло степь в январе. Очевидно, в то время еще не были заброшены каналы левого берега Сыр-Дарьи и пустыня

---

[1] Шереф ад-дин Йезди, пер. Петн де ля Круа, IV, 216; калькут. изд., II, 646 (где название приведено в форме زرتوق).

[2] Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 120—121; Джувейни, изд. Казвини, I, 77

[3] خانی (так у Джувейни, изд. Казвини, I, 78), не خالی (‘пустая’), как у Рашид ад-дина по изданию и переводу проф. Березина (ч. XV, текст, 80; пер., 52).

[4] Смирнов, *Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи*, стр. 13.

[5] Кларе, *Древний Отрар*, стр. 16.

занимала менее широкую полосу. К Нуру подошел авангард монгольского войска под начальством Таир-бахадура. Ночью монголы прошли через сады, принадлежавшие жителям города; как везде в Средней Азии, эти сады, конечно, служили жителям дачами в летнее время и в это время года были лишены обитателей. Таир велел монголам срубить деревья и приготовить из них лестницы (очевидно, на случай осады крепости). Появление монголов было так неожиданно, что жители приняли их за торговый караван и заметили свою ошибку только тогда, когда первые отряды подошли к городу. Таир предложил жителям сдаться; с его согласия они отправили посла к Чингиз-хану, который велел им сдать город Субудай-бахадуру [1] (очевидно, занимавшему в войске более высокое место, чем Таир); по требованию Субудая жители очистили город, взяв с собой только жизненные припасы, земледельческие орудия и скот; после этого их дома были разграблены монголами. Чингиз-хан после своего прибытия потребовал от жителей только уплаты суммы в 1500 динаров, соответствовавшей количеству податей, взимавшихся с Нура правительством султана; серьги женщин составили половину этой суммы. Последнее известие, конечно, показывает, что имущество жителей не было разграблено (иначе им не из чего было бы уплатить 750 динаров), или, по крайней мере, было возвращено владельцам после прибытия Чингиз-хана. Для осадных работ был набран небольшой отряд (всего 60 человек), под начальством Ильходжи, сына местного начальника; отряд потом был употреблен при осаде Дабусии [2].

По рассказу двух современников события, Ибн ал-Асира [3] и Джузджани [4], Чингиз-хан подошел к Бухаре еще в феврале 1220 г., не в марте, как сказано у Джувейни и с его слов у более поздних компиляторов [5]; дата Ибн ал-Асира и Джузджани подтверждается также рассказом продолжателя Нершахи [6]. Численность бухарского гарнизона определяется различно; по Джузджани, было всего 12 000 всадников, по Джувейни, 20 000 одного «внешнего войска» [7] (численность гарнизо-

[1] Как тысячник Субудай принадлежал к левому крылу (Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, <текст, 211>; пер., 141).

[2] Schefer, *Chrestomathie persane,* t. II, pp. 121—122; Джувейни, изд. Казвини, I, 79.

[3] Изд. Торнберга, XII, 239; СМИЗО, I, 8.

[4] Пер. Раверти, II, 976; <изд. Нассау-Лиса, 339>.

[5] Так же у д'Оссона (*Histoire des Mongols,* t. I, p. 228).

[6] Изд. Шефера, 23, 34.

[7] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 34 لشكر بيرون, в рук. Ханыкова и в изд. Казвини, I, 80 لشكر بيرونى, у Шефера (*Chrestomathie persane,* t. II, p. 123) لشكر اندرونى. Что Джувейни не определяет количества всего гарнизона в 20 000 человек, как думал д'Оссон, видно из приводимого им дальше (d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. I, p. 233) числа защитников цитадели.

на в собственном смысле не указывается), по Несеви[1] всего 30 000 Главными начальниками города, по Несеви, были Ихтияр ад-дин Кушлу[2], конюший султана, и Инанч-хан Огул-хаджиб; из других военачальников Джувейни называет Хамид-Пура[3] (кара-китая по происхождению, взятого в плен в битве 1210 г. и перешедшего на службу к хорезмшаху), Суюнч-хана и некоего Гурхана, который будто бы был монголом, изменил Чингиз-хану и перешел на службу к Мухаммеду; сам Джувейни сомневается в достоверности этого известия. Через три дня после начала осады войско под начальством Инанч-хана решило покинуть город и проложило себе путь через ряды монголов, но вслед за тем монголы стали преследовать бежавших; Инанч-хану только с очень небольшой частью своего войска удалось переправиться через Аму-Дарью; Хамид-Пур пал в этой битве. Покинутые своими защитниками, жители решили сдаться; во главе депутации, отправленной к монголам, находился казий Бедр ад-дин Кази-хан. Монголы вступили в город, по Ибн ал-Асиру, 10-го[4], по Джузджани, 16 февраля. Защита цитадели продолжалась еще 12 дней[5], хотя в ней находилось только 400 всадников[6]; в числе их, по Джувейни, был Гурхан, оказавший чудеса храбрости. Жители должны были доставить монголам все припасы, приготовленные для войска султана, и засыпать для них ров цитадели; после взятия ее все защитники были перебиты. Вслед за тем богатые купцы должны были выдать серебро, купленное ими у хорезмшаха после отрарской катастрофы (вероятно, также другие товары). Наконец, все жители, взяв с собой только ту одежду, которая была на них, должны были выйти из города; их имущество было разграблено монголами; кто вопреки приказанию остался в городе, был убит. По рассказу Джувейни, имам Джелаль ад-дин Али б. Хасан (или Хусейн) Зенди, видя, как монголы грабят мечети и как копыта их лошадей попирают листы Корана, выразил свое негодование Рукн ад-дину Имам-заде, одному из лучших ученых города; тот ответил: «Молчи;

---

[1] *Сйрат Джелāль ад-дйн*, текст, 34; пер., 62. По Ибн ал-Асиру — 20 000.

[2] В тексте <*Сйрат Джелāль ад-дйн*> по ошибке كشكى, в переводе — Kechki; правильно на стр. 43 текста, стр. 74 перевода; так же у Джузджани и в рукописях Джувейни; в печатном изд. Казвини (I, 80) كشلى.

[3] См. также *Тексты*, стр. 115 (Джувейни; ср. рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 173; изд. Казвини, II, 211).

[4] Ср. СМИЗО, I, 8, прим. День у Ибн ал-Асира назван вторником, не средой, как сказано в переводе.

[5] Так, кроме Ибн ал-Асира, говорит и продолжатель Нершахи (Нершахи, изд. Шефера, 23).

[6] Д'Оссон (*Histoire des Mongols*, t. I, p. 233) справедливо отвергает рассказ Джувейни (изд. Казвини, I, 83; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 125), по которому при взятии бухарской цитадели было убито до 30 000 человек.

несется ветер гнева божьего; соломе, [развеваемой им], нечего говорить»[1]. Однако рассказ Ибн ал-Асира показывает, что Рукн ад-дин Имам-заде не обнаружил такой покорности судьбе. Видя, что монголы грубо обращаются с пленными и позволяют себе насилия над женщинами, Рукн ад-дин и его сын вступили в бой с ними и были убиты; так же поступили казий Садр ад-дин-хан и некоторые другие; в числе убитых был также садр Меджд ад-дин Мас'уд, брат везира Низам ал-мулька[2] (см. выше, стр. 443). Совершенно невероятен рассказ Джувейни, будто Чингиз-хан собрал народ в месте праздничного богослужения, взошел на кафедру и оттуда произнес речь, где называл себя бичом божиим, посланным народу за его грехи. О такой невероятной сцене, если бы она произошла в действительности, Ибн ал-Асир, несомненно, услышал бы от своего факиха. Зато рассказ Ибн ал-Асира сходен с рассказом Джувейни в том, что Чингиз-хан потребовал от жителей составления списка главных лиц и старейшин города и к ним обращал свои денежные требования. После разграбления город был сожжен; уцелели только соборная мечеть и некоторые дворцы, выстроенные из жженого кирпича[3]. Едва ли есть основание предполагать, что сожжение города входило в планы Чингиз-хана; пожар был почти неизбежен при разграблении города, в котором опустошительные пожары, вследствие скученности построек, были обыкновенным явлением (см. выше, стр. 163).

На пути из Бухары в Самарканд монголы уже вели с собой огромные толпы пленных. По сведениям Ибн ал-Асира, несомненно полученным от упомянутого факиха, участь этих пленных была крайне тяжелой; они должны были пешком следовать за монгольской конницей; кто изнемогал по дороге, того убивали[4]. Кроме пленных горожан, в этой толпе, несомненно, были сельские жители; во всех странах, где им приходилось действовать, монголы для осадных работ сгоняли крестьян окрестных деревень[5]. Из укрепленных пунктов между Бухарой и Самаркандом сопротивление оказали только Дабусия и Сер-и пуль; из этого можно заключить, что монгольские отряды шли по обоим берегам Зеравшана. Рассказ о Чингиз-хане, слышанный Чан-чунем[6] в 1221 г., заставляет предполагать, что сам Чингиз-хан шел по северному берегу.

[1] Джувейни, изд. Казвини, I, 81; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 123—124.

[2] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 24; пер., 43.

[3] Эти слова, которые д'Оссон (*Histoire des Mongols*, t. I, p. 243) приписывает Ибн ал-Асиру, на самом деле находятся только у Джувейни (изд. Казвини, I, 82; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 124).

[4] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 240; СМИЗО, I, 10.

[5] Васильев, *История и древности*, стр. 224; *История монголов по армянским источникам*, II, 20; Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 53; пер., 91.

[6] Пер. Кафарова, 310; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 76.

Перед непокорными крепостями он не останавливался, но оставлял для осады их небольшие отряды.

Мы видели, что защите Самарканда[1], главного города Мавераннахра, хорезмшах придавал особенное значение; естественно, что здесь было сосредоточено больше войска, чем в других местах. По Джувейни, в Самарканде было до 110 000 войска, из них 60 000 тюрков и 50 000 таджиков, и 20 слонов. По Несеви[2], войска было только 40 000, по Ибн ал-Асиру — 50 000, по Джузджани — 60 000, со включением тюрков, таджиков, гурцев, халаджей и карлуков. Главным начальником города, по Несеви, был Тугай-хан[3], брат Туркан-хатун.

Чингиз-хан подошел к Самарканду в марте и остановился в загородном дворце Кök-сарай (который, конечно, кроме имени не имеет ничего общего с дворцом, выстроенным для Тимура, хотя он, быть может, находился приблизительно на том же месте, так как монголы подходили к городу с западной стороны). Чтобы обмануть осажденных, монголы выстроили пленных в боевой порядок и на каждые десять человек поставили знамя, так что жителям казалось, что перед городом стоит огромное войско. Число пленных увеличилось вследствие прибытия Чагатая и Угэдэя с толпами взятых в плен жителей Отрара. Осада Отрара продолжалась дольше, чем осада других городов Мавераннахра; Инал-хан[4] имел основательные причины опасаться за свою собственную участь и потому защищался до последней крайности, хотя под его начальством, если верить Несеви[5], было только 20 000 всадников; по Джувейни, султан дал ему 50 000 человек «внешнего войска»; кроме того, незадолго до осады на помощь ему был отправлен хаджиб Караджа с десятитысячным отрядом. После пятимесячной (?) осады[6] Караджа решил сдаться и вышел из города со своим войском; Чагатай и Угэдэй, однако, велели его убить, так как не доверяли ему после его измены султану. Жителей Отрара постигла та же участь, как бухар-

---

[1] Об осаде Самарканда см. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 240—241; СМИЗО, I, 10—11; Джузджани, пер. Раверти, II, 979—980; <изд. Нассау-Лиса, 339—340>; Джувейни, изд. Казвини, I, 90—96; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 131—136; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 234—240.

[2] *Сйрат Джелāль ад-дйн*, текст, 36; пер., 62—63.

[3] У Джувейни (Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 135) يغای خان; у Несеви (*Сйрат Джелāль ад-дйн*, текст, 36) в рукописи طعا ايجا. <В экземпляре русск. изд. 1900 г., принадлежавшем Бартольду, имеется его пометка: «печ. изд. <Джувейни, изд. Казвини>, I, 95 تغای ». — *Ред.*>

[4] <Носивший, как сказано выше, титул Каир-хан или Кадыр-хан. — *Ред.*>

[5] *Сйрат Джелāль ад-дйн*, текст, 36; пер., 62.

[6] Подробности о взятии Отрара сообщает только Джувейни (изд. Казвини, I, 64 и сл.; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 110—111). Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 219—221.

цев; они были выведены из города, который подвергся разграблению. Цитадель защищалась еще месяц, и при взятии ее погибли все ее защитники; сам Инал-хан бежал на крышу одного здания и, лишившись всех своих стрел, бросал в монголов кирпичи; монголы, очевидно, имели приказание взять его в плен живым, окружили его, связали и отправили к Чингиз-хану в Кök-сарай, где его подвергли жестокой казни, описанной у Несеви [1].

В Самарканде осажденные на третий день произвели вылазку. По Ибн ал-Асиру и Джузджани, вылазка окончилась страшным поражением; монголы устроили мусульманам засаду и истребили их до последнего человека; при этом погибло, по Ибн ал-Асиру, 70 000 человек, по Джузджани — 50 000. Ибн ал-Асир уверяет, что войско султана не принимало в вылазке никакого участия и вылазку устроили исключительно жители города. Эти рассказы современников заставляют отвергнуть рассказ Джувейни, по которому вылазку произвели тюрки; они под начальством Алп-Эр-хана [2], Шейх-хана, Бала-хана и некоторых других ханов вышли из города, убили некоторых монголов, некоторых взяли в плен и сами потеряли до 1000 человек. На пятый день осады [3] как тюрки, так и местные жители решили сдаться. За исключением небольшого отряда, который заперся в цитадели, тюрки, под начальством самого Тугай-хана, предложили монголам свои услуги, на что последние сперва согласились. Горожане отправили депутацию с казием и шейх ал-исламом во главе; монголы вступили в город через ворота Намазгах [4] (?) и тотчас занялись разрушением укреплений. По обыкновению жители были выведены из города, подвергнутого разграблению. Исключение было сделано для казия, шейх ал-ислама и находившихся под их покровительством лиц, число которых будто бы доходило до 50 000. Это известие очень любопытно, как доказательство, что самаркандское духовенство, в противоположность бухарскому, не оказало противодействия монголам и с самого начала пользовалось с их стороны тем уважением, какое шаманисты вообще оказывали духовенству всех религий. Если в число духовенства, как впоследствии, были включены все сейиды, то это число не могло не быть очень значительным, хотя едва ли достигало 50 000. Цитадель, как в Бухаре, была

---

[1] *Сйрат Джелāль ад-дйн*, текст, 87; пер., 63.

[2] В тексте (изд. Казвини, I, 92; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 133) الپارخان.

[3] Так по Джувейни; по словам Джузджани, осада после вылазки продолжалась еще 10 дней. Город был взят, по его словам, 10 мухаррема (17 марта).

[4] Т. е. ворота места праздничной молитвы. Предполагают, что они находились с северо-западной стороны города, где В. Вяткин производил раскопки в 1905 г. (см Вяткин, *Отчет о раскопках в местности Намазгох*, стр. 12 и сл., а также Бартольд, *Орошение*, стр. 110).

взята приступом, причем монголы разрушили «проток свинца», т. е. канал Джакердиза (см. выше, стр. 136—137, 140); вероятно, они уничтожили одну из плотин, чтобы вода затопила окрестности цитадели и размыла часть ее стен[1]. В ночь перед этим Алп-хан (вероятно, тожественный с Алп-Эр-ханом) с 1000 воинов произвел вылазку; ему удалось пройти сквозь ряды монголов и впоследствии соединиться с войсками султана. Оставшиеся защитники цитадели, в числе 1000 человек, собрались в соборной мечети; здесь они все были перебиты, а мечеть сожжена. Вероятно, имеется в виду новое здание, построенное хорезмшахом (см. выше, стр. 431), где во время моих раскопок в 1904 г. были обнаружены следы пожара. Тюркские воины султана, которые сначала были приняты на службу монголами, теперь были окружены на ровном месте и перебиты со всеми своими предводителями, в том числе и Тугай-ханом. По Джувейни, воинов было более 30 000, предводителей— более 20; имена их впоследствии были перечислены в ярлыке, написанном от имени Чингиз-хана для Рукн ад-дина Курта[2], предка известной династии гератских владетелей; здесь были перечислены все начальники войск и областей, побежденные монголами; к сожалению, этот документ не дошел до нас. Что касается остальных жителей, то из них 30 000 ремесленников были отданы сыновьям и родственникам Чингиз-хана; столько же было уведено для осадных работ; остальные получили позволение вернуться в город, причем с них взяли выкуп в 200 000 динаров (т. е. возвратили им остальное имущество?). После этого еще несколько раз уводили жителей из города, так что он почти совсем опустел. При Чан-чуне в Самарканде оставалась только четвертая часть прежнего населения города[3].

После завоевания Самарканда Чингиз-хан временно приостановил движение вперед своего корпуса. Столь же успешно действовал отряд, посланный им из Отрара вниз по Сыр-Дарье, под начальством Джучи; покорение этой части страны, очевидно, было поручено Джучи потому, что северо-западные области империи должны были войти в состав его

---

[1] Из этих сообщений ясно, что цитадель, взятая монголами, включала не только крепость, описанную географами X в., но также шахристан, т. е. всю территорию, называемую сейчас Афрасиабом, которая тогда орошалась «свинцовым потоком». См. выше описание Самарканда (стр. 134 и сл.).

[2] <Или Карта, по другому чтению, правильность которого теперь установлена (устная консультация В. Ф. Минорского). — *Ред.*>

[3] Чан-чунь, пер. Кафарова, 311; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 78. Джувейни (изд. Казвини, I, 94) рассказывает анекдот о гибели слонов, взятых монголами в Самарканде; Чингиз-хан спросил, чем они питаются; ему ответили, что травой; тогда он велел пустить их в поле, где они погибли от голода. Из слов Чан-чуня, однако, видно, что слоны еще были живы зимой 1221/22 г. (Чан-чунь, пер. Кафарова, 312; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 79).

удела. Подробности о его победах сообщает только Джувейни[1]. Прежде всего монголы подошли к Сыгнаку (на расстоянии 24 фарсахов от Отрара)[2], с жителями которого Джучи начал переговоры. В качестве своего представителя он отправил мусульманского купца Хасан-хаджи[3], уже много лет находившегося на монгольской службе; вероятно, он тожествен с упомянутым в *Юань-чао би-ши*[4] Асанем. Жители убили посла, после чего монголы семь дней осаждали город, наконец, взяли его приступом и перебили все население; начальником местности был оставлен сын убитого Хасана. На дальнейшем пути были взяты Узгенд, Барчынлыгкент и Ашнас; особенно упорное сопротивление оказал последний, гарнизон которого состоял преимущественно из «развратников и разбойников». После этого в Дженд был отправлен для переговоров Чин-Тимур, происходивший из онгутов[5] (белых татар) и впоследствии игравший большую роль в истории Персии. Еще раньше Дженд был покинут войском султана, начальник которого, Кутлуг-хан, бежал через степь в Хорезм; по Несеви[6], Кутлуг-хан, во главе десятитысячного корпуса, стоял в Шехрканте (Яныкенте). Чин-Тимур в Дженде был дурно принят жителями и получил возможность вернуться только потому, что напомнил жителям о судьбе Сыгнака и обещал им удалить монголов от Дженда. Монгольские военачальники раньше не предполагали тотчас идти на Дженд, но хотели[7] отдохнуть в Каракоруме; конечно, имеется в виду не монгольская столица Чингиз-хана, но носившая то же самое название ставка канглов (кипчаков), которая упоминается у Джувейни[8] также в рассказе о первом столкновении султана с монголами; сюда бежали от монголов мергиты[9]. Намерение военачальников

---

[1] Изд. Казвини, I, 66—70; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 112—115. Ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 221—224. [2] См. выше, стр. 236.

[3] В печатном издании Рашид ад-дина (изд. Березина, ч. XV, текст, 69; пер., 45)—Хусейн-хаджи.

[4] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 95; <изд. Козина, 139>; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 269. Здесь сказано, что Асань раньше жил в стране онгутов и для торговых целей прибыл к реке Аргуни.

[5] Так по Рашид ад-дину (изд. Березина, текст, ч. VII, 149; пер., ч. V, 117). В другом месте (рук. Аз. муз. a 566 (D 66), л. 182; изд. Блюше, 87) Рашид ад-дин, со слов Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 180; изд. Казвини, II, 218), называет его кара-китаем; по всей вероятности, он был обязан этому народу своим образованием, хотя возможно также, что он был кара-китаем, жившим в стране онгутов.

[6] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 36; пер., 62.

[7] В хрестоматии Шефера (*Chrestomathie persane*, t. II, p. 114) следует читать بود (так в рук. Ханыкова и в изд. Казвини, I, 69) вместо نبود.

[8] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 136 (ср. изд. Казвини, II, 101): قراقورم كه موضع اقامت قنقليان بود.

[9] По мнению издателя *Та'рих-и джахангушай*, правильное чтение — قراقوم Каракум

показывает, что монгольская конница в то время уже требовала некоторого ремонта и что Джучи хотел воспользоваться для этой цели летовками кочевников. Теперь он отложил свое намерение и подступил к Дженду. Во всех рукописях Джувейни и с его слов у Рашид ад-дина сказано, что это произошло 4[1] или 14 сафара[2] 616 г. х. (21 апреля или 1 мая 1219 г.), что, однако, едва ли возможно; по всей вероятности, вместо 616 надо читать 617 и отнести это событие к 10 или 20 апреля 1220 г. Жители заперли ворота, но не оказали никакого сопротивления; монголы приставили лестницы, взошли на стены, заняли город, заставили жителей выйти и остаться в поле девять дней, пока продолжалось разграбление города; убиты были только те, которые своими речами оскорбили Чин-Тимура. Начальником города был назначен бухарец Али-ходжа, которого д'Оссон, по-видимому основательно, отожествляет с упомянутым у Несеви послом Чингиз-хана к Мухаммеду (см. выше, стр. 463). Сам Джучи, насколько известно, остался в Дженде, откуда в следующем году пошел на Хорезм. Небольшой отряд был послан на Янькент (Шехркент) и, по-видимому, занял город без сопротивления. В Каракорум была отправлена часть войска под начальством Улус-Иди[3]; ее заменил десятитысячный отряд, набранный из туркмен; этот отряд вошел в состав войска, отправленного на Хорезм под начальством Тайнал-нойона. Тайнал[4] с авангардом своего войска уже совершил несколько переходов, когда узнал, что туркменский отряд возмутился и что поставленный во главе его монгол убит; тотчас Тайнал вернулся, напал на туркмен и большую часть их истребил; остальные спаслись в Мерв и Амуль. Едва ли этот рассказ вполне достоверен; корпус Джучи едва ли был так многочислен, чтобы быть в состоянии отделить от себя

[1] Так по рук. ГПБ IV, 2, 34 (л. 32) и в изд. Казвини, I, 69, а также по Рашид ад-дину (изд. Березина, ч. XV, текст, 71; пер., 46).

[2] Так <у Джувейни> в рук. Ханыкова и в издании Шефера (Schefer, *Chrestomathie persane,* t. II, p. 114).

[3] Едва ли правильно мнение проф. Березина, что «под улусом يسدى Иди разумеется Иди-кут со своими Уйгурами» (Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, пер., 171, прим.; в ту же самую ошибку впал д'Оссон (*Histoire des Mongols,* t. I, p. 223). Мы видели, что уйгурский отряд участвовал в осаде Отрара. Тексты ясно показывают, что Улус-Иди — имя монгольского военачальника. По всей вероятности, имеется в виду тысячник правого крыла Джида-нойон (Рашид ад-дин, изд. Березина <текст, ч. VII, 253>; пер., ч. V, 190—191; ч. XV, <текст, 199—200>; пер., 134—135); его имя встречается в переводе проф. Березина также в формах Джеди и Джэдэ (там же, пер., ч. V, 76, 87, 157); в тексте جدى в *Юань-чао би-ши* — Чжэдай (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 60, 62; <изд. Козина, 109 — Чжетай>).

[4] Такое чтение, кроме д'Оссона, принял и проф. Березин (Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, <текст, 72 تاينال نويان >; пер., 46); у Джувейни (изд. Казвини, I, 70) تاينان, но в хрестоматии Шефера بايـنـال и так же в рук. ГПБ IV, 2, 34.

отряд, численность которого, судя по приведенным данным, не могла быть менее 20 000; наконец, движение с таким отрядом на Хорезм, центр могущества династии хорезмшахов, не имело бы никакого смысла. Во всяком случае, движение не было возобновлено; до конца года корпус Джучи оставался на низовьях Сыр-Дарьи в оборонительном положении, причем, как мы увидим, даже завоеванные города не все время оставались во власти монголов.

Отряд, отправленный на Бенакет[1] и состоявший всего из 5000 человек, находился под начальством Алак-нойона, происходившего из племени барин и вместе со своим братом всегда сопровождавшего Чингиз-хана[2]; другими начальниками отряда были тысячник правого крыла Сукэту-чэрби, из племени хонгхотан[3], и Тугай. Тюркский гарнизон Бенакета, под начальством Илетгу[4]-мелика, защищался три дня; на четвертый день город сдался. Монголы перебили гарнизон, а из жителей увели ремесленников и отряд молодых людей для осадных работ. Таким образом, монголы в Бенакете отнюдь не встретили более упорного сопротивления, чем в других городах; между тем из всех городов Мавераннахра только о Бенакете говорится, что он оставался в развалинах со времени Чингиз-хана до Тимура[5]. Очень вероятно, что город пришел в разрушение во время смут второй половины XIII в. и что предание ошибочно приписало это разрушение Чингиз-хану.

Из Бенакета отряд, по словам Джувейни, пошел на Ходженд; однако сам Джувейни в другом месте называет Алак-нойона[6] одним из двух начальников отряда, посланного Чингиз-ханом на Вахш и Талькан. Ввиду этого надо признать более вероятным, что пятитысячный отряд после взятия Бенакета вернулся к Чингиз-хану, осаждавшему Самарканд, и что осада Ходженда была поручена особому отряду, отправленному уже из Самарканда. Ибн ал-Асир[7] и Джузджани[8] также

---

[1] О его действиях см. у Джувейни, изд. Казвини, I, 70; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 115; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 224.

[2] О нем см. у Рашид ад-дина (изд. Березина, <текст, ч. VII, 261>; пер., ч. V 196)

[3] Там же, текст, ч. VII, 215; пер., ч. V, 160; ч. XV, <текст, 200>; пер., 135.

[4] В рукописях Джувейни ايلاسكو, в изд. Казвини, I, 70 и в хрестоматии Шефера вокализовано ايلتكو, вероятно от глагола ايلتمك 'вести'. У проф. Березина (Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, текст, 73; пер., 47) ايلكتو Ильгету.

[5] Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, IV, 207; калькут. изд., II, 636.

[6] Изд. Казвини, I, 92, где дано написание имени غداق; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 132, где другое написание (عـلاق); у Рашид ад-дина в обоих случаях الاق (изд. Березина, ч. XV, текст, 73, 86; пер., 47, 57).

[7] Изд. Торнберга, XII, 254; СМИЗО, I, 28.

[8] Пер. Раверти, II, 980; <изд. Нассау-Лиса, 340>.

говорят, что после падения Самарканда Чингиз-хан отправил отряд на Фергану; сам Джувейни признает, что главную массу осаждавших Ходженд составляли отряды, собравшиеся «со стороны Отрара, Бухары, Самарканда и других завоеванных городов и деревень», в числе 20 000 монголов и 50 000 пленных. Очень вероятно, что на Ходженд был послан отряд Чагатая и Угэдэя, вернувшийся к Чингиз-хану после падения Отрара; принимали ли участие в походе оба царевича — неизвестно, и вообще мы не знаем, кто руководил действиями монголов при осаде Ходженда, представляющей один из любопытных эпизодов военной истории[1]. Начальник Ходженда Тимур-мелик не мог удержаться в городе и с тысячью воинов укрепился на одном из островов Сыр-Дарьи; есть основание полагать, что имеется в виду остров, расположенный в версте ниже Ходженда; здесь в новейшее время было найдено «много золотых, серебряных и медных монет, разных сосудов, принадлежностей домашней утвари и т. п.»[2]. Остров был настолько далек от берега, что нельзя было обстреливать укрепление стрелами и камнями; монголы разделили пленных на десятки и во главе каждых двух десятков поставили одного монгола; пленные должны были привозить камни из гор, находившихся в трех фарсахах от Ходженда; монгольская конница бросала эти камни в реку, чтобы таким образом выстроить дамбу. Тимур-мелик выстроил двенадцать крытых лодок, обтянутых сырым войлоком и сверху еще покрытых слоем глины, пропитанной уксусом, с небольшими отверстиями; против этих лодок стрелы, огонь и нефть были бессильны. По ночам и рано утром защитники укрепления подплывали к берегу, нападали на монголов и разрушали дамбу. В конце концов Тимур-мелик все-таки должен был покинуть свой остров; вероятно, запас провианта и оружия приходил к концу; подкрепления осажденные, насколько известно, не ожидали ни с какой стороны; о продолжительности осады также нет известий. Ночью Тимур-мелик посадил свой отряд, с остатками припасов и других предметов, на семьдесят судов, заранее приготовленных для этого случая, и при свете факелов поплыл вниз по реке. Монгольские отряды преследовали его вдоль обоих берегов; Тимур-мелик и тут, если верить историку, производил на них нападения и прогонял их своими меткими стрелами. При Бенакете монголы заранее протянули цепь, но Тимур-мелику удалось прорвать ее. Когда он достиг окрестностей Барчынлыгкента и Дженда, то Улус-Иди заранее расставил отряды по обоим берегам реки, построил мост из кораблей и поставил метательные снаряды. Тимур-мелику, однако, удалось высадиться на берег; но, преследуемый монголами, он

[1] Об осаде Ходженда см. Джувейни, изд. Казвини, I, 71 и сл.; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 115—117; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 224—226.

[2] Андреев, *Местности Туркестана*, стр. 19.

потерял весь свой обоз и всех своих спутников и один только благополучно прибыл в Хорезм, где, очевидно, рассказал о своих подвигах и позаботился об их увековечении. Едва ли стоило прибегать к чудесам изобретательности для достижения этого результата; сохранение жизни Тимур-мелика не принесло никакой пользы ни Хорезму, ни султану Джелаль ад-дину, к которому он вскоре после того присоединился и судьбу которого разделял до его смерти. Подвиги Тимур-мелика, как впоследствии подвиги самого Джелаль ад-дина, представляют образец личного геройства, совершенно бесполезного для общего дела. Со стороны мусульман мы встречаем героев, с горстью людей совершающих чудеса храбрости (впрочем, вероятно, преувеличенные их собственной и чужой хвастливостью), но совершенно не умеющих организовать более значительные силы и потому только отступающих перед главными силами татар. Со стороны монголов мы в эту войну почти совсем не видим примеров единоличного геройства; военачальники остаются только послушными и умелыми исполнителями воли своего государя, разделяющего и вновь соединяющего отдельные корпуса своей армии по мере надобности и быстро принимающего меры для устранения последствий случайных неудач. Строго дисциплинированные монгольские воины не ищут случая отличиться перед своими товарищами, но точно исполняют приказы государя или назначенных им предводителей.

Хорезмшах Мухаммед не мог оказать монголам даже того сопротивления, которое впоследствии оказалось возможным для Джелаль ад-дина. Чингиз-хан воспользовался советом отрарского изменника Бедр ад-дина, чтобы еще увеличить недоверие султана к своим военачальникам, родственникам Туркан-хатун; были составлены письма от имени военачальников к Чингиз-хану и потом тайно вручены султану [1]. Во время действия монголов в Мавераннахре хорезмшах занимал со своими отрядами Келиф и Андхуд [2], очевидно желая помешать монголам переправиться через Аму-Дарью. Во время осады Самарканда султан послал на помощь осажденным один раз 10 000 всадников, в другой раз — 20 000; но ни тот, ни другой отряд не решился дойти до места назначения [3], что и действительно было бы совершенно бесполезно. Под Самаркандом Чингиз-хан распределил свои силы следующим образом: кроме отряда, посланного на Ходженд и Фергану, один отряд,

[1] Несеви, *Сӣрат Джелāль ад-дӣн*, текст, 37—38; пер., 64—65; Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, изд. Броуна, текст, 497; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 213—215. Вопреки мнению д'Оссона, мы не видим основания сомневаться в действительности этого факта.

[2] Несеви, *Сӣрат Джелāль ад-дӣн*, текст, 43; пер., 73.

[3] Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 241; СМИЗО, I, 11.

под начальством Алак-нойона и тысячника левого крыла Ясавура[1] (из племени джалаиров), был послан на Вахш и Талькан, по Ибн ал-Асиру[2] — на Куляб; о действиях его мы не знаем никаких подробностей. Ибн ал-Асир говорит еще об отправлении отряда на Термез, но эта крепость, как мы увидим дальше, была взята самим Чингиз-ханом. Наконец, три тюменя (30 000 человек)[3], под начальством Чжэбэ, Субудая и Тохучар-бахадура, должны были переправиться через Аму-Дарью, не трогать мирных жителей, не осаждать городов, а только преследовать хорезмшаха. На такую меру Чингиз-хан решился только после того, как до него дошли верные известия о слабости войска султана. Незадолго перед этим от этого войска отделились отряд каракитаев (7000 человек) и Ала ад-дин[4], владетель Кундуза; они принесли Чингиз-хану точные известия о состоянии войска его врага[5], который незадолго перед этим, если верить Джувейни, подвергся покушению в своем лагере (см. стр. 473). Султан решил последовать совету везира своего сына Рукн ад-дина, управлявшего Ираком, идти в эту страну и собрать там войско. Несмотря на все перлы красноречия Несеви[6], это решение надо признать вполне естественным. Джувейни[7] рассказывает, что Джелаль ад-дин уговаривал своего отца не принимать такого малодушного решения или по крайней мере оставить войско ему, Джелаль ад-дину; в противном случае народ будет иметь право упрекать династию за то, что она только взимает подати с населения, но не ис-

---

[1] О нем см. у Рашид ад-дина (изд. Березина, текст, ч. VII, 53; пер., ч. V, 42; ч. XV, текст, 210; пер., 140); у проф. Березина два различных чтения, Бисур и Бисудер. На наш взгляд, имеется в виду то же самое имя, которое в XIV в. носил известный чагатайский царевич, переселившийся в Персию (d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. IV, pp. 564—568, 612—628, 643—644). Имя его у Вассафа пишется يسور, у продолжателя Рашид ад-дина يساوور.

[2] Изд. Торнберга, XII, 254; СМИЗО, I, 28. Чтение كلاب или كلابه кажется наиболее вероятным.

[3] Эту цифру мы находим не только у писателей, находившихся на службе у монголов, но и у Несеви (*Сират Джелаль ад-дин,* текст, 44; пер., 75); Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XII, 241), которому существование отряда Тохучара осталось неизвестным, говорит только о 20 000. Цифра 20 000 также у Вардана (*История монголов по армянским источникам,* I, 2). Ввиду этого, вопреки мнению Раверти (Джузджани, пер. Раверти, II, 987, прим. 3), нет основания полагать, что историки намеренно уменьшили численность монгольского отряда, чтобы выставить в более блестящем свете его подвиги, и что цифра 60 000, приведенная у Джузджани, правдоподобнее.

[4] Его также звали Ала ал-мульк (Джувейни, изд. Казвини, II, 197,$_{18}$; Джузджани, пер. Раверти, II, 1023, прим.).

[5] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин,* текст, 43—44; пер., 75.

[6] Там же, текст, 45; пер., 77.

[7] Рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 138—139, 147; изд. Казвини, II, 107, 127; Мирхонд, *История хорезмшахов,* изд. Дефремери, 79; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. I, pp. 242—243.

полняет вытекающей отсюда обязанности — защищать страну от внешних врагов. Едва ли эти слова когда-нибудь были произнесены; никто не мог помешать Джелаль ад-дину тогда же отправиться в свой удел, в Газну, и там организовать сопротивление монголам. Если Джелаль ад-дин и его братья разделили судьбу своего отца, вплоть до бегства на остров, то очевидно, что они были проникнуты таким же страхом перед монголами [1].

Незадолго до прибытия отрядов Чжэбэ и Субудая хорезмшах покинул берега Аму-Дарьи, оставив только наблюдательный отряд у Пенджаба. Отряд, очевидно, был крайне незначителен, так как монголы переправились через Аму-Дарью так же беспрепятственно, как прежде через Сыр-Дарью. Способ переправы описывается у Ибн ал-Асира [2] в следующих словах: «Они смастерили из дерева нечто вроде больших водопойных корыт, обтянули их бычачьими шкурами, чтобы в них не проникала вода, положили в них свое оружие и свой скарб, пустили лошадей в воду, уцепились [руками] за хвосты их, прикрепив к себе эти деревянные корыта, так что лошадь тащила [за собой] человека, а человек тащил корыто, наполненное оружием и пр., и так переправились все за один раз». Сомнительно, чтобы монголы могли приготовить на берегу Аму-Дарьи такое множество деревянных корыт; более вероятно, что Ибн ал-Асир не вполне правильно понял рассказ своего источника и что монголами был применен обычный у кочевников способ переправы через большие реки, описанный, между прочим, у Плано Карпини [3]: «У начальников есть круглая и легкая кожа, в которой сверху кругом сделаны частые петли; через петли продевают веревку и стягивают так, что внутри круга образуется как бы вместилище, которое наполняют одеждой, оружием и другими вещами и крепко завязывают; после этого в середину кладут седла и более твердые предметы; люди садятся посередине; приготовленное таким образом судно привязывают к хвосту лошади и одного человека, управляющего лошадью, пускают вперед вплавь; иногда у них бывают весла, которыми пользуются при переправе. Лошадей гонят в воду, и один всадник пускается вплавь; остальные лошади следуют за ним. Более бедные обязаны иметь каждый по кожаному кошелю, хорошо сшитому; в такой кошель или мешок они кладут одежду и все свои вещи, а сверху крепко связывают его, привязывают к хвосту лошади и переправляются,

---

[1] Джувейни в одном месте (изд. Казвини, I, 135; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 165) говорит, что султан из Нишапура отправил Джелаль ад-дина для охраны Балха, но тот вернулся к отцу, так как получил известие о переправе монголов.

[2] Изд. Торнберга, XII, 241; СМИЗО, I, 12.

[3] Изд. Языкова, 170—172; изд. Бизли, 81, 113, 156; <пер. Маленна, 30; перевод И. А. Маленна отличается от приведенного перевода у В. В. Бартольда. — *Ред.*>

как описано выше». Как известно, те же мешки при степных переходах служили для хранения воды.

По Джувейни, весть о переправе монголов застала султана[1] уже в Нишапуре, куда он прибыл 12 сафара 617/18 апреля 1220 г.[2]. По Джузджани, переправа совершилась только в месяце раби' I, т. е. в мае. Крайне сомнителен рассказ Джувейни, по которому султан пробыл в Нишапуре почти целый месяц (с 18 апреля по 12 мая) и в это время предавался веселью, забыв об угрожающей ему опасности. Несеви, имевший случай говорить с лицом, сопровождавшим султана, говорит, что султан из страха перед монголами не остался в Нишапуре и одного дня. Так оно, вероятно, и было; бегство султана в Нишапур показывает, что он ожидал переправы монголов через Аму-Дарью; при таких условиях он едва ли делал продолжительные остановки в городах Хорасана. В Бистаме султан передал одному из векилей двора, эмиру Тадж ад-дину Омару Бистами, два ящика с драгоценными камнями и велел отправить их в Ардахан[3], «одну из самых сильных крепостей мира» (выражение Несеви); впоследствии в эту крепость были перенесены останки самого султана[4]. Спасти сокровища ему не удалось; крепость впоследствии была принуждена сдаться монголам, и ящики были отправлены к Чингиз-хану. Хорезмшах бежал через Рей в Казвин, где стоял его сын Рукн ад-дин Гуршанчи с 30 000 человек войска. Теперь султан имел полную возможность уничтожить разрозненные отряды Чжэбэ и Субудая; но этой возможностью он не воспользовался. Он отправил свою жену, мать Гияс ад-дина Пир-шаха, и других женщин в крепость Карун, где начальствовал Тадж ад-дин Туган, а сам призвал к себе в качестве советника луристанского атабека Насрет ад-дина Хазараспа[5]. Тот указал ему на одну горную цепь[6] между Луристаном и Фарсом, за которой была расположена плодородная местность; здесь можно было набрать до 100 000 пехотинцев из луров, шулов и жителей Фарса и с их помощью отразить монголов.

---

[1] О бегстве и смерти султана см. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 241—242, 246; СМИЗО, I, 12—13, 17; Джузджани, пер. Раверти, I, 277—279 <в изд. Нассау-Лиса нет>; Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 45—48; пер., 76—82; Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 139—143; изд. Казвини, II, 105—117; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 79—85; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 243—256.

[2] Эта же дата у Джувейни дана дважды (изд. Казвини, I, 134, 20; II, 109, 20).

[3] Во французском переводе Несеви по ошибке Erdelin; в тексте верно.

[4] Так по Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 143; изд. Казвини, II, 117). Крепость находилась на расстоянии трех дней пути от Рея (Якут, *Му'джам*, I, 204).

[5] Ср. Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 147.

[6] Название ее у Джувейни (изд. Казвини, II, 113) как تنگ تکو (в рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 141 تنگ تکو ; в рук. Ханыкова تکو تنگ); по Раверти (Джузджани, пер. Раверти, I, 277) Tang-Talü; <в изд. Нассау-Лиса нет>.

Султан не одобрил и этого плана и решил, что Насрет ад-дин преследует свои личные цели, именно хочет отомстить своему врагу, атабеку Фарса. Насрет ад-дин вернулся в свои владения; Мухаммед остался в Ираке. При приближении монголов он с сыновьями ушел в крепость Карун, но остался там только один день, взял с собой несколько лошадей и проводников и отправился по дороге в Багдад. Обманув преследовавших его монголов, он прибыл в крепость Сер-Чахан, где пробыл семь дней, и оттуда пробрался до берега Каспийского моря.

Так рассказывает Джувейни, совсем не упоминающий о том, что султан ушел в Хамадан; здесь его видели купцы, от которых получил свои сведения Ибн ал-Асир. По Несеви, в окрестностях Хамадана, на лугу Даулетабад, даже произошла битва между султаном и монголами. Известия о действиях последних [1] также не вполне ясны. По инструкции, приведенной в *Юань-чао би-ши* [2], им было предписано «обходить города, населенные мусульманами, и не трогать тамошнего народа, пока сам он (Чингиз-хан) не прибудет туда; тогда напасть на мусульман с двух сторон». Плано Карпини [3] говорит о подобных передовых отрядах (praecursores), что они «ничего не носят с собой, кроме своих войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, домов не сожигают, животных не убивают; людей ранят, умерщвляют или по крайней мере обращают в бегство, но первое делают гораздо охотнее, чем последнее». Чжэбэ и Субудай, кроме того, должны были преследовать хорезмшаха; поэтому они, по свидетельству Ибн ал Асира [4], «на пути своем не сделали никаких остановок ни для грабежа, ни для убийства, а только усугубили свое движение по преследованию его, не давая ему отдыха». Джузджани [5] также говорит, что монголы «согласно полученным от Чингиз-хана приказаниям не причинили никакого вреда ни одному из хорасанских городов», кроме Бушенга в Герата̀ской области, где был убит один из их начальников, за что город был разрушен и население истреблено. С другой стороны, по Джувейни, монголы оставили наместника в Балхе, разрушили город Заву, жители которого оказали им сопротивление и оскорбили их насмешками, и в начале месяца раби' II (июня) подошли к Нишапуру.

Приказание относительно опустошений нарушил только третий от-

---

[1] О них, кроме упомянутых мест, еще Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 243—246; СМИЗО, I, 13—17; Джузджани, пер. Раверти, II, 987—995; <изд. Нассау-Лиса, 341—342>; Джувейни, изд. Казвини, I, 112—116, 134—138; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 147—150, 164—168; Мирхонд, *История Чингиз-хана*, изд. Жобера, 124—134.

[2] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 146; <изд. Козина, 157>.

[3] Изд. Языкова, 170; изд. Бизли, 81; <пер. Малеина, 80>.

[4] Изд. Торнберга, XII, 241; СМИЗО, I, 12.

[5] Пер. Раверти, II, 989—992; <изд. Нассау-Лиса, 341>.

ряд, отряд Тохучара. Рашид ад-дин[1] рассказывает, что гератский наместник Мелик-хан[2] Амин ал-мульк[3] еще раньше покорился Чингиз-хану и получил от него грамоту, на основании которой монголы не должны были производить грабежей в его владениях. Чжэбэ и Субудай исполнили это повеление, но Тохучар нарушил его и был убит в сражении с горцами. Это нарушение дисциплины было настолько важным событием в глазах монголов, что о нем упоминает и монгольское сказание[4], вообще дающее только самые краткие сведения о походе на запад. По этому известию, Тохучар только «снял хлеб на колосьях»; о его смерти не говорится; когда он вернулся к Чингиз-хану, последний хотел казнить его, потом помиловал, но сделал ему выговор и отставил его от начальства над войском. Тохучару, по-видимому, должно приписать разрушение Бушенга, о котором говорит Джузджани. Что Тохучар при этом не был убит, подтверждается рассказом Несеви[5] о разрушении города Неса (куда Тохучар, конечно, мог проникнуть только после своих действий в Гератской области) десятитысячным монгольским отрядом под начальством Тохучар-нойона, зятя Чингиз-хана, и его помощника Бурка-нойона[6]. Незадолго перед этим жители Неса восстановили, с позволения султана, цитадель своего города, хотя султан советовал им, через своего посланца, бежать от монголов в степи и горы и ждать, пока монголы, собрав достаточное количество добычи, вернутся на свою родину. Как по Джузджани[7], так и по Джувейни[8], Тохучар был убит около Нишапура; по Джувейни, — в половине рамазана (ноября). Отряд Тохучара после этого разрушил Себзевар. Дальнейших известий об отряде Тохучара нет; по всей вероятности, к нему принадлежали те татары, с которыми в начале 1221 г. пришлось иметь дело хорезмийским царевичам. Несеви[9] называет Неса первым городом Хорасана, которым овладели татары, чем опровергается рассказ Джувейни о разрушении Завы. Во всяком случае, отряды

---

[1] Изд. Березина, ч. XV, <текст, 118—119>; пер., 78.

[2] Чаще так, чем Хан-мелик.

[3] В различных местах: Амин-мелик, Амин ал-мульк, Йемин-мелик, Йемин ал-мульк.

[4] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 146—147; <изд. Козина, 187; перевод Козина резко отличается от перевода Кафарова. — *Ред.*>.

[5] *Сйрат Джелāль ад-дйн,* текст, 50—52; пер., 84—89.

[6] В тексте Несеви بركا; у Джувейни (изд. Казвини, I, 138) نوركاى نوين; Schefer, *Chrestomathie persane,* t. II, p. 167 بوركا. Он происходил из племени джалаиров (Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 52, 278; пер., ч. V, 41, 209).

[7] Пер. Раверти, II, 992; <изд. Нассау-Лиса, 341>.

[8] Изд. Казвини, I, 138; Schefer, *Chrestomathie persane,* t. II, p. 167; Мирхонд (*История Чингиз-хана,* изд. Жобера, 153) ошибочно утверждает, что Тохучар был послан Тулуем.

[9] *Сйрат Джелāль ад-дйн,* текст, 58; пер., 98.

Чжэбэ и Субудая были слишком малочисленны, чтобы оставлять своих начальников в таких больших городах, как Балх, так как оставление начальника без оставления гарнизона, конечно, не имело смысла. Более правдоподобен рассказ Джувейни о полученной жителями Нишапура [1] грамоте, написанной уйгурским шрифтом, с приложением красной печати. В грамоте жители увещевались не оказывать сопротивления монголам и изъявить покорность немедленно после прибытия монгольского войска, т. е. войска Чингиз-хана.

Несомненно, что Мухаммеду при отъезде из Нишапура удалось скрыть свои следы; о его движении на Ирак не знали ни факих, с которым говорил Ибн ал-Асир, ни историк Джузджани. Этим объясняется, что монголы из окрестностей Нишапура отправили свои отряды в разные стороны, очевидно для того, чтобы добыть сведения о направлении, куда бежал султан. По Джувейни, отряд Субудая после разграбления Туса и некоторых других городов направился по прямой дороге через Дамган и Семнан в Рей; отряд Чжэбэ прибыл туда же после разграбления некоторых мазандеранских городов, особенно Амуля. По Джувейни, жители Рея покорились добровольно; по Ибн ал-Асиру, татары неожиданно появились перед городом, овладели им и увели в плен женщин и детей. Появление их перед Реем Ибн ал-Асир объясняет тем, что до них дошли слухи о прибытии султана в этот город. В Рее они получили сведения об отъезде султана в Хамадан и направились туда; на этом пути они «грабили каждый город и каждую деревню, жгли, опустошали, налагали меч на мужчин, женщин и детей». По рассказу Ибн ал-Асира, султан покинул Хамадан до прибытия врагов; по Джувейни, султан встретил монголов по дороге из Казвина в Карун, но не был узнан ими; монголы пустили в его отряд несколько стрел и ранили султана, который, тем не менее, благополучно достиг крепости. Монголы осадили крепость уже после отъезда султана; узнав, что его в крепости нет, они тотчас прекратили осаду, захватили по дороге некоторых из проводников султана и направились по его следам. Султан неожиданно изменил свой путь и прибыл в крепость Сер-Чахан; монголы потеряли его след, убили проводников и вернулись назад. Наконец, по Несеви, султан в равнине Даулетабад, в окрестностях Хамадана, с двадцатитысячным войском был окружен монголами и с трудом спасся; монголы перебили большую часть его спутников. Итак, здесь, на крайнем западе владений султана, произошла единственная битва между ним и монголами. Даже если он имел перед собой весь корпус Чжэбэ и Субудая, что мало вероятно (по Джувейни, на Хама-

[1] По Джувейни (изд. Казвини, I, 136; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 166), монгольский авангард подошел к городу 19 рабиʿ I (24 мая), сам Чжэбэ — 1 рабиʿ II (5 июня).

дан направился только отряд Чжэбэ), то и тогда силы монголов не превосходили его собственных; тем не менее, он и тут думал только о спасении своей жизни посредством бегства.

Вопреки рассказам Ибн ал-Асира, Джувейни и Несеви, едва ли подлежит сомнению, что монголы в окрестностях Хамадана окончательно потеряли след султана и что на своем пути к берегу Каспийского моря и на острове, где он кончил свою жизнь, султан уже не подвергался преследованию. Остров был расположен так близко от берега, что, по словам самого Несеви, мазандеранцы каждый день приносили султану пищу и другие предметы. Не подлежит сомнению, что в мазандеранских гаванях монголы нашли бы достаточное количество лодок, чтобы добраться до своего врага [1], особенно при вражде к хорезмшаху местных князей. О действиях татар мы знаем, что они из Хамадана пошли обратно к Зенджану и Казвину и разрушили эти города; по Джувейни, они, кроме того, разбили хорезмийское войско под начальством Бег-тегина и Кюч-Бука-хана. Уже в начале зимы они вторглись в Азербайджан, где разграбили Ардебиль, а при усилении холодов удалились к берегу Каспийского моря, в Муган, и по дороге имели столкновение с грузинами. Ко времени прибытия татар к берегу моря султана уже не было в живых.

Остров, где укрылся султан, был расположен близ приморского города Абескуна, находившегося в трех днях пути от города Гургана [2], т. е. недалеко от устья реки Гурген; возможно, что имеется в виду остров Ашур-Адэ. Сколько времени провел султан на острове, неизвестно; по рассказу его спутников, с которыми впоследствии беседовал Несеви, он уже при приезде на остров страдал воспалением легких в такой степени, что не было надежды на его выздоровление. В последние дни своей жизни он щедро наградил почетными должностями и земельными наделами лиц, оказывавших ему услуги; конечно, эти награды в то время не имели реального значения, но, если верить Несеви, все эти грамоты впоследствии были утверждены Джелаль ад-дином. Точной даты смерти султана мы в первоисточниках не находим; как дата Раверти [3] (шавваль 617/декабрь 1220 г.), так и дата А. Мюллера [4] (15 зу-л-ка'да 617/11 января 1221 г.), по-видимому, заимствованы из позднейших компиляций. Первая дата, во всяком случае, более вероятна, так как в январе 1221 г. уже началась, по словам Несеви [5],

[1] К этому заключению пришел еще Иванин (*О военном искусстве*, стр. 66).

[2] Якут, *Му'джам*, 1, 55—56. Об Абескуне см. также у Истахри (214) и Ибн Хаукаля (273).

[3] Джузджани, пер. Раверти, I, 278, прим.

[4] Müller, *Der Islam*, Bd II, S. 213. Дата, приведенная у Даулетшаха (изд. Броуна, 136,18), — 22 зу-л-хиджжа 617 г. х. (11 февраля 1221 г.).

[5] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 92; пер., 153.

осада столицы Хорезма монголами. Несеви рассказывает, что после кончины султана не на что было купить ему саван и что один из его спутников пожертвовал для этого свою рубашку.

Таков был конец государя, объединившего под своей властью большую часть земель, входивших в состав империи Сельджукидов. При нашествии монголов он играл такую жалкую роль, что сами монголы совершенно забыли о нем; уже сказание XIII в. совсем не называет Мухаммеда, упоминает только о Джелаль ад-дине и, как видно из рассказа о действиях Чжэбэ, Субудая и Тохучара, соединяет обе личности в одну [1]. Таким же образом Ибн Баттута [2], несомненно рассказывающий о монгольском нашествии то, что ему приходилось слышать в Средней Азии, называет только Джелаль ад-дина и относит к его царствованию события, происшедшие еще при его отце. Трудно, однако, винить хорезмшаха за то, что он бежал от врага, против которого, как государь, был совершенно бессилен; бороться с монголами он мог бы только в качестве искателя приключений, темпераментом которого он, в отличие от своего сына, очевидно, не обладал.

Чингиз-хан уже весной 1220 г. мог считать Мавераннахр своим владением и уже принял меры к восстановлению мирной жизни; из Самарканда был отправлен в Бухару в качестве монгольского наместника Нуша-баскак и взял в руки управление областью [3]. Лето Чингиз-хан провел в окрестностях Несефа, где дал оправиться лошадям своего войска; и впоследствии Несеф и его окрестности были излюбленным местом летовок для монгольских военачальников; как известно, один из чагатайских ханов выстроил здесь дворец, от которого город получил свое нынешнее название [4]. Даже Бабур, в своем описании Карши, говорит, что, хотя в этой области не хватает воды, весной там очень хорошо [5]. Несомненно, что еще до монгольского нашествия, по неизвестным причинам, Кеш и его окрестности пришли в упадок, и вместо него стал процветать Несеф. Этим объясняется факт, что географы X в. причисляют к волостям Кеша Хузар (Гузар) и даже местность Маймург, находившуюся на пути из Бухары в Несеф, тогда как Сам'ани причисляет к области Несефа не только эти местности, но и селение, находившееся на пути из Самарканда в Кеш [6].

---

[1] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 146; <изд. Козина, 187>.

[2] Ибн Баттута, III, 23.

[3] Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 125—126 <Джувейни>. В печатном издании Джувейни (изд. Казвини, I, 83 и сл.) принято чтение توشا.

[4] <Карши>. См. выше, стр. 189—190.

[5] *Бабур-наме,* изд. Ильминского, 62; изд. Бевериджа, л. 49б; пер. Бевериджа, I, 84. <Так в англ. изд.; в русск. изд. 1900 г. было: «Еще Бабур... говорит, что там много воды». — *Ред.*>

[6] Ср. выше, стр. 188—190.

Осенью Чингиз-хан подступил к Термезу. Защита города была поручена седжестанскому отряду; имя его начальника, по Несеви[1], было Фахр ад-дин Хабаш Инан ан-Несеви, по Джузджани[2], — Зенги б. Абу Хафс; численность гарнизона не указывается. Предложение сдаться не было принято; несколько дней с обеих сторон действовали катапульты; наконец, монголы заставили замолчать орудия врагов, после чего крепость на одиннадцатый день осады была взята приступом; город был разрушен, и все жители его перебиты[3].

Зиму 1220/21 г. Чингиз-хан провел на берегу Аму-Дарьи. Подобно берегам других больших рек, эта местность в глазах кочевников всегда была удобным местом для зимовок. Впоследствии здесь возникла одна из чагатайских столиц, Сали-Сарай[4]. В течение этой зимы и следующей весны наступили события, на короткое время изменившие положение дел в пользу мусульман. Военные действия до тех пор происходили в областях, присоединенных к хорезмийскому государству только при Текеше и Мухаммеде, и совершенно не коснулись самого Хорезма. Мы видели, что этой областью правила мать хорезмшаха, Туркан-хатун, стоявшая во главе военной партии. Поведение ее сторонников в покоренных областях было одной из главных причин гибели государства хорезмшаха, но так как кочевники находили в этих областях достаточно простора для себя, то сам Хорезм не страдал от них; напротив, область, которая после 1204 г. не подвергалась враждебным нашествиям и куда стекались богатства завоеванных областей, должна была достигнуть высокого процветания; это видно из слов Якута, посетившего страну и ее столицу в 1219 г.[5]. Высоте материального благосостояния соответствовала высота умственной культуры. XII и XIII вв. не были для мусульманского мира эпохой прогресса, как предшествующие века, но еще продолжалось усердное хранение научных сокровищ, завещанных прежними поколениями; в это время возникают важнейшие компилятивные работы и устраиваются богатые книгохранилища. Еще в начале царствования династии хорезмшахов в Хорезме, до 510/1116 г., жил Шахристани, автор знаменитой книги о религиозных и философских учениях. Местный историк сообщает нам некоторые подробности о его деятельности; этот рассказ, приведенный Якутом[6],

[1] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 36; пер., 63.

[2] Пер. Раверти, II, 1002; <изд. Нассау-Лиса, 342>.

[3] О взятии Термеза см. Джузджани, пер. Раверти, II, 1004—1005; <изд. Нассау-Лиса, 343—344>; Джувейни, изд. Казвини, I, 102; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 140.

[4] Шереф ад-дин Йезди, пер. Петн де ля Круа, I, 21; ср. калькут изд., I, 38, где дано чтение شالی سرای.

[5] См. выше, стр. 202.

[6] *Му'джам*, III, 343. Эта же местная летопись упоминается в его *Иршад* (III, 212; V, 412).

показывает, что хорезмийские ревнители благочестия не прощали знаменитому ученому его увлечения философией, но что внешних препятствий философия не встречала. По этому рассказу, Шахристани «был хорошим ученым; если бы в нем не было недостатка веры и наклонности к этой ереси (философии), то он был бы имамом. Часто мы удивлялись, как он, при своих многочисленных достоинствах и при совершенстве своего ума, обнаружил наклонность к вещи, не имеющей под собой основания, и выбрал дело, которое не может привести в свою пользу ни доводов ума, ни свидетельства предания — да хранит нас бог от измены и отвержения света веры! Все это произошло только потому, что он уклонился от света шариата и углубился в дебри философии. Мы с ним были соседями и товарищами; он употреблял много стараний, чтобы доказать правоту учений философов и опровергнуть выставленные против них обвинения. Я присутствовал в нескольких собраниях, где он исполнял обязанности проповедника; ни разу он не сказал: „так сказал бог" или „так сказал пророк божий" и не разрешил ни одного из вопросов шариата. Бог лучше знает, каковы были его взгляды». К концу владычества династии при дворе хорезмшахов жил другой знаменитый философ, Фахр ад-дин Рази, автор обширных компилятивных трудов по всем отраслям науки. Что касается книгохранилищ в восточных областях, то, кроме общеизвестных слов Якута о библиотеках Мерва, можно привести слова Ибн ал-Асира [1] о поэте Фахр ад-дине Мубарекшахе б. Хасане ал-Мерверруди, жившем при дворе Гияс ад-дина гурского и умершем в 1206 г. [2]; он устроил гостиницу, в которой были книги и шахматы; ученые (посетители гостиницы) читали книги, а невежды играли в шахматы. Таким образом, ученые находили для себя умственную пищу даже в гостиницах. В Гургандже векиль Шихаб ад-дин Хиваки, имевший обширные познания во всех науках и преподававший в пяти медресе, устроил при шафиитской соборной мечети библиотеку, подобной которой, по словам Несеви [3], «не было ни раньше, ни после». При получении известия о монгольском нашествии Шихаб ад-дин покинул Хорезм; ему было жаль оставить книги, и потому он увез с собой наиболее драгоценные. После смерти Шихаб ад-дина (убитого в Неса при взятии города Тохучаром) его книги очутились в руках людей из низшего класса. Несеви употребил много стараний, чтобы приобрести наиболее ценные из них; это удалось ему, но несколько лет спустя он был принужден навсегда покинуть

[1] Изд. Торнберга, XII, 160—161.

[2] О нем, его взглядах и его жизни в Хорезме см. Goldziher, *Aus der Theologie,* 213 sq.; см. также Ross, *The genealogies,* p. 393; <там же приведены ссылки на источник. — *Ред.*>.

[3] *Сйрат Джелāль ад-дйн,* текст, 49; пер., 83—84.

свою родину и оставить в своем родовом замке[1] все свое имущество, родовое и благоприобретенное. «Из всего, что я там покинул, — прибавляет он, — я жалел только о книгах»[2]. Книги Несеви, вероятно, разделили судьбу остального имущества историка, разграбленного при взятии города Неса войском Гияс ад-дина Пир-шаха, которого местный владетель отказался признать султаном[3].

Владея богатой областью и пользуясь преданностью тюркского войска, Туркан-хатун могла бы причинить серьезный вред войску Чингиз-хана или, по крайней мере, корпусу Джучи. Чингиз-хан вполне сознавал это и потому из Бухары или Самарканда отправил послом к царице Данишменд-хаджиба, чтобы объявить ей, что хан воюет только с ее сыном, оскорбившим и ее, и не тронет областей, находившихся под ее управлением[4]. Конечно, это обещание потом не было бы исполнено. Престарелая царица на этот раз не обнаружила той энергии, как при нашествии 1204 г. Одновременно с прибытием Данишменда было получено известие, что султан покинул берег Аму-Дарьи; Туркан-хатун решилась последовать его примеру[5]. Перед своим отъездом она велела бросить в Аму-Дарью находившихся в Гургандже пленных владетелей, которые могли извлечь выгоду из затруднительного положения династии; по словам Несеви, царица была убеждена, что эти затруднения будут только временными. Погибших при этом царевичей было около двадцати; вместе с ними погиб бухарский садр Бурхан ад-дин с братом и двумя племянниками. По рассказу Джувейни[6], Туркан-хатун и прежде в ночное время губила таким способом владетелей, находившихся в Гургандже в качестве заложников. Царица удалилась сначала в область Языр[7] в западной части нынешней Туркмении[8], оттуда в Мазандеран, где осталась со своими спутниками в крепостях Ларджан и Илаль. Крепости были осаждены монголами; как и в других случаях,

[1] В тексте <Несеви> только بالقلعة, не «citadelle de Nesâ», как в переводе.

[2] Странная фраза французского перевода: «De tout cela, plus tard, je ne pus recouvrer que mes livres» — получилась оттого, что издатель читал انجسر вместо انحسر. Эта ошибка уже была указана бар. В. Р. Розеном (ЗВОРАО, т. VI, стр. 387), а также в списке опечаток, приложенном к переводу.

[3] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 106—109; пер., 175—180.

[4] Там же, текст, 38; пер., 65.

[5] О судьбе царицы см. там же, текст, 38—41; пер., 66—71; Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 173—174; изд. Казвини, II, 198—200; Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 84—85; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 259—261.

[6] *Тексты*, стр. 115 (Джувейни; то же — изд. Казвини, II, 198—200).

[7] Старое написание Язгыр дано у Махмуда Кашгарского, также у Фахр ад-дина Мубарекшаха, см. Ross, *The genealogies*, p. 407; <Мерверруди, 47 يزغز (sic). — *Ред.*>

[8] Ср. Туманский, *По поводу «Китаби Коркуд»*, стр. 302—303. Этот город был впоследствии назван Дурун (близ нынешней станции Бахарден, на полпути между Ашхабадом и Кизыл-Арватом). Ср. Бартольд, *Орошение*, стр. 41.

когда им приходилось осаждать расположенные на возвышенных местах укрепления[1], монголы построили вокруг крепостей деревянный тын и отрезали гарнизону всякое сообщение. После четырехмесячной осады крепости сдались вследствие недостатка воды. По Джувейни и Несеви, произошло явление, крайне редкое в областях с таким дождливым климатом, как Мазандеран; по Несеви, в течение четырех месяцев не было ни капли дождя; по Джувейни, запас воды, находившийся в крепостях, иссяк в промежуток времени от десяти до пятнадцати дней; оба историка уверяют, что по иронии судьбы тотчас после сдачи крепостей начался проливной дождь. Из рассказа Ибн ал-Асира[2] можно заключить, что взятие в плен царицы произошло летом 1220 г., еще до прибытия монголов в Рей. Джувейни в одном месте[3] относит как начало осады крепостей, так и взятие их ко времени пребывания султана на острове, в другом[4] — ко времени действий Чжэбэ в Мазандеране; отряд, осаждавший крепости, в двух местах причисляется к воинам Чжэбэ, в третьем[5] — к воинам Субудая. Несеви говорит, что монголы окружили крепости уже после бегства султана на остров. Ввиду этого трудно решить, относится ли взятие крепостей ко времени действий отряда Чжэбэ в Мазандеране или ко времени прибытия монголов к берегу Каспийского моря для зимовки; ввиду рассказа о засухе первое более вероятно. Вместе с царицей были взяты в плен дочери и малолетние сыновья султана; последние тотчас были убиты, кроме самого младшего, который, однако, вскоре после этого тоже был задушен по приказанию Чингиз-хана. Царевны все были выданы Чингиз-ханом за «незаконнорожденных», или по другому, более правдоподобному чтению, за «вероотступников», т. е. за находившихся на монгольской службе мусульман; одним из них был хаджиб Данишменд. Исключение представляла судьба Хан-Султан, вдовы Османа самаркандского, которую Джучи взял себе. По Джувейни[6], именно Хан-Султан была выдана за красильщика, жившего в Эмиле, и осталась его женой до своей смерти. Тот же историк говорит, что две царевны были отданы Чагатаю, который одну взял себе, другую уступил своему мусульманскому министру Хабаш-Амиду. Вместе с царицей был взят в

[1] Ср. слова Новгородской летописи у Карамзина, *История государства Российского*, т. III, прим. 367, стр. 124.

[2] Изд. Торнберга, XII, 243; СМИЗО, I, 13—14.

[3] Рассказ о бегстве султана (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 142; изд. Казвини, II, 116); Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 84—85.

[4] Рассказ о походах Чжэбэ и Субудая (изд. Казвини, I, 115; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 149).

[5] Рассказ о Туркан-хатун (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 174; изд. Казвини, II, 199); так же у д'Оссона.

[6] *Тексты*, стр. 115; изд. Казвини, II, 126.

плен ее везир Низам ал-мульк и в 1221 г. казнен Чингиз-ханом. Царица впоследствии были увезена Чингиз-ханом в Монголию, где прожила до 630/1232-33 г.; при оставлении родной земли ей и другим женщинам было приказано выражать свое горе громким плачем.

После отъезда Туркан-хатун гражданское управление в Хорезме[1] захватил в свои руки некто Али, который за склонность ко лжи получил прозвание Кух-и дуруган ('Гора лжи'); началось бессовестное расхищение государственных доходов. Кто стоял во главе военных сил страны, не говорится; численность этих сил доходила до 90 000 человек[2]. Летом 1220 г. в Хорезм прибыл Тимур-мелик, защитник Ходженда. Получив такого предприимчивого начальника, хорезмийское войско перешло в наступление против корпуса Джучи и отняло у монголов Яныкент; монгольский начальник города был убит[3]. Факт, что Тимур-мелик не воспользовался плодами этой победы, а вернулся в Хорезм, показывает, что между ним и тюркскими предводителями уже тогда не было полного согласия. Зимой порядок в гражданских делах отчасти был восстановлен прибытием двух чиновников дивана, мушрифа Имад ад-дина и векиля[4] Шереф ад-дина; они принесли известие, что султан еще жив, и стали действовать от его имени. Вслед за тем прибыли царевичи Джелаль ад-дин, Озлаг-шах и Ак-шах[5], находившиеся с султаном на острове до его смерти; похоронив отца, они в сопровождении 70 всадников прибыли в Мангышлак, где получили от местных жителей лошадей; после этого они благополучно достигли столицы, где объявили, что султан умер, что перед смертью он отменил свое завещание, по которому наследником престола назначался Озлаг-шах, и назначил вместо него Джелаль ад-дина. Несмотря на согласие самого бывшего наследника, тюркские эмиры не могли примириться с такой переменой; во главе недовольных стоял Туджи-Пехлеван[6], носивший титул Кут-

[1] О событиях в Хорезме до отъезда царевичей см. Несеви, *Сīрат Джелāль ад-дīн*, текст, 55—57; пер., 94—96; Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 147—149; изд. Казвини, II, 131 и сл.; Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, <текст, 102—103>; пер., 67—68.

[2] Цифра у Джувейни, изд. Казвини, II, 131.

[3] Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 117 <Джувейни>; здесь ошибочно شهر بارخليغ كنت; в петербургских рукописях Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 32) и в изд. Казвини (I, 72) شهر كنت; у Рашид ад-дина (изд. Березина, ч. XV, текст, 76; пер., 49) ينكى كنت.

[4] Слово искажено в тексте Несеви, но очевидно, что имеются в виду названия должностей, а не собственные имена, как думал переводчик.

[5] По Джувейни, эти царевичи еще раньше находились в Хорезме, что, однако, ввиду подробного рассказа Несеви, маловероятно.

[6] У Несеви يوحى, так же у Джувейни (рук. Ханыкова); в изд. Казвини (I, 131) نوح; в рукописях Рашид ад-дина (изд. Березина, ч. XV, текст, 102; <ср. пер., 67>) يوحى.

луг-хана и имевший под своим начальством 7000 всадников, — вероятно, одно и то же лицо с бывшим наместником Дженда и Яныкента. Был составлен заговор с целью захватить в плен или убить Джелаль ад-дина. Джелаль ад-дин был заблаговременно предупрежден Инанч-ханом и бежал из Хорезма в Хорасан в сопровождении Тимур-мелика и 300 всадников. Через три дня после отъезда Джелаль ад-дина Озлагшах и Ак-шах также покинули Хорезм, так как до них дошли слухи о приближении татар.

Оборона Гурганджа[1], несомненно, представляет одно из замечательных явлений в истории. До тех пор споры за престолонаследие делали невозможным соединение всех сил для обороны; но достаточно было отъезда представителей династии, чтобы согласие между военачальниками было восстановлено. Один из военачальников, Хумартегин, родственник Туркан-хатун, с согласия других принял титул султана; из других защитников города у Джувейни названы Огул-хаджиб[2] (упомянутый выше защитник Бухары), Эр-Бука-Пехлеван и Али Дуруги[3], т. е. Кух-и дуруган, который здесь является уже «военачальником» (сипехсаларом). Для осады такого большого города, как Гургандж, Чингиз-хану пришлось отправить более значительные силы, чем против других городов. На Хорезм двинулись с юго-востока, через Бухару, корпусы Чагатая и Угэдэя с тысячами правого крыла[4], с северо-востока, из Дженда, — корпус Джучи. По Несеви, сначала прибыл во главе монгольского авангарда Таджи-бек (?)[5], потом корпус Угэдэя, потом «собственный отряд» Чингиз-хана, под начальством Бугурджи-нойона[6], наконец, корпус Чагатая, в котором находились Тулун-чэрби, известный тысячник правого крыла[7], Устун(Усун?)-нойон и Хадан-нойон;

[1] О ней см. Джувейни, изд. Казвини, I, 96—101; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 136—140; Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, текст, 104—110; пер., 68—73; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 257—258; СМИЗО, I, 32—33; Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, 92—94; пер., 153—156; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 265—271.

[2] В хрестоматии Шефера пропущено слово اغول; в изд. Казвини مغول.

[3] Неверное чтение у проф. Березина; в изд. Казвини دروغينى.

[4] Так у Рашид ад-дина и в *Юань-чао би-ши* (*Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 147; <изд. Козина, 187>).

[5] У Несеви باجى (в рукописи без точек).

[6] Несомненно, что в тексте Несеви надо читать بغرجى вместо قرجن; в издании и переводе проф. Березина это имя является в разных видах, но сам проф. Березин признает форму Бугурджи наиболее правильной (Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XIII, 242, прим.). Вопреки словам Несеви, речь может идти только о «собственной тысяче» начальника правого крыла (там же, ч. XV, <текст, 198>; пер., 134); как мы видели, «собственная тысяча» Чингиз-хана шла в поход только тогда, когда в нем участвовал сам хан.

[7] Там же, текст, ч. VII, 214; пер., ч. V, 160; ч. XV, <текст, 200>; пер., 135; *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 120; <изд. Козина, 164>.

последний, происходивший из племени сунит, также был тысячником правого крыла и начальником тысячи кэбтэулов[1]. Численность этого войска, еще до прибытия корпуса Джучи, будто бы превышала 100 000 человек. О действиях авангарда сообщает некоторые сведения Джувейни; заключающиеся в них топографические данные можно будет объяснить только в том случае, если удастся найти подробное описание Гурганджа XIII в.

Монголы появились около ворот города в небольшом числе и начали угонять скот; обманутые малочисленностью врагов, некоторые защитники города выступили из «Ворот мира»[2] и стали их преследовать. Монголы завлекли их в засаду, устроенную около «увеселительного сада»[3], на расстоянии фарсаха от города; здесь хорезмийцы были окружены многочисленным отрядом монголов, которые до захода солнца перебили до 1000 человек[4], остальных преследовали до города, вслед за ними вторглись в город через ворота Акабилан (?)[5] и дошли до места Небуре (?)[6]; ко времени захода солнца они отступили. На другой день битва возобновилась; Феридун Гури с отрядом в 500 человек отразил нападение на ворота. После этого прибыли войска Чагатая и Угэдэя, вступили в переговоры с жителями, но в то же время занялись приготовлениями к правильной осаде. Так как в окрестностях Хорезма не было камня, то монголы стали приготовлять ядра из стволов тутовых деревьев; для этого каждый ствол разрезали на круглые куски и мочили их в воде до тех пор, пока они не приобретали необходимой твердости. После прибытия корпуса Джучи город был обложен со всех сторон; пленные получили приказ засыпать ров, что и было исполнено (по Рашид ад-дину, для этого потребовалось десять дней); вслед за тем те же рабочие стали делать подкоп для разрушения стен. Действия монголов навели такой ужас на султана Хумар-тегина, что он вышел из ворот и сдался монголам[7]; кто принял начальство

[1] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, <текст, 204>; пер., 137.

[2] دروازهٔ عالمی (Джувейни, изд. Казвини, I, 98).

[3] باغ خرّم (там же).

[4] У Рашид ад-дина — 100 000, что, конечно, невозможно.

[5] <По Джувейни>: у Шефера آقابيلان, в рук. ГПБ IV, 2, 34 اقابلان, в рук Ханыкова قالان, в изд. Казвини (I, 99) قابيلان; в рукописях Рашид ад-дина (изд. Березина, ч. XV, текст, 106; <пер., 70>) قابيلان и قاييلان; проф. Березин читает Хаилан.

[6] Так у проф. Березина; у Шефера اتـوره, в рукописях Джувейни بـوره, в изд. Казвини (I, 99) تـوره, в рукописях Рашид ад-дина تنوزه.

[7] Так по Джувейни (изд. Казвини, I, 100); д'Оссон следует рассказу Рашид ад-дина, который совсем не упоминает об измене Хумар-тегина и говорит, что монголы заняли стены и поставили там свое знамя уже после гибели трех тысяч и принятия главного начальства Угэдэем, за 7 дней до окончательного падения города.

после него, в источниках не говорится[1]. Измена султана вызвала некоторый упадок духа в жителях; все-таки оборона продолжалась, и монголам, которые уже поставили свое знамя на стенах, приходилось отдельно брать каждую улицу и каждый квартал; монголы зажигали дома посредством сосудов с нефтью. Большая часть города уже была разрушена, когда монголы решили, что огонь действует слишком медленно и что необходимо отвести от города воду Аму-Дарьи. Через реку в самом городе был построен мост; 3000 монголов заняли его, чтобы приступить к работам, когда были окружены хорезмийцами и все перебиты. Этот успех придал бодрости жителям, и оборона продолжалась еще с большим упорством. Ибн ал-Асир говорит, что при обороне города, до занятия монголами стен, погибло еще больше монголов, чем жителей; по Рашид ад-дину, кости убитых монголов образовали целые холмы, которые еще в его время были видны около развалин старого Гурганджа.

Главной причиной неуспешности осады были, по словам того же историка, раздоры между Джучи и Чагатаем; о причине этих раздоров не говорится, но из рассказа Несеви видно, что Джучи употреблял все старания, чтобы сохранить в целости богатый город, который потом должен был перейти в его владение. С этой целью он несколько раз предлагал жителям сдаться; в подтверждение искренности своих обещаний он ссылался на то, что монголы до последней возможности избегали военных действий, что они, в противоположность своему обычаю, даже не причинили вреда сельским окрестностям (рустакам) города. Среди жителей более благоразумные советовали принять предложение, но «глупцы» одержали верх. Первые указывали на то, что сам султан Мухаммед, находясь на острове[2], в своих письмах советовал жителям не оказывать сопротивления врагам. Нерешительность Джучи, конечно, вызвала негодование Чагатая; Чингиз-хан, получив известие о раздорах между царевичами, назначил Угэдэя главным начальником всех трех корпусов[3]. Монголы продолжали брать квартал за кварталом; когда в руках жителей оставались только три квартала, они, наконец, решились отправить к Джучи с просьбой о помиловании мухтасиба города, факиха Али ад-дина Хайяти. Теперь

---

[1] Из рассказа Джувейни об осаде Мерва (изд. Казвини, I, 124; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 157; Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 50) видно, что еще в начале 1221 г. 2000 воинов, в том числе Огул-хаджиб, бежали из Хорезма в Мерв.

[2] Неизвестно, почему французский переводчик <Несеви> здесь принимает слово الجزيرة за собственное имя.

[3] Это известие подтверждается рассказом монгольского сказания — *Юань-чао би-ши* (*Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 147; <изд. Козина, 187>).

уже и сам Джучи не мог исполнить их просьбы. Жители были выведены в поле; было объявлено, чтобы ремесленники встали отдельно; некоторые исполнили это, другие скрыли свое звание, полагая, что монголы, как в других городах, уведут ремесленников с собой, а другим позволят остаться на родине. По Джувейни, ремесленников было более 100 000; их увели в «восточные страны», где они образовали большое число поселений[1]. Малолетних детей и молодых женщин[2] увели в плен; остальные жители были перебиты, причем на каждого монгольского воина (которых, по Рашид ад-дину, было более 50 000) будто бы пришлось 24 человека. Джувейни, по-видимому, слышал еще более значительную цифру, которая показалась ему самому до того невероятной, что он не решился привести ее. Рашид ад-дин приводит еще рассказ о шейхе Неджм ад-дине Кубра; молва о святости шейха будто бы дошла до Чингиз-хана, который велел предупредить шейха о монгольском походе на Хорезм и предложить ему выехать из города. Шейх объявил, что в счастии и несчастии намерен разделить судьбу своих сограждан, и погиб при взятии города. Рассказ о посольстве Чингиз-хана к шейху, конечно, маловероятен, тем более, что монголы первоначально не имели в виду подвергнуть столицу Хорезма «убийствам и грабежу» и не имели основания предложить шейху покинуть город.

По Ибн ал-Асиру, участь Гургандж была еще печальнее, чем участь остальных взятых монголами городов. В других случаях между жителями всегда оказывались уцелевшие от избиения: «кто спрятался, кто бежал, кто был выведен, но потом [все-таки] спасся, кто сам ложился среди убитых [и после ухода монголов вставал]». В Гургандже монголы после избиения жителей разрушили плотину; вода затопила весь город и разрушила здания; место города и потом осталось покрытым водой; кто спасся от татар, тот утонул в воде или погиб под развалинами. Однако, по Джузджани[3], уцелели два здания, именно «старый

[1] Возможно, что эти хорезмийские переселенцы были предками дунган или что предки дунган под их влиянием приняли ислам (о дунганском вопросе ср. Бартольд, *Ответ Г. Е. Груму-Гржимайло*, стр. 700—704, где приводится рассказ Рашид ад-дина об обращении царевича Ананды и его воинов в Тангуте; ср. изд. Блоше, 599 и сл. Как известно, дунгане и теперь все — шафииты; исторические известия показывают, что последователи этого толка в начале XIII в. были в Хорезме сильнее, чем в других местах.

<В этом месте на полях экз. Бартольда (англ. изд.) пометка: «Указ. Pell. 56 на JA, 1927, II, 261—279» (об одной из этих мусульманских колоний; см. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan»*, p. 56). — *Ред.*>

[2] Так у Джувейни (изд. Казвини, I, 101: كودكان وزنان جوان); у Рашид ад-дина: «женщин, мужчин и мальчиков», что не дает смысла.

[3] Пер. Раверти, I, 281 <в изд. Нассау-Лиса нет>; II, 1100, <изд. Нассау-Лиса, 378>.

дворец» Кёшк-и Ахчак (?) и гробница султана Текеша [1] (в одном месте по ошибке сказано — гробница Мухаммеда). Ввиду этого монголы едва ли намеренно затопили город; но несомненно, что вследствие произведенных ими опустошений плотины, особенно такие, которые, подобно плотине столицы, требовали ежегодного ремонта [2], должны были прийти в разрушение. Этим объясняется затопление нескольких хорезмийских городов и перемена течения Аму-Дарьи, которая снова стала изливаться в Каспийское море [3].

Осада Гургандж продолжалась, по Рашид ад-дину, семь, по Ибн ал-Асиру, — пять месяцев; однако более правдоподобен рассказ Несеви, по которому город был взят уже в апреле 1221 г. Так как Хорезм должен был войти в состав владений Джучи, то Чагатай и Угэдэй вернулись к своему отцу, который в то время осаждал Талькан; на пути они разрушили еще один город [4].

Хорезмийские царевичи на своем пути из Хорезма должны были пройти через Хорасан, где, как мы видели, находился отряд Тохучара; в больших городах Хорасана монголы в то время не имели гарнизонов. Чингиз-хан, получив известие о бегстве царевичей, велел монголам поставить наблюдательные отряды на северной границе Хорасана. В окрестностях города Неса стоял монгольский отряд в 700 всадников, который подвергся неожиданному нападению Джелаль ад-дина и его 300 всадников; нападение было так стремительно, что монголы обратились в бегство, оставив врагам свое оружие и припасы; только немно-

[1] По более позднему, неизвестно откуда заимствованному известию (Абд ал-Керим Бухари, текст, 78; пер., 177), уцелели гробница Неджм ад-дина Кубра, гробница Ибн Хаджиба, минарет, гробница дочери Мухаммеда и остатки базара. Мавзолей шейха Неджм ад-дина Кубра доныне находится между развалинами и современным городом (Lansdell, *Russian Central Asia,* vol. II, p. 347) и теперь «очень почитается хивинцами» (ср. Смирнов, *Дервишизм,* стр. 18). Он упоминается еще у Ибн Баттуты (III, 6).

[2] Якут, *Му'джам,* II, 483.

[3] Бартольд, *Хафизи-Абру,* стр. 8—11. Ср. Barthold, *Ātīl-Daryā.* Рассказ Плано Карпини (изд. Бизли, 76, 110, 152) о разрушении наводнением города, именуемого Орнас, несомненно относится к Гургенджу; <ср. пер. Малеина, 24. — *Ред.*>

[4] Название его <у Джувейни> в изд. Казвини (I, 101), в хрестоматии Шефера и в рук. ГПБ IV, 2, 34 كاسف, в рук. Ханыкова كاشف. Шефер (*Chrestomathie persane,* t. II, notes, pp. 175—176) предлагает чтение كاسن; по его мнению, имеется в виду селение Касен, в области Несефи (см. выше, стр. 194). Однако маловероятно, чтобы это селение, расположенное в местности, где Чингиз-хан провел лето 1220 г., до весны 1221 г. могло оказывать сопротивление монголам. Возможно, что имеется в виду Келиф (كاليف).

гим удалось спастись. Несеви[1] называет эту стычку первым успехом мусульман в этой войне; другой успех Тимур-мелика (взятие Яныкента) остался ему неизвестным. Благодаря этой победе Джелаль ад-дин и его спутники могли переменить лошадей и благополучно достигнуть Нишапура. Не так счастливы были его братья Озлаг-шах и Ак-шах; им тоже удалось спастись от монгольских пограничных отрядов, но внутри страны они были окружены монголами и убиты со всеми своими спутниками[2]; по Джувейни[3], царевичи были взяты в плен и убиты только через два дня. Несмотря на незначительность монгольских военных сил в Хорасане, Джелаль ад-дин не был в состоянии собрать здесь войско. По Несеви[4], он пробыл в Нишапуре целый месяц, по Джувейни, — только три дня и покинул город 6 февраля 1221 г. Из Нишапура он прибыл в Зузен (на границе Хорасана и Кухистана, в трех днях пути от Каина) и хотел укрепиться в цитадели этого города; по Джувейни, он должен был уйти вследствие враждебного настроения жителей[5]; по Несеви, он сам отказался от своего намерения, под влиянием слов начальника цитадели, что государь должен действовать в открытом поле, а не запираться в крепости; как бы ни была сильна крепость, монголы нашли бы средство овладеть ею. Оттуда Джелаль ад-дин через Гератскую область проник в Буст[6]. По рассказу Несеви[7], он здесь соединился с десятитысячным отрядом Амин ал-мулька, действовавшим в Седжестане, разбил монгольский отряд, осаждавший в то время Кандагар, и после этого прибыл в Газну, главный город своего удела. О битве при Кандагаре не говорится ни в каком другом источнике (если здесь не имеется в виду та победа Амин ал-мулька, о которой см. ниже); если какой-нибудь монгольский отряд уже в то время проник так далеко на юг, то этот отряд мог быть только крайне незначительным; иначе о нем были бы некоторые сведения у Джувейни или Рашид ад-дина.

Чингиз-хан окончательно переправил свое войско через Аму-Дарью весной 1221 г. и занял Балх. По Ибн ал-Асиру[8], город сдался добровольно и был пощажен; по Джувейни[9], Чингиз-хан принял покорность жителей, но потом нарушил свое обещание и велел их перебить; спря-

---

[1] *Сīрат Джелāль ад-дīн*, текст, 60; пер., 101.

[2] Там же, текст, 62; пер., 105.

[3] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 149; изд. Казвини, II, 133.

[4] *Сīрат Джелāль ад-дīн*, текст, 64; пер., 108.

[5] Изд. Казвини, II, 134: با سلطان مناقشت نمودند.

[6] О движении на Буст Джувейни не упоминает; но о нем, кроме Несеви, говорит Джузджани (пер. Раверти, I, 287; <в изд. Нассау-Лиса нет>).

[7] *Сīрат Джелāль ад-дīн*, текст, 64—65; пер., 109—110.

[8] Изд. Торнберга, XII, 255; СМИЗО, I, 28.
Изд. Казвини, I, 103 и сл.; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 141—142.

тавшиеся во время этого избиения были истреблены монголами на обратном пути. Город лежал в развалинах еще при Ибн Баттуте[1], но из рассказа Ибн ал-Асира можно заключить, что разрушение его произошло позже, вследствие восстания жителей. Тулуй был отправлен на Хорасан, Чагатай и Угэдэй — на Хорезм; остальное войско осаждало горные крепости северных отрогов Паропамиза и Гиндукуша; сам Чингиз-хан осадил крепость Нусрет-кух[2], в окрестностях Талькана[3]; монгольский лагерь занимал «холм Ну'мана» и «степь Ка'ба»[4], между Тальканом и Балхом. Осада продолжалась, по Ибн ал-Асиру, десять месяцев (из них первые шесть до прибытия Чингиз-хана), по Рашид ад-дину, — семь; за это время Тулуй, Чагатай и Угэдэй успели выполнить свою задачу и вернуться к отцу. Мусульмане не сумели воспользоваться этим временем для того, чтобы нанести монгольскому войску действительно серьезный вред. Одной из главных причин, затруднявших действия Джелаль ад-дина, были раздоры между тюрками и гурцами, начавшиеся еще до прибытия Джелаль ад-дина.

Представителем Джелаль ад-дина в Газне[5] был Кербер-мелик; еще в 1220 г. он покинул вверенную ему область и отправился в Седжестан по приглашению действовавшего там Амин ал-мулька. Его отсутствием воспользовался пешаверский наместник Ихтияр ад-дин Мухаммед б. Али Харпуст, чтобы занять Газну. По Джузджани (симпатии которого, вследствие его происхождения, всецело находятся на стороне гурцев), Харпуст прибыл в Газну по приказанию хорезмшаха Мухаммеда. Тот же историк уверяет, что Харпуст собрал 130 000 войска, с которым готовился напасть на Чингиз-хана; по Джувейни, у него было всего 20 000. Амин ал-мульк предложил ему союз, на основании разделения власти между ними обоими, но получил ответ, что гурцы

---

[1] Ибн Баттута, III, 58—62.

[2] Так у Джувейни (изд. Казвини, I, 104; в хрестоматии Шефера по ошибке نقره كوه); у Ибн ал-Асира — Мансур-кух, у Джузджани — Насир-кух.

[3] Как доказал еще Раверти (Джузджани, пер. Раверти, II, 1008 и сл., прим. 1), имеется в виду Талькан хорасанский (о нем см. выше, стр. 130), не Талькан тохаристанский. Что касается местоположения Нусрет-куха, то очень возможно, что имеется в виду цитадель города Талькана.

[4] Джузджани, пер. Раверти, II, 1009; <изд. Нассау-Лиса, 346>. Другие источники об осаде: Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, XII, 255; СМИЗО, I, 29; Джувейни, изд. Казвини, I, 104 и сл.; Schefer, *Chrestomathie persane,* t. II, p. 142; Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, <текст, 114>; пер., 75—76; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. I, 273.

[5] О событиях в Газне до прибытия Джелаль ад-дина см. Несеви, *Сират Джелаль ад-дин,* текст, 79—80; пер., 131—133; Джузджани, пер. Раверти, II, 1012—1016; <изд. Нассау-Лиса, 347—348>; Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 171—172; изд. Казвини, II, 192 и сл.; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. I, pp. 297—300.

и тюрки не могут жить вместе[1]. Этим решением были недовольны начальник цитадели, Салах ад-дин Мухаммед Несаи, и представитель гражданской власти, везир Джелаль ад-дина Шемс ал-мульк Шихаб ад-дин Алп Серахси; они пришли к заключению, что «гурцы намереваются восстать на султана, так как устраняют родственника султана от участия в управлении Газной»[2]; трудно сказать, принадлежит ли это соображение только историку, или названные лица действительно придумали для объяснения своих действий этот мотив, крайне странный при враждебных отношениях султана к своим родственникам со стороны матери. Салах ад-дин собственноручно убил Харпуста кинжалом на пиру (по Несеви, на площади) и овладел городом прежде, чем успели узнать гурцы, лагерь которых находился на расстоянии $^1/_2$ фарсаха от Газны. Не решаясь осадить город, гурцы рассеялись; находившиеся в городе представители их партии подверглись преследованию; Салах ад-дин казнил племянника Харпуста. Через два или три дня после этого прибыл Амин ал-мульк и принял власть в свои руки; везир Шемс ал-мульк был посажен им в крепость. Чингиз-хан в это время осаждал Нусрет-кух; небольшие монгольские отряды действовали в других местах. Амин ал-мульк разбил один из этих отрядов (от двух до трех тысяч человек) и преследовал его, оставив в Газне Салах ад-дина. Относительно дальнейших событий мы находим у историков крайне разноречивые сведения. По Джувейни, гурцы воспользовались отсутствием Амин ал-мулька, чтобы произвести восстание и убить Салах ад-дина; власть перешла в руки двух братьев, казия Рази ал-мулька и Умдат ал-мулька, пришедших из Термеза; из них первый объявил себя царем. В Пешавере собралось большое число халаджей и туркмен из Хорасана и Мавераннахра; во главе их стоял Сейф ад-дин Аграк-мелик. В сражении с ними Рази ал-мульк был разбит и погиб с большей частью своего войска. В Газне был объявлен правителем Умдат ал-мульк. Против него выступили А'зам-мелик, сын упомянутого выше (см. стр. 416—417) Имад ад-дина балхского[3], и Мелик-Шир, правитель Кабула; они собрали вокруг себя гурцев и заняли Газну; Умдат ал-мульк заперся в цитадели, которая была взята после сорокадневной

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 171; изд. Казвини, II, 193: ما مردمی غوری‌ایم وشما ترک باهم زندگانی نتوانیم کرد.

[2] Там же: غوریان عصیان سلطان در دل دارند یمین ملک‌را که خویش سلطانست در ملک غزنه راه نمی‌دهند.

[3] Неизвестно, каким образом ему удалось избежать участи, постигшей его отца и брата при бегстве Туркан-хатун из Хорезма (Несеви, *Сйрат Джелāль ад-дйн*, текст, 39; пер., 66). По-видимому, Несеви смешивает его с братом, когда в одном месте (текст, 21; пер., 38) среди находившихся в Хорезме пленных царевичей упоминает «Мелика А'зама (или 'Величайшего князя'), владетеля Термеза».

осады. В это время Джелаль ад-дин освободил заключенного в крепости везира Шемс ал-мулька и послал его в Газну, куда он принес известие о приближении султана; через неделю прибыл сам Джелаль ад-дин и принял изъявление покорности от всех военачальников.

Джузджани и Несеви совершенно не упоминают об Умдат ал-мульке; по словам первого, Рази ал-мульк, разбитый Аграком, был схвачен А'зам-меликом и убит после прибытия Джелаль ад-дина. По Несеви, Рази ал-мульк раньше исполнял в Газне должность мушрифа дивана (см. стр. 442); Салах ад-дин поручил ему все гражданское управление, но был недоволен им за расхищение казенных денег, и тогда Рази ал-мульк подговорил отряд седжестанцев убить Салах ад-дина. Власть оставалась в руках Рази ал-мулька до прибытия Джелаль ад-дина; сам Джелаль ад-дин решился сменить его только тогда, когда вернулся в Газну победителем после битвы при Перване; за расхищенные им деньги Рази ал-мульк был подвергнут пытке, от которой умер. Однако, ввиду согласного свидетельства Джувейни и Джузджани, более вероятно, что ко времени прибытия Джелаль ад-дина Газна была во власти А'зам-мелика. Джелаль ад-дин прибыл в Газну вместе с Амин ал-мульком и 30 000 войска; такое же количество войска, по словам Несеви[1], присоединилось к нему в Газне; приблизительно такую же цифру (60 000—70 000) дает Джувейни[2], который, однако, в другом месте[3] говорит, что под начальством Амин ал-мулька находилось 50 000, под начальством Сейф ад-дина Аграка[4] — 40 000 человек. Кроме трех уже названных военачальников (А'зам-мелика, Амин ал-мулька и Аграка), Несеви называет еще двоих: Музаффар-мелика, предводителя афганцев, и Хасана, предводителя карлуков[5]. Джелаль ад-дин женился на дочери Амин ал-мулька.

Со своим разноплеменным войском Джелаль ад-дин выступил навстречу монголам и занял позицию у Первана[6]. Отсюда он прежде всего

---

[1] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 80; пер., 134. Автор утверждает, что каждый из четырех военачальников в Газне имел по 30 000 человек войска и прибыло еще другое войско такой же численности вместе с Джелаль ад-дином и Амин ал-мульком. Все войско должно было бы насчитывать, таким образом, до 240 000 человек, что едва ли возможно.

[2] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 172: قرب شصت هزار بل هفتاد هزار; <ср. изд. Казвини, II, 195: شست هفتاد هزار>; 60 000 также у Ибн ал-Асира (изд. Торнберга, XII, 258; СМИЗО, I, 83).

[3] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 150; изд. Казвини, II, 135. У Рашид ад-дина в первом случае тоже 40 000 (изд. Березина, ч. XV, текст, 117; пер., 78).

[4] Несеви называет его Бограком; так же Ибн ал-Асир (изд. Торнберга, XII, 259).

[5] Он упоминается еще в истории царствования Угэдэя (Джузджани, пер. Раверти, II, 1119; <изд. Нассау-Лиса, 388>).

[6] На основании слов Джузджани (пер. Раверти, II, 1042; <в изд. Нассау-Лиса,

разбил монгольский отряд, осаждавший крепость Валиян (или Валиштан) в Тохаристане[1]. Монголы[2] потеряли до 1000 человек убитыми, переправились через реку (вероятно, Пянджшир) и разрушили мост; этим они настолько задержали врагов, что успели благополучно вернуться к Чингиз-хану. Вслед за тем против Джелаль ад-дина был отправлен Шики-Хутуху-нойон; по Джувейни, у него было 30 000 человек войска, по Джузджани[3] — 45 000. Джелаль ад-дин выступил навстречу этой армии; на расстоянии фарсаха от Первана произошла битва; правым крылом мусульман начальствовал Амин ал-мульк, левым — Аграк; мусульмане сражались пешими, держа коней за поводья[4]. Битва продолжалась два дня; по рассказу Джувейни, Шики-Хутуху-нойон в ночь на второй день велел своим воинам приготовить из войлока куклы всадников, чтобы враг подумал, что монголы получили подкрепление. Хитрость сначала имела успех, но Джелаль ад-дину удалось ободрить своих воинов. Когда монголы были утомлены битвой, Джелаль ад-дин посадил своих воинов на коней и произвел общую атаку, решившую исход сражения. Шики-Хутуху только с незначительными остатками своего войска вернулся к Чингиз-хану[5].

Битва при Перване была самой крупной неудачей монголов в этой войне. Непосредственным результатом ее было то, что монголы времен-

---

355: در حدود بامیان وغزنین 'в пределах Бамиана и Газны'.— *Ред.*>), помещающего Перван между Газной и Бамианом, и других соображений Раверти (Джузджани, пер. Раверти, I, 288, прим. 3; II, 1021, прим. 8) доказывает, по-видимому основательно, что имеется в виду не известный Перван в долине Пянджшира (см. выше, стр. 117), а другой, расположенный недалеко от истоков речки Лугар (притока Кабула).

[1] Об этой битве см. Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 150; изд. Казвини, II, 136 и сл.; Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, текст, 121; пер., 80; Джузджани, пер. Раверти, II, 1016; <в изд. Нассау-Лиса, 348 حصار زاولستان 'крепость Завулистана'.— *Ред.*>.

[2] Имена их начальников даются в различных рукописях и изданиях следующим образом. У Джувейни: рук. ГПБ IV, 2, 34 کمجک и بلغور, рук. Ханыкова تکجک и مـلغور, изд. Казвини, II, 136 تکجک и ملغور; Джувейни, л. 173 بـکاجـک, изд. Казвини, II, 197 تکاجک; Schefer, *Chrestomathie persane,* t. II, pp. 142—143 تکجک, изд. Казвини, I, 105 تکجوک; <так в англ. изд. 1928 г.—*Ред.*>. Проф. Березин читает Мукаджек и Мулгар (чтения в рукописях Рашид ад-дина см. изд. Березина, ч. XV, текст, 121).

[3] Пер. Раверти, II, 1006; <изд. Нассау-Лиса, 344>.

[4] Так по Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 150; изд. Казвини, II, 137): فرمود تـا تمامت لشکر پیاده شدند واسپان در دست (в изд. Казвини بر دست) گرفتند وتن بر مرگ نهادند. По Рашид ад-дину (изд. Березина, ч. XV, текст, 122; пер., 80), они привязали себе поводья коней к поясу; так же у Мирхонда (*История хорезмшахов,* изд. Дефремери, 96).

[5] Так у Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 151; изд. Казвини, II, 138); ср. Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, <текст, 121—122>; пер., 80—81.

но сняли осаду крепости Валх, которую перед этим обложили шеститысячный карлукский отряд Арслан-хана и монгольский отряд Тулунчэрби[1] (очевидно, уже вернувшегося из Хорезма); кроме того, в некоторых городах, занятых монголами прежде, жители произвели восстание и убили монгольских наместников. Мусульмане воспользовались своей победой только для того, чтобы отомстить монголам на своих пленных: Несеви[2] с восторгом рассказывает, как «пленных приводили к Джелаль ад-дину и протыкали им уши кольями, чтобы утолить жажду мести; Джелаль ад-дин радовался, и лицо его сияло восторгом. Их мучили в этой жизни, но мучения другой жизни сильнее и продолжительнее». Военачальники поссорились между собой из-за добычи. Эта ссора возбудила национальные страсти, с которыми Джелаль ад-дин не мог справиться; Сейф ад-дин Аграк, А'зам-мелик и Музаффар-мелик покинули своего государя, около которого остался только Амин ал-мульк со своими тюрками[3].

Чингиз-хан, если верить Рашид ад-дину[4], с полным спокойствием, ничем не обнаруживая своего огорчения, принял известие о поражении. Он заметил только, что «Шики-Хутуху привык всегда быть победителем и еще никогда не испытал жестокости судьбы; теперь, когда он испытал эту жестокость, он будет осторожнее». Талькан в это время уже был в руках монголов, и потому Чингиз-хан мог идти на врага со всеми силами. После ухода военачальников Джелаль ад-дин не мог вступить со своим врагом в открытую битву, но затруднить ему движение через перевалы Гиндукуша он, вероятно, был бы в состоянии; неизвестно, по какой причине он не сделал этого и до самых берегов Инда только отступал перед монголами. О движении последних первоисточники не дают нам вполне ясных сведений. Джувейни в рассказе о монгольском нашествии[5] говорит, что Чингиз-хан получил известие о поражении при Валияне уже после взятия Талькана, тотчас выступил в поход и через Гурзиван[6], где вследствие сопротивления жителей пробыл целый

---

[1] Джузджани, пер. Раверти, II, 1004; <изд. Нассау-Лиса, 343>.

[2] *Сīрат Джелāль ад-дīн,* текст, 81; пер., 135. Насколько мусульмане преувеличивали свою победу, показывает рассказ Несеви, что в битве пал Тулуй.

[3] Об этом см. Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 151, 172; изд. Казвини, II, 139, 196; Несеви, *Сīрат Джелāль ад-дīн,* текст, 81—82; пер., 136—137; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. I, p. 303.

[4] Изд. Березина, ч. XV, текст, 123; пер., 81.

[5] Джувейни, изд. Казвини, I, 104 и сл.; Schefer, *Chrestomathie persane,* t. II, pp. 142—143.

[6] У Шефера и в рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 46 كروران, в рук. Ханыкова كرذوان; в изд. Казвини, I, 105 كرزوان. Вероятно, имеется в виду крепость Ранг в Гурзиване (Guzarwan), где начальником был Улуг-хан (Джузджани, пер. Раверти, II, 1003; <изд. Нассау-Лиса, 343>).

месяц, достиг Бамиана. При осаде этого города был убит любимый внук Чингиз-хана Мутугэн, сын Чагатая; за это было приказано после взятия города истребить в нем все живое; город получил прозвание Мобалык ('Дурной город'). В следующей главе Джувейни[1] заставляет Чингиз-хана после поражения его полководцев идти прямо на Газну таким скорым маршем, что «никто не успевал приготовить себе пищу». В главе о Джелаль ад-дине совсем не говорится о движении на Бамиан, также в главе об Амин ал-мульке и Араке, где прибавлено известие, не находящееся в других местах, что часть войска Шики-Хутуху, в числе 10—12 тысяч человек, перед столкновением с Джелаль ад-дином разграбила Газну, где в это время не было войска, сожгла соборную мечеть и убила много людей[2]. Рашид ад-дин[3] заставляет Чингиз-хана после взятия Талькана, осада которого продолжалась семь месяцев, идти на Бамиан; после разрушения этого города он вернулся обратно и вместе со своими сыновьями «провел лето на холмах Талькана»; осенью, «когда люди отдохнули и лошади откормились», он выступил из пределов Талькана на Газну. Историки, не находящиеся в зависимости от Джувейни (Ибн ал-Асир, Джузджани и Несеви), не говорят ни слова о взятии Бамиана и заставляют Чингиз-хана идти из Талькана прямо на Газну, причем не сообщают о его пути никаких подробностей; в одном месте Джузджани[4] замечает, что Чингиз-хан шел через Гарджистан, причем оставил в лагере, под прикрытием небольшого отряда, весь свой тяжелый обоз, так как колесного пути через горы не было. Неизвестно, откуда Мирхонд[5] заимствовал свои сведения, что Чингиз-хан из Талькана прошел через Андераб, осада которого продолжалась целый месяц, оттуда через Бамиан и, после взятия этого города, через Кабул в Газну. Из европейских исследователей д'Оссон[6] заставляет Чингиз-хана идти осенью из Талькана на Гурзиван и Бамиан и в последнем городе получить известие о поражении своих полководцев. Раверти[7] приходит к заключению, что осады Бамиана никогда не было и что вместо Бамиана надо везде читать Валиян. Однако, если Талькан и Перван находились там, где помещает их этот ученый, то нет ничего невероятного в том, что Чингиз-хан выбрал путь из нынешнего Меймене на юг к реке Мак, оттуда через Ша-

[1] Изд. Казвини, I, 106.

[2] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 172; изд. Казвини, II, 196; ср. Джузджани, пер. Раверти, II, 1021; <изд. Нассау-Лиса, 348—349>.

[3] Изд. Березина, ч. XV, текст, 115—117, 124—125; пер., 76—77, 82—83.

[4] Пер. Раверти, II, 1071—1072; <изд. Нассау-Лиса, 371>.

[5] *История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 97—99.

[6] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 294—296.

[7] Джузджани, пер. Раверти, I, 290, прим. 3; II, 1020—1021, прим. 6; 1025, прим. 2.

хар, Бай, проход Хефтад-гирдиш и области Балхаб, Яквалан и Фирузбагар на Бамиан[1]. Трудно сказать, был ли Бамиан взят только тогда или еще летом; во втором случае приходится допустить, что Чингиз-хан ушел из Талькана к Гиндукушу для избежания летних жаров еще до падения крепости, оставив отряд для продолжения осады, и что взятие крепости последовало осенью, после его возвращения. Невозможного в этом, конечно, нет.

По рассказу Рашид ад-дина, Чингиз-хан осмотрел поле битвы при Перване и сделал выговор своим полководцам за неудачный выбор позиции. Сам Чингиз-хан не встретил со стороны войска Джелаль ад-дина никакого сопротивления и занял Газну, где узнал, что султан пятнадцатью днями раньше покинул город. По Джувейни, Чингиз-хан назначил наместником города Маба-Ялавача[2] (по-видимому, не Махмуд Ялавач); но после бегства Джелаль ад-дина он послал в Газну Угэдэя, который по приказанию отца принял самые суровые меры против уже покорившегося города (о восстании жителей не говорится): жители были выведены в поле и перебиты, за исключением уведенных в плен ремесленников[3]. Об истреблении жителей говорит и Джузджани[4], не упоминающий, однако, о предварительном занятии города. Джелаль ад-дин еще раньше отступил к Инду и велел приготовить суда для переправы. В это время произошла стычка между арьергардом султана, под начальством Урхана, и авангардом монголов, причем мусульмане были разбиты[5]; по Несеви, сам Джелаль ад-дин произвел нападение на монгольский авангард у Гардиза (на расстоянии одного дня пути к востоку от Газны) и нанес ему полное поражение. Каков бы ни был исход этой стычки, она не остановила главных монгольских сил, которые достигли берега Инда еще прежде, чем были приготовлены корабли; прибыл только один корабль, на который хотели посадить женщин царского семейства, но и тот был разбит волнами. Джелаль ад-дин не успел также привести в исполнение свой другой план — вновь привлечь на свою сторону ушедших военачальников[6].

Решительная битва на берегу Инда произошла, по словам Несеви,

[1] Приведенное дальше известие об оставлении части багажа в Баглане заставляет думать, что другой монгольский отряд шел из Тохаристана через Андераб и долину Пянджшира.

[2] Так у Шефера (*Chrestomathie persane*, t. II, p. 143); в изд. Казвини, I, 106: ماما يلواج.

[3] Джувейни, изд. Казвини, I, 108; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 144; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 310.

[4] Пер. Раверти, II, 1042—1043; <изд. Нассау-Лиса, 355>.

[5] Об этом см. у Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 151; изд. Казвини, II, 140); d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 306.

[6] Несеви, *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 82—83; пер., 138—139.

в среду 24 ноября[1] 1221 г. Что касается места битвы, то мы имеем только свидетельство Джузджани[2], что Джелаль ад-дин отступил к Пешаверу (чтение сомнительно), рассказ Несеви[3], что после переправы на Джелаль ад-дина напал владетель горной области Джуди, и рассказ Шереф ад-дина Йезди о походе Тимура[4], который будто бы подошел к берегу Инда в месте битвы Джелаль ад-дина с монголами, вступил после переправы в степь, носившую по имени Джелаль ад-дина название Чул-и Джелали (по Раверти[5], это название сохранилось до сих пор), и принял покорность от князей горной области Джуди. Раверти[6] считает возможным признать местом битвы урочище Гора-трап (букв. 'Прыжок коня'), которое, по его мнению, могло получить это название после переправы султана. Урочище расположено несколько ниже переправы Ниляб; все это пространство представляет огромную и непреодолимую быстрину. Раверти[7] признает, что это место не вполне соответствует месту переправы Тимура, который перешел реку у Динкота.

По рассказу Несеви[8], центр мусульманского войска, под начальством самого Джелаль ад-дина, смял монголов, и сам Чингиз-хан уже обратился в бегство (?); но битву решило нападение 10 000 монгольских бахадуров (см. выше, стр. 449), до тех пор стоявших в засаде, на правое крыло мусульман, где начальствовал Амин ал-мулык. Сын Джелаль ад-дина, лет семи или восьми, был взят в плен и убит; свою мать, жену и других женщин Джелаль ад-дин сам велел бросить в воду, чтобы они не достались монголам. Сам Джелаль ад-дин переплыл реку на коне, которого потом держал при себе до завоевания Тифлиса, но никогда уже не ездил на нем. Вместе с султаном достигли берега около 4000 воинов; через три дня к нему присоединились еще 300 всадников, отнесенных течением на большое расстояние.

Чингиз-хан не счел нужным переправиться через Инд вслед за Джелаль ад-дином; в следующем году для преследования султана был послан отряд в 20 000 человек, который дошел до Мультана и вследствие летних жаров вернулся обратно, не взяв города[9]. Военные дейст-

[1] По Несеви, 9 шавваля (в переводе 8-го); но этот день (26 ноября) был пятницей. У Джувейни и в других источниках указан месяц раджаб (август — сентябрь); у Мирхонда (*История хорезмшахов*, изд. Дефремери, 101) — ошибочно 620 г. На невероятность этой даты указал еще Раверти (Джузджани, пер. Раверти, II, 1049—1050, прим. 2), не читавший сочинения Несеви.

[2] Пер. Раверти, I, 291—292.

[3] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 86; пер., 142.

[4] Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, III, 45—47; калькут. изд., II, 47.

[5] Джузджани, пер. Раверти, I, 293.

[6] Там же, 292, прим. 4.

[7] Там же, 291, то же прим.

[8] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 83—85; пер., 139—141.

[9] Джувейни, изд. Казвини, I, 112; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 147.

вия 1222 г. сводились почти исключительно к осаде и взятию горных укреплений; изложение их не входит в нашу задачу[1]. Остается еще сказать несколько слов о событиях, происходивших в 1221 г. в Хорасане и отразившихся также на Мавераннахре.

В начале 1221 г. Чингиз-хан из Талькана отправил Тулуя для занятия городов Хорасана, причем дал ему, если верить Джувейни[2], только десятую часть своего войска. Число отрядов, набранных им из покоренных городов, было гораздо значительнее, так как уже перед Мервом у него, по словам того же историка, было до 70 000 человек[3]. В Хорасане происходило после отъезда Мухаммеда то же самое, что в Хорезме и Газне; власть очутилась в руках отдельных честолюбцев и авантюристов, из которых некоторые мечтали о царском престоле; такие мечты питал в Мерве бывший гражданский правитель города (хаким и везир) Муджир ал-мульк Шереф ад-дин Музаффар[4]. При таких условиях Тулуй в промежуток времени менее трех месяцев мог выполнить свою задачу — покорить три больших города Хорасана (Мерв, Нишапур и Герат) и множество менее значительных. Мерв был взят 25 февраля 1221 г.[5]; жители, кроме 400 ремесленников, подверглись избиению; начальниками города были назначены один из местных вельмож, эмир Зия ад-дин Али, и монгольский военный начальник Бармас, которым было поручено собрать уцелевших от погрома жителей; последние, однако, подверглись новым нападениям со стороны других монгольских отрядов. Еще тяжелее была участь Нишапура, взятого монголами в субботу 10 апреля. Жители поплатились за то, что у стен города в ноябре 1220 г. был убит стрелой Тохучар; вследствие этого Тулуй отказался принять просьбу жителей о помиловании. После взятия города жители, за исключением 400 ремесленников, были перебиты; город был разрушен до основания, и место его было вспахано; на месте развалин был оставлен монгольский эмир с 400[6] таджиков, для истребления остатков населения[7]. Менее всего пострадал Герат; в нем были переби-

[1] О них подробнее всего у Джузджани, пер. Раверти, II, 1043 и сл.; <изд. Нассау-Лиса, 355 и сл.>.

[2] Изд. Казвини, I, 117; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 151.

[3] Джувейни, изд. Казвини, I, 125; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 157; ср. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 51.

[4] О нем см. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 49—50.

[5] У Джувейни, изд. Казвини, I, 125 — 1 мухаррема 618 г. х. Точная дата не приведена проф. Жуковским.

[6] У Шефера (*Chrestomathie persane*, t. II, p. 169) пропущено слово مد ; ср. Джувейни, изд. Казвини, I, 140.

[7] О судьбе Нишапура см. у Джувейни (изд. Казвини, I, 133—140; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 163—169); d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 288—291. Об участи города приблизительно в тех же словах говорит Несеви, по которому,

ты только воины хорезмшаха, числом 12 000; во главе города были поставлены монгольский и мусульманский начальники[1].

Во второй половине 1221 г. слухи о победах Джелаль ад-дина вызвали восстание в некоторых хорасанских городах, между прочим в Мерве и Герате; восстание в Мерве[2] началось в половине ноября. Зия ад-дин Али в это время отправился в Серахс усмирить возникшее там движение; Бармас вывел из города ремесленников и других пленных для отправления в Бухару. Жители пришли к заключению, что наместник получил известие о каком-нибудь движении султана и хочет бежать; произошло восстание. Тщетно Бармас подошел к воротам города и потребовал к себе представителей знати; никто не явился. Бармас убил несколько человек, которых нашел у ворот, и ушел в Бухару с теми, которые были около него; среди них упоминается ходжа Мухаззиб ад-дин Бастабади[3]. Бармас умер в Бухаре; уведенные им мервцы остались в этом городе. Зия ад-дин, вернувшись в Мерв, разделил между жителями свою добычу и послал им сына Беха ал-мулька (одного из прежних мервских начальников), но не вступил в слишком тесные сношения с главарями мятежников; в то же время он занялся исправлением стен города и цитадели. Когда у города появился монгольский отряд, Зия ад-дин встретил его с почетом и принял к себе; вслед за тем явился с многочисленной толпой Куш-тегин[4] Пехлеван, один из представителей гвардии Джелаль ад-дина, и осадил город. Некоторые из «развратников города» перешли на его сторону и покинули Зия ад-дина; последний удалился вместе с монголами в крепость Мерату[5]. Куш-тегин занял город и принял меры к исправлению стен и восстановлению земледелия. Противная партия пригласила Зия ад-дина; тот прибыл к воротам города; получив известие об этом, Куш-тегин велел его схватить и требовал с него денег; тот уже отдал их «бесчестным людям», именно тем, которые вчера сражались за него, а теперь находятся у Куш-тегина. Куш-тегин велел убить своего соперника и с еще большим рвением стал заботиться о восстановлении земледелия; между прочим, он восстановил плотину на Мургабе. По Несеви[6], Куш-тегин усилился до такой степени, что мог совершить

однако, город был взят только к концу 618 г. х., уже после бегства Джелаль ад-дина в Индию (*Сират Джелаль ад-дин*, текст, 54; пер., 92).

[1] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, p. 292.

[2] В изложении проф. Жуковского (*Развалины Старого Мерва*, стр. 52) есть некоторые неточности. Ср. Джувейни, изд. Казвини, I, 128 и сл.; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 160—163.

[3] В печатном издании Джувейни (изд. Казвини, I, 129) باسنابادی.

[4] Вернее, Кюч-тегин (так у Несеви — كوج تكين; у Джувейни كشتكين).

[5] В печатном издании Джувейни (изд. Казвини, I, 129) مرغه.

[6] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 68; пер., 115.

из Мерва поход на Бухару и убить оставленного там монгольского начальника[1]; последнее сомнительно, так как упомянутый у Джувейни Нуша-баскак, вероятно, тожествен с упомянутым еще у Вассафа[2] наместником Бука-Буша (или Нуша), хотя Вассаф и говорит, что Бука-Буша был наместником со времени Угэдэя. Восстание было усмирено монголами уже в 1222 г., вероятно в конце лета. Караджа-нойон[3] прибыл в Серахс; Куш-тегин ночью покинул Мерв с тысячью воинов; монголы настигли его отряд при деревне Сенгбест[4] (по словам проф. Жуковского, между Серахсом и Нишапуром) и истребили большую часть его; сам Куш-тегин, как мы знаем из рассказа Несеви, спасся, бежал в Себзевар и оттуда в Гурган, где присоединился к войску Инанч-хана, владевшего в то время некоторыми хорасанскими городами. Через 3—4 дня после этого к Мерву подошел отряд в 200 всадников из войска Хутуху-нойона; из них 100 человек остались у стен Мерва и известили о положении дел военачальников Турбая[5] (или Туртая) и Кабай[6] (или Катай)-Ильчи, стоявших в Нахшебе (Несефе); уже через пять дней (?) к Мерву подошел Турбай с пятитысячным отрядом, в котором находился местный военачальник (сипехсалар) Хумаюн, носивший прозвание Ак-мелика. Город тотчас был взят, и жители перебиты; при этом будто бы погибло до 100 000 человек. Ак-мелик был оставлен на развалинах для истребления остатков населения и исполнял свою задачу с еще бо́льшим рвением, чем монгольские военачальники; несчастных заключали в медресе Шихаби и потом сбрасывали с крыши. Несмотря на это, город после ухода монголов снова был восстановлен, и начальство принял один «сын эмира», Арслан. После этого в Мерв прибыл из Неса какой-то туркмен; жители подчинились ему;

[1] В переводе Несеви по ошибке «garnison» (в тексте شحنة).

[2] Изд. Хаммера, 25; <в бомбейском изд., 12 بوقابوشا.— *Red.*>.

[3] Или Карача-нойон; в печатном издании Джувейни (изд. Казвини, I, 130) قراچه نوين.

[4] В печатном издании Джувейни (изд. Казвини, I, 130) ошибочно پوشت سنگ. Это хорошо известная местность с рабатом, построенным Арслан-Джазибом, современником султана Махмуда Газневида; см. Равенди, изд. Икбаля, 92. а также описание развалин: Diez, *Churasanische Baudenkmäler,* S. 52 sq. Сенгбест находится на расстоянии одного дня пути к юго-востоку от Мешхеда.

[5] Судя по правописанию, имеется в виду то же самое лицо, которое весной и в начале лета 1222 г. действовало во главе монгольского отряда в Индии. Имя его в печатном издании Джувейни (изд. Казвини, I, 112) توربای تقشی и (там же, 130) تـربـای, у Шефера (*Chrestomathie persane,* t. II, pp. 147, 162) ترتای, в рук. ГПБ IV, 2, 34 и в рук. Ханыкова تـربـای и تـوربـای, у Рашид ад-дина (изд. Березина, ч. XV, текст, 128, 130) دریای и دوریای; чтение проф. Березина (там же, ч. XV, пер., 85, 86) — Дурбай.

[6] В печатном издании Джувейни (изд. Казвини, I, 130) قبار.

ему удалось собрать 10 000 человек войска и править шесть месяцев. По Несеви[1], имя этого туркмена было Тадж ад-дин Омар б. Мас'уд; кроме Мерва, он владел также Абивердом и Харканом; по Джувейни, он совершал даже грабительские набеги на монгольский обоз, стоявший в Мерверруде, Пянджде хе и Талькане. В то же время он осаждал Неса, где правил потомок местной династии Нусрет ад-дин Хамза б. Мухаммед. Здесь отряд Тадж ад-дина подвергся неожиданному нападению со стороны Языра (см. выше, стр. 497); в то же время произвел вылазку начальник цитадели; сам Тадж ад-дин был убит. К Мерву подошел из Талькана Караджа-нойон с 1000 воинов и стал производить грабежи, не встречая, по-видимому, никакого сопротивления. Вслед за тем подошел Хутуху-нойон со стотысячным (?) войском; в состав его входили халаджи и афганцы, которые стали производить еще более жестокие насилия над жителями и уничтожили последние остатки Мерва.

После уничтожения Балха и Мерва беспорядки, происходившие в областях к югу от Аму-Дарьи, уже не могли отражаться на спокойствии Мавераннахра. В этой стране мятежные элементы существовали только в виде разбойничьих шаек и не были в состоянии захватывать города и округи. Некоторые сведения о положении страны в эти годы и об обратном пути Чингиз-хана дает нам описание путешествия китайского отшельника Чан-чуня, сделанное одним из его учеников[2].

Молва о благочестивой жизни даосца Чан-чуня дошла до Чингиз-хана, который еще летом 1219 г., находясь на берегу Иртыша, вызвал его к себе. Из тех вопросов, с которыми впоследствии Чингиз-хан обратился к Чан-чуню, видно, что завоеватель надеялся получить от философа «лекарство для вечной жизни»[3], буквально поняв даосское учение о Дань (философском камне), хотя та школа, к которой принадлежал Чан-чунь, искала это сокровище только в психическом мире и стремилась только к достижению безмятежного философского спокойствия. Из некоторых слов Чан-чуня видно, что он, исполняя волю Чингиз-хана, мечтал о том, чтобы оказать влияние на завоевателя для прекращения кровопролития[4].

Чан-чунь проехал через Монголию, Уйгурию, Кульджинский край

---

[1] *Сират Джелаль ад-дин*, текст, 99; пер., 165.

[2] См. Чан-чунь, пер. Кафарова; английский перевод — Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 35 sq. (здесь даты переведены на христианский календарь).

[3] Чан-чунь, пер. Кафарова, 320; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 86.

[4] Чан-чунь, пер. Кафарова, 329; у Бретшнейдера нет.

и Семиречье в Сайрам, куда прибыл в ноябре 1221 г. Дороги были исправлены монголами во время их похода и находились в лучшем состоянии, чем теперь; реку Чу путешественники переехали по дощатому мосту, реку Талас — по каменному[1]. Из описания путешествия видно, что местность к северу от Сыр-Дарьи, опустошенная хорезмшахом Мухаммедом, теперь снова была населена; везде, до самого Самарканда, упоминаются только туземные династии[2]; монгольских начальников и гарнизонов не было нигде. Название Сайрама здесь, насколько известно, встречается впервые[3]; из построек города упоминается небольшая башня; на обратном пути[4] автор уже называет Сайрам большим городом. 20 ноября путешественники видели здесь, по их словам, празднование нового года; на самом деле праздновался байрам, начинавшийся в 1221 г. 18 ноября. Как и теперь, туземцы в этот день «толпами ходили и поздравляли друг друга». На Сыр-Дарье был плавучий мост; между Сайрамом и берегом реки упоминаются еще два города, первый в трех днях пути от Сайрама, второй еще одним днем пути дальше и в двух днях от Сыр-Дарьи. За рекой, на пространстве около 70 верст («свыше 200 ли») тянулась Голодная степь; к югу от степи, до прибытия в Самарканд, путешественники проехали еще пять городов. Везде мусульманские власти выезжали навстречу путешественникам и устраивали им торжественный прием.

Несколько хуже было положение Самарканда, куда путешественники въехали через северо-восточные ворота; через Зеравшан они переправились 3 декабря. Число жителей после монгольского погрома уменьшилось до одной четверти; полями и садами мусульмане могли владеть только сообща с китайцами, кара-китаями и другими; старшины также частью были поставлены из разноплеменных народов. Наместник города Ахай происходил из кара-китаев и носил звание тайши; он был знаком с китайской культурой, так как во время бесед Чан-чуня с Чингиз-ханом служил переводчиком. Ахай первоначально жил в неоконченном дворце хорезмшаха Мухаммеда (ср. выше, стр. 431), потом перешел на северную сторону реки, так как в окрестностях города «вследствие трудности пропитания» стали образовываться шайки разбойников[5].

Незадолго до прибытия Чан-чуня в Самарканд «мятежники» раз-

[1] Чан-чунь, пер. Кафарова, 307—308; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 72 sq.

[2] Чан-чунь, пер. Кафарова, 308—310; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 74 sq.

[3] Единственное исключение составляет труд Махмуда Кашгарского (в царствование халифа Муктади, 1075—1094), который уже отожествляет Сайрам с Исфиджабом (I, 78).

[4] Чан-чунь, пер. Кафарова, 336; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 98.

[5] Чан-чунь, пер. Кафарова, 310—311, 410; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 78 sq. (о трудности находить средства пропитания не упоминается).

рушили плавучий мост на Аму-Дарье; очевидно, это было делом восставших после победы Джелаль ад-дина мусульман. Чан-чунь пробыл в Самарканде до 26 апреля 1222 г., потом вторично с половины июня до 14 сентября и в третий раз с начала ноября до 29 декабря; поэтому он и его спутники имели возможность собрать подробные сведения о городе и его жителях. Из их описания видно, что жизнь в городе, несмотря на произведенные монголами опустошения, шла своим чередом. На зов муэззинов спешили в мечети как мужчины, так и женщины (в то время еще имевшие доступ к общественному богослужению); не исполнявшим этой обязанности угрожало строгое наказание. Во время рамазана по обыкновению устраивались ночные пиры. На базарах было множество товаров; в стихах Чан-чуня говорится, что «весь город наполнен медными сосудами, сияющими, как золото»[1]. Весной 1222 г. китайцы устраивали веселые загородные прогулки; особенной красотой отличались западные окрестности города, вероятно та местность, которую Бабур[2] называет Кул-и Магак, теперь Кул-и Магиян в Ангарской волости. Здесь «повсюду попадались террасы, озера, башни и палаты»; в некоторых местах были фруктовые сады; с садами не могли сравниться даже китайские[3]. С другой стороны, в сентябре 1222 г. на востоке от города образовалась разбойничья шайка в 2000 человек, вероятно из зеравшанских горцев; каждую ночь жители Самарканда видели зарево пожаров[4]. Во время своего последнего пребывания в городе, в ноябре и в декабре, Чан-чунь кормил голодных крестьян остатками данного ему провианта и, кроме того, готовил для них кашицу; число пользовавшихся этой даровой столовой было очень велико[5].

В конце апреля 1222 г. Чан-чунь отправился к Чингиз-хану. Сообщение между обоими берегами Аму-Дарьи было восстановлено еще раньше; еще в начале года Чагатай восстановил плавучий мост и истребил мятежников[6]. Чингиз-хан был извещен о прибытии отшельника в марте, когда его ставка находилась к югу от Гиндукуша. 26 апреля Чан-чунь выехал из Самарканда и через четыре дня проехал через Кеш; на пути через Железные ворота его, по приказанию Чингиз-хана, провожал сам темник Бугурджи, с конвоем из 1000 латников, мон-

[1] Чан-чунь, пер. Кафарова, 326—327 (у Бретшнейдера нет).

[2] *Бабур-наме*, изд. Ильминского, 60; извлеч. в пер. Вяткина, 36; изд. Бевериджа, л. 48б; пер. Бевериджа, I, 82.

[3] Чан-чунь, пер. Кафарова, 316; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 80 sq. <В русск. изд. 1900 г. было «огороды».— *Ред.*>

[4] Чан-чунь, пер. Кафарова, 328 (у Бретшнейдера нет).

[5] Там же, 332; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 96 (сокращенно).

[6] Чан-чунь, пер. Кафарова, 315; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 80.

гольских и мусульманских. Проехав через ущелье, китайцы отправились на юг, а конвой двинулся на север против «разбойников»; итак, горцы, жившие по верхним притокам Сурхана, еще не были окончательно усмирены. На дальнейшем пути китайцы переправились на кораблях через Сурхан и Аму-Дарью; оба берега Сурхана в то время были покрыты густым лесом. 16 мая они прибыли в ханскую ставку, находившуюся в то время только в четырех днях пути от места переправы через Аму-Дарью.

На вопрос хана о «лекарстве для вечной жизни» Чан-чунь ответил: «Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия». Хан ничем не проявил своего разочарования и только похвалил учителя за искренность. Для слушания наставлений отшельника он назначил день 25 мая, но потом, получив известие о действиях «мусульманских горных мятежников», отложил беседу до ноября. Вследствие этого Чан-чунь вернулся в Самарканд. Движение в «снежные горы» было начато Чингиз-ханом еще раньше, вследствие наступления летних жаров; Чан-чунь несколько дней сопровождал монгольское войско. На обратном пути конвой из 1000 всадников, с мусульманским военачальником во главе, провел учителя по другой дороге, через горную «проходную заставу», только незадолго перед тем занятую войском. По описанию Чан-чуня, путь через эту заставу, находившуюся еще на юг от Аму-Дарьи, был гораздо труднее пути через Железные ворота. По дороге китайцы встретили монгольский отряд, возвращавшийся из похода на запад, и за два *йи* (китайских фунта) серебра купили у воинов 50 ветвей кораллов [1].

В сентябре Чан-чунь на пути из Кеша через Аму-Дарью получил еще более значительный конвой, 1000 пехотинцев и 300 всадников; он проехал по новой дороге, не через Железные ворота, к которым, однако, потом подъехал с юго-западной стороны; на пути он видел соленый источник и залежи красной каменной соли. Через Аму-Дарью по-прежнему переехали на судне; на дальнейшем пути миновали развалины Балха, где «жители, недавно взбунтовавшись, бежали; в городе еще слышен был лай собак». В монгольский лагерь, находившийся в то время несколько восточнее Балха, Чан-чунь прибыл 28 сентября и некоторое время сопровождал Чингиз-хана, в то время уже находившегося на обратном пути из мусульманских стран на свою родину [2].

Из рассказа Джузджани [3] мы знаем, что Чингиз-хан после бегства Джелаль ад-дина еще три месяца пробыл на Инде для уничтожения войск Сейф ад-дина Аграка и А'зам-мелика. Обратный путь он хотел

[1] Чан-чунь, пер. Кафарова, 318—323; Bretschneider, *Researches,* vol. I, pp. 82—88.
[2] Чан-чунь, пер. Кафарова, 328—330; Bretschneider, *Researches,* vol. I, pp. 91—93.
[3] Пер. Раверти, II, 1043—1047, 1081; <изд. Нассау-Лиса, 355—356, 375>.

совершить через Индию, Гималаи и Тибет и с этой целью отправил послов в Дели к султану Шемс ад-дину Ильтутмышу; подробностей об этом посольстве и о приеме, оказанном послам, историк не сообщает. Путь через горы был закрыт снегами; между тем, Чингиз-хан получил известие о восстании тангутского царя и потому решил вернуться тем же путем, как пришел; кроме того, гадатели советовали хану не идти в Индию. Если Чингиз-хан пробыл на Инде три месяца, то путь из Пешавера в Кабул был совершен им в конце февраля или в начале марта 1222 г. Перевалы по приказанию Чингиз-хана были очищены рабочими от снега. О дальнейшем пути Чингиз-хана Джузджани имел крайне смутное представление, так как заставляет его идти через Кашгар, где он никогда не был.

Джувейни[1] также рассказывает, что Чингиз-хан сначала хотел идти в Индию, потом вернулся на старую дорогу; перед оставлением берегов Инда он велел перебить всех пленных, после того как они доставили определенное количество риса. Подробности рассказа (как известно, такую же историю впоследствии рассказывали о Тимуре)[2] вызывают некоторые сомнения, тем более, что Джузджани, не имеющий обыкновения скрывать жестокие поступки монголов, об этом поступке, который не мог остаться ему неизвестным, не говорит ни слова. Джувейни[3] перед этим говорит, что начальником над пленными и ремесленниками был поставлен Хутуху-нойон; разноплеменный отряд, находившийся под начальством этого полководца, как мы видели, еще в 1222 и 1223 гг. действовал в Мерве; при этих действиях пленные, конечно, были не бесполезны. Чингиз-хан, несомненно, имел сведения о событиях, происходивших в Хорасане и Афганистане, и знал, что еще предстоит осада городов и горных укреплений; поэтому он должен был пощадить пленных если не из человеколюбия, то для того, чтобы воспользоваться их рабочей силой.

По Джувейни, Чингиз-хан шел через «Бамианские горы» и прибыл в Баглан, где раньше оставил часть своего обоза; на пастбищах этой местности он провел лето и только осенью переправился через Аму-Дарью. В этом отношении рассказ Джувейни, как мы видели, вполне подтверждается рассказом Чан-чуня. Мы видели, что уже в мае Чингиз-хан был очень близко от берегов Аму-Дарьи, но потом все-таки избрал для летовки местность, близкую к Гиндукушу, а не окрестности Несефа, где он провел лето 1220 г. и куда ему, если он действительно спешил в Монголию, было естественнее отправиться. Мы не имеем све-

[1] Изд. Казвини, I, 109 и сл.; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 144—147; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 319—323.

[2] Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа, III, 90; калькут. изд., II, 92.

[3] Изд. Казвини, I, 108.

дений о том, какие именно события заставили его так поступить; ни о каких военных действиях 1222 г., в которых бы принимал участие сам Чингиз-хан, наши источники не говорят. Задача его полководцев заключалась в разрушении горных крепостей, в охране сообщений и обозов; то, что они в общем успешно выполнили эту задачу и что главные силы монголов в такой местности, как северная часть Афганистана, ни разу не были поставлены в затруднительное положение, является одним из лучших доказательств военного гения Чингиз-хана. Самые крупные потери в этом отношении были испытаны монголами в Талькане; мы видели, что здесь Чингиз-хан при движении на Газну оставил свои повозки. Начальник гарджистанской горной крепости Ашияр, эмир Мухаммед Марагани[1], совершил нападение на этот обоз, увез столько телег с золотом и другим добром, сколько мог, захватил большое количество лошадей и освободил значительное число пленных. Крепость была взята монголами в начале 1223 г., после пятнадцатимесячной осады; в 1222 и 1223 гг. пали и прочие крепости Гарджистана[2].

Осенью 1222 г. Чингиз-хан переправился через Аму-Дарью и провел зиму в Самарканде. Чагатай и Угэдэй в это время стояли в Каракуле, около устья Зеравшана, занимались здесь птичьей охотой и каждую неделю посылали Чингиз-хану пятьдесят верблюжьих вьюков с птицами. На обратном пути предполагалось устроить еще более грандиозную охоту (вероятно, ради продовольственных целей), с участием всех царевичей; Джучи получил приказ пригнать онагров из Кипчака. Весной 1223 г. Чингиз-хан пошел дальше; на берегу Сыр-Дарьи он увиделся с Чагатаем и Угэдэем и устроил курултай; в равнине Кулан-баши[3] (к северу от Александровского хребта) произошла встреча с Джучи, который исполнил приказание отца относительно онагров и кроме того в виде подарка пригнал 20 000 белых коней. В этой степи монголы провели все лето 1223 г.; здесь же был произведен суд над некоторыми уйгурскими эмирами, которые были подвергнуты смертной казни; о характере их преступления не говорится.

Рассказ Чан-чуня[4] в общем подтверждает рассказ Джувейни, но дает нам возможность проследить путь Чингиз-хана несколько подробнее. Через Аму-Дарью войско переправилось 6 октября 1222 г. по пла-

---

[1] В калькуттском издании Джузджани (изд. Нассау-Лиса, 371) امیر محمّد مرغزی.

[2] Джузджани, пер. Раверти, II, 1072—1077; <изд. Нассау-Лиса, 371—372>.

[3] О степи Кулан ср. Калаур, *Древние местности*, стр. 2. Местность Кулан-баши упоминается у Джувейни также в рассказе о путешествии Аргуна (*Тексты*, стр. 118; в изд. Казвини, II, 251 قلان تاشی; там же, I, 111 بقلان تاشی). У Шефера (*Chrestomathie persane*, t. II, p. 147,4) ошибочно بـــغـــلان вместо غـلان. Название урочища, где происходила охота, у Джувейни اوتـوقا (Утука?).

[4] Пер. Кафарова, 330—336; Bretschneider, *Researches*, vol. I, pp. 94—97.

вучему мосту. Три раза, 20, 24 и 28 октября, хан слушал наставления учителя, пользуясь услугами Ахая как переводчика, и приказал записать его речи. В начале ноября прибыли в Самарканд; учитель остановился на своей прежней квартире, в бывшем дворце султана; монгольский лагерь находился верстах в десяти к востоку от города. Пребывание Чингиз-хана в Самарканде не было так продолжительно, как можно заключить из слов Джувейни; точных известий о выступлении монголов мы не имеем, так как Чан-чунь выпросил себе позволение «ехать по воле *или* наперед, *или* назади»[1]; но из его рассказа видно, что в конце января 1223 г. ханская ставка была уже на правом берегу Сыр-Дарьи. Во всяком случае, как рассказ Джувейни, так и рассказ Чан-чуня показывает, что Чингиз-хан, вопреки приведенному у Мирхонда[2] рассказу неизвестного автора, на обратном пути не был в Бухаре.

Из рассказа Чан-чуня видно, что место, где Чингиз-хан весной 1223 г. ждал своих сыновей, находилось на берегу большой реки, в трех переездах от Сайрама, вероятно на берегу Чирчика. Здесь около «восточных гор» Чингиз-хан 10 марта упал на охоте с лошади и едва не был убит вепрем. Чан-чунь воспользовался этим случаем, чтобы убедить хана отказаться, вследствие своего преклонного возраста, от охоты; Чингиз-хан согласился, но сказал, что не может сразу оставить свою привычку; после этого он в течение двух месяцев воздерживался от охоты. 11 апреля Чан-чунь окончательно простился с Чингиз-ханом, не дождавшись прибытия царевичей.

О пути Чингиз-хана из степи Кулан-баши в Монголию Джувейни[3] говорит только, что Чингиз-хан выступил осенью и весной прибыл в орду. По согласному свидетельству Рашид ад-дина[4], китайской истории[5] и *Юань-чао би-ши*[6], Чингиз-хан вернулся в Монголию только в 1225 г., по китайской истории и по Рашид ад-дину — весной, по монгольскому сказанию — осенью. Очень вероятно, что лето 1224 г., согласно со свидетельством монгольского сказания, было проведено им на Иртыше.

Чингиз-хан покинул западные страны прежде, чем успел окончательно подчинить их своей власти; но в Мавераннахре и Хорезме гос-

[1] <Чан-чунь, пер. Кафарова, 332>; у Бретшнейдера (*Researches*, vol. I, p. 95): «впредь путешествовать в одиночку, впереди или позади».

[2] *История Чингиз-хана*, изд. Жобера, 166.

[3] Изд. Казвини, I, 111; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, p. 147.

[4] Изд. Березина, ч. XV, <текст, 142—143, 175>; пер., 94, 118. Во втором случае переводчик (в 6-й строке) ошибочно вставил слово «летом»; в тексте (стр. 175) его нет.

[5] *Юань-ши*, пер. Бичурина, 127.

[6] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 149; <изд. Козина, 189>.

подство монголов после 1223 г. уже никем не оспаривалось. По согласному свидетельству Ибн ал-Асира [1] и Джувейни [2], города Мавераннахра вследствие этого гораздо скорее оправились от опустошения, чем города Хорасана и Ирака; исторические факты показывают, что бедствия, перенесенные жителями Мавераннахра во время смут второй половины XIII и начала XIV вв., оставили гораздо более продолжительные и глубокие следы, чем опустошения, вызванные монгольским нашествием. Даже Хорезм, более всего пострадавший при нашествии, до некоторой степени мог оправиться. После завоевания страны Джучи назначил правителем (баскаком) Хорезма упомянутого выше (стр. 482) Чин-Тимура, который должен был также управлять Хорасаном и Мазандераном [3]; очевидно, Джучи полагал, что и эти области войдут в состав его удела. Джучи не мог исполнить свое желание и спасти от разорения столицу Хорезма, но через короткое время, по свидетельству Ибн ал-Асира [4], вблизи развалин Гургандж возник новый большой город. Название Гургандж было переделано монголами в Ургенч [5] и в этом виде сохранилось до настоящего времени. Мы видели, что в X в. город находился на левом берегу Аму-Дарьи; в начале XIII в., когда он сделался столицей обширной империи, он был расположен на обоих берегах, соединенных между собою мостом; новый город был выстроен, как видно из многих мест сочинения Абулгази [6], на правом берегу; это обстоятельство необходимо иметь в виду, если когда-нибудь будет произведено (крайне желательное) исследование развалин, окружающих нынешний Куня-Ургенч, возникший только в XIX в. [7]. Ургенч сделался одним из важнейших торговых пунктов на пути из Европы

[1] Изд. Торнберга, XII, 323; СМИЗО, I, 38.

[2] Изд. Казвини, I, 75; Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. 118—119.

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 180; изд. Казвини, II, 218: بتولیت خراسان وما زندران نامزد شد.

[4] Изд. Торнберга, XII, 323; СМИЗО, I, 38.

[5] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, текст, 104; пер., 69. Из текста Джувейни, изданного Шефером (*Chrestomathie persane*, t. II, p. 136), и из текста в изд. Казвини (I, 96) можно заключить, что термин Ургенч существовал до монголов; но в нескольких рукописях здесь كركانج.

[6] Особенно ясно: Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона, текст, 225; пер., 241. Ср. также Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, 296 и сл. (из труда XVI в.). Развалины города, разрушенного монголами, упоминаются особо, наряду с городом, существовавшим в то время.

[7] Галкин, *Материалы*, стр. 161. Согласно официальной истории Хивы, Куня-Ургенч был основан в 1831 г.; ср. Бартольд, *Орошение*, стр. 99. О развалинах старого города см. также Кун, *От Хивы до Кунграда*, стр. 211—216 (от Хилали до Куня-Ургенча) и стр. 216—218 (от Куня-Ургенча до Ходжейли). Рассказ о развалинах, приведенный у Лэнсделла (Lansdell, *Russian Central Asia*, vol. II, pp. 341—348), взят из этого труда.

в Азию[1]; несмотря на это, Хорезм медленно оправлялся от разорения; плотины долго не были восстановлены, и Аму-Дарья в течение трех веков могла направляться к Каспийскому морю. Насколько Хорезм времени монгольского владычества отличался от Хорезма эпохи Саманидов, лучше всего видно из слов Ибн Баттуты[2], что между столицей Хорезма (Ургенчем) и Бухарой простиралась степь, где был только один населенный пункт — небольшой город Кят.

Сыновья Чингиз-хана вернулись на восток вместе со своим отцом, кроме Джучи, который остался в своих обширных владениях. Явное стремление Джучи основать государство, независимое от центра империи, было причиной столкновения между сыном и отцом. По Джузджани[3], Джучи настолько полюбил Кипчак, что решил избавить эту страну от разорения; он сказал своим приближенным, что Чингиз-хан потерял рассудок, так как губит столько земель и столько народу; потому он, Джучи, хочет убить отца во время охоты и заключить союз с мусульманами. Об этом плане узнал Чагатай и рассказал отцу, который велел тайно отравить Джучи. Из других первоисточников о столкновении между отцом и сыном говорит только Рашид ад-дин[4]; у Джувейни[5] сказано только, что Джучи после свидания в Кулан-баши вернулся в свои владения и вскоре после этого умер. По Рашид ад-дину, Джучи было поручено покорить «северные области», т. е. те страны, через которые только прошли Чжэбэ и Субудай; он не исполнил поручения. Вернувшись в Монголию, Чингиз-хан вызвал сына к себе; тот ответил, что не может отправиться вследствие болезни. Между тем, один монгол, прибывший из западных стран, рассказал, что видел Джучи на охоте; тогда Чингиз-хан решил, что сын намеренно ослушался приказа отца, и послал против него Чагатая и Угэдэя, готовясь идти вслед за ними; в это время пришло известие о смерти Джучи. Рашид ад-дин прибавляет, что, по одним известиям, Джучи было только 20 лет, по другим — от 30 до 40; однако, так как третий сын, Угэдэй, уже в 1206 г. имел сына[6], то старшему, Джучи, в 1225 г. не могло быть менее сорока лет. Дата смерти Джучи у Рашид ад-дина не указывается; по позднейшим источникам[7], он умер за 6 месяцев до

---

[1] Yule, *Cathay*, vol. II, pp. 287—288.

[2] Ибн Баттута, III, 19—20.

[3] Пер. Раверти, II, 1101; <изд. Нассау-Лиса, 379>.

[4] Рук. ГПБ V, 3, 1, лл. 187—188; изд. Блоше, 132 и сл.; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 353—354.

[5] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 95; изд. Казвини, I, 221.

[6] *Юань-ши*, пер. Бичурина, 298.

[7] Так в сокращении истории Улугбека (*Шаджарат ал-атрāк*, рук. Брит. муз., л. 108; пер. Майлса, 196). Так же у Раверти — раби‘ I 624 г. х. (Джузджани, пер. Раверти, II, 1102, прим. 3).

отца, т. е. в феврале 1227 г.; если так, то известие о его смерти было получено Чингиз-ханом уже в Тангуте, куда он выступил, по Рашид ад-дину[1], осенью 1225 г., по китайской истории[2] — весной 1226 г., после чего уже не возвращался в Монголию. Поэтический рассказ о том, как Чингиз-хану было передано известие о смерти его сына[3], конечно, не имеет исторического значения.

Чингиз-хан умер в августе 1227 г.[4], 72 лет от роду, оставив своим преемникам не только обширную империю, завоеванную оружием, но и руководящие начала ее устройства. Сделать правдивую и полную характеристику грозного завоевателя по имеющимся у нас сведениям очень трудно; в этом отношении мы относительно его потомков находимся в более благоприятном положении, так как в них некоторые историки имели основание видеть не опустошителей, а устроителей. Так, Батый в глазах русских летописцев был только «лютым зверем»[5]; между тем, он не только получил от самих монголов прозвание «доброго хана» (*саин-хан*), но прославляется за свою кротость, справедливость и мудрость мусульманскими[6] и армянскими[7] писателями, нисколько не расположенными хвалить монголов. Как об исторических деятелях, так и о народах мы можем правильно судить только тогда, когда имеем сведения о их жизни в различных ее проявлениях; произнесение приговоров над деятелями и народами на основании отдельных фактов и отдельных сторон их деятельности — прием безусловно ненаучный, к сожалению, встречающийся и у новейших историков. Встреча Чан-чуня с монголами[8] показывает, что даже монголы XIII в. иногда являлись такими же гостеприимными, добродушными кочевниками, как современные киргизы, что отнюдь не мешало им при дру-

---

[1] Изд. Березина, ч. XV, <текст, 142—143, 175>; пер., 94, 118.

[2] *Юань-ши*, пер. Бичурина, 132.

[3] *Тексты*, стр. 163—164 (*Шаджарат ал-атрāк*).

[4] У Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 63; изд. Казвини, I, 144) — 4 рамазана (18 августа), так же у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. I, p. 381); у Джемаля Карши (*Тексты*, стр. 136) — 10 рамазана (24 августа). Из слов Рашид ад-дина (изд. Березина, ч. XV, текст, 177; пер., 119) можно заключить, что смерть Чингиз-хана произошла несколько раньше, так как уже 14 рамазана 624 г. х. (28 августа 1227 г.) тело прибыло в Монголию.

[5] Карамзин, *История государства Российского*, т. IV, стр. 10.

[6] Джузджани, пер. Раверти, II, 1171—1172; <изд. Нассау-Лиса, 406—407>.

[7] Магакия, пер. Патканова, 18. <Теперь установлено, что автором труда, приписывавшегося иноку Магакии, является Григор из Аканца (Акнерци). См. новое изд. Блейка — Фрая, текст, 312; пер., 313.— *Ред.*>

[8] Чан-чунь, пер. Кафарова, 288; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 52.

гих обстоятельствах наводить ужас на весь мир своею жестокостью. Между тем сопоставление мирных сцен современного быта кочевников с их недавним кровавым прошлым приводит некоторых путешественников к выводу о полном «превращении», которому будто бы подверглись эти народы.

Наиболее подробные сведения о наружности Чингиз-хана дают Джузджани и Мэн Хун. Лица, с которыми беседовал Джузджани[1], видели хана при вторжении в Хорасан, когда ему уже было 65 лет; он отличался высоким ростом и крепким телосложением, имел «кошачьи глаза»; на голове у него в то время было только небольшое количество седых волос. По Мэн Хуну[2], Чингиз-хан отличался от остальных монголов огромным ростом, широким лбом и длинной бородой. Из его нравственных качеств прежде всего поражает необыкновенное самообладание и полное отсутствие одностороннего увлечения чем бы то ни было. Как все завоеватели, Чингиз-хан мог спокойно избивать людей тысячами, если считал это нужным для упрочения своей власти; но ни в одном из его поступков, о которых мы имеем сколько-нибудь достоверные сведения, нет признака бесполезной жестокости или самодурства, как в тех мучениях, которым по приказанию Джелаль ад-дина подвергали пленных монголов. Путешественники часто отмечали противоположность между естественной живостью и страстностью дикаря и его стремлением не проявлять в присутствии посторонних никакого чувства, чтобы не уронить своего достоинства. Потомки Чингиз-хана, для которых не было недоступных наслаждений и перед которыми склонялось все, легко доходили до крайности как в наслаждении жизни, так и в заботе о своем достоинстве. Мы видим между ними государей, никогда не допускавших на своем лице улыбки и внушавших подчиненным только ужас (Чагатай и Гуюк)[3]; в других, подчинявшихся естественной живости характера кочевника, заметнее всего проявляется стремление жить и давать жить другим; приветливо встречая каждого подданного, своим обращением и своей щедростью привлекая к себе все сердца, они и для себя самих, подобно байроновскому Сарданапалу, на глазах всех допускали веселие, переходившее в разврат, и унижали достоинство престола (Угэдэй и отчасти чагатайский хан Тармаширин[4]). Чингиз-хан был одинаково чужд той и другой крайности. Подавляя своей личностью каждую чужую волю, установив в своей армии такую строгую дисциплину, что воровство и ложь, по

[1] Пер. Раверти, II, 1077; <изд. Нассау-Лиса, 373>.

[2] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 217.

[3] О характере Гуюка см. Плано Карпини, изд. Бизли, 127; <пер. Малеина, 58—59>; Джувейни, изд. Казвини, I, 213; Рашид ад-дин, изд. Блоше, 252 и сл.

[4] См. о нем у Ибн Баттуты (III, 33—39).

свидетельству враждебного монголам Джузджани[1], были в ней совершенно немыслимы, Чингиз-хан в то же время удовлетворял идеалу щедрого богатыря; про него говорили: «Этот царевич Темучин снимает платье, которое носил, и отдает; с лошади, на которой сидел, сходит и отдает»[2]. Переданная у Джузджани беседа Чингиз-хана с казием Вахид ад-дином Бушенджи показывает, что Чингиз-хан умел преодолеть гнев, вызванный неприятными ему словами[3]. Чингиз-хан разделял пристрастие своего народа к вину, против которого и в своих наставлениях не решался слишком строго высказываться[4]; рассказанная у Мэн Хуна[5] сцена, как Чингиз-хан «оштрафовал шестью бокалами» китайского посланника, напоминает рассказ о пирах Петра Великого. Тот же Мэн Хун говорит об оркестре девиц, который везде сопровождал монгольского хана; о девицах упоминается также в рассказе о путешествии Чан-чуня[6]. Как все прочее в империи, так и дело поставления наложниц для войска, для его начальников и для самого хана было строго организовано[7]. Преклонный возраст, которого, при полном сохранении умственных способностей, достиг Чингиз-хан, показывает, что он не предавался разврату в такой степени, как большая часть его потомков.

Огромные организаторские способности Чингиз-хана тем более заслуживают внимания, что он до конца жизни был чужд всякого образования, не говорил ни на одном языке, кроме монгольского[8], и, конечно, представлял себе устройство империи только в виде господства победителей-кочевников над культурными народами, которых сам бог отдал в руки монголов, чтобы те извлекали доход из труда побежденных и только для этой цели хранили их[9]. Если в дошедших до нас наставлениях Чингиз-хана нет, как в наставлениях, приписанных первыми Османами Огуз-хану[10], категорического приказания «всегда ко-

[1] Пер. Раверти, II, 1079; <изд. Нассау-Лиса, 374>.

[2] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XIII, текст, 160; пер., 98.

[3] Джузджани, пер. Раверти, II, 1041—1042; <изд. Нассау-Лиса, 353—354.— По рассказу этого казия, позволившего себе смелое порицание массовых убийств, которыми хвастал Чингиз-хан, последний, хотя и сдержал свой гнев, но после того стал проявлять к казию настолько явное неблаговоление, что тот, опасаясь за свою жизнь, нашел случай бежать из ставки Чингиз-хана. — *Ред.*>.

[4] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, <текст, 186—188>; пер., 125—127.

[5] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 234.

[6] Пер. Кафарова, 273; Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 43 sq.

[7] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 12; изд. Казвини, I, 24; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. I, pp. 416—417.

[8] Джузджани, пер. Раверти, II, 1114; <изд. Нассау-Лиса, 386>.

[9] Магакия, пер. Патканова, 11; <изд. Блейка — Фрая, текст, 300; пер., 301>.

[10] Равенди, турецк. пер., 28: دايم كوچ ايدەلر اوتراق اولميالر (в персидском оригинале, конечно, нет).

чевать, никогда не становиться оседлыми», то несомненно, что такова была его воля; по крайней мере еще в XIV в. в этом отношении ссылались на Ясу Чингиз-хана[1]. Земледельцы и ремесленники должны были составлять грубую силу, из которой могли бы извлекать пользу их хозяева, т. е. монголы или, вернее, начальники последних. Чингиз-хан работал только для себя, своих потомков и своих ближайших приверженцев: нет никаких указаний на то, чтобы ему была доступна идея труда на благо целого народа, хотя бы в той форме, в какой эта идея нашла себе выражение в орхонских надписях[2]. С другой стороны, умственная культура уже сама по себе представляла силу, которую нельзя было всецело оставить в руках подчиненных. Стремление примирить несовместимые вещи — кочевой быт и умственную культуру — было самым слабым местом в системе Чингиз-хана и главной причиной ее падения; но организация, данная им империи, оказалась достаточной, чтобы поддержать ее единство в течение сорока лет после смерти основателя и потом господство рода Чингиз-хана в государствах, образовавшихся после ее распадения, еще в течение нескольких поколений. Это тем более замечательно, что ни один из сыновей и внуков не унаследовал его высоких дарований. Чингиз-хан еще при жизни выбрал себе наследника, и этот выбор является новым доказательством его проницательности и широты его взглядов. Не увлекаясь ни военными талантами Тулуя, ни той непреклонной суровостью, с которой Чагатай проводил основные начала системы своего отца, Чингиз-хан остановил свое внимание на Угэдэе, привлекавшем сердца своим великодушным, приветливым характером. Так как могучей воли отца не наследовал ни один из сыновей, то после его смерти должно было наступить совместное господство всего ханского рода; единство империи могло быть сохранено только при том условии, чтобы верховная власть находилась в руках человека, который мог бы соединить всех если не влиянием своего ума и воли, то своими привлекательными нравственными качествами. В каком виде представлялись эти соображения Чингиз-хану, трудно сказать; во всяком случае, Угэдэй, по всем известиям, еще при жизни отца был объявлен наследником; редкое единодушие, с которым в царствование Угэдэя осуществляли свои права члены династии, и сравнительное благоденствие подданных в это царствование показывают, что Угэдэй вполне оправдал надежды своего гениального отца.

---

[1] Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, рук. ЛГУ № 153, л. 472: مغول را در شهر نشستن قاعده نیست وخلاف یاساق چنگز خانست (в факсимиле, изданном Э. Г. Броуном, этой фразы нет).

[2] Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина*, стр. 70 (большая надпись Кюль-Тегина, строки 26 и 27); Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Lief. 1, S. 17; Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, pp. 106, 107.

Проследить, как отразилось на истории Средней Азии образование монгольской империи, какие следы ее устройства сохранились в государствах, возникших на ее развалинах, несомненно, представляло бы высокий интерес; но ответ на эти вопросы вполне может послужить задачей самостоятельной работы [1].

[1] <Необходимо отметить, что, несмотря на высокую ценность настоящего исследования, как сказано в «Предисловии», общая трактовка В. В. Бартольдом последствий монгольского завоевания для социально-экономического, политического и культурного развития стран Передней и Средней Азии не принята советской историографией. В. В. Бартольд явно недооценивал размеров разрушений, произведенных монгольскими войсками, и фактов последующего экономического и культурного упадка, в частности, недооценивал сообщений Ибн ал-Асира, Джувейни, Рашид ад-дина и других источников об огромных опустошениях, сопровождавших монгольское завоевание, и о гнете налоговой системы, установленной монголами. Общая оценка исторического значения монгольского завоевания в советской историографии остается отрицательной. См., например, следующие работы советских историков: Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана* (главы III—V); Беленицкий, *К вопросу о социальных отношениях в Иране;* Греков — Якубовский, *Золотая Орда,* стр. 47—56, 247—258; Заходер, *История восточного средневековья,* стр. 109—115; Насонов, *Монголы и Русь;* Петрушевский, *Земледелие,* стр. 29—54, 67—83, 324—339, 340—414 (главы I, II, VII—IX); Толстов, *По следам,* стр. 294 и сл.; Якубовский — в кн.: *История народов Узбекистана,* т. I, стр. 306—332 (часть VI, глава III); он же — в кн.: *История Узбекской ССР,* т. I, кн. I, стр. 279—303 (часть III, глава VIII). См. также статью И. М. Майского *(Чингис-хан),* в которой дается оценка исторической роли Чингиз-хана и последствий монгольского завоевания. — *Ред.*>

Глава V

<ТУРКЕСТАН ПОД ВЛАДЫЧЕСТВОМ МОНГОЛОВ (1227—1269 гг.)>[1]

Угэдэй еще при жизни отца был назначен преемником, и после некоторого перерыва он торжественно был провозглашен ханом на курултае 1229 г. (год быка) [2]. О том, кто управлял страной в промежуток времени между смертью Чингиза и вступлением на престол Угэдэя, мы находим сведения только в китайских источниках: по словам китайцев, регентом был Тулуй, который неохотно, под давлением китайского министра Елюй Чу-цая, согласился на созвание курултая; но такое значение китайского министра не подтверждается другими источниками, у которых мы не встречаем даже имени Елюй Чу-цая.

Выбор наследника дает нам лишнее доказательство того знания людей, которым отличался Чингиз-хан. О Джучи, который находился во враждебных отношениях с братьями, даже при жизни его не могло быть речи; итак, Чингиз-хан должен был сделать выбор между тремя сыновьями. Из них по характеру едва ли не более всех походил на отца суровый, строго последовательный Чагатай, неукоснительный исполнитель закона. Военными заслугами, вероятно также талантом полководца, Тулуй несомненно превосходил братьев, но Чингиз-хан отлично понял, что эти качества делают обоих братьев прекрасными исполнителями, но что этого недостаточно для управления обширной империей и поддержания согласия среди членов рода — необходимого условия целости кочевого государства. Единство рода могло быть поддержано или влиянием могучей, гениальной личности, какой был Чингиз-хан, или влиянием человека, который мог бы привлечь к себе членов рода и остальное население светлыми сторонами своего характера и сделаться предметом общей любви и преданности. Этому условию

[1] <Публикуется впервые по рукописи В. В. Бартольда, — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, № 12 (на 25 двойных листах). В рукописи данная глава не имеет названия и начинается прямо со слов: «Угэдэй еще при жизни отца...».— *Ред.*>

[2] По монголо-китайской летописи, курултай произошел в год мыши (1228 г. н. э.). См. *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 152; <изд. Козина, 191>.

удовлетворял только Угэдэй. Строгим исполнителем Ясы он не был; его страсть к вину далеко выходила из пределов, установленных Чингиз-ханом. Качествами полководца Угэдэй тоже не отличался и несравненно реже, чем его отец, принимал участие в военных походах; большую часть своего царствования Угэдэй провел в Каракоруме и его окрестностях, воздвигая великолепные постройки при помощи китайских и мусульманских мастеров. Чингиз-хан, однако, понял преимущества великодушного характера Угэдэя и потому остановил свой выбор на нем, а не на полководце Тулуе и строгом исполнителе Ясы Чагатае.

Завоевания новых стран при Угэдэе не имеют для нас большого значения: военные действия происходили в Китае, в Западной Азии и в Европе, но в стране, история которой нас в эту минуту интересует, в Туркестане, спокойствие не нарушалось; только в самом конце царствования Угэдэя было подавлено восстание бухарцев, о котором будет речь ниже. Зато меры Угэдэя для устройства и умиротворения основанной его отцом монархии имеют для нас большое значение, так как касаются всего государства монголов.

Все исторические источники, даже безусловно независимые от монгольских ханов и враждебные им[1], прославляют великодушие и кротость Угэдэя; мы в его царствование совсем не видим тех страшных уголовных процессов и свирепых казней, которые так часто повторяются при его преемниках. Разумеется, Угэдэй был все-таки сыном своего века и своего народа, еще не оставившего, как мы видели, даже человеческие жертвоприношения. Тайные убийства опасных вельмож при нем происходили во всяком случае гораздо реже, чем при его отце; даже монголо-китайская летопись[2] обвиняет его только в одном таком убийстве. Угэдэй из личной мести тайно умертвил верного и преданного Дохолху[3] — одного из сподвижников своего отца, полководца, который довольно часто упоминается у Рашид ад-дина в истории покорения Китая. Наконец, Джувейни рассказывает случай суровой расправы Угэдэя с целым племенем. Распространились ложные слухи, что хан хочет взять из этого племени девушек и выдать их замуж на чужую

---

[1] Джузджани, пер. Раверти, II, 1106; <изд. Нассау-Лиса, 380>.

[2] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 159; <изд. Козина, 197>.

[3] Дохолху из рода манху (манхук) был одним из первых, присоединившихся к Чингиз-хану (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 60; <изд. Козина, 107>). Впоследствии он был одним из четырех очередных начальников стражи (там же, пер. Кафарова, 126; <изд. Козина, 170>). Рашид ад-дин (изд. Березина, ч. XV, текст, 211; пер., 141) упоминает Дохолху-чэрби (توقواقو چربی) из рода арулат в качестве тысячника. При Угэдэе он принимал участие в покорении Китая, согласно Рашид ад-дину (рук. ГПБ Дорн 289, л. 156; рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 178; <изд. Блоше, 21—24 и сл.>).

сторону; чтобы избежать этой беды, люди племени поспешили обручить у себя множество пар и некоторых уже перевенчали. Узнав об этом, Угэдэй велел призвать всех молодых женщин и девушек племени, которым было более 7 лет, и в присутствии отцов, братьев и мужей над ними грубо надругались; они были частью взяты ко двору в качестве наложниц, частью розданы бекам и вообще всем присутствовавшим монголам и мусульманам, частью отправлены в публичные дома и в станции для послов [1].

Едва ли эта расправа была только актом самодурства со стороны Угэдэя; браки внутри племени противоречат обычаю монгольских и тюркских кочевников [2], и каан в этом случае наказывал племя за нарушение народных обычаев. Трудно сказать также, какой именно слух вызвал этот противозаконный поступок; очевидно, не может быть речи о том, как полагает д'Оссон, что эти монголы не желали для своих дочерей женихов из другого племени. Может быть, они опасались, что каан силой заставит их породниться с каким-нибудь враждебным родом; возможно также, что это событие находилось в связи с постановлением Угэдэя, по которому разрешались и поощрялись браки между монголами и мусульманами [3].

Едва ли когда-нибудь в кочевой монархии тот принцип совместного владения рода, о котором говорит Джувейни, был проведен с такой последовательностью, как в царствование Угэдэя. Во все большие военные походы посылался один царевич от каждого из четырех улусов. Когда гражданское управление Хорасана было поручено Чин-Тимуру, то при нем был назначен представитель от каждого улуса [4]. При завоевании Китая доходы отдельных областей и городов были распределены среди войск царевичей [5]. Когда был поднят вопрос об учре-

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 83—84; <изд. Казвини, I, 190—191>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 98. Краткое указание на тот же факт в китайских источниках под 1237 г. (*Юань-ши*, пер. Бичурина, 272), причем молва пронеслась «в поколениях восточной стороны». Вероятно, на то же событие намекает монголо-китайское сказание (*Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 159; <изд. Козина, 199>), когда обвиняет Угэдэя в том, что он «взял себе девиц из народа дяди своего Отчигиня». О том, что случай произошел с племенем ойрат, как говорит д'Оссон, в бывших у меня в руках рукописях Джувейни и Рашид ад-дина не говорится.

[2] Среди монголов мы не встречаем примеров брака внутри одного рода. В монголо-китайской летописи богатыри идут добывать себе жен в другом роде; иногда богатырь берет жену для своего сына из рода его матери; поставлять девушек для ханского рода было привилегией нескольких племен.

[3] Джузджани, пер. Раверти, II, 1107; <изд. Нассау-Лиса, 380—381>.

[4] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 181; <изд. Казвини, II, 218—219>; от каана— كلبلات, от Батыя — نوسال, от Чагатая — قزل بوقه, от вдовы Тулуя, Сиюркуктени-бики,— يكه.

[5] *Юань-ши*, пер. Бичурина, 260.

ждении почты, то для осуществления проекта глава каждого улуса назначил своего представителя[1].

Разницу между царствованием Чингиза и Угэдэя и характер намерений последнего понимали даже сами монголы; в монгольском сказании[2] Угэдэю приписываются слова: «Наш царь Чингис с большими трудами создал царский дом. Теперь пора доставить народам мир и довольство и не отягощать их». Это стремление умиротворить страну и защитить мирных жителей от притеснений и поборов было причиной главных мер Угэдэя — учреждения должности *таньмачи,* установления нормы податей и учреждения почты.

Когда Угэдэй распределил завоеванные области Китая между царевичами, Елюй Чу-цай уговаривал его отменить это постановление; когда это оказалось невозможным, китайский министр посоветовал ему по крайней мере отправить в каждое место своего чиновника, который должен был собирать дань для царевичей, причем последним запрещалось взимать подати непосредственно с жителей. Угэдэй согласился[3]. Очевидно, эти чиновники тожественны с таньмачи[4], поставленными, по

---

[1] Рашид ад-дин, рук. ГПБ Дорн 289, л. 161; рук. Аз. муз. a 566 (D 66), л. 183; <изд. Блюше, 42>. От каана был назначен битикчи قريداى, от Чагатая — تايجيورناى, от Батыя — سوقومولچتاى, от вдовы Тулуя, Сиюркуктени-бики,— ايملكچين الچيقه.

[2] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 157; <изд. Козина, 197>.

[3] *Юань-ши,* пер. Бичурина, 260, 265.

[4] По китайской истории (там же, 260), «хан велел везде определить Даругаци, а министерия постановила чиновников для сбора доходов». В монголо-китайской летописи (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 155; <изд. Козина, 194>) после рассказа о покорении народов Восточной Европы говорится: «Поставив там дарухачинь и таньмачи, для хранения, он (Батый) возвратился». В тексте, по словам архимандрита Палладия (там же, пер. Кафарова, 255—256, прим.), даругачинь «поставлен нераздельно с словом таньмачи, за одно название; думаю, по ошибке». По-видимому, даругачи был главным начальником области, таньмачи — его подчиненным. По мнению архимандрита Палладия (там же, 255, прим.), «таньмачи были монгольские воеводы, командовавшие полками из иноплеменных народов, например, киданей, тюрков и других. Собственно, название воевод произошло от названия полков, которые носили, должно быть, имя таньма». Ср. примечания Березина к изданию Рашид ад-дина (ч. XV, 181; в китайских, армянских и грузинских известиях часто встречается название *темаджи* (см. Магакия, пер. Патканова, 30) в значении, которое не совсем ясно. У Рашид ад-дина слово *тамā* (تما) употреблено относительно войск, отправленных раньше на запад для завоевания и охранения покоренных земель; так как эти войска прибыли раньше, то называются у армянских писателей на этом основании старыми войсками. То же самое назначение они имеют и в китайских известиях, в измененной форме *таньмачи.* Таким образом, تماچى означало солдат, которые занимались *тамā,* — 'охранением'; название это было присвоено также и высшим чинам, имевшим то же название. Монг. *дем* — 'помощь', 'подкрепление', глагол *тамаку* — 'собирать'. Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, текст, 229: معين گردانيدند كه لشكرها كه بجهت تما

словам монгольского сказания[1], «во всех городах для хранения их». Отец Палладий отожествляет таньмачи с баскаками[2], что, вероятно, справедливо. Таньмачи, по монгольскому сказанию[3], были поставлены как в Китае, так и в завоеванных областях Передней Азии. Иногда таньмачи поручалась и военная власть; рассердившись на своего сына Гуюка, каан хочет сослать его: «Пусть он отправится на отдаленные границы в качестве таньмачи, берет крепкие города и переносит тяжкие труды»[4]. В непосредственной зависимости от каана находились также правители более обширных областей, не только Хорасана, находившегося в исключительном положении, но и Мавераннахра, где от имени каана управлял Махмуд Ялавач, живший в Ходженде[5]. Чагатай самовольно отозвал Махмуда; на упреки каана он ответил извинением; каан принял извинение и даже отдал Мавераннахр Чагатаю в качестве инджу[6]. Уже этот пример показывает, как мало действительна была мера относительно таньмачи и вообще наместников, непосредственно подчиненных каану, при отсутствии единоличного управления государством.

Установление нормы податей и учреждение почты Рашид ад-дин относит к курултаю 1235 г.[7] (год барана)[8]. У Рашид ад-дина[9] говорится только о поземельной подати (10% урожая) и о подати с кочевников, или *копчуре* (1% со стад); собранные таким образом хлеб и скот

بایران زمین فرستاده اند وآنچه با سامی نویان هم بر سبیل تما بجانب ولایت کشمیر وبدخشان وحدود باخ اند تمامت از ان هولاکو باشد <'Установили, чтобы войска, которые посланы в Иран для *тамā*, и те, которые с Сами-нойоном, также в качестве *тамā*, находятся в стороне областей Кашмир, Бадахшан и в пределах Балха,— все принадлежали Хулагу' (ср. пер. Березина, ч. XV, 152.— *Ред.*>

[1] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 159; <изд. Козина, 199>.

[2] Там же, пер. Кафарова, 255 (комментарий).

[3] Там же, 155; <изд. Козина, 193>.

[4] Там же, пер. Кафарова, 156; <изд. Козина, 194>.

[5] <Джувейни, изд. Казвини, I, 86.>

[6] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 196; рук. ГПБ Дорн 289, л. 189; <изд. Блоше, 196; *Тексты,* стр. 124—125>. Так как во время восстания Махмуда Тараби Махмуд Ялавач был еще в Мавераннахре, то отозвание его произошло, очевидно, после 636 г. х. (с 14 августа 1238 г. по 2 августа 1239 г.).

[7] К тому же году китайцы относят основание Каракорума; см. *Юань-ши,* пер. Бичурина, 253: «Монголы прежде назначили его сборным местом, а ныне обвели стеной, имевшей около пяти ли в окружности».

[8] <Изложенная дальше система податей и повинностей, установленных монгольскими завоевателями, позднее была более подробно исследована В. В. Бартольдом в его работе «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче» (СПб., 1911).— *Ред.*>

[9] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. a 566 (D 66), л. 183; рук. ГПБ Дорн 289, л. 161; рук. ГПБ V, 3, 2, л. 1057; <изд. Блоше, 42; *Тексты,* стр. 121>.

предназначались для пособия неимущим [1]. О сборе *тарḡу* и о торговых пошлинах говорится только в китайских источниках, и неизвестно, распространялись ли те же правила на всю территорию империи. В Китае каждые два семейства вносили 1 чин шелка в казну, каждые 5 семейств 1 чин шелка в пользу вельмож. Подать в Китае взималась с каждого дома; величина поземельной подати была различна, смотря по качеству земли, от $2^1/_2$ до 5 гарнцев с одной му (му=1200 кв. футов). С товаров взимали $^1/_{30}$ их стоимости; кроме того, был учрежден налог на соль (1 унция серебра с 40 чинов). Современникам эти налоги казались легкими [2].

Почта у кочевых народов имела в виду совершенно другую цель, чем то же самое учреждение в культурных азиатских государствах. Нет никаких указаний на то, чтобы монгольским начальникам почты был поручен какой-нибудь надзор за деятельностью областных правителей и чиновников. Монгольская почта была предназначена исключительно для перевозки послов и гонцов; учреждение почты должно было устранить, во-первых, замедление дел, во-вторых, притеснение населения лицами, ездившими по поручению правительства [3]. Чтобы затруднить подобные притеснения, были учреждены почтовые станции, преимущественно в ненаселенных местах. От каждой тысячи брали для почты по одной кобыле и при ней человека «для пастьбы ее и доения»; лошадь и человек постоянно сменялись. Только при крайне важных делах посланцы могли, в случае недостатка лошадей на станциях, проезжать по жилым кочевьям [4].

Угэдэй хотел, чтобы посланцы находили на станциях не только средства передвижения, но и продовольствие; вследствие этого явилась необходимость устроить на станциях амбары с жизненными припасами и пригонять туда же баранов для пищи. По Джувейни [5], каждые два тюменя должны были содержать один *ям,* т. е. одну станцию. Почта

---

[1] Та же цель копчура указывается в монголо-китайском сказании (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 158; <изд. Козина, 197>).

[2] *Юань-ши,* пер. Бичурина, 264—266.

[3] Эти две причины одинаково приводятся у Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 13; <ср. изд. Казвини, I, 24—25: تا ممرّ ایلچیان بسبب نشستن اولاغ دور نیفتد ودایما لشکر ورعیّت در زحمت نباشند; '...дабы путь проезда послов не удлинялся из-за [неудобства] посадки на перекладных (*ӯлāг*) и дабы ни войско, ни крестьяне не терпели [постоянного] беспокойства'. — *С. В.*>) и в монголо-китайском сказании (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 158: «посланцы проезжают взад и вперед через кочевья; оттого и дела замедляются, и народ терпит»; <ср. изд. Козина, 196>).

[4] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 158; <изд. Козина, 197—198>.

[5] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 13; <изд. Казвини, I, 24>.

у монголов носила название *улаг;* кроме того, различали обыкновенную почту — *баят* (или *тыян-наят*) — от почты, специально служившей для потребностей столицы (эта почта называлась *нарыт* или *барын-тарыт*). По дороге из Каракорума в Китай были учреждены 37 ямов, на расстоянии 5 фарсахов (около 30 верст) один от другого; на каждой станции был поставлен отряд в 1000 человек. Каждый день по этой дороге привозились жизненные припасы на 500 телегах и складывались в амбары; для перевозки на станциях были приготовлены большие телеги, из которых в каждую запрягалось шесть волов[1]. При таких условиях хлебная торговля с Западом, установленная при Чингиз-хане, очевидно, должна была прекратиться; Каракорум получал продовольствие исключительно из Китая; временное прекращение подвоза провианта с этой стороны, вследствие войны между Хубилаем и Арик-Букой, было причиной голода столицы[2].

Кладовые и амбары, по монголо-китайскому сказанию[3], были учреждены и на других почтовых дорогах; кроме того, было предписано присылать из разных мест людей «в звание смотрителей наградных: золота, материй, орудий, оружия, кладовых и магазинов»[4]. Неизвестно, учреждались ли эти склады только при почтовых станциях.

Меры Угэдэя не принесли ожидаемой пользы. Правило, по которому гонцы «при особенно важных делах» могли ездить по жилым кочевьям, т. е. пользоваться обывательскими лошадьми, открывало доступ всяким злоупотреблениям; кроме того, не было определено число лошадей, которых гонец мог требовать; наконец, почтовыми лошадьми, вероятно через протекцию монгольских начальников и чиновников, пользовались также купцы, ездившие по своим частным делам. Только после вступления на престол Мункэ было определено, чтобы ни один гонец не брал на станции более 14 лошадей и чтобы почтовыми лошадь-

---

[1] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. a 566 (D 66), л. 185; рук. ГПБ Дорн 289, л. 163; рук. ГПБ V, 3, 2, л. 1059; <изд. Блоше, 49; *Тексты,* стр. 121>. То же у д'Оссона (*Histoire des Mongols,* t. II, p. 65) без некоторых подробностей. Слова يكنتى и سرمه у Рашид ад-дина, вероятно, происходят от глаголов يكمك 'запрягать' и سرمك 'тащить'. Монголо-китайское сказание (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 159; <изд. Козина, 198>), говоря о «внутренних ямах», очевидно, имеет в виду эту дорогу. Если на станции не оказывалось положенного числа лошадей, овец, телег и быков, то у виновных отбирали половину имущества. Кроме того, по монголо-китайской летописи (*Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 159; <изд. Козина, 198>), на каждой станции было 20 верблюдов.

[2] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 218; рук. ГПБ Дорн 289, л. 214; <изд. Блоше, 393>.

[3] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 159; <изд. Козина, 198>.

[4] *Сокровенное сказание,* пер. Кафарова, 158; <изд. Козина, 197>.

ми не пользовались люди, путешествовавшие по частной надобности; гонцам было строго запрещено брать лошадей у обывателей[1].

Так же мало влияния могло иметь определение величины податей при отсутствии контроля за наместниками и сборщиками. Как мусульманские халифы и султаны, так и Угэдэй, нуждаясь в деньгах для своих построек и пиров, был более всего доволен тем наместником, который присылал ему больше денег, и не задавал себе вопроса, как дорого эти подарки обходятся населению. Нуждаясь в деньгах для своих пиров и построек, Угэдэй едва ли согласился бы установить такой контроль, даже если бы имел к тому возможность. В Китае подати, вопреки настоятельному совету Елюй Чу-цая, были даны на откуп мусульманину Абд ар-Рахману[2]; вероятно, откупная система была допущена также в других частях монархии. Как взималась дань в монгольских владениях, достаточно известно из русской истории. Монголо-китайское сказание[3] говорит еще об одной мере Угэдэя, имевшей значение исключительно для кочевников[4], почему о ней не упоминают китайские и мусульманские историки. Было решено отвести народу участки земли для кочевья; для этой цели каждая тысяча должна была выбрать уполномоченных; двум вельможам, Чинаю и Уйуртаю, было поручено осмотреть эти степи, где раньше «по неимению воды бродили дикие звери, и не было жилища человеческого»; они должны были определить места, удобные для ставок, и в соответствующих урочищах выкопать колодцы. Здесь говорится только об обращении в пастбища безводных степей; но были отдельные случаи, когда в интересах кочевого населения под пастбища отводились земли, где прежде процветала земледельческая культура; по крайней мере, Рубрук говорит это о северной части Семиречья.

---

[1] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 208; рук. ГПБ Дорн 289, л. 205; <изд. Блоше, 311—312>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 265—266.

[2] *Юань-ши*, пер. Бичурина, 281. Неправильно толкование собственного имени у Иакинфа; правильно у Abel-Rémusat (*Yeliu-thsou-thsai*). По Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 87; <изд. Казвини, I, 199>), Абд ар-Рахман был назначен правителем Китая уже после смерти Угэдэя, в правление Туракины, вместо Махмуда Ялавача: < عبد الرحمن را بر كشيد وبجاى محمود يلواج بخطاى فرستاد >. По китайской истории (*Юань-ши*, пер. Бичурина, 287), Угэдэя незадолго до его смерти угощал на охоте Абд ар-Рахман; Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 76; <изд. Казвини, I, 174; *Тексты*, стр. 108>) рассказывает то же самое о Махмуде Ялаваче.

[3] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 158; <изд. Козина, 197>.

[4] Сохранение кочевой жизни среди монголов, по-видимому, входило в планы Чингиз-хана; по крайней мере впоследствии ссылались в этом отношении на Ясу. Ср. Хамдаллах Казвини, *Та'рӣх-и гузӣде*, рук. ЛГУ № 153, л. 472а: مغول را در شهر نشستن قاعده نيست وخلاف ياساق چنكز خانست <'У монголов нет обычая обитать в городах, и это противно Ясаку (т. е. Ясе) Чингиз-хана'. В изд. Броуна этой фразы нет.—*Ред.*>

Мусульманские историки с восторгом говорят о расположении Угэдэя к мусульманам; среди анекдотов об Угэдэе, рассказанных у Джувейни [1], в некоторых изображается то предпочтение, которое каан оказывал исламу перед другими религиями, и о защите, оказанной им мусульманам против их врагов и соперников — китайцев и уйгуров. Некоторые из этих анекдотов вошли также в сочинение Джузджани [2], написанное в Индии раньше истории Джувейни и без всякого отношения к ней; из этого видно, насколько эти анекдоты были распространены в мусульманском мире.

Гораздо менее мусульмане были довольны Чагатаем, непосредственным владетелем большей части мусульманских областей Средней Азии и, по своему положению старшего в роде, имевшим значительное влияние даже на своего брата [3]. Как блюститель закона, Чагатай привлекал к ответственности самого каана за слишком большое увлечение вином; каан не решился оказать открытое сопротивление предписанию брата и только старался обойти его хитростью [4], точно так же, как хитростью, а не своим авторитетом он спасал от гнева Чагатая нарушителей Ясы из мусульман. Но об открытой защите этих преступников каан, конечно, не думал, и потому мусульмане в его царствование могли только тайно совершать свои омовения в текучей воде и убивать баранов согласно с предписанием шариата. Не только в областях, непосредственно находившихся под наблюдением Чагатая, но и в Хорасане ни один мусульманин при его жизни не мог открыто убить барана,

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 71—72, 78—79; <изд. Казвини, I, 162—164, 179—181>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. II, pp. 92—96. Кроме анекдотов, приведенных у д'Оссона, замечателен еще рассказ об уйгуре, притеснявшем своего знакомого мусульманина и требовавшем от него перехода в «идолопоклонство» (بت‌پرستی *бутпарастӣ*); каан велел наказать уйгура 100 ударами палок на базаре и дать мусульманину жену и дом уйгура, а также 100 балышей. <Выражение *бутпарастӣ* (перс.) может означать как «идолопоклонство» вообще, так и буддизм.— *Ред.*>

[2] Именно анекдот о спасении мусульманина, вошедшего в воду, от строгости Чагатая и об обличении идолопоклонника, принесшего от имени Чингиз-хана приказание убить всех мусульман; см. Джузджани, пер. Раверти, II, 1107—1114; <изд. Нассау-Лиса, 383—387>.

[3] Чагатай более всех прочих сыновей Чингиз-хана был проникнут заветами отца; народные обычаи, освященные законами Чингиз-хана, нашли в нем самого усердного блюстителя и защитника; более остальных сыновей Чингиз-хана он был проникнут любовью к народной мудрости и к степным преданиям (см. ниже рассказ о Везире). Естественно, что он более всего заботился об интересах своего рода и племени; он убедил брата послать к нему, для усиления монгольского элемента, несколько человек из пленников Джучи-Хасара (Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XIII, текст, 93; пер., 58). Перевод проф. Березина («Из всех них назначили Харалджу») не совсем точен; следовало бы сказать: «Из них [между прочими] назначили Харалджу».

[4] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. a 566 (D 66), л. 186; рук. ГПБ Дорн 289, л. 164; <изд. Блоше, 51>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. II, pp. 85—86.

и многие были вынуждены питаться мясом, которое сами считали мертвечиной [1].

Из эмиров Чагатая известны: Харачар, из племени берулас; Мукэ-нойон, из джалаиров; Хошук-нойон, из того же племени (вероятно, кокососы монголо-китайского сказания); Чагатай Малый, из племени сунит; Киших, из племени солдус [2], один из двух пастухов, предупредивших Чингиз-хана о коварном плане Ван-хана и за это возведенных в дворянское достоинство. Но рядом с ними упоминается еще таджик Кутб ад-дин Хабаш-Амид, происходивший из Отрара [3], поступивший на службу к монголам со времени завоевания Мавераннахра и достигший должности везира Чагатая [4]. Влияние Хабаш-Амида было так велико, что владетельные династии искали родства с ним; Кутб ад-дин Керманский выдал за него свою родственницу [5]. Как смотрели на него сами монголы, видно из того, что после взятия в плен семейства хорезмшаха две дочери Мухаммеда достались Чагатаю; последний одну взял себе, другую отдал Хабаш-Амиду [6].

---

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 96; <изд. Казвини, I, 227>.

[2] У Рашид ад-дина (рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 193; <изд. Блоше, 178>) — два имени (Харачар и Муки); все пять имен в *Му'изз ал-ансāб*, л. 29: قوسوق نويان (или قوسو), из племени джалаиров, назван также у Рашид ад-дина (рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 196; <изд. Блоше, 194; *Тексты*, стр. 123>); Чагатай Малый (< جغتای کوچک >), см. о нем: Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 59; пер., ч. V, 47; Кышлык, по Рашид ад-дину (там же, текст, ч. VII, 222; пер., ч. V, 165), происходил из племени уриаут, ветви племени килункгут. Кокососы, по монголо-китайской летописи (*Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 60; <изд. Козина, 107>), происходили из племени барин. О роли кокососов при Чагатае см. *Сокровенное сказание*, пер. Кафароза, 134; <изд. Козина, 176 (у Козина — Коко-Цос)>.— < О Чагатае Малом сообщает также армянский автор Григор из Аканца (Магакия), см. изд. Блейка—Фрая, текст, 302; пер., 303. — *Ред.*>

[3] Название города у Рашид ад-дина только в рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 216; <также в изд. Блоше, 197: حال حبش عمید چنان است که او مردی مسلمان بود بیتکچی چغتای اصل او از اتراز (дальше лакуна в тексте). — *Ред.*>. — <Согласно Джемалю Карши (*Тексты*, стр. 140), Хабаш-Амид происходил из Кермине, близ Бухары, и носил также нисбу ал-Иларгави (حبش عمید الکرمینی البخاری الایلارغوی), по местности, в которой находилась орда Чагатая; см.: Barthold, *12 Vorlesungen*, S. 195—196; Barthold, *Čaghatāi-Khān*. Согласно Несеви (*Сират Джелāль ад-дин*, текст, 53), он происходил из округа Устува в Хорасане. — *С. В.*> — <В рукописи главы везде дано чтение имени «Джейш Амид». Впоследствии В. В. Бартольд установил правильное чтение имени — Хабаш-Амид (حَبَش вместо حَيش), см. Barthold, *Čaghatāi-Khān*.—*Ред.*>

[4] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 97; <изд. Казвини, I, 228>.

[5] Вассаф, рук. Аз. муз., л. 197; <бомбейское изд., 288: عقیقهٔ دیکررا بصاحب حبش عمید داد که مشهور آفاق بود بکثرت تموّل وتقرّب در حضرت قاآن. — *Ред.*>.

[6] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 174; <изд. Казвини, II, 200>.

Положение Хабаш-Амида заставляет думать, что та личная ненависть Чагатая против мусульман, о которой говорят Джузджани[1] и некоторые позднейшие источники[2], значительно преувеличена. Правда, Хабаш-Амид не был особенно ревностным последователем своей религии; по крайней мере мусульманское духовенство не было довольно его правлением, как можно видеть из послания к нему знаменитого суфия Сейф ад-дина Бахарзи. После обычного прославления всемогущего министра, суфий обращается к нему со словами: «Так как ты в этом государстве предназначен доставить торжество истине, то что ты скажешь в свое оправдание в день Страшного суда, если не исполнишь этого? В нашей религиозной общине (да сохранится она до конца мира!) знания, старчество и ислам — необходимые условия начальствования. Если юноша без доблестей хочет быть начальником, то в глазах умных людей старым правителям не стыдно быть лишенными начальства. Там, где царствует сводница-потатуйка[3], соколу не стыдно быть лишенным венца. Умным людям лучше держаться в стороне, когда глупцы становятся начальниками; *когда дворец становится минбаром, лучше, чтобы минбара не было совсем*»[4]. В последних стихах как нельзя лучше выражена причина негодования Бахарзи — преобладание светской власти и унижение того класса, к которому он принадлежал. Во время монгольского нашествия суфии усерднее других побуждали народ к отчаянному сопротивлению; главы суфизма, Неджм ад-дин Кубра и

[1] Пер. Раверти, II, 1145—1146; <изд. Нассау-Лиса, 397>, где сказано, что никто в присутствии Чагатая не смел произносить имя мусульманина без ругательств.

[2] Автор истории Герата Исфизари (рук. Аз. муз., л. 201) говорит, что Чагатай давал 1 балыш золотом, т. е. 300 динаров, каждому, кто извещал его о казни какого-нибудь мусульманина.

[3] <В тексте (см. ниже): هدهد 'удод', 'потатуйка' (птица). — *Ред.*>

[4] <Последняя фраза в переводе подчеркнута В. В. Бартольдом. Текст послания в стихах шейха Сейф ад-дина Бахарзи к Хабаш-Амиду [см. *Тексты*, стр. 102 (*Бутхане*)]:

نصرت حق‌را درین دولت معیّن چون توئی*
پس اگر نکنی بروز حشر چه عذر آوری

اندرین ملّت که بادا تا قیامت پایدار*
دانش وپیری واسلام است شرط سروری

چون جوان بی‌هنر جوید سری نزدیک عقل*
عاسلان پیررا عیبی نباشد بی‌سری

هدهد قوّاده در جایی که باشد تاجدار*
عارِ نبود بازرا در عهد او بی افسری

عاقلانرا کنج بهتر چون سفیهان سر شوند*
دار چون منبر شود بهتر بود بی منبری

— *Ред.*>

Рукн ад-дин Имам-заде, учеником которых считался Бахарзи, пали при защите Гурганджа и Бухары[1]. Понятно, что монгольские правители и их приближенные, освободившие мусульманское духовенство, как и духовенство других религий, от всяких податей и повинностей, не могли, однако, отдать в его руки светскую власть[2].

---

[1] <См. *Тексты*, стр. 168, 171 *(Китāб-и Мулла-заде)*. — *Ред.*>

[2] Врагом Хабаш-Амида был также другой представитель духовенства, Абу Я'куб Секкаки. О нем говорит Хондемир (тегеран. изд. 1271/1854-55, III, 28): عـالـم فاضل ابو یعقوب السکّاکی که کتاب مفتاح در علم معانی وبیان از جملهٔ مؤلفات بلاغت نشان اوست از علوم غریبه وفنون عجیبه وتسخیر جنّ ونیرنجات ودعوت کواکب وطلسمات وفنّ سحر وسیمیا وخاصیّت اجسام ارض واخرام سما وقوف تمام داشت واین معنی از تقریر حبش عمید وزیر ودیکری از نوّاب پایهٔ سریر سلطنت مصیر بر جغتای خان ظاهر کشته آن جناب‌را طلبید وانیس وجلیس خویش کردانید وسکّاکی پیوسته غرایب اشیا بپادشاه مینمود وآن معنی موجب مزید اعزاز واحترامش میکردید از جمله آنکه در روزی که جغتای خان بر صندلی نشسته بود دید که کلنکی چند در فضای هوا طیران مینمایند و دست به تیر وکمان برد سکّاکی پرسید که پادشاه کدام یک ازین کلنکانرا میخواهد که بر زمین افتد جغتای گفت اوّلین واخرین ویکی از آنها که در میان می‌پرند وسکّاکی خطی مدوّر بر زمین کشید وافسون خواند وبانگشت اشارت کرده فی الحال آن سه کلنک بر زمین افتاده جغتای انگشت تعجّب بدندان گرفته مرید ومعتقد ابو یعقوب شد بمرتبهٔ که پیش او بدو زانوی ادب نشست ودر آن ایّام نوبتی سکّاکی بعرض جغتای رسانید که در آن فرصت که در بغداد بودم از وزیر خلیفه رنجیده آتش‌را ببستم چنانچه هر چند سعی میکردند افروخته نمی‌شد وبعد از سه شبانروز فریاد از نهاد خلایق بر آمده خلیفه دانست که این معنی از نتایج طبیعت منست لا جرم مرا طلبیده گفت آتش بکشای گفتم وقتی بکشایم که در بغداد ندا کنند که این فعل از سکّاکی صدور یافته ووزیر بوسه بر کون سک دهد وهمچنین کردند تا آتش‌را بکشودم القصّه تقرّب سکّاکی نزد جغتای بدان مرتبه رسید که آتش رشک وحسد در ضمیر وزیر مشتعل کردید وهمّت بر استیصال آن زبدهٔ اهل فضل وکمال بست وسکّاکی برین قضیه وقوف یافته بروی مسابقت جست وبا جغتای خان گفت که از دلایل نجوم چنان معلوم میشود که کوکب دولت واقبال حبش عمید بدرجهٔ هبوط وحدود نحوس رسید واز آن میترسم که شقاوت وادبار او بر سعادت واقبال تو سرایت کند وجغتای این سخن باور کرده فی الحال حبش‌را از وزارت معزول ساخت وچون یکسال از عزل وزیر بگذشت واختلال

Монгольскими правителями Мавераннахра при Угэдэе были: Хазар-Бука, живший в Нахшебе (очевидно, монголы, по примеру Чингиз-хана, выбирали эту местность для летних кочевок), женатый на сестре Кутб

در احوال ملک ومال ظاهر کشت جغتای با سکاکی گفت که ضعف ونحوست طالع مردم دوام نمیدارد شاید که کوکب بخت حبش قوّت گرفته باشد سکّاکی از وخامت عاقبت خیانت اندیشیده گفت میتواند بود وجغتای بار دیگر منصب وزارت‌را بحبش تفویض فرمود واو کمر قصد ابو یعقوب بر میان بسته زبان بغیبتش بکشاد ودر آن اثنا سکّاکی تسخیر مرّیخ کرده لشکری آتشوش که ساز وسلاح آن نیز آتشین بود در خرکاه جغتای ظاهر گردانید وجغتای از مشاهدهٔ آن حال اندیشناک شده حبش مجال سعایت یافت وگفت چون سکّاکی بر ایجاد امثال این امور قدرت دارد میتواند بود که خیال سلطنت نموده بقصد پادشاه لشکر آتشین کشد واین سخن مؤثر افتاده جغتای خان سکّاکی‌را محبوس گردانید واو سه سال در زندان بسر برده بعد از آن روی بعالم اخرت آورد

<«Превосходный ученый Абу Я'куб ас-Секкаки, в числе отмеченных красноречием сочинений которого — книга *Мифтāх* ('Ключ') по риторике и стилистике, обладал полным познанием в чужеземных учениях и в науках о чудесном — в укрощении духов (*джинн*), в волшебстве, астрологии, [составлении] талисманов, магии, алхимии, [в науках] о качествах тел земных и планет небесных. И из докладов Хабаш-Амида, везира и других наибов подножия трона вместилища султанства это обстоятельство стало для Чагатай-хана очевидным. Он его (Секкаки) потребовал [к себе] и сделал своим интимным другом и спутником. И Секкаки постоянно показывал государю удивительные вещи. И по той причине почтение и уважение к нему увеличивалось. В числе [этих вещей] было такое: однажды, когда Чагатай-хан восседал на седалище (*сандалӣ*), он увидел в воздухе нескольких летящих журавлей и поднес руку к стрелам и колчану. Секкаки спросил: „Государь желает, чтобы какой из этих журавлей упал на землю?" Чагатай сказал: „Первый и последний и один из тех, что летят посредине". Секкаки начертал на земле круг, прочел заклинание (*афсӯн*) и сделал знак пальцем. Тотчас те три журавля упали на землю. Чагатай прикусил палец удивления. Он стал учеником и последователем Абу Я'куба до такой степени, что сидел перед ним на коленях вежливости. И в то время однажды Секкаки доложил Чагатаю: „Когда я был в Багдаде и везир халифа притеснял меня, я заклял (букв. запер) огонь [во всем городе], так что сколько ни старались, он не зажигался. И через три дня поднялся вопль народа. Халиф знал, что это дело — от результатов моего дарования. Поэтому он, потребовав меня, сказал: 'Освободи от заклятия (букв. открой) огонь!' Я сказал: 'Я освобожу только тогда, когда в Багдаде будет объявлено, что это дело произошло от Секкаки, а везир поцелует зад собаки'. И так и сделали, дабы я освободил огонь". Короче говоря, близость Секкаки к Чагатаю достигла такой степени, что огонь ревности и зависти поднялся в сердце везира, и он задумал уничтожить эти сливки людей учености и совершенства (т. е. Секкаки). А Секкаки, узнав об этом, опередил его и сказал Чагатай-хану: „Из указаний светил стало известно, что звезда судьбы и счастья Хабаш-Амида достигла стадии падения и пределов злополучия. Боюсь, что его несчастье и превратность судьбы поразит и твое счастье и благополучие". И Чагатай, поверив этим словам, тотчас уволил Хабаша от должности везира. А когда после увольнения везира прошел один год и рас-

ад-дина Керманского[1]; Чинсанг-Тайфу (очевидно, китаец) и Бука-Нуша, правители Самарканда и Бухары[2]; последний, вероятно, тождествен с тем Нуша, которого еще Чингиз-хан поставил во главе Бухарской области. Мусульманским оседлым населением в начале царствования Угэдэя управлял от имени великого хана и установил систему взимания податей Махмуд Ялавач Хорезми[3]; впоследствии он был губернатором Китая, очевидно после того, как Мавераннахр был уступлен Чагатаю и Махмуд должен был удалиться к Угэдэю. Д'Оссон[4] и еще доктор Бретшнейдер сомневаются в существовании этого Ялавача и считают возможным отожествить его с Елюй Чу-цаем[5]; однако Махмуд Хорезми упоминается даже в китайских источниках в качестве главного сборщика податей в Западном крае[6].

стройство в делах царства и финансов стало очевидным, Чагатай сказал Секкаки: „Слабость и дурное предзнаменование в гороскопах людей не бывает постоянным. Вероятно, звезда счастья Хабаша снова обрела силу". Секкаки, остерегаясь последствий [своего] коварства, сказал: „Может быть". И Чагатай вторично повелел передать сан везира Хабашу. А тот, повязав на чресла пояс [злого] умысла против Секкаки, распустил язык для клеветы на него. И в то время Секкаки, совершив заклинание планеты Марс (*Миррих*), заставил появиться в шатре Чагатая огненное войско, снаряжение и оружие которого также было пламенным. И Чагатай, став свидетелем того дела, обеспокоился. Хабаш получил возможность обвинить Секкаки и сказал: „Так как Секкаки обладает силой изобретать действия, подобные этому, то может случиться, что он, возмечтав о султанстве, приведет огненное войско против государя". И эта речь оказала влияние на Чагатай-хана. Он заключил Секкаки в тюрьму, и тот, проведя три года в темнице, наконец обратил лицо к миру загробной жизни (т. е. умер)». — Приведенный здесь экскурс из Хондемира, цитированный В. В. Бартольдом, является изложением, в несколько более цветистых выражениях, рассказа Мирхонда (лакнауское изд., V, 44). В рассказе Мирхонда Секкаки приписывается знание не только «оккультных наук», астрологии, магии и алхимии, но и «всех наук мусульманских и греческих» (مجموع علوم مسلمانی ویونانی).— *Ред.*>

[1] Вассаф, рук. Аз. муз., л. 197; <бомбейское изд., 288>.

[2] Вассаф, рук. Аз. муз., л. 8; изд. Хаммера, текст, 24; пер., 25; <бомбейское изд., 12>. Кроме того, Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 186; <изд. Казвини, II, 232>) в рассказе о Куркузе и его соперниках называет бухарского «царя» (мелика) Саина Мелик-шаха (ملک بخارا ساین ملکشاه); у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. III, p. 112) — intendant, без имени. Возможно, что потомству Синджар-мелика номинально была оставлена некоторая власть, подобно династиям в Бишбалыке и Алмалыке.

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 196; <изд. Казвини, II, 254>.

[4] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 194.

[5] Bretschneider, *Researches*, vol. I, p. 11. <В действительности Бретшнейдер в указанном месте отвергает предположение д'Оссона о тожестве Махмуда Ялавача и Елюй Чу-цая. — *С. В.*>

[6] *Юань-ши*, пер. Бичурина, 149, 370. Несомненно, *Мо-хэ-му-ди-хуа-ла-си-ма* есть китайская транскрипция слов محمود خوارزمی 'Махмуд Хорезми' и не имеет ничего общего с санскритским *маха мукта расми*.

Джувейни[1] прославляет благодетельное правление Махмуда Ялавача и его сына Мас'уд-бека; по его словам, страна при них вполне оправилась от монгольских опустошений; Бухара достигла величайшего процветания, так что ни один мусульманский город не мог соперничать с ней по количеству населения, по богатству жителей и по процветанию науки. Тем не менее, именно в Бухарской области произошло чисто народное движение против монголов, принявшее такие обширные размеры, что мятежники некоторое время могли иметь успех даже в борьбе с монгольскими войсками. Руководителем движения, как и движения против садров до монгольского нашествия, был решетник[2] Махмуд, происходивший из селения Тараб, одного из древнейших селений Бухарской области (в 3 фарсахах от города, по дороге в Хорасан)[3]. Как видно из рассказа Джувейни об этом движении, оно было направлено не только против монголов, но и против бухарской аристократии; Махмуд, как и Синджар-мелик, был выразителем нужд бедного люда, главным образом крестьянства, наиболее пострадавшего от нашествия монголов. Мы видели, каково было положение крестьян Мавераннахра в начале 20-х годов, при Чан-чуне[4]; по-видимому, крестьянство, несмотря на благодетельное правление Ялавача, еще не оправилось от своего разорения.

Движение Тараби, как все народные движения, имело религиозную основу, но руководитель восстания являлся выразителем не правоверного ислама, а народных верований. В Мавераннахре и Туркестане в то время было много людей, особенно женщин, имевших притязание на сношения с духами и исцелявших больных посредством призывания духов, пляски и разных странных действий. Одной из таких женщин была сестра Тараби, от которой он научился тому же искусству; ему удалось вылечить нескольких больных, после чего масса народа уверовала в его чудодейственную силу, и с каждым днем число его последователей увеличивалось. Махмуд находил себе последователей не только среди грубой черни; вера в него в Бухаре была так распространена, что еще Джувейни слышал в Бухаре от нескольких «достоверных» людей, что Махмуд в их присутствии возвратил зрение двум слепым, помазав им глаза собачьим пометом. Джувейни замечает, что, если бы он сам был свидетелем этого, он только тогда занялся бы лечением своих глаз; но черни, по его мнению, только и нужно сделаться последователями какого-нибудь лжеучения.

---

[1] <Изд. Казвини, I, 84—85.>

[2] <Там же, 85: صانع غربال, т. е. ремесленник, выделывавший сита. — *Ред.*>

[3] <О развалинах Тараба см. Шишкин, *Археологические работы 1937 г.*, стр. 31—34. — *С. В.*>

[4] См. выше, стр. 518—519.

Один из знатных и известных данишмендов Бухары, Шемс ад-дин Махбуби, из личной вражды к бухарским имамам принял сторону Тараби и объявил ему, что его отец утверждает и даже написал в книге, что из Тараба выйдет великий завоеватель, который покорит весь мир; указанные им приметы будто бы сходны с приметами Тараби. Астрологи объявили, что и их вычисления подтверждают мнение Махбуби.

Движение приняло такие размеры, что монгольские эмиры и баскаки не могли смотреть на него равнодушно. Они известили обо всем Ялавача, жившего в Ходженде, и (очевидно, с его одобрения) решили заманить Тараби в Бухару и по дороге убить его. Махмуд догадался о сем намерении и дал понять это монгольскому начальнику; тот, смущенный таким сверхъестественным знанием человеческих намерений, отпустил его. Снисходительность монголов к Тараби и крайняя медленность их действий объясняется тем благоговением, которое должны были испытать шаманисты к человеку, имевшему притязание на сношения с духами.

Махмуд уже настоящим властителем прибыл в Бухару и остановился во дворце Синджар-мелика. Махалля и базары около дворца всегда были полны народу; узнав, что враги хотят убить его, Махмуд через потайную дверь вышел из дворца, сел со своим спутником на приготовленных заранее лошадей и скоро прибыл к кургану Абу Хафса. Когда его нашли там, толпа решила, что он прилетел туда на крыльях, и с восторгом приветствовала его. Теперь Махмуд решился призвать своих приверженцев к оружию для изгнания неверных. Толпа последовала за ним в Бухару, монголы очистили город. Махмуд остановился во дворце Раби'и-мелика (лицо, о котором нет других известий), и на следующий день, в пятницу, в мечети была прочитана хутба на его имя.

Тараби прежде всего призвал к себе представителей бухарской аристократии. Глава садров, происходивший из того же семейства, как садры домонгольского периода [1], «из благоразумия» не оказал сопротивления мятежнику, и тот, чтобы поднять свой авторитет, назначил его своим халифом, а на его место назначил Махбуби. Но вообще Мах-

[1] <О бухарских садрах, духовных феодалах в Бухаре, из рода Бурхана, см. выше, в главе III (стр. 389—390, 418—420, 443); см. также подробную статью В. В. Бартольда *Burhān* (EI, I), там же приведены ссылки на источники. Помимо источников, цитированных В. В. Бартольдом, см. также Джузджани (изд. Нассау-Лиса, 167). Достойно внимания, что и после событий 1238 г. бухарские садры уцелели; Рашид ад-дин (изд. Али-заде, текст, 141; там же, пер. Арендса, 88—89) под 671 г. х. (1272-73 г.) упоминает о бухарском садр-и джахане как о правителе города. В переписке Рашид ад-дина имеется письмо к бухарскому садр-и джахану (مولانا صدر جهان بخارا), относящееся ко времени правления Улджэйту-хана (1304—1316), с ответом на религиозные вопросы, поставленные садром (Рашид ад-дин, *Мукātибāт*, изд. Шафи', письмо № 16, стр. 43—52; также рук. Аз. муз. 734 (D 938), лл. 22 а—26 б). — *Ред.*>

муд, опираясь на «чернь» и «разбойников», преследовал аристократов; некоторые из них были убиты, другие бежали. Тараби позволил своим приверженцам разграбить дома богатых и разделить между собой добычу. Подобное обращение с жизнью и имуществом мусульман оттолкнуло от него некоторых бескорыстных последователей, между прочим его собственную сестру, которой он был обязан своими первыми успехами; но толпа, конечно, более чем когда-либо была готова следовать за своим вождем. Недоставало оружия. Тараби объявил, что оружие будет прислано с неба; вскоре после этого прибыл из Шираза торговец мечами со своим товаром; теперь никто не сомневался в победе вещего пророка.

Аристократы и монголы сосредоточили свои силы около Кермине и оттуда пошли на Бухару. Тараби и Махбуби выступили против них. Оба вождя стояли в рядах своих без оружия и панциря, уверенные в своей чудодейственной силе; даже враги верили, что рука, которая поднимет оружие на пророка, немедленно иссохнет, и медлили начать битву; когда мятежники напали на них, монголы скоро обратились в бегство; в преследовании их приняли участие крестьяне соседних деревень, вооруженные граблями и топорами, разбивали черепа попадавшимся в их руки пленным, особенно чиновникам и вельможам; до 10 000 монголов было убито. Сам вождь восстания, однако, исчез бесследно; в свалке он и Махбуби были убиты стрелами, пущенными монгольским войском, без того, чтобы друзья или враги заметили это. Мятежники признали своими вождями братьев Тараби — Мухаммеда и Али.

Через неделю к Бухаре подступило многочисленное монгольское войско под начальством Илдыз-нойона и Джикен-хорчи; Мухаммед и Али, по примеру брата, явились перед врагами без оружия; но, вероятно, до монголов уже успели дойти слухи о том, что страшного шамана среди мятежников больше нет. Восставшие были разбиты наголову; только прибытие Ялавача спасло город от нового разграбления и резни; с большим трудом удалось уговорить монгольских начальников отложить наказание мятежников и спросить решения каана. Угэдэй благосклонно принял послов Ялавача и согласился на помилование бухарцев[1] (в 636/1239-40 г.).

[1] Рассказ о восстании Тараби см. у Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 38—40; <изд. Казвини, I, 85—90>. У д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. II, pp. 102—107) рассказ Джувейни приведен с пропусками. <В пересказе текста Джувейни д'Оссон допустил ошибку, вместо имени Махмуда Ялавача поставив имя его сына Мас'уд-бека. На это обратил внимание В. В. Бартольд, подчеркнув соответствующее место в лично принадлежавшем ему экземпляре «Histoire des Mongols» д'Оссона и написав на полях: «Неверно». Дефремери в 1852 г. издал рассказ Джувейни о восстании Тараби (JA, sér. 4, t. XX, pp. 376—399) и отрывок из Хондемира, содержащий пересказ текста Джу-

Вскоре после этого события Ялавач должен был покинуть Мавераннахр. В конце царствования Чагатая возвысился один китаец, сначала служивший у китайского лекаря Чагатая, потом, после его смерти, поступивший на службу в качестве пастуха к монгольскому вельможе Хошук-нойону. Однажды Чагатай стал расспрашивать Хошук-нойона о походах Чингиз-хана; тот не смог ответить на все вопросы хана, ушел к себе домой и стал расспрашивать всех своих приближенных; пастух за дверьми ставки слышал разговор, громко стал поправлять ответы и обнаружил полное знание походов Чингиза. Его призвали и спросили, откуда он все это узнал; он показал тетрадь, где все было записано. Хошук обрадовался и привел его с тетрадью к Чагатаю; Чагатай, очень любивший такие знания, выпросил китайца себе у Хошука, сделал его своим приближенным. Скоро китаец приобрел значительное влияние, сам каан хвалил его ум и, заметив его значение при дворе Чагатая, дал ему имя Везир. Везир был человеком небольшого роста и невзрачной наружности, но отличался смелостью, умом и красноречием; на пирах он сидел выше большей части эмиров, в совете он говорил смелые вещи и однажды даже прикрикнул на жену Чагатая: «Ты — женщина, об этом деле тебе нечего говорить». В другой раз он, не спросив Чагатая, казнил его невестку, заподозренную в нарушении супружеской верности, а Чагатаю, на его вопрос, ответил: «Как можно, чтобы твоя невестка совершала непохвальные поступки и позорила честь [ханской] жены». Чагатай одобрил поступок своего министра. В то время существовал обычай каждый день записывать слова хана, причем хан для этой цели часто говорил рифмованной прозой (т. е. пословицами и поговорками); у Чагатая эту обязанность исполнял Везир, у Угэдэя — уйгур (христианин) Чингай. Однажды на пиру оба брата начали говорить подобными изречениями; Везир должен был запомнить слова обоих и после пира записать их; он исполнил свою задачу настолько хорошо, что каан признал его превосходство перед своим Чингаем.

Под влиянием таких советников Чагатай при жизни брата издал ярлык, по которому отнимал у Ялавача часть Мавераннахра, порученную ему Угэдэем. Ялавач написал жалобу каану; тот потребовал объяснений от брата; Чагатай ответил, что признает свою вину и не находит себе никаких оправданий. Покорный ответ брата настолько смягчил Угэдэя, что он присоединил Мавераннахр к уделу (*йнджӯ*) Чагатая. Ялавач после этого явился к Чагатаю; встретив суровый прием, он

вейни (JA, sér. 4, t. XIX, p. 58 sq); в обоих случаях приведены персидский текст и французский перевод. Ученик В. В. Бартольда проф. А. Ю. Якубовский опубликовал статью «Восстание Тараби» (см. Библиографию); в статье приведен русский перевод текста Джувейни (стр. 121—125). — *Ред.*>

отозвал в сторону Везира и сказал ему: «Я — наместник каана; не спросившись его, Чагатай не может меня убить, но, если я пожалуюсь каану на тебя, он тебя убьет. Если ты не устроишь моего дела по моему желанию, то я обвиню тебя перед кааном, и он казнит тебя; если ты передашь эти слова Чагатаю, я, сколько бы он ни расспрашивал меня, во всем отопрусь, а свидетелей у тебя нет». Везир подчинился необходимости и устроил дело Ялавача[1], т. е., очевидно, дал ему возможность благополучно вернуться ко двору каана.

Мы знаем, что еще при жизни Угэдэя Махмуд Ялавач управлял Китаем. Кутб ад-дин Керманский, когда престол Кермана был отдан его двоюродному брату Рукн ад-дину, был удален в Китай к Ялавачу, который обращался с ним как с сыном[2]. Туркестаном и Мавераннахром в конце царствования Угэдэя и после него при следующих государях, до Хайду включительно, управлял сын Ялавача, Мас'уд-бек[3], которому Джувейни воздает те же похвалы, как его отцу[4]. Судя по словам Рашид ад-дина, Мас'уд-бек заведовал делами всего оседлого населения Средней Азии, от Уйгурии до Хорезма[5], следовательно, не только мусульманскими странами; известие *Юань-ши* показывает, что Мас'уд-бек действительно, по крайней мере при Мункэ, управлял Уйгурией[6]. Джувейни особенно прославляет постройки, воздвигнутые при Мас'уд-беке в Бухаре, именно медресе Ханийе, построенное на средства царицы Сиюркуктени-бики (вдовы Тулуя), и медресе Мас'удийе, постройку Мас'уд-бека; оба здания, по-видимому, находились около Ригистана, так как, по словам Джувейни[7], служили украшением бухарской площади. В каждой из медресе было до 1000 студентов. Особенно замечателен поступок царицы, которая, будучи христианкой, пожертвовала 1000 балышей на медресе; мударрисом и мутеваллием Ханийе был знаменитый Сейф ад-дин Бахарзи[8]. Мас'уд-бек, вероятно, был

---

[1] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 196; рук. ГПБ Дорн 289, лл. 188—189; рук. Аз. муз. a 566 (D 66), л. 216; <изд. Блоше, 196; *Тексты,* стр. 124—125>.

[2] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 179; <изд. Казвини, II, 215>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. III, p. 131.

[3] По Джузджани (пер. Раверти, II, 1147; <изд. Нассау-Лиса, 398>), Мас'уд-бек раньше находился на службе у Чагатая: < مسعود بیک جملة الملک چغتای بود >.

[4] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 37—38; <изд. Казвини, I, 84>.

[5] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. a 566 (D 66), л. 195; рук. ГПБ Дорн 289, л. 173; <изд. Блоше, 85—86>. Среди областей Мас'уд-бека названы Бишбалык, Караходжа (?), Алмалык, Хотан, Кашгар и Мавераннахр; среди областей, переданных ему при Мункэ-каане, названы еще Фергана и Хорезм (рук. Аз. муз. a 566 (D 66), л. 208; рук. ГПБ Дорн 289, л. 205; <изд. Блоше, 309>).

[6] Bretschneider, *Researches,* vol. I, p. 111.

[7] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 38; <изд. Казвини, I, 84—85>.

[8] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 210; <изд. Казвини, III, 9>.

также строителем медресе Мас'удийе в Кашгаре, о котором упоминает персидский переводчик словаря Джаухари[1].

Чрезмерное употребление вина положило конец жизни Угэдэя. По словам Джувейни[2], он умер 5 джумада II 639 г. х. (11 декабря 1241 г.)[3]. Монгольский обычай требовал, чтобы хан был похоронен в своей собственной орде; его тело перевезли на берега верхнего Иртыша и похоронили на высокой, покрытой снегом горе Болдос-Хэсэр (впоследствии носившей название Екэ-Оир), в двух днях пути от берега Иртыша; с горы вытекали две речки и впадали в Иртыш[4]. Через короткое время после Угэдэя умерла его любимая, хотя и бездетная жена Мука-хатун; Чагатай и другие царевичи объявили, что правительницей должна быть назначена «мать сыновей покойного каана» Туракина[5]. Чагатай только на несколько месяцев пережил брата[6]. Когда он заболел, Везир и мусульманский лекарь Меджд ад-дин не могли его вылечить; после его смерти царица Есулун обвинила их обоих в отравлении хана и предала их казни со всеми их сыновьями. Таким образом погиб

---

[1] <Т. е. Джемаль Карши. — *Ред.*>

[2] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 69; <изд. Казвини, I, 158>

[3] Рашид ад-дин (рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 186; рук. ГПБ Дорн 289, л. 164; <изд. Блоше, 51—52>) усматривает противоречие между известием Джувейни и монгольским известием, что Угэдэй скончался в год быка; между тем, этого противоречия нет: год быка оканчивался только в ша'бане 639 г. х. (между 4 февраля и 4 марта 1242 г. н. э.).

[4] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 2, л. 1060; <*Тексты,* стр. 122> (название горы в цит. рук. بلداق قاسر, иначе ایکه اویر). Текст сильно искажен, но, к сожалению, этого места нет в рукописях ГПБ Дорн 289 и Аз. муз. а 566 (D 66); <нет также в изд. Блоше. — *Ред.*>. См. также у Раверти примечания к переводу *Ṭабақāт-и Нāṣирӣ* Джузджани (II, 1143); у Раверти имена: Buldan Kair, Yakah Wandur, Yasun Muran, Tarkan Usun.

[5] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 85; <изд. Казвини, I, 195—196>.

[6] Так у Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 97; <изд. Казвини, I, 227>) и у Вассафа (рук. ГПБ, л. 405; <бомбейское изд., 580>) и в некоторых рукописях Рашид ад-динa (например, рук. Брит. муз., Add. 16688, л. 15), также в *Му'изз ал-ансāб,* л. 28. По другим рукописям Рашид ад-дина (ГПБ V, 3, 1, л. 194), Чагатай скончался семью месяцами раньше Угэдэя, в месяце зу-л-ка'да 638 г. х. (между 14 мая и 12 июня 1241 г.). Д'Оссон справедливо принял первую версию. Этим достаточно характеризуется справедливость слов Раверти (Джузджани, пер. Раверти, II, 1148, прим. 4), будто известие Мирхонда, что Чагатай умер в 640 г. х. <см. Мирхонд, лакнауское изд., V, 44>, «is contrary to the statements of others», и что Мирхонд, вероятно, смешал год смерти Чагатая с годом смерти Харачара. Этого никак нельзя думать об источнике Мирхонда, Джувейни, которому самое существование Харачара осталось неизвестным.

Везир[1]. По словам Рашид ад-дина, он сам говорил Чагатаю: «Ради тебя я не сохранил дружбы ни с каким творением; после тебя никто меня не пожалеет»[2]. Эти слова достаточно характеризуют правление Везира или, по крайней мере, мнение современников об этом правлении. На смерть Чагатая поэт Седид А'вар[3] сочинил стихи, в которых, между прочим, говорится: «Тот, из страха перед которым никто не входил в воду, потонул в необозримом океане [смерти]».

Любимый сын Чагатая, Мутугэн, предназначавшийся в преемники отцу, был убит при осаде Бамиана; после этого Чагатай объявил своим преемником другого сына, Билдишини, но царевич скончался 13 лет от роду[4]. Тогда преемником был назначен Хара-Хулагу, сын Мутугэна[5]; после смерти Чагатая царица Есулун, Хабаш-Амид и вельможи возвели молодого царевича на престол[6].

Каково бы ни было положение народа при Угэдэе, нельзя отрицать, что при нем монгольский двор не имел того характера, какой он приобрел после него. Только после смерти Угэдэя начинается ряд отвратительных процессов и жестоких казней при дворе великого хана и удельных князей, благодаря которым «ехать в орду» почти значило ехать на верную смерть. Было бы, однако, несправедливо обвинять в этих ужасах исключительно монголов. Говоря об «отвратительных картинах» монгольской истории, д'Оссон и другие забывают, что едва ли не все процессы, производящие на нас такое тяжелое впечатление, были вызваны интригами представителей культурных народов и что монгольские правительства были только орудиями в руках ловких интриганов из мусульман, уйгуров и европейцев; часто монголы ограни-

---

[1] Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 97; <изд. Казвини, I, 227>) пишет имя Везира هجر или هجتر; по его словам, этот везир происходил не из тюрков и возвысился в конце царствования Чагатая. Д'Оссон (*Histoire des Mongols*, t. II, pp. 108, 189) не заметил тожества этого лица с Везиром, упомянутым у Рашид ад-дина.

[2] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 216; рук. ГПБ Дорн 289, л. 189; <изд. Блоше, 196—197>.

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 98; <изд. Казвини, I, 228>.

[4] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, лл. 192—193 يلدشنى (то же — рук. ГПБ Дорн 289, л. 188); рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 211 يلكشى; <изд. Блоше, 174 ايلدشنى>.

[5] По Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 98; <изд. Казвини, I, 228>), Хара-Хулагу родился во время осады Бамиана, незадолго до или <вскоре> после смерти отца. По Рашид ад-дину (рук. ГПБ V, 3, 1, л. 191; <изд. Блоше, 154; *Тексты*, стр. 122>), Хара-Хулагу был старшим сыном Мутугэна и имел двух братьев; в некоторых рукописях Рашид ад-дина (рук. ГПБ Дорн 289, л. 188; рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 211; <изд. Блоше, 162—163>) Хара-Хулагу назван младшим сыном Мутугэна, вероятно под влиянием рассказа Джувейни.

[6] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 98; <изд. Казвини, I, 229>. По Рашид ад-дину (рук. ГПБ V, 3, 1, л. 191; <изд. Блоше, 154>), Есулун умерла раньше Чагатая, и Чагатай после ее смерти женился на ее сестре Тугэн.

чивались тем, что выдавали обвиненного его врагам, что отнюдь не влияло на смягчение участи первого.

В царствование Хара-Хулагу такая судьба постигла Куркуза, уйгурского буддиста, происходившего из деревни Ярлык (в 4 фарсахах от Бишбалыка, к западу от дороги), управлявшего в конце царствования Угэдэя Хорасаном и всеми монгольскими владениями к западу от Аму-Дарьи; благодетельность его правления для страны должен был признать даже мусульманский историк, несмотря на всю свою вражду к уйгурам.

Джувейни в 651 г. х., на обратном пути из Монголии, посетил деревню Ярлык и собрал на месте справки о жизни Куркуза. Сын небогатого уйгура, Куркуз рано лишился отца; вдова последнего, по уйгурскому и монгольскому обычаю, должна была бы выйти за Куркуза, но отказывалась из-за молодости жениха; Куркуз обратился к идикуту, который подтвердил древний обычай, и вдова была принуждена откупиться от своего пасынка деньгами. Куркуз сначала занимался обучением детей уйгурскому письму, но такая жизнь не удовлетворяла его честолюбивым стремлениям; он занял деньги у своего двоюродного брата Биш-Калача, заложив ему самого себя, купил лошадь и отправился в орду Батыя. Здесь он поступил на службу к одному эмиру в качестве пастуха, но скоро возвысился благодаря своему уму и образованию, был принят на государственную службу, сначала в качестве воспитателя монгольских юношей, потом в качестве секретаря хорезмийского наместника Чин-Тимура. После смерти последнего Куркуз, благодаря покровительству своего соплеменника Чингая [1], был возведен в звание наместника Хорасана; интриги, поднятые против него соперником Чингая, Данишменд-хаджибом (мусульманином) и некоторыми хорасанскими чиновниками, особенно чиновником Батыя Шереф ад-дином (хорезмиец, сын носильщика) [2], привели к процессу, продолжавшемуся несколько месяцев. Только благодаря великодушию Угэдэя процесс кончился без пролития крови; решив дело в пользу Куркуза, Угэдэй даровал жизнь его врагам, которые, как клеветники, заслуживали смерти, и в то же время строго запретил Куркузу мстить им, под страхом наказания.

[1] <Уйгура-христианина. — *Ред.*>

[2] О Шереф ад-дине и его карьере см. Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 201; <изд. Казвини, II, 262 и сл.>. — <Подробности о нем см. также у Сейфи ал-Хереви (174—180). Как Джувейни, так и Сейфи рисуют Шереф ад-дина жестоким притеснителем крестьян и горожан, виновным в незаконных поборах, вымогательствах, хищениях и пытках недоимщиков. Согласно Сейфи, Шереф ад-дин был назначен великим битикчи по приказу Есу-Мункэ в 646 г. х. (1248-49 г.) и впоследствии был схвачен и казнен владетелем Герата меликом Шемс ад-дином Куртом. — *Ред.*>

Если тем не менее интриги врагов Куркуза в конце концов все-таки увенчались успехом, то в этом была вина самого Куркуза. Вопреки запрещению каана, он продолжал мстить своим врагам; кроме того, он дерзкими речами оскорбил одного из чагатайских эмиров и отозвался непочтительно о самой правительнице Есулун. Теперь его враги имели под собой почву; к тому же Угэдэй умер, и Чингай был удален Туракиной. Куркуз был привезен в орду Чагатаидов Улуг-Иф, и здесь ему за дерзкие речи набили рот камнями и умертвили его[1]. Во время суда один из эмиров резко оборвал Шереф ад-дина и дал ему понять, что Куркуз впал в беду только по своей собственной вине и что низкому интригану все-таки благоразумнее не забывать своего ничтожества перед ним[2].

Еще более тяжелое впечатление производят события, происходившие в Монголии в правление Туракины. Вдова Угэдэя, по словам Рашид ад-дина[3], не отличалась красотой, но обладала необыкновенно сильным характером. Тем не менее, она находилась под влиянием своей мусульманской рабыни Фатимы и министра Абд ар-Рахмана, которые готчас начали интриги против выдающихся деятелей прошлого царствования. Главным из них, Ялавачу и Чингаю, удалось спасти свою жизнь только благодаря великодушию монгольского царевича Кутана: на требование выдать беглецов Кутан ответил матери: «Птичка, ищущая убежища от когтей сокола, в траве находит спасение; они прибегли ко мне, выдать их было бы противно чести и великодушию»[4].

Вопрос о престолонаследии на этот раз представлял некоторые затруднения; среди потомков Чингиз-хана уже не было такого лица, который мог бы привлечь на свою сторону всех. Существовало предание, по которому сам Чингиз-хан завещал, чтобы после Угэдэя престол перешел к его второму сыну Кутану[5]; тот был неизлечимо болен, и Угэдэй хотел оставить престол своему третьему сыну Куджу;

---

[1] История Куркуза изложена у Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 183—190; <изд. Казвини, II, 225—242>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, pp. 109—121.

[2] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 204; <изд. Казвини, II, 273—274>.

[3] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 171; рук. ГПБ Дорн 289, л. 149; <изд. Блоше, 3: خاتون دوم تـوراكنه از قـوم اوهات مـركيت . . . وآن خـاتـون زيـاده جمالی نداشته اما در طبیعت او تسلّطی تمام بوده>.

[4] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 86; <изд. Казвини, I, 197>; Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 200; <изд. Блоше, 234>. Буквально то же самое сравнение в монгольском сказании (*Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 43; <изд. Козина, 93>) употребляют два брата, к которым бежал Темучин: «Когда пташка, преследуемая лундо ром, прячется в густую траву, густая трава спасает ей жизнь; если так бывает от травы, то мы будем хуже ее, коль не поможем человеку, прибегшему к нам».

[5] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 89; <изд. Казвини, I, 206>.

тот умер раньше отца; выбор каана остановился на его сыне Ширамуне, но этого царевича монголы считали слишком молодым. На престол после продолжительного междуцарствия был возведен Гуюк. Монгольское сказание, сочиненное в то время, показывает, что против Гуюка и всего потомства Угэдэя была сильная партия среди монгольской аристократии, склонявшейся на сторону главного военного героя из Чингизидов, Тулуя, и его сыновей (старший из последних, Мункэ, был только двумя годами моложе Гуюка). Тем не менее на этот раз дело обошлось без кровопролития; на курултай явились как сыновья Тулуя и их мать, так и Чагатаиды; Батый сам не приехал, но прислал пять человек из своих братьев. Курултай (в 1246 г.) был обставлен даже с большей торжественностью, чем курултай Угэдэя: гости разместились в 2000 белых шатрах; такого многочисленного собрания еще никогда не было [1].

Гуюк не отличался великодушным характером отца. По примеру последнего, он предавался чрезмерному наслаждению вином и женщинами; но если Угэдэй, подобно байроновскому Сарданапалу, старался жить и давать жить другим, то из Гуюка разврат сделал мрачного, больного физически и нравственно человека. Плано Карпини говорит о нем, что он никогда не улыбался [2]. Рашид ад-дин [3] говорит, что приближенные Гуюка боялись сделать шаг в его присутствии и никто не смел доложить ему о каком-нибудь деле, не будучи спрошен.

Новый каан, однако, начал свое правление в примирительном духе. Все законы, изданные при Чингизе и Угэдэе, были утверждены и повеления с печатью последнего должны были исполняться без особого доклада каану. Каан публично похвалил Сиюркуктени-бики и ее сыновей за то, что они, в противоположность другим царевичам, во время междуцарствия воздерживались от всякого своеволия. Сиюркуктени была поручена раздача подарков от имени каана; ее старший сын, Мункэ, вместе со старшим сыном Джучи, Орду, был назначен для разбора дела брата Чингиз-хана, Отчигина, сделавшего попытку овладеть престолом во время междуцарствия. Дело кончилось казнью нескольких беков [4]; таким же образом были устранены Фатима и Абд ар-Рахман; процесс Фатимы, обвиненной в том, что она своими чарами испортила Кутана (умершего в правление Туракины), был возбужден

[1] Там же; Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 225; рук. ГПБ Дорн 289, л. 195; <изд. Блоше, 253>.

[2] <Плано Карпини, пер. Малеина, 59.>

[3] Рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 225; рук. ГПБ Дорн 289, л. 195; <изд. Блоше, 253; *Тексты*, стр. 125>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 196—197.

[4] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 91; <изд. Казвини, I, 210>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 201—204.

самаркандским алидом Шире[1]. Ялавач, Мас'уд и Аргун (ойрат, возвысившийся после падения Куркуза, которому сам способствовал) были утверждены наместниками Китая, Средней и Западной Азии. Каждый из них получил ярлык и пайзу с головой тигра; Аргун на пути в свое наместничество раздавал щедрые подарки жителям Туркестана и Мавераннахра; вернувшись в Хорасан, он остановился в деревне Газикабад (или Разик)[2], прежнем местопребывании сельджукских везиров; Аргун устроил угощение во дворце султанов, велел выстроить новый дворец и сад, и его примеру последовали его спутники[3]. На запад было решено отправить войско, для которого каждый царевич должен был отдать $^1/_5$ своих военных сил; во главе войска был поставлен Ильчидай, из племени джалаиров, младший брат дядьки Угэдэя, Илука[4]. Предполагалось покорить владения исмаилитов и багдадского халифа[5].

Гуюк сместил главу чагатайского улуса[6] Хара-Хулагу, объявив, что при жизни сына внуку нельзя наследовать престол. На престол был возведен личный друг Гуюка, старший из оставшихся в живых сыновей Чагатая, Есу-Мункэ. Он, по словам Рашид ад-дина, постоянно пьянствовал, так что всеми хозяйственными делами, даже соколиной охотой, заведовала его жена Тукаши[7]. Везиром он назначил имама Беха ад-дина Маргинани. Его отец занимал должность ферганского шейх ал-ислама, которая передавалась по наследству в их роде; со стороны

---

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 87—88; <изд. Казвини, I, 200—203>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 232—233. Шире служил виночерпием у Кадака.

[2] См. Жуковский, *Развалины Старого Мерва*, стр. 344. <В печатном издании Джувейни (изд. Казвини, II, 246—247) вместо Разикабад мы находим форму Арзанкабад; Арзанкабад упомянут также у Якута, как одно из селений близ Мерва, см. Якут, *Му'джам*, I, 205: أرزنقاباذ . . . من قرى مرو الشاهجان — *Ред.*>

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 192—193; <изд. Казвини, II, 246—247; *Тексты*, стр. 117>.

[4] Об этом см. Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 49; пер., ч. V, 38. <В указанном месте говорится только, что Угэдэй-каан взял Ильчидая (так у Березина; = «Ильчигидай» — ср. ниже, стр. 569) к себе в свиту — ملازم كردانيد — *Ред.*>

[5] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 92; <изд. Казвини, 212—здесь о халифе не упоминается. — *Ред.*>.

[6] Джузджани (пер. Раверти, II, 1157; <изд. Нассау-Лиса, 401>) обвиняет Гуюка в убиении своих двоюродных братьев, сыновей Чагатая, но это обвинение не подтверждается другими источниками.

[7] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 192; рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 188; рук. ГПБ Дорн 289, л. 211; <изд. Блоше, 175; *Тексты*, стр. 123>. Имя жены Есу-Мункэ в тексте: рук. ГПБ V, 3, 1, л. 207 تايشى или نايشى; рук. ГПБ Дорн 289, л. 203 ملوقاشى; рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 211 طغاشى; <изд. Блоше, 175 نايشى; там же, 297—298 طوقاشى>. О пьянстве Есу-Мункэ см. также у Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 98; <изд. Казвини, I, 229>).

матери он происходил от Караханидов, именно от Туган-хана. По-видимому, Беха ад-дин рано лишился отца; Хабаш-Амид усыновил его и, когда приставил своих сыновей к сыновьям Чагатая, выбрал Беха ад-дина для Есу-Мункэ. Есу-Мункэ ненавидел Хабаш-Амида как сторонника Хара-Хулагу; Беха ад-дин несколько смягчил эту ненависть и спас жизнь своему благодетелю, но тот все-таки не простил своему воспитаннику, что он вместо него стал везиром, и после переворота 1251 г. отомстил ему самым жестоким образом. Джувейни, лично видевший Беха ад-дина и его друзей, говорит, что он соединял в себе знание светских и духовных наук и что дом его был средоточием всех еще оставшихся в живых выдающихся ученых и наука при нем вернула себе свое значение [1].

Вообще, однако, кратковременное правление Гуюка не было благоприятно для ислама и мусульманской науки. Воспитанный христианином Кадаком, находясь под влиянием христианского министра Чингая, Гуюк оказывал христианам решительное предпочтение перед другими религиями. Отовсюду — из Сирии, Греции, Багдада и России — к нему стекались христианские священники и врачи, причем последних было еще больше, чем первых. Гуюк предоставил Кадаку и Чингаю управление всеми делами; христиане пользовались своим положением для резких нападок против ислама, и мусульмане не смели возражать им [2].

Так говорит Джувейни. В сочинении Джузджани [3] мы находим гораздо более резкие нападки на Гуюка за его вражду к исламу. По совету одного из тойнов, пользовавшегося известностью в Китае и Туркестане, Гуюк будто бы издал указ об оскоплении всех мусульман; тойн, которому был отдан указ, был разорван страшной собакой и, под влиянием такого суда божьего, Гуюк отменил свое решение. Христиане [4] уговорили Гуюка призвать для диспута и обличения знаменитого имама Нур ад-дина Хорезми. Диспут произошел в присутствии Гуюка:

---

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 98—99; <изд. Казвини, I, 229—232>.

[2] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 92—93; <изд. Казвини, I, 214>.

[3] Пер. Раверти, II, 1148—1164; <изд. Нассау-Лиса, 399—406>. — <Джузджани, упоминая о Гуюке (как и о Чагатае), не упускает случая прибавить: ملعون 'проклятый' или لعنه الله 'да проклянет его бог'. — *Ред.*>

[4] <Согласно Джузджани — христиане и буддисты; см. пер. Раверти, II, 1160; изд. Нассау-Лиса, 404: جماعت ترسایان وقسیسان وطایفهٔ توینان بت‌پرست از کیک التماس نمودند که آن امام مسلمانانرا حاضر کند تا با او مناظره کنند 'Сборище христиан (*тарсайан*) со священниками (*касисан*) и толпа тойнов-идолопоклонников просили у Гуюка, чтобы он потребовал к себе того имама мусульман, дабы они с ним провели диспут'. — *Ред.*>

«Христиане: Объясни, что за человек был Мухаммед.

Имам: Мухаммед — последний из пророков, глава апостолов, посланник господа миров... Моисей, увлеченный его достоинствами, [говорил о нем]: „О боже, присоедини меня к общине Мухаммеда!" Иисус принес радостную весть, он сказал: „Благословение апостолу, который придет после меня; имя его будет Ахмед".

Христиане: Пророк — тот, кто ведет чисто духовную жизнь, который свободен от страсти к женщинам; таким был Иисус; у Мухаммеда было девять жен и множество детей. Чем это объясняется?

Имам: У пророка Давида было 99 жен; у Соломона — 360 жен и 1000 наложниц.

Христиане: Они были не пророками, а только царями» [1].

Наконец, христиане прекратили диспут и попросили Гуюка, чтобы он велел имаму совершить намаз со всеми его обрядами. Имам призвал одного мусульманина и вместе с ним стал на молитву. Христиане всячески мешали обоим, били их во время земных поклонов и заставляли сильнее ударять лбом об землю; мусульмане, однако, не прервали молитвы и после окончания ее спокойно удалились к себе. В ту же ночь Гуюк за оскорбление святого имама лишился жизни; сыновья его на следующий день извинились перед оскорбленным и постарались удовлетворить его [2].

В щедрости Гуюк старался подражать отцу; еще в Монголии, после своего вступления на престол, он роздал народу 70 000 балышей [3]; весной 1248 г. он двинулся с большим войском на запад, в свою родовую орду, и по дороге везде раздавал бедным деньги и одежду. Свой поход сам Гуюк объяснял тем, что климат берегов Эмиля более полезен для его расстроенного здоровья; Сиюркуктени-бики, однако, заподозрила с его стороны враждебные намерения против Батыя, с которым он поссорился еще в царствование своего отца [4] и который теперь уклонился от присяги ему. Батый со своей стороны тоже двинулся ему навстречу с войском; но до столкновения дело не дошло; Гуюк скончался по дороге в Эмиль, в городе Самарканде, в 7 днях пути от Бишбалыка [5]. Очевидно, здесь не может идти речь о согдийском Самарканде; если

---

[1] <Джузджани, пер. Раверти, II, 1160—1162; изд. Нассау-Лиса, 404—405>.

[2] Там же, пер. Раверти, II, 1162—1164; <изд. Нассау-Лиса, 405—406>.

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 93; <изд. Казвини, I, 214>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 202; <Вассаф, бомбейское изд., 576>.

[4] Об этой ссоре говорит также монгольское сказание (*Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 157; <изд. Козина, 194>).

[5] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 93; <изд. Казвини, I, 215: چون بحدّ سمرقند رسید که از آنجا تا بیش بالغ یک هفته راه باشد; см. также Вассаф, бомбейское изд., 576. У д'Оссона название местности пропущено. — *Ред.*>.

не предположить искажения названия персидскими переписчиками[1], то придется предположить, что в Монголии была согдийская колония — предположение, в котором, как мы старались показать выше, нет ничего невероятного.

После смерти Гуюка произошла еще более ожесточенная, хотя и менее продолжительная, борьба партий, чем после смерти Угэдэя[2]. Батый узнал о смерти Гуюка в местности Ала-камак[3], в 7 днях пути от Каялыка, т. е. около гор Алатау. Он и Сиюркуктени-бики отправили драгоценные ткани и другие предметы[4] для похорон Гуюка, которые произошли в Эмиле. Батый созвал к себе в Ала-камак царевичей для совещания о престолонаследии; на время междуцарствия правление было поручено вдове Гуюка, Огул-Гаймыш, и Чингаю.

Существовала партия, по словам которой монголы еще при Чингиз-хане и после, при Угэдэе и Гуюке, обязались не возводить на престол других царевичей, «пока будет кусок мяса от детей Угэдэй-каана»[5]. Такое мнение, однако, не было общераспространенным; по монголо-китайской летописи[6] (очевидно, произведение сторонников сыновей Тулуя), сам Угэдэй, когда отец назначил его наследником, выразил опасение, что его «дети и внуки будут люди без достоинств и не смогут наследовать престола». Чингиз-хан тогда будто бы сказал: «Если все дети и внуки Угэдэя будут люди неспособные, то неужели из моих потомков не найдется ни одного порядочного?»

Как бы там ни было, все царевичи признали решающий голос за

---

[1] Во всех известных мне рукописях Джувейни, Рашид ад-дина и Вассафа ясно стоит سمرقند — Самарканд. По китайской истории, Гуюк умер в урочище Хансяр, в китайской транскрипции *Хын-сян-и-р* (*Юань-ши*, пер. Бичурина, 301, 381).

[2] Об истории восшествия на престол Мункэ см. Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 94—96; <изд. Казвини, I, 216—221>; Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, лл. 204—207; <изд. Блоше, 272 и сл.>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 245—259; <Вассаф, бомбейское изд., 576—578>.

[3] Название местности у Джувейни в разных местах: в рук. ГПБ IV, 2, 34 المالیغ, الاقمان, الاقماق, الاقماق; в рук. Ханыкова الاقماق, الاقماق; <ср. изд. Казвини, I, 217, 219; III, 15 الاقماق >; у д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. II, p 246) — monts Alactac.

[4] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 94 جامه وبغلتاق; <то же в изд. Казвини, I, 217>; рук. Ханыкова یعاتاق; Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 203 برعتاق; <изд. Блоше, 251 جامه وبوقاق>.

[5] Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 49; пер., ч. V, 39; ср. о Гуюке: Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 202; рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 224; <изд. Блоше 244>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 199. О притязаниях Хайду см. Вассаф, изд. Хаммера, текст, 132; пер., 127; <бомбейское изд., 67 (ссылка на یاسا نامهٔ بزرک «Великую книгу Ясы»). — *Ред.*>.

[6] *Сокровенное сказание*, пер. Кафарова, 145; <изд. Козина, 186>.

Батыем, как за старшим в роде Чингизидов. Сыновья Гуюка, Коджа и Наку, только два дня пробыли в Ала-камаке[1], но оставили там от своего имени вельможу Тимур-Кадака, уполномочив его присоединиться к какому бы то ни было решению царевичей.

Батый остановил свой выбор на Мункэ, который еще раньше, по совету своей матери, обнаружил к нему больше почтения, чем остальные царевичи. Мункэ «видел своими глазами и слышал своими ушами Ясу и ярлык Чингиз-хана»; к тому же он был сыном Тулуя, наследника отцовского юрта и ближе всех стоявшего к отцу при его жизни. Едва ли, как передают Джувейни и Рашид ад-дин, Батый ссылался на монгольский обычай, по которому место отца наследует младший сын: это правило применялось только в вопросе о наследовании личного имущества, а не в вопросе о главенстве; к тому же при таких условиях право на престол имел не Мункэ, а его младший брат Арик-Бука.

Против потомства Угэдэя существовало еще то, что они нарушили закон Чингиз-хана, по которому члена ханского рода можно было предать наказанию только с общего решения; они без суда и следствия убили дочь Чингиз-хана Алтылун-каан. Наконец, они, вопреки постановлению Угэдэя, возвели на престол после его смерти Гуюка вместо Ширамуна[2]. На следующий год было решено съехаться на курултай и торжественно провозгласить ханом Мункэ.

Решение Батыя возбудило сильное негодование в потомках Угэдэя; на их стороне был глава чагатаидского улуса Есу-Мункэ и большая часть чагатаидских царевичей; с другой стороны, Хара-Хулагу, обиженный Гуюком, был на стороне Мункэ; на его сторону перешли даже некоторые из потомков Угэдэя, именно сын Угэдэя Кадак-огул[3] и сыновья Кутана.

Курултай состоялся в Каракоруме в 1251 г., но немедленно за торжественным провозглашением Мункэ последовал грандиозный процесс враждебных царевичей, обвиненных в составлении заговора с целью убить Мункэ. Суд над царевичами производил сам каан; над эмирами — его главный судья (*яргучи*) Мункэсэр-нойон. Процесс кончился самоубийством воспитателя (атабека) Ширамуна и казнью 77 эмиров[4]. Ширамун и другие царевичи были помилованы, но первого

[1] Так по Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 94; <изд. Казвини, I, 218: خواجه وناغو بعد ما كه آنجا رسيدند زياده از يک دو روز مقام نساختند (в рук. ياغو, ياغو)>). По Рашид ад-дину, они совсем не приехали, а послали Тимур-Кадака вместо себя (рук. ГПБ V, 3, 1, л. 204; <изд. Блоше, 274—275; *Тексты,* стр. 125.> — <У д'Оссона об этом не говорится. — *Ред.*>

[2] Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 49—50; пер., ч. V, 39.

[3] <Так в рукописи В. В. Бартольда; может быть, Кадан-огул? — *Ред.*>

[4] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 172; рук. ГПБ Дорн 289, л. 150; <изд. Блоше, 293—297>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. II, p. 269.

Мункэ через несколько лет велел все-таки бросить в воду. Над царицей Огул-Гаймыш и матерью Ширамуна Кадакач-хатун был произведен суд в орде Сиюркуктени-бики; обе были казнены, также Кадак и Чингай, причем последний был выдан своему давнишнему врагу Данишменду[1]. В чагатайском улусе было восстановлено господство Хара-Хулагу; ему было предоставлено произвести суд над Тукаши-хатун; по его приказанию несчастная была растоптана копытами лошадей[2].

Чтобы окончательно уничтожить своих врагов, Мункэ отправил два больших войска на запад; одно (10 тюменей) должно было занять пространство между Каракорумом и Бишбалыком и отправить отдельные отряды на запад для соединения с войском Куйкуран-огула, стоявшего в Каялыке; другое войско (из двух тюменей) было отправлено в землю киргизов и кем-кемджиютов[3]. Цель этих походов очевидна; Мункэ хотел довершить разгром враждебных ему улусов Чагатая и Угэдэя и довести границы своих владений до владений Джучидов. Во главе чагатайского улуса еще стоял Есу-Мункэ; Хара-Хулагу, получивший приказание идти на него, умер по дороге, около Алтая[4]; но войско исполнило свое дело. Есу-Мункэ был взят в плен, отправлен к Батыю и убит[5].

Эргэнэ-хатун была назначена правительницей чагатайского улуса вместо своего малолетнего сына Мубарек-шаха. Назначение ее имело следствием возвращение к власти Хабаш-Амида и его сына Насир ад-дина. Имам Беха ад-дин Маргинани, по монгольскому обычаю, был выдан своим соперникам и казнен ими с жестокостью, нисколько не

---

[1] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 207; рук. ГПБ Дорн 289, л. 203; <изд. Блоше, 303—304>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 268—269.

[2] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 207; рук. ГПБ Дорн 289, л. 203; <изд. Блоше, 297—298>.

[3] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 207; рук. ГПБ Дорн 289, л. 203; <изд. Блоше, 298 и сл.; *Тексты*, стр. 125>.

[4] D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 271; Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 208; рук. ГПБ Дорн 289, л. 204; <изд. Блоше, 308: بموضع التتای رسید بمطلوب نا رسیده وفات یافت >. Убиение Есу-Мункэ Рашид ад-дин приписывает Эргэнэ (اورقنه)— рук. ГПБ V, 3, 1, л. 194; <изд. Блоше, 185>. Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 98; <изд. Казвини, I, 230>) говорит только, что Есу-Мункэ умер скоро после возвращения Эргэнэ в свою орду: < چون باردوی خویش رسید یسورا نیز در آن نزدیکی تیر اجل آمان نداد>.

[5] Вассаф, изд. Хаммера, текст, 163; пер., 153—154; <бомбейское изд., 70—71>.— <Сопоставив известия Рашид ад-дина (см. предыдущее прим.), Джувейни (изд. Казвини, I, 230; III, 56—59) и Джемаля Карши (*Тексты*, стр. 137—138), В. В. Бартольд более подробно изложил события в чагатайском улусе, связанные с гибелью Есу-Мункэ, в своей книге «Очерк истории Семиречья» (см. стр. 49—50).—*С. В.*>

уступавшею монгольской: его зашили в войлочные шкуры и по ним стали бить, как валяют войлок, пока не разбили несчастному все кости (в 649 г. х./ между 26 марта 1251 и 13 марта 1252 г.) [1]. Вместо единоличной власти Чингиз-хана и коллективной власти целого рода Чингизидов, при его преемниках теперь в монгольской империи наступает эпоха дуализма. Сам Мункэ говорил Рубруку: «Как солнце всюду распускает свои лучи, так власть моя и Батыева простирается на все стороны» [2]. Как старший в роде Чингизидов, владетель самых обширных и наиболее отдаленных от центра империи областей, наконец, как главный виновник восшествия на престол Мункэ, Батый занимал в империи Чингизидов совершенно исключительное положение. Рубрук [3] даже говорит, что во владениях Батыя представителям великого хана оказывали меньше уважения, чем наоборот. В том же месте Рубрук определяет границу между обоими царствами; она проходила в степи между Талласом и Чу, к востоку от Александровского хребта, т. е. не все земли, некогда входившие в состав Джучиева улуса, теперь были подчинены власти Батыя.

Таким образом, Восточный Туркестан, Кульджинский край и Семиречье были подчинены верховной власти самого великого хана. Для мусульман, составлявших большинство населения этих местностей, наступили лучшие времена, чем при Чагатае и Гююке. Сын христианки, Мункэ оказывал христианам больше уважения, чем представителям других религий, и поручил христианину воспитание своего старшего сына Балту; христианин Булгай занимал при нем должность первого министра [4]. Но по своим личным религиозным убеждениям Мункэ оставался шаманистом [5], считал все религии равными по достоинству и не позволял притеснять людей из-за веры; столь же чужд он был желания навязать исполнение Ясы представителям всех религий. Если верить Мирхонду [6], то уже во время пира, устроенного по случаю восшествия на престол Мункэ, для присутствовавших на пире мусульман

[1] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 98; <изд. Казвини, I, 231>.

[2] Рубрук, изд. Мишеля—Райта, 307; <пер. Малеина, 121>. В другом месте Рубрук (изд. Мишеля — Райта, 361; <пер. Малеина, 156>) сообщает, что Мункэ, желая выразить полное согласие между ним и Батыем, сказал: «Два глаза в одной голове, но, хотя их двое, вид их один, и куда один направляет свой взор, туда и другой».

[3] Изд. Мишеля — Райта, 280; <пер. Малеина, 104—105>.

[4] Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 320; <пер. Малеина, 129>. О Булгае у Рубрука говорится, что он «est major curiae et judicat reos morte». И по Рашид ад-дину (рук. ГПБ V, 3, 1, л. 209; рук. ГПБ Дорн 289, л. 206; <изд. Блоше, 316>), Булгай стоял во главе битикчи; ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 260.

[5] Известный «символ веры» Мункэ см. у Рубрука, изд. Мишеля — Райта, 359—360; <пер. Малеина, 155—156>.

[6] <Лакнауское изд., V, 58.>

баранов убивали по правилам шариата[1]. Любопытны процесс и казнь уйгурского идикута, обвиненного в составлении заговора с целью перебить в одну из пятниц всех мусульман Уйгурии[2]. Говорили, что он получил соответствующее приказание (от правительницы Огул-Гаймыш) во время междуцарствия; для этого к нему был послан Балабитикчи. Идикут хотел ехать в орду к Огул-Гаймыш и сыновьям Гуюка; в это время пришло известие о восшествии на престол Мункэ; идикут отправился к нему. Мусульманский вельможа Сейф ад-дин, живший в Бишбалыке (вероятно, как представитель Мас'уд-бека), был извещен о заговоре уйгуром Текмишем; по его приказанию идикут должен был вернуться и был арестован. Суд над ним был произведен Мункэ в орде великого хана; несмотря на пытку, идикут настаивал на своей невиновности; только очная ставка с Бала, который рассказал все подробности плана, заставила его сознаться. Он был осужден на смерть, и приговор был исполнен в Бишбалыке братом осужденного Укенджем; вместе с ним были казнены двое вельмож; один был помилован ради Сиюркуктени, другой — ради Батыя. Следствие для открытия остальных участников заговора не было произведено; уйгуры заранее поспешили подкупить доносчика Текмиша, чтобы он не запутал в процесс большое число лиц. После процесса (650 г. х.— с 14 марта 1252 по 1 апреля 1253 г.) доносчик, получивший щедрую награду, принял ислам. Звание идикута перешло к Укенджу[3].

Замечательно, что последователи всех религий считали великого хана своим. По словам Гайтона, он крестился; Гайтон даже присутствовал при совершении обряда крещения[4]; по словам Джузджани[5], он при вступлении на престол, по настоянию Беркая, произнес мусульманский символ веры; по одному буддийскому сочинению, он признавал превосходство буддизма перед всеми остальными религиями: «Как все пять пальцев выходят из ладони, так буддизм есть ладонь, а все прочие веры — пальцы»[6]. Эти три известия как нельзя лучше подтверждают

---

[1] При праздновании байрама в конце 1252 г. казий Джемаль ад-дин Ходженди при дворе великого хана произнес хутбу на имя халифа и потом уже молитву о здравии Мункэ. <См. Джувейни, изд. Казвини, III, 79—80; ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 300, где о хутбе на имя халифа не говорится. — *Ред.*>

[2] <Рашид ад-дин, изд. Блоше, 304—305; идикут здесь назван «главою идолопоклонников» (или «буддистов» — *бутпарастан*): بیدی قوت که سرور بت‌پرستان بود. — *Ред.*>

[3] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 16—18; <изд. Казвини, I, 34—39>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 271—274. <По Рашид ад-дину (изд. Блоше, 304—305), доносчиком был некий раб (غلامی). То же повторено у Мирхонда (лакнауское изд., V, 59). — *Ред.*>

[4] <См. Хетум, франц. пер., 39>.

[5] Пер. Раверти, II, 1181; <изд. Нассау-Лиса, 410—411>.

[6] Палладий, *Старинные следы христианства*, стр. 23—24.

слова Рубрука о Мункэ и представителях различных религий: «Все следуют за его двором, как мухи за медом; всем он дает, все считают его своим, и все предсказывают ему всякие блага»[1]. Историк Джувейни признает, однако, что в его время монголы, в противоположность прежнему времени, смотрели на мусульман с презрением; в этом, по словам историка, были виноваты сами мусульмане, интриговавшие друг против друга[2]. Представители духовенства всех религий по-прежнему были освобождены от всяких податей; исключение, по словам Мирхонда, было сделано для раввинов[3], к большому неудовольствию евреев.

Веротерпимости Мункэ соответствовало его стремление править каждой областью сообразно национальностям и привычкам ее населения. С этой целью в канцелярию при дворе великого хана были приняты писцы из представителей всех религий и всех национальностей: персы, уйгуры, китайцы, тибетцы и тангуты; указы, обращенные к населению какой-нибудь страны, писались на местном языке и местными письменами, по образцу тех указов, какие издавались при прежних царях, «так, чтобы они, если бы были живы, действовали бы точно таким же образом»[4].

Мункэ возобновил план Угэдэя установить правильный порядок взимания податей и положить конец произвольным поборам. Великий хан прямо объявил, что его заботы направлены на поднятие народного благосостояния, а не на наполнение своей казны[5]. Когда Аргун и другие правители запада приехали на курултай 1251 г., Мункэ обратился к ним с речью, в которой между прочим сказал: «Нет никакого сомнения в том, что каждый лучше знает нужды своих подданных и своей области и лучше знает, как исправить существующие несовершенства».

---

[1] Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 314; <пер. Малеина, 125>.

[2] Schefer, *Chrestomathie persane*, t. II, pp. I—V.

[3] <Мирхонд, лакнауское изд., V, 59; в этом месте Мирхонд, упомянув об освобождении от податей мусульманских и христианских (نصارى) духовных лиц, говорит: ویهودرا از سیورغال وانعام خویش مایوس ساخت. Если это сообщение верно, то лишение иудеев льгот, предоставленных другим религиозным общинам, можно объяснить тем, что у иудеев не было ходатаев и заступников в орде великого хана, тогда как мусульмане, христиане и буддисты были представлены среди влиятельных сановников и советников Мункэ-каана. — *Ред.*>

[4] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 210; рук. ГПБ Дорн 289, л. 206; <изд. Блоше, 317: اگر زنده بودندی برین طریقه اقتدا نمودندی.— *Ред.*>

[5] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 208; рук. ГПБ Дорн 289, л. 205; <изд. Блоше, 310: مارا نظر بر ترفیه احوال رعایاست نه بر توفیر اموال خزاین. Рашид ад-дин прибавляет (там же): ودر باب تخفیف رعایا یرلیغ فرمود 'И для облегчения ра'ийятов он (Мункэ) повелел [издать] ярлык'. — *Ред.*>; ср. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 265.

Поэтому он велел каждому в отдельности изложить письменно, в каком состоянии находится их область и какие меры могут быть приняты для блага населения. Почти все указали, как на главное зло, на обременительность податей, и доказывали необходимость установления им предела. По Рашид ад-дину, от податей и поборов особенно страдали крестьяне: дошло до того, что доход с их пашен не покрывал и половины суммы податей[1]. На этот раз, в противоположность постановлениям Угэдэя, подать была определена денежной суммой, но о величине подати до нас дошли противоречивые известия[2]; уже это указывает, что постановления Мункэ, как и постановления Угэдэя, остались мертвой буквой. По Рашид ад-дину, в Китае и Мавераннахре максимум подушной подати был 15 динаров (по другой редакции — 11), в Хорасане и Иране — 7 динаров; минимум повсюду — 1 динар. По Джувейни, Мункэ установил для Хорасана максимум в 10 динаров, минимум — 1 динар; из этой подати должны были быть покрыты все расходы государства. Вернувшись в Хорасан в 1253 г., Аргун стал взимать с 10 человек 70 динаров, т. е. обратил установленный Мункэ максимум в среднюю величину; в тех случаях, когда у кого-нибудь была недвижимая или движимая собственность в различных местах, он в каждом платил отдельно, так что иногда с одного человека взимали до 500 и даже до 1000 динаров. О том, как взимались подати Аргуном, историк Киракос[3] говорит следующее: «Требуя налогов сверх сил и доведя этим людей до нищенства, они стали мучить и терзать их тисками; скрывавшихся ловили и умерщвляли. У тех, кто не мог заплатить, брали детей, так как их сопровождали мусульмане-персияне. Но и князья, владетели областей, содействовали им при мучениях и вымогательствах, причем и сами наживались».

Мункэ признал недействительными все ярлыки и пайзы, изданные после смерти Чингиз-хана, т. е. этим как бы отрицал законность выбора даже Угэдэя. Царевичи должны были впредь во всех делах советовать-

---

[1] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 208; рук. ГПБ Дорн 289, л. 205; <изд. Блоше, 312: وچون کار ظلم وتعدّی بالا گرفته بود دهاقین از کثرت زحمات ومطالبات وتکلیف عوارض بجان رسیده بودند تا بحدّی که محصول ارتفاعات بنصف مطالبات وفا نمی‌کرد 'И так как деяния тирании и притеснения усилились, то крестьяне от множества отягощений и требований [податных сумм] и обременения чрезвычайными налогами (*'авāриз*) дошли до крайности, вплоть до того, что дохода от урожая не хватало и на половину требуемых податных сумм'. — *Ред.*>

[2] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, лл. 196—199; <изд. Казвини, II, 254—261; *Тексты*, стр. 118>; Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 209; рук. ГПБ Дорн 289, л. 205; изд. Блоше, 313—314>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 263—264.

[3] *История монголов по армянским источникам*, II, 78—79 (Киракос Гандзакский).

ся с представителями (наибами) каана[1]. Осуществление своего верховного права не представляло для Мункэ затруднений, так как взрослые представители потомства Угэдэя и Чагатая почти все были истреблены. Те из потомков Угэдэя, которые перешли на сторону Мункэ (Кадан, Мелик и сыновья Кутана), имели свои уделы в Тангуте и Китае; из коренных земель Угэдэя, юрт Гуюка в Эмиле, по словам Рубрука[2], «со всеми принадлежавшими к нему людьми и животными», был отдан малолетнему сыну Гуюка, вероятно внуку; по всей вероятности, имеется в виду Ханат, сын Наку, впоследствии находившийся на службе у Хайду. Что касается рода Чагатая, то мы не знаем ни одного взрослого члена его (Хара-Хулагу умер естественной смертью), который бы сохранил свое положение при Мункэ; все были или убиты, или сосланы; их малолетние дети были воспитаны в орде великого хана и только впоследствии, при Хубилае, частью вернулись в свои родовые владения. По-видимому, произошло действительно такое полное истребление рода Чагатая, о котором говорят Джузджани[3] и армянские историки[4].

Любопытен расказ автора генеалогической истории монголов о царевиче Кадаки; Мункэ дал ему прозвание Сэцэна, остриг ему волосы наподобие бахши и взял его с собою в Китай; во время похода он умер[5].

Эргэнэ-хатун правила в Алмалыке, где она в 1254 г. принимала Хулагу, шедшего на запад по приказанию каана[6]. Царица, хотя была

---

[1] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 208; рук. ГПБ Дорн 289, л. 205; <изд. Блоше, 310—311>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, p. 265.

[2] Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 297—298; <пер. Малеина, 114>.

[3] Пер. Раверти, II, 1186; <изд. Нассау-Лиса, 412: وچنان کرد که از خیل چغتای بر روی زمین آثار نماند مگر یک دو پسر چغتای که بطرف چین بنزدیک التون خان طمغاج رفتند 'И он (Мункэ) так поступил, что от племени Чагатая не осталось и следов на поверхности земли, кроме одного-двух сыновей Чагатая, которые удалились в Чин (Китай) к алтун-хану тамгачу' (т. е. к южно-китайскому, сунскому императору). — *Ред.*>

[4] *История монголов по армянским источникам*, II, 105 (Киракос Гандзакский).

[5] *Му'изз ал-ансаб*, л. 29; <*Тексты*, стр. 159: اورا (قداقی) منکو قاآن سجن نام نهاد وبر رسم بخشیان موی تراشیده می گشت وبا منکو قاآن بهم بولایت ختای بچریک رفت ودر راه نماند >. Здесь, как и в некоторых рукописях Рашид ад-дина (рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 210; рук. ГПБ Дорн 289, л. 186; <также в изд. Али-заде, текст, 131; там же, пер. Арендса, 83>), Кадаки (قداقی) назван сыном Бури; в этих рукописях Кадаки назван два раза — в качестве сына Бури и в качестве седьмого сына Чагатая; <в изд. Блоше Кадаки трижды назван седьмым сыном Чагатая (стр. 157— قداقسی, стр. 177 и 193 قداتی). — *Ред.*>. В *Му'изз ал-ансаб* седьмым сыном Чагатая назван Кара Илегу (قرا ایلکو); Вассаф (рук. ГПБ, л. 351 б) тоже называет Кадаки сыном Бури.

[6] Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 147—149; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 138.

любимой невесткой Чагатая[1], ревностно покровительствовала мусульманам, хотя сама была буддисткой[2]. Ее сын Мубарек-шах первый из Чингизидов принял ислам[3]. Правителем страны от имени Мункэ и Батыя был по-прежнему Мас'уд-бек. Мы видели, что под его управлением находились не только мусульманские области, но и Уйгурия; в 1251 г. он встретился с Аргуном в Бишбалыке; но осенью 1255 г.[4] он в течение 40 дней угощал Хулагу в равнине Кан-и гиль в окрестностях Самарканда[5]; сколько нам известно, мы здесь впервые встречаем название этой равнины, получившей громкую известность при Тимуридах. Из Самарканда Хулагу пришел в Кеш, где его встретили Аргун и некоторые туземные владетели Персии (гератский владетель Шемс ад-дин Курт посетил Хулагу еще в Самарканде); в январе 1256 г. Хулагу переправился с войском через Аму-Дарью и на левом берегу реки устроил охоту на львов[6].

Судя по приведенным выше словам Рубрука о границе между владениями Батыя и Мункэ, Мавераннахр входил в сферу влияния первого; и действительно, мы имеем сведения о проявлении этого влияния. Сыну защитника Ходженда, Тимур-мелика, по приказанию Батыя были возвращены движимое и недвижимое имущество его отца в Ходженде[7].

В 1255 г.[8] Батый умер; незадолго перед этим он отправил на ку-

---

[1] <Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 102 (اورقنه خاتون); пер., ч. V, 80.>

[2] Вассаф, изд. Хаммера, 30; <бомбейское изд., 14—15>. — <Джемаль Карши (*Тексты*, стр. 138), называет ее мусульманкой. — *С. В.*>

[3] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 195; <изд. Блоше, 188>.

[4] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 195; <изд. Казвини, III, 98>.

[5] Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 149.

[6] Там же, 149—153. <«Львами» (شیران) у персидских авторов нередко именуются тигры. — *Ред.*> По китайским известиям (*Юань-ши*, пер. Бичурина, 329), Мункэ зимой 1256/57 г. роздал князьям и вельможам покоренных бухарцев (*хой-хой*), живущих по р. Аму. Однако о военных укреплениях на берегу Аму-Дарьи во время похода Хулагу мы не имеем известий.

[7] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 32; <изд. Казвини, I, 73>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, pp. 139—140. Джузджани (пер. Раверти, II, 1172; <изд. Нассау-Лиса, 406—407>) прославляет веротерпимость Батыя и его покровительство туркестанским мусульманам; в его орде были мечети, имамы и муэззины; существовало даже мнение, что он втайне принял ислам. По Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 95; <изд. Казвини, I, 222>), Батый оставался верным монгольскому единобожию и не обнаруживал пристрастия ни к какой религии. <Подробнее на личности Батыя В. В. Бартольд остановился в своей статье *Bātū-Khān* (EI, I). — *Ред.*>

[8] У Джувейни — 653 г. х. (1255 г.); по Рашид ад-дину (рук. ГПБ Дорн 289, л. 181; <изд. Блоше, 137>) — 650 г. х. (1252-53 г.), что, однако, противоречит как рассказу Рубрука, так и рассказу самого Рашид ад-дина о восшествии на престол Мункэ; между тем, по Раверти (Джузджани, пер. Раверти, II, 1172—1173, прим. 9), «there is no doubt that 650 H. is the correct year of his death».

рултай к Мункэ своего сына Сартака. Сартак пользовался значительным влиянием еще при жизни отца; русские князья ездили к нему уже с 1249 г.[1]. Рубрук посетил стан Сартака между Доном и Волгой, в трех днях пути от переправы через последнюю (место переправы, по Шмидту[2], около 50° сев. широты). Узнав о смерти отца во время своего путешествия к Мункэ, Сартак не вернулся в Кипчак, но продолжал свой путь. Великий хан был этим так доволен, что, по выражению Киракоса[3], «утвердил за ним власть отца его как над войсками, так и над странами ему покорными, и, дав ему право называться вторым в царстве и издавать грамоты, как властелин, воротил его на родину». По словам Вардана, Сартак получил земли отца «даже с прибавлением»[4].

По рассказам как христианских, так и мусульманских[5] писателей, Сартак был христианином; по Абу-л-Фараджу[6], он даже был диаконом[7]; по словам Вардана[8], он «обращал в христианскую веру людей своего народа и чужих». Рубрук[9], бывший в орде Сартака в 1253 г., говорит, что Сартак на самом деле не был христианином, а только покровителем христиан; несторианский секретарь Сартака, Кояк, даже запретил францисканцам называть царевича христианином: «Он не христианин, а монгол»[10]. Эти слова, конечно, показывают только, что, по понятиям монголов, слово «христианин» имело этнографическое значение. Сам Рубрук[11] говорит, что немец Госсет, по приказу Сартака, построил церковь в низовьях Волги на западном берегу, против расположенного на острове города Сумеркента[12]. Тот же Рубрук[13] говорит, что у Сартака было шесть жен; это во всяком случае показывает, что Сартак, если и принадлежал к христианской церкви, то только формально.

---

[1] Карамзин, *История государства Российского*, т. IV, прим. 84, стр. 20—21.

[2] Schmidt. *Über Rubruk's Reise*, S. 19.

[3] *История монголов по армянским источникам*, II, 87 (Киракос Гандзакский).

[4] <Там же, I, 11 (Вардан Великий).>

[5] Кроме приведенного мной известия Джузджани, есть еще известие Джувейни (рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 96; <изд. Казвини, I, 223): سرتاق متقلد ملّت نصارى بود>.

[6] Barhebraei *Chronicon Syriacum*, изд. Брунса — Кирша, 493. Ср. *История монголов по армянским источникам*, II, 134 (Киракос Гандзакский).

[7] <Возможно, это известие следует связать с сообщением Рубрука, что монголы-несториане, когда к ним изредка приезжал епископ, заставляли его рукополагать всех младенцев: «отсюда все мужчины их — священники» (пер. Малеина, 112). — *Ред.*>

[8] *История монголов по армянским источникам*, I, 11 (Вардан Великий).

[9] Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 263; <пер. Малеина, 94>.

[10] Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 259; <пер. Малеина, 92>.

[11] Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 379; <пер. Малеина, 168>.

[12] Schmidt, *Über Rubruk's Reise*, S. 75.

[13] Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 253; <пер. Малеина, 89>.

По Джузджани[1], Сартак резко выразил свою вражду к исламу в словах, обращенных к его дяде Беркаю: «Ты — мусульманин, а я исповедую христианскую веру; видеть лицо мусульманина — несчастие». Мы знаем, однако, из христианских источников, что при Сартаке мусульманское духовенство по-прежнему было освобождено от податей[2].

Сартак умер еще до возвращения из орды Мункэ на Волгу, или, по другим известиям[3], очень скоро после возвращения. По Джузджани[4], его смерть была наказанием божьим за оскорбление Беркая, по молитве последнего; по Киракосу[5], Сартак был отравлен своими мусульманскими родственниками, Барака и Баркиша, т. е. своими дядями Беркаем и Беркеджаром. После смерти Сартака Мункэ отправил в Золотую Орду своих эмиров, которые назначили правительницей вдову Батыя Боракчин-хатун, а на престол посадили молодого Улакчи, которого Джувейни называет сыном Сартака[6], Рашид ад-дин — сыном Батыя[7]. По Джувейни, Улакчи умер в том же году; но русские князья еще в 1257 г. ездили к «Улавчию» (которого Карамзин[8] ошибочно считает наместником Беркая). После смерти Улакчи главой Джучиева улуса сделался Беркай.

Мы не имеем точных и достоверных известий о том, когда и как Беркай принял ислам; вернее всего, что у него, согласно Джузджани, был мусульманский воспитатель (по Джузджани, Беркай учился Корану в Ходженде у одного из тамошних улемов)[9]. Несомненно, что он был мусульманином еще при жизни Батыя и что требования ислама в его ставке действительно исполнялись. Рубрук[10] говорит, что Беркай сделался мусульманином и не позволял в своей ставке есть свиное мясо. После своего восшествия на престол он посетил Бухару, чтобы

---

[1] Пер. Раверти, II, 1291; <изд. Нассау-Лиса, 450>.

[2] *История монголов по армянским источникам*, II, 75 (Киракос Гандзакский). Тут же сказано, что Сартак «жил в страхе божием и в благочестии, имел при себе походную церковь в палатке, в которой постоянно совершались священные моления».

[3] Там же, 87 (Киракос Гандзакский).

[4] Пер. Раверти, II, 1291; <изд. Нассау-Лиса, 450—451>.

[5] *История монголов по армянским источникам*, II, 87 (Киракос Гандзакский).

[6] Джувейни, рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 96; <изд. Казвини, I, 223>.

[7] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 204; рук. ГПБ Дорн 289, л. 177; <в изд. Блоше дважды (109 и 113) Улакчи (اولاقچی) назван пятым сыном Тукукана (توقوقان), сына Батыя; там же (108) сказано, что у Сартака вовсе не было сыновей: واورا هیچ پسر نبوده است. В *Муʿизз ал-ансаб* Улакчи (اولایچی) назван четвертым сыном Батыя; см. примечания Блоше к его изд. Рашид ад-дина, стр. 108, прим. *f* (приведена цитата). — *Ред.*>

[8] *История государства Российского*, т. IV, стр. 47.

[9] Джузджани, пер. Раверти, II, 1184; <изд. Нассау-Лиса, 446>.

[10] Изд. Мишеля — Райта, 263; <пер. Малеина, 94>.

оказать почет выдающимся улемам этого города[1]. Уже этот факт заставляет полагать, что власть Беркая, как прежде власть Батыя, простиралась и на Мавераннахр; это подтверждается словами Рашид ад-дина, что впоследствии эмиры Алгуя изгнали из городов Мавераннахра всех нукеров и приверженцев Беркая[2]. Вследствие этого нет основания сомневаться в достоверности рассказа Джузджани, по которому вмешательство Беркая решило в пользу самаркандских мусульман борьбу между ними и их согражданами-христианами.

Как известно, христианство проникло в Самарканд еще в домусульманский период и удержалось в эпоху Саманидов и Караханидов, хотя о каком-либо участии христиан в политической жизни страны мы за это время не имеем известий. Падение господства ислама и мусульманских династий должно было вызвать в христианах желание отомстить своим притеснителям. Обстоятельства были для них благоприятны; мы видели, что многие Чингизиды, притом не только воспитанные в духе христианства[3], но и ревнители Ясы, были враждебны исламу; среди правителей Мавераннахра были монголы и китайцы. К тому же мусульмане в это время были главными внешними врагами монгольской империи; при Гуюке возникла даже мысль (получившая дальнейшее развитие при персидских ильханах) о союзе между монголами и христианским миром против мусульман.

В конце 1248 г. к Людовику Святому[4] на остров Кипр прибыли послы Ильчигидая, посланного Гуюком против исмаилитов и багдадского халифа. Послы извещали Людовика о том, что мать Гуюка — христианка; что сам Гуюк принял христианство вместе с 18 царевичами и многими вельможами; что Ильчигидай крестился уже много лет тому назад; что теперь он идет на Багдад «отомстить за обиду, нанесенную хорезмийцами господу Иисусу Христу»[5]. В письме к Людовику

---

[1] Джузджани, пер. Раверти, II, 1285; <изд. Нассау-Лиса, 447>.

[2] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 219; рук. ГПБ Дорн 289, л. 215; <изд. Блоше, 404>.

[3] <См. об этом: Бартольд, *К вопросу о Чингизидах-христианах*, стр. 171—172. — *Ред.*>

[4] О сношениях монголов с французским королем Людовиком IX Святым при Гуюке см. Мосхейм, прилож. XII. <Послами Ильчигидая были «Сабелдин» (Са'д ад-дин или Сейф ад-дин?) Давид, арабоязычный христианин несторианского толка из Мосула (см. о нем ниже), и некий Марк, вероятно, также несторианин. Подробное исследование истории их посольства см. Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, II, p. 151 sq. [extrait de la ROC, sér. 3, t. VIII (XVIII), № 1—2]. — *Ред.*>

[5] <Хорезмийские тюрки, ушедшие из Средней Азии вместе с хорезмшахом Джелаль ад-дином и поступившие после его гибели на службу к египетскому султану ас-Салиху Эйюбиду, в 1244 г. изгнали (вторично) крестоносцев из Иерусалима, разграбив при этом город и христианские святыни. — *Ред.*>

Ильчигидай просил короля не делать разницы между христианами различных исповеданий — между католиками, греками, армянами, несторианами, яковитами и всеми почитающими крест: «у нас все они равны»[1]. Еще до этого, при прибытии Людовика на Кипр, король этого острова показал ему письмо армянского коннетабля[2], написанное в Самарканде 7 февраля 1248 г. В письме говорилось об успехах христианства среди монголов; говорилось, что недавно сам хан принял христианство. Сам автор письма был в церкви местных христиан и видел там картину с изображением Христа и трех царей-волхвов. Все успехи христианства приписываются исключительно благословению самого Христа, так как проповедники его учения нисколько не соответствуют своему призванию: «Знайте, что те, которые [здесь] считаются проповедниками, по моему мнению, заслуживают великого наказания». Мусульманам, по словам автора письма, теперь приходится расплачиваться за свои грехи по отношению к христианам: «Сарацины, прежде наводившие на них (христиан) страх, теперь сами терпят вдвое больше против того, что сами делали».

Мысль о союзе с монголами, принявшими христианство, против сарацинов встретила сочувствие Людовика, и он отправил в Монголию своих послов; но просьба о веротерпимости встретила решительный отказ. Тускуланский епископ Одон (представитель папы в лагере Людовика) дал послам письма к великому хану, его матери, Ильчигидаю и восточным церковным иерархам. В письмах говорилось, что римская церковь охотно примет их как любезнейших сынов, но только если они согласятся соблюдать правоверие и признать римскую церковь матерью церквей, а главу ее — наместником Иисуса Христа, которому все, считающие себя христианами, обязаны повиноваться.

План не состоялся вследствие смерти Гуюка; Мункэ дал Рубруку резкое письмо к французскому королю, в котором называл Давида[3] обманщиком, а царицу Огул-Гаймыш[4] (благосклонно принявшую посольство Людовика) «злой женщиной, которая хуже собаки; как же

---

[1] <Письмо было написано в месяце мухарреме 646 г. х., т. е. весной 1248 г.; согласно исследованию П. Пельо, оно могло быть написано между 15 и 24 мая 1248 г. (Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, II, p. 204). — *Ред.*>

[2] <Речь идет о брате армянского царя Гайтона (Хетума), Сембате; о его путешествии к Гуюку см. Магакия, пер. Патканова, 18 и прим. 34; изд. Блейка — Фрая, текст, 312, 314; пер., 313, 315; см. также *История монголов по армянским источникам*, II, стр. 69—70 (Киракос Гандзакский). — *Ред.*>

[3] <О Давиде см. выше, стр. 569, прим. 4. — *Ред.*>

[4] <Вдова Гуюк-каана, родом из племени мергитов; ее не следует смешивать с одной из жен Мункэ-каана, носившей то же имя, из племени ойратов. Подробности см. Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, II, p. 198, n. 2. — *Ред.*>

она могла знать что-нибудь о делах войны и мира и о благе государства»[1].

Впечатление, которое вынес Сембат из своего пребывания в Самарканде, свидетельствует о борьбе между христианами и мусульманами в этом городе. Об этой же борьбе свидетельствует также фантастическое предание о церкви Иоанна Крестителя, рассказанное у Марко Поло[2]: церковь будто бы была построена при Чагатае, принявшем христианство, для чего, с позволения хана, взяли камень с фундамента одной мечети; камень был положен под колонну, стоявшую посреди церкви и поддерживавшую весь свод здания. Когда Чагатаю наследовал его сын (внук?), не принявший христианства, христиан, по проискам мусульман, заставили возвратить камень; камень вынули, но, против ожидания, здание не обвалилось, так как «сама колонна поднялась с фундамента на три пяди; с тех пор уже не она поддерживала свод, а свод держал колонну».

Более достоверный характер носит рассказ Джузджани[3], слышанный им от самаркандского сейида Ашраф ад-дина, главы ханкаха Нур ад-дина А'ма в Самарканде; сейид в 657/1259 г. приезжал в Дели для торговли. <По его словам>, самаркандские мусульмане предали церковь разрушению.

После этого мы уже не имеем каких-либо сведений о положении христиан в Самарканде, хотя христианство, по-видимому, еще не совсем было уничтожено; в одном китайском памятнике конца XIII в. Самарканд назван «страной, где господствует вера е-ли-кэ-унь»[4] (монг. *аркаун* — 'христианин'); в XIV в., в 1329 г., папа Иоанн XXII отправил в Самарканд католического епископа[5]. В Семиречье в эту эпоху хри-

[1] Письмо Мункэ-каана к Людовику IX приведено у Рубрука (изд. Мишеля — Райта, 369—371; <пер. Малеина, 162—163>); d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. II, pp. 306—309.

[2] Марко Поло, изд. Юла, I, 183—186; <пер. Минаева, 69>.

[3] Пер. Раверти, II, 1288—1290; <изд. Нассау-Лиса, 448—450>.

[4] Палладий, *Старинные следы христианства*, стр. 38.

[5] Мосхейм, 110—111, прилож. LXIII, LXV. <Сведения о христианах в Самарканде прослеживаются до времени Улугбека (1409—1449). В 1404 г. Клавихо (изд. Срезневского, 328) писал, что в Самарканде было много христиан — армянских, греческих, несториан и яковитов (сирийских монофизитов), большею частью переселенных Тимуром из других стран. Очень интересен рассказ армянского историка XV в. вардапета Фомы Мецопского (Товма Мецопеци, изд. Шахназаряна, 28—29) о том, что при Улугбеке «христианам там (в Самарканде) пришел конец». Безнравственный поступок одного сирийца-несторианина, соблазнившего жену мусульманина и хвастайшего этим, послужил поводом к общему гонению на христиан в Самарканде. Христиане были поставлены перед выбором между принятием ислама или смертью. «Очень немногие приняли смерть, остальные же отреклись от веры». Рассказ приведен на основании письма очевидца, армянского епископа Ованнэса (Иоанна), по прозванию Чатки, ездившего

стианство существовало как в южной его части, на берегах Чу, где в 1886 г. были открыты известные несторианские кладбища, так и в северной[1]... Здесь кстати будет в нескольких словах обрисовать роль несториан в монгольской империи, насколько она нам выясняется из рассказов современников, особенно Рубрука.

На основании Семиреченских надписей...[2].

Из других христиан, кроме несториан, замечательны яковиты в Самарканде и в Яркенде и армяне в Семиречье; по справедливому замечанию Н. Я. Марра[3], с тех пор как в Семиречье были найдены камни с армянскими надписями, нет основания сомневаться в том, что монастырь в городе Иссык-Куль, на северном берегу озера того же имени, действительно принадлежал армянам, согласно Каталанской карте, а не несторианам. Кроме того, Рубрук при дворе Мункэ встретил армянина Сергия, который на родине был ткачом[4], а к монголам приехал под видом отшельника и сумел приобрести среди них влиятельное положение. Рассказ Рубрука об этом человеке дает нам возможность составить себе полное представление о нем. Интересный и, кажется, редко приводившийся рассказ об отношении Сергия к Ионе показывает, какими средствами иногда велась пропаганда христианства в Монголии и каким образом такие проповедники освобождали себя от соперников, превосходивших их чистотой характера и образованием...[5].

в восточные страны для выкупа пленников. Датировки этого сообщения нет. Со второй половины XV в. в источниках не встречается упоминаний о христианстве в Мавераннахре.— *Ред.*>

[1] <Здесь в рукописи В. В. Бартольда многоточие и, видимо, пропуск. Дана ссылка: «Рубруквис, Recueil, 293» (=изд. Мишеля — Райта) (пер. Малеина, 111—112), где, однако, содержится рассказ о христианах-несторианах не в Семиречье, а в Монголии.— *Ред.*>

[2] <Здесь в рукописи В. В. Бартольда снова многоточие и пропуск. По-видимому, В. В. Бартольд предполагал впоследствии вставить в это место экскурс о состоянии христианства в Мавераннахре и Семиречье в XIII в. Подробно этот вопрос рассмотрен В. В. Бартольдом в его исследовании «О христианстве в Туркестане в домонгольский период» и в расширенном и дополненном немецком издании этой работы: «Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung». — *Ред.*>

[3] Марр, *Надгробный камень из Семиречья*, стр. 348.

[4] Рубрук, изд. Мишеля — Райта, 324; <пер. Малеина, 132>.

[5] <Имеется в виду рассказ Рубрука о борьбе образованного несторианского священника в Каракоруме, Ионы, с невежественным монахом-авантюристом Сергием и об отравлении Ионы Сергием (Рубрук, изд Мишеля — Райта, 342—345; пер. Малеина, 144—145). Дальше в рукописи В. В. Бартольда многоточие и, видимо, пропуск. — *Ред.*>

Мункэ умер во время войны с Китаем, по Рашид ад-дину[1], в 1257 г. (год змеи), по китайским известиям, в 1259 г.[2]. Последнее, кажется, вернее; сам Рашид ад-дин говорит, что Мункэ умер в восьмом году своего царствования. В Индии в 1260 г., во время написания *Ṭабақāт-и Нāṣирӣ,* были известны только темные слухи о смерти Мункэ[3]. Тело Мункэ привез в Монголию его сын Асутай; его оплакивали по очереди в каждой из четырех ставок его и потом похоронили в местности Бурхан-халидун в «великом гуруке» (*еке-гурук*), рядом с могилами Чингиз-хана и Тулуя[4].

Борьба за престолонаследие на этот раз произошла между сыновьями Тулуя, именно старшим из них, Хубилаем, стоявшим с войском в Китае, и младшим, Арик-Букой, наследником отцовского юрта (в его орде жила его мать Сиюркуктени-бики). В 1260 г. мы в первый раз видим одновременно избрание двух великих ханов — Хубилая в Китае и Арик-Буки в Монголии. Наиболее могущественные представители рода Чингизидов, Хулагу и Беркай, не приняли участия ни в том, ни в другом избрании, хотя Арик-Бука распустил слух, что они на его стороне. Если верить Джузджани[5], то первое время после смерти Мункэ в Иране, Хорасане и Мавераннахре хутба читалась на имя Беркая. Каждый из обоих претендентов имел на своей стороне некоторое число царевичей; правительница чагатайского улуса Эргэнэ-бики была на стороне Арик-Буки. Хубилай сделал попытку овладеть Чагатайским улусом и с этой целью отправил туда царевича Абишку, сына Бури; но Абишка в Тангуте был захвачен приверженцами Арик-Буки и скоро после этого убит по приказанию последнего. По примеру брата, Арик-Бука, не полагаясь на Эргэнэ, решил отправить от себя чагатайского царевича в Туркестан, чтобы обеспечить за собой обладание этими землями и преградить дорогу Хулагу и Беркаю на случай, что они примут сторону старшего претендента. Кроме того, Хубилай прекратил подвоз

---

[1] Рук. ГПБ V, 3, 1, л. 211; рук. ГПБ Дорн 289, л. 208; <изд. Блоше, 335. Здесь указана дата смерти Мункэ-каана: в месяце мухарреме 655 г. х. (между 19 января и 17 февраля 1257 г.). Однако выше говорится, что эпидемия холеры, от которой умер каан, распространилась в монгольском войске летом во время сильной жары (تابستان در آمد وگرما قوت گرفت); приведенная датировка вызывает сомнение.— *Ред.*>

[2] *Юань-ши,* пер. Бичурина, 349, 353; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. II, p. 332.

[3] Джузджани, пер. Раверти, II, 1292; <изд. Нассау-Лиса, 451: جماعت آیندکان از بلاد خراسان نقل کردند که منکو بدوزخ رفت 'Некие люди, прибывшие из городов Хорасана, передавали, что Мангу (Мункэ) отправился в ад'.— *Ред.*>.

[4] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 211; рук. ГПБ Дорн 289, л. 208; <изд. Блоше, 336—337>.— <По Джемалю Карши, Мункэ-каан умер в самом начале 658 г. х., т. е. вскоре после 18 декабря 1259 г.— *С. В.*>

[5] Пер. Раверти, II, 1292; <изд. Нассау-Лиса, 451>.

хлеба из Китая в Монголию, вследствие чего в последней начался голод; следовало позаботиться о снабжении Монголии хлебом из Туркестана.

Все это было возложено на внука Чагатая, Алгуя, сына Байдара. Байдар пользовался известностью как отличный стрелок; он принимал выдающееся участие в татарских походах на Европу, особенно в опустошении Польши и Силезии в 1241 г.[1]. Сын оказался достойным отца. Прибыв в Кашгар, он сумел собрать вокруг себя членов чагатайского рода и их приверженцев; Эргэнэ-хатун должна была уехать к Арик-Буке вместе с Мас'уд-беком. Алгуй отправил своего двоюродного брата Никпей-огула с 5000 войска для занятия Мавераннахра и изгнания оттуда наместников Беркая. Вместе с Никпеем были отправлены из эмиров — Учачар, из битикчи — Сулейман-бек, сын Хабаш-Амида; из этого видно, что даже некоторые из мусульманских вельмож приняли сторону Алгуя. Истинные представители правоверия, конечно, должны были стоять за права мусульманина Беркая; при занятии Бухары был убит шейх Джелаль ад-дин Бахарзи, сын знаменитого Сейф ад-дина. Начальники монгольских отрядов в Мавераннахре, Бука Нуша и Чинсанг-Тайфу, перешли на сторону Алгуя и остались на своих местах.

Не довольствуясь этим, Алгуй решил подчинить себе даже такие области, которые никогда не принадлежали к чагатайским владениям, именно Хорезм и Афганистан. В Хорезм был послан Учачар, в Афганистан — Садай-ильчи. Монгольским отрядом, который должен был действовать в Индии, при Мункэ начальствовал Сали-бахадур. Садай-ильчи сумел склонить на свою сторону его подчиненных, которые выдали ему своего начальника; таким образом, и здесь была утверждена власть Алгуя[2].

Все это Алгуй, однако, делал только для себя и вовсе не имел в виду исполнить желание последнего[3]. Когда послы Арик-Буки собрали необходимые для них деньги, лошадей и оружие, Алгуй не соглашался отпустить их[4]; наконец, он открыто объявил войну Арик-Буке, убил послов, захватил собранные деньги и роздал своим воинам (1262 г.).

Между тем Арик-Бука воевал с Хубилаем, но неудачно, и был при-

---

[1] Wolff, *Geschichte der Mongolen*, S. 159.

[2] <Об этом см. Вассаф, изд. Хаммера, текст, 23—24, пер., 25; бомбейское изд., 12.— *Ред.*>

[3] <Так в рукописи В. В. Бартольда. Очевидно, подразумевается Арик-Бука.— *Ред.*>

[4] Хронология событий у Рашид ад-дина очень сбивчива; мы следуем данным, приведенным у китайского путешественника Елюй Си-ляна, современника события (Bretschneider, *Researches*, vol. I, pp. 157—163).

нужден уступить ему Монголию и удалиться в страну киргизов, к верховьям Енисея. Дальнейшие действия Хубилая были затруднены беспорядками в Китае, и Арик-Бука мог обратиться против своего западного врага. Алгуй, по-видимому, еще раньше двинулся против своего врага, так как теперь должен был отступить на пространстве 1500 ли (около 750 верст). Наконец, его настиг авангард враждебного войска под начальством Кара-Буки; битва произошла недалеко от озера Сум-куль (Сайрам), недалеко от города Елицяня (Ye-li-k'ien). Кара-Бука был разбит и пал в битве, голова его была отправлена к Хубилаю. Но вслед за тем на Алгуя напал другой отряд войска Арик-Буки, под начальством сына Мункэ, Асутая; через перевал Талки (называвшийся у монголов Тимур-кахалька, т. е. Железными воротами) Асутай быстро проник в Илийскую долину (куда еще раньше вернулся Алгуй), разбил наголову Алгуя, который, упоенный своей победой, не ожидал такого скорого прибытия врагов; Алмалык был занят Асутаем, и Алгуй должен был бежать в Восточный Туркестан. Арик-Бука расположился на зимние квартиры в Илийской долине.

Монгольские эмиры были недовольны тем, что Арик-Бука слишком легкомысленно убивал начальников войска; в течение зимы большая часть эмиров покинула Арик-Буку. Воины до такой степени притесняли народ, что в Илийской долине наступил голод, от которого погибло много народа; войско захватило так много хлеба, что лошадей вместо ячменя кормили пшеницей. Но последнее оказалось гибельным для Арик-Буки; весной лошади, привыкшие к пшенице, заболели от подножного корма, и в войске начался падеж лошадей. Сын Мункэ, Урунк-таш[1], стоявший с войском у Алтая, на реке Джайкан-мурен, перешел на сторону Хубилая, и сын Арик-Буки, по его требованию, должен был прислать ему «великую тамгу» его отца. Алгуй хотел воспользоваться слабостью Арик-Буки и напасть на него; Арик-Бука прислал ему Эргэнэ и Мас'уд-бека, а сам вместе с Асутаем в 1264 г.[2] отправился к Хубилаю и покорился ему. Как всегда, после окончания междоусобной войны произошел суд над мятежниками и казнь главных эмиров (между прочим, секретаря Булгая, которого Хубилай сначала хотел помиловать за то, что он «слышал речи Угэдэй-каана и Мункэ-каана»)[3]. Относительно судьбы Арик-Буки и Асутая Хубилай спросил мнение Хулагу, Беркая и Алгуя. Все трое ответили уклончиво, и царевичи были

[1] У д'Оссона (*Histoire des Mongols*, t. II, p. 364): Yoroung-tasch; у Рашид ад-дина اورونكتاش (рук. ГПБ V, 3, 1, л. 219; <изд. Блоше, 414>) и اركاس (рук. ГПБ Дорн 289, л. 216).

[2] Так по Рашид ад-дину (рук. ГПБ V, 3, 1, л. 220; рук. ГПБ Дорн 289, л. 217; <изд. Блоше, 420>) и по китайским известиям (*Тун-цзянь ган-му*, IX, 302).

<Рашид ад-дин, изд. Блоше, 428; *Тексты*, стр. 126.— Ред.>

помилованы. Беркай и Хулагу хотели приехать на курултай в 1266 или 1267 г., но план не состоялся.

Рашид ад-дин в этом месте[1] говорит, что война между Хулагу и Беркаем началась в 1266 г., в год смерти Арик-Буки, но из других мест того же писателя и из других сочинений мы знаем, что военные действия между войсками этих ханов происходили уже в 1262 г.; к тому же году относится первое египетское посольство к Беркаю[2]; в 1266 г. Хулагу уже не было в живых. Причиной войны были притязания Джучидов на Арран и Азербайджан, гордый тон, в котором Беркай, старший в роде, сносился с Хулагу, и, наконец, смерть некоторых джучидских царевичей в Персии, причем подозревалось отравление[3]; кроме того, Беркай, как мусульманин, объявил себя защитником мусульман от притеснений Хулагу. По Киракосу, Алгуй тоже восстановлял Хулагу против Беркая; ненависть Алгуя против Беркая объясняется тем, что, «вследствие его доносов, Мангу-хан истребил род его»[4], т. е. <доносов> Беркая, которому приписывалась часть вины за события 1251 г.

Война между Алгуем и Беркаем действительно происходила. После отступления Арик-Буки Алгуй женился на Эргэнэ, а Мас'уд-беку поручил управление Самаркандом и Бухарой. Страна в то время уже почти оправилась от монгольского нашествия. По словам Джувейни[5], к 658 г. х. (1260 г.) некоторые места уже достигли прежнего положения, другие были близки к этому, в противоположность Хорасану и Ирану, где дело не ограничилось одним нашествием, но каждый город и каждая деревня несколько раз подвергались разграблению. Со времени Алгуя для страны снова начались бедствия[6]. Мас'уд-бек, по приказанию Алгуя, наложил на жителей тяжелую подать и таким образом доставил деньги Алгую для войны с Беркаем...[7]; войско последнего было разбито, после чего Алгуй взял и разграбил Отрар[8].

К тому же самому времени относится то событие, о котором рассказывает Вассаф[9] и которое, вероятно, тоже произошло не без уча-

[1] Рук. ГПБ V, 3, 1, л. 220; рук. ГПБ Дорн, л. 219; <изд. Блоше, 432—433>.

[2] О нем см. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, t. III, p. 386 sq.

[3] Ibid., pp. 377—379.

[4] *История монголов по армянским источникам*, II, 105 (Киракос Гандзакский).

[5] Рук. ГПБ IV, 2, 34, л. 33; <изд. Казвини, I, 75>.

[6] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 225; <изд. Блоше, 538: مشهور چنان است که ممالک ترکستان بیشتر الغو خراب کرد; слово بیشتر в некоторых рукописях опущено.— *Ред.*>.

[7] <Дальше в рукописи В. В. Бартольда одно слово неразборчиво.— *Ред.*>

[8] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 220; рук. ГПБ Дорн 289, л. 217; <изд. Блоше, 420>.

[9] <Вассаф, изд. Хаммера, текст, 98, пер., 94; бомбейское изд., 51: ودرین نزدیکی قاآن ایلچیرا فرستاد وشمارهٔ بخارا تازه کردانید از جمله شانزده هزار

стия Алгуя. Во время войны Хулагу с Беркаем Хубилай отправил гонца с приказанием произвести новую перепись в Бухаре; в городе было 16 000 монгольского войска, из которых 5000 принадлежали Батыю (т. е. улусу Джучидов), 3000 — Сиюркуктени-бики, матери Хулагу, а остальные 8000 принадлежали к «великой армии» (*улуғ қӯл*), т. е. считались собственностью того из Чингизидов, который занимал престол великого хана. По приказанию Хубилая, 5000 джучидских воинов были выведены из города в степь и убиты; все имущество их, даже жены и дети, было конфисковано [1].

که در نفس بخارا معدود بودند پنج هزار بباتو تعلّق داشت وسه هزار بقوتی بیکی مادر هلاکو خان وباقی بالغ قول یعنی دلای بزرک موسوم بود تا هر کس از اولاد چنگز خان که بر سریر خانیت استقرار یابد آنرا بخاصه حاکم کند این پنج هزارۀ باتورا تمامت بصحرا راندند وبزبان صفائح بیض که برید منایاء حمراست پیغام آجال بر ایشان خواندند وبر مال وزن وفرزند ایشان هیچ ابقا نرفت

<'И около этого времени каан послал гонца и произвел новую перепись в Бухаре; из всех шестнадцати тысяч, которые в самом [городе] Бухаре были сосчитаны, пять тысяч принадлежали [потомкам] Батыя, три тысячи — Кути-бики (т. е. Сиюркуктени-бики), матери Хулагу-хана, а прочие были наименованы *улуғ қӯл*, то есть *далāй-и бузург*, дабы каждый из потомков Чингиз-хана, кто утверждается на престоле ханства, управлял ими как своей собственностью (*хāççe*). Эти пять тысяч, [принадлежавших] Батыю, всех выгнали в степь, и на языке блестящих (букв. 'белых') сабель — вестников кровавой (букв. 'красной') смерти — им прочли весть о смертном часе. И не были оставлены ни имущество, ни жены, ни дети их'. — О терминах *улуғ қӯл* и *далāй-и бузург* см. след. прим. — *Ред.*>

[1] Д'Оссон (*Histoire des Mongols*, t. III, pp. 381—382) говорит, что бухарское убийство произошло по приказанию Хулагу, что противоречит тексту Вассафа в изд. Хаммера и тексту рук. Аз. муз., л. 31; к тому же нет никаких данных, что власть Хулагу когда-либо простиралась на Бухару. Выражения هزاره и الغ قول заставляют полагать, что речь идет о монгольских отрядах, а не о жителях Бухары, как полагает д'Оссон.

<По-видимому, в толковании приведенного нами выше (см. предыдущее прим.) текста Вассафа прав именно д'Оссон (а также Вамбери, *История Бухары*, т. I, стр. 167), и Вассаф говорит о переписи жителей Бухары, а не монгольского гарнизона в ней. Выражение هزاره встречается только один раз, а в остальных случаях сказано هزار, т. е. слово «тысяча» употреблено просто как счетная единица. Термины *улуғ қӯл* (тюрк., букв. 'великий центр [войска]') и *далāй-и бузург* (монг.-перс.) могли обозначать не только собственное войско великого хана, но и весь его улус и всякое его имущество, в частности и зависимых людей. Далай-ханом (монг., букв. 'океанский хан'), как известно, называли великого хана. Но у Рашид ад-дина (изд. Али-заде, текст, 513: زمین مواضع... از اینجو ودلای ومزارع آبادان وخراب 'Земли в местностях... из [числа земель] *йнджӯ* и *далāй*, с посевными землями, обработанными и запустевшими') и у Вассафа (бомбейское изд., 268, 336, 340, 363, 404, 445) термином *далāй* обозначено и собственное имущество хана (также и Газан-хана), именно земли с сидящими на них крестьянами, рядом с термином *йнджӯ*, имеющим то же значение (о том, что под *йнджӯ* могли пониматься как войско, так и земли и зави-

Около этого времени произошло возвышение юного внука Угэдэя, Хайду, основателя самостоятельного монгольского царства в Средней Азии. Хайду был сыном Хашина, пятого сына Угэдэя. Его отец непомерно предавался вину и от этого умер в молодых годах; Хайду был воспитан в орде Чингиз-хана; после смерти Угэдэя (вероятно, после переворота 1251 г.) он находился при Мункэ, потом при Арик-Буке и принял сторону последнего во время борьбы за престолонаследие[1]. Когда Арик-Бука покорился Хубилаю, Хайду не последовал его примеру и решился собственными силами защищать свои права как потомок Угэдэя. Предприятие его, казалось, не могло иметь никакой надежды на успех; из коренного войска урука Угэдэя у него не было ничего[2]; он должен был сам создать себе военную силу, тогда как соперниками его были владетели обширных государств. Тем не менее, внук Угэдэя не только создал себе войско, храбрость и военные достоинства которого вошли в поговорку у монголов, но явился основателем империи, простиравшейся на всю Среднюю Азию. С дарованиями полководца Хайду соединял холодную расчетливость политика.

симые люди, см. Рашид ад-дин, изд. Катрмера, 130—132, прим. 12; там же приведены цитаты из источников). Термины *инджӯ* (монг.), *хāссе* (арабско-перс.) и *далāй* (монг.) тут следует рассматривать как синонимы. В цитированном тексте Вассафа речь идет, по всей вероятности, о жителях Бухары, в основном ремесленниках, обращенных монгольскими завоевателями в рабство (или в личную зависимость) и разделенных между тремя владельцами — Батыем, Тулуем (наследницей которого была его вдова Сиюркуктени-бики) и улусом великого хана. Эти зависимые люди, оставаясь в Бухаре, как видно из других мест труда Вассафа (бомбейское изд., 68, 69), работали в мастерских (*кāрхāне*), принадлежавших отдельным членам рода Чингизидов и приносивших им доход. Подобные ремесленники-рабы (*асīрāн*) или зависимые люди, работавшие в мастерских, принадлежавших казне или же членам ханского дома, упоминаются нередко у Рашид ад-дина (изд. Али-заде, текст, 30, 179, 392, особенно 542—545; там же, пер. Арендса, 26, 106, 221, особенно 311—313). Истребление зависимых людей Батыя, видимо, было произведено по инициативе Алгуя и Хулагу, желавших причинить ущерб улусу Беркая, наследника Батыя, с которым они были в состоянии войны. Кроме того, общее содержание рассказа Вассафа не позволяет согласиться с толкованием его, данным у В. В. Бартольда. Трудно допустить, чтобы целых 16 тысяч (а с семьями, значит, несколько десятков тысяч) монгольских воинов, т. е. кочевников, в то время никогда не живших в городах, как отметил выше сам В. В. Бартольд, было поселено «в самом [городе] Бухаре» (در نفس بخارا). Наконец, невероятно, чтобы пять тысяч монгольских воинов, имея оружие, без сопротивления позволили вывести себя из города в степь и перерезать. Такие избиения нередко практиковались монголами в отношении мирных и давно обезоруженных горожан. Подробнее см. Петрушевский, *Из истории Бухары*, стр. 103—118. А. А. Али-заде (*Социально-экономическая и политическая история Азербайджана*, стр. 312) также полагает, что цитированный рассказ Вассафа относится к горожанам Бухары.— *Ред.*>

[1] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 172; рук. ГПБ Дорн 289, л. 150; <изд. Блоше, 7—8>.

[2] Рашид ад-дин, изд. Березина, ч. XV, текст, 219—220; пер., 146.

Замечательно, что этот сын и внук алкоголиков отличался едва ли не от всех Чингизидов тем, что никогда не пил ни вина, ни кумыса[1].

Со стороны матери Хайду происходил из племени бекрин, или мекрин, которое жило в горной стране по соседству с уйгурами; по словам Рашид ад-дина, бекрины были «не монголы и не уйгуры»[2] (во всяком случае Хайду по внешности был чистым монголом; Рашид ад-дин[3] описывает его как человека среднего роста, совершенно безбородого; в его бороде было девять волос, отделенных один от другого). Бекрины отличались умением восходить на горы и в этом отношении были очень полезны на войне; Хайду присоединил их к себе. В то же время он воспользовался войной между Алгуем и Беркаем, чтобы предложить свои услуги последнему. С помощью Джучидов Хайду составил себе небольшое владение[4]. Мирхонд рассказывает[5], что Беркай, получив просьбу Хайду о помощи, велел своим астрономам составить гороскоп Хайду; когда ответ оказался благоприятным, Беркай согласился помочь Хайду деньгами и войском и, в случае победы над Алгуем, признать его владетелем чагатайского улуса. Алгуй отправил против Хайду одного из своих эмиров, который был побежден и убит; после этого Алгуй послал одного из царевичей с большим войском, которому удалось победить Хайду.

Алгуй умер в 1264 г. Рашид ад-дин говорит, что после его смерти Эргэнэ-хатун с согласия эмиров и везиров возвела на престол своего сына Мубарек-шаха[6]; по Вассафу, Алгуй, напротив, пережил Эргэнэ[7]; когда она умерла от родов, Алгуй решил перебить всех мусульман в Самарканде и Бухаре, которым покойная покровительствовала и которые, по его мнению, принесли ей несчастье; Мас'уд-беку едва удалось отговорить его от этого намерения[8].

[1] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 2, л. 1045; <*Тексты*, 121: وشراب وقميز ونمک نخورد. Тут же приведено описание наружности Хайду. В других рукописях Рашид ад-дина и в изд. Блоше этого рассказа нет. — *Ред.*>.

[2] Рашид ад-дин, изд. Березина, текст, ч. VII, 166 (بکرين . . . نه مغول اند ونه اويغور); пер., ч. V, 129.

[3] Рук. ГПБ V, 3, 2, л. 1045; <*Тексты*, стр. 121>.

[4] Рашид ад-дин, рук. ГПБ Дорн 289, л. 150; <изд. Блоше, 8: [قايدو] با اوروق چوچي آغاز دوستي نهاد وبمعاونت ايشان بعضي ولايت بدست فرو كرفت>.

[5] <Лакнауское изд., V, 65>.

[6] Рашид ад-дин, рук. ГПБ Дорн 289, л. 217; рук. ГПБ V, 3, 1, л. 220; <изд. Блоше, 420>.

[7] Вассаф, изд. Хаммера, текст, 29—30, пер., 30—31; <бомбейское изд., 15>.

[8] <Там же.— Рашид ад-дин (изд. Блоше, 188) рассказывает, что Алгуй (الغو), умерший в 668 г. х. (между 31 августа 1269 г. и 19 августа 1270 г.), прежде Эргэнэ-хатун, за год до своей смерти разбитый войсками Арик-Буки, бежал и, прибыв в Бухару и Самарканд, отобрал у богатых людей деньги, оружие и скот и роздал своим воинам (ببخارا وسمرقند آمد واز توانكران مال وسلاح وچهارپايان بستد وبلشكر خود داد). О плане избиения мусульман Рашид ад-дин не упоминает.— *Ред.*>

Была ли в живых Эргэнэ (в свое время принявшая сторону Арик-Буки) или нет, во всяком случае Хубилай не был доволен[1] вступлением на престол Мубарек-шаха и выставил ему соперника в лице его двоюродного брата Борака[2]. По ярлыку Хубилая, Борак и Мубарек-шах должны были совместно управлять чагатайским улусом[3]. Прибыв в чагатайскую область, Борак убедился, что положение Мубарек-шаха довольно твердо[4] и поэтому не счел удобным показать ярлык великого хана; он явился к Мубарек-шаху в качестве ищущего убежище и просил позволения собрать своих людей. Родовым юртом сыновей Есун-Тувы[5] был Чаганиан[6]; туда удалился Борак со своими братьями Мумином и Басаром. Из них Мумин был старший, но, постоянно предаваясь пьянству, не мог играть выдающейся роли[7]. Борак из Чаганиана постепенно привлек на свою сторону большинство эмиров Мубарек-шаха и овладел Мавераннахром. Сын Мубарек-шаха должен был сдаться Бораку, который сделал его своим главным *барсчием*[8]. В начале 663 г. х. (с октября 1264 г.) Борак в Узгенде вступил на престол и овладел всеми сокровищами Алгуя и Эргэнэ.

Хубилай не мог не понять, что Борак не окажется послушным

---

[1] <В рукописи В. В. Бартольда «не был недоволен» — видимо, описка.— *Ред.*>

[2] <В настоящее время тюркологи предпочитают чтение имени — Барāк. См. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, IV, 1904; *«брак* براق — ищейка, собака»; Brockelmann, *Mitteltürkischer Wortschatz*, S. 31: *«baraq* — langhaariger Hund, der nach dem Volksglauben aus einem der beiden letzten Eier eines alten Adlers entsteht»; ср. Будагов, I, 221, под словом بـاراق. Из советских ученых чтение *Барāк* принимают А. Н. Кононов, С. П. Толстов и другие.— *Ред.*>

[3] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 2, л. 1087; в рук. ГПБ V, 3, 1 фраза пропущена; <изд. Блоше, 169>.

[4] <Согласно Рашид ад-дину (изд. Блоше, 188), Мубарек-шах, сын Хара-Хулагу и Эргэнэ-хатун, защищал ра'ийятов от насилий монгольских воинов в это смутное время: شکر بر عادت گذشته تاراج وبی راهی می‌کردند ومبارکشاه چون مسلمان بود نگذاشت که رعایارا زور رسد 'Войска, по прежнему обычаю, творили грабежи и беззакония, а Мубарек-шах, так как был мусульманином, не позволял, чтобы ра'ийятам причиняли насилие'.— *Ред.*>

[5] <Или Есу-Тувы, третьего сына Мугугэна, сына Чагатая (Рашид ад-дин, изд. Блоше, 169); в тексте تـوا يسو — *Ред.*>

[6] Вассаф, изд. Хаммера, текст, 134, пер., 128; <у Хаммера неправильны чтение (در حدود چغاتانیان) и перевод («an der tschagataischen Grenze»); бомбейское изд., 67: در حدود چغانیان یورت معین داشتند —*Ред.*>

[7] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 191; рук. ГПБ Дорн 289, л. 210; <изд. Блоше, 169>.

[8] <Рашид ад-дин, изд. Блоше, 189; по Рашид ад-дину, Борак назначил начальником барсчиев (охотников с гепардами) (مقدم بارسچیان) самого побежденного Мубарек-шаха.— *Ред.*>

орудием в его руках и что ему необходимо принять решительные меры для поддержания своей власти в Туркестане. Великий хан действительно решил возобновить план Мункэ и отправить войско, которое должно было проникнуть до Аму-Дарьи, устранить всех непокорных чагатайских царевичей и обеспечить непрерывность сношений между Хубилаем и Хулагу[1].

Предприятие, однако, не удалось, вероятно потому, что Хубилай, еще занятый войной с китайцами, не мог отправить в Туркестан значительные силы. Эмир Могултай, которого Хубилай назначил наместником Туркестана, должен был вернуться в Китай, и Борак назначил на его место своего эмира Бекмиша. Каан с своей стороны послал эмира Коюнчи с 6000 всадников, но его встретило тридцатитысячное войско Борака, что заставило его отступить[2]. После этого Борак разграбил Хотан[3]. Эти события уничтожили последние остатки власти великого хана в Туркестане. Другой центр монгольского могущества, Золотая Орда, был слишком отдален, чтобы на долгое время подчинить страну своему влиянию; будущность монгольского владычества в Туркестане зависела от того, сумеют ли отдельные представители этой власти сплотиться в одно самостоятельное целое. Разрешение этой задачи и было делом Хайду.

Рассказанными событиями Хайду воспользовался для того, чтобы овладеть всеми областями до Таласа. Борак, опасаясь с его стороны нападения на Мавераннахр, выступил против него. По Рашид ад-дину, в первом сражении на берегу Сыр-Дарьи победа была на стороне Борака, и только потом, с помощью пославшего ему 50 000 человек Менгу-Тимура (главы Джучиева улуса), перевес перешел на сторону Хайду; Вассаф говорит только о походе Хайду и совсем не упоминает о Менгу-Тимуре. Как бы там ни было, поражение Борака было настолько значительно, что Борак решился на отчаянные меры, чтобы доставить себе средства для продолжения войны. Он хотел заставить жителей Бухары и Самарканда выйти из своего города и оставить все свое имущество на разграбление войску. Требование было обращено

---

[1] Вассаф. изд. Хаммера, текст, 132, пер., 126; <бомбейское изд., 66>.

[2] Рашид ад-дин, рук. ГПБ V, 3, 1, л. 219 (собственные имена в рук. مكميش, قوينجى, تكميش); рук. ГПБ Дорн 289, л. 262 (собственные имена в рук. قوينجى, قوينجى, بكمشى); <изд. Али-заде, текст, 107—108 (собственные имена в изд. قوينجى, بكميش); там же, пер. Арендса, 70>.

[3] Там же. <Автор сирийской биографии несторианского патриарха мар Ябалахи III (1281—1316), родом уйгура из Китая, рассказывает, что Марк (Ябалаха) на пути из Китая в Иран (в 70-х гг. XIII в.) видел Хотан и Кашгар опустошенными и без населения; см. Мар Ябалаха, пер. Шабо, 22—25; пер. Пигулевской, 67.— *Ред.*>

к Тайгу и Нуши, по-прежнему начальствовавшим в обоих городах. Жители прибегли к заступничеству духовенства; Борак отказался от своего намерения, но наложил тяжелую контрибуцию на городских ремесленников и на монгольские «тысячи»[1]; мастера днем и ночью были заняты выделкой оружия[2].

Среди этих приготовлений к войне Борак получил известие о неожиданной умеренности победителя. Чтобы успокоить Борака, Хайду отправил к нему своего двоюродного брата Кипчака[3], сына Кадана, с предложением мира и союза. Борак торжественно принял Кипчака в Самарканде, окруженный своими телохранителями; в знак приветствия царевичи, по монгольскому обычаю, подали друг другу чаши. Было решено собраться на курултай в следующем году.

Весной 667/1269 г. курултай был созван. По Вассафу, он произошел в Катванской степи[4], по Рашид ад-дину, — в равнине Таласа[5]; последнее более вероятно, так как Хайду в качестве победителя должен был созвать курултай в своих владениях; в Катванской степи, вероятно, произошло только празднество, данное Бораком Кипчаку. С другой стороны, очень сомнительно, вопреки известию Рашид ад-дина, участие в курултае Менгу-Тимура; едва ли владетель Джучиева улуса согласился бы совершить такое путешествие, хотя вполне возможно, что на курултае присутствовал один из Джучидов для защиты интересов своего улуса. Семь дней царевичи пировали; на восьмой день начались совещания под главенством Хайду, который обратился к остальным царевичам с речью о мире. Борак требовал, чтобы ему, как законному преемнику Чагатая, был отведен юрт, который мог бы прокормить его войско. Ему отвели две трети Мавераннахра; остальной частью должны

---

[1] Вассаф, изд. Хаммера, текст, 135; пер., 129; <бомбейское изд., 68.—У Вассафа сказано только: مقرّر کرد که بر هر هزاره وکارخانه تفصیل مسمّی کنند 'Он (Борак) постановил, чтобы на каждую тысячу [людей] и на каждую ремесленную мастерскую (*кāрхāне*) составили подробный поименной список'. Упоминание у Вассафа рядом «тысяч» и ремесленных мастерских (*кāрхāне*) заставляет думать, что здесь под «тысячами» следует понимать ремесленников, прикрепленных к этим мастерским, а не монгольских воинов, как считал Бартольд. См. прим. 1 к стр. 577.—*Ред.*>

[2] Вассаф, изд. Хаммера, текст, 135; пер., 129; <бомбейское изд., 68>.

[3] <Рашид ад-дин, изд. Али-заде, текст, 108; там же, пер. Арендса, 71; Вассаф, изд. Хаммера, текст, 135; пер., 129; бомбейское изд., 68.>

[4] <Вассаф, изд. Хаммера, текст, 137, пер., 130; бомбейское изд., 69. Согласно Вассафу, курултай состоялся «в Катванской степи, в окрестностях рабата Бу-Мухаммеда» (در دشت قتوان حوالی رباط بو محمد). — *Ред.*>

[5] <Рашид ад-дин, изд. Али-заде, текст, 109—110; там же, пер. Арендса, 71—72. Согласно Рашид ад-дину, «царевичи собрались на луговьях Таласа и Кенджека» (شهزادکان بمرغزار تلاس وکنجک جمع شدند). — *Ред.*>

были владеть сообща Хайду и Менгу-Тимур[1]. Решения, принятые на курултае, и самый характер переговоров показывают, что все участники были проникнуты духом Ясы и степными традициями.

Царевичи решили жить в горах и степях, не подходить к городам, не выпускать своих стад на пашни, не брать с жителей ничего, кроме законных податей; управление оседлым населением по-прежнему было возложено на Мас'уд-бека[2]. Каждый из царевичей должен был довольствоваться теми «тысячами» и «мастерскими» в Бухаре и Самарканде, которые были отведены ему[3]; так же точно были определены яйлак и кышлак Борака[4]. Царевичи назвали друг друга *андами,* обменялись одеждой и, по тюрко-монгольскому обычаю, «пили клятву», т. е. обменялись друг с другом кубками и этим поклялись друг другу в неизменной верности. Наши источники ничего не говорят о провозглашении Хайду главой рода, о совершении над ним обряда вознесения на белом войлоке, т. е. провозглашения ханом. Тем не менее, из рассказов историков ясно видно, что главенство в политической организации, установленной курултаем 1269 г., принадлежало Хайду. Чтобы не допустить Борака к Бухаре, Хайду поставил отряд между городом и лагерем чагатайского царевича; впоследствии Хайду обвинял Борака в том, что он не платил ему обещанной дани и даже бил его сборщиков[5]. Из этого видно, что Хайду считал себя вправе собирать подати во владениях всех участников курултая. Еще тверже стала власть этого владетеля Средней Азии, когда после смерти Борака войско последнего присягнуло непосредственно ему[6], когда он в пограничных областях с владениями всех трех враждебных династий (Джучидов, Хулагидов и китайских императоров[7]) мог поставить начальниками своих сыно-

---

[1] <Рашид ад-дин, изд. Али-заде, текст, 111: دو ثلث از ماوراء النهر براق‌را باشد وثلثی قایدو ومنککو تیمور بدانند; там же, пер. Арендса, 72.— *Ред.*>

[2] Рашид ад-дин, изд. Али-заде, текст, 110—111; там же, пер. Арендса, 72.>

[3] <Вассаф, изд. Хаммера, текст, 38, пер., 31; бомбейское изд., 69: مقرّر شد که هر یک از شاهزادکان بهزارهاء وکارخانهاء خاص که در بخارا وسمرقند معهود داشتند قناعت کنند 'Было постановлено, чтобы каждый из царевичей довольствовался исчисленными тысячами и собственными мастерскими (*кāрх̮āнехā-йи х̮āс̣с̣*), которые они имели в Бухаре и Самарканде'. — *Ред.*>

[4] <Там же.>

[5] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 306; рук. ГПБ Дорн 289, л. 270; <изд. Али-заде, текст, 134—135; там же, пер. Арендса, 85—86>.

[6] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. а 566 (D 66), л. 307; рук. ГПБ Дорн 289, л. 271; <изд. Али-заде, текст, 137—138; там же, пер. Арендса, 87>; d'Ohsson, *Histoire des Mongols,* t. III, p. 452.

[7] <Т. е. монгольских великих ханов, занимавших престол китайских императоров до 1368 г. (потомки Хубилай-каана — династия Юань).— *Ред.*>

вей [1]. Но эти события уже относятся к дальнейшей истории того среднеазиатского монгольского государства, ход образования которого мы хотели проследить. Не опираясь на выработанную веками культуру одного оседлого народа, как монгольские государства в Китае и в Персии, раздираемое внутренними междоусобиями, чагатайское государство не только сохранило свое место среди остальных государств Чингизидов, но из него впоследствии вышел человек, покоривший своей власти земли Джучидов и Хулагидов и основавший последнюю могущественную среднеазиатскую монархию.

Мы надеемся, что изложенные выше данные дадут возможность читателю составить себе довольно ясное представление как о культурных элементах, персидско-мусульманских и китайско-уйгурских, вошедших в состав чагатайского государства, так и о характере самих монголов и их степных традиций. Проследить на основании этих данных историю чагатайской монархии и образование империи Тимура и Тимуридов, при которых Средняя Азия достигла высшей степени своего культурного развития,— это, вероятно, будет задачей продолжения настоящего труда. Мы не скрываем от себя трудностей этой задачи, происходящих от почти полного отсутствия дошедших до нас рассказов современников и очевидцев среднеазиатских событий за весь период от смерти Джувейни до Шахруха; мы, однако, не теряем надежды, что со временем отыщутся хотя бы отрывки несомненно существовавшей литературы этого периода и облегчат нам понимание одного из самых темных, но едва ли не самых интересных периодов в истории Средней Азии.

---

[1] Рашид ад-дин, рук. Аз. муз. a 566 (D 66), л. 173; рук. ГПБ Дорн 289, л. 151; <изд. Блоше, 9—13>.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОБЫТИЙ [1]

681—683. Сельм б. Зияд в Хорасане; арабы впервые зимуют в Мавераннахре.
683. Междоусобия в Хорасане; Абдаллах б. Хазим.
689. Вторжение восточных тюрков в Мавераннахр.
689—704. Муса б. Абдаллах б. Хазим в Термезе.
691-92. Восстановление омейядского владычества в Хорасане.
701. Новое вторжение восточных тюрков.
705(704) — 715. Кутейба б. Муслим в Хорасане.
705. Завоевание арабами долины Сурхана.
711. Мухаммед б. Касим в Индии. Завоевание восточными тюрками западной части Средней Азии.
712. Завоевание Хорезма и Саганиана арабами. Занятие Самарканда восточными тюрками.
713. Отступление восточных тюрков из Согдианы. Поход Кутейбы на Шаш и Фергану. Постройка первой мечети в Бухаре.
716—737(738). Западно-тюркский хан Сулу (Абу Музахим).
717—720. Халиф Омар II; забота о благочестии; начало шиитского движения в Хорасане.
720-21—721-22. Са'ид б. Абд ал-Азиз в Хорасане; мягкое управление; возвышение дихканов.
721-22. Са'ид б. Амр ал-Хараши в Хорасане; выселение согдийцев в Фергану.
724. Битва при Барукане между северными и южными арабами.
725. Восстановление города Балха.
727—729. Ашрас б. Абдаллах ас-Сулами в Хорасане; устройство рабатов.
728. Пропаганда ислама в Согдиане; вероломство наместника и восстание жителей.

---

[1] В скобках отмечены даты менее вероятные, но все-таки возможные. При годах царствования указываются области, которыми управлял тот или другой наместник или владетель, за исключением тех фактически независимых правителей, первенство которых в восточной части мусульманского мира не оспаривалось никем.

729. Восстановление власти арабов в Бухаре.
730 (731). Борьба наместника Джунейда б. Абд ар-Рахмана с тюрками и согдийцами.
733. Голод в Хорасане.
734. Восстание Хариса б. Сурейджа.
735—738. Асад б. Абдаллах в Хорасане.
735(736). Поход Асада к Варагсеру.
736. Временное перенесение столицы наместника в Балх.
737. Борьба с тюрками в Тохаристане; смерть хана.
738—748. Наср б. Сейяр в Хорасане.
739. Договор Насра с владетелями Осрушаны, Шаша и Ферганы.
739(740). Смерть Курсуля; окончательное падение западно-тюркской империи.
741. Возвращение <эмигрировавших> согдийцев на родину.
742. Постройка соборной мечети в Балхе.
743. Восстание Алидов в Хорасане; смерть Яхьи б. Зейда.
744. Восстание йеменцев в Хорасане.
745. Возвращение Хариса б. Сурейджа в Мерв и новое восстание его.
746. Смерть Хариса.
747. Прибытие Абу Муслима в Хорасан.
748—755. Господство Абу Муслима в Хорасане.
748. Разрушение китайцами Суяба.
750-51. Восстание в Бухаре.
751. Победа арабов над китайцами при Таласе.
752. Посольство владетеля Осрушаны к китайцам.
752-53. Восстание наместников Сиба б. ан-Ну'мана и Зияда б. Салиха в Мавераннахре. Постройка ворот и башен Самарканда.
755—757. Абу Давуд Халид б. Ибрахим в Хорасане.
757—759. Абд ал-Джаббар б. Абд ар-Рахман в Хорасане.
757-58. Казнь бухарского наместника Муджаши' б. Хурейса ал-Ансари.
759. Восстание Абд ал-Джаббара и Бераза.
766. Занятие Суяба карлуками.
767. Восстание Ашнаса в Бадгисе.
776 (?). Постройка стен к северу от Чирчика.
777 (?). Восстание Юсуфа ал-Берма в Бухаре.
780—783(782). Мусейяб б. Зухейр в Хорасане; усмирение восстания Муканна'; чеканка мусейябийских дирхемов.
783(782) — 787. Абу-л-Аббас Фазл б. Сулейман ат-Туси в Хорасане; постройка длинных стен в Бухарской области.
792—793. Гитриф б. Ата ал-Кинди в Хорасане; вытеснение карлуков из Ферганы; чеканка гитрифийских дирхемов.
794—795. Фазл б. Яхья ал-Бармаки в Хорасане; подчинение Осрушаны;

постройка нового здания соборной мечети в Бухаре. Образование «аббасидского» корпуса.

796—806-07(808). Али б. Иса в Хорасане.

806—810. Восстание Рафи' б. Лейса в Самарканде.

809. Уход тюрков, союзников Рафи'.

809—818. Мамун в Хорасане.

811. Война Мамуна с Амином; поход Тахира б. Хусейна.

816-17. Голод в Хорасане.

819—821. Гассан б. Аббад в Хорасане; Нух б. Асад в Самарканде.

820-21. Токуз-огузы в Осрушане.

821. Восстание «добровольцев» в Хорасане.

821—822. Тахир б. Хусейн.

822—828. Тальха б. Тахир.

822. Поход Ахмеда б. Абу Халида на Осрушану.

828—830. Али б. Тахир.

830—844. Абдаллах б. Тахир.

830. Окончание постройки длинных стен в Бухарской области.

832. Смерть бухарского ученого Абу Хафса.

839. Землетрясение в Фергане[1].

840. Завоевание Исфиджаба Саманидами.

841. Казнь Афшина.

842—864. Ахмед б. Асад в Мавераннахре.

844—862. Тахир б. Абдаллах.

848—870. Давуд б. Аббас в Балхе.

849-50. Постройка городских стен Бухары.

851—867. Мухаммед б. Абдаллах, начальник Багдада.

855. Смерть Яхьи б. Асада.

856-57. Смерть Ильяса б. Асада в Герате.

859. Избиение нескольких тысяч людей в Шавдаре[2].

861—879. Я'куб б. Лейс в Седжестане.

862—873. Мухаммед б. Тахир

864—892. Наср б. Ахмед б. Асад в Мавераннахре.

864—884 (с перерывами). Хасан б. Зейд в Табаристане.

867 (871). Завоевание Я'кубом Герата и Бушенга.

869. Завоевание Я'кубом Кермана и Фарса. Смерть Мухаммеда б. Али Термези.

870. Завоевание Я'кубом Балха, Кабула и Газны.

871. Утверждение Я'куба наместником Балха и Тохаристана.

873. Завоевание Я'кубом Хорасана.

---

[1] См. *Тексты*, стр. 3.

[2] См. там же, стр. 49 *(Кандийа)*.

874. Исма'ил б. Ахмед в Бухаре. Хусейн б. Тахир в Мерверруде. Грамота халифа против Я'куба.
876. Поражение Я'куба при Дейр ал-Акуле.
877. Хусейн б. Тахир в Мерве.
879—900. Амр б. Лейс.
882. Рафи' б. Харсама в Нишапуре.
885. Грамота халифа против Амра.
888. Битва между Насром и Исма'илом.
889. Грамота халифа в пользу Амра.
890. Грамота халифа против Амра.
892. Утверждение Амра наместником Хорасана.
892—907. Исма'ил б. Ахмед в Мавераннахре.
893. Диплом Исма'илу от халифа. Завоевание Исма'илом Осрушаны и Таласа.
898. Назначение Амра наместником Мавераннахра и низложение Исма'ила.
899—900. Война между Амром и Исма'илом.
901. Утверждение Исма'ила наместником Хорасана.
902. Расширение здания бухарской соборной мечети.
904. Нашествие тюрков на Мавераннахр.
907—914. Ахмед б. Исма'ил.
913-14. Хасан б. Али ал-Утруш в Табаристане.
914—943. Наср б. Ахмед б. Исма'ил.
914. Усмирение восстания Исхака б. Ахмеда.
918. Усмирение восстания Хусейна б. Али Мервези.
918-19. Постройка нового минарета в Бухаре.
918-19—920-21. Микаил б. Джа'фар в Самарканде.
919. Усмирение восстания Ахмеда б. Сахля в Хорасане.
922. Усмирение восстания Ильяса б. Исхака в Фергане.
929. Пожар в Бухаре.
930 (?). Восстание братьев Насра.
937. Опустошительный пожар в Бухаре.
938. Везир Абу Али Джейхани.
940. Смерть бывшего везира Абу-л-Фазла Бал'ами.
941-42. Смерть везира Абу Али Джейхани.
942. Взятие Баласагуна языческими тюрками. Шиитское движение в Мавераннахре. Отказ Насра от управления государством.
943—954. Нух б. Наср.
944. Восстание в Хорезме.
945. Восстание Абу Али Чагани.
946. Убиение Ахмеда б. Хамуи и везира ас-Сулами (*ал-ḥāким аш-шахӣд*).

947. Вступление Ибрахима б. Ахмеда и Абу Али Чагани в Бухару. Возвращение Насра; ослепление мятежных царевичей; поражение Абу Али.
948. Смерть Ибрахима б. Симджура; назначение Мансура б. Каратегина наместником Хорасана. Примирение правительства с Абу Али и его союзниками.
951. Смерть Мансура б. Кара-тегина.
951-52. Постройка нового здания бухарской мечети.
952. Абу Али Чагани в качестве наместника в Хорасане.
954—961. Абд ал-Мелик б. Нух.
954. Бекр б. Мелик ал-Фергани в Хорасане. Везир Абу Мансур Мухаммед б. Узейр.
955. Смерть Абу Али Чагани. Смерть Сатук-Богра-хана (?).
956. Убиение Бекра б. Мелика.
957. Абу-л-Хасан Симджури в Хорасане.
959. Везир Абу Мансур Юсуф б. Исхак.
960. Абу Мансур Мухаммед б. Абд ар-Раззак в Хорасане. Принятие ислама семиреченскими тюрками.
961. Везир Абу Али Бал'ами; Алп-тегин в Хорасане.
961—976. Мансур б. Нух б. Наср.
961. Разграбление и сожжение дворца в Бухаре.
962. Новый пожар дворца. Алп-тегин в Газне. Восстание Абу Мансура б. Абд ар-Раззака в Хорасане. Абу-л-Хасан Симджури в Хорасане.
963. Смерть Алп-тегина; Исхак б. Алп-тегин в Газне.
964. Бегство Исхака б. Алп-тегина в Бухару.
965. Возвращение Исхака б. Алп-тегина в Газну.
971. Устройство нового места праздничного богослужения в Бухаре.
974. Смерть везира Абу Али Бал'ами и везира Юсуфа б. Исхака.
975-76. Везир Абу Абдаллах Ахмед Джейхани.
976—997. Нух б. Мансур.
977—997. Себук-тегин в Газне.
977. Везир Абу-л-Хусейн Утби.
982. Низложение Абу-л-Хасана Симджури; Таш в Хорасане. Победа Буидов над Саманидами при Гургане. Убиение везира Утби.
985. Сельджукиды в окрестностях Бухары.
986. Везир Абдаллах б. Мухаммед б. Узейр.
987. Победа Абу-л-Хасана и Фаика над Ташем.
989. Смерть Абу-л-Хасана Симджури.
990. Утверждение Абу Али Симджури наместником Хорасана.
992. Богра-хан в Бухаре; отступление его и возвращение Нуха. Смерть Богра-хана. Везир Абдаллах б. Узейр.

994. Победа Нуха и Себук-тегина над Абу Али и Фаиком.
995. Победы Абу Али и Фаика над Махмудом. Поражение их в окрестностях Туса. Фаик в Туркестане. Абу Али в Хорезме и Бухаре. Падение династии первых хорезмшахов.
996. Караханиды и Себук-тегин в Мавераннахре; договор между ними. Низложение везира Абдаллаха б. Узейра; назначение Абу Насра Ахмеда б. Мухаммеда. Смерть Абу Али.
997. Смерть везира Абу Насра; назначение Абу-л-Музаффара Мухаммеда б. Ибрахима ал-Баргаши. Смерть хорезмшаха Мамуна б. Мухаммеда; его сын Али б. Мамун.
997—999. Мансур б. Нух б. Мансур.
997—998. Исма'ил б. Себук-тегин в Газне.
998—1030. Махмуд б. Себук-тегин в Газне.
998. Победа Бегтузуна над Абу-л-Касимом Симджури. Бегство везира Баргаши. Смерть Арслан-хана Али.
999. Абд ал-Мелик б. Нух б. Мансур. Победа Махмуда и торжественное вступление его на престол. Смерть Фаика. Занятие Бухары Караханидами.
1000. Возвращение Исма'ила Мунтасира в Бухару.
1001. Посольство Махмуда к илеку Насру в Узгенд.
1003. Мунтасир вторично в Мавераннахре; победа его у Самарканда; отступление.
1004. Неудачи Мунтасира в Неса и Абиверде; победы его при Дабусии и Бурнемеде, поражение в Голодной степи. Неудачные действия в Бухарской области.
1005. Смерть Мунтасира.
1006. Нашествие Караханидов на Хорасан.
1007-08. Новое нашествие Караханидов.
1008. Поражение Караханидов при Шархияне.
1010-11. Голод в Хорасане.
1011-12. Примирение илека Насра с Туган-ханом кашгарским; посольство их к Махмуду.
1012-13 (?). Смерть илека Насра; илек Ахмед б. Али; Мухаммед б. Али (Арслан-хан) в Бухаре.
1013-14. Смерть везира Абу-л-Аббаса Фазла б. Ахмеда ал-Исфераини; Кадыр-хан Юсуф в Яркенде.
1014. Предъявление везиром Мейменди хорезмшаху Мамуну б. Мамуну требования о хутбе.
1014-15. Кадыр-хан Юсуф в Кашгаре.
1015-16. Брак хорезмшаха Мамуна с сестрой Махмуда.
1016. Междоусобия среди Караханидов; посредничество хорезмшаха.
1016-17 (?). Смерть илека Ахмеда б. Али.

1017. Смерть хорезмшаха Мамуна; завоевание Хорезма Махмудом; назначение хорезмшахом Алтунташа.
1017-18 (1012-13). Поражение языческих тюрков в Семиречье. Смерть Туган-хана.
1024-25. Смерть Арслан-хана Мухаммеда б. Али.
1025. Махмуд в Мавераннахре; свидание с Кадыр-ханом.
1026. Завоевание Баласагуна Кадыр-ханом; Туган-хан в Ахсикете. Посольство Кыя-хана и Богра-хана к Махмуду. Послы халифа Кадира.
1030. Мухаммед б. Махмуд в Газне.
1030—1041. Мас'уд б. Махмуд в Газне.
1031. Посольство Мас'уда в Кашгар; посольство халифа к Мас'уду.
1032. Смерть Кадыр-хана; Арслан-хан Сулейман. Поход Алтунташа на Бухару и смерть его.
1032—1035. Харун б. Алтунташ в Хорезме.
1034. Смерть Али-тегина. Вторжение кумиджиев в Хутталь и туркмен в Кувадиан. Восстание Харуна. Сельджукиды в Хорезме. Возвращение послов Мас'уда из Кашгара; прибытие послов Богра-хана.
1035—1041. Исма'ил Хандан б. Алтунташ в Хорезме.
1035. Сельджукиды в Хорасане. Набег сыновей Али-тегина на Саганиан и Термез; посольство их к Мас'уду.
1036. Новое посольство сыновей Али-тегина к Мас'уду; посольство Мас'уда в Мавераннахр.
1037. Посольство Мас'уда в Туркестан; туркестанские послы при дворе Мас'уда.
1038. Восстание Бури-тегина Ибрахима б. Насра в Мавераннахре. Отправление Шах-Мелику джендскому диплома на Хорезм.
1038—1039. Зимний поход Мас'уда в Саганиан.
1039. Успехи Бури-тегина в Мавераннахре.
1040. Битва при Денданкане; переход Хорасана во власть Сельджукидов.
1041. Мухаммед б. Махмуд (вторично) в Газне. Завоевание Хорезма Шах-Меликом.
1041—1048. Маудуд б. Мас'уд в Газне.
1041-42 (?). Ибрахим б. Наср в Бухаре.
1043. Завоевание Хорезма Сельджукидами.
1044-45. Шиитское движение в Мавераннахре.
1046-47—1068. Тамгач-хан Ибрахим б. Наср в Самарканде.
1059. Договор между Газневидами и Сельджукидами.
1061. Посольство Тамгач-хана в Багдад.
1064. Поход Алп-Арслана на Хутталь.

1065. Поход Алп-Арслана на Дженд и Сауран.
1068—1080. Шемс ал-мульк Наср б. Ибрахим в Самарканде.
1068. Сожжение соборной мечети в Бухаре.
1069. Восстановление бухарской мечети. Казнь имама ас-Саффара.
1072. Поход Алп-Арслана на Мавераннахр; смерть его. Шемс ал-мульк в Термезе и Балхе.
1073. Неудача Аяза при Термезе.
1074 (1073). Взятие Термеза Меликшахом; заключение мира с Шемс ал-мульком.
1078-79. Постройка «царского рабата».
1080—? Хизр б. Ибрахим в Самарканде.
? — 1095 (с перерывом). Ахмед б. Хизр в Самарканде.
1089. Завоевание Мавераннахра Меликшахом.
1090. Восстание в Мавераннахре и новый поход Меликшаха.
1095. Казнь Ахмед-хана.
1097. Подчинение Мавераннахра султану Баркьяруку. Смерть хорезмшаха Икинчи б. Кочкара.
1097—1127 (1128). Хорезмшах Кутб ад-дин Мухаммед.
1099 (?) — 1102. Кадыр-хан Джибраил в Мавераннахре.
1102. Поражение Кадыр-хана Джибраила при Термезе.
1102—1130. Арслан-хан Мухаммед б. Сулейман.
1103. Восстание Сагыр-бека в Мавераннахре.
1109. Новое восстание Сагыр-бека.
1115-16. Смерть шейха Немед-пуша.
1119. Устройство места праздничного богослужения в Бухаре.
1121. Постройка новой соборной мечети в Бухаре.
1127. Окончание постройки минарета в Бухаре.
1127 (1128) — 1156. Хорезмшах Атсыз б. Мухаммед.
1130. Завоевание Самарканда Синджаром.
1132. Восстание Кадыр-хана Ахмеда в Мавераннахре.
1132(?)—1141. Рукн ад-дин Махмуд б. Мухаммед в Самарканде.
1137. Победа кара-китаев над Махмуд-ханом.
1138. Восстание Атсыза; поход Синджара на Хорезм. Поражение Атсыза; Сулейман б. Мухаммед в Хорезме.
1139. Возвращение Атсыза в Хорезм; бегство Сулеймана.
1139-40. Поход Атсыза на Бухару.
1141. Подчинение Атсыза Синджару. Поражение Синджара при Катване; завоевание Мавераннахра кара-китаями. Поход Атсыза на Хорасан. Нашествие кара-китаев на Хорезм.
1142. Завоевание Атсызом Нишапура. Восстановление власти Синджара в Хорасане.
1144. Поход Синджара на Хорезм; набег гузов на Бухару.

1147—1148. Третий поход Синджара на Хорезм.
1152. Завоевание Дженда Атсызом. Смерть султана Мас'уда.
1153. Взятие в плен Синджара гузами.
1153—1154. Хорезмийцы в Бейхаке.
1156. Убиение Тамгач-хана Ибрахима б. Сулеймана. Поход Атсыза на Хорасан. Освобождение Синджара из плена.
1156—1163. Чагры-хан Джелаль ад-дин Али б. Хасан в Самарканде.
1156—1172 (1170, 1173) [1]. Хорезмшах Иль-Арслан б. Атсыз.
1157. Смерть султана Синджара.
1157—1162. Рукн ад-дин Махмуд в Хорасане.
1158. Поход Иль-Арслана на Мавераннахр.
1161. Разграбление гузами Дихистана и Гургана.
1162—1174. Муайид ад-дауля Ай-Аба в Хорасане.
1163. Диплом Муайиду от сельджукского султана Арслана.
1163—1178-79. Қылыч-Тамгач-хан Мас'уд б. Али в Самарканде.
1165. Война между Муайидом и Иль-Арсланом. Нашествие кара-китаев на Балх и Андхуд. Ибрахим б. Хусейн в Узгенде. Восстановление городских стен Бухары.
1171—1172 (1169—1170). Нашествие кара-китаев на Хорезм.
1172. Хорезмшах Султан-шах; низложение его.
1172—1200. Хорезмшах Текеш б. Иль-Арслан.
1173-74. Завоевание Гуридами Газны.
1174. Поражение Муайида при Сюберли.
1174—1185. Туган-шах в Нишапуре.
1175-76. Завоевание Гуридами Герата.
1178-79—1201 (?). Улуг-султан Ибрахим б. Хусейн в Самарканде.
1181—1193. Султан-шах в Мерве, Серахсе и Тусе.
1181. Посольство гуридского султана в Хорезм. Алп-Кара-Уран с кипчаками в Хорезме.
1182. Текеш в Хорасане; осада Серахса; поход на Бухару. Успешные действия Алп-Кара-Урана.
1183. Победа Султан-шаха над Гияс ад-дином гурским.
1185—1187. Синджар-шах в Нишапуре.
1187. Завоевание Нишапура Текешем; Мелик-шах б. Текеш в Нишапуре.
1192 Первый поход Текеша на Ирак.
1193. Смерть Султан-шаха; Мелик-шах в Мерве, Кутб ад-дин Мухаммед в Нишапуре.
1194. Завоевание Текешем Ирака; смерть сельджукского султана Тогрула.

[1] <Так в тексте В. В. Бартольда.— *Ред.*>

1195. Поход Текеша на Сыгнак.
1196. Победа хорезмийцев над багдадским войском.
1197. Смерть Мелик-шаха б. Текеша.
1198. Поход Кутб ад-дина Мухаммеда и Алп-Дерека в степь.
1199. Поход Каир-Туку-хана против Алп-Дерека.
1200—1220. Хорезмшах Ала ад-дин Мухаммед б. Текеш.
1200-01 (?)—1212. «Султан султанов» Осман б. Ибрахим в Самарканде.
1203. Восстановление власти хорезмийцев в Хорасане. Победа Чингиз-хана над кераитами.
1204. Нашествие гурцев на Хорезм. Поражение Шихаб ад-дина гурского при Андхуде.
1205. Нападение Тадж ад-дина Зенги на Мерверруд; поражение и казнь его. Завоевание гурцами Термеза.
1206. Смерть Шихаб ад-дина гурского. Подчинение Балха, Герата и Гура хорезмшаху. Объединение Монголии под властью Чингиз-хана.
1207. Возвращение хорезмшаха в Хорезм. Завоевание им Бухары. Поражение его в битве с кара-китаями. Восстание в Нишапуре и Герате.
1208. Восстановление власти хорезмийцев в Хорасане. Бегство Кучлука и найманов во владения кара-китаев.
1209. Кара-китайское посольство в Хорезме. Поход хорезмшаха на кипчаков. Восстание уйгурского идикута против кара-китаев и подчинение его монголам. Восстание Кучлука.
1210. Взятие Самарканда кара-китаями. Успехи Кучлука; отступление кара-китаев из Самарканда; победа хорезмшаха в равнине Иламиш.
1211. Низложение гурхана; переход власти в руки Кучлука. Подчинение северной части Семиречья монголам.
1212. Восстание в Самарканде против хорезмшаха; уничтожение династии Караханидов.
1213 (1214). Завоевание Восточного Туркестана Кучлуком.
1215. Завоевание хорезмшахом Газны.
1215—1216. Поход хорезмшаха на кипчаков; столкновение с монголами. Посольство хорезмшаха к Чингиз-хану.
1216. Убиение Меджд ад-дина Багдади.
1217. Отмена хутбы на имя халифа Насира. Неудачный поход хорезмшаха на Багдад.
1218. Послы Чингиз-хана у хорезмшаха. Избиение купцов в Отраре. Завоевание Восточного Туркестана монголами.
1219. Чингиз-хан на Иртыше. План постройки длинных стен в Самаркандской области.

1220. Завоевание монголами Мавераннахра. Вторжение монгольских отрядов в Персию.
1220—1231 (с перерывом). Хорезмшах Джелаль ад-дин б. Мухаммед.
1221. Завоевание монголами Хорезма, Хорасана и Афганистана. Победа Джелаль ад-дина при Перване Поражение его на берегу Инда и бегство в Индию. Разрушение монголами Газны.
1222. Куш-тегин в Мерве; набег его на Бухару. Усмирение восстания в Мерве и Герате. Возвращение Чингиз-хана в Самарканд.
1222—1223. Тадж ад-дин Омар б. Мас'уд в Мерве, Абиверде и Харкане.
1223. Окончательное разрушение Мерва монголами. Чингиз-хан в долине Чирчика и в степи Кулан-баши; свидание с сыновьями.
1224. Чингиз-хан на Иртыше.
1225. Возвращение Чингиз-хана в Монголию.
1227. Смерть Джучи. Смерть Чингиз-хана.
<1227—1242[1]. Правление Чагатая как улусного хана Мавераннахра, Семиречья и Восточного Туркестана.
1229. Великий курултай в Монголии и провозглашение Угэдэя великим ханом.
1229—1241. Правление великого хана Угэдэй-каана.
1235. Курултай в местности Талан-даба. Установление норм податей и учреждение государственной почты.
1238. Восстание крестьян и ремесленников под предводительством Махмуда Тараби в Бухарском оазисе.
1239-40. Амнистия Угэдэй-каана жителям Бухары, принимавшим участие в восстании. Отстранение Махмуда Ялавача от наместничества в Мавераннахре.
1241(?)—1289(?). Наместничество Мас'уд-бека б. Махмуда Ялавача в Мавераннахре от имени великого хана.
1241—1246. Правление Туракины-хатун, вдовы Угэдэя, от имени ее сына Гуюка, в улусе великого хана.
1242—1247. Правление Хара-Хулагу, сына Мутугэна, сына Чагатая, в чагатайском улусе.
1246 (октябрь 1245?). Великий курултай в Монголии и провозглашение Гуюка великим ханом.
1246—1248. Правление великого хана Гуюк-каана.
1247—1252. Правление Есу-Мункэ, старшего сына Чагатая, в чагатайском улусе.

---

[1] <Продолжение хронологической таблицы для периода 1227—1269 гг. (относящееся к вновь публикуемой главе V) составлено И. П. Петрушевским. Указаны только даты событий, отмеченных В. В. Бартольдом в главе V. — *Ред.*>

1248 (весна). Смерть Гуюк-каана в области Бишбалыка.
1248 (конец). Посольство Ильчигидая к французскому королю Людовику IX, находившемуся на о. Кипр.
1248—1251. Междуцарствие в улусе великого хана; правление вдовы Гуюк-каана, Огул-Гаймыш-хатун.
1250. Курултай в Ала-камаке, в Кипчакской степи, под руководством Батыя (совещание о престолонаследии).
1251. Великий курултай в Каракоруме и провозглашение Мункэ, сына Тулуй-хана, великим ханом.
1251—1259. Правление великого хана Мункэ-каана.
1251—1252. Процессы и казни враждебных Мункэ-каану царевичей и эмиров. Казнь Тукаши-хатун, Кадакач-хатун и Огул-Гаймыш-хатун. Казнь Кадака и Чингая.
1251—1252. Восстановление (номинально) Хара-Хулагу по приказу Мункэ-каана во главе чагатайского улуса.
1252. Поход войск великого хана в Мавераннахр. Смерть Хара-Хулагу. Убиение Есу-Мункэ. Назначение по приказу Мункэ-каана Эргэнэ-хатун, вдовы Хара-Хулагу, правительницей чагатайского улуса.
1252 (декабрь). Процесс и казнь уйгурского идикута в орде великого хана.
1252(?). Установление новых податных ставок. Отмена ярлыков и пайз, выданных после смерти Чингиз-хана.
1253 (лето). Прибытие Рубрука в орду Сартака.
1253 (конец декабря). Прибытие Рубрука в орду великого хана.
1254. Прием Хулагу-хана, шедшего с войсками на запад по приказу Мункэ-каана, у Эргэнэ-хатун в Алмалыке.
1255 (осень). Прием наместником Мавераннахра Мас'уд-беком Хулагу-хана в Кан-и гиль, близ Самарканда.
1255. Смерть хана Батыя. Сартак — хан Джучиева улуса.
1256 (январь). Переправа Хулагу-хана с войском через Аму-Дарью.
1256—1266. Беркай — хан Джучидского улуса.
1259. Смерть Мункэ-каана.
1260. Одновременное избрание на престол великого хана Хубилая в Китае и Арик-Буки в Монголии. Начало междоусобной войны за престолонаследие.
1261. Захват Мавераннахра (от имени Арик-Буки) Алгуем, сыном Байдара, сына Чагатая.
1262. Начало войны между Хулагу-ханом и Беркай-ханом. Первое посольство египетского султана к Беркай-хану.
1263 (?). Избиение «тысяч», принадлежавших Джучиеву улусу, в Бухаре.

1262—1264. Война Алгуя с Арик-Букой.

1264. Конец междоусобной войны. Подчинение Арик-Буки Хубилай-каану. Смерть Алгуя. Смерть Эргэнэ-хатун.

1264 (октябрь). Провозглашение в Узгенде Борака, сына Есу-Тувы, сына Мутугэна, сына Чагатая, ханом чагатайского улуса.

1265—1266. Война Хубилай-каана с Бораком. Разграбление Бораком Хотана. Захват Семиречья Хайду, внуком Угэдэя.

1267—1268. Война между Бораком и Хайду.

1268. Примирение Хайду и Борака.

1269. Курултай в долине р. Талас. Раздел чагатайского улуса между Бораком, Хайду и Менгу-Тимуром (ханом Джучидского улуса).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ТЕЗИСЫ ДИССЕРТАЦИИ «ТУРКЕСТАН В ЭПОХУ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ»[1]

1. Непосредственно перед арабским завоеванием господство в Мавераннахре принадлежало классу землевладельцев — *дихканов*, живших в укрепленных замках и в военное время составлявших рыцарскую конницу. Рядом с родовой аристократией была и денежная, представители которой по образу жизни мало отличались от дихканов. Термин *дихкан* прилагался также к местным владетелям, которые были только первыми дворянами.

2. Омейяды и их наместники, не задаваясь широкими государственными целями, заботились только о поддержании своей власти среди арабов, о собирании податей с покоренного населения и дани с вассальных владетелей. Наместники часто сменялись, но своим кратковременным господством пользовались, между прочим, для того, чтобы приобрести в стране обширную земельную собственность, обыкновенно остававшуюся в руках их потомков.

3. В противоположность Омейядам, Аббасиды хотели создать государство, в которое могли бы войти на равных правах области с арабским и области с персидским населением. Образцом для них служило устройство монархии Сасанидов. Постепенно халифы стали поручать управление восточными областями представителям местной аристократии, из среды которой вышли династии Тахиридов и Саманидов.

4. Эпоха Тахиридов и Саманидов может быть названа эпохой «просвещенного абсолютизма». Не предпринимая резких социальных реформ, государи старались установить в стране твердую власть и спокойствие, защитить низшие классы от притеснений и содействовать развитию промышленности, торговли и просвещения.

5. Выразителями более резких демократических стремлений, враждебных государственному порядку, были секты шиитов и хариджитов

---

[1] <Печатается по тексту, приложенному к первому русскому изданию «Туркестана» 1900 г. (под заглавием «Положения»).— *Ред.*>

и класс «борцов за веру». Посредством объединения разнородных демократических элементов возвысилась династия Саффаридов.

6. Государственные стремления Саманидов встретили сопротивление со стороны дихканов и тюркской гвардии; в борьбе между военной аристократией и престолом духовенство было на стороне первой. Оппозиция этих классов облегчила завоевание страны тюрками.

7. Государственная идея была доведена до крайности при Газневидах, особенно при Махмуде. Население разделялось на войско (большей частью разноплеменное), которому царь платил жалование и за это требовал от него верной службы, и подданных, которых царь защищал от внешних врагов и которые за это были обязаны беспрекословно платить подати. Отрицалось право народа на какие бы то ни было национально-патриотические стремления, даже на восстание против внешних врагов.

8. При Сельджукидах и Караханидах, под влиянием господствовавшего у кочевников принципа родового владения, замечается ослабление принципа единовластия. Первые тюркские ханы существенно отличались от персидских деспотов; наиболее характерные явления — отмена системы надзора за областными правителями и упадок значения должности придворного палача. Несмотря на благие намерения отдельных государей, господство кочевников, вследствие принесенной ими удельной системы и вследствие обширного развития системы военных ленов, было гибельно для подвластных им областей. Обесценение земельной собственности совершенно разорило землевладельцев, и в эпоху монгольского нашествия дихканы в качестве отдельного сословия более не упоминаются.

9. Постепенное превращение тюркских ханов в персидских деспотов восстановляло против них их соплеменников, вследствие чего произошло обострение борьбы между престолом и военным сословием; духовенство по-прежнему было на стороне последнего. Борьба между светской властью и духовенством вызвала в государстве Караханидов казнь нескольких влиятельных шейхов и казнь одного хана по приговору духовенства.

10. Возвышению Гуридов и хорезмшахов способствовали природные условия их коренных владений, представлявших самостоятельное географическое и этнографическое целое. Хорезмшахи превосходили своих соперников постоянством и политическим искусством и постепенно достигли первенства в восточной части мусульманского мира.

11. Хорезмшах Мухаммед своим правлением восстановил против себя как военное сословие и духовенство, так и народные массы. Уничтожением должности имперского везира он ослабил также значение бюрократии; в борьбе с внешними врагами он не мог опираться ни на

один элемент правительственной системы и ни на один класс населения.

12. Ядро войска Чингиз-хана составляла дружина, набранная им из степной аристократии и получившая правильное устройство. Как организация военных сил, так и организация гражданского управления империи были делом самого Чингиз-хана; культурные советники, особенно представители уйгурской культуры, были только орудием в его руках.

13. Нет основания сомневаться в искренности желания Чингиз-хана вступить в торговые сношения с государством хорезмшаха; подобное желание вполне объясняется как интересами кочевников, так и интересами живших при монгольском дворе мусульманских купцов. Такой гармонии не было между желаниями Мухаммеда, мечтавшего о покорении Восточной Азии, и торговыми интересами его подданных.

14. Известие о посольстве халифа Насира в Монголию не заслуживает доверия, и вообще нет основания полагать, что столкновение между монголами и мусульманами было ускорено каким-нибудь посторонним влиянием.

15. Легкость завоевания государства хорезмшахов монголами объясняется как состоянием этого государства, так и превосходным устройством монгольских военных сил. Строго дисциплинированные монгольские воины не искали случая отличиться перед своими товарищами, но точно исполняли волю государя или назначенных им лиц; военачальники были только послушными и умелыми исполнителями воли Чингиз-хана, разделявшего и вновь соединявшего отдельные корпуса своей армии по мере надобности и быстро принимавшего меры для устранения последствий случайных неудач. С другой стороны, предводители мусульман, начиная с хорезмшаха Джелаль ад-дина, могли с горстью людей совершать чудеса храбрости, но совершенно не умели организовать более значительные силы и сдерживать проявление национальных страстей в своем разноплеменном войске.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

РЕЧЬ ПЕРЕД ЗАЩИТОЙ ДИССЕРТАЦИИ[1]

Милостивые государыни и милостивые государи!

Когда в половине прошлого века появился первый обширный труд по истории Средней Азии, то автору его, Дегиню, приходилось защищаться против упрека, что он избрал предметом своего исследования историю народов, не имеющих истории, что история тюрков так же мало заслуживает изучения, как история тигров тех стран. На это Дегинь мог только ответить, что люди везде одни и те же, что та грубость нравов, к которой мы относимся с таким предубеждением, часто соединяется с меньшим числом пороков, большей искренностью, большей прямотой, большей верностью данному слову, может быть вообще с большим числом прочих добродетелей, чем жизнь культурного человека. К источникам времени Дегиня еще не предъявлялись такие требования, как теперь; оттого Дегинь мог ограничиться этими общими соображениями нравственного характера, не пытаясь научными доводами определить место среднеазиатских народов во всемирной истории и их право на внимание представителей исторической науки. Взглядами того времени, когда историк все еще был более художником, чем ученым, следует также объяснить отношение Дегиня к своим источникам. Дегинь основательно изучил в подлиннике доступные в то время восточные источники и дал блестящую для своего времени сравнительную характеристику китайских и мусульманских историков; не подчиняясь безусловно ни тем, ни другим, он применял ко всем своим источникам приемы европейских ученых, но, конечно, ученых того времени. Он считал себя вправе даже при передаче слов исторических лиц изменять слог своих источников сообразно требованиям европейского вкуса; нередко китайские и даже тюркские деятели говорят у него слогом французских придворных прошлого века.

После Дегиня, вплоть до новейшего труда покойного Каёна, никто не брал на себя задачи изложить историю среднеазиатских народов во

[1] <Печатается впервые по рукописи В. В. Бартольда, Архив Академии наук СССР, фонд 68, опись 1, № 13 (на 16 листках).— *Ред.*>

всем ее объеме. Интерес исследователей был обращен преимущественно на историю самой обширной из кочевых империй, имевшей больше всего влияния на историю Европы, именно империи монголов, основанной Чингиз-ханом. Изучение истории монголов началось еще до появления труда Дегиня; еще в конце XVII в. переводчик для турецкого и арабского языков[1] при французском дворе, Пети де ля Круа, по поручению Кольбера написал по мусульманским источникам «Историю Чингиз-хана», изданную в 1710 г. его сыном, известным переводчиком истории Тимура. Несколько позже, в 1739 г., иезуитский патер Гобиль издал, под заглавием «История Чингиз-хана и всей династии монголов», перевод сокращенной редакции китайской официальной истории монголов, с примечаниями переводчика.

Как труд Пети де ля Круа, так и труд Гобиля существенно отличаются от труда Дегиня. Если Дегиня можно обвинить в том, что под его пером азиаты утрачивают свои характерные черты и превращаются в европейцев, то по взглядам и способу изложения Пети де ля Круа и Гобиля совершенно незаметно, чтобы они были знакомы с европейской наукой и этим отличались от восточных историков. Это особенно относится к Гобилю, который в своем предисловии серьезно доказывает, что китайский способ официального составления истории — лучший из всех возможных, что для проверки фактических известий авторитетное решение целого комитета по меньшей мере равносильно согласному показанию нескольких независимых друг от друга историков. Гобиль принадлежал к числу иезуитских миссионеров, поселившихся в Китае и утративших всякую связь с европейской цивилизацией; по собственному признанию, он в течение долгих лет своего пребывания в Китае не читал никаких книг, кроме китайских и маньчжурских. Ученые этого типа были, как известно, и между русскими синологами; к числу их принадлежит и о. Иакинф Бичурин, автор многочисленных трудов по истории Средней Азии, из которых самый обширный вышел только в 1851 г., под заглавием «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Труды этих и подобных им ученых, очень ценные в качестве собрания сырого материала, не дают, однако, научного объяснения истории народов; в этом отношении синологами в области их знаний до сих пор сделано еще гораздо меньше, чем арабистами для объяснения истории западной части Средней Азии.

Из таких трудов арабистов особенно крупным шагом вперед была «История монголов» д'Оссона, первое издание которой вышло в 1824 г. Автор писал преимущественно на основании мусульманских источни-

[1] <Так в рукописи.— *Ред.*>

ков, изученных им в подлиннике, причем он, в отличие от Пети де ля Круа, отличает первоисточники от компиляций и вообще вносит в свое изложение приемы исторической критики. Если и этот труд не удовлетворяет современным требованиям, то это объясняется отчасти открытием новых, неизвестных д'Оссону, источников, отчасти односторонностью взглядов автора. В противоположность гуманному, хотя, быть может, несколько сентиментальному отношению Дегиня к добродетелям первобытных народов, д'Оссон видит в истории монголов только «отвратительные картины» и считает ее заслуживающей внимания только потому, что она тесно связана с историею нескольких империй и что знание ее необходимо для понимания главных событий XIII и XIV вв. Вследствие этого он говорит почти исключительно о государствах, основанных монголами в Персии и Китае, и только в нескольких словах касается монгольских государств Средней Азии и Восточной Европы. Такое ограничение своей задачи, вместе с отсутствием той симпатии, без которой не может быть правильного понимания истории народа, помешало ему дать цельную, всестороннюю характеристику исторического значения монголов. Перемены, внесенные монголами в жизнь Персии и Китая, также не были выяснены им, так как для этого пришлось бы дать обзор социальных и бытовых условий этих стран в домонгольский период, что в то время было еще невозможно.

Несмотря на все свои недостатки, труд д'Оссона все-таки стоит неизмеримо выше всего, что было написано по истории монголов после него. Об истории монголов после д'Оссона писали или ориенталисты, не обладавшие историческим талантом, как Хаммер-Пургсталь и Эрдман, или историки, не знавшие ни языка, ни быта восточных народов и произвольно вносившие в историю Востока понятия, вынесенные ими из изучения истории Европы. Такова многотомная «История монголов» Ховорса, таков, к сожалению, и труд недавно умершего Каёна, появившийся в 1896 г., под заглавием «Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405». Обладая блестящим литературным талантом, покойный Каён написал увлекательную книгу, которая читается как роман. В предисловии мы находим блестящую характеристику роли тюрков и монголов, которые, по его словам, сделали все, что можно сделать мечом, и воплотили в себе военный дух; их добродетели — добродетели истинных воинов: мужество, послушание, прямота, здравый смысл; они не презирали искусств и наук, напротив, старались усвоить их себе, но не могли переработать элементы персидской и китайской цивилизации и создать на основании их собственную, национальную культуру. Автор не прибавляет, что эта неспособность объясняется не природными, расовыми особенностями тюрков, но привычками, вынесенными ими из долгой жизни в степях, и последующей

историей их, всегда требовавшей напряжения всех наличных сил для военных целей и никогда не оставлявшей им необходимого досуга для мирной культурной работы. Блестящие, увлекательно изложенные обобщения автора не искупают, однако, серьезных недостатков книги. Обладая, по-видимому, только самым поверхностным знанием восточных языков, автор увлекается фантастическим толкованием географических и этнографических названий и на основании таких толкований строит исторические теории. В своем изложении он нигде не отличает того, что́ действительно сказано в его источниках, от того, что́ придумано им самим для дополнения и объяснения их. Цитаты показывают, что автору была гораздо лучше знакома средневековая европейская, чем восточная литература. Без достаточной осторожности он вносит в изложение истории Востока европейские термины и понятия. Количество менее крупных промахов, происходящих частью от недостаточного знакомства с источниками, частью от произвольного толкования их, еще гораздо значительнее.

Таким образом, на изучении истории Средней Азии в западноевропейской науке до сих пор почти совсем не отразилось влияние новой школы ориенталистов-историков, образовавшейся в сороковых годах нашего века, под влиянием успехов европейской исторической науки. Один из лучших представителей этой школы, Кремер, называет основателями ее Вейля — автора «Истории халифов», Шпренгера — автора жизнеописания Мухаммеда, и Дози — автора «Опыта истории ислама» и «Истории испанских мусульман». Особенность ученых новой школы Кремер видит в том, что они показывают нам, как постепенно создавалась история восточных народов; мы видим восточных людей в их будничной одежде, не в том театральном костюме, в который их облекали прежде. История Востока утрачивает свой фантастический ореол, но зато получает характер изображения действительной жизни народов; мы видим, что люди везде одинаковы, что различие между культурой Востока и культурой Запада вполне объясняется тем, что умственная работа восточных народов была направлена обстоятельствами на другие пути; прибегать к априорным предположениям об основных различиях между натурой восточного и натурой западного человека, о неизгладимых расовых особенностях нет никакой надобности. Научное объяснение истории Востока необходимо уже потому, что иначе законы, выработанные только на основании истории Европы, неизбежно будут страдать односторонностью и не будет достигнута конечная цель исторической науки — выяснить законы, которым подчиняется жизнь всего человечества.

Все это достаточно показывает, чем ориенталисты-историки новой школы отличаются от своих предшественников. Ученый этой школы

вносит в изложение истории Востока свет европейской науки, но не превращает азиатов в европейцев и старается в своих выводах исходить из подлинных выражений первоисточников; при объяснении политического устройства, социальных и бытовых условий удерживается восточная терминология, без произвольной замены ее европейскою. Изучение восточных историков уже не рассматривается только как средство получить добавочные сведения о тех или других событиях европейской истории; история Востока получает характер самостоятельной отрасли исторической науки, и ее выводы принимаются в расчет при объяснении всемирно-исторических процессов. Убеждение, что человек по своей природе везде одинаков и что только условия его исторической жизни, создающие влияние наследственности, делают его тем или другим, исключает высокомерное презрение к народам низшей культуры. Проникнутый этим убеждением, историк вносит в свой труд ту симпатию к людям, которая отнюдь не мешает объяснить темные стороны исторической жизни и без которой не может быть плодотворной научной работы.

Благодаря подобным историческим трудам до некоторой степени получила научное освещение история западной части мусульманского мира, преимущественно арабских стран, и эти выводы ориенталистов-историков уже принимаются во внимание в новейших трудах по всемирной истории; но для истории Средней Азии до сих пор не сделано ничего подобного. Между тем, история тех стран, где исламу пришлось выдержать еще более упорную борьбу с другими культурными элементами, представляет отнюдь не меньший интерес; столь же необходимо, для целей объяснения хода всемирной истории, дать научное объяснение хода истории народов, в среде которых была выработана военная организация, послужившая потом образцом для культурных стран. Пополнение этого пробела во всемирно-исторической литературе ученый мир более всего вправе ожидать от русских ориенталистов, по крайней мере относительно стран, вошедших в состав Российской империи.

Исторические изыскания не были чужды русским ориенталистам, но преимущественно были направлены на исследование тех восточных источников, которые имеют непосредственное отношение к истории России. Нет надобности перечислять всем известные труды, посвященные рассказам арабов о славянах и русах и объяснению истории Золотой Орды, хотя в последней области до сих пор сделана только небольшая часть того, что должно быть сделано. До сих пор успехи истории Востока не находятся в соответствии с теми успехами востоковедения в России за последние годы, с которыми неразрывно связано имя барона Виктора Романовича Розена, создавшего орган русских

ориенталистов[1], на страницах которого им самим усердно пропагандировались взгляды новой школы ориенталистов-историков, и призвавшего к жизни целую школу молодых исследователей, работающих в самых разнообразных отраслях востоковедения. К числу плодов педагогической и редакторской деятельности барона Розена принадлежит и книга, лежащая перед вами и представляющая первую скромную попытку в более обширных размерах применить к истории Средней Азии приемы европейской исторической науки, уже нашедшие себе применение к истории Западной Азии в трудах Дози, Кремера и других. Как создалась книга, изложено в предисловии; не повторяя сказанного там, я только воспользуюсь случаем еще раз выразить свою сердечную признательность как барону Розену, которому я более всего обязан направлением своих работ, так и прочим моим наставникам, в том числе и моим нынешним оппонентам[2], в особенности представителю кафедры истории Востока[3], который с первых лет моей подготовки к научной деятельности предоставил полный простор моим занятиям и относился к ним с неизменным доброжелательством. Читавшие книгу, вероятно, согласятся с тем, что я добросовестно воспользовался этими благоприятными обстоятельствами, чтобы сделать все, что мог. Трудности, с которыми приходится бороться всякому, кто не имеет возможности опираться на труды предшественников в данной области, не могли не отразиться и на моей книге. Некоторые пробелы замечены мною самим и указаны в поправках[4]; на один пробел недавно обратило мое внимание письмо проф. Нельдеке, указавшего мне на изданное голландским ориенталистом Ван-Влотеном сочинение *Мафатих ал-'улум,* где мы находим драгоценные сведения о системе государственного управления при Саманидах. В речах моих уважаемых оппонентов и в печати, вероятно, будут указаны еще другие пробелы. Я позволю себе, однако, высказать свое глубокое убеждение, что, каковы бы ни были недостатки моего труда, все они объясняются отчасти новизной дела, отчасти моими личными промахами[5], не неверностью избранного мною пути, который при дальнейшей разработке науки несомненно приведет к результатам, имеющим не только чисто научный,

---

[1] <Имеется в виду ЗВОРАО.— *Ред.*>

[2] <Официальными оппонентами при защите диссертации В. В. Бартольда были проф. Н. И. Веселовский и проф. В. А. Жуковский.— *Ред.*>

[3] <Проф. Н. И. Веселовский.— *Ред.*>

[4] <Поправки и дополнения, о которых говорит В. В. Бартольд, были помещены в конце ч. II первого русского издания. Они были полностью учтены в англ. изд. 1928 г. — *Ред.*>

[5] <После этих слов в рукописи В. В. Бартольда вычеркнуты карандашом слова «и недостаточностью моего дарования».— *Ред.*>

академический интерес, но и высокое жизненное значение. Я имею в виду не ту непосредственную, практическую пользу, которую могут извлечь из знания прошлого страны администраторы и дипломаты, но жизненное значение в более высоком смысле. Как недавно было сказано, тоже в речи перед диспутом, другим представителем нашей науки [1], восточные народы вернее всего поверят в превосходство нашей культуры, когда убедятся в том, что мы знаем их лучше, чем они сами себя знают; еще более, прибавлю от себя, когда они увидят в трудах наших ученых истинно научное или, что для историка одно и то же, истинно гуманное отношение к их прошлому, чуждое сентиментальных увлечений, но столь же чуждое всяких узких предрассудков, национальных, религиозных и политических, и обсуждающее все явления только с точки зрения общечеловеческой правды. Может быть, скромные труды русских ориенталистов еще более, чем другие успехи русской культуры, будут содействовать мирному сближению народов Востока с Россией и наступлению того, пока еще очень отдаленного дня, о котором мечтал наш великий поэт, дня, когда все народы России, в числе их «и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык», соединятся для поклонения великому представителю русской культуры, и будут поклоняться ему именно за то, что он «в свой жестокой век восславил свободу и призывал милость к падшим», т. е. за служение общечеловеческим идеалам.

[1] <К сожалению, не удалось выяснить, кого именно имеет в виду В. В. Бартольд.— *Ред.*>

БИБЛИОГРАФИЯ

СОКРАЩЕНИЯ

(периодические издания, серии, сборники, названия учреждений)

Аз. муз.— Азиатский музей.
АзФАН — Азербайджанский филиал Академии наук СССР.
«В. В. Бартольду» — «عقد الجمان. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.
Брит. муз.— British Museum, Лондон.
ВВ — «Византийский временник», Л., М.
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВИ — «Вопросы истории», М.
ВЛУ — «Вестник Ленинградского университета».
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград.
ДАН — «Доклады Академии наук».
ДАН-В — «Доклады Академии наук Союза Советских Социалистических Республик», серия В.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
ЗИАН — «Записки Императорской Академии наук», СПб.
ЗИВАН — «Записки Института востоковедения АН СССР», Л.
ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества», СПб.
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.
ЗРАН — «Записки Российской Академии наук», Пг.
ИАН — «Известия Императорской Академии наук», СПб.
ИАН АзССР — «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», Баку.
ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.—Л.
ИАН ТаджССР — «Известия Академии наук Таджикской ССР».
ИАН УзССР — «Известия Академии наук Узбекской ССР», Ташкент.
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР.
ИВГО — «Известия Всесоюзного географического общества», Л.
ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М.—Л.
ИГГО — «Известия Государственного географического общества», Л.
ИЖ — «Исторический журнал», М.
ИЗ — «Исторические записки», М.
ИИРГО — «Известия Имп. Русского географического общества», СПб.
ИНА — Институт народов Азии АН СССР.

ИОАИЭК — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете».
ИРАИМК — «Известия Российской Академии истории материальной культуры», Пб., Пг., Л.
ИРАН — «Известия Российской Академии наук», Пг.
ИРАО — «Известия Имп. Русского археологического общества», СПб.
ИРКСА — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях», СПб.
«Ал-Искендерийя» — «الاسكندرية». Сборник Туркестанского восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта (25-летие его первой лекции 15/28 января 1898—1923 гг.)», Ташкент, 1923.
ИТОРГО — «Известия Туркестанского отдела Имп. Русского географического общества», Ташкент.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории.
КСИВ — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л., М.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МАР — Материалы по археологии России.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИИКК — Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана.
МИТТ — см. ниже, раздел I, А.
МИУТТ — см. ниже, раздел I, А.
МОНС — «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955.
МПВНКВ — «Материалы первой всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958.
МСТ — «Материалы для статистики Туркестанского края», под ред. Н. А. Маева, вып. I—V, СПб., 1872—1879.
«Ал-Музаффарийя» — «المظفّرية». Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872—1897», СПб., 1897.
Нац. б-ка — Bibliothèque Nationale, Париж.
ОИФ — Отделение истории и философии.
ООН — Отделение общественных наук.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук.
ПВ — «Проблемы востоковедения», М.
ПДТС — см. ниже, раздел I, А.
ПЗКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока», Асхабад.
ПИ — «Проблемы источниковедения», М.—Л.
ПКСОСК — «Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета», Верный.
ПЛНВ — Памятники литературы народов Востока.
ПС — «Палестинский сборник», М.—Л.

ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент.

РАО — (Имп.) Русское археологическое общество.

СА — «Советская археология», М.

САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.

СВ — «Советское востоковедение», М.—Л., I—VI (1940—1949); М., (1956—1959).

СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа», Л.

СИФ — Серия истории и философии.

СКСО — «Справочная книжка Самаркандской области».

СМА — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, СПб.

СМИЗО — см. ниже, раздел I, А.

Согд. сб. — «Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР», Л., 1934.

СОН — Серия общественных наук.

Средазкомстарис — Средне-Азиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.

ССИА — «Сборник статей по истории Азербайджана», вып. 1, Баку, 1949.

СТАЭ — Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция.

СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.

ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.

ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция.

ТВ — «Туркестанские ведомости», Ташкент.

ТВЛИВЯ — Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков.

ТВОРАО — Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества, СПб.

ТИВАН — Труды Института востоковедения АН СССР.

ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.

ТЧРДМ — «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб.

УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.

Узкомстарис — Узбекистанский комитет по охране памятников материальной культуры.

ФАН — Филиал Академии наук СССР.

ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.

ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

AI — «Ars Islamica».

«'Ajab-nama» — «عجب نامه. A volume of Oriental studies presented to Edward G. Browne on his 60th birthday (7 February 1922)», ed. by T. W. Arnold and R. A. Nicholson, Cambridge, 1922.

AJSL — «American journal of Semitic languages (and literatures)», Chicago.

AKGWG — «Abhandlungen der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen».

AM — «Asia Major», Leipzig.

AO — «Acta orientalia». Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica, (Svecica), Leiden.

AO Bud. — «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae», Budapest.

AOr — «Archiv Orientální», Praha.

ASAW — «Abhandlungen der philologisch-historischen Klasse der (königl.) Sächsischen Akademie der Wissenschaften», Leipzig.

ASGW — «Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Leipzig.

BGA — Bibliotheca geographorum arabicorum. Edidit M. J. de Goeje, pars I—VIII, Lugduni Batavorum.

BGA² — Bibliotheca geographorum arabicorum. Primum edidit M. J. de Goeje, nunc continuata consultantibus R. Blachère, H. A. R. Gibb, P. Kahle, J. H. Kramers, H. von Mžik, C. A. Nallino, A. J. Wensinck, Lugduni Batavorum — Lipsiae.

BI — Bibliotheca Indica: a collection of oriental works, published by the Asiatic Society of Bengal.

BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London Institution (University of London)».

«Centenaire» — «Centenaire de l'École des langues orientales vivantes. 1795—1895. Recueil de mémoires publié par les professeurs de l'École», Paris, 1895.

«Charisteria orientalia» — «Charisteria orientalia, praecipue ad Persiam pertinentia», ediderunt F. Tauer, V. Kubíčková, J. Hrbek, Praha, 1956.

Coll. orient. — Collection orientale. Manuscrits inédits de la Bibliothèque royale (impériale, nationale), traduits et publiés...

Collections scientifiques — Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affairs étrangères, t. I—VIII, St.-Pbg., 1877—1897.

CRAIBL — «Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus des séances», Paris.

DI — «Der Islām», Strassburg — Berlin.

Eclipse. — *The Eclipse of the Abbasid Caliphate. Original Chronicles of the Fourth Islamic Century.* Edited, Translated, and Elucidated by H. F. Amedroz, and D. S. Margoliouth, vol. I—VII, Oxford, 1920—1921.

EI — «Enzyklopaedie des Islām. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker», Bd I—IV, Leiden — Leipzig (1908), 1913—1934.

[То же — на франц. и англ. языках; ссылки везде по немецк. изд.]

EI, EB — «Enzyklopaedie des Islām», Ergänzungsband, Lief. 1—5, Leiden — Leipzig, 1934—1938.

EI² — «The Encyclopaedia of Islam». New ed., vol. I —..., Leiden — London, 1960 — ...

«Festschrift Nöldeke» — «Orientalische Studien Theodor Nöldeke zum siebzigsten Geburtstag (2. März 1906) gewidmet von Freunden und Schülern und in ihren Auftrag hrsg. von C. Bezold», Bd I—II, Giessen, 1906.

GGA — «Göttingische gelehrte Anzeigen».

GIPh — «Grundriss der iranischen Philologie». Hrsg. von W. Geiger und E. Kuhn, Strassburg, Bd I, 1. Abt., 1895—1901; 2. Abt., 1898—1901; Bd II, 1898—1904.

GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series.

GMS NS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series. New Series.

HHM — Harvard historical monographs.

HJAS — «Harvard journal of Asiatic studies», Cambridge, Mass.

HOr — «Handbuch der Orientalistik», hrsg. von Bertold Spuler, Leiden.

HS — Works issued by The Hakluyt Society.

JA — «Journal asiatique», Paris.

JAOS — «Journal of the American Oriental Society», New Haven.

JCAS — «The Journal of the Royal Central Asian Society», London.

JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.

JSFOu — «Journal de la Société finno-ougrienne», Helsinki.

MAOr — Monografie Archivu Orientálního.

Mél. As. — «Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg».

MIFAO — Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie orientale au Caire.

MSOS — «Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen an der (Königlichen) Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin».

Notices et extraits — Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque du roi (impériale, nationale) et autres bibliothèques, Paris.

«Nouveaux mélanges orientaux» — «Nouveaux mélanges orientaux. Mémoires, textes et traductions publiés par les professeurs de l'École spéciale des langues orientales vivantes à l'occasion du Septième Congrès International des orientalistes réunis à Vienne (septembre 1886)», Paris, 1886.

OTF — Oriental translation fund.

PÉLOV — Publications de l'École des langues orientales vivantes.

Pet. Mitt. — «Petermanns geographische Mitteilungen», Gotha.

PHT — Persian historical texts.

RAS — Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.

REI — «Revue des études islamiques», Paris.

RHR — «Revue de l'histoire des religions», Paris.

RO — «Rocznik Orientalistyczny», Lwów (Kraków).

ROC — «Revue d'Orient chrétien».

RTHS — Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seljoucides, par M. Th. Houtsma, vol. I—IV, Lugduni Batavorum (Leide), 1886—1902.

SBAW Berl. — «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst».

SBAW Wien — «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kais. Akademie der Wissenschaften», Wien.

TM — «Türkiyat mecmuasi», Istanbul.

WI — «Die Welt des Islams», Berlin.

WZKM — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».

ZA — «Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete».

ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft», Leipzig.

1. ИСТОЧНИКИ[1]

А. Сборники и хрестоматии

Бичурин, *Собрание сведений,* изд. 1-е. — *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* Сочинение монаха Иакинфа, ч. I—III, СПб., 1851.

*Бичурин, *Собрание сведений,* изд. 2-е. — Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена.* Редакция текста, вступит. статьи, комментарий А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера, т. I—III, М.—Л., 1950—1953.

Галстян, *Армянские источники.* — *Армянские источники о монголах.* Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А. Г. Галстяна, М., 1962.

История монголов по армянским источникам. — *История монголов по армянским источникам.* Вып. 1, заключающий в себе *извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и Конетабля Сембата.* Перевод и объяснения К. П. Патканова, СПб., 1873; вып. 2, заключающий в себе *извлечения из истории Киракоса Гандзакеци.* Перевод и объяснения К. П. Патканова, СПб., 1874.

*Малов, *Древнетюркская письменность Монголии.* — С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии,* М.—Л., 1959.

*Малов, *Енисейская письменность.* — С. Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков.* Тексты и переводы, М.—Л., 1952.

*Малов, *Памятники.* — С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности.* Тексты и исследования, М.—Л., 1951.

*МИТТ, I—II. — «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1939; т. II, XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, М.—Л., 1938.

*МИУТТ. — «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв., Л., 1932.

ПДТС, I—III. — «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией». Изданы под ред. Н. И. Веселовского, т. I, Царствование Федора Иоанновича, СПб., 1890; т. II, Царствования Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича, СПб., 1892; т. III, Царствование Михаила Федоровича (продолжение), СПб., 1898 (ТВОРАО, т. XX—XXII).

---

[1] Вначале указано сокращенное обозначение, под которым данная работа может упоминаться в примечаниях.

Звездочкой отмечены новые издания, а также старые издания, не цитированные В. В. Бартольдом.

СМИЗО, I. — В. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. I. *Извлечения из сочинений арабских*, СПб., 1884.

*СМИЗО, II. — *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. II. *Извлечения из персидских сочинений*, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным, М.—Л., 1941.

Тексты. — В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, ч. I. *Тексты*. СПб., 1898.

Bretschneider, *Researches.*— E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century*, vol. I—II, London, 1888; 2d ed.: 1910.

Chavannes, *Documents.* — *Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux*. Recueillis et commentés par Ed. Chavannes, St.-Pbg., 1903 (Сб. трудов Орхонской экспедиции. VI).

Elliot, *The History of India* — см. ниже, раздел 2.

Ferrand, *Relations.*— *Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du VIIIe au XVIIIe siècles*, traduits, revus et annotés par G. Ferrand, t. I—II, Paris, 1913—1914.

Fragmenta, I—II. — *Fragmenta historicorum arabicorum*. T. I, *continens partem tertiam operis Kitábo 'l-Oyun wa 'l-hadâïk fi akhbári 'lhakâïk*, quem ediderunt M. J. de Goeje et P. de Jong, Lugduni Batavorum, 1869; t. II, *continens partem sextam operis Tadjáribo 'l-Omami*, auctore Ibn Maskowaih, cum indicibus et glossario, quem edidit M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1871.

Purchas, XI.— *Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrimes. Containing a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells by Englishmen and others*. By S. Purchas, new ed., vol. XI, Glasgow, 1906 (HS, extra series).

Reinaud, *Fragments.*— *Fragments arabes et persans inédits relatifs à l'Inde, antérieurement au XIe siècle de l'ère Chrétienne*, recueillis par M. Reinaud, Paris, 1845 (Extrait du JA, sér. 4, t. IV, 1844, pp. 114—209, 221—300; t. V, 1845, pp. 121—192).

de Sacy, *Chrestomathie arabe.*— S. de Sacy, *Chrestomathie arabe, ou extraits de divers écrivains arabes, tant en prose qu'en vers, avec une traduction française et des notes*, 2e éd., t. I—III, [Paris], 1825—1827.

Schefer, *Chrestomathie persane.*— *Chrestomathie persane à l'usage des élèves de l'École spéciale des langues orientales vivantes*, publiée par Ch. Schefer, t. I—II, Paris, 1883—1885 (PÉLOV, IIe sér., vol. VI—VII).

Yule, *Cathay* — см. ниже, раздел 2.

Б. Рукописи и издания отдельных источников [1]

Абд ал-Керим Бухари.—*Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand). Depuis les dernières années du règne de Nadir Châh (1153), jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818)*, par Mir Abdoul Kerim Boukhary. Publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer, t. I. Texte persan, [Boulaq, 1290/1873-74 (литогр.)]; t. II. Traduction française, Paris, 1876 (PÉLOV, vol. I).

[1] Для рукописей быв. Азиатского музея (ныне Институт народов Азии АН СССР) указывается сперва новый шифр, а за ним в скобках — старый (Азиатского музея). В сносках к тексту В. В. Бартольда везде указывается сперва шифр Азиатского музея. Для рукописей ГПБ также сперва указывается новый шифр, а в скобках — старый; в сносках у В. В. Бартольда дается только старый шифр.

*Абд ар-Раззак, изд. Шафи'. — مطلع السعدين ومجمع بحرين تأليف مولانا كمال الدين عبد الرزّاق سمرقندى... بتصحيح محمد شفيع، جلد ۱ — ۲، لاهور، ۱۳۶۰ — ۱۳۶۸/۱۹۴۱ — ۱۹۴۹.

Абд ар-Раззак, пер. Катрмера. — *Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre Matla-assaadeïn ou-madjma-albahreïn* مطلع السعدين ومجمع البحرين *et qui contient l'histoire des deux sultans Schah-Rokh et Abou-Saïd*, par M. Quatremère,—Notices et extraits, t. XIV, partie 1, Paris, 1843.

*Абу Дулеф, изд. Булгакова—Халидова. — *Вторая записка Абу Дулафа*. Издание текста, перевод, введение и комментарии П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова, М., 1960 (ПЛНВ, Тексты, Малая серия, V).

*Абу Дулеф, изд. Минорского. — *Abū-Dulaf Mis'ar Ibn Muhalhil's Travels in Iran (circa A. D. 950)*. Arabic text with an English translation and commentary by V. Minorsky, Cairo, 1955.

*Абу Дулеф, пер. Pop-Зауера. — A. Rohr-Sauer, *Des Abû Dulaf Bericht über seine Reise nach Turkestan, China und Indien, neu übersetzt und untersucht*, Stuttgart, 1939 (Bonner Orientalistische Studien, H. 26).

Абу-л-Ма'али, *Байан ал-адйан*, извлеч. в изд. Шефера. — Schefer, *Chrestomathie persane*, t. I, pp. 131—171 [texte], 132—189 [notes].

Абу-л-Ма'али, *Байан ал-адйан*, пер. Кристенсена.—Abû-l-Maâli, *Fremstilling af Religionerne*, oversat af A. Christensen, København, 1915 (Studier fra Sprog- og Oldtidsforskning udgivne af Det philologisk-historiske Samfund, № 101).

*Абу-л-Ма'али, *Байан ал-адйан*, пер. Масс--H. Massé, *L'exposé des religions par Abou'l Maâli*,—RHR, t. XCIV, 1926, 4—6, pp. 17—75.

Абу-л-Ма'али, *Байан ал-адйан*, рук.—Мухаммед Абу-л-Ма'али, *Байан ал-адйан*, рук. Нац. б-ки, Suppl. pers. 1356, № 7.

Абу Тахир-ходжа, изд. Веселовского.—*Самария*. Сочинение Абу-Тахир-ходжи. Таджицкий текст, приготовленный к печати Н. И. Веселовским. С предисловием и приложением рисунков, СПб., 1904.

*Абу Тахир-ходжа, изд. Нафиси—Афшара. — سمريه تأليف ابو طاهر ولد قاضى ابو سعيد سمرقندى با دو مقدمه از سعيد نفيسى — ايرج افشار، تهران، ۱۳۳۱ [=1952].

Абу Тахир-ходжа, пер. Вяткина.—Абу Тахир Ходжа, «*Самария*», *описание древностей и мусульманских святынь Самарканда*, пер. В. Л. Вяткина,— СКСО, вып. VI, 1899, стр. 153—259.

Абу-л-Фарадж—см. Barhebraei *Chronicon Syriacum*.

Абу-л-Фарадж, *Мухтаçар*, изд. Покока.—تاريخ مختصر الدول *Historia compendiosa dynastiarum*, authore Gregorio Abul-Pharajio, Malatiensi Medico... Arabice edita & Latine versa, ab E. Pocockio, Oxoniae 1663; Suppl., 1672.

*Абу-л-Фарадж, *Мухтаçар*, изд. Сальхани.—تاريخ مختصر الدول للعلامة غريغوريوس ابى الفرج بن اهرون الطبيب الملطى المعروف بابن العبرى، وقف على طبعه الاب انطون صالحانى اليسوعى، بيروت، ۱۸۹۰.

Абу-л-Фида, *Мухтаçар*.—Abulfedae *Annales moslemici* arabice et latine. Opera et studiis J. J. Reiskii..., ed. J. G. Chr. Adler, t. I—V, Hafniae, 1789—1794 [I—1789, II—1790, III—1791, IV—1792, V—1794].

Абу Юсуф Я'куб, булак. изд.— كتاب الخراج للامام صاحب أبى حنيفة القاضى أبى يوسف يعقوب بن ابراهيم، بولاق، ۱۳۰۲ هجريه [=1884-85].

Абу Юсуф Я'куб, пер. Фаньяна.—Abou Yousof Ya'koub, *Le Livre de l'impot foncier* (*Kitâb el-kharâdj*), traduit et annoté par E. Fagnan, Paris, 1921.

*Абулгази, *Родословная туркмен*, изд. Кононова.—А. Н. Кононов, *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского*, М.—Л., 1958.

Абулгази, *Родословная тюрок*, изд. Демезона.—*Histoire des Mogols et des Tatares* par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan, publiée, traduite et annotée par Le Baron Desmaisons, t. I. Texte, St.-Pbg., 1871; t. II. Traduction, St.-Pbg., 1874.

Анӣс ат-тӑлибӣн.—Анӣс ат-тӑлибӣн, рук. ЛГУ 386.

**Арабский аноним XI в.—Арабский аноним XI века*. Издание текста, перевод, введение в изучение памятника и комментарии П. А. Грязневича, М., 1960 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, VI).

Асади, *Луғат-и фурс.—Asadi's neupersisches Wörterbuch Lughat-i Furs*, nach der einzigen vaticanischen Handschrift hrsg. von P. Horn, Berlin, 1897 (AKGWG, N. F., Bd 1, № 8).

Аттар, *Тазкират ал-аулийӑ.—The Tadhkiratu 'l-Awliyá* ("*Memoirs of the Saints*") of Muḥammad ibn Ibráhím Farîdu'ddín 'Aṭṭár, ed. in the original Persian, with preface, indices and variants, by R. A. Nicholson, with a critical introduction by Mírzá Muḥammad b. 'Abdu 'l-Wahháb-i Qazwíní, pt I—II, London—Leide, 1905—1907 (PHT, vol. III, V).

Ауфи, *Джавӑми' ал-ҳикӑйӑт.*—Мухаммед Ауфи, *Джавӑми' ал-ҳикӑйӑт ва лавӑми' ар-ривӑйӑт*, рук. ГПБ IV, 2, 33; рук. ГПБ V, 4, 31; рук. Брит. муз. Or. 4392. [См. также *Тексты*, стр. 83—101.]

Ауфи, *Лубӑб ал-албӑб.—Lubábu 'l-Albáb* of Muḥammad 'Awfí, ed. in the original Persian. Pt I, with indices, Persian and English prefaces, and notes, critical and historical, in Persian, by E. G. Browne and Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu 'l-Wahháb-i-Qazwíní, London—Leide, 1906 (PHT, vol. IV); pt II, with preface, indices and variants, by E. G. Browne, London—Leide, 1903 (PHT, vol. II).

Бӑбур-нӑме, извлеч. в пер. Вяткина.—В. Вяткин, *Самарканд и его окрестности в прошлом, по описанию Султана Бабура Мирзы. (Перевод из книги Бабур-намы)*,—СКСО, вып. IV, 1896, стр. 30—37.

Бӑбур-нӑме, извлеч. в пер. Пантусова.—Н. Н. Пантусов, *Фергана, по «Запискам» султана Бабура*, СПб., 1884 (отд. отт. из ЗИРГО по отд. этногр., т. VI).

Бӑбур-нӑме, изд. Беверидж.—*The Bábar-náma, being the autobiography of the Emperor Bábar, the founder of the Moghul dynasty in India, written in Chaghatáy Turkish*; now reproduced in facsimile from a manuscript belonging to the late Sir Sálár Jang of Ḥaydarábád, and ed. with a preface and indices by A. S. Beveridge, Leyden—London, 1905 (GMS, I).

Бӑбур-нӑме, изд. Ильминского.—*Бабер-намэ или Записки Султана Бабера*. Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским], Казань, 1857.

Бӑбур-нӑме, пер. Беверидж.—*The Bābur-nāma in English (Memoirs of Bābur)*. Transl. from the original Turki Text of Ẓahiru'd-dīn Muḥammad Bābur Pādshāh Ghāzī by A. S. Beveridge, vol. I—II, London, 1922.

Бӑбур-нӑме, пер. Лейдена—Эрскина.—*Memoirs of Zehîr-ed-din Muhammed Baber Emperor of Hindustan*, written by himself, in the Jaghatai Turki and transl., partly by the late J. Leyden, partly by W. Erskine, London, 1826.

**Бӑбур-нӑме*, пер. Салье.—*Бабур-наме. Записки Бабура*, [пер. М. Салье], Ташкент. 1958.

*Багдади, *Китӑб ат-тавассул*, изд. Бахманйара.—التوسّل الى الترسّل انشاء وتأليف

بهاء الدين محمد بن مؤيد بغدادى، مقابله وتصحيح احمد بهمنيار، تهران، ١٣١٥ [=1936].

Багдади, *Китāб ат-тавассул*, рук.—Беха ад-дин Мухаммед Багдади, *Китāб ат-тавассул илā-т-тарассул*, лейденская рук. 285; лейденская рук. 586. [См. также *Тексты*, стр. 73—80.]

Балазури.—*Liber expugnationis regionum*, auctore Imámo Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beládsorí, quem e codice Leidensi et codice Musei Brittannici ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866.

*Балазури, пер. Хитти—Мурготтена.—*The origins of the Islamic state being a translation from the Arabic accompanied with annotations, geographic and historic notes of the Kitâb Futûḥ al-Buldân* of al-Imâm abu-l 'Abbâs Aḥmad ibn-Jâbir al-Balâdhuri, vol. I, by Ph. Kh. Ḥitti, New York, 1916; pt [sic!] II, by F. C. Murgotten, New York, 1924 (Studies in history, economics and public law edited by the Faculty of Political Science of Columbia University, vol. LXVIII, № 163, 163A).

Бал'ами, пер. Зотенберга.—*Chronique de Abou-Djafar-Mo'hammed-ben-Djarir-ben-Jezid Tabari*, traduite sur la version persane d'Abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami, d'après les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury par H. Zotenberg, t. I—IV, Paris, 1867—1874 [I—1867, II—1869, III—1871, IV—1874].

* Barhebraei *Chronicon Syriacum*, изд. Беджана.—Gregorii Barhebraei *Chronicon Syriacum* e codd. MSS emendatum ac punctis vocalibus adnotationibusque locupletatum Bedjan, Parisiis, 1890.

Barhebraei *Chronicon Syriacum*, изд. Бруnса—Кирша.—Bar-Hebraei *Chronicon Syriacum*. E Codicibus Bodleianis, descriptum coniunctim ediderunt P. J. Bruns et G. G. Kirsch, Lipsiae, 1789 [=t. I, сирийский текст]; Gregorii Abulpharagii sive Bar Hebraei *Chronicon Syriacum*. E Codicibus Bodleianis descripsit maximam partem vertit notasque illustravit P. J. Bruns, edidit ex parte vertit notasque adiecit G. G. Kirsch, Lipsiae, 1789 [=t. II, латин. перевод].

Баḥр ал-асрāр.—Баḥр ал-асрāр фī манāḳиб ал-аḫйāр, рук. India Office Library № 1496 (№ 575 по новому каталогу).

Бейхаки, Абу-л-Хасан — см. *Та'рūḫ-и Бейхаḳ*.

*Бейхаки, изд. Гани-Фейяза.— تاريخ بيهقى تصنيف خواجه ابو الفضل محمد بن حسين بيهقى دبير باهتمام دكتر غنى و دكتر فياض (متن مصحح وكامل با حواشى وتعليقات وفهرستها)، تهران، ١٣٢٤ [=1945].

Бейхаки, изд. Морлея.—*The Tárikh-i Baihaki* containing the life of Masaúd, son of sultán Mahmúd of Ghaznín. Being the 7th, 8th, 9th, and part of the 6th and 10th Vols. of the Tárikh-i Ál-i Saboktakeen. By Abu'l Fazl al-Baihaqi. Ed. by the late W. H. Morley, and printed under the supervision of W. Nassau Lees, Calcutta, 1862 (BI, vol. 32).

*Бейхаки, изд. Нафиси.— تاريخ مسعودى معروف به تاريخ بيهقى از ابو الفضل محمد بن حسين كاتب بيهقى با مقابله وتصحيح وحواشى وتعليقات سعيد نفيسى، تهران، مجلد ١، ١٣١٩ [=1940]؛ مجلد ٢، ١٣٢٦ [=1947]؛ مجلد ٣، ١٣٣٢ [=1953].

Бейхаки, тегеран. изд. 1307/1890. — [литогр.] تاريخ بيهقى، طهران، ١٣٠٧

*Бейхаки, пер. Арендса.— Абу-л-Фазл Бейхаки, *История Мас'уда. 1030—1041*. Вступительная статья, перевод и примечания А. К. Арендса, Ташкент, 1962.

*Бекран, *Джахāн-нāме*, изд. Борщевского.—Муḫаммад ибн Наджīб Бакрāн, *Джахāннāме* (*Книга о мире*). Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского, М., 1960 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, X).

Бекран, *Джахāн-нāме*, рук.—Мухаммед ибн Неджиб Бекран, *Джахāн-нāме*, рук. Нац. б-ки, Ancien fonds persan 384; <рук. ИНА С 612 (605а)>.

Бенакети.—Бенакети, *Рауз̣ат ӯлӣ-л-албāб фӣ тавāрӣх̣ ал-акāбир ва-л-ансāб*, рук. ЛГУ 285.

Бируни, *Āçāр ал-бāқийа*, изд. Захау.—*Chronologie orientalischer Völker* von Albêrûnî. Hrsg. von Dr. C. E. Sachau, Leipzig, 1878.

Бируни, *Āçāр ал-бāқийа*, пер. Захау.—*The Chronology of ancient nations. An English version of the Arabic text of the Athâr-ul-bâkiya of Albîrûnî, or "Vestiges of the Past,"* collected and reduced to writing by the author in A. H. 390—1, A. D. 1000. Transl. and ed., with notes and index, by Dr. C. E. Sachau, London, 1879.

*Бируни, *Āçāр ал-бāқийа*, пер. Салье.—Абурейхан Бируни (973—1048). Избранные произведения. I [*Памятники минувших поколений*. Перевод и примечания М. А. Салье], Ташкент, 1957.

Бируни, *Индия*, изд. Захау.—Alberuni's *India. An account of the religion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030*. Ed. in the Arabic original by E. Sachau, London, 1887.

Бируни, *Индия*, пер. Захау.—Alberuni's *India. An account of the religion, philosophy, literature, geography, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030*. An English Edition, with Notes and Indices by E. C. Sachau, vol. I—II, London, 1888 (Trübner's Oriental Series) [new ed.: London, 1910].

Бундари, изд. Хаутсма.—*Histoire des Seljoucides de l'Irâq* par al-Bondârî d'après Imâd ad-dîn al-Kâtib al-Isfahânî. Texte arabe publié d'après les Mss. d'Oxford et de Paris par M. Th. Houtsma, Leide, 1889 (RTHS, vol.II).

Бухари, Абд ал-Керим—см. Абд ал-Керим Бухари.

Вақф-нāме.—*Вақф-нāме*, рук. ИНА В 670 (е 574 ag).

Вассаф, бомбейское изд.— [= 1852-53] كتاب مستطاب وصاف الحضرة، بمبئی، ۱۲۴۹ [перепеч.: (=1959) چاپ افست، تهران، ۱۳۳۸].

Вассаф, изд. Хаммера.—*Geschichte Wassaf's* Persisch hrsg. und Deutsch übers. von Hammer-Purgstall, Bd I, Wien, 1856.

Вассаф, рук.—*Та'рӣх̣-и Ваççāф*, рук. ИНА С 387 (567 bis); рук. ГПБ ПНС 69 (V, 3, 24).

*Гардизи, изд. Казвини.—زین الاخبار تألیف ابو سعید عبد الحی بن ضحاک بن محمود گردیزی (تاریخ تألیف در حدود سال ۴۴۰ هجری) با مقدمه حضرت استا معظم آقا میرزا محمد خان قزوینی، طهران، ۱۳۱۵ [ش] [=1937].

*Гардизи, изд. Мухаммеда Назима.—*Kitab Zainu'l-Akhbar*. Composed by Abu Sa'id 'Abdu'l-Ḥayy b. aḍ-Ḍahhak b. Maḥmud Gardizi about 440 A. H., ed. by Muhammad Nazim, London, 1928.

*Гардизи, изд. Нафиси.—زین الاخبار از ابو سعید عبد الحی بن ضحاک بن محمود گردیزی (شامل تاریخ ساسانیان وسیرت رسول اکرم وخلفا واخبار امرای خراسان تا پایان دورهٔ صفاری)، با تصحیح ومقدمه و فهرست وحواشی سعید نفیسی، طهران، شهریور ماه ۱۳۳۳ [ش] [=1954].

Гардизи, рук.—Гардизи, *Зайн ал-ах̣бāр*, кембридж. рук. (King's College Library, 213); оксфорд. рук. (Cod. Bodleian, Ouseley, 240).

*Гарнати, изд. Дублера.—*Abū Ḥāmid el Granadino y su relación de viaje por*

tierras Eurasiaticás. Texto arabe, traducción e interpretación por César E. Dubler, Madrid, 1953.

Гарнати, изд. Феррана.—*Le Tuḥfat al-albāb* de Abū Ḥāmid al-Andalusī al-Ġarnāṭī édité d'après les Mss. 2167, 2168, 2170 de la Bibliothèque Nationale et le Ms. d'Alger, par G. Ferrand, Paris, 1925 (Extrait du JA, t. CCVII, 1925, pp. 1—148, 193—304).

Гарнати, рук.—Абу Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати, *Туҳфат ал-албāб ва нуҳбат ал-а'джāб*, рук. Брит. муз. Or. 1528. [См. также *Тексты*, стр. 21—22.]

Гияс ад-дин Али, изд. Зимина.—*Дневник похода Тимура в Индию Гияс-ад-дина Али. С приложением соответствующих отрывков из «Зафер-намэ» Низам-ад-дина Шами*. Изд. Л. А. Зимина под ред. В. В. Бартольда, Пг., 1915 (Тексты по истории Средней Азии. Вып. I).

*Гияс ад-дин Али, пер. Семенова.—Гийāсаддин 'Али, *Дневник похода Тимура в Индию*, пер. с персидского, предисловие и примечания А. А. Семенова, М., 1958.

Григор Акнерци—см. Магакия.

Даулетшах, изд. Броуна.—*The Tadhkiratu 'sh-Shu'arā* ("*Memoirs of the Poets*") of Dawlatsháh bin 'Alá'u 'd-Dawla Bakhtísháh al-Ghází of Samarqand. Ed. in the original Persian with prefaces and indices by E. G. Browne, London—Leide, 1901 (PHT, vol. I).

*Даулетшах, изд. Броуна—Аббаси.—تذكرة الشعراء دولتشاه سمرقندى از روى چاپ براون با مقابلهٔ نسخ معتبر خطى قديمى بتحقيق وتصحيح محمد عباسى، تهران، ١٣٣٧ خورشيدى [=1958].

Деде Коркуд—см. *Китāб-и Деде Коркут*.

* Джами, *Нафаҳāт ал-унс*, изд. Таухиди-пура.—نفحات الانس من حضرات القدس تأليف مولانا عبد الرحمن بن احمد جامى بتصحيح ومقدّمه وپيوست مهدى توحيدى پور، [تهران]، اسفند ماه ١٣٣٦ ش [=1958].

Джами, *Нафаҳāт ал-унс*, калькут. изд.—Mawlana Noor al-Din 'Abd al-Rahmán Jámi, *The Nafahtáal-Ons* [sic!] *min Hadharát al-Qods, or the Lives of the Soofis*. Ed. by Mawlawis Gholám 'Jísa, 'Abd al Hamíd and Kabír al-Dín Ahmad, with a biographical Sketch of the Author, by W. Nassau Lees, Calcutta, 1859 (Lees' Persian Series).

Джахиз, *Мināқиб ал-атрāк*, изд. Ван Флотена.—*Tria opuscula* auctore Abu Othman Amr ibn Bahr al-Djahiz Basrensi quae edidit G. van Vloten (opus posthumum). Lugduni Batavorum, 1903.

Джахиз, *Манāқиб ал-атрāк*, пер. Уокера.—C. T. H. Walker, *Jahiz of Basra to al-Fath ibn Khaqan on the «Exploits of the Turks and the army of the Khalifate in general»*,—JRAS, 1915, pp. 631—697.

Джемаль Карши, *Мулҳақāт аç-çурāҳ*.—Джемаль Карши, *Мулҳақāт аç-çурāҳ*, рук. ИНА B 514 (430a). [См. также *Тексты*, стр. 128—152.]

Дженнаби, *Та'рūҳ*.—Дженнаби, *Та'рūҳ*, рук. ИНА C 353 (528).

Джувейни, извлеч. в изд. Дефремери.—*Histoire des khans Mongols du Turkistan et de la Transoxiane, extraite du Habib essiier de Khondémir*, trad. du persan et accompagnée de notes, par M. C. Defrémery,—JA, sér. 4, t. XX, 1852, pp. 370—406 [=прилож. к извлеч. из Хондемира (см.)].

Джувейни, изд. Казвини.—*The Ta'rikh-i-Jahán-gushá* of 'Alá'u 'd-Dín 'Aṭá Malik-i-Ju-

wayní (composed in A. H. 658=A. D. 1260). Ed. with an introduction, notes and indices from several old MSS. by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu'l-Wahháb-i-Qazwíní, pt I, containing the history of Chingíz Khán and his successors, Leyden—London, 1912; pt II, containing the history of the Khwárazmsháh dynasty, Leyden—London, 1916; pt III, containing the history of Mangú Qá'án, Húlágú and the Ismá'ílís, Leyden—London, 1937 (GMS, XVI, 1—3).

*Джувейни, пер. Бойля — *The History of the World-Conqueror* by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, vol. I—II, Manchester, 1958 (UNESCO collection of representative works. Persian series).

Джувейни, рук.— Джувейни, *Та'рӣх-и джахӑнгушӑй*, рук. ГПБ ПНС 233 (IV, 2, 34) рук. ГПБ Ханыков 71; рук. ЛГУ 172. [См. также *Тексты*, стр. 103—119.]

Джузджани, изд. Нассау-Лиса.— *The Tabaqát-i Násiri* of Aboo 'Omar Minháj al-dín 'Othmán, ibn Siráj al-dín al-Jawzjani. Ed. by W. Nassau Lees and Mawlawis Khadim Hosain and 'Abd al-Hai, Calcutta, 1864.

Джузджани, пер. Раверти.— *Ṭabaḳāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muḥammadan Dynasties of Asia, including Hindūstān, from A. H. 194 [810 A. D.], to A. H. 658 [1260 A. D.], and the Irruption of the Infidel Mughals into Islām.* By the Maulānā, Minhāj-ud-Dīn, Abū-'Umar-i-'Uṣmān. Transl. from Original Persian Manuscripts. By H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881; Index, Calcutta, 1897 (BI, NS, vol. 272—273).

Динавери.— Abû Ḥanîfa ad-Dînaweri, *Kitâb al-aḫbâr aṭ-ṭiwâl.* Publié par V. Guirgass, Leide, 1888.

Евтихий.— نظم الجوهر *Contextio Gemmarum, sive, Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales.* Interprete E. Pocockio, t. I—II, Oxoniae, 1658.

Закария Казвини, *'Аджӑ'иб ал-маҳлӯḳӑт.*— Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's *Kosmographie.* I. T. كتاب عجايب المخلوقات *Die Wunder der Schöpfung.* Aus den Handschriften der Bibliotheken zu Berlin, Gotha, Dresden und Hamburg hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1849; II. T. كتاب آثار البلاد *Die Denkmäler der Länder.* Aus den Handschriften des Hn. Dr. Lee und der Bibliotheken zu Berlin, Gotha und Leyden hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1848.

Ибн Аби Усейби'а.— Ibn Abi Useibia. Hrsg. von A. Müller, Königsberg i. Pr., 1884.

Ибн Арабшах, *'Аджӑ'иб ал-маḳдӯр*, каирск. изд.— كتاب عجائب المقدور فى أخبار تيمور للفاضل الاديب الكامل الاريب وحيد عصره وفريد دهره أقضى القضاة شهاب الدين احمد بن محمد بن عبد الله الدمشقى الانصارى المعروف بابن عرب شاه، [القاهرة، ١٣٠٥] [=1887-88].

*Ибн Арабшах, *'Аджӑ'иб ал-маḳдӯр*, пер. Сандерса.— *Tamerlane or Timur the Great Amir.* From the Arabic Life by Ahmed ibn Arabshah, transl. by J. H. Sanders, London, 1936.

Ибн Арабшах, *Фӑкихат ал-ҳулафӑ'.*— *Liber arabicus* فاكهة الخلفاء ومفاكهة الظرفاء *seu Fructus imperatorum et iocatio ingeniosorum* auctore Ahmede filio Mohammedis cognominato Ebn-Arabschah quem primum e codicibus ed. et adnotationibus criticis instruxit G. G. Freitag, pars I—II, Bonnae, 1832—1852.

*Ибн ал-Асир, изд. Наджжара.— الكامل فى التاريخ للامام العلامة عمدة المؤرخين ابى الحسن على ابن ابى الكرم محمد بن محمد بن عبد الكريم ابن عبد الواحد الشيبانى

المعروف بابن الاثير الجزرى الملقب بعز الدين المتوفى سنة ٦٣٠ هـ، صحح أصوله وكساه ملاحظات مفيدة المؤرخ الكبير فضيلة الأستاذ الشيخ عبد الوهاب النجار، [القاهرة]، الجزء ١—٩، ١٣٤٨—١٣٥٩ [= 1929-30—1940] [١—١٣٤٨؛ ٢—١٣٤٩؛ ٣—١٣٥٦؛ ٤،٥—١٣٥٧؛ ٦،٧—١٣٥٣؛ ٨،٩—١٣٥٩].

Ибн ал-Асир, изд. Торнберга.— Ibn-el-Athiri *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*, ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876 [I—L. B., 1867; II—L. B., 1868; III—L. B., 1869; IV—L. B., 1870; V—L. B., 1871; VI—L. B., 1871; VII—L. B., 1865; VIII—L. B., 1862; IX—L. B., 1863; X—L. B., 1864; XI—Ups., 1851., Suppl. 1871; XII—Ups., 1853, Suppl. 1871; XIII—L. B., 1874; XIV—L. B., 1876].

Ибн ал-Асир, каирск. изд. 1301/1883-84.— تاريخ الكامل للعلامة ابى الحسن على بن ابى الكرم محمد بن محمد بن عبد الكريم بن عبد الواحد الشيبانى المعروف بابن الاثير الجزرى الملقب بعز الدين، الجزء ١—١٢، [القاهرة]، ١٣٠١ هجرية.

Ибн Баттута.— *Voyages d'Ibn Batoutah*, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Defrémery et B. R. Sanguinetti, t. I—IV, Paris, 1853—1858 [I—1853, II—1854, III—1855, IV—1858] (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique).

*Ибн Баттута, пер. Гибба.— *The Travels of Ibn Baṭṭūṭa A. D. 1325—1354*. Transl. with revisions and notes from the Arabic text ed. by C. Defrémery and B. R. Sanguinetti by H. A. R. Gibb, vol. I,II—..., Cambridge, 1958,1961—... (HS, 2d series. CX).

Ибн Биби, извлеч. в изд. Шефера.—Ch. Schefer, *Quelques chapitres de l'abrégé du Seldjouq Namèh composé par l'Émir Nassir Eddin Yahia*,— «Recueil de textes et de traductions publié par les professeurs de l'École des langues orientales vivantes à l'occasion du VIIIe Congrès international des orientalistes tenu à Stockholm en 1889», t. I, Paris, 1889 (PÉLOV, IIIe sér., vol. V), pp. 3—107.

*Ибн Биби, пер. Дуда.— H. W. Duda, *Die Seltschukengeschichte des Ibn Bībī*, Kopenhagen, 1959.

Ибн Биби (перс.).— *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouknāmeh d'Ibn-Bībī*. Texte persan publié d'après le Ms. de Paris par M. Th. Houtsma, Leide, 1902 (RTHS, vol. IV).

Ибн Биби (тур.).— *Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bībī*. Texte turc publié d'après les Mss. de Leide et de Paris par M. Th. Houtsma, Leide, 1902 (RTHS, vol. III).

Ибн ал-Джаузи, рук.— Ибн ал-Джаузи, *Китāб ал-мунтаẓам фū ма'рāх ал-мулūк ва-л-умам*, каирская рук. 306.

*Ибн ал-Джаузи, хайдерабад. изд.— المنتظم فى تاريخ الملوك والامم تأليف الشيخ الامام ابى الفرج عبد الرحمن بن على ابن محمد بن على ابن الجوزى المتوفى سنة سبع وتسعين وخمسمائة، الجزء ١—١٠، حيدرآباد، ١٣٥٧—١٣٥٩ هـ [=1940—1942].

*Ибн Исфендияр, изд. Аббаса Икбаля.— تاريخ طبرستان تأليف بهاء الدين محمد بن حسن بن اسفنديار كاتب كه در ٦١٣ هجرى تأليف شده است، بتصحيح عباس اقبال، قسم ١—٢، [تهران، ١٣٢٠ ش] [=1941].

Ибн Исфендияр, пер. Броуна.— *An abridged translation of the History of Tabaristán compiled about A. H. 613 (A. D. 1216) by Muḥammad b. al-Ḥasan b. Isfandiyár*, based on the India Office Ms. compared with two Mss. in the British Museum, by E. G. Browne, Leyden — London, 1905 (GMS, II).

Ибн ал-Каланиси.— *History of Damascus 363—555 a. h. by Ibn al-Qalânisi from the Bodleian Ms. Hunt. 125. being a continuation of the history of Hilâl al-Sâbi.* Ed. with Extracts from other histories and Summary of Contents by H. F. Amedroz, Leyden, 1908.

Ибн ал-Кифти.— Ibn al-Qifṭi's *Ta'rīḫ al-Ḥukamā'*. Auf Grund der Vorarbeiten Aug. Müller's hrsg. von J. Lippert, Leipzig, 1903.

Ибн Кутейба, *Китаб ал-ма'ариф.*— Ibn Coteiba's *Handbuch der Geschichte...* hrsg. von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1850.

Ибн Кутейба, *'Уйун ал-ахбар.*— Ibn Qutaiba's *'Ujûn al aḫbâr*. Nach den Handschriften zu Constantinopel und St. Petersburg hrsg. von C. Brockelmann, T. I, Berlin, 1900 (ZA, 18. Ergänzungsheft. Semitische Studien 18); T. II, Strassburg, 1903 (ZA, Beiheft zum XVII. Bd); T. III, Strassburg, 1906 (ZA, Beiheft zum XIX. Bd); T. IV, Strassburg, 1908 (ZA, Beiheft zum XXI. Bd).

*Ибн Кутейба, *'Уйун ал-ахбар*, каирск. изд.— كتاب عيون الاخبار تأليف ابى محمد عبد الله بن مسلم بن قتيبة الدينورى المتوفى سنة ٢٧٦ هـ، المجلد ١—٤، القاهرة، ١٣٤٣ هـ (١٩٢٥م)—١٣٤٩ هـ (١٩٣٠م) [١—٣: ١٣٤٣—١٣٤٦/١٩٢٥—١٩٢٨؛ ٤—٨: ١٣٤٩—١٣٤٨/١٩٣٠—١٩٣٠.]

Ибн Мискавейх, изд. Амедроза — Марголиуса.— *The concluding portion of The Experiences of the Nations* by Miskawaihi, Office-holder at the Courts of the Buwaihid Sultans, Mu'izz al-daulah, Rukn al-daulah, and 'Adud al-daulah. Arabic text, ed. by H. F. Amedroz, vol. I. *Reigns of Muqtadir, Qahir and Radi*, Oxford, 1920 (*Eclipse*, vol. I); vol. II. *Reigns of Muttaqi, Mustakfi, Muti' and Ta'i'*, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. II). Translation from the Arabic by D. S. Margoliouth, vol. I. *Reigns of Muqtadir, Qahir and Razi*, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. IV); vol. II. *Reigns of Muttaqi, Mustakfi, Muti' and Ta'i'*, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. V).

Ибн Мискавейх, изд. Каэтани.— *The Tajârib al-Umam or History of Ibn Miskawayh* (*Abu 'Ali Aḥmad b. Muḥammad*) *ob. A. H. 421.* Reproduced in facsimile from the Ms. at Constantinople in the Âyâ Ṣûfiyya library. With a preface and summary by L. Caetani Principe di Teano, vol. I, *to A. H. 37* (= *Tabari I. 3300*), Leyden — London, 1909; vol. V (with a summary and index), *A. H. 284 to 326*, Leyden — London, 1913; vol. VI, *A. H. 326—369*, Leyden — London, 1917 (GMS, VII, 1, 5, 6).

Ибн Му'ин, *Фирдаус ат-таварих.*— Ибн Му'ин (Хусрау ибн Абаркухи), *Фирдаус ат-таварих*, рук. ГПБ Дорн 267.

Ибн ал-Мунаввар, *Асрар ат-тауҳид*, изд. Жуковского.— В. А. Жуковский, *Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Са'ида. Толкование на четверостишие* [sic] *Абу-Са'ида*. Персидские тексты, СПб., 1899.

*Ибн ал-Мунаввар, *Асрар ат-тауҳид*, изд. Сафа.— اسرار التوحيد فى مقامات الشيخ ابى سعيد تأليف محمد بن منوّر بن ابى سعد بن ابى طاهر بن ابى سعيد ميهنى با مقابلهٔ نسخ استانبول ولنين گراد وكپنهاگ باهتمام: دكتر ذبيح الله صفا، تهران، ١٣٣٢ ش [=1953].

Ибн ан-Недим — см. *Фихрист.*

Ибн Русте.— *Kitâb al-aʿlâk an-nafîsa VII* auctore Abû Alî Aḥmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-boldân* auctore Aḥmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII) [Ибн Русте — стр. 1—229.]

Ибн Русте, изд. Хвольсона.— *Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века*, по рукописи Британского Музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон, СПб., 1869.

Ибн Са'д, III.— Ibn Saad, *Biographien Muhammeds, seiner Gefährten und der späteren Träger des Islams bis zum Jahre 230 der Flucht*. Bd III, T. 1. *Biographien der mekkanischen Kämpfer Muhammeds in der Schlacht bei Bedr*, hrsg. von E. Sachau, Leiden, 1904.

Ибн Тейфур, изд. Келлера.— *Sechster Band des Kitâb Baġdâd* von Aḥmad ibn abî Ṭâhir Ṭaifûr. Hrsg. und übers. von H. Keller, T. I: Arabischer Text; T. II: Deutsche Übersetzung, Leipzig, 1908.

Ибн ат-Тиктака — см. *ал-Фахрй*.

*Ибн Фадлан (1939).— *Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу*. Перевод и комментарий [А. П. Ковалевского] под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939.

*Ибн Фадлан (1956).— А. П. Ковалевский, *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.* Статьи, переводы и комментарии, Харьков, 1956.

Ибн ал-Факих.— *Compendium libri Kitâb al-Boldân* auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhânî quod edidit, indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1885 (BGA, V).

Ибн Хазм, *Милал*, изд. 1899—1903.— كتاب الفصل فى الملل والاهواء والنحل للامام ابن محمد على بن احمد ابن حزم ويهما مش الملل والنحل للشهرستانى، الجزء ١ — ٥، مصر، ١٣١٧ — ١٣٦١.

*Ибн Хазм, *Милал*, изд.1347/1929.— الفصل فى الملل والاهواء والنحل للامام ابن حزم الظاهرى الاندلسى المتوفى سنة ٤٥٦ و بها مشه الملل و النحل للشهرستانى المتوفى سنة ٥٤٨ صححه و ذيله بهوامش مفيده عبد الرحمن خليفه، الجزء ١—٤، [القاهرة]، ١٣٤٧ هـ.

Ибн Халдун, *Китāб ал-'ибар*.— كتاب العبر وديوان المبتدا والخبر فى ايام العرب والعجم والبربر ومن عاصرهم من ذوى السلطان الاكبر وهو تاريخ وحيد عصره العلامة عبد الرحمن ابن خلدون المغربى، الجزء ١ — ٧، بولاق، ١٢٨٤ [=1867-68, литогр.].

Ибн Халдун, *Муқаддама*, изд. Катрмера.— *Prolégomènes* d'Ebn-Khaldoun. Texte arabe publié, d'après les manuscrits de la Bibliothèque Impériale, par E. Quatremère,— Notices et extraits, t. XVI, partie 1; t. XVII, partie 1; t. XVIII, partie 1, Paris, 1858.

*Ибн Халдун, *Муқаддама*, пер. Розенталя.— Ibn Ḳhaldûn, *The Muqaddimah. An Introduction to History*. Transl. from the Arabic by F. Rosenthal, vol. 1—3, New York, 1958 (Bollingen Series, XLIII).

Ибн Халдун, *Муқаддама*, пер. де Слэна.— *Prolégomènes historiques* d'Ibn Khaldoun. [Trad. M. G. de Slane],— Notices et extraits, t. XIX—XXI, Paris, 1862—1868 [XIX—1862, XX—1865, XXI—1868].

Ибн Халликан, булак. изд.— كتاب وفيات الاعيان وأنباء أبناء الزمان تأليف القاضى احمد الشهير بابن خلكان، الجزء ١ — ٢، بولاق، ١٢٧٥ [= 1858-59, литогр.] (загл. т. II: . . . تاريخ وفيات الاعيان).

Ибн Халликан, изд. Вюстенфельда.— Ibn Challikani *Vitae illustrium virorum*. E pluribus codicibus manuscriptis inter se collatis nunc primum arabice edidit,

variis lectionibus, indicibusque locupletissimis instruxit F. Wüstenfeld, fasc. I—XIII, Gottingae, 1835—1837.

Ибн Халликан, изд. де Слэна.— *Kitab wafayat al-aiyan. Vies des hommes illustres de l'Islamisme en arabe*, par Ibn Khallikan, publiées d'après les manuscrits de la Bibliothèque du Roi et d'autres Bibliothèques, par le Bon Mac Guckin de Slane, t. I, Paris, 1842.

*Ибн Халликан, каирск. изд.— وفيات الاعيان وأنباء أبناء الزمان لابى العباس شمس الدين احمد بن محمد بن ابى بكر بن خلكان المولود فى سنة ٦٠٨، والمتوفى فى سنة ٦٨١ من الهجرة، حققه، وعلق حواشيه، وصنع فهارسه محمد محيى الدين عبد الحميد، القاهرة، ١٩٤٨.

Ибн Халликан, пер. де Слэна.— كتاب وفيات الاعيان Ibn Khallikan's *Biographical Dictionary*, transl. from the Arabic by Bn Mac Guckin de Slane, vol. I—IV, Paris, 1842—1871 [I—1842, II—1843, III—1848, IV—1871].

Ибн Хаукаль.— *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu'l-Kásim Ibn Haukal. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1873 (BGA, II).

*Ибн Хаукаль, изд. Крамерса.— *Opus geographicum* auctore Ibn Ḥauḳal (Abū'l-Ḳāsim Ibn Ḥauḳal al-Naṣībī). Secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in Bibliotheca Antiqui Palatii № 3346 cui titulus est «Liber imaginis terrae» edidit collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J. H. Ḳramers, fasc. 1—2, Lugduni Batavorum — Lipsiae, 1938 (BGA², I—II).

Ибн Хордадбех.— *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* (*Liber viarum et regnorum*) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah Ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit indicibus et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI) [Ибн Хордадбех: текст — стр. 2—183; перевод — стр. 1—144].

Ибн Юнус.— Ибн Юнус, *Китāб аз-зāдж ал-кабīр ал-ḥākimī*, лейденская рук. 143.

Идриси, пер. Жобера.— *Géographie d'Édrisi* traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du Roi et accompagné de notes, par A. Jaubert, t. I—II, Paris, 1836—1840.

Имад ад-дин ал-Исфахани, *Нуçрат ал-фатра.*— Имад ад-дин Мухаммед ал-Исфахани, *Нуçрат ал-фатра ва ʿуçрат ал-фиṭра*, рук. Нац. б-ки, Suppl. arabe, 772.

Имад ад-дин ал-Исфахани, *Ḫарāдат ал-ḳаçр*, извлеч. в изд. Шефера.— Имад ад-дин Мухаммед ал-Исфахани, *Ḫарāдат ал-ḳаçр ва джарāдат ал-ʿаçр*,— в кн.: Низам ал-мульк, изд. Шефера, прилож., стр. 115—122.

Исмаʿил ибн ал-Асир.— Исмаʿил ибн ал-Асир, *Китāб ʿибрат ӯлū-л-абсāр*, рук. Брит. муз. Or. 7914.

Истахри.— *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1870 (BGA, I).

Исфизари, пер. Барбье де Менара.— *Extraits de la Chronique persane d'Herat*, traduits et annotés par Barbier de Meynard,— JA, sér. 5, t. XVI, 1860, pp. 461—520; t. XVII, 1861, pp. 438—457, 473—522; t. XX, 1862, pp. 268—318.

Исфизари, рук.— Муʿин ад-дин Исфизари, *Китāб рауḍāт ал-джаннāт фū ауçāф мадīнат Харāт*, рук. ИНА С 472 (574 agh); рук. ЛГУ 588. [См. также *Тексты*, стр. 165.]

*Исфизари, тегеран. изд.— روضات الجنات فى اوصاف مدينة هرات تأليف معين الدين محمد زمچى اسفزارى ٨٩٧—٨٩٩ ه، با تصحيح وحواشى وتعليقات سيّد محمد

کاظم امام، بخش یکم، تهران، ۱۳۳۸ [=1959]؛ بخش دوم، تهران، ۱۳۳۹ [=1960] (انتشارات دانشگاه تهران، ۵۳۵، ۵۷٤).

Йезди, Гияс ад-дин — см. Гияс ад-дин Али.
Йезди, Шереф ад-дин — см. Шереф ад-дин Йезди.

Казвини, Закария — см. Закария Казвини.
Казвини, Хамдаллах — см. Хамдаллах Казвини.
Қандийа — см. Несефи.
Карпини — см. Плано Карпини.
Карши — см. Джемаль Карши.
Катиб ас-Самарканди — см. Мухаммед Самарканди.
Кашани, *Зубдат ат-тавāрūх.* — Абдаллах ибн Али Кашани, *Зубдат ат-тавāрūх*, рук. Берлинской б-ки, Pertsch 368.
Кашани, *Та'рūх-и Улджайтӯ-хāн.* — Абдаллах ибн Али Кашани, *Та'рūх-и Улджайтӯ-хāн*, рук. Нац. б-ки, Suppl. persan, 1419.
Керминеги — см. Мухаммед-Вефа Керминеги.
Кинди. — *The Governors and Judges of Egypt or Kitâb el 'Umarâ' (el Wulâh) wa Kitâb el Quḍâh* of El Kindî. *Together with an Appendix derived mostly from Raf' el Iṣr* by Ibn Ḥajar. Ed. by Rhuvon Guest, Leyden — London, 1912 (GMS, XIX).
*Киракос Гандзакеци, пер. Броссе. — *Deux historiens Arméniens*[:] Kiracos de Gantzac, XIIIe S., *Histoire d'Arménie*; Oukhtanès d'Ourha, Xe S., *Histoire en trois parties*; traduits par M. Brosset, livr. 1, St.-Pbg., 1870, pp. 1—205.
Киракос Гандзакеци, пер. Патканова — см. *История монголов по армянским источникам*, вып. 2.
Китāб-и Деде Коркут, изд. Бартольда. — В. Бартольд, *Китаби-Коркуд. I*, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 203—218; *II*, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 175—193; *III*, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 037—059; *IV*, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 1—38.
**Китāб-и Деде Коркут*, пер. Бартольда, изд. 2-е. — *Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос.* Перевод акад. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, М.—Л., 1962 (Литературные памятники).
**Китāб-и Деде Коркут*, изд. Гёкъяя. — O. Ş. Gökyay, *Dede Korkut*, İstanbul, 1938.
**Китāб-и Деде Коркут*, изд. Росси. — «*Kitāb-i Dede Qorqut*»; *racconti epico-cavalereschi dei Turchi Ogus*, tradotti e annotati con "facsimile" del ms. Vat. Turco 102, Città del Vaticano, Biblioteca apostolica Vaticana, 1952.
**Китāб-и Деде Коркут*, изд. Эргина. — M. Ergin, *Dede Korkut kitabı*, c. I. Giriş — Metin — Faksimile, Ankara, 1958.
Китāб-и Муллā-зāде — см. Му'ин ал-фукара.
Китāб ат-тавассул — см. Багдади.
Кифти — см. Ибн ал-Кифти.
Клавихо, изд. Срезневского. — Рюи Гонзалес де Клавихо, *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.* Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881 (Сб. ОРЯС, т. XXVIII, № 1).
Кудама. — *Kitâb al-Masâlik wa'l-Mamâlik* (*Liber viarum et regnorum*) auctore Abu'l-Kâsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordâdhbeh et *Excerpta e Kitâb al-Kharâdj* auctore Kodâma ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit, indicibus

et glossario instruxit M. J. de Goeje, Lugduni-Batavorum, 1889 (BGA, VI) [Кудама: текст — стр. 184—266; перевод — стр. 144—208].

**Кутадгу билик*, изд. Арата.— R. R. Arat, *Kutadgu bilig*. I. *Metin*, İstanbul, 1947; II. *Tercüme*, Ankara, 1959.

Кутадгу билик, изд. Радлова.— *Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun*, hrsg. von W. Radloff, Th. I. *Der Text in Transscription*, St.-Pbg., 1891; Th. II. *Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo*, St.-Pbg., 1900—1910.

**Кутадгу билик*, факс.— *Kutadgu Biliğ. Tıpkıbasım*. I. *Viyana nüshası*, İstanbul, 1942; II. *Fergana nüshası*, İstanbul, 1942; III. *Mısır nüshası*, İstanbul, 1943.

Лубаб ал-албаб — см. Ауфи.

Магакия, изд. Блейка — Фрая.— *History of the Nation of the Archers* (*The Mongols*) by Grigor of Akanʿ hitherto ascribed to Marakʿia the Monk. The Armenian text edited with an English translation and notes by R. P. Blake and R. H. Frye, Cambridge, Mass., 1954 (repr. from the HJAS, vol. 12 (Dec. 1949), №№ 3 and 4, pp. 269—399).

Магакия, пер. Патканова.— *История монголов* инока Магакии, XIII века. Перевод и объяснения К. П. Патканова, СПб., 1871.

Макдиси.— *Descriptio imperii moslemici* auctore Schamso'd-dîn Abû Abdollâh Mohammed ibn Ahmed ibn abî Bekr al-Bannâ al-Basschârî al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1877; ed. 2: 1906 (BGA, III).

*ал-Макин, изд. Каэна.— *La «Chronique des Ayyoubides»* d'al-Makīn b. ʾal-ʿAmīd éditée par Cl. Cahen,— «Bull. d'études orientales de l'Inst. français de Damas», t. XV, 1955—1957, pp. 109—184.

ал-Макин, изд. Эрпения.— تاريخ المسلمين . . . تاليف الشيخ المكين جرجس بن العميد ابو الياسر بن ابى المكارم بن ابى الطيب *id est, Historia Saracenica, qua Res Gestae Muslimorum*... Arabicè olim exarata à Georgio Elmacino fil. Abuljaseri Elamidi f. Abulmacaremi f. Abultibi. Et Latinè reddita operâ ac studio Th. Erpenii, Lugduni Batavorum, 1625.

Макризи, *Хитат*, изд. Вьета.— Taqî el-Dîn Aḥmad ibn ʿAlî ibn ʿAbd-el-Qadir ibn Muḥammad el-Maqrîzî, *El-Mawâʿiz waʾl-Iʿtibâr fî dhikr el-Khitat waʿl-Âthâr*. Édité par G. Wiet, t. I—V, Le Caire, 1911—1927 (MIFAO, XXX, XXXIII, XLVI, XLIX, LIII).

*Мар Ябалаха, пер. Пигулевской.— *История мар Ябалахи III и раббан Саумы*. Исследование, пер. с сирийского и примечания Н. В. Пигулевской, М., 1958.

*Мар Ябалаха, пер. Шабо.— *Histoire de Mar Jabalaha III, Patriarche des Nestoriens* (*1281—1317*) *et du moine Rabban Çauma Ambassadeur du roi Argoun en Occident* (*1287*), traduite du syriaque et annotée par J.-B. Chabot, Paris, 1895.

*Марко Поло, изд. Муля — Пельо.— Marco Polo, *The Description of the world*, [ed. by] A. C. Moule & P. Pelliot, vol. I—II, London, 1938.

Марко Поло, изд. Юла.— *The Book of Ser Marco Polo, the Venetian, concerning the kingdoms and marvels of the East*. Newly transl. and ed., with notes, maps and other illustrations, by H. Yule, 2d ed., revised, vol. I—II, London, 1875.

Марко Поло, пер. Минаева.— И. П. Минаев, *Путешествие Марко Поло*. Перевод старофранцузского текста. Изд. ИРГО под ред. действит. члена В. В. Бартольда, СПб., 1902 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXVI).

Масʿуди, *Мурўдж*.— Maçoudi, *Les Prairies d'or*. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, t. I—IX, Paris, 1861—1877 [I—1861, II—

1863, III—1864, IV—1865, V—1869, VI—1871, VII—1873, VIII—1874, IX—1877] (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique).

Мас'уди, *Танбйх.— Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf* auctore al-Masûdî..., [ed. M. J. de Goeje], Lugduni-Batavorum, 1894 (BGA, VIII).

Мас'уди, *Танбйх*, пер.— Maçoudi, *Le Livre de l'Avertissement et de la revision*. Traduction par B. Carra de Vaux, Paris, 1896 (Collection d'ouvrages orientaux publiée par la Société asiatique).

Махди-хан, *Ta'pūx-u Hādupū*, тегеран. изд. 1262/1846.— تاريخ نادرى تأليف محمد مهدى خان ابن محمد نصير استرابادى، صورت اختتام پذيرفت سنهٔ ١٢٦٢ [литогр.]

Махмуд Кашгарский.— كتاب ديوان لغات الترک مؤلفى: محمود بن الحسين بن محمد الكاشغرى تاريخ تأليفى ٤٦٦ سنهٔ هجريه، [مصحح كليسلى معلم رفعت]، جلد ١ — ٣، استانبول، ١٣٣٣ — ١٣٣٥ [= 1915—1917].

*Махмуд Кашгарский, турецк. пер.— *Divanü Lûgat-it-Türk tercümesi*. Çeviren B. Atalay, c. I-III, Ankara, 1940.

Менучехри.— *Menoutchehri. Poète persan du IIème siècle de notre ère (du 5ième de l'hégire)*. Texte, traduction, notes et Introduction historique par A. de Biberstein Kazimirski, Paris, 1886.

*Мервези.— *Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī on China, the Turks and India*. Arabic text (circa A. D. 1120) with an English translation and commentary by V. Minorsky, London, 1942 (James G. Forlong Fund, vol. XXII).

Мерверруди.— *Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubárakshâh being The historical introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubárakshâh Marvar-rûdi completed in A. D. 1206*. Ed. from a unique Manuscript by E. D. Ross, London, 1927 (James G. Forlong Fund, vol. IV).

Мир Абд ал-Керим Бухари — см. Абд ал-Керим.

Мирхонд, бомбейское изд.— كتاب تاريخ روضة الصفا تأليف محمد خاوند شاه مشتمل بر هفت جلد وتمامى در يكجلد ومجلد منتظم كرديده، بمبئى، ١٢٦٦ [=1849].

Мирхонд, *История Буидов*, изд. Вилькена.— [F.] Wilken, *Geschichte der Sultane aus dem Geschlechte Bujeh* nach Mirchond, Berlin, 1835.

Мирхонд, *История Газневидов*, изд. Вилькена.— Mohammedi filii Chondschahi vulgo Mirchondi *Historia Gasnevidarum persice*. Ex codicibus Berolinensibus aliisque nunc primum edidit lectionis varietate instruxit latine vertit annotationibusque historicis illustravit F. Wilken, Berolini, 1832.

Мирхонд, *История Саманидов*, изд. Дефремери.— *Histoire des Samanides* par Mirkhond. Texte persan, traduit et accompagné de notes critiques, historiques et géographiques par M. Defrémery, Paris, 1845.

*Мирхонд, *История Сельджукидов*, изд. Вуллерса.— Mirchondi *Historia Seldschukidarum persice*. E codicibus manuscriptis Parisino et Berolinensi nunc primum edidit, lectionis varietate instruxit, annotationibus criticis et philologicis illustravit J. A. Vullers, Gissae, 1837.

Мирхонд, *История хорезмшахов*, изд. Дефремери.— *Histoire des sultans du Kharezm*, par Mirkhond; texte persan, accompagné de notes historiques, géographiques et philologiques [par Defrémery], à l'usage des élèves de l'École royale et spéciale des langues orientales vivantes, Paris, 1842 (Chrestomathies orientales, [II]).

Мирхонд, *История Чингиз-хана*, изд. Жобера.— *Vie de Djenghiz-Khan*, par Mirkhond; (Texte persan [publ. par A. Jaubert]). A l'usage des élèves de l'École

royale et spéciale des langues orientales vivantes, Paris, 1841 (Chrestomathies orientales, [I]).

Мирхонд, лакнауское изд.— تاريخ روضة الصفا كه مشتمل است بر بدائع اخبار وغرائب آثار تاليف مولانا خاوند شاه هروى. . .، جلد ۱ — ۷ وخاتمه، لكهنو، ۱۸۹۱م/۱۳۰۸ھ

*Мирхонд, тегеран. изд. 1960.— تاريخ روضة الصفا تصنيف مير محمد بن سيد برهان الدين خواوند شاه الشهير بمير خواند شيوهٔ نثر ونگارش كم نظير در ادبيات فارسى در سدهٔ نهم هجرى از روى نسخ متعدّده مقابله گرديده و فهرست اسامى واعلام وقبايل وكتب با چاپهاى ديگر متمايز ميباشد، جلد ۱ — ۷، تهران، اسفند ماه ۱۳۳۸ — مرداد ماه ۱۳۳۹ ش؛ جلد ۸ — ۹، ملحقات. تاريخ روضة الصفائى ناصرى تصنيف مرحوم رضا قليخان متخلص بهدايت. . .، تهران، تير ماه ۱۳۳۹ — آذر ۱۳۳۹ ش [=1960].

Мирхонд, тегеран. литогр.— روضة الصفائى مير خواند. . .، جلد ۱ — ۱۰، [طهران]، ۱۲۷۰ — ۱۲۷٤ [=1853—1857].

Мосхейм.— Lavrentii Moshemii *Historia Tartarorum ecclesiastica. Adjecta est Tartariae Asiaticae secundum recentiores geographos in mappa delineatio*, Helmstadt, 1741.

Мубарекшах, Фахр ад-дин — см. Мерверруди.

Муджмал ат-тавāрūх, извлеч. в изд. Моля.— *Extraits du Modjmel al-Tewarikh relatifs à l'histoire de la Perse*, traduits par J. Mohl, — JA, sér. 3, t. XI, 1841, pp. 136—178, 258—301, 320—361; t. XII, 1841, pp. 497—536; t. XIV, 1842, pp. 113—152; sér. 4, t. I, 1843, pp. 385—432.

Муджмал ат-тавāрūх, извлеч. в изд. Рейно.— Reinaud, *Fragments*, pp. 1—54.

*مُجمَل التواريخ والقصص تأليف سال ٥٢٠ هجرى *Муджмал ат-тавāрūх*, изд. Бехара.— بتصحيح ملك الشعراء بهار، طهران، ۱۳۱۸ ش [=1939].

Муджмал ат-тавāрūх, рук.— *Муджмал ат-тавāрūх ва-л-қиçаç*, рук. Нац. б-ки, Ancien fonds persan 62. [См. также *Тексты*, стр. 19—20.]

Муджмал-и Фаçīхī — см. Фасих.

Му'изз ал-ансāб.— Му'изз ал-ансāб фī шаджарат салāṭūн муғул, рук. Нац. б-ки, Ancien fonds persan 67. [См. также *Тексты*, стр. 159.]

منتخب التواريخ معينى (تأليف ۸۱٦ و ۸۱۷ هجرى قمرى) منسوب به معين الدين نطنزى وبمعروف به «آنونيم اسكندر»، بتصحيح ژان اوبن، تهران، دى ماه ۱۳۳٦ خورشيدى [=1957].

Му'ин ад-дин Натанзи, рук.— Мунтаҳаб ат-тавāрūх-и Му'īнī, рук. ИНА С 381 (566bc); рук. Брит. муз. Or. 1566.

*Му'ин ал-фукара, *Китāб-и Муллā-зāде*, изд. Гольчина Маани.— تاريخ ملازاده در ذكر مزارات بخارا تأليف احمد بن محمود المدعو بمعين الفقراء در نيمهٔ اول قرن نهم، بامقدمه و تصحيح وتحشيه وتراجم اعلام باهتمام احمد گلچين معانى، تهران، ۱۳۳۹ [=1960].

Му'ин ал-фукара, *Китāб-и Муллā-зāде*, рук.— Му'ин ал-фукара, *Китāб-и Муллā-зāде*, рук. ЛГУ 593c; рук. ЛГУ 947b. [См. также *Тексты*, стр. 166—172.]

Мукаддаси — см. Макдиси.

Мукāтибāт-и Рашīдī — см. Рашид ад-дин, *Мукāтибāт*.

Мунтаджаб ад-дин, *Мунша'āт*,— كتاب عتبة الكتبه مجموعهٔ مراسلات ديوان سلطان سنجر بقلم مؤيد الدوله منتجب الدين بديع اتابک جوينى، باتصحيح واهتمام محمد قزوينى وعباس اقبال، [تهران]، ۱۳۲۹ ش [= 1950].

Мусеви, *Та'рӣх-и хайрӣт.*— Мусеви, *Та'рӣх-и хайрӣт*, рук. Брит. муз., Rieu, Suppl. Pers., 423.

Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳӣнӣ.*—Мухаммед-Вефа Керминеги, *Туҳфат ал-ҳӣни*, рук. ИНА С 523 (с 581b).

Мухаммед ибн Кайс ар-Рази — см. Рази.

Мухаммед-Казим, рук.— Мухаммед-Казим, [*Та'рӣх-и*] *'ӣламӣрӣ-йи Нӣдирӣ*, рук. ИНА D 430.

*Мухаммед-Казим, факс.— Муҳаммад-Кӣзим, *Нӣме-йи 'ӣламӣрӣ-йи Нӣдирӣ* (*Мироукрашающая Надирова книга*). Том I. Издание текста и предисловие Н. Д. Миклухо-Маклая. Указатели Г. В. Шитова, М., 1960 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, XIII).

Мухаммед-Махди-хан — см. Махди-хан.

Мухаммед Нершахи — см. Нершахи.

Мухаммед Самарканди, *А'рӣд ас-сийӣсат.*— Мухаммед Катиб ас-Самарканди, *А'рӣд ас-сийӣсат фӣ агрӣд ар-рийӣсат*, лейденская рук. 904. [См. также *Тексты*, стр. 71—72.]

Мухаммед-Хайдер.— *The Tarikh-i-Rashidi* of Mirza Muhammad Haidar, Dughlát. *A History of the Moghuls of Central Asia.* An English version ed., with commentary, notes, and map by N. Elias. The translation by E. Denison Ross, London, 1895.

Мухаммед Хусейни.— *Das Geschenk aus der Saldschukengeschichte* von dem Wesir Muḥammad b. Muḥammad b. Muḥammad b. 'Abdallah b. al-Nit,ām al-Ḥusainī al-Yazdī. Zum ersten Male hrsg. und mit Anmerkungen, zwei Einleitungen und einem Anhang versehen von K. Süssheim, Leiden, 1909.

Мэн-да бэй-лу — см. ниже, разд. 2, Исследования: Васильев, *История и древности.*

Насир ад-дин Туси, *Зӣдж.*— Насир ад-дин Туси, *Зӣдж-и ильхӣнӣ*, рук. Брит. муз. Or. 7464.

*Насир ад-дин Туси, *Трактат о финансах.*— M. Minovy and V. Minorsky, *Naṣīr al-Dīn Ṭūsī on Finance*,— BSOAS, vol. X, 1940, pt 3, pp. 755—789.

Насир-и Хусрау, *Сафар-нӣме.—Sefer Nameh. Relation du voyage de Nassiri Khosrau en Syrie, en Palestine, en Égypte, en Arabie, et en Perse, pendant les années de l'Hégire 437—444 (1035—1042).* Publié, traduit et annoté par Ch. Schefer, Paris, 1881.

Нершахи, бухар. литогр.— [بخارا، ۱۳۲۲] تاريخ نرشخی، (Новая Бухара, 1904).

Нершахи, изд. Шефера.— *Description topographique et historique de Boukhara* par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892 (PÉLOV, IIIe sér., vol. XIII).

Нершахи, пер. Лыкошина.— Мухаммад Наршахи, *История Бухары.* Перевел с персидского Н. Лыкошин под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897.

*Нершахи, пер. Фрая.— *The History of Bukhara.* Transl. from a Persian abridgement of the Arabic original by Narshakhī R. N. Frye, Cambridge, Mass., 1954.

*Несеви, *Нафҫат ал-маҫдӯр.*— كتاب نفثة المصدور في فتور زمان المصدور وزمان صدور الفتور تأليف خواجه نور الدين محمد زيدری خراسانی منشی سلطان جلال الدين خوارزمشاهی سال ٦٢٢ هجری در انقراض دولت خوارزمشاهی و فتنهٔ مغول، بامقدّمه مرحوم رضاقلی خان هدايت طبری لله باشی، [طهران]، ۱۳۰۷ ش [1928=].

Несеви, *Сӣрат Джелӣль ад-дӣн.*— *Histoire du sultan Djelal ed-Din Mankobirti*

prince du Kharezm par Mohammed en-Nesawi. Texte arabe publié d'après le manuscrit de la Bibliothèque Nationale par O. Houdas, Paris, 1891; traduit de l'arabe par O. Houdas, Paris, 1895 (PÉLOV, IIIe sér., vol. IX—X).

Несефи, *Кандийа*, пер. Вяткина.— *Кандия Малая*, [пер. В. Вяткина],— СКСО, вып. VIII, 1906, стр. 235—290.

Несефи, *Кандийа*, рук.— Омар ибн Мухаммед ан-Несефи ас-Самарканди, *Китаб ал-канд фи та'рих Самарканд*, рук. ИНА В 677 (aa 574ag); рук. ЛГУ 859. [См. также *Тексты*, стр. 48—51.]

*Низам ад-дин Шами.— *Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Ẓafarnāma* par Niẓāmuddīn Šāmī *avec des additions empruntées au Zubdatu-t-tawārīḫ-i Bāysunġurī* de Ḥāfiẓ-i Abrū. Edition critique par F. Tauer, t. I: *Texte persan du Ẓafarnāma*, Praha, 1937; t. II: *Introduction, commentaire, index*, Praha, 1956 (MAOr, vol. V).

*Низам ал-мульк, изд. Казвини—Модарреси Чехардехи.— سیاست نامه اثر ابو علی حسن بن علی خواجه نظام الملک که بسال ٤٨٥ هجری تألیف شده از روی نسخه شفر چاپ پاریس ١٨٩١ میلادی با حواشی ویاد داشتها واشارات وتصحیح علّامه فقید محمد قزوینی با تصحیح مجدّد وتعلیقات ومقدّمه بکوشش مرتضی مدرّسی چهاردهی، تهران، ١٣٣٤ ه. ش. [=1956] (زبان وفرهنگ ایران، ١٤٠).

*Низам ал-мульк, изд. Хальхали.— سیاست نامه یا سیر الملوک تألیف ابو علی حسن بن علی نظام الملک مقتول بسال ٤٨٥ هجری قمری باهتمام این بنده سید عبد الرحیم خلخالی، طهران، ١٣١٠ ش [=1931].

Низам ал-мульк, изд. Шефера.— *Siasset Namèh. Traité de Gouvernement.* Composé pour le sultan Melik-Châh par le vizir Nizam oul-Moulk. *Texte persan* édité par Ch. Schefer, Paris, 1891 (PÉLOV, IIIe sér., vol. VII, 1e partie); *Supplement*, Paris, 1897 (PÉLOV, IIIe sér., vol. VII, 2e partie); *Traduit* par Ch. Schefer, Paris, 1893 (PÉLOV, IIIe sér., vol. VIII).

*Низам ал-мульк, пер. Дарка.— *The Book of Government or Rules for Kings. The Siyāsat-nāma or Siyar al-Mulūk* of Niẓām al-Mulk. Transl. from the Persian by H. Darke, London, 1960 (UNESCO collection of representative works. Persian series).

*Низам ал-мульк, пер. Заходера.— *Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька.* Перевод, введение в изучение памятника и примечания Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949 (Литературные памятники).

Низами Арузи, *Чахар макала*, изд. Казвини.— *Chahár Maqála* ("*The Four Discourses*") of Aḥmad ibn 'Umar ibn 'Alí an-Niẓámí al-'Arúḍí as-Samarqandí, ed., with introduction, notes and indices, by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu 'l-Wahháb of Qazwín, Leyden—London, 1910 (GMS, XI, 1).

*Низами Арузи, *Чахар макала*, изд. Му'ина.— چهار مقاله تألیف احمد بن عمر بن علی نظامی عروضی سمرقندی در حدود سال ٥٥٠ هجری قمری طبق نسخه‌ای که بسعی واهتمام وتصحیح مرحوم محمد قزوینی بسال ١٣٢٧ هجری قمری در قاهره چاپ شده با تصحیح مجدد وشرح لغات وعبارات وتوضیح نکات ادبی بضمیمهٔ تعلیقات چهار مقاله بقلم علّامه قزوینی وگروهی از فاضلان بنام بکوشش دکتر محمد معین، [تهران]، ١٣٣١—١٣٣٣ [=1955—1957].

Низами Арузи, *Чахар мақала*, пер. Броуна.— *Revised translation of the Chahár Maqála* (*"Four Discourses"*) of Nizámí-i-'Arúdí of Samarqand, followed by an abridged translation of Mírzá Muḥammad's notes to the Persian text by E. G. Browne, London, 1921 (GMS, XI, 2).

Низами, Садр ад-дин — см. Садр ад-дин Низами.

Омари, извлеч. в пер. Катрмера.— [E.] Quatremère, *Notice de l'ouvrage qui a pour titre: Mesalek alabsar fi memalek alamsar* مسالك الابصار في ممالك الامصار *Voyages des yeux dans les royaumes des différentes contrées. (Manuscrit arabe de la Bibliothèque du Roi, № 583)*,— Notices et extraits, t. XIII, partie 1, pp. 151–384.

Плано Карпини, изд. д'Авезака.— *Relation des Mongols ou Tartares* par le frère Jean du Plan de Carpin de l'ordre des Frère-Mineurs... Première édition complète publiée d'après les manuscrits de Leyde, de Paris, et de Londres, et précédée d'une notice sur les anciens voyages de Tartarie en général, et sur celui de Jean du Plan de Carpin en particulier, par M. D'Avezac,— «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie», t. IV, Paris, 1839, pp. 397–779.

Плано Карпини, изд. Бизли.— *The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis as printed for the first time by Hakluyt in 1598 together with some shorter pieces*. Ed. by C. R. Beazley, London, 1903 (HS, extra series, I) [Плано Карпини — стр. 43–144].

Плано Карпини, изд. Языкова.— *Собрание путешествий к татарам и другим возточным [sic] народам, в XIII, XIV и XV столетиях. I. Плано-Карпини. II. Асцелин*, [изд. текста и пер. Д. Языкова], СПб., 1825.

Плано Карпини, пер. Малеина.— Иоанн де Плано Карпини, *История Монгалов* * Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны*. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911 [Плано Карпини — стр. 1–62].

Плано Карпини, пер. Рокхилла.— *The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253–55, as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine*. Transl. from the Latin, and ed., with an Introductory Notice, by W. W. Rockhill, London, 1900 (HS, 2d series, IV), pp. 1–39.

Поло — см. Марко Поло.

Равенди, извлеч. в изд. Шефера.— *Tableau du règne de Moïzz eddin Aboul Harith, Sultan Sindjar*, par Mohammed ibn Aly Ravendy. Texte persan publié pour la première fois avec la traduction française, par Ch. Schefer,— „Nouveaux mélanges orientaux", pp. 1–47.

Равенди, изд. Икбаля — *The Ráḥat-uṣ-Ṣudúr wa Áyat-us-Surúr, being a history of the Saljúqs* by Muḥammad ibn 'Alí ibn Sulaymán ar-Ráwandí. Ed. with notes, glossary and indices by Muḥammad Iqbál, Leyden — London, 1921 (GMS NS, II).

Равенди, турецк. пер.— *Тавāрūх-и Āл-и Сельджӯқ*, рук. ИНА D 166 (590ba).

Рази, *Му'джам*, изд. Казвини — Броуна.—*Al-Mu'jam fi Ma'áyiri Ash'ári 'l-'Ajam, a treatise on the prosody and poetic art of the Persians* by Shamsu 'd-Dín Muḥammad ibn Qays ar-Rází, ed., with introduction and indices, by Mírzá Muḥammad ibn 'Abdu 'l-Wahháb of Qazwín [and E. G. Browne], Leyden — London, 1909 (GMS, X).

*Рази, *Му'джам*, изд. Казвини — Разави.— تألیف کتاب المعجم فی معائیر اشعار العجم شمس الدین محمد بن قیس الرازی در اوائل قرن هفتم هجری بتصحیح . . . آقای محمد بن عبد الوهاب قزوینی با مقابله با پنج نسخه خطی قدیمی وتصحیح ثانوی مدرّس رضوی، [تهران]، ١٣١٤ ش [=1935].

Рашахāт.—(Ст. Ташкент, Литогр. Арифджанова) ١٣٢٩ رشحات [عین الحیات]، تاشکند،

*Рашид ад-дин, изд. Али-заде. — Фазлуллах Рашид-ад-дин, *Джами-ат-таварих* (*Сборник летописей*), т. III. Составитель научно-критического текста на персидском языке А. А. Али-заде. Перевод с персидского языка А. К. Арендса, Баку, 1957.

Рашид ад-дин, изд. Березина. — *Сборник летописей. История монголов*, сочинение Рашид-Эддина. *Введение: о турецких и монгольских племенах. Перевод* с персидского, с введением и примечаниями, И. Н. Березина, СПб., 1858 (ТВОРАО, ч. V); [то же], персидский *текст*, с предисловием и примечаниями, И. Н. Березина, СПб., 1861 (ТВОРАО, ч. VII); *История Чингиз-хана до восшествия его на престол.* Персидский текст, с предисловием И. Н. Березина; русский перевод с предисловием и примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1868 (ТВОРАО, ч. XIII); *История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины.* Персидский текст в издании И. Н. Березина; русский перевод с примечаниями И. Н. Березина, СПб., 1888 (ТВОРАО, ч. XV).

Рашид ад-дин, изд. Блоше. — *Djami el-tévarikh. Histoire générale du monde* par Fadl Allah Rashid ed-Din. *Tarikh-i moubarek-i Ghazani. Histoire des Mongols* éditée par E. Blochet. T. II. *Contenant l'histoire des empereurs mongols successeurs de Tchinkkiz Khaghan*, Leyden—London, 1911 (GMS, XVIII, 2).

Рашид ад-дин, изд. Катрмера. — *Histoire des Mongols de la Perse* écrite en persan par Raschid-eldin. Publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur par M. Quatremère, t. I, Paris, 1836 (Coll. orient.).

*Рашид ад-дин, изд. Яна, I. — *Ta'rīḫ-i-Mubārak-i-Ġāzānī* des Rašīd al-Dīn Faḍl Allāh Abī-l-Ḫair. *Geschichte der Ilḫāne Abāġā bis Gaiḫātū* (*1265—1295*). Kritische Ausgabe mit Einleitung, Inhaltsangabe und Indices von K. Jahn, Prag, 1941 (Abhandlungen der Deutschen Gesellschaft der Wissenschaften und Künste in Prag. Philos-hist. Abt., H. I.).

*Рашид ад-дин, изд. Яна, II.—*Geschichte Ġāzān-Ḫān's aus dem Ta'rīḫ-i-Mubārak-i-Ġāzānī* des Rašīd al-Dīn Faḍlallāh b. 'Imād al-Daula Abūl-Ḫair, hrsg. nach den Handschriften von Stambul, London, Paris und Wien mit einer Einleitung, kritischen Apparat und Indices von K. Jahn, London, 1940 (GMS NS, XIV).

*Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН. — Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, перевод с персидского Л. А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова, М. — Л., 1952; т. I, кн. 2, перевод с персидского О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. II, перевод с персидского Ю. П. Верховского, примечания Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, редакция И. П. Петрушевского, М. — Л., 1960; т. III, перевод с персидского А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского, М. — Л., 1946.

Рашид ад-дин, рук. — Фазлаллах Рашид ад-дин, *Джāми' ат-тавāрūх*, рук. ИНА D 66 (а 566); рук. ГПБ Дорн 289; рук. ГПБ ПНС 46 (V, 3, 1); рук. ГПБ ПНС 47 (V, 3, 2); рук. Брит. муз. Add. 7628; рук. Брит. муз. Add. 16 688; рук. Бодлеянской б-ки, Elliot 377. [См. также *Тексты*, стр. 120—127.]

*Рашид ад-дин, *Мукātибāт*, изд. Шафи'.— كتاب مكاتبات رشيدى يعنى رسائلى كه وزير دانشمند خواجه رشيد الدين فضل الله طبيب بپرسان وعمّال ودوستان ودیگران سواى ايشان نوشته ومولانا محمد ابرقوهى آنهارا جمع نموده، بسعى واهتمام وتصحيح اقل العباد محمد شفيع باضافهٔ حواشى وفهارس، لاهور، ١٣٦٤ ه/١٩٤٥ م.

Рашид ад-дин, *Мукātибāт*, рук. — *Мунша'āт-и Рашīдī*, рук. ИНА В 938 (734).

Рубрук, изд. Бизли. — *The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis as printed for the first time by Hakluyt in 1598 together with some shorter pieces*. Ed. by C. R. Beazley, London, 1903 (HS, extra series, I) [Рубрук — стр. 144—234].

Рубрук, изд. Мишеля — Райта. — *Itinerarium Willelmi de Rubruk*, — «Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie», t. IV, Paris, 1839, pp. 213—396.

Рубрук, пер. Малеина. — Иоанн де Плано Карпини, *История Монгалов* * Вильгельм де Рубрук, *Путешествие в восточные страны*. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб., 1911 [Рубрук — стр. 65 — 201].

Рубрук, пер. Рокхилла. — *The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253—55, as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine*. Transl. from the Latin, and ed., with an Introductory Notice, by W. W. Rockhill, London, 1900 (HS, 2d series, IV), pp. 40—282.

Са'алиби, *Гурар*. — Aboû Manṣoûr 'Abd al-Malik ibn Moḥammad ibn Ismâ'îl al-Tha'âlibî غرر اخبار ملوک الفرس وسيرهم *Histoire des Rois des Perses*. Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg, Paris, 1900.

Са'алиби, *Йатīма*, бейрут. изд. — يتيمة الدهر فى شعراء اهل العصر تأليف من جلت فضائله عن التعدادى الحصر ابى منصور عبد الملک بن محمد بن اسمعيل النيسابورى الثعالبى، الجزء ١—٤، [بيروت (؟)، ١٨٨٣ (؟)].

Са'алиби, *Йатīма*, извлеч. в пер. Барбье де Менара. — C. Barbier de Meynard, *Tableau littéraire du Khorassan et de la Transoxiane au IVe siècle de l'hégire*, — JA, sér. 5, t. I, pp. 169 — 239; t. III, pp. 291—361.

*Са'алиби, *Йатīма*, изд. Абд ал-Хамида. — يتيمة الدهر فى محاسن أهل العصر لأبى منصور عبد الملک بن محمد بن اسماعيل الثعالبى النيسابورى بتحقيق محمد محيى الدين عبد الحميد، الجزء ١—٤، القاهرة، ١٩٤٧ م/١٣٦٦ ه.

*Са'алиби, *Йатīма*, изд. Валетона. — *Specimen e litteris orientalibus, exhibens Ta:ālībī Syntagma dictorum brevium et auctorum*, quod... ex codice Ms. Bibliothecae Leidensis arabice ed., latine reddidit, et annotatione illustravit J. J. Ph. Valeton, Lugduni Batavorum, 1844.

Са'алиби, *Лаṭā'иф*. — *Latáifo 'l-ma'árif*, auctore Abu Mançur Abdolmalik ibn Mohammed ibn Ismá'íl at-Tha'álibí, quem librum e codd. Leyd. et Goth. ed. P. de Jong, Lugduni Batavorum, 1867.

*Са'ди, *Гулистāн*, изд. Алиева. — Са'дī, *Гулистāн*. Критический текст, перевод, предисловие и примечания Р. М. Алиева, М., 1959 (ПЛНВ, Тексты, Большая серия, III).

Са'ди, *Гулистāн*, изд. Семеле. — *Le Parterre de Fleurs* du Cheïkh-Moslih-eddin Sâdi de Chiraz. Édition autographique publiée par N. Semelet, Paris, 1828.

*Са'ди, *Гулистан*, изд. Форуги.— شیخ مصلح الدین سعدی شیرازی، گلستان، از روی نسخهٔ تصحیح شده مرحوم محمد علی فروغی، [طهران، ۱۳۲۹] [=1950, литогр.].

Са'ди, *Гулистан*, пер. Холмогорова. — *Гюлистан* [т. е. «Цветник роз». Творение шейха Мослихуддина Саади Ширазского]. С персидского подлинника перевел И. Холмогоров, М., 1882.

Садр ад-дин Низами. — Садр ад-дин Низами, *Тадж ал-ма'аҫир*, рук. ЛГУ 578.

*Садр ад-дин Хусейни, *Зубдат ат-тавāрūх*, изд. Икбаля.— Sadr 'uddin Abu'l Hasan 'Ali Ibn Nāṣir Ibn 'Ali al-Ḥusaini, *Akhbār 'ud-dawlat as-saljūqiyya*, ed. by Muḥammad Iqbal, Lahore, 1933.

Садр ад-дин Хусейни, *Зубдат ат-тавāрūх*, рук.—Садр ад-дин Хусейни, *Зубдат ат-тавāрūх*, рук. Брит. муз., Stowe, Orient. 7.

Сам'ани, изд. Вюстенфельда. — *Specimen el-Lobabi sive Genealogiarum Arabum*, quas conscriptas ab Abu Sa'd Sam'anense abbreviavit et emendavit Ibn el-Athir. E codice Ms. Bibl. Duc. Gothan. nunc primum arabice ed. et praefatus est F. Wüstenfeld, Gottingae, 1835.

Сам'ани, изд. Марголиуса. — *The Kitāb al-Ansāb* of 'Abd al-Karīm ibn Muḥammad al-Sam'ānī reproduced in facsimile from the manuscript in the British Museum Add. 23,355 with an introduction by D. S. Margoliouth, Leyden — London, 1912 (GMS, XX).

Сам'ани, рук. — Абу Са'д Абд ал-Керим Мухаммед ас-Сам'ани, *Китāб ал-ансāб*, рук. ИНА С 361 (543а). [См. также *Тексты*, стр. 52—69.]

Самарийа — см. Абу Тахир-ходжа.

Сафи ад-дин, *Фаҙā'ил-и Балх*, извлеч. в изд. Шефера. — Schefer, *Chrestomathie persane*, t. I, pp. 65—103 [texte], 56—94 [notes].

Сафи ад-дин, *Фаҙā'ил-и Балх*, рук. — Абдаллах ибн Омар Сафи ад-дин, *Фаҙā'ил-и Балх*, рук. Нац. б-ки, Ancien fonds persan 115.

*Сведения о черных татарах. — «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй Тина. [Публикация Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева], — ПВ, 1960, № 5, стр. 133—158.

*Сейфи ал-Хереви. — *The Ta'rikh Náma-i-Harát* (*The History of Harát*) of Sayf ibn Muḥammad ibn Ya'qúb al-Harawí. Ed. with introduction by Moḥammad Zubayr aṣ-Ṣiddíqí, Calcutta, 1944.

*Сокровенное сказание, изд. Козина. — С. А. Козин, *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongγol-un niγuca tobčiyan Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник*. Т. I. *Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии*, М. — Л., 1941.

*Сокровенное сказание, изд. Пельо. — *Histoire secrète des mongols*. Restitution du texte mongol et traduction française des chapitres I à VI [par P. Pelliot], Paris, 1949 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot. I).

*Сокровенное сказание, изд. Хениша. — *Mangḫol un Niuca Tobca'an* (*Yüan-ch'ao pi-shi*). *Die Geheime Geschichte der Mongolen*. Aus der chinesischen Transkription (Ausgabe Ye Têh-hui) im mongolischen Wortlaut wiederhergestellt von E. Haenisch, T. I: *Text*, Leipzig, 1937; [т. II]: *Wörterbuch*, Leipzig, 1939; т. III: *Übersetzung*, Leipzig, 1941 [2. verbess. Aufl.: Leipzig, 1948].

Сокровенное сказание, пер. Кафарова. — *Старинное монгольское сказание о Чингисхане*. [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий],—ТЧРДМ, т. IV, СПб., 1866, стр. 3—258.

*Стефан Орбелиан, *История Сюнии*. — *Histoire de la Siounie* par Stéphanos Orbelian, traduite de l'Arménien par M. Brosset, St.-Pbg., 1866.

*Сюань Цзан, пер. Била. — *Si-Yu-Ki. Buddhist records of the Western World.* Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang (A. D. 629) by S. Beal, vol. I—II, London, 1906 (Trübner's Oriental Series).

Сюань Цзан, пер. Жюльена. — *Mémoires sur les contrées occidentales,* traduits du sanscrit en chinois, en l'an 648, par Hiouen-thsang, et du chinois en français, par S. Julien, t. I—II, Paris, 1857—1858 (Voyages de pèlerins bouddhistes. II—III).

Табақāт-и Нāçирū — см. Джузджани.

Табари. — *Annales* quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, series I, t. I—VI, 1879—1890; series II, t. I—III, 1881—1889; series III, t. I—IV, 1879—1890; *Introductio, glossarium, addenda et emendanda,* 1901; *Indices,* 1901.

*Табари, пер. Нёльдеке. — *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden.* Aus der arabischen Chronik des Tabari übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen und Ergänzungen versehn von Th. Nöldeke, Leyden, 1879.

Тāдж ал-ʿарӯс. — شرح القاموس المسمى تاج العروس من جواهر القاموس للامام اللغوى محب الدين ابى الفيض السيد محمد مرتضى الحسينى الواسطى الزبيدى الحنفى، جلد ١ — ١٠، [القاهرة]، ١٣٠٦—١٣٠٧.

Таʾрūх-и арбаʿ улӯс — см. *Шаджарат ал-атрāк.*

**Таʾрūх-и Бейхақ,* изд. Бахманйара. — تاريخ بيهق تأليف ابو الحسن على بن زيد بيهقى معروف بابن فندق با تصحيح وتعليقات احمد بهمنيار، [تهران]، ١٣١٧ خورشيدى [=1938].

Таʾрūх-и Бейхақ, рук. — Абу-л-Хасан Али ибн Фундук Бейхаки, *Таʾрūх-и Бейхақ,* рук. Брит. муз., Or. 3587; < рук. Ин-та востоковедения АН УзССР, 1524>.

**Таʾрūх-и Джурджāн,* изд. Низамуддина. — Ḥamza b. Yūsuf b. Ibrāhīm al-Sahmī (died 427/1036), *Taʾrīkh-i Jurjān, or Kitāb-i Maʿrifat-i ʿUlamā-i Ahl-i Jurjān.* Based on the unique Arabic MS (Lane № 276) in the Bodleian Library, Oxford, ed. and published by the Dā'iratu Ma'ārif-il-Osmania [by Nizam al-dīn], Hyderabad, 1950.

Таʾрūх-и Рашūдū — см. Мухаммед-Хайдер.

Таʾрūх-и ҳайрāт — см. Мусеви.

*Товма Мецопеци, изд. Шахназаряна. — *История Ланк Тʿамура и его преемников,* сочиненная вардапетом Тʿовмой Мецʾопеци. Издал с примечаниями вардапет К. Шахназарян, Париж, 1860 [на армянском яз.].

*Товма Мецопеци, пер. Тер-Григорьяна. — Фома Мецопский, *История Тимур-ланка и его преемников.* [Перевод с армянского на русский Т. И. Тер-Григорьяна. Перевод с русского на азербайджанский У. Бакиханова], Баку, 1957.

Тун-цзянь ган-му, IX — XI. — *Histoire générale de la Chine, ou Annales de cet empire;* traduites du Tong-kien-kang-mou, par le feu Père J.-A.-M. de Moyriac de Mailla... Publiées par M. le Roux des Hautesrayes, t. IX — XI, Paris, 1779—1780.

Утби, изд. Шпренгера. — *Al-Kitab al-Yemînî,* ed. Mawlawî Mamlûk and A. Sprenger, Delhi, 1847 (литогр.)

Утби, рук. — Абу Наср ал-Утби, *Таʾрūх ал-Йамūнū,* рук. ИНА С 342 (510).

*Утби — Джербадекани. — ترجمه تاريخ يمينى تصنيف ابو الشرف ناصح بن ظفر بن سعيد المنشى الجرفادقانى، طهران، ١٢٧٢ [= 1855-56, литогр.].

*Утби — Джербадекани, изд. Али Кавима. — تاريخ يمينى تأليف ابو النصر محمد بن عبد الجبار العتبى در شرح مواقف ومقامات ومغازى ناصر الدين ابو منصور سبكتكين وسلطان يمين الدوله ابو القاسم محمود غزنوى وبرخى از اخبار آل سامان وآل زيار وآل بويه وملوک وامراء اطراف، ترجمهٔ ابو الشرف ناصح بن ظفر بن سعد جُرفادقانى بتصحيح وتحشيهٔ على قويم، تهران، ١٣٣٤ ش [=1955].

Утби — Джербадекани, пер. Рейнольдса. — *The Kitab-i-Yamini, Historical Memoirs of the Amir Sabaktagin and the sultan Mahmúd of Ghazna, Early Conquerors of Hindustan, and Founders of the Ghaznavide dynasty*. Transl. from the Persian version of the contemporary Arabic Chronicle of al Utbi by J. Reynolds, London, 1858 (OTF).

Утби — Манини. — شرح اليمينى المسمى بالفتح الوهبى على تاريخ أبى نصر العتبى للشيخ المنينى، [القاهرة، ١٢٦٨] [=1869].

Фасих. — *Муджмал-и Фасйхй*, рук. ИНА В 709 (581a). [См. также *Тексты*, стр. 160–161.]

*Фасих, изд. Фарроха. — مجمل فصيحى مؤلف فصيح احمد بن جلال الدين محمد خوافى بتصحيح وتحشيه محمود فرخ، مشهد، [١٩٦١].

Фахр ад-дин Мубарекшах — см. Мерверруди.

Ал-Фахрй, изд. Альвардта. — *Elfachri. Geschichte der islamischen Reiche vom Anfang bis zum Ende des Chalifates* von Ibn etthiqthaqa. Arabisch. Hrsg. nach der Pariser Handschrift von W. Ahlwardt, Gotha, 1850.

**Ал-Фахрй*, изд. Деренбурга. — *Al-Fakhrî. Histoire du khalifat et du vizirat depuis leurs origines jusqu'à la chute du khalifat 'abbaside de Baghdâdh (11—656 de l'hégire = 632 - 1258 de notre ère)*... par Ibn at-Tiqtaqa. Nouvelle édition du texte arabe par H. Derenbourg, Paris, 1895.

*Фихрист. — *Kitâb al-Fihrist*. Mit Anmerkungen hrsg. von G. Flügel, nach dessen Tode besorgt von J. Roediger und A. Müller. Bd I: den Text enthaltend, von J. Roediger, Leipzig, 1871; Bd II: die Anmerkungen und Indices enthaltend, von A. Müller, Leipzig, 1872.

Фома Мецопский — см. Товма Мецопеци.

Хаджи Халифа. — كشف الظنون عن اسامى الكتب والفنون *Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum* a Mustafa Ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum. Ad codicum Vindobonensium, Parisiensium et Berolinensis fidem primum edidit, latine vertit et commentario indicibusque instruxit G. Fluegel, t. I, Leipzig, 1835; t. II, Leipzig, 1837; t. III, London, 1842; t. IV, London, 1845; t. V, London, 1850; t. VI, London, 1852; t. VII (Indices), London, 1858.

Хайдер Рази, *Та'рйх-и Хайдарй*. — Хайдер Рази, *Та'рйх-и Хайдарй* (*Маджма' ат-тавйрйх*), рук. Берлинской б-ки 418; рук. Брит. муз. Or. 4508.

Хамадани — см. Ибн ал-Факих.

*Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулуб*, изд. Дабира Сияки. — بخش نخست از مقاله سوم نزهة القلوب تأليف حمد الله بن ابى بكر بن محمد بن نصر مستوفى قزوينى (٧٤٠ هجرى قمرى) با مقابله وحواشى وتعليقات وفهارس بكوشش محمد — دبير سياقى، تهران، اسفند ماه ١٣٣٦ خورشيدى [=1958] (زبان وفرهنگ ايران، ٢١).

Хамдаллах Казвини, *Нузхат ал-кулӯб*, изд. Ле Стрэнджа, I—II. — *The geographical part of the Nuzhat-al-Qulūb* composed by Ḥamd-Allāh Mustawfī of Qazwīn in 740 (1340). Ed. by G. Le Strange, Leyden — London, 1915; transl. by G. Le Strange, Leyden — London, 1919 (GMS, XXIII, 1—2).

Хамдаллах Казвини, *Ta'pūx-u гузīде*, извлеч. в пер. Дефремери. — *Histoire des Seldjoukides et des Ismaéliens ou Assasins de l'Iran. Extraite du 'Tarikhi Guzideh ou Histoire Choisie d'Hamd-Allah Mustaufi.* Traduite du persan et accompagnée de notes historiques et géographiques par M. Defrémery, Paris, 1849 (extrait du JA, sér. 4, t. XI, 1848, pp. 417—462; t. XII, 1848, pp. 259—279, 334—370; t. XIII, 1849, pp. 15—55).

Хамдаллах Казвини, *Ta'pūx-u гузīде*, изд. Броуна.— *The Ta'rikh-i-Guzida or "Select History"* of Ḥamdu'lláh Mustawfí-i-Qazwíní compiled in A. H. 730 (A. D. 1330), and now reproduced in fac-simile from a manuscript dated A. H. 857 (A. D. 1453) with an introduction by E. G. Browne. Vol. I, containing the text, Leyden — London, 1910 (GMS, XIV, 1).

*Хамдаллах Казвини, *Ta'pūx-u гузīде*, изд. Наваи. — تاريخ گزيده تأليف حمد الله بن ابى بكر بن احمد بن نصر مستوفى قزوينى در سنهٔ ۷۳۰ هجرى، با مقابله با چندين نسخه بضميمه فهارس وحواشى باهتمام... عبد الحسين نوائى، [Тегеран], آذر ماه ۱۳۳۹ ش [=1960].

Хамдаллах Казвини, *Ta'pūx-u гузīде*, пер. Броуна.— *The Ta'rikh-i-Guzida or "Select History"* of Ḥamdu'lláh Mustawfí-i-Qazwíní compiled in A. H. 730 (A. D. 1330) and now abridged in English from a manuscript dated A. H. 857 (A. D. 1453) by E. G. Browne, with indices of the fac-simile text by R. A. Nicholson. Part [sic] II, containing the abridged translation and indices, Leyden — London, 1913 (GMS, XIV, 2).

Хамдаллах Казвини, *Ta'pūx-u гузīде*, рук.—Хамдаллах Мустауфи Казвини, *Ta'pūx-u гузīде*, рук. ЛГУ 153; рук. ИНА С 503 (578b). [См. также *Тексты*, стр. 153.]

Хамза Исфахани. — Hamsae Ispahanensis *Annalium libri X.* Ed. J. M. E. Gottwaldt, t. I. Textus arabicus, Petropoli, 1844; t. II. Translatio latina, Lipsiae, 1848 [t. I переизд.: Berlin, «Kaviani», 1340/1921-22].

*Хафиз-и Абру, *Зайл-и Джами' ат-тавāрūx*, изд. Баяни. — ذيل جامع التواريخ رشيدى تأليف شهاب الدين عبد الله بن لطف الله بن عبد الرشيد الخوافى المدّعو بحافظ ابرو مؤلف زبدة التواريخ، بخش نخستين با مقدمه وحواشى وتعليقات... خانبابا بيانى، تهران، ۱۳۱۷ ش [=1938].

*Хафиз-и Абру, *Зайл-и Джами' ат-тавāрūx*, пер. Баяни. — Hâfiz-i Abrû, *Chronique des Rois Mongols en Iran.* Texte persan édité et traduit par K. Bayani. II. Traduction et Notes, Paris, 1936.

*Хафиз-и Абру, *Зайл-и Зафар-нāме*, изд. Керими. — ذيل كتاب ظفر نامه نظام الدين شامى تأليف عبد الله بن لطف الله بن عبد الرشيد المدعو بحافظ ابرو از روى نسخه عكس بردارى شده استانبول، با مقدمه وتصحيح دكتر [بهمن] كريمى، تهران، [تير ما ۱۳۲۸ ش] [=1949 ; копия издания Тауэра].

*Хафиз-и Абру, *Зайл-и Зафар-нāме*, изд. Тауэра. – *Continuation du Ẓafarnāma de Niẓāmuddīn Šāmī* par Ḥāfiz-i Abrū. Éditée d'après les manuscrits de Stamboul par F. Tauer, — AOr, vol. VI, 1934, № 3, pp. 429—465.

*Хафиз-и Абру, *Маджму'а*, извлеч. в изд. Тауэра. — *Cinq opuscules de Ḥāfiẓ-i Abrū concernant l'histoire de l'Iran au temps de Tamerlan.* Édition critique par F. Tauer, Prague, 1959 [AOr, Supplementa, V (1959)].

Хафиз-и Абру, рук. — Хафиз-и Абру, [географич. сочинение], рук. ГПБ Дорн 290. [См. также *Тексты*, стр. 157—158.]

Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*. — Хафиз-и Таныш, *'Абдулла-наме*, рук. ИНА D 88 (574 age).

Хетум, текст.—Haithoni Armeni *Historia Orientalis*. Quae eadem & De Tartaris inscribitur, [ed. A. Mülleri Greiffenhagii], Coloniae Brandenburgicae, 1671 (издано в одном перепл. с кн.: Marci Pauli Veneti, Historici fidelissimi juxta ac praestantissimi, *De Regionibus Orientalibus Libri III*..., Coloniae Brandenburgicae, 1671).

Хетум, франц. пер. — *Histoire Orientale ou des Tartares*, de Haiton, Parent du Roi d'Armenie... décrit par la main de Nicolas Salcon, & traduit suivant l'Édition Latine de A. Müller Greiffenhag, — в кн.: *Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV, et XV siècles*, par Benjamin de Tudele, Jean du Plan-Carpin, N. Ascelin, Guillaume de Rubruquis, Marc Paul Venitien, Haiton, Jean de Mandeville, et Ambroise Contarini. Accompagnés de l'Histoire des Sarasins et des Tartares, et précédez [sic] d'une Introduction... par P. Bergeron, La Haye, 1735 (разд. паг.).

Хилаль ас-Саби, *Вузара'*. — *The historical remains of Hilâl al-Sâbi. First part of his Kitab al-Wuzara (Gotha Ms. 1756) and fragment of his History 389—393 A. H. (B. M. Ms, add. 19360)*. Ed. with notes and glossary by H. F. Amedroz, Leyden, 1904.

Хилаль ас-Саби, *Та'пых*. — *Continuation of the Experiences of the Nations* by Abu Shuja' Rudhrawari Vizier of Muqtadi, and Hilal b. Muhassin Vizier's Secretary in Baghdad. *Arabic Text* ed. by H. F. Amedroz and D. S. Margoliouth. Reigns of Ta'i' and Qadir, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. III); *Translation* from the Original Arabic by D. S. Margoliouth. Reigns of Ta'i' and Qadir, Oxford, 1921 (*Eclipse*, vol. VI).

Хондемир, извлеч. в пер. Дефремери. — *Histoire des khans Mongols du Turkistan et de la Transoxiane, extraite du Habib essiier de Khondémir*, traduite du persan et accompagnée de notes, par M. C. Defrémery, — JA, sér. 4, t. XIX, 1852, pp. 58—94, 216—288.

Хондемир, тегеран. изд. 1271/1854-55. — كتاب مستطاب حبيب السيّر مرقوم رقم... غياث الدين بن همام الدين الشهير بخواندامير...، جلد ۱—۳، طهران، ۱۲۷۰—۱۲۷۱ [литогр.]

*Хондемир, тегеран. изд. 1333/1954.— تاريخ حبيب السير فى اخبار افراد بشر تأليف غياث الدين بن همام الدين الحسينى المدّعو به خواندامير، با مقدمه بقلم: آقاى جلال الدين همائى، جلد ۱—٤، [تهران]، ۱۳۳۳ ش [=1954].

Хорезми, *Мафамых*. — *Liber Mafâtîh al-olûm explicans vocabula technica scientiarum tam arabum tam peregrinorum* auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Ahmed ibn Jûsof al-Kâtib al-Khowarezmi. Ed., indices adjecit G. van Vloten, Lugduni-Batavorum, 1895.

*Худуд ал-'алам, пер. Минорского.—*Ḥudūd al-'Ālam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D.* Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold (†1930) transl. from the Russian, London, 1937 (GMS NS, XI).

Худуд ал-'алам, [рук.] — *Худуд ал-'алем. Рукопись Туманского*. С введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.

Хусейни, Мухаммед — см. Мухаммед Хусейни.

Хусейни, Садр ад-дин — см. Садр ад-дин Хусейни.

Чан-чунь, пер. Кафарова. — *Си ю цзи, или описание путешествия на Запад.* [Перевел с китайского, с примечаниями, архимандрит Палладий], — ТЧРДМ, т. IV, СПб., 1866, стр. 259—436.

*Чан-чунь, пер. Уэли. — *The Travels of an Alchemist. The Journey of the Taoist Ch'ang-ch'un from China to the Hindukush at the summons of Chingiz Khan. Recorded by His Disciple Li Chih-ch'ang.* Transl. with an Introduction by A. Waley, London, 1931 (The Broadway Travellers).

Шаджарат ал-атрāк, пер. Майлса. — *The Shajrat ul-Atrak, or genealogical tree of the Turks and Tatars*; transl. and abridged by Col. Miles, London, 1838.

Шаджарат ал-атрāк, рук. — *Шаджарат ал-атрāк*, рук. Брит. муз. Or. 8106; рук. Брит. муз. Add. 26190. [См. также *Тексты*, стр. 162—164.]

Шами — см. Низам ад-дин Шами.

Шахристани, изд. Кертона. — كتاب الملل و النحل *Book of Religious and Philosophical Sects*, by Muhammad al-Shahrastáni. Now first ed. from the collation of several MSS by... W. Cureton, London, 1842—1846.

Шахристани, пер. Хаарбрюкера. — Abu-'l-Fath' Muh'ammad asch-Schahrastâni's *Religionspartheien und Philosophen-Schulen.* Zum ersten Male vollständig aus dem Arabischen übersetzt und mit erklärenden Anmerkungen versehen von T. Haarbrücker, T. I—II, Halle, 1850—1851.

Шебангараи. — Мухаммед Шебангараи, *Маджма' ал-ансāб*, рук. ИНА 372 (d 566).

*Шереф ад-дин Йезди, изд. Аббаси. — ظفر نامه، تاریخ عمومی مفصّل ایران در دورهٔ تیموریان لمولانا شرف الدین علی یزدی از روی نسخی که در عصر مصنف نوشته شده بتصحیح واهتمام محمد عباسی، جلد ۱—۲، تهران، ۱۳۳۶ ش [=1957].

Шереф ад-дин Йезди, калькут. изд. — *The Ẓafarnámah* by Maulánâ Sharíuddín [sic] 'Alí of Yazd. Ed... by Maulawí Muḥammad Ilahdád, vol. I—II, Calcutta, 1887 — 1888.

Шереф ад-дин Йезди, пер. Пети де ля Круа. — *Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan, Empereur des Mogols et Tartares.* Ecrite en Persan par Cherefeddin Ali, natif d'Yezd, Auteur contemporain. Traduite en François par feu M. Petis de la Croix... Avec des Notes Historiques, & des Cartes Geographiques, t. I—IV, Delf, 1723.

Шэн-у цинь-чжэн лу, пер. Кафарова. — *Старинное китайское сказание о Чингис-хане.* Перевод с китайского архимандрита Палладия, — «Восточный сборник», [изд. Мин-ва иностр. дел], т. I, СПб., 1877, стр. 149—202.

**Шэн-у цинь-чжэн лу*, пер. Пельо — Амби. — *Histoire des campagnes de Gengis khan Cheng-wou ts'in-tcheng lou.* Traduit et annoté par P. Pelliot et L. Hambis, t. I, Leiden, 1951.

Юань-ши, пер. Бичурина. — *История первых четырех ханов из дома Чингисова*, переведено с китайского монахом Иакинфом, СПб., 1829.

Юсуф Баласагунский — см. *Кутадгу билик.*

Я'куби, *Китāб ал-булдāн.* — *Kitâb al-a'lâk an-nafîsa VII* auctore Abû Alî Aḥmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-boldân* auctore Aḥmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbî [ed. M. J. de Goeje], edit. 2, Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VII) [Я'куби — стр. 231—373].

*Я'куби, *Китāб ал-булдāн*, пер. Вьета. — Ya'qūbī, *Les Pays.* Traduit par G. Wiet,

Le Caire, 1937 (Publications de l'Institut français d'archéologie orientale. Textes et traductions d'auteurs orientaux. T. 1).

Я'куби, *Ta'pīx*. — Ibn Wādhih qui dicitur al-Ja'qubī, *Historiae*. Ed. M. Th. Houtsma, pars 1, historiam ante-islamicam continens; pars 2, historiam islamicam continens, Lugduni Batavorum, 1883.

Якут, *Иршад*. — *The Irshád al-arib ilá ma'rifat al-adib or Dictionary of learned men* of Yáqút. Ed. by D. S. Margoliouth, vol. I—VII, Leyden—London, 1907—1927 (GMS, VI, 1—7) [I—1907, II—1909, III—1910, IV (London) — 1927, V—1911, VI—1913, VII (London) — 1926].

Якут, *Му'джам*. — *Yacut's geographisches Wörterbuch* aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford... hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1873 [I (aus den Handschriften zu Berlin, St. Petersburg und Paris) — 1866, II—1867, III—1868, IV—1869, V—1873, VI—1870].

Яфи'и, *Мир'āт ал-джаннāн*. — Абдаллах ибн Али Яфи'и, *Мир'āт ал-джаннāн фī ма'рифат хавāдиҫ ал-инсāн*, рук. ЛГУ 302. [См. также *Тексты*, 154—155.]

2. ИССЛЕДОВАНИЯ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ[1]

* Адыков, *Главные станции* — К. А. Адыков, *Главные станции на средневековом торговом пути из Серахса в Мерв (по археологическим данным)*,— СА, 1959, № 4, стр. 212—227.

*Адыков, *Койне Серахс.*— К. А. Адыков, *Койне Серахс (краткий путеводитель)*, Ашхабад, 1960.

*Айнӣ, *Исьёни Муқаннаъ.* — С. Айнӣ, *Исьёни Муқаннаъ. Очерки таърихӣ-тадқиқӣ*, Сталинобод, 1944.

* Айнӣ, *Қаҳрамони халқи тоҷик.* — С. Айнӣ, *Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик. Очерки адабӣ-таърихӣ*, Сталинобод, 1944.

*Айнӣ, *Шайхурраис Абӯалӣ Сино.*— С. Айнӣ, *Шайхурраис Абӯалӣ Сино*, Сталинобод — Ленинград, 1941.

*Али-заде, *Из истории.*— А. Али-заде, *Из истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XIV вв. Термин «харадж»*, — ИАН АзССР, 1953, № 3, стр. 107—116.

*Али-заде, *К вопросу об институте «икта'».* — А. А. Али-заде, *К вопросу об институте «икта'» в Азербайджане при ильханах (XIII—XIV вв.)*,— «Изв. АзФАН», 1942, № 5, стр. 19—28; то же: ССИА, стр. 127—135.

*Али-заде, *К вопросу об институте инджу.*— А. А. Али-заде, *К вопросу об институте инджу в Азербайджане в XIII—XIV вв.*,— «Изв. АзФАН», 1943, № 8, стр. 62—76; то же: ССИА, стр. 95—108.

*Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана.*— А. Али-заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв.*, Баку, 1956.

* Альхамова, *Клад.* — З. А. Альхамова, *Клад медных посеребрённых Самаркандских дирхемов 663 г. х.*,— «Труды САГУ», вып. XI, 1950, стр. 69—74.

Андреев, *Местности Туркестана.* — М. Андреев, *Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении*, — «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, май, стр. 16—28.

Андреев, *По поводу процесса образования цехов.*— М. С. Андреев, *По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисаля)*,— «Этнография», М.—Л., 1927, № 2, стр. 323—326.

*Андрианов, *К вопросу о причинах запустения земель древнего орошения.* — Б. В. Андрианов, *К вопросу о причинах запустения земель древнего орошения на Куня-дарье и Жаны-дарье*,— ИВГО, т. 86, вып. 5, 1954, стр. 442—447.

---

[1] Из новых изданий, а также некоторых старых изданий, не цитированных В. В. Бартольдом, в этот раздел Библиографии включены: а) работы и публикации по истории и археологии Средней Азии VII—XIII вв.; б) работы по истории сопредельных стран, в которых трактуются исторические проблемы, затронутые в «Туркестане» В. В. Бартольда; в) работы, цитированные в редакторских примечаниях.

Арандаренко, *Досуги.* — Г. А. Арандаренко, *Досуги в Туркестане. 1874—1889,* СПб., 1889.

Аристов, *Заметки об этническом составе.* — Н. А. Аристов, *Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности,* — «Живая старина», год VI, СПб., 1896, вып. III—IV, стр. 277—456.

Бартольд, *Абу-Михнаф.* — В. Бартольд, *Абу-Михнаф,* — ЗВОРАО, т. XVII, 1906, стр. 0147—0149.

*Бартольд, *Археологические работы в Самарканде.* — В. В. Бартольд, *Археологические работы в Самарканде летом 1924 г.,* — ИРАИМК, т. IV, 1922, стр. 119—132.

Бартольд, «Восток», кн. 5 [стр. 251—256]. — В. В. Бартольд, [рец. на:] Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан, Берлин — С. Петербург — Москва. 1922, — журн. «Восток», кн. 5, 1925, стр. 251—256.

*Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос.* — В. В. Бартольд, *Восточно-Иранский вопрос,* — ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 361—384.

Бартольд, *Греко-бактрийское государство.* — В. В. Бартольд, *Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток,* — ИАН, сер. VI, т. X, 1916, стр. 823—828.

*Бартольд, *Еще об «аноним» Искендера.* — В. В. Бартольд, *Еще об «аноним» Искендера,* — ИАН СССР, Отд. гуманитарных наук, 1929, стр. 165—180.

Бартольд, ЖМНП, 1896 [стр. 366—384]. — В. В. Бартольд, [рец. на:] L. Cahun. Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. Paris, 1896, — ЖМНП, ч. CCCV, 1896, июнь, отд. II, стр. 366—384.

Бартольд, ЗВОРАО, т. X [стр. 215—226]. — В. Бартольд, [рец. на:] Mirzá Muḥammad Ḥaidar, Dughlát. The Tarikh-i Rashidi... An English version... by N. Elias. The Translation by E. Denison Ross. London. 1895, — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 215—226.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XI [стр. 341—356]. — В. Бартольд, [рец. на:] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб. 1897, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 341—356.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XII [стр. 0122—0125]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области 1898... Вып. VI. Самарканд 1899, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 0122—0125.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XII [стр. 0130—0138]. — В. Б[артольд], [рец. на:] F. H. Skrine and E. D. Ross. The Heart of Asia... London 1899, — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 0130—0138.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XIII [стр. 0115—0117]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Известия Туркестанского отдела Императорского Русского Географического общества, т. I, 1899, вып. II. Ташкент. 1900, — ЗВОРАО, т. XIII, 1901, стр. 0115—0117.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XV [стр. 050—056]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. 1902... Вып. VII, — ЗВОРАО, т. XV, 1903, стр. 050—056.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XVII [стр. 0102—0107]. — В. Б[артольд], [рец. на:] G. Le Strange, The lands of the Eastern Caliphate... Cambridge 1905, — ЗВОРАО, т. XVII, 1906, стр. 0102—0107.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XVIII [стр. 0181—0191]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Справочная книжка Самаркандской области. 1906 г. ... Вып. VIII—IX. Самарканд 1906—1907, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0181—0191.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXI [стр. 0145—0150]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Л. С. Багров. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб. 1912, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. 0145—0150.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXII [стр. 357—361]. — В. Б[артольд], [рец. на:] Albert Herrmann. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets. Berlin 1914,— ЗВОРАО, т. XXII, 1915, стр. 357—361.

Бартольд, ЗВОРАО, т. XXIII [стр. 413—419].— В. В. Бартольд, [рец. на:] В. Ф. Караваев. Голодная степь в ее прошлом и настоящем... Пг. 1914,— ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 413—419.

Бартольд, *Из минц-кабинета*, II—III.— В. Бартольд, *Из минц-кабинета при С.-Петербургском Университете. II. Неизданный саманидский фельс. III. Фельс Исмаила б. Ахмеда*,— ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 059—060.

*Бартольд, *Иран.*— В. В. Бартольд, *Иран. Исторический обзор*, Ташкент, 1926.

Бартольд, «Иран», т. II [стр. 181—185].— В. В. Бартольд, [рец. на:] В. Л. Вяткин. Городище Афрасиаб. Самарканд. 1928,— «Иран», т. II, 1928, стр. 181—185.

Бартольд, *Ислам.*— В. В. Бартольд, *Ислам*, Пг., 1918.

Бартольд, *Историк Мусеви.*— В.В. Бартольд, *Историк Мусеви, как автор* تاريخ خيرات, — ИАН, сер. VI, т. IX, 1915, стр. 1365—1370.

Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана.*— В. В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, СПб., 1903.

*Бартольд, *История изучения Востока.*— В. В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и в России*, СПб., 1911; изд. 2-е: Л., 1925.

*Бартольд, *История культурной жизни Туркестана.*— В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927.

*Бартольд, *История турецко-монгольских народов.*— В. В. Бартольд, *История турецко-монгольских народов. Конспект лекций, читанных студентам Казакского высшего педагогического института в 1926/1927 учебном году*, Ташкент, 1928.

*Бартольд, *История Туркестана.*— В. В. Бартольд, *История Туркестана*, Ташкент, 1922 (Труды Туркестанского гос. ун-та, вып. 2).

*Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах.* — В. Бартольд, *К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов*,— ЗВОРАО, т. XXV, 1921, стр. 55—76.

*Бартольд, *К вопросу о феодализме в Иране.*— В. В. Бартольд, *К вопросу о феодализме в Иране.*— «Новый Восток», № 28, 1930, стр. 108—116.

*Бартольд. *К вопросу о Чингизидах-христианах.* — В. Бартольд, *К вопросу о Чингизидах-христианах*,— ЗВОРАО, т. XXII, 1914, стр. 171—172.

*Бартольд, *К вопросу об археологических исследованиях.*— В. В. Бартольд, *К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане*,— ТВ, 1894, № 5—7 (то же: отд. отт., стр. 1—34).

*Бартольд, *К вопросу об уйгурской литературе.* — В. В. Бартольд, *К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов*,— «Живая старина», год XVIII, 1909, вып. II—III, стр. 42—46.

Бартольд, *К истории арабских завоеваний.* — В. Бартольд, *К истории арабских завоеваний в Средней Азии*,— ЗВОРАО, т. XVII, 1906, стр. 0140—0147.

*Бартольд, *К истории крестьянских движений.* — В. В. Бартольд, *К истории крестьянских движений в Персии*,— «Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева», Пг.—М., 1923, стр. 54—62.

Бартольд, *К истории Мерва.* — В. Бартольд, *К истории Мерва*,— ЗВОРАО, т. XIX, 1910, стр. 115—138.

*Бартольд, *Киргизы.* — В. В. Бартольд, *Киргизы. (Исторический очерк)*, Фрунзе, 1927; изд. 2-е: Фрунзе, 1943.

Бартольд, *Культура мусульманства.* — В. В. Бартольд, *Культура мусульманства*, Пг., 1918.

Бартольд, *Мерверруд.* — В. Бартольд, *Мерверруд,* — ЗВОРАО, т. XIV, СПб., 1902, стр. 028—032.

Бартольд, *Место Прикаспийских областей.* — В. В. Бартольд, *Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира,* Баку, 1925.

Бартольд, «Мир ислама», т. I [стр. 56—107].— В. В. Бартольд, [рец. на:] E. Blochet. Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden — London, 1910,— «Мир ислама», т. II, 1912, стр. 56—107.

Бартольд, *Мир-Али-Шир.* — В. В. Бартольд, *Мир-Али-Шир и политическая жизнь,* — «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 100—164.

Бартольд, *Мулхакât-ас-Сурâх.* — В. Бартольд, *Мулхакât-ас-Сурâх,* — ЗВОРАО, т XI, 1899, стр. 283—287.

Бартольд, *Мусульманский мир.* — В. В. Бартольд, *Мусульманский мир,* Пб., 1922 (Введение в науку. История).

Бартольд, *Народное движение в Самарканде.* — В. Бартольд, *Народное движение в Самарканде в 1365 г.,*— ЗВОРАО, т. XVII, 1906, стр. 01—019.

Бартольд, *Несколько слов об арийской культуре.* — В. Бартольд, *Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии,*— «Средне-Азиатский вестник», 1896, июнь, стр. 20—33; то же: отд. отт., стр. 1—16.

Бартольд, *Новое мусульманское известие о русских.* — В. Бартольд, *Новое мусульманское известие о русских,*— ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 262—267.

*Бартольд, *Новый источник по истории Тимуридов.*— В. В. Бартольд, *Новый источник по истории Тимуридов,*— ЗИВАН, т. V, Л., 1935, стр. 5—42.

Бартольд, *Новый труд о половцах.*— В. В. Бартольд, *Новый труд о половцах*: W. Bang и J. Marquart. Osttürkische Dialektstudien. Berlin. 1914,— «Русский исторический журнал», изд. Российской Акад. наук, кн. 7, 1921, стр. 138—156.

*Бартольд, *О колесном и верховом движении.* — В. В. Бартольд, *О колесном и верховом движении в Средней Азии,*— ЗИВАН, т. VI, 1936, стр. 5—7.

Бартольд, *О некоторых восточных рукописях.* — В. В. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях,*— ИРАН, сер. VI, т. XIII, 1919, стр. 923—930.

Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира.* — В. Бартольд, *О некоторых восточных рукописях в библиотеках Константинополя и Каира. [Отчет о командировке],*— ЗВОРАО, т. XVIII, 1908, стр. 0115—0154.

Бартольд, *О погребении Тимура.* — В. Бартольд, *О погребении Тимура,* — ЗВОРАО, т. XXIII, 1916, стр. 1—32.

Бартольд, *О христианстве в Туркестане.* — В. Бартольд, *О христианстве в Туркестане в до-монгольский период. (По поводу семиреченских надписей),*— ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 1—32. [Нем. пер. см.: Barthold, *Zur Geschichte.*]

*Бартольд, *Об одном документе,* — В. В. Бартольд, *Об одном уйгурском документе,* — ПТКЛА, год VII, 1902, стр. 34—36.

Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана.*— В. Бартольд, *Образование империи Чингиз-хана,*— ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 105—119.

*Бартольд, *Определение «анонима Искендера».* — В. В. Бартольд, *Определение «анонима Искендера»,*— ДАН-В, 1927, стр. 115—116.

Бартольд, *Орошение.*— В. В. Бартольд, *К истории орошения Туркестана,* СПб., 1914; то же: журн. «Сельское хозяйство и лесоводство», 1914, т. CCXLIV, № 1, стр. 5—33; № 2, стр. 211—226; № 3, стр. 405—429; № 4, стр. 595—626; т. CCXLV, № 5, стр. 5—31; № 6, стр. 189—215.

Бартольд, *Ответ Г. Е. Груму-Гржимайло.* — В. В. Бартольд, *Ответ Г. Е. Груму-Гржимайло,*— ИИРГО, т. XXXV, 1899, стр. 694—710.

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1902 г.).* — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан. [Лето 1902 г.]*, — ЗВОРАО, т. XV, 1904, стр. 173—280.

Бартольд, *Отчет о командировке в Лондон.* — В. Бартольд, *Отчет о командировке в Лондон,* — ИАН, сер. VI, т. VIII, 1914, стр. 879—882.

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан (1920 г.).* — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестан. Август — декабрь 1920 г.,* — ИРАН, сер. VI, т. XV, 1921, стр. 188—219.

Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестанский край.* — В. В. Бартольд, *Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 года,* — ИАН, сер. VI, т. X, 1916, стр. 1239—1242.

Бартольд, *Отчет о поездке в Самарканд.* — В. В. Бартольд, *Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г.,* — ИРКСА, № 4, СПб., 1904, стр. 21—24.

Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию.* — В. В. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг.,* СПб., 1897 (ЗИАН, ОИФ, сер. VIII, т. I, № 4).

Бартольд, *Очерк истории Семиречья.* — В. В. Бартольд, *Очерк истории Семиречья,* — ПКСОСК на 1898 г., т. II, стр. 74—175; то же: отд. отт., стр. 1—102.

*Бартольд, *Очерк истории туркменского народа.* — В. В Бартольд, *Очерк истории туркменского народа,* — сб. «Туркмения», I, Л., 1929, стр. 1—69.

Бартольд, *Персидская надпись.* — В. В. Бартольд, *Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче,* СПб., 1911 (Анийская серия, № 5).

*Бартольд, *Персидское арк.* — В. В. Бартольд, *Персидское арк «крепость, цитадель»,* — ИРАИМК, т. I, № 5, Пг., 1921, стр. 29—32.

*Бартольд, *По поводу статьи «Догадка о прошлом Отрара».* — В. В. Бартольд, *По поводу статьи «Догадка о прошлом Отрара»,* — ТВ, 1900, № 3; то же: ПТКЛА, год IV, 1900, стр. 175—176.

Бартольд, *Поездка в Самарканд.* — В. В. Бартольд, *Поездка в Самарканд с археологическою целью* [доклад в заседании РАО 28 октября 1904 г.], — ЗВОРАО, т. XVI, 1906, стр. XXXIV—XXXV.

Бартольд, *Сведения об Аральском море.* — В. В. Бартольд, *Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века,* Ташкент, 1902 (ИТОРГО, т. IV. Научные разультаты Аральской экспедиции, вып. II). [Нем. пер. см.: Barthold, *Nachrichten*].

*Бартольд, *Связь общественного быта с хозяйственным укладом.* — В. В. Бартольд *Связь общественного быта с хозяйственным укладом у турок и монголов,* — ИОАИЭК, т. XXXIV, 1929, вып. 3—4, стр. 1—4.

Бартольд, *Султан Синджар.* — В. Бартольд, *Султан Синджар и гузы (По поводу статьи К. А. Иностранцева),* — ЗВОРАО, т. XX, 1912, стр. 046—049.

*Бартольд, *Таджики.* — В. В. Бартольд, *Таджики. Исторический очерк,* — «Таджикистан. Сборник статей», под ред. Н. Л. Корженевского, Ташкент, 1925, стр. 93—111.

*Бартольд, *Текст первой надписи.* — В. В. Бартольд, *Текст первой надписи в Варухском ущелье,* — ПТКЛА, год IX, 1904, стр. 46—47.

Бартольд, *Туркестан.* — В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия,* ч. I, Тексты, СПб., 1898; ч. II, Исследование, СПб., 1900. [Англ. пер. см.: Barthold, *Turkestan*].

Бартольд, *Улугбек.* — В. В. Бартольд, *Улугбек и его время,* Пг., 1918 (ЗРАН по историко-филолог. отд., т. XIII, № 5).

*Бартольд, *Халиф и султан.* — В. В. Бартольд, *Халиф и султан,* — «Мир ислама», т. I, СПб., 1912, № 2, стр. 203—226; № 5, стр. 345—400.

Бартольд, *Хафизи-Абру.*— В. В. Бартольд, *Хафизи-Абру и его сочинения,*— «Ал-Музаффарийя», стр. 1—28.

*Бартольд, *Хлопководство.* — В. В. Бартольд, *Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских,*— «Хлопковое дело», 1924, № 11—12, стр. 3—13.

*Беленицкий, *Из археологических работ.* — А. М. Беленицкий, *Из археологических работ в Пянджикенте 1951 г.,*— СА, XVIII, 1953, стр. 326—341.

*Беленицкий, *Историко-географический очерк Хутталя.* — А. М. Беленицкий, *Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э.,*— «Труды СТАЭ», т. I, 1946—1947 (МИА, № 15), 1950, стр. 109—127.

*Беленицкий, *К вопросу о социальных отношениях в Иране.* — А. М. Беленицкий, *К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху,*— СВ, т. V, 1948, стр. 111—128.

*Беленицкий, *К истории феодального землевладения.* — А. Беленицкий, *К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в Тимуридскую эпоху (XIV—XV вв.). (Образование института «суюргал»),*— «Историк-марксист», 1941, № 4, стр. 43—58.

*Беленицкий, *О домусульманских культах.* — А. М. Беленицкий, *О домусульманских культах Средней Азии,*— КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 83—85.

*Беленицкий, *О пянджикентских храмах.* — А. М. Беленицкий, *О пянджикентских храмах,*— КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 119—126.

*Беляев, *Анонимная историческая рукопись.* — В. Беляев, *Анонимная историческая рукопись коллекции В. А. Иванова в Азиатском музее,*— ЗКВ, т. V, 1930, стр. 15—37.

*Беляев, *Арабские источники по истории туркмен.* — В. И. Беляев, *Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX—XIII вв.,*— МИТТ, I, стр. 12—40.

*Беляев, *Арабские рукописи Бухарской коллекции.* — В. И. Беляев, *Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения АН СССР,* Л., 1932 (ТИВАН, т. II).

*Беляев, *Арабские рукописи в собрании ИВАН.* — В. И. Беляев, *Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Академии наук СССР,*— УЗИВАН, т. VI, 1953, стр. 54—103.

Березин, *Очерк внутреннего устройства.*— И. Березин, *Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева,* — ТВОРАО, ч. VIII, 1864, стр. 387—494; то же: отд. отт.

Берже, *Краткий каталог.*— А. Берже, *Краткий каталог Тифлисской Публичной Библиотеки. (1846—1861),* Тифлис, 1861.

*Бернштам, *Археологический очерк.*— А. Н. Бернштам, *Археологический очерк Северной Киргизии,* Фрунзе, 1941 (МИИКК, вып. IV).

*Бернштам, *Древнетюркский документ.* — А. Н. Бернштам, *Древнетюркский документ из Согда. (Предварительное сообщение),*— ЭВ, V, 1951, стр. 65—75.

*Бернштам, *Древняя Фергана.* — А. Н. Бернштам, *Древняя Фергана (Научно-популярный очерк),* Ташкент, 1951.

*Бернштам, *Историческое прошлое.* — А. Н. Бернштам, *Историческое прошлое киргизского народа,* Фрунзе, 1942.

*Бернштам, *Памятники.* — А. Н. Бернштам, *Памятники старины Таласской долины, историко-археологический очерк,* Алма-Ата, 1941.

*Бернштам, *Советская археология Средней Азии.* — А. Н. Бернштам, *Советская археология Средней Азии,*— КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 5—17.

*Бернштам, *Социально-экономический строй.* — А. Бернштам, *Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков,* М.— Л., 1946.

*Бернштам, *Среднеазиатская древность.* — А. Н. Бернштам, *Среднеазиатская древность и ее изучение за 30 лет,* — ВДИ, 1947, № 3, стр. 83—94.

*Бернштам, *Тюргешские монеты.* — А. Н. Бернштам, *Тюргешские монеты,* — ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 105—111.

*Бернштам, *Уйгурская эпиграфика.* — А. Н. Бернштам, *Уйгурская эпиграфика Семиречья.* I,— ЭВ, I, 1947, стр. 33—37; II,— ЭВ, II, 1948, стр. 102—106.

*Бернштам, *Уйгурские юридические документы.* — А.Н. Бернштам, *Уйгурские юридические документы,* — ПИ, III, 1940, стр. 61—84.

*А. Бертельс, *Насир-и Хосров.* — А. Е. Бертельс, *Насир-и Хосров и исмаилизм,* М., 1959.

*Е. Бертельс, *Авиценна.* — Е. Э. Бертельс, *Авиценна,* — «Наука и жизнь», 1952, № 5, стр. 44—45.

*Е. Бертельс, *История персидско-таджикской литературы.* — Е. Э. Бертельс, *История персидско-таджикской литературы,* М., 1960 (Избранные труды, [т. I]).

*Е. Бертельс, *Очерк.* — Е. Э. Бертельс, *Очерк истории персидской литературы,* Л., 1928.

*Е. Бертельс, *Персидская поэзия в Бухаре.* — Е. Бертельс, *Персидская поэзия в Бухаре. X век,* М.— Л., 1935.

*Е. Бертельс, *Персидский — дари — таджикский.* — Е. Бертельс, *Персидский — дари — таджикский,* — СЭ, 1950, № 4, стр. 55—66.

*Большаков, *Заметки.* — О. Г. Большаков, *Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв.,* — КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 17—23.

*Брагинский, *Из истории.* — И. С. Брагинский, *Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности,* М., 1956.

Брянов, *О следах.* — А. Брянов, *О следах древнего города Касана в Ферганской области,* — ПТКЛА, год IV, 1899, стр. 142—148.

Будагов.— Л. Будагов, *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий,* т. I—II, СПб., 1869—1871.

*Букинич, *Водоснабжение и ирригация.* — Д. Д. Букинич, *Краткие предварительные соображения о водоснабжении и ирригации старого Термеза и его района,* — «Труды УзФАН», сер. 1, вып. 2, 1940 (ТАКЭ 1936 г.), стр. 154—158.

*Булгаков, *Сведения.* — П. Г. Булгаков, *Сведения арабских географов IX — начала X веков о маршрутах и городах Средней Азии,* Л., 1954 (кандидатская диссертация, рукопись — б-ка им. А. М. Горького, ЛГУ).

Валидов, *Мешхедская рукопись.* — А. З. Валидов, *Мешхедская рукопись Ибну-ль-Факиха,* — ИРАН, сер. VI, т. XVIII, 1924, стр. 237—251.

*Валитова, *К вопросу о классовой природе.* — А. А. Валитова, *К вопросу о классовой природе Караханидского государства,* — «Труды КирФАН», т. I, вып. 1, 1943, стр. 127—136.

*Валитова, *Юсуф Баласагунский.* — А. А. Валитова, *Юсуф Баласагунский и его «Кутадгу Билиг»,* — КСИВ, вып. IV, 1952, стр. 56—63.

Вамбери, *История Бохары.* — Г. Вамбери, *История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего,* т. I—II, СПб., 1873.

Вамбери, *Путешествие.* — А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии в 1863 году,* СПб., 1865.

Васильев, *Вопросы.* — В. Васильев, *Вопросы и сомнения,* — ЗВОРАО, т. IV, 1889, стр. 379—381.

Васильев, *История и древности.* — В. П. Васильев, *История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о Киданях, Джурджитах и Монголо-Татарах,* — ТВОРАО, ч. IV, 1859, стр. 1—235.

Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях.* — В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях и царевичах,* ч. 1—3, 1863—1866 (ТВОРАО, ч. IX—XI).

*Вернадский, *О составе Великой Ясы.* — Г. В. Вернадский, *О составе Великой Ясы Чингис Хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского,* Брюссель, 1939 (Г. В. Вернадский, *Исследования и материалы по истории России и Востока.* Вып. 1).

Веселовский, ЖМНП, 1897 [стр. 466—468]. — Н. Веселовский, [рец. на:] Мухаммад Наршахи. История Бухары. Перевел с персидского Н. Лыкошин под редакцией В. В. Бартольда, — ЖМНП, ч. CCCXIV, 1897, декабрь, стр. 466—468.

Веселовский, *Заметка о курганах.* — Н. Веселовский, *Заметка о курганах Туркестанского края,* — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 221—226.

Веселовский, ЗВОРАО, т. VIII [стр. 159—165]. — Н. Веселовский, [рец. на:] П. Шубинский. Очерки Бухары, СПб., 1892, — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 159—165.

Веселовский, *Очерк историко-географических сведений.* — Н. Веселовский, *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего,* СПб., 1877.

*Владимирцов, *Общественный строй.* — Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм,* Л., 1934.

*Владимирцов, *Чингис-хан.* — Б. Я. Владимирцов, *Чингис-хан,* Берлин — Петербург — Москва, 1922.

*Волин, *К истории древнего Хорезма.* — С. Волин, *К истории древнего Хорезма,* — ВДИ, 1941, № 1, стр. 192—196.

*Волин, *К истории среднеазиатских арабов.* — С. Л. Волин, *К истории среднеазиатских арабов,* — «Труды второй сессии ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г.» (ТИВАН, вып. XXXVI), 1941, стр. 111—126.

*Волин, *Новый источник.* — С. Л. Волин, *Новый источник для изучения хорезмийского языка,* — ЗИВАН, т. VII, 1939, стр. 79—91.

Вяткин, *Афрасиаб.* — В. Вяткин, *Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк,* Ташкент, [1927].

Вяткин, *Где искать Визд?* — В. В[яткин], *Где искать Визд?* — ТВ, 1900, № 36; то же: ПТКЛА, год V, стр. 159—164.

Вяткин, *К исторической географии.* — В. В[яткин], *К исторической географии Ташкентского района,* — ТВ, 1900, № 101; ср. ПТКЛА, год V, 1900, стр. 156—159.

Вяткин, *Материалы.* — В. Л. Вяткин, *Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета,* — СКСО, вып. VII, 1902, стр. 1—83.

*Вяткин, *Отчет о раскопках в местности Намазгох.* — В. Л. Вяткин, *Отчет о раскопках, произведенных в октябре 1904 г. в местности Намазгох, близ г. Самарканда,* — ИРКСА, № 7, 1907, стр. 12—20.

Вяткин, *Отчет о раскопках на Афрасиабе.* — В. Вяткин, *Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 году,* — ИРКСА, № 8, 1908, стр. 22—36.

*Вяткин, *Памятники,* — В. Вяткин, *Памятники древностей Самарканда,* Самарканд, 1927; изд. 3-е: 1933.

Вяткин, *Самаркандские легенды.* — В. Л. Вяткин, *Самаркандские легенды (Еврейский мудрец.—Чупан-ата.—Дархан.—Шейх Мотырид.—Шахи-зинда),* — СКСО, вып. V, 1897, стр. 224—240.

Галкин, *Маршрутное описание.*— Галкин, полк., *Маршрутное описание дорог, пролегающих по долине правого берега р. Сурхана,*— СМА, вып. LVII, 1894. стр. 385—393.

Галкин, *Материалы.*— М. Н. Галкин, *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю,* СПб., 1869.

Галсан-Гомбоев, *О древних монгольских обычаях.*— Галсан-Гомбоев, *О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано-Карпини,*— ТВОРАО, ч. IV, 1859, стр. 236—256.

*Гафуров, *История.* — Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении,* изд. 3-е, исправл. и дополн., т. I, *С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.,* М., 1955.

*Гафурова, *«Китаб-и Мулла задэ».* — Р. Л. Гафурова, *«Китаб-и Мулла задэ» как исторический источник* (автореф. канд. дисс.), изд. ЛГУ, 1961.

*Гибб, *Арабская литература.* — Х. А. Р. Гибб, *Арабская литература. Классический период,* пер. с англ., М., 1960.

*Греков — Якубовский, *Золотая Орда.* — Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение,* М.—Л., 1950.

Григорьев, *Караханиды.*— [В. В. Григорьев], *Караханиды в Мавераннагре, по Тарихи Мунедджим-баши,* в османском тексте, с переводом и примечаниями В. В. Григорьева,— ТВОРАО, ч. XVII, 1874, стр. 189—258.

*Григорьев, *Об арабском путешественнике.* — В. В. Григорьев, *Об арабском путешественнике X-го века Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии,*— ЖМНП, ч. CLXIII, 1872, сентябрь, отд. II, стр. 1—45.

Грум-Гржимайло, *Историческое прошлое.*— Г. Е. Грум-Гржимайло, *Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историей Средней Азии,* СПб., 1898.

Гулямов, *Бируни об исторической гидрографии.*— Я. Гулямов, *Бируни об исторической гидрографии низовьев Аму-Дарьи,*— сб. «Бируни — великий узбекский ученый средневековья», Ташкент, 1950, стр. 85—92.

*Гулямов, *История орошения Хорезма.* — Я. Г. Гулямов, *История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней,* Ташкент, 1957.

*Гулямов, *Памятники.* — Я. Г. Гулямов, *Памятники города Хивы,* — «Труды ИЯЛИ УзФАН», сер. 1, вып. 3, Ташкент, 1941.

*Давидович, *Владетели.* — Е. А. Давидович, *Владетели Насрабада (по нумизматическим данным),*— КСИИМК, вып. 61, 1960, стр. 107—113.

*Давидович, *Из области денежного обращения.* — Е. А. Давидович, *Из области денежного обращения на территории Ферганы,*— «Труды Музея истории УзССР», вып. II, 1954, стр. 39—52.

*Давидович, *Клад медных джагатаидских монет.* — Е. А. Давидович, *Клад медных джагатаидских монет XIII в.,*— ДАН УзССР, 1949, № 6, стр. 35—38.

*Давидович, *Нумизматические материалы для истории Саманидов.* — Е. А. Давидович, *Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах,*— «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVII, Сталинабад, 1954, стр. 69—117.

*Давидович, *Нумизматические материалы для хронологии Караханидов.* — Е. А. Давидович, *Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов,*— «Труды ГИМ», вып. XXVI, М., 1957 (Нумизматический сборник), стр. 91—119.

*Давидович, *Об отношении золота и серебра.* — Е. А. Давидович, *Об отношении золота и серебра в Бухаре в XII веке,*— ПВ, 1959, № 4, стр. 82—85.

*Давидович, *Термезский клад.* — Е. А. Давидович, *Термезский клад медных посеребренных дирхемов 617/1220 г.,* — ЭВ, VIII, 1953, стр. 43—55.

*Денике, *Искусство Средней Азии.* — Б. П. Денике, *Искусство Средней Азии,* М., 1927.

Домбровский, *Древняя башня.* — Домбровский, к-н, *Древняя башня (минарет) в селении Узгенте Андижанского уезда,* — ПТКЛА, год II, 1897, прилож. к проток. заседания 16 октября 1897 г., стр. 1—2.

*Дьяконов, *Керамика Пайкенда.* — М. М. Дьяконов, *Керамика Пайкенда,* — КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 89—93.

*Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда.* — М. М. Дьяконов, *Работы Кафирниганского отряда,* — «Труды СТАЭ», т. I, 1946—1947 (МИА, № 15), 1950, стр. 147—186.

*Дьяконов, *Росписи Пянджикента.* — М. М. Дьяконов, *Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии,* — в кн.: «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 83—158.

*Жирмунский, *«Китаби Коркут».* — В. М. Жирмунский, *«Китаби Коркут» и огузская эпическая традиция,* — СВ, 1958, № 4, стр. 90—101.

*Жирмунский, *Огузский эпос.* — В. М. Жирмунский, *Огузский героический эпос и «Книга Коркута»,* — в кн.: *Китаб-и Деде* Коркут, пер. Бартольда (см. выше, разд. I, Б), стр. 181—258.

*Жирмунский — Зарифов, *Узбекский народный эпос.* — В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов, *Узбекский народный героический эпос,* М., 1947.

Жуковский, *К истории персидской литературы.* — В. Жуковский, *К истории персидской литературы при Саманидах,* — ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 04—07.

Жуковский, *Омар Хайам.* — В. Жуковский, *Омар Хайам и «странствующие» четверостишия,* — «Ал-Музаффарийя», стр. 325—363.

Жуковский, *Развалины Старого Мерва.* — В. А. Жуковский, *Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва,* СПб., 1894 (МАР, вып. 16).

Залеман, *Легенда про Хаким-Ата.* — К. Г. Залеман, *Легенда про Хаким-Ата,* — ИАН, сер. V, т. IX, 1898, стр. 105—150.

Залеман, *Список.* — К. Залеман, *Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям Библиотеки И. СПБ. Университета,* [ч. I, персидские сочинения], — ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 241—262.

*Засыпкин, *Архитектура Средней Азии.* — Б. Н. Засыпкин, *Архитектура Средней Азии,* М., 1948.

*Засыпкин, *Памятники архитектуры.* — Б. Н. Засыпкин, *Памятники архитектуры Термезского района,* — «Культура Востока. Сборник Музея восточных культур», II, М., 1928, стр. 17—40.

*Заходер, *Денданекан.* — Б. Заходер, *Денданекан,* — ИЖ, 1943, кн. 3—4, стр. 74—77.

*Заходер, *Мухаммед Нахшаби.* — Б. Н. Заходер, *Мухаммед Нахшаби. К истории карматского движения в Средней Азии в X веке,* — «Уч. зап. МГУ», вып. 41, 1940, стр. 96—112.

*Заходер, *Хорасан.* — Б. Н. Заходер, *Хорасан и образование государства сельджуков,* — ВИ, 1945, № 5—6, стр. 119—142.

Зимин, *Кала-и-Дабус.* — Л. Зимин, *Кала-и-Дабус,* — ПТКЛА, год XXI, 1917, стр. 43—64.

Зимин, *Краткая историческая справка.* — Л. Зимин, *Краткая историческая справка о древнем Сохе,* — ПТКЛА, год XIX, [вып. 1], 1914, стр. 21—23.

Зимин, *Краткий отчет о поездке по Бухаре.* — Л. Зимин, *Краткий отчет о поездке по Бухаре в 1916 г.,* — ПТКЛА, год XXI, 1917, стр. 102—104.

Зимин, *Мусульманское сказание.* — Л. Зимин, *Мусульманское сказание о городе Оше,* — ПТКЛА, год XVIII, [вып. 1], 1913, стр. 3—16.

Зимин, *Отчет о весенних раскопках.* — Л. Зимин, *Отчет о весенних раскопках в развалинах старого Пейкенда,* — ПТКЛА, год XIX, вып. 2, 1915, стр. 63—88.

Зимин, *Отчет о двух поездках по Бухаре.* — Л. Зимин, *Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью,* — ПТКЛА, год XX, вып. 2, 1916, стр. 119—156.

Зимин, *Отчет о летних раскопках.* — Л. Зимин, *Отчет о летних раскопках в развалинах старого Пейкенда,* — ПТКЛА, год XIX, вып. 2, 1915, стр. 89—131.

Зимин, *Развалины старого Пейкенда.* — Л. А. Зимин, *Развалины старого Пейкенда,* — ПТКЛА, год XVIII, вып. 2, 1913, стр. 59—89.

Зимин, *Старый Фараб.* — Л. Зимин, *Старый Фараб (Развалины у Аму-Дарьи),* — ПЗКЛА, вып. 3, 1917, стр. 1—8.

Иванин, *О военном искусстве.* — М. И. Иванин, *О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане,* СПб., 1875.

*Иванов, *К вопросу о древностях.* — П. П. Иванов, *К вопросу о древностях в верховьях Таласа,* — сб. «Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности 1882—1932», Л., 1934, стр. 241—251.

Иванов, *К вопросу об исторической топографии.* — П. П. Иванов, *К вопросу об исторической топографии Старого Сайрама,* — «В. В. Бартольду», стр. 151—164.

*Иванов, *К истории развития горного промысла.* — П. П. Иванов, *К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк,* Л.—М., 1932.

*Иванов, *Очерк истории каракалпаков.* — П. П. Иванов, *Очерк истории каракалпаков,* — «Материалы по истории каракалпаков» (ТИВАН, т. VII), стр. 9—89.

Иванов, *Сайрам.* — П. П. Иванов, *Сайрам. Историко-археологический очерк,* — «Ал-Искендерийя», стр. 46—56.

Иностранцев, *Коркуд.* — К. Иностранцев, *Коркуд в истории и легенде,* — ЗВОРАО, т. XX, 1911, стр. 040—046.

**История МНР.* — *История Монгольской Народной Республики,* М., 1954.

**История народов Узбекистана,* т. I. — *История народов Узбекистана,* т. I, *С древнейших времен до начала XV века,* Ташкент, 1950.

**История Туркменской ССР,* т. I, кн. 1. — *История Туркменской ССР,* т. I, кн. 1. *С древнейших времен до конца XVIII века,* Ашхабад, 1957.

* *История Узбекской ССР,* т. I, кн. 1.—*История Узбекской ССР,* т. I, кн. 1, Ташкент, 1955.

К биографии. — *К биографии Абу-Абдуллы Мухаммада, сына Али-Хакимова, Термезского,* из книги خزينت الاصفيا, — ПТКЛА, год II, 1897, прилож. к проток. заседания 29 августа 1897 г., стр. 18—20.

*Кадырова, *Восстание.* — Т. Кадырова, *Восстание крестьян во главе с Хамзой ал-Хариджи на грани VIII—IX вв.,* — ИАН УзССР, 1953, № 6, стр. 91—101.

Каллаур, *Древние города, крепости и курганы.* — В. Каллаур, *Древние города, крепости и курганы по реке Сыр-Дарье, в восточной части Перовского уезда,* — ПТКЛА, год VI, 1901, стр. 69—78.

Каллаур, *Древние города Саганак, Ашнас и другие.* — В. Каллаур, *Древние города Саганак (Сунак), Ашнас или Эшнас (Асанас) и другие в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 году,* — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 6—16.

Каллаур, *О следах древнего города «Дженд».* — В. Каллаур, *О следах древнего города «Дженд» в низовьях р. Сыр-Дарьи,* — ПТКЛА, год V, 1900, стр. 78—89.

Калмыков, *Хива.*— А. Калмыков, *Хива,*— ПТКЛА, год XII, 1908, стр. 49—71.

Каль, *Персидские, арабские и тюркские рукописи.* — Е. Каль, *Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной Библиотеки,* Ташкент, 1889.

Караваев, *Голодная степь.*— В. Ф. Караваев, *Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Статистико-экономический очерк (по исследованию 1914 г.),* Пг., 1914.

Карамзин, *История государства Российского.*— М. Н. Карамзин, *История государства Российского.* Печатано под набл. проф. П. Н. Полевого, изд. Е. Евдокимова, т. I—XII, СПб., 1892.

Караульщиков, *Маршрут.*— Караульщиков, поручик, *Маршрут от г. Денау до Патта-Гиссара,*— СМА, вып. LVII, 1894, стр. 394—398.

*Кастальский, *Историко-географический обзор.* — Б. Н. Кастальский, *Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин,*— «Вестник ирригации», Ташкент, 1930, № 2, стр. 64—88; № 3, стр. 3—19; № 4, стр. 3—21.

Кастанье, *Археологические разведки.*— И. Кастанье, *Археологические разведки в Бухарских владениях,*— ПТКЛА, год XXI, 1917, стр. 26—42.

Кастанье, *Древности.*— И. Кастанье, *Древности Ура-Тюбе и Шахристана,*— ПТКЛА, год XX, [вып. 1], 1915, стр. 32—52.

Кастанье, *Отчет.*— И. Кастанье, *Отчет о поездке в Шахрохию и местность «Канка»,*— ПТКЛА, год XVIII, вып. 2, 1913, стр. 112—123.

Катанов, *Гадания.*— Н. Катанов, *Гадания у жителей Восточного Туркестана, говорящих на татарском языке,*— ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 105—112.

Катанов, *Татарские сказания.*— Н. Катанов, *Татарские сказания о семи спящих отроках,*— ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 223—245.

Катанов, *Хорезмийская свинцовая плита.* — Н. Катанов, *Хорезмийская свинцовая плита, найденная в развалинах Куня Ургенча,* — ЗВОРАО, т. XIV, 1902, стр. 015—017.

Кафаров — см. Палладий.

*Кесати, *Раскопки на Пайкенде.* — Р. Кесати, *Раскопки на Пайкенде в 1940 году,*— СГЭ, IV, 1947, стр. 26—29.

*Киселев, *Древняя история Южной Сибири.* — С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири,* [изд. 2-е], М., 1951.

*Кисляков, *Очерки по истории Каратегина.* — Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана,* Сталинабад, 1941.

Кларе, *Древний Отрар.*— А. Кларе, *Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 году,*— ПТКЛА, год IX, 1904, стр. 13—36.

*Кляшторный, *Из истории борьбы народов Средней Азии.* — С. Г. Кляшторный, *Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов (по runическим текстам),*— ЭВ, IX, 1954, стр. 55—64.

*Кляшторный, *Историко-культурное значение Суджинской надписи.* — С. Г. Кляшторный, *Историко-культурное значение Суджинской надписи,*— ПВ, 1959, № 5, стр. 162—169.

*Кляшторный, *Яксарт.* — С. Кляшторный, *Яксарт — Сыр-Дарья,* — СЭ, 1953, № 3, стр. 189—190.

*Кононов, *Восточный факультет.* — А. Н. Кононов, *Восточный факультет Ленинградского университета,*— «Уч. зап. ЛГУ», № 296, Серия востоковедческих наук, вып. 13, Востоковедение в Ленинградском университете, Л., 1960, стр. 3—31.

*Кононов, *О семантике.* — А. Н. Кононов, *О семантике слов қара и ақ в тюркской географической терминологии,* — ИАН ТаджССР, ООН, вып. 5, 1954, стр. 83—85.

*Кононов, *Тюркология в Ленинграде.* — А. Н. Кононов, *Тюркология в Ленинграде (1917—1957)*, — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 278—290.

Костенко, *Туркестанский край.* — Л. Ф. Костенко, *Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа*, т. I—III, СПб., 1880 (Материалы для географии и статистики России).

*Крачковская, *В. В. Бартольд.* — В. А. Крачковская, *В. В. Бартольд — нумизмат и эпиграфист*, — ЭВ, VIII, 1953, стр. 10—23.

*Крачковская, *О средневековых текстильных изделиях.* — В. А. Крачковская, *О средневековых текстильных изделиях в Средней Азии (мервские ткани IX—X вв.)*, — МПВНКВ, стр. 615—620.

*Крачковская, *Памятники арабского письма.* — В. А. Крачковская, *Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в.*, — ЭВ, VI, 1952, стр. 46—100.

*Крачковская и Крачковский, *Древнейший арабский документ.* — В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, *Древнейший арабский документ из Средней Азии*, — Согд. сб., стр. 52—90; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. I, М.—Л., 1955, стр. 182—212.

*Крачковский, *Абӯ-Ханīфа.* — И. Ю. Крачковский, *Абӯ-Ханīфа ад-Дīнаверī*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1913, стр. XXXIX—XLI.

*Крачковский, *Арабская географическая литература.* — И. Ю. Крачковский, *Арабская географическая литература*, М.—Л., 1957 (Избранные сочинения, т. IV).

*Крачковский, *Арабские географы.* — И. Ю. Крачковский, *Арабские географы и путешественники*, — ИГГО, т. LXIX, 1937, вып. 5, стр. 738—765.

*Крачковский, *Бируни.* — И. Ю. Крачковский, *Бируни и его роль в истории восточной географии*, — «Бируни. Сб. статей под ред. С. П. Толстова», М.—Л., 1950, стр. 55—73.

*Крачковский, *В. В. Бартольд в истории исламоведения.* — И. Ю. Крачковский, *В. В. Бартольд в истории исламоведения*, — ИАН СССР, сер. VII, ООН, 1934, стр. 5—18; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 348—360.

*Крачковский, *Вторая записка.* — И. Ю. Крачковский, *Вторая записка Абу Дулафа в географическом словаре Йакута. (Азербайджан, Армения, Иран)*, — ИАН АзССР, 1949, № 8, стр. 65—77; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. I, М.—Л., 1955, стр. 280—292.

Крачковский, *К описанию рукописей Ибн-Ṭайфӯра.* — И. Ю. Крачковский, *К описанию рукописей Ибн-Ṭайфӯра и ас-Сӯлӣ*, — ЗВОРАО, т. XXI, 1912, стр. 195—215; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. VI, М.—Л., 1960, стр. 333—354.

*Крачковский, *К переизданию.* — И. Ю. Крачковский, *К переизданию трудов В. В. Бартольда*, — ИЖ, 1944, № 1 (125), стр. 95—98; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 428—434.

*Крачковский, *Новая рукопись.* — И. Ю. Крачковский, *Новая рукопись пятого тома истории Ибн Мискавейха*, — ИАН, сер. VI, т. X, 1916, стр. 539—546; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М.— Л., 1960, стр. 373—382.

*Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики.* — И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 7—192.

*Крачковский, *Памяти В. В. Бартольда.* — И. Ю. Крачковский, *Памяти В. В. Бартольда*, — «Красная газета» (вечерний выпуск), Л., 1930, № 192 (2555), 21 августа.

Крачковский, *Поэтическое творчество Абу-л-'Атāхии.* — И. Ю. Крачковский, *Поэтическое творчество Абу-л-'Атāхии (ок. 750—825 г.)*, — ЗВОРАО, т. XVIII, 1908,

стр. 73—112; то же: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. II, М.—Л., 1956, стр. 15—51.

Крымский, *История Персии.* — А. Крымский, *История Персии, ее литературы и дервишской теософии,* т. I—III, М., 1914—1917 (ТВЛИВЯ, вып. XVI).

Кун, *Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи.* — А. Кун, *Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи,* — МСТ, вып. IV, 1876, стр. 223—259.

Кун, *От Хивы до Кунграда.* — А. Л. Кун, *От Хивы до Кунграда,* — МСТ, вып. IV, 1876, стр. 203—222.

*В. Кун, *Черты военной организации.* — В. Н. Кун, *Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии,* — «Уч. зап. Ташкентского гос. педагогич. и учительского ин-та им. Низами», СОН, вып. I, 1947, стр. 15—31.

Кушакевич, *Сведения.* — А. А. Кушакевич, *Сведения о Ходжентском уезде,* — ЗИРГО по общ. географии (отд. геогр. матем. и физ.), т. IV, 1871, стр. 173—265.

Лапин, *Шахи-зинда.* — С. А. Лапин, *Шахи-зинда и его намогильный памятник,* — СКСО, вып. IV, 1896, отдел IV, стр. 39—45.

Лерх, *Археологическая поездка.* — П. Лерх, *Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году,* СПб., 1870.

Лерх, *Мавераннагр.* — [П. И. Лерх], *Мавераннагр, или Заречье,* — Русский энциклопедический словарь, издаваемый И. Н. Березиным, отдел III, т. II (X), СПб., 1875, стр. 577—583.

Лерх, *Монеты бухар-худатов.* — П. И. Лерх, *Монеты бухар-худатов,* — ТВОРАО, ч. XVIII, СПб., 1875—1909, стр. 1—161.

*Лившиц, *Брачный контракт.* — В. А. Лившиц, *Согдийский брачный контракт начала VIII в. н. э.,* — СЭ, 1960, № 5, стр. 76—91.

*Лившиц, *Два согдийских документа,* — В. А. Лившиц, *Два согдийских документа с горы Муг,* — ВДИ, 1960, № 2, стр. 76—86.

*Лившиц, *Согдийские письма.* — В. А. Лившиц, *Согдийские письма с горы Муг,* М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

*Лившиц, *Согдийский документ.* — В. А. Лившиц, *Согдийский документ В-4 с горы Муг,* — ПВ, 1959, № 6, стр. 123—138.

*Лившиц, *Согдийский посол.* — В. А. Лившиц, *Согдийский посол в Чаче,* — СЭ, 1960, № 2, стр. 92—109.

*Лившиц, *Три письма.* — В. А. Лившиц, *Три письма с горы Муг,* — ПВ, 1960, № 6, стр. 116—132.

*Литвинский, *Археологическое изучение Таджикистана.* — Б. А. Литвинский, *Археологическое изучение Таджикистана советской наукой* (краткий очерк), Сталинабад, 1954 (Труды Ин-та истории, археол. и этногр. АН ТаджССР, т. XXVI).

*Литвинский, *О некоторых моментах.* — Б. А. Литвинский, *О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии,* — ИАН ТаджССР, ООН, вып. IV, 1953, стр. 55—67.

Логофет, *В горах и на равнинах Бухары.* — Д. Н. Логофет, *В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии),* СПб., 1913.

Логофет, *На границах Средней Азии.* — Д. Н. Логофет, *На границах Средней Азии,* кн. I—III, СПб., 1909.

*Лунин, *Из истории русского востоковедения.* — Б. Лунин, *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.),* Ташкент, 1958.

*Лунин, *К истории города Термеза.* — Б. Лунин, *К истории города Термеза,* — ИЖ, 1944, кн. 4, стр. 100—103.

* Лунин, *Указатели к ПТКЛА.* — Б. В. Лунин, *Библиографический, именной и географический указатели к Протоколам и сообщениям Туркестанского Кружка любителей археологии (1895—1917 гг.),*— сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1959, стр. 231—255.

Лыкошин, *Очерк археологических изысканий.*— Н. Лыкошин, *Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае, до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии,*— «Средне-Азиатский вестник», Ташкент, 1896, июль, стр. 1—33; сентябрь, стр. 1—26; то же: ПТКЛА, год I, 1896 [прилож. к проток. заседания 28 октября 1896 г., стр. 1—51].

Лэн-Пуль, *Мусульманские династии.* — С. Лэн-Пуль, *Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями.* Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд, СПб., 1899.

*Маджи, *К истории.* — А. Е. Маджи, *К истории феодального Ходжента,* — «Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сборник 1-й», Сталинабад, 1945, стр. 114—145.

*Майский, *Чингис-хан.* — И. М. Майский, *Чингис-хан,* — ВИ, 1962, № 5, стр. 74—83.

Маллицкий, *Несколько слов.*— Н. Маллицкий, *Несколько слов о древностях Узгента. (Историко-археологическая справка),*— ПТКЛА, год II, 1897, прилож. к проток. заседания 16 октября 1897 г., стр. 8—12.

*Малов, *Талласские эпиграфические памятники.* — С. Е. Малов, *Талласские эпиграфические памятники,*— «Материалы Узкомстариса», вып. 6—7, М.— Л., 1936, стр. 17—38.

Малов — см. разд. 1, А (Источники. Сборники и хрестоматии).

*Мандельштам, *Материалы.*— А. М. Мандельштам, *Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э.,* Сталинабад, 1957 (Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. LIII).

*Маргулан, *Из истории городов.* — А. Х. Маргулан, *Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана,* Алма-Ата, 1950.

Марков, *Инвентарный каталог.*— А. Марков, *Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа,* СПб., 1896.

*Марр, *Василий Владимирович Бартольд.* — Н. Я. Марр, *Василий Владимирович Бартольд [Вступительное слово к заседанию Академии наук СССР 13 декабря 1930, посвященному памяти В. В. Бартольда],* — «Сообщения ГАИМК», 1931, № 1, стр. 8—12.

Марр, *Надгробный камень из Семиречья.* — Н. Марр, *Надгробный камень из Семиречья с армянско-сирийской надписью 1923 г.,* — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 344—349.

Масальский, *Туркестанский край.* — В. И. Масальский, *Туркестанский край,* СПб., 1913 (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского, т. XIX).

*Массон, *Археологические исследования в Узбекистане.* — М. Е. Массон, *Археологические исследования в Узбекистане,*— сб. «Наука в Узбекистане за 15 лет (1924—1939)», Ташкент, 1939, стр. 110—120.

*Массон, *Ахангеран.* — М. Е. Массон, *Ахангеран. Археолого-топографический очерк,* Ташкент, 1953.

*Массон, *Городища Нисы.* — М. Е. Массон, *Городища Нисы в селении Багир и их изучение,*— «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 16—105.

*Массон, *Городища Старого Термеза.* — М. Е. Массон, *Городища Старого Термеза и их изучение,* — «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.», Ташкент, 1940 («Труды УзФАН», сер. I, вып. 2), стр. 5—122.

*Массон, *К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии.* — М. Е. Массон, *К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики,* — «Труды САГУ», новая серия, вып. XXIII, гуманитарные науки, кн. 4 (история), Ташкент, 1951, стр. 91—104.

*Массон, *К вопросу о «черных дирхемах».* — М. Е. Массон, *К вопросу о «черных дирхемах» Мусейяби,* — «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 175—196.

*Массон, *К изучению археологических памятников.* — М. Е. Массон, *К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана,* — «Социалистическая наука и техника», 1937, № 1, стр. 99—105.

*Массон, *К истории горного дела.* — М. Е. Массон, *К истории горного дела на территории Узбекистана,* Ташкент, 1953.

*Массон, *К истории добычи меди.* — М. Е. Массон, *К истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка,* — «Труды Таджикско-Памирской экспедиции. 1934», вып. XXXVII, М.— Л., 1936.

* Массон, *К истории черной металлургии.* — М. Е. Массон, *К истории черной металлургии Узбекистана,* Ташкент, 1947.

*Массон, *К локализации Согда.* — М. Е. Массон, *К локализации Согда,* — «Труды САГУ», новая серия, вып. XI, гуманитарные науки, кн. 3, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 171—179.

*Массон, *К периодизации.* — М. Е. Массон, *К периодизации древней истории Самарканда,* — ВДИ, 1950, № 4, стр. 155—166.

*Массон, *Монетный клад.* — М. Е. Массон, *Монетный клад XIV века из Термеза,* — «Бюлл. САГУ», вып. 18, № 7, 1929, стр. 53—68.

*Массон, *Новые данные.* — М. Е. Массон, *Новые данные по древней истории Мерва (Из работ ЮТАКЭ),* — ВДИ, 1951, № 4, стр. 89—101.

*Массон, *Прошлое Ташкента.* — М. Е. Массон, *Прошлое Ташкента (археолого-топографический и историко-архитектурный очерк),* — ИАН УзССР, 1954, № 2, стр. 105—132.

*Массон, *Работы Термезской экспедиции.* — М. Е. Массон, *Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937 и 1938 гг.,* — «Труды АН УзССР», сер. I, История, археология. Термезская археологическая экспедиция, т. II, Ташкент, 1945, стр. 3—9.

*Массон, *Самаркандский Регистан.* — М. Е. Массон, *Самаркандский Регистан,* — «Труды САГУ», новая серия, вып. XI, гуманитарные науки, кн. 31, Археология Средней Азии, Ташкент, 1950, стр. 75—90.

* Массон, *Старый Сайрам,* — М. Е. Массон, *Старый Сайрам,* — «Изв. Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928, стр. 23—42.

*Массон, *Термезская экспедиция.* — М. Е. Массон, *Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ),* — КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 113—116.

*Массон, *Фрагмент.* — М. Е. Массон, *Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда Bombyx mori,* — «Белек С. Е. Малову. Сборник статей», Фрунзе, 1946, стр. 47—51.

*Массон, *Южно-Туркменистанская экспедиция.* — М. Е. Массон, *Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г.,* — «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1951, стр. 7—72.

Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке.* — П. М. Мелиоранский, *Араб филолог о турецком языке,* СПб., 1900.

Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина.*— П. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина,*— ЗВОРАО, т. XII, 1900, стр. 1—144.

*Миклухо-Маклай, *Географическое сочинение XIII в.* — Н. Д. Миклухо-Маклай, *Географическое сочинение XIII в. на персидском языке (Новый источник по исторической географии Азербайджана и Армении),*— УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 175—219.

*Миклухо-Маклай, *Некоторые персидские и таджикские рукописи.* — Н. Д. Миклухо-Маклай, *Некоторые персидские и таджикские исторические и географические рукописи Института востоковедения Академии наук СССР,*— УЗИВАН, т. XVI, 1958, стр. 235—279.

*Миклухо-Маклай, *Описание.* — Н. Д. Миклухо-Маклай, *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения,* [вып. 1, *Географические и космографические сочинения*], М.— Л., 1955; вып. 2, *Биографические сочинения,* М., 1964.

Минаев, *Сведения.*— И. Минаев, *Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи,* СПб., 1879.

М. Р. Х., *Сведения.* — [М. Р. Х], *Сведения, сообщенные разведчиком М. Р. Х. о городах Афганистана,* — СМА, вып. XLVII, 1891, стр. 103—130.

*Мугинов, *Исторический труд.* — А. М. Мугинов, *Исторический труд Мухаммеда Шебангара'й,* — УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 220—240.

*Мугинов, *Персидская уникальная рукопись.* — А. М. Мугинов, *Персидская уникальная рукопись Рашид ад-дина,*— УЗИВАН, т. XVI, 1958, стр. 352—375.

* Мункуев, *О «Мэн-да бэй-лу».* — Н. Ц. Мункуев, *О «Мэн-да бэй-лу» и «Хэй-да шилюе» — записках китайских путешественников XIII в. о древних монголах,*— сб. «Китай * Япония. История и филология. К семидесятилетию академика Николая Иосифовича Конрада», М., 1961, стр. 80—92.

Муҳамедов, *Мудофаа иншоотлари.* — Х. Муҳамедов, *Ўзбекистоннинг қадимий мудофаа иншоотлари тарихидан (Эрамиздан олдинги III асрдан бошлаб эрамизнинг X асригача),* Тошкент, 1961.

Мушкетов, *Туркестан.* — И. В. Мушкетов, *Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествия с 1874 по 1880 г.,* т. I—II, СПб., 1886—1906; изд. 2-е: Пг., 1915.

Мюллер, *История ислама.*— А. Мюллер, *История ислама с основания до новейших времен,* т. I—IV, пер. с нем. под ред. Н. А. Медникова, СПб., 1895—1896.

Надписи на древних могильных камнях.— *Надписи на древних могильных камнях в селении Узгенте Андижанского уезда.* — ПТКЛА, год II, 1897, прилож. к проток. заседания 16 октября 1897 г., стр. 6—7.

Надпись на памятнике в Термезе.— *Надпись на памятнике в Термезе,*— ПТКЛА, год II, 1897, прилож. к проток. заседания 29 августа 1897 г., стр. 17.

*Насонов, *Монголы и Русь.* — А. Н. Насонов, *Монголы и Русь (история татарской политики на Руси),* М.— Л., 1940.

*Негматов, *Историко-географический очерк Усрушаны.* — Н. Негматов, *Историко-географический очерк Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э.,*— «Труды ТАЭ», т. II, 1948—1950 (МИА, № 37), 1953, стр. 231—252.

*Негматов, *Усрушана.* — Н. Негматов, *Усрушана в древности и раннем средневековье,* Сталинабад, 1957 (Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. LV).

**О патриархально-феодальных отношениях. — О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения),* — ВИ, 1956, № 1, стр. 75—80.

Ольденбург, *О персидской версии.* — С. Ольденбург, *О персидской прозаической версии «Книги Синдбада»,* — «Ал-Музаффарийя», стр. 252—278.

*Ошанин, *Антропологический состав.* — Л. В. Ошанин, *Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов,* ч. I—III, Ереван, 1957—1959 (Труды САГУ, новая серия, вып. XCVI—XCVIII, исторические науки, кн. 16—18).

Палладий, *Старинные следы христианства.* — Палладий, архимандрит, *Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам,* — «Восточный сборник», [изд. Мин-ва иностр. дел], т. I, СПб., 1877, стр. 1—64.

Петров, *Развалины Муг-тепе.* — А. Петров, *Развалины Муг-тепе около селения Сары-Курган,* — ПТКЛА, год XIX, [вып. 1], 1915, стр. 24—25.

Петровский, *Башня «Бурана».* — Н. Петровский, *Башня «Бурана» близ Токмака,* — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 351—354.

Петровский, *Еще заметка.* — Н. Петровский, *Еще заметка к статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в до-монгольский период»,* — ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 354—358.

Петровский, *Заметка.* — Н. Петровский, *Заметка по гидрографии Туркестанского края,* — ИИРГО, т. XXXIV, вып. IV, 1898, стр. 490—494.

* Петрушевский, *Деревня и крестьяне.* — И. П. Петрушевский, *Деревня и крестьяне средневекового Ближнего Востока в трудах ленинградских востоковедов,* — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 204—217.

*Петрушевский, *Земледелие.* — И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков,* М.— Л., 1960.

*Петрушевский, *Из истории Бухары.* — И. П. Петрушевский, *Из истории Бухары в XIII в.,* — «Уч. зап. ЛГУ», № 98, серия востоковедческих наук, вып. 1, Л., 1949, стр. 103—118.

*Петрушевский, *К вопросу о подлинности переписки Рашид-ад-дина.* — И. П. Петрушевский, *К вопросу о подлинности переписки Рашид-ад-дина* (по поводу статьи Р. Леви «The letters of Rashid-ad-din Fadl-Allah», Journal of the Royal Asiatic Society, 1946, ч. 1—2, стр. 74—78), — ВЛУ, 1948, № 9, стр. 124—130.

*Петрушевский, *Новый персидский источник.* — И. Петрушевский, *Новый персидский источник по истории монгольского нашествия,* — ВИ, 1946, № 11—12, стр. 121—126.

*Петрушевский, *Рашид-ад-дин.* — И. П. Петрушевский, *Рашид-ад-дин и его исторический труд,* — в кн.: Рашид-ад-дин, *Сборник летописей,* т. I, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 7—37 [см. выше, разд. 1, Б (Источники) — Рашид ад-дин, пер. в изд. ИВАН].

*Петрушевский, *Труд Сейфи.* — И. П. Петрушевский, *Труд Сейфи, как источник по истории Восточного Хорасана,* — «Труды ЮТАКЭ», т. V, Ашхабад, 1955, стр. 130—162.

*Пигулевская, *Византийская дипломатия,* — Н. В. Пигулевская, *Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.,* — ВВ, т. I (XXVI), М., 1947, стр. 184—214.

*Пигулевская, *Города Ирана.* — Н. Пигулевская, *Города Ирана в раннем средневековье,* М.— Л., 1956.

*Пигулевская, *Зарождение феодальных отношений,* — Н. Пигулевская, *Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке,* — УЗИВАН, т. XVI, 1958, стр. 5—30.

*Пигулевская, *Идея равенства.* — Н. В. Пигулевская, *Идея равенства в учении маз-*

дакитов, — сб. «Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию академика Вячеслава Петровича Волгина», М., 1955, стр. 97—101.

*Пигулевская, *История.* — Н. В. Пигулевская, *История мар Ябалахи и Саумы,* — ПС, вып. 2 (64—65), 1956.

*Пигулевская, *К вопросу о феодальной собственности.* — Н. В. Пигулевская, *К вопросу о феодальной собственности на землю в Иране,* — ВЛУ, 1956, № 8, стр. 79—84.

*Пигулевская, *Сирийские источники.* — Н. Пигулевская, *Сирийские источники по истории народов СССР,* М.— Л., 1941.

*Пигулевская, *Учение о докапиталистических формациях.* — Н. В. Пигулевская, *Учение о докапиталистических формациях на Ближнем и Среднем Востоке в трудах ленинградских востоковедов,* — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 192—203.

*Писарчик, *Памятники Кермине.* — А. К. Писарчик, *Памятники Кермине,* — «Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры», М., 1944, вып. 4, стр. 22—35.

Позднеев, *О древнем китайско-монгольском памятнике.*— А. М. Позднеев, *О древнем китайско-монгольском историческом памятнике Юань-чао-ми-ши,*— ИРАО, т. X, вып. 3—6, 1884, стр. 245—259; то же: отд. отт., стр. 1—22.

* Полупанов, *Архитектурные памятники.* — С. Н. Полупанов, *Архитектурные памятники Самарканда,* М., 1948.

*Поляков, *Китайские рукописи.* — А. С. Поляков, *Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане,*— Согд. сб., стр. 91—117.

Поспавский, *Бухара.*— Поспавский, подполк., *Бухара. Описание города и ханства,*— СМА, вып. XLVII, 1891, стр. 1—102.

Поспавский, *О развалинах Термеза.*— И. Поспавский, *О развалинах Термеза. (Путевой очерк),*— «Средне-Азиатский вестник», 1896, декабрь, стр. 84—100.

Поспелов, *Материалы.*— Ф. Поспелов, *Материалы к истории Самаркандской области. (Исторический очерк города Катта-Кургана.— Памятник на Зерабулакских высотах.— Освобождение рабов в Катта-Курганском отделе.— Отмена телесных наказаний в Катта-Курганском отделе.— Сеид-Хан Каримханов),*— СКСО, вып. X, 1912, стр. 108—131.

* Потапов, *О сущности патриархально-феодальных отношений.* — Л. П. Потапов, *О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана,*— ВИ, 1954, № 6, стр. 73—89.

П. Т., *Термезский арык.*— П. Т., *Термезский арык,*— ТВ, 1905, № 115.

* Пугаченкова, *Архитектурные памятники Дахистана.* — Г. А. Пугаченкова, *Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса,*— «Труды ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1951, стр. 192—252.

*Пугаченкова, *Архитектурные памятники Нисы.* — Г. А. Пугаченкова, *Архитектурные памятники Нисы,*— «Труды ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949, стр. 201—259.

*Пугаченкова, *Ниса.* — Г. А. Пугаченкова, *Ниса (краткий путеводитель),* Ашхабад, 1958.

*Пугаченкова, *Ханака в Мехне.* — Г. А. Пугаченкова, *Ханака в Мехне,* — «Труды ЮТАКЭ», т. V, Ашхабад, 1955, стр. 163—170.

*Пугаченкова — Ремпель, *Бухара.* — Г. Пугаченкова и Л. Ремпель, *Бухара (Узбекистан),* М., 1949.

*Пугаченкова — Ремпель, *Выдающиеся памятники.* — Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, *Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана,* Ташкент, 1958.

*Пучковский, *Монгольская историография.* — Л. С. Пучковский, *Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв.,*— УЗИВАН, т. VI, 1953, стр. 131—166.

Радлов, *К вопросу об уйгурах.* — В. В. Радлов, *К вопросу об уйгурах. (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика)*, СПб., 1893 (прилож. к ЗИАН, т. LXXII).

Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий.* — В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. I—IV, СПб., 1893—1911.

Рожевиц, *Поездка.* — Р. Ю. Рожевиц, *Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г.*,— ИИРГО, т. XLIV, 1909, стр. 593—652.

Розен, *Арабские сказания*, I—III. — В. Розен, *Арабские сказания о поражении Романа Диогена Алп-Арсланом*,— ЗВОРАО, т. I, стр. 19—22 (I. Ибн-ал-Атир); стр. 189—207 (II. Имâд-эд-дин Исфаганский); стр. 243—252 (III. Садр-эд-дин ал-Хусейни).

Розен, ЗВОРАО, т. III [стр. 146—162]. — В. Р[озен], [рец. на:] Alberuni's India... edited in Arabic original by Dr. E. Sachau, London, 1887,— ЗВОРАО, т. III, 1888, стр. 146—162.

Розен, ЗВОРАО, т. IV [стр. 129—150]. — В. Р[озен], [рец. на:] A. von Kremer. Über die philosophischen Gedichte des Abul 'Alâ Ma'arry, Wien, 1888, — ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 129—150.

Розен, ЗВОРАО, т. VI [стр. 383—388]. — В. Р[озен], [рец. на:] Histoire du sultan Djelal ed-Din Mankobirti, prince du Kharezm. Par Mohammed en-Nesawi. Texte arabe publié... par O. Houdas,— ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 383—388.

Розен, ЗВОРАО, т. VIII [стр. 170—194]. — В. Р[озен], [рец. на:] Ignaz Goldziher. Muhammedanische Studien,— ЗВОРАО, т. VIII, 1894, стр. 170—194.

Розен, *Рассказ Хилâля ас-Сâби.* — В. Розен, *Рассказ Хилâля ас-Сâби о взятии Бухары Богра-ханом*,— ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 272—275.

Розен, *Список.* — В. Розен, *Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям Библиотеки И. СПБ. Университета*, [ч. II, арабские сочинения],— ЗВОРАО, т. III, 1889, стр. 197—220.

Розенберг, *О согдийцах.* — Ф. Розенберг, *О согдийцах*,— ЗКВ, т. I, 1925, стр. 81—90.

*Ромаскевич, *Персидские источники.* — А. А. Ромаскевич, *Персидские источники по истории туркмен и Туркмении X—XV вв.*,— МИТТ, I, стр. 40—61.

*Ромодин, *Вклад ленинградских востоковедов.* — В. А. Ромодин, *Вклад ленинградских востоковедов в изучение истории Средней Азии*, — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 30—41.

Рудановский, *Сообщение в заседании ТКЛА.* — К. А. Рудановский, *Сообщение в заседании ТКЛА 11 декабря 1898 г.*, — ПТКЛА, год III, 1897—1898, стр. 233—234.

Руднев, *Заброшенный уголок.* — Н. Руднев, *Заброшенный уголок*, — ТВ, 1900, № 15—17; то же: *Следы древних городов по Сыр-Дарье*,— ПТКЛА, год V, 1900, стр. 57—62.

*Рудо, *К вопросу о вооружении Согда.* — К. Г. Рудо, *К вопросу о вооружении Согда VII—VIII вв.*,— «Сообщения Республиканского Историко-краеведческого музея ТаджССР», вып. I, Археология, Сталинабад, 1952, стр. 59—72.

*Рязановский, *Великая Яса.* — В. А. Рязановский, *Великая Яса Чингиз-хана*, — «Изв. Харбинского юридического фак-та», т. X, Харбин, 1933.

Савельев, *Дополнения.* — П. Савельев, *Дополнения к описанию саманидских монет*,— ТВОРАО, ч. I, 1855, стр. 238—253.

*Савельев, *Монеты Джучидов.* — П. Савельев, *Монеты Джучидов, Джагатаидов, Джелаиридов, и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша*, вып. 1—2, СПб., 1858.

*Салье, *Великий хорезмийский ученый.* — М. А. Салье, *Великий хорезмийский уче-*

ный Абу-р-Рейхан аль-Бируни (973—1048),— «Звезда Востока», Ташкент, 1950, № 6, стр. 65—74.

* Салье, *Хоразмлик улуғ олим.* — М. Салье, *Хоразмлик улуғ олим Абу Райҳон Муҳаммад ибн Аҳмад ал Беруний (ижодий ҳаёт йулини ёритишдаги тажриба)*, Ташкент, 1960.

Самойлович, *Тийишь.* — А. Н. Самойлович, *Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков*, — ИРАН, сер. VI, т. XI, 1917, стр. 1277—1282.

*Семенов, *Абу Али ибн Сина.* — А. А. Семенов, *Абу Али ибн Сина (Авиценна)*, Сталинабад, 1953.

*Семенов, *Ал-Бируни.* — А. Семенов, *Ал-Бируни — величайший ученый средневекового Востока и Запада*,— «Литература и искусство Узбекистана», кн. 1, Ташкент, 1938, стр. 106—116.

* Семенов, *К вопросу о датировке Рабат-и Малика.* — А. А. Семенов, *К вопросу о датировке Рабат-и Малика в Бухаре*,— «Труды САГУ», новая серия, вып. XXIII, гуманитарные науки, кн. 4 (история), Ташкент, 1951, стр. 21—27.

*Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов.* — А. А. Семенов, *К вопросу о происхождении Саманидов*,— «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVII, Сталинабад, 1954, стр. 3—11.

*Семенов, *К вопросу об этническом и классовом составе.* — А. А. Семенов, *К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи хорезм-шахов в XII в. н. э. (По актам того времени)*, — ИАН ТаджССР, ООН, 1952, № 2, стр. 17—26.

*Семенов, *К истории города Нисы.* — А. А. Семенов, *К истории города Нисы в XII в. (По актам того времени)* — «Труды ЮТАКЭ», т. V, Ашхабад, 1955, стр. 108—129.

*Семенов, *Происхождение Термезских сейидов.* — А. А. Семенов, *Происхождение Термезских сейидов и их древняя усыпальница «Султан-Садат»*,— ПТКЛА, год XIX, [вып. 1], 1915, стр. 3—20.

Ситняковский, *Заметки.*— Н. Ф. Ситняковский, *Заметки о Бухарской части долины Зеравшана*, — ИТОРГО, т. I, вып. II, 1900, стр. 121—314 [стр. 179—314: *Список арыков и населенных пунктов*].

Ситняковский, *Сообщение в заседании ТКЛА 11 декабря 1896 г.* — Н. Ф. Ситняковский, [*Сообщение в заседании ТКЛА 11 декабря 1896 г.*],— ПТКЛА, год II, 1897, стр. 20.

Ситняковский, *Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.*— Н. Ф. Ситняковский, [*Сообщение в заседании ТКЛА 21 апреля 1898 г.*], — ПТКЛА, год III, 1898, стр. 89—94.

Скварский, *Несколько слов.*— П. С. Скварский, *Несколько слов о древностях Шахристана*,— «Средне-Азиатский вестник», 1896, октябрь, стр. 47—51; то же: ПТКЛА, год I, 1896, [прилож. к проток. от 26 августа 1896 г.], стр. 41—45.

Смирнов, *Дервишизм.* — Е. Т. Смирнов, *Дервишизм в Туркестане*, Ташкент, 1898 (отд. отт. из ТВ); то же: «Сборник материалов по мусульманству», под ред. В. И. Ярового-Равского, СПб., 1899, стр. 49—71.

Смирнов, *Древности в окрестностях г. Ташкента.*— Е. Т. Смирнов, *Древности в окрестностях г. Ташкента*,— ПТКЛА, год I, 1896 (прилож. к проток. от 22 января 1896 г.); то же: «Средняя Азия. Научно-литературный сборник статей по Средней Азии», под ред. Е. Т. Смирнова, Ташкент, 1896, стр. 111—136.

Смирнов, *Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи.* — Е. Смирнов, *Древности на среднем и нижнем течении р. Сыр-Дарьи*,— ПТКЛА, год II, 1897, прилож. к проток. от 17 февраля 1897 г., стр. 1—14.

Смирнова, *Археологические разведки в бассейне Зарафшана.* — О. И. Смирнова,

Археологические разведки в бассейне Заравшана в 1947 г., — «Труды СТАЭ», т. I, 1946—1947 (МИА, № 15), 1950, стр. 67—80.

*Смирнова, *Археологические разведки в Усрушане.* — О. И. Смирнова, *Археологические разведки в Усрушане в 1950 г.,* — «Труды ТАЭ», т. II, 1948—1950 (МИА, № 37), 1953, стр. 189—230.

*Смирнова, *Вопросы исторической топографии.* — О. И. Смирнова, *Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зарафшана,* — «Труды СТАЭ», т. I, 1946—1947 (МИА, № 15), 1950, стр. 56—66.

*Смирнова, *Из истории арабских завоеваний.* — О. И. Смирнова, *Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. Договор арабского полководца Кутейбы с царем Согда Гурэком, заключенный в 712 г.,* — СВ, 1957, № 2, стр. 119—134.

*Смирнова, *К истории самаркандского договора.* — О. И. Смирнова, *К истории самаркандского договора 712 г.,* — КСИВ, вып. XXXVIII, 1960, стр. 69—79.

*Смирнова, *Материалы.* — О. И. Смирнова, *Материалы к сводному каталогу согдийских монет,* — ЭВ, VI, 1952, стр. 3—45.

* Смирнова, *Монеты древнего Пянджикента.* — О. И. Смирнова, *Монеты древнего Пянджикента,* — «Труды ТАЭ», т. III, 1951—1953 гг. (МИА, № 66), 1958, стр. 216—280.

*Смирнова, *Неизданный фельс.* — О. И. Смирнова, *Неизданный фельс из раскопок на городище древнего Пянджикента,* — КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 103—106.

*Смирнова, *Новые данные.* — О. И. Смирнова, *Новые данные по истории Согда VIII в.,* — ВДИ, 1939, № 4, стр. 97—102.

*Смирнова, *О двух группах монет.* — О. И. Смирнова, *О двух группах монет владетелей Согда VII—VIII вв.,* — ИАН ТаджССР, ООН, вып. 14, 1957, стр. 115—135.

*Смирнова, *Согдийские монеты,* — О. И. Смирнова, *Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии,* — СВ, т. VI, 1949, стр. 356—367.

*Смирнова, *Труд Табари — Бел'ами.* — О. И. Смирнова, *Труд Табари — Бел'ами как источник для изучения экономических ресурсов Согда,* — МПВНКВ, стр. 947—952.

**Собрание восточных рукописей АН УзССР. — Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР.* [*Каталог*]. Под ред. и при участии А. А. Семенова, т. I—V, Ташкент, 1952—1960.

*Ставиский, *Археологическое исследование Таджикистана.* — Б. Я. Ставиский, *Археологическое исследование Таджикистана (Библиографический обзор),* — ВДИ, 1952, № 1, стр. 162—168.

*Ставиский, *Некоторые вопросы.* — Б. Ставиский, *Некоторые вопросы истории и топографии Древнего Согда,* — ВЛУ, 1948, № 3, стр. 118—126.

* Ставиский, Большаков, Мончадская, *Пянджикентский некрополь.* — Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская, *Пянджикентский некрополь,* — «Труды ТАЭ», т. II, 1948—1950 (МИА, № 37), 1953, стр. 64—98.

*Струве, *Советское востоковедение за сорок лет.* — В. В. Струве, *Советское востоковедение за сорок лет,* — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 3—29.

*Сухарева, *К вопросу об исторической топографии Бухары.* — О. А. Сухарева, *К вопросу об исторической топографии Бухары X—XII вв. (Городские стены и ворота),* — «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. XXVII, Сталинабад, 1954, стр. 25—40.

*Сухарева, *К истории.* — О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки),* Ташкент, 1958.

*Тереножкин, *Археологическая разведка на городище Афрасиаб.* — А. И. Тереножкин, *Археологическая разведка на городище Афрасиаб в 1945 г.,* — КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 116—121.

*Тереножкин, *Археологические разведки в Хорезме.* — А. Тереножкин, *Археологические разведки в Хорезме,* — СА, 1940, № 6, стр. 168—189.

*Тереножкин, *Вопросы.* — А. Тереножкин, *Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда,* — ВДИ, 1947, № 4, стр. 127—135.

*Тереножкин, *Литература по археологии в Узбекистане,* — А. Тереножкин, *Литература по археологии в Узбекистане,* — ВДИ, 1939, № 1, стр. 186—191.

*Тереножкин, *Раскопки в кухендизе Пянджикента.* — А. И. Тереножкин, Раскопки *в кухендизе Пянджикента,* — «Труды СТАЭ» (МИА, № 15), 1950, стр. 81—93.

*Тереножкин, *Раскопки на городище Афрасиабе.* — А. И. Тереножкин, *Раскопки на городище Афрасиабе,* — КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 136—140.

*Тереножкин, *Согд и Чач.* — А. И. Тереножкин, *Согд и Чач* (Автореф. канд. дисс.), — КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 152—169.

Тизенгаузен, ЗВОРАО, т. XI [стр. 327—333]. — В. Г. Тизенгаузен, [рец. на:] В. А. Жуковский, Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894, — ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 327—333.

Тизенгаузен, *Монеты восточного халифата.* — В. Тизенгаузен, *Монеты восточного халифата,* СПб., 1873.

Тизенгаузен, *Нумизматические новинки.* — В. Тизенгаузен, *Нумизматические новинки,* — ЗВОРАО, т. VI, 1892, стр. 229—264.

Тизенгаузен, *О саманидских монетах.* — В. Г. Тизенгаузен, *О саманидских монетах,* — ТВОРАО, ч. I, 1855, стр. 1—238.

*Толстов, *Аральский узел.* — С. П. Толстов, *Аральский узел этногонического процесса (тезисы доклада),* — СЭ, 1947, VI—VII, стр. 308—310.

*Толстов, *Бируни и его время.* — С. П. Толстов, *Бируни и его время,* — «Вестник АН СССР», 1949, № 4, стр. 42—57.

*Толстов, *Бируни и проблема истории Хорезма.* — С. П. Толстов, *Бируни и проблема древней [и] средневековой истории Хорезма,* — МПВНКВ, стр. 125—130.

*Толстов, *Генезис феодализма.* — С. П. Толстов, *Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах,* — сб. «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», М.—Л., 1934 (ИГАИМК, вып. 103), стр. 165—199.

*Толстов, *Города гузов.* — С. П. Толстов, *Города гузов (Историко-этнографические этюды),* — СЭ, 1947, № 3, стр. 55—102.

*Толстов, *Древний Хорезм.* — С. П. Толстов, *Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования,* М., 1948.

*Толстов, *К вопросу о происхождении каракалпакского народа.* — С. П. Толстов, *К вопросу о происхождении каракалпакского народа,* — КСИЭ, 1947, вып. II, стр. 69—75.

*Толстов, *К истории древнетюркской социальной терминологии.* — С. П. Толстов, *К истории древнетюркской социальной терминологии (Qa-γan//qoš-un∨tar-gan// tür-k),* — ВДИ, 1938, № 1, стр. 72—81.

*Толстов, *Монеты шахов древнего Хорезма.* — С. П. Толстов, *Монеты шахов Древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит,* — ВДИ, 1938, № 4, стр. 120—145.

*Толстов, *Новогодний праздник «каландас».* — С. П. Толстов, *Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI века (В связи с историей хорезмийско-хазарских отношений),* — СЭ, 1946, № 2, стр. 87—108.

*Толстов, *Огузы.* — С. П. Толстов, *Огузы, печенеги, море Даукара (Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья),* — СЭ, 1950, № 4, стр. 49—54.

*Толстов, *Основные вопросы.* — С. П. Толстов, *Основные вопросы древней истории Средней Азии,* — ВДИ, 1938, № 1, стр. 176—203.

*Толстов, *Основные проблемы этногенеза.* — С. П. Толстов, *Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии,* — СЭ, 1947, VI—VII, стр. 303—305.

*Толстов, *Периодизация.* — С. П. Толстов, *Периодизация древней истории Средней Азии,* — КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 18—29.

*Толстов, *По следам.* — С. П. Толстов, *По следам древнехорезмийской цивилизации,* М.— Л., 1948.

*Толстов, *Хорезмийская генеалогия.* — С. П. Толстов, *Хорезмийская генеалогия Самуила Абы (Еще раз к вопросу о каварах-хорезмийцах),* — СЭ, 1947, № 1, стр 104—107.

*Толстов, *Хорезмская экспедиция 1947 г.* — С. П. Толстов, *Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1947 года (Предварительное сообщение),* — ИАН СССР, СИФ, т. 5, № 2, 1948, стр. 182—192.

*Толстов, *Хорезмская экспедиция 1949 г.* — С. П. Толстов, *Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1949 г.,* — ИАН СССР, СИФ, т. 7, № 6, 1950, стр. 514—529.

*Толстов, *Хорезмская экспедиция 1950 г.* — С. П. Толстов, *Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР 1950 г.,* — СА, т. XVIII, 1953, стр. 301—325.

*Толыбеков, *О патриархально-феодальных отношениях.* — С. Е. Толыбеков, *О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов,* — ВИ, 1955, № 1, стр. 75—83.

Туманский, ЗВОРАО, т. IX [стр. 300—303]. — А. Туманский, [рец. на:] Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. В. А. Жуковского, СПб., 1894 (МАР, вып. 16), — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 300—303.

Туманский, *Новооткрытый персидский географ.* — А. Г. Туманский, *Новооткрытый персидский географ X столетия и известия его о славянах и руссах,* — ЗВОРАО, т. X, 1897, стр. 121—137.

Туманский, *По поводу «Китаби Коркуд».* — А. Туманский, *По поводу «Китаби Коркуд»,* — ЗВОРАО, т. IX, 1896, стр. 269—272.

*Умняков, *Абдулла-намэ Хафизи-Таныша.* — И. Умняков, *Абдулла-намэ Хафизи-Таныша и его исследователи,* — ЗКВ, т. V, 1930, стр. 307—328.

*Умняков, *Архитектурные памятники.* — И. И. Умняков, *Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920—1928 гг.,* Ташкент, 1929.

*Умняков, *В. В. Бартольд.* — И. И. Умняков, *В. В. Бартольд (По поводу 30-летия профессорской деятельности),* — «Бюлл. САГУ», вып. 14, Ташкент, 1926, стр. 175—202.

*Умняков, *Значение трудов акад. В. В. Бартольда.* — И. И. Умняков, *Значение трудов акад. В. В. Бартольда по истории Средней Азии,* — МПВНКВ, стр. 675—682; ср.: журн. «Фан ва турмуш», 1957, № 3, стр. 19—21 (на узб. яз.).

*Умняков, *«История» Фахрэддина Мубаракшаха.* — И. Умняков, *«История» Фахрэддина Мубаракшаха,* — ВДИ, 1938, № 1, стр. 108—115.

Умняков, *К вопросу об исторической топографии.* — И. Умняков, *К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары,* — «Ал-Искендерийя», стр. 148—157.

*Умняков, *Рабат-и Малик.* — И. И. Умняков, *Рабат-и Малик,* — «В. В. Бартольду», стр. 179—192.

*Федченко, *Топографический очерк.* — А. П. Федченко, *Топографический очерк Зарафшанской долины и заметки о соседних бекствах и памятниках Самарканда,* М., 1870.

*Фрейман, *Датированные согдийские документы.* — А. А. Фрейман, *Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане,* — «Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г.», М.—Л., 1936 (ТИВАН, т. XVII), стр. 137—165.

*Фрейман, *К имени согдийского ихшида.* — А. А. Фрейман, *К имени согдийского ихшида Гурека,* — ВДИ, 1938, № 3, стр. 147—148.

*Халидов, *Дополнения.* — А. Б. Халидов, *Дополнения к тексту «Хронологии» ал-Бируни по ленинградской и стамбульской рукописям,* — ПС, вып. 4(67), 1959, стр. 147—171.

Ханыков, *Описание Бухарского ханства.* — Н. Ханыков, *Описание Бухарского ханства,* СПб., 1843.

*Чепелев, *Очерк архитектуры Средней Азии.* — В. Н. Чепелев, *Очерк архитектуры Средней Азии до Караханидов,* — сб. «Искусство Средней Азии», М., 1930, стр. 86—105.

*Чехович, *Из документа XIV века.* — О. Д. Чехович, *Из документа XIV века об окрестностях Самарканда и их орошении,* — ДАН УзССР, 1948, № 6, стр. 38—42.

*Чехович, *К истории крестьян Бухары.* — О. Д. Чехович, *К истории крестьян Бухары XIV в.,* — ИАН УзССР, СОН, 1959, № 1, стр. 71—76.

*Чехович, *Новый источник.* — О. Д. Чехович, *Новый источник по истории Бухары начала XIV века,* — ПВ, 1959, № 5, стр. 148—161.

*Шишкин, *Археологические работы 1937 г.* — В. А. Шишкин, *Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса,* Ташкент, 1940.

*Шишкин, *Археологические работы 1947 г.* — В. А. Шишкин, *Археологические работы 1947 года на городище Варахша,* — ИАН УзССР, 1948, № 5, стр. 62—70.

*Шишкин, *Археологическое изучение Бухарского оазиса.* — В. А. Шишкин, *Археологическое изучение Бухарского оазиса,* — сб. «Научная сессия Академии Наук УзССР 9—14 июня 1947 г.», Ташкент, 1947, стр. 387—413.

*Шишкин, *Архитектурные памятники.* — В. А. Шишкин, *Архитектурные памятники Бухары,* Ташкент, 1936.

*Шишкин, *Города Узбекистана.* — В. А. Шишкин, *Города Узбекистана (Самарканд, Бухара, Ташкент),* Ташкент, 1943.

*Шишкин, *Из археологических работ.* — В. А. Шишкин, *Из археологических работ на Афросиабе. (Раскопки В. Л. Вяткина в мае — июле 1925 г.),* — «Изв. УзФАН», 1940, № 12, стр. 63—70.

*Шишкин, *Исследование городища Варахша.* — В. А. Шишкин, *Исследование городища Варахша и его окрестностей,* — КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 3—15.

*Шишкин, *К исторической топографии.* — В. А. Шишкин, *К исторической топографии Старого Термеза,* — «Труды УзФАН», сер. I, вып. 2, 1940 (Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.), стр. 123—153.

*Щербина-Крамаренко, *В развалинах Средней Азии.* — Н. Н. Щербина-Крамаренко, *В развалинах Средней Азии,* [б. м.], 1896.

Щербина-Крамаренко, *По мусульманским святыням.* — Н. Щербина-Крамаренко, *По мусульманским святыням Средней Азии. (Путевые заметки и впечатления),* — СКСО, вып. IV, 1896, отд. IV, стр. 45—61.

Эварницкий, *Путеводитель.*— Д. И. Эварницкий, *Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях,* Ташкент, 1893.

*Якубовский, *Археологическая экспедиция.* — А. Ю. Якубовский, *Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции),*— ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 113—164.

Якубовский, *Вопросы периодизации.* — А. Ю. Якубовский, *Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.),*— КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 30—43.

*Якубовский, *Восстание Муканны.* — А. Ю. Якубовский, *Восстание Муканны — движение людей в «белых одеждах»,*— СВ, т. V, 1948, стр. 35—54.

*Якубовский, *Восстание Тараби.* — А. Якубовский, *Восстание Тараби в 1238 г. (К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии),*— «Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г.», М.— Л., 1936 (ТИВАН, т. XVII), стр. 101—135.

*Якубовский, *Время Авиценны.* — А. Ю. Якубовский, *Время Авиценны,*— ИАН СССР, ООН, 1938, № 3, стр. 93—108.

*Якубовский, *ГАИМК.* — А. Ю. Якубовский, *ГАИМК — ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет,*— КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 14—23.

*Якубовский, *Главные вопросы.* — А. Ю. Якубовский, *Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии,* — «Труды ТаджФАН», т. XXIX, 1951, стр. 3—17.

*Якубовский, *Городище Миздахкан.* — А. Якубовский, *Городище Миздахкан,* — ЗКВ, т. V, 1930, стр. 551—581.

*Якубовский, *Ибн-Мискавейх.* — А. Ю. Якубовский, *Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. = 943/42 г.,*— ВВ, т. XXIV, 1926, стр. 63—92.

*Якубовский, *Из истории археологического изучения Самарканда.* — А. Ю. Якубовский, *Из истории археологического изучения Самарканда,*— ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 285—337.

*Якубовский, *Ирак.* — А. Якубовский, *Ирак на грани VIII—IX вв. (черты социального строя халифата при аббасидах),*— «Труды первой сессии арабистов, 14—17 июня 1935 г.» (ТИВАН, вып. XXIV), 1937, стр. 25—49.

*Якубовский, *Итоги работ 1946—1947 гг.* — А. Ю. Якубовский, *Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг.,* — «Труды СТАЭ», т. I, 1946—1947 (МИА, № 15), 1950, стр. 13—55.

*Якубовский, *Итоги работ 1948—1950 гг.* — А. Ю. Якубовский, *Итоги работ Таджикской археологической экспедиции за 1948—1950 гг.,* — «Труды ТАЭ», т. II, 1948—1950 (МИА, № 37), 1953, стр. 9—20.

*Якубовский, *К вопросу об этногенезе.* — А. Ю. Якубовский, *К вопросу об этногенезе узбекского народа,* Ташкент, 1941.

*Якубовский, *Книга Б. Я. Владимирцова.* — А. Якубовский, *Книга Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и перспективы дальнейшего изучения Золотой Орды,* — «Исторический сборник», Ин-т истории АН СССР, т. V, М.—Л., 1936, стр. 293—313.

*Якубовский, *Махмуд Газневи.* — А. Ю. Якубовский, *Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства,*— сб. «Фердовси. 934—1934», Л., 1934, стр. 51—96.

*Якубовский, *Об испольных арендах.* — А. Ю. Якубовский, *Об испольных арендах в Ираке в VIII в.,*— СВ, т. IV, 1947, стр. 171—184.

*Якубовский, *Об одном раннесаманидском фельсе.* — А. Ю. Якубовский, *Об одном раннесаманидском фельсе (Из ранней истории Саманидского дома),* — КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 103—112.

*Якубовский, *Проблема.* — А. Ю. Якубовский, *Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда,* — ВЛУ, 1947, № 12, стр. 62—79.

*Якубовский, *Развалины Сыгнака.* — А. Якубовский, *Развалины Сыгнака (Сугнака),* — «Сообщения ГАИМК», т. II, 1929, стр. 123—159.

*Якубовский, *Развалины Ургенча.* — А. Ю. Якубовский, *Развалины Ургенча,* — ИГАИМК, т. VI, вып. 2, Л., 1930.

*Якубовский, *Сельджукское движение.* — А. Якубовский, *Сельджукское движение и туркмены в XI веке,* — ИАН СССР, ООН, 1937, № 4, стр. 921—946.

*Якубовский, *Феодальное общество.* — А. Якубовский, *Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.,* — МИУТТ, стр. 1—60.

Abel-Rémusat, *Khaïsang.* — Abel-Rémusat, *Khaïsang, empereur de la Chine, de la dynastie des Mongols,* — в кн.: Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques,* t. II, Paris, 1829, pp. 1—3.

Abel-Rémusat, *Recherches.* — Abel-Rémusat, *Recherches sur les langues tartares ou mémoires sur différents points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigours et des Tibetains,* t. I, Paris, 1820.

Abel-Rémusat, *Sur l'histoire des Mongols.* — Abel-Rémusat, *Sur l'histoire des Mongols, d'après les auteurs musulmans,* — в кн.: Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques,* t. I, Paris, 1829, pp. 427—442.

Abel-Rémusat, *Tha-tha-toung-'o.* — Abel-Rémusat, *Tha-tha-toung-'o, ministre oigour,* — в кн.: Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques,* t. II, Paris, 1829, pp. 61—63.

Abel-Rémusat, *Yeliu-thsou-thsai.* — Abel-Rémusat, *Yeliu-thsou-thsai, ministre tartare,* — в кн.: Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques.* t. II. Paris, 1829, pp. 64—88.

Barbier de Meynard, *Tableau litteraire* — см. Са'алиби, *Йатима* (разд. I, Б — Источники).

Barthold, *Abū Muslim.* — W. Barthold, *Abū Muslim,* — EI, I, S. 107—108[1].

Barthold, *Akhsīkath.* — W. Barthold, *Akhsīkath,* — EI, I, S. 247.

Barthold, *Die alttürkischen Inschriften.* — W. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen,* — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei,* Zweite Folge, St.-Pbg., 1899 (разд. паг.).

Barthold, *Āmū-Daryā.* — W. Barthold, *Āmū-Daryā,* — EI, I, S. 356—359.

Barthold, *Badakhshān.* — W. Barthold, *Badakhshān,* — EI, I, S. 574—576.

Barthold, *Baihaḳī, Abū 'l-Faḍl.* — W. Barthold, *Baihaḳī, Abū 'l-Faḍl,* — EI, I, S. 616—617.

Barthold, *Baihaḳī, Abū 'l-Ḥasan.* — W. Barthold, *Baihaḳī, Abū 'l-Ḥasan,* — EI, I, S. 615—616.

Barthold, *Bakamī.* — W. Barthold, *Bakamī,* — EI, I, S. 638—639.

Barthold, *Bardha'a.* — W. Barthold, *Bardha'a,* — EI, I, S. 683.

Barthold, *Barmakiden.* — W. Barthold, *Barmakiden,* — EI, I, S. 691—693.

Barthold, *Bātū-Khān.* — W. Barthold, *Bātū-Khān,* — EI, I, S. 709—712.

Barthold, *The Bughra Khan.* — W. Barthold, *The Bughra Khan mentioned in the Qudatqu Bilik,* — BSOS, vol. III, pt 1, 1923, pp. 151—158.

[1] Страницы EI даются везде по немецкому изданию.

Barthold, *Bukhārā.*— W. Barthold, *Bukhārā,* — EI, I, S. 809—816.
Barthold, *Burhān.*— W. Barthold, *Burhān,*— EI, I, S. 816—817.
Barthold, *Čaghāniyān.*— W. Barthold, *Čaghāniyān,*— EI, I, S. 845—846.
Barthold, *Čoghatāi-Khān.*— W. Barthold, *Čaghatāi-Khān,*— EI, I, S. 846—849.
Barthold, *Čingiz-Khān.*— W. Barthold, *Čingiz-Khān,*— EI, I, S. 892—898.
Barthold, *Djuwainī.*— W. Barthold, *Djuwainī, ʿAlā al-Dīn ʿAṭā Malik,*— EI, I, S. 1115—1117.
Barthold, *Farghāna.*— W. Barthold, *Farghāna,* — EI, II, S. 64—69.
Barthold, *Ghuzz.*— W. Barthold, *Ghuzz,*— EI, II, S. 178—179.
Barthold, *Ḥafiẓ-i Abrū.*— W. Barthold, *Ḥafiẓ-i Abrū* — EI, II, S. 225—226.
Barthold, *Ḥaidar b. ʿAlī.*— W. Barthold, *Ḥaidar b. ʿAlī,*— EI, II, S. 231.
Barthold, *Ḥakīm Atā.*— W. Barthold, *Ḥakim Atā,*— EI, II, S. 239.
Barthold, *Ismāʿīl b. Aḥmedẓ*— W. Barthold, *Ismāʿīl b. Aḥmed,* — EI, II, S. 583.
Barthold, *Ḳarategin.*— W. Barthold, *Ḳarategin,*— EI, II, S. 813—815.
Barthold, *Nachrichten.*— W. Barthold, *Nachrichten über den Aral-See und den unteren Lauf des Amu-Darja von den ältesten Zeiten bis zum 17. Jahrhundert.* Deutsche Ausgabe mit Berichtigungen und Ergänzungen vom Verfasser. Übers. von. H. v. Foth, Leipzig, 1910.
Barthold, *Stand und Aufgaben.*— W. Barthold, *Stand und Aufgaben der Geschichtsforschung in Turkestan,*— «Die Geisteswissenschaften», 1. Jg., Leipzig, 1913/1914, H. 39, S. 1075—1080.
Barthold, *Šuʿūbīja.*— W. Barthold, *Die persische Šuʿūbīja und die moderne Wissenschaft,* — ZA, Bd XXVI (Festschrift für Ignaz Goldziher), 1912, S. 249—266.
Barthold, *Türken.*— W. Barthold, *Türken,*— EI, IV, S. 969—978 *(Historisch-ethnographische Übersicht);* S. 986—988 *(Čaghatāische Litteratur).*
Barthold, *Turkestan.*— W. Barthold, *Turkestan down to the Mongol invasion,* 2d ed., transl. from the original Russian and revised by the author with the assistance of H. A. R. Gibb, London, 1928 (GMS NS, V); 2d ed.: London, 1958.
Barthold, *Zur Geschichte der Ṣaffāriden.*— W. Barthold, *Zur Geschichte des Ṣaffāriden,*— «Festschrift Nöldeke», Bd I, S. 171—191.
Barthold, *Zur Geschichte des Christentums.*— W. Barthold, *Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung.* Berichtigte und vermehrte deutsche Bearbeitung von R. Stübe, Tübingen, 1901.
Barthold, *12 Vorlesungen.*— W. Barthold, *12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens.* Deutsche Bearbeitung von Th. Menzel, Berlin, 1935 (Beiband zu WI, Bd 14—17, 1932—1935).
*Beale, *An oriental biographical dictionary.*— [W. Beale], *An oriental biographical dictionary* founded on materials collected by the late Th. W. Beale. A new edition revised and enlarged by H. G. Keene, London, 1894.
Becker, *Dabīḳ.*— C. H. Becker, *Dabīḳ,*— EI, I, S. 922.
Becker, DI, Bd IV [S. 199].— C. H. Becker, [рец. на:] Herzfeld, E., Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra, mit einem Vorwort von Friedrich Sarre... Berlin, 1912, — DI, Bd IV, 1913, S. 199.
Becker, *Dībādj.*— C. H. Becker, *Dībādj,*— EI, I, S. 1008.
Becker, *Djizya.*— C. H. Becker, *Djizya,*— EI, I, S. 1097—1098.
Becker, *Egypten.*— C. H. Becker, *Egypten,*— EI, II, S. 4—24.
Becker, *Islamstudien.*— C. H. Becker, *Islamstudien. Vom Werden und Wesen der islamischen Welt,* Bd I—II, Leipzig, 1924—1932.
Becker, *Steuerpacht.* — C. H. Becker, *Steuerpacht und Lehnswesen. Eine historische Stu-*

die über die Entstehung des islamischen Lehnswesens, — DI. Bd V, 1914, S. 81—92.

*Beeston, *Catalogue.*— A. F. L. Beeston, *Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu manuscripts in the Bodleian Library,* pt III. *Additional Persian manuscripts,* Oxford, 1954.

van Berchem, *La propriété.* — M. van Berchem, *La propriété territoriale et l'impot foncier sous les premiers califes. Étude sur l'impot du Kharâg,* Genève, 1886.

Biberstein-Kasimirski, *Menoutchehri*— см. Менучехри (разд. 1, Б — Источники).

Blochet, *Catalogue BN.*— E. Blochet, *Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque Nationale,* t. I—IV, Paris, 1905—1912 (I — 1905, II — 1912, III — 1928, IV — 1934).

Blochet, *Catalogue de la collection Schefer.* — E. Blochet, *Catalogue de la collection de manuscrits orientaux arabes, persans et turcs formée par Ch. Schefer...* Publié par E. Blochet, Paris, 1900.

Blochet, *Les inscriptions.*— E. Blochet, *Les inscriptions de Samarkand. I. Le Goûr-i-Mîr, گور میر, ou tombeau de Tamerlan,*— «Revue archéologique», sér. 3, t. XXX, Paris, 1897, pp. 67—77, 202—231; то же: отд. отт.

Blochet, *Introduction.* — E. Blochet, *Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din,* Leyden — London, 1910 (GMS, XII).

Blochet, *Liste.*— E. Blochet, *Liste géographique des villes de l'Iran,* Paris, 1895 (Extrait du «Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et a l'Archéologie égyptiennes et assyriennes», année XVII, pp. 165—176).

Bouvat, *L'empire Mongol.*— L. Bouvat, *L'empire Mongol (2ème phase),* Paris, 1927 (Histoire du Monde publiée sous la direction de M. E. Cavaignac, t. VIII[3]).

Bretschneider, *Researches* — см. выше, разд. 1, А.

Brockelmann, GAL.— C. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Litteratur,* Bd I—II, Weimar — Berlin, 1898—1902; Supplementbände I—III, Leiden, 1937—1942; Zweite, den Supplementbänden angepasste Aufl., Bd I—II, Leiden, 1943—1949.

Brockelmann, *Ibn Ḳutaiba.*— C. Brockelmann, *Ibn Ḳutaiba,*— EI, II, S. 424.

*Brockelmann, *Mitteltürkischer Wortschatz.* — C. Brockelmann, *Mitteltürkischer Wortschatz nach Maḥmūd al-Kāšγarīs Dīvān luγat at-Turk,* Budapest — Leipzig, 1928 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. I).

Brockelmann, *Das Verhältnis.*— C. Brockelmann, *Das Verhältnis von Ibn-el-Aṯîrs Kâmil fit-ta'riḫ zu Ṭabaris Aḫbâr errusul wal mulûk,* Strassburg, 1890.

Browne, *A Literary History.*— E. G. Browne, *A Literary History of Persia,* vol. I. *From the Earliest Times until Firdawsi,* Cambridge, 1902 [repr. 1908, 1909, 1919, 1925; re-issue 1928, repr. 1929, 1951]; vol. II. *From Firdawsi to Sa'di,* Cambridge, 1906 [repr. 1915, 1920; re-issue 1928, repr. 1951, 1956]; *A History of Persian Literature,* vol. III. *1265—1502,* Cambridge, 1920 [re-issue: *A Literary History of Persia,* vol. III. *The Tartar Dominion (1265—1502),* 1928, repr. 1951, 1956], vol. IV. *1500—1924,* Cambridge, 1924 [re-issue: *A Literary History of Persia,* vol. IV. *Modern Times (1500—1924),* 1928, repr. 1930, 1953].

Browne, *The Mujmal.*— E. G. Browne, *The Mujmal or "Compendium" of history and biography of Faṣiḥi of Khwáf (مجمل فصیحی خوافی),*— «Le Muséon», sér. 3, t. I, 1915, № 1, pp. 48—78.

Browne, *The Sources.*— E. G. Browne, *The Sources of Dawlatshāh with some Remarks on the Materials available for a Literary History of Persia, and an Excursus on Bārbad and Rūdagi,*— JRAS, 1899, pp. 37—69.

*L. Browne, *The eclipse.* — L. E. Browne, *The eclipse of Christianity in Asia. From the time of Muhammad till the Fourteenth century,* Cambridge, 1933.

Burnes, *Travels.*— A. Burnes, *Travels into Bokhara; containing the narrative of a voyage on the Indus from the sea to Lahore, with presents from the King of Great Britain; and an account of a journey from India to Cabool, Tartary, and Persia.* New ed., vol. I—III, London, 1839.

* Caetani, *Annali.* — L. Caetani, *Annali dell'Islām.* vol. I—VI, Milano, 1905—1913.

*Caferoğlü, *Istılahları.*— A. Caferoğlü, *Uygurlarda hukuk ve maliye ıstılahları,*— TM, c. IV, İstanbul, 1934, ss. 1—43.

*Cahen, *L'évolution.*— C. Cahen, *L'évolution de l'iqtaʿ du IXᵉ au XIIIᵉ siècle. Contribution à une histoire comparée des sociétés médiévales,* — «Annales. Économies, Sociétés, Civilisations», t. 8, № 1, Paris, 1953, pp. 25—52.

Cahun, *Introduction.*— L. Cahun, *Introduction a l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405,* Paris, 1896.

Carra de Vaux, *Les penseurs.* — Carra de Vaux, *Les penseurs de l'Islam,* t. I. *Les souverains, l'histoire et la philosophie politique,* Paris, 1921; t. II. *Les géographes, les sciences mathématiques et naturelles,* Paris, 1921; t. III. *L'exégèse, la tradition et la jurisprudence,* Paris, 1923; t. IV. *La scolastique, la théologie et la mystique, la musique,* Paris, 1923; t. V, *Les sectes, le libéralisme moderne,* Paris, 1926.

Catalogus LB.— *Catalogus codicum orientalium Bibliothecae Academiae Lugduno Batavae,* vol. I—II, auctore R. P. A. Dozy, Lugduni Batavorum, 1851; vol. III, auctoribus P. de Jong et M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1865; vol. IV, auctoribus P. de Jong et M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1866; vol. V, auctore M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1873; vol. VI, auctore M. Th. Houtsma, Lugduni Batavorum, 1877.

Chavannes — Pelliot, *Un traité.* — [E. Chavannes et P. Pelliot], *Un traité Manichéen retrouvé en Chine,* traduit et annoté par Éd. Chavannes et P. Pelliot, — JA, sér. 10, t. XVIII, 1911, pp. 499—617; sér. 11, t. I, 1913, pp. 99—199, 261—394; то же: отд. отт., partie I—II, Paris, 1911—1913 [I — pp. 1—121, II — pp. 123—360].

Chwolsohn, *Die Ssabier.*— D. Chwolsohn, *Die Ssabier und der Ssabismus,* Bd I: *Die Entwicklung der Begriffe Ssabier und Ssabismus und die Geschichte der harrânischen Ssabier oder der syrohellenistischen Heiden im nördlichen Mesopotamien und in Bagdâd zur Zeit des Chalifats;* Bd II: *Orientalische Quellen zur Geschichte der Ssabier und des Ssabismus,* St.-Pbg., 1856.

Deguignes, *Histoire générale des Huns.*— J. Deguignes, *Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, et des autres Tartares occidentaux,* t. I—IV, Paris, 1756—1758.

*Dennett, *Conversion.*— D. C. Dennett, *Conversion and Poll Tax in Early Islam,* Cambridge, Mass., 1950 (HHM, XXII).

Dieterici, *Mutanabbi.* — F. Dieterici, *Mutanabbi und Seifuddaula; aus der Edelperle des Tsaâlibi,* Leipzig, 1847.

Diez, *Churasanische Baudenkmäler.*— E. Diez, *Churasanische Baudenkmäler,* Berlin, 1918 [Arbeiten des Kunsthistorischen Instituts der k.-k. Universität Wien (Lehrkanzlei Strzygowski), Bd 7].

Donner, *Sur l'origine.*— O. Donner, *Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie,*— JSFOu, XIV, 1896, 1, pp. 1—71.

Dorn, *Catalogue.*— [B. Dorn], *Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg,* St.-Pbg., 1852.

Dorn, *Catalogue des ouvrages arabes, persans et turcs.*— B. Dorn, *Catalogue des ouvrages arabes, persans et turcs, publiés à Constantinople, en Egypte et en Perse, qui se trouvent en Musée asiatique de l'Academie,*— Mél. As., t. V, 1864, pp. 465—528.

Dorn, *Nachträge.*— B. Dorn, *Nachträge zu der Abhandlung über die Münzen der Ileke oder der ehemaligen Chane von Turkistan,*— Mél. As., t. IX, 1888, pp. 55—73.

*Dorn, *Die Sammlung Chanykov.*— B. Dorn, *Die Sammlung von morgenländischen Handschriften, welche die Kaiserliche Öffentliche Bibliothek zu St. Petersburg im Jahre 1864 von Hrn v. Chanykov erworben hat,* St.-Pbg., 1865.

Dorn, *Ueber Mudschmel Faszihy.* — B. Dorn, *Ueber die Mudschmel Faszihy* (مجمل فصيحى) *betitelte chronologische Übersicht der Geschichte von Faszih,*— «Bull. de la classe hist.-philol. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg», t. II, 1845, col. 1—41.

Dorn, *Über die Münzen.*— B. Dorn, *Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkistan,*— Mél. As., t. VIII, 1881, pp. 703—744.

Douglas, *The Life.* — [R. K. Douglas], *The Life of Jenghiz Khan.* Transl. from the Chinese. With an introduction. By R. K. Douglas, London, 1877.

Dozy, *Essai.*— R. Dozy, *Essai sur l'histoire de l'islamisme,* trad. du hollandais par V. Chauvin, Leyde — Paris, 1879.

Dulaurier, *Les Mongols.* — Éd. Dulaurier, *Les Mongols d'après les historiens arméniens,*— JA. sér. 5, t. XI, 1858, pp. 192—255.

Dvořák, *Abû Firâs.* — R. Dvořák, *Abû Firâs, ein arabischer Dichter und Held. Mit Ṯaâlibî's Auswahl aus seiner Poësie (Jetîmet-ud-dahr Cap. III),* Leiden, 1895.

Edwards, *Catalogue.* — E. Edwards, *A Catalogue of the Persian printed books in the British Museum,* London, 1922.

Elliot, *The History of India.*— H. M. Elliot, *The History of India, as told by its own historians. The Muhammadan period,* vol. I—VIII, London, 1867—1877.

Erdmann, *Temudschin.*— F. Erdmann, *Temudschin der Unerschütterliche,* Leipzig, 1862.

Ethé, *Catalogue Ind. Off.*— H. Ethé, *Catalogue of Persian Manuscripts in the Library of the India Office,* vol. I, Oxford, 1903; vol. II, containing additional descriptions and indices (revised and completed by E. Edwards), Oxford, 1937.

Ethé, *Catalogue of ... the Bodleian Library* — см. Sachau — Ethé.

Ethé, *Neupersische Litteratur.* —H. Ethé, *Neupersische Litteratur,* — GIPh, Bd II, S. 212—370.

Ferrand, *Relations* — см. выше, разд. I, A.

*Field — Prostov, *Archaeological investigations.*— H. Field and E. Prostov, *Archaeological investigations in Central Asia, 1917—37,* — AI, vol. V, pt II, 1938, pp. 233—271.

Fischer, *Baṭṭûṭa.*- A Fischer, *Baṭṭûṭa, nicht Baṭûṭa,*— ZDMG, Bd LXXII, 1918, S. 289.

Fischer, *Al-Maqdisî.*— A. Fischer, *Al-Maqdisî und al-Muqaddasî,*— ZDMG, Bd LX, 1906, S. 404—410.

Fleischer, *Catalogus.*— H. O. Fleischer, *Catalogus codicum manuscriptorum orientalium Bibliothecae Regiae Dresdensis,* Lipsiae, 1831.

Flügel, *Handschriften.* — G. Flügel, *Die arabischen, persischen und türkischen Handschriften der Kaiserlich-Königlichen Hofbibliothek zu Wien,* Bd I—III, Wien, 1865—1867.

*Franke, *Geld und Wirtschaft.*— H. Franke, *Geld und Wirtschaft in China unter der Mongolen-Herrschaft. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte der Yüan-Zeit,* Leipzig, 1949 (Das Mongolische Weltreich. Quellen und Forschungen).

*Gabain, *Das uigurische Königreich.*— A. v. Gabain, *Das uigurische Königreich von Chotscho 850—1250,* Berlin, 1961 (SBAW Berl., Jg. 1961, Nr. 5).

*Gardet, *La cité.* — L. Gardet, *La cité musulmane. Vie sociale et politique,* Paris, 1954 (Études musulmanes. I).

*Geiger, *Ostiranische Kultur.*— W. Geiger, *Ostiranische Kultur im Altertum,* Erlangen, 1882.

Geiger, *Die Pamir-Gebiete.* — W. Geiger, *Die Pamir-Gebiete. Eine geographische Monographie,* Wien, 1887 (Geographische Abhandlungen hrsg. von A. Penck. Bd II, H. 1).

Gibb, *The Arab Conquests.*— H. A. R. Gibb, *The Arab Conquests in Central Asia,* London, 1923 (James G. Forlong fund, vol. II).

Gibb, *The Arab Invasion of Kashgar.*— H. A. R. Gibb, *The Arab Invasion of Kashgar in A. D. 715,*— BSOS, vol. II, pt 3, 1922, pp. 467—474.

de Goeje, *Das alte Bett des Oxus.*— M. J. de Goeje, *Das alte Bett des Oxus Amû-Darja,* Leyden, 1875.

de Goeje, *Die Istakhrī — Balkhī Frage.*— M. J. de Goeje, *Die Istakhrī — Balkhī Frage,*— ZDMG, Bd XXV, 1871, S. 42—58.

de Goeje, JA, sér. 9, t. XIV [pp. 364—367]. — M. J. de Goeje, [рец. на:] Abhandlungen zur arabischen Philologie, von Ignaz Goldziher, 2. Teil,— JA, sér. 9, t. XIV, 1899, pp. 364—367.

Goldziher, *Aus der Theologie.*— I. Goldziher, *Aus der Theologie des Fachr al-dīn al-Rāzi,*— DI, Bd III, 1912, S. 213—247.

Goldziher, *Dhu 'l-Kifl.*— I. Goldziher, *Dhu 'l-Kifl,*— EI, I, S. 1003—1004.

Goldziher, *Muhammedanische Studien.*— I. Goldziher, *Muhammedanische Studien,* T. I—II, Halle, 1888—1890.

Goldziher, *Vorlesungen.*— I. Goldziher, *Vorlesungen über den Islam,* 2. umgearb. Aufl., Heidelberg, 1925.

Grenard, *La légende.*— F. Grenard, *La légende de Satok Boghra Khân et l'histoire,*— JA, sér. 9, t. XV, 1900, pp. 5—79.

Grønbech, *Chinggis Khans erobring.* — K. Grønbech, *Chinggis Khans erobring of Persien. Efter de Mongolske kilder,* — «Øst og Vest. Afhandlinger tilegnede Prof. Dr. phil. Arthur Christensen paa Halvfjerdsaarsdagen d. 9. Januar 1945 af nordiske Orientalister og Folkemindeforskere», København, 1945, ss. 94—104.

*Grousset, *Le Conquérant.*— R. Grousset, *Le Conquérant du Monde (Vie de Gengis-khan),* Paris, 1944.

*Grousset, *L'empire Mongol.*— R. Grousset, *L'empire Mongol (1re phase),* Paris, 1941 (Histoire du Monde publiée sous la direction de M. E. Cavaignac, t. VIII [3]).

Guest, *Relations.*— R. Guest, *Relations between Persia & Egypt under Islam up to the Fāṭimid period,*— «'Ajab-nama», pp. 163—174.

*Hamdani, *Some Rare Manuscripts.*— V. A. Hamdani, *Some Rare Manuscripts in Istanbul,*— JRAS, 1938, pp. 561—564.

*Hamilton, *Les Ouïghours.*— J. R. Hamilton, *Les Ouïghours à l'époque des Cinq dynasties d'après les documents chinois,* Paris, 1955 (Bibliothèque de l'Institut des hautes études chinoises. Vol. X).

Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde.*— J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland,* Pesth, 1840.

Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane.*— J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Ilchane, das ist der Mongolen in Persien,* Bd I—II, Darmstadt, 1842—1843.

*Haenisch, *Die Mongolei.*— E. Haenisch, *Die Mongolei — Bilder aus alter und neuer Zeit,* — сб. «Der Orient in deutscher Forschung; Vorträge der Berliner Orientalistentagung, Herbst 1942. Hrsg. von H. H. Schaeder», Leipzig, 1944, S. 126—136.

*Haenisch, *Untersuchungen.*— E. Haenisch, *Untersuchungen über das Yüan-ch'ao pi-shi, die Geheime Geschichte der Mongolen,* Leipzig, 1931 (ASAW, Bd XLI, № IV).

R. Hartmann, *Balkh.*— R. Hartmann, *Balkh,*— EI, I, S. 647—648.
R. Hartmann, *Barīd.*—R. Hartmann, *Barīd,*— EI, I, S. 685—686.
M. Hartmann, *Der islamische Orient.*— M. Hartmann, *Der islamische Orient. Berichte und Forschungen,* Bd I—III, Berlin — Leipzig, 1905—1910.
Herrmann, *Alte Geographie.*— A. Herrmann, *Alte Geographie des unteren Oxusgebiets,* Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XV, № 4).
*Herrmann, *Seidenstrassen.*— A. Herrmann, *Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien. Beiträge zur alten Geographie Asiens,* I. Abt., Berlin, 1910 (Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie. Hrsg. von W. Sieglin. H. 21).
*Herzfeld, *Iran.*— E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East. Archaeological studies presented in the Lowell lectures at Boston,* London — New York, 1941.
*Hinz, *Geheimkanzlei.*— W. Hinz, *Die persische Geheimkanzlei im Mittelalter,*— «Westöstliche Abhandlungen R. Tschudi zum siebzigsten Geburtstag überreicht von Freunden und Schülern». Hrsg. von F. Meier, Wiesbaden, 1954, S. 342—355.
*Hinz, *Masse und Gewichte.*— W. Hinz, *Islamische Masse und Gewichte umgerechnet ins metrische System,* Leiden, 1955 (HOr, Ergänzungsband 1, H. 1).
Hirth, *Nachworte.*— F. Hirth, *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen,*— в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei,* Zweite Folge, St.-Pbg., 1899, S. 1—140 [разд. пат.]
*Hitty, *History of the Arabs.*— Ph. K. Hitty, *History of the Arabs,* 3d ed., revised, London, 1943 (repr.: 1946).
Horn, *Asadī's Wörterbuch* — см. Асади, *Лугат-и фурс* (разд. I Источники, A).
*Houtsma, *Bih'afrid.*— M. Th. Houtsma, *Bih'afrid,*— WZKM, Bd III, 1889, S. 30—37.
Houtsma, GGA, 1896, № 9.— M. Th. Houtsma, [рец. на:] Cahun L., Introduction à l'Histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. Paris 1896,— GGA, 1896, № 9, S. 710—718.
Houtsma, GGA, 1899, № 5.— M. Th. Houtsma, [рец. на:] Marquart J., Die Chronologie der alttürkischen Inschriften... Leipzig 1898,— GGA, 1899, № 5, S. 384—390.
*Houtsma, *Die Ghuzenstämme.*— M. Th. Houtsma, *Die Ghuzenstämme,*— WZKM, Bd II, 1888, S. 219—233.
Howorth, *History of he Mongols.* — H. H. Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th century,* pt I. *The Mongols proper and the Kalmuks,* London, 1876; pt II. *The so-called Tartars of Russia and Central Asia.* Division I—II, London, 1880; pt III. *The Mongols of Persia,* London, 1888; pt IV. *Supplement,* London, 1927.
Howorth, *The Northern Frontagers.* — H. H. Howorth, *The Northern Frontagers of China.* Pt I. *The Origines of the Mongols,*— JRAS, 1875, pp. 221—242; pt II. *The Origines of the Manchus,*— JRAS, 1875, pp. 305—328; pt II *(Supplementary Notice). The Manchus,*— JRAS, 1877, pp. 235—242; pt III. *The Kara Khitai,*— JRAS, 1876, pp. 262—290; pt IV. *The Kin or Golden Tatars,*— JRAS, 1877, pp. 243—290; pt V. *The Khitai or Khitans,* — JRAS, 1881, pp. 121—182; pt VI. *Hia or Tangut,* — JRAS, 1883, pp. 438—482; pt VII. *The Shato Turks,* — JRAS, 1885, pp. 293—338; pt VIII. *The Kirais and Prester John,* — JRAS, 1889, pp. 361—432; pt IX. *The Muhammedan Turks of Turkestan from the Tenth to the Thirteenth Century,* — JRAS, 1898, pp. 467—502.
Huart, *Djarīb.*— [Cl. Huart], *Djarib,*— EI, I, S. 1062.

Jacob, *Handelsartikel.*— G. Jacob, *Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern,* 2. Aufl., Berlin, 1891.

*Jacob, *Die Waaren.*— G. Jacob, *Die Waaren beim arabisch-nordischen Verkehr im Mittelalter.* Supplementheft zur zweiten Auflage von «Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordisch-baltischen Ländern?», Berlin, 1891.

Jacob — Wiedemann, *Zu 'Omer-i-Chajjâm.* — B. Jacob und E. Wiedemann, *Zu 'Omer-i-Chajjâm,* — DI, Bd III, 1912, S. 42—62.

Justi, *Geschichte.*— F. Justi, *Geschichte der orientalischen Völker im Altertum,* Berlin, 1884 (Allgemeine Weltgeschichte, Bd 1. Das Altertum. 1. Teil).

Justi, *Iranisches Namenbuch.*— F. Justi, *Iranisches Namenbuch,* Marburg, 1895.

*Kafesoğlu, *Harezmşahlar.*— İ. Kafesoğlu, *Harezmşahlar devleti tarihi (485—617/1092—1229),* Ankara, 1956.

*Kafesoğlu, *Melikşah.*— İ. Kafesoğlu, *Sultan Melikşah devrinde büyük selçuklu imparatorluğu,* İstanbul, 1953.

*Kafesoğlu, *Türk tarihinde Moğollar.*— İ. Kafesoğlu, *Türk tarihinde Moğollar ve Cengiz meselesi,* — «Tarih Dergisi», V/8, 1953.

Karabacek, *Das arabische Papier.*— J. Karabacek, *Das arabische Papier. (Eine historisch-antiquarische Untersuchung),* Wien, 1887 (Sonderabdr. aus «Mitteilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer», Bd II/III, S. 87—178).

*Köprülü, *Les institutions.*— M. F. Köprülü, *Les institutions juridiques Turques au Moyen-Âge. Y a-t-il un droit public Turc distinct du droit public musulman?,* Istanbul, 1937.

*Kotwicz, *Les Mongols.*— W. Kotwicz, *Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIIIe siècle,*— RO, XVI, 1950, pp. 428—434.

*Kotwicz, *Quelques données.*— W. Kotwicz, *Quelques données nouvelles sur les relations entre les Mongols et les Ouigours,*— RO, II, 1919—1924, pp. 240—247.

*Kotwicz, *Les termes.*— W. Kotwicz, *Les termes concernant le service des relais postaux,*— в кн.: W. Kotwicz, *Contributions aux études altaïques. A—B,* Wilno, 1932, pp. 1—37 (= A).

Kratchkowsky, *Préface etc. à Abū Ḥanīfa.* — [I. Kratchkovsky], Abū Ḥanīfa ad-Dīnawerī, *Kitāb al-aḫbār aṭ-ṭiwāl. Préface, variantes et index* publiés par I. Kratchkovsky, Leide, 1912.

Krause, *Cingiz Han.*— F. E. A. Krause, *Cingiz Han. Die Geschichte seines Lebens nach den chinesischen Reichsannalen,* Heidelberg, 1922.

Krause, *Die Epoche der Mongolen.*— F. E. A. Krause, *Die Epoche der Mongolen. Ein Kapitel aus der Geschichte und Kultur Asiens,*— MSOS, Jg. XXVI—XXVII, 1924, Abt. 1, S. 1—60.

Kremer, *Culturgeschichte.*— A. von Kremer, *Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen,* Bd I—II, Wien, 1875—1877.

Kremer, *Culturgeschichtliche Streifzüge.*— A. von Kremer, *Culturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams,* Leipzig, 1873.

Kremer, *Einnahmebudget.*— A. von Kremer, *Über das Einnahmebudget des Abbasiden-Reiches vom Jahre 306 H. (918—919),*— «Denkschriften der Kais. Akademie der Wissenschaften», Philosophish-historische Classe, Bd 36, 1. Abt., Wien, 1888, S. 283—362, Taf. I—III.

Kremer, *Ideen.*— A. von Kremer, *Geschichte der herrschenden Ideen des Islams,* Leipzig, 1868.

*Kurat, *Al-Kufi'nin Kitab al-futuh'u.*— A. N. Kurat, *Abu Muhammad Ahmad bin A'sam al-Kufi'nin Kitab al-futuh'u,* — «Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi», c. VII, 1949, № 2, ss. 255—282.

*Kurat, *Kuteybe.*— A. N. Kurat, *Kuteybe bin Müslim'in Hvarizm ve Semerkand'i Zabti,*—

«Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi», c. VI, 1948, № 4, ss. 387—430.

*Lambton, *The administration.* — A. K. S. Lambton, *The administration of Sanjar's Empire as illustrated in the 'Atabat al-kataba,*— BSOAS, vol. XX, 1957, pp. 367—388.

*Lambton, *Landlord and peasant.*— A. K. S. Lambton, *Landlord and peasant in Persia. A study of land tenure and land revenue administration,* Oxford, 1953.

Lane-Poole, *The Mohammadan Dynasties.*— S. Lane-Poole, *The Mohammadan Dynasties. Chronological and genealogical tables with historical introductions,* London, 1894.

Lane Poole, *Oriental coins,* vol. I—III.— S. Lane Poole, *Catalogue of oriental coins in the British Museum,* vol. I. *The coins of the Eastern Khaleefehs,* London, 1875; vol. II. *The coins of the Mohammadan dynasties. Classes III—X,* London, 1876; vol. III. *The coins of the Turkumán houses of Seljook, Urtuk, Zengee, etc. Classes X—XIV,* London, 1877.

Langlès, *Notice.*— [L.] Langlès, *Notice des livres Tatars-Mantchoux de la Bibliothèque nationale. Première partie. Dictionarium Latino-Sinico-Mantchou [Dictionnaire Latin, Chinois et Mantchou]; 3 vol. in-fol. (Tatar, № 1),*— Notices et extraits, t. V, An VII [1798/99], pp. 581—606.

Lansdell, *Russian Central Asia.*— H. Lansdell, *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv,* vol. I—II, London, 1885.

Laufer, *Arabic and Chinese Trade.*— B. Laufer, *Arabic and Chinese Trade in Walrus and Narwhal ivory,*— «T'oung Pao», vol. XIV, 1913, pp. 315—364.

Laufer, *Sino-Iranica.*— B. Laufer, *Sino-Iranica. Chinese contributions to the history of civilization in ancient Iran. With special reference to the history of cultivated plants and products,* Chicago, 1919 (Field Museum of Natural History, Publication 201. Anthropological Series. Vol. XV, № 3).

Lerch, *Ein Blick.* — P. Lerch, *Ein Blick auf die Resultate der Hissâr'schen Expedition,* — «Russische Revue», IV. Jg., Bd VII, 1875, S. 178—188.

Lerch, *Khiva oder Kharezm.*— P. Lerch, *Khiva oder Kharezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse,* St.-Pbg., 1873.

Lerch, *Sur les monnaies.*— P. Lerch, *Sur les monnaies des Boukhâr-Khoudahs ou princes de Boukhara avant la conquête du Maverannahr par les arabes,*— «Travaux de la troisième session du Congrès international des orientalistes. St. Pétersbourg. 1876», t. II, St.-Pbg. — Leyde, 1879, pp. 419—429.

Lerch, *Zur Bevölkerungs-Statistik.*— P. Lerch, *Zur Bevölkerungs-Statistik des Russischen Zerafschân-Districtes,*— «Russische Revue», III. Jg., Bd III, 1873, S. 77—78.

Le Strange, *Baghdad.*— G. Le Strange, *Baghdad during the Abbasid Caliphate, from contemporary Arabic and Persian sources,* 2d ed., London, 1924.

Le Strange, *The Lands.*— G. Le Strange, *The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia, and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur,* Cambridge, 1905 (Cambridge Geographical Series).

*Levy, *The Letters.* — R. Levy, *The Letters of Rashîd al-Din Faḍl-Allāh,* — JRAS, 1946, pt 1—2, pp. 74—78.

*Løkkegaard, *Islamic taxation.* — Fr. Løkkegaard, *Islamic taxation in the classic period, with special reference to circumstances in Iraq,* Copenhagen, 1950.

*Macdonald, *Development.*— D. B. Macdonald, *Development of Muslim Theology, Jurisprudence and Constitutional Theory,* London, 1903; 2d ed.: New York, 1926.

Margoliouth, *The Russian Seizure of Bardha'ah.* — D. S. Margoliouth, *The Russian Seizure of Bardha'ah in 943 A. D.;*— BSOS, vol. I, pt 2, 1918, pp. 82—95.

Margoliouth, *Undiscovered volume.*— D. S. Margoliouth, *A hitherto undiscovered volume of Yāqūt's Dictionary of Learned Men,* — «Islamica», ed. A. Fischer, vol. I, Lipsiae, 1925, pp. 100—105.

Marquart, *Beiträge.*— J. Marquart, *Beiträge zur Geschichte und Sage von Erān,*— ZDMG, Bd XLIX, 1895, S. 628—672.

Marquart, *Die Chronologie.*— J. Marquart, *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften,* Leipzig, 1898.

Marquart, *Ērānšahr.* — J. Marquart, *Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i,* Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd III, № 2).

Marquart, *Historische Glossen.*— J. Marquart, *Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften,*— WZKM, Bd XII, 1898, S. 157—200.

Marquart, *Komanen.*— J. Marquart, *Über das Volkstum der Komanen,*— в кн.: W. Bang und J. Marquart, *Osttürkische Dialektstudien,* Berlin, 1914 (AKGWG, N. F., Bd XIII, № 1), S. 25—238.

Marquart, *Streifzüge.*— J. Marquart, *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840—940),* Leipzig, 1903.

Marquart, *Untersuchungen.*— J. Marquart, *Untersuchungen zur Geschichte von Eran,* Göttingen — Leipzig, 1869—1905 (Sonderabdr. aus dem «Philologus», Bd 54, S. 489—527; Bd 55, S. 212—240; Supplementband X, H. 1).

*Martin, *The rise.*— H. D. Martin, *The rise of Chingis Khan and his conquest of North China,* Baltimore, 1950.

Melioranskÿ, *Aḥmed Yesewī.* — P. Melioranskij, *Aḥmed Yesewī,* — EI, I, S. 217.

*Mez, *Die Renaissance.*— A. Mez, *Die Renaissance des Islâms,* Heidelberg, 1922.

*Minorsky, *Addenda.* — V. Minorsky, *Addenda to the Ḥudūd al-'Ālam,* — BSOAS, vol. XVII, pt 2, 1955, pp. 250—270.

*Minorsky, *The Alān Capital.*— V. Minorsky, *The Alān Capital *Magas and the Mongol Campaigns* (Caucasica III), — BSOAS, vol. XIV, pt 2, 1952, pp. 221—238.

* Minorsky, *Caucasica IV.* — V. Minorsky, *Caucasica IV,* — BSOAS, vol. XV, pt 3, 1952, pp. 504—529.

*Minorsky, *Les Études.*—V. Minorsky, *Les Études historiques et géographique sur la Perse,* —AO, vol. X, 1932, pp. 278—293; vol. XVI, 1938, pp. 49—58; vol. XXI, 1951, pp. 108—123; vol. XXII, 1957, pp. 105—117.

*Minorsky, *A Mongol Decree.* — V. Minorsky, *A Mongol Decree of 720/1320 to the Family of Shaykh Zāhid,*— BSOAS, vol. XVI, pt 3, 1954, pp. 515—527.

*Minorsky, *La Perse au Moyen Age.* — V. Minorsky, *La Perse au Moyen Age,* — «XII convegnio „Volta". Promosso dalla classe di scienze morali, storiche e filologiche. Oriente e occidente nel medioevo», Accademia nazionale dei Lincei, Fondazione «Alessandro Volta», Roma, 1957, pp. 411—427.

* Minorsky, *Pūr-i Bahā and his poems,* — V. Minorsky, *Pūr-i Bahā and his poems (Mongolica, 3),*— «Charisteria orientalia», pp. 186—201.

*Minorsky, *Pūr-i Bahā's 'Mongol' Ode.*— V. Minorsky, *Pūr-i Bahā's 'Mongol' Ode* (Mongolica, 2),— BSOAS, vol. XVIII, pt 2, 1956, pp. 261—278.

*Minorsky, *Tamīm ibn Baḥr's Journey.*— V. Minorsky *Tamīm ibn Baḥr's Journey to the Uyghurs,*— BSOAS, vol. XII, pt 2, 1948, 275—305.

*Minorsky, *Une nouvelle source.*— V. Minorsky, *Une nouvelle source musulmane sur l'Asie Centrale au XI siècle,*— CRAIBL, 1937, pp. 317—324.

Morley, *A descriptive catalogue.* — W. H. Morley, *A descriptive catalogue of the historical manuscripts in the Arabic and Persian languages, preserved in the library of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland,* London, 1854.

*Mostaert, *À propos des quelques portraits.*— A. Mostaert, *À propos des quelques portraits d'empereurs mongols,*— AM, vol. IV, 1927, pp. 147—156.

*Mostaert, *Sur quelques passages.* — A. Mostaert, *Sur quelques passages de l'Histoire secrète des Mongols,*— HJAS, vol. 13, 1950, pp. 285—361; vol. 14, 1951, pp. 329—403; vol. 15, 1952, pp. 285—407.

Müller, *Der Islam.*— A. Müller, *Der Islam im Morgen- und Abendland,* Bd I—II, Berlin, 1885—1887.

Nachrichten.— *Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan,* H. I, St.-Pbg., 1899.

*Naẓim, *Sulṭān Maḥmūd.* — M. Nāẓim, *The Life and Times of Sulṭān Maḥmūd of Ghazna.* With a Foreword by... Th. Arnold, Cambridge, 1931.

*Nicholson, *A Literary History.*— R. A. Nicholson, *A Literary History of the Arabs,* Cambridge, 1930.

*Nizamu'd-Din, *Introduction,* — Muhammad Nizamu'd-Din, *Introduction to the Jawámi'u'l-Ḥikáyát wa Lawámi'u'r-Riwáyát of Sadidu'd-Din Muḥammad al-'Awfí,* London, 1929 (GMS NS, VIII).

Nöldeke, *Bemerkungen.*— Th. Nöldeke, *Bemerkungen zu Geiger's Übersetzung des Pehlewi-Buches Jatkari Zareran,*— ZDMG, Bd XLVI, 1892, S. 136—145.

Nöldeke, *Das iranische Nationalepos,*— Th. Nöldeke, *Das iranische Nationalepos,*— GIPh, Bd II, S. 130—211.

Nöldeke, *Orientalische Skizzen.* — Th. Nöldeke, *Orientalische Skizzen,* Berlin, 1892.

Nöldeke, ZDMG, Bd XLVI [S. 761—768]. — Th. Nöldeke, [рец. на:] Siasset Namèh... Texte persan édité par Charles Schefer. Paris, 1891, — ZDMG, Bd XLVI, 1892, S. 761—768.

Nöldeke, ZDMG, Bd LVI [S. 427—436]. — Th. Nöldeke, [рец. на:] Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i von Dr. J. Marquart, Berlin, 1901,— ZDMG, Bd LVI, 1902, S. 427—436.

*Nowell, *The historical Prester John.*— Ch. E. Nowell, *The historical Prester John.*— «Speculum», vol. 28, 1953, pp. 435—445.

d'Ohsson, *Histoire des Mongols.*— C. d'Ohsson, *Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour bey ou Tamerlan,* t. I—IV, éd. 2, La Haye et Amsterdam, 1834—1835; ed. 3: Amsterdam, 1892 (repr.: Tientsin, 1940).

Oppert, *Presbyter Johannes.*— G. Oppert, *Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. Ein Beitrag zur Völker- und Kirchenhistorie und zur Heldendichtung des Mittelalters,* Berlin, 1864; 2. Aufl.: 1870.

Palmer, *Catalogue.*— E. H. Palmer, *Catalogue of the Oriental Manuscripts in the Library of King's College, Cambridge,*— JRAS, 1868, pp. 105—131.

Pelliot, *À propos des Comans.*— P. Pelliot, *À propos des Comans,*— JA, ser. 11, t. XV, 1920, pp. 125—185.

Pelliot, *Addenda.*— P. Pelliot, *Addenda,*— «T'oung Pao», vol. XIV, 1913, pp. 365—370.

Pelliot, *Chrétiens.*— P. Pelliot, *Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient,*— «T'oung Pao», vol. XV, 1914, pp. 623—644.

*Pelliot, *L'édition collective.*— P. Pelliot, *L'édition collective des oeuvres de Wang Kouowei,* — «T'oung Pao», vol. XXVI, 1928, pp. 113—182.

Pelliot, *Les Mongols et la Papauté.*— P. Pelliot, *Les Mongols et la Papauté. Documents*

nouveaux édités, traduits et commentés, — ROC, sér. 3, t. III (XXIII), 1922—1923, № 1—2, pp. 3—30; t. IV (XXIV), 1924, № 3—4, pp. 225—335; t. VIII (XXVIII), 1932, № 1—2, pp. 3—84.

* Pelliot, *Notes on Marco Polo,* I. — P. Pelliot, *Notes on Marco Polo,* I, Paris, 1959 (Ouvrage posthume).

*Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or.* — P. Pelliot, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Suivies de Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en «ar»,* Paris, 1949 (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot, II).

*Pelliot, *Notes sur le «Turkestan».* — P. Pelliot, *Notes sur le «Turkestan» de M. W. Barthold,* — «T'oung Pao», vol. XXVII, 1930, pp. 12—56.

*Pelliot, *Sur yam.* — P. Pelliot, *Sur yam ou jam, «relais postal»,* — «T'oung Pao», vol. XXVII, 1930, pp. 192—195.

*Pelliot, *Le titre mongol.* — P. Pelliot, *Le titre mongol du Yuan tch'ao pi che,* — «T'oung Pao», vol. XIV, 1913, pp. 131—132.

*Pelliot, *Un passage.* — P. Pelliot, *Un passage altéré dans le texte mongol ancien de l'Histoire secrète des Mongols,* — «T'oung Pao», vol. XXVII, 1930, pp. 199—202.

*Pelliot, *Une ville musulmane.* — P. Pelliot, *Une ville musulmane dans la Chine du Nord sous les Mongols,* — JA, t. CCXI, 1927, pp. 261—279.

Pertsch, *Verzeichniss.* — W. Pertsch, *Verzeichniss der persischen Handschriften,* Berlin, 1888 (Die Handschriften-Verzeichnisse der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd IV).

Place, *Lettre.* — [Place], *Lettre de M. Place à M. Mohl, sur une expedition faite à Arbeles,* — JA, sér. 4, t. XX, 1852, pp. 441—470.

*Poliak, *Classification.* — A. N. Poliak, *Classification of lands in the Islamic law and its technical terms,* — AJSL, vol. LVII, 1940, pp. 50—62.

*Poliak, *La féodalité.* — A. N. Poliak, *La féodalité islamique,* — REI, t. 10, 1936, pp. 247—265.

*Poliak, *The influence.* — A. N. Poliak, *The influence of Chingiz-Khān's Yāsa upon the general organization of the Mamlūk state,* — BSOAS, vol. X, pt 4, 1942, pp. 862—876.

*Pritsak, *Al-i-Burhān.* — O. Pritsak, *Al-i-Burhān,* — DI, Bd XXX, 1952, S. 81—96.

*Pritsak, *Die Karachaniden.* — O. Pritsak, *Die Karachaniden,* — DI, Bd XXI, 1953, S. 17—68.

*Pritsak, *Karachanidische Streitfragen.* — O. Pritsak, *Karachanidische Streitfragen,* — «Oriens», vol. 3, 1950, pp. 209—228.

*Pritsak, *Der Untergang.* — O. Pritsak, *Der Untergang des Reiches des Oğuzischen yabğu,* — сб. «60. doğum yılı münasebetiyle Fuad Köprülü armağanı. Mélanges Fuad Köprülü», Istanbul, 1953, ss. 397—410.

Pumpelly, *Explorations.* — [R. Pumpelly], *Explorations in Turkestan, with an Account of the basin of Eastern Persia and Sistan.* Expedition of 1903, under the Direction of R. Pumpelly, Washington, 1905.

Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei.* — W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei,* Lief. I—III, St.-Pbg., 1894—1895; Neue Folge, St.-Pbg., 1897; Zweite Folge, St.-Pbg., 1899.

*Riasanovsky, *Customary law.* — V. A. Riasanovsky, *Customary law of the Mongol tribes (Mongols, Buriats, Kalmucks),* pt. I—III, Harbin, 1929.

*Richard, *Le début.* — J. Richard, *Le début des relations entre la papauté et les Mongols de Perse,* — JA, t. CCXXXVII, 1949, pp. 291—297.

Rieu, *Pers. MSS.*— Ch. Rieu, *Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum,* vol. I—III, London, 1879—1883 [I — 1879 (pp. 1—432), II — 1881 (pp. 433—877), III — 1883 (pp. 881—1229)].

Rieu, *Suppl. Arab.* — Ch. Rieu, *Supplement to the Catalogue of the Arabic manuscripts in the British Museum,* London, 1894.

Rieu, *Suppl. Pers.*— Ch. Rieu, *Supplement to the Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum,* London, 1895.

Rickmers, *The Duab.*— W. R. Rickmers, *The Duab of Turkestan. A Physiographic sketch and account of some travels,* Cambridge, 1913.

Rosen, *Les manuscrits persans.*— [V. Rosen], *Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales* décrits par V. Rosen, St.-Pbg., 1886 (Collections scientifiques, t. III).

Rosen, *Notices sommaires.*— V. Rosen, *Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique,* St.-Pbg., 1881.

*Rosenthal, *From Arabic books.* — F. Rosenthal, *From Arabic books and manuscripts III: The Author of the Gurar as-siyar,*— JAOS, vol. 70, № 3, 1950, pp. 181—182.

*Rosenthal, *Historiography.* — F. Rosenthal, *A history of Muslim historiography,* Leiden, 1952.

Ross, *The genealogies.* — E. D. Ross, *The genealogies of Fakhr-ud-Din, Mubárak Sháh,* — «'Ajab-nama», pp. 392—413.

Ross, *Prester John.* — E. D. Ross, *Prester John and the Empire of Ethiopia,* — сб. «Travel and Travellers of the Middle Ages. Ed. by A. P. Newton», London, 1926, pp. 174—194.

Ross, *A Qasida.*— E. D. Ross, *A Qasida by Rudaki,*— JRAS, 1926, pp. 213—237.

Ross — Gauthiot, *L'Alphabet sogdien.*— E. D. Ross et R. Gauthiot, *L'Alphabet sogdien d'après un témoignage du XIII-e siècle,* — JA, sér. 11, t. I, 1913, pp. 521—533.

Ruska, DI, Bd V [S. 239].— J. Ruska, [рец. на: B. Laufer,] «Arabic and Chinese Trade in Walrus and Narwhal Ivory» [«T'oung Pao», vol. XIV, p. 315 sq.],— DI, Bd V, 1914, S. 239.

Ruska, *Noch einmal al-Chutuww.*— J. Ruska, *Noch einmal al-Chutuww,*— DI, Bd IV, 1913, S. 163—164.

*Rypka, *Iranische Literaturgeschichte.*— J. Rypka u. a., *Iranische Literaturgeschichte,* [ergänzte und erweiterte deutsche Ausg.], Leipzig, 1959.

Sachau, *Studien.*— E. Sachau, *Studien zur ältesten Geschichtsüberlieferung der Araber,*— MSOS, Bd VII, 2. Abt., 1904, S. 154—196.

Sachau, *Zur Geschichte.*— E. Sachau, *Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm.* [Teil] I—II, Wien, 1873 (Sonderabdr. aus SBAW Wien, Bd LXXIII, S. 471—506; Bd LXXIV, S. 285—330).

Sachau — Ethé, *Catalogue.* — [E. Sachau and H. Ethé], *Catalogue of the Persian, Turkish, Hindûstânî, and Pushtû manuscripts in the Bodleian Library,* begun by Ed. Sachau, continued, completed and ed. by H. Ethé, pt I. *The Persian manuscripts,* Oxford, 1889.

de Sacy, *Histoire de Yémineddoula.*— A. J. S. de Sacy, *Histoire de* كتاب يمينى *Yémineddoula Mahmoud, fils de Sébectéghin, Traduite de l'Arabe en Persan, par Abouschéref Nassih Monschi, Djerbadécani,*— Notices et extraits, t. IV, An 7 [1798/99], pp. 325—411.

Salemann, *Zur handschriftenkunde.* — C. Salemann, *Zur handschriftenkunde, I. Al-Bîrûnî's al-Āṯâr al-bâqiyah,*— ИАН, сер. VI, т. VI, 1912, стр. 861—870.

*Sauvaget, *Introduction.*— J. Sauvaget, *Introduction à l'histoire de l'Orient musulman. Eléments de bibliographie,* Paris, 1943; édition refondue et complétée par Cl. Cahen, Paris, 1961.

Schefer, *Notice.* — Ch. Schefer, *Notice sur les relations des peuples musulmans avec les chinois, depuis l'extension de l'islamisme jusqu'à la fin du XV siècle,*— «Centenaire», pp. 1—43.

* Schiratori, *Le rôle.* — K. Schiratori, *Le rôle des peuples de la Mongolie dans l'histoire du monde entier,* — «Monggolik'a», I/III, Tokio, 1937—1938.

Schmidt, *Über Rubruk's Reise.*— F. M. Schmidt, *Über Rubruk's Reise von 1253—55,* Berlin, 1885.

Schreiner, *Beiträge.*— M. Schreiner, *Beiträge zur Geschichte der theologischen Bewegungen im Islâm,*— ZDMG, Bd LII, 1898, S. 463—510, 513—563.

Schwarz, *Iran im Mittelalter.*— P. Schwarz, *Iran im Mittelalter nach den arabischen Geographen,* Bd I—IX, Leipzig — Zwickau, Stuttgart, 1896—1936.

Seybold, ZDMG, Bd LXVII [S. 538—543]. — C. F. Seybold, [рец. на:] Abū Ḥanīfa ad-Dīnawerī. Kitāb al-aḫbār aṭ-ṭiwāl. Préface, Variantes et Index publiés par Ignace Kratchkovsky. Leide, 1912,— ZDMG, Bd LXVII, 1913, S. 538—543.

Silvestre de Sacy — см. de Sacy.

Skrine and Ross, *The Heart of Asia.*— F. H. Skrine and E. D. Ross, *The Heart of Asia. A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times,* London, 1899.

de Slane, *Catalogue BN.* — de Slane, le baron, *Catalogue des manuscrits arabes de la Bibliothèque Nationale,* Paris, 1883—1895.

Smirnow, *Manuscrits turcs.* — [W. D. Smirnow], *Manuscrits turcs de l'Institut des langues orientales* décrits par W. D. Smirnow, St.-Pbg., 1897 (Collections scientifiques, t. VIII).

Sobernheim, *Iḫṭā'.*— M. Sobernheim, *Iḫṭā',* — EI, II, S. 491—493.

Spiegel, *Erânische Alterthumskunde.*— F. Spiegel, *Erânische Alterthumskunde,* Bd I—III, Leipzig, 1871—1878.

*Spuler, *Die Chalifenzeit.*— B. Spuler, *Die Chalifenzeit. Entstehung und Zerfall des islamischen Weltreichs,* Leiden, 1952 (HOr, Bd VI, Geschichte der islamischen Länder, 1. Abschnitt).

*Spuler, *Die Goldene Horde.*— B. Spuler, *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223—1502,* Leipzig, 1943 (Das Mongolische Weltreich. Quellen und Forschungen, II).

*Spuler, *Iran in früh-islamischer Zeit.*— B. Spuler, *Iran in früh-islamischer Zeit. Politik, Kultur, Verwaltung und öffentliches Leben zwischen der arabischen und der seldschukischen Eroberung. 633 bis 1055,* Wiesbaden, 1952 (Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz. Veröffentlichungen der Orientalischen Komission, Bd II).

*Spuler, *Die Mongolen in Iran.*— B. Spuler, *Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit. 1220—1350,* 2. erweit. Aufl., Berlin, 1955.

*Spuler, *Die Mongolenzeit.*— B. Spuler, *Die Mongolenzeit,* Leiden, 1953 (HOr, Bd VI, Geschichte der islamischen Länder, 2. Abschnitt).

*Spuler, *Quellenkritik.*— B. Spuler, *Quellenkritik zur Mongolengeschichte Irans,*— ZDMG, Bd 92 (17), 1938, S. 219—243.

Stein, *Serindia.* — A. Stein, *Serindia. Detailed report of Explorations in Central Asia and Westernmost China,* vol. I—III, Text; vol. IV, Plates; vol. V, Maps, Oxford, 1921.

*Storey, *Persian Literature.*— C. A. Storey, *Persian Literature. A bio-bibliographical survey.* Vol. I. *Qur'ānic Literature; History and Biography.* Pt 1. *Qur'ānic Literature; History.* Section I. *Qur'ānic Literature*, London, 1927 [pp. 1—60]. Section II. [*History*]. Fasc. 1. A. *General History.* B. *The prophets and Early Islām*, London, 1935 [pp. 61—236]; fasc. 2. C—L. *Special histories of Persia, Central Asia and the remaining parts of the world except India*, London, 1936 [pp. 237—432]; fasc. 3. M. *History of India*, London, 1939 [pp. 433—780]. Pt. 2. *Biography. Additions and Corrections. Indexes*, London, 1953 [pp. 781—1444]. Vol. II, Pt 1. A. *Mathematics.* B. *Weights and Measures.* C. *Astronomy and Astrology.* D. *Geography*, London, 1958 [pp. 1—192].

Streck, *Āmul.* — [M.] Streck, *Āmul*, — EI, I, S. 359—360.

Stübe, *Tschinghiz-Chan.*— R. Stübe, *Tschinghis-Chan, seine Staatsbildung und seine Persönlichkeit*, — «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur», hrsg. von J. Ilberg, III. Jg., Bd XXI, Leipzig, 1908, S. 532—541.

Süssheim, *Prolegomena.*— K. Süssheim, *Prolegomena zu einer Ausgabe der im British Museum zu London verwahrten Chronik des Seldschukischen Reiches*, Leipzig, 1911.

*Tauer, *Les manuscrits persans.*— F. Tauer, *Les manuscrits persans historiques des bibliothèques de Stamboul*,— AOr, vol. III, 1931, pp. 87—118, 303—326, 462—491; vol. IV, 1932, pp. 92—107, 193—207.

Thomas, *Bilingual coins.* — E. Thomas, *Bilingual coins of Bukhara*, — «The Numismatic Chronicle and Journal of Numismatic Society», 3rd ser., vol. I, 1881, pp. 116—128.

Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon.* — [V. Thomsen], *Inscriptions de l'Orkhon* déchiffrées par V. Thomsen, Helsingfors, 1896 (Mémoires de la Société finno-ougrienne. V).

Tiesenhausen, *Notice.* — W. Tiesenhausen, *Notice sur une collection de monnaies orientales de M. le Comte S. Stroganoff*, St.-Pbg., 1880.

Tischendorf, *Das Lehnswesen.*— P. A. von Tischendorf, *Das Lehnswesen in den moslemischen Staaten, insbesondere im Osmanischen Reiche. Mit dem Gesetzbuche der Lehen unter Sultan Ahmed I*, Leipzig, 1872.

Tomaschek, *Sogdiana.*— W. Tomaschek, *Centralasiatische Studien. I. Sogdiana*,— SBAW Wien, Bd LXXXVII, 1877, S. 67—184.

*Vernadsky, *The Mongols.*— G. Vernadsky, *The Mongols and Russia*, New Haven, 1953.

Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs.*— Vivien de St.-Martin, *Les Huns Blancs ou Ephtalites des historiens byzantins*, Paris, 1849.

van Vloten, *Zur Abbasidengeschichte.*— G. van Vloten, *Zur Abbasidengeschichte*,— ZDMG, Bd LII, 1898, S. 213—226.

*Voyevodsky, *A summary report.*— M. Voyevodsky, *A summary report of a Khwarizm expedition*,— «Bull. of the American Institute for Iranian Art and Archaeology», vol. V, № 3, 1938, pp. 235—244.

Vullers, *Lexicon.*— J. A. Vullers, *Lexicon Persico-Latinum etymologicum cum linguis maxime cognatis Sanscrita et Zendica et Pehlevica comparatum...*, t. I—II, Bonnae, 1855—1864.

*Watters, *On Yuan Chwang's travels.*— Th. Watters, *On Yuan Chwang's travels in India 629—645 A. D.*, vol. I—II, London, 1904 (OTF, NS, vol. XIV).

*Weil, *Geschichte der Chalifen.*— G. Weil, *Geschichte der Chalifen. Nach handschriftlichen, größtentheils noch unbenützten Quellen bearbeitet,* Bd I—III, Mannheim, 1846—1851.

Wellhausen, *Das Arabische Reich.*— J. Wellhausen, *Das Arabische Reich und sein Sturz,* Berlin, 1902.

*Wellhausen, *Oppositionsparteien.*— J. Wellhausen, *Die religiös-politischen Oppositionsparteien im alten Islam,* Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd V, № 2).

West, *Pahlavi Literature.*— E. W. West, *Pahlavi Literature,*— GIPh, Bd II, S. 75—129.

J. Wolff, *Narrative.* — J. Wolff, *Narrative of a Mission to Bokhara, in the years 1843—1845,* 5th ed., Edinburgh and London, 1848.

O. Wolff, *Geschichte der Mongolen.*— [O. Wolff], *Geschichte der Mongolen oder Tataren, besonders ihres Vordringens nach Europa, so wie ihrer Eroberungen und Einfälle in diesem Welttheile,* kritisch bearbeitet von O. Wolff, Breslau, 1872.

Wüstenfeld, *Die Geschichtschreiber.*— F. Wüstenfeld, *Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke,* Göttingen, 1882 (AKGWG, Bd XXVIII—XXIX).

Wüstenfeld, *Der Tod des Husein.*— *Der Tod des Husein ben Ali und die Rache. Ein historischer Roman aus dem Arabischen.* Nach den Handschriften zu Gotha, Leiden, Berlin und St. Petersburg übersetzt von F. Wüstenfeld, Göttingen, 1883 (AKGWG, Bd XXX).

Wüstenfeld, *Über die Quellen.*— F. Wüstenfeld, *Über die Quellen des Werkes: Ibn Challikani vitae illustrium virorum. Ein Beitrag zur Geschichte der Arabischen Literatur,* Göttingen, 1837.

Yate, *Northern Afghanistan.*— C. E. Yate, *Northern Afghanistan or letters from the Afghan Boundary Commission,* Edinburgh and London, 1888.

Yule, *Cathay.* — [H. Yule], *Cathay and the way thither;* being a collection of medieval notices of China, transl. and ed. by H. Yule. With a preliminary essay on the intercourse between China and the western nations previous to the discovery of the Cape route, vol. I—II, London, 1866 (HS, [№ XXXVI—XXXVII]); 2d ed.: vol. I—IV, London, 1913—1916 (HS, 2d ser., № XXXIII, XXXVII, XXXVIII, XLI).

Zambaur, *Dirhem.*— E. v. Zambaur, *Dirhem,*— EI, I, S. 1020.

*Zambaur, *Manuel.*— E. Zambaur, *Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam,* Hanovre, 1927.

Zarncke, *Der Priester Johannes.*— F. Zarncke, *Der Priester Johannes.* Abh. 1. (Cap. I—III),— ASGW, Bd VII, H. 8, 1879, S. 826—1028; Abh. 2. (Cap. IV—VI),— ASGW, Bd VIII, H. 1, 1883, S. 1—184; то же: отд. отт. I (S. 1—202), II (S. 1—184).

Zaydán, *Umayyads and 'Abbásids.* — [Jurjí Zaydán], *Umayyads and 'Abbásids being the fourth part of Jurji Zaydán's History of Islamic civilization,* transl. by D. S. Margoliouth, Leyden — London, 1907 (GMS, IV).

* تاريخ التمدّن الاسلامى تأليف جرجى زيدان، الجزء ١—٥، [القاهرة]، ١٩٠٢—١٩٠٦.

* تاريخ مفصّل ايران از استيلاى مغول تا اعلان مشروطين، جلد ١، از حمله چنگيز تا تشكيل دولت تيمورى تأليف عبّاس اقبال، طهران، ١٣١٢ ش.

* جغرافياى مفصل ايران تأليف مسعود كيهان، II، سياسى، طهران، ١٣١٠ ش.

* مقاله‌ای تاریخی وانتقادی از حضرت علامهٔ استاد اقای میرزا محمد خان قزوینی در باب نسخهٔ نفثة المصدور تألیف نور الدین محمد منشی باهتمام عباس اقبال، طهران، ۱۳۰۸ ش.
* وزارت در عهد سلاطین بزرگ سلجوقی از تاریخ تشکیل این سلسله تا مرگ سلطان سنجر (۴۳۲—۵۵۲)...، تألیف عبّاس اقبال، تهران، ۱۳۳۸ ش (انتشارات دانشگاه تهران، ۵۲۰).

УКАЗАТЕЛИ

Во всех указателях звездочкой отмечены номера страниц, на которых данное слово встречается только в сносках.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абака 92, 453*
Абаркухи — см. Ибн Муʿин
Аббас, предок Аббасидов 438
Аббасиды 48, 142, 229, 245, 251—255, 258, 276, 286, 287, 289, 290, 319, 412, 438, 439, 444, 601
Абд ал-Азиз — см. Бурхан ад-дин Абд ал-Азиз
Абд ал-Азиз б. Нух 309, 321
Абд ал-Азиз б. Омар Маза 390
Абд ал-Азиз ал-Маза 390*
Абд ал-Гафир б. Исмаʿил ал-Фариси 62
Абд ал-Джаббар б. Абд ар-Рахман 256, 257, 261, 586
Абд ал-Мелик, халиф 242, 245
Абд ал-Мелик I б. Нух 54, 55, 162, 309—311, 316, 589
Абд ал-Мелик II б. Нух 327—330, 590
Абд ал-Мутталиб б. Мухаммед б. Исмаʿил Саʿалиби — см. Саʿалиби
Абд ар-Раззак Самарканди 104*, 105
Абд ар-Рахим Хальхали 71*
Абд ар-Рахман, откупщик Китая 538, 553, 554
Абд ар-Рахман б. Муслим — см. Абу Муслим
Абд ар-Рахман б. Нуʿайм ал-Гамиди 246
Абд ар-Рашид 69
Абд ас-Селям 362
Абдаллах, внук имама Хусейна 217
Абдаллах, предок бухарских садров 390*; ср. Абд ал-Азиз ал-Маза
Абдаллах б. Амир 50, 243*
Абдаллах б. Маʿмар ал-Йешкури 246
Абдаллах б. Мухаммед б. Узейр 313, 320, 324, 326, 589, 590
Абдаллах б. Тахир 210, 266, 267, 270—272, 302, 587
Абдаллах б. Фазлаллах Вассаф ал-хазрет — см. Вассаф
Абдаллах б. Хазим 242, 245, 585
Абдаллах б. Хасан ал-Дженди — см. Ахмед Ходженди
Абдаллах б. Хумейд б. Кахтаба 229
Абдаллах б. Хумейд б. Саур 229
Абдаллах Парси 361
Абдулла-хан бухарский 120*, 137
Абель Ремюза (Abel-Rémusat) 87, 538*
Абишка 573
Абу-л-Аббас Абдаллах б. Тахир — см. Абдаллах б. Тахир
Абу-л-Аббас Джаʿфар б. Мухаммед ал-Мустагфири — см. Мустагфири
Абу-л-Аббас ал-Йездади 155
Абу-л-Аббас Мамун — см. Мамун б. Мамун
Абу-л-Аббас Мамун б. Мухаммед — см. Мамун б. Мухаммед
Абу-л-Аббас Фазл б. Ахмед Исфераини 349, 590
Абу-л-Аббас Фазл б. Сулейман ат-Туси 163, 164, 261, 586
Абу Абд ар-Рахман Муʿаз б. Яʿкуб 196
Абу Абдаллах, хорезмшах 324
Абу Абдаллах Ахмед б. Мухаммед Джейхани — см. Джейхани
Абу Абдаллах б. Абу Хафс 281
Абу Абдаллах Мухаммед б. Абдаллах ал-Бейиʿ ан-Нисабури — см. Бейиʿ
Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед б. Сулейман ал-Бухари — см. Бухари
Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед ал-Бухари ал-Гунджар — см. ал-Гунджар
Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед Джейхани — см. Джейхани
Абу Абдаллах Мухаммед б. Ибрахим

340*; см. также Мухаммед б. Ибрахим ат-Таи
Абу Абдаллах Мухаммед б. Керрам 351, 352
Абу Абдаллах Мухаммед б. Мухаммед Имад ад-дин Исфахани — см. Имад ад-дин Исфахани
Абу Абдаллах Мухаммед б. Юсуф ал-Хорезми — см. ал-Хорезми
Абу-л-Ала Ахвал — см. Ахвал
Абу Али Ахмед б. Мухаммед — см. Чагани
Абу Али Ахмед б. Мухаммед б. Мискавейх — см. Ибн Мискавейх
Абу Али Ахмед б. Омар б. Русте — см. Ибн Русте
Абу Али Ибн Сина (Авиценна) 54, 328, 374
Абу Али ал-Мансур 333
Абу Али Мухаммед б. Иса Дамгани — см. Дамгани
Абу Али Мухаммед б. Мухаммед Бал'ами — см. Бал'ами
Абу Али Мухаммед Джейхани — см. Джейхани
Абу Али Симджури — см. Симджури
Абу Али Хасан б. Али Туси — см. Низам ал-мульк
Абу Али Хасан б. Мухаммед 352
Абу Али Хусейн (Абу-л-Хусейн) б. Ахмед ас-Селлами — см. Селлами
Абу Амр Мухаммед б. Асад 301
Абу Ахмед б. Са'ид ал-Кади — см. ал-Кади
Абу Ахмед Муваффак 276
Абу-л-Аш'ас б. Ахмед 268
Абу Бекр, Ильдегизид 410*
Абу Бекр, мятежник 302
Абу Бекр, халиф 262
Абу Бекр Ахмед ал-Джамиджи 428*
Абу Бекр б. Аш'ас 303
Абу Бекр Келлябади — см. Келлябади
Абу Бекр Мансур Берсахи — см. Берсахи
Абу Бекр Мухаммед б. Али ар-Равенди — см. Равенди
Абу Бекр Мухаммед б. Джа'фар ан-Нершахи — см. Нершахи
Абу Бекр Мухаммед б. Исхак 351, 352
Абу Бекр Мухаммед б. ал-Музаффар б. Мухтадж — см. Чагани
Абу Бекр Мухаммед б. Яхья ас-Сули — см. Сули
Абу Бекр Хусейри 347
Абу Давуд Мухаммед б. Ахмед 283
Абу Давуд Халид б. Ибрахим 252, 254, 257, 586
Абу Давудиды 292
Абу Джа'фар Ахмед б. Мухаммед б. Халаф б. ал-Лейс 308*
Абу Джа'фар Мухаммед б. Ахмед 308
Абу Джа'фар Мухаммед б. Джерир ат-Табари — см. Табари
Абу Джа'фар Утби — см. Утби
Абу Зейд Ахмед б. Сахль ал-Балхи — см. Балхи
Абу Зейд Омар б. Шебба ан-Нумейри — см. Нумейри
Абу Ибрахим Исма'ил — см. Мунтасир, Исма'ил
Абу Ибрахим Исма'ил б. Абу Наср ас-Саффар — см. Саффар
Абу Иса Мухаммед б. Иса Термези — см. Термези
Абу Исхак Ибрахим б. ал-Аббас ас-Сули — см. Сули
Абу Исхак Ибрахим б. Исма'ил ас-Саффар — см. ас-Саффар
Абу Исхак Ибрахим б. Мухаммед ал-Фарси ал-Истахри — см. Истахри
Абу Исхак Ибрахим б. Наср — см. Тамгач-хан Ибрахим б. Наср
Абу Исхак Ибрахим б. Хилаль — см. Ибрахим б. Хилаль
Абу Исхак Мухаммед б. Хусейн 350
Абу-л-Касим, саганианский 361
Абу-л-Касим Аббас б. Мухаммед Бармаки — см. Бармаки
Абу-л-Касим Абдаллах б. Али ал-Кашани — см. Кашани
Абу-л-Касим Абдаллах б. Ахмед ал-Балхи ал-Ка'би — см. Ка'би
Абу-л-Касим Ахмед б. Хасан Мейменди — см. Мейменди
Абу-л-Касим Ибн Хаукаль — см. Ибн Хаукаль
Абу-л-Касим Ибрахим б. Абдаллах Хусейри 356
Абу-л-Касим Кесир 354
Абу-л-Касим Махмуд — см. Махмуд, Газневид

Абу-л-Касим Мухаммед б. Али Имади— см. Имади
Абу-л-Касим Нух б. Мансур — см. Нух б. Мансур
Абу-л-Касим Самарканди — см. Самарканди
Абу-л-Касим Симджури—см. Симджури
Абу-л-Ма'али Мухаммед б. Зейд ал-Багдади — см. Багдади
Абу Ма'али Мухаммед б. Убейдаллах 72
Абу-л-Маали Хасан б. Али б. Абд ал-Мумин — см. Хасан-тегин
Абу Мансур Абд ал-Мелик б. Мухаммед ас-Са'алиби — см. Са'алиби
Абу Мансур ал-Матуриди — см. Матуриди
Абу Мансур Мухаммед б. Абд ар-Раззак 310, 311, 589
Абу Мансур Мухаммед б. Али — см. Арслан-хан
Абу Мансур Мухаммед б. Узейр 310, 589
Абу Мансур Мухаммед б. Хусейн б. Мут Исфиджаби — см. Исфиджаби
Абу Мансур Наср б. Ахмед Чагани — см. Чагани
Абу Мансур Хусейн б. Мухаммед ас-Са'алиби — см. Са'алиби
Абу Мансур Юсуф б. Исхак 310—312, 589
Абу Михнаф Лут б. Яхья 50
Абу-л-Музаффар Мухаммед б. Ибрахим ал-Баргаши — см. Баргаши
Абу-л-Музаффар Мухаммед б. Локман 138
Абу-л-Музаффар Наср — см. Наср б. Себук-тегин
Абу-л-Музаффар Тамгач-Богра-хан Ибрахим — см. Тамгач-Богра-хан Ибрахим
Абу Музахим — см. Сулу
Абу Музахим Суба' б. ан-Надр ас-Сукари 146
Абу Муслим 135, 136, 154, 251—257, 266, 271, 275*, 586
Абу Мухаммед, бухар-худат 282
Абу Мухаммед Абдаллах б. Муслим — см. Ибн Кутейба
Абу Мухаммед Абдаллах б. Осман ал-Васики — см. Васики
Абу Мухаммед (Абу Ахмед Махмуд) б. Арслан 79*
Абу Мухаммед Ахмед б. Наср 308
Абу Мухаммед Исма'ил б. Али — см. Хутаби
Абу Мухаммед Махмуд б. Мухаммед б. Арслан ал-Аббаси ал-Хорезми — см. Хорезми
Абу Мухаммед Тальха б. Абдаллах ал-Хуза'и 266
Абу Наср Али б. ал-вазир Абу-л-Касим Хейбеталлах — см. Ибн Макула
Абу Наср Ахмед б. Мухаммед б. Абу Зейд 324, 325, 590
Абу Наср Ахмед б. Мухаммед ал-Кубави — см. Кубави
Абу Наср б. Сулейман ал-Касани — см. Касани
Абу Наср Мансур б. Байкара 310
Абу Наср Мишкан 69, 350, 351
Абу Наср Мухаммед б. Абд ал-Джаббар ал-Утби — см. Утби
Абу-н-Наср Самани 316*
Абу Наср ал-Фараби — см. Фараби
Абу Ну'ман 136
Абу Рейхан Мухаммед б. Ахмед ал-Бируни — см. Бируни
Абу Са'адат Абдаллах б. Али ал-Йемени ал-Яфи'и — см. Яфи'и
Абу Са'д (Абу Са'ид) Абд ал-Керим б. Мухаммед ас-Сам'ани — см. Сам'ани
Абу Са'д Мансур б. ал-Хусейн ал-Аби 53*
Абу-с-Садж Дивдад 225
Абу Садик Тебани — см. Тебани
Абу Са'ид, ильхан 94
Абу Са'ид Абд ар-Рахман б. Мухаммед ал-Идриси — см. Идриси
Абу Са'ид Абд ал-Хай б. Заххак Гардизи — см. Гардизи
Абу Са'ид Бекр б. Мелик ал-Фергани— см. Бекр б. Мелик
Абу Са'ид Мейхени 352*, 378
Абу Салих Мансур б. Исхак 301
Абу Салих Мансур б. Нух — см. Мансур I б. Нух
Абу Сулейман Давуд б. Абу-л-Фазл Мухаммед Бенакети — см. Бенакети

Абу-т-Тайиб Мухаммед б. Хатим — см. Мус'аби
Абу-т-Тайиб Сахль б. Мухаммед Са'луки — см. Са'луки
Абу Тахир Абдаллах б. Ахмед Тебани 356
Абу Тахир б. Илк 379
Абу Тахир Хатуни — см. Хатуни
Абу Тахир-ходжа 143*
Абу Убейда Ма'мар б. Мусанна 50, 250*
Абу-л-Фаварис — см. Абд ал-Мелик II б. Нух
Абу-л-Фаварис, Буид — см. Шереф ад-дауля
Абу-л-Фаварис Шах-Мелик б. Али ал-Беррани — см. Шах-Мелик
Абу-л-Фазл — см. Абу-л-Фатх Ахмед
Абу-л-Фазл б. Абу Юсуф 301
Абу-л-Фазл б. ал-Амид 53
Абу-л-Фазл б. Мухаммед — см. Джемаль Карши
Абу-л-Фазл Мухаммед б. Ахмед Джейхани — см. Джейхани
Абу-л-Фазл Мухаммед б. Убейдаллах Бал'ами — см. Бал'ами
Абу-л-Фазл Мухаммед б. Хусейн Бейхаки — см. Бейхаки
Абу-л-Фазл Мухаммед ас-Сулами — см. Сулами
Абу-л-Фазл Сури — см. Сури
Абу-л-Фарадж, сирийский (Бар Эбрей) 46, 76
Абу-л-Фарадж Мухаммед б. Исхак ан-Недим — см. ан-Недим
Абу-л-Фатх Ахмед б. Мухаммед б. Юсуф 321*
Абу-л-Фатх Иль-Арслан — см. Иль-Арслан
Абу-л-Фида 46, 99
Абу-л-Футух Абд ал-Гафир (Абд ал-Гаффар) б. Хусейн ал-Алма'и — см. Алма'и
Абу-л-Футух Берекат б. Мубарек б. Исма'ил 73
Абу Хайян ат-Таухиди 53*
Абу Хамид Мухаммед б. Ибрахим 76*
Абу Ханифа, имам 352, 362, 390
Абу Ханифа Ахмед б. Давуд ад-Динавери 51, 241*
Абу-л-Харис Асад б. Хамдуя ал-Версини — см. Версини
Абу-л-Харис Мансур — см. Мансур II б. Нух
Абу-л-Харис Мухаммед б. Али 339
Абу-л-Харис Мухаммед б. Ахмед (Ахмед б. Мухаммед) б. Феригун 58, 314
Абу-л-Хасан (Абу Джа'фар?) Ахмед б. Яхья ал-Балазури — см. Балазури
Абу-л-Хасан Абд ар-Рахман б. Мухаммед ан-Нишапури — см. Нишапури
Абу-л-Хасан Али б. Зейд Бейхаки — см. Бейхаки
Абу-л-Хасан Али б. Мамун — см. Али б. Мамун
Абу-л-Хасан Али б. Мухаммед ал-Мадаини — см. Мадаини
Абу-л-Хасан Али б. Мухаммед ал-Умрани — см. Умрани
Абу-л-Хасан Али б. Хусейн ал-Мас'уди — см. Мас'уди
Абу-л-Хасан Ахмед б. Мухаммед Бейхаки — см. Эмирек Бейхаки
Абу-л-Хасан Мухаммед б. Ибрахим Симджури — см. Симджури
Абу-л-Хасан Мухаммед б. Сулейман б. Мухаммед 312*
Абу-л-Хасан Мухаммед б. Суфьян ал-Келимати — см. Келимати
Абу-л-Хасан Наср б. Ахмед — см. Наср I б. Ахмед
Абу-л-Хасан Наср б. Исхак 300
Абу-л-Хасан Сабит б. Синан ас-Саби — см. Сабит б. Синан ас-Саби
Абу-л-Хасан Симджури — см. Симджури
Абу-л-Хасан Хамули — см. Хамули
Абу-л-Хасан Харакани 373
Абу-л-Хасан Хейсам б. Мухаммед Наби — см. Ибн Хейсам
Абу Хатим Йесари 282
Абу Хафс, имам 152, 153, 158, 281, 546, 587
Абу Хафс Омар б. Мухаммед ан-Несефи — см. Несефи
Абу Хишам ал-Кинани 154
Абу-л-Хусейн Абдаллах б. Ахмед ал-Утби — см. Утби
Абу-л-Хусейн Али б. Ахмед ас-Селлами — см. Селлами
Абу-л-Хусейн Мухаммед б. Ахмед, Алид 302

Абу-л-Хусейн Мухаммед б. Сулейман 56
Абу-л-Хусейн Мухаммед б. Яхья, Алид 302
Абу-л-Хусейн Хилаль б. ал-Мухассан — см. Хилаль б. ал-Мухассан ас-Саби
Абу-ш-Шереф Насих б. Джа'фар ал-Джербадекани — см. Джербадекани
Абу Шуджа', проповедник 374
Абу Шуджа' Мухаммед б. Хусейн 78*
Абу Шуджа' Фаррух-шах 398
Абу Юсуф Я'куб б. Ахмед 268
Абу Я'куб Исхак 291*
Абу Я'куб Юсуф ал-Бузенджирди ал-Хамадани 440
Абу Я'куб [Юсуф] Секкаки 542*—544*
Абулгази 197, 203*, 204*, 205, 463*, 469, 524
Авиценна — см. Абу Али Ибн Сина
Авраам 129, 257
Аграк-мелик (Бограк) 507—511, 520
Адам 257
Адиб-Сабир 391
Адуд ад-дауля 53, 57, 313
А'зам-мелик 507, 508, 510, 520
Азракьян 316*
Ай-тегин 399
Айн ад-дауля, Караханид 363, 365
Айн ад-дауля, начальник джикилей 380
Айтак — см. Ихтияр ад-дин Айтак
Айташ 303
Айяр-бек, карлук 399, 400
Айяр-бек, хорезмиец 400
Ак-мелик (Хумаюн) 516
Ак-шах 499, 500, 505
Акнерци — см. Григор из Аканца
Ала ад-дин (Ала ал-мульк), владетель Кундуза 487
Ала ад-дин Мухаммед 413; см. Мухаммед, хорезмшах
Ала ал-мульк — см. Ала ад-дин (Ала ал-мульк), владетель Кундуза
Ала ал-мульк Термези 439; см. также Имад ад-дин, сейид
Ала Са'ди 158
Алак-нойон 484, 487
Алгуй 569, 574—577, 578*, 579, 580, 596
Александр Македонский 45, 116, 127, 132, 135, 148*, 224, 378
Али, брат Тараби 547
Али, Буид — см. Фахр ад-дауля
Али, халиф 80, 129, 171, 273, 302, 316*, 374, 379, 381*, 383
Али б. Абу Салих ал-Хавари — см. Хавари
Али б. Али (?) — см. Али-тегин
Али б. Джудей' Кермани 252
Али б. Иса б. Махан 51, 261, 587
Али б. Лейс б. Муаддаль 274
Али б. Мамун 202, 330, 334, 337, 590
Али б. Муджахид 49
Али б. Мухаммед 343
Али б. Тахир 587
Али б. Хусейн — см. Али-тегин, Караханид
Али б. Хусейн, правитель Фарса 275
Али ад-дин Хайяти 502
Али Дуруги (Кух-и Дуруган) 499, 500
Али-заде А. А. 578*
Али-султан 101
Али-тегин, Караханид (Али б. Хусейн) 342—344, 346, 347, 356—365, 591
Али-тегин б. Абдаллах 360
Али-ходжа 463, 483
Алиды 251, 253, 256, 272, 284, 302, 352, 439, 586
Алкама 120*
Алма'и, Абу-л-Футух Абд ал-Гафир б. Хусейн 64
Алп-Арслан 70, 75*, 368, 369, 373*, 376, 377, 378*, 384*, 393, 591, 592
Алп-Дерек 407, 594; см. также Алп-Кара Уран
Алп-Кара, военачальник 360
Алп-Кара Уран 404, 405, 407, 593; см. также Алп-Дерек
Алп-тегин, владетель Газны 287, 292, 298, 310—312, 322, 589
Алп-тегин, посол Караханидов 361
Алп-тегин (Атма-тегин?), правитель Бухары 152, 390, 418
Алп-тегин, хаджиб бухарский 339, 340
Алп-Эр-хан (Алп-хан) 480, 481
Алтан-хан 461
Алтунташ 341, 342, 344, 356—360, 591
Алтылун-каан 559
Ам'ак Бухари 73

Амедроз Г. Ф. (Amedroz H. F.) 52*, 78*, 343*
Амин, халиф 260, 265, 266, 587
Амин ад-дин Хереви 465
Амин ал-мульк (Амин-мелик) 491, 505—511, 513
Амр б. Джемиль 260
Амр б. Лейс б. Муаддаль 67, 274, 277—280, 282—284, 289, 588
Ананда 503*
Андреев М. С. 100
Андхуди — см. Юсуф б. Абдаллах Андхуди
Ануш-тегин Гарджа (Гарча или Гальча) 386, 387
Аоло-боцзиле 446
Арандаренко Г. А. 134
Аргун 522, 555, 563, 564, 566
Арендс А. К. 68*
Арик-Бука 559, 573—576, 578, 579*, 580, 596, 597
Арслан, мервский 516
Арслан, сельджукский султан 76, 399
Арслан б. Сельджук 342, 346*; ср. Исраил б. Сельджук
Арслан-Джазиб 334*, 341, 516*
Арслан-илек — см. Али-тегин, Караханид, и Наср б. Али
Арслан-тегин — см. Али-тегин, Караханид
Арслан-хан, карлукский 471, 472, 510
Арслан-хан Абу-л-Музаффар Юсуф 427
Арслан-хан Абу-л-Фатх Мухаммед б. Юсуф 431
Арслан-хан Али 330, 590
Арслан-хан Махмуд 391
Арслан-хан Мухаммед б. Али 336, 337, 341—343, 590, 591
Арслан-хан Мухаммед б. Сулейман 150—152, 155, 161, 162, 170, 381—384, 396
Арслан-хан Сулейман б. Юсуф (Богратегин) 356—358, 362, 365, 591
Арслан-Ялу 330, 331
Асад б. Абдаллах ал-Кушейри 128, 129*, 134, 247, 249—251, 267, 586
Асад б. Саман-худат 267
Асань 482; ср. Хасан-хаджи
Асаф 213*
Асим б. Абдаллах ал-Хилали 249
Аскари 138*
Асутай 573, 575
Асцелин 456
Атма-тегин — см. Алп-тегин
Атсыз б. Мухаммед 80, 152, 386—396, 592, 593
Аузли Г. (Ouseley G.) 79*
Ауфи, Мухаммед 62, 63, 73*, 83, 98, 182, 252, 271, 318*, 373, 374, 376, 387*, 414, 417, 418*, 419, 424*, 440, 441, 454, 455*, 474
Аухад ад-дин 444
Афарун 147
Афрасиаб 153, 158, 168
Афшин (Хайдер б. Кавус) 146*, 224, 225, 269, 587
Ахай 518, 523
Ахвал, Абу-л-Ала 76
Ахемениды 114, 127
Ахмед — см. Мухаммед, пророк
Ахмед, дихкан — см. Хина
Ахмед, Караханид 343*
Ахмед б. Абд ал-Азиз 418, 419
Ахмед б. Абу Халид 266, 269, 587
Ахмед б. Абу Я'куб б. Джа'фар б. Вахб б. Вадих — см. Я'куби
Ахмед б. Али, Караханид 319*, 336, 341*, 590
Ахмед б. Асад, полководец 259
Ахмед б. Асад, Саманид 220, 267—269, 587
Ахмед б. Исма'ил 300, 301, 304, 588
Ахмед б. Мансур б. Кара-тегин 311
Ахмед б. Мухаммед, Караханид — см. Кадыр-хан Ахмед
Ахмед б. Мухаммед Му'ин ал-фукара 107
Ахмед б. Мухаммед Фасих ал-Хавафи — см. Фасих
Ахмед б. Наср — см. Абу Мухаммед Ахмед б. Наср
Ахмед б. Нух 167, 309
Ахмед б. Сахль 67*, 301, 588
Ахмед б. Феригун 283
Ахмед б. Хамуя 307, 588
Ахмед б. Хасан, кашгарский 386
Ахмед б. Хасан (Хусейн) — см. Утби, Абу Джа'фар
Ахмед б. Хизр 162, 379—381, 592
Ахмед Балчич 463

Ахмед Зеки Валиди (Тоган) 62*, 95*
Ахмед-хан — см. Ахмед б. Хизр
Ахмед Ходженди 463
Ахмед Ясеви 440
Аху-пуш 391
Ашнас 256, 586
Ашрас б. Абдаллах ас-Сулами 247, 248, 585
Ашраф б. Мухаммед ас-Самарканди — см. Самарканди
Ашраф ад-дин 571
Аяз б. Алп-Арслан 377, 592
Аяз (Джехан-Пехлеван) 443
Аяч 320

Бабур 132*, 133, 140, 143, 146*, 213—217, 223*, 225, 494, 519
Багдади, Абу-л-Ма'али Мухаммед б. Зейд 381*
Багдади, Беха ад-дин Мухаммед б. Муайяд 80, 403*
Багдади, Меджд ад-дин 80, 209, 440, 441, 445, 594
Бай-ху — см. Бэйку
Байдар 574, 596
Байдун — см. Бидун
Бала-битикчи 562
Бала-хан 480
Балазури, Абу-л-Хасан 50, 120*, 151*, 241*, 243*, 247*, 250*, 269
Бал'ами, династия везиров 288
Бал'ами, Абу Али Мухаммед 54, 55 291*, 310—312, 320*, 589
Бал'ами, Абу-л-Фазл Мухаммед 81, 110, 156, 302, 303*, 305, 306, 588
Балту 561
Балхи, Абу Зейд Ахмед б. Сахль 56, 57, 306*
Бандун — см. Бидун
Барак — см. Борак
Барбье де Менар Ш. (Barbier de Meynard Ch. A. C.) 49, 54, 106*, 307*, 321*
Баргаши, Абу-л-Музаффар Мухаммед б. Ибрахим 325, 326, 590
Баркиша — см. Беркеджар
Баркьярук б. Меликшах 381, 387, 592
Бармаки, Абу-л-Касим Аббас б. Мухаммед 327
Бармаки, Фазл б. Яхья 160, 260, 261, 269, 586
Бармакиды 127, 128, 255
Бармас 514, 515
Бартольд В. В. 40*, 53*, 61*, 66*, 79*, 80*, 85*, 91*, 94*, 102*, 103*, 125*, 134*, 152*, 270*, 318*, 406*, 423*, 453*, 457*, 458*, 464*, 469*, 471*, 488*, 503*, 530*, 531*, 535*, 540*, 541*, 544*, 546*—548*, 559*, 560*, 566*, 572*, 574*, 576*, 578*, 580*, 582*, 604*, 609*, 610*
Басар 580
Батиджур (Байчур) 259
Бату-хан — см. Батый
Батый 526, 533*, 534*, 552, 554, 557—562, 566, 568, 569, 577, 578*, 596
Баурчик 471
Бахар, Мелик аш-шу'ара 72*
Бахарзи, Джелаль ад-дин 574
Бахарзи, Сейф ад-дин 541, 542, 549, 574
Бахманйар, Ахмед 78*, 80*
Беверидж А. С. (Beveridge A. S.) 218
Бег-тегин, военачальник Газневидов 359, 364
Бег-тегин, военачальник хорезмийский 493
Бегтузун 324, 326—329, 590
Беди', Мунтаджаб ад-дин 79
Бедр ад-дин, мударрис 406
Бедр ад-дин Амид 474, 475, 486
Бедр ад-дин Кази-хан 477
Бейи', Абу Абдаллах 61, 62, 78*, 143, 302, 307
Бейхаки, Абу-л-Фазл 66—70, 76, 121, 125, 236, 289—291, 303*, 320, 325, 326*, 327, 328, 333, 336, 337, 340*, 341, 344, 347, 350, 353, 355, 357, 360, 362, 363*, 364—366, 368*, 389, 402
Бейхаки, Абу-л-Хасан Али б. Зейд 61*, 68*, 78, 302, 366, 390, 393, 398*
Бейхаки, Абу-л-Хасан Ахмед б. Мухаммед — см. Эмирек Бейхаки
Бекмиш 581
Бекр б. Мелик ал-Фергани 309, 310, 589
Бекран, Мухаммед б. Неджиб 83
Бенакети, Абу Сулейман Давуд 97, 98*
Бераз 257, 586
Березин И. Н. 35, 90, 91, 96*, 112*, 436*,

446, 447, 449*, 452*, 458*, 470*, 475*, 483*, 487*, 500*, 509*, 534*, 539*
Берекат б. Мубарек — см. Абу-л-Футух Берекат
Беркай 562, 568, 569, 573—577, 578*, 579, 596
Берке — см. Беркай
Беркеджар 592
Бернауэр В. Ф. (Bernauer W. F. A.) 76*
Берсахи, Абу Бекр Мансур 60
Беха ад-дин Маргинани 555, 556, 560
Беха ад-дин Мухаммед б. Муайяд ал-Багдади — см. Багдади
Беха ад-дин Накшбенд 181, 191*
Беха ад-дин Рази 461, 463
Беха ад-дин Сам 408, 416
Беха ал-мульк 515
Бехрам Гур (Варахран V) 264, 293
Бехрам Чубин 264*, 267
Бехрам-шах 416
Биберштейн-Казимирский А. (Biberstein Kazimirski A.) 70, 364*
Бидун (Бандун, Байдун, Найдун) 151
Билгутэй 448, 451
Билдишини 551
Бильгя-бек — см. Бильгя-тегин, эмир
Бильгя-тегин, хаджиб 347
Бильгя-тегин, эмир 386
Бильгя-хан 429
Бируни, Абу Рейхан 45, 65, 66, 115*, 150, 168, 188*, 199, 200, 273, 337, 338
Бисур, Бисудер — см. Ясавур
Бисутун 311
Бих-Аферид (Мах-Аферид) 252, 256
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 92*, 538*, 605
Биш-Калач 552
Блоше Э. (Blochet E.) 96*, 138*, 568*
Бограк 508*; см. Аграк-мелик
Богра-Кара-хакан — см. Богра-хан Харун б. Муса
Богра-тегин — см. Арслан-хан Сулейман
Богра-хан, владетель языческих тюрков 347
Богра-хан Мухаммед (Яган-тегин) 346, 347, 357, 358, 362, 367, 381, 591
Богра-хан (Кара-хакан?) Сатук Абд ал-Керим 315, 318, 589
Богра-хан Харун б. Муса б. Сулейман 109*, 315, 318—321, 329, 334, 342, 589
Богра-хан Харун б. Юсуф 377
Бограчук 324
Бойль Дж. А. (Boyle J. A.) 83*
Борак 428, 580—583, 597
Боракчин-хатун 568
Бретшнейдер Э. В. (Bretschneider E. V.) 85, 236*, 426*, 544
Брокельман К. (Brockelmann C.) 47, 53*, 56*
Броссе М. (Brosset M.) 84*
Броун Э. Г. (Browne E. G.) 58*, 66*, 72*, 73, 80*, 87*, 88*, 98, 104*, 109*, 257*, 529*
Брянов А. И. 219*
Бугурджи-нойон 448, 451, 452, 472, 500, 519
Бузар (Тогрул-хан) 432, 468
Бузурджмихр 255
Буиды 52—54, 275*, 284, 285, 299, 309—311, 313, 323, 332, 333, 437, 589
Бука-Буша (Бука-Нуша) 516, 544, 574; см. также Нуша-баскак
Булгай 561, 575
Булган-биге 468
Бундари, Фатх б. Али б. Мухаммед 74, 379*, 381*, 383*
Бунйат 167, 257—258
Бури 565*, 573
Бури-тегин 363—367, 591; см. Тамгач-хан Ибрахим б. Наср
Бурка-нойон 491
Буртана 420, 421, 429
Бурхан (род), Бурханиды 27, 389
Бурхан ад-дин Абд ал-Азиз 59, 406, 418
Бурхан ад-дин Мухаммед б. Ахмед б. Абд ал-Азиз 419, 420, 443, 497
Бурхан ал-миллят ва-д-дин Абд ал-Азиз б. Омар Маза — см. Абд ал-Азиз б. Омар Маза
Бухари, Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед б. Сулейман 59
Бухари, Мухаммед б. Исма'ил 185
Бухари, поэт — см. Ам'ак Бухари
Бэйку, Бэйгу 331*; см. также Ябгу

Валетон И. Ф. (Valeton J. J. Ph.) 54*
Вамбери Г. 577*
Ван Го-вэй 84*
Ван Флотен Г. (Van Vloten G.) 255* 609
Ван-хан 447, 540
Ван Янь-дэ 454*

Варахран (Бехрам) Чубин — см. Бехрам Чубин
Варахран V — см. Бехрам Гур
Вардан 487*, 567
Васик 297, 319
Васики, Абу Мухаммед Абдаллах б. Осман 319
Васильев В. П. 84*, 89*
Вассаф 88, 89*, 93*, 95—97, 102, 107 487*, 516, 550*, 558*, 565*, 577*, 578*, 579, 581, 582
Ватват, Рашид ад-дин 79
Вахид ад-дин Бушенджи 528
Вейль Г. (Weil G.) 607
Везир б. Эйюб б. Хасан 539*, 548—551
Вели ад-дин Абу Зейд Абд ар-Рахман Ибн Халдун — см. Ибн Халдун
Версини, Абу-л-Харис Асад б. Хамдуя 61
Веселовский Н. И. 143*, 186, 262*, 265, 334*, 386*, 390*, 391*, 400*, 412*, 460*, 609*
Вилькен Ф. (Wilken F.) 334*
Винцент из Бове 456*
де Витри, Яков 440*
Владимир Святой 368
Владимирцов Б. Я. 457*
Волин С. Л. 270*
Вольф О. (Wolff O.) 109
Вюстенфельд Ф. (Wüstenfeld F.) 49, 78*, 82, 325*, 392*
Вяткин В. Л. 40, 105, 113*, 142, 143*, 145, 181*, 227

Газан-хан 92—94, 96*, 97, 98, 577
Газневиды 64, 68*, 70, 98, 290, 291, 293, 333, 347, 348, 354*, 355, 356, 362, 365, 366, 370, 371, 373, 376, 402, 591, 602
Гайтон (Хетум) 562, 570
Гао Сянь-чжи 253
Гардизи 22, 36, 55, 57, 58, 62, 66, 67, 73, 98, 111, 120*, 121*, 124*, 162*, 229*, 235, 256, 257, 258*, 261*, 263, 266*, 268, 271, 273, 275*, 276, 279, 280, 288, 297, 298, 308*, 312*, 318*, 320*, 323, 325, 327, 331—337, 340, 342, 344, 346, 348, 363, 364, 366
Гарнати, Шихаб ад-дин 80, 129
Гарс ан-Ни'ма Мухаммед б. Хилаль [ас-Саби] 52
Гассан б. Аббад 266—268
Гафурова Р. Л. 108*
Гибб Х. А. Р. (Gibb H. A. R.) 48, 244*, 245*, 247, 254*
де Гинь — см. Дегинь
Гиргас В. Ф. 51
Гитриф б. Ата 260, 262, 264, 265, 586
Гияс ад-дин Али Йезди 102*
Гияс ад-дин Махмуд 416, 417, 425
Гияс ад-дин Мухаммед, гурский 401—404, 406, 408—410, 413, 416, 496, 593
Гияс ад-дин Мухаммед б. Махмуд Сельджукид 396
Гияс ад-дин Пир-шах 489, 497
Гобиль А. 605
Гольдциер И. (Goldziher I.) 50*
Гольчин Маани А. 107*
Госсет 567
Григор из Аканца (Акнерци) 84*, 526*, 540*
де Гроот (de Groot J. J. M.) 426*
де Гуе М. Я. (de Goeje M. J.) 50, 51, 56*, 58, 78*, 82, 124*, 135, 152*, 156, 188*, 189, 197*, 199*, 200*, 201, 203, 207, 210*, 213*, 217*, 229, 231*
ал-Гунджар, Абу Абдаллах Мухаммед 59*, 60
Гурек 147, 241*, 243, 247, 248
Гуриды 77, 86*, 402, 409, 437, 439, 443, 467, 593, 602
Гурхан 477
Гуштасп (Каштасиб) 224*
Гуюк 88*, 455*, 469, 527, 535, 554—559, 561, 562, 565, 569, 570, 595, 596

Давид, несторианин 569*, 570
Давид 557
Давид «царь» 440*; см. Кучлук
Давуд, Сельджукид 360, 362*, 366, 367, 369, 370, 376
Давуд б. Аббас 128, 587
Давуд Кюч-тегин 381
Дад-Хабаши б. Алтунтак (Дад-бек б. Хабаши Алтунтак, Дад-бек Хабаши б. Алтунтак) 387
Дамгани, Абу Али Мухаммед б. Иса 321

Данишменд-хаджиб 475, 497, 498, 552, 560
Дара б. Кавус 323
Дарий Гистасп 127
Даулетшах 73, 103*, 216*, 493
Дегинь Ж. (Deguignes J.) 108, 604—606
Дефремери Ш. (Defrémery Ch.) 88*, 547*
Джабир б. Харун 272
Джаниды 181*
Джаррах б. Абдаллах 246
Джаухар-хатун 73*
Джаухари 100, 550
Джа'фар, мятежник 301*; ср. Микаил б. Джа'фар
Джа'фар-тегин 330, 334
Джахиз 255*
Джейхани, Абу Абдаллах Ахмед б. Мухаммед 312, 313, 327, 589
Джейхани, Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед 57, 58, 81, 160, 254*, 285, 300, 303, 305, 306, 312
Джейхани, Абу Али Мухаммед 55*, 57*, 306, 312, 588
Джейхани, Абу-л-Фазл Мухаммед б. Ахмед 327
Джелаль ад-дин, шейх ал-ислам 444
Джелаль ад-дин Али б. Хасан (Хусейн) Зенди 477
Джелаль ад-дин Али б. Хасан (Чагры-хан) 397, 398, 593
Джелаль ад-дин Бахарзи — см. Бахарзи
Джелаль ад-дин Кадыр-хан 431; ср. Куч-тегин
Джелаль ад-дин Мангуберти 86, 148, 149, 437, 441*, 443, 486—488, 493, 494, 499, 500, 504—513, 515, 519, 520, 527, 569*, 595, 603
Джелаль ад-дин Мухаммед б. Махмуд 398
Джелаль ад-дин Хасан 439
Джемаль ад-дин Али б. Юсуф ал-Кифти — см. Кифти
Джемаль ад-дин Омар 437
Джемаль ад-дин Ходженди 562*
Джемаль Карши 64, 100, 213, 215—217, 308*, 315, 318*, 330, 357*, 374*, 381*, 396, 410*, 427, 431, 468, 526*, 540*, 560*, 573*
Дженнаби 100, 139
Джербадекани, Абу-ш-Шереф Насих 65
Джехан-Пехлеван Аяз — см. Аяз
Джехан-Пехлеван Мухаммед — см. Мухаммед Пехлеван-Джехан
Джида-нойон (Джеди, Джэдэ) 483*; ср. Улус-Иди
Джикен-хорчи 547
Джувейни 37*, 53, 55, 77—79, 83, 84, 87—90, 93, 97, 102, 107, 137, 215, 386*, 387, 388, 390, 391*, 392, 393, 395, 397, 398*, 399*, 420, 423, 424, 426—431, 433—437, 438, 441, 451, 452, 456*, 460, 463, 465, 466, 468, 470, 471*, 472—485, 487, 488*, 493, 497, 498, 499*, 502*, 503, 505, 513*, 514, 516, 517, 521—525, 526*, 530*, 532, 533, 536, 538*, 539, 544*, 545, 549—552, 555, 556, 558*, 559, 560, 563, 564, 566*, 568, 576, 584
Джудей' б. Али Кермани 251, 252
Джузджани, Минхадж ад-дин 58*, 68, 70, 77, 85—87, 109, 402, 409, 414*, 428, 430, 431, 434—437, 455, 461, 465, 466, 471, 472, 476, 477, 479, 480, 484, 487*, 489—492, 495, 503, 505*, 506, 508, 509, 511—513, 514*, 520, 521, 525, 527, 528, 539, 541, 546*, 549*, 555*, 556, 562, 565, 566*, 568, 569, 571, 573
Джунейд б. Абд ар-Рахман 248, 586
Джучи 87, 101, 236, 435—437, 452, 459, 468, 474, 481, 483, 484, 497—504, 522, 524, 525, 531, 554, 595
Джучи-Хасар 448, 451, 539*
Джучиды 97, 101, 560, 576, 577, 579, 582—584
Димашки 99
Динавери — см. Абу Ханифа
Дирхем б. Наср б. Салих 274, 275
Дирхем б. Хусейн — см. Ибрахим б. Хусейн
Дитерици Ф. (Dieterici F.) 54*
Дози Р. (Dozy R. P. A.) 72, 607, 609
Доннер О. (Donner O.) 264, 265
Дорн Б. А. 336
Дохолху-чэрби 532
Друэн Э. (Drouin E.) 265
Дублер Ц. (Dubler C. E.) 80*
Дува-хан 101
Дузбири 343*

Евтихий 51
Елюй Си-лян 574
Елюй Чу-цай 531, 534, 538, 544
Есу-Мункэ 552*, 555, 556, 559, 560, 595, 596
Есулун 550, 551, 553
Есун-Тува (Есу-Тува) 580, 597

Жуковский В. А. 68*, 81, 112, 172*, 211, 329*, 384*, 514*, 515*, 516, 609*

Закария б. Мухаммед ал-Казвини — см. Казвини
Залеман К. Г. 42, 205*
Замахшари 79*
Захау К. Э. (Sachau C. E.) 45*, 48*, 66, 68, 69, 273, 334*, 337*
Захир ад-дин ан-Нишапури — см. Нишапури
Зейдери, Мухаммед 86*
Зейн ад-дин б. Хамдаллах Казвини — см. Казвини
Зейн ас-салихин аш-Шумани 378*
Зейнаб, дочь Махмуда Газневида 346, 362
Зенги б. Абу Хафс 495
Зенги б. Али 389
Зенди — см. Джелаль ад-дин Али
Зехеби 62, 79
Зимин Л. А. 102*, 148*, 150*, 164, 170*, 190*, 213*, 214*
Зия ад-дин Али 514, 515
Зияд б. Салих ал-Хуза'и 252—254, 259, 296, 586
Зияриды 284, 311
Зороастр 252, 257
Зотенберг Г. (Zotenberg H.) 55
Зу-л-кифль 130*
Зубейда, жена Харуна ар-Рашида 116*
Зюссхейм К. (Süssheim K.) 75*, 95*

Иакинф, монах — см. Бичурин Н. Я.
Иаков, патриарх 129
Ибн Алемдар — см. Харис
Ибн Арабшах 1139*, 463
Ибн ал-Асир, Изз ад-дин 46—48, 55, 62, 65, 67, 76—78, 81, 84—86, 260, 274*, 302, 303*, 305, 306*, 310, 315, 318*, 320*, 321, 341—343, 346, 360, 362*, 363*, 367, 374, 376, 377, 379, 380*, 381*, 382, 383, 384*, 386*, 387, 388*—390*, 392*, 393*, 395—398, 400, 401*, 408, 409, 410*, 411, 412, 413*—416*, 418, 419, 424, 425, 429—435, 436*, 438, 440, 462, 465, 466, 467*, 468, 476—480, 484, 487—490, 492, 493, 496, 498, 502—506, 508*, 511, 524, 536
Ибн ал-Асир Исма'ил 86*, 438*
Ибн Баттута 89*, 129, 143, 175, 203*, 494, 504*, 506, 525
Ибн Биби, Насир ад-дин Яхья 76*, 410
Ибн Исхак (Мухаммед б. Исхак) 49, 107
Ибн ал-Каланиси 343*
Ибн Кефредж Богра 466
Ибн ал-Кифти 52*
Ибн Кутейба 49
Ибн Макула 55*, 188*
Ибн Мискавейх 53*, 78, 315*
Ибн Муʻчин, Хусрау б. Абид Абаркухи 64*, 103, 275*, 279
Ибн ал-Мунши 86*
Ибн Муханна 348*
Ибн Русте 51, 122, 149*, 201, 206, 208, 299*
Ибн Са'ид 121*
Ибн Сурхак 332
Ибн Тейфур 254*
Ибн ал-Факих Хамадани 51, 127, 135, 138*, 222*, 296, 298*
Ибн Фундук — см. Бейхаки, Абу-л-Хасан
Ибн Хаджар 61
Ибн Хаджиб 504*
Ибн Хазм 72
Ибн Халдун 48
Ибн Халликан 47, 55, 67, 81, 265*, 274*, 275, 279, 280, 283*, 284*
Ибн Хаукаль 56, 123*, 125, 137, 141, 142, 144—146, 166, 188, 189, 198, 200, 207, 212*, 213*, 215—218, 221, 223—227, 229, 230, 232, 233, 235, 263, 264, 279, 293
Ибн Хейсам (Абу-л-Хасан Хейсам б. Мухаммед Наби) 77
Ибн Хордадбех 51, 57, 58, 115, 120*—122*, 147, 168*, 186*, 211*, 221*, 222, 223, 225, 228, 232, 241*, 263, 268, 278, 299*

Ибн Шихна 86*
Ибн Юнус 333
Ибрахим, Газневид 367
Ибрахим б. Ахмед 302, 307, 308*, 589
Ибрахим б. Мухаммед, Аббасид 251
Ибрахим б. Наср б. Рафи' 275*; см. также Ибрахим б. Хусейн
Ибрахим б. Симджур 306, 308, 589
Ибрахим б. Хилаль [ас-Саби] 52
Ибрахим б. Хусейн, Караханид 68*, 417, 418, 593
Ибрахим б. Хусейн, седжестанский 274*, 275
Иванин М. И. 112*, 493*
Ивановский А. О. 447*
Идриси, Абу Абдаллах Мухаммед б. Мухаммед 368
Идриси, Абу Са'ид Абд ар-Рахман 60, 178
Иезекииль 129
Изз ад-дин Абу-л-Хусейн Али б. Мухаммед Ибн ал-Асир — см. Ибн ал-Асир
Изз ад-дин Тограи 394
Изз ад-дин Тогрул 444
Изз ад-дин Хусейн б. Хармиль 423
Иисус 257, 557, 569, 570
Икбаль, Аббас 79*
Икбаль, Мухаммед 75
Икинчи б. Кочкар 387, 592
Илака (Ил-ла-ха) 427*; см. также Илках, Нилха
ал-Иларгави — см. Хабаш-Амид
Илдыз-нойон 547
Илек-туркмен 397
Иленгиз 101
Илетгу-мелик (Ильгету) 484
Илках (Илка) 427*; см. также Илака, Нилха
Илук 555
Иль-Арслан б. Атсыз 79, 148, 149, 392, 393, 395—400, 593
Иль-Кутлуг 388*
Иль-ходжа 476
Ильдегизиды 410*
Ильменгу 324, 325
Ильчигидай, джалаир 555, 569, 570, 596
Ильчигидай, чагатайский хан 97*
Ильяс б. Асад 267, 587
Ильяс б. Исхак 300, 301, 588
Имад ад-дин, мушриф 499
Имад ад-дин, сейид 439*; см. также Ала ал-мульк Термези
Имад ад-дин Исфахани 73—75, 79, 298*
Имад ад-дин Омар 416, 417, 507
Имади, Абу-л-Касим Мухаммед б. Али 70; ср. Махмуд Имади
Инал-хан — см. Иналчик
Иналчик (Инал-хан, Каир-хан, Кадыр-хан) 465, 466, 479, 480
Инанч-Пейгу — см. Юсуф, Сельджукид
Инанч-хан Огул-хаджиб 477, 500, 502*, 516
Иностранцев К. А. 42
Иоанн, священник 107
Иоанн XXII, папа 571
Иоанн Креститель 571
Иоанн Чатки, епископ 571*
Иона, священник 572
Исаак, патриарх 129
Исам б. Абдаллах ал-Бахили 244
Искендер, внук Тимура 103
Исма'ил — см. Мунтасир
Исма'ил б. Аббад 53*
Исма'ил б. Ахмед, Саманид 110, 160—162, 164, 167, 171, 269, 281—287, 291*, 292, 294, 300, 317, 328
Исмаил б. Ахмед б. ал-Асир — см. Ибн ал-Асир
Исма'ил б. Себук-тегин 326, 327, 590
Исма'ил Хандан 365, 591
Исраил б. Сельджук 346*; ср. Арслан б. Сельджук
Истахри 56, 118, 129—131, 134, 137—142, 145, 147, 151—153, 156, 161, 163—167, 170, 174, 189, 197, 198, 200, 203, 206—209, 212, 217, 221—227, 229—233, 295, 297, 317*
Исфахани, Имад ад-дин — см. Имад ад-дин Исфахани
Исфахани, Хамза 79*, 258*, 261*
Исфиджаби, Абу Мансур Мухаммед 326
Исфизари, Му'ин ад-дин Мухаммед 106, 541*
Исхак б. Алп-тегин 312, 589
Исхак б. Ахмед 300, 588
Исхак б. Ибрахим — см. Исхак б. Алп-тегин
Исхак-«тюрк», последователь Абу Муслима 257

Ихтияр ад-дин Айтак 398, 399
Ихтияр ад-дин Кушлу 477
Ихтияр ад-дин Мухаммед б. Али Харпуст 506, 507

Йездади — см. Абу-л-Аббас ал-Йездади
Йезди — см. Гияс ад-дин Али и Шереф ад-дин Али
Йезид б. Гурек 164
Йезид б. Мухаллаб 242
Йезид I 242
Йезид II 247
Йемин-мелик (Йемин ал-мульк) — см. Амин ал-мульк
Йет (Yate C. E.) 129*

Кабай-ильчи (Катай-ильчи) 516
Ка'би, Абу-л-Касим ал-Балхи 56
Кавад — см. Кубад
Кавус 269
Кадак 555*, 556, 560, 596
Кадак-огул 559; ср. Кадан
Кадакач-хатун 560, 596
Кадаки (Сэцэн) 565
Кадан 565, 582
ал-Кади, Абу Ахмед б. Са'ид 62
Кадир 328, 332, 333, 337, 343, 348, 591
Кадыр-хан — см. Иналчик
Кадыр-хан Ахмед б. Мухаммед 383, 384*, 592
Кадыр-хан б. Юсуф (Кадыр-хан б. Тафактан Йимак) 420, 434
Кадыр-хан Джибраил (Туган-хан) 381, 592
Кадыр-хан Юсуф б. Харун 335, 337, 342—347, 348*, 356, 357, 377, 590, 591
Каён Л. (Cahun L.) 109*, 111, 604, 606
Казвини, Закария 82, 414*
Казвини, Зейн ад-дин 98
Казвини, Мирза Мухаммед-хан 80*, 86*, 88*
Казвини, Хамдаллах Мустауфи 62, 76, 80, 98, 99, 103, 304*, 318, 374, 441
Каим 303
Каир-Туку-хан (Катыр-Буку-хан) 406; ср. Иналчик (Кадыр-хан) (?)
Каир-хан — см. Иналчик
Кайхусрау 168
Каллаур В. А. 41, 235, 236*
Калмыков А. Д. 198*
Камалашри 93
Кана 262
Кара-Бука 575
Кара Илегу 565*
Кара-тегин 233, 287
Кара-хакан 315*; см. Богра-хан Сатук Абд ал-Керим
Кара-хан 63
Кара-Хулагу — см. Хара-Хулагу
Карабачек И. (Karabacek I.) 296
Караваев В. Ф. 227*
Караджа 479
Караджа-нойон 516, 517
Карамзин М. Н. 568
Караханиды 52, 62—64, 68*, 70, 83, 84, 109, 139, 162, 213, 215, 293, 315, 317, 318*, 324, 325, 328—338, 340—342, 344, 347, 348, 351, 353, 356, 362, 365, 367—369, 373, 374, 378, 380—382, 392, 424, 429, 431, 556, 569, 590, 594, 602
Карача-нойон — см. Караджа-нойон
Карачар — см. Харачар-нойон
Карпини, Плано 236*, 451*, 454, 456*, 459, 469, 488, 490, 504*, 554
Карун (Корей) 423
Карши, Джемаль — см. Джемаль Карши
Касани, Абу Наср б. Сулейман 379
Кастанье И. А. 223, 226
Катай-ильчи — см. Кабай-ильчи
Катанов Н. Ф. 202
ал-Катиб ас-Самарканди 63, 399, 441
Катрмер Э. (Quatremère E.) 92, 93, 95, 96, 97, 111, 149
Катыр-Буку-хан — см. Каир-Туку-хан
Кафаров — см. Палладий
Кашани, Абу-л-Касим Абдаллах б. Али 94, 95
Кашани, Шереф ад-дин Абу Наср Ануширван б. Халид 73, 74
Кашгари, Махмуд — см. Махмуд Кашгарский
Каштасиб — см. Гуштасп
Каэтани Л. (Caetani L.) 78*
Кебек 190
Кезли (Кезлик) 423, 425
Келимати, Абу-л-Хасан Мухаммед б. Суфьян 316
Келлябади, Абу Бекр 383
Кемаль ад-дин 391, 392

Кербер-мелик 506
Кермани — см. Джувейни б. Али Кермани
Керминеги, Мухаммед-Вефа 190*, 223*
Кесир б. Раккак 274
Кинди 267*
Кипчак 582
Киракос Гандзакский 84*, 236*, 455*, 564, 567, 568, 576
Кифти, Джемаль ад-дин Али б. Юсуф 76
Киших (Кышлык) 540
Клавихо Р. Г. (Clavijo R. G. de) 571*
Коджа 559
Козин С. А. 90*
Кольбер Ж. Б. (Colbert J. B.) 605
Кононов А. Н. 580*
Корей, библ. — см. Карун
Коюнчи 581
Кояк 567
Крачковский И. Ю. 57*, 287
Кремер А. (Kremer A. von) 57, 72, 82*, 279*, 290, 607, 609
Кристенсен А. (Christensen A.) 72
Кубави, Абу Наср Ахмед б. Мухаммед 59
Кубад (Кавад) 241*
Кудама 132, 168, 186, 222, 223, 227—229, 230, 232, 278
Куджу 553
Куду 434*; см. Худу-хан
Куйкуран-огул 560
Кун А. Л. 201*
Куркуз 456, 544*, 552, 553, 555
Курмиши 97
Курсуль 249, 250, 586
Курций 134
Кусам б. Аббас (Шах-зинде) 142
Кутан 88*, 553, 554, 559, 565
Кутб ад-дауля Ахмед — см. Ахмед б. Али
Кутб ад-дин керманский 540, 543, 549
Кутб ад-дин Мухаммед 407, 417; см. Мухаммед, хорезмшах
Кутб ад-дин Мухаммед б. Ануш-тегин 387
Кутб ад-дин Озлаг-шах — см. Озлаг-шах
Кутб ад-дин Хабаш-Амид ал-Кермини ал-Бухари ал-Иларгави — см. Хабаш-Амид
Кутейба, бухар-худат 253
Кутейба б. Муслим 45, 125, 134, 157—160, 169, 171, 192, 217, 225, 238—245, 250, 585
Кути-бики — см. Сиюркуктени-бики
Кутлуг-Бильга-бек — см. Кылыч-хан Мас'уд
Кутлуг-Инанч 410
Кутлуг-хан, Туджи-Пехлеван 482, 499
Кух-и Дуруган — см. Али Дуруги
Куч-тегин 431*; ср. Джелаль ад-дин Кадыр-хан
Кучлук 421—423, 426—428, 431—435, 440*, 461, 462, 467—471, 474*, 594
Куш-тегин (Кюч-тегин) Пехлеван 515, 516, 595
Кушакевич А. А. 222*
ал-Куши, Мухаммед б. Али 63
Кылыч-Тамгач-хан Абу-л-Ма'али Хасан б. Абд ал-Мумин — см. Хасан-тегин
Кылыч-Тамгач-хан Мас'уд 63, 155, 397—399, 417, 418, 593
Кышлык — см. Киших
Кыя-хан 347, 591
Кэртин И. (Curtin J.) 111
Кюч-Бука-хан 498
Кюч-тегин — см. Куш-тегин

Лапин С. А. 143*
Лачин-бек 397
Ле Кок А. (Le Coq A. von) 453*
Ле Стрэндж Г. (Le Strange G.) 99, 113*, 168*, 211*, 234*
Лейс, предок Саффаридов 275*
Лейс б. Наср 258, 259
Лерх П. И. 115*, 121*, 236, 262*, 264, 265
Ли Да-чжи 93
Лут б. Яхья ал-Амири ал-Азди — см. Абу Михнаф
Лыкошин Н. С. 60, 227
Лэн-Пуль С. (Lane-Poole S.) 40*, 330*
Людовик IX Святой 569, 570, 571*, 596

Маба-Ялавач (Мама-Ялавач) 512
Ма'бид ал-Хайль (Ма'бад ал-Джалиль) 153
Магакия 84*, 526*; см. Григор из Аканца
Мадаини, Абу-л-Хасан Али б. Мухаммед 49, 51, 60

Майлс (Miles) 105*, 106
Майтрейя («Мадрин») 455*
Макдиси 56, 57, 119, 121, 122, 124, 128—132, 134, 138, 140, 144*, 151, 155—157, 160, 162, 163, 168—172, 191, 192, 197*, 198, 199*, 200—205, 207—210, 212—218, 220, 222*, 223, 224*, 225, 226, 228, 230—235, 258, 262—264, 267*, 270, 273, 279, 289, 292—294, 296, 297, 307, 309, 310, 311*, 313*, 333
ал-Макин 46, 51
Макризи, Таки ад-дин Ахмед 89
Максун (?) 93
Малеин А. И. 488*
Ма'мар б. Мусанна — см. Абу Убейда
Мамун, халиф 147, 234, 255, 256, 259, 260, 265—270, 287, 297, 587
Мамун б. Мамун, Абу-л-Аббас 336—339, 341, 590, 591
Мамун б. Мухаммед, Абу-л-Аббас 202, 323, 324, 330, 590
Мамуни 319
Манини 65
Мансур, халиф 255, 259, 269
Мансур б. Абдаллах б. Юсуф 256
Мансур б. Ахмед 302
Мансур б. Кара-тегин 233, 287, 308, 309, 311, 589
Мансур I б. Нух б. Наср 55, 160, 162, 309, 311, 312, 322, 589
Мансур II б. Нух б. Мансур 325—328, 330, 590
Мансур б. Тальха 272
Мар Ябалаха III 581*
Маргинани — см. Беха ад-дин Маргинани
Марголиус Д. С. (Margoliouth D. S.) 53*, 78, 82
Марзбан б. Тюргеш 146
Марк, несторианин 569*
Маркварт И. (Marquart, Markwart J.) 49, 51*, 113*, 115* , 116*, 118*—120*, 123*, 144*, 165*, 188*, 235*, 241*, 275*, 322*, 354*, 387*, 408*, 426*, 434*—436*
Марко Поло 115, 116, 571
Марков А. К. 264
Марр Н. Я. 42, 572
Мас'уд — см. Фахр ад-дин
Мас'уд, Сельджукид 73, 76, 389*, 391*, 396, 593
Мас'уд б. Махмуд, Газневид 68, 69, 333, 341, 344, 346, 352*, 354—366, 368, 369, 401, 402, 591
Мас'уд-бек б. Махмуд Ялавач 545, 547*, 549, 555, 562, 566, 574—576, 579, 583, 595, 596
Мас'уд-хан 381
Мас'уди, Абу-л-Хасан Али б. Хусейн 49—51, 164, 201, 234, 265*, 277*, 278*, 282*, 288*
Матуриди, Абу Мансур 141*, 329*
Маудуд б. Мас'уд 66, 356, 357, 366, 591
Мах 158, 159
Мах-Аферид — см. Бих-Аферид
Махбуби — см. Шемс ад-дин Махбуби
Махди, халиф 256, 258—260, 265
Махди-хан 190*
Махмуд, Газневид 64—66, 70, 112, 130, 216*, 319*, 323, 324, 326—328, 331—342, 344—355, 359, 362, 364, 368, 369, 516*, 590, 591, 602
Махмуд, хорезмиец 463, 464
Махмуд б. Вели 123
Махмуд-бай 422, 423, 426
Махмуд Варрак 67, 68*
Махмуд Имади 70; ср. Имади, Абу-л-Касим
Махмуд Кашгарский 77*, 83*, 315*, 317*, 335*, 341, 380*, 400*, 497*, 518*
Махмуд Тараби — см. Тараби
Махмуд-тегин (Махмуд-хан) 381
Махмуд-хан, Рукн ад-дин 384, 386, 389, 393*, 394—396, 398, 592, 593
Махмуд Ялавач Хорезми 463*, 512, 535, 538*, 544—549, 553, 555, 595
Маячук 412
Меджд ад-дин, лекарь 550
Меджд ад-дин Багдади — см. Багдади
Меджд ад-дин Мас'уд б. Салих ал-Ферави 443, 444, 478
Меджд ад-дин Мухаммед б. Аднан 63, 182
Медников Н. А. 112*
Мейменди, Абу-л-Касим Ахмед б. Хасан 337, 344, 353, 354, 590
Мелик, потомок Угэдэя 565
Мелик-хан — см. Амин ал-мульк
Мелик-шах, владетель Вахша 437

Мелик-шах б. Текеш 404, 406, 410, 413, 593, 594
Мелик-шах, Сельджукид 70, 71, 75, 161, 368, 371—373, 377, 379—381, 385, 387, 396, 425, 592
Мелик-Шир 507
Мелиоранский П. М. 348*
Мельгунов Г. 98
Менгу-Тимур 581—583, 597
Менучехр 238*
Менучехри 70, 363*
Мервези, Хафс б. Мансур 51
Мервези, Шереф аз-Заман Тахир 348*
Мервези (Мерверруди), Хусейн б. Али 301—304, 306*, 588
Мерверруди, Фахр ад-дин Мубарекшах 77, 301, 407*, 415*, 496
Мердавидж 284*
Мецопеци Товма (Мецопский Фома) 571*
Микаил б. Джа'фар 301*, 588; ср. Джа'фар, мятежник
Минаев И. П. 115*
Минхадж ад-дин Абу Омар Осман б. Сирадж ад-дин Мухаммед ал-Джузджани — см. Джузджани
Мирхонд 62, 68*, 76, 77, 95*, 106, 107, 269, 305, 308*, 386*, 395, 397, 407, 420*, 423, 424, 435, 467, 511, 513*, 523, 544*, 550*, 561, 563, 579
Мискавейх — см. Ибн Мискавейх
Могултай 581
Моисей 257, 557
Морлей (Morley W. H.) 68, 70, 76*
Мочжо 245
Муавия 128, 286
Му'аз б. Я'куб — см. Абу Абд ар-Рахман
Муайид ад-дауля Ай-Аба 398, 399, 401, 403, 593
Муайид ад-дин 411, 412
Мубарек-шах 560, 566, 579, 580
Муджаши' б. Хурейс ал-Ансари 256, 586
Муджир ад-дин Омар б. Са'д 437
Муджир ал-мульк Шереф ад-дин Музаффар 514
Музаффар-мелик 508, 510
Му'изз ад-дауля 52
Му'изз ад-дин — см. Шихаб ад-дин
Муин ад-дин Мухаммед ал-Исфизари — см. Исфизари
Му'ин ад-дин Натанзи 103*
Му'ин ал-фукара — см. Ахмед б. Мухаммед
Мука-хатун 550
Мукаддаси — см. Макдиси
Мукаджек 509*
Муканна', Хашим б. Хаким 60, 188, 257, 258, 586
Мукатиль б. Сулейман 158
Муктадир 52, 518*
Муктафи 396
Мукули — см. Мухули
Мукэ-нойон 540
Мулгар 509*
Мумин 580
Мункэ 97, 537, 549, 554, 558, 559—568, 570, 571*, 573—575, 578, 581, 596
Мункэ-Тимур — см. Менгу-Тимур
Мункэсэр-нойон 559
Муштаджаб ад-дин Беди' — см. Беди'
Мунтасир, Исма'ил 171, 330—333, 590
Мунтасир, халиф 269
Мур, Томас (Moore Th.) 257*
Мурад II 75
Муса б. Абдаллах б. Хазим 241, 242, 585
Муса б. Сатук 318*
Мус'аб б. Разик 266
Мус'аби, Абу-т-Тайиб 305
Мусеви, Мухаммед б. Фазлаллах 105, 277*
Мусейяб б. Зухейр 258*, 261, 263—265, 586
Муслим б. Са'ид 247
Мустагфири, Абу-л-Аббас 60, 61
Мустазхир 78*
Мустансир, Фатимид 367
Мустаршид 73
Му'тадид 278
Му'тазз 275
Му'тамид 147, 268, 276
Му'тасим 49, 147*, 266, 270, 271
Мутугэн 511, 551, 580, 595, 597
Муфаддаль б. Мухаллаб 242
Мухаззиб ад-дин Бастабади 515
Мухаллаб б. Абу Суфра 192
Мухаммед, брат Махмуда Тараби 547
Мухаммед, пророк 59, 64, 120, 257, 376, 557, 607
Мухаммед, Ала ад-дин (Кутб ад-дин), хорезмшах 80, 83, 152, 155, 215, 407,

410, 412—417, 420—425, 427—434, 436, 437, 439—441, 443—445, 462, 464—467, 469*, 470—473, 477, 483, 486, 490, 492, 494, 495, 502, 504, 506, 514, 518, 540, 592—594, 602, 603
Мухаммед А'раби — см. Мухаммед б. Ибрахим ат-Таи
Мухаммед ал-Ауфи — см. Ауфи
Мухаммед б. Абд ал-Джелиль ас-Самарканди — см. Самарканди
Мухаммед б. Абд ал-Мелик ал-Хамадани — см. Хамадани
Мухаммед б. Абдаллах 272, 587
Мухаммед б. Али б. Мамун — см. Абу-л-Харис Мухаммед б. Али
Мухаммед б. Али ал-Катиб ас-Самарканди — см. ал-Катиб ас-Самарканди
Мухаммед б. Али ал-Куши — см. ал-Куши
Мухаммед б. Али ар-Равенди — см. Равенди
Мухаммед б. Али Термези — см. Термези, Абу Абдаллах Мухаммед б. Али
Мухаммед б. Али аш-Шебангараи — см. Шебангараи
Мухаммед б. Ахмед б. Абд ал-Азиз — см. Бурхан ад-дин Мухаммед б. Ахмед
Мухаммед б. Ахмед Нахшеби (Несефи) — см. Нахшеби
Мухаммед б. Башар 280*, 283; см. также Мухаммед б. Лейс
Мухаммед б. Дехда 263—265
Мухаммед б. Джерир 216
Мухаммед б. Зуфер 59, 418
Мухаммед б. Ибрахим — см. Абу Хамид Мухаммед б. Ибрахим
Мухаммед б. Ибрахим ат-Таи (Мухаммед А'раби) 340; см. также Абу Абдаллах Мухаммед б. Ибрахим
Мухаммед б. Исма'ил ал-Бухари — см. Бухари
Мухаммед б. Исхак б. Ясар — см. Ибн Исхак
Мухаммед б. Кара-Касим Несеви 432
Мухаммед б. Касим 243, 585
Мухаммед б. Лейс 283*; см. также Мухаммед б. Башар
Мухаммед б. Махмуд 66, 346, 355, 357, 366, 591
Мухаммед б. Меликшах 73*
Мухаммед б. Мухаммед ал-Хусейни — см. Хусейни
Мухаммед б. Неджиб Бекран — см. Бекран
Мухаммед б. Омар 398, 418
Мухаммед б. Салих (Низам ал-мульк, Насир ад-дин) 443, 444, 478, 499
Мухаммед б. Тахир 147, 150, 271, 272, 276, 278, 587
Мухаммед б. Текеш — см. Мухаммед, хорезмшах
Мухаммед б. Фазлаллах Мусеви — см. Мусеви
Мухаммед б. Харнак 409*
Мухаммед б. Хусейн б. Мут 301
Мухаммед б. Эмир-Хонд-шах—см. Мирхонд
Мухаммед Бакир 217
Мухаммед-Вефа Керминеги — см. Керминеги
Мухаммед-Джуки 120*
Мухаммед-Казим 420*
Мухаммед Магриби 71
Мухаммед Марагани 522
Мухаммед Пехлеван-Джехан (Пехлеван иракский) 404, 410
Мухаммед-Рахим-хан 126*
Мухаммед Ташкенди 100
Мухаммед-тегин — см. Арслан-хан Мухаммед б. Сулейман
Мухаммед-Хайдер 116*
Мухтаджиды 293, 314
Мухули 85*, 449*, 451, 452, 472
Мушкетов И. В. 126
Мушкое 78*; см. Мискавейх
Мэн Хун (= Чжао Хун) 84, 85, 447, 449*, 527, 528
Мюллер А. (Müller A.) 41, 65, 68, 112, 236*, 349—351, 366, 368, 467, 473, 493

Найдун — см. Бидун
Наку 559, 565
Наливкин В. П. 100
Наполеон III 415
Насир 410, 416, 439, 440, 467, 594, 603
Насир ад-дин Абу-л-Касим Самарканди — см. Самарканди

Насир ад-дин б. Хабаш-Амид 560
Насир ад-дин Туси 87, 216*, 427*
Насир ад-дин Яхья б. Мухаммед Ибн Биби — см. Ибн Биби
ан-Насир ал-Утруш — см. Хасан б. Али ал-Утруш
Насир ал-хакк Наср — см. Наср б. Али
Насир-и Хусрау 296
Наср б. Абд ал-Мелик 311
Наср б. Али (Арслан-илек) 319, 326, 328, 330, 333, 334, 336, 343, 344, 347, 362, 363, 374, 590
Наср I б. Ахмед б. Асад 212, 220, 233, 268, 281, 282, 287, 300, 587
Наср II б. Ахмед б. Исма'ил 55, 57, 71, 138, 160, 162, 163, 300, 301*, 302—305, 588
Наср б. Ибрахим — см. Шемс ал-мульк Наср б. Ибрахим
Наср б. Мухаммед 383
Наср б. Нух 309, 316, 317, 318*
Наср б. Себук-тегин (Абу-л-Музаффар) 64, 328, 331, 334, 362
Наср б. Сейяр 250—252, 258, 259, 586
Наср ал-милля Ахмед — см. Ахмед б. Али
Насрет ад-дин Хазарасп 489, 490
Нафиси, Са'ид 66*, 68*
Нахшеби (Несефи), Мухаммед б. Ахмед 303—305
Ная 452
Неджм ад-дин Кубра 99*, 440, 503, 504*, 541
Неджм ал-мульк Лаухи 394
ан-Недим, Абу-л-Фарадж 48, 72, 567
Нёльдеке Т. (Nöldeke Th.) 71, 274*, 283*, 322*, 329*, 609
Немед-пуш — см. Хасан б. Юсуф ал-Бухари
Нершахи 59, 60, 98, 128*, 132, 149, 151—155, 157—163, 165—167, 171, 172, 188*, 217, 238, 239, 247*, 253, 257, 258, 261—263, 265, 279*, 281*, 283, 284*, 288, 294, 305, 309*, 371, 377, 418, 424, 476
Несеви, Шихаб ад-дин Мухаммед б. Ахмед 86, 419, 424, 429, 431, 433—437, 440, 441, 444, 463—466, 468*, 472—474, 477, 479—483, 487, 489—493, 500, 502, 504, 505, 507, 508, 510—513, 514*, 515—517, 540*
Несефи, Абу Хафс Омар б. Мухаммед 61, 134, 136, 140
Несефи, Мухаммед б. Ахмед — см. Нахшеби
Низам ад-дин Шами 101—103, 111, 112
Низам ал-мульк Абу Али Хасан б. Али Туси 71, 275*, 286—290, 298, 299, 301, 304, 305, 311*, 332*, 348, 349, 353, 369, 370—373, 377, 425
Низам ал-мулык Мухаммед б. Мас'уд ал-Хереви 443, 444
Низами Арузи Самарканди 378, 418, 419
Низамуддин Х. М. 63*, 83*
Никпей-огул 574
Нилха (Нилка) 427*; см. также Илака, Илках
Нишапури, Абу-л-Хасан Абд ар-Рахман б. Мухаммед 60, 163
Нишапури, Захир ад-дин 76
Ной 257
Ну'ман — см. Абу Ханифа
Нумейри, Абу Зейд Омар б. Шебба 49
Нур ад-дин А'м 571
Нур ад-дин Лутфаллах б. Абдаллах ал-Хереви 104*; см. Хафиз-и Абру (Шихаб ад-дин Абдаллах б. Лутфаллах ал-Хавафи)
Нур ад-дин Хорезми 556
Нусрет ад-дин Хамза б. Мухаммед 517
Нух б. Асад 263, 267—270, 317
Нух б. Мансур 54, 110, 312—314, 320—325, 589, 590
Нух б. Наср 55, 59, 159, 160, 167, 303—309, 310*, 316, 319—321, 588, 589
Нуш-тегин 364*; ср. Бег-тегин
Нуша-баскак 494, 516; см. также Бука-Буша
Нуши 582

Обен Ж. (Aubin J.) 103*
Огуз-хан 528
Огул-бек 395
Огул-Гаймыш 558, 560, 561, 570, 596
Огул-хаджиб — см. Инанч-хан
Огулмыш 439
Одон 570
Озар — см. Бузар

Озлаг-шах, Кутб ад-дин 443, 499, 500, 505
Ольденбург С. Ф. 66*, 455
Омар б. Мас'уд 419*
Омар (садр) — см. Хусам ад-дин Омар
Омар I, халиф 240, 390
Омар II, халиф 246, 248, 585
Омар-ходжа Отрари 465
Омейяды 48, 240, 245, 251, 252, 255, 259, 287, 316, 601
Опперт Г. (Oppert G.) 107, 469
Орду, сын Джучи 459, 554
Осман, халиф 50, 128, 216, 243
Осман б. Джудей' Кермани 252
Осман б. Ибрахим (самаркандский) 415, 417, 418, 420, 422—424, 427—431, 498, 594
Осман б. Мас'уд 125, 242
Османы, династия 528
д'Оссон К. (d'Ohsson C.) 87, 102, 108, 109, 111*, 370, 424, 533, 539, 544, 547*, 550*, 551, 557, 559*, 562*, 575*, 577*, 605, 606
Отчигин 533, 554

Палладий, архимандрит (Кафаров) 85, 90*, 91*, 454, 457*, 458, 534*, 535
Пампелли Р. (Pumpelly R.) 170
Панкратов Б. И. 90*
Патканов К. П. 84*
Пейгу (Ябгу), Сельджукид 331, 370
Пейгу-хан 397
Пельо П. (Pelliot P.) 84*, 85*, 90*, 91*, 93*, 132*, 188*, 219*, 255, 318*, 322, 331, 348*, 380*, 406*, 427*, 435*, 446*—449*, 452*—454*, 456*—458*, 464*—466*, 469*—471*, 569*, 570*
Пети де ля Круа, отец (=Пети Ф.; Petis F.) 605 606
Пети де ля Круа Ф., сын (Petis de la Croix F.) 102*
Петр, апостол 204*
Петр I Великий 528
Петров А. Д. 214*
Петровский Н. Ф. 134, 213
Пехлеван иракский — см. Мухаммед Пехлеван-Джехан
Пири 322
Плано Карпини — см. Карпини
Позднеев А. М. 90*
Поло, Марко — см. Марко Поло
Пославский И. Т. 125, 126
Птолемей 119*, 120, 216
Пулад (Фулад)-чэнсян 93
Пур-тегин — см. Бури-тегин

Раби'и-мелик 546
Равенди, Мухаммед б. Али 75, 76, 373*, 379*, 383*, 392*, 404*, 410, 411*, 412
Раверти (Raverty H. G.) 58*, 66, 86*, 87*, 109—111, 348*, 365, 489*, 493, 506*, 509*, 511, 513, 525
Радлов В. В. 454
Рази, Фахр ад-дин 78, 496
Рази, Хайдер б. Али Хусейни 84
Рази ал-мульк 507, 508
Разик, предок Тахиридов 266
Райт (Wright) 75*
Растафигани (Рустуфагни), Абу-л-Хасан Али б. Са'ид 181
Рафи' б. Лейс 135, 147*, 258, 259, 266, 267, 274, 587
Рафи' б. Харсама 278, 588
Рашид ад-дин, Фазлаллах 62, 76*, 85*, 88—90, 92—98, 101—103, 107, 108, 111*, 435, 436, 448, 452, 458*—460*, 461, 471, 474, 482*, 483, 491, 501—506, 510—512, 523, 525, 526, 530*, 532, 533*, 534*, 535, 537*, 540*, 546*, 549, 550*, 551, 553—555, 558*, 559—562, 563*, 564—566, 568, 569, 573, 574*, 575—577, 578*, 579, 580*
Рашид ад-дин Ватват — см. Ватват
Регель И. А. (Regel J. A.) 115*
Редигер Э. (Roediger J.) 48
Рейнольдс Дж. (Reynolds J.) 65, 326* 334*
Риза-Кули-хан Хидаят 86*
Розен В. Р. 42, 52, 79, 98*, 255, 329, 497*, 608, 609
Розенталь Ф. (Rosenthal F.) 48*
Рокхилл В. В. (Rockhill W. W.) 451*
Роман Диоген 75*
Росс Э. Д. (Ross E. D.) 77*, 106*, 111, 415*
Рубрук В. (Rubruk W. de) 454—456, 471, 538, 561, 563, 565—568, 570, 571*, 596
Рудеки 81, 180, 308*
Руднев Н. В. 234*
Рузвельт Т. (Roosevelt Th.) 111

Рукн ад-дин Гуршанчи 487, 489
Рукн ад-дин Имам-заде 477, 478, 542
Рукн ад-дин Курт 481
Рукн ад-дин Махмуд б. Мухаммед — см. Махмуд-хан
Рустем 265*
Рустуфагни — см. Растафигани
Рьё Ч. (Rieu Ch.) 54*, 65, 68*, 87*, 96*, 105

Са'алиби, Абд ал-Мутталиб б. Мухаммед б. Исма'ил 64*; см. Са'алиби, Абу Мансур Хусейн б. Мухаммед
Са'алиби, Абу Мансур Абд ал-Мелик б. Мухаммед 47*, 53—55, 64, 254*, 295, 297, 303*, 305, 319; ср. Са'алиби, Абу Мансур Хусейн
Са'алиби, Абу Мансур Хусейн б. Мухаммед 64, 70; ср. Са'алиби, Абу Мансур Абд ал-Мелик
Сабит б. Кутба ал-Хуза'и 241, 242
Сабит б. Синан ас-Саби 52, 315*
Сагыр-бек 382, 592
Садай-ильчи 574
Саджиды 225
Са'ди 290, 462
Садр ад-дин Абу-л-Хасан Али б. Насир ал-Хусейни — см. Хусейни
Садр ад-дин Низами 416*
Садр ад-дин-хан 478
Са'ид, казий 352*
Са'ид б. Абд ал-Азиз Худейна 246, 247, 585
Са'ид б. Амр ал-Хараши 247, 585
Са'ид б. Ас 243*
Са'ид б. Мас'уд 359, 362
Са'ид б. Осман 142, 264*
Саин Мелик-шах 544*
Сайяд-тегин Хани 340
Салах ад-дин Мухаммед Несаи 507, 508
Сали-бахадур 574
ас-Салих, Эйюбид 569*
Салих б. Наср 274*
Са'луки, Абу Тайиб Сахль б. Мухаммед 333
Саман-худат 267
Сам'ани, Абу Са'д 40, 52, 56*, 59, 60, 61*, 62, 64, 81, 82, 121, 124, 125*, 130, 133, 137, 138, 140*, 145—147, 149, 151, 159, 161—163, 165—168, 170—187, 189—197, 199, 203, 204, 208, 210, 215, 221, 224*, 231, 232, 258, 264, 265, 267*, 291*, 292, 307, 316, 325, 378, 379, 397, 494
Саманиды 52—54, 56, 58—60, 62, 64—67, 77, 98, 115*, 116, 117, 124, 128, 134, 141, 158, 159, 162, 163, 168—170, 188, 189, 201, 202, 213*, 214, 229, 232, 256, 265, 267—273, 278—280, 282, 284—286, 287*, 288—294, 298—300, 309, 311, 312, 313*, 315—321, 324—333, 348, 352, 367, 370, 371, 376*, 444, 525, 569, 589, 601, 602, 609
Самарканди, Абд ар-Раззак — см. Абд ар-Раззак Самарканди
Самарканди, Абу-л-Касим (при Караханидах) 376
Самарканди, Абу-л-Касим (при Саманидах) 329*
Самарканди, Ашраф б. Мухаммед 383
Самарканди, Мухаммед б. Абд ал-Джелиль 61
Самарканди, Мухаммед б. Али — см. ал-Катиб ас-Самарканди
Самарканди, Насир ад-дин Абу-л-Касим 376*
Самарканди, Низами Арузи — см. Низами Арузи
Санджар — см. Синджар
Сарданапал 527, 554
Сартак 567, 568
Сасаниды 45, 127, 241*, 244, 255, 265, 284*, 601
де Саси С. (de Sacy S.) 89*, 314*
Сатук — см. Богра-хан Сатук
Сафи, хаджиб 332
Сафи Акра' 474
Сафи ад-дин Абу Бекр Абдаллах б. Омар 82
Саффар, Абу Ибрахим 378, 383
ас-Саффар, Абу Исхак Ибрахим б. Исма'ил 383, 592
Саффариды 26, 77, 128, 268, 274, 275, 284, 287, 292, 602
Саффах 254
Сахль б. Ахмед ад-Дагуни 150
Сабелдин, Давид (Са'д ад-дин или Сейф ад-дин?) 569*
Себук-тегин (Себек-тегин) 68*, 322—326, 352, 354, 364*, 589, 590

Седид А'вар 551
Сейид Ахмед б. Эмир Вели 61*
Сейр б. Абдаллах 269
Сейф ад-дин, бишбалыкский 562
Сейф ад-дин Аграк-мелик — см. Аграк-мелик
Сейф ад-дин Бахарзи — см. Бахарзи
Сейфи ал-Хереви 106*, 552*
Селлами, Абу-л-Хусейн Али 55, 56, 66, 67, 279, 280, 284*, 312*
Сельбек-Туркан 468
Сельджук 236, 317, 318, 331, 342, 346, 347, 360
Сельджукиды 75—77, 79*, 98, 99, 358—362, 364—371, 373, 374, 376, 379, 381, 402, 437, 443, 494, 589, 591, 602
Сельм б. Зияд 241, 242, 266, 585
Сельмуя (Сельмавейх) 164
Сембат 571
Семенов А. А. 103*
Сенгун 426*, 427*
Сергий, монах 455, 572*
Сиба' б. ан-Ну'ман 254, 586
Сиддики, Мухаммед Зубейр 106*
Симджури, Абу Али 54*, 313, 314, 318, 320—327, 329, 334, 389, 590
Симджури, Абу-л-Касим 323*, 326, 328, 590
Симджури Абу-л-Хасан 310—314
Симджуриды 62, 98, 287, 298, 326*
Симон, монах 456*
Синджар, султан 63, 73, 75, 79, 80, 143, 371, 381—384, 386—391, 392*, 393—396, 399, 402, 441, 442, 592, 593
Синджар-мелик 419, 420, 424, 544*, 545, 546
Синджар-шах б. Туган-шах 510, 593
ас-Синджари ал-Газневи, имам 70
Ситняковский Н. Ф. 47, 148, 164, 165*, 170*
Сиюркуктени-бики 538*, 549, 554, 557, 558, 560, 562, 573, 577, 578*
Сиявуш 158
Скварский П. С. 222—223
Соломон 213*, 557
Сорханьшира 91*
Стейн М. А. (Stein M. A.) 296
Субудай-бахадур 434, 435, 450, 476, 487—492, 494, 498, 525
Сукнак-тегин 468, 471, 472
Сукэту-чэрби 484
Сулами, Абу-л-Фазл Мухаммед 306, 588
Сулейман, хаджиб 332
Сулейман, халиф 244
Сулейман б. Абдаллах 244
Сулейман б. Ахмед — см. Ахмед б. Хизр
Сулейман б. Мухаммед 388, 389, 592
Сулейман-бек 574
Сулейман-тегин 381
Сулейман-шах б. Атсыз 395
Сули, Абу Бекр Мухаммед 60*
Сули, Абу Исхак Ибрахим 60*
Султан-шах б. Иль-Арслан 401, 403, 406, 410, 593
Сулу, Абу Музахим 245, 259, 585
Сун, династия 84
Сури, Абу-л-Фазл 352, 355
Сурхуктани-бики—см. Сиюркуктени-бики
Сухарева О. А. 152*
Суюнч-хан 477
Сэцэн — см. Кадаки
Сюань Цзан 45, 120, 125, 127, 134, 238
Сюбаши-тегин, бухарский 152
Сюбаши-тегин, полководец 331, 334, 337

Табари, Абу Джа'фар Мухаммед б. Джерир 46, 47, 49—51, 55, 60, 81, 110—112, 117, 135, 142*, 147, 149, 171, 192, 206*, 234, 238*, 239, 241, 243*, 244*, 247—251, 252—254, 256, 258—261, 266, 274, 278, 283, 284, 287, 300*, 333
Тадж ад-дин Бильгя-хан — см. Бильгя-хан
Тадж ад-дин Зенги 415, 416, 594
Тадж ад-дин Омар б. Мас'уд 517, 595
Тадж ад-дин Омар Бистами 489
Тадж ад-дин Туган 489
Таджи-бек 500
Таир-бахадур 476
Тайгу 582
Тайнал-нойон 483
Таки ад-дин Ахмед ал-Макризи — см. Макризи
Тальха б. Тахир 266, 269, 587
Тамгач-Богра-хан Ибрахим 384
Тамгач-хан — см. Арслан-хан Мухаммед б. Сулейман

Тамгач-хан Ибрахим б. Мухаммед 396, 400
Тамгач-хан Ибрахим б. Наср (Бури-тегин) 63*, 83, 141*, 160, 363—367, 374, 376—378, 381, 591
Тамгач-хан Ибрахим б. Сулейман 593
Тамгач-хан Ибрахим б. ал-Хусейн 63, 141
Тамгач-хан Хасан 386*
Тараби, Махмуд 424, 535*, 545—547, 595
Тармаширин 103, 527
Тархун 242
Та-та-тун-а — см. Ташатун
Тауэр Ф. (Tauer F.) 102*
Тафактан Йимак 434*; ср. Юсуф, татарин
Тафгач-хатун 432
Тахир б. Абдаллах 272, 275, 587
Тахир б. Лейс 274
Тахир б. Фазл 314, 315
Тахир б. Хусейн б. Мус'аб 55, 261, 266, 269, 587
Тахир б. Хусейн б. Тахир 275
Тахириды 77, 128, 256, 265, 266*, 267—272, 274—276, 278, 279, 281, 284, 287, 299*, 444, 601
Таш 287, 313, 314*, 331, 589
Ташатун (Та-та-тун-а) 452
Таянку-Тараз 408, 415, 420, 423, 428
Тебани, Абу Садик 362
Тегин-хан 330
Текеш 74, 78, 80, 236, 401—403, 405—413, 418, 425, 437, 443, 466, 495, 504, 593, 594
Текмиш 562
Темучин — см. Чингиз-хан
Тер-Григорьян Т. И. 84*
Термези, Абу Абдаллах Мухаммед б. Али 126, 587
Термези, Абу Иса Мухаммед б. Иса 126
Тизенгаузен В. Г. 85*, 112
Тимур 96*, 97—99, 101—105, 120*, 137, 139, 145*, 197, 209*, 220*, 226, 274, 475, 479, 484, 513, 521, 574*, 584, 605
Тимур-Кадак 559
Тимур-мелик 485, 486, 499, 500, 505,
Тимур-мелик 485, 486, 499, 500, 505, 566
Тимуриды 99, 100, 104, 106, 107, 566, 584
Тоган А. З. — см. Ахмед Зеки Валиди
Тогрул б. Арслан 410, 411
Тогрул б. Микаил 360, 362, 365, 368—370, 373, 593
Тогрул II 76
Тогрул-Кара-хан Юсуф 377
Тогрул-тегин, Караханид 377
Тогрул-тегин б. Икинчи 387
Тогрул-хан — см. Бузар
Тогрул-Янал-бек 380
Толстов С. П. 235*, 580*
Томас Э. (Thomas E.) 264*
Томашек В. (Tomaschek W.) 115*, 119*, 120, 121*, 125*, 132, 146, 147*, 149*, 153*, 159
Тохучар-бахадур (Тохучар-нойон) 435, 487, 491, 494, 496, 504, 514
Тугай, монгольский военачальник 484
Тугай-хан, хорезмийский военачальник 479—481
Туган, хаджиб 308
Туган-тегин кашгарский 301, 317
Туган-тегин (Туган-хан), Караханид — см. Шу'айс б. Ибрахим
Туган-хан — см. Кадыр-хан Джибраил
Туган-хан I 335—337, 341—344, 590
Туган-хан II 343, 344, 347, 356, 591
Туган-шах Абу Бекр 401*, 403, 409, 593
Туганчик 333
Тугэн 551*
Туджи-Пехлеван — см. Кутлуг-хан
Тукаши-хатун 555, 560, 596
Туктуган 435; ср. Хултуган-Мерген и Тухта-хан
Тукукан 568*
Тулуй 101, 451, 471, 474, 491, 506, 510, 514, 529, 531, 532, 533*, 554, 558, 559, 573, 578*, 596
Тулун-чэрби 500, 510
Туманский А. Г. 58, 211*, 222*, 216, 230*, 234*, 258, 292, 402,
Туракина 538*, 550, 553, 554, 595
Турбай (Туртай) 516
Туркан (Теркен), жена Иль-Арслана 400, 401
Туркан (Теркен)-хатун, жена Текеша 413, 414, 420, 422, 425, 429, 430, 443, 444, 465, 475, 479, 486, 495, 497, 499, 500, 507*
Туртай — см. Турбай

Туси, Насир ад-дин — см. Насир ад-дин Туси
Тути-бек 394
Тухта-хан (Тухта-бики) 426, 435; ср. Туктуган
Туша-баскак — см. Нуша-баскак
Тэмуга 451
Тюрк, сын Яфета 73

Убейдаллах б. Абдаллах б. Тахир 276, 278
Убейдаллах б. Абдаллах б. Хордадбех — см. Ибн Хордадбех
Угэдэй 91, 92, 96*, 97, 101, 107, 460, 468, 474*, 479, 485, 500—502, 504, 506, 508*, 512, 516, 522, 525, 527, 529, 531—534, 536—539, 543, 544, 547—555, 558—560, 563—565, 575, 578, 595, 597
Уда О. (Houdas O.) 86*
Уджейф б. Анбаса 147
Уйуртай 538
Укендж 562
Улакчи («Улавчий») 568
Улджэйту 93—97, 546*
Улуг-султан Ибрахим б. Хусейн — см Ибрахим б. Хусейн, Караханид
Улуг-хан 510*
Улугбек 89*, 100, 101, 105, 106, 525, 571
Улук-хатун 468
Улус-Иди 483, 485
Умдат ал-мульк 507, 508
Умрани, Абу-л-Хасан Али б. Мухаммед 79*, 176
Уокер Х. (Walker C. T. H.) 255*
Урункташ 575
Урхан 512
Усбаникети, Абу-л-Хасан Са'ид б. Хатим 317
Устун (Усун?)-нойон 500
Утби, Абу Джа'фар 162, 310, 311
Утби, Абу Наср 54*, 62, 64, 65, 98, 137, 312*, 313, 314, 319, 320*, 321, 325*, 327, 328, 330, 335—337, 340*, 342, 343*, 349, 352—354
Утби, Абу-л-Хусейн Абдаллах б. Ахмед 62, 312, 313, 589
Утби, династия везиров 288, 308
Ухуна 466*
Учачар 574
Учигин — см. Отчигин

Фазл б. Кавус 269
Фазл б. Сахль 260, 266
Фазл б. Сулейман — см. Абу-л-Аббас Фазл б. Сулейман ат-Туси
Фазл. б. Яхья — см. ал-Бармаки
Фазлаллах Рашид ад-дин б. Имад ад-дауля Абу-л-Хайр — см. Рашид ад-дин
Фаик 287, 311, 313, 314, 317, 319—321, 323—329, 589, 590
Фараби, Абу Наср 234
Фариси — см. Абд ал-Гафир б. Исма'ил ал-Фариси
Фаррух 266*
Фасих ал-Хавафи 68*, 104, 312, 390
Фатима, рабыня Туракины 553, 554
Фатимиды 275*, 333
Фатх б. Али б. Мухаммед ал-Бундари — см. Бундари
Фахр ад-дауля 313, 323*
Фахр ад-дин, посол Текеша 403
Фахр ад-дин Абу Абдаллах Мухаммед б. Омар ар-Рази — см. Рази
Фахр ад-дин Дизеки Бухари 465
Фахр ад-дин Мас'уд 402, 408, 415*, 416*
Фахр ад-дин Мубарекшах б. Хасан ал-Мерверруди — см. Мерверруди
Фахр ад-дин Хабаш Инан ан-Несеви 495
Фергани — см. Бекр б. Мелик
Феригуниды 130, 292, 402
Феридун 273
Феридун Гури 501
Ферран Г. (Ferrand G.) 56*, 80*
Фиран (?), сын Алп-Кара 404, 405
Фирдауси 353
Фишер А. (Fischer A.) 56*
Флейшер Х. Л. (Fleischer H. L.) 76*
Флюгель Г. (Flügel G. L.) 48
Фрай Р. Н. (Frye R. N.) 60*
Фридрих II (Гогенштауфен) 467
Фума 401, 403

Хабаш-Амид 498, 540—555, 560, 574
Хабиб б. Мухаллаб 192
Хабул 101

Хавари, Али б. Абу Салих 78*
Хавафи — см. Фасих
Хадан-нойон 500
Хаджжадж 243, 460
Хаджи Халифа 59*, 61, 64, 78*, 79, 100, 211
Хазар-Бука 543
Хайдер б. Али Хусейни Рази — см. Рази
Хайдер б. Кавус — см. Афшин
Хайду 170, 549, 558*, 565, 578, 579, 581—583, 597
Хайсан (Хай-шань) 91, 92
Хайян 158
Хаким-Ата 205*, 440
ал-Хаким би-амри-ллах 333
Халилаллах 126*
Хамадани — см. Ибн ал-Факих
Хамадани, Мухаммед б. Абд ал-Мелик 78*
ал-Хамадани, шейх — см. Абу Я'куб Юсуф ал-Бузенджирди
Хамдаллах Казвини — см. Казвини, Хамдаллах
Хамза, мятежник 261
Хамза Исфахани — см. Исфахани, Хамза
Хамид-Пур 477
Хаммаль Мераги 465
Хаммер-Пургшталь И. (Hammer-Purgstall J. von) 36, 97, 109, 606
Хамули, Абу-л-Хасан 327
Хамуя б. Али 300, 301, 307
Хан-мелик — см. Амин ал-мульк
Хан-Салар 150
Хан-Султан 430, 498
Ханат 565
Ханыков Н. В. 139, 148*, 166
Хар-хан 149*
Хара-Хулагу (Кара-Хулагу) 551, 552, 555, 556, 559, 560, 565, 580, 595 596
Харакани — см. Абу-л-Хасан Харакани
Харалджу 539*
Харачар-нойон 100—102, 540, 550
Харгуни, братья 271
Харджем 409*
Харис б. Сурейдж 248, 249, 251, 252, 586
Харис Ибн Алемдар 331, 332
Харпуст — см. Ихтияр ад-дин Мухаммед б. Али
Харруш 409*
Харсама 135
Хартман М. (Hartmann J. M.) 290, 446*
Харун б. Алтунташ 359—361, 365, 591
Харун б. Сулейман 318*; ср. Богра-хан Харун б. Муса
Харун ар-Рашид 116*, 136, 260, 261
Харун-тегин 381
Хасан, карлук 508
Хасан б. Ала Са'ди 158
Хасан б. Али ал-Утруш 273, 588
Хасан б. Зейд 272, 277, 587
Хасан б. Мухаммед б. Талут 161
Хасан б. Так 332
Хасан б. Темим 258
Хасан б. Юсуф ал-Бухари ас-Самани (Немед-пуш) 382, 383, 592
Хасан ал-Дженди 463*; ср. Хусейн (Хасан?), эмир
Хасан-тегин (Кылыч-Тамгач-хан Абу-л-Ма'али) 384, 397
Хасан-хаджи (Хусейн-хаджи) 482; ср. Асань
Хатуни, Абу Тахир 73
Хаутсма М. Т. (Houtsma M. Th.) 50, 73—75, 111; 245, 400
Хафиз-и Абру, Шихаб ад-дин 68, 76, 102*, 104—106, 132*, 137, 147*, 192, 266, 350
Хафс б. Мансур Мервези — см. Мервези
Хачули 101
Хашим б. Баничур (Байчур, Махичур) 123*, 128
Хашим б. Хаким — см. Муканна'
Хашин 578
Хвольсон Д. А. 42
Хениш Э. (Haenisch E.) 90*
Хереви — см. Сейфи ал-Хереви
Херцфельд Э. (Herzfeld E.) 135*
Хетум — см. Гайтон
Хизр б. Ибрахим, Караханид 378, 379, 381, 592
Хизр-хан б. Тафгач 161
Хилаль б. ал-Мухассан ас-Саби 52, 319*, 336*
Хина (Ахмед), дихкан 158
Хинду-хан 413
Хинц В. (Hinz W.) 135*

Хитай-хан 393
Хишам 249
Ховорс Г. (Howorth H. H.) 109, 111, 112, 343*, 344, 606
Ходжендн, «великий эмир» 100
Хо-ду — см. Хултуган-Мерген и Худу-хан
Хондемир 64, 105—107, 274*, 542*, 544*, 547*
ал-Хорезми, Абу Абдаллах 53*, 298*, 299*
Хорезми, Абу Мухаммед Махмуд б. Мухаммед б. Арслан ал-Аббаси 78, 79
Хосрой [I] Анушнрван 280, 378
Хосрой II 265
Хошук-нойон 540, 548
Хубилай, каан 96, 97, 537, 565, 573—575, 577, 578, 580, 581, 583*, 596, 597
Хубилай-нойон 430
Худейна — см. Са'ид б. Абд ал-Азиз
Худу-хан (Ходу) 435*
Хулагиды 97, 583, 584
Хулагу 87, 96, 97, 535*, 565, 566, 573, 575—577, 578*, 581, 596
Хултуган-Мерген 435
Хумам ад-дин 403
Хумар-бек 115
Хумар-таш Шераби 340
Хумар-тегин 500, 501
Хумаюн — см. Ак-мелик
Хунук-худат 167
Хурразад 243
Хуррамабади 474*
Хусам ад-дин Омар 390, 398, 418
Хусейн — см. Туган-хан I
Хусейн, имам 120*, 217, 439
Хусейн, Тимурид 106
Хусейн (Хасан?), эмир 463
Хусейн б. Али Мервези (Мерверруди) — см. Мервези
Хусейн б. Мус'аб 266
Хусейн б. Мухаммед — см. Утби, Абу Джа'фар
Хусейн б. Мухаммед ал-Хавариджи 281
Хусейн б. Тахир ат-Таи 276, 278, 281, 588
Хусейн-мелик 303
Хусейн-хаджи — см. Хасан-хаджи
Хусейни, Мухаммед б. Мухаммед 76*
Хусейни, Садр ад-дин 74, 75*, 400*
Хусейри, Абу Бекр — см. Абу Бекр Хусейри
Хусейри, Абу-л-Касим — см. Абу-л-Касим Хусейри
Хусрау б. Абид Абаркухи — см. Ибн Му'ин
Хутаби, Абу Мухаммед Исма'ил б. Али 52
Хутула-каган 446, 447
Хэсымайли (Исма'ил?) 469, 470

Цзинь, династия 446

Чагани, Абу Али Ахмед б. Мухаммед 55, 67, 287, 302, 303*, 306—310, 588, 589
Чагани, Абу Бекр Мухаммед 55, 302
Чагани, Абу Мансур 303, 309
Чагатаиды 97, 98, 101, 553, 554
Чагатай 88, 90, 96, 99, 101, 102*, 458, 460, 474*, 479, 485, 498, 500—502, 504, 506, 511, 519, 522, 525, 527, 529, 531, 532, 533*, 535, 539, 540, 541, 543*, 544, 548—551, 555, 556, 560, 561, 565, 566, 571, 574, 580*, 582, 595—597
Чагатай Малый 540
Чатры-хан — см. Джелаль ад-дин Али б. Хасан
Чан-чунь 85, 139, 140, 292, 454, 456, 457, 460, 461, 468, 469, 472, 478, 481, 517—523, 526, 528, 545
Чатки — см. Иоанн Чатки
Чжамуха 449
Чжао Хун — см. Мэн Хун
Чжэбэ-нойон 468—470, 487—494, 498, 525
Чжэдай — см. Джида-нойон
Чжэлме 448
Чин-Тимур 482, 483, 524, 533, 552
Чинай 538
Чингтай 456, 548, 552, 553, 556, 558, 560, 596
Чингиз-хан 39, 41, 86, 87—92, 96*, 101, 107, 109, 125, 126, 129, 137, 139, 152, 161, 186, 426, 434, 435, 436*, 437, 446—452, 457—464, 466—487, 489—491, 558, 559, 561, 564, 573, 577*, 578*, 603, 605

Чингизиды 96, 109, 554, 559, 560, 566, 569, 573, 577, 578*, 579, 584
Чинсанг-Тайфу 544, 574
Чур-тегин 213

Шаванн Э. (Chavannes E.) 241, 454*
Шакьямуни («Шакмония») 455*
Шами — см. Низам ад-дин Шами
Шаммар 136
Шамун 204
Шапур 165
Шаукем 426
Шафи', Хан-Бахадур Мухаммед 96*, 105*
Шах-зинде — см. Кусам б. Аббас
Шах-Мелик 236, 360, 365, 366, 591
Шах-хатун 357
Шахристани 79, 351, 495, 496
Шахрух 95, 96, 104—106, 584
Шебангараи, Мухаммед б. Али 94
Шеддад 132
Шейбани-хан 137
Шейх-хан 480
Шекик б. Ибрахим Балхи 260, 455
Шемс ад-дин, садр 444
Шемс ад-дин Абу Абдаллах Мухаммед б. Ахмед ал-Макдиси — см. Макдиси
Шемс ад-дин Ахмед б. Мухаммед — см. Ибн Халликан
Шемс ад-дин Ильтутмыш 521
Шемс ад-дин Курт 552*, 566
Шемс ад-дин Махбуби 546, 547
Шемс ад-дин Мухаммед, Гурид 402, 468
Шемс ад-дин Мухаммед б. Кайс ар-Рази 474*
Шемс ал-мульк Наср б. Ибрахим 150, 161, 162, 308, 377, 378, 383, 592
Шемс ал-мульк Шихаб ад-дин Алп Серахси 507, 508
Шемси Аградж Бухари 419*
Шереф ад-дауля Абу-л-Фаварис 314
Шереф ад-дин, векиль 499
Шереф ад-дин, чиновник Батыя 552, 553
Шереф ад-дин Абу Наср Ануширван б. Халид Кашани — см. Кашани
Шереф ад-дин Али Йезди 102, 104, 105, 107, 125, 234*, 513
Шереф аз-заман Тахир Мервези — см. Мервези
Шерик б. Шейх ал-Мехри 253, 256
Шефер Ш. (Schefer Ch.) 59, 65, 71*, 72, 74—76*, 83, 84, 87, 94*, 95*, 98, 99, 298, 380
Шики-Хутуху-нойон 457, 509—511, 516, 517, 521
Ширамун 554, 559, 560
Шире 555
Шихаб ад-дин (Му'изз ад-дин), Гурид 402, 408, 413, 415—417, 594
Шихаб ад-дин Абдаллах б. Лутфаллах ал-Хавафи — см. Хафиз-и Абру
Шихаб ад-дин Абу Абдаллах (Абу Хамид) Ахмед ал-Гарнати — см. Гарнати
Шихаб ад-дин Абу Абдаллах ал-Хамави — см. Якут
Шихаб ад-дин Мухаммед б. Ахмед ан-Несеви — см. Несеви
Шихаб ад-дин Сухраверди 438
Шихаб ад-дин Хиваки 414, 441, 472, 473, 496
Шихаби Газаль Ходженди 424*
Шмидт Ф. М. (Schmidt F. M.) 567
Шпренгер А. (Sprenger A.) 57, 65, 607
Шрейнер М. (Schreiner M.) 72
Штрек М. (Streck M.) 131
Штюбе Р. (Stübe R.) 446*
Шу'айб б. Ибрахим (Туган-тегин, Туган-хан) 377
Шукраллах Зеки 63

Щербина-Крамаренко Н. Н. 126, 216

Эварницкий Д. И. 228
Эдвардс Э. (Edwards E.) 106*
Эйюб (Иов) 216
Эйюб б. Хасан 158
Эллис А. (Ellis A. G.) 77*
Эмирек Бейхаки 366
Эр-Бука-Пехлеван 500
Эргэнэ-хатун бики 560, 565, 573—576, 579—580, 596, 597
Эрдман Ф. (Erdmann F.) 109, 606
Эрскин В. (Erskine W.) 225
Этэ Г. (Ethé H.) 66, 103*

Юань, династия 447, 583
Юй-гу 434
Юсти Ф. (Justi F.) 151*

Юсуф, татарин (?) 434; ср. Тафактан Йимак
Юсуф (Инанч-Пейгу), Сельджукид 360
Юсуф б. Абдаллах Андхуди 392*, 399
Юсуф б. Али 344
Юсуф б. Исхак — см. Абу Мансур Юсуф б. Исхак
Юсуф б. Себук-тегин 348
Юсуф б. Харун — см. Кадыр-хан Юсуф
Юсуф ал-Берм 256, 259, 266, 586
Юсуф Кенка 463

Ябгу — см. Пейгу
Яган-Догду 443
Яган-тегин — см. Богра-хан Мухаммед
Ягмур-хан 398
Яков де Витри — см. де Витри
Я'куб б. Лейс б. Му'аддаль 128, 273*, 274—278, 279*, 281, 298, 587, 588
Я'куб-тегин 380
Я'куби, Ахмед б. Абу Я'куб 36, 50, 51, 115, 120*, 127, 128, 132*, 136, 188, 222*, 224, 225, 228, 232, 245*, 271, 275, 279
Якубовский А. Ю. 548*
Якут 79, 81—83, 124, 132, 133, 138, 144*, 145—147, 149, 161, 163*, 165—168, 170*, 171, 172—188, 190—195, 198, 199, 202—204, 208, 209, 221, 224*, 231, 232, 233*, 267*, 306*, 388*, 401*, 433, 495, 496, 555
Ян К. (Jahn K.) 96*
Янал-тегин, военачальник Саманидов 329
Янал-тегин, хорезмийский 393
Ясавур 487*
Яфи'и Абу Са'адат 99*, 104*
Яхья б. Асад 267, 268, 587
Яхья б. Ахмед 302
Яхья б. Зейд 251, 586

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Абадан-кендж 211
Абаркет — см. Баркет
Абаркух 103*
Аббас (поздн. Янги-арык) кан. 133
Аб-Бурдан 133*
Абгар (поздн. Чашмаобская волость) 144, 183, 185
Абдек — см. улица Абдек
Абескун 493
Абиверд 289*, 322, 331, 517, 590, 595
Аб-и Рахмат — см. Сияб
Аблык 229
Абу Ахмеда рабат 222
Абукша 198
Абу-л-Аббаса ворота — см. ворота Абу-л-Аббаса
Абу Сахля рабат 210
Абу Хафса кург. 546
Абхаз 412*
Абшура р. 215
Авал 217, 220
Агдун (Агзун?) 173
Адаххет — см. Дахкет
Азербайджан 404*, 410*, 493, 576
Азия 94, 385, 402, 525
Азия Восточная 91, 139, 373, 603
Азия Западная 64*, 252, 254, 299*, 532, 555, 609
Азия Малая 75
Азия Передняя 99, 114, 530*, 535
Азия Средняя 39, 41, 45, 47, 48, 52, 58, 59, 85, 99, 100, 104, 106—108, 111—113, 127, 133*, 139, 199, 244, 245, 264, 333, 434, 455, 461, 469, 474*, 476, 494, 530, 539, 549, 555, 569*, 578, 583—585, 604—609; см. также: Мавераннахр; Туркестан
Азия Центральная 296
Айбугир зал. 206, 208
Айвадж — см. Аузадж
Акабилан — см. ворота Акабилан
Ак-бура — см Ошская река
Акка 440*
Ак-Котель 378
Ак-рабат перевал 118
Аксу 118; см. также Ахшу
Алай горы 120
Ала-камак 558, 559, 596
Аламут 53
Алатау горы 558
Алаф-Фурушан — см. «Ворота продавцов сена»
Алескандрия 267*
Александровский хр. (совр. Киргизский хр.) 522, 561
Али селение — см. Феребр
Алкамы замок — см. замок Алкамы
Алмалык 468, 544*, 549*, 565, 575, 596
Алтай 560, 575
Алтай Южный 460
Амдиза 170, 210*; ср. Амза
Амза 210; ср. Амдиза
Аму-Дарья, Аму (Джейхун, Окс) 41, 50, 64, 114—116, 118—120, 122, 125—127, 130—134, 168, 191, 197, 199—202, 206—208, 209*, 210, 240, 249, 283, 288, 299, 309, 314, 318, 323, 325, 328, 331, 332, 334, 340, 342, 344, 359, 361, 362, 365, 382*, 391, 399, 400, 401*, 402, 405, 408, 413*, 416, 425, 428, 437, 472, 473, 477, 487—489, 495, 497, 502, 504, 505, 517, 519—522, 524, 525, 552, 566, 581, 596
Амуль мазандеранский 492

[1] Отсылки со словом «ср.» указывают на предположительное отождествление.

Амуль хорасанский (Амуе, Амуй; поздн. Чарджуй, совр. Чарджоу) 126, 131, 132, 168*, 197, 198, 203, 209, 254, 272, 320, 322, 323, 326, 331, 339, 340, 358, 393, 424*, 483
Анбар 130, 251
Анбердуван 173
Ангара р. 459
Ангарская вол. 139, 519
Англия 75
Ангрен (Ахенгеран, Илак) р. 212, 220, 226, 229, 231
Андак 173; ср. Ургут
Андеди 193
Андек 173
Андераб (Андераба) 117, 511, 512*
Андерастан 201, 211
Анджаферин (Анджуфарин) 173
Андиджараг 119
Андиджараг р. 118
Андижан — см. Андукан
Андижанский уезд 215, 217
Андияр-Кендман (?) 168
Андукан (Андижан) 214—216
Андхуд (Анхуд; поздн. Андхой) 131 361, 399, 415, 429, 486, 593, 594
Аникфардар (?) 173
Анисун 173
Анудкет 231
Анфуран рабат 232
Анхуд — см. Андхуд
Аншамитан 193
Араб-хана 165*
Аравак р. 215
Арал-Пейгамбер о-в 125, 130*, 364
Аральское море 201, 206—208, 297
Арафат г. 419
Арбилах 231
Арбинджан — см. Ребинджан
Арван 168
Арван кан. 166
Арган 189
Аргунь р. 482*
Ардакува 209*, 210
Ардахан кр. 489
Ардахива 205, 206
Ардахушмитан (Артахушмитан, Рахушмитан, Хушмитан) 203, 204, 211
Ардебиль 200, 493
Ардланкет, в Фергане 219, 220
Ардланкет, в Шаше 220, 231
Арзанкабад — см. Газикабад
Аркенд — см. Рукунд
Армения 149
Арран 576
Арсменда — см. Мерсменда
Арсубаникет — см. Субаникет
Арсьяникет (Арсубаникет) 224; ср. Субаникет
Ару 189
Арфуд 149, 150; см. также Тававис
Архен (Архенг) переправа 118—120
«Арык мельницы» (Тахуна) кан. 157
Арыс р. 232, 475
Асанас разв. 236*; см. Ашнас
Асбас 197
Асбискет — см. Исбискет
Асенгин кан. 140
Асиб равн. 365
Аскан — см. Секан
Асменд — см. Усменд
Асруд (Суруд) р. 188, 189
Астана рабат 191*
Астрабад 60
Асфизар — см. квартал Асфизар
Атбаш 213, 380
Атешхан (?) — см. Тисхан
Аттаран — см. ворота Железные в шахристане Бухары
Аузадж (Узадж; поздн. Айвадж) переправа 122
Аулие-Ата 260
Аушар 172
Афаринкет (Фаранкет; поздн. Фринкент, Принкент) 147
Афганистан 86, 116*, 126, 256, 270*, 322, 521, 522, 574, 595
Аффрава — см. Ферава
Афрасиаб 136, 137, 142, 481*
Афрахша — см. Фарахша
Африка 48, 373
Афуран 193
Афшаван 173
Афшина, около Бухары 171; ср. Месджид
Афшина, около Самарканда 138
Афшина ворота — см. ворота Афшина
Ахарун (Харун, Холумо) 125, 243
Ахенгеран — см. Ангрен

Ахсикет (Ахси) 212, 215, 218, 219, 221, 347, 377, 469, 591
Ахсисек 131
Ахшу (Аксу?) р. 118; ср. Куляб-Дарья
Ашбингу 231
Ашияр кр. 522
Ашнас 236, 482
Ашт 220
Ашур-Адэ о-в 493
Ашхабад 209*, 497*

Баальбек 194
Баб, около Бухары 173
Баб (поздн. Пап), в Фергане 218—220
Баб ал-Медина — см. «Ворота шахристана»
Баба 173
Баб-Дестан — см. квартал Баб-Дестан
Бабиш 173
Бага 224*
Багдад 71, 87, 95*, 226, 234*, 261, 266, 267, 269, 270, 272, 276, 278, 279, 284, 287, 296, 319, 343*, 345, 376, 412, 419, 437, 439, 440, 490, 543*, 556, 587, 591, 594
Багдадек — см. Бугайдид
Багдадек кан. 209*
Баглан 117, 512*, 521
Баглан р. 117
Багункет 231
Бадахшан 115—117, 129, 535*
Бадахшанская переправа 119, 120
Бадгис 256, 413, 586
Баден 173, 182; ср. Таден
Бадия-и хурдек 149; ср. также Керминия
Базар Мах-руз в Бухаре 158
Базар Харкан в Бухаре 160
«Базар щелкающих фисташки» в Бухаре 158
Бай 512
Байкер — см. Банкер
Байсун 193
Баку 96*
Бакырган, около Шурахана 204, 205
Бакырган (Бакырган-Ата), около Кунграда 205
Баладж 235
Бала-Мургаб (совр. Мерверрруд) 129
Баландеран вол. 189
Баласагун 303, 315, 317, 347, 356, 374, 389, 423, 428, 431, 469, 470, 588, 591; см. также Гобалык
Балаян 231
Балбан — см. Бербан
Балх 56, 62*, 80, 82, 113, 116—118, 122, 126—130, 134, 135, 152, 153*, 154, 163, 187, 189, 233, 247, 249, 254, 275*, 276, 283, 284, 292, 308, 313—315, 320, 321, 324, 327, 334, 335, 338, 341, 342, 344, 347, 350, 351, 353, 356, 357, 359, 361, 363, 366, 376, 377, 384, 388, 399, 408, 409, 415—417, 440, 472, 488*, 490, 492, 505, 506, 517, 520, 535*, 585—587, 592—594
Балх р. 118
Балхаб 512
Балхан 191
Балхская область 267, 394
Бальджуан 119
Бамиан 118, 249, 402, 509*, 511, 512, 551
«Бамианские горы» 521
Бамкахуш 217
Банджхаш 231
Банды-хан (Бенд-и Хан, Кок-джар) овраг 124, 126*
Банеб 166
Банкер (Байкер) переправа 131
Банункет 228
Бараб (Фараб), в Исфиджабе 233—236
Бараб (Фараб), в Фергане 221
Бараб-Сар 205
Баранги 124
Барахша — см. Фарахша
Барбан — см. Бербан
Баргин-и ферах — см. Самджен
Бардиза 173
Баркад 171, 174, 281; ср. Беракед и Бедакед
Баркет (Абаркет) 145, 186*, 222, 254
Баркуль — см. Барс-куль
Бармиш кан. 133, 134
Барскет (поздн. Паркент?) 231
Барс-куль (Баркуль) 232*
Барсхан (Барсухан) 173
Барукан 128, 247, 585
Барчынлыгкент (Барчин, Барчкенд; Ба-эр-чи-ли-хань; Ба-эр-чжэн) 236, 237, 443, 482, 485
Барш проток 133, 134; ср. Даргам

Баршин-Дарья р. 236*
Баршур 415*; см. также Пешавер
Басар (Басара, Басаран) 120*
Басенд 124
Басра 243*, 316*
Басыха 469; ср. Ахсикет (?)
Батик 375*; ср. Бетик
Баф 208
Бахан рабат 210
Бахарден 497*
Башмин кан. 133
Ба-эр-чжэн, Ба-эр-чи-ли-хань — см. Барчынлыгкент
Баян — см. улица и квартал Баян
Бедакед (Бедакеда) 173, 174; ср. Бераked и Баркад
Бедихун 173
Бедьяна — см. Педьяна
Безда 190, 191
Бейли-Ата 181
Бейрут 53
Бейхак 78*, 320, 366, 393, 593
Бекар — см. улица Бекар
Бемиджкет 151, 182, 187
Бенакет (поздн. Шахрухия) 226, 227, 231, 295, 474, 484, 485
Бенджхир 117
Бенджхир (поздн. Пянджшир) р. 117; см. также Пянджшир
Бендимеш 174
Бенд-и Хан — см. Банды-хан
Бену Асад — см. ворота Бену Асад
Бену Са'д — см. ворота Бену Са'д
Берабид (?) 208
Берагуд (?) 209
Бераked (Бераkedан) 174; ср. Баркад, Бедакед
Бераkух т. 213*; ср. «Соломонов трон»
Бератегин (Ферателгин) 201, 206, 207
Бербан (Берсан, Балбан, Барбан) р. 118, 119; ср. Тальвар (Тальбар)
Берда'а 345
Бердад 174
Беренг 214, 215, 220
Бер-Казан 236*
Беркан (Биркан) 208
Беркенан 189
Беркенанские ворота — см. ворота Беркенанские
Беркуш 230
Берлин 78*, 84
Берран (Берранния, Бурана, Фауран) 174, 175, 184
Берсан — см. Бербан
Берукет 235
Берфашх 174
Бесба 174
Бесикаир 174
Бетик 132, 375*; ср. Батик
Бетхудан (Бутхадан) 193
Беш-арык — см. Кебуд
Бешбешан 220
Бештан 193
Биган 220
Биздун — см. Миджджун
Бик 119
Бинкан 122*
Бинкет, в Согде 174
Бинкет, в Шаше 228—230, 232, 233, 273
Биран 193
Биркан — см. Беркан
Бирмес 174
Бирун кол. 211
Бискам (Пскем) горы 226
Бискенд 212
Бискент (Пскент) 231; ср. Бискет
Бискет 231; ср. Бискент
Бистам 399, 489
Бишбалык 433, 544*, 549*, 552, 557, 560, 562, 566
Болгар 295
Болдюс-Хэсэр (поздн. Екэ-Оир) 550
Болор 402
Большие ворота — см. ворота Кешские в Самарканде
Бомбей 97, 99, 106*
Боссу кан. 230
Бувве кан. 201
Буг 124
Бугайдид (Багдад, Багдадек) 208, 209
Буд (Будина) рабат 211
Будахкет 221*; ср. Йедухкет
Бузгала ущ. 192, 245; см. также Железные ворота (Дер-и Ахенин)
Бузгам 193
Бузмаджен, в Кешской обл. 189
Бузмаджен, в Самаркандской обл. 144, 145, 177
Бузмаджен кан. 134

Букенд 220
Булак 48*
Бума (?) 168
Бу-Мухаммеда рабат 582*
Бунджикет (Пянджикет), в Осрушане 223—225
Бунджикет (Пянджикет), в Самаркандской обл. 133, 144
Бураб 124
Бурам 174
Бурана — см. Берран
Бургар 133, 225; ср. Паргар
Бурджен проток 224
Бурк (Бурук?) 168
Бурмадуй 132
Бурнемед 144, 145, 182, 222, 332, 590
Бурсан 174
Бурук — см. Бурк
Бурхан-халидун 573
Бусандж 124*
Буст 274, 275, 327, 505
Бутайин (Бутанин) 174
Буттем (Бутман) 122, 133, 225, 226, 268*
Буттем Внешний 133; ср. Туркестанский хр.
Буттем Первый 133; ср. Гиссарский хр.
Буттем Средний 133; ср. Зеравшанский хр.
Бутхадан — см. Бетхудан
Бухара 52—54, 58—60, 81, 83, 86, 107, 113, 115, 128, 130, 132, 134, 135, 144*, 147—149, 152*, 153*, 157—159, 161, 163—188, 190, 191, 195—197, 200, 210, 215*, 218, 243, 244, 248, 253, 256—259, 262, 264, 265, 268, 272, 279*, 281, 282, 291, 294, 300—302, 307—309, 312—314, 316, 319—321, 323, 324, 326—330, 332, 336, 342, 343, 347, 357, 358, 361, 367, 371*, 376*, 380, 382, 383, 389—391, 397—399, 405, 406, 408, 409, 417—420, 422—425, 428, 434, 435, 436*, 440, 443, 464*, 466, 474, 476, 478, 480, 485, 494, 497, 500, 515, 516, 523, 525, 540*, 542, 544—547, 549, 568, 574, 576, 577, 578*, 579, 581, 583, 585—596
Бухариян переправа 191; ср. «селение бухарцев»
Бухарская область 150, 544, 545, 586, 587, 590
Бухарские ворота — см. ворота Бухарские
Бухарский оазис 164, 595
Бухарское ханство 187, 292
Бухар-хитфер — см. Неджжар-хитфер
Бушенг 266, 275, 490, 491, 587

Вабкена (Вабекна; поздн. Вафкенд) 166, 175, 180
Вабкенд-Дарья кан. 166
Вагат 224*; ср. Фагкет
Вагкет — см. Фагкет
Вади-с-Сугд 140
Вазагар 175
Вазанджен — см. Варагчен
Вазвин 175
Вазгаджн 193; ср. Варагчен
Вазд (Визд) 145; ср. Вазкерд
Вазкерд 145; ср. Вазд
Вайхан 204—206
Валиян (Валиштан) кр. 509—511
Валх кр. 510
Вальвализ — см. Варвализ
Ванендун 175
Ванкет 212, 214, 220
Вануфаг 167, 175; ср. Вануфах
Вануфах 175; ср. Вануфаг
Вараг 156, 157; ср. Фашун и Рас ал-Вараг
Варагдех 208
Варагсер (поздн. Рабат-и Ходжа) 133, 134, 144, 249, 586
Варагчен (Варгаджен, Вазагджен) 193; ср. Вазгаджн
Варакуд — см. Варкуд
Варахша — см. Фарахша
Варвализ (Вальвализ) 117
Варгаджен — см. Варагчен
Вардана 165; ср. Варданзи
Варданзи 165; ср. Вардана
Вардраг (?) 206
Варка 163, 166
Варка г. 163
Варкуд (Варакуд) 149*; ср. Тававис
Варснан — см. квартал Варснин
Варснин — см. ворота и квартал Варснин
Вассаф — см. улица Вассаф

Вафкенд — см. Вабкена
Вахаб р. 115; см. также Джерьяб
Вахан 115
Вахсун 172
Вахш 119, 123*, 363, 402, 437, 484, 487
Вахш (Сурхаб) р. 115, 118, 119—122, 124*, 131*
Вашгирд (поздн. Файзабад) 116, 121, 124
Ведак кан. 199, 201
Ведар 144, 146, 180, 183, 294
Веджаз (Джаз) 208
Везари дол. 470*
Везарменд — см. Узарменд
Везир 207
Вейбауда — см. Вибауд
Вена (Венадж) 193
Вердук 231
Версин 61, 193
Верхние ворота — см. ворота Верхние
Весидж 233*, 234
Вибауд (Вейбауда) 175
Виза 197
Визд — см. Ваздв
Винкерд 227; ср. Урумбай-мирза
Волга р. 567, 568
Ворота Абу-л-Аббаса в Бинкете 228
— Акабилан (? Кабилан, Хаилан) в Гургандже 501
— Алаф-Фурушан (Ках-Фурушан) — см. «Ворота продавцов сена»
— Аттаран — см. ворота Железные в шахристане Бухары
— Афшина в Самарканде 138
— Баб ал-Медина — см. «Ворота шахристана»
«Ворота базара» — см. ворота Железные в шахристане Бухары
— Бену Асад (Мюхре) в Бухаре 152, 157, 158
— Бену Са'д (Са'дабад) в Бухаре 152, 158, 162
— Беркенанские в Кеше 189
— Большие — см. ворота Кешские в Самарканде
— Бухарские в Исфиджабе 232
— Бухарские (?) в Несефе — см. ворота Неджарийские
Ворота Бухарские (Осрушаны) в Самарканде 136, 137
— Варснин в Самарканде 138
— Верхние в Бунджикете 223
«Ворота внешнего города» в Кеше 189
«Ворота внутреннего города» в Кеше 188
— Гадавад в Самарканде 138
— Горные в Оше 212
— Городские в Бунджикете 223
— Губдинские в Несефе 190
— Гурияи — см. «Ворота соборной мечети»
— Гушедж (поздн. Ширгиран) в Бухаре 154, 155
— Дерваздже в Бухаре 154, 155, 157
— Джунейда в Бинкете 228
— Железные — см. ворота Наубехарские в Самарканде
— Железные досаманидской Бухары 154, 155
— Железные («Ворота базара»), поздн. «Ворота продавцов пряностей», Аттаран) в шахристане Бухары 152, 157
— Железные в Кеше 188
«Ворота залога» в Ахсикете 218
— Заминские в Бунджикете 223
— замка Абу Хишама ал-Кинани в Бухаре 154, 155
«Ворота замка дихкана» в Бинкете 228
— Ибрахима (поздн. Шейх Джелаль) в Бухаре 153, 154, 155, 156, 161, 162; ср. ворота «славного шейха Абу-л-Фазла»
— Имамские — см. ворота Фегаскунские
— Исбиск в Самарканде 138
— Кавала — см. ворота Келлябад
— Каракулыские — см. «Ворота площади»
— Каршинские — см. ворота Келлябад и «Ворота продавцов сена»
— Касанские в Ахсикете 218
— Ках-Фурушан — см. «Ворота продавцов сена»
— Келлябад (Келлябадские; поздн. Кавала, Каршинские) в Бухаре 153—155

Ворота Кехлябадские в Бунджикете 223
— Кешские в Бинкете 228
— Кешские в Несефе 190
— Кешские (Большие) в Самарканде 136—138, 142
— Китайские в Самарканде 136, 137
— Кухек в Самарканде 138
— Ма'бида («ворота дворца Ма'бида») 153, 160; ср. ворота Фегаскунские
— Мазарские — см. ворота Наубехарские в Бухаре
— Мерджушан (Мерджуша, поздн. Салляхане) в Бухаре 153—156
— Мерджушийские в Ахсикете 218
— Мерсмендийские в Бунджикете 223
«Ворота мечети Маха» в Бухаре 154, 155, 158
«Ворота мира» в Гургандже 501
«Ворота моста малого базара (Сувейка)» в Бухаре 154, 155
«Ворота моста Хассана» в Бухаре 154, 155
— Мугкеде в Оше 212
— Мюхре — см. ворота Бену Асад
«Ворота мясников» в Кеше 188
— Намазгах в Бухаре — см. ворота Рив
— Намазгах в Самарканде 480
— Наубехарские (поздн. Мазарские) в Бухаре 153—155, 157
— Наубехарские (Железные) в Самарканде 136, 137
— Неджарийские (Бухарские?) в Несефе 190
— Новые в Бухаре 152, 153, 157, 158, 162
— Нуджкетские в Бунджикете 223
— Нуджкетские в Исфиджабе 232
— Осрушаны — см. ворота Бухарские в Самарканде
«Ворота площади» (поздн. Каракульские) в Бухаре 153—155, 162, 163
«Ворота продавцов сена» (Алаф-Фурушан, Ках-Фурушан; ворота Ригистана) в Бухаре 151
«Ворота продавцов пряностей» — см. ворота Железные в Бухаре
— Рамитанские (поздн. Угланские) в Бухаре 153—155
— Речные в Оше 212
— Рив (поздн. Намазгах) в Бухаре 153—155
— Ривдад в Самарканде 138, 139, 145
— Ригистана — см. «Ворота продавцов сена»
— Рухна в Бухаре 154, 155
— Са'дабад — см. ворота Бену Са'д
— Салляхане — см. ворота Мерджушан
— Самаркандские в Бухаре 153—155, 157, 163
— Самаркандские в Несефе 190
— «славного шейха Абу-л-Фазла» в Бухаре 156; ср. ворота Ибрахима
«Ворота соборной мечети» в Ахсикете 218
«Ворота соборной мечети» (Гуриян) в Бухаре 151
— Сухашин в Самарканде 138
— Талипач — см. Хадширунские ворота
— Убейдаллаха в Кеше 188
— Угланские — см. ворота Рамитанские
«Ворота улицы магов» в Бухаре 154, 155, 159
«Ворота улицы хакана» в Бинкете 228
— Фарджек в Бухаре 154, 155, 163
— Фаррухшид в Самарканде 138
— Фегаскунские (поздн. Имамские) в Бухаре 153—155, 159; ср. ворота Ма'бида
— Фенек в Самарканде 138
— Ферханские в Исфиджабе 232
— Хаджжаджа в Гургандже 202
— Хадширунские (поздн. Талипач) в Бухаре 153—155
— Хаилан — см. ворота Акабилан

Ворота Хакк-рах в Бухаре 152, 153, 158
«Ворота цитадели» в Бухаре 152
— Шакранские в Исфиджабе 232
«Ворота шахристана» (Баб ал-Медина) в Бухаре 152, 158
— Шейх Джелаль — см. ворота Ибрахима
— Ширгиран — см. ворота Гушедж
«Ворота эмира» в Бинкете 228

Гав-хитфер кан. 165; ср. Неджжар-хитфер
Гавхорэ кан. 199, 205, 209*
Гаген (Джаджен) 175
Гадавад — см. ворота и квартал Гадавад
Гадан (Гадана) 175
Гадранк 231
Газа 224*
Газак, в Осрушане 224
Газак, в Шаше 231
Газикабад (Арзанкабад, Разик, Разикабад) 555
Газиниз 209
Газна 67, 72, 73, 118, 276, 292, 311, 312, 322, 327, 334, 338, 339, 341, 347, 349, 351, 354*, 357, 359, 362, 366, 388, 402, 415, 416, 439, 472, 488, 505—508, 509*, 511, 512, 514, 522, 587, 589—591, 593—595
Газнаян 193
Галук-Андаз 223
Гандаб квартал — см. квартал Гандаб
Ганнадж 231
Гарабхашна (Гарамхашна) 199
Гардженд 231
Гарджистан 182, 292, 323, 355, 386, 401, 416*, 511, 522
Гардиз кр. 276, 325, 512
Гардиян (Гардйан) 193
Гардман 205, 206
Гаркан 121
Гарканд — см. Раменд
Гаркерд (Гузкерд) 232
Гарм 121
Гарьяба 117
Гатфер — см. квартал Гатфер
Гаушфинджж 209
Гахуштуван (Кахуштуван) 168
Гахуштуван рабат 258*; ср. замок Хуштуван
Гашид (Гашида, Гашти, Гашита) 175; ср. Гишти
Герат 106, 128, 267, 275*, 313, 327, 350, 399, 401, 402, 408, 413, 415, 417, 425, 440, 443, 514, 515, 541*, 552*, 587, 593—595
Гератская область 266, 268, 490, 491, 505
Герден-Хаст 203*; ср. Кердеран-хас
Гиджджуван (Гуджджуван, Гуджджаван) 171, 172, 175
Гижиген дол. 226
Гималаи хр. 521
Гиндукуш хр. 117, 472, 506, 510, 512, 519, 521
Гирье кан. 199
Гиссарский хр. 122, 133, 188; ср. Буттем Первый
Гит (Джит) 207, 208
Гифер — см. Джифер
Гишти (Гишта, Гишати) 175; ср. Гашид
Гобалык 470; см. также Баласагун
Голодная степь 230, 332, 400, 518, 590
Гора-трап 513
Горные ворота — см. ворота Горные
Городские ворота — см. ворота Городские
Греция 373, 462, 556
Гробница дочери [султана] Мухаммеда (в Гургандже) 504*
— Ибн Хаджжиба (в Гургандже) 504*
— Кусама б. Аббаса (Шах-и зинде) 140*, 142, 143
— Неджм ад-дина Кубра (в Гургандже) 504*
— Суба' б. ан-Надра (в Ведаре) 146
— султана Текеша (в Гургандже) 425, 504
— Ходжа Абди Бирун (в Самарканде) 139
— Ходжа Абди Дарун (в Самарканде) 139
Грузия 412*
Губар 134, 146
Губдан (Губдун) 146
Губдин 190, 196

Губдинские ворота — см. ворота Губдинские
Губдун — см. Губдан
Гувайдин 196
Гудашфердер (Гудашферд) 175
Гудждаван (Гуджду ван) — см. Гиджду ван
Гудфар кан. 166
Гузар — см. Хузар
Гузарван — см. Гурзиван
Гузарское бекство 189
Гузган (Гузганан, Джузджан) 130, 131, 251, 256, 283, 292, 308, 322*, 324, 326, 327*, 364, 401, 408
Гузкерд — см. Гаркерд
Гулыдурсун-кала разв. 209*
Гунджир 175
Гур 270*, 394, 401, 402, 416*, 417, 594
Гурбенд 118
Гурган (Джурджан) 276, 314, 323, 398, 493, 516, 589, 593
Гурганджж (Джурджания) 79*, 197, 199, 201—204, 206—208, 209*, 297, 322, 323, 324, 339, 401*, 414, 415, 420, 429, 463*, 496, 497, 500—504, 524, 542; см. также Ургенч
Гурганджж Малый (Гурганджжек) 207* 208
Гурген р. 493
Гурджмин — см. квартал Гурджмин
Гуреджк 175; ср. Гурешк
Гурешк 175; ср. Гуреджк
Гурзиван (Гузарван) 130 *, 510, 511
Гуриян — см. ворота Гуриян
Гурлен 205
Гурминева 175
Гуфтан 125
Гуцзэ-ордо 469; см. также Баласагун
Гушедж — см. ворота Гушедж
Гущдан 176
Гянджа (поздн. Елисаветполь; совр. Кировабад) 286
Гяур-кала разв. 204*

Дабик 296
Дабусия 147*, 148, 149, 174, 177, 178, 180, 248, 294, 331, 357, 358, 476, 478, 590
Дамаск 53*, 843*
Дамган 399, 492
Дара-и Нихам — см. Нихам
Дарваз 115
Даргам (к югу от Самарканда) 144, 178, 185
Даргам кан. (к северу от Самарканда) 389
Даргам кан. (к югу от Самарканда) 133, 144 *; ср. Барш
Дарган (Даруган, Даруган-Ата; поздн. Дарган-Ата) 197, 198, 199*, 211, 331
Дарзенги 124, 361
Даруган (Даруган-Ата) — см. Дарган
Даулетабад разв. 490, 492
Дахбид 147 *
Дахкет (Адахкет) 231
Дахфендун 167, 176; см. также Фарахша
Дворец Арслан-хана в Бухаре 162
— Ахмед-хана в Бухаре 162, 381
— Джу-и Мулиян в Бухаре 161, 162, 320
— Кёшк-и Ахчак (?) в Гургандже 504
— Кёк-сарай около Самарканда 479, 480
— Мамуна в Гургандже 202
— Мансура в Бухаре 162
— Насра в Бухаре 162
— Раби'и-мелика в Бухаре 546
— Са'дабад (Бену Са'д) в Бухаре 162
— Синджар-мелика в Бухаре 424, 546
— Так-кесра 378
— Тамгач-хана Ибрахима б. ал-Хусейна в Самарканде 141
«Дворец хорасанского эмира» в Бухаре 160
— Шемсабад в Бухаре 161, 162, 378, 381, 382
Дейлем 272, 273
Деймун 166, 169
Деймун кан.— см. Ферависз Нижний
Дейр ал-Акуль 276, 588
Дели 65, 521, 571
Демма 176
Денау (Дих-и нау) 123, 124, 193; см. также Саганиан
Денданкан 70, 365, 591
Денфеганкет 228

Дер'айна 176
Дербенд 121; ср. Оби-Гарм
Дерб-и Ваккаф — см. улица Ваккаф
Дерваздже — см. ворота и квартал Дерваздже
Дервазе-и Кеш — см. квартал Рас ат-Так
«Деревянные бакалейные лавки» (Чуба-и Баккалян) в Бухаре 158
Дерзив 176
Дер-и Ахенин — см. Железные ворота
Дерсан 206
Дерхас 205, 206
Дескахан-хас 203
Деу-Кескен разв. 207
Дехан-и Шир рабат 211
Дехинева 176
Дештек поляна, в Бухаре 161
Джабгукет 230—232
Джаджен — см. Гаген
Джадж-руд 189
Джадж-руд (поздн. Уйзель) р. 188
Джаз — см. Веджаз
Джайкан-мурен р. 575
Джакердиза кан. 140, 481
Джакердиза квартал — см. квартал Джакердиза
Джалдама 230
Джамбалык (Джанбалык) 426*
Джан-кала 235
Джанкент разв. 235
Джарг — см. Шарг
Джаргиян — см. улица Шаргиян
Джар-курган 123
Джафара рабат 210
Джафарбенд 340
Джахзен (Джахзена) 176
Джебузен 231
Джедид — см. улица Джедид
Джезва (?) 168
ал-Джезира — см. Месопотамия
Джейхун р. 170*, 416; см. также Аму-Дарья
Джелаль-дизе — см. замок Джелаль-дизе
Джелаль-Кудукская вол. 217
Джелалабад (Джеллабад) 216
Джен водоем 133
Дженд 209, 235—237, 318, 360, 361, 376, 387, 388, 391—393, 395, 397, 401, 404, 406, 407, 410, 420, 428, 433, 435, 482, 483, 485, 500, 592, 593
Дженкакет 225
Джерм 116
Джерьяб р. (совр. Пяндж) 115, 118—120; см. также Вахаб
Джешира 208
Джигербенд 197, 198, 210, 211, 340*
Джигербенд рабат 210
Джидгиль 219, 220, 226
Джидгиль р. 220
Джизак — см. Дизак
Джикем 191
Джиланутинское ущ. 475
Джинанджкет 226
Джирахашт 176
Джирд — см. мост Джирд
Джит — см. Гит
Джифер (Гифер) кан. 166, 183
Джубак 194
Джубар медресе и кладбище 156
Джубар (Джуйбар) Абу Ибрахима 156, 162, 381
Джувара — см. Хувара
Джувик — см. квартал и улица Джувик
Джувикан 206
Джу-Гушедж (Джуйбар ал-Ариз) кан. 156
Джуди 513
Джузджан — см. Гузган
Джу-и Зар 165*
Джу-и Мулиян (Джу-и Мавалиян) 161
Джуйбар — см. квартал и улица Джуйбар
Джуйбар, в Бухаре — см. Джубар
Джуйбар, около Самарканда 176
Джуйбар ал-Ариз — см. Джу-Гушедж
Джуйбар-Бекар кан. 156
Джуйбар ал-Каваририйин кан. 156
Джумушлагу 233*
Джунейда ворота — см. ворота Джунейда
Джункан Ахашша 209
Джурджан 276; см. также Гурган
«Джурджанийское озеро» — см. Сарыкамыш
Джурджания — см. Гургандж
Джучиев (Джучидский) улус 561, 568, 581, 582, 596, 597
Дибадван 176

Дивар-и Киямат (Кундаланг) стена 139
Дигеркерд 220
Дидеги 191
Дизак (Джизак) 222, 224, 226, 227, 230, 295, 332, 378*
Дизек 176
Димес 151, 174
Димешк 139
Динавер 66
Динкот 513
Дириздех 191
Дих-и Азрак 211
Дих-и нау — см. Денау и Яныкент
Дихистан 270*, 370, 398, 399, 401, 593
«Дихкан Чур-тегин» 213
«Дом Хамдуны» в Бухаре 156
Дон р. 567
«Древний рабат» (рабāт ʿатйк) 191
Дувана разв. 232
Дугадж рабат 210
Дуджакен 194
Дулыдуль-атлаган теснина 198
Дурун 497*

Европа 46, 94, 98*, 107*, 467, 524, 532 574, 605, 607
Европа Восточная 534*, 606
Европа Западная 90*, 317*
Египет 295*, 296
Екэ-Оир — см. Болдюс-Хэсэр
Елицянь (Je-li-k'ien) 575
Елисаветполь — см. Гянджа
Енисей р. 459, 461, 575

Железные ворота (в Бухаре, Кеше, Самарканде) — см. ворота Железные
Железные ворота, в Илаке 232
Железные ворота, в степи Калас 232
Железные ворота (Дер-и Ахенин; поздн. Бузгала) ущ. 123, 192, 193, 245, 361, 519, 520
Железные ворота перевал — см. Талки

Зава 490, 491
Завир 176
Загарсерс (Загарсаусен) 176
Загримаш — см. квартал Загримаш
Задек 194
Заз (Зар) 176
Зайкун — см. Зикун
Закавказье 345*
Залтикет 228
Замахшар 203, 204; ср. Змукшир
Замин 145, 186*, 222—224, 400
Заминские ворота — см. ворота Заминские
Замитан (Замитана) 176; ср. Рамитан
Замок Абу Хишама ал-Кинани 154, 155
— Алкамы (Кёшк-и Алкама; поздн. Имам Ата-и Алкама) 148
— Ахнафа б. Кайса 130
— Джелаль-дизе 157
«Замок магов» (Кёшк-и Муган) 159
— Мухинан 229
— Омара (Омейра) 258
— Рабах 157
— Рафиʿ б. Лейса 142
— Фарзих 162
— Хаасана б. Ала Саʿди в Бухаре 158
— Хузьян (Хузиян) 196
— Хуштуван 258*; ср. Гахуштуван рабат
Занджирбаг 144*
Зар — см. Заз
Заркан 220
Заркент 232; ср. Зеранкет
Заххак-и Маран 190*
Зебагдуван (Себагдуван) 176
Зекан 176
«Землянтой колодец» — см. Чах-и хак
Земм 131
Зенд 176
Зендана 164, 166, 185, 286
Зендерамш (Зендерамиш) 214, 215, 220
Зендермитан 176
Зенджан 493
Зендийя (Зендина) 194
Зер 168
Зер (аз-Зар; поздн. Шахруд) кан. 156, 166, 167, 170*
Зеравшан р. 41, 115*, 131—134, 136, 140, 144—146, 148*, 150, 164—166, 172, 177, 181*, 182, 187, 192*, 225, 247, 248, 296, 321, 330, 331, 397, 478, 518, 522; см. также Намик
Зеравшанский хр. 133; ср. Буттем Средний
Зеранкет 232; ср. Заркент
Зерах 234

Зерахш 176
Зергеран 177
Зердух 202, 204
Зеренгера (Зеренджера) 177
Зеренджа 274
Зеренджера — см. Зеренгера
Зермаз 258
Зерман 147, 148, 176, 258
Зермитан 172
Зернук 475; см. также Кутлуг-балык
Зерудиза 177
Зикун (Зайкун) 194
Зимлик (Зимлика) 177
Зинвер 124
Зирабулакские высоты 148
Зия ад-дин 148
Змукшир разв. 203; ср. Замахшар
Золотая Орда 112, 568, 581, 608
Зугаркенде кан. 157
Зузен 505
Зу-л-карнейн рабат 130
Зу-л-кифль рабат 130
Зуш 165

Ибесен (Ибесн) 194
Ибир-Шибир 459
Идадж (Идудж, Идух) 177
Иерусалим 569 *
Ики-су-арасы — см. Миян-рудан
Илак 212, 219, 226, 229—231, 258, 264, 268 *, 292, 303, 318 *
Илак р. — см. Ангрен
Илак р. (в Каратегине) 121*
Илаль кр. 497
Иламиш (Ламиш) равн. 215, 420, 594
Или р. 460
Илийская долина 575
Иляк 121; ср. Кала-и Дашт
Имам Ата-и Алкама — см. замок Алкамы
Имамские ворота — см. ворота Имамские
Инд р. 116, 243, 510, 512, 513, 520, 521, 595
Индия 49, 58, 66, 72, 83, 86, 93, 134, 254, 322, 334, 345*, 346, 347, 348*, 349, 350, 352, 362, 408, 413, 416, 453, 455*, 472, 515*, 516*, 521, 539, 573, 574, 585, 595
Индокитай 56*
Ирак 49, 52, 74, 76, 146, 200, 261, 266, 271, 279, 319, 396, 407, 412, 429, 439, 444, 465, 487, 490, 492, 524, 593
Иран 88*, 107*, 114, 135*, 456*, 535*, 564, 573, 576, 581*
Иргиз р. 434*, 436
Иртыш р. 235, 426, 459, 460, 471, 517, 523, 550, 594
Исама б. Абдаллаха ал-Бахили перевал — см. «перевал Исама б. Абдаллаха ал-Бахили»
Исбиск — см. ворота Исбиск
Исбискет (Асбискет, Исбаскет) 138, 177
Исвана 171; ср. Сиванч
Искарен 177
Искендергам кан. 140
Иски-Ахси — см. Ахсикет
Искиджкет (Сикиджкет) 150, 151
Иски-Сават 222*
Иски-Ташкент 228
Искифагн (Искифаган) 189, 190; ср. Эски-баг
Исмитан 177
Испания 48, 80
Испара (Исфара, Исфаринский округ) 217, 244, 247
Испид-Булан 216
Иссык-Куль оз. 73, 572
Исталиф 117
Истан (Иста) 177
Исфайрам р. 215
Исфара, Исфаринский округ — см. Испара
Исфарандж 177
Исфахан 251, 277, 379
Исфиджаб 221*, 229, 232, 233, 235, 270, 292, 293, 295, 301*, 317—319, 326, 357, 431, 433, 518*, 587
Ичке-яр 198
Иштихан 146, 147, 150, 174—176, 179—181, 184, 186, 187, 268*
Иштихан кан. 134, 146
Ишш 209

Йедухкет (Йедахкет) 221; ср. Будахкет
Йезн (?) 184; ср. Музн
Йемен 138
Йесир 165, 168
Йесиркет 177
Йехудийя 130, 251; ср. Меймене

Ка'ба степь 506
Кабадиан — см. Кувадиан
Кабилан — см. ворота Акабилан
Кабул 118, 260, 276, 507, 511, 521, 587
Кабул р. 275, 509*
Кабульская долина 118
Кавваля ворота — см. ворота Келлябад
Кавказ 241*, 412*
Кадджер 194
Казалинск 235
Казан-арык — см. Караунас
Казвин 489, 492, 493
Каин 505
Каир 65, 72*, 76*
Каишкен (Кашкен) 177
Кайлы р. 436
Кала-и Дабус разв. 148
Кала-и Дашт 121; ср. Иляк
Кала-и Зия ад-дин 148
Калас степь 229, 230, 232
Калка р. 462
Калкан-Ата 149; см. также Харганкет
Калкан-руд — см. Харкан-руд
Калькутта 68, 86*, 102*, 106*
Камбоджа 345*
Камдед (Камдиз) 177
Кам-и Зар 165*
Канван — см. квартал Канван
Кандагар 505
Канибадам — см. Кенд
Кан-и гиль разв. 566, 596
Кара-баг 190; ср. Наукад-Курейш
Кара-Дарья р. 212, 213, 216, 220
Каразн — см. Карзен
Каракорум (кипчакский) 482, 483
Каракорум (монгольский) 532, 535*, 537, 559, 560, 572*, 596
Кара-куль оз. 170, 234*; см. также Самджен
Каракуль 397, 522
Каракульские ворота — см. «Ворота площади»
Каракум 482*
Кара-су (Су-Кара?) кан. (в Хорезме) 413, 414*
Кара-су р. (около Самарканда) — см. Сияб
Каратаг-Дарья (Кум-руд) р. 121, 122, 188
Кара-тау возв. (в низовьях Аму-Дарьи) 207*
Каратау горы (в низовьях Сыр-Дарьи) 236
Каратегин 120, 121; см. также Рашт
Кара-тегина рабат 233
Караунас (поздн. Казан-арык) кан. 133
Караховал 192
Кара-ходжа 426, 549*
Карачун 191; ср. Фарачун
Карбенг 120
Кардар 208
Карек-и Алевиян, в Бухаре 162
Карзен (Каразн) 177
Карна 193
Карнин 274
Карун кр. 489, 490, 492
Карши 134, 187, 190, 494; см. также Несеф и Нахшеб
Каршинские ворота — см. ворота Келлябад
Карьят — см. Фарьяб
ал-Карьят ал-хадиса — см. Яныкент
Касан 219, 220, 260, 269, 380, 433, 469
Касан-сай р. 212, 216
Касанские ворота — см. ворота Касанские
Касен 194, 196, 504*
Каспийское море 206*, 270*, 490, 493, 498, 504, 525
Каст 122*
Катван 176, 177
Катван-дизе 222
Катванская степь 177*, 186*, 222, 325, 389, 396, 582, 592
Катлиш 192
Катта-Курган 148, 186
Катты-уру-Дарья — см. Хузар-руд
Кафирниган (Рамид, Рамит, Роумит) р. 120—122, 124*, 125
Ках 217
Кахуштуван — см. Гахуштуван
Ках-Фурушан — см. «Ворота продавцов сена»
Качар-баши (Кучкар-баши) кр. 321*; ср. Кочкар-баши
Кашан-Ата 147*
Кашгар 64, 100, 116, 121*, 244, 259, 301, 315, 335, 337, 343, 344, 356, 357,

397, 416*, 421, 431, 432, 462, 468, 521, 549*, 550, 574, 581*, 590, 591,
Кашгария 469, 470
Кашка-Дарья р. 61, 131, 187, 189, 191, 193, 247
Кашкана-тау возв. 207*
Кашкен — см. Каишкен
Кашмир 416*, 535*
Каялык (Каялыг) 426*, 471, 558, 560
Квартал Асфизар в Самарканде 141
— Баб-Дестан в Самарканде 141
— Баян в Несефе 193
— Варснин (Варснан, Яркет) в Самарканде 138, 139, 141
— «Ворота мечети Маха» в Бухаре 159
— Гадавад в Самарканде 138
— Гандаб в Маргинане 215
— Гатфер в Самарканде 137, 141
— Гурджмин (Керджумин?) в Самарканде 141, 378
— Дервазджке в Бухаре 162
— Дервазе-и Кеш — см. квартал Рас ат-Так
— Джакердиза в Самарканде 140, 141*
— Джувик в Несефе 194
— Джуйбар в Несефе 194
— Загримаш в Самарканде 141
— Канван в Самарканде 141
— Кибаб в Самарканде 141
— Матурид (Матурит) в Самарканде 141
— Пянджхин в Самарканде 141
— Радрада — см. квартал Сенгдиза
— Рас ат-Так (Дервазе-и Кеш) в Самарканде 137; см. также Рас ат-Так
— Рив в Бухаре 162
— Сенгдиза (Радрада) в Самарканде 141
— Уштабдиза в Самарканде 141
— Фагидиза в Самарканде 141
— Фатсадере в Бухаре 152
— Ферзамитан в Самарканде 141
— Яркет — см. квартал Варснин
Кебенда (Кебинда) — см. Кубинда-Маккаль
Кеберна 231
Кебуд (около Фарана [?]) 178
Кебуд (поздн. Беш-арык) 146
Кебудаиджакет 144, 146
Кебуд-джаме 421
Кедак (Кетак) 231, 232
Кедер 233, 234
Келес р. 230, 232
Келешджик 231
Келиф 130, 131, 190—192, 486, 504
Келлябад 390*, 397
Келлябад ворота — см. ворота Келлябад
Кембридж 41, 66
Кемерд 178
Кемерджа 176, 178
Кемере (Кемера) 178
Кем-Кемчик (Кем-Кемджиют) 435
Кемпирек (поздн. Кемпир-дувал), стена в Бухаре 164
Кемпир-дувал, стена в Шаше 229
Кенд (Кенд-и Бадам; поздн. Каниба-дам) 214, 220, 221
Кендакин 242*
Кендасерван 178
Кендек 191, 192
Кенджек р. 582
Кенджида 233, 235
Кенд-и Бадам — см. Кенд
Кендир-даван перевал 229
Кендукин 178
Кенкрак 230
Керван 219
Кердеран-хас 198, 203; ср. Герден-Хаст
Кердеран-хас кан. 198
Керджумин — см. квартал Гурджмин
Керки (Керкух) переправа 131, 132
Керман 275—277, 549, 587
Кермечин — см. Кермучин
Керминия (поздн. Кермине) 148—150, 164, 165, 168, 172*, 178*, 179, 281, 294, 308*, 343, 540*, 547; см. также Бадия-и хурдек
Керминия кан. 165
Кермучин (Кермечин) 194
Керран 115
Кесадун 178
Кесба 190, 191
Кетак — см. Кедак
Кетменчи разв. 197
Кетта 178

Кефсисиван (Кефшшшиван) 178
Кехлябадские ворота — см. ворота Кехлябадские
Кеш (поздн. Шахрисябз) 61, 188, 189, 191—196, 240*, 243, 254, 257, 258, 264, 268*, 322, 324, 400, 494, 519, 520, 566.
Кешк 189
Кёшк-и Алкама — см. замок Алкамы
Кёшк-и Ахчак — см. дворец Кёшк-и Ахчак
Кёшк-и Муган в Бухаре — см. «Замок магов»
Кешк-руд 187, 189
Кешская область 163, 189
Кешские ворота — см. ворота Кешские
Кешский перевал 177
Кибаб — см. квартал Кибаб
Кизыл-Арват 497*
Кизылкумская пустыня 475
Кимач (?) р. 436
Кингир 145
Кипр о-в 569, 570, 596
Кипчак, Кипчакская степь 522, 525, 567, 596
Киргиз-Ата р. 218
Киршаул 228
Китаб 188
Китай 56*, 63, 88, 89, 90*, 91, 93, 94*, 98*, 105, 108, 112, 114, 147*, 169, 239, 241*, 243, 244, 253, 254, 296, 297, 316*, 341, 348*, 367, 382*, 412*, 447, 453, 455, 460—464, 471, 532, 534—537, 544, 549, 555, 556, 564, 565, 573—575, 581, 584, 596, 605, 606
Китай Северный 446, 461
Китайские ворота — см. ворота Китайские
Кичи-уру-Дарья — см. Чекдалик
Киш о-в 462
Кобук 426*, 460
Коканд — см. Хоканд
Кок-джар — см. Банды-хан
Кёк-сарай — см. дворец Кёк-сарай
Коморин мыс 345*
Константинополь 62*, 95, 102*
Кочкар-баши 321; ср. Качар-баши
«Крепость Завулистана» — см. Валиян
Куба (поздн. Кува) 214—217, 220
Кубе-тау возв. 207*
Кубинда-Ма'каль (Кебинда, Кебенда) 194
Кува — см. Куба
Кувадиан (Кабадиан) 121—123, 225, 339, 347, 356, 359, 591
Кугарт перевал 212
Куджаг 207
Кузгунд 168*, 178
Ку-и Ках — см. улица Везира б. Эйюба б. Хассана
Ку-и Риндан — см. «Улица развратников»
Кук (Кукшибаган) 150
Кукер 375*
Кукча кол. 209*
Кукшибаган — см. Кук
Кулан (поздн. Тарты) 260
Кулан-баши степь 522, 523, 525, 595
Кул-и Магак (поздн. Кул-и Магиян) 519
Кульджинский край 417, 433, 468—470, 517, 561
Куляб 119, 487
Куляб-Дарья (Аксу) р. 118, 119; ср. Ахшу
Кум (Кум-руд) — см. Каратаг-Дарья
Кумтанан 124
Кумед 120; ср. Цзюймито
Кум-курган 124
Кунград 205*, 206
Кунда (Кунд) 178
Кундаланг — см. Дивар-и Киямат
Кунддирем (Кунддарм) 130
Кундикет 178
Кундуз 117, 487
Кундуз р. 117
Куня-Дарья р. 201
Куня-Ургенч 201, 203, 207, 524; см. также Ургенч, Гургандж
Курган-Тюбе 119
Курган-Тюбинская равнина 119
Курдер 201, 206, 207
Курдер кан. 201, 206, 209*
Курдистан 439
Куркет 222*, 223
Куршаб — см. Хуршаб
Кутлуг-балык 475; см. также Зернук
Куфа 243*
Куфин 178
Кухек ворота — см. ворота Кухек

Кухек (поздн. Чопан-Ата) возв. 132*, 137
Кухек р. 132*; см. также Зеравшан
Кух-и сим 229, 231
Кухистан 298, 313, 326, 505
Куча 426*
Кучкар-баши — см. Качар-баши
Кушания 146, 147, 177, 180, 184, 186, 187
Кушна кан. 157, 167
Куюк 234*
Кхмер 345*
Кчи-Сурхаб р. 118, 119, 225
Кызыл-су — см. Хушк-руд
Кэсай 219; ср. Касан
Кэсань 469
Кят 199—205, 208, 293, 339, 340, 525

Ламиш — см. Иламиш
Ларджан кр. 497
Лахор 75*, 105*
Левкенд 119
Лейден 41, 76*
Ленинград 120*
Лондон 41, 104*
Лоян 453*
Лугар р. 509*
Луристан 489

Мабида ворота — см. ворота Мабида
Мавераннахр 40, 52, 53, 55, 56, 62—64, 70, 74, 77, 81—84, 87, 113*, 114, 115, 126, 131, 132, 134, 147, 148, 150, 153, 170, 174, 189*, 209, 213, 217, 221, 232, 235, 238, 240—247, 253—256, 258—260, 263—265, 267—274, 279, 280, 283, 285, 286, 295—299, 303, 304, 312*, 315—319, 322, 324—326, 328, 330—337, 341—349, 355, 357, 362—368, 370, 373, 376, 377, 379—381, 383, 384*, 385—389, 393, 396, 397, 399, 400, 402, 404, 405, 416, 417, 420, 422, 425, 427, 428, 433, 436, 437, 438*, 440, 444, 464, 472, 473, 474*, 479, 484, 486, 494, 507, 514, 517, 523, 524, 535, 540, 543—545, 548, 549, 555, 564, 566, 569, 572*, 573, 574, 580—582, 585—588, 590—593, 595, 596, 601; см. также: Азия Средняя; Туркестан
Магак — см. мечеть Магак
Мадер 118
Маджен проток 224
Маджендан 178
Маджерм 178
Мады — см. Медва
Мазандеран 131*, 443, 497, 498, 524
Мазар Кусама б. Аббаса — см. гробница Кусама б. Аббаса
Мазар-и Шах 143; см. также гробница Кусама б. Аббаса
Мазари-Шериф 129
Мазарские ворота — см. ворота Наубехарские в Бухаре
Маздахин — см. Музахин
Маймург, около Несефа 157, 189, 191, 494
Маймург, около Самарканда 50, 144, 145, 175
Мак р. 511
Мангыт 205
Мангышлак п-ов 388, 393, 395, 499
Мандаджан 122*
Манк — см. Минк
Манкет (поздн. Манкент) 233*
Мансур-кух 506*
Мараканда 148; см. также Самарканд
Маргаш 64*
Маргбун 178
Маргелан 217; см. также Маргинан
Маргиана 127
Мартибан 194
Маргинан (поздн. Маргелан) 214, 215, 220, 377
Марзбан 144, 146
Мастин (Масти) 169
Масʻудийе — см. медресе Масʻудийе
Матрид 141
Матурид (Матурит) — см. квартал Матурид
Матча — см. Месиха
Мауди' ал-Марсад разв. 229
Маха мечеть — см. мечеть Маха
Махди рабат 210
Махдия 275*
Мах-руз — см. базар Мах-руз
Мача — см. Месха
Маш рабат 204, 205, 360
Медва (поздн. Мады) 214, 216

Меджбес (Меджбест, Меджубс, Меджубсат) 179
Меджудуван — см. Мудждуван
Медминия (Медкаминия) 207
«Медники» — см. ас-Саффарун
Медра 199
Медра кан. 199
Медракет 199*; ср. Медра
Медрамитан 199*; ср. Медра
Медресе Кусама б. Аббаса в Самарканде 143
— Мас'удийе в Бухаре 549
— Мас'удийе в Кашгаре 550
— Фарджека в Бухаре 154
— Ханийе в Бухаре 549
— Шихаби в Мерве 516
Медьямджакет — см. Мидьямаджкет
Медьянкен — см. Мудьянкен
Медьянкет — см. Мудьянкет
Мезнева — см. Музнува
Мезренкен (Мезренджен, Мезренген) 179
Мезрин — см. Мурзин
Меймене (Мейменд) 130*, 511; ср. Йехудийя
Мекка 419, 439
Мекран 275, 366
Мела переправа 122, 359
Мелик степь 308*
Менкет 179
Мерага кр. 515
Мерв 50*, 62*, 81, 112, 127—130, 134, 142, 152, 182, 194, 197, 211, 243, 245, 248, 251, 257, 261*, 272, 278, 313, 321, 328*, 332, 347, 359, 381—384, 387, 389—391, 392*, 393—395, 399, 403, 410, 413, 415*, 440, 483, 496, 502*, 514—517, 521, 555*, 586, 588, 593, 595
Мерверрруд 129, 314, 256, 257, 276, 415, 517, 588, 594; ср. Бала-Мургаб
Мердкушан (Мердкушанские) ворота — см. ворота Мердкушан
Мердкушийские ворота — см. ворота Мердкушийские
Мердус 197
Мерке 317
Мерсменда (Арсменда) 225
Мерсмендийские ворота — см. ворота Мерсмендийские
Меручак 129
Месасан 208
Месвес — см. Месус
Месджид 171; ср. Афшина
Месджид аш-Шам — см. мечеть Сирийская
Месиха (Месча; поздн. Матча) р. 133
Месопотамия (ал-Джезира) 86, 266, 307, 319*
Месус (Месвес) 281*
Месха (Месча, Мача) 225
Мечеть Ахьяда в Бухаре 156
«Мечеть казначея войска» в Бухаре 156
— Магак — см. мечеть Маха
— Маха («Мечеть рва») в Бухаре 154, 159*
— Сирийская в Бухаре (Месджид аш-Шам) 161
Мешхед 95*, 516*
Миг 179
Миган 179
Миджудун (Биздун) 179
Мидьямаджкет (Медьямаджкет) 149, 179
Миз 179
Миздахкан 204—206
Миздахканская волость 201, 206
Минара 220
Минк (Манк) 225
Мискан 217
Миснан 194
Миянкаль 191
Миянкаль (область) 186
Миян-Кеш 189
Миян-рудан (поздн. Ики-су-арасы) 212
Миян-шах рабат 210
Мобалык 511; см. также Бамиан
Могила Абдаллаха, внука имама Хусейна 217
— Али 129
— Асафа 213*
— Иезекииля пророка 129
— Кутейбы 217
— Мансура 233
— Насра б. Ахмеда 233
— Соломона 213*
— Сиявуша 158
— Тулуя 573
— Чингиз-хана 573
— Шамуна пророка 204*
— Эйюба (Иова) пророка 216

Монас кан. 134
Монголия 88, 90, 106, 109, 426, 435, 446, 447, 449, 455*, 456*, 461—463, 465, 466, 471, 499, 517, 521, 523, 525, 526, 552, 553, 557, 558, 570, 572—575, 594, 596, 603
Мост Джирд 137
— малого базара (Сувейка) 154, 155
— Хамдуны 157
— Хассана 154, 155
Мосул 569*
Муван 194
Муг кр. 219
Муган 493
Мугкан 164, 169, 173, 178
Мугкеде — см. ворота Мугкеде
Мугкеде-и Пянджикет 133*
Муг-тепе (Муг-курган) 214*
Муда 195
Мудждуван (Меджджуван) 195
Мудьянкен (Медьянкен) 179; ср. Мудьянкен
Мудьянкет (Медьянкет) 179; ср. Мудьянкен
Музахин (Маздахин) кан. 140
Музн 179, 184
Музнува (Мезнева) 179
Мультан 334, 513
Мунк 119
Мургаб р. 129, 130, 292, 515
Мурзин (Мезрин) 179
Мусалля, в Кеше 189
Мухинан — см. замок Мухинан
Мухтарика — см. Фарьяб
Мюхре — см. ворота Бену Асад

Набадпин рабат 198
Наккбун — см. Некабун
Намазгах — см. ворота Намазгах
Наманган 212
Намик (На-ми, Намиз) р. 132; см. также Зеравшан
Нанай 219
Нарпай — см. Пай
Нарын р. — см. Хайлам
Насрабад 220
Наубехар, в Балхе 127, 128, 153*
Наубехар, в Бухаре 157
Наубехарские ворота — см. ворота Наубехарские
Науджабад (Нуджабад) 179
Наузабад (Нузабад) 179
Наукад 189*, 190*
Наукад-Курейш 189, 190; ср. Кара-баг
Наукад-Мискан 220
Наукад-Саваф (Саза) 189*
Наукад-Хурдахур (Хурдахун) 189*
Наукедек (Нукедек) 179
Наукенд (Нукенд) 179
Наукенде кан. 156, 157, 167
Науфар 180
Наухас (Нухас) 180
Нафахс (Нафахш) 180
Нахль 180
Нахр ал-Кассабин (Руд-и Кассабан), Нахр ал-Кассарин (Руд-и Казуран) кан. 188*; ср. Кешк-руд
Нахр-и Пай — см. Нарпай
Нахшеб (Несеф) 190, 382, 400, 516, 543; см. также Несеф и Карши
Небуре (?) 501
Нева 180
Невида 132
Неджакет (Ульджакент, Унджакет) 226, 227
Неджарийские ворота — см. ворота Неджарийские
Неджжар-хитфер (Бухар-хитфер) 168
Неджжар-хитфер (Бухар-хитфер?) кан. 165; ср. Гав-хитфер
Неджм 219
Некабун (Наккбун, Некбун) 180
Некад 217, 218, 221
Некалик 231
Немудлик 231
Нершах (Нерджак) 172, 180, 257
Неса 80, 209*, 210, 289*, 297, 306*, 322, 331, 339, 370, 394, 399, 403, 429, 444, 491, 496, 497, 504, 516, 517
Несеф (Нахшеб; поздн. Карши) 61, 81, 154, 157, 163, 176, 189—197, 243, 257, 258, 264, 268*, 303, 308, 324, 494, 504*, 521
Несья Верхняя 214, 221
Несья Нижняя 214
Ниляб переправа 513
Нихам 122*
Нихам (Дара-и Нихам) р. 122
Нихам-руд р. 122
Нишапур 57, 61, 64*, 73, 194, 200, 241*,

252, 266, 278, 283, 288, 289, 301, 302, 316, 322, 323, 327, 334, 349—352, 368*, 390, 391, 393, 398, 399, 407, 410, 423, 425, 426*, 440, 444, 488*, 489—492, 505, 514, 516, 588, 592—594
Нияза 195
Низзбек хр. 230
Новые ворота — см. ворота Новые
Нубаг 205
Нубаг ал-амир 167
Нугкет — см. Нуджкет в Шаше
Нуджабад — см. Науджабад
Нуджаникет 180
Нуджкет, в Осрушане 224
Нуджкет, в Шаше (Нугкет) 230, 231
Нуджкетские ворота — см. ворота Нуджкетские
Нудиз 121
Нузабад — см. Наузабад
Нузвар 203, 204, 211
Нузкат 204
Нукбаг (Нукфаг) 205—207
Нукедек — см. Наукедек
Нукенд — см. Наукенд
Нукет 231
Нуккет — см. Туккет
Нукфаг — см. Нукбаг
Ну'мана холм 506
Нур (поздн. Нур-Ата) 165, 171, 318, 331, 475, 476
Нусар 128
Нусрет-кух хр. 506, 507
Нухас, в Хорезме 209, 443
Нухас, около Бухары — см. Наухас
Нушакирд (Нушакирд) рабат 211

Оббурдан 225
Оби-Гарм 121; ср. Дербенд
Окс р. 131*, 132*; см. также Аму-Дарья
Оксфорд 41
Оман 437
Орду 293
Ормуз 462
Орнас 504*; см. Гургандж
Орхон р. 453*
Осрушана (Осрушна, Усрушана, Сутрушана) 133, 135, 145, 180, 182, 185, 221, 223—226, 230, 249, 250, 254, 258, 260, 264, 268*, 269, 270, 282, 336*, 586—588
Осрушаны ворота — см. ворота Бухарские
Отрар 87, 234—236, 260, 420, 429, 465, 474, 475, 479, 481, 482, 483*, 485, 540, 576, 594
Отрар-бенде 234; ср. Отрар
Ош 212—214, 216, 220
Ошская река (Ак-бура) 216; ср. Урест
Ошский уезд 217*

Пай (Фай; поздн. Нарпай) 144, 148, 184
Палестина 440*
Пальгар 225
Памир 120
Пап — см. Баб
Парак — см. Чирчик
Паргар (поздн. Пархар), в Хуттале 119
Паргар р. 118, 119
Паргар (Фаргар) 225; ср. Бургар
Париж 41, 72*, 95*
Паркент 232; см. также Барскет
Паропамиз хр. 506
Пархар — см. Паргар
Педьяна (Бедьяна) 195; ср. Тедьяна
Пейгамбар-кыз возв. 207*
Пейкан кан. 166
Пейкенд 155—157, 166, 168—170, 172, 239, 282, 382
Пейкенд Новый 170*
Пейкенд Старый (Пейкенд-и Кухне) 170*
Пейкендский кан. 156, 170*
Пекин 460, 461
Пенджаб, в Кувадиане 122, 488
Перван между Бамианом и Газной 508, 509, 511, 512, 595
Перван, на Пянджшире — см. Ферван
«Перевал Исама б. Абдаллаха ал-Бахили» 244
Передняя Азия — см. Азия Передняя
Перовск 235
Перовский уезд 41*
Персеполь 45*
Персидский зал. 462
Персия 45, 64, 87, 88, 92, 98, 99, 104, 106, 108, 112, 134, 147*, 238, 239, 252, 255, 269, 274, 280, 282, 284, 331, 366, 367, 373, 380, 381, 395, 437, 438*, 439, 482, 487*, 566, 576, 584, 595, 606

Персия Восточная 52, 70
Персия Западная 52, 74, 410, 411
Персия Южная 277
Петро-Александровск (поздн. Турткуль) 199*, 209*
Петроград — см. С.-Петербург
Пешавер 415*, 507, 513, 521; см. также Баршур
Польша 574
Принкент — см. Афаринкет
Притяньшанье 453
Пскем — см. Бискам
Пскент — см. Бискент
Пяндж (Пяндж-рудек) 180
Пяндж р. 115, 118, 119, 363; см. также Джерьяб
Пянджде к 517
Пянджикет — см. Бунджикет
Пянджикетская волость 145
Пяндж-рудек — см. Пяндж
Пянджхин — см. квартал Пянджхин
Пянджшир (Бенджхир) р. 117, 509, 512*

Рабатат 237; ср. Рабат-Туганин
Рабат татйк — см. «Древний рабат»
Рабат-и Мелик (Рабат ал-Мелик, «царский рабат») 308*, 378, 592
Рабат-и Серхенг 217
Рабат-и Ходжа — см. Варагсер
«Рабат Тахира б. Али» — см. Феребр
Рабат-Туганин 237, 443; ср. Рабатат
Рабах — см. замок Рабах
Рабах кан. 157, 161
Рагин (Раган) 180
Рагсирисна (? Рагсирсана) 195
Радрада — см. квартал Сенгдиза
Разик (Разикабад) — см. Газикабад
Разика рабат 192, 193
Рамджан (Рамиджан-тепе) холм 148*
Рамен (Рамани) 180
Раменд (Гарканд) 168
Рамид (Рамит, Роумит) 121; см. Кафирниган
Рамитан (Рамитана) 166—169, 176, 281
Рамитанские ворота — см. ворота Рамитанские
Рамла 218
Рамуш 168
Ранг кр. 510*
Рас ал-Вараг 155—157; ср. Вараг
Рас ал-Кантара 186
Рас ат-Так 136; см. также квартал Рас ат-Так
Расмаин 189
Рахушмитан — см. Ардахушмитан
Рашт (поздн. Каратегин) 120, 121, 259, 292, 308
Ребинджан (Арбинджан) 147, 148, 174, 177, 182, 184, 294, 397
Резмаз (Резман) 180, 258
Резманах 180
Рей 276, 323*, 410, 411, 489, 492, 498
Рекунд 180
Ренджед 220
Рестагфер (Рестагфир) 180
Рехинева (Рехинун) 181
Речные ворота — см. ворота Речные
Рив — см. ворота и квартал Рив
Ривартун 181
Ривда (Ривд) 181
Ривдад 139, 145
Ривдад ворота — см. ворота Ривдад
Ривкан 166*
Ригдамун (Ригадмун) 181
Ригистан бухарский 153, 157, 158, 160—162, 202, 288, 324, 549
Ригистана ворота — см. «Ворота продавцов сена»
Ригистанский кан. в Бухаре 157, 161
Рикдешт 124
Рим 147*
Рихшен (Рихашн) 181
Риштан 214, 220
Россия 90*, 108, 112, 148*, 297, 462, 556, 608, 610
Россия Южная 462
Рошан 115
Ругун (Ругунд) — см. Рукунд
Руд 189
Рудан 209
Рудбар 231*
Руд-и Джарг — см. Самджен
Руд-и Зер кан. 155
Руд-и Казуран (Руд-и Кассабан) — см. Нахр ал-Кассабин
Рудфагкет 181
Рузунд 203, 204
Руйджен проток 224
Рукунд (Ругунд, Ругунт, Ругун, Аркенд) 222, 223

Рум 394
Рустуфагн (Рустагфан, Рустагфагн) 180, 181
Руфун 181
Рухна — см. ворота Рухна
Рухшабуд (Рухшайуд) 124*

Сабат (Сават) 222, 223, 400
Саблык (Сайлык) горы 229
Сабран — см. Сауран
Савад 266; см. Ирак
Сават — см. Сабат
Савкан 204, 209
Савран — см. Сауран
Саганак — см. Сыгнак
Саганиан (Чаганиан) 122—125, 133, 189, 193, 249, 258, 292, 293, 303*, 308—310, 314, 324, 347, 356, 361, 363, 364, 376, 400, 402, 580, 585, 591; см. также Денау
Сагардж 181
Сагардж горы 147
Саг-дере 237, 392
Са'да рабат 222
Са'дабад — см. ворота Бену Са'д
Садвар (Садур; поздн. Садывар) 197*, 198, 210*, 211
Са'ида кол. 191
Сайлык — см. Саблык
Сайрам 232, 518, 523
Сайрам оз. (Сум-куль) 575
Сакбадьязу (? Сакебдияз) 195
Сакматин 171
Сали-Сарай 495
Салихкунь (Сарык-кун) — см. Сарыкол
Салляхане — см. ворота Мерджушан
Саман 267
Самарканд 50, 54*, 60, 61*, 81, 86, 104*, 113, 115, 120*, 128, 132*, 133—140, 141*, 142—148, 151—153, 161, 163, 168*, 173—188, 191, 192, 214, 215*, 218, 221, 222, 224, 238, 240, 241*, 243, 244, 245, 247—249, 253, 258, 265, 267, 268, 272—274, 282, 287, 295, 299, 300, 301*, 307, 308, 319—321, 325, 326, 329, 331, 342, 344, 347, 358, 361, 367, 375, 376*, 377—380, 381*, 383, 384, 389*, 396, 417, 418, 420—423, 427—431, 433, 435, 440, 443, 466, 472—475, 478—481, 484—486, 494, 518—520, 522, 523, 544, 558*, 566, 569—572, 576, 579, 581—583, 585—588, 590—596
Самарканд (около Бишбалыка) 557
Самаркандская область 113*, 144, 163, 185, 192, 196, 594
Самаркандские ворота — см. ворота Самаркандские
Самгар 219
Самджен (Руд-и Джарг, Харамкам) кан. 150, 166, 170, 175
Самджен (Баргин-и ферах, Кара-куль) оз. 166, 170
Самджен Задний 166, 168
Самджен Передний 166, 168
Самдун 171; ср. Самтин
Самсирек 231
Самтин 160, 171; ср. Самдун
Сана 138
Сангардак-Дарья (Санг-гардак, Хавер) р. 122, 124, 189, 193
Санг-гардак 124
Санг-гардак внешний 189
Санг-гардак внутренний 189
Санг-туда 119
Санджарфеган 144
Санджен 195
С.-Петербург 41, 65, 96
Сарайли р. 460
Саракуста 209
Сарин проток 224
Саркас 195
Саркун 181
Сарманган (Сармандж, Чарманган) 123, 124
Сарыкамыш оз. («Джурджанийское озеро») 201, 208
Сарык-кол, Сарык-кул, Сарык-кун — см. Сарыкол
Сарыкол (Сарык-кол) 434, 470
Сары-курган 214
Сары-су р. 459
Сауран (Сабран, Савран) 233—235, 376, 592
Сафари — см. Сукри
Сафердиз 203
ас-Саффарун («Медники») в Самарканде 136
Сахар 168

Сачи кол 211*
Себагдуван —см. Зебагдуван
Себедмун (Субедмун, Себедун) 181
Себзевар 491, 516
Себира (Сибара) 181, 182; ср. Сияра
Седан 415
Седжестан 256, 268, 272, 274, 275, 277, 292, 308*, 505, 506, 587
Седфер 203
Сейхун — см. Сихун
Секакет 231
Секан (Аскан) 182
Секбиян 151, 182
Селат 212
Селента р. 459
«Селение Али» — см. Феребр
«Селение бухарцев» 191; ср. Бухариян переправа
«Селение хорезмийцев» 191; ср. Хорезмиян переправа
Семенган (Семенджан) 117, 308; ср. Хейбак
Семенд — см. Усменд
Семиджен 182
Семиречье 114, 213, 259, 293, 380, 386, 417, 423, 428, 430, 432, 460, 462, 469, 470, 518, 538, 561, 571, 572, 591, 594, 595, 597
Семнан 492
«Семь селений» — см. Хефтдех
Сенбукджен проток 224
Сенгабад (Сенгбад) 182, 211
Сенган-Ахсек 209
Сенгбест 516
Сенгджен проток 224
Сенгдиза — см. квартал Сенгдиза
Сенгресан кан. 140
Сенгресан кладб. 137
Сенде рабат 204
Сенджуфин (Сенджефин) 182
Сепид-Маша 157
Серахс 323, 327, 364, 403, 404, 415, 440, 515, 516, 593
Сердер (Сердера) 182
Сер-и пуль 186, 478
Серсенда 224
Сер-Чахан кр. 490, 492
Серьям 232*; см. Сайрам
Сиб 209
Сибара — см. Себира
Сибирь 459*
Сиванч 171; ср. Исвана
Сикиджкет — см. Искиджкет
Силезия 574
Синаваб кан. 134, 146
Синам — см. Сиям
Синам р. 122
Синд 57, 243, 275, 277
Синиз 295*
Сипая — см. Сифая
«Сирийская мечеть» (Месджид аш-Шам) — см. мечеть Сирийская
Сирия 74, 296*, 412*, 556
Сифана 197
Сифая (Сипая) 197
Сихун (Сейхун) 211; см. также Сыр-Дарья
Сицзянь 218*
Сичар (Чичар) 171
Сияб (Сиях-аб, Кара-су, Аб-и Рахмат) кан. 140
Сиям (Синам) 189
Сиям (Синам) горы 188
Сияра (Сияза) 182; ср. Себира
Сиях-аб — см. Сияб
Сияхгирд 126
Сиях-кух горы 208; ср. Чакыр-огуз
Согд, Согдиана 45, 144, 145, 147, 151*, 164, 177, 178, 183, 184, 186, 188, 240, 241*, 242*, 243*, 245, 248, 257, 260, 264, 265, 268, 270, 585
«Соломонов трон» (Тахт-и Сулейман) г. 213*; ср. Беракух
Сомнат 347
Сох 214, 217, 221
Сох р. 214
Средняя Азия — см. Азия Средняя
Субаникет (Усбаникет, Арсубаникет) 233
Субарна — см. Субурна
Субах 189—191, 195, 257; ср. Сунедж
Субедмун — см. Себедмун
Субидгук 182
Субурна (Субарна) 209
Сугдабиль 241*
Сугдан 182
Сугнак — см. Сунак
Суйдак 225
Су-Кара — см. Кара-су
Сукри (Сафари) 211
Сумань — см. Шумань

Сумеркент 567
Сум-куль — см. Сайрам оз.
Сунак — см. Сыгнак
Сунак-курган (Сунак-Ата) разв. 236
Сунедж 195; см. Субах
Суран рабат 211
Сурмара 173, 178, 182
Суруд — см. Асруд
Суруда 189
Сурхаб — см. Вахш
Сурхан (Чаган-руд) р. 120—122, 124, 125, 126*, 520, 585
Сурхкет 182
Сутикен 182
Сутифагн (Сутифагна) 182
Сутрушана 222; см. также Осрушана
Сутхан 182
Суфиян 145*
Суфна 171
Суфредан (Суфрадан) 182
Сухашин — см. ворота Сухашин
«Сухой колодец» — см. Чах-и хак
Суяб 253, 259, 586
Суяндж 182
Сыгнак (Сунак, Сугнак, Сыкнак, Сагаиак) 236, 392, 406, 482, 594
Сыр-Дарьинская область 114, 259, 293, 432
Сыр-Дарья, Сыр (Сихун, Сейхун; Яксарт) 41, 87, 114, 133, 134, 145, 208, 211, 212, 214—216, 218,—221, 226, 227, 229, 230, 231*, 233—235, 236*, 237, 244, 250, 259, 318, 325, 377, 388, 391, 392, 420, 421, 433, 440*, 472, 474, 475, 481, 484, 485, 488, 518, 522, 523, 581
Сюберли (?) 401, 593
Сюткенд 234

Табаристан 272, 276, 587, 588
Тававис (древн. Арфуд) 148—151, 164, 167, 168, 175, 380; ср. Варкуд; ср. также Шахр-и Вейран
Таввав 368*
Тагама 182
Таден 182; ср. Баден
Тадиза 183
Тазаха — см. Тарвах
Таир-су р. 119
Тайкан — см. Талькан
Так-кесра — см. дворец Так-кесра
Талан-даба 595
Талас — см. Тараз
Талас р. 233, 431, 518, 561, 581, 582, 597
Талдык р. 206
Талипач — см. ворота Хадширунские
Талки перевал (Тимур-кахалька, Железные ворота) 575
Тальвар (Тальбар) р. 118*
Талькан (Тайкан; поздн. Тальхан) тохаристанский 117, 484, 487, 506
Талькан хорасанский 130, 256, 504, 506, 510—512, 514, 517, 522
Тамахуш 217
Тамгач 455*, 464
Тангут 455*, 471, 503*, 526, 565, 573
Тараб 166*, 169, 183, 545
Тараз (Талас) 215, 221*, 234*, 282, 295, 301, 317, 343, 357, 386*, 405, 428, 586, 588
Тараха — см. Тарвах
Тарбенд 228*
Тарвах (Тирвах, Тараха, Тазаха, Турваха, Тираха) 183
Тармиз — см. Термез
Тарты — см. Кулан
Тахири-рабат 211*
Тахирия 197, 198*, 211
Тахсанджкет 183
Тахси (Тахсидж) 183
Тахт-и Сулейман — см. «Соломонов трон»
Тахуна — см. Арык мельницы
Таш рабат 210
Ташкент 60, 96*, 228
Таш-курган — см. Хульм
Тебриз 95
Тегеран 65, 72*, 86*, 106*
Тедьяна 195; ср. Педьяна
Темлият 119
Тенг-и Харам 192
Термез (Тармиз) 81, 121—126, 130, 131, 192, 241, 242, 249, 294, 295, 303*, 309, 314, 320, 327, 334, 339, 347, 356, 359, 361, 364, 366, 376, 377, 381, 389, 393, 394, 398, 400, 416, 417, 424, 487, 495, 507, 585, 591, 592, 594
Терс-Кендерлик р. 460
Тибет 115, 116, 260, 521

Тим 183
Тимур-кахалька — см. Талки
Тираха, Тирвах — см. Тарвах
Тисхан (Атешхан?) 220
Тифлис 513
Тохаристан 116—118, 249, 276, 356, 366, 402, 509, 512*, 586, 587
Тохаристан Верхний 118*
Тохаристан Первый (Нижний) 118*
Трапезунд 462
Триполи (Сирийский) 296*
Тубен 195
Тубкар 220
Туган рабат 210, 308
Туд 183
Туккет (Нуккет) 231
Тумар-уткуль 235
Тумтар 183
Тумурташ 209
Тумушкет 183
Тункет 229—231, 292, 377
Тупаланг р. 122
Туран 114
Турар (Турар-Зерах) 234
Турбан 183
Турваха — см. Тарвах
Тургайская область 434, 436
Туркестан 39—41, 63, 86, 88, 99, 111, 114, 151*, 254, 295, 308*, 321, 344, 346, 347, 362, 379, 405, 421, 431, 434, 453, 455*, 468, 532, 545, 549, 555, 556, 573, 574, 581, 590, 591; см. также: Азия Средняя; Мавераннахр
Туркестан Восточный 64, 259, 316*, 342—344, 374, 386, 417, 427, 433, 434, 462, 470, 561, 575, 594, 595
Туркестан, город 234*
Туркестан Западный 114
Туркестанский край 217
Туркестанский хр. 133; ср. Буттем Внешний
Туркмения 497
Турмукан 219
Турнавед 183
Турткуль — см. Петро-Александровск
Турция 109*
Тус 289*, 311, 323, 334, 403, 408, 492, 590, 593
Тусен 183
Тускас (Тусакас) 183
Тушкидаза 183
Тюмень-арык 236

Убукар (?) 166
Угланские ворота — см. ворота Рамитанские
Угнак (?) 421, 428; ср. Юганк
Удана 166, 183
Уджна (Уджена?) 217
Узадж — см. Аузадж
Узарменд (Везарменд) 203
Узбой 206*, 210
Узгенд (Юзгенд) в Фергане 212, 213, 217*, 220, 221, 329, 330, 332, 333, 335—337, 347, 363, 379*, 380, 418, 428, 431, 580, 590, 593, 597
Узгенд кр. (на Сыр-Дарье) 236, 482
Уйгурия 88, 426, 427, 453, 454, 456, 460*, 469, 517, 549, 562, 566
Уйзель — см. Джадж-руд
Улица Абдек в Самарканде 141
— Абу Абд ар-Рахмана в Несефе («улица отшельников») 197
— Баян в Несефе 193
— Бекар в Бухаре 163
— Бу-Лейса в Бухаре 162
— Вассаф (Дерб-и Вассаф) в Несефе 193
— Везира б. Эйюба б. Хассана («улица замка» — Ку-и Ках) в Бухаре 158
— Дерб-и Вассаф — см. улица Вассаф
— Джаргиян — см. улица Шаргиян
— Джедид в Бухаре 162
— Джувик в Баальбеке 194
— Джуйбар в Несефе 194
«Улица замка» — см. улица Везира б. Эйюба б. Хассана
«Улица отшельников» в Несефе — см. улица Абу Абд ар-Рахмана
«Улица путеводителя» в Бухаре 156
«Улица развратников» (Ку-и Риндан) в Бухаре 157
— Салиха в Самарканде 141
«Улица скамьи» в Бухаре 162
«Улица стены Хайяна» в Самарканде 141
— Шаргиян (Джаргиян) в Несефе 196
Улуг-Иф 553

Ульджакенд (Унджакет) — см. Неджакет
Ураз-хан перевал 213
Ура-Тюбе 223*
Ургенч (позднн. Куня-Ургенч) 201, 524, 525; см. также Гургандж
Ургут 145, 173; ср. Андак
Урест 216, 269
Урест р. 216; ср. Ошская река
Урумбай-мирза 227*; ср. Винкерд
Урун-Дарья р. 201
Урухс 183
Усбаникет — см. Субаникет
Усменд (Асменд, Семенд) 183
Усрушана — см. Осрушана
Устув 540*
Уступдадиза 195
Устюрт плоскогорье 207
Утука (?) 522*
Утшунд (Утшенд) 195
Уч-чучак (Уч-чучак) 198
Ушмунейн 294*
Ушпуркан — см. Шапуркан
Уштабдиза — см. квартал Уштабдиза
Уштикан 214, 218, 220
Уштурдж 131
Уштуркет — см. Шутуркет

Фаг 184
Фагандиза (Фагандиз) 184
Фагдин (Фагдиз, Фигдин, Фигдиз) 184
Фагидиза — см. квартал Фагидиза
Фагитусин (Фагитисин) 184
Фагифед 184
Фагкет (Ваткет) 224; ср. Вагат
Фагсадере — см. квартал Фагсадере
Фай — см. Пай
Файзабад — см. Вашгирд
Фальгарская вол. 225
Фамин 184
Фан-Дарья р. 133
Фараб — см. Бараб и Феребр
Фараб самаркандский 184, 192
Фараджун — см. Фарачун
Фаран (?) 178
Фаранкет — см. Афаринкет
Фарахша (Барахша, Варахша, Афрахша, Фарахшан) 167—169, 210, 258; см. также Дахфендун
Фарачун (Фараджун) 191*; ср. Карачун
Фаргар 225; ср. Бургар
Фаргидад (?) 168
Фарджек — см. ворота Фарджек
Фарджека медресе — см. медресе Фарджека
Фарзих — см. замок Фарзих
Фаркад (в Бухаре) 163*
Фаросский маяк 378
Фаррухшид 139
Фаррухшид ворота — см. ворота Фаррухшид
Фарс 49, 102, 103, 275, 276, 277, 295*, 296*, 314, 368*, 474*, 489, 490, 587
Фарьяб гузганский 130, 131
Фарьяб (Карьят, Мухтарика) 192
Фауран — см. Берран
Фашидизе кан. 156
Фашук 184
Фашун 155, 156; ср. Вараг
Фегаскунские ворота — см. ворота Фегаскунские
Фей кан. 184
Фекнан 224
Фенек 138
Фенек ворота — см. ворота Фенек
Фенкед 195
Ферава (Афрава) рабат 210, 270*, 339, 370
Феравиз Верхний 166, 168, 185
Феравиз (Фераваз) Верхний кан. 166
Феравиз Нижний 166, 168
Феравиз Нижний (Деймун) кан. 166
Ферана (?) 167
Фератегин — см. Бератегин
Ферван (Перван) 117, 509
Фергана 120*, 150, 212—216, 218—221, 224, 225, 228*, 244, 245, 247, 250, 258—260, 264, 267—270, 273*, 281, 295, 296, 300, 301, 317, 347, 377, 380, 431, 433, 469*, 485, 486, 549*, 585—588
Фердед 184
Ферджая 184
Феребр (Фараб, «рабат Тахира б. Али», «селение Али») 132, 168, 170, 300
Ферекет (Ферескед) 183, 231
Ферзамитан — см. квартал Ферзамитан
Фернифтан 199
Ферханские ворота — см. ворота Ферханские
Ферхурдиза 196

Фигдиз, Фигдин — см. Фагдин
Фиджкет (Фиджакет) 196
Фил (Фир) 199, 200
Фирузбагар 512
Фиядесун — см. Фуядсун
Фринкент — см. Афаринкет
Фувайдин 196; ср. Гувайдин
Фурфара 184
Фуядсун (Фиядесун) 184

Хабушан 394, 395
Хавак перевал 117
Хавас (Хаваст) 223, 226, 227, 332
Хавер (Хавер-руд) 122; см. также Сангардак-Дарья
Хавус 184
Хаджжаджа ворота — см. ворота Хаджжаджа
Хаджистан 219, 228, 229
Хадширунские ворота — см. ворота Хадширунские
Хажван — см. Хазван
Хазарасп 198, 202—204, 211, 324, 339, 340, 388, 391
Хазараспский кан. 198, 199
Хазван (Хажван) 184
Хазрет-Аюб 216
Хазрет-бови перевал 122
Хазрет-Имам 120*
Хаилан — см. ворота Акабилан
Хайдештер (Хандештер) 184
Хайзахаза — см. Хайрахара
Хайлам (Хайрлам) 212, 220
Хайлам р. (поздн. Нарын) 212, 214, 220
Хайр 129
Хайрабад 237
Хайрахара (Хайзахаза) 185; Хараджер
Хайрлам — см. Хайлам
Хаканджа 185
ал-Хакима кол. 210
Хакк-рах — см. ворота Хакк-рах
Халаверд 119, 123*
Халиджан 208
Хама 168
Хамадан 411, 439, 465*, 490, 492, 493
Ханаф г. 213*
Хандештер — см. Хайдештер
Ханийе — см. медресе Ханийе
Хансяр (Хы-сян-и-р) 558*
Хараджер (Хараджера) 185; ср. Хайрахара
Харадин 185
Харамкам — см. Самджен
Харашкет 226
Харганкет (поздн. Калкан-Ата) 149, 165, 230; ср. Хо-хань
Харгун 185, 272
Харджанг 308, 320, 378
Харкан — см. базар Харкан
Харкан самаркандский 185
Харкан хорасанский 517, 595
Харкана 222, 224
Харкана Верхняя 165, 168
Харкана Нижняя 165, 168, 172
Харкан-руд (Калкан-руд) кан. 165, 172
Хармейтан — см. Хурмитан
Хартенг 185, 308*
Харун — см. Ахарун
Харун кол. 211*
Харур 209
Хас 204, 205
Хасана рабат 198
Хассана мост — см. мост Хассана
Хатункет 230
Хахсар (Хахаср) 185
Хаш 231
Хашарт — см. Яксарт
Хашимгирд 123, 192, 193
Хашьяндиза (Хашиндиза) 196
Хейбак 117; ср. Семенган
Херавез 206, 208
Хефтад-гирдиш проход 512
Хефтдех 212, 317
Хива 198, 199, 203, 204*, 265, 524*
Хивинский кан. 198, 199
Хивинское ханство 386*
Хилали 524*
Хира г. 376
Хитай 63; см. также Китай
Хишт 224
Хишт-кала разв. 235
Хобого (Хо-бо) 460*
Ходжа-Бакырган кан. 221
Ходжакуль 205
Ходжейли 204—206, 524*
Ходженд (Худжанда) 214, 218, 219, 221—224, 228, 229, 247, 258, 264, 265,

268*, 377, 378, 386, 474, 485, 486, 499, 535, 546, 566, 568
Ходжендская область 221
Хоканд (поздн. Коканд) 214, 217, 218
Холумо — см. Ахарун
Хоран рабат 191
Хорасан 49—51, 53, 55, 56*, 62, 66, 86, 104*, 128, 129, 131, 132, 147, 164*, 202, 209, 210, 229, 241—243, 246—249, 251, 252, 254—257, 258*, 260, 261, 263, 266, 269, 271—274, 276—279, 281, 285, 296—298, 303*, 304, 306, 308—311, 313, 319—323, 325—328, 332, 334, 335, 338, 339, 342, 347, 352, 355, 360, 361, 364, 365, 370, 377, 379—381, 384, 387, 388, 390—396, 398—400, 402—404, 406, 408, 409, 412—415, 421, 425, 438*, 443, 489, 491, 500, 504—507, 514, 521, 524, 527, 533, 535, 539, 540*, 545, 552, 555, 564, 573, 576, 585—595
Хорезм 45, 62, 66, 79, 81—83, 86, 115*, 154, 175, 197, 199, 200, 202, 203, 208—210, 235, 237, 239*, 242, 243, 253, 258, 262, 263, 272, 277, 281, 292—294, 296, 297, 306, 309, 320, 323, 325*, 330, 334*, 337, 340—342, 358—361, 365, 366, 368, 376, 380, 387—395, 397, 398, 400, 401, 403—407, 409—413, 414*, 415, 417, 420—423, 425, 428—430, 432, 433, 437, 440, 443, 444, 482—484, 486, 494—496, 499—501, 502*, 503, 504, 506, 507*, 510, 514, 523—525, 549, 574, 585, 588, 590—595
Хорезмиян переправа 191; ср. «Селение хорезмийцев»
Хотан 335, 342, 343*, 421, 549*, 581, 597
Хо-ханьь 149; ср. Харганкет
Хувара (Джувара) 235
Худабад 185
Худайсер рабат 224
Худанд 185, 186; ср. Хузанд
Худейнкет 226, 227, 230
Худжада 169
Худжанда — см. Ходжент
Худименкен 149
Худисер 185
Худфиран (Худфаран) 185
Хузанд 186; ср. Худанд
Хузар (поздн. Гузар) 189, 494
Хузар-руд (поздн. Хузар-Дарья, или Қатты-уру-Дарья) р. 188
Хузистан 412
Хузьян — см. замок Хузьян
Хуйли 436*
Хульбаг 119
Хульбук 118, 119, 363
Хульм (поздн. Таш-курган) 117, 118
Хулым р. 117
Хумейда кол. 227
Хумитан 186
Хумрек 231
Хумхисера (Хумхайсера) 186
Хунамета 186
Хунбун 166*, 169, 180, 183
Хурлуг 233*
Хурмитан (Хармейтан) 165, 186
Хуршаб 216
Хуршаб (Қуршаб) р. 216
Хусейна кол. 227
Хутталь, Хутталян 119, 120*, 122, 249, 252, 254, 258, 292, 293, 295, 308, 324, 339, 343*, 347, 356, 357, 359, 362, 363, 376, 591
Хушагар (?) 186
Хушк-руд (поздн. Қызыл-су, или Якка-ыбаг-Дарья) р. 188
Хушминджакет 196
Хушмитан — см. Ардахушмитан
Хуштуван — см. замок Хуштуван
Хушуненджакет 196
Хушурта 186
Хушуфатн (Хушуфаган) 186, 222
Хы-сян-и-р — см. Ханьсяр

«Царский рабат» — см. «Рабат ал-Мелик»
Цзюймито 120; ср. Кумед

Чаганиан — см. Саганиан
Чаган-руд р. 122; см. также Сурхан
Чакча дол. и ручей 192; ср. Чекчек
Чакыр-оғуз горы 208; ср. Сиях-кух
Ч'ам р. 426*
Чарг — см. Шарг
Чарджуй 198*; см. также Амуль хорасанский
Чарек 220
Чарикар 117
Чарманган — см. Сарманган

Чах-и хак кол. 211
Чач — см. Шаш
Чашмаобская волость — см. Абгар
Чекдалик (Шекдалик; позднее Кичи-уру-Дарья) р. 192
Чекчек 192; ср. Чакча
Чиле р. 218
Чимбай 148
Чимкент 233*
Чин — см. Китай
Чинк (Устюрта) 207
Чир 220*; см. также Чирчик
Чирчик (Парак) р. 220, 226, 227, 229, 230, 231*, 259, 523, 586, 595
Чирчикская станция 231*
Чичар — см. Сичар
Чопан-Ата — см. Кухек
Чоткал р. 220, 226; ср. Джидгиль
Чу р. 426*, 518, 561, 572
Чуба-и Баккалян — см. «Деревянные бакалейные лавки»
Чугучак 382*
Чулчи Джелали степь 513
Чустский уезд 220

Шаарсабиз — см. Шахрисябз
Шабджен (Шабеджн) 187
Шавахран — см. Шавхаран
Шавгар восточный 234*, 317
Шавгар западный (позднее Туркестан) 234, 317
Шавдан 220
Шавдар 145, 268, 587
Шавдар горы 145, 176, 177, 183
Шавкет 222, 231
Шавхаран (Шавахран) 196
Шагльджан 235
Шакранские ворота — см. ворота Шакранские
Шапуркам кан. 165
Шапуркан (Ушпуркан) 130, 360
Шарг (Джарг, Чарг) 150, 151, 196
Шаргиян — см. улица Шаргиян
Шархиян (мост в Балхе?) 335, 590
Шаукан 187
Шафиркам 165*
Шахар 511
Шах-бахш 168
Шах-и зинде 143*; см. также гробница Кусама б. Аббаса
Шахр-и Вейран разв. 150*; ср. Тававис
Шахристан 200, 209, 223, 393, 394, 401*
Шахрисябз 188; см. также Кеш
Шахрихан кан. 216
Шахруд — см. Зер
Шахрухия 226; см. также Бенакет
Шаш (Чач) 150, 219, 221*, 222, 226—228, 230—232, 235, 236*, 244, 245, 250, 253, 258—260, 264, 267, 268, 270, 271, 273*, 295*, 301*, 433, 585, 586
Шашская река 227; см. также Сыр-Дарья
Шейх-Аббас-вели 201, 205
Шейх Джелаль ворота — см. ворота Ибрахима
Шекдалик — см. Чекдалик
Шельджи 295
Шемаха (Шимаки) кр. 207*
Шемидиза 187
Шемсабад — см. дворец Шемсабад
Шерван разв. 207
Шерефдан (Ширефдан) 187
Шехах 232
Шехркент — см. Яныкент
Шикан 187
Шикинан — см. Шугнан
Шикистан 187
Шикит 212, 220
Шимаки — см. Шемаха
Ширабадское бекство 125
Шираз 547
Шираз (селение) 145*, 146*
Ширван 187
Ширгавшун 187
Ширгиран — см. ворота Гушедж
Ширефдан — см. Шерефдан
Ширкет 196
Шихаби — см. медресе Шихаби
Шия (Шиян) 187
Шугнан (Шикинан) 115, 402
Шузьян (Шузиян) 196
Шуллук (Шулдук) разв. 190*
Шуман (Холумо, Сумань, Шумань) 124*, 125, 243, 364*
Шуниян ущ. 364; ср. Шуман
Шурахан 204, 205, 360
Шурух 210
Шутуркет (Уштуркет) 227, 228
Шухнак (Шуханан) 187

Эмиль 382*, 426*, 460, 498, 557, 558, 565
Эмиль р. 557
Эмир 205
Эски-баг 190; ср. Искифаган

Юганк 187, 421*; ср. Угнак
Югур (Юй-гу) 434
Юзгенд — см. Узгенд
Юй-гу — см. Югур
Юхасун (Юхашун) 187

Ягна 196
Языр (Язгыр) 497, 517
Яквалан 512
Яккабаг-Дарья — см. Хушк-руд
Яксарт (Хашарт, Яоша) 211*, 231*; см. также Сыр-Дарья
Янги-арык кан. 133, 144*; см. также Аббас
Янги-курган 181*
Яныкент (ал-Карьят ал-хадиса, Дих-и нау, Шехркент) 235, 482, 483, 499, 500, 505
Яны-Курган 222
Яоша — см. Яксарт
Яркенд 343, 572, 590
Яркет 144, 145
Яркет квартал — см. квартал Варсинн
Ярлык 552
Ясы перевал 213

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Ад 244
азд, аздийцы 257*
амарды 131*
арабы 45, 47—50, 56*, 60, 117, 118, 121, 127—129, 133, 138*, 142, 146, 147, 149, 152, 157, 159, 188, 190, 192, 201, 211, 239—257, 259, 260, 265, 269, 296, 308*, 316, 585, 586, 601, 608
арийцы 114
армяне 455, 570, 572
арулат 532*
афганцы 118, 353*, 508, 517

барин 458, 484, 540*
бедуины 340*
Бекр б. Ваиль 146
бекрин (мекрин) 579
бену ханзала 158
берулас (барлас) 540
болгары камские 80

византийцы 244

германцы 85
греки 211*, 255*, 570
грузины 493
гузы 152, 207, 234, 235, 259, 270, 278, 331, 332, 353*, 391, 392*, 393, 394, 398—400, 412, 593; см. также огузы
гурцы, гурийцы 270*, 401, 402, 409, 413—415, 479, 506, 507

дада 447; см. мынгу (мэнгу)-дада
дейлемиты 302, 380
джалаир 487, 491*, 540, 555
джикили (чикили) 315*, 380
дунгане 503*

евреи 95, 351, 563

индийцы — см. индусы
индусы (индийцы) 93, 353*, 416, 465, 466
иранцы 147*, 153*
иудеи — см. евреи

йеменцы 157, 251, 252, 586
йимак 434*

кайситы 242
канглы 435, 482; см. также кипчаки
кара-китаи, китаи, кидани, китаи 63, 77, 83, 84, 86*, 107, 213, 215, 382*, 386, 389, 390, 396—403, 408, 409, 414—432, 454, 455*, 462, 469, 477, 482*, 487, 518, 534*, 592—594
карлуки 120, 234, 258, 259, 282*, 315, 389, 396—398, 418, 428, 479, 508, 586
кем-кемджиюты 560
кераиты 447, 449, 452, 594
кидани — см. кара-китаи
килункгут 540*
кимаки 234, 235, 434*
кипчаки 93, 236, 382, 392, 393, 404—406, 413, 421, 422, 426, 428, 433, 434, 435, 462, 482, 593, 594
киргизы 435, 436, 459, 526, 560, 575
китаи — см. кара-китаи
китайцы 47, 85, 89, 93, 148*, 188*, 219*, 244, 253, 254, 255*, 259, 348*, 434*, 518—520, 531, 535*, 539, 544, 548, 563, 569, 581, 586
кокососы 540
корейшиты 158, 246
кумиджии 121, 308, 359, 361, 363, 591
курды 439
кушаны 147, 159, 241

луры 489
ляо западные — см. кара-китаи

манху (манхук) 532*
мекрин — см. бекрин
мергиты 426, 434—437, 460, 482, 570*
монгол (род) 447
монголы 39, 53, 84—95, 97, 101, 103, 107—109, 112, 153*, 201, 202*, 226, 288, 367, 370, 374, 412, 434—437, 444, 466—470, 472, 473, 475—486, 487*, 488—495, 497—499, 501—506, 508—510, 512—516, 518, 519, 521—526, 528, 529, 530*, 532—534, 535*, 538*, 540, 543, 545—547, 551, 554, 558, 563, 565, 567, 569, 570, 572, 575, 578, 579, 594, 595, 603, 605, 606
мудар, мудариты 157, 250, 251
мынгу (мэнгу)-дада 446, 447

набатейцы 158*
найман, найманы 426, 447*, 449, 452, 460, 469, 470, 594
немцы 567

огузы 73, 259, 315, 317; см. также гузы
ойраты 459*, 533*, 555, 570*
онгуты 482
османы 100

персы 53, 58, 242, 248, 254, 255*, 256, 265, 291, 292, 370, 563, 564
печенеги 297

раби'а 157
русы 345*, 608

сакифиты 256
Самуд 244
сарты 297*
сельджуки 70, 72, 74—77, 79*, 127, 288
сирийцы 456, 571*
скифы 85
славяне 608
согдийцы 169, 239, 246, 247, 250, 261, 264, 585, 586
солдус 540
субачийцы — см. Бекр б. Ваиль
сунит 501, 546

таджики 147*, 479, 514, 540
тайджиют 92
тангуты 563
татары 143, 434, 447, 453, 455*, 457, 466, 474*, 486, 491, 493, 500, 503; см. также монголы
татары белые — см. онгуты
татары буир-норские 447
тибетцы 115, 258, 563
токуз-огузы 258—260, 269, 315, 587
тохары 116
туркмены 235, 315*, 317, 318, 321, 346, 356, 358—361, 363, 364, 368*, 372, 380*, 397, 475, 478, 507, 516, 517, 591
тюргеши 245, 259
тюрки 58, 63, 66, 109, 114, 121, 134, 147*, 150, 165, 169, 172, 192, 201, 212, 213, 219, 229, 234, 235, 239, 240*, 242, 244—251, 253, 255*, 257—260, 267, 269, 270, 282*, 286, 291—293, 295, 297, 303, 304, 306, 314—319, 322, 324, 334, 335, 342, 343*, 345, 348*, 352, 353*, 355, 357, 360, 366, 368, 370, 377, 380*, 382*, 387, 388, 406, 423, 438, 451, 461, 474, 475, 479, 480, 506, 507, 510, 534*, 551*, 569*, 585—589, 591, 602, 604, 606

узбеки 118, 126, 181*, 205
уйгуры 83 89, 90, 93, 100, 101, 104*, 153*, 374, 453, 454, 456, 457, 483*, 539, 548, 551, 552, 563, 579, 581*
уранийцы 407
урияут 540*

франки 93, 412*

хазары 297
хайталы — см. эфталиты, кушаны
халаджи 353*, 479, 507, 517
харлух — см. карлуки
хитаи — см. кара-китаи
хонгхотан 484
хорезмийцы 191, 199, 243, 261, 263, 281, 297, 339, 340, 358, 365, 398, 399, 401, 406, 407, 409, 411—413, 416, 430, 433, 434, 463, 464, 501, 502, 552, 569, 593
хунны 461

чатырак, чаграт 208
чжурчжэни 84, 458, 471
чикили — см. джикили

Шибир (род) 459
шулы 489

эфталиты 147, 153*, 159, 242; см. также кушаны

юечжийцы — см. кушаны

ягма 315

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ[1]

ʿавāриз 564*
агач (*агāч*) 214; см. также фарсах
ʿаййāр 273
āл тамға 101, 453
алтӯн-хāн тамғāч 565*
амид (*ʿамāд*) 350
ʿамāд ал-мулк 288
амиль (*ʿāмил*) 153*, 285
амӣр-и харас 286; см. также *çāхиб-харас*
анда 583
ансāб, ед. ч. *нисба* 81*
āрандж 295
ʿāриз 280, 289
аркаун (е-ли-кэ-унь) 571
арык (*арāқ*, *ариғ*) 133*, 165*
асāрāн (ед. ч. *асāр*) 578*
аскудāр 290*
атабек 388, 395, 410, 490, 559
афшин (*афшāн*) 260, 269
ахбāр (ед. ч. *хабр*) 239*
ахл аз-зимма 248
ахта, ахтачи 448, 449

бāдж 299; см. также: *дарāба*, *макс*
байрам (*байрāм*) 518, 562
балыш 463, 541*
барāд 202*, 290*
барсчи (*бāрсчā*) 580
барын-тарыт — см. нарыт
баскак 469*, 524, 535, 546; ср. даругачи
баурчи 447—449; см. также: букаул, кунсат
бахадур (*бахāдур*) 449, 450, 513
бахар — см. вихара
бахши (*бахшӣ*) 93, 99, 104*, 454, 565
бахшӣ-йи бузург 458*
баят (тыян-наят) 537
беги — см. беки
бейле (боцзиле) 447*
бек 147*, 533, 554
беки (беги) 459*
биге (биги) 459*
бигу 331*
бики (*бӣкӣ*) 458, 459; см. также беки
билик 89, 457
бирун (*бāрӯн*) 128; см также рабад
бāстегāнӣ 298*; см. также *пāшегāнӣ*
битикчи 92, 374, 534*, 552*, 561, 574
боцзиле 446; см. также бейле
букаул 447, 448; см. также: баурчи, кунсат
буртасӣ 462*
бутпарастāн (ед. ч. *бутпараст*) 455*, 562*
бутпарастӣ 539*
бухар-худат (*бухāр-худāт*) 165, 167, 239, 262, 265, 294
бхикшу
бэнь-цзи 92*

вāʿиз 378*
вакӣл-и харджӣ 442
вакф (*вақф*) 288, 291
валӣ 370
валий (*вāлӣ*) 292, 370
ваншай (юань-шуай) 458*
вардан-худат (*вардāн-худāт*) 165
варрāқ 60
везир (*вазӣр*) 90, 92, 95, 101, 103, 255, 288, 291, 305, 306. 310—314, 324—327, 333, 343*, 354, 355, 366, 371,

[1] Курсивом показана точная транскрипция (транслитерация), преимущественно терминов арабского и персидского происхождения; когда в тексте такой транскрипции нет, она дается в скобках после транскрипции Бартольда.

372, 388, 412,442—444, 474, 540, 548, 555, 556, 579,
векиль (*вакӣл*) 288, 290, 370, 441, 442, 444, 489
вицр 217
виҫāқ 286
висак-баши (*виҫāк-бāшӣ*) 286
вихара (vihâra, бехар) 153*

ғазва, газават (*ғазāват*) 334, 406
газии (*ғāзӣ*, мн. ч. *ғāзӣйāн*) 273, 274, 279*, 302, 331, 357, 398
гальва (*ғалва*) 149*, 201
гитрифи (*ғитрīфӣ*) 262, 263
гулям (*гулāм*) 286, 298, 300, 304, 319, 325, 359, 361, 372
гӯруқ — см. *қурӯқ*
гурхан (*гурхāн*) 382*, 389, 426, 429, 460, 594
гур-шах (*гӯр-шāх*) 402

дабāқӣ 295*, 296
дабӣр-и хāҫҫ 303
дā'ӣ 271
дайши — см. тайши
далāӣ, далāӣ-и бузург 577*, 578*
данек (*дāнақ*) 263, 270
данишменд (*дāнишманд*), *дāншӯменд* 292, 361, 546
Дань 517
дарāба 299*; см. также: *бāдж, макс*
дарухачи, даругачи (дарухачинь, даругачинь) 468, 469, 534*
да-ши-ма, да-ши-мань — см. данишменд
дергах (*даргāх*) 286, 290, 292, 300, 313, 371
джабгу, ябгу (*джабғӯ, йабғӯ*) 230, 260, 261
джамӯқ 239*
джāндāр 375*, 443
джериб (*джарīб*) 135*
джизья (*джизйа*) 246*
джифт (*джифт, джуфт*) 140, 159, 371
джӯ, джӯй 165*
джубар (*джӯбāр*) 381
дзасак — см. Яса, ясак
диван (*дīвāн*) 286, 288 — 290, 307, 320, 366, 371, 411, 442, 444, 499, 508
дīвāн ад-дāйā' 29
дīвāн ар-расā'ил 69, 289; см. также *дīвāн-и иншā'*
дīвāн-и 'арҙ 443
дīвāн-и иншā' 80, 289; см. также *дīвāн-и расā'ил*
дīмāс 151*
дīн 352
динар (*дīнāр*) 463*, 541*
дирхем (*дирхам*) 217, 262—265, 586
дихкан, дихканы (*дихқāн*) 146, 225, 238, 239, 243, 246—248, 284, 292, 318 335, 585, 601, 602

еке-гурук 573
е-ли-кэ-унь — см. аркаун

зендани (*зандāнӣ*) 286, 463
зиндики (*зиндīқ*) 258
зира' (*ҙирā'*) 135*, 140
зунбиль — см. рутбиль
ҙӯ-н-на'на'а 225*
зуххāд (ед. ч. *зāхид*) 455*

'īд 160
идикут 426, 468*, 472, 483*, 552, 562, 594
иқтā', мн. ч. *иқтā'āт* 298, 370
иқтā'дāр 298*
илек 318*, 336, 338, 343, 361, 362
ильхан 92, 569
имам (*имāм*) 131, 150, 329, 339, 376, 384, 397, 406, 411, 430, 439, 557, 566*
īнджӯ 535, 548, 577*, 578*
ислам (*ислāм*) 81, 103, 112, 234, 235, 246, 248,250, 253, 256, 259, 267, 269, 315—318, 329, 331, 342, 402, 404, 428, 433, 438, 439, 503*, 541, 545, 556, 562, 566, 568, 569, 571*, 585, 589
испехбед (*испахбад*) 127, 421
ихшид (*иҳшīд*) 145, 147, 242, 253, 260, 268*
ишрāф 290
йи 520

каан 533, 534*, 535, 549, , 605; см. также каган, хакан
кабул-шах (*кābул-шāх*) 127
каган 447; см. также каан, хакан
казий (*қāҙӣ*) 87, 250, 288, 291, 339, 380, 384, 442, 480
қā'ида, мн. ч. *қавā'ид* 369

кайтаул — см. кэбтэул
кāм 165*
кама (*кāма*) 137
караван-сарай 233, 298; см. также рабат, *ҳāн*
қарāчӯр 286
карматы 303
кāрҳāне 578*, 582*
кāрҳānехā-йи ҳāçç 583 *
карши 190
касида (*қаçīда*) 308*
қасīсāн (ед. ч. *қасīс*) 556 *
қатī'а 298*
катиб (*кāтиб*) 300
кафиз (*кафāз*) 135*
кāҳ 151
кетхуда (*кадҳудā*) 249, 273, 285, 291
Кеш-кушаны 159
киштибāнāн 231*
кӧк тамға 453
кӧкӧ дэбтэр (цин-цэ) 457 *, 458*
копчур 535
кунсат, кунджат (кысат, кычат) 447*; см. также букаул
қурӯқ (*қурӯг*) 161
курултай 460, 522, 531, 535, 554, 559, 563, 566, 576, 582, 583, 595—597
кушан-шах (*кушāн-шāх*) 147
кыр 204*, 207*
кысат (кычат) — см. кунсат
кышлак 583
кэбтэул, кэбтэут 449*, 501
кэшик (<кэсик<кэзик, кэзэк) 448, 449
кэшиктэн 449

ли 134 *

мавāджиб 298; см. также *пāшегāнī*
мавлā, мн. ч. *мавāлī* 243*, 333
маг, маги 168, 252
макс 299*; см. также: *дарūба*, *бāдж*
мамлюки (*мамлӯк*) 382*
ман 349*
манāшīр ва аҳкāм 300*
махалля (*маҳалла*) 141, 546
марзбан (*марзбāн*) 127, 241*
медина (*мадīна*) 128; см. также шахристан
медресе (*мадраса*) 82, 349, 382, 384, 496, 549
мелик (*малик*) 144*, 206*, 221, 544*
мечеть 159, 248, 282
мильк (*милк*) 413, 443
минбар 234, 541
михраб (*миҳрāб*) 169
мобел (мо-ху-тань) 291
му 536
му'аммā 290*
ал-мубāйиҳа 255; см. также *сапīдджāмегāн*
мударрис 383, 406, 549
муджтахид 438
мулӯк-и атрāф 292*
мулҳам 295
мумарджал 295
мунхī 290; см. также: *çāҳиб-барīд*, *çāҳиб-ҳабар*
мусейяби (*мусайāбī*) 263
муснад 138*
мустауфī 73*, 289, 303*, 442; ср. *çāҳиб-ҳарāдж*
ал-мутавви'а, *ал-мутатавви'а* 273,279*
мутеваллий (*мутавалли*) 549
муфтий (*муфтī*) 292, 406
мухаммеди (*муҳаммадī*) 263
мухтасиб (*муҳтасиб*) 288, 290, 291, 294*, 502
мушириф 288, 290, 442, 598
муэззин (*му'аззин*) 519, 566 *
мюрид (*мурīд*) 441

набī 204*
наиб (*нā'иб*) 565
намаз (*намāз*) 411, 557
нарын (барын-тарыт) 537
насҳī 126
науруз (*наурӯз*) 158
нахр 209*
нисба 81*
нойон 451
номы 455
нукер 569

ойра (цзинь-цзянь) 448
орда (орду) 420, 459, 460, 463, 469, 550—553, 560, 562, 563*, 565, 566*, 567, 568, 573, 578, 596

пайза 555, 564, 596
парвāне 290*

парси (*пāрсӣ*) 113*
пейгу — см. бигу
пāшегāнӣ 298; см. также *бāстегāнӣ*

рабад (*рабāḍ*) 128, 138, 139, 142, 146, 151, 156, 157, 189, 190, 204, 212, 213, 215, 218, 221, 223, 228, 229, 232, 233
рабат (*рибāṭ*) 169, 247, 285, 378
ра'ийят (*ра'āйат*, мн. ч. *ра'āйā'*) 563*, 580*
раҳбāн 295
реис (*ра'ӣс*) 294, 303, 350—352, 383, 389, 390, 418, 419
рибāṭ — см. рабат
рисаля (*рисāла*) 213*
рустак (*рустāқ*) 119*, 131, 144, 502
рутбиль (*рутбāл*), зунбиль (?) 275

савāд 173, 182
саган-худат (*ҫаҕāн-ҳудāт*) 122, 249, 293
садр, садры (*ҫадр*) 390, 418—420, 424, 443, 475, 545, 546,
ҫадр-джахāн, *ҫадр-и джахāн* 390*, 418, 419, 546*
сапāд-джāмегāн 255
ҫаффāр 277
ҫāҳиб-барāд 288, 290; см. также: *ҫāҳиб-ҳабар*, *мунхā*
ҫāҳиб ал-джайш 288*; см. сипехсалар
ҫāҳиб-ҳабар 290, 369; см. также: *ҫāҳиб-барāд*, *мунхā*
ҫāҳиб-ҳарāдж 303*; ср. *мустауфӣ*
ҫāҳиб-ҳарас 286, 287, 369, 375*; см. также *амӣр-и ҳарас*
ҫāҳиб-шурāṭ, *ҫāҳиб аш-шурāṭ* 287—289
сейид (*сайāд*) 406, 430, 480, 571
сикка 279*
сāмгӯн 295
сāнāзā 295
сипехсалар (*сипахсāлāр*) 288, 303, 310, 313, 320, 326, 328, 500
султан (*сулṭāн*) 333, 402, 406, 411, 418, 419, 424, 471, 500, 538
сунна 248
сура (*сӯра*) 248
суфий (*ҫӯфӣ*) 352, 383, 541

тайши (дайши) 458, 518
тамā 534*, 535*
тамга 575
таньма 534*; ср. *тамā*
таньмачи 534, 535; ср. также баскак
тарҕӯ, торгу (ткань) 464, 465
тарҕӯ (подать) 536
тархан 260, 451
тегин 322*
темаджи 534*; ср. таньмачи
теркен — см. *туркāн*
термез-шах (*тирмāз-шāх*) 124*
терса (*тарсā*, мн. ч. *тарсāйāн*) 227, 556*
тāм 228
тойн 455*, 556
торгу — см. *тарҕӯ* (ткань)
ҭу'ма 298*
тургэут (турга'ут, ед. ч. туркак~тургак) 449, 450
туркāн (теркен) 400*
турткуль 199
тыян-наят — см. баят
тэ-ши-мань — см. данишменд
тюмень 458, 474, 487

ӯлāҕ 536
ӯлдӯчи 448*; см. также чэрби
улемы (*'уламā'*, ед. ч. *'āлим*) 83, 123, 140, 200, 351, 397, 430, 569
улуҕ вазӣр 446
улуҕ қӯл 577
улуҕ сулṭāн 431
улус (*улӯс*) 533, 534, 577*, 582
урук (*урӯқ*) 104
устāд 76, 292

факих (*фақāх*) 123, 271, 292, 304, 329, 339, 374, 380, 383, 419
фарсах (*фарсаҳ*) 128
фатā 273; см. также газии
фельс (*фалс*) 263, 265, 343
фетва (*фатвā*) 380, 439, 445
фидаи (*фидā'ӣ*) 439
фиқх 54, 352
ал-фурāниқ 290*

хабль (*ҳабл*) 140
хадж (*ҳāдж*) 267, 376, 419
хаджиб (*ҳāджиб*) 286, 287, 303*, 301, 332, 341, 388, 428, 431, 448*
ҳāджиб-и бузург 286
ҳāджиб-и ҳāҫҫ 303*
ҳāджиб ал-худжжāб 286

хадис (*хадӣс*) 59, 61, 62, 149, 185, 438
хāзин, хазāнедāр 289
хайль-баши (*хайл-бāшӣ*) 286
хакан (*хāкāн*) 92*, 248, 260, 317; см. также: каан, каган
хаким (*хāким*) 147*, 291, 514
халандж 295
халиф (*халīфа*) 146, 150, 242, 256, 257, 270—272, 278, 285, 287, 292, 298, 299*, 319, 328, 376,406, 411—413, 437—439, 467, 538, 546, 555, 562*, 569, 601
халīфат ад-дāр 359
хаммāм 151*
хан (*хāн*), титул 89, 90, 93, 100, 102, 213, 244, 245, 259, 315, 316, 319, 344, 372, 373, 376, 377, 380, 381, 382*, 392, 396, 447, 448, 451, 531, 532, 550, 551, 561, 563, 577, 581, 583, 595, 602
хāн, гостиница 194, 246; см. также караван-сарай
ханках (*хāнқāх*) 383, 571
харадж (*харāдж*) 133, 246—248, 250, 262*, 289
харас 287
хāсиб, мн. ч. *хуссāб* 289
хāççе 577*, 578*
хатиб (*хатīб*) 292, 300, 327—329, 406, 418, 419
хāтӯн 282*
хауз (*хауз*) 155, 218
хашам 372
химйарӣ 138*
хиçн 405*
ходжа-йи амид (*хᵉāджа-йи ʿамīд*) 289
ходжа-йи бузург (*хᵉāджа-йи бузург*) 288
хола (юань-цзянь) 448
хорезмшах, хорезмшахи (*хᵉāразм-шāх*) 199, 200, 202, 293, 341, 359, 368, 386*, 387, 402, 411—413, 441, 442, 467, 484, 495, 591, 602, 603
хорчи 447, 448*, 449, 450
хутба (*хутба*) 266, 279, 281, 302, 307, 332, 337—339, 359, 369, 379, 391, 398, 399, 406, 408, 412, 417, 420, 422, 437, 439, 440, 546, 562*, 573, 590, 594
хутталян-шах (*хутталāн-шāх*) 293
хуту (*хутувв*) 333*, 464

цзинь-цзянь — см. ойра
цин-цэ — см. кökö дэбтэр

чакир — см. шакир
чӯбдāр 287
чэрби 447—449

аш-шāқ, аш-шāф 295
шакир (*шāкир*), чакир (*чāкир*) 238, 241
шариат (*шарīʿат*) 496, 539, 562
шах (*шāх*) 293
шаханшах (*шахāншāх*) 284*
шахāд 418
шāх-рāх 148
шахристан (*шахристāн*) 128, 129, 135, 136, 138, 140, 146, 151, 152, 157, 158, 160, 189, 190, 212, 213, 215, 218, 221, 223, 224, 228, 229, 232—234, 243, 481*; см. также медина
шейх, шейхи (*шайх*) 59, 62, 81, 82, 99*, 100, 104, 107, 250, 300, 308*, 316, 326, 331, 339, 351, 373, 374, 441, 475, 602
шейх ал-ислам (*шайх ал-ислāм*) 292, 480, 555
шер-хутталян (*шēр-хутталāн*) 293
шурат, ед. ч. *шурта* 287*

эгудэньчи 449
эмир (*амīр*) 118, 132, 200, 234, 285, 288, 292, 293, 314, 315, 322, 324, 333, 338, 365, 397, 428, 499, 522, 546, 548, 568, 569, 574, 575, 580, 596

юань-цзянь — см. хола
юань-шуай — см. ваншай
югур 404, 434
юрт 395, 459, 559, 573, 580, 582; см. также орда
юртчи 448

ябгу — см. джабгу
яйлак 583
ялавач 463*
ям 536, 537
яргучи 458, 559
ярлык 481, 548, 555, 559, 564, 565*, 580, 596
Яса, ясак 89, 103, 453, 457, 458, 529, 532, 538*, 539*, 559, 561, 569, 583

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

ʿАбдуллā-нāме Хафиз-и Таныша 120*, 160*, 378*, 460*

ʿĀламāрā-йи Нāдирā Мухаммед-Казима 120*

Алтан-дэптэр 92

«Аноним Искендера» <Муʿин ад-дина Натанзи> 103*, 105; ср. *Мунтаҳаб ат-тавāрӣх-и Муʿинӣ*

«Аноним Шахруха» 103*

ʿАрāда фӣ-л-ҳикāйат ас-салджӯкӣйа Мухаммеда ал-Хусейни 76*

Бāбур-нāме 218*

Байāн ал-адйāн Абу-л-Маʿали Мухаммеда б. Убейдаллаха 72

Бахджат ат-тавāрӣх Шукраллаха Зеки 63

Баҳр ал-асрāр фӣ манāқиб ал-аҳйāр <Махмуда б. Вели> 376*

«Блеск летописей» Абу-л-Футуха Береката б. Мубарека — см. *Ламʿ ат-тавāрӣх*

«Большая книга Синдбада» Мухаммеда ас-Самарканди 63

Вақф-нāме 190*

«Введение» Ибн Халдуна 48

«Великая Яса» Чингиз-хана 89

«Всемирная история» Ибн Халдуна 48

«Границы мира» — см. *Ҳудӯд ал-ʿāлам*

Джавāмиʿ ал-ҳикāйāт ва лавāмиʿ ар-ривāйāт Ауфи 63*, 83

Джāмиʿ ат-тавāрӣх Рашид ад-дина 92*, 94—96, 98

Джāмиʿ ал-ʿулӯм Фахр ад-дина Рази 78

Джахāн-нāме Мухаммеда Бекрана 83

Дīвāн луғāт ат-турк Махмуда Кашгарского 83*, 317*, 341, 380*

«Добрые дела Тахиридов» Абу-л-Касима Балхи 56

«Жемчужина времени относительно достоинств современников» Саʿалиби 53

«Жизнеописание султана Джелаль ад-дина Мангуберти» Несеви 86

Зайл-и Джāмиʿ ат-тавāрӣх Хафиз-и Абру 104*

Зайл-и Зафар-нāме Хафиз-и Абру 105*

Зайн ал-аҳбāр Гардизи 66

Зафар-нāме Низам ад-дина Шами 102*, 111

Зафар-нāме Шереф ад-дина Йезди 102, 234*

«Зеркала райских садов относительно познания человеческих событий» Яфиʿи 99*

Зайдж-и ильхāнӣ Насир ад-дина Туси 87, 427*

«Золотая книга» — см. *Алтан-дэптер*

«Золотые луга» Масʿуди — см. *Мурӯдж аз-захаб*

Зубдат ан-нуҫра ва нухбат ал-ʿуҫра Бундари 74

Зубдат ат-тавāрӣх Кашани 95*

Зубдат ат-тавāрӣх Садр ад-дина Хусейни 74, 75*

«Избранная история» Хамдаллаха Казвини — см. *Таʾрӣх-и гузīде Иншāʾ* 79*

«Искание доступа к деловым сношениям» Мухаммеда Багдади — см. *ат-Тавассул илā-т-тарассул*

«Испытания народов» Ибн Мискавейха 78

«История Армении» Киракоса Гандзакского 84*

«История Бейхака» — см. *Таʾрӣх-и Бейхақ*

«История Бухары» Абу Бекра Мансура Берсахи 60
«История Бухары» ал-Гунджара 60
«История Бухары» Нершахи 59; см. также *Та'рӣх-и Нершахӣ*
«История Гиляна и Дейлема» — см. *Та'рӣх-и Джӣл ва Дайлам*
«История династии Тан» 47
«История династии Юань» — см. *Юань-ши*
«История завоеваний» Балазури 50
«История завоевателя мира» Джувейни — см. *Та'рӣх-и джахангушӣй*
«История испанских мусульман» Р. Дози 607
«История монголов» д'Оссона 108, 605
«История монголов» Г. Ховорса 606
«История народа стрелков (монголов)» Григория Акнерци 84*
«История Нишапура» Бейи' 78*, 143*
«История правителей Хорасана» Селлами 55
«История религиозных и философских учений» Ибн Хазма — см. *Китӣб ал-милал ва-н-ниҳал*
«История рода Чингиза» Мухаммеда Ташкенди 100
«История Самарканда» Абу Са'ида Абд ар-Рахмана ал-Идриси — см. *Китӣб ал-икмӣл ли ма'рифат ар-риджӣл*
«История Самарканда» Мустагфири 61
«История Самарканда» Несефи — см. *Китӣб ал-қанд фӣ та'рӣх Самарқанд*
«История Сельджукидов» Хатуни — см. *Та'рӣх-и Ӣл-и Сельджӯқ*
«История Туркестана» Медж ад-дина Мухаммеда б. Аднана 63
«История Улджэйту» Кашани 94
«История халифов» Г. Вейля 607
«История халифов» Ибн Исхака 49
«История Хитая» Меджд ад-дина Мухаммеда б. Аднана 63
«История Хорезма» Бируни 66
«История четырех улусов» Улугбека — см. *Та'рӣх-и арба' улӯс*
«История Чингиз-хана» Пети де ля Круа 605

Қанд (Қандийа) — см. *Китӣб ал-қанд фӣ та'рӣх Самарқанд*

Ал-Қӣфӣ Абу Ахмеда б. Са'ида ал-Кади 62
Қиҫаҫ-и ҫӣнӣ Абу-л Хасана Хейсама б. Мухаммеда Наби 77
Китӣб ал-ансӣб Сам'ани 81
Китӣб билӣд Джурджӣнийа Хамзы Исфахани 79*
Китӣб ал-вузарӣ' Ибн Макулы 55*
Китӣб 'ибрат ӯлӣ-л-абҫӣр Исма'ила б. Ахмеда б. ал-Асира 438*
Китӣб ал-икмӣл Ибн Макулы 55*
Китӣб ал-икмӣл ли ма'рифат ар-риджӣл Абу Са'ида Абд ар-Рахмана ал-Идриси 61
Китӣб ал-қанд фӣ та'рӣх Самарқанд Несефи 61, 143*, 187
Китӣб-и Коркуд 317*
Китӣб ал-қунӣй 271
Китӣб ал-милал ва-н-ниҳал Ибн Хазма 72
Китӣб-и Муллӣ-зӣде Му'ин ал-фукара 107, 108*, 376, 381*, 382, 384*, 389, 390*
Китӣб ал-мунтаҙам Ибн ал-Джаузи 62*
Китӣб ат-тавассул — см. *ат-Тавассул*
Китӣб ат-тӣдж фӣ даулат ад-Дайлам Абу Исхака Ибрахима б. Хилаля 53
Китӣб таджзӣйат ал-амҫӣр ва тазджӣйат ал-а'ҫӣр Вассафа — см. *Та'рӣх-и Ваççӣф*
«Книга анекдотов о Кутейбе б. Муслиме» Мадаини 49
«Книга известий об Омейядах» Али б. Муджахида 49
«Книга молний о жизни царей и их истории» Са'алиби 64
«Книга о везирах» Ибн Макулы — см. *Китӣб ал-вузарӣ'*
«Книга о завоеваниях в Хорасане» Мадаини 49
«Книга о победе» Шереф ад-дина Йезди — см. *Ҙафар-нӣме*
«Книга о правлении Асада б. а ал-Касри» Мадаини 49
«Книга о правлении Насра б. Сейяра» Мадаини 49
«Книга о соперничестве людей Кеша и Несефа» Версини 61

«Книга о хорасанской подати» Хафса б. Мансура Мервези 51
«Книга об арыках» — см. *Китāб ал-қунāй*
«Книга об управлении государством» Низам ал-мулька — см. *Сийāсат-нāме*
«Книга, прославляющая генеалогии в родословном древе монгольских султанов» 104
«Книга путей и государств» Джейхани 57
«Книга собрания генеалогий персов и их колоний» Ибн Хордадбеха 58
«Книга совершенствования» Ибн Макулы — см. *Китāб ал-икмāл*
«Книга разделения областей и прохождения времен» Вассафа — см. *Та'рāх-и Ваççāф*
«Книга райских садов относительно достоинств города Герата» Исфизари 106
«Книга родословий» Сам'ани — см. *Китāб ал-ансāб*
«Книга сына муллы» Му'ин ал-фукара — см. *Китāб-и Муллā-зāде*
Коран 477
«Краса летописей» — см. *Бахджат ат-тавāрāх*
Кутадгу билиг 374, 386*

Лам' ат-тавāрāх Абу-л-Футуха Берекята б. Мубарека б. Исма'ила 73
Латā'иф ал-ма'āриф Са'алиби 54*
«Летопись добрых дел» Мусеви — см. *Та'рāх-и хайрāт*
Лисāн ал-мāзāн Ибн Хаджара 61*
Лубāб ал-албāб Ауфи 73*, 418*, 428*

Маджма' ал-ансāб Шебангараи 94
Маджма' ат-тавāрāх Хайдера Рази — см. *Та'рāх-и Хайдарā*
Маджмӯ'а Хафиз-и Абру 104*
Мазāд ат-та'рāх фā ахбāр Хорāсāн Абу-л-Хусейна Мухаммеда б. Сулеймана 56*, 312*
Малик-нāме (*Мулӯк-нāме*) 76
Манāқиб ал-атрāк Джахиза 255*
Манāқиб аш-шу'арā' Абу Тахира Хатуни 73
Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн Абд ар-Раззака Самарканди 105
Мафāтāх ал-'улӯм Абу Абдаллаха Мухаммеда Хорезми 53*, 290*, 299*, 609
Машāриб ат-таджāриб ва ғавāриб ал-ғарā'иб Абу-л-Хасана Бейхаки 78
«Места освежения „Испытаний" и верх „Удивительных вещей"» Абу-л-Хасана Бейхаки — см. *Машāриб ат-таджāриб ва ғавāриб ал-ғарā'иб*
«Место восхода двух счастливых созвездий и место соединения двух морей» Абд ар-Раззака Самарканди — см. *Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн*
Мифтāх Абу Я'куба ас-Секкаки 543*
Му'джам ал-булдāн Якута 82
Му'джам аш-шуйӯх ал-Алма'и 64
Муджмал ат-тавāрāх ва-л-қиçаç 72, 393*
Муджмал-и Фаçāхā Фасиха ал-Хавафи 104
Мукāтибāт-и Рашīдī Рашид ад-дина 96*
Мулӯк-нāме — см. *Малик-нāме*
Мунтахаб ат-тавāрāх-и Му'инī Му'ин ад-дина Натанзи 103*
Мурӯдж аз-захаб Мас'уди 49
Мухтаçар эмира Ходженди 100
Мэн-да бэй-лу Мэн Хуна (Чжао Хуна) 84*, 85*, 458*

«Насировы таблицы» Джузджани — см. *Табақāт-и Нāçирī*
Нафçат ал-маçдӯр Несеви 86*
«Нравы государей» Низам ал-мулька — см. *Сийар ал-мулӯк*
Нузхат ал-қулӯб Хамдаллаха Казвини 99, 211*
Нуçрат ал-фатра ва 'уçрат ал-фитра Имад ад-дина Исфахани 74

«О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингиз-хане и Тамерлане» М. И. Иванина 112*
«О династии Аббасидов и о хорасанских эмирах» Сельмуи (Сельмавейха) 164

«Объяснение религий» Абу-л-Ма'али — см. *Байан ал-адйан*
«Оглавление наук» ан-Недима —см. *Фихрист ал-'улум*
«Описание мира» Мухаммеда Бекрана — см. *Джахан-наме*
«Опыт истории ислама» Р. Дози 607
«Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего» Н. И. Веселовского 386*

«Персидская хрестоматия» («Chrestomathie persane») Ш. Шефера 83
«Помощь в усталости и убежище созданий» Имад ад-дина Исфахани — см. *Нусрат ал-фатра ва 'усрат ал-фитра*
«Правильно распределенная история» Имади — см. *Та'рйх-и муджадвал*
«Правители и судьи Египта» Кинди 267*
«Предметы гордости Хорасана» Абу-л-Касима Балхи 56
«Прекраснейшая дева замка и памятная записка эпохи» Имад ад-дина Исфахани — см. *Харидат ал-каср ва джаридат ал-'аср*
«Прибавление к словарю *Сурах*» Джемаля Карши 100
«Примеры строгости при случайностях управления» Мухаммеда Самарканди 63

Рауҙат ас-сафа' фи сйрат ал-анбийа' ва-л-мулук ва-л-хулафа' Мирхонда 106
Рауҙат ўли-л-албаб фи таварйх ал-акабир ва-л-ансаб Бенакети 97
Рахат ас-судур ва айат ас-сурур Равенди 75, 76*, 379*
Рисала фи фада'ил ал-атрак Джахиза — см. *Манакиб ал-атрак*
«Родословное древо тюрков» — см. *Шаджарат ал-атрак*

«Сад для одаренных умом людей относительно летописей вельмож и генеалогий» Бенакети — см. *Рауҙат ўли-л-албаб фи таварйх ал-акабир вал-ансаб*
«Сад летописей» Ибн Му'ина — см. *Фирдаус ат-таварйх*
«Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов» Мирхонда — см. *Рауҙат ас-сафа' фи сйрат ал-анбийа' ва-л-мулук ва-л-хулафа'*
Самарийа Абу Тахира-ходжи 143 *
«Сахарная книга об истории Самарканда» Несефи — см. *Китаб ал-канд фи та'рйх Самаркканд*
«Сборник анекдотов и блестящих рассказов» Ауфи — см. *Джавами' ал-хикайат*
«Сборник летописей» Рашид ад-дина — см. *Джами' ат-таварйх*
«Свод летописей и рассказов» — см. *Муджмал ат-таварйх ва-л кисас*
Сельджук-наме Захир ад-дина Нишапури 76
Сийар ал-мулук Низам ал-мулька 71*; см. также *Сийасат-наме*
Сийасат-наме Низам ал-мулька 71, 99, 287 *
«Сливки книги „Помощь" и выбор из книги „Убежище"» Бундари — см. *Зубдат ан-нусра ва нухбат ал-'усра*
«Сливки летописей» Кашани — см. *Зубдат ат-таварйх*
«Сливки летописей» Садр ад-дина Хусейни — см. *Зубдат ат-таварйх*
«Сливки летописей» Хафиз-и Абру 105
«Словарь шейхов» ал-Алма'и — см. *Му'джам аш-шуйўх*
«Собрание генеалогий» Шебангараи—см. *Маджма' ал-ансаб*
«Собрание знаний» Фахр ад-дина Рази — см. *Джами' ал-'улум*
«Сокращенный сборник» эмира Ходженди — см. *Мухтасар*
«Сокровенное сказание о монголах» — см. *Юань-чао би-ши*
«Сокровищницы наук» Абу-л-Хасана Нишапури 60

Таба'и' ал-хайван Шереф аз-замана Мервези 348*
Табакат-и Насири Джузджани 66*, 77, 86

ат-Тавассул илā-т-тарассул Багдади 80
Тāдж ал-ʿарӯс 135*
Тāдж ал-маʾāṣир Садр ад-дина Низами 416*
Тазкират ал-аулийāʾ Ферид ад-дина Аттара 126*
Таʾрāх-и Āл-и Сельджӯқ Абу Тахира Хатуни 73
Таʾрāх-и Āл-и Сельджӯқ Кифти 76
Таʾрāх-и арбаʿ улӯс Улугбека 89*, 105
Таʾрāх-и Бейхақ Абу-л-Хасана Бейхаки 68*, 78*, 313*
Таʾрāх-и Бейхақī Абу-л-Фазла Бейхаки 68*, 70, 349*
Таʾрāх-и Ваççāф Вассафа 97*
Таʾрāх-и Ғāзāнī Рашид ад-дина 94, 96*; см. также *Джāмиʿ ат-тавāрāх*
Таʾрāх-и гузīде Хамдаллаха Казвини 80*, 98, 439*
Таʾрāх-и джахāнгушāй Джувейни 77, 87
Таʾрāх-и Джāл ва Дайлам 53
Таʾрāх ал-Йаманī Утби 64, 65, 78*, 162*
Таʾрāх-и муджадвал Абу-л-Касима Мухаммеда б. Али Имади 70
Таʾрāх-нāме-йи Харāт Сейфи ал-Хереви 106*
Таʾрāх-и Нершахī 65, 84
Таʾрāх-и Систāн 308*
Таʾрāх-и Хайдарī Хайдера Рази 84
Таʾрāх-и хайрāт Мусеви 103*, 105, 277, 280, 392*, 399
Таʾрāх-и хорезмшāхī Садр ад-дина 79
«Украшение известий» Гардизи — см. *Зайн ал-ахбāр*
«Упадок времени министров и министры времени упадка» Ануширвана б. Халида Кашани 73
«Услада сердец» Хамдаллаха Казвини — см. *Нузхат ал-қулӯб*
«Успокоение сердец и знамение радостей» Равенди — см. *Рāхат аç-çудӯр ва āйат ас-сурӯр*

Фарāд ат-таʾрāх — см. *Мазāд ат-таʾрāх*
«Фасихов свод» Фасиха ал-Хавафи — см. *Муджмал-и Фасīхī*
Фирдаус ат-тавāрāх Ибн Муʿина 103
Фихрист ал-ʿулӯм ан-Недима 48, 49, 72, 301

Хабāб ас-сийар Хондемира 105
Харāдат ал-қаçр ва джарāдат ал-ʿаçр Имад ад-дина Исфахани 74
Худӯд ал-ʿāлам 58*, 115*, 118*
Хэй-да ши-люе 85

«Царская книга» — см. *Малик-нāме*
Цэ фу юань гуй 241*

Шаджарат ал-атрāк 106
Шэн-у цинь-чжэн лу 85*, 93

Юань-чао би-ши 90*, 458, 482, 483*, 490, 500*, 502*,
Юань-ши 39, 91, 92, 93, 427* 435*, 460*, 469*

«Zur Geschichte und Chronologie von Khwârizm» К. Э. Захау 66

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии по изданию «Сочинений» академика В. В. Бартольда
Академик В. В. Бартольд (биографическая справка) 1
Предисловие 2
Предисловие автора к первому русскому изданию 1900 г. 3

Туркестан в эпоху монгольского нашествия

Введение. Источники 4
I. Домонгольский период 4
II. Монгольское нашествие 8
III. Пособия 10
Глава I. Географический очерк Мавераннахра 11
Глава II. Средняя Азия до XII века 23
Глава III. Кара-китаи и хорезмшахи 38
Глава IV. Чингиз-хан и монголы 44
Глава V. <Туркестан под владычеством монголов (1227—1269 гг.)> . . . 53
Хронологический обзор событий 58

Приложения

1. Тезисы диссертации «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» 60
2. Речь перед защитой диссертации 60

Библиография

Сокращения (периодические издания, серии, сборники, названия учреждений) 61
1. Источники 61
А. Сборники и хрестоматии 61
Б. Рукописи и издания отдельных источников 61
2. Исследования и справочные издания 64

Указатели

Имена 69
Географические и топографические названия 71
Этнические названия 74
Термины 75
Названия сочинений 75

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
93	11 снизу	[2]Согласно	[2]<Согласно
122	«	خغان رود	جغان رود
136	1 снизу	لبا بكسى	البابكسى
144	6 снизу	فىّ не,	فىّ, не
174	20 снизу	البنكنى	البنكتى
175	7 снизу	الغورحكى	الغورجكى
176	9 снизу	الزبغدواى	الزبغدوانى
176	2 снизу	الزندرميثنى	الزندرميثنى
177	11 сверху	الايذبى	الايذجى
179	8 сверху	Мезренк н	Мезренкен
247	7 снизу	سرى	القسرى
299	8 снизу	الحازن	الخازن
325	1 снизу	[7]Изд. Морлея, 893	[7]Изд. Морлея, 803; <изд. Гани—Фейяза, 640>.
341	16 снизу	*Дӣвʿн луғʿт*	*Дӣвӑн луғӑт*
365	2 снизу	طفل	طغرل
441	7 снизу	ذبم	نجم
473	2 сверху	досточно	достаточно
483	2 снизу	نويال	نويان
483	1 снизу	تاينان	تاينال
488	1 снизу	И. А. Малеина	А. И. Малеина
529	6 снизу	غول را	مغول‌را
542	11 сверху	واخرام	واجرام
567	7—8 снизу	всех младенцев	всех, даже младенцев
575	1 снизу	<Рашид ад-дин	[3]<Рашид ад-дин
580	14 сверху	Сын Мубарек-шаха	Сам Мубарек-шах
580	14 снизу	شكر	لشكر
673	13 сверху	*Aḥmedz*	*Aḥmed.*
673	21 снизу	*des Ṣaffāriden*	*der Ṣaffāriden*
674	10 сверху	1905—1912	1905—1934
681	23 сверху	*Melioranskÿ*	*Melioranskij*
681	20 снизу	*géographique*	*géographiques*